

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 05929360 9

Cellar
14A7

* QCA

*QCA

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ, ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕН-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ и МОДЪ.

Ἐμοὶ δὲ τί κείχρον, τοῦς ἑτέροις μὴ δύνασθαι περὶ
ἐμοῦ τὰ δίκαια μῆτε γινῶναι μῆτε ποιῆσαι; Ὅρω
δ' ἔγωγε καὶ τὴν δόξαν τῶν προγεγονότων ἀνθρώπων
ἐν τοῖς ἐπιγεγομένοις οὐχ ὁμοίαν καταλιπεμένῃ τῶν
τε ἀδικησάντων καὶ τῶν ἀδικηθέντων.

Socrat. apud Xenophont.

ТОМЪ Сорокъ-Осьмой.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1841.

253605
P

253605

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

то есть, чтобы не отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ упомянутое
число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 1841 года, августа 30 дня.

Профессоръ А. Фрейгантъ.
Профессоръ А. Ошанинъ.

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

МОЛИТВА.

Господь ! Господь ! дай разумъ мнѣ,
Но положи ему границы !
Ты держишь звезды въ вышинѣ,
Ты водишь по небу зарницы :
Веди меня Твоимъ путемъ !
Да мирно къ берегу пристану,
Да я, земнымъ своимъ умомъ,
Небесъ допранивать не стану.
Отъ буйныхъ думъ, отъ гордыхъ думъ
Ты охрани Свое созданье,

Чтобъ испытующій свой умъ
 Смирила я на послушанье.
 Дай грани Самъ душѣ моей
 И въ часъ надеждъ и въ день печали,
 Какъ Ты сказалъ волннть морей :
 « Вотъ берегъ вамъ : ни жагу даль !

В. А.....ВА.

ПОЭТЬ.

Не тотъ поэтъ, кто зналъ лишь жизни счастье,
 Не испытавъ душевнаго ненастья,
 И кто поэтъ не для себя ;

Не тотъ поэтъ, кто, въ шумномъ вихрь свѣта,
 Скользитъ межъ дамъ по зеркалу паркета,
 Срывая съ струнъ блестящій звонъ,

Кто чувствами и лирой и душою
 Дѣлится радъ съ бессмысленной толпою,
 И пѣсни ей свои дарить :

Нѣтъ ! мой поэтъ далекъ отъ оболъщенья
 Мірскихъ забавъ : онъ другъ уединенья,
 Онъ жизнію иной живетъ.

Онъ не бѣжитъ за вѣтреною славой,
 Страстей земныхъ предъ суетной державой
 Не клонитъ головы своей :

Жрецъ истины, дитя природы дикой,
Онъ только имъ въ душѣ своей великой
Нерукотворный зиждетъ храмъ.

Бесѣдуя съ небесными громами,
Паря умомъ надъ міромъ и въками,
Онъ твердъ и самъ собой могучъ....

Вотъ мой поэтъ!.... Но здѣсь, во тьмѣ глубокой,
Не существуетъ онъ, мой идеалъ высокой:
Увы! ему здѣсь мѣста нѣтъ!

Въ обители зенитра, межъ звездами,
Осыпанный превѣчными лучами,
Онъ светлою звездой горитъ.

Е. М....ВА.

1838.

МОГИЛА ЛЮБВИ.

Въ груди у юноши есть гибельный вулканъ:
Онъ пышетъ. Міръ любви подъ пламенемъ построенъ.
Чредой прошли года, Везувій успокоенъ,
И въ пепелъ погребенъ любовный Геркуланъ.
Подъ грудой лавы спятъ мечты, тоска и ревность;
Кипѣвшій жизнью міръ — теперь съдая древность,
И память наконецъ, какъ хладный рудокопъ,
Врываясь въ глубину, среди развалинъ бродитъ,
Могилу шевелитъ, откапываетъ гробъ,
И мумію любви нетлѣвную находитъ.

У мертвой на чель отънки грезь лежать ;
 Есть прелести еще въ чертахъ оцъпенныхъ ;
 Въ очахъ угаснувшихъ блестятъ
 Остатки слезъ окаменныхъ.

Изъ двухъ вѣнковъ, ей брошенныхъ въ удѣлъ,
 Одинъ давно исчезъ, другой всё свѣжъ, какъ новый :
 Вѣнокъ изъ розъ давно истлѣлъ,
 И лишь одинъ вѣнокъ терновый
 На вѣчныхъ язвахъ уцѣлѣлъ.

Вотще и ласки дѣвъ и огненные пѣсни
 Почившей говорятъ : «Возстань ! изыди ! воскресни !»
 Ее не оживятъ ни силы женскихъ чаръ,
 Ни взоръ прельстительный, ни устъ коварныхъ лепеть,
 И электрическій ударъ
 Въ ней возбудить, не огонь и жаръ,
 Но только судорожный трепеть.

Кругомъ есть надписи ; по тщетно жадный умъ
 Покрывшую ихъ пыль сметаетъ и тревожитъ,
 Напрасно ихъ грызетъ и гложетъ
 Жельзный зубъ голодныхъ думъ,
 Когда и сердце ихъ прочесть уже не можетъ !
 И факель уронивъ, и весь проникнуть мглой,
 Кривляясь въ бышенствѣ предъ спящею богиней,
 Въ безсилъ жалкомъ, разумъ злой
 Кошунствуетъ надъ древною святыней.

ВЕНЕДИКТОВЪ.

БРАТЯ БЛИЗНЕЦЫ.

На Руси, во дни былые,
 Родились два близнеца,
 Два наездника лихих,
 Два могучіе бойца.
 Ихъ обширныя владѣнья
 Не сошлись въ одинъ конецъ :
 Берегъ озера Ильмена
 Взялъ себѣ одинъ боецъ ;
 А другой широкой грудью
 Русь отъ Нѣмцевъ заслонилъ,
 Предъ Литвою и предъ Жмудью
 Мечъ тяжелый положилъ,
 И сказалъ имъ : « Какъ замѣчу
 « Васъ за этимъ рубежомъ,
 « Не винить меня за встрѣчу,
 « Не пѣнять, друзья, потомъ !
 « Не вина, не жирной каши
 « Поднесу моимъ гостямъ :
 « Напою васъ кровью вашей,
 ∴ « На обѣдъ вамъ трупы дамъ ! »

И привольно братья жили
 На родныхъ своихъ поляхъ ;
 Все рядили и судили
 Не въ чужихъ, въ своихъ судахъ.
 Ихъ Ордынцы не страшили :
 Оградясь стальнымъ мечомъ,
 Братья въ степи не ходили
 Хану рабски бить челомъ.
 Покажись прѣтухъ нѣмецкій,
 Только свистнетъ старшій братъ,

Какъ на посвистъ молодецкій
 Въ мигъ орлята шажетять.
 Смотришь : по небу несется
 Пылушный хвостъ и пухъ,
 И на родину вернется
 Весь опцпанннй пытухъ.
 Иногда Литвинъ спъевннй
 Братевъ звалъ на грозннй бой ;
 Но всегда боець кичливнй
 Со стыдомъ бжалъ домой,
 Да и Шведу ихъ знакома
 Богатырская рука,
 И теперь отъ перелома
 Страждутъ польскіе бока.

Грозннмъ гнвомъ властелвна
 Распалнлась Москва,
 И на гордыхъ шлетъ дружны
 Царства Русскаго глава.
 Завязался бой кровавнй,
 Рукопашннй, страшннй бой,
 И Москва покрылась славой :
 Братья пали предъ Москвой !
 Передъ ней не устояли
 Два могучіе бойца ;
 Побжденные, признали
 Власть московскаго внца !

Пленены два грозннхъ брата,
 Ослабля ихъ рука.
 Доли сладостной утрата
 Сердцу гордому тяжка.
 Братья подвнгъ свой свершили ;
 На покой своимъ врагамъ,
 Мечъ булатннй положили
 Къ побдителя ногамъ.

Съ той поры явнецъ кровавый
 Снять съ главы лихихъ бойцовъ ;
 Но сіяютъ вѣчной славой
 Братья Новгородъ и Исковъ.
 Благодарные потомки
 Ихъ слезой своей почтутъ,
 И заветные обломки,
 Какъ святыню, сберегутъ.
 Пусть вѣка одеждой тлѣнья
 Кроютъ прахъ лихихъ бойцовъ ;
 Но родныя школьня
 Не забудутъ близнецовъ !

Н. ТРЕТЬЯКОВЪ.

Я ЛЮБЛЮ.

Я люблю, я люблю.... но не дѣву люблю :
 Я люблю невестественный призракъ.
 Жизни здѣшней въ немъ нѣтъ ; онъ не дышетъ какъ мы :
 Онъ небесною жизнію дышетъ.
 Ночь покровомъ своимъ осѣнитъ небеса,
 Онъ ко мнѣ прилетаетъ съ улыбкой ;
 Но лишь утра зарей обольется земля,
 Онъ меня покидаетъ съ тоскою.
 Очарованъ я имъ, пришлецомъ неземнымъ,
 Его видомъ прекраснымъ и гордымъ....
 Какъ величественъ онъ, этотъ милый мой гость,
 Этотъ чудный, таинственный призракъ !

Его очи блестятъ, его очи горятъ,
 Словно звѣзды на лонѣ небесномъ ;
 Но они леденятъ мою жаркую кровь
 Неподвижнымъ, задумчивымъ взглядомъ.
 И, ласкаясь къ нему, я порою боюсь
 Прикоснуться къ рукъ его блѣдной :
 Что-то странное въ немъ, врозь воли меня
 То влечетъ, то опять удаляетъ.
 На лобзанья мои, на привѣты мои
 Отвѣчаетъ онъ жаркою лаской ;
 Но ни слова онъ мнѣ, изъ таинственныхъ устъ,
 Никогда, никогда не промолвитъ.
 Разставаясь со мной, въ безъизвѣстную даль
 Онъ зоветъ меня мчаться отсюда ;
 Но нѣтъ силъ у меня : я за нимъ не могу
 Улетѣть въ неземную обитель.

Кто же онъ ? кто же онъ, этотъ тайный мой другъ,
 Что мнѣ ласки свои расточаетъ ?
 Я не вижу ли въ немъ, въ пришлецѣ неземномъ,
 Моей матери чистую душу ?

с.

ПРОЗА.

ЭВЕЛИНА ДЕ-ВАЛЬБЕРОЛЬ.

РОМАНЪ Н. В. КУКОЛЬНИКА.

VII.

РЕТИРАДА.

J'ai vu le chat brûlé à la patte subtile
Ravir des mains d'autrui le paquet amoureux ;
Mais on ne diroit pas qu'il fût sans croix ni pile,
Car il porte la croix et il pille de mieux.

• J'ai vu, qu'a tu vu. • 1616.

ГЛАВА ШЕСТИДЕСЯТАЯ.

Кареты.

Гойко и три *несмышлы* жида проходили через мостъ рюальскаго замка. За ними медленно подвигался отрядъ Каталонцевъ на лошадяхъ, съ капитаномъ Тромбарой. Освобожденные изъ рукъ вѣрной смерти, жида шли весело, но Гойко оглядывался и почесывался.

— Что съ тобой, Самуэль? спрашивали спутники.

— Да не гладно : за нами посланы вотъ эти усачи каталонскіе !

— Что за вздоръ ? почти вскрикнулъ Ефраимъ.

— Да ужъ вѣрьте, цыпята, яльмуху, сказалъ Гойко, намѣкая на прозвище своего маркизата. Постоите!.... Замокъ не далеко. Видно, не приказано насъ трогать у замка.... Назадъ !

— Что ты это, Гойко?.... съ ума сошелъ !

— Говорю за мной ! отвѣчалъ Гойко рѣшительно, и шибко пошелъ на встрѣчу Тромбаръ.

Отрядъ остановился.

— А-га ! такъ и есть ! шопотомъ сказалъ Гойко, и, стараясь закрыть лицо, пробирался въ замокъ.

Жида невольна за нимъ слѣдовали.

— Куда ? спросилъ Тромбара.

— Забыли кое-что въ замкѣ. А вы куда, капитанъ ? Если въ Парижъ, обождите пять минутъ : и мы съ вами. Вы въ Парижъ не за дѣломъ, поѣдете шажкомъ : такъ всё-таки безопаснѣе съ военными людьми.

— Пожалуй, пожалуй!... и намъ будетъ веселье ! сказалъ Тромбара съ глупой улыбкой. Только проворнѣе. Мы васъ обождемъ.

— Деждайся ! проворчалъ Гойко, и взошелъ на главный дворъ рюэльскаго замка.

— А что ? сказалъ онъ, обращаясь къ товарищамъ : не угадалъ ?

Блѣдные жида тряслись какъ листья и пищали : — Самуилъ, Самуилъ ! что съ нами будетъ ?

— Тутъ безопасно ! подумаемъ ! отвѣчалъ Гойко, и присѣлъ на цѣпи у крылечныхъ балясъ.

— Сходи опять къ кардиналу, сказалъ Ефраимъ.

— Дурачье ! Испугать можно равъ, а за вторымъ самою нанугаютъ.... И всё оттого, что пересолилъ ! съ дуру выболталъ такія тайны, за которыя могъ бы жить въ Парижъ на кардинальскій счетъ.... Поспѣшимъ ! — Глянь, Ефраимъ, гдѣ Каталонцы.

Веранимъ посмотрѣлъ въ ворота и дрожа отвѣчалъ :

— На пригоркѣ.

— Тутъ, кажется, и дороги другой нѣтъ.

— Нѣтъ, Самуилъ : во всемъ замкѣ одинъ мостъ и одинъ ворота. Дорога направо въ Парижъ, а налево въ посадъ, а за посадомъ стѣна : тамъ аустерія и конюшни для гостей.

— Вторая глупость! сами себя заперли!

— Что же съ нами будетъ?

— Молчать!

Шесть Каталонцевъ проходили дворъ, смѣняя стражу. Часовой у воротъ, поглядывая на жиловъ, перешепнулся съ преемникомъ.

— Э-ге-ге! вочесываясь сказалъ Гоймо : и эти за-одно съ кардиналомъ.... Поскорѣй вонъ изъ замка!

Пошли; Гойко послѣдній. На мосту жида неволью попятились, увидѣвъ Каталонцевъ.

— Не останавливаться! крикнулъ Гойко. Налево! въ посадъ! ровнымъ шагомъ!

Жида, дрожа, повиновались. Каталонецъ верхомъ скакалъ во весь опоръ за ними. Жида кинулись-было бѣжать, но Гойко scomандовалъ, и они, не смѣя оглянуться, снова пошли шагомъ.

— Ну, что же вы? кричалъ Каталонецъ : капитанъ долго ждать не станетъ.

— Сейчасъ, сейчасъ! отвѣчалъ Гойко. Виноваты ли мы, что вещи наши на посадъ отнесли?... Пошли скорее, лѣтяи!.... Доложи капитану, что мы и двухъ минутъ на посадъ не пробудемъ.

Каталонецъ воротился, а Гойко со свитой повернулъ въ посадъ, искусно закрытый отъ парижской дороги красивымъ прочищеннымъ лѣсомъ. Тамъ, на посадъ, у небольшой сельской аустерии, стояли три огромныя кареты, двѣ въ осемь лошадей, одна въ шесть. Кучера бесѣдовали въ аустерии, а благородныя животныя

думали обычную думу. Гойко посмотрѣлъ въ одну карету и сказалъ : — Это вѣрно городская : нѣтъ и занавѣсокъ! Голова на-показъ будетъ. А вотъ карета Мазарини.... Садись!

— Что ты, Гойко? спросили товарищи боязливо и отступая.

— Садись, говорятъ вамъ!

Жиды усѣлись.

— Задерни занавѣски!

Задернули.

— Тенерь сидите смирно! сказалъ Гойко, и пошелъ въ аустерію.

Кучера продолжали спокойно бесѣдовать.

— Кто изъ васъ Ромуальдъ кардинала Мазарини? сурово спросилъ Гойко.

Ромуальдъ, допивъ на-скоро стаканъ, всталъ, оправился, и отвѣчалъ вопросомъ : — А что?

— Поѣзжай въ Парижъ, да скажи Луи дурака! Гдѣ синяя папка кардинальская съ бумагами? Что кардиналъ будетъ теперь докладывать?... Болванъ! Чего добраго, еще уронилъ съ просонья на улицъ.... Мерзавецъ! А кардиналъ еще его въ холѣ держитъ, въ бархатъ наряжаетъ. Да и ты : чуть къ аустеріи, и лошадей бросилъ! Ступай, садись, и за папкой! проворнѣе! навскачь! Слышишь?

Ромуальдъ бѣгомъ бросился къ каретѣ, вскочилъ на козлы, шелкнулъ бичомъ, и осьмерикъ умчалъ дрожащихъ жидовъ.

— Хозяйка, вина! сказалъ Гойко, и потомъ про-себя шопотомъ прибавилъ : — Третья глупость : и мнѣ бытъ съ ними!

Подали вино.

— Не мнѣ одному! Я одинъ не пью. Вѣсьмъ вина!

— Какъ? и городскимъ стрѣлкамъ? спросила хозяйка.

— Дура! Вѣсьмъ значитъ вѣсьмъ. — А что ты прилегъ,

соездъ? спросилъ Гойко, подходя къ городскому стрѣлку, который лежалъ на скамьѣ и охалъ.

— Да вотъ нечистый попуталъ, отвѣчалъ стрѣлокъ. Отъ дороги, что ли, всего изломало : спина болитъ.....

— И на спину вина, и въ брюхо вина! сказалъ Гойко, ошупывая у больного спину. Э, братъ! только тебѣ ѣхать нельзя.... никакъ нельзя!.... Пускай, хозяйка, онъ у васъ денёкъ пролежить. Вотъ тебѣ и деньги за него. А потомъ найми телѣжку, да съ надежнымъ человѣкомъ въ Парижъ отправь. А не то, будетъ зло....

— Да изъ чего ваша милость за меня платить изволите?

— По дружбѣ къ господину головѣ. И я сегодня здѣсь по его милости : дай Богъ ему здоровья! Только ты верхомъ, а я пѣшкомъ : ѣхалъ, ѣхалъ, да на полпути колесо кракъ! Тамъ, я думаю, и до-сихъ-поръ лежитъ на дорогѣ; а кучеръ, вѣрно, на трехъ до Парижа добрелъ.

— Возьмите мою лошадь, жалобно сказалъ стрѣлокъ.

— Спасибо. А кому отдать?

— Да вотъ кто-нибудь изъ нашихъ прійметъ.

— Карету городского головы! закричалъ съ площади ливрейный лакей.

Кучера бросились къ каретамъ, стрѣлки къ лошадямъ, а Гойко, по указанію, вскочилъ на свободнаго коня и, вмѣстѣ съ прочими стрѣлками, подѣхалъ къ мосту.

На мосту стояли голова, Пуссенъ и Корнель.

— Умоляемъ васъ! провожая голову, говорилъ Пуссенъ: промедлите этимъ страшнымъ, несправедливымъ приговоромъ.

— Не могу. Для васъ я задержалъ бы часы, солнце; но у кардинала миліонъ глазъ, миліонъ ушей.... Не могу!

— Какъ вы думаете, Корнель? не увъхать ли и мнѣ? сказалъ Пуссенъ.

— Не совѣтую, замѣтилъ голова. Вмѣстѣ что-нибудь выторгуете.

Корнель знаками подтверждалъ мнѣніе головы.

— А! и ты здѣсь! сказалъ голова, увидѣвъ Гойку между стрѣлками. Садись лучше въ карету. Я думаю, тебѣ есть что поразсказать, а мнѣ послушать. .

Гойко уже сидѣлъ возлѣ головы. Занавѣски задернулись, раздалось щелканье бича, и повъздъ мърно покатился въ Парижъ.

Проѣзжая мимо Каталонцевъ, голова поклонился капитану, а Гойко, поблѣднѣвъ, опустилъ голову и закрылъ рукою глаза. «Четвертая глупость! подумалъ онъ: надо было задернуть занавѣски и съ той стороны.»

— И лучше! сказалъ капитанъ: по-крайней-мѣрѣ насъ избавили отъ убійства. Пускай его казнятъ судомъ. Пойти доложить кардиналу.

— А гдѣ же трое товарищей? спросилъ Каталонецъ.

— Вѣрно, опять въ кандалы заковали, отвѣчалъ капитанъ, и спокойно повъхалъ съ отрядомъ въ замокъ.

— Ну, что ты, Гойко? сказалъ голова: слышалъ, чѣмъ порѣшилъ кардиналъ? Въ пол-часа отправить капитана изъ Парижа, въ четыре дня изъ Франціи..... Надо съ ума сойти! Что я успѣю въ пол-часа сдѣлать?.... Въ пол-часа! Развѣ свою карету дать? знаешь, старую, синюю?.... Для дороги хороша....

— Благодаритель мой! отвѣчалъ Гойко: вы знаете, что я служу вамъ и вѣрно и усердно. Вы дали намъ съ Са-

рой гражданство и безопасность. Я еще не успѣлъ ничѣмъ отплатить вамъ....

— Ну, такъ что же? спросилъ голова.

— А вотъ что. Я выведу Вальероля въ вашей каретѣ за границу, а потомъ, въ той же каретѣ, ворочусь. Лошадей не нужно: только свистну на рынкѣ, будутъ! Ужъ мнѣ, вѣрно, на роду написано въ чужихъ каретахъ развѣзжать. Вы только конвой приготовьте.

— Преумно! преумно!.... А сколько, ты полагаешь, нужно денегъ?

— Триста добрыхъ пистолей; а вамъ заплатитъ кардиналъ. Вѣдь высылаютъ безъ суда, по волѣ Ришліе: онъ и плати! У васъ же есть всегда съ нимъ счеты.

— А ты какъ знаешь?

— Да не вы ли сами вчера сказали?

«Вотъ глупо, подумалъ голова: если я и вправду обмолвился!» — Ну, быть по-твоему! сказалъ онъ громко.

— Стой! закричалъ Гойко.

Карета остановилась.

— Что ты хочешь дѣлать?

— Да что мы? ракомъ полземъ! Я возьму у стрѣлковъ свободную лошадь и въ три мига буду въ Парижъ. Пока вы дотащитесь до ратуши со всею важностью, прилично вашему сану, я все приготовлю. Тогда не трудно будетъ въ пол-часа исполнить волю кардинала.

Голова согласился, и Гойко ускакалъ. Онъ еще былъ въ виду, какъ Тромбара съ Каталонцами остановилъ карету головы.

— Гдѣ Гойко? спросилъ Тромбара.

— Ускакалъ въ Парижъ.

— Не можетъ быть! Онъ гдѣ-нибудь здѣсь у васъ спрятался.

— Ищите.

Тромбара отдернулъ занавѣску и убѣдился въ истинѣ.

— Да вот онъ! сказалъ голова, указывая на до-рогу.

Едва примѣтной точкой чернѣлся Гойко на ясномъ горизонтѣ. Тромбара вскочилъ на коня, и весь отрядъ стрѣлою полетѣлъ къ Парижу.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТЬ-ПЕРВАЯ.

День благодарности.

Голова прѣхалъ прямо къ городской ратушѣ. Старшины чинно и безмолвно уже сидѣли въ залѣ за перегородкой. Народъ во множествѣ стоялъ на паперти, и спорилъ съ городскими стрѣлками. Имя капитана де-Вальероля было у всѣхъ на языкѣ; но стрѣлки толковали народу, что голова поѣхалъ просить прошенія и скоро привезетъ радостное извѣстie. Едва показалась торжественная городская карета, чернь окружила ее, и, примѣтивъ, что голова въ хорошемъ расположеніи духа, привѣтствовала его и поздравляла. Голова, ласково кланяясь на обѣ стороны, вошелъ въ залу засѣданій. Старшины, исполнивъ предписанный законами церемоніаль торжественнаго входа головы, почти единоголосно спросили, что будетъ съ де-Вальеролемъ.

— Съ какимъ де-Вальеролемъ, господа? сказалъ голова, съ видомъ удивленія. Мы захватили слугу москѣ Пуссена по ложному доносу. Все обнаружилось. Прошу считать капитана де-Вальероля по-прежнему государственнымъ изгнанникомъ, находящимся внѣ предѣловъ Франціи; прошу такъ записать и въ актахъ. Особенныя порученія кардинала-герцога не позволяютъ миѣ

сегодня заниматься дѣлами. Засѣданіе отлагается до вечера.

Голова всталъ и заднимъ крыльцомъ отправился домой. Старшины кое-какъ успокоили народъ. Все утихло на ратушевой площади.

Подходя къ своему дому, голова былъ изумленъ исправностью Гойка : старая синяя карета стояла уже у крыльца ; Гаръ-Піонъ помогалъ тремъ проворнымъ парнямъ запрягать добрый шестерикъ лошадей смѣшанной андалузской породы. Удивленіе головы возросло еще болѣе, когда онъ увидѣлъ у воротъ своихъ капитана Тромбара съ Каталонцами.

«Верно, подумалъ онъ : Гойко попалъ въ большую дружбу къ кардиналу, если Тромбара за нимъ гоняется по всему Парижу.»

— Гдѣ Гойко? грубо спросилъ Тромбара.

— Гдѣ Гойко? отвѣчалъ Гаръ-Піонъ : да вы бы у меня спросили ! Швейцарскій капитанъ кардинала оставилъ его на улицѣ и повелъ въ рюшліевскій дворецъ, въ типографію : видно слѣдствіе какое.

Тромбара со злости сильно ударилъ ногами въ брюхо лошади.

— Проклятые Швейцарцы ! бормоталъ онъ : черти ! всегда у насъ добычу вырываютъ.... Пстой ! дай Богъ только поссориться, я исковеркаю цвѣточную рожу, съ малиновымъ носомъ, этого альпійскаго попугая !..... Впередъ !

И отрядъ шагомъ, медленно, потащился на мостъ.

Городской голова вошелъ въ гостиную. Капитанъ де-Вальероль ходилъ изъ угла въ уголъ скорыми шагами. Спокойствіе было написано на прекрасномъ его лицѣ. Голова объявилъ волю кардинала.

— Милость великая ! сказалъ капитанъ : неожиданная ! Я считалъ себя на-капунъ смерти ; всѣ надежды мои не простирались далѣе Бастиліи ; я уже воображалъ

какъ въ темницѣ представляюсь маршалу Бассомпьеру, какъ онъ, и въ заключеніи, встрѣтитъ меня остроумными шутками,.... и вдругъ такая милость! Достойный сановникъ, конечно, я вамъ ею обязанъ. Довершите же ваши благодѣянія, пошлите за Эвелиной. Мы отправимся и вѣчно будемъ прославлять милосердіе кардинала.

— Капитанъ, простите, я долженъ отказать вамъ въ этомъ счастіи.... Васъ однихъ приказано отправить, однихъ, втеченіи получаса : остается десять минутъ....

— Все готово! сказалъ Гойко, входя въ комнату въ кучерскомъ платьѣ, въ огромныхъ сапогахъ, въ рыжемъ парикъ, и прихрамывая.

— Гойко! воскликнулъ съ ужасомъ голова : тебя ищутъ!

— Искали; но мы объяснились, и я больше имъ не нуженъ до возвращенія. Но пожалуйте же намъ, для формы, бумагу въ Ліонъ, а не то, господинъ голова, мы не уѣдемъ далеко.

— А вы развѣ на Ліонъ?

— На Ліонъ, капитанъ, на Ліонъ.... не такъ ли?

Капитанъ молчалъ. Голова писалъ бумагу.

— Но я не знаю, какъ мнѣ отпустить тебя, Гойко : кажется, ты нуженъ....

— Благодаритель! сказалъ Гойко : меня хотятъ повѣсить!

— За что?

— Не спрашивайте..... молчите..... вы меня не видали.... пусть ищутъ!.... А вы, господинъ капитанъ, будьте спокойны : наши и ваши дамы пріѣдутъ по первому письму, куда назначимъ. Гаръ-Ліонъ всѣхъ ихъ привезетъ. И деньги у нихъ есть, и москѣ Пуссенъ поможетъ, и все будетъ хорошо. Остается пять минутъ для нашей безопасности.... Ёдемъ!

— Простите, капитанъ! вотъ вамъ честное слово, я

приму отцовское участіе въ судьбѣ вашей дочери! сказалъ голова, обнимая де-Вальероля.

— И въ судьбѣ Джудиты! сказалъ капитанъ.

— И въ судьбѣ Сары! шепнулъ Гойко.

— Всѣхъ, всѣхъ! отвѣчалъ голова со слезами. Беззащитной невинности — покровомъ Богъ и земная власть закона. Простите!.... Гойко, ты мнѣ служилъ вѣрно, и я, кажется, умѣю быть благодарнымъ.

— Погодите, господинъ голова, я вернусь въ вашей каретѣ, когда уже кардинала будетъ допрашивать Высшній!

Голова вздрогнулъ. Окна задрезбежали.

— Смотрите! сказалъ Гойко, и всѣ оглянулись.

Сильный градъ, въ голубиное яйцо, разбивалъ стекла и стучалъ въ ставни.

— Не первое предвѣстіе! Онъ не увидитъ новаго года.... Ёдемъ! Мы не успѣемъ выѣхать за лионскую заставу....

Градъ пересталъ, и солнце освѣтило грязную улицу. Бычь захопалъ: кони рванулись. Гарь-Піонъ и голова безмолвно смотрѣли вслѣдъ изгнанникамъ.

— Такъ-то, любезный! сказалъ голова.

— Такъ-то, господинъ голова! отвѣчалъ Гарь-Піонъ.

— Я обѣщалъ помочь и Эвелинъ и какой-то Джудитѣ, и бѣдной Сарѣ..... да какъ и чѣмъ я помогу имъ?

— Сидите смирно, отвѣчалъ Гарь-Піонъ. Ваше дѣло помогать, когда попросятъ, а если что нужно будетъ, я у васъ и попрошу, а вы и сдѣлаете.

— Хорошо, любезный другъ, хорошо! Дѣлать добро я люблю.

— За то и Парижъ васъ любитъ.

— И не такъ еще полюбитъ! Скоро ратуша заговоритъ иначе, особенно если слова моего Гойки сбываются.

— А что онъ сказалъ, господинъ голова?

— Да такъ, притчу. Не знаю, за что я полюбилъ этого жидёнка.

— Вотъ и я тоже, господинъ голова, никакъ этого понять не могу. Грѣшенъ, нечего сказать, друженъ съ жидомъ. Каждую субботу къ исповѣди хожу, а всё-таки люблю : такой благодарный!

— И умный.

— И ученый.

— И хитрый.

— Для враговъ!.... Представьте, господинъ голова! вчера только узналъ я, и то случайно, что знаменитый нашъ маркизь де-Кокъ — Гойко!

Голова поблѣднѣлъ.

— Быть не можетъ!.... Онъ и на ратушу пасквили писалъ!

— Пока Сара была въ темницѣ. А потомъ, помните книжонку «Добрый Голова»?

— Какъ же, какъ же! улыбаясь отвѣчалъ голова. Такъ и это его?.... Очень приятно. Какой благодарный человекъ! Но слава Богу, что уѣхалъ изъ Парижа!

—

Въ квартирѣ новаго и добровольнаго изгнанника, Джироламо и Джованни прилежно и громко учили свои уроки. Джудита любовалась красотой Сары, Сара красотой Джудиты : обѣ сидѣли за рукодѣльемъ.

— Я очень беспокойна, сказала Сара : Гойко такъ тревожно простился со мною и утѣшилъ Гаръ-Шюна.

— Жаль, что я спада, не могла рааспросить, отвѣчала Джудита. Всю ночь я и глазъ не свела : зато утромъ сонъ одолѣлъ, и я проспала нѣсколько часовъ безъ сповидѣнія.

— Онъ такъ никогда не прощался со мною; даже въ темницѣ я была счастливѣе, сказала Сара, и задумалась.

Джудита также была погружена въ размышленіе. Ей на-яву снился Вальероль. Она сравнивала нѣжнаго, мечтательнаго юношу вальтелинской долины съ этимъ сильнымъ, плотнымъ мужчиной, котораго она недавно обнимала въ вандомскихъ палатахъ. Волоса у него уже были съ просѣдью; несчастія изрыли морщинами лобъ. Но онъ былъ во сто кратъ очаровательнѣе вальтелинскаго Вальероля..... И какъ это естественно! Между первымъ и послѣднимъ свиданіемъ протекло пятнадцать лѣтъ! и какихъ лѣтъ!.... Слезъ, стыда, неудачной мести, тяжкихъ потерь, непрерывныхъ надеждъ заплатить Джулію за всю полноту несчастія, не ножомъ, не ядомъ, не стыдомъ : нѣтъ, нѣтъ! чѣмъ же?.... она и сама не знала; но тайная жажда создала въ ея кипящемъ воображеніи какой-то неопредѣленный идеалъ мести; сердце больное, покрытое безчисленными язвами, въ постоянномъ раздраженіи, хранило дикую вѣру, что эта мечта когда-нибудь осуществится. Появленіе Вальероля не могло быть цѣлебнымъ.... нѣтъ! онъ снялъ кору съ самыхъ глубокихъ ранъ; признаніе въ любви зажгло ихъ новымъ, ядовитымъ огнемъ. Онъ повиновался обязанностямъ, онъ умѣлъ такъ долго быть вѣрнымъ, добродѣтельнымъ, несчастнымъ; а она?..... Теперь онъ можетъ располагать своимъ сердцемъ и рукою, свобода Джудиты въ ея власти; а дѣти? а мечь? а эти ненавистныя дѣти? а эта навѣки приростшая къ сердцу мечь?.... Неужели въ такомъ романѣ можетъ быть благополучная развязка?.... Нѣтъ! къ врезаннымъ ужаснымъ, едва выносимымъ, чувствамъ прибавилось новое — безнадежность, и глаза Джудиты, ничего не видя, разбѣгались по широкой и грязной улицѣ пустыннаго предмѣстья.

Гарь-Пионъ шелъ впереди, за нимъ городскія носилки и двѣнадцать пѣшихъ стрѣлковъ.

— Кого это несутъ къ намъ? спросила Сара, когда носилки повернули къ воротамъ.

Вошелъ голова съ Гарь-Пиономъ. Женщины перепугались.

— Радъ, сказалъ голова : очень радъ, что нахожу васъ дома. Мы исполнили тяжкій долгъ : отправили вашего друга и твоего мужа за границу.

— Куда? вскрикнули объ.

— Будьте спокойны, и благословляйте милосердіе кардинала-герцога. Обоимъ слѣдовала смертная казнь: кончилось ссылкой.

— А Гойко за что? спросила Сара.

— Высланъ не Гойко, а маркизь де-Кокъ.... Крѣпко шалить!.... Но и вамъ здѣсь не безопасно.

— Какъ? да мы въ чемъ же виноваты? спросила Джудита, покраснѣвъ.

— Будто во Франціи въ наше время есть невинные! отвѣчалъ голова. Всѣ виноваты! Но всѣхъ вдругъ наказать нельзя : мы и устроили очередь. Кто первый поутру на глаза, тащи его къ допросу!

Голова горько улыбнулся и, помолчавъ, продолжалъ : — На нынѣшній день довольно и двухъ. Станемъ принимать мѣры, чтобы не быть назначенными жертвами на завтра. Что вы намѣрены дѣлать, Джудита?

— Простите моему смущенію, господинъ голова. Я отдаю себя совершенно подъ вашу защиту.

— Но я желалъ бы знать ваши намѣренія.

— Первое, разстаться, развестись съ Депортомъ! Онъ мнѣ мужъ.....

Джудита остановилась, взглянувъ на дѣтей.

— Разводъ дѣло здѣшняго епископа : ратуша въ этомъ замъ пособить не можетъ. А попросить епископа, на-

писать вамъ нужныя бумаги.... это дѣло другое, и я готовъ къ вашимъ услугамъ. Нѣтъ ли еще какихъ желаній, Джудита?

— О! есть, есть! если вы такъ добры. Возьмите дѣтей моихъ; отдайте ихъ куда угодно: пускай учатся. Я хочу купить имъ мѣста прокуроровъ въ парижскомъ парламентѣ, пристроить.....

— А есть у васъ на это деньги? Вѣдь мѣста теперь не дешевы, потому что приближается борьба трудная и для этихъ чиновниковъ не безвыгодная. Министерство Мазарини мы встрѣтимъ иначе.... И Ришліе не въ состояніи предупредить неминуемаго несчастія! Довольно перенесли мы униженія; довольно городъ заплатилъ въ бездонное казначейство кардинала. Италиянецъ Мазарини не будетъ пользоваться такою постыдною снисходительностію. На дняхъ я собираюсь отказать и самому Ришліе: надо же положить конецъ такому безбожному разоренію! Я этого ни передъ кѣмъ не скрываю, и мѣста оттого дороже.

— Посмотрите, господинъ голова, вотъ эти бумаги; посмотрите, довольно ли будетъ для дѣтей моихъ.

— Вы поэтому участвуете въ парижскомъ долгѣ! сказалъ голова, перелистывая бумаги. Большія суммы въ рукахъ правительства. Но всѣ эти обязательства выданы на имя кавалера д'Орбиньи. На-случай, вамъ надо продать ихъ въ городъ, и я вамъ устрою это дѣло. А дѣтей зачѣмъ въ парламентъ? Они уже порядочные мальчишки: будутъ до поры до времени считаться моими секретарями. Я ихъ постараюсь приготовить для службы. Богатые молодые люди, они могутъ приобрѣсти осѣдлость и парижское гражданство. Но они дворяне....

— А развѣ это мѣшаетъ дѣлу?

— Уладимъ, уладимъ! Возьмите ваши бумаги.

— Нѣтъ господинъ голова, вотъ вамъ и дѣти. Возь-

мите ихъ. А я подамъ объ разводъ и уведу 'изъ Франціи.....

— Куда же?

— На родину, въ Сондріо.

— А пока, не хотите ли переехать ко мнѣ? Мы получимъ отъ Гойка письма, и тогда уже вамъ удобнѣе будетъ выѣхать изъ Франціи: будете знать, гдѣ капитанъ де-Вальероль. Вѣдь, я полагаю, вамъ же придется отвезти Эвелину?

— Господинъ голова, вы ангелъ-хранитель нашъ! Я готова. Но Сара?...

Голова грустно посмотрѣлъ на Сару и сказалъ: — По-мнѣ, я взялъ бы къ себѣ и Сару; но моя жена..... Она, знаете, такая набожная.

— Оставьте, господинъ голова! сказалъ Гаръ-Піонъ. Гойко много для меня сдѣлалъ: я отслужу его женѣ....

Голова пожалъ руку Гаръ-Піону и сказалъ: — Сегодня день благодарности! Но, любезный, сейчасъ переезжайте квартиру и назови Сару другимъ именемъ, своею женой, дочерью, племянницей, какъ хочешь: только сейчасъ! Я думаю, вамъ не долго переехать.

— Конечно, господинъ голова, конечно! отвѣчалъ Гаръ-Піонъ, схватилъ со стула покрывало и родъ нынѣшняго салапа съ капюшономъ и кутасами, набросилъ все это на Сару, и сказалъ: — Пойдемъ!

Сара, молча, повиновалась. Джудиту посадили въ носилки, и голова съ дѣтьми и стрѣлками провожалъ ее пѣшкомъ, съ трудомъ пробираясь около заборовъ грязнаго предмѣстья. Не успѣли они уйти изъ широкой и длинной улицы, какъ Тромбара съ Каталонцами появился у дому, нанятаго Гойкомъ. Всѣ сосѣди собрались смотрѣть на нелюбимыхъ гостей. На вопросы Тромбары, фурштатскіе обыватели отвѣчали такъ сбивчиво, нелѣпо, съ насмѣшками передразнивая испанское произношеніе, что возбужденный капитанъ чуть-было не

скомандовалъ къ атакѣ. Наконецъ одна старуха буд-то сжалась надъ Тромбарой и съ важностью сказала: — Перестаньте сердиться, сударь. Гнѣвомъ ничего не узнаете. Гойка вашего уже три дня никто изъ насъ не видалъ; а больше жильцовъ здѣсь и не было.

Каталонцы сдѣлали однако же вторичный обыскъ, и съ досадой отправились въ Рюэль. Толпа народу провожала ихъ насмѣшками, стихами маркиза де-Кока, и долго соображала на улицѣ, какія бы могли быть причины такого усердія лѣнивыхъ Каталонцевъ.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТЬ-ВТОРАЯ.

Ссоры.

— Позовите Мазарини! сказалъ Ришліё, входя въ свой рюэльскій кабинетъ.

Мазарини не замедлилъ.

— Поздравляю васъ, поздравляю! мрачно привѣтствовалъ его кардиналъ. Сенъ-Марсъ читалъ сатиру королю. Требуютъ отъ меня объясненія.... требуютъ грубо.... Видно, партія получила тѣло и новыя силы. Благодарю васъ за неловкость. Вы не потрудились замѣть такой важной, такой дурной интриги.

— Благодѣтель мой! отвѣчалъ Мазарини: повѣрите ли? я не знаю до-сихъ-поръ, откуда этотъ громъ!

— Еще бы вы дѣлали наперсникомъ своихъ тайнъ Денорта! Конечно, и жена могла ему рассказать. Но прыниска де-Кока? Надо изслѣдовать.... Но скажите: что я долженъ отвѣчать королю?

— Отвѣчайте ему испанскою войною. Все готово.

Кардиналь улыбулся, и съ удовольствіемъ посмo-
трѣлъ на Мазарини.

— Но скажите, спросилъ онъ ласково : чѣмъ вы на-
мѣрены оправдать себя? какъ располагаете кончить эту
исторію?

Мазарини молчалъ, злобно улыбаясь.

— Понимаю! сказалъ кардиналь. Позовите Депорта!
— Досадный Италіинецъ! примолвилъ Ришліе тихо.
Но его умъ нуженъ для Франціи, его несчастія для
моей славы; а случай началъ мое дѣло : народъ уже не
любитъ Мазарини.

Кардиналь усѣлся, и въ-очередь дралъ за уши сво-
ихъ кошекъ. Бокинемъ сталъ ворчать, кошки кричали.
Кардиналь ударилъ ногой : ему стало дурно. Вошелъ
Депортъ. Кардиналь выздоровѣлъ.

— Гдѣ вы печатали сатиру на Мазарини? спросилъ
кардиналь, и, не позволяя отвѣчать, продолжалъ : —
Хорошъ, хорошъ! Его женили, возвысили, обогатили,
а онъ присталъ къ Сенъ-Марсу, къ молодежи, къ мо-
нимъ врагамъ! Я не рассчитываю на благодарность, но
взыскиваю за неблагодарность. Я приготовилъ вамъ
маркизатъ, мосье Депортъ, послѣ покойнаго маркиза
Демюни. Я заплатилъ за него дорого, но и ваши услу-
ги не маловажны. Еще двѣ, три сатиры, также на этотъ
счетъ, и еще одно условіе : представьте новую марки-
зу въ лучшія общества, уговорите ее снять съ себя
глупую, неприличную въ наши времена скромность :
пусть признается, что повѣсть, описанная въ сатирѣ, —
ея повѣсть. Маркиза должна быть хороша собой, и ея
несчастія нисколько не помрачатъ ея достоинствъ въ
глазахъ нашихъ дамъ : напротивъ, я обещаю живѣй-
шее участіе, ... больше! любовь всей нашей молодежи,
стихи; я самъ напишу стихи! Но не забудьте, любез-
ный маркизъ, что все это тайна, и тайна, которая мнѣ
столько же дорога, какъ вамъ голова и свобода. Поня-
ли?... А что Сенъ-Марсъ? что Эвелина?

Депортъ долго не могъ вымолвить слова : онъ ничего не понималъ въ рѣчи кардинала. Ринліѣ съ злобною улыбкою глядѣлъ на Депорта , и любовался его замѣшательствомъ , наконецъ снова повторилъ свои вопросы : — Ну, что жь Эвелина ? что же Сень-Марсъ ?

— Ваша эминенція , мы потеряли Эвелину навсегда ! Пьяный слуга Пуссена....!

— Довольно , довольно ! перерывъ кардиналъ. Что мнѣ за-дѣло до вашихъ домашнихъ ссоръ ? Я не мѣшаюсь въ ваши келейныя интриги. Вы свободны, господинъ маркизь ; вы мнѣ больше не нужны.

Холодный потъ градомъ катился по блѣдному лицу Депорта ; онъ дрожалъ ; слова путались. Кардиналъ не сводилъ съ него своего ужаснаго взгляда, и стучалъ сухими пальцами по рѣзному поручню кресель.

— За что такая немилость, ваша эминенція ? съ трудомъ прошепталъ Депортъ.

— Какая немилость ? Да и к чему вамъ моя милость ? Сень-Марсъ въ силѣ : сегодня , завтра первый министръ. Поѣзжайте въ Сень-Жермень.

Депортъ заплакалъ и сталъ божиться, что ни въ чемъ не виноватъ , ничего не понимаетъ , что все напуталъ Гойко. При имени Гойка, кардиналъ измѣнился въ лицѣ и хлопнулъ въ ладоши. Вошелъ слуга.

— А что Тромбара ? спросилъ кардиналъ.

— Ожидаетъ позволенія войти !

— Зови !

Вошелъ Тромбара , и объявилъ , что нигдѣ не могли отыскать Филиппа Лионскаго. Кардиналъ написалъ записку и спокойно сказалъ капитану : — Отдайте городскому головѣ,.... отошлите, хотѣлъ я сказать. — Такъ это все напуталъ Гойко ? продолжалъ онъ, когда Тромбара вышелъ. Кто же этотъ Гойко ?

— Онъ у меня служилъ на посылахъ ; по всемъ признакамъ, жидъ ; являлся всегда поутру ; за каждую

услугу безсовѣстно требовалъ денегъ : вотъ все наше знакомство.

— И въ этомъ я вижу умъ, смѣтку. Но кто же писалъ сатиру ?

— Понять не могу.

— Но она про вашу жену.

— Я догадался, но ваша эминенція не мало удивитесь, если я доложу, что повѣсть Джудиты была досихъ-поръ мнѣ совершенно неизвѣстна.

— Въ-самомъ-дѣль ?

— Клянусь вамъ ! клянусь....

— Позвольте. А Эвелина ? Кто назначилъ свиданіе въ Тюильрійскомъ Саду ?

— Ахъ, Господи Боже мой ! И это обвиненіе падаетъ на меня !.... Да, ваша эминенція ! вы и не знаете всего. Это преразвратная дѣвчонка : еще до переѣзду въ мой домъ, она имѣла нѣсколько интригъ съ молодежью. Одного я скоро открылъ, и, благодаря вашей эминенціи, онъ въ Седанъ. О другихъ я недавно узналъ въ ражбульетскихъ палатахъ. Тамъ трое поссорились за нее : каждый увѣрялъ, что онъ пользуется ея расположеніемъ. Самъ де-Вальероль, какъ извѣстно, человекъ нетрезваго поведенія; убилъ, въ пьяномъ видѣ, жену. Онъ потворствовалъ всѣмъ шалостямъ дочери. Ваша эминенція, вѣроятно, изволили слышать, что сыновья герцога Вандомскаго, въ самый день изгнанія, украли въ предмѣстьѣ какую-то женщину, которую освободили городскіе стрѣлки. По всѣмъ соображеніямъ, это была Эвелина; а теперь она, какъ вы думаете, чѣмъ занимается ? Ужасъ напалъ на меня, когда я узналъ : она служитъ художникамъ натурщицей, и позвольте сказать откровенно: мнѣ кажется, ваша эминенція, по милосердію своему, изволили приказать выслать не Вальероля, а просто слугу, а можетъ-быть и Вальероля, только не такого нѣжнаго отца, какъ объ немъ думаютъ, потому что онъ приближалъ ко мнѣ въ домъ пьяный и все кричалъ на дочь

свою : « Пойдемъ къ Пуссену ! Пуссенъ тебя ожидаетъ ! » а теперь я узналъ, что она поутру еще служила маеъ Пуссену натурщицей. Такъ извольте сами разсудить : что все это можетъ значить ? Конечно, за такую натурщицу можно вступиться, тѣмъ болѣе, что мнѣ сказывалъ маркизъ Дезюмидъ, будто и самъ Пуссенъ въ этотъ вечеръ былъ ужъ слѣшкомъ веселъ, а дежурный лакей придомъ доложилъ мнѣ, что бочки вина, поставленной въ погребу на годъ,.... уже не стало ! Мадамъ Рамбульѣ пишетъ романъ « Эвелина ». Если это вѣрная картина прежней жизни этой притворщицы, такъ я ужъ не знаю, чего и ждать отъ нея. Вашимъ прозорливымъ умомъ потрудитесь вникнуть во всѣ эти обстоятельства, и рѣшите что мнѣ дѣлать .

Кардиналъ задумался и, помолчавъ, отвѣчалъ : — Вотъ что : молчать до времени. Посмотримъ, поглядимъ : все обнаружится. Но знаетъ ли объ этомъ Сень-Марсъ ?

— Я пробылъ все это время при Пуссенъ, и не могъ съ нимъ видѣться.

— Такъ повзжай же въ Сень-Жерменъ, скажи про отношенія Эвелины съ Мазарини, про свиданіе, и только. Прочихъ подробностей онъ не долженъ знать до времени. Маркизатъ можешь изъ шутки обратить въ пріятную истину, но прежде я желалъ бы видѣть будущую маркизу.... Нѣтъ !..... нѣтъ !.... повзжай въ Сень-Жерменъ и сиди тамъ, пока не позову.

— Благодѣтель мой ! позвольте поцѣловать край одежды....

— Ступай, ступай !

Каминъ вызвалъ въ отдаленіи рюэльскаго двора, гдѣ помѣстилась герцогиня Эгильонская. Очаровательная хозяйка лежала на бархатной кушеткѣ. Передъ ней стоялъ Корнель, и декламировалъ тираду изъ новой трагедіи своей «Помпей». Пуссенъ, облокотясь на мраморную доску, покрывающую каминъ, прилежно слушалъ могучіе стихи римской трагедіи. Де-Нойё и Шавиньи, въ темномъ углу за каминомъ, прилежно дремали. Въ раскрытыя двери вошелъ Ришліё, и остановился. Никто не замѣтилъ, какъ вошелъ онъ : свѣтъ отъ каминна не освѣщалъ той стороны, гдѣ были двери. Кардиналъ спокойно любовался красивой картиной и красивыми стихами. Особенное одушевленіе замѣтно было въ чтеніи Корнеля. Мерцающій блескъ огня освѣщалъ слезы на глазахъ герцогини. Мрачная фигура Пуссена рисовалась недвижной статуей. Корнель кончилъ, и сталъ ходить по залу.

— Это совершенно новый языкъ, сказалъ Пуссенъ : такъ еще не говорили по-французски.

— Что если бы кардиналъ услышалъ ваше мнѣніе ! сказалъ Корнель, продолжая ходить.

— А что?

— Именно за языкъ нѣтъ мнѣ пощады. По мнѣнію кардинала, именно языкъ у меня и не чистъ и не свойственъ характерамъ моихъ дѣйствующихъ лицъ.

— Какой вадоръ ! простодушно сказалъ Пуссенъ. Бѣда, когда наше бѣдное искусство считаютъ забавой, игрушкой ! Можно, пожалуй, и шалить перышкомъ, и стишки дѣлать; но принять на себя званіе судьи въ дѣлѣ искусства, напечатать, даже подъ чужимъ именемъ, плохія піесы.... Я удивляюсь кардиналу въ этомъ отношеніи, какъ удивляюсь ему въ страшной политикѣ....

— О ! я съ вами не согласна, сказала герцогиня. Мой дядя былъ бы первокласснымъ писателемъ....

— Въ такомъ только случаѣ, перерываѣ Пуссенъ : если бы въ то же время Корнель былъ первымъ министромъ Франціи. Я думаю, герцогу Ришліё, поэту, было бы лучше и свободнѣе, нежели поэту Петру Корнелю.

Кардиналъ боялся измѣнить себѣ, но больныя ноги не могли долѣе его поддерживать. Въ темнотѣ онъ сталъ искать кресла, и не могъ найти. Шорохъ возбуждѣлъ вниманіе.

— Кто тамъ? спросила герцогиня.

— Это я, поэтъ Ришліё, отвѣчалъ кардиналъ. Я слышалъ послѣднія слова, и желалъ бы знать начало вашего разговору. — «Вотъ будутъ лгать! подумалъ Ришліё, и усьялся въ низенькихъ креслахъ, которыя подкатили ему де-Нойё и Шавиньи.

— Герцогиня была перепугана неожиданнымъ появленіемъ кардинала, Пуссенъ недоволенъ, а Корнель подошелъ къ окну, и съ досадою тихо сказалъ : — Прощай милость къ Пуссену!.... и за меня! Личное чувство перевѣситъ государственную пользу!

— Ну, что же вы говорили? спросилъ кардиналъ, поправляя на ногахъ какой-то плащъ, который герцогиня принесла изъ своей спальни и на-скоро покрыла имъ кардинала. Видно вы сердитесь на меня. Я помѣшалъ вашей дружеской, искренней бесѣдѣ.... Да отвѣчайте же!

Пуссенъ не могъ и не хотѣлъ молчать долѣе.

— Вы слышали все, эминенца. Простите искренности. Вы слышали все. Мы васъ открыли не на прямой дорогѣ. Жаль, что вы не нашли спокойныхъ креселъ и не дослушали.

— Продолжайте, продолжайте! сказалъ кардиналъ, съ трудомъ выговаривая слова.

— То, что имѣло бы существо и дѣйствительный видъ истины, теперь покажется только дерзостью.

— Это совершенно новый языкъ, тихо сказалъ Корнель де-Нойё : такъ еще не говорили по-французски. Проститесь съ своими художественными мечтами.

— Слѣдовательно, спросилъ кардиналъ : существо этой истины для меня не выгодно?

— Конечно, отвѣчалъ Пуссенъ : если ее безопасно нельзя сказать въ глаза вашей эминенціи.

— Отчего же нельзя?

— Оттого что въ рукахъ вашей эминенціи королевскія арміи и всѣ тюремные замки.

Вы сердитесь на меня за де-Вальероля?... Успокойтесь, успокойтесь! я не отниму у васъ Эвелины... Богъ съ вами! Я не отдамъ ее Депорту, хотя бы слѣдовало. Довольны ли вы?

— Ваша эминенція! продолжайте быть защитникомъ несчастныхъ, и еще есть время заслужить благословіе Франціи.

Всѣ встали. Герцогиня не знала, какъ предупредить бурю; звала слугъ, требовала свѣту. Небольшая гостинная освѣтилась. Кардиналъ былъ на ногахъ; губы и кулаки его сжались; онъ дрожалъ отъ злости. Всѣ, кромѣ Пуссена, были въ полномъ замѣшательствѣ, которое еще болѣе увеличилось неожиданнымъ появленіемъ Сенъ-Марса. Но, къ всеобщему удивленію, Ришліё въ одно мгновеніе измѣнился; сталъ спокоенъ, важенъ, величественъ. Сенъ-Марсъ невольно остановился въ десяти шагахъ отъ кардинала, и, почтительно преклонясь, сказалъ : — Его величество располагаетъ сегодня провести ночь въ рюэльскомъ замкѣ. Охота кончится черезъ четверть часа.

Новое изумленіе. Кардиналъ безмолвствовалъ : дыханіе его стало тяжело, глаза окрасились кровью; онъ закашлялъ, и показалась кровь : Ришліё поблѣднѣлъ; но присутствіе духа его не оставило.

— Садитесь, Сенъ-Марсъ. Грѣшно вамъ забывать

большаго старика. Вы у меня единственный сынъ, и я не разъ сожалѣлъ, что уступилъ васъ королю. Садитесь. Такъ его величество впервые, и то случайно, хочетъ ошастливить мое удивленіе своимъ присутствіемъ?... Благословляю Небо и Его щедроты!... Да! мнѣ это утѣшеніе было нужно, какъ въ засуху благодатная струя живительнаго источника. Садитесь, господа, садитесь! окончимъ нашу бесѣду!

— Но, можетъ-быть, ваша эминенція прикажете что-нибудь изготовить къ принятію короля? сказалъ де-Нойе.

— Я, какъ вѣрный слуга его величества, всегда готовъ къ принятію моего государя, во всякую пору, погоду, вездѣ..... Что, маркизь? каково идутъ ваши дѣла?

— У меня, по милости вашей эминенціи, вовсе нѣтъ дѣла. Цѣлый день сижу сложа руки. Звукъ рога его величества для меня звукъ сладостный : на коня и въ поле, въ погоню за дикимъ кабаномъ!

— А дѣла любовныя что? какъ идутъ? спросилъ кардиналъ, лукаво грозя пальцемъ. У васъ теперь новый соперникъ изъ комедіи «Опекунъ и любовникъ», можетъ-быть, счастливый.... Но не сердитесь! надо всегда нѣсколько хладнокровія, благоразумія. Я васъ долго этому училъ.

— Я и слѣдую вашимъ совѣтамъ.

— Это въ политикѣ, перервалъ кардиналъ : и я очень радъ вашимъ успѣхамъ; но въ дѣлахъ любовныхъ вы неосторожны. Гдѣ есть соперники, и соперники счастливые, тамъ упрямство не нужно, а хладнокровный торгъ, благоразумныя предложенія,.... и дѣло кончено!

— Я не понимаю вашей эминенціи.

— Отвыкли! зачѣмъ рѣдко ѣздите въ Рюэль? Представьте, господа! Сентъ-Марсъ, бывало, прежде не лѣ-

нилъ ежедневно увѣдомлять меня лично о здоровьѣ его величества, былъ такъ ко мнѣ привязанъ, что не скрывалъ малѣйшихъ разговоровъ своихъ съ королемъ: я зналъ все отъ одного Сень-Марса; а теперъ....

Сень-Марсъ покраснѣлъ такъ, что всѣ сравненія съ красными предметами будутъ недостаточны: побагровѣлъ! И этого мало: сердце его разрывалось стыдомъ. Кардиналъ страшно унизилъ маркиза въ глазахъ женщины, въ глазахъ Пуссе́на и Корнеля, въ глазахъ Франціи, и злобно любовался слѣдствіями смертельнаго удара.

— А теперъ, снова началъ кардиналъ: волочится за женами и дѣвками, теряетъ по-пустому время въ заговорахъ и сходбищахъ. Похоже ли это все на великаго конюшаго самаго нравственнаго короля въ Европѣ? Избѣгаетъ моихъ совѣтовъ.... Да я самъ былъ молодъ! Я далъ бы вамъ наставленія несравненно лучше тѣхъ, какія вамъ могутъ дать де-Ту и Депортъ.... Но стойте! погодите! я вамъ отомщу по-свѣдому. Я сдѣлаю для васъ новую маркизу, достойную прилежнаго искательства, и сдѣлаю это именно для вашей школы, для вашего упражненія.

Раздались охотничьи рога. Кардиналъ всталъ и, взявъ канделябръ со многими свѣчами, бодро пошелъ на-встрѣчу королю. Де-Нойё и Шавиньи послѣдовали его примѣру, и также ушли съ канделябрами. Сень-Марсъ, молча, опустивъ голову, пошелъ за ними.

— Чтò вы надѣлали? сказала герцогиня, обратясь къ Пуссену.

— Подалъ прошеніе объ отпускѣ моемъ въ Италію, и только!

Сказавъ это, Пуссенъ почтительно поклонился герцогинѣ и ушелъ.

— Бѣгите за нимъ, бѣгите! сказала герцогиня Кор-

воду. Онъ готовъ надѣлать глупостей.... Чего добраго, увидеть безъ позволенія!

Корнель побѣжалъ, а герцогиня взяла послѣдній канделябръ и пошла въ библіотеку кардинала.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТЬ-ТРЕТЬЯ.

Визитъ.

На паперти параднаго крыльца, кардиналъ и государственные секретари со свѣчами недолго ожидали короля. Людовикъ, въ охотничьемъ платьѣ, на черномъ конѣ, подѣхалъ одинъ. Сень-Марсъ принялъ лошадь, и отдалъ кардинальскому конюшему, а король, войдя на паперть, отступилъ съ удивленіемъ....

— Какъ вамъ не стыдно, mon cousin! сказалъ Людовикъ : на крыльцѣ! безъ плаща и шляпы!

— Счастье небывалое, счастье неожиданное....

— Пойдемъ, пойдемъ! сказалъ король. Вы простудитесь. Ступайте впередъ.

— Государь!....

— Ступайте, ступайте! Не повторяйте одной и той же сцены два раза. Вы сами комикъ, знаете театральныя правила.

Ришліё, молча, повиновался.

Въ большой гостиной Ришліё поставилъ канделябръ на столъ и отступилъ, униженно указывая королю на огромную софу съ высокою спинкою и боками, которые вверху соединялись и составляли родъ балдахна, украшеннаго гербомъ и герцогскаго короною.

— Mon cousin, я въ вамъ за дѣломъ, сказалъ король.

— Жалую, отвѣчалъ кардиналъ : что ваше величество изволили безпокоиться : я теперь совершенно здоровъ, и завтра хотѣлъ вѣхать въ Сентъ-Жерменъ, просить разрѣшенія открыть военныя дѣйствія и осадить Перпиньянъ.

— Какъ? сказалъ изумленный король. И вы не шутите?...

Кардиналъ зазвонилъ. Вошелъ слуга.

— Позовите Шавиньи съ бумагами.

— Не нужно, не нужно! сказалъ король, вставъ. Я очень радъ, mon cousin.... больше, я благодаренъ. Обнимите меня. Эта война у меня на душѣ.

«Богъ знаетъ!» подумалъ кардиналъ, но отвѣчалъ спокойно : — Я всегда, ваше величество, стремился къ одной цѣли, осуществлять ваши полезныя намѣренія. Надѣюсь, эта война будетъ послѣдняя, и кста-ти, она уничтожитъ глупый заговоръ и разрушитъ еще глупѣйшій трактатъ.

Король измѣнился въ лицѣ, и эта перемена не скрылась отъ зоркаго взгляда кардинала.

— Я сдѣлалъ съ своей стороны все, продолжалъ Ришліе, не ожидая отвѣта. Завтра, если ваше величество сегодня слушать бумагъ не изволите, я представлю вамъ, государь, около трехъ-сотъ подробныхъ повелѣній насчетъ испанской войны. Военныя дѣйствія расчитаны на три года. Около ста относятся до военныхъ успѣховъ, шагъ за шагомъ, побѣда за побѣдой. Главное — осада Перпиньяна. Это запутанное, трудное дѣло изложено на сорока листахъ съ семьюдесятью планами : это важнѣйшая часть похода. Вторая тетрадь несравненно пространнѣе, но предметъ требуетъ исчисления самыхъ мелочныхъ подробностей насчетъ снабженія войскъ продовольствиемъ. Третья — исторія всѣхъ моихъ дѣйствій насчетъ присоединенія къ Франціи Каталоніи. Четвертая будетъ листовъ шести-

десять : соображенія по управленію всей Франціи во время войны. Пятая, весьма обширная, — исторія государственнаго долга, успѣхи погашенія долговъ въ послѣдніа двѣнадцать лѣтъ, и подробныя мѣры къ дальнѣйшему ихъ уничтоженію, а равно къ приобрѣтенію нужныхъ суммъ для испанскаго похода. Въ этомъ отношеніи ваше величество не оставите соблюсти величайшую осторожность. Злонамѣренные люди, которые, къ-несчастью, пользуются вашимъ расположеніемъ, поселили не только въ Парижъ, но и въ другихъ городахъ, самыя невыгодныя мнѣнія насчетъ издержекъ для испанской войны. Получить деньги отъ народа, — прежде такой легкой, маловажный процессъ, — теперь будетъ дѣломъ труднымъ, требующимъ безчисленныхъ изворотовъ : въ запискѣ своей я помѣстилъ главнѣйшіе. Непомѣрные расходы по строенію Лувра, кажется, надо будетъ отложить на-время и отпустить Пуссена : одно содержаніе этого художника обременительно ; а если занять его дѣятельность приличными заказами, и платить за нихъ соотвѣтственно знаменитости художника и достоинству труда, то я онаясь, что мы будемъ въ такомъ же положеніи, въ какомъ былъ святѣйшій отецъ папа Леонъ X, которъй, какъ извѣстно вашему величеству, не имѣя суммъ и возможности расплатиться съ Рафаэлемъ, располагалъ его сдѣлать кардиналомъ и церковный левъ обратить въ уплату долга. Изъ числа трехъ-сотъ бумагъ, послѣдняя заключаетъ всю мою службу, со всеми некрѣпкими мыслями насчетъ дальнѣйшихъ дѣйствій министерской власти.... Государь ! усердіе мое вамъ извѣстно ; но слабость моего здоровья, степенъ припадковъ, усталость... способности притупились. Повѣрите ли, ваше величество, что иногда я нѣсколько часовъ лежу въ безматствѣ отъ напряженія умственнаго? Разсужденія предметовъ, неудача мѣръ, которыя весьма способны препятствуютъ злонамѣренные люди,

все это.... Государь! нещадите мою старость!... Я терплю силы!....

Кардиналъ схватился за спинку кресель. Испуганный Людовикъ насильно усадилъ его. Слабость смертная разлилась по лицу кардинала; но, принятно кричась и съ трудомъ поднимаясь, онъ зазвонилъ и приказалъ позвать Шавиньи, де-Нойё и Мазарини съ бумагами.

— Что вы хотите дѣлать? спросилъ король.

— Сегодня я еще на службѣ, и ни какая болѣзнь не можетъ оправдать меня, если пренебрегу дѣлами, которые не терпятъ отлагательства. Миръ разрушится, если заря покажется полу-часомъ позже предписаннаго порядка. Государство — такой же миръ: мелочныхъ пружинокъ, гвоздиковъ — тма! Заржавѣтъ одинъ, и вся громада остановится... Государь, десять минутъ времени! Все готово: подпишу, и тогда я спокоенъ на два, на три часа.

Секретари вошли.

— Гдѣ ваши бумаги, кардиналъ! спросилъ Ришліё у Мазарини.

— Я забылъ ихъ въ Парижъ, но я думаю, сейчасъ привезутъ.

Ришліё поморщился и сказалъ де-Нойё: — Покажите ваши! — И развернувъ портфѣиль, спросилъ съ неудовольствіемъ: — Что это? королевская грамота Пуссену?... Сюблѣ контрассигнировалъ!.... Государь! съ упрѣкомъ сказалъ кардиналъ.

— Мы слышали, топ сонзип, послать въ Рюэль..... Впрочемъ, контрассигнируйте: это не помѣшаетъ.

— Государь! смѣю возобновить мое представленіе.

— Нельзя, нельзя, кардиналъ. Я лично все это объяснилъ Пуссену. Эта грамота съ моихъ словъ. Нельзя, нельзя! Потому дѣлайте что хотите, но грамоту послать должно. И что жъ? Можно Луара и не перестраивать. И довольно ли искусенъ этотъ Пуссенъ? Мнѣ ка-

жется, трудно доварить Лувръ человеку нетрезваго поведенія.

— Человѣку грубому, прибавилъ кардиналъ : дерзкому, который считаетъ себя не меньше папы римскаго.

— Человѣку, тихо прибавилъ Мазарини : которому не стыдно въ королевскомъ домикѣ, по близости дворца, содержать любовницу.

Измученный де-Нойё не успѣвалъ переводить глазъ съ короля на Ришліё, съ Ришліё на Мазарини, и невольно посмотрѣлъ на Шавиньи, ожидая, что и онъ броситъ камешекъ.

— Неужели? съ ужасомъ спросилъ король.

— Я такъ слышалъ, отвѣчалъ Мазарини. За вѣрность не ручаюсь.

— А я такъ поручусь! сказалъ Ришліё. И представьте, государь : Пуссенъ человѣкъ пожилой, собой нельзя сказать чтобы былъ хорошъ..... давно ли въ Парижѣ? и что же?... Пуссенъ счастливый соперникъ Сенъ-Марса!

— Сенъ-Марса? воскликнулъ король. Этого быть не можетъ! это клевета!

— Отъ вашего величества этого не скроетъ Депортъ. Эвелина жила у него нѣкоторое время.

— Неужели я долженъ молчать? сказалъ де-Нойё на ухо Шавиньи.

— Разумвется, отвѣчалъ Шавиньи.

— Пустяки, пустяки! сказалъ король. Это ребяческая шалость. Не вѣрю. Но эта Эвелина должна быть хороша?

— Государь, въ ней странное сходство съ дѣвницей, о которой не смѣю теперь напомнить адвѣс, сказалъ Мазарини.

Король задумался.

— Прервите дѣвницы Эвелины, говорятъ, веркъ совершенства, продолжалъ Мазарини.

— Какъ? спросилъ король : ужъ и портретъ? — «Это вѣрно для меня,» подумалъ Людовикъ, улыбаясь, и весело сталъ ходить по комнатамъ.

— А вотъ, сказалъ кардиналъ : и проектъ перестройки всего Лувра. Ваше величество, мы все изготѣвили; но теперь.... я не знаю....

— Одну галерею, сказалъ король : одну галерею! Не скупитесь, mon cousin.

— Но эта одна галерея будетъ стоить милліоновъ.

— Всѣ равно, всѣ равно, mon cousin. Зато у меня будетъ портретъ.

— Надо это дѣло отложить.

— Не откладывайте : я утверждаю, сказалъ король, взявъ бумагу изъ рукъ кардинала, и надписавъ : «Приступить немедленно къ работамъ въ галерею. Людовикъ».

Кардиналъ закрылъ портфѣйль и отодвинулъ, какъ-будто не желая разсматривать бумагъ долѣе.

Вошелъ слуга, и, на цыпочкахъ подойдя къ Мазарини, подалъ портфѣйль изумленному кардиналу.

— Что это? спросилъ Мазарини.

— Вашъ кучеръ подалъ.

— А! бумаги привезли, сказалъ Ришліе, протягивая руку. Пожалуйте, пожалуйте!

Мазарини повиновался. Развернувъ портфѣйль, Ришліе сдѣлалъ такую кислую гримасу, что Мазарини не удержался и спросилъ : — Что тамъ такое?

— К чему эти тонкости? сказалъ кардиналъ, откладывая всторону синій печатный листъ. Вы нарочно мѣшаете вздоръ въ государственныя дѣла. Вы этимъ желаете показать, что для васъ такъ же легки занятія важныя, какъ летучія сплетни для людей злонамѣренныхъ.

— А! это вѣрно знаменитая сатира маркиза де-Кюка? спросилъ король съ приятнымъ удовольствіемъ.

— Того самого, тихо замѣтилъ кардиналъ : который написалъ приговоръ гренобльскаго парламента.

Король вспыхнулъ. Неосторожный Мазарини сдѣлалъ намѣкъ на злую и гнусную сатиру, написанную на рожденіе дофина. Самъ Мазарини испугался своей неосторожности и примѣтно смутился. Помолчавъ, онъ продолжалъ :

— По-крайней-мѣрь это послѣдній подвигъ маркиза. Слѣдъ найденъ: Охота наша кончится торжественною казнью маркиза.

— Онъ открытъ? съ нетерпѣніемъ сказалъ король. Не медлите, *mon cousin!* прошу васъ, не медлите!

— Дѣло щекотливое, отвѣчалъ кардиналъ, отдавая Мазарини пустую портфѣйль. Я передамъ это дѣло моему преемнику.

— Оставьте насъ, господа! сказалъ король, и секретари удалились. — Перестаньте шутить, *mon cousin*, продолжалъ король. Я васъ не пушу, рѣшительно не пушу. Вы должны, какъ я, умереть на своемъ мѣстѣ.

— Въ монашеской келіи, въ Римѣ....

— Пустяки! пустяки! Вы должны окончить наше великое дѣло французской монархіи.

— Не могу, государь.

— Я хочу!

— Я не въ силахъ.

— Мы будемъ за васъ молиться.

— Не молитвы нужны мнѣ, государь, а жертвы.

— Говорите!

— Удалите Сенъ-Марса,.... сошлите его въ отдаленный замокъ,.... дайте его мнѣ.... Я найду мѣсто въ Бастилии!

— Это безчестно! Я такой же рыцарь, какъ и онъ. Возьмите Пуссена. Вы противились его вызову, вы преслѣдуете его : возьмите Пуссена, отвезите въ Римъ.... куда хотите.

— Это не жертва, государь, а необходимость.

— Но затѣ вы вооружились противъ Сень-Марса?

— И противъ не одного Сень-Марса.... де-Ту....

— А! васъ пугаетъ заговоръ?... Успокойтесь, уснойтесь! Я самъ въ этомъ заговорѣ.

— Вы, государь?

— Да, я самъ! Это придворная шутка, вечерняя моя забава. Я наблюдаю, какъ дѣйствуютъ эти люди, какія у каждаго способности : вотъ и все. Тутъ. Неужели вы могли подумать, mon cousin, что я позволю дурачиться молодымъ людямъ съ важною цѣлью?

— Ихъ цѣль удалить меня. Я хочу предупредить постыдное паденіе отъ рукъ ничтожной молодежи. Неужели я заслужилъ этотъ стыдъ, заплативъ за свое усердіе здоровьемъ, сномъ, удовольствіями жизни? Я предвидѣлъ все, и приготовилъ къ сдачѣ, не только всѣ дѣла мои, но даже намѣренія, достойнѣйшему.

— Mon cousin, какъ вамъ не стыдно руководствоваться такимъ мелкимъ самолюбіемъ!.... Я прекращу свою забаву, и вы должны быть спокойны. Съ этой минуты, заговора нѣтъ, и мы друзья по-прежнему : дайте вашу руку!

Ришліе поцѣловалъ почтительно руку короля, и сказалъ съ грустью : — Мечты желаннаго отдохновенія! вы разрушились.

— Отдохнемъ въ сырой землѣ! сказалъ также съ грустью Людовикъ. А пока, отдохнемъ по-человѣчески : пойдемъ спать! Пора.

Кардиналъ схватилъ канделябръ, и проводилъ Людовика въ опочивальню. Возвратясь въ кабинетъ, онъ съ злобной улыбкой сказалъ де-Нойе и Шавиньи : — Заговоръ, пока, шутка. Мы не дадимъ вѣтреникамъ остепениться. Позовите Пуссена.

— Онъ уехалъ! запинаясь, отвѣчалъ де-Нойе.

— Куда?

— Въ Парижъ.

— Это по дорогѣ въ Италію! Попросите его пожалуиста, чтобы онъ сдѣлалъ мнѣ рисунокъ подвижныхъ креселъ съ двумя столами, да вѣнчикъ къ этой рукописи монаха о министерской власти, да еще что-нибудь.... два фабричные узора для обоевъ. Надо занимать его заказами, а то онъ можетъ жаловаться, что мы не заботимся объ его славѣ.... Шавиньи! завтра поутру принесите мнѣ подробную роспись войскъ, назначенныхъ для испанскаго похода, а ввечеру мы отправимся въ Нарбонну: надо думать о продовольствіи войска; а оттуда на войну. Отдайте по моему дому всѣ нужныя приказанія.... Прощайте.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТЬ-ЧЕТВЕРТАЯ.

Заказы.

— Что это Пуссенъ не ѣдетъ? спросилъ Фукиерръ, разодѣтый въ-пухъ, прогуливаясь по дурно настланнымъ доскамъ въ луврской галерей. Вчера мы прождали его до полудня; сегодня уже около часу мы всѣ здѣсь: а онъ не ѣдетъ!

— Вѣрно, вчера онъ отпраздновалъ завоеваніе любовницы, искалъ природы для новой вакханалии: эти предметы въ-ходу! сказалъ Дезюмидъ, окруженный толпою мелкихъ художниковъ, искавшихъ покровительства великаго знатока, маркиза-художника.

— Я свое сдѣлалъ, замѣтилъ Лемерсидъ: галерея готова; можно расписывать. Кажется не дурно?

— Удивительно! неподобно! я въ Римѣ ничего подобнаго не видалъ! безстрастно, но громко провозглашалъ маркизъ. Эти огромныя мѣста для картинъ такъ

хорошо украшены лепною работою, съ истиннымъ вкусомъ, такъ угаданы размѣры.... Удивительно!

На другомъ концѣ галереи, небольшой кружокъ молодыхъ художниковъ былъ занятъ своимъ разговоромъ, но восклицанія маркиза прервали бесѣду.

— Вотъ видишь, Лебрёнъ, какъ дурно когда въ художествахъ рука руку моетъ! Мнѣ кажется, я слышу Вуэ. Заговорить Обари: тотъ же Вуэ! заговорить Польтиеръ: тотъ же Вуэ! Они условливаются въ своемъ мнѣннн, и по-неволѣ оно дѣлается единственнымъ, общимъ.

— Посмотримъ, Ла-Гиръ, что скажетъ Пуссенъ. Ты черезъ-чуръ, кажется, вооружаешься противъ Симона Вуэ.

— Ахъ, Лебрёнъ! и ты и Мишель, вы всѣ ученики Вуэ: вамъ и прилично защищать Вуэ, какъ своего духовника, которому вы довѣряете ежемѣсячные грѣхи; а я независимъ, и люблю только хорошее.

— О! вѣтъ, Ла-Гиръ! сказалъ Михаилъ Корнель: ученики по-неволѣ! Гдѣ же было взять въ Парижѣ другаго учителя?

— Ложь, ложь, Мишель! закричалъ Лебрёнъ. Я полюбилъ Пуссена какъ челоуѣка, удивляюсь ему какъ художнику, но Вуэ всегда считаю челоуѣкомъ отличныхъ дарованій, руководство его — полезнымъ, благодарность — моимъ долгомъ, защиту справедливости — обязанностью честнаго художника. Партии губятъ государства, не только художества.

Слова молодаго художника, въ свою очередь, достигли противоположнаго конца галереи. Фукиерръ вѣбъ-сился.

— Мальчишки! какъ торжественно рѣшаютъ достоинства старыхъ художниковъ! Какой тонъ принимаютъ на себя!.... Пусть же голодаютъ, ожидая своего патриарха! Я усталъ; я не какой-нибудь краскотёръ, не ба-

рышникъ, которому назначены сроки для торговъ.....
Прощайте, господа!

. Фукиерръ ушелъ.

— Я полагаю, Лемерсиё, что и мы должны сдѣлать то же, сказалъ Дезюмидъ.

— Пожалуй, отвѣчалъ Лемерсиё, и уѣхалъ съ маркизомъ.

(Прочіе не знали, на что рѣшиться. Недоумѣніе ихъ разсѣялось: вошелъ Пуссенъ. Онъ остановился посерединѣ галереи, и безмолвно разсматривалъ ея размѣры, украшенія, и нѣкоторыя уже исполненныя работы. Улыбка, то презрительная, то горькая, измѣняла крѣпко сжатыя губы художника. Иногда вырывались слова, но безъ связи: нельзя было понять, что онъ думалъ, какое образовалось мнѣніе у Пуссена о луврской галереѣ.

Осмотрѣвъ внимательно всѣ подробности, Пуссенъ спросилъ весьма тихо: — Мосьё Лемерсиё не бывалъ сегодня?

— Только-что уѣхалъ, отвѣчалъ Михайлъ Корнель.

— Простите, господа! Меня такъ заняла галерея, что я и не успѣлъ васъ привѣтствовать. — Много работы! прибавилъ Пуссенъ со вздохомъ: много работы!

— Вамъ не нравится галерея? спросилъ Ла-Гиръ.

— Нѣтъ. Я не знаю, какой здѣсь порядокъ: нужно ли мнѣ писать или довольно живаго языка. Право, съ этой перепиской мы не кончимъ галереи и въ три года. Можно умереть до того времени. Почти все надо начинать снова.

— Какъ? съ основанія? спросилъ Ла-Гиръ.

— Надо бы, да ужъ что построено, то построено. Но эти своды, эти мѣста для картинъ, эта лѣпная работа, наконецъ пейзажи въ окнахъ.... я ужъ право не знаю, на что это похоже! Слава Богу, что еще работа не пропала. Надо будетъ этотъ пейзажъ, что написанъ для опыта, снять съ штукатуркой. Работу художника долж-

но уважать; но оставаться ей въ галереяхъ нѣтъ ни какой возможности. Для этого есть особый, приличный родъ живописи. Не оскорбляйтесь, господа. Работы впереди много: а если ужъ дѣлать, такъ дѣлать хорошо! Кому принадлежитъ этотъ пейзажъ?

— Барону, барону! кричали художники: Фукиерру! что со шпагой пишеть! Фламандцу!

— Мнѣ очень непріятно, по вкусу требуетъ этой жертвы. Не правда ли?

Всѣ изъявляли единодушное согласіе, а многіе рѣшились спросить о намѣреніяхъ Пуссена. Когда онъ объявилъ имъ, что, соглашаясь съ общою мыслью Лувра, который положено совершенно перестроить, онъ полагаетъ украсить галерею только въ немногихъ мѣстахъ живописью, а впрочемъ убрать копіями съ превосходнѣйшихъ античныхъ статуй и барельефовъ, художественная Франція приуныла. Надежды на многочисленныя работы разрушились. Когда же Пуссенъ сказалъ, что передъ главнымъ фасадомъ Лувра онъ намѣренъ поставить мѣдную копію съ античной группы Монте-Кавалло, ропотъ сдѣлался гласнымъ. Скульпторъ Кастаніе съ презрѣніемъ сказалъ: — Парижъ не Римъ: онъ имѣетъ доста ваятелей. Довольно, кажется, головъ: могутъ изобрѣсти что-нибудь новое, по-лучше старой дряни.

— Можетъ-быть, съ улыбкой отвѣчалъ Пуссенъ. На себя я рѣшительно не полагаюсь. Радуюсь французской изобрѣтательности. У насъ, въ Римѣ, есть произведенія Буонароти, Бернини, многіхъ великихъ ваятелей; а старина для меня всё однако же лучше. Да я полагаю, что французскимъ художествамъ и не мѣсто въ проходной галереяхъ: остается еще цѣлый Лувръ! Впрочемъ, господа, я упрямъ въ моихъ мнѣніяхъ. Какъ угодно, сердитесь или нѣтъ, я и ваче не соглашусь заниматься луврскими работами.

Пуссенъ ушелъ. За нимъ ушли Ла-Гиръ, Лебрёнъ, Лессюръ, Михаилъ Корнель, и еще весьма немногіе. Прочіе остались въ галереѣ, даже не отдали Пуссену отвѣтсваго поклона.

Дорёгой, разговоръ продолжался. Молодень была очарована величественною сухостью Ришлянина, и съ сожалѣніемъ съ нимъ рассталась у воротъ его дома.

Пуссенъ вошелъ въ покои въ самое то время, когда Гаръ-Пионъ оканчивалъ длинное описаніе, какъ вывезли они съ Гойкомъ капитана; какъ Гойко сказалъ ему за тайну, что на Ліонъ они не поѣдутъ или по-крайней-мѣрѣ объѣдутъ, потому что Гойко извѣстный пасквильный мастеръ маркизь де-Кокъ, и кардиналъ поймаетъ его въ Ліонъ; какъ онъ взялъ отъ головы письмо въ Ліонъ только ради хитрости, и какъ Джудита подаетъ объ разводѣ, съ тѣмъ, чтобы, когда капитанъ напишетъ, гдѣ онъ остановится, взять Эвелину и служить ей до смерти матерью. Жакъ Стелла и Гаспаръ Дюгё прилежно слушали разсказъ Гаръ-Пиона. Эвелина пополняла его во многихъ мѣстахъ объясненіями, такъ что всѣ тайны, всѣ отношенія, столь сложныя и запутанныя, совершенно и подробно стали ясны двумъ ученикамъ Пуссена.

— Что же намъ теперь дѣлать? спросила Эвелина.

— Дочь моего друга, отвѣчалъ Пуссенъ: не откажется принять нашихъ услугъ. Два верхніе этажа въ нашемъ распоряженіи. Между-тѣмъ мы обо всемъ подумаемъ, похлопочемъ, и дѣло уладится.

— Мосьё де-Нойё! доложилъ придворный лакей, и государственный секретарь вошелъ въ гостиную.

— Какая честь! сказалъ Пуссенъ.

— Перестаньте, перестаньте! отвѣчалъ де-Нойё. Лучше бы мнѣ лежать въ постель, нежели имѣть непріятность посѣщать васъ съ такими порученіями.

— А что такое?

— Кардиналъ проситъ....

Де-Нойе остановился.

— Договаривайте, договаривайте! Я ко всему готовъ.

— Вы были неосторожны, любезный Пуссенъ.

— Я былъ искрененъ. Что угодно кардиналу? Мнѣ платятъ; я наемникъ, и безъ рожота исполню приказанія, лишь бы онѣ были въ моихъ силахъ.

— Кардиналъ проситъ сдѣлать ему рисунокъ подвижнаго кресла съ двумя столами.

— Гаспаръ! подай карандашъ и бумагу. — И только? спросилъ Пуссенъ, чертя въ маломъ видѣ проектъ рисунка.

— Виньетку къ этой книгѣ.

— Я просмотрю ее сегодня, а завтра сдѣлаю рисунокъ. Все?

— Нѣтъ еще, дорогій Пуссенъ. Кардиналъ проситъ еще два узора для обыкновенныхъ, простыхъ обоевъ.

— Большіе или мелкіе цвѣты? спокойно спросилъ Пуссенъ.

— Невозмутимый!.... Надежды мои воскресаютъ: ваше терпѣніе обезоружитъ мимолетную злобу.

— Вы ошибаетесь, почтенный сановникъ. Я буду вести реестръ своимъ работамъ. Когда мой трудъ, какого бы онъ ни былъ роду, покроетъ полученные мною деньги, тогда ни какая сила не заставитъ меня терять драгоценное время. Скажите кардиналу, что всѣ эти глупости едва ли выгодно заказывать Пуссену: онъ дорогъ. Я оцѣняю не предметъ и матеріалы, а время. Такимъ образомъ рисунокъ будетъ дороже кресель. Я полагаю около трехъ часовъ времени, назначеннаго для сочиненія эскизовъ.... да, около ста добрыхъ пистолей. Но это все-одно. Неудовольствіе не сдѣлаетъ изъ меня барышника: я не измѣняю своихъ привычекъ. Вамъ извѣстно, что на оборотъ моихъ картинъ всегда

выставлена цѣна, на которую еще никто не жаловался. Я то же сдѣлаю и съ этими пустяками.... Теперь, я полагаю, все ?

— И еще не все. Теперь моя единственная просьба. Сдѣлайте для меня мадону,.... какъ хотите, но такую, чтобы ее называли «мадоной Пуссена,» какъ говорятъ «мадона Рафаэля».

— Вы хотите усладить горечь порученій кардинала-герцога. Но, достойный человекъ, останется ли у меня довольно времени быть дѣйствительнымъ художникомъ, благоговѣнно предаться размышленію о Пресвятой Дѣвѣ, и сдѣлать сердце свое сколько-нибудь готовымъ къ принятію благодати, которая непременно должна руководить кистью художника, когда онъ изображаетъ святыню ? Постараюсь, но не общаю. Теперь удостойте выслушать мои просьбы. Первая : надо уничтожить всѣ лѣпныя украшенія въ луврской галереѣ и пейзажи въ окнахъ.

— Помилуйте ! они уже теперь стоятъ до сорока тысячъ ливровъ !

Пуссенъ улыбулся и сказалъ : — Въ художественномъ отношеніи, они ничего не стоятъ ; въ матеріальномъ, это воровство. За десять тысячъ можно надѣлать подобныхъ орнаментовъ и втрое больше и втрое лучше. Я не умѣю писать картинъ, какъ и не умѣю смотрѣть на картины, въ потемкахъ ; а за виноградными кистями, двухъ-локтевыми раковинами, и за рамкой въ два фута толщиною, не много свѣту доберется до картины. И к чему такъ много картинъ въ проходной галереѣ ? Неужели Франція такъ богата, что въ состояніи во все эти огромные простѣнки поставить дѣйствительно достойныя произведенія ? Множество обличаетъ иногда только безвкусіе. И не лучше ли отдѣлать эту галерею въ чистомъ, благородномъ стилѣ ? Посерединѣ одинъ большой плафонъ ; гдѣ нужно, одноцвѣтомъ написать

украшения въ видѣ барельефовъ, на примѣръ, всю исторію Геркулеса; вмѣсто живописныхъ наддверниковъ и надоконниковъ, которыхъ надъ окнами и видно не будетъ, поставить хорошія мраморныя копіи съ лучшихъ античныхъ барельефовъ; между оконъ мраморныя же копіи съ античныхъ статуй; полъ выстлать мраморами въ-квадратъ, и галерея будетъ вполне новая: весела, величественна, и совершенно согласна съ своею цѣлью. Плафонъ и исторію Геркулеса я напишу самъ. И едва ли въ мірѣ найдется галерея, которая бы стѣила такъ мало.

— Но Лемерсиде?....

— Это дѣло другое. Пріймите на себя отвѣтственность, и займись только живописью гдѣ мнѣ укажутъ. Но пока я отвѣчаю за красоту всей галереи, украшения Лемерсиде и пейзажи Фукиерра должны быть уничтожены. Вторая просьба : уволить меня отъ переписки. Чего добраго? одно несвойственное выраженіе, и мнѣ могутъ навязать процессъ....

— Вы насъ обижаете, Пуссенъ!

— Довольно того, что я видѣлъ и вижу. Кажется, я смѣю думать о предосторожностяхъ.

— Но сами судите : возможно ли все дѣлать на словахъ? Сегодня я въ Парижъ, завтра въ Сень-Жермень, послѣ завтра въ Фонтенблѣ.

— Такъ назначьте мнѣ секретаря, который бы отвѣчалъ за всѣ выраженія, а я буду ему говорить содержаніе.

— Перестаньте ребячиться, любезный мой другъ! Въдѣ вы будете имѣть дѣло только со мною.

— Впродолженіи короткаго времени меня встрѣтили такія неожиданныя событія, что я, признаюсь, и вамъ не совсѣмъ довѣряю.

— Перестаньте, перестаньте! наша дружба основана на другихъ началахъ.

— Нѣтъ основаній, подѣ которыми не могутъ подклеваться клевета и зависть.

— Только условимся въ искренности, Пуссенъ, и вы должны быть безопасны.

— Меня въ искренности обзывать не нужно. Третья просьба....

Вошелъ лакей, а вслѣдъ за нимъ Гордъ.

— Месье Пуссенъ! его величеству угодно имѣть живописные святцы. Не угодно ли вамъ будетъ заняться изготовленіемъ ликовъ всѣхъ годовыхъ святыхъ къ отъѣзду короля....

— Я не хорошо понимаю васъ. Какіе святцы?

— Небольшія картинки съ изображеніемъ святыхъ, ежедневно празднуемыхъ, для большого походнаго молитвенника его величества.

— Когда же его величество отправляется въ походъ?

— Въ воскресенье послѣ обѣда.

— Триста-шестьдесятъ-шесть картинокъ въ пять дней? со смѣхомъ спросилъ Пуссенъ.

— По-крайней-мѣрѣ на одинъ будущій мѣсяць, потому что молитвенникъ въ двѣнадцати частяхъ; а потомъ будете подсылать на мое имя.

Терпѣніе Пуссена поколебалось; но присутствіе де-Нойе, любовь къ доброму королю, предшествовавшій разговоръ, все это заставило его рѣшиться, и онъ отвѣчалъ: — Не приказывайте только невозможнаго. Для его величества картинки будутъ готовы.

—Сверхъ-того, его величество весьма не доволенъ своими комнатами въ Фонтенблô и приказалъ вамъ составить рисунки для новой перекраски этихъ комнатъ. Работы должны быть окончены во время отсутствія короля, а рисунки утверждены до отъѣзду.

— Я убѣжденъ, спокойно отвѣчалъ Пуссенъ: что вы пополняете приказанія христіаннѣйшаго короля. Онъ

на слугу своего не возложить невозможнаго. Подумайте сами: мнѣ надо ѣхать для этого въ Фонтенблò, снять всѣ размѣры, и воротиться къ воскресенію. Судите: когда же я успѣю подумать о томъ, какъ нарисовать мои мысли, особенно когда въ то же время надо отдѣлать тридцать картинокъ? Не правда ли, король не такъ приказывалъ?

— Я не знаю : волю королевскую мнѣ передалъ господинъ великій, отвѣчалъ Гордъ.

Де-Нойё посмотрѣлъ на Эвелину, и она покраснѣла. Пуссенъ ничего этого не замѣтилъ и, обращаясь къ де-Нойё, сказалъ : — Помогите! научите, что мнѣ отвѣчать?

— Я еще сегодня постараюсь объ этомъ доложить королю, и пришлю вамъ отвѣтъ ночью, отвѣчалъ де-Нойё.

Вошелъ маркизъ Дезюмидъ безъ доклада.

— Маркизъ! съ удивленіемъ сказалъ Пуссенъ : я не надѣялся уже съ вами видѣться въ моемъ домѣ.

— Неволя, одна неволя, господинъ живописецъ..... порученіе королевы.... Король въ воскресеніе ѣдетъ въ походъ. Королева желаетъ напутствовать его величество небольшимъ медальономъ съ изображеніемъ Людовика Святаго, и удостоила поручить это дѣло вамъ. День прощальный назначенъ въ субботу : медальонъ долженъ быть готовъ въ пятницу, живопись въ четвергъ.

— А сегодня вторникъ! съ нетерпѣніемъ сказалъ Пуссенъ.

— Да что это для васъ значитъ? отвѣчалъ Дезюмидъ. Я донесу, что порученіе ея величества я исполнилъ.

Маркизъ поклонился и уѣхалъ.

Терпѣніе Пуссена истощилось. Онъ мрачно посмотрѣлъ на де-Нойё. Тотъ прилежно дѣлалъ карандашомъ какое-то исчисленіе.

— Вы видѣли? вы слышали? сказалъ Пуссенъ при-
нятно измѣнившимся голосомъ.

— У насъ передъ королевскимъ отъѣздомъ всегда
много хлопотъ. Вы не повѣрите, чего не наприказы-
ваютъ. Но мы, въ такихъ случаяхъ, прибѣгаемъ къ хит-
рости и что можно, то дѣлаемъ чужими руками. Про-
стите, дорогой Пуссенъ! Теперь и сидѣть у васъ со-
вѣстно : такъ много дѣла!.... Простите! Мосѣ Гордъ,
поѣдемъ!

Пуссенъ стоялъ въ раздумьѣ посерединѣ комнаты. Гас-
паръ, Стелла и Эвелина съ участіемъ безмолвно смот-
рѣли на озабоченное лицо Пуссена. Одинъ Гаръ-Піонъ
рѣшился прервать молчаніе.

— Да почему бы вашей милости не послушаться доб-
раго совѣта : что можно, сдѣлать самому ; чего нельзя,
принять кого-нибудь? Вотъ господинъ Депортъ : тотъ
никогда ничего самъ не дѣлалъ..... Да онъ бы умеръ
въ сутки, если бы сдѣлалъ все то, что ему на одинъ день
заказывали!

Пуссенъ улыбнулся, и сказалъ : — Чего добраго, они
и меня на эту доску хотятъ поставить! А что Мосѣ
Депортъ? неужели, послѣ всѣхъ этихъ подвиговъ, живъ,
здоровъ, веселъ?

— Я навѣдывался въ вандомскія палаты : не возвра-
щался. Я ему и двери отперъ : Богъ съ нимъ! да не
бывалъ. Вотъ и теперь опять пойду. Гойко приказалъ
служить ему, да присматривать.

— Ступай, Гаръ-Піонъ, ступай. Не забудь : батюшка
поручилъ тебѣ Джудиту.

— Не извольте беспокоиться! Она теперь и красныхъ
не боится. А итти, пойду. Счастливо оставаться!

— Поклонись Джудитѣ, сказала ему вслѣдъ Эве-
лина.

— Съ моимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ Гаръ-Піонъ,
и пошелъ домой садомъ.

Толпа гуляющихъ преслѣдовала Гарь-Шюна до вандомскихъ палатъ. Исторія Вальероля была предметомъ общаго разговора. Многие дѣлали Гарь-Шюну вопросы, но драгунъ мѣрно и ровно продолжалъ шествовать, отвѣчая любезытнмъ : — Не ваше дѣло! Не ваше дѣло!

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТЬ-ПЯТАЯ.

Монологъ и элегія Гарь-Шюна.

Гарь-Шюнъ вошелъ въ свою прежнюю каморку и на-шелъ, къ особенному удовольствію, трубку свою на обычномъ мѣстѣ.

— Ну! сказалъ онъ : это хоть въ сказку! Три дня Гарь-Шюнъ трубки не курилъ : въ три дня ее не ута-нили! Конечно, трубка не дорогая, старая; но старый солдатъ лучше служить. Что табакъ, что порохъ, всё равно. И старый оселъ умнѣе молодаго жеребца. И то правда : конечно, въ Парижъ много старыхъ ословъ.... провели мы ихъ съ Гойкой! Только теперь одному что-то не ловко.... Чортъ побери! съ Депортомъ ладить все одно, что волка ласкать. Да не возьметъ хитрость, такъ я и въ загривокъ когти запушу..... Ахъ, канальство! какъ бы мнѣ, на нервныхъ порахъ, ухитриться?... Экой жидъ проклятый! Нѣтъ того, чтобы пристуну на-учить.... Ну, да Богъ милостивъ!

Изъ этого монолога замѣтно, что Гарь-Шюнъ былъ, можетъ-быть, въ первый разъ въ жизни въ сильномъ волненіи. Судьба оставила его одного : все семейство Гарь-Шюна распалось. Какъ недвижимая скала въ пу-стынѣ, онъ остановился посреди пустой гостиниой и

забывшись, продолжалъ курить трубку. Пустивъ клубъ дыму, Гарь-Пионъ вознесъ очи горь и съ чувствомъ сказалъ громко: — Правду говорилъ отецъ Андрей третьяго дня на проповѣди: «И опустеетъ домъ, и только дикіе звѣри въ нихъ проживать будутъ, и стѣны стѣнотъ»,... и много онъ еще говорилъ, и все правда!

Опять облако дыму.

— «И будетъ венецианце».... и никто не узнаетъ, кто проживаетъ на второмъ, кто на третьемъ этажѣ; вездѣ будетъ, зимней порой, погрѣться; некому въ каминъ затопить, и все это правда!.... и...

Трубка погасла.

— Да! ужасно печально говорилъ отецъ Андрей! продолжалъ Гарь-Пионъ, усявшись на столъ и болтая ногами. Есть и пѣсня на этотъ счетъ:

Стоитъ въ полѣ домъ,
Домъ съ однимъ окномъ;
Окно безъ стекла,
Безъ нечи труба,
Надъ трубою котъ
Пѣсенку ведетъ....

Да, ужасно печальная пѣсня!

И прохожій сторожить.
Котъ его манить:
Млу, млу!.....

И, зажмурившись, Гарь-Пионъ передразнивалъ кота, воображая, будто онъ сидитъ на трубѣ вандомскихъ палатъ. Едва онъ открылъ глаза, какъ началъ креститься и читать молитвы. Передъ нимъ стоялъ длинный консисторскій клерикъ, въ черной, еще длиннѣйшей рясе, въ шляпѣ, поднявъ кверху руку съ черною палочкой; въ другой онъ держалъ бумагу и собирался читать.

Гарь-Пионъ опомнился и, сидя на столѣ, сказалъ: — Позвольте, позвольте! не ошибитесь! Я... Гаспаръ Гарь-

Піонъ, фамилія.... не помню, драгунъ, подъ командой маршала Шомберга.... (И вдругъ перемѣнилъ тонъ.) А если вамъ угодно говорить съ господиномъ Депортомъ, такъ онъ за вами.

Клерикъ оборотился, и объявилъ приглашеніе отъ парижскаго епископа явиться къ духовному суду консисторіи, для опроверженія показаній Джудиты Депортъ, урожденной Ваоли, требующей законнаго и немедленнаго разводу.

Эта неожиданная гроза разразилась въ самое то время, когда Мазарини, въ свѣтскомъ платьѣ и въ испанской шляпѣ съ перьями, вошелъ въ смежную комнату. Депортъ не зналъ, что отвѣчать; но Мазарини бросилъ свое маскарадное платье, вошелъ въ гостиную, и твердымъ голосомъ сказалъ клерику: — Скажите епископу, что Джудитъ должно отказать.

— Невозможно, ваша эминенція, невозможно! Мы такъ-было и думали, но ни одинъ законъ не подошелъ. Причины слишкомъ важны. По ошибкѣ, жалоба прочитана соборно, даже при сорбонскихъ профессорахъ. Дѣло получило гласность.

— Ну, такъ скажите епископу, что дѣло столь важное, по моему мнѣнію, можетъ пролежать годъ и два: опасно спѣшить рѣшеніемъ.

— Можно, ваша эминенція, можно! отвѣчалъ клерикъ.

— Вы изъ новой сорбонской академіи? спросилъ Мазарини.

— Имъю счастье....

— Хорошо учать, хорошо приготавлиютъ. Поблагодарите отъ меня епископа. Я вамъ очень доволенъ. Ступайте.

— Нѣтъ, мой будущій епископъ, нѣтъ! сказалъ Депортъ: не такъ! вы все это можете объявить настоящему епископу, но Депорта вы не нашли въ Пари-

же: онъ въ Сентъ-Жерменъ, и неизвестно, когда возвратится.

— Можно, господинъ маркизъ, можно, отвѣчалъ шерикъ, кланяясь, и ушелъ.

— Зачѣмъ же это? спросилъ Мазарини.

— Бога вы не боятесь! отвѣчалъ Депортъ. Кардиналъ хочетъ видѣть маркизу Джудиту..... понимаете ли?

— Ну!.....

— Мы погибнемъ, хотя и ея участь рѣшена. Кардиналъ не оставитъ ея на свободѣ..... Ты зачѣмъ здѣсь? закричалъ Депортъ, вспомнивъ что Гарь-Пионъ былъ третьимъ собесѣдникомъ.

— Жду вашихъ приказаній.

— Ступай къ чорту!

— Слушаю-съ, покорно сказалъ Гарь-Пионъ, вышелъ, и, притворивъ двери, продолжалъ невидимо участвовать въ тайной бесѣдѣ.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТЬ-ШЕСТАЯ.

Баррикады.

Жена головы полюбила Джудиту : несчастіе лучшей проводникъ къ сердцу женщины. Объ создавали планы, какъ провести лѣто, потому что разводъ дѣло продолжительное, а июнь мѣсяцъ былъ уже у воротъ. Рано голова возвратился изъ ратуши съ особенно довольнымъ, таинственнымъ видомъ.

— Удивительныя у васъ дѣти! сказалъ онъ, садясь въ кресла. Вы ихъ умно воспитали. Они уже познако-

милась со всеми старейшими и со многими первостепенными купцами. Только и слышала я сегодня: «Не жалуйте комъ съ матушкой откупать..... Навещайте нашъ домъ: у меня есть тоже двѣти...», и тому подобное. Всемъ нравится ихъ открытый видъ, умныя рѣчи, ненависть къ кардиналамъ, любовь къ королю и доефну. Многіе возлагаютъ на нихъ даже государственныя надежды.

Джудита злобно улыбалась.

— Чтò слышно о разводѣ, господинъ голова? Это самое главное!

— Посланъ вызовъ къ мосьё Депорту, и все правительствующее и ученое духовенство въ полномъ собраніи выслушало просьбу. Установленный срокъ для явки противной стороны десять дней.

— Депортъ изъ нихъ съдѣляетъ сто.

— Какъ можно!.... какъ можно!.... Но я всегда оставляю пріятное для заключенія. Я сегодня получила записочку, весьма занимательную....

Голова вынулъ затасканный лоскутокъ бумаги, развернулъ, и прочелъ слѣдующее: «Въ Ліонъ, за полчаса до нашего отъѣзду, посланъ отрядъ Швейцарцевъ. Мы своротили съ дороги. Отсылаемъ вашей милости карету, а сами, кратчайшимъ и совершенно безопаснымъ путемъ, подъ именемъ маркитантовъ, отправились съ военнымъ отрядомъ къ италіянскимъ горамъ. Отрядъ перейдетъ въ Вальтелину, гдѣ мы и ожидаемъ нашихъ женъ и дочерей и храбраго рыцаря.»

Джудита нѣсколько разъ перечитывала записку. Вошелъ Гаръ-Піонъ, второй разъ въ жизни въ сильномъ волненіи.

— Чортъ побери! сказалъ онъ истинно по-рыцарски. Сударыня! вамъ надо бѣжать изъ Франціи, бѣжать сегодня, сейчасъ, если можно!

— Чтò такое? чтò такое? въ-очередь все спрашивали Гаръ-Піона.

— Какъ что такое! Кардиналь послалъ за вами надежныхъ людей, хочетъ самъ васъ депросить обо всѣхъ тайныхъ дѣлахъ.

— Слава Богу, слава Богу! я ихъ выведу на чистую воду....

— А послѣ что будетъ?..... Что будетъ послѣ?..... Васъ положено запереть куда-нибудь въ благонадежное мѣсто, потому что тайна нужна только одному кардиналу.... Запереть навсегда, на всю жизнь, потому что кардиналь Мазарини вотъ что сказалъ Депорту: «Ришліе во всемъ мнѣ помогаетъ; онъ упрячетъ Джудиту, а я обязанъ продолжать всѣ мѣры его министерства.» — Тутъ Депортъ: «Но она все знаетъ, она меня погубить, она меня не пощадитъ.» — «Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше! со смѣхомъ отвѣчалъ Мазарини: пора и тебя припрятать. Кардиналь уѣзжаетъ, можетъ-быть уѣхалъ, и ты мой арестантъ.» — «Кардиналь!» завопилъ Депортъ. — «Ни слова! Со мною ножъ, за мною Швейцарцы.» — «Но вы безъ меня не съищите Джудиты.» — «Только на этомъ условіи ты свободенъ, но, на случай, даю тебѣ спутниковъ, которые будутъ вѣрнѣе твоей тѣни.» — «Но зачѣмъ же ее допускать къ кардиналу? спросилъ Депортъ. Моя мысль, не лучше ли самимъ упрятать Джудиту?» — «Куда?» спросилъ Мазарини. — «Земля просторна,» отвѣчалъ Депортъ, и они другъ другу пожали руку.

Двѣ Джудиты стояли въ дверяхъ, и съ ужасомъ слушали разговоръ Гарь-Піона. Голова всталъ и торжественно сказалъ: — Созвать ратушу и городскую стражу!

— Никогда! никогда! съ достоинствомъ сказала Джудита. Я никогда не соглашусь быть причиною вашей ссоры съ кардиналами. Гарь-Піонъ правъ: надо бѣжать изъ Франціи, но съ Эвелиной.

— Никогда! отвѣчалъ на это Гарь-Піонъ. Какъ они пожали другъ другу руку, такъ и сказали: «Пойдемъ!»

Я спрятался за занавѣсъ. Идутъ. Я за ними. Въ прихожей, — вы знаете, какова она, — набито Швейцарцевъ, человекъ тридцать. Половина отправилась въ Тюльрійскій Садъ, къ домику Мену, съ Депортомъ; а прочіе остались, стали по всему дому шарить и грабить. Я въ окно, да на сосѣдную крышу. Кричатъ : «Лови, лови!» Я схватился за колодезное бревно, перевѣсился.... проклятое на-смази такъ меня о землю и брякнуло!... Чортъ возьми, хуже ядра вальтелинскаго! Да ужъ тутъ, вижу, дѣло не до увѣчья : не въ больницу итти ; сначала поползъ , а потомъ и расхотѣлся. Такъ ужъ вамъ къ Эвелинѣ бѣжать не приходится, а развѣ въ замокъ Орбиньи. По-дорогъ и Сару захватимъ.

— Карету! закричалъ голова : карету и сотню стрѣлковъ!

Гарь-Піонъ , хромая , ушелъ исполнить приказаніе головы.

— Дѣти мои , вы слышали все? со слезами спросила Джудита.

— Увѣжайте, матушка, увѣжайте! Мы отомстимъ за васъ!

— Да будетъ съ вами мое благословеніе!....

Не прощаться! безъ прощаній! Карета готова. Стрѣлки насъ догонять.

Въ той же, знакомой намъ, дорожной каретѣ уѣхала Джудита съ Гарь-Піономъ. Не прошло и четверти часу, какъ съ одной стороны Мазарини, съ другой Депортъ, подошли къ дому головы. Дѣти съ крикомъ убѣжали въ спальню жены головы, и просили у нея оружія. Жена головы заперла двери и стала ихъ усовѣщавать. Между-тѣмъ голова съ важностью ввелъ гостей въ залу.

— Чтѣ угодно вашей эминенціи? сказалъ голова, сядя въ кресла насупротивъ Мазарини и не приглашая Депорта занять мѣсто.

— Вотъ пріятель мой, дворянинъ его величества, ординарный живописецъ Депортъ, пришелъ къ вамъ съ жалобой, а я его ходатаемъ.

— Въ чемъ ваша жалоба, господинъ дворянинъ и ординарный живописецъ его величества?

— Жена сбѣжала, не могу отыскать.

— Она поѣхала въ городской ратушевой каретѣ къ его эминенціи, кардиналу-герцогу, въ Рюэль, просить объ ускореніи развода съ вами.

— Помилуйте, господинъ голова! да вы не должны потворствовать разврату! сказалъ Мазарини.

— Я знаю свои обязанности, и долженъ васъ предупредить, господинъ кардиналъ, что ратуша добраго города Парижа пріиметь свои мѣры противъ соблазнительей и подкупателей, какого бы они званія и чина ни были.... Мосьё Депортъ! епископу сдѣлано ложное донесеніе, якобы вы находитесь внѣ города. Клерику Ромуальду де-Шатилю я запрещаю входить въ городъ, даже въ процессіяхъ къ Парижской Божіей Матери, а васъ подѣ стражей, какъ ослушника епископскихъ повелѣній и подкупателя, представлю завтра въ соборное засѣданіе правительствующаго и ученаго духовенства.

Неожиданныя мѣры и рѣшительность, съ какою говорилъ голова, ясно показывали, что ему все извѣстно. Мазарини первый опомнился и отвѣчалъ:

— Задержать дворянина, полагаю, не въ правѣ парижская ратуша.

— Ратуша въ это и мѣшаться не будетъ: это мое личное право. Она еще болѣе оскорблено мосьё Депортомъ въ садахъ тюльрійскихъ: онъ изволилъ ходить тамъ съ вооруженными людьми.

— Это мои Швейцарцы.

— Назначенные только для охраненія вашей особы, отнюдь не для сопутствія мосьё Депорту.

— Такъ что же вы хотите дѣлать? съ запальчивостью

сказалъ Мазарини. Не вздумаете ли вы задержать и меня?

— Почему же нѣтъ? хладнокровно отвѣчалъ голова. Еще одно лишнее слово, и повесть о кардиналѣ Де-ла-Валеттѣ можетъ повториться.

— Купчишка!.... гляди за своими бондарями и замшевыми продавцами, а я тебя завтра же отлучу отъ церкви!

— Это что-то новое! сказалъ голова, вставъ и ударяя въ ладоши. — Васъ двое, продолжалъ голова : надо принять мѣры.

Онъ опять захопалъ. Никто не являлся.

— Видно, ваша гвардія, сказалъ Мазарини, гдѣ-нибудь въ погребу пируетъ съ членами ратуши. — Пойдемъ, Депортъ!

Голова заступилъ дорогу, и закричалъ : — Ни съ мѣста!

Въ то же время за дверьми послышался шумъ. Съ крикомъ вбѣжали въ комнату дѣти Джудиты. Толстая Варвара, жена головы, держала обоихъ за руки. Мазарини и Депортъ поблѣднѣли. Оба, забывшись, закричали : — Дѣти мои!

— Не ваши! съ бѣшенствомъ простоналъ Джироламо: не ваши! Мы дѣти Джудиты, мы ея мстители!

— Возьмите же эту первую жертву сыновней мести! сказалъ голова, указывая на Депорта : возьмите, граждане Парижа, недостойнаго пришельца, италіянскаго ремесленника, Филиппа делла-Порту!

Мазарини не сводилъ глазъ съ прекрасныхъ юношей, которыхъ месть одушевляла и дѣлала еще прелестнѣе, милѣе. Сердце кардинала наполнилось несповѣданнымъ чувствомъ : онъ плакалъ и не отиралъ слезъ. Но Депортъ дрожалъ какъ листъ, и не сводилъ глазъ съ покровителя-сообщника. Разсудокъ гаснетъ въ страстяхъ, гдѣ замѣшается родство. Мазарини бросился

обвинять дѣтей, но Джироламо оттолкнулъ его съ проклятіемъ; Джованни ирочно повторилъ ихъ. Между тѣмъ сбѣжались люди, и вошелъ очередной десятникъ.

— Траншѣ! отведи въ сторожевую избу этого господина, и пошли къ старшинамъ. Немедленно пусть собираются къ допросу обманщика дела-Порты, который осмѣлился прожить въ Парижъ подъ чужимъ именемъ, имѣлъ дерзость обмануть государя, министровъ, и употреблялъ высокія милости только для постыдныхъ видовъ ... Ведите!

— Кардиналъ! кардиналъ! стоналъ Депортъ.

— Стойте! закричалъ Мазарини. Я беру его на поруки.

— Нельзя! съ твердостью отвѣчалъ голова. Вы, ваша эмпенція, благоволите удалиться, если не хотите быть причиною и жертвою неприятныхъ послѣдствій, передъ которыми я не намѣренъ останавливаться. Добрый городъ Парижъ на меня смотритъ. Я щажу васъ для Ришліё, только изъ дружбы къ кардиналу-герцогу.

— Голова! закричалъ Джироламо: а сегодня еще старшина Лері читалъ законъ короля Карла Пятаго....

— Не наступило время еще, отвѣчалъ голова. Оно не далеко.... и тогда ни какая сила не избавитъ васъ отъ преслѣдованій закона!.... Ведите преступника!

Депорта увели. Джироламо и Джованни пошли посмотреть, какъ производится законное задержаніе преступника. Въ комнатѣ остались Мазарини и голова.

— Все, сказалъ Мазарини, схвативъ за руку голову: все за Депорта и этихъ двухъ мальчиковъ!

— Все за права города Парижа! все за правду! все за великаго государя нашего, Людовика Справедливаго!

— Такъ вы намѣрены вести со мною войну? спросилъ Мазарини.

- Война, Мазарини! отвѣчалъ голова : война!
- Я первый буду въ вашемъ станѣ.
- Она начнется казною Депорта.
- Какъ ушей своихъ вы не увидите этой казни!
- Завтра, на зарѣ, соберется парламентъ....
- Я разгону васъ, купцы и мытари!
- Де-ла-Валетта судили ваши купцы и мытари!
- Я задушю тебя! закричалъ Мазарини, и бросился на голову.

Тотъ схватилъ доску со стола, и бойцы кружились, упираясь животами въ доску. Во время этой трагикомической сцены вошли старшины въ указномъ облаченіи. Мазарини исчезъ.

— Господа! въ моемъ лицѣ, Парижъ боролся съ Мазарини, сказалъ утомленный голова.

— Парижъ былъ съ баррикадами, сказалъ Лері съ улыбкой.

Голова и всѣ разсмѣялись.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТЬ-СЕДЬМАЯ.

Представленіе Цинны.

Было поздно. Въ садахъ кардинальскаго дворца прогуливалось избранное парижское общество, ожидая шести часовъ. Представленіе Цинны всегда привлекало множество народу, особенно когда всѣмъ было извѣстно, что Корнель въ Парижѣ и, вѣроятно, по родительской привязанности къ лучшему своему произведенію, не пропуститъ спектакля. Два года Парижъ не видалъ въ театрѣ Корнеля, во-первыхъ, потому что

онъ постоянно жилъ въ Руанѣ, а во-вторыхъ, и потому что, не отдѣлавъ окончательно Поліевкта, онъ не хотѣлъ посторонними, иногда и грязными впечатлѣніями, возмущать тотъ высокій міръ, въ которомъ жили и дѣйствовали герои христіанской трагедіи.

— Гдѣ вы сегодня? спросилъ молодой человекъ прекрасной наружности у юноши съ красивыми кудрями, но съ лицомъ одушевленнымъ, сверкающими глазами и гордой осанкой.

За обоими собесѣдниками были пажы и нарядные слуги.

— Самъ не знаю. А вы, принцъ?

— Я, по обыкновенію, на сценѣ. По милости кардинала, у насъ теперь на самой сценѣ есть сборная ложа.

— Принцу Конти, сказалъ юноша: не должно бы одолжаться милостями кардинала.

— На-исходъ, мой добрый Кондѣ, на-исходъ! Право, теперь и ссориться съ нимъ не стоить: полу-мертвый человекъ.

— Этотъ полу-мертвый уморить еще многихъ.

— Богъ съ нимъ!.... Такъ гдѣ же вы сегодня? Пойдемъ къ вамъ въ ложу.... А вотъ и Мазарини! Вы гдѣ сегодня, кардиналъ? въ сборной?

— Въ кардинальской, отвѣчалъ Мазарини съ примѣтнымъ неудовольствіемъ.

— Не стыдно ли вамъ оставлять товарищей? Знаете, гдѣ мы сегодня послѣ спектакля?

— У васъ каждый день новое мѣсто забавъ.

— Совсѣмъ нѣтъ! Голова заважничалъ, и мы хотимъ проучить купцовъ городскихъ. Ратуша прибила на всѣхъ углахъ объявленіе: на всѣхъ предмѣстьяхъ за-прещаютъ сходбища послѣ полуночи. Если нельзя на предмѣстьѣ, такъ мы и рѣшили сегодня, послѣ спектакля, прямо въ Ситѣ, и въ биржевой тавернѣ, что

насупротивъ ратуши , затѣять пляску и весь нашъ гвалтъ.

— Я съ вами! съ примѣтною радостью сказалъ Мазарини. Но мнѣ надо переодѣться....

— Кчему? отвѣчалъ принцъ Конти. Я васъ переодѣну на сценѣ. Мнѣ всѣ актеры знакомы.

Куранты заиграли на башнѣ, тогда еще деревянной, церкви святаго Роха, и всѣ бросились въ театръ. Ложи были наполнены дамами въ самыхъ вычурныхъ прическахъ и костюмахъ. Изъ ложъ, что на сценѣ, выкинули на подмостки ковры и подушки, и нѣсколько человѣкъ улеглось почти у ногъ актеровъ. Впереди лежали принцы Конти и Кондѣ; за ними нѣсколько человѣкъ молодежи изъ первыхъ фамилій; Мазарини скрывался въ самой глубинѣ ложи. Въ партеръ было два ряда почетныхъ креселъ, которыя раздавались по назначенію самого кардинала. Между креслами и оркестромъ не было перилъ : музыканты мѣшались съ почетными гостями.

— У кардинала опять новый музыкантъ, сказалъ Кондѣ, указывая на вошедшаго въ оркестръ Пуссена.

— Судя по губамъ, это долженъ быть фаготъ, отвѣчалъ принцъ Конти : а по платью, Гасконецъ.

— Нѣтъ, изъ Прованса.

— Только ужъ изъ провинціи, это навѣрное! Посмотрите, посмотрите : онъ садится на почетное мѣсто.

— Это Пуссенъ, замѣтилъ Мазарини. Не долго ему сидѣть на этомъ мѣстѣ!... Видѣли?

— А что?

— Онъ покачнулся.

— И глаза красны....

→ Вѣрно, съ обѣда.

— Изволили кушать, съ коварной улыбкой сказалъ Мазарини : вдвоємъ съ своей любовницей.... Вотъ, господи, прелесть!

— Мазарини, замѣтилъ Кондѣ : можетъ перечесть по пальцамъ всѣхъ красавицъ Парижа. Нумеръ первый?....

— Любовница Пуссена, проворно досказалъ Мазарини:

— Неужели?..... А нельзя ли видѣть? спросилъ Конти.

— Должно! Иначе, у васъ, господа, мѣщанскій вкусъ.

Грянула музыка, и всѣ замолчали. Конти раскланялся съ знакомыми дамами, Кондѣ читалъ первый актъ Цинны изъ печатной книги, прочіе также кланялись дамамъ. Музыка кончилась: на сцену вошли Эмилиа и Фульвіа. Превосходный вступительный монологъ Эмилии былъ пропущенъ : актеры полагали, что онъ лишній и только наводитъ на зрителей скуку.... Ужъ эти актеры! Вольтеръ, который впрочемъ понималъ Корнеля не лучше актеровъ, первый упростилъ Эмилию возстановить превосходный монологъ.

— Мазарини, сказалъ Конти : старая знакомая....

— Принцъ, говорите тише : она уже замужемъ и корчить вѣрную жену.

— Еще бы! Переходя изъ въ руки, Эмилиа стала римской матроной, и я въ этомъ вижу разумъ кокетки. Чѣмъ же она теперь занимается?

— Собираетъ деньги.

— Да это прежнее ремесло!

— Теперь только перемѣнились средства. Посмотрите, принцъ : сегодня новая Фульвіа. Эмилиа играетъ дурно, потому что Фульвіа очень не дурна собой.

— Да она вдвое моложе Эмилии : зачѣмъ же сердиться?

— Спросите у нихъ! Женщины не прощаютъ молодости, зачѣмъ она молода.

— Мазарини огромный философ! заметилъ Кондэ, и бросилъ цвѣтокъ къ ногамъ Фульвін.

Эмилиа покраснѣла до ушей, и машинально продолжала читать стихи. Вошелъ Цинна.

— Ну, накричится же онъ сегодня! сказалъ Конти: на-бѣду сегодня въ голось. Я думаю, не лучше ли будетъ, во время мужскихъ сценъ, укрываться въ ложь?

— Не ловко опускаться въ ложу, сказалъ Кондэ. Когда захлопають, тогда развѣ.

— Ну, такъ давайте хлопать!.... Что жъ они замолчали?

Актеры дѣйствительно остановились и молчали, преклонясь почтительно. Корнель въ это время вошелъ въ оркестръ и пробирался на свое мѣсто. Кондэ первый замѣтилъ Корнеля и сказалъ о томъ Конти. Всѣ встали; за ними поднялись съ мѣстъ своихъ дамы, и весь партеръ загремѣлъ: «Да здравствуетъ великій Корнель!»

Испуганный неожиданнымъ пріемомъ, Корнель поспѣшилъ на свое мѣсто, раздавилъ по-дорогѣ виолу, не извинился, и усѣлся; но громкія восклицанія подняли его съ мѣста. Принцы не сѣли, дамы то же; партеръ гремѣлъ. Корнель почтительно раскланялся на всѣ четыре стороны. Все утихло и пришло въ прежній порядокъ.

— Неужели, спросилъ его Пуссенъ: рিশліевскій театръ не умнѣ рিশліевской академіи?

— Хорошо, что хозяинъ уххалъ, отвѣчалъ Корнель: а то, за этотъ триумфъ, долженъ бы поплатиться такимъ же торжественнымъ униженіемъ.

— Они уже познакомились, проворчалъ Мазарини: добра не будетъ!

— Кто познакомился? спросилъ Кондэ.

— Одна дама съ однимъ молодымъ человѣкомъ.

— Вы считаете его опаснымъ соперникомъ?

.. — Да!.... въ некоторомъ отношеніи.

Актъ кончился. Вся публика встала, всѣ лица обратились къ Корнелю, всѣ голоса снова загремяли его славу. Но вышли актеры, и опять все затихло.

— Мнѣ должно бѣжать, сказалъ Корнель. Радость народа, какъ буря, возрастаетъ до неистовства.

— Чѣмъ же можетъ кончиться эта буря? спросилъ Пуссенъ.

— Проводами, отвѣчалъ Корнель: которыхъ уже никакъ не простить кардиналъ-герцогу. Я и такъ уже виноватъ передъ нимъ, зачѣмъ пришелъ въ театръ..... Нечего дѣлать! надо бѣжать изъ театра, надо бѣжать изъ Парижа. Поліевкта моего не хотятъ играть: такъ что мнѣ дѣлать въ Парижѣ? Но передъ отъездомъ въ Руанъ, я долженъ предостеречь васъ, мосеъ Пуссенъ. Клевета объявила васъ отчаяннымъ пьяницей. Будьте осторожны.

— Неужели кто-нибудь вѣритъ такимъ глупостямъ? съ улыбкой спросилъ Пуссенъ.

— Весь Парижъ! отвѣчалъ Корнель: весь Парижъ, кромѣ меня и главныхъ клеветниковъ..... Простите! Бѣгу. Расположеніе публики можетъ погубить меня, а жена.... а дѣти....

Корнель всталъ и пробирался къ выходу, но, примѣтивъ, что актеры запнулись и партеръ заволновался, онъ послѣшно сѣлъ на пустое мѣсто у самаго входа, и выползъ изъ театра тогда уже, какъ сильное впечатлѣніе, произведенное мастерскими стихами и отличною игрою актеровъ, привело публику въ новый восторгъ.

Пуссенъ вполне предался интересу превосходной трагедіи. Изрѣдка только мысль о клеветѣ мелькала далекой тѣнью; но когда пьеса кончилась и публика расходилась, негодуя на Корнеля, зачѣмъ лишилъ ее возможности, послѣ трагедіи, разыграть комедію подъ заглавіемъ «Уличная Слава Писателя»; когда театръ

опустѣлъ и на сценѣ, въ недавнемъ Римѣ, появились кардинальскіе лакеи и стали убирать декораціи; когда переодѣтые принцы и дворяне, проходя сцену съ пѣсней, несли въ триумфѣ на римскихъ носилкахъ Фульвію и, преклонивъ вѣдъ ей колѣна, шутовски изъясняли восторгъ свой, будто произведенный Фульвіей въ ничтожной родѣ наперсницы; когда Эмилія оскорбленная триумфомъ Фульвіи, стала бить служанку и бранить мужа, который, будучи Августомъ, владыкой міра, спокойно сквозь пальцы смотритъ на униженіе жены своей; когда все это смѣшалось въ жалкую картину человѣческой суетливости и пустоты, — тяжело стало Пуссену. Блаженъ кому Провидѣніе подарило радужную призму, черезъ которую онъ можетъ смотреть на окружающіе предметы: не отымайте отъ глазъ этого веселаго стеклышка! иначе, надо бѣжать отъ людей, строить вавилонскую башню, и поселиться на заоблачномъ ея темени. Знаменитый пьяница не могъ въ эту минуту простить клеветъ: суетливость заразительна, и великая душа взяла мести. Пуссенъ опрометью бросился изъ пустаго театра. Но принцы и дворяне долго еще продолжали свою комедію. Лакеи потушили лампы: собесѣдники зажгли факелы. Фульвія сидѣла на носилкахъ.

— Царица! сказалъ маркизь Дезавѣ: украсьте праздникъ цитерскій вашимъ присутствіемъ! Мы намѣрены обратить сегодня Парижскій Островъ въ островъ любви; мы хотимъ въ неприступныхъ стѣнахъ Ситѣ утвердить престолъ Киприды. Богатѣйшіе купцы принесутъ жертвы къ вашимъ стопамъ; первые юноши Франціи будутъ вамъ услуживать: на первый случай осмѣлюсь представить себя, принца Конти, и Кондѣ, молодого героя, которому объщаются четыре войны и четырёхста побѣдъ; первые писатели Франціи воспоютъ славу вашу: Корнель, Котлѣ, ... если хотите, кардиналъ Ришліѣ, всѣ, всѣ!... И такъ, обожаемая царица...

— Безъ свиты? отвѣчала кокетка.

— Свита будетъ!

И дворяне бросились за кулисы, поймали двухъ дѣвчонокъ изъ прислужницъ, и опредѣлили ихъ нести шляфъ Киприды. Замаскированный незнакомецъ за руку втащилъ насильно на сцену Эмилию.

— Куда вы меня ведете? кричала Эмилиа.

— Въ свиту нашей Киприды, въ свиту Киприды! отвѣчалъ незнакомецъ.

— Помилуйте! сказалъ Конти: она сама богиня! она сама степенная и ревнивая Минерва!

— Минерва? съ бѣшенствомъ закричала Эмилиа, вырываясь изъ рукъ знакомаго.

— Нѣтъ, нѣтъ! кричалъ незнакомецъ. Успокойтесь! вы просто нимфа, которую я, сатиръ, укралъ и тащу съ собой гулять на цитерскій праздникъ.

— Что же ты, глупая голова, молчишь? сказала Эмилиа своему Августу, который стоялъ въ смѣшномъ нарядѣ за кулисою, и глядѣлъ на приготовленія къ цитерскому празднику.

Августъ подошелъ къ Эмилии и съ трагическою важною сказалъ:

— Ступай на празднество, и пиръ укрась собой!

Киприду побѣди блистательной красой!

Разруша жертвенникъ и взявъ серебро и злато,

Слѣши къ Юпитеру съ добычею богатой.

И съ колесницею, и злато и жену

Я буду ожидать на Каменномъ Мосту!

Общее «браво» отвѣчало на безкорыстную выходку Августа. Даже сама Эмилиа улыбнулась. Незнакомецъ, держа за руку Эмилию, сказалъ что-то на ухо Августу и своей плъвницѣ, а потомъ громко возгласилъ, передразнивая Августа:

— О нимфа нѣжная и ты, Олимпа царь,

Довольны ль вы, друзья?....

Оба, дѣлая утвердительный знакъ головой, отвѣчали :

Довольны, государь!

Опять общее «бравё». На Киприду и на старую шняву набросили покрывало, и, съ пѣснями, всѣ отирались въ Ситѣ.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТЬ-ОСЬМАЯ.

Приступъ и ретирода...

— Ворота еще не заперты, сказалъ маркизь Дезавё, когда буйные собесѣдники переходили мостъ.

Въ тѣсныхъ улицахъ Ситѣ, между лавокъ, мастерскихъ и часовень, встрѣтили ихъ городскіе стрѣлки съ многими урядниками и городскимъ старшиною.

— Именемъ короля, остановитесь! закричалъ старшива Лері.

— Именемъ короля, пропустите! отвѣчалъ Кондѣ.

— Стой! закричалъ Конти. Вступимъ въ переговоры. Чтò вамъ угодно?

— Если вамъ не извѣстно послѣднее повелѣніе парижской ратуши....

— Извѣстно, извѣстно! отвѣчали всѣ, даже и женщины.

— И какъ намъ запрещено пировать на предмѣстьяхъ, ради умноженія городского дохода, то мы и признали за-блага осчастливить и обогатить Ситѣ нашимъ посѣщеніемъ.

Сказавъ это, Конти вынулъ шпагу, и всѣ послѣдовали его примѣру.

— Съ дороги! закричалъ онъ, и старшина и стрѣлки невольно посторонились.

Въ трактиръ, противъ самой ратуши, все было давно готово къ принятію гостей; но мэтръ Креманъ, не желая ссориться съ городскимъ начальствомъ, заперъ на замокъ двери и погасилъ огни. Шалунамъ это было известно. Двери выломали, но окна пощажены. Царину усадили на почетное мѣсто. Эмилія обидѣлась, и только удивительное искусство замаскированнаго незнакомца возстановило общее спокойствіе. Начался пиръ. Собесѣдники вскорѣ достигли до известной степени одушевленія. Шумъ возрасталъ. Явился голова со всеми старшинами, и требовалъ, чтобы дворяне немедленно вышли изъ Ситѣ.

— Съ тѣхъ поръ, отвѣчалъ Конти: какъ я имѣю счастье быть старшиною нашего веселаго общества, ни какой беспорядокъ не возмутитъ спокойствія гражданъ добраго города Парижа. Кто вамъ далъ право, господинъ голова, стѣснять привиллегіи французскихъ дворянъ? Завтра походъ: мы должны вѣхать. Продолжительная война съ вами на предмѣстьяхъ не возможна, и мы пришли искать возстановленія правъ нашихъ прямо въ Ситѣ, въ городъ.

— Подумайте, ваша свѣтлость, что скажетъ король, если узнаетъ....

— Молчите, господинъ голова! Это ужъ не ваше дѣло.

— Не мое дѣло?.... Посмотримъ! Завтра соберется парламентъ; я принесу жалобу....

— Посмотримъ! Я и вашимъ парламентамъ объявляю войну, а васъ прошу быть моимъ посломъ и прокуроромъ.

— Нѣжная, безбородая молодость извиняетъ ваше дерзкое обращеніе....

— Смотрите, чтобы дерзость наша не перешла предѣловъ и не кончилась по-мѣщански.... Вонъ!

— Вонъ! закричало, голосовъ двадцать, и голова съ старшинами, молча, удалились.

Смѣхъ, шутки и насмѣшки провожали градоначальника.

— И этотъ купчишка, сказалъ замаскированный незнакомецъ : сегодня на рынкѣ схватилъ дворянина за то, что онъ поцѣловалъ лавочницу, и держитъ бѣднаго въ сторожевой избѣ!

— Чтò? закричали почти всѣ : въ сторожевой избѣ? въ ратушѣ?... Въ походѣ!

И дѣйствительно, обнаживъ шпаги, всѣ собесѣдники были уже на крыльцѣ ратуши. Стража обращена въ бѣгство, Депортъ освобожденъ. Въ первыя минуты восторга, онъ цѣловалъ руку незнакомца и жалобно пищалъ: — Никогда не забуду благодареній вашей эмигранции!

Побѣдители возвратились въ таверну и сложили мечи свои къ ногамъ Фульвін. Незнакомецъ съ освобожденнымъ плѣнникомъ исчезли. Никто не могъ помять, куда они дѣвались. Эмилія была неутѣшна : униженная, обманутая, она придиралась къ каждому слову Фульвін, стала бранить ее. Наконецъ первая актриса ришлѣвскаго театра ударила перчаткой свою наперсницу. Дворяне хохотали, не принимая участія въ женской войнѣ, и, когда перестрѣлка дошла до генеральнаго сраженія и обѣ стороны вступили въ рукопашный бой, шалуны исчезли, оставивъ трактирщику, вмѣсто уплаты, двухъ разбитыхъ актрисъ.

— Отворяй ворота! закричалъ незнакомецъ.

— Ктò идетъ? спросилъ сторожевой.

— Капитанъ Тромбара!

Стрѣлокъ съ трепетомъ повиновался.

— Куда же мы теперь? спросилъ блѣдный Депортъ, беспрестанно оглядываясь.

— Домой.

Карета за мостомъ ожидала кардинала, и они отправились.

Въ небольшомъ дворцѣ Мазарини всѣ окна были освѣщены; толпа Швейцарцевъ наполняла сѣни; слуги въ разныхъ покояхъ дремали у дверей. Съ приѣздомъ хозяина, все оживилось.

— Сколько васъ ни есть, сказалъ Мазарини въ сѣняхъ: въ походъ! на всю ночь! — Начальство надъ вами я поручаю этому господину, прибавилъ кардиналъ, указывая на Депорта.

— Ради служить вашей эминенціи! отвѣчали Швейцарцы.

— Чтò вы хотите дѣлать? спрашивалъ Депортъ, следуя бѣгомъ за Мазарини.

— Найдены слѣды! Джудита въ замкѣ у д'Орбиньи. Кавалеръ уѣхалъ въ испанскій походъ съ людьми и оружіемъ: замокъ беззащитенъ. Пока Джудита свободна, я не могу быть спокоенъ.

— Нѣтъ, кардиналъ, силой мы не возьмемъ замка: да если бы и взяли, чтò проку? Поступокъ слишкомъ громкій, опасный. Гораздо лучше подкупить людей: деньги то же оружіе. Но я такъ бѣденъ... вы знаете...

— Сколько же нужно денегъ?

— Тысячи три четыре ливровъ, и Джудита будетъ въ нашихъ рукахъ. Швейцарцы пусть будутъ: не мѣшаетъ; но деньги главное.

— Возьмите, возьмите этотъ кожаный мѣшокъ съ золотомъ. Тутъ станетъ чѣмъ подкупить Барберини. А я ѣду прямо въ Севъ-Жерменъ, проститься съ королемъ и на-прощанъ выпросить для васъ открытый листъ, безопасную грамоту. Письмо съ королевской печатью, и тогда голова въ дуракахъ... Но поздно!... ступайте.

Депортъ отыскалъ, несмотря на позднее время, карету и лошадей, и завѣхалъ въ вандомскія палаты. Тамъ было все опечатано, и два городскіе стрѣлка сидѣли на львахъ, нѣкогда любимыхъ креслахъ Гойка и

Гарь-Шюна. Стрѣлки, завидѣвъ Депорта и Швейцарцевъ, исчезли. Печати сняты. Изъ тайничковъ своихъ Депортъ перетаскалъ мѣшки съ серебромъ и золотомъ, драгоценные предметы, нѣкоторыя бумаги, и, нагрузивъ ими карету, отправился въ путь. Пѣшіе Швейцарцы чинно за нимъ слѣдовали. Всю ночь и цѣлый день шествіе продолжалось безъ малѣйшаго случая. На вторую ночь остановились путники для отдыха въ дурной и одинокой аустеріи. Сильная порція вина одолгла утомленныхъ Швейцарцевъ. За нѣсколько золотыхъ монетъ хозяинъ отыскалъ свѣжихъ лошадей. Депортъ сѣлъ въ карету. Кучеръ не смѣлъ хлопнуть бичемъ, но добрые кони и безъ понужденія унесли дворянина Депорта изъ парижскаго округа, черезъ пять дней изъ предѣловъ Франціи....

До свиданія, Депортъ! Когда-то мы увидимся?

=

ЖЕНЩИНА.

=

Не тамъ, не тамъ ея прямое назначенье :
Нѣтъ ! торжество ея не въ вихрь суеты,
Гдѣ все поглощено тщеславія волненьемъ,
Гдѣ вся высокія подавлены мечты....
Нѣтъ ! не въ блестящемъ и праздничномъ нарядѣ,
Не въ пышныхъ локонахъ, не въ камняхъ дорогихъ,
Съ ничтожной гордостью и въ поступи и взглядѣ,
Она внушитъ павцу завѣтный сердца стихъ.
Тамъ вся она раба ничтожества, приличій,
Тамъ вся она обманъ, вся лесть и суета ;
Тамъ потупляется притворно взоръ дѣвичій ;
Тамъ слово каждое — на сердце клевета ;
Тамъ все у ней расчетъ коварнаго искусства,
Отъ взора страстнаго до бѣлоснѣжныхъ плечъ ;
Тамъ, въ мигъ когда молчитъ души святое чувство,
Имъ блещетъ и кипитъ заученная рѣчь....
Я грустно на нее гляжу въ роскошной залѣ,
И за нее тоской душа моя полна ;
Мнѣ жаль, мнѣ жаль ее : увы ! на шумномъ балѣ
Мнѣ надшимъ ангеломъ является она.
Не въ блескъ праздничномъ, не въ тѣсной давкѣ свѣта,
Гдѣ съ ночи до утра гремитъ безумный балъ,
Но въ мирной тишинѣ, она душа поэта

Творить высокаго блаженства идеалъ.
Подъ темной сѣнью березъ роднаго сада,
Въ лугахъ, на берегу прозрачнаго ручья,
Люблю я уловлять ея живые взгляды
И восхищаться въ ней красою бытія ;
Люблю ее въ часы безпечнаго досуга,
Въ кругу родной семьи, съ любовію въ очахъ,
Припавшую на грудь иль брата иль супруга,
Съ названьемъ сладостнымъ на трепетныхъ устахъ,
Съ кипучей жаждою восторговъ поцѣлуя.
Когда завѣтному мечтанью предана,
О чемъ-то день и ночь безропотно тоскуя,
Къ чему-то тайному стремится всё она ;
Или когда для ней юдольной жизни цѣли
Сольются въ цѣль одну, и цѣлый міръ для ней
Уляжется въ одной безцѣнной колыбели,
Со всеми радостями, со всей толпой скорбей,....
Тамъ передъ ней готовъ упасть я на колѣни,
Благоговѣть предъ ней, ее благословлять ;
Тамъ мнѣ является она какъ чистый геній,
Ниспосланный землѣ всѣ блага расточать ;
Тамъ вся она восторгъ, любовь и упоенье,
Надежный щитъ душъ отъ грозныхъ съ рокомъ битвъ,
Высокое землѣ Небесъ благословенье,
И вдохновеніе для пламенныхъ молитвъ.

Н. ГРИГОВЪ.

МОРЕ и ЗЕМЛЯ.

Вечерь. Дреметъ все въ природѣ,
 Всюду миръ и тишина :
 Моря синяго волна
 Не играетъ на свободѣ.
 Скучень, грустенъ моря видъ.
 Море Зевсу говоритъ :
 «О Зевесъ ! о царь могучій
 Моря, неба и земли !
 Собери на небѣ тучи,
 Бурю на землю пошли ;
 Растерзай всю твердь земную,
 Размечи и раскидай,
 И свободу дорогую
 Морю синему отдай.»

И внялъ громовержець, моланію моря,
 И все всколебалось по слову царя ;
 Смѣшались стихія, о дерзновенствѣ споря,
 Враждой пламенная и злобой горя.
 Свирѣпствуетъ море, и стонеть и рвется,
 И волны кидаетъ на берегъ крутой,
 Вздъмается къ небу, и яростно бьется.
 Въ отчаянной брани съ могучей землей.
 Но лютое тщетно шумить и бунтуеть,
 Глубокія бездны крутить и волнуеть :

Грудь земли, тверда какъ щитъ,
 Не колеблется, стоитъ,
 И, съ разбитой головою,
 Брызнувъ пѣною съдою,

Своевольная волна,
 Усиренная, легла
 У титана подъ платою.
 Съ той поры ужъ много разъ
 Море землю колебало :
 Страшенъ былъ ихъ битвы часъ,
 Но земля не уступала.

С.

МУЗЪ.

Царица пѣсень вдохновенныхъ,
 Подруга прежнихъ ясныхъ дней !
 Игрою струнъ одушевленныхъ
 Тоску души моей разсѣй,
 И, пробудя воспоминанья
 Въ ея холодной глубинѣ,
 Отдай мнѣ прежнія страданья,
 Отдай бывшія грѣзы мнѣ ;
 И то, что было мной любимо,
 Въ увядшемъ сердцѣ оживи....
 Уже ль прошли невозвратно
 Лѣта страстей, лѣта любви ?

КРЮКОВЪ.

НЕСЧАСТЬЕ.

=

Несчастливъ тотъ, кто любить безнадежно ;
 Несчастнѣе, кто вовсе не любилъ ;
 Но тотъ, кто разъ любилъ восторженно и нѣжно,
 И первыхъ чаръ любви еще не позабылъ,
 А никого уже любить теперь не смѣетъ,
 И долженъ увядать въ печали и въ тоскъ,
 Тотъ всѣхъ несчастнѣе, и кто ему сумѣетъ
 Найти названіе на бѣдномъ языкѣ ?

Когда безстыдный взоръ, исполненный искусства,
 Страсть новую зажжетъ въ остывшей крови,
 Онъ укрощаетъ пылъ взволнованнаго чувства
 Воспоминаніемъ о прежнихъ дняхъ любви ;
 Когда же встрѣтитъ онъ земныя совершенство,
 И сердце чистое, и пламенную страсть,
 Бѣдникъ не создаетъ прекрасныхъ грѣзъ блаженства
 И къ дѣвственнымъ стопамъ не смѣетъ онъ упасть :
 Онъ лишь винитъ себя или другихъ порочить ;
 Къ земному существу въ немъ жаръ любви затихъ :
 Небесное любить, ему молиться хочетъ,
 И съ безнадежностью глядитъ на обонхъ.
 И въ сердца пустота : оно жильцовъ не знаетъ,
 Какъ нѣкій древній крамль, стражи вѣселолюкихъ вѣковъ,
 Гдѣ, въ гнѣвъ праведномъ на грѣхъ земныхъ сыновъ,
 Жить боги не хотятъ, а люди.... не дерзаютъ !

Н. ТРЕТЬЯКОВЪ.

ПРИВѢТЬ.

—

Прохожій, ты усталъ. Вотъ счастливый пріютъ,
 Подъ тѣнью тополей, въ моей лачугѣ дымной.
 Войди въ нее, забудь свой долгій трудъ :
 Ты здѣсь найдешь привѣтъ гостепріимный.
 Вотъ все мое добро : млеко и сыръ отъ стада,
 И спѣлыхъ гроздій сокъ струистый,
 Домашніе плоды, лимонъ и виноградъ,
 И персикъ розовый и апельсинъ душистый.
 А послѣ трапезы, молитвенно призываю
 Діану кроткую, лишь тѣнь покроетъ горы,
 Мы, кожи мягкія подъ дубомъ разостлавъ,
 Спокойно отдохнемъ до золотой авроры.

ГРУСТНАЯ МИНУТА.

=

Сѣрымъ сумракомъ покрылся
 Сводъ небесный,
 Страхъ въ душѣ моей вселился
 Незвѣстный.

Вижу въ будущемъ, за мгленю,
 Только горе :
 Грошно, бурно предо мною
 Жизни море.
 Мнѣ веселыя надежды
 Измѣнили,
 Сердца воростью невжды
 Отравили....
 Сокращу жъ безъ сожалѣнья
 Въкъ унылый :
 Не найду ль успокоенья
 За могилой ?

КРЮКОВЪ.

ИЗЪ ГОРАЦІА.

=

О други ! я думалъ давно, мнѣ не ратовать болѣ
 Подъ знаменемъ нѣжной паэосской царицы.... Напрасно !
 Опять я предъ нею склонилъ свою выю : я снова
 Прекрасную дѣву люблю, — ея нѣжныя, юныя перси
 И руки какъ-будто у мраморныхъ Фидіа статуи,
 Младенческой воли игривость и быстрые взоры.
 Напрасно стараюсь настроить на важныя гимны
 Гремящую лиру : не бранныя игры Беллоны,
 Не Силевъ кровавыхъ, не коней воинственныхъ Парейвъ,

Не мѣткія стрѣлы, не вяжко звѣнящіе луны
Она воспѣваетъ.... нѣтъ! звучныя струны мѣволью
Слагають хвалебныя пѣсни планетальной днѣи...
Но полно безумствовать мнѣ!..... Ой, рабы! воскурите
Душистую мирру на камнѣ вустыинномъ; водите
Какъ снѣгъ бѣлоруннаго агнца на чистую жертву:
Авось укротятъ раздраженную Кинда богиню
Моленья и слѣзы, и дымъ благовоиния жертвы!

А.

ЭВЕЛИНА ДЕ-ВАЛЬЕРОЛЬ.

=

РОМАНЪ Н. В. КУКОЛЬНИКА.

=

VIII.

РАЗЪѢЗДЪ.

Les amoureux se devisent aux dames,
Comptent leurs cas, jurent Dieu et leurs ames:
Que leur amour, tant les tourmente et nuit,
Qu'ils n'ont repos la seule heure de nuit,
Font de piteux, soupirent et lamentent;
Mais pour certain je crois qu'en cela mentent.

GUILLAUME CRETIN.

=

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТЬ-ДЕВЯТАЯ.

Торжество истины.

Возвратясь изъ театра, Пуссенъ принялся за работу. Присутствіе Эвелины, Гаспара, Стеллы нѣсколько разогнало мрачныя его мысли. Съ небольшимъ въ три часа, Пуссенъ нарисовалъ, на доскуткахъ, всю исторію Геркулесовыхъ подвиговъ.

— Теперь за главное! сказалъ онъ съ довольной

Т. XLVIII. — Отд. I.

7

улыбкой : пока голова не омрачится новыми неудовольствиями.

— Что же вы называете главнымъ ? спросила Эвелина.

— Плафонъ ! По-крайней-мѣрѣ, этимъ невѣждамъ я оставлю поучительный урокъ. Я представлю имъ многомысленную аллегорію : Время защищаетъ Истину.... И не уйдете вы отъ страшной пытки съдаго старика ! Онъ вымучитъ у васъ истину ; онъ выроетъ изъ пыли неопровержимыя обвиненія ; стоустая молва разнесетъ позоръ вашъ по всѣмъ предѣламъ свѣта , и кровавыя страницы исторіи запятняются грязью гнусныхъ и темныхъ дѣяній вашихъ !.... Время ! время ! несокрушимъ твой щитъ , какъ безсмертна твоя коса смерти ! Сбрасывая плевелы, вмѣстѣ съ драгоценными растеніями, съ твоей безмѣрной жатвы , ты прячешь подъ щитомъ своимъ вѣрную объ нихъ память.... Я буду правъ передъ потомствомъ : есть время !

Никогда Гаспаръ не видалъ Пуссена въ такомъ сильномъ раздраженіи : и тѣни римскаго философа вы бы не нашли въ воспаленныхъ глазахъ, въ тяжеломъ дыханіи, въ злобной улыбкѣ художника !... И онъ когда-то вѣрилъ возможности нравственной независимости на этомъ свѣтѣ, въ этой скучной и смрадной темницѣ, гдѣ просторно только одному себялюбію !

— Неужели вы будете еще работать ? спросилъ Гаспаръ.

— Я не могу спать. Меня грызутъ всѣ обстоятельства парижской жизни моей ; память не представляетъ ничего утѣшительнаго ; воображеніе живописно не бесѣдуетъ со мною : я радъ , что еще глаза что-нибудь видятъ , рука не дрожитъ , и въ трудъ постепенно забываю кардинала, враговъ-покровителей и враговъ-гонителей. Конечно , я забываю и то , что вы не обязаны платить безсонницей за привязанность ко мнѣ. Ступайте спать !

— Намъ и на умъ сонъ нейдетъ ! Но, мосьё Пуссенъ, отчего вы занимаетесь работами для галереи, а не спешите исполнить обѣщанныхъ срочныхъ работъ ?

— Милая Эвелина, я разсчелъ, что эти работы заказаны только ддятого, чтобы меня обидѣть.

— Если вы не исполните ихъ, значитъ обида достигла своей цѣли.

— Справедливо, сказалъ Пуссенъ, улыбаясь : но скучно.....

— Зачѣмъ же вы обѣщали ?

— Справедливо. Позвольте начать святцы съ Екатерины-Великомученицы.

— Какъ хотите, только начинайте, отвѣчала Эвелина, поправляя рабочую лампу и подавая карандашъ, который перекатился-было по столу на ея сторону.

— Вы меня не поняли. Пусть исполнится клевета Депорта : вы будете служить мнѣ натурой. Ни въ одномъ лицѣ я еще не встрѣчалъ такого изящнаго страданія.

— Такъ рисуйте же, пока я не развеселилась.

— Давайте рисовать !

Карандашъ тронулся.

— Забавно ! сказалъ Пуссенъ, продолжая работать : мнѣ уже видно навсегда суждено счастье находить высокое утѣшеніе домашней жизни съ чужими людьми !.... Мадамъ Пуссенъ, мадамъ Пуссенъ !

И художникъ задумался. Вдругъ на дворикъ послышался разговоръ.

— Дома мосьё Пуссенъ ?

— Чтò за дьявольщина ! отвѣчалъ привратникъ, глядя въ форточку своей ложи. Похоже ли это на придворныхъ людей ?.... За-полночь гости ! Мосьё Пуссенъ спитъ.

— Врешь ! Во всѣхъ окнахъ свѣтло : видно бражни-часть.

— Такъ что жъ за бѣда? отвѣчалъ привратникъ съ досадою. Мало ли гдѣ свѣтло? да какое кому дѣло?

Привратникъ продолжалъ еще долго свой монологъ. Между-тѣмъ въ гостинную вошелъ Фукиерръ въ шелковскомъ, шитомъ шелками кафтанъ, съ огромнымъ пирамидальнымъ парикомъ, и при шпагѣ.

— Что вамъ угодно, баронъ? спросилъ Пуссенъ, забывъ, что этотъ титулъ данъ былъ Фукиерру въ на-смѣшку.

Фукиерръ схватился за шпагу.

— Какъ вы смѣете? сказалъ онъ, съ гордостью за-кинувъ голову назадъ.

— Простите, это шутка, сказалъ Пуссенъ, нѣсколько смущенный своею забывчивостію. Позвольте спросить, что вамъ угодно?

— Я вамъ не позволю шутить ни на словахъ, ни на дѣлѣ. Вы не властны измѣнять королевскихъ повелѣній. Я получилъ шпагу за мои пейзажи, а вы, что за ваши муміи и красныя вакханаліи, что получили вы?

— Между прочимъ зависть и ненависть плохихъ художниковъ.

— Я на свой счетъ вашихъ глупостей не принимаю: въ васъ говорить вино!

— Господинъ баронъ! сказалъ Гаспаръ, вскочивъ съ мѣста: я васъ велю вытолкать, если вы осмѣлитесь сказать еще одно подобное слово!

— Я говорю правду.

— За такую правду бьютъ!

— Оставь его, Гаспаръ, сказалъ Пуссенъ, садясь за столъ и чертя карандашомъ фигуру Фукиерра. Продолжайте, продолжайте, господинъ баронъ; а я, пока, нарисую вашъ портретъ и отошлю къ Черкюци, въ его знаменитую коллекцію чудаковъ.

— Вы смѣете!....

— Такъ, такъ, господинъ баронъ! Голову немного повыше.... Хорошо, хорошо! Продолжайте говорить.

Бвшенство овладѣло Фукиерромъ, но и благоразуміе не совсѣмъ оставило его : онъ видѣлъ, что Гаспаръ въ полной готовности исполнить обѣщаніе ; Стелла также всталъ съ мѣста, а Эвелина, закрывъ лицо платкомъ, помирала со смѣху.

— Прекрасная картина ! любовница смѣется, любовникъ рисуетъ, два разбойника готовы броситься на благороднаго чловѣка ! сказалъ Фукиерръ, почти задыхаясь.

— Благороднаго, но не благороднаго, съ достоинствомъ отвѣчала Эвелина : ложь и клевета живутъ только въ крови мѣщанской.

Дворянинъ Фукиерръ, при всей знаменитой дерзости своей, пришелъ въ совершенное смущеніе. Упрекъ изъ устъ дѣвушки, упрекъ мѣткій, сказанный съ достоинствомъ, какого онъ не встрѣчалъ и въ палатахъ рабульетскихъ и въ прихожихъ королевы, и на антресоляхъ придворныхъ дамъ, неожиданно и сильно поколебалъ его заносчивость.

— Перестаньте, перестаньте ! Чтò вамъ угодно, мосье де-Фукиерръ ? Скажите коротко и ясно.

— Коротко и ясно : я буду писать мои пейзажи въ окнахъ галереи.

— Нѣтъ !

— Буду !

— Говорю вамъ, нѣтъ ! потому что, во-первыхъ, это величайшее безвкусіе, а во-вторыхъ, и пейзажи ваши очень плохи.

— Ужъ не пуссеновскіе ли лучше ?

— Прескверные, но ваши еще хуже. Однимъ словомъ, какъ начальникъ вашъ, я принужденъ прибѣгнуть къ дарованной мнѣ государемъ власти, и приказываю вамъ оставить работы въ галереѣ. Всѣ рисунки другихъ картинъ, назначенныхъ для дворцовъ его величества, я приказываю вамъ принести завтра для исправленій, согласно королевской грамматъ. Наконецъ,

еще разъ , какъ начальникъ вашъ , приказываю вамъ не являться ко мнѣ безъ зову , а теперь , какъ хозяинъ , прошу оставить меня въ покоѣ .

— Вы не шутите ? фистулой запялъ Фукиерръ .

— Пуссенъ , во всю жизнь свою , не позволилъ себѣ шутки .

— Если такъ , такъ знайте же : передъ вами не живописецъ , а дворянинъ Фукиерръ , который просить , требуетъ удовлетворенія .

— А вы еще не удовлетворены ?

— Поединка : понимаете ли вы ? поединка .

— Я не мальчикъ , котораго можно разгорячить до глупости : понимаете ли вы ? За нарушеніе законовъ и неприличное , грубое и дерзкое поведеніе съ начальникомъ , я велю посадить живописца Фукиерра на хлѣбъ и воду .

— Неслыхано , невидано !

— Такъ услышите , увидите ! Проголодаетесь , будете спокойнѣе и умнѣе . Я добръ съ добрыми и строгъ съ дерзкими.... Ступайте .

— Что скажетъ король на все это ?

— Скажетъ : « Я далъ Пуссену власть , и заставлю уважать мою довѣренность . »

— Посмотримъ ! Король еще не ухалъ , и я прямо въ Сень-Жермень .

— Только постарайтесь вернуться завтра и передъ захожденіемъ солнца принести рисунки заказанныхъ вамъ работъ .

Оглушенный неожиданною строгостію и величіемъ Пуссена , Фукиерръ безъ оглядки бѣжалъ по лѣстницѣ .

— Что такъ скоро изъ гостей ? спрашивалъ его привратникъ , отпирая калитку .

— Пошелъ къ чорту ! отвѣчалъ Фукиерръ , ударивъ привратника .

— Пошелъ ты самъ къ чорту ! сказалъ привратникъ , толкнулъ Фукиерра , и заперъ калитку .

— Я обиженъ, я обезчещенъ! кричалъ баронъ, и проклятія его, вовсе не дворянскія, долго еще раздавались въ тюльрійскихъ аллеяхъ.

Никто не ложился. Гаспаръ и Стелла смѣялись надъ забавною гордостью Фукиерра. Пуссенъ съ грустію поглядывалъ на Эвелину и продолжалъ работать. «Любовница! подумалъ онъ. Сдѣлали меня пьяницей!..... Чего добраго? что стоитъ для этихъ изверговъ помрачить доброе имя невинной дѣвушки?» И карандашъ пересталъ повиноваться художнику.

— Какъ хотите, а спать пора!..... Гаспаръ, разбуди Жанету.... Ступайте, Эвелина, съ Богомъ!

Эвелина простилась и ушла въ свою спальню. Стелла и Гаспаръ улеглись и скоро заснули. Примѣтивъ, что сонъ взялъ свое, Пуссенъ пошелъ въ мастерскую, зажегъ подвижную пирамиду о сорока свѣчахъ, и сталъ работать эскизъ большаго плафона. Вдохновеніе въ ночной тишинѣ возвратилось, разогрѣло могучую голову; небо искусства разверзлось, и высшее наитіе, которое люди именуютъ геніемъ, стало оплодотворяться. Это — чисто мистической процессъ, состояніе магнетическое. Художникъ видитъ, ощущаетъ, слышитъ, такъ тонко, такъ нѣжно, что черта его приближается къ рисунку натуральному; всѣ запасы опыта и ученія укладываются въ памяти, какъ на палитрѣ, сами собой; самый механизмъ ускоряется до быстроты неимоверной; мечта осуществляется не по днямъ, а по часамъ, и три часа подобной работы непременно обогащаютъ искусство новымъ превосходнымъ, такъ-называемымъ безсмертнымъ, произведеніемъ.

— Истина! говорилъ Пуссенъ: ты не должна бояться ни зависти ни раздору. Они уронили тебя; но ты спокойна и прекрасна по-прежнему въ очаровательной наготѣ своей! Злоба порочнаго міра не оставитъ тебя, не позволитъ обитать даже въ пустынь..... Въ пустынь! Конечно, истина можетъ жить только въ пустынь.

Море... ни что не дѣлаетъ вида такъ пустыннымъ, какъ огромное пространство воды.... налѣво море. Люди есть, но они живутъ далеко отъ истины. Вдали, подъ туманомъ, городъ : жилище истины. Нѣсколько сухихъ деревьевъ, нѣсколько голыхъ камней, и два три куста колючихъ растений. Но истина ненавистна людямъ и въ сосѣдней пустынь, и за-моремъ, и подъ землею : изгнать ее! Мало : должно извести ее со свѣту! И мгновеніе страшнаго событія наступило : истина пала ; она уже въ рукахъ раздора и зависти. Съдой старикъ, неподкупный Сатурнъ, бросилъ и часы свои и косу, и любовь времени, дитя времени, святая истина, спасена!.... Четыре фигуры, и очень довольно!...

Эскизъ былъ конченъ. Солнце освѣщало его съ любовью, какъ-будто спасеніе истины озарило міръ яркимъ свѣтомъ. Пуссенъ сидѣлъ въ креслахъ и любовался на свое произведеніе : онъ какъ-бы отомстилъ за все коварной зависти и невѣжеству, успокоился и вздремнулъ..... Стукъ кареты разбудилъ Пуссена. За нимъ стояли Гаспаръ и Стелла, и безмолвно наслаждались превосходнымъ созданиемъ плафона. На лѣстницѣ слышались шаги, въ сосѣдней комнатѣ голосъ Эвелины и Жаннеты. Пуссенъ ничего не видѣлъ, кромѣ своей картины, даже не обратилъ вниманія на вошедшаго Сень-Марса. Маркизъ былъ въ охотничьемъ платьѣ : у широкаго пояса висѣлъ кабаній ножъ; сапоги съ огромными раструбами и длинными шпорами; въ рукъ шляпа безъ перьевъ, съ золотымъ гребешкомъ. Лицо, походка, движенія, обнаруживали неудовольствіе.

— Вы меня должны извинить, сказалъ Сень-Марсъ : я отъ короля.

— Господинъ Великій ! отвѣчалъ Пуссенъ : мнѣ всегда пріятно васъ видѣть, но государь меня простить, если я до-сихъ-поръ не успѣлъ нарисовать картинокъ для его молитвенника : дѣло трудное !

— Не объ немъ рѣчь, господинъ живописецъ, не объ немъ рѣчь. Вы объщали государю портретъ.....

— Онъ готовъ, отвѣчалъ Пуссенъ, и снялъ съ веревочки портретъ дѣвицы Лафайетъ, нарисованный пастилью. Надо покрыть его стекломъ, и вотъ что замедлило исполненіе священной воли моего государя. Но къ вечеру онъ будетъ готовъ. Помогите мнѣ, любезный Стелла.

— И вы рѣшаетесь, сказалъ Сень-Марсъ съ улыбкой: послать его величеству такую дрянъ?

— Дрянъ? съ гордостью спросилъ Пуссенъ.

— Дрянъ, дрянъ! Вы полѣнились написать масляными красками. Вамъ было некогда: медовый мѣсяцъ любви помѣшалъ вамъ исполнить священную волю короля. И вы думаете этими пустяками извинить свое нерадѣніе въ глазахъ его величества? Вы сомнѣваетесь въ его прозорливости? Вы рисуете кресла для кардинала и виньетки для монашескихъ книгъ, написанныхъ въ поддержку ришліёвскаго министерства: вотъ ваши занятія! И эти картины тоже для кардинала? Аэтотъ портретъ? вѣрно, подарокъ вашей женѣ?... Но вы не отошлете его въ Римъ: король приказалъ привезти портретъ Эвелины въ Сень-Жерменъ..... Его величество въ ваши домашнія дѣла, въ ваши сердечныя тайны, мѣшаться не хочетъ, но очень желаетъ посмотреть на прелестницу, которая такъ легко побѣдила вашъ стоицизмъ.

— Чтò вы хотите сказать, господинъ маркизъ.

— Я ужъ все сказалъ. А теперь беру портретъ вашей любовницы, и вду въ Сень-Жерменъ.

Сень-Марсъ пошелъ прямо къ портрету, и уже протянулъ руку, чтобы снять его съ треножника.

— Не трогать! закричалъ Пуссенъ, и заступилъ Сень-Марсу дорогу.

— Вы можете написать другой портретъ: она у васъ.

И к чему портретъ, когда оригиналъ въ вашихъ объятіяхъ? А этотъ я возьму.

— Никогда! съ жаромъ сказалъ Пуссенъ, и выхватилъ кабаній ножъ изъ-за пояса Сень-Марса.

Портретъ Эвелины обратился въ мелкіе кусочки. Наступивъ на нихъ ногою, Пуссенъ отдалъ ножъ Сень-Марсу, и съ дивнымъ величіемъ, съ римскимъ своимъ спокойствіемъ, холодно сказалъ маркизу :

— Возьмите ваше оружіе, и повзжайте въ Сень-Жерменъ. Скажите кому заблагоразсудите, что Пуссенъ не позволитъ даже шутки насчетъ невинной и несчастной дѣвушки. Скажите моему государю, что я спѣшу пасть къ ногамъ его и просить о помилованіи за мое ослушаніе. Да позволить представить себѣ всѣ причины моего негодованія и, можетъ-быть, дерзкаго, неумѣстнаго поступка. Я раздражителенъ.... нѣтъ! я сталъ раздражителенъ въ Парижѣ.... Маркизь! вы еще не испытывали клеветы?

Смущенный Сень-Марсъ стоялъ передъ Пуссеномъ какъ ученикъ, которому учитель дѣлаетъ строгій выговоръ.

— Неужели, тихо спросилъ онъ : неужели всѣ эти слухи.....

— Ложь, безстыдная ложь, презрѣнная ложь! сказала Эвелина, отирая слезы и съ важностью приближаясь къ Пуссену.

Взявъ за руку безмолвнаго художника, Эвелина обратилась къ Сень-Марсу. Она, казалось, выросла въ эту минуту. Огненные глаза блистали негодованіемъ, губы дрожали, руки тряслись, слова прерывались. Сень-Марсъ опустилъ глаза; прочіе смотрѣли на Эвелину, какъ говорятъ, въ-оба. Душевная буря разрышилась слезами: дѣвушка зарыдала и бросилась на грудь неподвижнаго Пуссена, снова схватила его руку, и, прижавъ къ устамъ, потомъ къ сердцу, сказала довольно твердымъ, но прихвѣтно измѣнявшимся, голосомъ :

— Вы заступили мѣсто отца; вы исполнили долгъ родителя и честнаго человѣка; вы не выдали меня на посмѣяніе людей, утопающихъ въ развратъ..... Великій человѣкъ! имъ не понятны ваши добродѣтели. Вижу: не васъ преслѣдуютъ, не васъ гонятъ..... меня, меня! Для меня нѣтъ безопасности, для меня нѣтъ счастья... Да! я люблю, и любить не перестану. Они, вотъ эти великіе злодѣи, вотъ эти записные волокиты, для которыхъ честь женщины — игрушка, добродѣтель — личина потѣшная, благородство — въ гербахъ и девизахъ, вотъ эти рыцари порока, защитники соблазна, они выслали изъ Франціи моего отца два раза, выгнали моего Альфреда, и теперь принялись за васъ! Ваша добродѣтель служила мнѣ послѣднимъ щитомъ земнымъ. Но знайте, маркизь, скажите и Мазарини, скажите и Депорту, скажите всему дворянству французскому, что для нихъ нѣтъ Эвелины. Даже черная мысль недостанетъ до убѣжища, которое я избираю, избрать обязанна.... Простите, дорогой отецъ мой! Теперь васъ оставлять въ покоѣ..... Простите!

И Эвелина снова зарыдала, и снова бросилась на грудь Пуссена.

— Скажите моему отцу, когда увидите, что дочь его до конца сохранила его святые правила, и теперь въ безопасной Долинѣ Благодати (Val-de-Grace) не разстается ни съ нимъ ни съ добродѣтелью, въ теплыхъ и непрерывныхъ молитвахъ!

Всѣ вздрогнули. Сенъ-Марсъ упалъ на колѣни передъ печальной дѣвой, и умолялъ простить его дерзости, забыть прошедшее. Эвелина, качая головой, тихо отвѣчала :

— Кто можетъ вѣрить злу, тотъ злой человѣкъ..... Простите!

Эвелина ушла медленно, торжественно, поклонясь ласково Гаспару и Стелль.

— Вы лишили меня дочери, маркизъ, но спасли честь невинной жертвы какого-то адскаго разсчета.

— И вы позволите ей исполнить это безумное намъ-реніе?

— Я самъ отвезу ее въ Долину Благодати. Я чловкъ слабый, ничтожный, гонимый: у меня нтъ средствъ противустать такимъ сильнымъ, такимъ упрямымъ врагамъ. Я исполню послѣдній долгъ отца, передамъ ее святому покрову Пресвятой Дѣвы.

— Да будетъ! сказалъ Сень-Марсъ, крѣпко сжавъ руку Пуссену со слезами на глазахъ. Я любилъ ее. Мнѣ совѣстно передъ вами, мнѣ стыдно. Я не умѣлъ быть добродѣтельнымъ, и каюсь вамъ. Вы достойны быть духовникомъ моимъ, скорѣе нежели наши кардиналы.

Пуссенъ обнялъ Сень-Марса и, поцѣловавъ въ лобъ, сказалъ:

— На все доброе я считаю себя въ правѣ благословить васъ.

— На все доброе, съ грустію сказалъ Сень-Марсъ. Кажется, я одинъ только думаю не о себѣ.

— И кажется, вы одни только можете быть полезны для бѣдной Франціи. Милость короля.....

— Безплодная милость, пока власть королевская въ рукахъ злодѣя!

Вбѣжала Жаннета, расплаканная и растрепанная.

— Мосѣ Пуссенъ! мосѣ Пуссенъ! спасите! Моя госпожа помѣшалась: въ монастырь идетъ! Приказала мнѣ разспросить у всѣхъ, гдѣ монастырь Визитокъ.

— Превосходная мысль! я передамъ ее на руки сестрѣ Аврелин, сказалъ Пуссенъ, и ушелъ въ комнаты Эвелины.

Сень-Марсъ печально поклонился художникамъ и уѣхалъ.

Пуссенъ и Эвелина были уже на крыльцѣ, когда на

дворикъ вошла Марія д'Орбиньи съ сестрою кавалера и слугой.

— Куда вы? спросила Марія, обнимая Эвелину.

— Въ монастырь Визитокъ.

— Къ обѣднѣ?

— На житье!

— Какъ! вы хотите оставить свѣтъ навсегда?

— На неопредѣленное время. Принять священный чинъ безъ воли отца я не имѣю права, но безопаснаго убѣжища въ Парижъ для меня не осталось болѣе.

— Къ-сожалѣнію, вы совершенно правы. И Джудита раздѣлила судьбу вашу.

— Какъ! и она укрывась въ монастырь?

— Нѣтъ, она укрывась у меня въ замкъ. Мужъ мой отправился въ походъ; вооруженная прислуга наша самая ничтожная; между-тѣмъ насъ увѣдомилъ Сенъ-Марсъ, что кардиналы свидѣлись въ Сенъ-Жерменъ и рѣшили, во что бы то ни стало, отнять у меня Джудиту. Вы можете вообразить нашъ ужасъ. Всю ночь мы строили проекты и тотчасъ же ихъ перемѣняли. Утру люди увѣдомили насъ, что кардинальскіе Швейцарцы почевали въ сосѣднемъ трактирѣ на ліонской дорогѣ. Не оставалось времени разсуждать: переодѣтыя поселянками, Джудита и Сара усѣлись въ деревенскую повозку; Гаръ-Шіонъ снялъ послѣдній усъ, надѣлъ деревянные башмаки и одежду поселянина, и сѣлъ кучеромъ; они уѣхали, а мы всѣ бросились въ церковь, и напутствовали ихъ теплыми молитвами.

— Куда же они поѣхали?

— Въ Седанъ.

— Альфредъ! они увидятъ тебя, они тебя обрадуютъ, успокоятъ..... Пойдемте, мосьё Пуссенъ, пойдемте! Мы еще застанемъ у Визитокъ обѣдню.

— Поведемъ въ моей каретѣ, сказала Марія, и всѣ отправились въ монастырь.

ГЛАВА СЕМИДЕСЯТАЯ.

Кого слушать?

Небольшой Сень-Жермень сталъ многолюднѣе Парижа : всѣ чиновники высшаго правительства, все высшее духовенство, маршалы, генералы, все съѣхалось въ Сень-Жермень. Даже королеву и дофина привезли туда. Прислугѣ не было мѣста : она помѣщалась въ шатрахъ за паркомъ, въ полѣ. Королевская кухня не могла продовольствовать всѣхъ гостей. Гордъ терялъ голову, какъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ, успокоить обиженныхъ, умиловать недовольныхъ. Но и въ этомъ многолюдствѣ Людовикъ былъ одинъ. Печальный Дюбоа хлопоталъ одинъ около добровольнаго отшельника.

— Не забудь Филиппова ящика, сказалъ король, укладывая собственноручно письма, стихи и ноты въ небольшой ларчикъ.

— Онъ уже со мной, отвѣчалъ Дюбоа.

— А гдѣ самъ Филиппъ?

— Не видать давно.

— Пуссенъ его обидѣлъ. Съ тѣхъ поръ и глазъ не кажетъ.

Вошелъ Сень-Марсъ.

— Ну что, маркизъ? есть портретъ?

— Есть ваше величество.

— Покажи.

— Онъ не со мною. Пуссенъ самъ привезетъ его.

— Когда?

— Завтра.

— Мы ѣдемъ сегодня.

— Дюбоа можетъ послать его въ Нарбонну съ нарочнымъ.

— Весьма умно. А похожъ?

— Двѣ капли воды. По скорости, онъ сдѣланъ пастелью, но ни какая живопись не сравнится съ нѣжностью этой мастерской работы.

— А что, Пуссенъ доволенъ ли мною?

— Онъ обожаетъ ваше величество; но клеветники и кардинальскіе шпіоны его замучать. Представьте, ваше величество: Пуссенъ, кромѣ воды, ничего не пьетъ....

— Я такъ и думалъ.

— А дѣвушка, о которой вамъ говорили, — невинная дочь одного капитана, котораго кардиналъ выгналъ изъ Франціи, за то что капитанъ не согласился на безчестное предложеніе Мазарини....

— Представь себѣ! я угадалъ.

— Пуссенъ принялъ ее подъ свое покровительство: вотъ и все тутъ. Узнавъ о клеветѣ, Пуссенъ повѣхалъ прямо къ Визиткамъ, и поручилъ невинную жертву благочестивой Лафайетъ.

— И не ошибся въ выборѣ, сказалъ король: сестра Аврелія только одна во всей нашей Франціи можетъ служить для молодой дѣвушки образцомъ благочестія и добродѣтели. Жаль, что мы не увидимся съ Пуссеномъ.

— Не послать ли за нимъ?

— Насъ ждуть въ церкви.... насъ ждетъ Испанія. Но мы найдемъ средства изъяснить наше удовольствіе Пуссену. Одѣвайтесь, маркизъ, и пойдемъ въ церковь.

— Государь! пусть лучше сегодня не видятъ меня при особѣ вашей. Въ церквѣ кардиналы, кардиналисты. Я буду ожидать ваше величество у кареты.

— Хорошо, хорошо. Но зайди въ другую церковь и отслужи обѣдню. Пока твою отчитаютъ, наша едва начнется. Ступай.

Король пошелъ во внутренніе покои, Сень-Марсъ къ каретѣ.

Кардиналъ, въ особомъ отдѣленіи сень-жерменскаго дворца, сидѣлъ въ креслахъ, и внимательно слушаеъ наставленія лучшихъ парижскихъ врачей. Когда, истощивъ всѣ предупредительныя средства, врачи въ совѣтахъ своихъ стали повторяться, кардиналъ прервалъ ихъ разсужденія, и, обратясь къ Мазарини, сказалъ тихо :

— Вы остаетесь въ Парижъ моимъ намѣстникомъ ; но, кардиналъ, прошу объ одномъ : гдѣ бы я ни былъ, пришлите мнѣ бѣглую чету,.... въ Мадридъ даже, если судьба войны благословитъ наше оружіе.

— Я постараюсь, генералиссимумъ, исполнить ваше приказаніе немедленно.

— Не называйте меня этимъ пустымъ именемъ : оно мнѣ дано въ насмѣшку. Я отплачу этому нарѣченному конетаблю. Я думаю, и наши бѣглецы сидятъ гдѣ-нибудь подъ полой пажаминистра.

— Не прикажете ли еще чего, ваша эминенція ?

— Сдѣлайте подробное изслѣдованіе, что тамъ надѣлали въ городѣ принцы и дворяне. Если они въ самомъ дѣлѣ напали на ратушу и освободили Депорта, какъ жалуется голова и королю и мнѣ, то, послѣ испанской войны, они заплатятъ за эти шутки. Хорошо что я не показалъ королю этой жалобы.... Не по-рыцарски, а по-разбойничьи ! Главное : увѣдомьте меня, кто былъ замаскированный незнакомецъ, который общалъ моей Минѣ, моей старой Минѣ, тысячу ливровъ. Онъ хотѣлъ только унизить меня, представить скупцомъ. Мало мнѣ стоило выдать замужъ Мину и пристроить!... Сдѣлайте милость не забудьте открыть этого замаскированного незнакомца.

— Я постараюсь, отвѣчалъ Мазарини, нѣсколько смутясь и поправляя крестъ. Но что будетъ съ Пуссеномъ, съ галереей ?

— Оставьте это на попеченіе де-Нойё. Я ему дамъ нужныя наставленія.

— Король идетъ ! король идетъ ! раздалось въ сосѣднихъ покояхъ, и кардиналы вышли навстрѣчу Людовику.

Увидя, что король по галереѣ идетъ одинъ, безъ свиты, Ришдїе сказалъ тихо Мазарини :

— Не безъ умыслу нѣтъ никого изъ новаго министерства !

Вошли въ церковь. Вслѣдъ за Людовикомъ, вошла королева, за нею дофинъ съ воспитателями. Въ свитѣ королевы, состоявшей изъ немногихъ дамъ и кавалеровъ, шелъ, съ особенною важностію и странными ужимками, дворянинъ Фукиерръ. Органы заиграли; архіепископъ бордоскій съ причетомъ совершилъ литургію, и, въ краткой, но сильной проповѣди, изложилъ причины войны, надежды и намѣренія правительства, и военную славу времянь Людовика. Архіепископу всѣ вѣрили, даже король : собственные его подвиги, во время осады Ла-Рошели, давали словамъ его вѣсъ и важность. Принявъ благословеніе всего парижскаго духовенства и архіепископа бордоскаго, король простился холодно съ королевой, поцѣловалъ и благословилъ сына, и вышелъ изъ церкви. На лѣстницѣ, король какъ-будто что-то вспомнилъ.

— Да, да ! гдѣ де-Нойё ?

Де-Нойё протѣснился. Король, взявъ его за руку, повелъ съ собой и дорогою сказалъ :

— Берегите мнѣ Пуссена, берегите пуще глазу ! Всѣ возможные удобства и облегченія моему Рафаэлю ! Я могу на васъ положиться. Я васъ не забуду.... Прощайте.

Король оставилъ его руку и пошелъ далѣе. Де-Нойё остановился, желая дать дорогу членамъ королевской фамиліи и занять въ ходѣ свое урочное мѣсто. Прошла королева, прошелъ и дофинъ съ своими спутниками. За ними шелъ первый министръ, и также взявъ за руку де-Нойё, повелъ съ собою, и на-ухо сказалъ :

— Не забудьте, любезный другъ : по возвращеніи, мы не должны застать Пуссена въ Парижѣ. При первомъ капризѣ, при первой просьбѣ ѣхать въ Италію, отпустите. Пишите ко мнѣ въ Нарбонну, и почаще. Прощайте.

Кардиналъ также оставилъ руку де-Нойё, и продолжалъ шествіе. Де-Нойё, изумленный, раздосадованный, потерялъ свою очередь и не хотѣлъ уже догонять торжественнаго ходу, возвратился въ свою комнату, и, къ удивленію, нашелъ тамъ Симона Вуэ и Лемерсіе.

— Уѣхали! сказалъ Лемерсіе, глядя въ окно.

— Помилуйте! Я полагаю, они будутъ разъѣзжаться до вечера : до четырехъ-сотъ каретъ, по счету Горда.

— Какъ меня ни обижаютъ, а Богъ съ ними : дай Богъ успѣха!

— Дай Богъ успѣха! сказалъ Вуэ съ злобной улыбкой. Въ полъ свободнѣе.

Де-Нойё боялся быть тайнымъ свидѣтелемъ дальнѣйшей дружеской бесѣды, и громко сказалъ обоимъ обычное привѣтствіе. Оба обернулись съ живостью молодыхъ людей. Де-Нойё указалъ имъ на кресла, а самъ усѣлся на диванъ и сбросилъ парикъ.

— Кажется, пора привыкнуть къ этимъ церемоніаламъ, сказалъ де-Нойё; отирая потъ съ лица : а не могу; каждый разъ устаю какъ рабочая лошадь; для меня легче просидѣть ночь съ перомъ въ рукахъ нежели выдержать полный королевскій выходъ. Сбиваюсь въ мѣстахъ; забываю время поклоновъ и поздравленій..... Нѣтъ! плохой я придворный..... Чтѣ новаго гѣспода?

— Много, отвѣчалъ Вуэ. Я пріѣхалъ просить васъ сдѣлать со мною расчетъ.

— Какой расчетъ?

— Когда меня отставили, картинъ однако же мнѣ не возвратили. Мнѣ теперь представился случай выгодно сбыть ихъ королеву Христину. Шведскій посланникъ,

знаменитый Гуго ванъ-Гроотъ, убѣдительно просилъ меня написать для доброй королевы пять шесть картинъ. Но я старъ, признанъ неспособнымъ, безталантливымъ,.... еще какія-то даны мнѣ названія. Я человѣкъ простой, и, несмотря на всю горечь такой немилости, не могу, не смѣю предаться отчаянію; но и писать мнѣ трудно, нѣтъ охоты: какъ-то на все, даже на кисть, гляжу съ презрѣніемъ. Слава Богу, что я еще сколотилъ себѣ независимое состояніе и могу не просить милостины. Королевъ Христивъ, искренней любительницѣ художествъ, которая не только любитъ, но и разумѣетъ искусство, пріятно подарить нѣсколько картинъ. Ришліе я дарить ничего не намѣренъ. Не хочу также, чтобы деньги, которыя слѣдуютъ мнѣ, были отданы этому новому Рафаэлю, Апеллесу, достойному такой Греціи, какова ришліевская Франція.

— Мастеръ Симонъ! я не удивляюсь, что вы себѣ назвали такъ много враговъ.

— Перестаньте, excellentissime, повторять старыя сказки. Гдѣ эти враги? Ришліе, можетъ-быть вы по должности, открытый ратушею обманщикъ делла-Порта, италіанскій маляръ, котораго прозорливые люди приняли за какого-нибудь гонимаго Доминикана; Пуссенъ, который художественнымъ краснорѣчіемъ сдѣлалъ себѣ художественную славу; наконецъ маркизь Дезюмидъ, который насмѣшилъ Римъ, поправляя Рафаэля, и удивилъ Парижъ куринымъ царапаньемъ: и будто это враги! Съ доброй Франціей мы въ ладу, а добрый король по-сю-пору молится передъ образами, написанными моею плохою кистью. Пока еще, новые Рафаэли меня не замѣнили, а что будетъ дальше, увидимъ. Такъ вы позволите надѣяться, что мои картины....

— Будутъ вамъ возвращены, сказалъ спокойно де-Нойе.

Вуэ закусилъ губы, потому что не ожидалъ такого отвѣту. Помолчавъ, онъ продолжалъ :

— Вы простите мнѣ, если я осмѣлюсь спросить, когда я могу надѣяться получить ихъ.

— Сегодня. Къ возвращенію короля, Пуссенъ напишетъ новыя.

— Ни какого сомнѣнія! Онъ необыкновенно быстръ въ работѣ. Говорятъ, они въ Римѣ спорили, кто скорѣе напишетъ сто картинъ, онъ или три такіе же посредственные художника, фамилій не упоминаю.... Побѣдилъ!

— А за какія картины вамъ не заплачено?

Вуэ перечелъ ихъ по именамъ и по цѣнѣ. Составилась небольшая сумма.

— Видите, мастеръ Симонъ : я разсудилъ, что безъ разрѣшенія короля, я не могу выдать картинъ. Я немедленно пошлю докладъ его величеству, прикажетъ ли государь замѣнить ваши вялыя произведенія хорошими, хотя бы даже и не пуссеновскими ; а чтобы въ то же время окончить и съ вами расчетъ и не имѣть поводовъ слушать непріятности, которыя вы позволите себѣ говорить, я плачу за эти картины. До шведскаго посланника и вашихъ патріотическихъ съ нимъ сдѣлокъ мнѣ нѣтъ ни какой нужды. Извольте ваши деньги.

Де-Нойё всталъ, вынулъ изъ секретаря мѣшокъ съ золотомъ, отсчиталъ всю сумму, объявленную Вуэ, и снова усѣлся на прежнее мѣсто.

— Видите, любезный мастеръ Симонъ, сказалъ онъ смущенному Вуэ : какъ вы сами себя вредили и продолжаете вредить съ досаднымъ упрямствомъ?

— Вы человекъ умный, отвѣчалъ Вуэ : и должны понимать, каково жить главѣ французской школы, человеку, которой чувствуетъ и свое достоинство и свои заслуги, съ людьми, которые не имѣютъ вкуса и управляютъ насильно въ нашей области.

— Будетъ ли этому конецъ, мастеръ Симонъ?

— Я кончу! Теперь ваша очередь, Лемерсиё.

— Конечно, достойный нашъ зодчій будетъ сколько-нибудь обходительнѣе, учтивѣе, главы французской школы.

— Я молчу. Лемерсиё, начинайте.

— Я не знаю, какъ начать, дорогой другъ. Послѣ всего, что сдѣлали съ вами, послѣ всего, что я теперь слышалъ, я не знаю, стѣитъ ли начинать. Не смѣю надѣяться, что во мнѣ подозреваютъ сколько-нибудь таланта, если васъ, достойный учитель и дѣйствительный основатель французской живописной школы, считаютъ посредственнымъ, вялымъ художникомъ..... Нѣтъ! конечно, я постараюсь избѣжать такихъ неприятныхъ сужденій о моемъ талантѣ, внушенныхъ корыстолюбиемъ домашнихъ Рафаэлей, и начну съ конца, который несомнѣнно уже рѣшенъ въ главной управѣ нашихъ художествъ. Осмѣлюсь нижайше просить моего начальника оказать мнѣ последнее благодѣяніе, уволить отъ должности главнаго королевскаго архитектора.

Де-Нойё задумался. Вузъ торжествовалъ побѣду, но не долго. Де-Нойё всталъ, подошелъ къ столу, взялъ перо и бумагу, и, подавъ ихъ Лемерсиё, сказалъ съ величайшимъ хладнокровиемъ:

— Извольте. Я готовъ. Но напишите ваши желанія на бумагѣ.

Лемерсиё былъ, въ свою очередь, смущенъ не менѣе Вузъ, но, нечего дѣлать, сѣлъ и написалъ короткую просьбу объ увольненіи.

— Хорошо! сказалъ де-Нойё, прочитавъ бумагу, сѣлъ за столъ, и написалъ на прошеніи: «Уволить, по строжайшемъ обследованіи всѣхъ расходовъ, употребленныхъ господиномъ Лемерсиё по всѣмъ работамъ во дворцахъ и домахъ его королевскаго величества. Обследование поручается первому живописцу его коро-

левскаго величества, господину Пуссену, съ избранными, по его усмотрѣнію, тремя ординарными живописцами и тремя зодчими. *Де-Нойё.*»

— Потрудитесь отдать это Пуссену. Но исполнивъ ваше желаніе, любезный Лемерсіё, я считаю себя, какъ начальникъ, въ правѣ спросить о причинахъ вашего неудовольствія.

Лемерсіё, блѣдный, испуганный, не сводилъ глазъ съ ужаснаго рѣшенія, и не могъ отвѣчать ни слова. Въ душу де-Нойё закралась жалость: онъ былъ убѣжденъ, что извѣстная строгость Пуссена не пощадитъ счетовъ Лемерсіё, откроетъ злоупотребленія; но де-Нойё уважалъ талантъ Лемерсіё, и, видя-необходимость лишиться Пуссена, котораго онъ надѣялся замѣнить ванъ-Дейкомъ или Кортопой, не хотѣлъ потерять навсегда лучшаго французскаго зодчаго.

— Перестаньте читать, сказалъ онъ, ласково ударивъ испуганнаго Лемерсіё по плечу: расскажите лучше, отчего вдругъ пришла вамъ на умъ такая рѣшительность?

— Слѣдовать.... обслѣдовать мои поступки!.... Гдѣ же королевская довѣренность?..... Я работалъ слишкомъ годъ, и теперь все уже лежитъ въ развалинахъ: и вы спрашиваете о причинахъ моего неудовольствія!

— Любезный Лемерсіё, это было недоразумѣніе. Вы болѣе съ Пуссеномъ работать не будете. Для васъ я всегда найду занятіе. Галерея совершенно поручена Пуссену. Весьма естественно, вы сдѣлали по-своему, онъ хочетъ передѣлать по-своему: дѣло вкусу.

— Дурнаго вкусу, невѣжества, незнанія! Чтò онъ построилъ? чтò онъ проектировалъ?.... Охотничій домъ въ Сенъ-Жерменъ!.... Конечно, великая заслуга! а я, слава Богу,....

— И съ этимъ я не спорю. Мнѣ самому жаль трудовъ вашихъ въ галереѣ; но прѣвѣгать къ такимъ крайнимъ

мърамъ, кажется, не слѣдовало. Вы во мнѣ имѣли друга, и начали....

— Извините меня, достойный покровитель!

— Миръ, миръ! перебилъ де-Нойе, разрывая бумагу.

— Господинъ архитекторъ! сказалъ Вуэ въ бѣшенствѣ : я это зналъ напередъ. Купцы и эодчіе думаютъ только о барышахъ.... Прощайте!

Вуэ бросился къ дверямъ.

— Мастеръ Симонъ! мастеръ Симонъ! а вани деньги?....

— Дарю на бѣдныхъ!

Въ это самое мгновеніе вошелъ Фукиерръ, и, сдѣлавъ нѣсколько балетныхъ поклоновъ, подалъ де-Нойе записку.

— Посмотримъ, сказалъ Вуэ, остановясь : какъ поступить нашъ баронъ.

Де-Нойе прочелъ записку и отворотился отъ Фукиерра.

— Такъ-то, Лемерсиè! началъ де-Нойе въ прежнемъ тонѣ : вы избрали благую часть. Чтò добраго въ непрерывныхъ ссорахъ, въ искательствахъ, подыскахъ, во всѣхъ этихъ мелкихъ и нечистыхъ дорожкахъ лабиринта зависти? Замѣьте : талантъ не завидуетъ... всегда гордъ, всегда искрененъ. Иногда больно отъ геніального правдолюбія, да стерпится, слюбится.... Мастеръ Вуэ совсѣмъ дѣло другое : онъ кончилъ блистательный путь, не можетъ идти далѣе, а въ художествѣ «остановился» значитъ пошелъ назадъ. Дворъ и Франція обогатили его. Надо было самому знать честь и во-время, со славою, самому сойти съ художественнаго поприща, уступить мѣсто можетъ-быть не достойнѣйшему, но человѣку, который творить, производитъ согласно съ измѣнившимися понятіями времени. Не такъ дѣйствовалъ Вуэ : чувствуя свою немощь, онъ хотѣлъ поддержать свою славу именно художественнымъ красно-

рвѣемъ, и каждый, кто осмѣливался съ нимъ не соглашаться, несъ судьбу Катилины. Вы знаете, что наконецъ и Цицерона не влюбилъ. А вы, Лемерсіе, еще въ полной силѣ. Я самъ принужденъ былъ утвердить приказаніе Пуссена, и вчера ваши орнаменты загромождали всю галерею своими обломками; но меня утѣшала мысль, что благородное соревнованіе Лемерсіе докажетъ Пуссену, что онъ поступилъ съ нимъ какъ плохой политикъ и какъ слинкомъ себялюбивый, взыскательный художникъ.

— И докажу, достойный покровитель, докажу вашему Пуссену, что строить фантази въ мечтательныхъ пейзажахъ не значитъ еще понимать зодчество!

— Что же касается до васъ, мосье Фукиерръ, я очень жалю, что вы беспокоили королеву вашими ссорами и сплетнями. Вы меня поставили въ необходимость разбискать все дѣло, и, вѣроятно, это не будетъ для васъ выгодно. Вы бы должны дорожить милостью королевы. Но пейзажи въ окнахъ.... простите! Пуссена еще не было въ Парижъ: я первый возставалъ противъ такого безвкусія.

Вошелъ слуга и доложилъ: — Мосье Пуссенъ!

— Вотъ кстати!... Приси... Мнѣ весьма пріятно васъ видѣть, мосье Пуссенъ! Вы должны примирить всѣ неудовольствія, которыя возникли по вашей милости. У насъ никогда еще не бывало такого шума изъ пустыковъ. Вы успѣли обидѣть всѣхъ нашихъ художниковъ. Всѣ эти господа пришли на васъ жаловаться.

— И я то же пришелъ съ жалобой на безстыдныхъ клеветниковъ, отвѣчалъ Пуссенъ съ важностью. Я не знаю, какъ принять королевскія повелѣнія: шуткой или въ самомъ дѣлѣ повелѣніями съ положительной цѣлю.

— Не понимаю, какъ можно въ этомъ сомнѣваться.

— Въ такомъ случаѣ, я не понимаю, почему эти повелѣнія не объявлены всѣмъ этимъ господамъ. Я одинъ

работать не въ силахъ; а эти господа продолжаютъ дѣлать свое, не спрашивая у меня ни совѣтовъ, ни распоряженій. Я не сомнѣваюсь въ ихъ высокихъ талантахъ, и, если бы королю угодно было подчинить меня ихъ руководству, я умѣлъ бы повиноваться. Но мосьё Лемерсиё, несмотря на то что я приказалъ разбить чудовищные и чрезмѣрно тяжелые орнаменты въ одномъ концѣ залы, не удостоилъ меня спросить о причинахъ, чего я хочу, и сдѣлалъ распоряженіе продолжать точно такую работу въ другомъ концѣ галереи. Мало того : мосьё Лемерсиё публично говорилъ въ галереѣ неприличные на счетъ мой рѣчи, которыхъ я, безъ-сомнѣнія, не повторю въ присутствіи образованнаго чловѣка, и публично возвѣстилъ, что не пройдетъ мѣсяцу, и разрушенные уроды воскреснутъ, а меня съ такимъ же безчестіемъ выгонять изъ Франціи, съ какою честію притащили изъ Рима, за уши, какъ упрямаго школьника. Мосьё де-Нойё, спрашиваю васъ : какъ я долженъ принимать слова мосьё Лемерсиё, личнымъ ли выраженіемъ оскорбленнаго самолюбія мосьё Лемерсиё или отголоскомъ мыслей его покровителей ?

Всѣ молчали. Пуссенъ снова началъ.

— Теперь о мосьё Фукиерръ. Кто онъ ? какія имѣеть порученія отъ короля ? какую властію пользуется въ галереѣ ? Мнѣ объ этомъ ничего не сказано ; а между-тѣмъ, мосьё Фукиерръ вчера, въ глубокую ночь, ворвался ко мнѣ насильно, наговорилъ тму грубостей, обидныхъ клеветъ, и принудилъ меня къ строгости. Я не шутилъ, и, желая оправдать довѣренность короля, объявляю, что обѣщанные мною аресты, штрафы и другія взысканія, всѣ будутъ имѣть мѣсто, если у титулованныхъ господъ художниковъ нѣтъ другихъ чувствъ, на которыя можно дѣйствовать кроткими мѣрами. Я никогда не осмѣлюсь принять королевскихъ повелѣній за шутку, никогда не позволю считать себя бездушнымъ

пугаломъ, которое поставили въ саду для игрушки.....
 Мосье де-Нойе! разрешите мои сомнѣнія.

Всѣ молчали. Де-Нойе съ неудовольствіемъ отвѣчалъ :

— Если вы имѣете королевскія грамматы и повелѣнія, постунайте какъ вамъ велитъ долгъ вѣрнаго подданнаго его королевскаго величества.

— Исполняя долгъ, о которомъ вы говорите, я не буду болѣе беспокоить васъ испрошеніемъ добрыхъ совѣтовъ; но какъ исполнительная власть по всѣмъ постройкамъ его величества возложена на васъ, то я прошу, на первый случай, дать урокъ мосье Фукиерру и повторить при мнѣ, что мѣры строгости, какія назначу для успѣха общаго дѣла, будутъ въ точности приведены въ исполненіе по первому моему требованію.

— А я мечталъ, отвѣчалъ съ грустію де-Нойе : что демонъ самолюбія обитаетъ только въ душахъ середняго порядка !

— Не самолюбіе, сказалъ съ улыбкой Пуссенъ : а нѣкоторое познаніе слабостей человѣческихъ руководствуетъ моими поступками. Удостойте меня прямымъ отвѣтомъ на вопросъ, который я имѣлъ честь предложить вамъ.

— Кротости, мосье Пуссенъ, кротости : вотъ чего я ожидалъ отъ философа живописцевъ !

— Не съ ними ! отвѣчалъ Пуссенъ, указывая на Фукиерра и Лемерсиде.

— Они уже не подъ начальствомъ вашимъ, они уволены, сказалъ де-Нойе съ примѣтной досадою.

— Никто не могъ ихъ уволить безъ моего согласія ! Прежде они должны быть наказаны, а потомъ, можетъ-быть, я ихъ уволю, если не образумятся.

— Послушайте, мосье Пуссенъ : неужели вы безъ шутокъ думали, что кто-нибудь позволить, кому бы то ни было, обращаться съ достойными и заслуженными

художниками какъ съ учениками, которые моютъ ваши кисти?

— Такъ зачѣмъ же играть комедію? сказалъ Пуссенъ: зачѣмъ же давать повелѣнія, которыхъ я кроткими мѣрами не могу исполнить?... Какъ я буду работать, когда Лемерсиё, въ той же галереѣ, лѣпнеть своихъ уродцевъ, чтобы закрыть мои картины, а мосѣ Фукіерръ пачкаетъ окна пейзажами, и еще ночью, съ грубостью и нахальствомъ, врывается въ домъ мой, изрыгаетъ клеветы, и вызываетъ своего начальника на поединокъ?... Извольте! я знаю правила чести; но прежде снимите съ меня дарованныя королемъ права, а потомъ не откажите быть моимъ секундантомъ.

— Это ужъ слишкомъ, мосѣ Пуссенъ! сказалъ де-Нойё съ горячностію. Ваша строгость похожа на педантизмъ сельскаго учителя. Конечно, господа художники нѣкоторымъ образомъ подчинены вамъ; но вы обязаны тѣмъ же уваженіемъ къ ихъ талантамъ, какимъ они обязаны къ вашему. И по архитектурѣ, мы еще не видали вашихъ работъ, а Лемерсиё отдала справедливость не одни соотечественники.

— Я утомлю ваше вниманіе подробнымъ критическимъ разборомъ всѣхъ недостатковъ луврской галереи, и на-сегодня замолчу; но не оставлю безъ доказательства моего мнѣнія, принудившаго меня уничтожить сорока-тысячныя работы. Впрочемъ, я не знаю еще здѣшнихъ цѣнъ, и займусь этимъ предметомъ съ особеннымъ усердіемъ, потому что король и кардиналъ жаловались на чрезмѣрные по галереѣ расходы. Пока, не угодно ли просмотрѣть мои предположенія?

Пуссенъ вынулъ изъ папки общій планъ и разрѣзы галереи: ни какого сходства съ разрушенной! Все было проектировано въ чистомъ римскомъ стилѣ; подробности были нарисованы съ особенною тщательностію Гаспаромъ и Стеллой; вся галерея была сложена изъ вѣрныхъ копій съ изящныхъ остатковъ древ-

постей. Лемерсиё покрасивъ ; де-Нойё разсматривалъ съ удовольствіемъ ; Фукиерръ глядѣлъ въ окно ; Симонъ Вуэ подошелъ къ де-Нойё и сказалъ съ примѣтною досадою :

— Оченъ, очень не дурно, но ничего оригинальнаго, это все заимствованія.

Пуссенъ молчалъ и рылся въ своихъ папкахъ.

«Какъ бы хотѣлось мнѣ, подумалъ де-Нойё : окончить эту галерею и выжить Пуссена къ прѣзду короля!»

— Но здѣсь множество статуй, барельефовъ, каріатидъ, сказалъ онъ : это потребуетъ времени....

— Тѣмъ болѣе, отвѣчалъ Пуссенъ : что все это надо отливать въ Римъ : здѣсь ничего не сдумаютъ сдѣлать.

— Но подумайте, сказалъ де-Нойё : чего же это будетъ стоить !

— Вся галерея, со всѣми моими работами, шестьдесятъ тысячъ ливровъ.

— Вы шутите, мосѣ Пуссенъ !

— Во всю жизнь мою я не позволилъ себѣ шутки, говоря о художествѣ. А вотъ, не угодно ли посмотреть нѣкоторыя подробности ? Вы видите, въ общемъ планѣ, рядъ барельефовъ. Они будутъ написаны, и вотъ для нихъ рисунки.

Пуссенъ показалъ исторію Геркулеса въ очеркахъ.

— Да вы сами Геркулесъ ! сказалъ де-Нойё, разсматривая превосходные очерки.

— Позвольте ! сказалъ Пуссенъ, и вышелъ.

— Господа, согласитесь, сказалъ де-Нойё : что и мысль и подробности превосходны.

Художники хранили молчаніе и презрительную улыбку. Пуссенъ воротился, держа въ рукахъ, съ особенною осторожностію, незасохшіи еще эскизы плафона.

— Я его везъ въ каретъ съ большимъ трудомъ, и не жалю, сказалъ Пуссенъ, поставивъ на свѣтъ свою картину.

Художники закусили губы. Вуз покраснѣлъ. Пуссенъ глядѣлъ на нихъ съ сожалѣніемъ водикодушнаго побѣдителя.

— Вотъ мои мысли, мосьё де-Нойё : жду вашихъ приказаній, сказалъ онъ, поставивъ картину на стулъ.

Де-Нойё обнялъ и расцѣловалъ Пуссена.

— Вамъ ли сомнѣваться въ моемъ одобреніи? сказалъ онъ тихо. Но я возобновлю мою просьбу : не оскорбляйте людей съ талантами. Они нѣкоторымъ образомъ правы.

— Позвольте, отвѣчалъ Пуссенъ : подарить вамъ эскизъ моего плафона на память, а о другихъ обстоятельствахъ донести вамъ письменно.

— Кчему все это, мосьё Пуссенъ ?

— Вы хотите, чтобы исполнилась моя живописная притча.... Поручаю себя времени ; но, для оправданія передъ потомствомъ, позвольте мнѣ немедленно приступить къ работамъ въ галереѣ. Признаюсь, я очень доволенъ, что мосьё Лемерсиде и мосьё Фукиерръ получили увольненіе. Мнѣ не нуженъ ни архитекторъ ни пейзажистъ : я и самъ окончу галерею, и самъ напишу пейзажи. Но попрошу у васъ послѣдней милости.

— Говорите, говорите !

— Стражи къ моему дому и стражи къ луврской галереѣ. Я хочу запереться, и въ нѣсколько недель она готова ! Тогда вы меня отпустите на время въ Римъ. Я вернусь съ женой, и прийму за Лувръ, котораго, во всякомъ случаѣ, въ этомъ году мы перестроить не можемъ.

— Все будетъ исполнено, отвѣчалъ де-Нойё, съ трудомъ скрывая приметную радость.

— Такъ простите !

Пуссенъ на-скоро собралъ свои рисунки, сложилъ въ папку, поклонился, и уѣхалъ.

Художники стали откланиваться. Де-Нойё съ осо-

бенною сухостью отпустилъ Вуэ и Фукиерра, но удержалъ Лемерсиде.

— Послушайте, Лемерсиде. Какъ хотите, помиритесь съ Пуссеномъ.

— Подумайте сами, достойный покровитель, могу ли....

— Притворно, притворно! Мнѣ нужна эта галерея къ прїезду короля, а безъ вашего содѣйствія, онъ матеріально затруднится въ архитектурныхъ работахъ.

— Но чѣмъ же могу помочь я? спросилъ Лемерсиде съ коварной улыбкой.

— Такъ послушайте, Лемерсиде! Если добромъ вы не хотите мнѣ оказать услуги, то я вамъ приказываю. Всякая остановка по архитектурной части въ галереѣ на вашей ответственности.... Прошайте!

Де-Нойе ушелъ въ другую комнату, а Лемерсиде на дворикъ, гдѣ его ожидали сообщники. Приложивъ палецъ къ губамъ, Лемерсиде вышелъ на крыльцо, не оставиваясь. Всѣ трое усѣлись въ одну придворную карету, и отправились въ Парижъ.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТЬ-ПЕРВАЯ.

Затворникъ.

Немного художниковъ работало въ луврской галереѣ: самъ Пуссенъ, Гаспаръ, Стелла, Ла-Гиръ, Дюфреноа, Михаилъ Корнель, и еще два три, которыхъ имена затерялись. Галерея была уже близка къ окончанію. Барельефы in chiaroscuro, изображавшіе подвиги Геркулеса, были уже написаны, плафонъ совершенно оконченъ, и лѣва сняты. Одинъ входъ былъ

заколочень на-глухо; у другаго стояли на стражѣ два карабиніера, не въ галереѣ, а въ смежномъ покоѣ. Двери были заперты.

— Еще два три дня, сказалъ Пуссенъ : и все будетъ кончено! Теперь довольно : пойдѣмъ!

Всѣ вышли; Пуссенъ, послѣдній, заперъ галерею, и отправился домой съ Гаспаромъ и Стеллой. Немного спустя, пришли въ смежный съ галереей покой, гдѣ стояли карабиніеры, Лемерсіе и Фукиерръ.

Лемерсіе занялся соображеніями, какимъ образомъ передѣлать этотъ покой и соединить его прилично съ другими залами, уже существовавшими или предполагаемыми. Фукиерръ непрерывно величалъ Лемерсіе титулами маркиза, графа, даже маршала. Карабиніеры стояли въ струнку, не смѣя даже взглянуть другъ на друга.

— Что, съ вами ключъ? спросилъ Лемерсіе : взяли вы у Пуссена?

— Со мной, почтительно отвѣчалъ Фукиерръ. Мосѣ Пуссенъ только-что оставилъ галерею и отдалъ мнѣ ключъ на случай вашего пріѣзду.

— Отворите галерею.

Фукиерръ отворилъ. Лемерсіе, съ особенною важностью, вошелъ въ галерею, и двери захлопнулись.

— Какъ ты думаешь, Андрей, кто они? спросилъ карабиніеръ, вынимая табакерку.

— Не знаю, Эома, отвѣчалъ Андрей, нюхая табакъ. Должны быть королевскіе : такъ важно и говорятъ и ходятъ. Намъ и не понять о чемъ они толковали.

— Ужъ и не понять! Отчего же не понять? Дѣло простое. Я полагаю, Андрей, это королевскіе обойщики. Все на локти у нихъ, на футы, да на дюймы. Стало-быть, они мѣру прикидываютъ. Галерею кончатъ не сегодня, такъ завтра : ну, а видишь, по всему дворцу есть и занавѣси, и обои, и мебели, и все, а тутъ еще ничего; такъ ихъ и прислали.

— Помилуй! да одинъ при шпагъ.

— Ну, это королевскій дворникъ. Въдь у короля и слуги дворяне.

— А этотъ-то маркизъ, графъ, маршалъ.

— То-то умная голова! Ты и разбери, что маршалы безъ шпаги не ходять. А ты знаешь, какой норовъ у городскихъ купцовъ : всъ другъ друга величаютъ маркизами и графами.... Насмѣшники, чортъ ихъ побери! Да что будешь дѣлать? Деньги у нихъ : имъ и кланяются!

Лемерсиѣ и Фукіерръ вышли, заперли галерею, и съ печальными лицами отправились во внутренніе покои дворца.

— Видно, мало барышей насчитали, сказалъ Оома : такія длинныя рожи!

— Не бойся, Оома! городскіе купцы народъ смышленный. Позволь имъ только кайму приставить гдѣ-нибудь, такъ счетъ будетъ длиннѣе каймы.

— Что, братъ Андрей, смеркается : теперь никто не пожалуетъ?

— Такъ что жъ?

— Давай спать!

— Давай, только въ-очередь.... Начинай!

Оома усѣлся на полу и заснулъ, а Андрей, гуляя, вполголоса напѣвалъ :

«Былъ на свѣтъ капитанъ

Въ семь локтей длиною».... и прочая.

Собрался совѣтъ государственныхъ секретарей. Мазарини председательствовалъ. Ришліѣ требовалъ отъ добраго города ссуды значительныхъ суммъ, и поручалъ привести это дѣло къ доброму окончанію колле-

гально. Голова, который былъ, по неловкости Мазарини, приглашенъ въ совѣтъ, отказалъ секретарямъ рѣшительно, прибавивъ къ тому обѣщаніе, что и впредь онъ не намѣренъ давать денегъ безъ приговоровъ парламента, и то на основаніи безчисленныхъ постановленій, изъ которыхъ умный голова напомнилъ совѣту около сорока. Совѣтъ кончился; голова ухвалъ. Канцлеръ обѣщаль уладить дѣло посредствомъ парламента, и также ухвалъ. Мазарини объявилъ тогда секретарямъ, что кардиналъ лежитъ въ Нарбоннѣ, безъ надежды на выздоровленіе, что важныя обстоятельства требуютъ рѣшительныхъ мѣръ, и что всѣ секретари должны поспѣшить отъездомъ въ Нарбонну.

— Я ъду сегодня же, сказалъ Мазарини.

— Я завтра, сказалъ де-Нойё, и простился съ товарищами.

Въ прихожей де-Нойё толпилось множество художниковъ, между ними Лемерсиё и Фукиерръ.

«Что это значитъ? подумалъ де-Нойё. Вѣрно, Пуссенъ написалъ новую превосходную картину.

— Милости просимъ, милости просимъ! сказалъ онъ громко, входя въ гостиную. Что новаго?

— Много, отвѣчалъ Лемерсиё: очень много. Но я хотѣлъ бы сообщить вамъ наединѣ.

Де-Нойё и Лемерсиё вошли въ кабинетъ.

— Ну что? спросилъ де-Нойё.

— Пуссенъ почти совсѣмъ окончилъ галерею.

— Быть не можетъ! Я этого никакъ не ожидалъ.....

Но что значитъ это почти? Можетъ-быть, еще на два мѣсяца работы.

— Какое на два мѣсяца! И на два дня не остается!

— Быть не можетъ!.... Но, отъ такой поспѣшности, я полагаю....

— Вы и не ошибаетесь. Это миниатюрная работа, исполненная помеломъ; тысячи мелкихъ украшеній,

не лѣпныхъ, какъ предполагалъ я, а навалеванныхъ. Представьте, какъ бы это было хорошо, если бы на церкви ватиканской, вмѣсто дѣйствительнаго балюстрада, поставить декорацию, писанную на полотнѣ масляными красками, или, вмѣсто башенъ на церкви Парижской Божіей Матери, поставить картонныя трубочки съ прорвзью!.... Признаюсь : я не завистникъ, но радъ....

— Я не знаю, чему тутъ радоваться. Война продолжится еще мѣсяца три четыре, и я его заставлю все передѣлать.

— Непремѣнно, не премѣнно! отвѣчалъ Лемерсидѣ. Я говорю уже не изъ зависти, а потому что мнѣ жаль васъ, моего воеводу : прїѣдетъ король, и на васъ и на меня, и на всѣхъ, пенять будетъ.

— И какъ это досадно! сказалъ де-Нойѣ : я завтра долженъ ѣхать ; галереи я не видалъ ; тревожить Пуссена теперь не хочется : поздно ; а безъ него ее видѣть нельзя.

— Можно, можно, только если вы захотите сохранить тайну.

— Конечно, я не выдамъ васъ. Но какъ ?

— Если вы не заняты, мы можемъ исполнить наше намѣреніе тотчасъ.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ!.... Пойдемъ! — Погодите, господа, сказалъ де-Нойѣ, проходя гостиную и кланаясь художникамъ : черезъ четверть часа я вашъ.

Изъ садовъ тюильрійскихъ вся новая академія Пуссена, вмѣстѣ съ своимъ предсѣдателемъ, возвращалась съ прогулки.

— Что это? спросилъ Ла-Гиръ : кажется, въ нашей галереѣ свѣтъ?

— Что за вздоръ! сказалъ Пуссенъ. Ключъ у Гаспара, стража на мѣстѣ : не ошибаетесь ли вы?.... Нѣтъ! точно. Вѣрно, Гаспаръ забылъ что-нибудь и пошелъ.

— И я и ключъ, мы оба здѣсь, сказалъ Гаспаръ. Посмотрите, посмотрите! свѣтъ исчезъ.

— Не показалось ли намъ?

— Кажется, мы видѣли всѣ и своими глазами.

— Пойдемъ, справимся, сказалъ Ла-Гиръ.

— А если это не люди? сказалъ Гаспаръ. Вамъ случилось видѣть не людей?

— Что за вздоръ!

— Вздоръ?.... Не говорите. Я имѣлъ печальный случай удостовѣриться, что на свѣтъ, кромѣ настоящихъ людей, есть еще и другіе люди, о которыхъ не ловко рассказывать теперь подъ-вечеръ.

— Пойдемъ всѣ вмѣстѣ! сказала Пуссенъ съ улыбкою. А вѣсь, не-люди людей побоятся!

— Всѣ вмѣстѣ, дѣло другое, отвѣчалъ Гаспаръ, и всѣ пошли въ Лувръ.

Стража дремала; на вопросы о странныхъ посѣтеляхъ, отвѣчала въ испугъ, что никого не было, и академія пошла въ обратный путь, споря о привидѣніяхъ, тѣняхъ, колдунахъ, и прочая.

— Не смѣю спорить, сказалъ Ла-Гиръ. Самому мнѣ встрѣчаться не удавалось не только съ чортомъ, но даже съ малѣйшимъ его пажомъ; а слышать, слышу. Ришліе вѣритъ колдунамъ, и представьте, до какой степени : передъ отъѣздомъ, въ Нарбонну, какой-то колдунъ предрекъ кардиналу болъзвнъ; Ришліе приказалъ схватить его; пигдѣ не отыскали : исчезъ, ушелъ....

— Ушелъ? съ важностью сказалъ Гаспаръ : отъ Ришліе ушелъ?.... Послѣ этого, не вѣрьте нечистой силѣ!.... Но вѣрно ли это?

— Каталонецъ Тромбара самъ рассказывалъ въ зеленомъ кабачкѣ дворянамъ.

— Чтò жъ кардиналъ? спросилъ Гаспарь.

— Умираетъ. Врачи отказались. Онъ послалъ искать колдуновъ, но нигдѣ найти не могутъ, потому что и колдуны ему не вѣрятъ.

— Измѣна! измѣна! кричалъ Михаилъ Корнель, выбѣгая изъ домика Мену́. Ахъ! вы здѣсь, учитель!.... а я васъ ищу!

— Чтò такое? спросилъ Пуссенъ съ неудовольствіемъ.

— Мосьё де-Нойё былъ у васъ въ галереѣ.

— Когда?

— Сейчасъ. Я отъ него. Тамъ много нашихъ : всѣ знаютъ.

— Чтò жъ, у него другой ключъ?

— Не у него, а у Лемерсиё. Они ходили вмѣстѣ, осмотрѣли галерею со свѣчами. Мосьё де-Нойё ругалъ Лемерсиё за клевету, но и на васъ сердитъ. Говоритъ : «Галерея не дурна, но много недостатковъ. Всему виновно проклятая скорость. Впрочемъ я самъ виноватъ.»

Михаилъ подробно рассказалъ, чтò въ галереѣ не нравится де-Нойё. Пуссенъ слушалъ молча, безъ улыбки и досады. Прочіе хохотали. Когда Михаилъ кончилъ рассказъ свой, уже въ гостиной, Пуссенъ сказалъ тихо:

— Нечего дѣлать! для блага художествъ во Франціи, должно не говорить, а написать проповѣдь. Передъ отъѣздомъ надо разсчитаться со всеми. Гаспарь, садись и пиши.

— Мы, можетъ-быть, помѣшаемъ, сказалъ Ла-Гирь.

— Нѣтъ, друзья мои! Вы послѣдняя надежда французскихъ художествъ. Глядя на васъ, я буду и умнѣе и краснорѣчивѣе.... Пиши!

Пуссенъ походилъ по комнатѣ, нѣсколько минутъ подумалъ, и сталъ диктовать:

«Подобно одному древнему философу....

— Но это не начало! что это? письмо, записка, просьба? сказалъ Гаспаръ.

— Правда, правда! Пиши. «Государь мой, подобно одному древнему философу, желалъ бы и я, чтобы можно было видѣть, что происходитъ въ душѣ человека: тогда въ ней не только были бы открыты пороки и добродѣтели, но вмѣстѣ и познанія и хоронія ученія начала; а это весьма было бы выгодно для ученыхъ людей, потому что лучше бы могли оцѣнять ихъ достоинства. Но природа поступила иначе, и судить о способностяхъ человека въ наукахъ и художествахъ столько же трудно, какъ и о хорошихъ или дурныхъ наклонностяхъ его въ нравахъ....»

— Вы начинаете, Николо, вѣсколько дерзко, сказалъ Гаспаръ. Ваши выраженія можно перевести на простонародный языкъ: выйдетъ, коротко, но обидно, выйдетъ: «Милостивый государь, вы невѣжда.»

— Послѣ тайнаго посѣщенія моей галереи, я уже не обязанъ къ этому господину прежнимъ уваженіемъ. Онъ не лучше другихъ, а я обсахариваю мои слова какъ умью. Пиши. «Сколько бы ни были обширны изученіе и опытность ученыхъ, не возможно принудить всѣхъ остальныхъ людей, чтобы они имѣли полную вѣру во все то, что говорятъ ученые. Это истина, извѣстная во все времена, особенно въ-отношеніи къ живописцамъ, не только древнимъ, но и новымъ, какъ напримѣръ Анibalъ Караччи и Доминикино: у нихъ не было недостатку ни въ искусствѣ, ни въ знаніи, по которымъ можно бы судить о ихъ талантѣ; но этотъ талантъ не былъ однако же въ нихъ признакъ, сколько во ихъ несчастному жребію, столько и по интригамъ завистниковъ, которые во всю свою жизнь пользовались и славой и счастіемъ незаслуженными. Я могу поставить себя на ряду съ Караччи и Доминикиномъ относительно несчастія. Я жалуясь на то, что вы обращаете вниманіе на клеветы моихъ враговъ, тогда какъ

вы должны бы быть мной покровительствъ, потому что именно вы подаете поводъ этимъ клеветамъ, снимая ихъ картины съ мѣстъ, съ тѣмъ чтобы поставить на ихъ мѣсто мои. Въ тѣ, которые трудились въ бывшихъ работахъ большой галереи и надѣялись получить отъ того какой-либо прибытокъ, также и тѣ, которые надѣялись получить нѣсколько картинъ моей руины, но лишились къ тому возможности, послучаю запрещенія, которое вы мнѣ сдѣлали, «не работать въ частныя руки,» всѣ эти люди — мои враги, всѣ кричатъ противу меня. Мнѣ ихъ нечего бояться: по милости Божіей, я приобретаю богатство, не принадлежащее къ дарамъ фортуны; нельзя его отнять, и съ нимъ я могу идти всюду. Несмотря на то, огорченіе, что со мной вступаютъ такъ дурно, могло бы доставить мнѣ довольно поводовъ къ изложенію причинъ, заставляющихъ поддерживать мнѣнія мои, болѣе твердыя и основательныя, нежели мнѣнія другихъ, и доказать вамъ невѣжество моихъ клеветниковъ. Но боязнь навести на васъ скуку, принуждаетъ меня сказать коротко, что тѣ, которые стараются поселить въ васъ отвращеніе отъ работъ, начатыхъ мною въ большой галерей, или невѣжды или люди злобные. Цѣлый свѣтъ и вы должны бы примѣтить, что я, не случайно, но съ намѣреніемъ, избѣгалъ тѣхъ недостатковъ и уродливостей, которыя достаточно обнаруживались уже въ начаткахъ *Le mercisé*, именно, дѣбелости и непріятной тяжести, излишняго пониженія свѣду, который будто падалъ, вмѣсто того чтобы возвышаться; особенно холоднаго сочиненія, меланхолической бѣдности и сухости виду во всѣхъ частяхъ. Все эти части слѣвлены вмѣстѣ, несмотря на то, что въ некоторыхъ отношеніяхъ, онѣ совершенно противоположны, чего не можетъ допустить здравый смыслъ и разумъ; напримѣръ, часть слишкомъ толстая вмѣстѣ съ вытянутыми, огромная съ промечными, слишкомъ сильное съ слишкомъ слабымъ, и съ придатой всѣмъ

другидь несообразностей. Въ целомъ не было ни ка-
кого разпоребрая ; ни что не было поддержано : во-
всемъ было замѣтно отсутствіе связи , послѣдователь-
ности. Величина мѣстъ для картинъ не имѣла ни какой
соразмѣрности съ разстояніемъ : на атикъ мѣстахъ ни-
чего бы нельзя было видѣть, потому что они были про-
дѣланы въ самой срединѣ свода , и прямо надъ голо-
вами зрителей ; глядя на картины, зрители должны бы,
такъ-сказать, ослѣпнуть. Вся галерея заключала въ се-
бя тѣ же недостатки. Архитекторъ подчинилъ себя из-
вѣстнымъ консолямъ, которыя владычествовали вдоль
всего карниза, и эти консоли не въ равномъ числѣ : съ
одной стороны четыре, съ противоположной пять. Вотъ
что заставляло или разрушить всю работу, или оставить
нестерпимые недостатки. Надо знать, что есть два спо-
соба смотрѣть на предметы : одинъ глядѣть на нихъ
просто, другой — разсматривать ихъ со вниманіемъ....»

Гаспаръ остановился , и , положивъ перо , спросилъ
Пуссена :

— Довко ли это будетъ , Николо ? Вы начинаете съ
азбуки всѣмъ извѣстной.

— И несмотря на всеобщую извѣстность этой азбу-
ки, милліоны не умѣютъ читать , а судять о стихахъ ;
милліоны не умѣютъ глядѣть , а наслаждаются живо-
писью. Но если одинъ изъ этого множества призванъ
управлять художествами, надо его научить, хоть шутя,
нашей азбуки и повторить ему самыя пошлыя, но вмѣ-
стѣ самыя необходимыя, истины..... Пини ! « Видѣть
просто, значитъ принимать естественнымъ образомъ, по-
средствомъ глаза , форму и охотоство видимаго пред-
мета ; разсматривать со вниманіемъ, знаніемъ, что чело-
вѣкъ, кроме простаго и естественнаго принятія формы
вспредствомъ глаза , замѣчиваетъ еще съ особеннымъ
вниманіемъ способы хорошо узнать тотъ предметъ.»

«Итакъ хотите, » сказала Гаспаръ : а право, кажется,
совѣтны :

— Пиши, пиши! отвѣчалъ Пуссенъ, и продолжалъ диктовать : «Потому можно сказать, что престои́й взглядъ, или *aspectus*, есть дѣйствіе естественное, а то, что я называю воззрѣніемъ, *prospectus*, есть принадлежность разума и зависитъ отъ трехъ вещей : отъ глаза, отъ точки зрѣнія, и отъ разстоянія предмета отъ глаза, и весьма было бы желательно, чтобы тѣ, которые принимаютъ на себя право произносить приговоры, хорошо знали именно эту науку. Вслѣдствіе этого должно обратить вниманіе, что простѣнокъ галерей имѣетъ двадцать-одинъ футъ вышины и двадцать-четыре фута длины отъ одного окна до другаго. Ширина самой галерей, заключающей въ себѣ все пространство, съ котораго можно смотрѣть на простѣнокъ, двадцать-четыре фута. Картина, что по-серединѣ каждаго простѣнка, въ двѣнадцать футовъ длины и въ девять высоты, вмѣстѣ съ рамой. Такимъ образомъ галерея, по ширинѣ своей, соразмѣрно велика, для того чтобы съ перваго взгляду увидѣть картину, помѣщенную по-серединѣ между каждыхъ двухъ оконъ. Зачѣмъ же говорить, что картины, помѣщенные между оконъ, слишкомъ малы, тогда какъ всю галерею должно разсматривать по частямъ, каждый простѣнокъ отдѣльно? Съ того мѣста, и на томъ же разстояніи, должно видѣть, съ перваго же взгляду, половину линіи свода, и должно знать, что все размѣщенное мною въ этомъ сводѣ должно считаться къ нему привязаннымъ, прилѣпленнымъ, и не требовать, чтобы какая-либо часть совершенно отъ него отдѣлялась или, наоборотъ, углублялась далѣе поверхности арки. Напротивъ, всѣ части должны составлять ея линіи, опредѣлять ея фигуру. Если бы части, привязанныя, или какъ-будто привязанныя, къ своду, и другія, которые считаютъ слишкомъ малыми, я увеличилъ въ размѣрахъ противу ихъ настоящихъ пропорцій, я внаглъ бы въ тѣ же погрѣшности и показался бы такимъ же невѣждой, какъ и тѣ,

котораго до меня производили и производить еще досихъ-поръ различныя значительныя работы. Изъ этихъ работъ ясно видно, что они не знаютъ, что дѣлаютъ, въ противность наукъ, въ противность образцамъ, предлагаемымъ самою природою. Части, самыя огромныя, самыя массивныя, они ставятъ на мѣстахъ самыхъ возвышенныхъ, а поддерживать эту тяжесть заставляютъ тѣла самыя низкия, слабыя. Это грубое невѣжество причиною, что всѣ зданія, построенныя съ такимъ недостаткомъ науки и разсужденія, кажется, наклоняются и падаютъ подъ собственною тяжестью, тогда какъ они должны бы возвышаться, легко, стройно, свободно стоять на землѣ, сами себя безъ труда поддерживая, какъ учитъ природа и разсудокъ. Кто не пойметъ, какой бы произошелъ безпорядокъ, если бы я размѣстилъ украшенія во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ требуютъ того мои критики, или если бы тѣ украшенія, которыя я уже помѣстилъ, были увеличены противу настоящихъ размѣровъ? Они бы представились подъ угломъ несравненно большимъ, съ излишнею силою, и такимъ образомъ оскорбляли или утомляли глазъ, потому что, по всему своду, во всѣхъ его частяхъ, свѣтъ одинаковъ и равенъ. Не казалось ли бы, что та или другая часть наклоняется, отдѣляется отъ галерей, и разрываетъ пріятную послѣдовательность другихъ украшеній? Если украшенія — предметы съ существомъ, съ тѣломъ (по крайней-мѣрѣ, я утверждаю, что они такими кажутся), кто будетъ такъ простъ, что взгромоздитъ огромную тяжесть туда, гдѣ она никакъ не можетъ удержаться? Но всѣ тѣ, которые предпринимаютъ большія работы, не въдаютъ, что уменьшеніе предметовъ въ зрачкѣ нашего зрѣнія происходитъ совершенно по инымъ законамъ. Впрочемъ, мнѣ никогда и не предлагали исполнить самое превосходное произведеніе, какое только я могу вообразить, и если бы меня къ тому обязать вздумали, я сказалъ бы откровенно мое мнѣ-

ние и не позволяла бы приступать къ предпріятію столь большому и столь трудному для хорошаго исполненія, во-первыхъ, по недостатку въ Парижѣ способныхъ для такой работы мастеровъ, во-вторыхъ, по времени, слишкомъ продолжительному, какое бы для того требовалось, и, въ-третьихъ, по величинѣ издержекъ. Я считаю, что не слѣдовало бы употребить огромныхъ суммъ на галерею столь обширную, которая во всякомъ случаѣ будетъ только проходною, и притомъ можетъ со-временемъ прійти въ то же дурное состояніе, въ какомъ я всталъ ее. Небреженіе и недостатокъ любви въ нашей націи къ изящнымъ произведеніямъ столь велики, что едва успѣютъ ихъ окончить, какъ уженикто объ нихъ и не думаетъ: напротивъ, не рѣдко находятъ удовольствіе въ томъ, какъ бы ихъ разрушить. И такъ, я полагаю, что я исполнилъ порученіе короля очень хорошо, отдѣлавъ галерею съ большимъ вкусомъ, съ большою пріятностію и красотой; и сочиненіе и расположеніе лучше, болѣе разнообразія, и менѣе времени, гораздо менѣе издержекъ, противу того, что было начато. Впрочемъ, если угодно принимать разные совѣты и новыя предложенія, которыя враги мои могутъ дѣлать ежедневно, и если эти предложенія понравятся болѣе нежели мои, то, несмотря на всѣ основательныя доказательства, выше въ защиту моихъ мнзній изложенныя, я не буду претивиться; напротивъ, я охотно уступаю мое мѣсто другимъ, которые признаемы будутъ способнѣйшими, и по-крайней-мѣрѣ буду имѣть то утѣшеніе, что я послужилъ поводомъ къ открытію во Франціи людей способныхъ, которыхъ до меня не знали. Эти люди могутъ украсить Парижъ отличными произведеніями, которыя принесутъ чести націи.»

— Гаспаръ опять подошелъ вѣро и сказалъ:

— Никола, кажется, не совсѣмъ справедливо. Подумайте, что вы рассердились.

— А ты думалъ, нѣтъ? Конечно, разсердился. Неужели, за всѣ эти глупости, за всѣ нападки невѣжества и злости, ты прикажешь благодарить? И еще не все. Это чтѣ до галереи: теперь пиши о другихъ работахъ.

— Но, Николо, да за эти письма васъ могутъ выбросить изъ Парижа!

— Лишь бы не въ Бастилю, не на эшафотъ, а прочее только можетъ обрадовать меня. Я съ умысломъ удержалъ молодыхъ нашихъ друзей. Мое письмо не останется тайной. Но ты усталъ, Гаснаръ. Дай я допишу еще нѣсколько словъ: и кончено!

Пуссенъ сдѣлалъ свои приписки. Гаснаръ отнесъ письмо, и возвратился съ отвѣтомъ.

— Есть отвѣтъ! есть отвѣтъ! какъ это любовитно! кричали художники, окружая Пуссена, который прочелъ имъ слѣдующее:

«Государь мой, вы какъ-то говорили мнѣ, что хотите переехать въ Парижъ съ женою, но дядюга считали нужнымъ лично отправиться въ Италию. Галерея почти готова. Я уязжаю и могу васъ удержать своимъ отсутствіемъ. Никогда я не желалъ вамъ дѣлать малѣйшихъ неприяностей, и потому, на случай благополучнаго окончанія галереи, даю вамъ отпускъ въ Италию, на время, какое найдете нужнымъ для устройства вашихъ дѣлъ. Воспользуйтесь отсутствіемъ его величества. Король васъ не отпуститъ. Слѣдующія суммы будутъ вамъ выданы изъ моего казначейства. Дай Богъ увидѣться.

«Де-Нойе.»

Все были ошечалены. Пуссенъ былъ необыкновенно веселъ, схватилъ карандашъ, сказалъ: — Теперь послѣдняя записка мѣнимъ врагамъ! — и сталъ чертить самымъ послѣднимъ подвигомъ Геркулеса. Художники, не смотря на свою печаль, внимательно глядели на работу, и общій хохотъ по-временамъ прерывалъ тишину Пуссеновой келии.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТЬ-ВТОРАЯ.

Карчма.

Солнце закатилось. Лошадь приставала. Гарь-Пионъ по-своему расточалъ увещанія бѣдной клячъ, но не хотѣлъ уже бить невольную лэвниву.

— Если бы намъ добраться докакой-нибудь деревни: послѣднiя деньги можно отдать, а ужъ на старой клячѣ нельзя вхаты. И старуха-то, барыня: замокъ есть, а доброй лошади пожалѣла!... Эхъ, да кажется.... нѣтъ! не кажется, а въ самомъ дѣлѣ, деревня!

Спутницы проснулись, и обѣ въ одинъ голесъ спросили: — Гдѣ ты видишь деревню?

— А это что? не деревня?... Поглядите! и въ деревню въѣзжать не надо: карчма, что стогъ сѣна, торчитъ..... Ба! и рогатки!..... Вѣрно, замокъ близко. А можетъ-быть, и земля уже не наша.

— Стой! закричалъ толстый мужикъ, выходя къ рогаткѣ: именемъ герцога Бульионскаго, кто, откуда, зачѣмъ?

— Изгнанники, изъ Парижа, торопливо отвѣчала Джудита. Просимъ покровы и защиты у благороднаго герцога Бульионскаго. Вдемъ въ Седанъ.

Мужикъ, снявъ шляпу, отвѣчалъ: — Конечно, и одежда ради безопасности.....

— Да вѣдь не маршаломъ же вхаты мнѣ, осужденному на эшафотъ! сказалъ Гарь-Пионъ.

— Господинъ маршалъ, отвѣчалъ мужикъ: просимъ прошенiя. Мы люди простые. Наши рогатки только такъ, даже не для защиты, а чтобы проѣзжіе границу знали... Милости просимъ. Герцогъ будетъ радъ. Нынче какъ испанская война стала, такъ и гостей нѣтъ. Видно, Краснаго въ Парижъ нѣтъ?...

— Въ Нарбоннѣ, любезный, въ Нарбоннѣ, отвѣчалъ Гарь-Пионъ. Кажется пришла за нимъ бѣда : окочеветь!

— Дай-то Господи! сказалъ мужикъ, отворяя рогатку и проводя на мостъ лошадь, которая съ трудомъ передвигала ноги; потомъ заперъ рогатку, отворилъ ворота карчмы, и втащилъ въ темный сарай пассажи-ровъ. — Берта, Берта! кричалъ мужикъ: огня! Господинъ маршалъ съ дочерьми прѣвхалъ. Ужъ не взъинци-те, господинъ маршалъ: комнатка у насъ одна да боль-шая общая изба....

— Мы люди военные, ко всему привыкли.

Берта вышла съ лучиной и освѣтила грязный сарай. Гарь-Пионъ на рукахъ перенесъ Джудиту и Сару на огромный камень, составлявшій крыльцо, паперть, преддверье, сѣни, а самъ занялся своей ключей.

— Чтò это вы, господинъ маршалъ? Позвольте....

— Пошелъ братъ, къ своему дѣлу! отвѣчалъ Гарь-Пионъ. Я привыкъ ко всему..... А какъ тебя зовутъ, про-случай?

— Фадеемъ, господинъ маршалъ, отъ рожденья зо-вуть Фадеемъ.

— Сходи-ка ты, Фадей отъ рожденья, завтра въ дерев-ню, да спроси, нѣтъ ли у кого продажной лошади, на шронъ съ придачей.

— Какъ не быть, господинъ маршалъ! Добрый конь есть у сосѣда, вотъ тутъ за лѣскомъ, въ королевской деревушкѣ. А сколько пожалуете придачи?

— Да ктò же безъ товару торгуется?

— Правда, правда, господинъ маршалъ! Я сбываю, приведу....

— Да чтò я ночью увижу?

— Правда, правда, господинъ маршалъ! Такъ я на зарѣ.....

— Вотъ это дѣло!

— А чтò изволите кушать, господинъ маршалъ?

— Да что? Извѣстно, барыня сыру да масла, а мы и хлебомъ сыты будемъ.

— Барыня? сказалъ Фадей, почесываясь и отворонив дверь Гарь-Пиону, который нѣсъ въ избу подушки. — Вотъ тебѣ, дураку, и маршаль! сказалъ Фадей, ударивъ себя по лбу. Да нестой! мое не ушло... Ну, а что, если этотъ маршаль — Гарь-Пионъ? а эта барыня — любовница того человѣчка?... Тьфу, ты чертъ! не ошибься бы. А сто пистолей въ карманъ!.... Вотъ дурачье: инутъ, а бѣглецы подъ носомъ!

Берта вышла за дровами.

— Что стоишь, ротъ разинулъ? Помогъ бы.

— Помогу, Бертушка, помогу!.... Богъ послалъ, кажется, сами подвернулись.

— Что ты врешь?

— Тише, не горлань!.... Знаешь кто? сказалъ Фадей, показывая на двери.

— Ну, кто?

— Ахъ ты, итальянская хитрость! плоха ты была, видно, отъ рожденья. Капитанъ сманилъ: не умѣла денегъ нажить..... И я бы на тебѣ не женился, когда бы папскій капитанъ приданого не далъ! Что ты за краля такая?... Въдъ нѣтъ нашего же роду; хлебъ по-нашему молотила. Долго, видишь, въ барствѣ жила: мѣсяць; ото всего отвыкла. А я, матушка, одинъ за двухъ; съ осьми лѣтъ по гостинницамъ; да ужъ дай только Богъ Красному многія лѣта, а лучшей гостинницы не съищешь!.... Чертъ его знаетъ, какъ онъ этихъ Французовъ поджариваетъ: не успеешь рогаatokъ отворять; а ужъ который на нашу землю, золотую въ руки на радости, а иногда и того....

— Ужъ молчалъ бы ты про того! Такъ тебя и въ околоткѣ прозвали, Фадеемъ-предателемъ!

— Что ты врешь?

— Вру?... погоди! наткнешься когда-нибудь! сказала Берта, и вошла съ охабкой дровъ въ избу.

— Экъ, нажилъ себѣ помощницу! ворчалъ Фадей, оставшись одинъ : и поведенія-то была такого, не лучшаго, и такъ-сказать пригожество такое не-французское, и прожили мы чортъ-знаетъ какъ: я и солдатомъ не былъ, а всю жизнь въ сраженіи... Надо же было этому проклятому капитану на меня такой хомуть накинуть! И децъги-то плевья. Жилъ я себѣ спокойно мальчикомъ въ гостинницѣ на большой дорогѣ : какъ съ ножомъ къ горлу присталъ : «Женись, да женись! самъ гостинницу снимешь!» Снялъ я и гостинницу, и съ его плечъ обузу : правда! да самому-то, чортъ возьми, ни какой помощи! А будь жена молодець, тотчасъ бы лисой и подѣхала туда сюда, про то про сѣ, такъ ненарокомъ и смѣкнула бы, тѣ ли?... Нечего дѣлать! надо самому подползти къ этому маршалу. Усѣ?... Эка бѣда, что усѣ! Не такіе еще на человѣкъ бываютъ шишки, а спадываются. Вотъ и я былъ съ волосами, да оплѣшивѣлъ..... Чтѣ жь? и усѣ могъ вылѣзть; да и бритвы ѣсть : чтѣ деревня, бородобрѣй. Режа точно такъ исковеркана. Только отчего у него двѣ барыни? Та, плутовка, черноватая, вѣрно, любовница..... Да и какой тутъ грѣхъ?... Не на смерть же ее поташутъ, а на того,.... Такъ-сказать, ни какого грѣха, ни какого грѣха!.... Да и чтѣ грѣхъ? Фадей отродясь безгрѣшнѣе : лишь бы ребра дѣлы, да карманы полны, а тамъ пожалуй, нусть даже и поколотятъ въ иррадачу, влеткой, лишь бы не налкой... и децъги, децъги!

Фадей вошелъ въ избу. Берта стояла у печки, облокотя голову на руку, и, въ раздумьѣ, глядѣла на огонь. Гости были въ единственной комнатѣ. Гарь-Піонъ сгладъ постель для своихъ дорогихъ дочерей. Всѣ трое разговаривали тихо : слышны были только перыны веселости Гарь-Піона. Берта не примѣтила, какъ вошелъ мужъ, и продолжала думать свою обычную думу. Гарь-Піонъ вышелъ изъ комнаты въ общую избу, и, по привычнѣ, поглаживая лѣвую губу, сказалъ

довольно громко : — Знатно пробиваетъ доро́гой! Пока мы будемъ кружить по чортовымъ мостамъ, отрастеть.

— Онь! это онъ! подумалъ Фадей, присялъ, привалился въ уголь, и притворился спящимъ.

— Ну, дорогая хозяйюшка! теперь, какъ ретирада кончилась благополучно, не грѣшно и трубку выкурить.... Чтò, можно?

Гарь-Пионъ сталъ набивать трубку. Берта, молча, взяла лучину, зажгла, и протянула руку къ Гарь-Пиону, не обращая на него ни какого вниманія.

— Айда спасибо, хозяйюшка! сказалъ Гарь-Пионъ, приложивъ къ огню трубку. — Слышь ты, баба! сказалъ Гарь-Пионъ, отступивъ и уронивъ трубку.

— Чтò такое? спросила разсѣянна хозяйка.

— Да ты погляди-ка на меня хорошенько!

— Чего я тамъ не видала? сказала Берта, поднявъ высоко лучину.

— Берта! сказалъ съ чувствомъ Гарь-Пионъ.

— Гарь-Пионъ! вскрикнула Берта, уронивъ въ свою очередь лучину.

«Это чтò-то новое, подумалъ Фадей : да ужъ за все про все одна плата!»

— Ахъ, ты, измѣнница! сказалъ Гарь-Пионъ, принимая на себя шутливый тонъ : ну, вотъ тебѣ образецъ постоянства! Гляди : рожу исковеркало, безъ усовъ, безъ мундира; а все холостъ.

— Лучше бы ты женился, Гарь-Пионъ, чѣмъ напоминать мнѣ всѣ несчастія.

Берта заплакала.

— Полно, полно! я пошутилъ. Гдѣ нашему брату тагаться съ папскими капитанами? Хотя они чиномъ по-ниже нашихъ капитановъ, а всё-таки старше капрала; а мнѣ только черезъ годъ обѣщано было капральство. Не будь на свѣтѣ ядеръ, такъ чего добраго?.....

Ну, да я не унываю! А я твоего капитана видалъ и въ городъ.

— Въ какомъ городъ?

— Известно, въ какомъ: въ Парижъ. Нынче онъ дрянъ: такой сталъ изношенный!... да и дошелъ далеко: изъ капитановъ въ папскіе полковники, а потомъ въ папскіе генералы, или кардиналы.... какъ у нихъ называется?

— Джуліо уже кардиналъ? закричала Берта.

Джудита отворила двери, и съ ужасомъ смотрѣла на грязную соперницу.

— Дай Богъ ему счастья! продолжала Берта. Я за него буду Богу молиться!

— За что? спросилъ Гарь-Піонъ.

— Да за то, что онъ меня со стыдомъ на родинѣ не оставилъ. Въ Кіавенѣ ужъ и такъ поговаривать стали.

— Да, велика бѣда!

— Да, велика, Гарь-Піонъ! Все перенесла бы, только не стыдъ.... Да полно объ этомъ толковать! Ну, что ты?

— Да я же тебѣ сказывалъ. Слава Богу, ядро.... потомъ черти въ Парижъ шалить стали; потомъ мы изъ оута и выскочили; и вотъ, я думаю, теперь ужъ страхъ можно и спрятать.

— Ой, нѣтъ!

— А что?....

— Кардиналъ противъ границы за лѣскомъ устроилъ гнѣздо. Тутъ всѣ мужики — Швейцарцы, а староста — капитанъ, и не одного изъ нашей карчмы, изъ-за нашихъ рогатокъ, Швейцарцы домой повѣлокли.... Да ты не бойся: только знатныхъ хватаютъ, а вашу братью, солдатъ, да женщинъ, не трогаютъ. И теперь-то старыхъ въ послѣднюю войну перерезалъ герцогъ Бульионскій, а эти новички еще и дѣла не смыслятъ, да и побаиваются, потому что седанскіе солдаты въ нашей деревнѣ. Вотъ какъ миръ сталъ, еще никого не тро-

нули : только выпить заходятъ.... Ну, готовъ и ужинъ твоимъ господамъ ! Возьми-ка, Гарь-Пионъ, по старой дружбѣ, изъ шкафика двѣ оловяныя тарелки да солонку. Пойдемъ.

Гарь-Пионъ и Берта понесли въ комнату скудный ужинъ. Оадей исчезъ. Джудита входила во всѣ подробности любви Берты съ Джулио. Берта разговаривалась. Прошло не мало времени. Дамы улеглись. Гарь-Пионъ съ Бертой вышли въ большую избу.

— Гдѣ это Оадей? съ беспокойствомъ сказала Берта. Ой, Гарь-Пионъ! говори правду : эта барыня — важная особа? Швейцарцы не даромъ каждый день навѣдывались, что-то съ мужемъ толковали. Гляди : Оадей ушелъ.... не быть добру !

— Что за чертовщина?.... а что, если въ самомъ дѣлѣ? сказалъ Гарь-Пионъ.

— Да ужъ не иначе ! Оадея-предателя нигдѣ нѣтъ.

— Что намъ дѣлать ?

— Подымай барынь : пусть одѣваются ; а я, покуда, въ деревню побѣгу, скажу нашимъ солдатамъ ; а вы, какъ-только готовы, огородомъ,.... слышишь? огородомъ..... только не по дорогѣ ; а тамъ лѣскомъ стежка есть : не собьетесь ; прямо на дворъ къ старостѣ. Только по-скорѣе ! А мы, той же стежкой, на встрѣчу, съ солдатами : такъ дастъ Богъ и выручимъ !

Берта скрылась. Гарь-Пионъ зарядилъ аркебузъ. Джудита и Сара одѣвались. Вдругъ выстрѣлъ изъ Гарь-Пионова аркебуза возвѣстилъ о началѣ сраженія. Швейцарецъ плавалъ въ крови на порогѣ ; трое, стоявшие за убитымъ, не посмѣли войти въ избу, и только пересвистывались. Гарь-Пионъ положилъ спокойно аркебузъ къ ногамъ своимъ, и, вынувъ изъ-за пояса два длинные пистолета, протеръ объятія къ Швейцарцамъ ; но они захлопнули двери. Свистъ продолжался. Крикъ женщинъ возмутилъ спокойствіе Гарь-Пиона. Джудита вбѣжала полу-одѣтая въ избу. Сара

кричала : «Спасите!» Гаръ-Пионъ хотѣлъ броситься на помощь къ несчастной , но изъ дверей комнаты показались Швейцарцы. Крикъ Сары слышался все дальше и дальше. Гаръ-Пионъ выстрѣлилъ , и еще убилъ одного Швейцарца, но другіе схватили Джудиту. Еще выстрѣлъ : еще одинъ Швейцарецъ заплатилъ жизнью за встрѣчу съ Гаръ-Пиономъ. Но заряжать пистолеты было уже поздно : Гаръ-Пионъ схватилъ аркебузъ , и , какъ Геркулесъ , наносилъ вокругъ смертельные удары. Но нельзя было спасти Джудиты : ее вытащили съ Сарой , схватили на руки , и понесли. Въ воротахъ , съ огнями , показались седанскіе солдаты. Джудита отбита, но Сары ни гдѣ не нашли. Гаръ-Пионъ , въ героическомъ жару , не различалъ союзниковъ отъ непріятелей , и сталъ-было аркебузомъ благодарить за помощь , но Берта его обезоружила. Гаръ-Пионъ бросился въ погоню за Сарой. Седанцы его остановили , говоря , что это и бесполезно и опасно. Неутѣшный Гаръ-Пионъ не вѣрилъ , чтобы у него могли украсть Сару , сталъ обыскивать карчму , и на сѣновалѣ нашелъ Фадея. Схвативъ въ охапку предателя , Гаръ-Пионъ вынесъ Фадея изъ сарая. Седанцы , Берта , Джудита , всѣ пошли за нимъ.

— Вотъ твое мѣсто , Иуда ! сказалъ Гаръ-Пионъ , и Фадей полетѣлъ въ грязный колодець.

Долго еще крики его возмущали окрестную тишину , но никто объ немъ не заботился : одна Берта подошла къ колодцу и умоляла его покаяться. Въ отвѣтъ Бергъ , изъ глубины колодца , вылетѣлъ камень.

— Промахнулся ! съ бѣшенствомъ закричали Седанцы , и груда камней погребла навсегда предателя-Фадея.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТЬ-ТРЕТЬЯ.

Абенъ-Гассанъ.

Не то уже Сондріо : и города старѣютъ. Миръ уничтожилъ военный постой, на который такъ жаловалась Джудита; но зато Вальтелина значительно обьднѣла. Многіе привыкли къ веселой жизни съ военными людьми, и перѣехали въ богатѣйшіе города сѣверной Италіи; множество женщинъ ушло съ завоевателями : скучно, пусто въ Сондріо! Домъ Ваоли, ни кому не принадлежащій, ни кому не нужный, былъ наглухо заколоченъ, и когда капитанъ Вальероль, пріѣхавъ въ Сондріо, пошелъ къ головѣ и просилъ дозволенія купить домъ Ваоли, голова не мало изумился. Тридцать другихъ, и лучшихъ и новыхъ, домовъ предлагалъ онъ капитану; но Вальероль требовалъ дому Ваоли.

— Такъ возьмите же его даромъ! Сиротскаго добра не продамъ. Какъ знать? можетъ-быть, и хозяйка найдется.

— Она непременно возвратится въ отечество, отвѣчалъ капитанъ : вмѣстѣ съ моею дочерью.

— А помните, господинъ капитанъ, сказалъ голова съ улыбкой : какъ вы отъ нея бѣжали? А кончилось тѣмъ, что сами же ее и увезли!

— Признаться ли вамъ, господинъ голова? Тогда мнѣ и жениться нельзя было, какъ при живой женѣ....

— Конечно, конечно!.... Теперь не требую : вы устали съ дороги; но когда поотдохнете, вы мнѣ расскажете эту забавную исторію.

— Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ.

Домъ Ваоли оживился. Гойко вычистилъ и поубралъ комнаты. Сосѣди узнали добраго капитана, и поползли

въ гости. Для Сондріо прибытіе такого гостя было истиннымъ праздникомъ, событіемъ, эпохой. Такъ и время считали; говорили: «Двѣ недѣли, два дня, два мѣсяца, послѣ капитанскаго прѣзаву....» Сколько обрадовалось жителей прибытіе капитана, столько возмущало ихъ появленіе Гойка. Наружность обличала происхожденіе; привычка къ таинственному языку не могла быть оставлена, и одно только дружеское съ нимъ обращеніе капитана нѣсколько успокоивало добрыхъ и простыхъ жителей Сондріо.

Въ тотъ же день капитанъ написалъ письма; но какъ отправить?... Почтъ не было: миръ прекратилъ всякія сношенія съ Франціей; нанять некого. И глубокая тоска овладѣла и капитаномъ и Гойкомъ: въ Парижъ такія опасности! въ Парижъ такъ ждуть вѣсточки!....

Смерклося. Капитанъ ходилъ въ большой комнатѣ взадъ и впередъ скорыми шагами; по другой діагонали ходилъ Гойко. Нѣсколько разъ они встрѣчались и, молча, давали другъ другу дорогу. Стало и совсѣмъ темно. Гойко вздохнулъ, зажегъ свѣчу, поставилъ на столъ, и съ чувствомъ сказалъ Вальеролю:

— Капитанъ, гдѣ ваши письма?

— На что тебѣ?

— Завтра я ѣду въ Парижъ.

— Ты съума сошелъ!

— Не могу, капитанъ, долѣе жить безъ моей Сары. Была она, моя райская птица, и въ темницѣ, а все однако же я не испытывалъ такой тоски: сонъ пропасть, есть не хочется, жить безъ нея все одно, что нести пытку рижскихъ парламентовъ..... все одно! А тутъ еще авось обману, авось не узнаютъ; кому же вѣдетъ испанская война; молодежь заварить кашу: не до меня кардиналамъ.... Давайте ваши письма! Я рѣшился, и завтра ѣду въ Парижъ.... Чортъ его знаетъ, что онъ нейдетъ!....

— Кто?

— Проклятый купчина. Совсѣмъ сторговался... Ага! Ну, теперъ все пойдетъ на ладъ.

Вошелъ купецъ, и за нимъ мальчики втащили два огромные короба ленточекъ, булавокъ, гребешковъ, разнаго роду бисеру, коралловъ, мелкихъ гранатовъ, разныхъ бездѣлушекъ изъ лавы, и тому подобныхъ товаровъ.

— Что это? спросилъ Вальероль.

— Это моя парижская поклажа. Принимаюсь за старый промыселъ... Авось посчастливится!

Гойко тщательно пересмотрѣлъ всѣ товары, переложилъ ихъ въ походные ящики и чемоданы, расплатился, и сталъ веселъ, какъ-будто цѣль его путешествія уже кончилась и весьма благополучно.

— Ты не шутя рѣшаешься на такой безумный подвигъ? спросилъ капитанъ.

— Если бы у васъ женой была Сара, капитанъ, вы бы съ ножомъ бросились на кардинала за одну минуту разлуки. Теперъ только понимаю, какъ я люблю мою Сару, моего друга, моего.... Ахъ, какъ всѣ эти выраженія глупы!..... Сару, мою Сару: вотъ и все тутъ!

— Жидъ! невольно сказалъ капитанъ съ чувствомъ.

— Жидъ, съ горькою улыбкою повторилъ Гойко, и поглядѣлъ на капитана съ состраданіемъ. — Жидъ, продолжалъ онъ угрюмо, съ возрастающимъ однако же жаромъ. Когда-нибудь вы узнаете, въ какомъ страшномъ училищѣ пріобрѣтаются чувства.... Что я говорю! мы съ вами и до-сихъ-поръ не вышли изъ класса, и сидимъ на одной скамьѣ. Были у меня, какъ и у васъ, отецъ и мать. Не знаю, какъ у васъ, а у меня отецъ былъ извергъ: Ришліё добрякъ въ сравненіи съ Абенъ-Гассаномъ....

— Такъ ты испанскій Мавръ?

— Отецъ мой былъ испанскій жидъ; мать моя была украденная дѣвушка изъ хорошей фамили, изъ Сара-

госы. Абенъ-Гассанъ былъ краше Сень-Марса; по-уму, хитрѣе Мазарини; по учености, первый врачъ во всей Испаніи. Въ крещеніи онъ назывался Кипріаномъ, но въ тайной вѣрѣ Ахавомъ Абенъ-Гассаномъ. Всѣ испанскіе жидаы слѣдуютъ этому правилу, то есть, выдаютъ себя за Мавровъ и христіанъ, потому что наша несчастная печать, которую мы носимъ на лицѣ, нашъ отвѣтъка особо устроенный языкъ, не позволяютъ называть себя чистыми Испанцами. Искусному врачу и молодому красивому мужчине не долго соблазнить легковѣрную и страстную дѣвушку; но въ Испаніи нельзя было оставаться: безбрачные любовники нашли безопасное убѣжище сначала въ Ліонѣ, потомъ въ Ла-Рошели. Родился я; гугенотъ меня окрестилъ по-свѣдому; отецъ сдѣлалъ жидомъ; мать открыла тайну, сказала на исповѣди духовнику, не изъ злобы, но изъ страху, и мы должны были бѣжать. Въ Ліонѣ Абенъ-Гассанъ получалъ значительные доходы отъ пользованія безчисленныхъ больныхъ, но истрачивалъ все на женщинъ и кости. Не знаю причинъ, но помню, какъ однажды ночью вооруженные люди вошли въ наше жилище вмѣстѣ съ отцомъ моимъ, схватили мать мою, завязали ей ротъ, и унесли несчастную. Абенъ-Гассанъ почти до солнца считалъ и пересчитывалъ деньги. Съ-тѣхъ-поръ мы уже и не видались съ доброю матерью; на всѣ вопросы мои, Абенъ-Гассанъ отвѣчалъ: «Она преступница. Справедливые законы лишили тебя матери. Молчи, не напоминай мнѣ о недостойной.» На другой день мы оставили Ліонъ, кружили, шатались по разнымъ городамъ; наконецъ, въ какой-то деревушкѣ, послѣ ночлега, по-утру, я не нашелъ моего отца: онъ уѣхалъ одинъ, куда?... я никогда его не спрашивалъ. И я, въ той же австеріи, гдѣ былъ брошенъ, сталъ служить хозяевамъ. Черезъ годъ, дослужился я до того, что уже имѣлъ нѣсколько золотыхъ монетъ въ карманѣ, простился съ христіанами, и отправился въ Ліонъ. На-

дежда открыть, гдѣ моя несчастная мать, насильно влекла меня въ дорогій городъ. Первые дни прошли въ бесполезныхъ поискахъ; на шестой день, какъ теперь помню, въ пятницу, грустно стало мнѣ: я вспомнилъ, какъ мы приготавлились встрѣчать субботу у тайнаго раввина Ровоама бенъ-Юсуфа, между Французами мастера Рольдерф; вспомнилъ, какъ онъ не-разъ наставлялъ и благословлялъ меня. Стало вечерѣть, и я.... какъ ужъ это случилось, не знаю,.... вошелъ безпрятственно въ обширную комнату или мастерскую Ровоама, служившую намъ синагогой. Столы были поставлены, безчисленные свѣчи зажжены, ставни плотно заперты; но въ залѣ я нашелъ только тринадцати-лѣтнюю дочь Ровоама. Сара, увидѣвъ незнакомаго челоуька, закричала. Прибѣжалъ Ровоамъ и работники, и я не могу описать вамъ радости, съ какою меня принялъ старикъ и вся его паства. Скоро собрались и гости, именитѣйшіе ліонскіе купцы, врачи, нѣсколько челоуькъ солдатъ, и два придворные лакея (я вамъ забылъ сказать, что дворъ въ это время находился въ Ліонѣ). Я долженъ былъ рассказать мои похождения нѣсколько разъ съ-ряду. Послѣ совершения всѣхъ молитвъ и обрядовъ, Ровоамъ всталъ и сказалъ торжественно: — «Дѣти и братья! не забудьте, по исходѣ субботняго дня, законовъ милостыни. Мудрый Элеазаръ говоритъ въ шестой книгѣ нравственныхъ изреченій: *«Милостыня имѣетъ то же зерно и ту же скорлупу, что и постъ и молитва. Творите въ субботу объты; по вся дни седмицы исполняйте ихъ. Мысль безсребряна, и ржа нечистая не осквернитъ вашей памяти.»* Все братство отвѣчало раввину благоговѣйнымъ преклоненіемъ головъ. На другой день, когда отошла суббота, Ровоамъ возобновилъ вопросъ о милостынѣ, и до ста добрыхъ пистолей назначило мнѣ братство для первой помощи. Я отказывался отъ милостыни, по какому-то странному чувству гордости,

которое у насъ строго воспрещено въ случаяхъ общественной щедрости. Но Ровоамъ, напомнивъ о законахъ, похвалилъ мое безкорыстіе. По-утру я получилъ мои пистолы, купилъ съ помощью Ровоама тму бездѣлушекъ, поставилъ мою лавочку на колеса, и пустился на другой день путешествовать самымъ пріятнымъ образомъ по улицамъ Ліона. Молодые дамы особенно полюбили меня. Каждое утро я посѣщалъ ихъ подворотни, богатѣль не по днямъ, а по часамъ, но не хотѣлъ разстаться съ моею драгоценною лавочкой. Последнее утреннее посѣщеніе было къ Саръ; отъ избытковъ, каждый день Саръ гостинець. Ровоамъ замѣтилъ любовь нашу, но дочь старшаго Еврея, по мнѣнію ліонскихъ богачей, не могла быть женою мелкаго торговца, хотя я торговалъ и больше ихъ и лучшими товарами. Однажды поутру я привезъ къ маркизѣ, не скажу имени, четыре нитки крупнаго жемчугу. Маркиза любила долго торговаться съ молодымъ купцомъ. Слово за слово, маркиза со вздохомъ сказала: — «Какъ жаль что ты жиждь!» — «Какъ вамъ не стыдно!» сказалъ я. — «Полно, полно, Филиппъ. Мнѣ жаль тебя. И ты на списокъ.... у васъ есть и предатели.» Я поблѣднѣлъ. — «Не пугайся, продолжала она: я тебя выручу.» — «Изъ чего, маркиза?» — «Но, сказала она, запинаясь: мнѣ кажется, что мы всѣ люди. Однако жъ, и то правда, на вашу скромность трудно полагаться. Боже сохрани, какая-нибудь ссора, и вы....» Маркиза покраснѣла, пугалась, глядѣла на меня съ такимъ страннымъ выраженіемъ; ктому же она была весьма не дурна собой. Я вздохнулъ, она то же. Маркиза отвернулась; я разсыпался въ жалобахъ и упрекахъ на чловѣческіе предразсудки, на то, на другое. Не прошло пяти минутъ, я сидѣлъ на низкомъ табуретѣ у ногъ маркизы; не прошло получаса, и я продалъ мой жемчугъ за такую дорогую цѣну, какой вѣрно не получалъ ни одинъ изъ ліонскихъ первостатейныхъ купцовъ: я

продать мой товаръ за тройную плату; третья была государственная тайна. Кардиналъ изобрѣлъ средства обличить насъ въ жидовствѣ, и полагалъ сохранить тайну, съ тѣмъ чтобы мы платили за нее въ кардинальскую казну ежегодно до сорока тысячъ ливровъ. Ночью Ровоамъ собралъ Евреевъ, объявилъ имъ опасность. Придумали противудѣйствія; заплатили, правда, дорого; но мѣра была отмѣнена. Съ государственными людьми торговался мелкій лионскій торговецъ Филиппъ, чрезъ посредство женщинъ, и наградою за уснѣхъ была Сара. Я былъ очень богатъ: домъ мой въ Лионѣ былъ убранъ съ роскошью; Сара ходила всегда въ драгоценныхъ камняхъ и шелкахъ; но я не мѣнялъ образа торговли: въ дрянной лавочкѣ дешевыя бездѣлушки, но за паузой и въ карманахъ все, что можно было въ Лионѣ достать драгоценнаго. Купцы изъ христіанъ стали за мной присматривать. Маркиза и другія придворныя дамы воротились въ Парижъ. Я далъ ей слово, и мы съ Сарой и съ лавочкой явились на Мосту Парижской Богоматери. По-утрамъ я торговалъ на мосту не больше часу, потомъ отводилъ Сару домой, а самъ дѣлалъ свой обиходъ. Но, капитанъ, проклятая вещь красота! Не знаешь своего капитала. Не могу вспомнить хладнокровно, сколько зла навязало мнѣ на шею это несносное тѣлесное богатство. Я не могъ оставлять моего дому: дворяне, безъ зазрѣнія совѣсти, стали заглядывать въ мои окна; я не успѣвалъ перемѣнять квартиръ; писали къ женѣ моей письма, на которыя, разумѣется, всегда отвѣчалъ я. Наконецъ, я успѣлъ спрятать Сару такъ тайно, что даже мысль, казалось, не могла проникнуть въ ея обитель. Въ три какихъ-нибудь недѣли, я исхудалъ, пожелтѣлъ, лишился сна; во многихъ домахъ перестали нуждаться въ моихъ товарахъ, потому что я сталъ желтъ. Маркиза уѣхала въ свои помѣстья. Мнѣ стало скучно, дурно; я захворалъ. Только тайные Евреи прилежно навѣщали больнаго. Одинъ изъ нихъ

былъ лазутчикомъ у Ришліе и у Мазарини вмѣств. Не знаю за чтò, онъ любилъ меня, приходилъ каждый день, разспазывалъ всѣ сплетни, всѣ новости, всю подноготную чернаго міра. Когда я захворалъ, онъ и жена были при мнѣ неотлучно. Помощь врача, котораго ко мнѣ прислалъ одинъ богатый Еврей, была бесполезна. Эвое, — такъ назывался мой другъ, — привелъ другаго, и этотъ другой былъ мой отецъ.... Ахъ, капитанъ! Увидѣвъ отца, я все забылъ, я все простилъ. Мнѣ стало легче, лучше. Онъ такъ перемѣнился: кротость, любовь къ сыну, раскаяніе, всѣ лучшія человѣческія качества, казалось, украсили вечеръ жизни Абенъ-Гассана. Онъ переселился ко мнѣ. Я выздоровѣлъ. Мы стали жить весело, спокойно. Скоро я замѣтилъ тайную печаль Абенъ-Гассана: онъ задумывался какъ-то страшно; разудокъ его возмущался; какія-то невѣдомыя муки терзали его душу. Я молилъ его открыть свое сердце, и Абенъ-Гассанъ рассказалъ мнѣ страшную повѣсть своихъ несчастій. Не хочу вамъ повторять его разсказу: почему?.... вы увидите. Но изъ словъ его оказалось, что у него слишкомъ много долговъ, что его уже болѣе полугода преслѣдуютъ и если откроютъ, не пощадятъ. Я принесъ ему всѣ мои деньги, большую часть драгоценностей. Онъ плакалъ, цѣловалъ мои руки, три дня расплачивался, и, казалось, совершенно успокоился. Капитанъ,....

Голосъ Гойка задрожалъ, лицо измѣнилось, глаза покрылись слезами; онъ задыхался и съ трудомъ могъ проговорить:

— Капитанъ! онъ.... обокралъ меня!

— Какъ! спросилъ Вальероль: такъ всѣ эти несчастія.....

— Дождь, сказка! почти вскричалъ Гойко. Онъ зналъ, что у меня есть душа, сердце, и выманилъ все. Долго я оставался однако же въ полномъ заблужденіи, считалъ себя добрымъ сыномъ, и только. Торги мои день

ото дня или хуже; желчь работала... Не смѣйтесь, капитанъ: я сталъ поэтомъ. Поцѣлымъ почтамъ я писалъ стихи на монхъ старинныхъ любовницъ, на всѣ случаи прошедшей жизни. Отецъ мой былъ необыкновенно ученъ; онъ поправлялъ мои арабскіе стихи, читалъ мнѣ французскія скучныя пошлости рамбульетскихъ писателей. Я сталъ, для шутки, самъ складывать французскія вирши, и Эвое всякій разъ помиралъ со смѣху. Однажды, когда я ему читалъ родъ шуточной поэмы, «Мужъ въ хлопотахъ», Эвое горько улыбнулся и сказалъ: «Эй смотри, Самуилъ, чтобы Ахавъ не сдѣлалъ изъ тебя шуточной исторіи!» — «Что ты хочешь этимъ сказать?» — «Нѣтъ.... такъ.... У тебя жена хороша, а нашъ Ахавъ то и дѣло въ вандомскія палаты ходитъ.» — «Ну такъ что жъ?» — «Эхъ, Самуилъ! если бы ты принялся за тайное ремесло, которыя, благодареніе Богу, я съ такимъ успѣхомъ занимаюсь нять лѣтъ, ты бы привыкъ угадывать, не по глазамъ, а по-носу, намѣренія человѣка.... И я не теряю надежды: ты можешь прикидываться маркизомъ, туркомъ; ты умѣешь перенимать языкъ и походку чужихъ людей, передразнивать до обмана звѣрей, н.... словомъ, твоя звѣзда велика!» — «Да что же отецъ мой?» — «Да потрудись сходить со мной къ Вандомамъ: ты увидишь, что это за народецъ. Самъ герцогъ ни то ни се.... такъ-себѣ, добрый человѣкъ, любить хорошо поѣсть, попить, поохотиться за дичью, а дѣти и за женщинами. Больныхъ тамъ нѣтъ: такъ за чѣмъ же туда ходитъ Ахавъ?» Я дрожалъ отъ ревности и негодованія. Эвое продолжалъ: «За Вандомовъ я не боюсь: сегодня или завтра, ихъ всѣхъ перехватаютъ. Мы на нихъ взвели такой доносъ, отъ котораго не отдѣлаются. Старый герцогъ теперь въ помѣстьяхъ: можетъ-быть, его и захватить не удастся, а ужъ дѣтки.... поминай какъ звали! сгніютъ въ Бастиліи!» — «За что?» — «Да по расчету Ришліи такъ нужно. Наше дѣло — только исполнять, да деньги

получать.» Въ этихъ словахъ хитраго Эвое раскрылся совершенно новый для меня міръ. Мы условились съ Эвое заботь за Ахавомъ, и на первый случай разузнать гдѣ онъ бываетъ. Впродолженіи нашего поешку, то есть, въ какихъ-нибудь пол-часа, мы встрѣтили на улицахъ Парижа болѣе тридцати Евреевъ. Всѣ новые знакомцы занимались ремесломъ Эвое; одни въ приѣмахъ казались ему подчиненными, другіе равными. Каждый поглядывалъ на меня сомнительно, но Эвое говорилъ нѣ-ухо одно слово, и каждый былъ совершенно откровененъ и искрененъ. Признаюсь, я весь дрожалъ отъ ужасу, но каково было мое положеніе, когда одинъ изъ нашихъ, на вопросы Эвое, объявилъ, что Ахавъ на предвѣсть съ Вандомами? «Много ли ихъ? спросилъ Эвое.—Трое: молодой герцогъ и два товарища».—«Силой ничего не сдѣлаешь,» сказалъ печально Эвое. Но я уже его не слушалъ, опрометью бросился домой; вбѣгаю: Ахавъ сидитъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, и внимательно читаетъ книги. «Гдѣ Сара?» закричалъ я въ бѣшенствѣ. — «Не знаю,» тихо отвѣчалъ Ахавъ. Я осмотрѣлъ всѣ углы: Сары нигдѣ не было. Я схватилъ отца за грудь, и требовалъ Сары; онъ клялся: я не вѣрилъ; онъ сталъ со мной бороться и хотѣлъ достать тайный ножъ: я угадалъ его намѣреніе и выхватилъ свой прежде. Мгновеніе.... о Боже великій! Ты спасъ меня отъ грѣха, въ которомъ нѣтъ прощенія! Извергъ обвинился: жену роднаго сына онъ продалъ Вандомамъ, какъ некогда продалъ мать мою марсельскому купцу. И ее увлекли также, завязавъ горло, во время искусственнаго сна. Я оттолкнулъ ненавистнаго и хотѣлъ ворваться въ вандомскія палаты. Тамъ нашелъ я только городскихъ старшинъ и стрѣлковъ. Миѣ объявили, что преступники давно уже захвачены и, вѣроятно, высланы изъ Парижа. Бѣгу домой. Надежда найти освобожденную Сару меня окрыляла. Но я прибѣжалъ къ моему порогу, когда изъ оконъ бросалось

пламя : огонь пожиралъ деревянные хижины , одну за другою ; улица наполнялась народомъ ; сосѣди проклинали нашего хозяина , зачѣмъ онъ держалъ жидовъ . Я бѣжалъ , самъ не зная куда и зачѣмъ . Сильная рука остановила меня на улицѣ : то былъ Эвое . Онъ нѣсколько ободрилъ меня , успокоилъ , и повелъ съ собою . Не забудьте : тогда уже наступила суббота . Въ домъ Эвое нашелъ я болѣе ста человекъ Евреевъ . Мое несчастіе , мое непритворное краснорѣчіе , одушевленный видъ , сдѣлали сильное впечатлѣніе на тайныхъ клеветровъ Ришліё . Опять складка , опять лавочка на колесахъ . Наконецъ и Сара открыта въ городской тюрьмѣ . Требовали окупа пять-сотъ эку . Прежде мнѣ бы эта сумма показалась бездѣлицей , но въ бѣдности моей , въ нищетѣ.... Не стану вамъ рассказывать , на какія средства я рѣшился : довольно , что въ нѣсколько мѣсяцовъ я зналъ всѣ тайны Парижа , писалъ и печаталъ сатиры на кардинала , на городского голову , на старшинъ , на всѣхъ , на всѣхъ..... Я былъ тотъ страшный маркизъ де-Кокъ , котораго имени одного не могла снести герцогиня Эгильёнская , королева и всѣ придворныя дамы ; я былъ тотъ страшный духъ ночи , о которомъ говорили чудеса ; я былъ тотъ невидимый лазутчикъ , который узнавалъ содержаніе тайныхъ думъ первыхъ государственныхъ людей . Всѣ возможные виды , костюмы , языки , образы употребилъ я въ короткое время . И представьте : этотъ ужасный человекъ былъ только слугою недостойныхъ лазутчиковъ Ришліё , и не могъ набрать пяти-сотъ эку слишкомъ въ девять мѣсяцовъ !.... Гаръ-Піонъ выручилъ : я вамъ уже рассказывалъ ; но съ той поры , какъ Сара получила свободу , счастье полилось на меня дождемъ : у меня явился цѣлый полкъ слугъ ; я въ одно время видѣлъ и слышалъ , что дѣлалось во всемъ Парижѣ . Благодарность слишкомъ далеко увлекла меня . Я зналъ , что кардиналъ вѣрить колдунамъ и чародѣямъ . Я воспользовался его

слабостью, но глупо, бесполезно: я не рассчитал, что онъ никогда не захочетъ быть въ зависимости отъ такого пріятеля и, при первой возможности, отправить меня на висѣлицу. Но теперь я еще успѣю побывать въ Парижѣ до его возвращенія. Перпиньянъ не скоро сдастся, и мнѣ досадно, что я потерялъ почти два мѣсяца. Впрочемъ, все къ лучшему: я понялъ всю цѣну моей Сары; я понялъ, что и я, отверженный сынъ человечества, могу быть счастливъ; я понялъ.....

Стукъ повозки остановилъ рассказъ Гойка. Не успѣли собесѣдники отворить окна и поглядѣть на улицу, какъ въ покой, блѣдно освѣщенный нагорѣвшими свѣчами, вошли Джудита, Альфредъ Дені и еще какая-то женщина.

— Джудита! повторялъ нѣсколько разъ капитанъ, обнимая дорожную гостью.

— Сара! кричалъ Гойко, спѣша на встрѣчу другой женщины.

Но глаза его помутились; крикъ отчаянья вырвался изъ груди; онъ отступилъ отъ нея въ ужасъ: то была Берта. Вошелъ Гаръ-Пионъ. Коротко было ихъ печальное объясненіе. Еще передъ полу-ночью, Гойко съ товарами оставилъ унылое Сондріо.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТЬ-ЧЕТВЕРТАЯ.

Носилки.

Всѣ возвращались въ Парижъ, послѣ кровавой трагедіи, разыгранной въ Лионѣ двѣнадцатаго сентября тысяча-шесть-сотъ-сорокъ-второго года. Король уже былъ въ Сенъ-Жерменъ, Мазарини въ Парижъ. Со дня

на день ожидали прибытія торжествующаго кардинала. Онъ стеръ съ лица земли Сенъ-Марса и де-Ту; но смерть неотступно сидѣла у шелковыхъ подушекъ, плыла съ нимъ по синимъ волнамъ Роны въ великолѣпной баркѣ, пересѣла потомъ въ чудную походную комнату, устроенную изобрѣтательнымъ Шавиньи для большаго Ришліё, и медлила, казалось, съ умысломъ. Тѣлохранители кардинала устали. Домъ на мгновеніе остановился. Другая смѣна, снявъ шляпы и сложивъ ихъ въ обозную фуру, почтительно подошла къ крючкамъ, перекинула на плечи ременные помочи, и домъ тихо, незамѣтно, не дрогнувъ, повисъ въ воздухѣ. Шествіе двинулось. Въ комнатѣ, кардиналъ лежалъ на шелковыхъ малиновыхъ подушкахъ; изрѣдка открывалъ онъ сонныя глаза, и смотрѣлъ въ необъятное поле. У рабочаго стола сидѣлъ Шавиньи, и читалъ подробное донесеніе обо всѣхъ обстоятельствахъ суда и казни Сенъ-Марса и де-Ту. Кардиналъ не могъ произнести отъ слабости ни одного слова, но улыбка изрѣдка коверкала плотно сжатые губы. Чтеніе еще продолжалось, когда комнату принесли въ какую-то деревню. Ворота были тѣсны : въ мгновеніе все было сломано. Всѣ жители высыпали на улицу и преклонились передъ ненавистнымъ. Казнь Сенъ-Марса не была уже тайной во всей Франціи, и Каталонцы длинными саблями принуждали народъ кричать : « Да здравствуетъ великій кардиналъ ! » Ришліё съ трудомъ приподнялся на постели, Шавиньи опустилъ окно, и блѣдный, страшный князь церкви посыпалъ дрожащею рукою благословеніе народу, который съ злобною радостью видѣлъ въ чертахъ его несомнѣнные признаки смерти. Рука, благословлявшая своихъ враговъ, дрожа, остановилась въ воздухѣ, губы раскрылись; лѣвою рукою кардиналъ сдѣлалъ движеніе, которое Шавиньи привыкъ понимать. Раздался звонокъ : комната остановилась; но кардиналъ, блѣдный, полу-мертвый, уже лежалъ на

подушкахъ, и не могъ произнести слова. Шавиньи стоялъ предъ нимъ съ нѣмымъ вопросомъ. Прошло нѣсколько мгновений : улица опустѣла, всѣ въ ужасѣ разбѣжались. На лицѣ кардинала изобразилась какая-то жалкая, горькая просьба ; но Шавиньи не могъ понять ее, и только оглядывался. Ришліё наконецъ, съ особеннымъ трудомъ, произнесъ : — Онъ здѣсь ?

— Ктò, ваша эминенція? Намѣкните.... скажите....

— Маркизь де-Кокъ.

Шавиньи выскочилъ изъ комнаты. Вся деревня была обыскана : ни какого слѣда. Толпа народу опять собралась, и, послѣ обыску, провожала Шавиньи до самой лѣсенки подвижнаго дому. Когда отворилась дверь, многія головы дерзко заглянули во внутренность, и снова толпа разбѣжалась.

— Нѣтъ? спросилъ кардиналъ съ довольной улыбкой. Слава Богу! вѣрно, мнѣ показалось.

Домъ опять понесли. Давно минули деревню. Шавиньи продолжалъ чтеніе. Ришліё перелегъ на другой бокъ, и тихо спросилъ, указывая пальцемъ на полъ : — Чтò это ?

Шавиньи поднялъ бумажку, и прочелъ нѣсколько словъ, написанныхъ карандашомъ :

«Я здѣсь. Я васъ провожаю.... до кладбища! Не отстану, пока Мазарини не отдастъ Сары.»

Кардиналъ затрепеталъ всѣмъ тѣломъ, лишился голоса, и долго пролежалъ безъ движенія, съ закрытыми глазами. Комнату несли дальше и дальше: Ришліё опомнился, когда стало смеркаться. Онъ приподнялся на постели, оглянулся и спросилъ съ примѣтнымъ опасеніемъ : — Намъ придется ночевать въ полѣ ?

— Если движеніе беспокоитъ вашу эминенцію....

— Нѣтъ. Добрые люди несутъ такъ тихо, такъ осторожно. Но.... я не знаю, отчего я сдѣлалъ этотъ вопросъ.

- Мы будемъ въ Рюэль около полу-ночи.
 — Въ Парижъ, Шавиньи, въ Парижъ!.... Гойко
 уже въ Парижъ!

— Ктò тамъ? спросилъ кардиналъ Мазарини, не отпирая дверей своего изящнаго кабинета.

— Гонецъ отъ кардинала-герцога, отвѣчалъ Люи.

— Ступай сюда, сказалъ Мазарини, взявъ за руку Сару и уводя въ ротонду.

Дверь кабинета отворилась, и вошелъ слуга въ кардинальской ливрѣ.

— Чтò скажешь, любезный? спросилъ Мазарини, не обращая вниманія на вошедшаго.

— Въ кардинальскомъ дворцѣ получено извѣстiе, что его эминенція пожалуетъ прямо въ Парижъ. Я поспѣшилъ васъ увѣдомить.

— Очень благодаренъ.

— Сверхъ-того получено извѣстiе, что маркизь де-Кокъ возвратился въ Парижъ и пишетъ на вашу эминенцію сатиру.

Мазарини поглядѣлъ на посланнаго: передъ нимъ стоялъ высокій, длинный мужчина въ рыжемъ парикѣ, съ рыжими усами, съ пригорбомъ и кривымъ ртомъ. Мазарини никогда не видалъ такого безобразнаго челоуѣка въ покояхъ кардинала, и невольное чувство необъяснимаго страху проползло въ сердце Итальянца. Онъ не умѣлъ отвѣчать непріятному незнакомцу, и неловко спросилъ: — Ктò вы?

— Я? сказалъ незнакомецъ со смѣхомъ: я?... И вы меня не узнаете, стараго вашего слугу!

— Правъ, не помню.

— Я и не сержусь. У васъ такъ много подобныхъ

мнѣ знакомыхъ, что одинъ списокъ составилъ бы книгу. Но все это не мѣшаетъ мнѣ служить вашей эминенціи съ прежнимъ усердіемъ, и, помощи Господи, съ прежнимъ успѣхомъ. На первый случай, доложу вамъ двѣ вещи. Первая, будьте осторожны : связи съ жидовкой не оправдаетъ и кардинальскій пурпуръ ; вторая, будьте осторожны : васъ хотятъ отравить вмѣстѣ съ старшимъ братцемъ. Вы ему доставили копію съ испанскаго трактата....

— Послушайте ! ради самого Бога, кто вы ?

— Ваша эминенція изволите смѣяться ! Наружность моя не такъ легко выходитъ изъ памяти, какъ пустое незначашее имя.

— Право, любезный другъ....

— Право, господинъ кардиналъ, мнѣ забавно такое объясненіе. Но приготовьтесь къ странному, непріятному допросу. Кардиналъ знаетъ объ Сарѣ, которая сврѣтана у васъ въ ротондѣ. И еще, можетъ-быть, сегодня потребуютъ отъ васъ отчету.

Мазарини примѣтно смутился и съ доспѣшностью отвѣчалъ :

— Благодарю васъ, любезный другъ ; но если ваши свѣдѣнія такъ далеки и точны, то не можете ли вы меня выручить ?

Ротъ горбуна значительно выпрямился.

— Съ большимъ удовольствіемъ, сказалъ онъ.

— Спрячьте Сару на два на три дня, пока я улажу это дѣло.

— Съ большимъ удовольствіемъ. Каждый день я буду являться къ вашей эминенціи съ донесеніями о вашей Сарѣ.

— Добрый человекъ ! Я начинаю припоминать васъ. Незнакомецъ кланялся.

— Но объяснимся послѣ ; а теперь.... берите Сару, и съ Богомъ ! Кардиналъ можетъ прѣхать прямо ко мнѣ. Ужъ если есть подозрѣнія... просто, случай, одинъ слу-

чай строить всю судьбу.... Сара въ ротондѣ. Возьмите ее.... Но, послушайте! какъ же мнѣ, вслучаѣ надобности отыскать васъ?.... Да! вы сами будете навѣщать меня. Прекрасно.... Случай! продолжай твое дѣло : я повинуюсь.... До свиданія! Ступайте.

Незнакомецъ ушелъ въ ротонду. Мазарини вышелъ изъ замѣшательства и, съ трудомъ подавляя хохотъ, бросился въ сѣни, заперъ двери, разбудилъ Швейцарцевъ.

— Не пугайся Сара, шопотомъ сказалъ незнакомецъ, хватая ее за руку. Узнай своего мужа : это я, Самуилъ.... Тише! ради самого Бога, тише!.... Но стѣбитъ ли еще выручать тебя?.... Отвѣчай! чиста ли ты?

— Богъ благословилъ мою твердость, отвѣчала Сара.

Гойко въ восторгѣ схватилъ ее за руку и потащилъ въ кабинетъ, потомъ на балконъ, и, по веревочной лѣстницѣ, спустился съ нею на улицу. Мазарини спрятался въ темномъ углу сѣней и ожидалъ дорогѣй жертвы. Воображенію его представлялась торжественная картина казни Гойка, радость кардинала-герцога; мысли толпились въ дѣятельномъ умѣ Италіянца. Вдругъ на улицѣ послышался крикъ : «Воры, воры!... лови!» и мимо крыльца пронеслась толпа народу.

«И я поймалъ вора! весело думалъ Мазарини. Не знаю, догонять ли они своего, а мой попался.»

Но Гойко не появлялся. Наверху была тишина могильная. Мазарини испугался; взявъ дюжину Швейцарцевъ, онъ пошелъ на верхъ, но открытая дверь на балконъ коротко и ясно объяснила, что случилось.

Гойко и Сара, окруженные толпой городскихъ стрѣлковъ, смиренно стояли передъ головою. Дѣти Джуди-

ты умоляли скорѣе отпустить Гойка, но голова вынулъ бумагу и, подавая имъ, печально сказалъ : — Прочтите.

Скорбно потупили глаза дѣти Джудиты.

— Отведите ихъ въ городскую темницу ! сказалъ голова, и стрѣлки повиновались.

Гойко не обронилъ ни одного слова, и когда десятникъ толкнулъ его, чтобы вести куда указано, Гойко сказалъ громко и весело : — Пойдемъ, Сара ! Богъ милостивъ !

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТЬ-ПЯТАЯ.

Латинская бѣсѣда.

Что бы сказали, не только дамы, но даже бѣльшая часть нашихъ литераторовъ, если бы писатель, предлагающій читателямъ опытъ строго-историческаго романа, вздумалъ, для бѣльшей исторической точности, написать всю эту главу по-латынѣ ? Но въ томъ нѣтъ ни какого сомнѣнiя, что всѣ лица, въ настоящей главѣ выведенныя, разговаривали по-латынѣ. Такова была мода, обычай между учеными людьми. Не рѣдко, вмѣсто латинскаго, употребляли и другiе языки, но только греческiй или еврейскiй.

Грустный сентябрь, кончился. Съ каждымъ днемъ, теплота, какъ тѣнь, сокращалась на сѣверномъ полушарiи. Настали холодные вечера, и каминъ запылалъ въ рабочей комнатѣ Гуго Гроциа. Не много гостей окружало мертвую красавицу, и любовалось ея тѣлодвиженiями. Она сама собой вставала съ креселъ, кланялась гостямъ, ходила по комнатѣ, пѣтирала руки, поврав-

ляла локоны; словомъ, была совершенно живая женщина, дѣлала глазки, улыбалась, и если бы вздумала прогуляться по улицамъ Парижа, вѣроятно, половина городскихъ красавицъ лишились бы своихъ любовниковъ титулованныхъ (titrés), любовниковъ съ обязанностию быть скромными (à discrétion), любовниковъ для торжествъ (de parade), любовниковъ тайныхъ, обожателей, читателей, и вообще приверженцовъ разныхъ классовъ и названій.

Пуссенъ не могъ надивиться, ходилъ по слѣдамъ красавицы, и безпрестанно оборачивался, сомнительно поглядывая на Декарта, который съ улыбкою смотрѣлъ на свое произведеніе.

— Я не смѣю, да и не хочу, показывать публично мою Франсиску, сказалъ Декартъ : сожгутъ и отца съ дочерью !

— Такъ это твоя побочная дочь, о которой писалъ Воестій въ Сорбоннскую Академію? спросилъ, съ при-
мѣтною радостью, Пикò.

— Не побочная, а родная, какъ видишь; дочь духа, а не плоти. Воестій видѣлъ ее черезъ окно въ Утрехтѣ, и... клевета уже достигла Парижа !

— Я очень радъ, сказалъ Пикò : что могу развѣв-
рить нашихъ сорбоннскихъ философовъ.

— Благодарю тебя, Пикоциусъ. Не должно оправды-
вать меня въ томъ, въ чемъ я, какъ человекъ, не могу
быть безгрѣшенъ. Я слышу, что ты переводишь на
французскій начала моей философіи. И этимъ я, при-
знаюсь, не доволенъ. Рано. А для ученыхъ людей, они
понятны и въ подлинникъ. Балъе пишетъ мою биогра-
фію, и это я знаю, но попрошу не печатать ее до моей
смерти, по-крайней-мѣръ до моего отъезда въ Швецію.

— Какъ въ Швецію? спросили всѣ единогласно.

— Да вотъ, по милости Гуго. Онъ познакомилъ меня
письменно съ своей удивительной королевой : прихо-

дятся ѣхать для личнаго знакомства! И признаюсь: теперь людямъ, полюбившимъ науку, кромѣ Швеціи, въ цѣломъ мірѣ жить негдѣ. Дивлюсь, какъ меня не убили въ Утрехтѣ, какъ не узнали въ Парижѣ, что послѣдній шведскій курьеръ есть Картезій, что германскій философъ принимаетъ французскаго въ службу шведской королевы.

— Да, замѣтилъ Гуго, сидѣвшій въ углу кабинета за кипию бумагу, дописывая по-латынѣ длинное письмо: и чтобы этого не могло случиться завтра, я отправлю тебя, Картезій, сегодня..... «Tuus, augustissima Regina, diligentissimus servus Hugo Grotius».... Готово!

Гуго всталъ и подошелъ къ кружку гостей. Мертвая красавица была уложена въ футляръ. Всѣ усѣлись, и Гуго сталъ читать латинское письмо къ королеву Христинѣ. Съ первыхъ словъ, ужасъ изобразился на внимательныхъ лицахъ слушателей. Гуго описывалъ казнь Сень-Марса и де-Ту въ Лионѣ, равнодушіе короля къ прежнему любимцу, новый заговоръ противъ Ришліё, возникшій между приверженцами Сень-Марса, наконецъ послѣднее свое свиданіе съ королемъ въ Сень-Жерменѣ.

— Какъ? развѣ онъ ужъ пріѣхалъ? спросилъ Пуссенъ.

— «Я сегодня изъ Сень-Жермена, продолжалъ читать Гуго. Меня привели къ его величеству съ обыкновенною таинственностію. Когда король считалъ себя въ полной безопасности отъ посторонняго слуху, онъ подошелъ ко мнѣ, взялъ за руку, и, усадивъ по обыкновенію въ кресла противъ себя, сказалъ съ грустію: «Вы были правы: заговоръ не могъ быть удаченъ; ни у кого не доставало рѣшительности. Вы были правы. Надо ожидать его смерти. Одного боюсь: ямогу умереть прежде. Просите королеву, сестру мою, любить моего сына и мою несчастную Францію, и примите мою искреннюю благодарность за тѣ счастливыя мгновенія, которыя я имѣлъ случай провести въ вашей пріятной и поучитель-

ной бесѣдѣ. Какъ человекъ, не будьте строги къ моимъ слабостямъ. Мнѣ жаль ихъ.... Но, по-крайней-мѣрѣ, монархія уцѣлѣла. Я не зналъ объ этомъ глупомъ трактатѣ. Они меня обманули. Не следовало прибѣгать къ помощи нашихъ враговъ. Вы знаете, вы помните, я склонялся на ихъ желаніе и хотѣлъ заключить миръ съ Испаніей по вашему совѣту.... Ну, что нашъ Декартъ? — Ты простишь мнѣ, королева, если, я, по необходимости, сказалъ королю ложь. Декартъ уже сидѣлъ въ парижскомъ моемъ кабинетѣ, подъ замкомъ, въ бесѣдѣ съ другомъ своимъ Пикомъ, съ добрымъ Балъе, Петромъ Корнелемъ и Николаемъ Пуссеномъ; но я увѣрилъ короля, что Декартъ не согласился на мои предложенія и, опасаясь настоятельныхъ требованій со стороны своего короля у голландскаго правительства, оставилъ Нидерланды или по-крайней-мѣрѣ распространилъ такой слухъ. Король примѣтно былъ доволенъ тѣмъ, что отказъ Декарта уволилъ его отъ новыхъ хитростей и бесполезныхъ начинаній. На слова мои, король отвѣчалъ : «Я такъ и думалъ. Прости дорогой Гуго; но въ Парижѣ не разглашай, пока, о моемъ приѣздѣ. Завтра или послѣ завтра принесутъ кардинала : тогда....» Король замолчалъ. Я откланялся и воротился въ Парижъ. Боюсь за Декарта и спѣшу отправить его къ тебѣ сегодня же. Кардиналъ не любитъ писателей, которые не нашли случая похвалить его, а по мыслямъ, принадлежитъ къ римскимъ гонителямъ картезіанства. Если можешь, августѣйшая, отмени утреннія бесѣды. Ренѣ согласился, но здоровье его плохо : и въ здѣшнемъ климатѣ, онъ встаетъ часовъ въ девять, десять, а въ Швеціи.... Но да будетъ по желанію твоему! Я, именемъ твоимъ, уволилъ Ренѣ ото всякаго придворнаго церемоніала, и не могу описать его признательности.»

— Ничего, Гуго, сказалъ Декартъ, когда Гроціи окончили чтеніе : приучу себя, привыкну. Въ пять ча-

совъ встають всѣ поселяне, а королевъ нельзя же для меня переѣмнѣть порядокъ жизни. Было время, и я занимался по-утрамъ. Да и умъ свѣжѣе, и королева легче будетъ соображать метафизическія истины, пока государственный хлопоты не развлекутъ любознательнаго вниманія. Но если ты полагаешь, что она опасность такъ близка, то посылай же меня: я готовъ; прощаться мнѣ не съ кѣмъ: всѣ здѣсь. Вещей не много, и тѣ уложены.

— А лошади и повозки готовы, отвѣчалъ Гуго.

Всѣ встали.

Послѣ краткой молитвы, произнесенной Гроціемъ съ пресвитерскою важностью, Декарта проводили до повозокъ, усадили, закутали, и черезъ мѣсяць Швеція приняла въ свое покровительство еще одного великаго мужа семнадцатаго столѣтія.

— Куда же ты? спросилъ Гуго, держа за руку Пуссена.

— Кто на сѣверъ, кто на югъ! отвѣчалъ Пуссенъ. Сегодня ночью я буду уже на нуті въ Италію.

— Какимъ образомъ?

— Не спрашивай, а добромъ помни.

— Дружбы и памяти! отвѣчалъ Гуго, обнимая Пуссена.

— И я, сказалъ тихо Корнель: къ-сожалѣнію нѣ изъ Франціи, а по-крайней-мѣрѣ изъ Парижа. Я не хочу встрѣчаться съ палачомъ Сенъ-Марса. Пока я въ Руанъ, обо мнѣ не вспомнятъ.

Пикѣ и Балъѣ возвратились съ Гроціемъ въ покой. Пуссенъ и Корнель пошли послѣшно, каждый своей дорогою. Расходясь, они пожали другъ другу руку, и, какъ-будто условясь, тихо сказали: — Навсегда!

Проходя мимо кардинальскаго дворца, Пуссенъ замѣтилъ необыкновенное движеніе. Было еще не такъ поздно, а почти всѣ окна были освѣщены.

— Пріѣхалъ кардиналъ? спросилъ Пуссенъ у слуги, который почти опрометью бѣжалъ куда-то.

— Пріѣхалъ мосьё де-Нойё, а кардиналъ развѣночью.

Это извѣстіе придало крылья Пуссену. На лѣстницѣ своего домика, онъ встрѣтился съ городскимъ головою.

— Дѣло, дѣло! важное дѣло, Римлянинъ! сказалъ голова.

— Милости просимъ! отвѣчалъ на-скоро Пуссенъ, вбѣгая въ гостинную, гдѣ Гаспаръ рассказывалъ любопытной молодежи чудеса объ Италіи.

— Небольшая тайна, сказалъ голова.

— Говорите, говорите : это все мои друзья. Я спѣшу. Кардиналъ можетъ пріѣхать еще сегодня, король также.... Чтò такое?

— Капитанъ Вальероль вамъ кланяется.

— Боже! ты одинъ не забываешь несчастныхъ!..... Какъ кстати это напоминаніе!.... Въ суматохѣ, я могъ забыть.... Но гдѣ же онъ?

— Въ Сондріо, въ домѣ Джудиты. Тамъ и она, тамъ и Гаръ-Піонъ, тамъ и Альфредъ. Но ихъ несчастный гонецъ, неблагоразумный Гойко, въ темницѣ, съ несчастною женою. За часъ до его аресту, я получилъ отъ кардинала увѣдомленіе, что Гойко въ Парижъ, что я долженъ, ради дружбы кардинала, ради всего на свѣтъ, употребить всѣ усилія. Словомъ, на дняхъ несчастный Гойко оставить этотъ свѣтъ.

— Богъ милостивъ! сказалъ Пуссенъ. Ваше сердце будетъ орудіемъ Промысла. Благодарю васъ за всѣ эти извѣстія; но, извините, мнѣ еще много работы сегодня. Надо написать въ галереѣ послѣднюю картину, взять изъ монастыря Эвелину, и уѣхать изъ Парижа.

Молчаливое изумленіе продолжалось нѣсколько мгновений. Пуссенъ продолжалъ :

— Господа, послѣднюю услугу! Фонари, краски, дорожную повозку, лошадей, молчанія!

— Все будетъ! крикнули молодые люди, и схватили шляпы.

— Ничего не будетъ! сказалъ голова, удерживая Стеллу въ дверяхъ. Помогайте по вашему ремеслу, а отправленіе въ дорогу, это по моей части. Скажите только, въ которомъ часу?

— Сейчасъ, сію-минуту! съ нетерпѣніемъ отвѣчалъ Пуссенъ. Стелла останется здѣсь, уложитъ всѣ вещи, заедетъ за мною въ Лувръ, а Гаспаръ, въ галерею, на-скоро положить грунтъ. Рисунокъ у тебя: проведи контуры... Да не нужно! только подмостки приготовьте: въ часъ будетъ готова картина! А я пока въ монастырь.

— Возьмите мою карету: не близко, сказалъ голова.

— Очень вамъ благодаренъ, отвѣчалъ Пуссенъ, уже на лѣстницѣ.

—

Въ монастырь Визитокъ всѣ уже спали. Только въ келіи сестры Авреліи теплилась сонная лампада надъ раскрытою книгою. Аврелія и Эвелина тихо бесѣдовали.

— Я очень неспокойна сегодня, сказала сестра Аврелія. Не знаю почему, за вечерней молитвой, меня возмущали мысли невольныя. Боюсь не случилось ли чего съ королемъ. Навойнъ, на охотъ, въ трудахъ ученыхъ, онъ не щадитъ своей жизни, а эта драгоценная жизнь такъ нужна для Франціи..... При всѣхъ наружныхъ слабостяхъ Людовика, онъ, одинъ во всей Франціи, знаетъ причины многихъ дѣйствій кардинала. Ришліѣ хочеть угодить Людовику, но употребляетъ средства противныя Господу, и справедливый Людовикъ лично ненавидитъ министра.... Милая Эвелина, еще не поздно: станемъ молиться за короля!.... Какъ жаль, что я не знала о твоихъ несчастіяхъ, когда онъ въ послед-

ній разъ навѣстилъ монастырь!.... Но Богъ милостивъ: станемъ молиться!

По корридорамъ стараго монастыря послышались шаги. Двери отворились, и въ келію дѣвицы Лафайетъ вошла сестра старшая.

— Неразлучныя! печально сказала она: вамъ должно разстаться.

— Защитите меня! закричала Эвелина, схвативъ за руку сестру Аврелію.

— Успокойтесь, Эвелина! сказала настоятельница: васъ требуетъ мось Пуссенъ, именемъ отца.

Сестра Аврелія встала, взяла покрывало, свѣтскій женскій плащъ Эвелины, и стала одѣвать подругу.

— Отецъ и Пуссенъ зовутъ.... разстаться съ вами! почти вскричала Эвелина. И, можетъ-быть,...

— О! успокойтесь, Эвелина! Пуссенъ сегодня ночью оставляетъ Парижъ и ѣдетъ съ вами прямо въ Сондрію, гдѣ живетъ вашъ отецъ, какая-то Джудита и какой-то Альфредъ.

— Всѣ, всѣ дорогіе моему сердцу! со слезами воскликнула Эвелина, и упала передъ иконою Богоматери.

Сестра Аврелія и настоятельница также молились.

— Десница Божія видимо ведетъ васъ къ земному счастью, сказала сестра Аврелія: повинуйтесь!

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТЬ-ШЕСТАЯ.

Последняя картина.

Де-Ноё ходилъ скорыми шагами по залу, во дворцѣ кардинальскомъ. Тревога и досада написаны были на

врачномъ лицѣ маленькаго добряка, какъ его называли придворныя дамы. «Что въ самомъ дѣлѣ! подумалъ онъ : неужели столько разсказовъ , преданій, повѣрій, — игра случая, мечты суевѣрнаго воображенія?..... Страхъ казни испугалъ мудрецовъ, которые добивались таинствъ природы; глупая чернь не могла повѣрить дивной, непостижимой учености, и всѣхъ колдуновъ, чародѣевъ, отнесла къ клеветамъ ада!... Да и не простительно ли прибѣгать къ ихъ помощи тамъ, гдѣ знаніе врачей не видитъ болѣе ни какихъ средствъ, ни какой возможности къ спасенію такой драгоценной жизни?.... Рипшліѣ долженъ умереть!.... умереть скоро!... на дняхъ!.... Волосъ поднимается дыбомъ! Мнѣ кажется, будто трупъ его, какъ безмѣрное дерево, валится и давитъ Парижъ, разрушаетъ Францію.... И мы сами, огнемъ и желѣзомъ, преслѣдовали колдовство! мы сами истребили до тла эту подземную ученость! Ни слѣда не могу отыскать во всемъ Парижѣ, во всѣхъ окрестностяхъ; а срокъ, назначенный врачами, приближается!.... Ктò тамъ ?

Въ углу залы показался маркизь Дезюмидъ.

— Что вамъ угодно, маркизь? спросилъ де-Нойѣ.

— Кардиналъ еще не пріѣхалъ ?

— Нѣтъ еще.

— Королева приказала спросить о здоровьѣ.

— Слава Богу, лучше. Я получилъ самыя утѣшительныя извѣстія.

— Скажите, сдѣлайте одолженіе, какъ это вы позволяете въ Луврѣ работать при огнѣ ?

— Онъ еще не уѣхалъ ! невольно промолвилъ де-Нойѣ, и ономнился. Да,.... это къ пріѣзду короля.... Эй! ктò тамъ ? Позовите Лемерсиѣ, Фукиерра, Вуэ,.... словомъ, кого-нибудь !

— Королева просила увѣдомить о пріѣздѣ кардинала.

— Непременно, непременно, отвѣчалъ де-Нойё, и ушелъ въ кабинетъ кардинала.

«Какъ заботятся объ его смерти! какъ хитро одушевили молодыхъ капитановъ королевской стражи! Они поклялись убить умирающаго. Надо бы намъ съ Шавиньи подумать и о себѣ: мы вторыя жертвы. А тутъ этотъ Пуссенъ не ухалъ! Кардиналъ узнаетъ, огорчится..... Надо съ ума сойти съ этими художниками!»

Такъ думалъ де-Нойё, когда всѣ трое, Вуэ, Лемерсиё и Фукиерръ, вошли въ кабинетъ, вслѣдъ за Рюзомъ.

— Ахъ, господа! сказалъ де-Нойё безо всякихъ предварительныхъ привѣтствій: сходите, посмотрите, что тамъ дѣлается въ Луврѣ!

— Но,... запинаясь, началъ-было Лемерсиё.

— Господи Боже мой! сказалъ де-Нойё: ступайте, когда вамъ говорятъ! — И ушелъ въ спальню кардинала, хлопнувъ дверью.

— Пойдемъ! сказалъ Фукиерръ: приказано! Сдѣлаемъ по-крайней-мѣрѣ суматоху.

— Пойдемъ, равнодушно отвѣчали Вуэ и Лемерсиё, и всѣ трое отправились въ Луврѣ.

Издали еще они увидѣли карету въ четыре лошади, которую окружали фонари, но лицъ невозможно было различить. Карета медленно покатила; крики раздавались долго по всей площади; фонари разбрелись въ разныя стороны; но галерея всё-еще была освѣщена. Ничего не понимая, что происходило въ Луврѣ, художники осторожно вошли во дворецъ, еще съ бѣльшимъ опасеніемъ приближались къ галереѣ, наконецъ со страхомъ заглянули, и что же увидѣли?... Двѣ пирамиды освѣщали еще свѣжую картину, написанную одноцвѣтомъ, изображавшую послѣдній подвигъ Геркулеса: полу-богъ поражаетъ Глупость, Невѣжество и Зависть. Одинъ краскотеръ убиралъ подмости, другой

любовался картиной и громко повторялъ : — Чортъ знаетъ, что такое! Посмотри : будто съ нихъ писалъ!

— Съ кого?

— А вотъ, со старыхъ нашихъ маляровъ.

— Это похоже на васъ, сказалъ Фукиерръ, обращаясь къ Вуэ и указывая на Невѣжество.

— А эта Глупость на ослъ, это вы, баронъ!

— Впрочемъ эта Зависть и на васъ похожа.

— Нѣтъ, это портретъ Лемерсиё.

— Послушайте, господа : завтра будетъ въ Луврѣ король, можетъ оскорбиться такой неприличной картиной, сказалъ Лемерсиё, схватилъ кисть, торчавшую въ ведрѣ съ краской, и въ одно мгновеніе картины не стало.

—

— Мы въ полѣ! радостно сказалъ Пуссенъ, когда карета минула послѣдніе дома предмѣстья.

— Во Франціи нѣтъ поля свободнаго, сказала Эвелина : все темницы или мѣста казни.

— По-крайней-мѣрѣ у насъ ключи отъ этихъ темницъ : поспѣшность и осторожность! замѣтилъ Гаспаръ.

Не успѣли путешественники проѣхать и одного ліё, какъ зарево отъ факеловъ освѣтило дорогу. Каталонцы окружили карету, допросили всѣхъ, осмотрѣли всѣ углы, и согнали экипажъ съ дороги на поле. Вслѣдъ за ними, шелъ отрядъ пѣшихъ Швейцарцевъ : несмотря на множество и тяжесть вооруженія, казалось, что они идутъ по толстому ковру въ чулкахъ и башмакахъ. За Швейцарцами несли подвижной домъ, снаружи украшенный коронами и перьями. Казалось, онъ плылъ надъ дорогою : ни какого колыханія не было замѣтно.

Зеленя за навѣси были опущены : сквозь нихъ пробивался слабый свѣтъ, и темнымъ пятномъ чертилась фигура Шавиньи. Глубокая тишина, несомѣстная со множествомъ и великолѣпиемъ страннаго шествія, поражала невольнымъ ужасомъ. Какъ страшная, темная туча, миновалъ домъ кардинала ; за нимъ опять пѣшіе Швейцарцы, опять конные Каталонцы, наконецъ обозъ, который болѣе часу медленно передвигался мимо кареты Пуссена.

Гаспаръ улыбнулся и сказалъ, глядя на послѣднюю повозку обоза : — Ну, нечего сказать ! торжественныя похороны !

— Наукъ и художествъ ! прибавилъ Пуссенъ, и карета покатилаь.

=

ОШИБКА.

=

И теперь еще старожилы ***скаго уѣзда, собираясь въ зимній вечеръ около чайнаго столика и вспоминая старья были, рассказываютъ очень странное происшествіе.

Фамилія Цминскихъ всегда была одною изъ первыхъ въ губерніи. Мелкое дворянство привыкло обращаться къ ней во всѣхъ своихъ нуждахъ, высшее почитало ее своею опорю, а бѣдные, всѣхъ сословіи, своимъ провидніемъ. Дворянскіе предводители, совѣстные судьи, и прочіе почетные чиновники, избираемые доврїемъ общества, съ давняго времени были изъ Цминскихъ, и послѣдній представитель этого благороднаго поколѣнія, недавно переселившійся къ предкамъ, служилъ незапамятное число трехъ-лѣтій губернскимъ предводителемъ. Послѣ него осталась вдова, женщина добрая, всѣми уважаемая и любимая, съ двумя дѣтьми. Сынъ служилъ прежде въ гвардіи, потомъ долго жилъ въ чужихъ краяхъ, и, наконецъ, по возвращеніи оттуда, отправился на Кавказъ въ дѣйствующую армію. Объ немъ говорили много хорошаго, хотя и вспоминали о нѣкоторыхъ заблужденіяхъ его молодости. Когда-то онъ былъ вовлеченъ въ игру; толковали еще что-то о дуэли, и прочая; но, за всѣмъ тѣмъ, молодой Цминскій пользовался, и справедливо, именемъ честнаго, благороднаго человѣка, заслуживающаго уваженія. Въ од-

номъ упрекали его : въ излишней строгости суждений. Человѣкъ, навлекшій на себя порицаніе свѣта, не могъ надѣяться отъ него ни какой пощады : благоговѣніе его къ чести и добродѣтели было такъ велико, что самая тѣнь порока возбуждала его негодованіе. Онъ былъ любимцемъ матери, и эта любовь оправдывалась поступками сына, который, казалось, жилъ только для счастья матери и сестры. Оставшись ребенкомъ послѣ отца, молодая дѣвушка привыкла видѣть въ братѣ покровителя и опору, любила его со всею горячію юнаго сердца. Цминская вообще жила очень уединенно, принимала немногихъ, и рѣдко оставляла деревню. Въ послѣдніе годы, однако жъ, она принуждена была нѣсколько разъ ѣздить, для дочери, въ Москву. Послѣ одной изъ такихъ поѣздокъ, въ сосѣднюю деревню пріѣхалъ новый помѣщикъ, князь Угорскій. Онъ былъ молодъ, хорошъ собою, знатной фамиліи и богатъ. Во всемъ околоткѣ заговорили, что Лариса Сергѣевна Цминская выходитъ за князя, и дѣйствительно этого должно было ожидать, судя по частымъ посѣщеніямъ сосѣда. Между-тѣмъ о помолвкѣ не было слышно. Нѣкоторые увѣряли, что Цминская ожидаетъ сына, а князь старшаго брата. Въ самомъ дѣлѣ, они пріѣхали, и почти въ одно время. Тогда происшествія въ домѣ Цминскихъ начали еще болѣе занимать все сосѣдство: только и говорили, о пріѣзжихъ, о свадьбѣ. Вдругъ разнесся слухъ, что братъ невѣсты, на третій день по своемъ пріѣздѣ, опять уѣхалъ и не возвращался болѣе. Пошли толки. Сосѣди, бывшіе въ то время у Цминскихъ, рассказывали, что онъ обошелся очень странно съ братомъ жениха, былъ очень встревоженъ, разсѣялъ; что мать его замѣтила это и была очень разстроена положеніемъ сына; что однажды, за обѣдомъ, Цминскому подали письмо : онъ прочиталъ, поблѣднѣлъ и тотчасъ послѣ обѣда скрылся, воротился домой поздно вечеромъ, и то на минуточку, ни съ кѣмъ ни слова не го-

ворилъ, и рано утромъ уѣхалъ. На другой день горничная невѣсты рассказывала чужимъ дѣвушкамъ, что съ-вечера ей долго не заспалось у дверей барышниной комнаты. Между-тѣмъ старая барыня молилась въ образной, объ стѣнку со спальней Ларисы Сергѣевны. Вдругъ барышня дверь отворилась и вошелъ молодой баринъ, въ дорожномъ сюртукѣ, какъ пріѣхалъ. Горничная лежить ни жива ни мертва, и смотритъ что будетъ. Вотъ баринъ подошелъ къ кровати, тихонько отвернулъ занавѣсъ : Лариса Сергѣевна почивала. Онъ сталъ на колѣни, взялъ ея руку, и цѣловалъ нѣсколько разъ, а самъ плакалъ горькими слезами. На ту пору скрыпнула дверь изъ образной. Онъ спрятался за занавѣсъ. Барыня выглянула въ комнату Ларисы Сергѣевны, приложила ухо : ничего не слышно ; она перекрестила издали дочь и опять ушла въ образную, не притворивъ за собою двери. Тогда молодой баринъ выскочилъ изъ-за занавѣса, бросился за барышей, и чудно, какъ она этого не слыхала : вѣрно была очень занята молитвой. Въ комнатѣ было слышно, какъ она молится, и огонь отъ лампадки свѣтился въ двери. Молодой баринъ сталъ на колѣни, плакалъ, плакалъ, и все слезы платкомъ отиралъ, а рыдать не смѣлъ, потомъ всталъ и тихонько вышелъ, а на другой день проснулись, его уже не было : и слѣдъ простылъ!

Этотъ рассказъ переходилъ отъ одного къ другому съ разными прибавленіями, и наконецъ былъ дотога искаженъ, что потерялъ всякое сходство съ первоначальнымъ повѣствованіемъ горничной. Всѣ говорили свое. Вѣрнаго было только то, что Цминскій уѣхалъ. На третій день, отъ него получили письмо, но какого содержанія, это осталось тайною. Мать занемогла и долго не вставала съ постели. Черезъ полгода съиграли свадьбу, но очень тихо, и молодые тотчасъ отправились въ Петербургъ. По отъѣздѣ дочери, старая Цминская жила въ глубокомъ уединеніи, которое раз-

дѣляли съ нею только двѣ или три дальнія бѣдныя родственницы. Каждый день ходила она на гробъ покойнаго мужа и оттуда въ часовню близъ кладбищенской роши, гдѣ, говорятъ, кто-то видѣлъ Цинискаго наканунѣ его отъѣзду. Она обсадила часовню цвѣтами, и читывала тамъ письма сына, которые были единственнымъ для нея утѣшеніемъ. По смерти ея цвѣты засохли, часовня разрушилась, развалины заросли травой.

Случайно узнала я подробности этой странной исторіи, и передаю ихъ читателямъ вмѣстѣ съ оригинальными письмами, послужившими мнѣ главнымъ источникомъ свѣдѣній.

—

Какъ я люблю большой свѣтъ!... Возьмите, напримеръ, вечеръ или раутъ : какъ все живо, свѣтло, свѣжо ! какъ пріятно улыбаются дамы ! какъ онѣ приветливы и непринужденны ! какъ искренны ! А мужчины?... Смотрите какъ они любезны, умны, простодушны, незлобны !... И вездѣ лица ясныя, нигдѣ грусти, нигдѣ задумчивости или непріязни : всѣ веселы и дружелюбны между собою. Какъ же говорятъ , будто бы счастья нѣтъ на свѣтѣ?... Пустое !

Случалось ли вамъ сидѣть на берегу моря въ солнечный день, когда оно, чистое и блестящее, отражаетъ въ себѣ голубой куполъ небесъ, и лежитъ въ берегахъ, будто нѣжась?... Какъ оно хорошо ! какъ оно величаво-спокойно ! Но вотъ потянулъ съ западу вѣтерокъ : зарыбля зыбь, пучина надулась, волны подняли свои бѣлыя головы, заходили по своей поверхности, загудѣли и застонали, въ бѣшенствѣ плещутъ на берегъ, взбвгаютъ на высокій утесъ.... Фи ! да чтѣ жъ это за сравненіе съ свѣтскимъ обществомъ ?

развѣ тамъ случаются бури? Нѣтъ, въ обществѣ вѣчный штиль : всегда свѣтлыя лица , всегда дружескія улыбки.

Но вражда, горе, бѣдствія... гдѣ же онѣ? Бываютъ, говорятъ : но гдѣ, когда, съ кѣмъ, не извѣстно. Того-то не стало, съ тою-то или съ тѣмъ-то случилось несчастье : пробьжить молва, затихнетъ, и все по-прежнему. У свѣтскихъ людей сердце устроено такъ, что если въ немъ и заведется червь скорби, то онъ не скоро проточитъ его тройную кору и выйдетъ наружу; да хоть выйдетъ, такъ что же?... запрятаться въ кабинетъ, въ деревню, съѣздить на воды, а въ свѣтъ явиться тогда уже, какъ и признаку печали не осталось.

Свѣту давай веселья : онъ не любитъ печали. Повѣсть страданія въ немъ пролетаетъ какъ вѣтерокъ. Подъ тихой кровлей уединенія, въ тишинѣ, живетъ эта повѣсть. Тамъ дѣдъ пересказываетъ ее внукамъ, и однообразная жизнь ихъ разнообразится чужимъ чувствомъ.

— Татьяна Алексѣевна, что это у васъ за картина? Я давеча вошла въ вашу комнату; смотрю : рама.... да еще завѣшана тафтой! Посудите сами, какое искушеніе : какъ не посмотреть? Я и заглянула. Прелесть какая хорошенькая дѣвочка съ ландышами!

Такъ говорила молодая прекрасная дама, сидя въ большихъ креслахъ и положила ножки на бархатную подушку. Въ той же комнатѣ, у окна, за столикомъ, сидѣла блѣдная, сухошавая женщина, въ темномъ ситцевомъ платьѣ и въ висейномъ чепцѣ. Лицо этой женщины обезображенное оспею, было однако жъ пріятно : въ немъ выражалось что-то доброе, привлекательное, особенно когда она поднимала свои черныя, задумчивыя глаза, почти всегда опущенныя на работу. При вслѣдствіи вопроса молодой дамы, она подняла го-

лову и тотчасъ опять наклонилась, вспыхнувъ какъ зарево.

Въ углубленіи комнаты, на диванѣ, сидѣла другая, высокая, довольно полная, пожилая дама. Утренній бѣлый плафрокъ, небрежно накинутый, обрисовывалъ ея роскошныя плечи; маленькій шпигъ, свернувшись клубкомъ, спалъ возлѣ нея на дорогѣй мантиль; другой, еще меньше, нѣжился у ногъ, на вышитой шерстью скамеечкѣ. На кругломъ столѣ лежало богатое Евангеліе, очки въ золотой оправѣ, и рѣзная черепаховая корзинка, въ которой катался огромный клубокъ бѣлой шерсти. Нѣжныя руки дамы вертели спицы толстаго шерстянаго чулка, который она вязала. Ей было уже за шестьдесятъ лѣтъ, но въ лицѣ ея еще сохранились остатки замѣчательной красоты, вмѣстѣ съ рѣзкимъ выраженіемъ воли, можетъ-быть никогда не знавшей покорности. Въ комнатѣ было еще нѣсколько жепщинъ: всѣ работали, молчали, и съ подобострастіемъ поглядывали на ея сіятельство, какъ онѣ величали старуху.

При вопросѣ молодой дамы, сіятельство сердито взглянуло на женщину, къ которой онѣ былъ обращенъ.

— А картина еще у васъ, Татьяна Алексѣевна?

Бѣдная рябушка чуть не уничтожилась отъ грознаго взгляду, однако жъ отвѣчала довольно спокойно: — Я думала, что у меня никто ея не увидитъ.

Графиня дернула за звонокъ. Одна изъ присутствующихъ дамъ, въ огромномъ чепцѣ съ желтыми лентами, бросилась къ двери и столкнулась съ горничной. Между-тѣмъ въ противоположныхъ дверяхъ вытянулась длинная фигура лакея. Шпигы залаяли и стали бѣгать по комнатѣ. Графиня была недовольна шумомъ. Дама съ желтыми лентами, въ испугъ, съѣжилась и поплелась на свое мѣсто; горничная ожидала приказаній.

— Скажите Акулину, зачѣмъ эта негодная картина до-сихъ-поръ тамъ, въ комнатѣ Татьяны Алексѣевны!...

Я не хочу, чтобъ она была тамъ!... я давно приказала ее выкинуть!... У меня есть много другихъ, хорошихъ картинъ, прибавила она тише, и бросила бѣглый взглядъ на молодую даму.

Татьяна Алексеевна продолжала свое филе, и, казалось, не обращала вниманія на графинино приказаніе: только иголка затряслась у нея въ рукъ, да върно что-нибудь влажное упало на нитку: узелъ не завязывался.

— Это такъ, никуда негодная подмалевка, душенька, продолжала графиня, говоря молодой дамъ и стараясь казаться спокойною. Я не знаю, что Танюшъ вздумалось ее взять къ себъ. Въ залъ есть хорошія картины: ты видѣла? Посмотри, если хочешь. Только пожалуй-ста берегись. Тамъ холодно. Одѣнься теплѣе. Мнѣ вѣдь житья не будетъ отъ племянника, ежели ты протудишься.

Но молодая дама все поглядывала на рябушку. Та продолжала работать.

Вечеромъ, въ этотъ же день, графиня лежала уже въ постель. Одна маленькая дѣвочка терла ей ноги; другая, немножко по-старше, что-то варила на конфоркѣ, а возлѣ нея стояла высокая, худая старуха, въ бѣломъ чепцѣ, со связкою ключей за поясомъ. Она безпрестанно заглядывала въ кострюльку и приказывала что-то шопотомъ дѣвочкѣ, боязливо косясь на графиню.

Графиня была нездорова и охала. Подлѣ нея сидѣла племянница, та молодая дама, которая надѣлала бѣдъ Татьянѣ Алексеевнѣ, и въ которой, конечно, вы не узнали Ларисы Цминской, теперь княгини Угорской. Княгиня что-то рассказывала тетушкѣ, смѣшила ее, ласкалась къ ней; потомъ стала о чемъ-то просить, уговаривать; наконецъ, вдругъ съ нѣжностью обняла старуху, поспѣшно вышла, уведя за собою ключницу, и, черезъ нѣсколько минутъ, ужъ бѣжала, не переводя духу, съ картиною въ рукахъ, въ антресоли, и вотъ стучится въ дверь одной комнатки.

Дверь отвернулась.

— Вотъ ваша картина, Татьяна Алексѣевна. Я заглянула свою вину.

— Ахъ, княгиня! что вы это? можно ли было такъ для меня беспокоиться? Эта картина.... конечно, я очень-ее люблю.... по воспоминанію; но всё-таки стоило ли того, чтобъ вы...

— Полноте, полноте! Я очень видѣла, что вамъ было горько.

— Это такъ.... графинина вспыльчивость. Но съ моей стороны было бы не хорошо, если бы я привязывалась къ подобнымъ малостямъ: у насъ, у всѣхъ, столько недостатковъ! Нельзя почитать себя несчастливимъ оттого только, что люди, съ которыми мы живемъ, не ангелы.

— Однако жъ признайтесь, вѣдь лучше было бы, если бъ они немножко походили на ангеловъ?

— Можетъ-быть.... Но вѣдь этого нельзя. Не одно, такъ другое: у всякаго свои слабости, какъ вездѣ свое горе.

Молодая дама усѣлась въ кресла возлѣ комода, какъ-бы располагаясь пробыть тутъ по-дольше. Она окинула глазами жилище Татьяны Алексѣевны. То была небольшая горенка съ однимъ окошкомъ. Постель, кресла, столъ, стулъ, въ углу еще маленькій столикъ, покрытый бѣлой салфеткой, на немъ Библія, святцы, на стѣнѣ кивотъ съ образами и передъ ними, на трехъ цепочкахъ, хрустальная лампада: вотъ все, что было у бѣдной рябушки.

— А что жъ это за картина, Татьяна Алексѣевна? Скажите, душенька.

— Право, такъ, княгиня. Это не стоить вашего вниманія.

— Однако жъ. Тетушка рассердилась: отчего это?

— Оттого что я.... она..... она не любитъ этой кар-

жны и даже приехала вывинуть, а я, противъ воли, оставила у себя. Вотъ и все тутъ. Вы видите, княгиня, что я одна виновата.

— Нѣтъ, тутъ есть какая-то тайна, Татьяна Алексеевна, сказала княгиня, потрогивъ ей пальцемъ. Но ужъ такъ и быть! я не стану выпытывать. Только дайте мнѣ хорошенько посмотреть на картину.

И княгиня съ дѣтскимъ любопытствомъ начала разсматривать холстъ, на которомъ была подмалевка, представляющая молоденькую дѣвушку, лѣтъ пятнадцати, въ испугъ или въ смущеніи роняющую цвѣты изъ передника. Ей хотѣлось узнать, что за тайна скрывается въ этомъ изображеніи: по каждому движенію кисти, по каждому слою краски, она думала отгадать эту тайну. Любопытство ея было тѣмъ пламеннѣе, что она, сама не зная почему, принимала живѣйшее участіе въ Татьянѣ Алексеевнѣ. Бѣдная рябушка понравилась ей съ перваго дня по пріездѣ ея въ деревню тетки своего мужа. Она была такая добрая, тихая, беззащитная; одѣвалась всегда такъ просто, но между-тѣмъ несчастные знали, что у нея, съ нѣкотораго времени, нѣтъ недостатку въ деньгахъ. Должность ея въ домѣ графини была читать вслухъ газеты, журналы и Библию. Остальное время она прилежно сидѣла за работой, ходила навѣщать бѣдняковъ и больныхъ, молилась Богу въ своей маленькой горенкѣ, на антресоляхъ, и смотрѣла на окружающій ее мѣръ съ такимъ же равнодушіемъ, съ какимъ пришелецъ слушаетъ веселый разговоръ на непонятномъ для себя языкѣ.

Порывъ вѣтру съ визгомъ пронесся по полю, мелкій снѣгъ посыпался въ стекла.

— Ахъ, какъ страшно у васъ въ деревнѣ, Татьяна Алексеевна! сказала княгиня.

— А въ городѣ развѣ бури не страшны?

— Они тамъ не слышны.

— Ну что ж? возразила Татьяна Алексеевна. Теперь, танцуя въ городскихъ раззолоченныхъ залахъ, вы иногда вспомните, что не вездѣ такъ свѣтло и весело.

— Ахъ, голубушка! сказала княгиня съ чувствомъ: есть бури, которыхъ и танцы и музыка не заглушаютъ.

Татьяна Алексеевна грустно взглянула на княгиню. Ей хотѣлось что-то сказать, но упрямое слово, отъ непривычки говорить свободно, не всегда являлось у нея на зовъ мысли, и бѣдная дѣвушка промолчала.

— А вы испытали эти другія бури, Татьяна Алексеевна?

— Кто жъ ихъ не испыталъ?... Развѣ есть человекъ, который не знаетъ, что такое страданіе?

Княгиня приподняла головку; глаза ея засверкали. Вопросъ: «Вы были влюблены?» едва не сорвался съ ея языка; но чувство, посредствомъ котораго женщина, какъ ясновидящая, читаетъ иногда въ душѣ другаго, остановило излишнее любопытство. Княгиня поняла, что такой вопросъ можетъ болѣзненно сдвинуть сердце бѣдной, пожилой, непригожей дѣвушки, и перемѣнила предметъ разговора. Но Татьяна Алексеевна была въ этотъ вечеръ болѣе обыкновеннаго расположена къ дружеской откровенности, и мало-по-малу между ними завязалась искренняя бесѣда....

Ударило пять часовъ утра, на деревнѣ прокричалъ пѣтухъ, погода стихла, сквозь обнаженные сучья деревъ мелькала заря; а княгиня сидѣла на томъ же мѣстѣ, глядя задумчивыми глазами на Татьяну Алексеевну, которая на колѣняхъ молилась передъ образами, между-тѣмъ какъ два ручья слезъ текли по блѣднымъ и впалымъ щекамъ ея.

Объ чемъ онѣ говорили такъ долго?..... Татьяна Алексеевна рассказала княгинѣ свою прежнюю жизнь.

Она была бѣдная сирота, воспитанная въ домѣ графини. Мать ея, умирая, оставила ей одно завѣщаніе,

— никогда не покидать своей благодѣтельницы, — и одно наследство, — псалтырь. «У тебя будетъ много горя, Танюша, говорила ей умирающая: но когда оно сожметъ твое сердце, вспомни о послѣднемъ дарѣ моемъ и прибѣгни къ Господу.» — И часто у Танюши было очень грустно на сердце: кто привыкъ нѣжить свое несчастіе на подушкахъ, тотъ не пойметъ, какъ много можетъ страдать такое бѣдное существо. Танюша, по совѣту матери, прибѣгала къ священной книгѣ. «Дастъ Господь по сердцу твоему», читала она. Эти слова производили на нее чудное впечатлѣніе. «По сердцу твоему!» повторяла Танюша, и вся душа ея ликовала надеждою.

Кто выскажетъ, какія мечты и думы могли пробуждаться въ сердце молодой дѣвушки?... Танюша была еще хороша: оспа не наложила на нее своей роковой печати; нѣжныя щеки ея горѣли румянцемъ; полная грудь блистала бѣлизною. Теперь Татьяна Алексѣевна, повторяя передъ иконою заветныя слова пророка, проситъ своему сердцу только мира, покорности и терпѣнія; но тогда она еще не умѣла покоряться своей участи, идти твердымъ шагомъ между терніями жизни, и находить утѣшеніе въ небесахъ. Зато они послали ей другую отраду. У графини была пріятельница, которая, умирая, ввѣрила ей свою дочь. Параша была прелестный ребенокъ; ей минуло только четырнадцать лѣтъ, когда въ первый разъ, въ глубокомъ траурѣ, явилась она въ гостиной графини. Веселость и живость дѣтства выражались во всѣхъ чертахъ ея; молодость играла въ жаркомъ румянцѣ щекъ, атласистыхъ и мягкихъ, какъ кожа спѣлаго персика, и, какъ онъ, богатыхъ переливами всѣхъ цвѣтовъ зари утренней. Параша не ослѣпляла прозрачной бѣлизной нашихъ сверныхъ красавицъ; но ея плечи были полны и круглы, поцѣлусь хотѣлось впиться въ ямочки на ея щекахъ, а глаза.... въ четырнадцать лѣтъ, они были уже такіе

влажные, такіе огненные, что, не будь густыхъ полу-
понививихъ ресницъ, мудрено бы вынести взоръ ея.

Появленіе Парашинъ въ домъ графини произвело силь-
ное возмуніе. Тамсіа Васильевна, дама въ чепецъ съ
жемчужными лентами, съ которою мы недавно видѣлись,
рѣшительно ее не вълюбила; она называла Парашу на-
смѣшницей и пророчила ей Божь-знаеть какіе ужасы,
только не при графинѣ. Акулина, ключница, безирестан-
но таскала къ ней въ комнату варенья и постылы; дру-
тія въ домъ и сосѣди цѣлили Парашинъ въ сразир-
ность благъ, ожидаемыхъ отъ графининой щедрости:
истинно полюбила ее только Танюша. Она любовалась
на милую гостью, какъ на прекрасный цвѣтокъ, и ко-
гда увидѣла, что хитрости, интриги, недоброежелатель-
ство окружили бѣдную Парашу, то съ материнскою
любовію приняла ее подъ свою защиту, и забота ли
маяла на прекрасную сироту, или коварная похвала
подползала къ ней съ своимъ ядовитымъ жаломъ, Татьяна
Александровна была тутъ: она мужественно обороняла
свою любимицу, и наконецъ увѣрила себя, что была
необходима для Парашинъ; а мы всегда гораздо болѣе
любимъ тѣхъ, для кого мы необходимы, нежели тѣхъ,
въ комъ сами нуждаемся.

Графиня не всегда жила такъ уединенно; какъ нын-
че, и не всегда была такъ богомольна и набожна. Она
прежде часто ѣздила въ столицу, любила принимать у
себя гостей, любила нравиться, и, говорятъ, не всегда
оставалась нечувствительною къ своимъ обожателямъ.
Въ ней было много достоинствъ, красота, умъ, талан-
ты. Сверхъ-того она побуждала мужчинъ оригиналь-
ной свободною дѣятельностью и мыслями, никогда не знающей
стыженія, живостью нрава, блистательною любезностью.
Многие называли ее педагожкой; но педагогизмъ въ пре-
красной жистинѣ обличается только желаніемъ нравиться:
слѣдственно подаетъ надежды, вовсе не испріятныя.
Впрочемъ знавшіе хорошо графиню увѣрили, что съ

ней самая горячая любовь не переживала объясненія : мужчина отказался ей чуть-чуть не противнымъ, какъ скоро она убаждалась въ его страсти. Можно было сказать, что она искала не любви, а однихъ затрудненій, и въ сорокъ лѣтъ кокетничала съ такимъ же жаромъ, съ какимъ въ молодости училась музыкѣ.

Годъ спустя послѣ того, какъ Параша вошла въ домъ графини, пріѣхалъ въ деревню одинъ изъ племянниковъ покойнаго графа. Онъ былъ отпущенъ въ безсрочный отпускъ, для излеченія ранъ. Параша съ Танюшею смотрѣли въ окно, когда онъ выходилъ изъ коляски. Это былъ высокой молодой человекъ, прекрасный собою, стройный, съ черною повязкой на лбу и съ костьюлемъ : настоящій раненый Марсъ.

Легко вообразить себѣ, сколько поднялось толковъ по этому случаю. Офицера провели въ назначенную для него комнату. Докторъ не позволялъ ему выходить; больнаго никто не видитъ : это что-то таинственное. Догадкамъ и разговорамъ конца не было. Одна проходила мимо его дверей, подкралась на цыпочкахъ, слушала и.... ничего не слыхала. Другая была счастливѣе: ей послышался голосъ необыкновенно пріятный. Вчера видѣли доктора, какъ онъ выходилъ отъ больнаго. Сегодня подсмотрѣли, что отворяется дверь, и увидѣли.... опять доктора. Ну, словомъ, всѣ, даже сама Тансія Васильевна, были заняты новопріѣзжимъ, а Танюша болѣе всѣхъ. Танюша сочиняла романы : герои ея были невидимый князь и Параша. Онъ молодецъ, хорошъ, богатъ; Параша не богата, конечно, и не знатнаго происхожденія, но графиня любитъ ее и вѣрно не посмотритъ на неравенство..... О! какимъ счастьемъ окружала Танюша свою любимицу! Она видѣла ее уже въ Петербургѣ, при дворѣ; мужъ, родные, все у ногъ ея; она блеститъ въ обществѣ, возбуждаетъ зависть первыхъ красавицъ.... словомъ, Танюша мечтала о ней какъ, можетъ-быть, каждая изъ насъ меч-

тала нѣкогда про себя. Бывали минуты, когда и собственное сердце докладывало о себѣ Танюшѣ и просило принять его къ свѣдѣнію; но оно было у нея какъ мужъ у иной красавицы : наморщится красавица, онъ и замолчитъ.

Графиня проводила у племянника все время, сколько позволялъ докторъ. Она совсѣмъ переѣхалась : чтеніе было остановлено ; за завтракомъ Татьяна Алексѣевна только за книгу, какъ графиня перерываетъ ее разказами о племянникѣ, какъ онъ образованъ, ученъ, какой отличный молодой человекъ, какихъ рѣдкихъ правилъ..... «Да вотъ ты увидишь его, Танюша : онъ — просто удивленіе въ наше время.» А надо сказать, что ни Танюша, ни Параша, никогда не хаживали къ нему вмѣстѣ съ графинею : по какимъ-то неизвѣстнымъ причинамъ, она брала съ собой только Таисію Васильевну или кого-нибудь изъ другихъ своихъ собесѣдницъ, только по-старше.

— Замѣтила ты, Танюша, какъ щеголяетъ наша Таисія Васильевна?..... Новый чепецъ, ленты еще желтѣе!.... Не къ добру это : видно, нашъ больной....

— Полно, Параша! Неравно графиня услышитъ, что ты говоришь.

— А почему жъ и не такъ?... Ма bonne maman, продолжала Параша, усаживаясь на боковой валикъ графинина дивана : вы замѣтили, какой славный чепчикъ у Таисіи Васильевны?.... Она кокетничаетъ съ княземъ, maman.

Графиня весело улыбнулась.

— А ты развѣ знаешь, что значитъ кокетничать?

— Вотъ прекрасно! Въдъ мнѣ ужъ пятнадцать лѣтъ!

И она начала гримасничать, передразнивая Таисію Васильевну : «По-лучше ли вамъ, князь?.... Не пора ли лекарство принимать, князь?.... Ахъ, князь!....

Графиня смѣялась, а Параша ужъ обнимала Таисію Васильевну, спрашивая : — Вы не сердитесь, душенька?

Въ одинъ майскій полдень, Параша съ Татьяной Алексѣевной была въ рошѣ. Лѣсъ уже блисталъ молодую зеленью, бабочки рѣзвились надъ лугомъ, воздухъ благоухалъ черемухой и листомъ молодой березки. Параша набрала полный передникъ ландышей, и бѣжала домой боковой дорожкой. На террасѣ сидѣла графиня и весь ея штатъ.

Завидѣвъ издали графиню, Параша въ одно мгновение, вся раскраснѣвшись и запыхавшись, очутилась передъ нею : каштановые локоны по плечамъ, соломенная шляпка въ рукѣ, свѣжа, ясна, весела какъ свѣтлое утро, и съ передникомъ полнымъ цвѣтовъ.

— Матап!

И вдругъ замолчала.

Возлѣ графини сидѣлъ въ большихъ креслахъ молодой офицеръ съ черной повязкой на лбу, съ блѣднымъ, прекраснымъ лицомъ, съ черными усами и съ костьюземъ. Глаза ихъ встрѣтились, и Параша такъ смѣшалась, что забыла о цвѣтахъ : они посыпались изъ передника. Таисія Васильевна, съ злобой улыбкой, сказала : — Хоть подберите цвѣты-то, Прасковья Павловна!

Съ тѣхъ поръ въ гостиной графини явилось новое лицо : князю позволили выходить, и онъ съ каждымъ днемъ долѣе оставался у тетки.

Графиня окружала его необыкновеннымъ вниманіемъ. Она первая видѣла, что ему нужно, занимала его разговорами, съ удивительною пріятностью подавала ему руку, и водила на террасу или въ садъ, до первой лавочки. Зато племянникъ, кажется, боготворилъ тетушку.

А Тая?... Что же ея мечты?... Видно, не сбывается?

Таня наблюдала за всеми движеніями князя, и ей показалось, что глаза его съ особеннымъ выраженіемъ останавливаются на прекрасномъ лицѣ Параша, особливо когда нѣтъ графини : при ней, онъ занятъ одною ею. Разъ тетюшки не было въ комнатѣ. Князь сидѣлъ съ Парашей, Татьяной Алексѣевной и другими. Вдругъ ему вздумалось встать и подойти къ двери балкона. Костыль его какъ-то упалъ : князь поблѣднѣлъ, зашатался.... Параша бросилась къ нему, и онъ будто ожилъ. Опираясь на руку дѣвушки, онъ вышелъ на террасу и долго стоялъ, наклонясь лицомъ къ ея хорошенькой головкѣ, и глаза его были такъ выразительны, такъ выразительны, что Танюша, вспоминая вечеромъ этотъ взоръ, говорила сама себѣ : «Онъ ее любить!»

Любовь, такъ ужъ вѣчная любовь, до могилы!..... Татьяна Алексѣевна знала, что въ свѣтѣ называютъ любовью еще какое-то чувство, но она надѣялась защитить свою любимицу, если бы князь вздумалъ ухаживать за ней безъ любви.

«Но князь въ самомъ дѣлѣ любить, думала Танюша. Посмотрите, какъ онъ робокъ, какъ онъ старается скрыть свое чувство, и какъ внимателенъ, нѣженъ, когда предается ему на мгновеніе; какъ онъ ищетъ присутствія Параша, какъ онъ ловитъ каждое ея слово, каждый взглядъ ея!»

Князь рисовалъ, и рисовалъ чудесно. Карандашъ его схватывалъ на-лету разительное сходство, въ одну минуту набрасывалъ сцену изъ романа, изъ поэмы. Графиня была въ восторгѣ отъ его таланта. Князь небрежно слушалъ ея похвалы, какъ обыкновенно слушаютъ похвалы бездѣлицамъ, въ которыхъ не полагаютъ ни какой важности. — Оно такъ и должно быть! говаривала послѣ графиня: князь имѣетъ высшее назначеніе. Его талантъ могъ бы составить счастье для другаго, но для него.... что это ?

Вдруг Танюшъ показалося, что всѣ ея надежды должны сокрушиться въ-прахъ. Князь не смотритъ болѣе на Парашу. Тутъ она, онъ уходитъ въ свою комнату; нѣтъ ея, онъ сидитъ съ тетушкой; при встрѣчѣ съ ней, говоритъ будто съ Таисіей Васильевной. А между-тѣмъ Параша начинаетъ блѣднѣть, не такъ весела, какъ прежде, разсѣянна, а по-временамъ хохочетъ, словно безумная, совсѣмъ не впопадъ.

Въ одно утро Татьяна Алексѣевна шла къ графинѣ. Вдругъ ей послышался голосъ князя. Князь сидѣлъ въ графининой комнатѣ. Рѣчь была о Парашѣ. Таня оставилась.

— Право, она совсѣмъ не хороша, говорилъ князь. Съ чего вы взяли это, тетушка?... Свѣжа, конечно; но что же изъ этого?... Нѣтъ, тетушка! хоть она и любимица ваша, а ужъ позвольте сказать, просто румяна и толста какъ крестьянская дѣвка.

— Ахъ! совсѣмъ не толста!.... вотъ ужъ это вздоръ! отвѣчала графиня. Она полненькая, хорошенькая дѣвочка, и, я увѣрена, понравится многимъ.

— Можетъ-быть..... только, что касается до меня, такъ мнѣ нѣтъ ничего несноснѣе этихъ полненькихъ красавицъ въ пятнадцать лѣтъ.... Весело очень учить ихъ любви, какъ азбукъ! Женщина не для однихъ чувствъ, ma tante : она должна нравиться душѣ, обворожать умъ : это совсѣмъ другое.

— Ну, какъ ты хочешь, сказала графиня, голосомъ, въ которомъ слышалось сердечное удовольствіе. А всѣ-таки ты сдѣлаешь мнѣ ея портретъ.... такъ, маленькой *croquis*. Что тебѣ это стоить?

— Знаете.... чтобъ сдѣлать что-нибудь порядочное, надобно быть одушевлену, чувствовать то, что хочешь изобразить; а какъ вы требуете, чтобы я одушевился той восковой вербой?

— Да просто.... сдѣлай мнѣ ученическую головку....

Пожалуйста, утѣшь меня! Мнѣ она нравится. Говори что хочешь, для меня лицо ея — прелесть.

— Отчего вы не хотите позволить мнѣ срисовать васъ?... Но нѣтъ! этого я былъ бы не въ силахъ сдѣлать.... по другой причинѣ.

О! какъ наказана была Таня за свое любопытство!

Между-тѣмъ въ тотъ же день было рѣшено, что на слѣдующее утро Параша отправится въ комнату князя съ Таисіей Васильевной. Такъ хотѣла графиня. Она и сама общала прійти посмотреть на работу.

Въ десять часовъ Параша и Таисія Васильевна пошли. Параша была въ томъ же платьѣ, въ которомъ князь ее видѣлъ при первой встрѣчѣ. Ктѣ выбралъ этотъ костюмъ? Сама Параша. А для чего?..... Не знаю.

Холстъ готовъ; кисти, краски разложены; художникъ, съ карандашомъ въ рукѣ, стоитъ и смотритъ на лицо милой дѣвухи. Она блѣдна, трепещетъ: будто жизнь готова оставить ее.

Художникъ чѣмъ-то недоволенъ: онъ ищетъ чего-то глазами, смотритъ вокругъ.

— Вамъ что-нибудь нужно, князь? спрашиваетъ внимательная Таисія Васильевна.

— Да.... нѣтъ.... Мнѣ право совѣстно, любезная Таисія Васильевна; но вотъ видите ли? Эта бѣлая пелеринка совѣмъ закрыла плечи Прасковьи Павловны. Надо бы что-нибудь по-легче.... маленькую косыпочку.... Сдѣлайте одолженіе!

— Спросите у Танюши, любезная Таисія Васильевна, прибавила дѣвуха, и Таисія Васильевна побѣжала.

Молодые люди остались одни. Князь разсматриваетъ свою работу. На блѣдныхъ щекахъ его играетъ непривычный румянецъ. Онъ положилъ карандашъ.

— Эта поза мнѣ не совѣмъ нравится, сказалъ онъ: тутъ нѣтъ свободы, непринужденности, которыхъ бы я хотѣлъ.

Параша встала и съ безпокойствомъ смотрѣла на артиста. Онъ отошелъ отъ станка, еще разъ окинулъ глазами свою работу, потомъ подошелъ, бросилъ въ уголъ раму съ натянутымъ полотномъ, и, схвативъ за руку смущенную дѣвушку, подвелъ ее къ другому мольберту, на которомъ стояла начатая картина.

— Вотъ это хотѣлось бы мнѣ окончить, сказалъ онъ.

Параша взглянула : передъ нею была фигура молодой дѣвушки съ каштановыми локонами; на одной рукѣ ея виситъ соломенная шляпка, другою она придерживаетъ кончикъ передника, изъ котораго сыплотся ландыши; яркой румянецъ на щекахъ, полу-открытыя губы.... Нельзя было ошибиться въ намѣреніи артиста.

Въ эту минуту, запыхавшись, вошла Таисія Васильевна.

Между-тѣмъ Танюша, оставшись одна, идетъ въ садъ. Тоска томитъ ея душу. Не сбылись ея надежды, мечтанія.... Конечно, это еще не большое несчастье : мечты и надежды Танюши давно ужъ какъ легкій дымъ, исчезающій въ голубомъ пространствѣ. Но Параша страдаетъ, Параша несчастлива : вотъ чтò важно! Чтò теперь ей дѣлать съ Парашею? какъ ей утѣшить свою любимицу? Нѣтъ сомнѣнія, что князь ее вовсе не любитъ. Татьяна Алексѣевна, по неопытности, приняла за любовь простое любопытство, съ которымъ онъ смотрѣлъ на деревенскую дѣвушку, и сама способствовала несчастью Парашы, сама развила въ ней первую искру любви.... О, Боже мой ! сердце Танюши обливалось кровью, голова горѣла какъ въ огнѣ.

Въ тотъ же день, вечеромъ, Танюша съ подругой сидѣла у окна въ своей комнатѣ. Лѣтній воздухъ казался ей душнымъ ; садъ какъ-будто одѣлся траурными покровами. Она глядѣла тò на звездное небо, и ей чудилось, будто звезды не дружелюбно прячутся отъ нея, тò на Парашу, и ей было жаль бѣдной дѣвушки. Лю-

бужась на ея свѣжестъ и красоту, Танюша чувствовала невольное замираніе сердца, какъ-бы видѣла грозу надъ головою своей любимицы.

Параша играла локонами Татьяны, завивала ихъ на свои стройные пальчики; но глаза ея избѣгали встречи съ глазами подруги, а щеки пылали такъ, что и ночь не скрывала ихъ пламени.

— Нельзя всему вѣрить, Параша, сказала Татьяна Алексѣевна. Если бъ ты знала, какіе есть злые люди!

— Танюша! да вѣдь онъ-то не злой.

— А какъ это знать?... Ахъ, Параша! сердце мое что-то такъ ноетъ! Покойница матушка говаривала, бывало, что это часто бываетъ тогда, когда ангель-хранитель предостерегаетъ насъ отъ какого-нибудь зла.

— Такъ развѣ ты не вѣришь, что онъ меня любитъ?

— Какъ можно въ этомъ увѣриться?

— А портретъ-то? Зачѣмъ бы онъ написалъ его безъ меня? да и какъ бы онъ могъ упомнить мое лицо, если бы былъ ко мнѣ равнодушень?

Танюша задумалась. Въ самомъ дѣлѣ, это могло служить доказательствомъ сильной любви. Однако же она прибавила:

— А какъ это для обмана, Параша?... Ты не знаешь каковъ свѣтъ.

— Ахъ, Танюша! обманывать.... похожъ ли онъ на это?

— Однако жь.... Подумай сама: прежде онъ былъ къ тебѣ неженъ, ласковъ, совершенно какъ-будто влюбленъ; вдругъ перемѣнился, сталъ холодень: отчего это?....

— А самъ писалъ мой портретъ!

— Стало-быть, только притворялся холоднымъ, обманывалъ.... Но въ истинной любви для чего обманывать?

— Да это.... Танюша! я думаю, онъ хотѣлъ обма-

нута только грѣшню. Безъ того, можетъ-быть, она и не позволила бы писать портретъ.

Параша торжествовала, сдѣлавъ такое остроумное предположеніе; но прямая душа Татьяны Алексѣевны не могла ему вѣрить, хотя опровергнуть и не умѣла.

— Воѣ-таки это обманъ, Параша, а я не люблю обмановъ, продолжала она: это меня безнокоитъ.

— Танюшка, душенька!.... если бъ я умѣла, я сама обманула бы тетушку.... Изъ любви вѣдь это не грѣхъ.

— Богъ-знаетъ, Параша.... Но пойдѣмъ спать; поговоримъ завтра. Миѣ что-то не хорошо.

— Ты моя добрая, ты моя милая, ты моя душечка, Танечка! говорила Параша, повиснувъ ей на шею. Маленьку звали Татьяной, и тебя: всѣ Танечки добрыя!

— А князя?

— О! ангелы!

И она такъ крѣпко сжала Танюшу въ своихъ объятіяхъ, что та чуть не закричала.

На другой день Татьяна Алексѣевна не могла встать съ постели: сильный жаръ и головная боль грозили горячкой. Послали за докторомъ: онъ нашель признакъ оспы.

Между-тѣмъ портретъ шелъ своимъ чередомъ.

Впродолженіи долгой болѣзни своей подруги, Параша всегда, стоя на колынахъ у ея постели, молилась и горько плакала.

— Хоть разокъ взгляни на меня, Танюша! хоть одну минутку поговори со мною!.... Милый другъ! теперь ли тебѣ оставлять меня?

Но Танюша была безъ памяти.

Вотъ что разсказывала Татьяна Алексѣевна, въ долгой ночной бесѣдѣ съ княгиней. Молодая дама слушала ее съ глубокимъ участіемъ. Она вспоминала бывшее, вспоминала давно-прошедшее, и думала о себѣ, о мужѣ, о братѣ, объ этомъ миломъ и добромъ братѣ, который такъ внезапно исчезъ, когда она готовилась заключить союзъ, полагавшій основу счастію или несчастію всей ея жизни. Онъ теперь былъ далеко отъ своей нѣжной сестры, далеко отъ всѣхъ дорогихъ его сердцу, далеко отъ родины, тамъ, гдѣ волны морскія вѣчно плещутъ на цвѣтушіе берега, и зеленыя маслины шумятъ своими кудрявыми вершинами. Пойдемте и мы туда же, читатель: только возьмемъ время не настоящей минуты, а нѣсколькими годами назадъ.

— Ещё успѣете, графиня! говорилъ молодой человѣкъ, сидя съ прекрасной женщиной на берегу моря: цѣлый вечеръ вашимъ занятіямъ, вашей Лидіи.... Хоть одинъ часъ еще подарите мнѣ! Только здѣсь и можно говорить съ вами свободно. Ну, хоть пол-часа: неужели и это много?

— И много, и мало, отвѣчала красавица: въ свѣтѣ все относительно. Спросите, что скажутъ тамъ, въ вашихъ гостиныхъ, хоть бы у вашей знакомой, Личадзевой, напримѣръ.

— Что скажутъ! Да что же сказать? Мы съ вами соотечественники; всякой знаетъ, какъ много я вамъ обязанъ: слѣдственно, не будетъ ничего страннаго, если вы сдѣлаете для меня какое-нибудь исключеніе изъ общаго правила.

— Ахъ! вы не искренны, Александръ Сергѣевичъ.

И милое личико дамы отуманилось какъ роза, у которой облако похитило ласкавшій ее лучъ солнца.

— Конечно, продолжала она: мнѣ до людей мало нужды: я живу здѣсь отшельницей, всѣмъ чужая, перелетная птичка; меня нисколько не беспокоитъ, что прокричатъ мнѣ вслѣдъ, и я не захочу связать себя

изъ пустаго приличія. Но.... есть другое, Александръ Сергѣевичъ.

— Чтò жь это другое? Вы смотрите на меня такъ значительно!.... но, признаюсь, я не умѣю понять вашего взгляду.

— А вотъ видите, Александръ Сергѣевичъ. Всѣ вы, сколько васъ ни есть, какъ бы любезны, добры, снисходительны вы ни были, всѣ вы, мужчины, встрѣтятся съ незнакомой вамъ женщиной, скорѣе готовы заключить о ней дурное нежели хорошее. Вы испытываете ее, и если она весела; если позволяетъ себѣ хотя нѣсколько свободы въ обращеніи, особенно если оказываетъ вамъ маленькое предпочтеніе, вы.... какъ-тутъ съ вашимъ, скажу, обиднымъ обожаніемъ, и если она тотчасъ же не выставитъ вамъ когтей какъ кошка, тогда.... бѣда ей! она должна бѣжать и лишитъ себя вашего пріятнаго общества.

— И вы мнѣ это говорите, графиня, мнѣ!

— Но почему жь и не вамъ? Вы — мужчина, а мужчины всѣ такъ самолюбивы! Сказать ли вамъ? Я всегда думала, что этикетъ, приличія, церемоніи, все это необходимо для насъ точно такъ же, какъ фижмы и мушки для нашихъ бабушекъ, которыя безъ нихъ не могли обойтись даже и на портретъ. Но я также думаю что есть люди, съ которыми фижмы и мушки не нужны; люди, которые понимаютъ, какъ женщина можетъ иногда сбросить нѣкоторыя условныя приличія, и однако жь внушить доброе о себѣ мнѣніе. Я васъ почла такимъ человѣкомъ, Александръ Сергѣевичъ.

Графиня замолчала, но черные глаза ея договорили: «Если же я ошиблась, то покажу вамъ при случаѣ, что и у меня есть кошечьи когти, или оставлю васъ.... и мнѣ будетъ васъ жаль.» По-крайней-мѣрѣ такъ понялъ Александръ Сергѣевичъ, а впрочемъ, — ктò знаетъ? — можетъ-быть, послѣднее выдуманно и его самолюбіемъ.

Какъ бы то ни было, тутъ случилось одно очень

странное обстоятельство. Графиня сидѣла на камнѣ, вросшемъ до половины въ землю; Александръ Сергѣевичъ возлѣ нея на другомъ, немножко по-ниже. Ему стоило сдѣлать одно движеніе, чтобъ колено его соскользнуло къ ногамъ графини. И что же!... Въ противность всѣмъ принятымъ нынче правиламъ, къ ужасу всѣхъ фешёнеблей, всѣхъ львовъ, Александръ Сергѣевичъ, совершенно по-старинѣ, вдругъ упалъ передъ графинею на колѣни, схватилъ ея руку, наклонилъ голову, и черныя кудри его разсыпались по ея бѣлому платью.

Но здѣсь мы гораздо лучше сдѣлаемъ, ежели, вмѣсто разсказу, обратимся къ подлиннымъ письмамъ дѣйствующихъ лицъ этой исторіи.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Графиня къ Татьянѣ Алексѣевнѣ.

Няцца, 19... ..

Какъ долго идутъ твои письма, Танюша!... Двѣ недѣли!... Да знаешь ли, что это цѣлая вѣчность?... Конечно, и двѣ недѣли кажутся за два часа, когда жизнь наша — утомительный звукъ одной и той же ноты, повторяемой до безконечности. Но когда мы въ одну минуту испытываемъ тысячу чувствованій, полныхъ какъ жизнь : что тогда двѣ недѣли!...

Ахъ, Таня!... Когда мнѣ сказали, что въ одной со мною гостинницѣ, возлѣ моей комнаты, умираетъ Русской, я пошла къ нему только изъ состраданія. Въ самомъ дѣлѣ, представь себѣ, каково умирать на чужой сторонѣ, безъ утѣшеній родной религіи, умирать одному, не слыша роднаго привѣта, не встрѣчая дружескаго взора, и самыми обыкновенными пожеланіями быть обязаннымъ чело-
вѣкълюбію или корысти!... Это ужасно, Таня! Надо

жить на чужбинѣ или видѣть бѣднаго чужеземца умирающаго на постояломъ дворѣ, какъ умиралъ Александръ, чтобъ понять мучительность подобнаго положенія. А у него есть мать, есть сестра, которыхъ онъ любитъ со всею горячностью. Онъ ихъ призывалъ и въ бреду горячки..... О! если бѣ ты знала, что я чувствовала, когда ночью, посреди безмолвія, насъ окружавшаго, при блѣдномъ свѣтѣ лампы, онъ поднималъ съ подушекъ свою горящую голову, и, облокотясь на край постели, быстро смотрѣлъ на меня своими черными глазами и улыбался, потомъ хваталъ мои руки, цѣловалъ ихъ, называлъ меня своей Ларисой, своей милой сестрой, и умолялъ извлечь его изъ этого ада, перенести туда, на террасу, гдѣ онъ любилъ читать съ нею по-утрамъ возлѣ матери!.... Какъ много любви въ этомъ сердцѣ, котораго сокровища онъ открывалъ мнѣ безъ своего вѣдома!..... Ахъ Таня! Ктѣ любитъ сохранять память своихъ дѣтскихъ лѣтъ, у того непременно доброе сердце. Хорошій семьянинъ не можетъ быть дурнымъ человѣкомъ. Я полюбила Александра за любовь его къ роднымъ, и сердце мое не ошиблось. Ты сама полюбила бы его.

А въ эту ночь, когда я думала, что онъ отходитъ!... Боже мой! онъ былъ блѣденъ какъ полотно. Сестра милосердія читала на колыняхъ отходныя молитвы. Я держала руку его и не смѣла плакать: она холодила въ моей рукѣ, и мнѣ казалось, что съ нею вмѣстѣ холодеетъ и сердце мое. Если бѣ въ эту минуту можно было искупить его жизнь перенесеніемъ вновь страданій, испытанныхъ мной въ своей жизни, я согласилась бы. Мнѣ было до-смерти жаль Александра, жаль его матери: вѣдь она любила его такъ же, какъ меня любила покойная маменька или какъ я люблю свою Лидію. Понимаешь ли ты, мой другъ, что тотъ намъ становится дорогъ, за кого мы много страдали? Въ эту минуту душа моя усвоила себѣ Александра. Онъ сдѣлалъ

ся моимъ. Я молилась за него, и когда, послѣ долгой борьбы съ страданіями, легкой цвѣтъ жизни вдругъ смѣнилъ гробовую блѣдность его лица, когда онъ вздохнулъ и открылъ глаза, слабыя, но уже не блиставшія огнемъ горячки, тогда первое чувство мое было радость, второе — благодарность Творцу. Съ той минуты жизнь Александра стала моею. Я не умѣю отдѣлать его отъ себя. Пусть говорятъ что хотятъ наши умники, а между душами есть тайная связь, которой ни одинъ изъ нихъ объяснить не можетъ. Если теперь судьба и разлучитъ меня съ Александромъ, онъ никогда не будетъ мнѣ чужимъ: онъ дитя души моей.

Наконецъ онъ сталъ поправляться. Суди, какъ пріятно мнѣ было постепенное возвращеніе его къ жизни. Я смотрѣла за нимъ какъ мать, и какъ мать переносила капризы нетерпѣливаго больнаго. Онъ очень сучалъ, но... если бъ ты видѣла, какъ лицо его оживлялось, когда я входила въ комнату! Онъ становился совсемъ другой. Иногда я бранила его, и онъ слушалъ меня терпѣливо, покорно, какъ доброе дитя.... Ахъ Таня! какъ весело увѣрить себя, что мы необходимы! Мы вдвое любимъ жизнь, когда думаемъ, что она можетъ быть полезною для кого-нибудь. Скажи пожалуй, что это самолюбіе; но у мужчинъ есть слава, есть почести, есть власть: у насъ, женщинъ, отняты всѣ способы имѣть значеніе въ свѣтъ, и чтобъ увѣриться, что мы не ничто, намъ надобно видѣть кого-нибудь счастливымъ нами и черезъ насъ. И чѣмъ болѣе такихъ счастливыхъ, тѣмъ болѣе мы себя уважаемъ. Пусть это слабость, но кто жъ отъ нея страдаетъ.

Когда докторъ сказалъ, что, для окончательнаго выздоровленія моего больнаго, ему нуженъ чистый воздухъ, по-дальше отъ мѣря... ахъ, Таня! какіе это были прекрасные дни! Я наняла домикъ, въ которомъ живу и теперь. Онъ на генуэзской дорогѣ, чистенькой, свѣтленькой, на юго-западъ окнами. Передъ глазами зеле-

ная долина Ниццы, съ ея веселыми холмами, тѣнистыми садами и сельскими домиками; влѣво городъ, и за нимъ море, а вправо горизонтъ теряется въ излучинахъ горъ, покрытыхъ голубымъ туманомъ. Виноградъ вьется подъ моими окнами; въ садикъ есть все, чѣмъ наполняли мы нашу пустыньку, въ тѣ дни, когда мечтали о хижинѣ.... Ахъ! зачѣмъ это воспоминаніе прервало нить моихъ свѣтлыхъ картинъ!... Таня! моя милая Таня! чѣмъ-то откликнется прошедшее въ будущемъ, которое меня ожидаетъ? Прошедшее, говорятъ, ничто. Да, оно прошло, пролетѣло: и слѣдовъ отъ него не осталось; кануло въ бездну невѣдомую. Но оно не ничто, Таня. Эти призраки грядущаго, они отблескъ меркнувшихъ картинъ прошедшаго. Часто исчезаютъ они какъ туманъ, но чаще растутъ, облекаются жизнью и идутъ намъ навстрѣчу.... Нѣтъ! прошедшее не ничто. Оно ядро, изъ котораго развивается жизнь.

Прости, Таня! Не могу болѣе писать. Пойду подъ мои оливы: авось-либо ихъ гибкія вѣтви сметутъ съ сердца горестныя воспоминанія.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Цминскій къ графинѣ.

Такъ ваше жестокое желаніе исполнилось: я изгнанъ изъ вашего эдема; живу не подъ одною кровлею съ вами, и только изъ оконъ своихъ могу вдали различить бѣлый домикъ, увѣнчанный зеленью, гдѣ протекли можетъ-быть лучшіе дни моей жизни. Вчера вы сказали мнѣ съ необыкновеннымъ, вамъ однимъ свойственнымъ, выраженіемъ: «Что жѣ между нами перемѣнилось? Мы живемъ не подъ одной кровлей; но вы будете у меня по-прежнему каждый день: не правда ли?...» Что перемѣнилось!.... Какъ что перемѣнилось? Все.

Одно слово ваше, этот намёкъ о необходимости оставить вашъ домъ, разбудилъ счастливца, который спалъ сномъ блаженныхъ. Въ моемъ полу-дѣйствительномъ существованіи выздоравливающаго, я жилъ у васъ какъ въ раю; безъ заботы, безъ горя. Красоты здѣшней благословенной природы, наши уединенныя прогулки, чтеніе, музыка, спокойствіе, тихое веселье, и посреди этого очарованнаго міра, вы... вы, которая столько же не похожа на другихъ женщинъ, сколько мирные дни наши были непохожи на то, что мы привыкли называть жизнью.... все это было для меня какой-то мечтой, какимъ-то поэтическимъ сновидѣніемъ, и часто, когда вы, желая разсѣять полу-больнаго, читали мнѣ книгу, я, слушая вашъ гармоническій голосъ, думалъ про-себя, какое жѣ еще блаженство можетъ ожидать человѣка, если ему дано испытывать такое счастье въ этомъ мірѣ?.... Ахъ, графиня! вы были для меня все. Не женщину, но мое проридѣніе, мою вѣру въ доброе, моего генія-хранителя, мою сестру любилъ я въ васъ.... Но силы мои возвратились, я выздоравливалъ, и приличіе заставило меня удалиться.

Это имѣло послѣдствія. Удалясь отъ васъ, графиня, я мало-по-малу нашелъ опять самого себя, съ своими страстями, съ своими слабостями. По мѣрѣ удаленія моего отъ свѣтила, во мнѣ слабѣла сила лучей его: я опять узналъ прежнее душевное безпокойство; во мнѣ опять кипѣть страсти, опять меня томить желаніе неизвѣстнаго наслажденія, и вы сами, графиня, вы сами теперь для меня ужъ не то, что были. Мой чистый геній облекся въ земныя формы: я вижу въ васъ староватѣльнѣйшее, прелестнѣйшее созданіе, но—женщину, и напрасно ищу возлѣ васъ прежней типины. Вчера вечеромъ, наприутрѣ, когда, изъ всѣхъ тулявшихъ на террасѣ, остались только вы да я, знаете ли, что я чувствовалъ, сидя возлѣ васъ?.... Нѣтъ! вы не могли знать этого. Вы невинно восхищались легкимъ туманомъ

номъ , сливавшимъ море съ небесной твердью ; вы съ дѣтской радостью смотрѣли назолотую струю лунныхъ лучей , которая тянулась за лодкой , и прислушивались къ отдаленной пѣсни рыбака , къ шуму волны , плещущей на берегъ ; а я.... я не видѣлъ ни моря , ни луны , ни туману , не слушалъ ни пѣсни рыбака , ни ропоту волнъ : я видѣлъ васъ одну , чувствовалъ только ваше присутствіе : глаза мои впились въ ваши черты , и сердце билось , и замирало.... Мнѣ хотѣлось сжать васъ въ своихъ объятіяхъ , сказать : «Будь моею!» и увлечь васъ на край свѣта , въ глубь долинъ неизвѣстныхъ человѣку въ степи , въ дебри , чтобъ одному властвовать надъ сердцемъ вашимъ , чтобъ замѣнить вамъ собою весь свѣтъ , всѣхъ друзей , чтобъ самая прелесть природы не нашла сочувствія въ сердцѣ вашемъ , чтобъ оно принадлежало исключительно мнѣ ,.... мнѣ одному!... Простите , графиня : я безумствую ; я люблю васъ любовью , можетъ-быть васъ недостойною , люблю такъ , какъ не должно бы васъ любить . Но.... что дѣлать ! я не умѣю любить иначе ; я не умѣю питать той тихой привязанности , которая согреваетъ жизнь другихъ людей .

Вы предлагаете мнѣ свою дружбу.... Ахъ , графиня ! дружба женщины драгоцѣнный даръ , но я не могу принять его отъ васъ..... нѣтъ ! Богъ видитъ , не могу ! И если вы желаете одной дружбы , то оставьте меня , графиня , не зовите меня въ этотъ волшебный домикъ , въ которомъ и самый воздухъ для меня упоителенъ.... Да ! я боюсь : вы мнѣ страшны , вы опасны мнѣ съ вашей безпечностью , съ вашимъ доверіемъ . Я часто спрашиваю у самого себя : что это ? простодушіе или коварство ? ангелъ ли вы , или злой демонъ , нарушитель моего спокойствія ?

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

Графиня къ Татьянѣ Алексѣевнѣ.

Сегодня я не стану много писать къ тебѣ : сердце болить, и будущее кажется такъ темно, такъ темно! Посылаю тебѣ послѣднее письмо Александра. Прочитай его, и суди, что должна была чувствовать твоя Параша.

Клянусь Богомъ, я не хотѣла любви Александра : нѣтъ! счастье не для меня; я давно отказалась отъ него. Но теперь... теперь я желала бы вдохнуть въ него душу мою, душу женщины, чтобы онъ могъ любить меня такъ, какъ я понимаю любовь. Совершенная любовь не страшится ничего : мнѣніе свѣта, клевета, несчастіе, ни что ея не ужасаетъ. Александръ, оставленный всѣми, осуждаемый цѣлымъ свѣтомъ, все также былъ бы мнѣ дорогъ : любовь моя нашла бы слова прощенія, и слезы мои искупили бы вину его.... Но что я говорю? кто могъ бы увѣрить меня, что Александръ виновенъ? Обстоятельства, люди, вся природа виновна его виною, а не онъ! Онъ нашелъ бы оправданіе свое въ сердцѣ моемъ, если бъ самъ въ себѣ усомнился. А онъ!.... онъ страшится, что люди стануть осуждать меня; онъ ищетъ своей Полины не въ сердцѣ моемъ, а въ людскомъ мнѣніи. Посмотри письмо его, гдѣ онъ говоритъ о вечерѣ, на которомъ мы были вмѣстѣ. Незнаю, по какому случаю меня замѣтили на этомъ вечерѣ, окружили, заставили говорить. Я оживилась : прежняя Параша твоя пробудилась съ своей глупой веселостью. Цминскій былъ подлѣ меня, и, говоря съ другими, я говорила для него. Вдругъ онъ скрылся, и я напрасно искала его глазами. Наконецъ вижу : онъ стоитъ у двери, отворенной на балконъ, скрестя руки, блѣденъ. Сжатые губы его выражали негодованіе; глаза, устремленные на меня, казалось, хотѣли

проникнуть до глубины моего сердца. Я забыла все, и общество, и странность моего поступка, бросилась къ Александру. «Что съ вами? не больны ли вы?»... Но холодный отвѣтъ сжалъ мнѣ душу. «Помилюйте, графиня! я восхищаюсь вашими успѣхами, я очень веселъ.» И это *веселье* было сказано съ такой улыбкой, что мнѣ и теперь еще холодно. На другое утро я получила отъ него письмо, которое посылаю тебѣ. Посмотри: любовь ли говоритъ въ письмѣ его? Онъ разсерженъ; самолюбіе его оскорблено мыслію, что женщина, избранная имъ, можетъ подвергнуться осужденію свѣта; что она можетъ желать нравиться другимъ; что люди это замѣтятъ. Но, можетъ-быть, я ошибаюсь.... О! скажи мнѣ, что я не справедлива, что все это обманъ моего напуганнаго воображенія.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

Цминскій къ графинѣ.

Не знаю, графиня, какъ, въ чаду веселья и похвалъ, окружавшихъ васъ, вы могли замѣтить на лицѣ моемъ выраженіе скуки. Право, вы слишкомъ добры, и я никакъ не думалъ, что могъ обратить на себя ваше вниманіе.

Вамъ угодно было, чтобъ я пріѣхалъ къ вамъ. Не могу, графиня, не могу быть у васъ ни сегодня ни завтра, и надѣюсь, вы вѣрите, что одна только невозможность меня удерживаетъ.

Но вы приказываете отвѣчать на вашъ, еще вчера оставшійся безъ отвѣта, вопросъ. Я былъ скученъ, говорите вы, мраченъ.... Это оттого что я не люблю большихъ собраний, графиня, не люблю большого общества. Этикеты, церемонія, вѣчная мишура и вѣчное приличіе, мнѣ тягостны, скучны; а я знаю, что, являясь

въ обществѣ, нельзя ненаказанно пренебрегать ими. Пусть свѣтъ осуждаетъ меня тамъ, гдѣ я не могу предупредить или отвратить его осужденія; но добровольно я ненакличу его суда: нѣтъ! я не дамъ людямъ случая показать свое право судить меня.

Теперь позвольте мнѣ васъ спросить, для чего вамъ угодно было, чтобъ я былъ на этомъ вечерѣ?... Чтобъ быть свидѣтелемъ вашихъ успѣховъ, или чтобъ подивиться вамъ въ сферѣ, въ которой я еще не видѣлъ васъ?... Но я былъ совершенно увѣренъ въ возможности этихъ успѣховъ, въ *неизбѣжности* ихъ; я зналъ, что, показавшись въ свѣтъ, вы должны привлечь на себя общее вниманіе, и толпа, окружавшая васъ вчера, нисколько не удивила меня. Съ вашею красотою, съ вашею любезностью, съ этой очаровательной живостью, съ которою вы противъ воли увлекаете душу каждаго, вы не могли не понравиться. Но что изумило меня, графиня, такъ это удовольствіе, которое вы, кажется, находили въ своихъ успѣхахъ. Они могутъ радовать женщину, къ нимъ непривыкшую, а не васъ. Я видалъ еще женщинъ, которыя только тогда и оживляются, когда иміамъ лести щекочетъ ихъ нервы; но это потому, что ласкательство, жизнь тщеславія, — единственная ихъ жизнь. А вы, графиня?... Давно ли? нѣсколько дней тому назадъ, я видѣлъ слезу восторга на вашей рѣсницѣ, когда, сидя на мшистомъ камнѣ, тамъ, на берегу моря, вы терялись въ созерцаніи великолѣпной картины, бывшей передъ глазами вашими; нѣсколько дней тому назадъ, я нашелъ васъ на каменной скамьѣ, возлѣ хижины поселянина: вы раздѣляли убогій завтракъ его семьи, любовались рѣзвостью дѣтей его, игравшихъ съ вашей Лидіей; вы оставили этихъ бѣдняковъ довольнѣе и богаче, нежели какъ они были до вашего посѣщенія, и я видѣлъ кроткую радость благодетельности на прекрасномъ лицѣ вашемъ. А вчера!... Могъ ли я думать, чтобъ душа, открытая чув-

ству изящнаго въ красотахъ природы и простотѣ сельской картины, знакома съ святымъ наслажденіемъ добра, чтобъ подобная душа была доступна омрачителю чадѣ тщеславія?... Не вамъ, графиня, не вамъ! Оставьте эту жалкую пищу бѣднымъ тварямъ, которымъ суждено вѣчно пресмыкаться въ невѣдѣніи другой, возвышеннѣйшей жизни; оставьте ее жалкимъ слѣпцамъ, которые богатѣй удѣлъ чловѣка, роскошную трапезу, данную ему природою, замѣнили скудными крохами, собираемыми ихъ мелочнымъ самолюбіемъ въ блестящей пыли свѣтской суетности, или тѣмъ презрѣннымъ безумцамъ, которые, истративъ жизнь свою на низкія страсти, доживаютъ послѣдній остатокъ ея за зеленымъ сукномъ, чтобъ, въ волненіи игры, вспомнить, что они еще живы.

Ваше ли это назначеніе, графиня? Вы способны понимать, чувствовать все прекрасное, все высокое. Если бѣ въ письмѣ не смѣшно было говорить языкомъ поэтовъ, я сказалъ бы, что струны вашего сердца настроены въ созвучіи съ струнами тѣхъ арфъ, изъ которыхъ серафимы извлекаютъ свои божественныя пѣсни. Прислушайтесь же къ нимъ, графиня: онѣ прозвучатъ вамъ тайну высокую, и вамъ достойно итти по этой дорогѣ.

А вы, вмѣсто того, будете искать нравиться!... Но знаете ли, что нравиться значитъ выходить изъ тихой безвѣстности, счастливаго удѣла женщины, значитъ добровольно привлекать на себя вниманіе свѣта, и добровольно подвергаться суду его? Вамъ ли это, графиня?... Свѣту ли васъ судить?... О! я понимаю, для чего древніе удаляли женщину отъ всѣхъ взоровъ. Подруга жизни нашей, хранитель нашего счастья, которому мы вѣруемъ все, что остается намъ отъ общественной жизни, который въ рукахъ своихъ держитъ нить нашего домашняго спокойствія, который, какъ добрый геній, врачуетъ скорби гражданина и усыпляетъ мелодическими звуками своего голоса страсти, кипящія въ серд-

цв его; это существо должно быть святилищемъ, предъ которымъ безмолвствуетъ языкъ дерзновеннаго. Взоръ любопытства есть уже оскорбленіе для благородной, добродетельной женщины. Самая похвала не достойна ея. Одинъ тотъ, чье счастье она приняла на свое попеченіе въ ту минуту, когда передъ служителемъ Бога произнесла роковое *да*, одинъ тотъ имѣетъ право созерцать сокровища души ея и обожать въ ней своего благодатнаго генія. Вотъ какъ я понимаю женщину, которую хотѣлъ бы назвать моею; вотъ мой идеаль. Въ васъ, графиня, я нашелъ его; но мой идеаль чуждъ тщеславія; онъ выше похвалы и порицанія; еиміамъ людскаго ласкательства не можетъ вознестись до него.... Графиня! похвалы, которыми вчера окружали васъ, казались мнѣ оскорбленіемъ; мнѣ казалось, что люди, удивляясь вамъ, похищаютъ мое право, а вы, внимаямъ, безжалостно разбиваете мой кумиръ.... О! простите: я ошибался. Нѣтъ, вамъ не свойственно грубое тщеславіе. Я не понялъ васъ: это было что-нибудь другое. Но, умоляю васъ, пощадите бѣдное сердце вашего друга, не забавляйтесь игрою, которая чужда душѣ вашей. Начто вамъ свѣтъ? начто вамъ его похвалы? Всякое притязаніе на отличіе показываетъ зависимость нашу отъ тѣхъ, передъ кѣмъ желаемъ мы отличиться. Мы ставимъ себя ниже ихъ и даемъ имъ право судить насъ. «Бѣдная женщина! похвалы свѣта замѣняютъ ей домашнее счастье.» Вотъ что говорятъ о женщинѣ, которая желаетъ чѣмъ бы то ни было привлечь къ себѣ взоры свѣта; ей, какъ милостыню, бросаютъ безусловное одобреніе. Пусть же ищетъ этой милостыни та, которая имѣетъ въ ней нужду. Но женщина, которая сама могла бы удѣлить другимъ своего богатства, которая однимъ взоромъ разликаетъ блаженство вокругъ себя.... такой ли женщинѣ вымаливать крохи, бросаемаы для нищихъ?... О, нѣтъ! въ вашемъ сердцѣ вы найдете богатства, которыя съ избыткомъ

замынять вамъ весь этотъ пустой дымъ, пишу бездушныхъ....

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

Графиня къ Татьянѣ Алексѣевнѣ.

Таня! прежде нежели стонъ печали коснется твоего слуху, выслушай лепетъ сердца, исполненнаго небесной радости. Счастье, Таня, это свѣтлый посланникъ небесъ. Его нѣтъ уже, а сердце еще трепещетъ святымъ восторгомъ его присутствія. Я видѣла этого небеснаго гостя. Выслушай же меня, добрый другъ мой, поживи моею радостью, какъ жила прежде моимъ горемъ и какъ, вѣроятно, опять будешь жить, потому что радость птичка залетная, а горе постоянный нашъ спутникъ.

Ты знаешь, что я должна была ѣхать. Не понимаю, что было со мною: сердце мое будто онѣмѣло; я шла навстрѣчу роковой минутѣ безъ трепета, и страшилась одного только, — свиданія съ Александромъ: я чувствовала, что одинъ взглядъ его отниметъ у меня всю твердость. Третьяго-дня, вечеромъ, когда все уже успокоилось, я осталась одна и долго, стоя подъ окномъ, смотрѣла на усыпленную природу. Было темно, было душно; нигдѣ никого. Вдругъ вижу: черная фигура выходитъ изъ сумрака, приближается, и стала противъ окна. Сердце мое узнало Александра. Онъ стоялъ, сложивъ руки и глядя пристально въ мою сторону. Я имѣла силы удержать восклицаніе, но не чувство: оно излилось въ источникъ слезъ.... Какъ! неужели я должна разстаться съ Александромъ? Но.... Боже мой! мнѣ ли его покинуть? съ нимъ ли проститься.... навѣкъ, навсегда?... Нѣтъ! сердце не умѣло перенести этой мысли. Я упала на колѣна, молилась: «Одну еще минуту, только одинъ день еще, милосердное Небо! и по-

томъ.... вся жизнь моя слезамъ и раскаянію!» Намъ-решеніе мое не перемѣнилось, Таня : я хотѣла оставить Александра, и оставляю; но мнѣ надобно было видѣть его еще разъ, еще разъ прочитатъ любовь въ глазахъ его, еще разъ подышать атмосферою любви. Неужли это преступленіе?... О, нѣтъ! не преступленіе и любовь моя, не преступленіе и надежда.... Боже мой! какое сказала я слово!... надежда!... Да, мой другъ, я должна открыть тебѣ всю свою душу : что ни говоритъ строгій разумъ, какіе страшные призраки ни изобрѣтаетъ воображеніе, надежда все шепчетъ свое *уповай*, и я слушаю ея обольстительный голосъ. Да, моя Таня, надежда была въ сердцѣ моемъ даже тогда, когда я рѣшалась на разлуку, не оставила его и теперь. И почему же мнѣ не надѣяться? почему счастье не возможно? Я смотрю на свѣтлое небо, на свѣжую зелень долинъ : и небо, и долины, и вся природа, говорятъ мнѣ о счастьѣ. Душа желаетъ, ищетъ его; она носитъ въ себѣ его образъ, неизгладимо начертанный. Кѣмъ? когда? какъ?... Не знаю. Душа жаждала счастья прежде чѣмъ знала, въ чемъ оно состоитъ. Можетъ-быть, эта идея открыта ей самимъ Небомъ какъ обѣтованіе, а Небо не даетъ обѣтованій напрасныхъ. Не смотри на меня съ своею задумчивою улыбкою : нѣтъ! не только тамъ, и здѣсь я могу быть счастлива.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ.

Графиня къ Татьянѣ Алексѣевнѣ.

Я рѣшилась, Таня : завтра вечеромъ меня здѣсь не будетъ. Сегодня я не видала Александра. Я не велѣла его принимать : мнѣ хотѣлось въ размысленіи и молитвѣ найти мужество оставить его. Долго, долго обдумывала я свое положеніе ; нѣтъ! счастье съ Алек-

сандромъ для меня не возможно. Прошедшее возстаетъ между нами. Обмануть его, скрыть.... нѣтъ! нѣтъ! Ты не можешь себя представить, какія муки онъ заставляетъ меня испытывать ежеминутно безусловнымъ своимъ обожаніемъ. Ты не знаешь, что значитъ слышать незаслуженныя похвалы отъ человѣка, котораго мы любимъ. Каждое слово тогда упрекъ, каждый взглядъ раздираетъ душу. Если бъ Александръ видѣлъ во мнѣ обыкновенную женщину, если бъ допускалъ во мнѣ слабости, свойственныя женщинѣ..... по нѣтъ! онъ видитъ во мнѣ какое-то особенное существо, непричастное земному, и только въ этомъ образѣ любитъ меня. Посуди же : возможна ли между нами довѣренность? какъ сказать, какъ однимъ словомъ самой разрушить свое блаженство? Часто, наслаждаясь близъ него тихимъ счастіемъ, смотря въ прекрасные глаза его, исполненные нѣжности, я думала уже быть близко къ цѣли : сердце мое отворилось надеждѣ; я готова была все высказать, я надѣялась, что любовь его станетъ выше обыкновенныхъ понятій; но онъ начиналъ говорить, и, какъ легкія тѣни, разлетались мечты мои. Вчера еще онъ обѣдалъ гдѣ-то съ знакомыми, и пришелъ ко мнѣ около семи часовъ. Онъ былъ скученъ. Я предложила ему ѣхать за пристань, на морской берегъ, туда, гдѣ гора крутымъ утесомъ выступаетъ въ море. Это мѣсто прекрасно, и Александръ особенно любитъ его. Мы съѣли у корня развѣсистой маслины. Лидія рвала цвѣты. Мы оба молчали. Скоро тишина природы, бальзамическія испаренія травъ, видъ свѣтлаго моря, мало-по-малу смягчили душу Александра : глаза его потеряли свое суровое выраженіе и съ кроткою задумчивостію смотрѣли на далекія горы, осыпанныя лучами вечерней зари. Я не говорила ни слова, и сердце мое покорно ждало, когда прояснится со-всѣмъ чело моего друга.

— Бываютъ и въ нашемъ отечествѣ прекрасные ве-

вчера, сказалъ онъ наконецъ. Я помню часы, проведенные мною въ совершенномъ уединеніи, въ деревнѣ; какъ онѣ были прекрасны! Природа вездѣ источникъ наслажденія.

— Да, для душъ чистыхъ, которыя умѣютъ ее понимать.

— Всѣ умѣли бы ее понимать, графиня, да разучиваются. Мелочныя страсти, смѣшныя притязанія на какія-то пустыя отличія: вотъ что связываетъ душу, такъ что она наконецъ теряетъ свою энергію. — Знаете ли, графиня, продолжалъ онъ, немного подумавъ: знаете ли, какъ я не люблю человека такимъ, какъ сдѣлало его общество? Въ немъ все обманъ.... Сегодня я слышалъ столько злословія! столько свѣтлыхъ ангеловъ лишились въ моихъ глазахъ своихъ лазуревыхъ крылышекъ! Я далекъ отъ того, чтобъ видѣть все въ розовомъ свѣтѣ, но больно же и разочаровываться на каждомъ шагѣ. По-крайней-мѣрѣ въ одномъ я не ошибся: въ васъ, графиня! Вы меня не обманываете.

И онъ подалъ мнѣ руку, смотря на меня такъ проинципательно, что мнѣ стало страшно. Сердце у меня билось.

— Ну, а ежели? сказала я, стараясь казаться веселою.

— Бога ради не шутите такъ, графиня! вскричалъ онъ. Отъ этой шутки болитъ сердце.

— Однако жъ вѣдь это очень дурно, что вы никакъ не хотите ужиться съ существенностью, сказала я. Вамъ все бы совершенство. Да гдѣ прикажите взять его? По-вашему, женщина, которую вы удостоите своимъ предпочтеніемъ, должна непременно быть какимъ-то эфирнымъ, безтѣннымъ существомъ. Вспомните, что мы всѣ люди и что совершенство дано намъ какъ цѣль, а не какъ удѣлъ.

— Безтѣннымъ: это не возможно. Я позволяю женщинамъ быть женщиной. Но грубое тщеславіе, за-

знать, коварство, или еще.... о! нѣтъ, нѣтъ! этого я и вообразить не могу!

— Бѣда съ вами! Ну, а если вы женитесь или полюбите, и вдругъ ваше свѣтлое божество....

— К чему это, графиня? Умоляю васъ, оставьте эти горькія шутки. Я знаю, что совершенство, какъ я его понимаю, возможно, и мнѣ не искать его : вы это знаете.

И онъ смотрѣлъ на меня съ выраженіемъ любви такой безпредѣльной, такой довѣрчивой! Можешь посудить, что чувствовала я. Видѣть подобную увѣренность въ человѣкъ, котораго любимъ, и увѣренность, такъ худо оправдываемую.... ахъ, Таня! это мученіе не выносимо. Сто-кратъ лучше упреки, разлука....

Во все остальное время прогулки, Александръ былъ особенно любезенъ. Сердце у меня обливалось кровью, и когда онъ побѣждалъ съ Лидіей за какимъ-то камешкомъ, я тихонько стала на колѣни и стала молиться. Видно, эта минутная молитва моя была искренна : я вдругъ почувствовала въ себѣ необыкновенную твердость. Когда Александръ воротился, я спокойно дала ему руку. Намѣреніе мое было принято : напишу ему все и навсегда оставляю его.

Мы пошли пѣшкомъ. Совсѣмъ смерклось. Ночь была тиха и тепла. Мы прошли всѣмъ Корсо. Еще гуляющіе толпились по аллеѣ; въ кофейныхъ домахъ мелькали люди; на перекресткахъ улицъ висѣли фонари, и хороводы дѣвушекъ и молодыхъ людей плясали при свѣтѣ ихъ подъ веселые напѣвы полуденныхъ мелодій. Я опиралась на руку Александра : мнѣ было такъ хорошо! Я думала : эта чудная ночь, это тихое счастье—впослѣдніе; и мысль эта, позволяя мнѣ безъ упреку предаться любви своей, придавала необыкновенную прелесть моимъ чувствамъ.... Завтра всему конецъ!

Но я была счастлива, счастлива цѣлый день. День.... мгновеніе.... А что же? И вся вѣчность блаженства

также одно мгновение : то не имѣетъ продолженія, что не имѣетъ конца. Однако жъ позволю мнѣ разсказывать все, по порядку, какъ было. Разсказывать, это переживать.

Ты знаешь, что вчера былъ день моего рожденія. Александръ прїѣхалъ ко мнѣ рано утромъ. Я хотѣла провести этотъ день на одномъ уединенномъ холмѣ, гдѣ во времена Римлянъ стояла Ницца. Тамъ видны еще, между померанцовыми и масличными садами, остатки укрѣпленій, амфитеатра, бань, древняго храма. Теперь это мѣсто представляетъ прелестнѣйшую прогулку. Подъ тѣнью темныхъ маслинъ разсыяны сельскіе домики; высокія, каменные ограды по обѣимъ сторонамъ дороги, ведущей на вершину, частыми разрывами открываютъ взору прекраснѣйшіе виды; на вершинѣ капуцинскій монастырь, ниже двѣ три часовни. Тишина и безмолвіе — отличительная черта этого очаровательнаго мѣстечка. Изрѣдка мелькнетъ крестьянка въ своей остроконечной соломенной шляпкѣ или богомолецъ съ странническимъ посохомъ. Мы оставили свою коляску у подошвы холма, а сами пустились пѣшкомъ. Какія-то смуглыя дѣти завали насъ въ садъ. Мы пошли по дорожкѣ, обсаженной розовыми кустами, между которыми валялись обломки мраморныхъ карнизовъ и капителей. Хорошенькая дѣвочка, съ черными глазками и розовыми щечками, подала Александру букетъ померанцовыхъ цвѣтовъ. Это было противъ одной бѣдной хижины, прислоненной къ каменной стѣнѣ, которая служила нѣкогда преддверіемъ храму. На порогъ сидѣла женщина, и кормила ребенка грудью : на лицѣ ея изображалось тихое счастье материнской любви; другія дѣти играли на маленькомъ дворѣ. Эта картина меня растрогала. Я взглянула на Александра, онъ на меня : глаза наши встрѣтились; кажется, одна мысль занимала насъ. Александръ еще держалъ въ рукѣ померанцовые цвѣты; онъ взялъ

одинъ цвѣтокъ, приколотъ мнѣ на голову, и крѣпко, крѣпко сжалъ руку мою.... О, Тая! блаженство любви пролилось въ душу мою: все казалось мнѣ счастливымъ предзнаменованіемъ, и Александръ раздвѣлялъ мои надежды.... Пошли мнѣ Провидѣніе что будетъ угодно волѣ Его, но я никогда не забуду этой минуты!

Мы пошли дальше. На самой вершинѣ холма, передъ монастырской церковью, на небольшой площадкѣ, осѣненной деревьями, намъ приготовили завтракъ. Пока Александръ хозяйничалъ, я вошла въ церковь. Мнѣ было непременно надобно помолиться: молитва есть языкъ сердца, переполненного чувствами.

На ступеняхъ алтаря двѣ хорошенькія дѣвочки вязали букеты изъ цвѣтовъ, разбросанныхъ у ногъ ихъ. Пожилой капуцинъ убиралъ алтарь Мадонны гирляндами, которыя подавала ему четырехлѣтняя дѣвочка, прекрасная какъ ангелъ Божій. Я невольно остановилась передъ этой картиной: здѣсь старость и младенчество украшали ликъ Святой Дѣвы, и онъ сіялъ имъ обомъ равно, привѣтною улыбкой радости для младенца и святою надеждою для дряхлаго старика, перенесшаго за гробъ всѣ свои желанія. Я невольно упала на колѣни. Чувства мои излились въ слезахъ. Не помню, долго ли я молилась; помню только, что подошелъ Александръ. Я подала ему руку, не перемѣняя своего положенія. Онъ какъ-будто понялъ мысль, которой я сама не замѣчала въ своемъ умѣ: онъ сталъ возлѣ меня на колѣни. Рука моя осталась въ его рукъ. Онъ прижалъ ее къ своей груди и сказалъ: — Полина! вся жизнь моя тебѣ: хочешь ли принять мои клятвы?

— О! не клянись! вскричала я, объятая невольнымъ ужасомъ.

Вся бездна, которая насъ раздвѣляетъ, представилась мнѣ въ эту минуту. Бѣдное существо мое не вынесло

борьбы двухъ противоположныхъ чувствованій: голова моя закружилась, я упала....

Опомнившись, я увидѣла себя на церковной террасѣ. Александръ поддерживалъ мнѣ голову; старшій капуцинъ, на коленяхъ возлѣ меня, теръ виски; Лидія плакала.

Первый взглядъ мой встрѣтилъ заботливый взоръ Александра. Съ чувствомъ жизни возвратились ко мнѣ и любовь и опасеніе: слезы полились изъ глазъ моихъ. Старшій капуцинъ съ христіанскимъ добросердечіемъ суетился вокругъ и старался меня успокоить. «Бога ради, снѣбора, не тревожьтесь. Это пройдетъ. Посмотрите, какъ вы напугали вашего супруга. Видно, снѣборъ васъ очень любитъ. Успокойтесь же хоть для него.» Я покраснѣла, а Лидія, которая совсѣмъ ужъ забыла свои слезы, повисла мнѣ на шею и шептала на ухо: «Ты выйдешь замужъ за Цминскаго, ташап.» И она хохотала какъ дурочка, дергала Александра за платье, и повторяла: «Рара.»

Я хотѣла сердиться, но не могла. Мы пошли. Александръ подалъ мнѣ руку, и между-тѣмъ какъ рѣзвая Лидія убѣжала впередъ, онъ наклонился почти къ самому лицу моему и сказалъ едва слышнымъ голосомъ: — Графиня! принять ли за предсказаніе слова монаха?

Я опустила голову и только могла вымолвить: — Послѣ завтра, Александръ! а до того времени, Бога ради, ни слова!

— Но для чего жъ не теперь? Вѣдь Полина любитъ меня?

— Бога ради!

— По-крайней-мѣрѣ отвѣчайте на мой вопросъ, и я буду молчать сколько велите. Любите?

— Больше жизни, Александръ! Но.... ради Бога, теперь ни слова!

О! какъ описать тебѣ минуты, послѣдовавшія за этимъ признаніемъ?... Нѣтъ, Таня! для счастья нѣтъ выраженій. Александръ сдержалъ обѣщаніе : онъ не говорилъ о любви своей, но его глаза, улыбка, все твердило мнѣ безпрестанно *люблю, люблю*.... Мы были счастливы. Я пировала праздникъ жизни; но завтра.... О! зачѣмъ вызывать это туманное завтра? Оно придетъ своей чередой : не минуютъ насъ ни горе ни радость, которыя намъ назначены. Только, Таня,.... только такъ что-то поетъ сердце. Завтра я должна писать къ Александру.

Здѣсь я припуждена опять прибѣгнуть къ разсказу. Графиня взяла слово съ Цинскаго оставить ее въ совершенномъ уединеніи цѣлые три дня. Хотѣла ли она отдалить минуту объясненія, которое почитала необходимымъ, имѣла ли пужду собраться съ духомъ, не знаю : быть-можетъ, и просто кокетничала съ сердцемъ любовника передъ роковою минутою.

Но долги показали Цинскому эти три ужасные дня. Онъ обскакалъ всѣ окрестности Ниццы, ходилъ по берегамъ моря, по городу. Море казалось ему скучно : все одно и вѣчно одинаково! Люди выводили его изъ терпѣнія : бродятъ какъ сонные, толкуютъ о мелочахъ, и ни одинъ не обращаетъ вниманія, на величіе моря, которое, за минуту передъ тѣмъ, онъ самъ упрекалъ въ скучномъ однообразіи. Наконецъ, подъ-вечеръ, Александръ пустился въ темныя аллеи Корсо. Между деревьями еще пестрѣютъ толпы; изъ отворенныхъ дверей кофейныхъ домовъ проливается яркій свѣтъ; вездѣ разставлены столики : ѣдятъ мороженое, курятъ сигары, а во внутреннихъ комнатахъ, слышно, стучатъ бильярдные шары. Цинской вошелъ.

Въ прекрасно освѣщенной комнатѣ, убранной въ видѣ палатки, нѣсколько маленькихъ столиковъ изъ бѣлаго мрамору были заняты пирующими гостями. Цминскій спросилъ себѣ стаканъ лимонаду и сѣлъ у дверей, смотря разсѣянно на гуляющихъ, которые какъ тѣни мелькали въ темной аллеѣ.

Вдругъ звуки роднаго языка заставили его оглянуться. Недалеко отъ Цминскаго сидѣли двое незнакомыхъ.

— Ктò же теперь остался изъ нашихъ? спросилъ одинъ, относясь къ товарищу.

— Да говорятъ, почти уже никого. Личадѣева, но и та скоро ѣдетъ.... Да! правда еще графиня.... Какъ ее? Вотъ забудь. Основская, кажется.

— Какъ Основская? Ужъ не жена ли это того чудака, что вѣчно со всѣми бранился?

— Не знаю. Она вдова. Говорятъ, прелесть какъ хороша, и все живетъ за границею.

— О! эта она.... Ты знаешь ея исторію?

— Нѣтъ. А что?

— Вотъ хорошо! Да это весь свѣтъ знаетъ. Основскій укралъ эту красавицу у пріятеля; говорятъ, у душевнаго друга,.... какъ его?.... ну, послѣ вспомню. Она Богъ-знаетъ что, мѣшаночка что ли, не знаю. Только онъ ужъ и женился-то на ней гораздо послѣ. Вѣдь у нея дочь есть?

— Кажется.

— Ну, да, да! Для нея-то онъ и женился.

Цминскій не слыхалъ уже ничего болѣе. Въ головѣ у него шумѣло, въ глазахъ рябѣло. Пріятели ушли въ билліардную; онъ остался на своемъ мѣстѣ, какъ окаменѣлый. Итти ли за ними? Заставить ли ихъ молчать?.... Но какое онъ имѣетъ право?.... Разспросить? узнать подробнѣе?.... Нѣтъ! у него не достанетъ силы говорить о ней съ ними. Онъ вышелъ. Корсо опустѣло; на террасѣ также нѣтъ никого. Звѣзды ярко горятъ

да небъ ; туманъ стелется по морю. Все тихо : только слышно, какъ волна плещется о прибрежные камни.

Но въ душѣ Цминскаго нѣтъ спокойствія. Онъ блѣденъ, какъ мертвый ; грудь его страшно вздымается ; глаза тусклы и неподвижны.

Что онъ слышалъ ? Можетъ-быть, пустую болтовню праздныхъ людей, дерзкую клевету.... Да ! подруга, избранная его сердцемъ, не способна быть коварной обманщицей. Но что же подало поводъ къ такой клеветѣ ? ужели сама Полина ?... Нѣтъ ! все это ложь, сказка, выдуманная злословіемъ. Полина невинна какъ младенецъ, чиста какъ роса небесная... Однако жъ эта сказка пробѣжала въ свѣтъ ; слово произнесено, обвиненіе существуетъ : оно есть въ умахъ, въ мысли ; пусть не вѣрятъ ему, пусть опровергаютъ, но оно есть ; невидимое, оно живетъ, и на имени Полины пятно.

Солнце давно блистало надъ поверхностью тихаго моря, когда Цминской, стряхнувъ оковы тяжелаго сна, открылъ глаза, и вчерашнее горе, какъ призракъ, стало передъ нимъ и будто смѣялось, говоря : « Не надолго разставались. »

Въ эту минуту ему подали письмо отъ графини.

Графиня къ Цминскому.

Наступило время, Александръ, когда молчаніе было бы для меня преступленіемъ. Вчера я слышала твою клятву и не приняла ея.... Нѣтъ ! клятва должна быть свободна какъ и выборъ, а тамъ нѣтъ свободы гдѣ, есть невѣдѣніе.

Не тебя, Александръ, котораго сердце мое желало бы назвать спутникомъ своей жизни, не тебя я введу въ заблужденіе. Любовь — союзъ двухъ сердець, у которыхъ все общее и которыя живутъ какъ одно. Для нихъ должно быть все ясно, свѣтло : малѣйшая тайна между ними разстраиываетъ гармонію. Такъ понимаю

я любовь, такъ понимаю супружество, достойное благословенія небеснаго. Ты хотѣлъ руин моей : я обязана открыть тебѣ свою душу. Прочитай мою исповѣдь, и если любовь твоя можетъ возвыситься до забвенія, тогда.... я жду тебя завтра.

Но прежде нежели стану говорить о себѣ, я должна войти въ нѣкоторыя подробности о людяхъ, имѣвшихъ вліяніе на судьбу мою. Надобно тебѣ сказать, что матушка моя была выпущена изъ Смольнаго Монастыря вмѣстѣ съ княжною Софіею Д***. Ихъ называли неразлучными ; но мать моя была дочь небогатаго помѣщика, а подругу ея ожидали въ свѣтъ богатство и знатность. Княжна вышла за графа Висковскаго, матушка за сосѣда небогатаго, какъ она сама. Къ чести княжны, должно сказать однако жъ, что дружба ихъ нимало не пострадала отъ неравенства состояній, и всякій разъ, когда матушка пріѣзжала къ молодой графинѣ, онѣ запирались въ кабинетъ : всѣ другіе гости были уже забыты. И что мудренаго ? Въ обществѣ матушки, графиня возвращалась къ счастливымъ днямъ своей ранней юности ; а чье сердце не любитъ отдохнуть въ эдемѣ прошедшаго, въ этомъ единственномъ уголкѣ, гдѣ радости чисты и непорочны ?

Графъ почти всегда жилъ въ своихъ деревняхъ, и только наѣздомъ бывалъ въ столицѣ. По смерти его, графиня не измѣнила этого образа жизни : она большую часть года проводила въ провинціи, и только изрѣдка, по званіямъ, являлась въ Петербургъ или въ Москву.

Къ-несчастію я рано лишилась матушки. Умирал, она просила отца моего отдать меня въ Смольный и, по выпускѣ, препоручить графинѣ. Но я была единственное утѣшеніе у батюшки, и онъ не рѣшался разстаться со мною. Напрасно графиня писала къ нему, умоляла, упрекала. Послѣ каждаго письма, батюшка входилъ въ дѣтскую. Я узнавала по лицу его, что онъ получалъ

письмо : онъ былъ печаленъ, разстроены; на глазахъ у него наворачивались слезы, и онъ всё потиралъ лѣвой рукой щеки и подбородокъ, какъ-будто хотѣлъ разглядѣть и выпрямить ихъ. Я бросалась къ нему на шею, обнимала его обѣими руками: онъ долго смотрѣлъ мнѣ въ глаза и наконецъ, словно споря съ кѣмъ-то, говорилъ : «Нѣтъ, не отдамъ!» Тогда я цѣловала его еще крѣпче, и все приходило въ прежній порядокъ.

Меня учили немного, баловали вдоволь, а любили сколько возможно любить. Какъ я была счастлива! Мало того что всѣ малѣйшія желанія мои исполнялись: я видѣла, что батюшка жилъ только мною. Одна я радовала его, одна и печалила. Радость блистала въ его глазахъ, когда меня хвалили; онъ становился печаленъ и уходилъ на матушкину могилу, когда мои капризы выводили изъ терпѣнія моихъ нянюшекъ и заставляли ихъ жаловаться. Онъ не бранилъ меня, но становился задумчивъ, и я плакала до самаго его возвращенія съ кладбища.... О! я рано поняла власть свою надъ его сердцемъ, и счастье его сдѣлалось моею цѣлью. Я готова была всѣмъ пожертвовать для этой цѣли. Но наконецъ мнѣ исполнилось пятнадцать лѣтъ, и въ одинъ вечеръ огромная четверомѣстная карета остановилась у крыльца нашего скромнаго домика.... Ахъ! это было уже не письмо! Ни поцѣлуй мой, ни слезы, ни что-либо могло спасти меня : графиня пріѣхала за мною сама.

Помню утро въ день моего отъѣзду. Я вошла въ свою комнату. Въ ней никого не было. Я окинула глазами вокругъ себя : все было на своемъ мѣстѣ, все скромно, хорошо. Вотъ моя кровать съ бѣлымъ пологомъ. На этомъ стульчикѣ, гдѣ я клала свое платье, батюшка часто садился, когда приходилъ будить меня. Вотъ мой комода, зеркало; вотъ кожаныя кресла и дубовый столикъ подъ окномъ, на которомъ еще красуется розанель, такая густая, такая зеленая. Въ окнѣ

повѣшена кѣтка.... пустая : я утромъ рано выпустила своего чирика. Онъ и теперь еще чирикаетъ тамъ, на моей яблони. А вонъ и цвѣтникъ : его разводила матушка. Посреди яблонь, посаженная батюшкой въ день моего рожденья.... И все это надо оставить ! Графиня неотступно требовала меня къ себѣ. Напрасно батюшка морщился и гладилъ подбородокъ : меня посадили въ карету и увезли. Я горько плакала.

Не стану описывать первыхъ дней моего пребыванія въ домъ графини. Она ласкала меня и, казалось, любила. Я была красивымъ кумиромъ, завезеннымъ въ чужую землю : мной любовались, но ужъ не честили меня, какъ домашнее божество. Зато я скоро нашла два сердца, которыя сами хотѣли быть моими ларами, не требуя отъ нея ни какого чествованія. Одна изъ живущихъ въ домѣ графини, дѣвушка лѣтъ двадцати-пяти, полюбила меня какъ родную дочь свою, полюбила единственно потому, почему огонь грѣетъ и свѣтитъ. Другой покровитель мой былъ графъ Основскій, сосѣдъ графини, человекъ ужъ очень немолодой. Всѣ его называли страннымъ и злоязычникомъ. Онъ говорилъ отрывисто, вѣчно противурѣчилъ другимъ, и не боялся никому сказать колкую правду. Глубокое презрѣнiе къ людямъ какъ-будто заставляло его нарочно дѣлать именно то, что осуждается въ свѣтѣ. Графиня любила его за умъ, за колкую остроту, за ученость, и на всѣ нападки сосѣдей отвѣчала обыкновенно : «Я не знаю правду ли вы о немъ говорите. Мнѣ только известно, что онъ умный, образованный человекъ, и я его уважаю.»

Графиня жила хоть въ деревнѣ, однако жъ очень открыто : всѣ сосѣди, ближніе и дальніе, гостили у нея по недѣлѣ и болѣе ; сверхъ-того множество небогатыхъ помѣщиковъ жили почти постоянно. Ей было уже лѣтъ за-сорокъ, но она еще не лишилась всей своей красоты, и домочадцы ея, всѣ, кромѣ моей Таню-

ни, клялись, что ей нельзя дать больше двадцати-пяти. Графиня представила меня своимъ знакомымъ какъ дочь, и меня приняли какъ нельзя лучше. Но я скоро нашла много недоброжелателей, оттого, увѣряла Танюша, что я была насмѣшлива. Можетъ-быть, это и правда; но мнѣ многое было такъ жалко и смѣшно, что я чувствовала невольное презрѣніе къ людямъ, окружавшимъ графиню, и не скрывала его. Съ другой стороны, за это-то именно и полюбилъ меня графъ Основскій.

Гостиная покровителя — настоящій оселокъ благородства: нигдѣ такъ не выказывается низость человеческая. Я это узнала въ домѣ графини. Жилище ея было какой-то особенный, маленькій міръ, гдѣ личная корысть была общимъ двигателемъ, а сама графиня центромъ, около котораго кружились различныя страсти, интриги и замыслы. Я долго грустила о батюшкѣ; долго вспоминала нашъ тихій домикъ, нашу мирную жизнь; наконецъ привыкла, оглядѣлась, поняла сколько могла людей, съ которыми жила, и привязалась истинно къ одной Танюшѣ.

Въ это время въ домѣ графини явился родственникъ ея... позволь мнѣ утаить его имя: я буду называть его просто княземъ. Онъ былъ очень хорошъ, любезенъ, имѣлъ всѣ свойства блестящаго молодого человека. Разговоръ его отличался живостью, остроуміемъ; никто не рассказывалъ и не смѣшилъ пріятіе его, и скоро онъ сдѣлался совершеннымъ любимцемъ графини. Часто по цѣлымъ часамъ они просиживали вмѣстѣ, читали, толковали о политикѣ, о столичныхъ знакомыхъ, о поэзіи. Графъ Основскій называлъ его пустымъ человекомъ и сталъ какъ-то рѣже къ намъ ѣздить.

Александръ! не сердись, что я пропущу подробности, которыхъ описаніе было бы для меня слишкомъ тягостно и не нужно для тебя. Такъ или иначе нача-

лось чувство, рѣшившее мою участь, не все ли одно и то же? Обстоятельства не оправдаютъ меня въ глазахъ твоихъ. Дѣло въ томъ, что князь замѣтилъ меня, отличилъ: это былъ первый человѣкъ, котораго глаза говорили о любви пятнадцати-лѣтней дѣвочкѣ....

Не довольно ли этого, Александръ? Простить ли твоя гордость женщину, которая сознается, что ты можешь.... судить ее? простить ли она эту женщину въ томъ, что, будучи дѣвочкой, она была чувствительна къ обольщенію любви, какъ бы ни страстна, ни хитра и ни увлекательна была эта любовь?.... Если нѣтъ, Александръ, такъ оставь письмо мое, и я буду менѣе жалѣть о тебѣ.

Но нѣтъ!.... ты его дочитаешь.

Однимъ утромъ, я сидѣла за пальцами въ комнатѣ графини. Князь читалъ вслухъ. Она работала.

Пріѣздъ графа Основскаго прервалъ чтеніе, и пока вниманіе всѣхъ было занято новымъ гостемъ, князь подошелъ ко мнѣ. Онъ былъ блѣденъ; въ глазахъ его сіяло что-то страшное: такъ по-крайней-мѣрѣ мнѣ показалось. Устремивъ свой взглядъ на окно, какъ-будто искалъ чего-то въ саду, онъ сказалъ мнѣ твердо и рѣшительно: «Бога ради, приходите сейчасъ на террасу: мнѣ надобно о многомъ поговорить съ вами,» и отошелъ.

Я испугалась и покраснѣла. Не далеко отъ меня сидѣла любимица тетушки, злое существо въ чепцѣ съ желтыми лептами. Она сказала съ коварной улыбкой, что я сегодня очень разсѣянна и бросила взглядъ на графиню; но та толковала съ графомъ и не обратила на нее вниманія.

Я вышла на террасу. Сердце мое билось, ноги дрожали. Я чувствовала, что дѣлаю дурно, и образъ батюшки носился передо мною съ печальнымъ взоромъ. Но князь былъ ужъ тамъ. Онъ взялъ меня за руку и увелъ въ цвѣтникъ.

Долгое, болѣзненное раскаяніе нарѣзало на душу моей всѣ подробности этого разговора. Князь сказалъ мнѣ, что завтра утромъ онъ ѣдетъ къ отцу; что онъ замѣтилъ что-то странное въ графинѣ: кажется, будто она начинаетъ имѣть подозрѣнія; что невозможность свободно видѣть меня убиваетъ его; словомъ, что все это становится для него несноснымъ, и онъ рѣшился ѣхать къ отцу, просить его благословенія на союзъ вашъ. Князь заключилъ неотступной просьбой хоть на этотъ разъ исполнить его желаніе, прійти вечеромъ въ липовую аллею: надо было обо многомъ условиться, обо многомъ переговорить.

Его взгляды, его слова были убѣдительны. Любопытство, страхъ и надежда на скорое соединеніе ослѣпили меня. Танюша была опасно больна: мнѣ не у кого было искать совѣту, и я общала.

Въ двѣнадцать часовъ я пришла къ себѣ въ комнату. Пробилъ часъ. Нигдѣ не было ни одного огонька, даже и въ спальнѣ графини. Я сошла въ садъ. Въ корридорѣ мнѣ показалось, что кто-то шевелится за дверью... мнѣ было страшно: ноги мои дрожали, дыханіе занималось. Въ саду я, за каждымъ кустикомъ и за каждымъ деревомъ, думала видѣть кого-то. Наконецъ, вотъ, и въ самомъ дѣлѣ является черная тѣнь.... ахъ! это былъ онъ.

Я не оправдываюсь, Александръ; но не забудь, что молодость довърчива. Я еще живо представляла себѣ любовь отца, матери, эту путеводную звѣзду моего младенчества, и все, что носило образъ любви, казалось мнѣ столько же прекраснымъ, располагало меня къ полной довърренности. Я могла не вѣрить человѣку, но не чувству. Такъ я повѣрила и любви князя. Близъ него, я почитала себя уже безопасною, и въ сердцѣ моемъ было ясно, спокойно, какъ бы само Небо благословляло меня. Казалось, и батюшка на меня весело смотритъ: я говорю съ женихомъ своимъ.... Вдругъ кто-то подо-

жилъ свою тяжелую -руку на мое плечо. Я обмерла: это была графиня.

Все, что ярость имѣетъ въ себѣ ужаснаго, все изображалось на лицѣ графини. Щеки ея побагровѣли, глаза сверкали, губы тряслись; она едва могла говорить. Негодованіе ея обратилось на князя. Графиня упрекала его прерывающимся отъ гнѣва голосомъ, и, казалось, забыла обо мнѣ, между-тѣмъ какъ я дрожала подъ рукой ея, которая замерла на плечѣ моемъ.

Не знаю, что говорила она князю, и что онъ ей отвѣчалъ. Я слышала только слова *гостепріимство, вроломство, дружба*, и помню, что вдругъ все исчезло. Я упала и очулась уже въ комнатѣ Танюши: блѣдная, слабая, съ лицомъ покрытымъ красными пятнами осны, она сидѣла надо мною и плакала.

— Что это было? что со мною, Танюша? спрашивала я, и однѣ слезы были ея отвѣтомъ.

Послѣ я узнала, что дама съ желтыми лентами видѣла меня сквозь окно, когда я ходила съ княземъ въ цвѣтникъ. По лицу моему и движеніямъ, она взяла подозрѣніе, замѣчала за мною, подстерегла какъ я сошла въ садъ, и привела графиню.

На другое утро меня позвали въ гостиную. Графиня сидѣла въ креслахъ; противъ нея графъ Основскій, и кругомъ весь ея штатъ. Всѣ молчали. Князя не было. Лицо графини было блѣдно, и то синія то красныя пятна поминутно выступали на ея щеки; глаза тускло и безпокойно блуждали по комнатѣ; губы улыбались, но такъ страшно: въ жизнь мою я не забуду этой улыбки!

Увидѣвъ меня, она встала; руки ея затряслись и лицо искривилось..... О, какъ ужасна женщина, когда она сердится!

Графиня схватила меня за руку и притащила на середину комнаты.

— Графъ! сказала она, голосомъ, который трудно было признать за ея голосъ: будьте судьей между мной и этой дѣвчонкой. Свѣтъ, и можетъ-статься отецъ ея, будутъ обвинять меня въ жестокости; но я не могу держать ее у себя: я приняла ее какъ дочь, любила ее, а она заплатила мнѣ черной неблагодарностью. Хитрая кокетка завлекла моего родственника и думала своимъ позоромъ принудить его жениться.

Графиня задыхалась отъ гнѣву. Я не поняла значенія ея словъ, но слышала *стыдъ*, *неблагодарность*, *отецъ*, и съ воплемъ бросилась на колѣна передъ графиней. Въ эту минуту двери растворились: князь вбѣжалъ блѣдный, трепеща отъ гнѣву. Онъ бросился ко мнѣ, поднялъ меня, и прижалъ къ груди. Напрасно я старалась бы припомнить что онъ говорилъ: помню только, что графиня вырвала меня изъ рукъ князя и толкнула къ двери. Я пришла въ себя уже въ своей комнатѣ, одна одиноконька.

Прошелъ весь день; я никого не видала: ни одно живое существо не вошло ко мнѣ. И вечеръ прошелъ....

Я не виню графини: она не питала ко мнѣ ни какой ненависти. Ненависть, чувство безсильной мести: не таково было положеніе графини. Бѣдная, ничтожная дѣвочка стала на пути гордой и самовластной женщины, незнавшей противорѣчія, и она столкнула меня съ своей дороги какъ щепку, попавшуюся ей подъ ногу. Она не думала даже о злѣ, которое мнѣ дѣлаетъ; можетъ-быть, гнѣвъ завлекъ ее далѣе чѣмъ она желала; можетъ-быть, послѣ она сама сожалѣла; но дѣло было сдѣлано, и тяжелыя слѣдствія его упали на меня.

Вечеромъ, когда погасли всѣ огни въ домѣ, окно мое отворилось, и передо мною явился князь.

О Александръ! надобно было вытерпѣть то, что вытерпѣла я втеченіи этого дня, надобно было страдать какъ я, чтобъ понять, какимъ вѣстникомъ неба было для меня появленіе князя.... Ахъ! я въ первый разъ

тогда узнала горе, ни съ кѣмъ не раздѣляемое; въ первый разъ была оставлена самой себѣ и воображенію, пораженному ожиданіемъ невѣдомаго бѣдствія.

Князь сказалъ мнѣ, что завтра, рано утромъ, меня отвезутъ къ отцу; что графиня написала къ нему письмо, которое должно убить старика или на-вѣкъ раздражить его противъ меня; что одно средство все поправить было побѣгъ и скорая женитьба, но побѣгъ сейчасъ, не отлагая ни минуты. Я плакала, я просила. Князь настоятельно требовалъ моего согласія, угрожалъ смертью батюшки, гнѣвомъ графини, и я повиновалась....

Но страданія, вытерпѣнные мною, изнурили силы мои: я запемогла горячкой. Болѣзнь моя была продолжительна: душевное страданіе сопротивлялось благотворнымъ усиліямъ природы. Первымъ дѣломъ моимъ по возвращеніи къ жизни была просьба, чтобъ благословеніе священника оправдало пребываніе мое въ домъ князя. Слабость и остатки болѣзни нѣкоторое время служили предлогомъ отсрочки: князь откладывалъ со дня на день, успокаивалъ меня ласками и обещаніями. Наконецъ однако жъ я поняла его.

Тогда, несмотря на свою неопытность, я поняла и весь ужасъ моего положенія. Я погибла въ общемъ мнѣніи. Исторія моя сдѣлалась гласною: вѣроятно, и до батюшки достигла горькая вѣсть. Тяжело, однако жъ еще возможно переносить презрѣніе людей, если никто не раздѣляетъ съ нами его бремени; но вовлечь другаго въ свое несчастіе, покрыть стыдомъ голову отца, полагавшаго въ насъ все благо свое, знать, что имя наше заставляетъ болѣзненно сжиматься сердце, которое до тѣхъ поръ трепетало отъ радости приѣтомъ имени.... о! подобное несчастіе ни съ чѣмъ сравниться не можетъ! Я испытала послѣднее средство: еще разъ говорила съ княземъ, и увидѣла, что мнѣ не остается ни какого сомнѣнія. Чтò было дѣлать? У меня не было ни денегъ,

ни знакомыхъ; меня завезли въ маленькій городокъ. Остаться?... Нѣтъ! нѣтъ! лучше смерть! И въ самомъ дѣлѣ я рѣшилась на самоубійство. Еще не совершенно оправившись отъ болѣзни, слабая и едва въ состояніи передвигать ноги, я украдкой бѣжала изъ дому, съ твердымъ намѣреніемъ утопиться въ пруду, который былъ неподалеку отъ города. Но, дорогой туда, мнѣ пришлось итти мимо часовни: я зашла въ нее, упала передъ иконой Владычицы, и залилась слезами. Вдругъ ужасная тягость будто отлегла отъ груди моей: я почувствовала въ себѣ новую силу; въ головѣ моей родилась свѣтлая мысль: я съ покорностью приняла крестъ свой, и просила у Святой Дѣвы только одного, — силы перенести первый взглядъ отца моего. Я рѣшилась итти къ нему, броситься къ ногамъ его, и молить не о прощеніи.... нѣтъ! только о позволеніи остаться при немъ, быть при немъ до могилы, всякой день собирать въ свое сердце слезы, которыя за меня проливаетъ онъ, слышать его стоны нагробъ моей матери, внимать его жалобамъ, знать, что все это для меня, за меня, и все сносить.... Но небо судило иначе.

Слезы, душевная мука и физическое изнуреніе до того меня разстроили, что я, тутъ же предъ иконой, лишилась чувствъ. Долго ли было мое безпамятство, не знаю. Я опомнилась въ свѣтлой комнатѣ, на постелѣ, окруженная незнакомыми. Между ними однако жъ былъ графъ Основскій.

Я хотѣла встать; онъ не допустилъ меня, сдѣлавъ рукою знакъ, чтобы всѣ вышли, и сѣлъ возлѣ моей постели. На всѣ вопросы его я отвѣчала слезами. Мнѣ казалось, что Небо послало мнѣ графа какъ ангела-хранителя, чтобъ способствовать въ моемъ намѣреніи. Мало-по-малу собираясь съ силами, я рассказала ему все, и мое несчастіе, и страшную мысль самоубійства, и твердое намѣреніе итти къ батюшкѣ. Онъ старался меня успокоить, говорилъ, что увидится съ

княземъ и найдетъ средства принудить его загладить свой проступокъ. Но я рѣшительно отвергла это предложеніе. Бѣдность, ничтожество, самое презрѣніе, ожидавшее меня, казались мнѣ во сто разъ лучше богатства и чести изъ рукъ человѣка, котораго я презирала.... Нѣтъ! никогда! рубище, заслуженное наказаніе, все... но не прійму вынужденнаго благодѣянія. Нѣтъ! есть Богъ на небесахъ, есть вѣра въ душѣ моей, есть любовь въ неизмѣнномъ сердцѣ отца, и я еще не совсѣмъ погибла : иду!

Графъ долго смотрѣлъ на меня и наконецъ крѣпко сжалъ мою руку. Мнѣ показалось, что слеза мелькнула на глазахъ его; но тогда я думала еще, что сарказмъ свойственнѣе этому человѣку чѣмъ состраданіе: я не знала его.

Появленіе графа не должно удивлять тебя. Не забудь, Александръ, что Провидѣніе управляетъ всѣми нашими путями.... О! я вѣрю этому, какъ безсмертію души нашей. Дѣло въ томъ, что когда графъ узналъ о моемъ побѣгѣ, ему стало жаль бѣдной дѣвочки. Онъ любилъ меня, и, не вѣря обѣщаніямъ князя, вздумалъ развѣдать о моей участи. Это было не трудно. Онъ писалъ въ городокъ, гдѣ мы жили. Въ маленькомъ городкѣ все узнается. Мои слезы, просьбы, отчаяніе были уже предметомъ всѣхъ разговоровъ. Графъ рѣшился узнать достовѣрнѣе и пріѣхалъ самъ. Провидѣніе навело его на часовню, гдѣ двое прохожихъ стояли надъ безчувственной дѣвушкой. Онъ узналъ меня и велѣлъ перенести въ домъ священника.

Графъ помѣстилъ меня въ домъ одной своей родственницы, доброй старушки, говоря, что не почитаетъ возможнымъ везти меня тотчасъ къ батюшкѣ. Я не спрашивала о причинѣ и повиновалась. Я видѣла графа почти каждый день и узнавала съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе высокую и благородную душу его. Онъ еще разъ вызвался быть посредникомъ между мною и

княземъ : я опять рѣшительно отказалась, и въ одно утро онъ предложилъ мнѣ свою руку.

Тогда я поняла графа, и благодарность навсегда привязала къ нему мое сердце.

Я увидѣла батюшку. Мои ласки, моя любовь сгладили съ сердца его слѣды горести, которую нанесла ему вѣсть о побѣгѣ дочери. Сердце отцовское прощаетъ такъ безусловно! Но здоровье его невозвратно утратилось : онъ скоро уснулъ на рукахъ моихъ, и послѣдній взоръ его на меня былъ еще взоръ прощенія и любви.

Графъ предложилъ мнѣ ѣхать за границу. Я поняла эту новую черту его великодушія. Пока живъ былъ батюшка, я находила отраду въ его безпредѣльной нѣжности. Теперь я оставалась одна, не смѣла никуда показаться : мнѣ безпрестанно мерещилось, что всѣ глаза любопытно смотрятъ на меня, всѣ хотятъ знать, какъ переношу я жизнь, обезславленную проступкомъ. Мысль, что графъ можетъ краснѣть за меня, была мнѣ тягостна. Онъ смѣялся, называлъ меня ребенкомъ, однако жъ повезъ за границу, гдѣ ни что не могло напоминать мнѣ прошедшаго.

Мы оставили деревню, и съ тѣхъ поръ я болѣе не видала родины. Мы жили преимущественно въ Италіи, иногда въ Англии и во Франціи, но всегда въ глубокомъ уединеніи. Графъ старался образовать меня, далъ мнѣ учителей, и поощрялъ любовь мою къ искусствамъ. Казалось, онъ хотѣлъ приготовить меня на мой долгій, одинокій путь, предчувствуя близкую нашу разлуку.... Ахъ! въ самомъ дѣдѣ я недолго жила подъ шитомъ этого благороднаго сердца : едва рожденіе дочери, казалось, привязало его новыми узами къ жизни, какъ его не стало.

Боячка графа болѣе помрачила жизнь мою. Я совершенно заключилась въ небольшомъ кругѣ, отдѣлившемъ меня отъ цѣлаго міра. Моя Лидія, занятія,

молитва и горькія воспоминанія : вотъ все, чѣмъ я жила. Я переходила свой путь какъ мы путешествуемъ у насъ по Россіи, то есть, съ одною цѣлью доѣхать, и не заботясь о томъ, какой ночлегъ находимъ мы для своего минутнаго отдыха. Любить, жить снова для счастья, опять найти пріютъ сердцу.... эта мысль сдѣлалась мнѣ совершенно чуждою. У меня осталось одно живое сожалѣніе, одно живое желаніе воротиться на родину. Но смерть графа положила новую преграду между мною и могилами отца моего и матери. Какъ бы я смѣла безъ него появиться тамъ, гдѣ, на самомъ порогѣ, ждало меня нарѣканіе?... Ахъ! теперь я понимаю, что тѣ, для кого не возбраненъ свободный возвратъ на родину, не знаютъ тоски изгнанника! Чтò наше, чтò мы можемъ имѣть когда захотимъ, то намъ не дорого. Но мнѣ.... Ахъ! я чувствовала вполнѣ красоты южной природы, любила этотъ пародъ, живой, впечатлительный, эту жизнь полную нѣги и беззаботнаго веселья; но часто, сидя на обломкахъ мрамору, полузростшихъ мхами, когда солнце обливало золотомъ величественные остатки храмовъ и далекія синія горы, часто вѣти мгновенія я унесилась мыслью въ тотъ край, гдѣ не синѣются горы, не дремлютъ развалины, гдѣ блѣдно-голубое небо раскинуто спокойнымъ шатромъ надъ гладкими, необозримыми равнинами, покрытыми снѣжной пеленою; гдѣ природа, не игривая, не плѣнительная, таинственно бесѣдуетъ съ душой, знаменуя скоротечнымъ лѣтомъ невѣрную радость жизни, а долгою зимою глубокой покой гробницы.... Благословенный край! тамъ прошло мое тихое дѣтство; тамъ развѣсившая береза шумитъ надъ зелеными могилами добраго отца моего и моей нѣжной матери.... Ахъ! не внимать мнѣ шелесту ея гибкихъ вѣтвей, не любоваться бѣлыми стволемъ ея, не задумываться подъ ея тѣнью....

Прости мнѣ, Александръ, это сѣтованіе сердца. Судьба даровала мнѣ все, за чтò человека называютъ

счастливымъ : богатство, независимость, имя, внушающее уваженіе; но у меня нѣтъ одного, что всего дороже : нѣтъ роднаго душъ!

Со времени кончины графа, я постоянно жила въ Римѣ. Въ виду великихъ развалинъ вѣчнаго города умолкаетъ частное страданіе : человѣкъ стыдится сѣтовать тамъ, гдѣ каждый камень повѣствуетъ осудбѣ цѣлыхъ народовъ. Тишина и безмолвіе пустынь, окружающихъ Римъ, согласовались съ пустотой и безмолвіемъ моего сердца. Когда лучъ заходящаго солнца, умирая на обломкахъ опустѣлаго храма, увлекалъ меня въ міръ прошедшаго, тогда я забывала, что сердце мое, также опустѣлый храмъ, давно не заключаетъ въ себя ни одной надежды, ни одного желанія.

Прошедшею осенью, слабое здоровье моей Лидіи заставило меня, по совѣту врачей, ѣхать на-зиму въ Ниццу. Не безъ сожалѣнія оставила я Римъ, съ которымъ сдружилась душа моя. Можетъ-статься, это было предчувствіе : въ Ниццѣ встрѣтила я тебя!

Вотъ моя исповѣдь, Александръ. Жду твоего приговору. Я оскорбила общество, и ты, сынъ его, можешь быть мстителемъ.

Темно въ полѣ. Куда ни посмотришь, вездѣ крутится снѣжный вихорь : въ двухъ шагахъ ничего не видно. Лѣсъ, какъ темная лента, едва чернѣетъ въ морозномъ облакѣ. А какъ засвищетъ вѣтеръ, какъ потянетъ онъ по полю, такъ словно метлой мятетъ сухой снѣгъ. Плетни на спящихъ нивахъ стоятъ бѣлые и пушистые. Лошади чуть-чуть тащутся : то одна пристяжная... бухъ! и ушла въ снѣгъ по брюхо; то другая увязла задними ногами. А мятель хлыщетъ по глазамъ холодною

пылью : зги не видно.... А! вотъ застучало пологомъ : слава Богу! дорожка!

— Эй, ну, вы, родимыя!.... Ахъ, батюшки-свѣты! что за притча? Нейдутъ, хоть ты тресни! Прикажете, батюшка, отложить пристяжныхъ, да заложимъ гусемъ. Вовсе дороги нѣтъ.

Изъ кибитки выставилась голова молодого человѣка въ теплой фуражкѣ. Красная шаль, скрестясь на груди, придерживала огромный воротникъ медвѣжьей шубы, такъ что онъ почти закрывалъ лицо.

— Ну, что тамъ? Дорогу потерялъ?... Экой мошенникъ!

— Да помилуйте, батюшка! Свѣту Божьяго невидно. Эдакой притчи и не запомнимъ. Всего занесло.

И въ самомъ дѣлѣ, бѣдный ямщикъ, казалось, весь превратился въ снѣжную статую : брови, усы, борода, шапка и весь кафтанъ совершенно были покрыты снѣгомъ, а глаза едва смотрѣли сквозь обледенѣлыя рѣсницы.

— Ванька!.... Да гдѣ Ванька? Что ты не смотришь ничего? Куда мы заѣхали?

Ямщикъ снялъ шапку, стряхнулъ рукавицы, расправилъ волосы и бороду.

— Да по примѣтамъ батюшка, мы недалече отъ деревни. Вонъ, въ сторонѣ, чернѣется видно изгородь, околица, что ли, а можетъ, поле огородили.

А вѣтеръ свищетъ, и вьюга всё пуше да пуше.

— По-крайней-мѣрѣ на дорогѣ ли мы? спросилъ молодой человѣкъ, теряя терпѣнiе.

— Какъ же, батюшка! есть слѣдокъ.

И ямщикъ разгребалъ ногою глубокой снѣгъ.

— Слышишь?... Кажется, вдутъ.

Ямщикъ уставилъ глаза въ ту сторону, откуда слышался шумъ, и въ самомъ дѣлѣ тамъ какъ-будто разговаривали; но поднялось новое облако снѣгу, умолкло, и голосъ затихъ.

— Эка, Господи твоя воля!... Ну, ужь разыгралось! что ты станешь дѣлать?... Смогло, ничего не слышать.

— Да что же мы стали? закричалъ молодой человекъ. Вѣдь не ночевать же здѣсь!

Онъ сердился, сидя въ кибиткѣ.

— Батюшка, повремените, вотъ подъѣдутъ. Богъ даетъ попутчиковъ.

Что-то зачернѣло вдали; голосъ опять послышался; скрипятъ полозья.... Ухъ! отлегло отъ сердца. Подъѣхали. Лошади всѣ обмокли, и едва дышать.

Человекъ въ огромной волчьей шубѣ, крытой темнымъ сукномъ, съ поднятымъ воротникомъ, въ круглой шапкѣ изъ калмыцкихъ барашковъ, съ длинными висячими ушами, показался у кибитки несчастнаго путешественника: онъ былъ высокаго росту, довольно плотный, но какихъ лѣтъ опредѣлить трудно, потому что изъ его косматаго наряду не было видно ничего, кромѣ носу.

— Вы изволили сбиться, сказалъ онъ: большая дорога осталась вправо, тамъ, за послѣднимъ бугоркомъ.... Этакая мятель! все занесло! А эти бездѣльники березки ломаютъ: ни одной нѣтъ! А что осень, исправникъ гонитъ на дорогу.... Но вотъ, наша деревня близѣхонько. Сдѣлайте милость, заверните, пожалуйста, чашечку чайку выкушать. Ямщикъ отогрѣется, а тамъ, Богъ дастъ, стихнетъ.

— Да, какъ же! стихнетъ, дожидайся! ворчалъ ямщикъ, похаживая около лошадей.

Иванъ толкнулъ его подъ бокъ; ямщикъ замолчалъ.

— Благодарю васъ. Но я очень силену. Сдѣлайте одолженіе, прикажите только указать, какъ выѣхать на большую дорогу. Этотъ негодяй вѣкъ ѣздитъ, а дороги не знаетъ.

— Не мудрено, сударь: вьюга. Вотъ я лѣтъ тридцать каждую недѣлю ужъ вѣрно два прокачусь по этой дорожкѣ, да и Яшка, грѣхъ сказать, славный малой, въ ротъ ничего не беретъ, а чуть-чуть не сбились на поворотѣ. Да пожалуйста, сударь, на минуту извольте заѣхать хоть отогрѣться. А тамъ соберемъ проводниковъ до станціи. Если же вздумаете и переночевать, такъ хоть графскій домъ и запертъ, а все найдется покой.

— А чье это помѣстье?

— Графа Основскаго.

Не видно было, какое впечатлѣніе произвело это имя на молодаго человѣка, но рука его какъ-бы судорожно поднялась къ головѣ. Онъ поправилъ фуражку.

— Очень вамъ благодаренъ, сказалъ онъ. Въ самомъ дѣлѣ.... я еще успѣю. Только я попрошу васъ о проводникахъ.

— Извольте, извольте!.... Эй, ямщикъ! ну же, прѣворнѣе!

Ямщикъ не заставилъ себя просить, вскочилъ на облучекъ, подобралъ возжи, раскачнулся: ну! ну! и отдохнувшія лошади, будто почуя ночлегъ, побѣжали рысцой за санями опередившаго ихъ попутчика.

Черезъ нѣсколько времени послѣ этого приключенія, молодой человѣкъ, въ архалухѣ, опушенномъ чернымъ крымскимъ барашкомъ, съ сигарою во рту, сидѣлъ на диванѣ. Передъ нимъ, на ломберномъ столѣ, покрытомъ синею ярославскою скатертью, кипѣлъ самоваръ, вычищенный какъ золото. За густыми клубами пару едва былъ примѣтенъ чайникъ, стоящій на самоварѣ; желтыя сливки въ кострюлечкѣ, крендели, бѣлый хлѣбъ дополняли картину. За креслами, плотно придвинутыми къ столу, стоялъ высокій, плотный старикъ, свѣжій и здоровый. Рѣдкіе волосы на вискахъ его были зачесаны на темя, голое какъ ладонь; маленькіе глаза прыгали будто шалуны, вырвавшіеся изъ-подъ надзора строгаго

дядьки; вся физиономія показывала должную почтительность и привычное умѣнье быть всегда на своемъ мѣстѣ. Онъ держался обѣими руками за спинку креселъ и спокойно, ясно, опредѣлительно отвѣчалъ на вопросы проѣзжаго. Небольшая комната, въ которой это происходило, была прибрана чисто, оклѣена синими обоями съ бѣлыми разводами, окна закрыты ставнями : тепло и свѣтло; а за стѣною вылъ страшный вѣтеръ и морозъ постукивалъ въ углы деревяннаго строенія.

— Выпейте же еще стаканчикъ, сказалъ молодой человекъ.

— Нижайше благодарю, сударь. Весьма доволенъ.

— А вотъ съ ромомъ-то. Я его изъ Петербурга ве-зу. Очень хорошъ. А вы, смотрите, какъ переязыбли.

— Вотъ пуншику-то съ петербургскимъ ромцомъ въ самомъ дѣлѣ позвольте попросить. Ну, ужъ далъ Богъ погоду ! Такъ передрогъ , что и теперь въ костяхъ перебираетъ.

И старикъ, съ ужимкой, подошелъ на цыпочкахъ къ столу, подбавилъ въ стаканъ, поданный гостемъ, рому изъ его дорожной фляжки, номърою, боясь переложить, и опять занялъ свой постъ за креслами.

— Такъ вы изволили часто видѣть нашего покойнаго графа ? сказалъ онъ, продолжая прерванный разговоръ. Отличный былъ баринъ. Я у нихъ тридцать лѣтъ управлялъ деревнею : слова грубаго не слыхалъ. Взыскателенъ , любилъ порядокъ , и строгъ : нечего сказать; бывало взглянетъ , такъ все вытянется. И засѣдатель ли, исправникъ ли, бывало, съ лишней подводой или того, такъ нѣтъ : пошевелиться не смѣютъ. Уважали. А доброе сердце было : отецъ родной крѣстьянамъ.

— Да и графиня, кажется....

Молодой человекъ, не договоривъ фразы, затянулся ароматическимъ дымомъ сигары.

— Графиня была еще очень молода, когда они уѣхали, подхватилъ управитель, и лицо его приняло такое

скромное, отшельничье выраженіе, что, казалось, у него мысли лишней нѣтъ за душою. — Графъ былъ здѣсь только одинъ разъ вмѣстѣ съея сїятельствомъ, продолжалъ онъ : но я очень доволенъ милостью графини и радъ служить ей, какъ служилъ покойному барину.

— Да онъ, кажется, отпустилъ васъ на волю ?

— Какъ же-съ ! еще задолго до отъѣзду.

— Вѣдь онъ уѣхалъ вскорѣ послѣ женитьбы ?

— Очень скоро-съ.

Управляющій былъ какъ на иголкахъ, но гость не замѣчалъ этого и продолжалъ говорить.

— Графъ благороднѣйшій человекъ ! сказалъ онъ. Поступокъ его съ графиней можетъ назваться рѣдкимъ и вполне достойнымъ уваженія. Послушайте, Артемій Никитичъ : вамъ таится отъ меня нечего ; я очень хорошо знаю всю эту исторію, и, право, оттого еще болѣе уважаю и графа и графиню.

— Если знаете, такъ кончено-съ. Только, сударь, въ людяхъ-то болтаютъ много нехорошаго.

Управляющій поставилъ стаканъ на столъ. Приѣзжій, не спрашиваясь, наполнилъ его чаемъ и самъ налилъ рому. Старикъ кланялся, кричалъ : — Довольно, довольно ! — и однако же взялъ стаканъ.

— Я эту исторію знаю отъ самого графа, продолжалъ гость. Но скажите пожалуйста, что сдѣлалось съ этимъ негодяемъ, съ этимъ... какъ-бишь его ?

Управляющій подсказалъ фамилію, которой только и ждалъ приѣзжій. Молодой человекъ невольно вспрыгнулъ отъ радости.

— Вѣдь ихъ что-то много, сказалъ онъ, опомнившись и стараясь казаться спокойнымъ. Это огромная фамилія. Ихъ было три брата ?

— Теперь два осталось : третій убитъ на Кавказѣ. Меньшой еще очень молодъ, служить въ гвардіи, а этотъ посланъ по какому-то порученію тоже на Кав-

жавъ. Богънъ , что ли-то , говорятъ : Богъ его знаетъ. Его зовутъ Валентинъ Андреевичъ.

Прождемъ болѣе ничего не было нужно. Разговоръ перемѣнился.

— А если теперь кто въ Славномъ ?

— Старая графиня всегда тамъ живетъ. Вотъ только этотъ годъ вздумала на богомолье; всей ватагой поднялась : никакъ кареты три , да кибитокъ сколько ! Всю челядь забрала.

— У нее жила одна бѣдная дѣвушка , Татьяна..... Татьяна.

— А ! Татьяна Алексѣевна ! Вы , вѣрно , отъ нашей графини изволили слышать. Здравствуетъ-съ. Добройшая дѣвушка ! Я , по приказанію ея сіятельства , каждый годъ доставляю ей пансіонъ , тысячки двѣ , побольше. Все раздастъ бѣднымъ. Сколько графиня просила ее : « Переѣзжай ко мнѣ , или въ деревню », — и черезъ меня сколько разъ писала : нѣтъ ! « Я-де помню завѣщаніе матери , которая на смертномъ одрѣ приказывала не оставлять графини. Развѣ , коли Богу будетъ угодно , переживу ее , такъ тогда-дискать..... »

— И она увхала съ графиней ?

— Какъ же-съ ! взяли и ее.

— А хорошъ домъ у графини ?

— Отличный домъ , истинно барскій , и... вотъ вы изволили бывать въ чужихъ краяхъ.... отличныя картины есть , изъ Италіи.

— Нельзя ли посмотреть ?

— Помилуйте ! почему жъ нельзя ? Мы съ Дмитриемъ Михеевичемъ , тамошнимъ управителемъ , съ-малолѣтства хлѣбъ-соль водили. Правду сказать , разгульная голова : шибко зашибается. Ну , да кто Богу не грѣшны ?

На другое утро , солнце раскаленнымъ ядромъ поднялось на безоблачномъ небѣ. Красные лучи его процѣ-

живаются сквозь коричневую сѣтку обнаженныхъ древесныхъ вѣтвей и обливаютъ яркимъ пламенемъ стекла, изукрашенныя морозными узорами. Молодой чело-вѣкъ ходитъ по длинной, старинной залѣ, въ сопрово-жденіи высокаго, худощаваго, рыжаго старика, кото-рый, почтительно кланяясь, объясняетъ ему каждый портретъ, обращающій на себя его вниманіе, и описы-ваетъ подробно, когда родился и умеръ почтенный ори-гиналь, гдѣ служилъ, гдѣ имѣлъ помѣстья, и про-чая.

— А этотъ? спросилъ проѣзжій, подойдя къ портрету офицера въ гусарскомъ мундирѣ, съ закрученными уса-ми и съ вялой физиономіей, въ которой читалась цѣлая повесть жизни, истраченной преждевременно.

— Это князь Валентинъ Андреевичъ, племянникъ по-койнаго графа.

Управитель повелъ проѣзжаго въ другія комнаты, и тамъ чистилъ именами Караччи, Пальмы, Веронеза, черныя полотна, изъ которыхъ выставлялись лица, ру-ки и ноги. Гость разсѣянно хвалилъ все, и остановился только въ гостиной графини, гдѣ у окна стояли паль-цы. Въ углубленіи комнаты былъ диванъ, столъ и нѣ-сколько креселъ, все точно такъ, какъ было, можетъ-статься, за десять, за пятнадцать лѣтъ. Молодой чело-вѣкъ долго смотрѣлъ изъ окошка на покрытый снѣ-гомъ цвѣтникъ и столѣтнія липы. Мужики разгребали лонатами тропинку къ террасѣ; въ одной аллеѣ были видны слѣды человѣческія; съ деревьевъ сыпался иней....

Но здѣсь, вмѣсто собственнаго разсказу, я могу опять возвратиться къ письмамъ. Въ числѣ ихъ есть одно, со-ставляющее цѣлую тетрадку тонкой заграничной бума-ги, и изъ этой-то тетрадки я выпишу нѣсколько мѣстъ, безъ повторенія извѣстнаго уже читателямъ.

Отрывокъ изъ письма Цминскаго къ своей матери.

Ницца, 18....

..... Это было выше силъ моихъ. Все существо мое возмущалось при мысли, что Полина могла чѣмъ-нибудь упрекать себя. Я любилъ ее какъ идеаль совершенства. Невольный проступокъ, конечно, не помрачалъ ее добродѣтели : онъ даже возвысилъ ее всѣмъ, что цѣлая жизнь, проведенная въ слезахъ и раскаяннн, имѣетъ въ себѣ высокаго. Но мой кумиръ былъ ужъ разбитъ. Прежде, любовь Полины возвышала меня въ собственныхъ глазахъ моихъ: теперь, я видѣлъ въ Полину обыкновенную женщину, я находилъ въ ней слабости, и въ этомъ образѣ не узнавалъ любимицы моего сердца. Знаю, это безуміе; но что дѣлать? Мысль, что люди осмѣлятся осуждать жену Цминскаго, и осуждать справедливо, эта мысль.... о! я и теперь не могъ бы перенести ее равнодушно! До-сихъ-поръ я смѣло смотрѣлъ на толпу, потому что она ничѣмъ не могла упрекнуть меня. Я часто презиралъ сужденіе частное, какъ жужжанье насѣкомаго или шипѣнье презрѣнной змѣи но судъ людей, подкрѣпляемый приговоромъ вѣчнаго правосудія... я всегда почиталъ его священнымъ; законы, на которыхъ основанъ онъ, всегда были предметомъ моего уваженія, и я знаю, никто не нарушитъ ихъ безъ того чтобы не понести наказанія. Сердце мое, совѣсть, любовь, все оправдывало Полину, но на ней лежалъ судъ свѣта, судъ добродѣтели..... и этого было довольно! Между мной и Полиной возсталъ страшный призракъ. Напрасно я твердилъ себѣ, что это только призракъ, не болѣе : онъ не исчезалъ, онъ жестоко меня преслѣдовалъ....

Послѣ безсонной ночи, измученный безвокойшой борьбой, я пришелъ къ Полине. Она стояла у противоположныхъ дверей, держась обѣими руками за ручки

креселъ. Лицо ея было блѣдно и глаза бояливо стремились ко мнѣ.... Ахъ! она поняла мое страданіе! Полина знала меня. Какъ голубка, бросилась она на грудь мою, крѣпко обняла меня, и въ ту же минуту исчезла изъ комнаты. Съ тѣхъ поръ я напрасно старался ее увидѣть. Мнѣ хотѣлось упасть къ ногамъ ея, выплакать горе мое на ея колѣняхъ. Мнѣ казалось, что Полина должна была понимать меня; что она знаетъ, какая сила удерживаетъ меня, и станетъ вмѣстѣ со мною оплакивать могущество этой силы.... Нѣтъ! она рѣшительно отказалась видѣть меня. Ктò знаетъ, чѣмъ бы кончилось свиданіе? Можетъ-быть.... можетъ-быть.... Но она отказалась, и вотъ, вы найдете здѣсь письмо, въ которомъ она пишетъ объ этомъ.

Тогда я почувствовалъ все, чего я лишился: потерянное благо представилось воображенію моему яснымъ и лучезарнымъ, какъ солнечный свѣтъ. Я упрекалъ себя въ несправедливости противъ Полины, не находилъ себѣ прощенія въ собственныхъ глазахъ моихъ.... О матушка! что наша твердость, которою мы столько хвалимся? Мы — жалкія игрушки страстей, упрямо и слѣпо слѣдуемъ ихъ направленію, тогда какъ почитаемъ себя твердыми.

Мнѣ хотѣлось по-крайней-мѣрѣ узнать имя презрѣннаго человѣка, который, какъ червь, подточилъ счастье моей жизни. Случай помогъ мнѣ, и съ того времени всѣ желанія мои, всѣ надежды слились въ одну мысль, — мщеніе. Онъ, — я не хочу называть его по имени: я еще не привыкъ къ нему, — онъ былъ въ это время на Кавказѣ, и несмотря на всѣ просьбывашши, я опять опоясалъ саблю и полетѣлъ въ горы. Тамъ ждали меня двѣ цѣли: мечь или.... что мнѣ таиться, матушка? жизнь была для меня тяжела, и я съ удовольствіемъ помышлялъ о смерти.

— Но я ужъ не засталъ его на Кавказѣ: онъ убитъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Я напрасно искалъ его : волны жизни всегда раздѣляли насъ. Любовь и ненависть оставались равно безплодными въ моемъ сердцѣ. Полина жила въ Дрезденѣ, для воспитанія дочери. Я зналъ объ ней, но черезъ другихъ.

Наконецъ получаю отъ васъ письмо, и въ этомъ письмѣ нахожу его имя. Можете представить, что я почувствовалъ... Человѣкъ, носившій ненавистную для меня фамилию, родной братъ моего врага, былъ женихомъ моей сестры!

Нѣтъ! напрасно я сталъ бы описывать бурю, закипѣвшую въ моемъ сердцѣ. Я поскакалъ къ вамъ, увидѣлъ сестру : она любила своего жениха ; ты желала этого союза ; я ничего не могъ сказать противъ князя ; но.... съ нимъ былъ братъ его!.... Матушка! да прости меня твое великодушiе! Несмотря на любовь мою къ сестрѣ и къ тебѣ, я ждалъ только ночи, чтобъ рѣшить нашу общую участь оружіемъ.

Но прежде нежели наступила эта роковая ночь, случилось одно происшествіе, которое дало другой оборотъ всему дѣлу. Помнишь ли ты записку, поданную мнѣ за столомъ? Ты встревожилась : я это видѣлъ. То была записка, — глаза мои съ перваго взгляду узнали давно знакомый имъ почеркъ, — то была записка Полины. Полина пріѣхала въ свою деревню и звала меня къ себѣ.... Матушка! мы не умѣемъ плакать какъ женщины, не нѣжны какъ вы, но тогда я почувствовалъ, какъ можетъ любить сердце мужчины.

Десять лѣтъ прошло со времени нашей разлуки съ Полиной; но эта записка возобновила въ моей памяти все прошедшее, какъ бы оно было вчера. Все, что прежде меня радовало, все, что было мнѣ мило, все опять воскресло передо мною : сердце мое затрепетало по-прежнему, по-прежнему жизнь закипѣла въ жилахъ; я какъ-будто нашелъ половину меня самого, какъ-будто

варуть узнавъ чего мнѣ не доставало для полного существованія.

Тотчасъ послѣ обѣда я ускользнулъ изъ вашего общества, и долго, какъ ребенокъ, плакалъ надъ запиской Полины, возвратившей мнѣ въ одно мгновеніе цѣлый міръ блаженства. Кажется, сердце мое выплакало въ ту минуту всѣ слезы, накопившіяся въ немъ втеченіи долгихъ десяти лѣтъ. Наконецъ я увидѣлъ Полину. Она уже дожидалась меня на мѣстѣ свиданія. Черное длинное покрывало, накинутое на голову, не закрывало ея лица. Она была худа, блѣдна, но все та же Полина, съ ея милымъ, обворожительнымъ взоромъ, съ ея плѣнительною улыбкою: она заговорила; я взялъ ея руку, смотрѣлъ ей въ глаза, слушалъ голосъ ея, — не слова, — и мнѣ казалось, что все прошедшее блаженство лилось мнѣ въ грудь звуками этого гармоническаго голосу.

— Ты не отвѣчаешь мнѣ, Александръ? наконецъ сказала Полина, сдѣлавъ усиліе отнять у меня свою руку.

— Говори, говори еще! вскричалъ я: дай мнѣ увѣриться, что я опять слышу твой голосъ... Полина! Полина! я опять могу называть тебя этимъ именемъ.... Боже мой! не сплю ли я? ты ли это, Полина? Я чувствовалъ, что рука ея задрожала въ моей.

— Александръ, сказала она почти шопотомъ: мы оба нѣмѣмъ надежду въ твердости. Къ чему возвратъ на прошедшее? Ты, вѣрно, угадалъ для чего я здѣсь.

Тогда только въ первый разъ я подумалъ что могло заставить Полину нарушить свое намѣреніе никогда со мной не встрѣчаться, и вся цѣль прошлаго мимолетно развилась въ моей памяти. Обѣтъ мнѣнїа, свадьба сестры, она, все представало моему воображенію. Полина, кажется, прочитала въ душѣ моей.

— Ты былъ въ нашѣмъ домѣ, сказала она: былъ въ

дочь графини ; ты не можешь не знать его имени. Скажи же, что ты думаешь делать? Я знаю тебя, Александръ : ты не въ состоянн забыть клятву, которую произнесъ. Слухи о свадьбѣ твоей сестры дошли до моего уединенія; я получила извѣстiе, что тебя ждутъ, и воспѣшила сюда.... Я боюсь.... Скажи мнѣ, Александръ, что ты думаешь делать?

Полина была въ необыкновенномъ волненнiи; грудь ея воздымалась, и слезы были готовы брызнуть изъ глазъ.

— И ты спрашиваешь, что я думаю делать! вскричалъ я, опустивъ ея руку.

Кровь бросилась мнѣ въ голову.

— Что делать! повторилъ я въ бѣшенствѣ. Этой свадьбѣ никогда не бывать! Трупъ мой или его ляжетъ между Ларисою и женихомъ ея!

Полина схватила меня за руку; лицо ея пылало, слезы трепетали на рѣсницахъ; она умоляющимъ голосомъ твердила мое имя. Я вырвался и кричалъ : — Никогда! никогда!

— Александръ!.... прошу тебя!... если ты когда-нибудь любилъ меня!....

— О! не бойтесь за него! сказалъ я, и видно, въ голосѣ моемъ было много злобы, потому что Полина вскрикнула, закрыла лицо, и упала на колѣни.

Безумецъ! Я не понималъ себя : я оскорбилъ женщину, которую такъ кѣжно любила душа моя!

Наконецъ мои просьбы, слезы, раскаянiе тронули Полину.... Ахъ! она могла тогда делать изъ меня что хотѣла: я отдалъ бы всю жизнь свою, чтобъ загладить минутное оскорбленiе.

Полина начала говорить; я слушалъ. Она сидѣла на порогѣ часовни, я у ногъ ея, держа ея руку и смотря въ ея наивнѣльнѣе глаза. Ночь была тиха и тепла. Восходившiй мѣсяцъ освѣщалъ лицо Полины.... Мнѣ казалось, что мы опять въ Ниццѣ, и Полина еще моя!

Мы говорили о тебѣ, о Ларисѣ. Голосъ Полины смирилъ всѣ страсти въ душѣ моей. Онъ возвратилъ мнѣ давно утраченную тишину, пробудилъ кроткія воспоминанія дѣтства, нѣжную привязанность къ тебѣ, моему другу, моей матери, благоговѣніе къ памяти уважаемаго отца.... Женщина — ангелъ, когда пробуждаетъ святыя чувства въ душѣ нашей и голосомъ любви примиряетъ ее съ небесами. Тогда она исполняетъ свое назначеніе.

Я обѣщалъ Полину все, чего она хотѣла, кромѣ одного : мщеніе мое будетъ забыто, оставлено, оно прощено; но я не могъ обѣщать ей жить подѣ одною кровлею съ его братомъ.

Я рѣшился удалиться немедленно. Напрасно Полина говорила мнѣ о твоей горести, о твоей любви ко мнѣ. Прости мнѣ. Когда совсѣмъ успокоится сердце мое, тогда я возвращусь къ тебѣ, и, можетъ-быть, подамъ руку мужу сестры моей; но теперь не могу... не могу видѣть его : одно имя этого челоуѣка пробуждаетъ въ душѣ моей цѣлый рядъ печальныхъ воспоминаній.

Полина оставила меня. Я видѣлъ, какъ слилось съ ночнымъ туманомъ ея темное платье.

Лидія вышла замужъ и счастлива. Полина исполнила свое давнее желаніе : возвратилась на родительскія могилы, и живетъ въ совершенномъ уединеніи.

Я нанимаю маленькій домикъ на морскомъ берегу, на томъ самомъ мѣстѣ, откуда нѣкогда Полина любила смотрѣть на заходящее солнце, и каждый день сидѣла подѣ тѣнью той маслины, подѣ которой она сидѣвала. Воспоминанія не томятъ меня; прошедшее является мнѣ безъ мученій : Полина примирила меня съ самимъ собою. Мнѣ кажется, что сердце мое до-сихъ-поръ сохраняетъ отблескъ блаженства и тишины, которыя я ощутилъ въ присутствіи ея, тамъ, въ часовнѣ, гдѣ въ послѣдній разъ ее видѣлъ.... Матушка! Полина наша

во мнѣ жестокаго мстителя : длячего же не мнѣ суждено было увѣичать ея скромную добродѣтель , которой величіе я узналъ такъ поздно ?

—

На возвышенномъ берегу Оки, почти на выѣздѣ изъ одного нашего губернскаго города , есть монастырь, пользующійся особеннымъ уваженіемъ въ околоткѣ. Каждый день народъ толпами выходитъ изъ городскихъ воротъ и направляется по дорожкѣ, ведущей къ его оградѣ. По воскресеньямъ ряды экипажей окружаютъ ветхія стѣны : изъ города съѣзжаются слушать согласное пѣніе инокинь. Послѣ обѣдин, разноцвѣтные наряды дамъ пестрѣютъ въ переходахъ келій между черными рясами монахинь. Набожныя посѣтительницы спѣшатъ насладиться духовной бесѣдой игуменьи, другія идутъ къ знакомымъ старицамъ. Вездѣ кипятъ самовары, послушницы суетятся, и уединенное жилище молчанія оживляется на нѣсколько минутъ отблескомъ міра. Но въ одной келіи никогда не видно свѣтскаго платья, не слышно свѣтскаго разговора. Въ городѣ жалуются на нелюдимость ея обитательницъ, а въ монастырѣ поговариваютъ, что наружное смиреніе часто бываетъ только личиною гордости или средствомъ привлечь на себя особенное вниманіе игуменьи. Между-тѣмъ обѣ обитательницы негостепріимной келіи тихи, смиренны, покорны ; онѣ безпрекословно исполняютъ обрядъ послушанія, и хотя двери ихъ не отворяются для гостей изъ города, однако жъ несчастные знаютъ туда дорогу.

Какъ бы то ни было, въ одно прекрасное, весеннее утро, лѣтъ пять тому назадъ, въ этой угрюмой келіи, — явление странное ! — сидѣла на диванѣ молодая жен-

щина, подѣхавшая къ монастырю въ пышномъ раззолоченномъ экипажѣ. Она была въ траурѣ. Живѣйшее безпокойство изображалось на ея блѣдномъ, но прекрасномъ лицѣ; глаза покраснѣли отъ слезъ. Она съ жаромъ разговаривала съ послушницей, сидѣвшею противъ нея. Наружность послушницы не представляла ничего замѣчательнаго. Это было одно изъ тѣхъ блѣдныхъ созданій, которыя, какъ бы незамѣченныя, ускользаютъ отъ рукъ времени, безъ молодости на первой половинѣ жизни и не старѣясь на второй. Она была мала ростомъ, желта; впалыя щеки ея носили еще признаки рябинъ, почти исчезнувшихъ подъ морщинами.

— О! не приводите меня въ отчаяніе, говорила молодая дама. Слова ваши страшны. Я еще надѣюсь.

— Напрасно, княгиня, отвѣчала послушница: намереніе ея не можетъ перемѣниться. Да и зачѣмъ вы хотите поколебать его? Она ужъ давно отеклась отъ міра и перенесла надежды свои туда, гдѣ онѣ не обманываютъ. Вы только возмутите ея спокойствіе, если картина счастья, о которомъ вы желаете съ ней говорить, растрогаетъ ея душу.

— О! если растрогаетъ, то я вырву ее изъ этихъ стѣнъ! вскричала молодая дама.

— Вырвите? подхватила послушница. Но куда?... Опять въ житейское море, вѣчно волнуемое?... Нѣтъ, княгиня! оставьте ей миръ ея тихаго пристанища.

— Ахъ! вы не знаете что говорите! Мы созданы для счастья. Можно ли допустить, чтобъ кто-нибудь отъ него добровольно отрекся?

Послушница горько улыбнулась и взглянула на вѣбѣ.

— Татьяна Алексѣевна! продолжала съ живостью гостя: вы думаете, что она угодитъ Богу своимъ отреченіемъ; но подумайте прежде, имѣетъ ли она право располагать участію другаго и самовластно отнимать у него счастье, данное ему также Богомъ? Или не грѣхъ,

растерзать сердце человека, насъ любящаго, и осудить его на вѣчныя страданія?... Нѣтъ! Полина не сдѣлаетъ этого! Подумайте : вѣдь она знаетъ, что бѣдный Александръ тамъ, за оградю, ждетъ рѣшенія своей участи, ждетъ съ мучительнымъ безпокойствомъ. Она просила три дня на размышленіе. Сегодня кончился срокъ : она должна дать отвѣтъ. Неужели....

Но въ эту минуту маленькая дверь, ведущая въ боковую комнату, отворилась, и женщина высокаго роста, въ полной одеждѣ монахини, вошла, приподнявъ покрывало и съ дружескою улыбкою подавая руку молодой дамѣ. Та вскрикнула, и съ громкими рыданіями упала на грудь монахини.

— Чтѣ ты сдѣлала?... чтѣ ты сдѣлала, несчастная?... Ты погубила Александра, себя....

Блѣдный румянецъ вспыхнулъ и мгновенно погасъ на лицѣ Полины. Губы ея задрожали, и она пошатнулась. Кажется, твердость совершенно ее оставила, но она скоро пришла въ себя, и, обнимая молодую даму, которая плакала какъ ребенокъ, сказала :

— Не съуй, Лариса, милая сестра моя.... теперь я смѣю назвать тебя этимъ именемъ, потому что небо освятило чувство, которое я принесла ему въ жертву. Не съуй, мой другъ : эта жертва была необходима и для его счастья.

Лариса плакала.

— Да, Лариса, продолжала Полина : счастливая любовь скоро засыпаетъ, а гордость никогда. Рано или поздно, она заговорила бы въ душѣ Александра, и тогда.... тогда, можетъ-быть, онъ самъ сталъ бы сожалѣть, что уступилъ своему сердцу. Но теперь я оставляю Александру даръ безцѣнный, — любовь чистую, непомяченную ни однимъ чернымъ воспоминаніемъ, невинную какъ въ первыя минуты ея рожденія. Скажи ему, что я завѣщаю ему эту любовь на долгій путь жизни : она будетъ его вѣчнымъ хранителемъ,

Что же касается до меня, то я свою любовь переношу туда, гдѣ ничто не измѣняется и гдѣ я буду молиться за него какъ за брата. Передай ему этотъ прощальный поцѣлуй сестры, и.... прости!

Монахиня вышла. Дама упала въ кресла. Татьяна Алексѣевна стояла у окна и тихонько молилась.

Слѣдующею зимою, княгиня Лариса Угорская, по окончаніи траура, опять явилась въ свѣтъ. Мужъ сдѣлалъ ее наследницей всего своего имѣнія, равно какъ и доставшагося ему послѣ брата, который умеръ еще прежде его въ чужихъ краяхъ. Молода, свободна, богата, княгиня могла надѣяться счастливой будущности. На первомъ вечерѣ она представила знакомымъ брата своего Александра, не за долго передъ тѣмъ возвратившагося изъ-за границы. Его пріятная наружность, благородные приемы и задумчивый видъ обратили на себя вниманіе многихъ. Старожилы гостинныхъ вспомнили, что онъ прежде бывалъ въ большомъ свѣтъ; замѣтили, что князь Г***, графъ В*** и другіе знатные подають ему руку, и рѣшили тѣмъ, что если онъ станетъ служить да выгодно женится, такъ пойдетъ далеко.

М. ЖУКОВА.

=

II.

ПОСТРАДАШАЯ ЧЛОВЕЧНОСТЬ.

ОЛЕНЬ КАМЕРОНЪ.

=

НЕИЗДАВАННЫЙ РОМАНЪ ВАЛТЕРА СКОТТА.

=

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

=

XI.

Прошелъ мѣсяцъ послѣ ворстерскаго сраженія. Дѣло приверженцевъ короля казалось совершенно проиграннымъ. Изъ числа кавалеровъ, одни спѣшили покориться республиканцамъ, другіе тихонько пробирались къ береговымъ городамъ и искали безопаснаго убѣжища на материкъ Европы. Тюрьмы были наполнены арестантами, суды слѣдственными дѣлами. Имя Кромвелля повторялось во всей Англій : одни превозносили его до небесъ, другіе, напротивъ, думали, что онъ уже слишкомъ далеко простираетъ власть свою, и жаловались на угнѣтенія. Какъ бы то ни было, все это подавало поводъ къ безконечнымъ толкамъ : въ городахъ,

Т. XLVIII. — Отд. II.

въ селахъ, люди самые бѣдные и ничтожныя разсуждали о политическихъ дѣлахъ и произносили свои мнѣнія. Государственный совѣтъ не могъ воспользоваться ихъ краснорѣчивыми рѣчами; зато трактирщики были въ большихъ барышахъ отъ пива, которое выпивали эти политики въ огромномъ количествѣ.

Въ первыхъ числахъ октября, многолюдная компанія деревенскихъ публицистовъ собралась въ шинкъ, находившемся въ мѣстечкѣ Гринфильдъ, за пѣсколко миль отъ Стаффорда. Шумъ былъ ужасный; стѣны дрожали какъ отъ землетрясенія; но между-тѣмъ не было ни малѣйшей надежды, чтобы собесѣдники начали говорить тише, потому что каждый хотѣлъ быть ораторомъ и кричалъ все горло, думая, что авось хотъ ближайшій сосѣдъ услышитъ слова его. Разумѣется, что такой содомъ не могъ нравиться людямъ степеннымъ и важнымъ, любящимъ спокойныя разсужденія, и вотъ почему, а не изъ экономіи, какъ утверждалъ корыстолюбивый трактирщикъ, три человѣка, оставивъ тѣсную комнату, сѣли подъ деревомъ на дворѣ харчевни. То были школьный учитель, цирюльникъ и приходскій звонарь, самыя глубокомысленныя головы въ цѣломъ мѣстечкѣ. Не соглашаясь во многихъ существенныхъ статьяхъ своихъ политическихъ мнѣній, они тѣмъ болѣе уважали другъ друга за неизмѣнность началъ, которыхъ каждый изъ нихъ придерживался, и очень любили проводить время вмѣстѣ. Ученость школьнаго педагога давала весь каждому его слову и заставляла извинять нѣкоторую жесткость рѣчей его; звонарь возбуждалъ къ себѣ участіе тѣмъ, что при уничтоженіи епископства лишился своего мѣста; а чтѣ касается до цирюльника, то сужденія этого человѣка, правду сказать, не всегда отличались совершенною точностью; зато никто лучше его не умѣлъ слѣдить за ходомъ политическихъ происшествій: онъ зналъ все новости.

— Вотъ вы и опять приуныли! сказалъ школьный учитель, обращаясь къ несчастному звонарю. Да полноте, мастеръ Захарія! вѣдь ужъ напередъ было видно, что этимъ кончится.

— Вы философъ, мастеръ Пруденція, отвѣчалъ звонарь: такъ вамъ хорошо! Люди станутъ жениться подъ республиканскимъ правленіемъ точно такъ же какъ женились прежде: следовательно, у васъ никогда не будетъ недостатку въ ребятишкахъ, которыхъ вы водите прогуливаться, да съчете розгами. Но мое дѣло другаго рода: я вижу ясно, что гринфильдскую колокольню ужъ навсегда заперли.

— *Fuit ilium!* съ важностью произнесъ школьный учитель.

— Толкуйте! подхватилъ звонарь. Но ужъ что бы тамъ ни случилось, а никто не увидитъ Захаріи Саундера подъ-ручку съ какимъ-нибудь пуританиномъ или съ Независимымъ. Я лучше соглашусь, чтобъ встала покойница первая жена моя Меджи, которая, бывало, поднимала такой гвалтъ въ домъ, что звону не было слышно, или даже вторая моя жена, Изавель, которая заставляла меня со слезами вспоминать первую.

— Ну, такъ и есть! подхватилъ цирюльникъ. Это ужъ ваша манера, мастеръ Захарія: вы такъ и нарываете опять потрезвонить, а того не разбираете, что нѣтъ ничего дороже на свѣтъ, какъ свобода совѣсти.

— Свобода совѣсти! съ негодованіемъ повторилъ звонарь. Да кто пользуется этой свободой? Намъ велать ни во что не вѣровать, а я знаю, что многіе почтенные люди съ большимъ удовольствіемъ почитали бы на насъ.... Эхъ, мастеръ Чинскенеръ! вѣдь и вы сами не всегда были Независимымъ.

— Но послушайте, сказалъ Пруденція: вы защищаете человеческое учрежденіе, а всѣ человѣческія учрежденія — суета суетъ, все суета. Это песокъ

выбучій, на которомъ не надобно воздвигать зданія. И-такъ, Захарія, не жалѣйте о потерѣ мѣста, пото-му что, *obiter dictum*, то есть, говоря мимоходомъ, вы похожи на плющъ, который цѣпляется за разва-лины.

— Что вы на это скажете? прибавилъ цирюльникъ.

Но это вмѣшательство; видно, не понравилось учено-му педагогу.

— Что же касается до тебя, *inæqualis tonsor*, ска-залъ онъ, повернувшись къ Чинскеперу: то я сожалею о твоёмъ бѣдственномъ заблужденіи. У васъ, Незави-симыхъ, нѣтъ единства. Смуты и недоразумѣнія водво-рились между вами, какъ между строителями столпа вавилонскаго. Вы подобны тѣмъ безумнымъ женщи-намъ, о которыхъ говорится въ Писаніи, что онѣ, по-гасивъ свои свѣтильники, разошлись въ потемкахъ въ разныя стороны. Если бы парламентъ потребовалъ мо-его мнѣнія, ... о! я научилъ бы его тотчасъ собрать этихъ заблуждшихъ овецъ.

— А какимъ это образомъ? спросилъ обидѣвшійся цирюльникъ.

— Сначала я употребилъ бы силу краснорѣчія, отвѣ-чалъ учитель: а если бы оно не помогло, то любовь къ ближнему внушила бы мнѣ другое, болѣе дѣйстви-тельное, средство.

— Какое?

— Мы, въ философін, называемъ его *argumentum baculinum*. Когда вы сдѣлаете мнѣ честь своимъ посѣще-ніемъ, я покажу вамъ, какъ мы исправляемъ упрямыхъ учениковъ.

Но въ эту минуту педагогъ почувствовалъ, что чья-то желѣзная рука упала ему на затылокъ и такъ силь-но сдавила шею, что онъ рисковалъ задохнуться. Пу-ританинъ хотѣлъ повернуть голову, чтобъ увидѣть то-го нечестивца, который такимъ страннымъ образомъ помѣшалъ дружескому бесѣдованію, но всѣ усилія его

были напрасны, и онъ, съ гримасой отчаянія, взглянулъ на своихъ собесѣдниковъ, какъ-бы прося ихъ помощи. Между-тѣмъ звонарь и цирюльникъ вскочили ужъ съ своихъ мѣстъ и бросились между имъ и неожиданнымъ гостемъ. Этотъ гость былъ просто пьяный солдатъ, вышедшій изъ харчевни. Проходя мимо собесѣдниковъ, онъ услышалъ нѣсколько фразъ, шекотливыхъ для Независимаго, и вздумалъ употребить надъ школьнымъ учителемъ одно изъ тѣхъ дѣйствительныхъ средствъ, про которыя говорилъ самъ мастеръ Пруденція. Рука его ужъ была поднята надъ несчастнымъ ораторомъ, но звонарь, человекъ сильный и смѣлый, остановилъ ее на пути, а цирюльникъ между-тѣмъ истощалъ свое краснорѣчіе, чтобы успокоить буйнаго изувѣра.

— Прочь! прочь! кричалъ солдатъ, стараясь вырваться у Саундерса и схватить опять свою жертву. Я капралъ красныхъ мушкетеровъ; меня зовутъ Ботвеллемъ, и я не допущу, чтобы кто-нибудь при мнѣ говорилъ грѣшныя рѣчи.... Прочь, говорю тебѣ! Я не убью этого Самаритянина; я употреблю противъ него только орудіе слова.... Негодяй! читалъ ли ты Іеремію, Варуха, Осію, Малахію?

При этомъ вопросѣ, показывавшемъ оскорбительное для педагога сомнѣніе, мастеръ Пруденція позабылъ свой страхъ и самъ кинулся на Ботвелля.

— Читалъ ли я Іеремію! вскричалъ онъ. *Obone Deus!* въ первый разъ въ жизни я терплю такую обиду..... Да, несчастный сынъ Каина! я читалъ Іеремію, и вотъ что онъ говоритъ: первое, въ главѣ двадцать-девятой, «Не прельщайтесь словами ложныхъ пророковъ, ибо они пророчествуютъ неправедно»; второе, въ главѣ тридцать-пятой, «Я училъ васъ не упиваться виномъ, но вы меня не послушали!»

Капралъ, вѣроятно, оправдался бы тоже какимъ-нибудь текстомъ, но цирюльникъ, съ необыкновенною

тонкостью, велѣлъ подать большую порцію пива, и спорившія стороны, черезъ нѣсколько минутъ, дружелюбно пѣнили оловянные кружки.

— Нашъ новый знакомецъ человекъ отличнѣйшій, мастеръ Пруденція! замѣтилъ цирюльникъ, стараясь войти въ милость къ капралу. Я увѣренъ, что онъ былъ впереди всѣхъ на ворстерскомъ сраженіи и не одного Филистимлянина отправилъ на тотъ свѣтъ.

— Да-съ, можемъ похвастаться, сказалъ Ботвелль, злодѣйски сдвинувъ на ухо свою шапку. Я посмотрѣлъ-таки въ глаза этимъ фертикамъ, кавалерамъ, и моя сабля познакомилась съ ихъ колетами. Чортовы дѣти дорого продавали намъ свою жизнь; но въ томъ-то и состоитъ удовольствіе. Словомъ, подъ Ворстеромъ было такъ хорошо, что я не промѣнялъ бы этой потѣхи и на партію въ лаускенетъ съ нашимъ капитаномъ Геденомъ Осквебагомъ.

— Говорятъ, что парламентскіе солдаты подражали во всемъ воинамъ Іуды, сказалъ отставной звонарь, худо скрывая свое неудовольствіе: они обирали и живыхъ и мертвыхъ, оставляли на нихъ только рубашку.....

— Да, если на комъ была рубашка, подхватилъ Ботвелль. Но Шотландцы не считаютъ эту вещь необходимою. Вотъ Англичане — другое дѣло: между ними были-таки господчики, около которыхъ наши погрѣли руки. Если бы не надо было дѣлиться съ товарищами, я бы теперъ не пилъ ничего кромъ портвейну. Впрочемъ, мнѣ грѣшно жаловаться: я повалилъ младшаго изъ трехъ Аррингтоновъ, и на мою долю достались лихіе часы съ цѣпочкою.

— Чтò же вы сдѣлали изъ этихъ суетныхъ украшеній? лукаво спросилъ звонарь.

— Часы я отдалъ сержанту, отвѣчалъ Ботвелль, не замѣчая насмѣшки. Они ему пришли по-сердцу, а мнѣ чортъ ли въ нихъ? Я и безъ часовъ просыпаюсь, какъ

забарабанилъ надъ самымъ ухомъ. Что жъ касается до цѣпочки, такъ она у меня. Я снимаю съ нея по колечку въ сутки, и меня во всѣхъ трактирахъ угощаютъ какъ барина.

— *Vanitas vanitatum!* сказалъ мастеръ Пруденція. Къ чему служатъ эти бранныя украшенія и знаки дворянскаго роду? На страшномъ судѣ не спросятъ, кто ты, но хорошо ли ты жилъ на этомъ свѣтѣ. Туда явишься безъ нарядовъ, какъ вышелъ изъ лона матери; герольды не возвѣстятъ о твоёмъ прибытіи. Въ чемъ бы ты здѣсь ни ходилъ, въ золотъ, въ бархатъ, всё равно: тебя поставятъ на одни вѣсы съ тѣмъ, кто носилъ рубаище, и будутъ цѣнить не по платью, но по дѣламъ.

— Что тутъ рассказываетъ этотъ индѣйскій пѣтухъ? вскричалъ Ботвелль, выслушавъ нравоученіе школьнаго учителя. Или ему грезится, что онъ всё-еще въ классъ?..... Эй, хозяинъ! еще четыре бутылки подлива!

— А кто заплатитъ за эту попойку? спросилъ звонарь на-ухо у цирюльника.

— Кто! разумеется, золотая цѣпочка! отвѣчалъ тотъ.

— Фи, Ровоамъ! продолжалъ Захарія, надѣвая шапку: въ такомъ случаѣ это просто кровь человѣческая. Я больше вамъ не товарищъ. Прощай.

Звонарь пошелъ прочь отъ нечестивой бесѣды и до-рѣгою бормоталъ себѣ подъ носъ: — Нѣтъ, Карлъ Стюартъ! я звонилъ когда ты родился, и не хочу праздновать гибель твоихъ защитниковъ.

Между-тѣмъ попойка продолжалась. Цирюльникъ подставилъ Ботвеллю свою кружку, и тотъ наполнилъ ее вровень съ краями. Но мастеръ Пруденція, замѣтивъ отсутствіе звонаря, началъ беспокоиться.

— Куда онъ ушелъ? сказалъ педагогъ, провожая глазами Захарію. Иной подумаетъ, что самъ лордъ Гиль-

дебрандъ пригласилъ его ужинать : такъ онъ улепетываетъ *propagante pede*, то есть, во всѣ лопатки !

— Ну, чортъ его побери ! отвѣчалъ цирюльникъ. Ноги у него здоровы, а голова совсѣмъ на-сторону. Не безпкойтесь, мастеръ Пруденція: миссъ Эльспетъ, ключница лорда Гильдебранда, сказывала мнѣ, что у нихъ рѣдко бываетъ огонь на очагѣ послѣ захожденія солнца, да я и самъ, когда навѣщаю эту почтенную женщину, долженъ довольствоваться холоднымъ цыпленкомъ, сушеными фруктами, и бутылкой бордоскаго.

— Право? подхватилъ Ботвелль. Въ такомъ случаѣ я сегодня же пойду ужинать къ леди Эльспетъ. Она должна быть прекрасная женщина.

— Этотъ плуть Чинскеперъ счастливъ какъ болонская собаченка, сказалъ педагогъ, развеселившись и подмигивая на цирюльника: ему въ кухнѣ лучше чѣмъ самому лорду въ столовой.

— Да что у васъ этотъ лордъ? старъ и скупъ, что ли? спросилъ мушкетеръ.

— Ужъ и не говорите! отвѣчалъ Чинскеперъ. Такого скряги я съ-роду не видывалъ. Онъ здѣсь самый богатый помѣщикъ: земель, замковъ, у него больше нежели у меня шилинговъ; а онъ живетъ словно какой-нибудь промотавшійся дворянинъ, который прячется отъ своихъ кредиторовъ.

— *Auri sacra fames!* произнесъ со вздохомъ мастеръ Пруденція. Человѣкъ, собирающій сокровища въ здѣшнемъ мѣрѣ, поступаетъ вопреки всѣмъ правиламъ философіи. Развѣ онъ возьметъ ихъ съ собой въ могилу?

— Въ могилу! вскричалъ цирюльникъ. Да лордъ Гильдебрандъ о ней и не думаетъ! Еще недавно онъ ѣздилъ самъ на торгъ продавать хлѣбъ: трясется, бывало, на своей пѣгой лошади, а эта лошадь — кости да кожа. Теперь заперся въ своемъ замкѣ и живетъ одинъ

однѣхонекъ, только съ старухой, которая исправляетъ должность ключницы и кухарки, да съ деревенскимъ дѣтиной, олухомъ, который служитъ ему и дворецкимъ и камердинеромъ и садовникомъ и чѣмъ хотите.

— Жаль же, что мнѣ надобно спѣшить въ свою роту, гдѣ меня, я думаю, ждутъ не дождутся, сказалъ капралъ : а нето, я завернулъ бы къ этому лорду Гиллебранду, навѣдаться, какъ онъ думаетъ о республикѣ....

— Напрасно, сказалъ цирюльникъ. Даромъ-что лордъ никогда не говоритъ, изъ кавалеровъ онъ или изъ республиканцевъ, я знаю навѣрное, что онъ ненавидитъ парламентъ, а надо васъ предупредить, что его милость служилъ въ гвардіи, и по-сю-пору ходитъ при шпагѣ, даже у себя дома.

— Нужды нѣтъ, возразилъ мушкетеръ, вставъ съ мѣста. Я не струсилъ бы его шпаги, и далъ бы ему славное наставленіе какъ слѣдуетъ употреблять свои сокровища, да притомъ и ключница, можетъ-статься, не такъ стара, какъ о ней говорятъ, а ужъ цыплята-то во всякомъ случаѣ лучше пудинговъ, которыми подчуютъ меня по трактирамъ.

Сказавъ это, Ботвелль, пошатываясь, пошелъ въ конюшню, вывелъ свою лошадь, съ помощью слуги вскарабкался на сѣдло, далъ шпоры, и, не простившись съ своими собесѣдниками, поскакалъ во всю конскую прыть. Пруденція и цирюльникъ остались на-мѣстѣ какъ окаменѣлые : они были увѣрены, что капралъ расплатится за попойку, но этотъ поступокъ Ботвелля внушилъ имъ самыя непріятныя сомнѣнія. Окинувъ взглядомъ фалангу пустыхъ бутылокъ, Чинскеперъ вскочилъ и пустился за бѣглецомъ.

— Ботвелль ! Ботвелль ! дружище ! ты забылъ заплатить за полпиво !.... Если не хочешь за все, расплатись охтъ за то, что ты выпилъ ! Двадцать бутылокъ : слы-

шишь ли?..... Нѣтъ, чортъ возьми! ускакалъ!..... Что вы объ этомъ скажете, мастеръ Пруденція?

— Я? отвѣчалъ педагогъ : а мнѣ какое дѣло? развѣ я велѣлъ подать портеру?..... Вотъ тебѣ развѣ! вы задумали поговорить съ этимъ мушкетеромъ inter rosa, то есть, по-дружески, по-приятельски, а меня заставляете расплачиваться!

— Но если бы я не велѣлъ подать портеру, онъ задушилъ бы васъ своей лапой, сказалъ бѣдный цирюльникъ. Жаль! мнѣ бы такъ и надобно было сдѣлать! Теперь совѣсть моя никогда не будетъ спокойна, что я пилъ вмѣстѣ съ убійцею невиннаго Аррингтона.

Какъ бы то ни было, Чинскеперъ вытащилъ свой кошель и, вздыхая, началъ отсчитывать шиллинги. Въ это время подошелъ къ нему какой-то прохожій.

— Не можете ли вы указать мнѣ дорогу въ замокъ лорда Гильдебранда? спросилъ онъ, учтиво кланяясь.

— А кого вы хотите видѣть въ замкѣ? сказалъ Чинскеперъ.

— Самого лорда, отвѣчалъ молодой человекъ.

— Въ такомъ случаѣ я совѣтую вамъ взять въ этомъ шинкѣ особую комнату, гдѣ мы вмѣстѣ проведемъ время до вечерней молитвы. Потомъ вы ляжете спать, отдохнете, а завтра поутру мы выпьемъ порюмкѣ водки, что очень полезно передъ отправленіемъ въ путь, и поѣдемъ въ замокъ. Повѣрьте : это совѣтъ совершенно дружескій. Видите, какія соображаются тучи : васъ промочитъ до костей, ежели вы теперь же поѣдете.

— Что дѣлать! мнѣ надо видѣть лорда какъ можно скорѣе.

— Но подумайте хоть о томъ, что вы пріѣдете уже ночью, а въ это время никого не пускаютъ въ замокъ : развѣ кто привезетъ мѣшечекъ съ гинеями.

— Я нимѣю причину думать, что меня пустятъ во всякое время.

Эти слова подстрекнули жадное любопытство цирюльника, и онъ, расплатившись съ хозяиномъ, ту же минуту пошелъ вмѣстѣ съ незнакомцемъ по дорогѣ въ замокъ лорда Гильдебранда.

XII.

. Между-тѣмъ какъ два пѣшехода отиравались изъ мѣстечка Гринфилдъ, старая ключница лорда Гильдебранда, видя, что солнце уже скрывается за отдаленными рощами, по обыкновенію заперла всѣ двери и, отнеся къ своему барину связку ключей, усѣлась въ кухню подъ окошкомъ, штопать шерстяные чулки его милости. Время подходило къ зимѣ; въ замокъ уже приняты предосторожности противъ стужи: двери были обиты козлиной шкурой; сверхъ-того принесли съ чердака старый коверъ, разостлали его по каменному полу той комнаты, гдѣ жилъ самъ хозяинъ, и наконецъ, изъ предосторожности, которая безъ сомнѣнія удивитъ нашихъ читателей, заткнули на-глухо верхнія отверстія печныхъ трубъ, чтобы сырость не могла проникать во внутренность замка: графъ держался теоріи, что жизненная теплота — самая свойственная человѣку, и слѣдственно не надобно топить печекъ, а довольно согрѣвать себя посредствомъ одежды. Эта теорія, конечно, имѣетъ свои важныя выгоды: во-первыхъ, всякую зиму сберегается нѣсколько сажень дровъ, что, конечно, дѣлаетъ счетъ въ хозяйствѣ; во-вторыхъ, при такомъ способѣ самосогрѣванія, употребляются на одежду грубыя и толстыя ткани, которыя и дешевле и не такъ скоро изнашиваются. Но этой-то, вѣроятно, причинѣ, лордъ и не носилъ ни какихъ исподней, кромѣ какъ изъ толстой суровой холстины, которую ткала сама его ключница.

Миссъ Эльспетъ не спѣшила заняться работой: она

принималась за нее исподоволь, усаживалась, осматривалась, протираала очки, раскладывала иголки. Наконецъ, однако жъ, шерстяной чулокъ графа Кармартена началъ заштоповываться, какъ вдругъ сильный стукъ у воротъ возвѣстилъ, что кто-то желаетъ войти въ замокъ.

«Кто бы это въ такую пору? подумала ключница. Ночь на дворъ и дождь словно изъ ведра льется: кому пришла охота пожаловать къ намъ въ это время?... Да Богъ съ нимъ! стучи-себѣ сколько хочешь, я съ мѣста не тронусь. Этакъ мнѣ и къ Рождеству не доштопать пятки на одномъ чулкѣ съ лѣвой ноги. При томъ надо будетъ проходить черезъ дворъ подъ кровельнымъ жолобомъ, а онъ худъ: вода такъ и свищетъ.»

Въ это время еще нѣсколько сильныхъ ударовъ въ ворота раздались по всему замку, показывая нетерпѣніе посѣтителя.

«Стучись, стучись, думала про себя миссъ Эльспетъ: когда-нибудь перестанешь! Если бы Перкинсъ былъ дома, я послала бы его навѣдаться, а то итти мнѣ самой.... да что я за сумасшедшая? развѣ въ потемкахъ честная дѣвушка....»

Но мысли цѣломудренной ключницы внезапно получили другой оборотъ. У воротъ опять застучали; она начала прислушиваться и пробормотала: — Что это значитъ?... Я узнаю стукъ Ровоама!.... Зачѣмъ онъ пожаловалъ? не пригрезилось ли ему, что надо напудрить парикъ барину, что его милость ѣдетъ на балъ?... Нѣтъ, слава Богу, лордъ не бываетъ на балахъ со временъ королевы Елисаветы, при которой служилъ пажомъ.

Какъ бы то ни было, миссъ Эльспетъ пошла къ графу, и, послѣ долгаго объясненія, зачѣмъ ей нужны въ такое время ключи, отправилась наконецъ къ воротамъ.

— Кто тамъ? спросила она.

— Я, миссъ Эльспетъ! отвѣчалъ цирюльникъ. Отворите пожалуйста : мы смерть продрогли.

— Не спиши еще , сказала ключница , отодвигая досечку , которою закрывалось маленькое окно въ калиткѣ : сперва покажи мнѣ свою дурацкую рожу , и ежели это точно ты , такъ скажи , зачѣмъ тебя принесли черти такъ поздно.

— Я скажу вамъ все , миссъ Эльспетъ : только пожалуйста отворите. Неужели вы хотите , чтобы я умеръ отъ холоду ?

— Экая важность !.... Полно , братъ ! не шелкай зубами : ты этимъ меня не разжалобишь. Сказывай напередъ , зачѣмъ ты пришелъ : не то , закрою окошко , и дѣло кончено !

— Ахъ , какія вы безчеловѣчныя ! Я привелъ одного молодца , у котораго есть письмо къ графу.

— Письмо !.... Вотъ еще новости ! графъ давнымъ-давно не получалъ писемъ. Отдай его мнѣ и убирайся.

— Покорно благодарю , миссъ Эльспетъ. Мнѣ надобно напередъ обсушиться , да и товарищъ мой долженъ отдать письмо не иначе какъ въ руки самому графу.

Ключница ; послѣ нѣсколькихъ возраженій , должна была впустить двухъ посѣтителей.

— Ну , ведите меня къ графу , сказалъ незнакомецъ. Я не могу терять времени : надо сегодня же пуститься назадъ.

— Дайте мнѣ свѣчку : я провожу этого молодого человека , примолвилъ цирюльникъ.

— Какъ бы не такъ ! возразила ключница. Тебѣ хочется провѣдать , откуда его прислали , и потомъ рассказать Захаріи и мерзавцу Пруденціи ?.... Нѣтъ , любезный , шутишь ! Убирайся-ко добро въ кухню : тамъ ты передашь мнѣ всѣ послѣднія новости. Чтò сдѣлалось съ тѣмъ разносчикомъ , который намедни вечеромъ пришелъ къ мистрисъ Досонъ и потомъ пропалъ

безъ вѣсти?... Ну, говорю, ступай въ кухню! Въ буфетъ, въ углу, есть бутылка : можешь выпить.

Цирюльникъ съ улыбкою кивнулъ головой и скрылся; между-тѣмъ миссъ Эльспетъ повела незнакомца по длиннымъ корридорамъ, переходамъ и лѣстницамъ, которыми была наполнена внутренность стариннаго зданія.

— Признаюсь, мнѣ немножко страшно вести васъ къ графу, сказала она. Его милость сегодня не въ духъ, и ктому жъ онъ терпѣть не можетъ видѣть у себя постороннихъ людей. Вы, кажется, издалека къ намъ пожаловали? устали?

— И всё-таки пробуду въ дорогъ цѣлую ночь, отвѣчалъ незнакомецъ.

— Прекрасно! Смерть люблю такихъ отважныхъ и неутомимыхъ людей! Вы кажетесь скромнымъ молодымъ человѣкомъ : это мнѣ нравится, и я дамъ вамъ совѣтъ, какъ вы должны вести себя съ графомъ. Во-первыхъ, держите шляпу въ рукъ и не начинайте говорить, пока онъ самъ васъ не спроситъ. Когда станете отвѣчать, то говорите короче : онъ любитъ, чтобы берегли время, потому что оно, какъ и все другое, расстрачивается : слѣдовательно, въ немъ, такъ же какъ и во всемъ, надобно соблюдать экономію. Не подходите къ графу слишкомъ близко и не трогайте ничего, что есть въ комнатѣ. Наконецъ, если вамъ нужно ему понравиться, такъ спросите у него, кто таковъ этотъ прекрасный молодой человѣкъ, который нарисованъ на портретъ, повѣшенномъ за его креслами; но кромѣ этого не спрашивайте ни о чемъ.

Незнакомецъ, вѣрно, желалъ бы потребовать войкакихъ объясненій на ключницыны совѣты, но миссъ Эльспетъ отворила дверь и безъ церемоніи ввела его въ кабинетъ графа Кармартена. Это была довольно большая комната, съ высокими сводами и съ длинными, узенькими окошками. Старинная мебель стояла у стѣнъ.

Лампада, въ видѣ треножника, горѣла по-серединѣ стола, заваленнаго книгами и бумагами. При ея мерцающемъ свѣтѣ, можно было рассмотреть нѣсколько старыхъ картинъ въ рѣзныхъ рамахъ и полинявшіе обои, на которыхъ были изображены подвиги Вильгельма Нормандскаго. Все показывало старинную пышность владѣльцовъ замка, и легко было понять, что нынѣшній хозяинъ его, несмотря на свою чрезмѣрную скупость, любитъ окружать себя признаками наследственнаго великолѣпія.

Лордъ Гильдебрандъ сидѣлъ передъ столомъ въ большихъ креслахъ, обитыхъ кожею. Онъ держалъ въ рукъ ветхій молитвенникъ, и, вѣроятно, съ трудомъ читалъ его, потому что рука его дрожала отъ старости. Впрочемъ графъ былъ еще свѣжъ. Лицо его, изрытое морщинами, сохраняло слѣды примѣчательной красоты и обнаруживало характеръ сильный, хотя подозрительный. Одежда не соответствовала высокому рангу, который фамилія Кармартеновъ занимала изстари въ своемъ графствѣ: вмѣсто драгоценнаго атласу и бархату, на немъ былъ толстый суконный камзолъ, котораго покрой восходилъ по-крайней-мѣрѣ до временъ прекраснаго Лейстера. Лысая голова прикрыта была строю шерстяной скуфейкой: парикъ надѣвался только по воскресеніямъ и въ торжественныхъ случаяхъ.

При появленіи ключницы, графъ положилъ книгу и обратилъ на нее безпокойный взглядъ. Видъ незнакомаго смутилъ его еще болѣе. Онъ машинально положилъ руку на эфесъ своей шпаги и спросилъ съ недовольнымъ видомъ: — Кого ты ко мнѣ привела, Эльспетъ? Чѣмъ нужно этому человѣку? Ты говорила что пришелъ Ровоамъ.

— Точно такъ, милордъ, отвѣчала ключница. Ровоамъ привелъ этого молодаго человѣка, у котораго есть письмо къ вашей милости.

— Странно! Кто это ко мнѣ пишетъ? Вѣрно, кто-ни-

будь изъ сосѣдей. Я къ нимъ не пишу : могли бы и они оставить меня въ покоѣ.

— Да что жъ за бѣда прочитатъ письмо, ваша милость? сказала ключница. Вѣдь мы еще не знаемъ что въ немъ написано. Вчера у меня поминутно нагаралъ хохолокъ на свѣтильнѣ, а это значитъ добрыя вѣсти.

— Такъ у тебя горѣла лампада вчера вечеромъ? подхватилъ лордъ Гильдебрандъ. Кажется, было свѣтло и отъ мѣсяца.

Эльспетъ закусила губы и промолчала.

— Ну, дай мнѣ свое письмо, продолжалъ графъ, обращаясь къ молодому человѣку. Хорошо. Теперь отойди подальше : тебѣ нѣтъ надобности стоять возлѣ меня.

Старикъ началъ повертывать письмо во всѣ стороны, какъ-будто боясь его распечатать. Между-тѣмъ миссъ Эльспетъ, вмѣсто того чтобъ уйти, приводила въ порядокъ мебель, обдувала пыль, и, казалось, была совершенно погружена въ это занятіе.

— Что ты тамъ дѣлаешь? сухо спросилъ лордъ Гильдебрандъ, угадавъ ея хитрость. Ты мѣсяцъ шесть не трогала этой мебели : такъ ужъ теперь, право, не время. Убирайся добро въ свою кухню : я не имѣю нужды въ твоихъ совѣтахъ и замѣчаніяхъ на письмо, которое мнѣ доставили.... Ступай, говорю тебѣ! и когда этотъ молодой человѣкъ выйдетъ изъ кабинета, проводи его вонъ изъ замка, запри ворота, и ложись спать.

Миссъ Эльспетъ, какъ ей ни хотѣлось подслушать, должна была повиноваться и пошла говорить съ цирюльникомъ, который впрочемъ не очень скучалъ своимъ одиночествомъ, потому что сидѣлъ не совсѣмъ одинъ, а съ бутылкой.

Между-тѣмъ лордъ Гильдебрандъ всё-еще не раскрылъ письма. Ему незнакомы были ни почеркъ адреса, ни посланный. Съ недоувѣрчивостью, свойственной всѣмъ скупымъ людямъ, онъ держалъ въ рукѣ запечатанный пакетъ, а самъ посматривалъ на молодаго че-

ловъка, который принесъ его. Въ это время увидѣлъ онъ, что тотъ вооруженъ длиннымъ карабиномъ.

— Эльспетъ не предупредила меня, что при немъ есть оружіе, пробормоталъ онъ, нахмурившись: что жъ это значить?.... Послушай, молодой человекъ! дляче-го ты не оставилъ карабина за дверью?

— Дятого, милордъ, что этотъ карабинъ и я, никогда не покидаемъ другъ друга, отвѣчалъ незнакомецъ.

Графъ всталъ, подошелъ къ молодому человеку, и ловко вырвавъ у него карабинъ, поставилъ его за своими креслами, потомъ сѣлъ на прежнее мѣсто, положилъ ногу на ногу, и сказалъ: — Теперь намъ будетъ удобнѣе разговаривать. Скажи же, мой другъ, что ты за человекъ?

Незнакомецъ улыбнулся при предосторожности лорда и отвѣчалъ весело, что онъ человекъ, добывающій себѣ хлѣбъ тѣмъ ружьемъ, которое графъ у него отнялъ.

— Право? сказалъ лордъ Гильдебрандъ, немножко смутившись: такъ ты, любезнѣйшій, то, что называютъ подорожными рыцарями?

— Нѣтъ, милордъ, возразилъ молодой человекъ: я честный браконіеръ изъ Шропшейра, и никогда не имѣлъ дѣла съ полиціей.

— Честный браконіеръ!.... Гмъ! эти два слова плохо ладятъ между собою: всё-равно, если бы кто сказалъ «честный мошенникъ».... Такъ ты, любезнѣйшій, изъ числа негодяевъ, которые топчутъ поля, проламываютъ заборы, чтобы пропускать собакъ своихъ, и дѣлаютъ намъ больше убытку, чѣмъ градъ и кроты? Прежде, когда такіе соколы попадались въ моемъ помѣстьѣ, я отправлялъ ихъ на висѣлицу, но теперь правительство занято другими дѣлами, и эта саранча расплодилась такъ, что съ нею ничѣмъ не справишься.

Лордъ Гильдебрандъ видимо начиналъ горячиться. Донель, котораго наши читатели, конечно, узнали, очень

жалѣлъ о своей неблагоразумной откровенности, которая могла повредить его дѣлу; но всѣ его старанія успокоить графа не привели ни къ какимъ послѣдствіямъ. Наконецъ онъ вспомнилъ одинъ изъ совѣтовъ, полученныхъ отъ миссъ Эльпетъ, и сталъ искать глазами портрета, о которомъ она говорила. То было изображеніе молодаго человѣка очень пріятной наружности, съ рукой на эфесѣ шпаги, съ горделивой осанкой, и съ улыбкою на губахъ. Одежда его состояла изъ глубокой бархатной мантии, бѣлаго атласнаго полукафтанья, и богатаго кружева вокругъ шеи, на рукавахъ и даже на сапогахъ. Донель вытаращилъ глаза на эту картину и какъ-будто забылъ все прочее. Это безмолвное удивленіе произвело дѣйствіе, какого онъ и не ожидалъ: лордъ Гильдебрандъ пересталъ браниться и сказалъ ласково: — Что ты такъ смотришь на картину? какъ тебѣ кажется этотъ молодой человѣкъ?

— Ей Богу, я съ-роду не видывалъ такого красавца! отвѣчалъ Донель съ восторгомъ. Что за лицо! что за усики!.... Вотъ ужъ, я думаю, барышни съ ума сошли, глядя на этого молодаго господина!

— Да, да! сказалъ графъ Кармартенъ, потирая руки отъ удовольствія. Этотъ молодой господинъ былъ-таки изрядный повѣса въ свое время; не пропускалъ ни одного праздника: днемъ при дворѣ, а ночью..... и Богъ знаетъ гдѣ! Ктому жъ его нельзя было упрекнуть и въ трусливости: онъ не отказывался отъ вызову, и шелъ на поединокъ такъ же весело какъ на любовное свиданіе.

— А какой онъ нарядный! продолжалъ Донель. Нынче ужъ не носятъ такого красиваго платья.

— Надѣюсь, что нѣтъ, отвѣчалъ графъ, приподнявъ лампаду и освѣщая картину. Видишь ли это кружево?.... Настоящее венеціанское и стоило по-крайней-мѣрѣ пятьдесятъ фунтовъ. А этотъ аграфъ? Его дѣлалъ

парижскій мастеръ, и нынче такого аграфа за пять сотъ гиней не купишь. Ужъ не говорю ничего о бархатѣ, изъ котораго сшита эта мантия, и о жемчугѣ, который она такъ изукрашена. Признаюсь : много денегъ было убито ! Да въ двадцать лѣтъ, кто не вѣтренничалъ ? Весь уборъ этого молодого человѣка, какъ ты его видишь, стоилъ три или четыре тысячи фунтовъ !

— Боже мой ! три или четыре тысячи !.... Смѣю ли спросить вашу милость, кто таковъ этотъ безумный, который такъ бросалъ деньги ?

— Увы, мой другъ ! это точно безумный, шотъ, сумасшедшій ! Ты говоришь сухую истину : Гильдебрандъ Кармартенъ заслужилъ, чтобы его такъ называли. — Но что дѣлать ! прибавилъ графъ обернувшись опять къ портрету и смотря на него съ удовольствіемъ : поди, ищи здраваго смысла въ головѣ у пажа ! Я всё-таки былъ умнѣ Релифа, который бросалъ свою мантию подъ ноги королевы Елисаветъ.

Сказавъ это, лордъ Гильдебрандъ сѣлъ опять въ свои кресла, и Донелю было не трудно замѣтить выраженіе гордости и самодовольствія, озарявшее физиономію стараго аристократа. Онъ спѣшилъ воспользоваться этой благопріятной минутой, чтобъ напомнить ему о письмѣ.

— Я и забылъ о немъ, сказалъ графъ, разсѣянно взявъ пакетъ со стола, куда онъ положилъ его, занявшись портретомъ. Да, это мой адресъ : « Лорду Гильдебранду Кармартену, въ собственномъ замкѣ его сіятельства, Рочдель. » Странно, что я не знаю этого почерка. Отъ кого ты присланъ ?

— Вы это узнаете по письму. Впрочемъ, мнѣ нѣтъ ни какой нужды таиться : отъ мистера Годдльстона.

— Тсъ ! тсъ ! говори тише.

Графъ поспѣшно сломилъ печать и прочелъ слѣдующее :

«Милордъ,

«Его величество, король Карлъ, до-сихъ-поръ не могъ выехать изъ своихъ владній. Цѣлый мѣсяцъ скитается онъ изъ графства въ графство, переодѣваясь разнымъ образомъ. Человѣкъ, который доставить вамъ это письмо, можетъ сообщить вашему сіятельству всѣ подробности, какія будутъ для васъ интересны. Онъ вѣрный слуга его величества, и вы не должны его опасаться ни въ какомъ случаѣ. Мы вмѣстѣ хлопочемъ о томъ, чтобъ доставить государю средства уехать во Францію; но всѣ наши усилія будутъ тщетны, ежели мы не получимъ суммы, которая необходима его величеству для совершенія этого опаснаго и труднаго путешествія.

«Большая часть друзей нашихъ въ изгнаніи или подъ арестомъ. Нѣкоторые остались свободными, но они еще бѣднѣе чѣмъ мы. Въ этой крайности я нашелъ себя вынужденнымъ обратиться къ вашему сіятельству. Мнѣ извѣстна непоколебимая вѣрность ваша законному государю. Я знаю, что только преклонность лѣтъ и сопряженныя съ ней болѣзни воспрепятствовали вашему сіятельству открыто дѣйствовать въ пользу прямаго наследника королевы Елисаветы. Но это же самое сохранило васъ и ваше имущество отъ рукъ похитителей. Надѣюсь, что ваше сіятельство не встрѣтите ни какихъ затрудненій вручить подателю письма двѣ тысячи фунтовъ стерлинговъ, которые необходимы для спасенія нашего короля Карла.

«Затѣмъ, моля Всевышняго даровать вамъ многія лѣта, нивью честь быть,»... и прочая.

«Годдльстонъ.»

Пока графъ читалъ письмо, Донель съ безпокойствомъ смотрѣлъ на лицо его. Старикъ сначала казался растроганнымъ. Вѣсть объ опасностяхъ, окружающихъ молодаго монарха, казалось, произвела на него глубокое впечатлѣніе: онъ вздыхалъ и выпустилъ нѣсколько восклицаній, которыя обнаруживали сильное волненіе стараго сердца. Но, подъ-конецъ письма, лицо графа вытянулось: скупой старикъ сдѣлалъ

страшную гримасу, и съ гнѣвомъ кинулъ письмо на столъ.

— Двѣ тысячи фунтовъ стерлинговъ! шутка!.... Аббатъ спятилъ съ ума!.... Гдѣ мнѣ взять двѣ тысячи фунтовъ? Я бѣденъ какъ Ювъ. Налоги разстроили все мое состояніе, градъ побилъ нивы, арендаторы не платятъ оброку.... Съ чего вздумалъ этотъ аббатъ присылать ко мнѣ за деньгами?

— Милордъ, сказалъ Донель: всѣ говорятъ о вашей преданности его величеству, и если бы вы знали, въ какомъ положеніи....

— Молчи, дурачина! вскричалъ графъ: я не хочу ничего знать, и кто говоритъ это, скажи тому, что онъ вретъ. Вы вздумали разорить меня, пустить по міру, заставить спать на соломѣ.... Да, если бы я и въ самомъ дѣлѣ любилъ внука Іакова Перваго, прибавилъ графъ, понизивши голосъ: если бы я въ самомъ дѣлѣ любилъ несчастнаго Карла, такъ развѣ это даетъ мнѣ средства отсчитать тебѣ двѣ тысячи фунтовъ стерлинговъ, когда у меня ихъ нѣтъ? Раскрой мнѣ всѣ жилы, у меня нѣтъ двухъ тысячъ.... Право, забавенъ этотъ мистеръ Годдльстонъ. «Надѣюсь, что ваше сіятельство не встрѣтите ни какихъ затрудненій вручить подателю письма двѣ тысячи фунтовъ!» Да развѣ можно найти такую пропасть денегъ у бѣдняка? Пусть обещаютъ весь замокъ, пусть все поставятъ вверхъ дномъ: у меня нѣтъ и тысячи.... чтѣ я!.... нѣтъ и пяти сотъ фунтовъ. Скажи же мистеръ Годдльстону, что мнѣ очень жаль, но я не могу выполнить его требованія. Прощай, Донель.

— Нечего дѣлать, ваше сіятельство! отвѣчалъ Донель. А, кажется, двѣ тысячи фунтовъ не Богъ-знаетъ какая важная сумма. Есть много людей, которые на наряды, пѣтушій бой и на любовныя шалости бросають разомъ втрое и вчетверо противъ этого.

— Это глупые, безразсудные люди, скажамъ прогнѣ-

ванный лордъ. Ихъ надо запереть въ домъ сумасшедшихъ.... Да что толковать пустое? У меня нѣтъ ни нарядовъ, ни пѣтуховъ, ни любовницы. Я человекъ бѣдный. Въ послѣдній разъ, какъ мнѣ понадобилось побывать въ Стаффордъ, я долженъ былъ выпросить лошадь у приходскаго священника : вотъ до чего меня довели!

— А королю англійскому не у кого и лошади выпросить! сказалъ браконіеръ : онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ врагами, ходитъ пѣшкомъ, съ мѣшкомъ за спиною, да съ палкой. Часто башмаки его всѣ изорваны, растоптаны, ногамъ его больно, а дѣлать нечего : терпѣть! другой пары нѣтъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? подхватилъ графъ.

— Платье на англійскомъ королѣ такое, что его не захотѣлъ бы носить и послѣдній изъ вашихъ служителей, продолжалъ Донель. Онъ спитъ на голой землѣ, сегодня въ лѣсу, завтра въ оврагѣ, и считаетъ благополучіемъ, когда удастся отдохнуть въ какомъ-нибудь отдаленномъ овишѣ....

— Что ты говоришь! перебилъ графъ, съ трудомъ удерживая свое волненіе.

— Онъ ѣстъ чернѣйшій хлѣбъ, продолжалъ опять Донель, не отвѣчая на вопросы графа : онъ запиваетъ его водою; днемъ прячется какъ преступникъ и только по ночамъ выходитъ изъ своего убѣжища. Ему нельзя сдѣлать шагу по своему королевству, не встрѣтившись съ неприятелемъ, и около него нѣтъ защитниковъ, бродитъ нѣсколькихъ человекъ мужиковъ, такихъ же какъ я.

— О Боже мой! вскричалъ графъ, вскакивая со стула. Проводи меня къ его величеству! Я стану защищать его хоть отъ цѣлой арміи!

— Ему нужно не то, милордъ, отвѣчалъ Донель, котораго эта выходка рыцарской доблести заставила улыбнуться. Несчастному королю нужны способы пробраться въ какой-нибудь портовой городъ и уѣхать во

Францію ; а этому скорѣе можетъ помочь ваша шка-тулка чѣмъ шпага.

— Боже мой! повторилъ лордъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, какъ въ лихорадкѣ : Боже мой! что же мнѣ дѣлать?... что же мнѣ дѣлать?... Зачѣмъ аббатъ обратился ко мнѣ? развѣ въ Англии нѣтъ дворянъ, которые несравненно богаче.... такихъ, у которыхъ я почелъ бы за счастье быть управителемъ? Напримѣръ, лордъ Аррингтонъ....

— Лордъ Аррингтонъ убитъ подъ Ворсстѣромъ, вмѣстѣ съ сыномъ и внукомъ, а имѣніе ихъ конфисковано.

— Бѣдные!.... Ну такъ сэръ Вилліамъ Гренвилль.

— Сэръ Вилліамъ Гренвилль принужденъ былъ переехать въ ливрею своего племянника, полковника Темпля, чтобъ скрыться отъ сѣищиковъ.

— А баронъ Вальденъ? этотъ любимецъ покойнаго короля, страстный охотникъ гоняться за лисицами? У него такія помѣстья, что онъ можетъ рыскать цѣлый день, не выхавъ изъ своихъ владѣній.

— Онъ недавно угощалъ въ своемъ замкѣ Кромвелля, и если пивоваръ вздумаетъ когда-нибудь сдѣлаться королемъ, то лордъ Вальденъ навѣрное станетъ снимать съ него сапоги, потому что это, говорятъ, привиллегія фамиліи Вальденовъ.

— Измѣнникъ! проворчалъ лордъ Гильдебрандъ.

— Видите ли, ваше сіятельство, что теперъ одни вы можете подать помощь его величеству?

— Если бы аббатъ требовалъ меньше, то дѣло, пожалуй, могло бы уладиться, сказалъ графъ въ раздумьѣ. У меня есть около сотни гиней, которыя отдала мнѣ на сбереженіе моя ключница. Это все, что она накопила подъ-старость, послѣдній ея кусокъ, и, по-настоящему, я не имѣю права прикасаться къ этимъ деньгамъ. Но.... ужъ такъ и быть! ты меня разжалобилъ. Я заплачу старухѣ, когда продамъ хлѣбъ. Какъ ты объ этомъ думаешь?

— Что тут думать! отвѣчалъ Донель. Сотня гиней : это нечѣмъ заткнуть ротъ самой бѣдной болтунь, которой случится узнать Карла Стюарта!

— И забудь, ради Бога, забудь, что я тебѣ говорилъ объ этихъ деньгахъ!.... У меня нѣтъ ихъ.

— Такъ и дѣлать нечего, отвѣчалъ Донель : Карлу пришлось погибнуть. Дня черезъ три вы услышите, какъ публичный крикунъ, ходя по улицамъ въ Гринфильдъ, будетъ объявлять объ арестованіи, осужденіи, а можетъ-статься и смерти его величества.

Лордъ Гильдебрандъ поблѣднѣлъ и вздрогнулъ.

— Да, сказалъ онъ : они убили отца.... не пожалѣютъ и сына!.... Послушай, мой другъ : если я дамъ тебѣ триста гиней, то не будетъ ли этого?.... Триста гиней—сумма огромная!.... съ нею можно уйти далеко!.... У меня, правда, нѣтъ такой кучи денегъ, но я бы ужъ досталъ : отвѣчаю за это.

Донель тряхнулъ головой, въ знакъ отрицанія.

— Ну пять сотъ гиней! сказалъ лордъ Гильдебрандъ, дѣлая надъ собой болѣзненное усиліе.

— Нѣтъ, ваше сіятельство, о жизни короля такъ не торгуются, отвѣчалъ Донель. Скажите съ одного разу, что вы можете дать, и перестанемъ говорить объ этомъ.

— Мнѣ пришла въ голову новая мысль, сказалъ графъ. Ты видишь самъ, что я человекъ бѣдный ; но завсѣмъ тѣмъ я знаю здѣсь въ околоткѣ одного человека, который согласится ссудить меня нѣкоторою суммою подъ залогъ какихъ-нибудь вещей, на примѣръ, брилліантовъ, серебра, золота.... По-несчастію, я принужденъ былъ распродать всю свою серебряную посуду, и драгоценныя вещи покойной матушки. Но если у короля уцѣлѣлъ какой-нибудь перстень, аграфъ, ожерелье, въ такомъ случаѣ я бы постарался.... Дѣло, конечно, трудное : возьмутъ большіе проценты; но вѣдь ежели нѣтъ другихъ средствъ, такъ не надобно

презирать и этимъ. Въ случаѣ нужды, я подпишусь порукою.

— Довольно, милордъ, отвѣчалъ Донель. Если бы у короля уцѣлѣли какія вещи, такъ я не безпокоилъ бы ваше сіятельство : въ Англии нѣтъ недостатку въ жидкахъ, которые также подпишутся порукою.

Браконіеръ взялъ свой карабинъ и вышелъ изъ кабинета. Лордъ Гильдебрандъ съ мучительнымъ чувствомъ смотрѣлъ, какъ онъ постепенно удаляется по длинному корридору, пробуждая своими шагами эхо подъ его высокими сводами. Разсказъ Донеля о положеніи Карла тронулъ графа до глубины сердца. Старикъ вспомнилъ опасности, окружающія его государя, и, не выдержавъ характера, закричалъ : — Эй! Донель!... негодяй!... воротись!.... Оглохъ что ли ты?.... Воротись, проклятый!

— Мнѣ далеко идти, ваше сіятельство, а къ разсвѣту я долженъ быть на-мѣстѣ, отвѣчалъ Донель, возвращаясь къ графу. Что прикажете?

— Что прикажете?... Ты ужъ черезъ-чуръ скоръ. Я вѣдь не отпустилъ тебя : что жъ ты бѣжишь, какъ-будто сорвался съ цѣпи? Слава Богу, ноги твои здоровы : лѣсничимъ не скоро удастся поймать. Послушай : если ужъ дѣла такъ не хороши, какъ ты мнѣ рассказываешь, то я не могу отпустить тебя съ пустыми руками. Помнится, послѣ батюшки осталось нѣсколько деньжонокъ въ одномъ старомъ сундучишкѣ : онѣ должны быть еще цѣлы. Я поклялся не дотрогиваться до нихъ ни въ какомъ случаѣ, но если ужъ нужно.... Подожди меня здѣсь : я тотчасъ ворочусь.

Графъ Кармартеръ ввелъ Донеля опять въ кабинетъ, отворилъ одну потаенную дверь, взялъ лампаду, и вышелъ. Шорохъ шаговъ его, вмѣстѣ со щелканьемъ множества отпираемыхъ замковъ, постепенно замиралъ въ отдаленіи, пока старый лордъ совсѣмъ не потерялся въ лабиринтъ своего жилища. Наконецъ настала совер-

шестая тишина. Донель стоялъ въ трепетномъ ожиданіи. Но черезъ нѣсколько времени опять послышался стукъ: замки зашелкали снова, и графъ вошелъ опять въ свою комнату.

— Вотъ сполна двѣ тысячи фунтовъ, сказалъ онъ. Ты дашь мнѣ расписку въ полученіи. Бумага, перо и чернила... Сядишь и пиши.

Донель выполнилъ это требованіе. Деньги, принесенныя графомъ, находились въ старомъ дубовомъ ларцѣ. Онъ открылъ его и началъ считать золото. При каждомъ шиллингѣ, вздохъ вырывался изъ груди лорда.

— Расписка готова, сказалъ браконіеръ, подавая ему бумагу.

Графъ взялъ и прочелъ съ разстановками :

«Я нижеподписавшійся, браконіеръ Донель, живущій въ Шропшейрѣ, далъ сію расписку лорду Гильдебранду Кармартену въ томъ, что получилъ я отъ него двѣ тысячи фунтовъ стерлинговъ, предназначенныя на собственныя надобности короля Карла. Рочдель, пятого октября, 1652.
Донель.»

Дочитавъ до конца, графъ сталъ читать опять сначала, прочелъ въдругой разъ и принялся пересчитывать въ третій.

— Да долго ли это будетъ? спросилъ Донель, которому всякая потерянная минута казалась годомъ. Не забылъ ли я чего?

Вмѣсто отвѣту, старый лордъ вынулъ сафьянный портфѣйлъ, спряталъ расписку, и вздохнулъ еще разъ, глубже прежняго. Браконіеръ думалъ, что теперь ужъ ничто не мѣшаетъ ему отправиться, закинулъ ружье за плеча, и опустилъ ларчикъ съ деньгами въ свою охотничью сумку.

— Тяжеленько, сказалъ онъ, поворачиваясь къ дверямъ : но самая тяжелая ноша, это кошелекъ безъ денегъ. Прощайте, ваше сіятельство.

— Какъ?... что ты говоришь?... что онъ дѣлаетъ? бормочетъ графъ, въ остолебенный глядя на уходящаго браконіера. О Боже мой! онъ идетъ!... Разбой! грабятъ!

Лордъ Гильдебрандъ кинулся за Донелемъ, догнавъ его на лѣстницѣ, ухватилъ за шею, и вырвалъ ларчикъ, съ такою силой, какой никакъ нельзя было ожидать отъ его старости.

— Что вы, милордъ? сказалъ браконіеръ, въ изумленіи.

Графъ былъ блѣденъ какъ мертвецъ, и не могъ говорить ни слова.

— Бездѣльникъ! сказалъ онъ, нѣсколько успокоившись: я донесу на тебя судью,... я велю повѣсить тебя на воротахъ замка,... я....

— Тсъ! перебилъ разсерженный Донель: не договаривайте! не то, клянусь честью браконіера, это худо кончится! Я не стерплю оскорбленія, не посмотрю, что вы лордъ!

— Вонъ, злодѣй! кричалъ скряга: или нѣтъ, погоди! я обѣщу тебя. Можетъ-статься, ты что-нибудь вынулъ изъ ларчика.

— Какъ ни обѣскивайте, всё-таки вы не найдете своего здраваго смыслу, возразилъ Донель. Онъ пропалъ: вы его заперли гдѣ-нибудь съ своими гинеями.

— Куда ты хотѣлъ унести эти деньги? сказалъ графъ: развѣ онъ твой?

— Вы сами ихъ отдали мнѣ, отвѣчалъ Донель.

— Я! вскричалъ лордъ Гильдебрандъ.

— Да, вы. Развѣ вы позабыли, зачѣмъ я пришелъ сюда? забыли, что король ожидаетъ моего возвращенія?

— Король!

— Что жъ я теперь скажу его величеству?

— Ахъ! да,.... я вспоминаю.... король.... опасность.... нужды.... Хорошо! скажи королю что ты хо-

чешь. Но я не знаю кто ты таковъ, и не могу доверитъ тебѣ такую огромную сумму. Это была бы глупость непростительная.

— А письмо мистеръ Годдльстона? сказалъ Донель.

— Мистеръ Годдльстонъ человекъ очень почтенный, отвѣчалъ графъ : но всякой долженъ заботиться о себѣ. Вотъ и твоя расписка.

Лордъ Кармартенъ вынулъ ее изъ портфѣйля.

— Боже мой! Боже мой! вскричалъ Донель. Подумайте, милордъ: что вы дѣлаете!

— О! я о томъ очень думаю! сказалъ графъ равнодушно.

— Такъ Богъ же съ вами! произнесъ браконіеръ, и хотѣлъ итти. Что-то теперь будетъ съ нашимъ несчастнымъ государемъ?

— Государь! государь! повторилъ лордъ, мучимый угрызеніемъ совѣсти. Постой!... погоди немного! Скажи мнѣ, гдѣ его величество. Я самъ доставлю ему деньги.

— Право? подхватилъ Донель съ радостью.

— Клянусь тебѣ, что доставлю! Только скажи, гдѣ король.

— Въ такомъ случаѣ, пріѣзжайте послѣ-завтра на разсвѣтъ въ Боскоблѣ, въ гостинницу Павлина.

— Пріѣду! отвѣчалъ графъ.

— Не обманете?...

— Даю честное дворянское слово, что пріѣду! повторилъ графъ.

Донель, съ безмолвною молитвою, взглянулъ на небо. Они разстались. Цирюльникъ давно дожидался браконіера у воротъ замка, и два пѣшехода немедленно отправились въ путь.

XIII.

Черезъ день послѣ этой сцены, въ холодное и туманное утро, два человѣка пробирались тропинкой по боскобльскому лѣсу. Одинъ былъ одѣтъ лѣсничимъ и шелъ почти молча, отвѣчая только знаками на неумолкаемыя рѣчи своего спутника; другой, напротивъ, говорилъ безпрестанно и такимъ голосомъ, что всѣ птицы поднимались съ деревьевъ, когда онъ проходилъ мимо: по набѣленнымъ мукой лицу и одеждѣ, въ немъ неумудрено было узнать мельника.

— Да, братъ Ричардъ, говорилъ онъ: у него рожа была что твой желтый кожаный поясъ. Бывало, какъ только завидитъ издали человѣка съ палкой, тотчасъ и бѣжать: вѣрно все мерещилась палка Матіаса. А теперь посмотри: ходитъ опять такимъ гоголемъ, что самъ чортъ не узнаетъ, и ужъ завелъ тяжбу съ лекаремъ, который вылечилъ его отъ этой болѣзни.

— Ты говоришь, что онъ мѣтилъ въ судьи, на мѣсто сэръ Джона? спросилъ лѣсничій.

— Да, да! и не занемоги проклятый, такъ сэръ Джону было бы очень круто: таскался бы теперь по дворамъ, да просилъ бы милостины.

— Врешь, болванъ! закричалъ лѣсничій: пока у Ричарда Пиндреля есть кусокъ хлѣба, сэръ Джонъ Рамсе и миссъ Юднѣе не будутъ таскаться по дворамъ.

— Честно, Ричардъ! отвѣчалъ Гумфри, ударивъ по плечу брата. Но, слава Богу, дѣла не дошли до этого, даромъ, что всѣмъ негодьямъ теперь хорошо жить на свѣтъ, потому что пивоваръ поселился въ виндзорскомъ дворцѣ.

— Во дворецъ?

— Да, Ричардъ, въ лучшемъ дворцѣ королей англійскихъ; а законный нашъ государь, Карлъ Стюартъ,

скитается по лѣсамъ и не знаетъ гдѣ приклонить голову.

Оба вздохнули и нѣсколько минутъ не говорили ни слова. Наконецъ мельнику прискучило это молчаніе.

— Не видалъ ли ты чего, какъ ходилъ дозоромъ нынѣшней ночью? спросилъ онъ у брата.

— Ничего, отвѣчалъ лѣсничій. Только какой-то молодой дѣтина, одѣтый какъ жители галльскаго княжества, все бродилъ по опушкѣ лѣсу, недалеко отъ дому сэръ Джона. Мнѣ показалось это подозрительнымъ, и я сталъ примѣчать. Часовъ въ десять вечера, когда совсѣмъ стемнѣло, молодецъ вскочилъ на заборъ и свернулся какъ кошка. Я тихонько занелъ въ кусты. Онъ сидѣлъ верхомъ и смотрѣлъ въ окно, гдѣ не было ничего видно, кромѣ бѣлой перкалевой занавѣски, за которой горѣла свѣчка. Только изрѣдка появлялась тѣнь, кажется, барышня. Бѣдная миссъ Юдишъ: она еще не спала въ ту пору!

— Миссъ Рамсе тоскуетъ съ самаго ворестерскаго сраженія, сказалъ Гумфри. Жена говоритъ, что у нея глаза не просыхаютъ отъ слезъ.... Но что жъ этотъ дѣтина, про котораго ты началъ рассказывать? Если ему было далеко вхатъ, такъ онъ выбралъ плохаго коня, усѣвшись верхомъ на заборѣ.

— Дѣтина этотъ сидѣлъ тутъ до тѣхъ поръ, пока былъ свѣтъ въ барышницинѣ оконкѣ. Тогда, я думаю, онъ слезетъ, но не тутъ-то было. Вотъ я подошелъ къ Галлянину и спрашиваю вѣжливо, или дѣлать у нихъ въ Галліи такое обыкновеніе, что мужчины садятся на ночь на заборы, какъ пѣтухи? Молодой человекъ востепенулся. Я протянулъ къ нему руку, полагая, что ему будетъ удобнѣе срыгнуть овершись на нее, но онъ, не сказавъ ни слова, перемахнулъ черезъ мою голову и убѣжалъ въ поле.

Лишь-только Ричардъ выговорилъ эти слова, какъ нога его загнулась за что-то въ кучѣ сухихъ листьевъ,

такъ что онъ едва не потерялъ равновѣсія. Въ то же время листья зашевелились, и изъ-подъ нихъ показался молодой человекъ. Лѣсничій тотчасъ узналъ своего Галлянина; мельнику тоже казалось, что эта фигура ему знакома.

— Кой чортъ? наконецъ вскричалъ Гумфри : да вѣдь тебя убили подъ Ворстеромъ?

Олленъ не могъ не улыбнуться.

— Да, сказалъ онъ, дружески подавая руку мельнику : мнѣ было очень худо; но вотъ я опять живъ и здоровъ, по милости Божіей.

— Неужели?... Да полно правда ли? точно ли это ты, Олленъ?

— Кто же, если не я? Или ты принимаешь меня за дьявола?

— Дьяв.... Нѣтъ! нѣтъ! Пусть себѣ старый дуракъ Трагмортонъ рассказываетъ, будто бы я самого сатану привелъ къ нему въ гости : я увѣренъ, что это не правда. Только скажи мнѣ, дѣйствительно ли ты живъ, когда я самъ, своими глазами, видѣлъ, какъ тебя убили.

Олленъ разсѣялъ его сомнѣнія короткимъ разсказомъ своихъ приключеній. Молодой человекъ былъ только раба. Добрый поселянинъ изъ окрестностей, проходя вечеромъ черезъ поле сраженія, услышалъ его стоны и принесъ бѣдняка въ свою хижину. Тамъ Камеронъ по-немногу оправился и хотѣлъ итти на родину, но сердце удержало его въ Англии. Впрочемъ, послѣдняго обстоятельства онъ не счелъ за нужное повѣрять своему старому знакомцу, Гумфри.

— Скажите жъ пожалуйста, спросилъ лѣсничій, когда Олленъ кончилъ разсказъ : что это у васъ за обыкновеніе? Я, право, не любопытенъ, но прежде нежели мы съ вами короче познакомимся, мнѣ было бы очень приятно узнать, что вы дѣлали на заборъ боскобьскаго

судьи, когда я имѣлъ удовольствіе въ первый разъ съ вами встрѣтиться?

— Перестань, братъ Ричардъ, сказалъ мельникъ. Олень растолкуетъ намъ это, если захочетъ, за обѣдомъ, когда мы прійдемъ на мельницу, а теперь я лучше опишу ему свои похождения послѣ того какъ мы съ нимъ разстались подъ Ворстеромъ.

Но Гумфри не успѣлъ начать своего описанія, какъ возлѣ трехъ собесѣдниковъ раздался выстрѣлъ, и они невольно вздрогнули. Ричардъ началъ осматриваться во всѣ стороны, подозрѣвая, не попали ли они въ засаду республиканскихъ съищиковъ, но въ это время подстрѣленный бекасъ упалъ къ ногамъ его, и, между-тѣмъ какъ лѣсничій поднималъ птицу, изъ кустарника вышелъ сэръ Джонъ въ охотничьемъ платьѣ, съ ружьемъ на плечѣ и съ лучезарной физиономіей.

— Подъ лѣвое крыло! сказалъ онъ: я увѣренъ, что подъ лѣвое крыло.... А, Ричардъ Пиндрель! ты ужъ подымаешь моего бекаса. Ну, оставь же его у себя, отнеси къ женѣ. — Эй! Таттершаль! Таттершаль!

Это послѣднее восклицаніе относилось къ прекрасной лягавой собакѣ, которой судья далъ имя обманувшаго его шкипера, чтобы хоть чѣмъ-нибудь отмстить обманщику.

Между-тѣмъ Олень, такъ неожиданно увидѣвъ передъ собой сэръ Джона, пришелъ въ крайнее замѣшательство. Если бы сэръ Джонъ явился вмѣстѣ съ Юдиною, то молодой человекъ почелъ бы этотъ день блаженнѣйшимъ въ своей жизни, но судья былъ одинъ, и хотя Камеронъ помнилъ, что это отецъ его возлюбленной, однако жъ ему памятли были и грозные взгляды, которые тотъ кидалъ на него при послѣднихъ свиданіяхъ въ Лочель. Сообразивъ на скорую руку всѣ обстоятельства, Камеронъ призналъ за лучшее удалиться, и когда мельникъ оглянулся, желая что-то ему сказать, его уже не было, къ крайнему огорченію Гумфри, ко-

торый впрочемъ нисколько не удивился поспѣшному бѣгству своего друга, вспомнивъ, какъ онъ исчезъ изъ комнаты Трагмортона.

— Теперь я пойду къ Донелевой житницы, говорилъ между-тѣмъ сэръ Джонъ, заряжая свое ружье. Вѣрно, тамъ развелось множество куропатокъ, пока я вздидль къ Лондонъ.

— Къ житницѣ! вскричалъ мельникъ, измѣнившись къ лицу и взглянувъ на брата.

— Э! что вамъ дѣлать у житницы! сказалъ равнодушно льсничій. Если хотите повеселиться, такъ ступайте лучше на съчу: тамъ я вижу нынче такую тму зайцевъ, какъ будто они собираются туда изъ всѣхъ окрестностей.

— А гдѣ эта съча? спросилъ сэръ Джонъ съ нетерпѣнствомъ.

— Да недалеко отъ мельницы Гумфри. Ступайте по этой дорожкѣ: какъ-разъ тамъ будете.

— Ну, спасибо, спасибо!

Сэръ Джонъ хотѣлъ итти, но въ это время прекрасная молодая дѣвушка на смирной бѣлой лошади показала изъ-за деревьевъ. Лѣвая рука ея, въ перчаткѣ, небрежно держала поводъ; сѣрая пуховая шляпка съ узенькими полями не закрывала лица, на которомъ господствовало выраженіе печальной задумчивости. Всадница ѣхала тихо, потупивъ глаза, равнодушная къ красотамъ природы, которыя ее окружали. И эта медленность, вѣроятно, не гармонировала съ воинственнаго расположеніемъ духа сэръ Джона, потому что онъ, какъ скоро увидѣлъ красавицу, закричалъ ей: — Сюда, Юдишь! сюда! я иду къ мельницѣ Гумфри.

Миссъ Рамсе тихонько ударила хлыстикомъ по блестящей шеѣ своей лошади, и, черезъ нѣсколько секундъ, отецъ съ дочерью встрѣтились на поворотѣ тропинки, которая вела къ мельницѣ, а еще минутой спу-

тя, ихъ ужъ не стало видно за рошею, куда рѣзвый Таттершаль убѣжалъ прежде своего хозяина.

— Ну, славно же ты его надулъ! вскричалъ мельникъ. Зайцы у моей мельницы!... Ха-ха-ха!... Да что имъ тамъ дѣлать?... Ха-ха-ха-ха!... ха-ха-ха-ха!

— Не смѣйся, братъ Гумфри! Сэръ Джонъ не найдетъ зайцевъ, такъ перестрѣляетъ твоихъ голубей.

Это замѣчаніе немножко опечалило мельника, но скоро лицо его опять прояснилось, и онъ сказалъ: — Пускай перестрѣляетъ! лишь бы не былъ у житницы и не видалъ что тамъ спрятано.

— Тише! тише! прибавилъ лѣсничій. Вонъ идетъ сестра твоя Джанна: неравно услышитъ.

Гумфри и Ричардъ замолчали и продолжали идти не говоря ни слова, что вѣроятно было очень не по-сердцу мельнику. Между-тѣмъ Джанна, жена Донеля, ускоряла шаги, неся корзинку съ съѣстными припасами, и гораздо прежде братьевъ своихъ поспѣла на одно уединенное мѣсто, гдѣ сидѣлъ молодой дровосѣкъ и съ нимъ мужъ ея. Увидѣвъ послѣдняго, она пустилась бѣгомъ и упала въ его объятія.

— Ты воротился!... Мы не видались цѣлые осемь дней!... Но слава Богу, ты опять со мной!... Дѣти наши здоровы; въ домъ все благополучно. А ты? ты?

— И я слава Богу! отвѣчалъ Донель, цѣлуя жену съ непритворною нѣжностью.

— Здравствуйте, мистрисъ Джанна! сказалъ молодой дровосѣкъ.

— Здравствуйте, Вилли! отвѣчала она, краснѣя. Вотъ я принесла вамъ обѣдъ... Ахъ, какое несчастіе, Донель! на твою долю я ничего не захватила, а ты съ-дороги, чай, голоденъ.

— Не безпокойтесь, мистрисъ Джанна, сказалъ дровосѣкъ: намъ съ Донелемъ не въ первый разъ дѣлаться. Мы часто ѣли одинъ кусокъ хлѣба и пили изъ одной рюмки.

Говоря это, Вилли указалъ на ручей, бѣгущій у ногъ его, и Донель, очевидно тронутый словами товарища, отвернулся, чтобъ скрыть свое волненіе. Между-тѣмъ Джанна пошла сзывать другихъ дровосѣковъ : Донель и Вилли остались одни.

— Ну, мой другъ, сказалъ послѣдній.

— Лордъ Дерби пріѣхалъ въ гостинницу, отвѣчалъ Донель : онъ былъ переодѣтъ матросомъ и привезъ дурныя новости. Въ княжество галльское нельзя пробраться ни съ какой стороны. По всему берегу и горамъ караулы. Разнесся слухъ, будто вы скрылись въ той сторонѣ, и республиканцы хватаютъ всѣхъ кого ни попадо.

— Такъ ты былъ въ Лондонѣ! подхватилъ молодой человѣкъ, котораго называли Вилли : ты видѣлъ Темзу, церковь Святаго Павла, все, чего мнѣ, можетъ-статься, никогда не видать!... Ну, какъ говорятъ обо мнѣ въ Лондонѣ?

— Ваше величество знаете : у народа много головъ, да мало мозгу. Общее мнѣніе вертится какъ флюгеръ. Теперь вѣтеръ не съ той стороны, откуда намъ надобно, но погодите, ваше величество : когда нибудь дѣла пойдутъ лучше.

— Да. А между-тѣмъ мое величество спитъ на голой землѣ и, вмѣсто скипетра, держитъ въ рукъ топоръ дровосѣка. Впрочемъ, сонъ вездѣ сладокъ, а топоръ доставляетъ добрымъ людямъ честное пропитаніе. Продолжай, Донель.

— Втеченіи осьми дней, какъ я былъ въ отлучкѣ, мнѣ вездѣ попадались Краснокафтанники. Въ каждой дрянной деревушкѣ, по трактирамъ, по постояннымъ дворамъ, меня останавливали и спрашивали, что я за человѣкъ, куда иду, откуда. Ежели путешественникъ хорошо одѣтъ и кажется не простымъ человѣкомъ, его тотчасъ задерживаютъ и отправляютъ въ Лондонъ. Полиція и всѣ вообще чрезвычайно хлопчутъ, какъ бы

поймать ваше величество, потому что за это положена большая награда : вотъ прочтите.

Донель подалъ королю печатное объявленіе, въ которомъ были описаны примѣты Карла Стюарта и сказано, что кто его задержитъ, тому будетъ дано двадцать пять тысячъ фунтовъ въ награду, а кто, напротивъ, доставитъ ему средство скрыться, тотъ получитъ жестокое наказаніе.

— Въ этомъ-то состоятъ все опасности, о которыхъ ты мнѣ говорилъ? сказалъ Карль : пустое!

— Ваше величество приводите меня въ ужасъ. Вамъ все не страшно : вы — какъ птица, которая, распѣвая, летаетъ надъ пропастью.

— Но ты, мой другъ, возразилъ Карль : ты сегодня ужъ что-то очень не въ духъ.

— По-неволю будешь не въ духъ, ваше величество. Мы такъ часто обманывались въ своихъ надеждахъ, что нельзя наконецъ не прійти въ отчаяніе. Впрочемъ у нея приготовлено все, чтобы вамъ переодѣться морскимъ офицеромъ, и есть паспортъ на проѣздъ до Бристоли. Только то бѣда, что республиканское правительство, кажется, объявило недействительными все до-сихъ-поръ выданные паспорта : слѣдственно васъ могутъ задержать; а во-вторыхъ, у насъ нѣтъ денегъ : графъ Кармартенъ не пріѣхалъ сегодня въ то мѣсто, гдѣ назначилъ ему свиданіе.

— Чортъ возьми! вотъ это худо!... Но онъ пріѣдетъ еще.

— Не надѣюсь, ваше величество.

— Онъ тебѣ далъ честное дворянское слово.

— Нужды нѣтъ.

— Пустое! честное слово для дворянина свято. Графъ промѣшкалъ, безъ сомнѣнія, потому что онъ ѣдетъ на какой-нибудь заемной лошади, которая двигается какъ черепаха, или можетъ-статься, онъ завернулъ въ какую-нибудь гостинницу, а время между-тѣмъ и ушло.

— Дай Богъ, чтобы ваши догадки были справедливы. Но ежели нѣтъ, ежели у насъ не будетъ денегъ, тогда все пропало.

— Тогда я самъ объявлю себя въ первомъ городѣ, чтобы не подвергать друзей моихъ новымъ опасностямъ.

— Тсъ! вонъ идетъ Джанна съ своими братьями. Надо бы приниматься за завтракъ.

XIV.

Пока Донель вытаскивалъ изъ корзины съѣстные припасы, состоящіе изъ простаго деревенскаго сыру и овощей, три брата Пиндрель подошли къ собесѣдникамъ.

— Ну, товарищи! сказалъ Карлъ: ежели этотъ холодный туманъ произвелъ на васъ такое же дѣйствіе, какъ на меня, то мы поѣдимъ аппетитно.

Онъ вынулъ изъ кармана складной ножикъ и началъ разрѣзывать кушанье. Пиндрели стояли.

— Чтò жъ вы не садитесь? сказалъ онъ. Эхъ, друзья! это не хорошо. Ты, Джекъ, еще вчера подтвердилъ мнѣ свое обѣщаніе, что не станешь со мною чиниться, а сегодня опять за то же. Этакъ мнѣ покажется, будто я всё-еще при дворѣ; а если кто посторонній замѣтитъ, такъ и поминайте какъ звали!

— Милордъ, отвѣчалъ Джекъ: мы бѣдные мужики.....

— Мужики!.... Вы мои хозяева; я вашъ гость, и клявусь вамъ Богомъ, что мнѣ у васъ такъ же хорошо, какъ въ любомъ замкѣ адышняго графства. Полноте же, друзья мои! садитесь, кладите свои топоры, и принимайтесь за завтракъ.

Начали завтракать.

— Какъ, говорятъ, будто бы ты, Джекъ, сегодня

немножко побранился съ женой? спросилъ Карлъ, удовлетворивъ первыя требованія голода.

— А ужъ вамъ рассказали! отвѣчалъ дровосѣкъ.

— Не сердись, Джакъ. Я скромнень: изъ избы сору не вынесу. За что же вышла побранка?

— Да Богъ знаетъ! Вчера я поздненько воротился изъ Боскобля, а Джанна и разсердилась, начала бранить меня такъ, что я сколько ни надвигалъ колпакъ на уши, не могъ заснуть на постель. Пришлось уйти и проспять всю ночь въ огородъ.

— Такъ, видно, жена твоя зла?

— Не то, чтобы зла, а маленько вспылчива. Чуть что-нибудь не по ней, тотчасъ и пошла, и пошла!..... А, кажется, не велика бѣда покалякать за кружкой пива съ пріятелями. Вѣдь я не Богъ-знаетъ съ кѣмъ веду знакомство. Все люди почетные: Томъ Шипперъ, чулошникъ, Балтазаръ Барнифъ, своякъ судейскаго писаря....

— Конечно, конечно, подтвердилъ Карлъ: и чтобы показать тебѣ до какой степени мнѣ нравится твое мнѣшье, я разопью съ тобой сколько ты хочешь кружекъ напитка, за который жена твоя, вѣрно, не будетъ гнѣваться.

Говоря это, Карлъ всталъ и почерпнулъ воды изъ ручья, который протекалъ въ двухъ шагахъ отъ мѣста, гдѣ они завтракали. Между-тѣмъ раздался звонъ колокола на городскихъ часахъ въ Боскобль.

— Ужъ осемь! вскричалъ Джакъ Пиндрель. Ахъ, Боже мой! какъ мы засидѣлись! Намъ давно бы надо быть по-мѣстамъ на караулъ.

— Ничего, ничего! сказалъ Карлъ. Еще по стакану портеру! прибавилъ онъ, опять черпая изъ ручья: и потомъ ты споешь пѣсенку, которую обѣщалъ мнѣ.

— До пѣсень ли теперь, ваша милость? Завтра.

— Нѣтъ, сегодня, теперь же! Я хочу этого.

Дровосѣки, не смѣли возражать, и Джакъ, съ безно-

койствомъ осмотрѣвшись вокругъ , началъ пѣть народную англійскую балладу , известную подъ названіемъ Chevy-Chase.

Ранней утренней порою
 Рогъ раздался за горою :
 Бѣдетъ Перси въ темный боръ.
 Конь его храпитъ и бѣется ,
 Вѣрный песь къ добычѣ рвется :
 Лань бѣжитъ въ ущелья горъ.

— Хорошо! сказалъ Карлъ. Лордъ Перси въ дорогъ. Ну, пой же смѣле , мой другъ ; не жалѣй голосу. Въ этомъ лѣсу музыка пріятнѣе чѣмъ въ дворцовой залѣ.....

Джакъ началъ второй куплетъ.

О, прыгунья крутороги !
 Не бѣгите. Быстры ноги
 Не укроютъ васъ въ лѣсахъ :
 Перси, мѣтко дланью смѣлой,
 Шлетъ послушливыя стрѣлы
 На охотъ и въ бояхъ.

— Да этотъ лордъ Перси былъ страшный забіяка! вскричалъ король. Но послушаемъ, что-то скажетъ Дугласъ. Право , Джакъ , ты поешь не хуже лорда Вильмота.

Джакъ, ободренный похвалой, затянулъ третій куплетъ.

Ты, Дугласъ, ужели дремлешь?
 Или ты робѣя внемлешь,
 Какъ звенять его рога?....

На этомъ словѣ у пѣвца недостало голосу : ему показалось , что не вдалекѣ отъ нихъ что-то зашумѣло. Онъ оглянулся и увидѣлъ нѣсколько вооруженныхъ солдатъ, которые шли прямо къ собесѣдникамъ.

— Боже мой! прошепталъ онъ : ато Краснокофтанники!

— Мы попались! сказалъ другой Пиндрель.

— Бѣгите, бѣгите, милордъ!

— Ужь поздно, возразилъ Карлъ. Дорого мнѣ достанется эта пѣсенка!.... Но сидите спокойно, а ты, Джакъ, продолжай пѣть.

— Государь,.... я не могу,.... у меня задрожить голосъ....

Между-тѣмъ солдаты подходили всё ближе, и по ихъ движеніямъ можно было замѣтить, что они видѣли собесѣдниковъ. Карлъ Стюартъ роздалъ своимъ товарищамъ остатки чернаго хлѣба, самъ взялъ кружку съ водой, и вскричалъ весело: — Ну что же, Джакъ? Или чистая вода плохая приправа твоему голосу? Въ такомъ случаѣ.... какъ говорить Донель, когда соловей перестанетъ пѣть, тогда снигирь запѣваетъ.... я самъ допою за тебя балладу.

И Карлъ запѣлъ звѣнкимъ и твердымъ голосомъ.

Ты, Дугласъ, ужели дремлешь?
Или ты робѣя внемлешь,
Какъ звенять его рога?
Нѣтъ, сказалъ отважный воинъ:
Я безстрашенъ и спокоенъ,
Встрѣчу грознаго врага!

Пока король пѣлъ эту куплетъ, солдаты всё продолжали приближаться. Впереди шелъ начальникъ, заложивъ руки назадъ и наклонивъ голову. Это былъ Кромвелль. За нимъ, по сторонамъ, слѣдовали два человека, изъ которыхъ одинъ на цѣлые пол-аршина былъ выше плюмажа, украшавшаго шляпу генерала. Въ этой долговязой фигурѣ не мудрено было узнать капитана Гедеона Осквебага, хотя онъ исхудалъ еще болѣе со времени своихъ подвиговъ въ Лочіель. Другой ассистентъ Протектора такъ съеживался и гнулъ свою спину, что невозможно было судить о его ростѣ; но зато рыжіе волосы, постное лицо и привѣтливая улыбка, не сходившая

съ толстыхъ губъ этого челевѣка, тотчасъ обнаруживали, что это почтенный мистеръ Патриксоъ. Онъ съ большимъ жаромъ разсказывалъ что-то Кромвеллю, котораго онъ не слушалъ и совсѣмъ позабылъ о разсказчикѣ, когда подошелъ къ дровосѣкамъ въ то самое время, какъ Карлъ допѣвалъ послѣдній стихъ куплета.

— А! это Chevy-Chase! сказалъ онъ устремивъ пропитательный взглядъ на Карла. Лучше бы тебѣ пѣть псалмы, а не такія глупости: псалмы послужили бы къ наиданію твоихъ товарищей.

— Мое дѣло только развеселять ихъ, отвѣчалъ Карлъ.

Онъ еще издали узналъ Кромвелля, и чувство негодованія при видѣ убійцы отца его заставило бы его забыть, если бы онъ не боялся за своихъ бѣдныхъ покровителей. Но благодарность къ этимъ людямъ дала ему силу воздержать своей гнѣвъ. Онъ рѣшился, ежели будетъ можно, обмануть прозорливость врага своего, и, сохраняя роль дровосѣка, поднесъ къ губамъ полную кружку воды. Внутреннее волненіе Карла было ужасно, но рука его не дрожала: онъ не пролилъ ни капли.

Между-тѣмъ Кромвелль, опершись на трость съ большимъ круглымъ набалдашикомъ, внимательно разсматривалъ троихъ крестьянъ. Ихъ простодушныя физиономіи выманили улыбку у угрюмаго воина, не привыкшаго видѣть около себя такія лица. Онъ обернулся къ капитану и сказалъ вполголоса: — Кажется, намъ тутъ нечего дѣлать. Время даръ Божій: не станемъ терять его по-пустому.

Капитанъ хотѣлъ скомандовать солдатамъ, чтобъ они продолжали свой путь; но въ это время Кромвелль переизменилъ намѣреніе.

— Погоди, сказалъ онъ. Я хочу разспросить этихъ мужиковъ. Ударя камень о камень, мы получаемъ огонь. — Скажи имъ, пріятель, продолжалъ генералъ; обраща-

ясь къ Карлу : давно ли ты работаешь въ здѣшнемъ лѣсу ?

— Съ начала года , отвѣчалъ Карлъ спокойно , и началъ точить свой топоръ , насвистывая деревенскую пѣсню .

— А много ли здѣсь бываетъ прохожихъ ? спросилъ опять Кромвелль . Не видалъ ли ты кого на этихъ дняхъ ?

— Какъ не видать ! Во-первыхъ , я видѣлъ....

Кромвелль подвинулся къ Карлу .

— Во-первыхъ , я видѣлъ сборщика податей , который проѣхалъ на своей пѣгой лошади . Говорятъ , ему стало пропасть хлопотъ съ-тѣхъ-поръ , какъ начальство обѣщало убавить подати , и раздавать бѣднымъ....

— Хорошо , хорошо , перебилъ Кромвелль . Кого ты еще видѣлъ ?

— Еще видѣлъ я трехъ бравыхъ республиканскихъ солдатъ , которые шли тихимъ шагомъ , и у каждаго въ одной рукѣ былъ молитвенникъ , а въ другой штофъ водки .

— Ты все не то говоришь , сказалъ Кромвелль съ нетерпѣнiемъ . Я хочу знать , не видалъ ли ты кого подозрительнаго.... понимаешь?... на примѣръ , того молодца челоуѣка , что разбитъ подъ Ворстеромъ ?

— А ! вы говорите о королѣ !

— Ну да , о томъ , кого называли прежде шотландскимъ королемъ . Мнѣ извѣстно , что онъ бродитъ гдѣ-то въ здѣшнихъ окрестностяхъ , и я вамъ объявляю , что ежели кто изъ васъ укажетъ мнѣ мѣсто , гдѣ онъ скрывается , то....

Кромвелль остановился , и , подумавъ нѣсколько секундъ , продолжалъ :

— Иногда можно съ одного разу изъ простаго мужа сдѣлаться богатымъ господиномъ . Я знаю средство..... Стоитъ только вспомнить исторiю бѣдняка , о которомъ говорится въ Священномъ Писанiи , что онъ

оказалъ услугу Иисусу Навину послѣ битвы при Гаваонѣ. Этотъ человекъ зналъ, что цари, побѣжденные Навиномъ, скрылись въ пещеру. Ихъ было всего пять царей. Овъ тотчасъ пошелъ и....

— Понимаю, перебилъ Карлъ, вынувъ изъ-за пазухи публикацію, которую далъ ему Донель.

— Что жъ, ты понимаешь, мой другъ?

Капитанъ Геденъ думалъ, что дровосѣкъ начнетъ поученіе, смиренно потупилъ глаза и скрестилъ руки. Но Карлъ развернулъ печатный листъ, и, взглянувъ на Пиндрелей, сталъ читать съ разстановками и ошибками, какъ-бы человекъ, непривыкшій къ чтенію.

«Симъ объявляется всѣмъ и каждому порознь, что на точномъ основаніи парламентскаго акта, состоявшагося осьмаго сентября 1651 года, предписано къ надлежащему исполненію слѣдующее.»

— Славно, славно! сказалъ Кромвелль. Имѣй уши да слышать!

Карлъ улыбнулся, и продолжалъ:

«1. Буде кто окажется по уликъ виновнымъ въ томъ, что давалъ убѣжище Карлу Стюарту, бывшему королю шотландскому, и не заявилъ о немъ мѣстному начальству, таковой подвергнется смертной казни, а имущество его будетъ конфисковано, и весь родъ уничтоженъ до послѣдняго колѣна.»

Всѣ слушатели невольно вздрогнули. Кромвелль погладилъ усы; Карлъ принялся снова за чтеніе.

«2. Всякъ, кто, зная о мѣсть, гдѣ укрывается вышепомянутый бывший король шотландскій, не донесетъ о томъ безъ малѣйшаго отлагательства кому слѣдуетъ, подвергнется смертной казни, а имущество его будетъ конфисковано, и весь родъ уничтоженъ до послѣдняго колѣна.»

На этотъ разъ братья Пиндрель стояли уже спокойно, какъ-будто съ-роду не слышали о человекѣ, котораго спасеніе можетъ стоить имъ жизни. Карлъ посмотрѣлъ на нихъ и продолжалъ читать, не теряя духу, хотя

замѣтилъ, что Гедеонъ безпрестанно на него взгляды-
ваетъ и третъ себя добъ, стараясь что-то припомнить.

«З. Кто представитъ упомянутаго Карла Стюарта, жи-
«вымъ или мертвымъ, или сообщитъ достоверныя свѣдѣ-
«нія о мѣстѣ его укрывательства, тому будетъ выдано
«въ награжденіе двадцать-пять тысячъ фунтовъ стерлин-
«говъ.»

— Двадцать-пять тысячъ! вскричалъ Патриксоу так-
кимъ голосомъ, какъ-будто у него повертели всю вну-
тренность: двадцать-пять тысячъ!.... и за такую без-
дѣлку!.... Ахъ! если бы мнѣ несчастливидось....

— Парламентъ щедръ на награды, примолвилъ Карлъ;
Иуда продалъ своего владыку только за тридцать среб-
ренниковъ.

— Что дѣлать! сказалъ Кромвелль: есть люди неръ-
шительные; притомъ и услуга велика — поймать моло-
даго человѣка, которому стѣитъ махнуть рукой, чтобы
скликать къ себѣ огромную армію и разрушить наше
дѣло!

— А много ли это денегъ, двадцать-пять тысячъ
фунтовъ стерлинговъ? спросилъ одинъ изъ братьевъ
Пиндрелей.

— Не знаю хорошенько, отвѣчалъ Карлъ: но я ду-
маю, было бы на что купить славную мельницу для
Гумфри и завести цѣлое стадо коровъ для сестры тво-
ей....

— Ужъ куда намъ! вскричалъ Гумфри. Такого счастья
и во снѣ не пригрезится!

Между-тѣмъ Гедеонъ не сводилъ глазъ съ Карла.

— Полно, полно! сказалъ Джакъ Пиндрель, обра-
щаясь къ королю. Тебѣ бы все сидѣть сложа руки, да
разговаривать. Пора за работу. Посмотри, какъ высеко-
еблышко: упустишь время, такъ до ночи прорабо-
таешь.

— Въ самомъ дѣлѣ мы терлемъ время по-пустякамъ
и другимъ мѣшаемъ, замѣтилъ Кромвелль. Прощайте,

добрые люди! Не забудьте, что сказано въ объявленіи.

Генералъ повернулся спиной къ дровосѣкамъ, и пошелъ отъ нихъ вмѣстѣ съ своими солдатами. Карлъ Стюартъ взявъ топоръ, улыбнулся, и запѣлъ звонкимъ голосомъ ту же строфу баллады:

Ты, Дугласъ, ужели дремлешь?
Или ты робѣя внемлешь,
Какъ звенятъ его рога.
Нѣтъ, сказалъ отважный воинъ:
Я, безстрашенъ и спокоенъ,
Встрѣчу грознаго врага!

Кромвелль невольно прислушивался къ словамъ пѣсни и самъ не понималъ страннаго впечатлѣнія, которое производилъ на него голосъ пѣвца. Скоро однако жъ мысли его пришли въ порядокъ: онъ ускорилъ шаги свои. Гдесонъ, который слѣдовалъ за нимъ въ недале-
номъ разстояніи, поминутно оглядывался, чтобъ по-
смотреть на молодаго дровосѣка: ему все казалось, что
онъ гдѣ-то видѣлъ эту физиономію, при важныхъ об-
стоятельствахъ своей жизни; но гдѣ? когда?..... онъ
никакъ не могъ вспомнить. Чувствуя себя въ затруд-
неніи, капитанъ, по привычкѣ, искалъ около себя пе-
ручка Де-Профундиса, но тотъ въ это время былъ съ
другимъ отрядомъ на противоположной сторонѣ лѣсу,
и Осквебагъ видѣлъ передъ собой только длинную
фигуру Патриксона, который, облизываясь, перечиты-
валъ въ десятый разъ парламентскую прокламацію.

Вдругъ Кромвелль остановился и устремилъ глаза на капитана.

— Знаешь ли ты Молодаго Человѣка? спросилъ онъ отрывисто.

— Знаю, ваше превосходительство: я видѣлъ его подъ Ворстерамъ, а сверхъ-того, можетъ-статься, и въ Лотчелъ.

— Хорошо ли ты всматривался въ лицо дровосѣка.

который теперь съ нами разговаривалъ и читалъ парламентскій декретъ отъ осьмага сентября?

— Хорошо, ваше превосходительство, отвѣчалъ капитанъ, въ головѣ котораго внезапно блеснулъ лучъ свѣта.

— Замѣтилъ ли ты его голосъ, черты лица, ухватки?... замѣтилъ ли ты особенно эту высококомърную улыбку, которая безпрестанно была у него на губахъ?... Это онъ! онъ! примолвилъ Кромвелль, дрожа отъ гнѣва.

— Въ самомъ дѣлѣ онъ похожъ, началъ капитанъ трепещущимъ голосомъ....

— Молчи! перебилъ генералъ: твоя память опоздала съ своею помощью.... Но, я надѣюсь, еще есть время: мы опять найдемъ его. Говорятъ, что олень засыпаетъ, обманувши охотника.

Кромвелль командовалъ своему отряду на-лѣво-кругомъ и пошелъ опять къ ручью, гдѣ онъ говорилъ съ дровосѣками. Всѣ молчали. Отрядъ подвигался быстро, но въ глубокомъ безмолвіи. Скоро генералъ услышалъ журчанье ручья и замѣтилъ къ несказанному удовольствію, что мѣсто, гдѣ обѣдали дровосѣки, еще занято. Онъ распредѣлилъ солдатъ своихъ по разнымъ пунктамъ, чтобы отнять у юнаго короля всякую возможность спасенія; потомъ выступилъ самъ прямо къ ручью, но когда пришелъ туда, то увидѣлъ передъ собой человека, который былъ не только не Карлъ Стюартъ, но даже и не одинъ изъ Карловыхъ товарищей, обманувшихъ его прозорливость.

XV.

Новое лицо, найденное Кромвеллемъ, было молодой человекъ въ одеждѣ жителя галльскаго княжества, съ необыкновеннымъ аппетитомъ дождавшій остатка заут-

рака, который дровосѣки позабыли захватить съ собою при поспѣшномъ бѣгствѣ. Читатели, вѣроятно, узнаютъ въ немъ Оллена. Кромвелль устремилъ на него свои пронзительные глаза, и спросилъ, что онъ тутъ дѣлаетъ. Камеронъ, будучи погруженъ въ гастрономическія занятія, не замѣтилъ приближенія генерала. Вопросъ Кромвелля поразилъ его. Молодой человекъ вскочилъ съ мѣста и тотчасъ увидѣлъ опасность, отъ которой онъ до-сихъ-поръ ускользалъ съ помощью своего костюма. Первая мысль его была кинуться въ чащу лѣсу, но куда онъ ни поворачивалъ голову, вездѣ красные мундиры угрожали ему своими заряженными мушкетами. Сопротивленіе было невозможно.

— Обезоружить его! командовалъ Кромвелль.

Горецъ выхватилъ свой кинжалъ, взглянулъ на этотъ драгоценный подарокъ Бѣлой Красавицы, и кинулъ его въ колючій кустарникъ.

— Хорошо, сказалъ Кромвелль. Теперь, ежели тебѣ дорога жизнь, отвѣчай мнѣ, гдѣ король шотландскій?

— Король? повторилъ Олленъ. Я не понимаю, что вы говорите.

Въ самомъ дѣлѣ онъ не зналъ о мѣстопребываніи Карла, потому что ничего не слышалъ о немъ послѣ ворстерскаго сраженія. Но Кромвелль думалъ, что Камеронъ принадлежитъ къ числу укрывателей несчастнаго государя.

— Врешь! сказалъ онъ. Карлъ Стюартъ сѣйчасъ былъ на этомъ самомъ мѣстѣ, и ты долженъ знать, куда онъ бѣжалъ.

— Не знаю, отвѣчалъ Олленъ: и благодарю Бога, что не знаю, потому что если бы зналъ, то мнѣ пришлось бы теперь солгать, а я еще не лгалъ ни одного разу въ жизни.

— Какъ же ты попалъ сюда? продолжалъ Кромвелль.

— Я слышалъ, что здѣсь неютъ, и пошелъ на го-
лость.

— Это Шотландецъ, сказалъ Кромвелль, обращае-
сь къ своимъ спутникамъ. Я узнаю по выговору.

— Если угодно вашему превосходительству, мы тотчасъ
его вздернемъ на дерево, сказалъ капитанъ, чрезвычайно
довольный тѣмъ, что нашелъ случай сказать нечто
пріятное всеильному Протектору Англій.

— погоди, отвѣчалъ Кромвелль : можетъ-быть, онъ
еще опомнится и будетъ чистосердечнѣе. Между-тѣмъ
пойдемъ дальше. Поручаю тебѣ этого человѣка : ступай
возлѣ него, и при малѣйшемъ движеніи....

— Положитесь на меня, ваше превосходительство.

Камерону связали руки, и весь отрядъ тронулся
опять съ мѣста, но на этотъ разъ ужъ не кучею, а въ-
разсыпную, и солдатамъ было строго приказано хватать
всякаго, кто бы ни попался. Кромвелль сталъ еще
нетерпѣливѣе прежняго : онъ прислушивался къ каж-
дому шуму, бросаея то въ ту, то въ другую сторону, и
вовсе не замѣчалъ, что мистеръ Патриксонъ съ нѣко-
тораго времени неотступно слѣдуетъ за нимъ, вытя-
нувъ шею и наклонивъ голову, какъ собака, которая
хочетъ и не смѣетъ приласкаться къ своему господину.
Наконецъ онъ повернулъ голову, чтобъ взглянуть на
кусты, гдѣ ему послышался шорохъ, и при этомъ дви-
женіи увидѣлъ достойнаго юриста въ положеніи про-
сителя.

— Ты опять съ просьбой ! вскричалъ генералъ, кото-
рый не любилъ просьбъ, а еще пуще тѣхъ, кто по-
даетъ ихъ. Я ужъ сказалъ, что это не возможно. Судья
былъ у меня въ Лондонѣ. Онъ честный человѣкъ.

— Милордъ, сказалъ Патриксонъ.....

— Отстань ! ты мнѣ наскучилъ. Я только и слышу,
что твое жужжанье. Тебѣ хочется быть на мѣстѣ сэръ
Джона Рамсе, чтобы продавать правосудіе, которое онъ
даетъ даромъ.

— Ваше превосходительство, вѣрно, изволили запомнить....

— Я никогда ничего не забываю. Ты оказалъ мнѣ услугу. По твоей милости, стаффордская тюрьма набита людьми, которые, если бѣ были свободны, дрались бы со мной подъ Ворстеромъ; но это твой долгъ: ты узналъ, что они въ сношеніяхъ съ непріятелями, и способствовалъ, какъ умѣлъ, успѣху общаго дѣла. За это тебѣ слѣдуетъ награда, въ здѣшней жизни и въ будущей. Ты ее получишь: не сомнѣвайся. Но что касается до сэръ Джона Рамсе, то я не могу его отрѣшить безъ доказательствъ его измѣны. Ступай же прочь. Такой человекъ, какъ ты, этимъ не затруднится.

Кромвелль отошелъ, оставивъ Патриксона въ остолебѣніи.

— Доказательствъ, доказательствъ, бормоталъ юристъ, переминая табакъ въ своей табакеркѣ. Ему легко говорить: каково-то мнѣ?... А впрочемъ посмотримъ!

Между-тѣмъ какъ достойный мистеръ Патриксонъ предавался своимъ размышленіямъ, два всадника проѣзжали маленькой рысцой черезъ лѣсъ по дорогѣ къ Боскоблю. Одинъ изъ нихъ, въ которомъ по наружности было легко узнать деревенскаго дворянина, сидѣлъ на высокой и тощей лошади, крѣпко держа ее поводъ. Другой, одѣтый крестьяниномъ, казался въ большомъ затрудненіи, лѣпясь на широкой спинѣ толстобрюхой кобылы, привыкшей болѣе возить плугъ нежели ходить подъ-верхомъ. Онъ напрасно вооружался всею своею рѣшимостью и всовывалъ ноги до половины подошвы въ стремяна: это не мѣшало ему, при каждомъ движеніи толстаго буцефала, дѣлать прыжки, подвергавшіе очевидной опасности его равновѣсіе, и онъ безпрестанно смотрѣлъ самымъ жалобнымъ образомъ на своего спутника, который вѣхалъ въ нѣсколькихъ шагахъ впереди.

— Милордъ, говорилъ онъ, противъ воли дѣлая раз-
Т. XLVIII. — Отд. II.

становки между слогами : ми...лордъ , ско...ро ли мы прі...ъ...демъ ?

Вмѣсто отвѣту, передовой всадникъ только стегнулъ свою лошадь ивовымъ прутикомъ, который былъ у него въ рукахъ, и несчастный товарищъ его пришелъ въ отчаяніе.

— Проклятая животины! говорилъ онъ о своей лошади : она никакъ не хочетъ смирно идти за вами, а все зѣваешь по-сторонамъ, и того гляди завезетъ меня въ какую-нибудь трушобу.

— Ничего, Чинскеперъ! сиди смѣлѣе. Лошадь твоя нормандской породы и годилась бы для самой леди Росстеръ, хотя эта дама была такъ сложена, что ей на одну парадную юпку уходило тридцать аршинъ атласу. Ты, конечно, не имѣешь претензіи быть ея соперникомъ въ дородности : тебя обременяютъ грѣхи, бѣдныи мой Ровоамъ, но это такая тяжесть, которая лежитъ только на совѣсти.

— Я не знаю барыни, о которой вы говорите, отвѣчалъ цирюльникъ : только ужъ вѣрно, она не захотѣла бы быть на моемъ мѣстѣ.

— Не тужи, не тужи! Намъ осталось не болѣе милн. Сиди прямѣе и приподнимайся на стременахъ : это облегчаетъ. Леди Росстеръ была штатсъ-дамой при королеви Елисаветѣ, и считалась красавицей во времена дяди моего, баронета. Когда я сталъ знать ее, она ужъ много пережвнилась. Не скажу, чтобъ это была тѣнь прежней леди Росстеръ : такъ не возможно о ней сказать, потому что почтенная штатсъ-дама, вмѣсто всякаго ущербу въ своей вещественности, съ теченіемъ времени пріобрѣла новыя права на удивленіе людей положительныхъ, и ея особа приняла такое развитіе, что принуждены были проломать по-шире дверцы ея кареты, чтобъ она могла входить и выходить свободно. Дядя мой, баронетъ, не разъ кряхтѣлъ отъ такого груза, но что касается до меня, то я всегда находилъ, что

леди Росстеръ очень красива за креслами королевы, когда ея величество изволила давать кому-нибудь торжественную аудіенцію.

— А что касается до меня, отвѣчалъ цирюльникъ, которому, посреди заботъ о томъ, какъ бы усидѣть на лошади, было довольно трудно понимать разсказъ графа Кармартена : а что касается до меня, такъ я бы съ большимъ удовольствіемъ засѣлъ теперь въ карету вашей леди Росстеръ съ широкими дверцами. Лошадь моя совсѣмъ изъ силъ выбилась, а деревня, которую мы ужъ часа три видимъ передъ собой, все нисколько не становится ближе, словно бѣжитъ отъ насъ. Не отдохнуть ли немножко? Мы присѣли бы на травъ; вы разсказали бы мнѣ про свои походы въ Богеміи, а я бы разнуздалъ свою Бидди и пустилъ ее погулять по травкѣ. Бѣдняжка ничего не ѣла отъ самаго Гринфильда.

— Что ты, съ ума сошелъ! вскричалъ графъ. Мы потеряемъ еще часъ времени! Или ты думаешь, что часовой колоколъ на боскобльской башнѣ будетъ насъ дожидаться? Мнѣ еще на разсвѣтѣ бы надо было пріѣхать въ Боскобль, а я и къ десяти часамъ туда не поспѣю, оттого что ты хотѣлъ пить въ каждомъ шинкѣ, мимо котораго мы проѣзжали.

— Въ каждомъ шинкѣ! повторилъ цирюльникъ съ неудовольствіемъ. Мы только читали вывѣски на шинкахъ, чтобы подкрѣпить свои силы. Вѣдь кружка негоднаго пива, за которое вы заплатили два пенни въ Ньюродѣ, не отшибла у меня памяти : я очень хорошо помню, что во всякой деревнѣ вы обѣщали остановиться, какъ доѣдемъ до слѣдующей, да тѣмъ и кончилось. Теперь, если Бидди завтра не въ силахъ будетъ работать и станетъ лягаться, — не моя вина : я вамъ говорилъ.

Графъ Кармартенъ придержалъ поводъ и осмотрѣлъ опытнымъ глазомъ толстую кобылу Чинскепера. Этотъ

осмотръ удостовѣрилъ его, что за Бидди нечего опасаться : она бѣжала очень спокойно, и не обнаруживала ни какихъ знаковъ усталости. Довольный этимъ, лордъ Гильдебрандъ далъ шпоры своей лошади и похваля еще скорѣе, къ великому прискорбію цирюльника.

— Все идетъ хорошо, говорилъ онъ, тщательно подбирая помы своей епанчи : можно надѣяться, что мы дождемъ благополучно.... Ахъ, какъ бы я былъ радъ этому!

— Да и я тоже, отвѣчалъ Чинскеперъ. Вѣдь мы вѣхали почти цѣлую ночь, и сдѣлали миль десятокъ отъ Гринфильда. Вѣрно, вамъ хочется застать врасплохъ на постелѣ какого-нибудь должника.... Чортъ возьми! капиталецъ долженъ быть препорядочный, если вы рѣшились покинуть свой замокъ и ночью скакать по полямъ, какъ-будто гоняясь за любовными приключеніями.

— Да, хорошо, если бъ такъ! сказалъ лордъ Гильдебрандъ со вздохомъ.

Чинскеперъ вообразилъ, что графъ говоритъ о своей прошедшей молодости, и вздумалъ его утѣшить.

— Что молодость! сказалъ онъ : я лучше бы хотѣлъ быть на вашемъ мѣстѣ, чѣмъ на мѣстѣ любого молодчика, который ѣдетъ на свиданіе съ милой. Вы воротитесь домой съ добрымъ мѣшечкомъ золота, а свиданіе съ самой пригожей дѣвочкой въ графствѣ не оставитъ послѣ себя ничего, кромѣ пустыхъ обѣщаній, на которыя только дуракъ можетъ положиться. То ли дѣло червончики.... старые, молодые, всё-равно! Когда они звенятъ въ кошелекъ, такъ сердце радуется. И можно ли придумать что-нибудь веселѣе, какъ сказать себѣ : «Завтра я опять ихъ пересчитаю, и они опять будутъ такъ же звенѣть : вѣтеръ не разнесетъ ихъ, какъ любовныя клятвы!»....

Графъ тяжело вздохнулъ; на лицѣ его отразилось

внутреннее волненіе. Но скоро эти признаки страданія совершенно исчезли, и онъ сказалъ, лаская тошую шею своей лошади : — Надо признаться, сборщикъ податей дешево купилъ у меня эту лошадку.

— Да и вы не въ накладъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ цирюльникъ : онъ заплатилъ вамъ двадцать три фунта и сверхъ-того обязался давать лошадь, когда бы она вамъ ни понадобилась. То есть, у васъ теперь и лошадь и деньги, а корму не требуется.

— Да, это ловко обдѣлано, сказалъ графъ, смѣясь потихоньку. Сборщикъ податей тоже не въ правѣ на меня жаловаться : я не зажималъ ему глазъ, когда онъ со мной торговался и принесъ деньги. Впрочемъ и лошадь, надо сказать, истинное сокровище. Въ ней есть что-то похожее на арабскую породу, на тѣхъ лошадей, которыя могутъ, ни пивши ни ѣвши, проскакать пятьдесятъ миль по пустынь. Я увѣренъ, что въ Шотландіи, гдѣ нерѣдко встрѣчаются примѣры въ этомъ родѣ, никогда не видывали ни человѣка ни скота, который бы могъ такъ выдерживать. Мнѣ случилось видѣть нѣчто подобное только однажды, въ Богеміи, во время моей военной службы.

Попавъ на свои богемскіе походы, графъ совершенно погрузился въ этотъ неизсякаемый родникъ безконечныхъ повѣствованій, и мало-по-малу забылъ погонять своего коня. Чинскеперъ не упустилъ воспользоваться такимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ къ выгодѣ и спокойствію своей особы. Онъ началъ придерживать Бидди, и графъ, чтобы удобнѣе рассказывать, также придерживалъ свою лошадь. Всадники подвигались медленно; между-тѣмъ время летѣло. Наконецъ лордъ Гильдебрандъ опомнился и взглянулъ на окрестность. Боскобльская колокольня была видна впереди, но всё-еще въ большомъ разстояніи.

— Чортъ возьми! вскричалъ онъ, вонзая шпоры въ ребра своего коня. Пошелъ, Ровоамъ! пошелъ!.... въ

галопа!.... что есть духу!.... Дѣло важнѣе нежели ты думаешь : если я опоздаю , такъ лучше бы меня повѣсили на одномъ изъ этихъ деревьевъ.

— Да что такое ? спросилъ Ровоамъ : или вы боитесь , чтобъ вашъ должникъ , какъ-нибудь по вѣтру , не почувялъ , что вы къ нему ѣдете ?

— Да , да ! Но перестанемъ говорить объ этомъ . Я оставилъ въ Рочделѣ старуху Эльспетъ и не велѣлъ ей отпирать дверей ни для кого на свѣтъ , даже для моего племянника ; однако жъ она , пожалуй , некрѣпко запрется или кто-нибудь влѣзетъ въ окно .

— Такъ что же ? сказалъ цирюльникъ . У васъ въ замкѣ нѣтъ ни одного шиллинга , хоть обыскать съ чердака до подваловъ . Вы сами сто разъ это говорили .

Лордъ Гильдебрандъ прикусилъ языкъ и , кажется , думалъ о томъ , что ему возразить привязчивому цирюльнику , какъ вдругъ слово « Стой ! » , произнесенное повелительнымъ голосомъ почти возлѣ двухъ всадниковъ , заставило ихъ остановиться . Графъ началъ оглядываться , въ надеждѣ открыть закричавшаго , и увидѣлъ четырехъ , вооруженныхъ съ головы до ногъ , мушкетеровъ , которые выходили изъ лѣсу . Онъ хотѣлъ ѣхать , но тѣ загородили ему дорогу .

— Капитанъ ! сказалъ одинъ изъ нихъ , въ которомъ цирюльникъ съ удивленіемъ узналъ капрала Ботвелля , собеседника своего въ гринфильдской харчевнѣ : капитанъ , подите сюда ! Мы остановили двоихъ проѣзжихъ , которые что-то очень подозрительны . Не дурно бы разспросить у нихъ , откуда они ѣдутъ , изъ Галаада или изъ Іерихона .

На этотъ призывъ , капитанъ Гедеонъ Осквебагъ показавшись изъ кустарника , подошелъ прямо къ лорду Гильдебранду , и схватилъ за узду его лошадь .

— Кто ты таковъ ? спросилъ онъ сиповатымъ годе-

сомъ, съ досадой, очень свойственной чело́вѣку, кото́рый усталъ отъ напрасныхъ поисковъ.

— Кто я таковъ? повторилъ графъ, блѣднѣя. Я никогда не скрывалъ своего имени, и вы напрасно такъ сердитесь. Я мирный дворянинъ стаффордскаго графства, ѣду по своимъ надобностямъ, и не имѣю ни какаго дѣла съ войнами республики.

— А! ты ѣдешь по своимъ надобностямъ! вскричалъ Геденъ. Разбойники, которые выѣзжаютъ грабить на большую дорогу, и Шотландцы, которые пробираются въ свою сторону, также, пожалуй, могутъ сказать, что они путешествуютъ по своимъ надобностямъ. А нельзя знать, куда именно вы изволите ѣхать, господинъ дворянинъ стаффордскаго графства?

Лордъ Гильдебрандъ пришелъ въ замѣшательство. Ему хотѣлось скорѣй поспѣть на свиданіе съ Донелемъ, но онъ боялся, чтобы мушкетеры не вздумали его конвоировать, ежели онъ скажетъ, куда ѣдетъ. Собравшись съ мыслями, онъ отвѣчалъ:

— Я объѣзжаю своихъ должниковъ по здѣшнему околотку. Если бы я былъ не такъ снисходителенъ и поступалъ съ ними по всей строгости законовъ, такъ сидѣлъ бы теперь спокойно у себя дома, а не таскался бы какъ нищій. Что дѣлать! деньги нынче сдѣлались рѣдки.

Между-тѣмъ Ботвелль и Чинскеперъ возобновили свое знакомство.

— Кто этотъ старый пьяница? спросилъ капралъ, подавая флагу свою Ровоаму. У него парикъ и шляпа, видно, достались въ наслѣдство отъ дѣдушки.

— Вы знаете по наслышкѣ этого господина, отвѣчалъ Ровоамъ въ пол-голоса. Это лордъ Кармартенъ, тотъ, о которомъ я и мастеръ Пруденція говорили недавно.

— Право? вскричалъ Ботвелль: это тотъ скряга, у ко-

тораго вы ужинаете, ѣдите пылять, да пьете бордоское?... А что, онъ изъ кавалеровъ?

— Ужъ разумѣется!.... И сверхъ-того въ цѣломъ графствѣ нѣтъ такого горячаго приверженца епископства : самъ Захарія, отставной звонарь, ханжитъ меньше графа Кармартена.

— Гмъ!... Такъ будетъ же у насъ славная потѣха! Я его немножко пугну и заставлю распустить свой кошелекъ.

Сказавъ это, Ботвелль подошелъ къ Гедеону, который по-видимому былъ доволенъ отвѣтами графа.

— Капитанъ! сказалъ онъ : не отпускайте его! Это отчаянный Кавалеръ, и дрался подъ Ворстеромъ.

— Право? отвѣчалъ Осквебагъ, догадавшись что затѣваетъ Ботвелль. А вы увѣрили меня, что двадцать лѣтъ не выѣзжали изъ своего замка?... Вы меня обманывали!... Въ такомъ случаѣ, сэръ, я очень жалю; но дѣла принимаютъ дурной для васъ оборотъ. Извольте слѣзть съ лошади!

Лордъ Гильдебрандъ невольно затрепеталъ, и, съ судорожнымъ движеніемъ, старался по-лучше прикрыть себя епанчею. Ботвелль замѣтилъ это движеніе.

— Что вы тамъ прячете? спросилъ онъ, хватаясь за полы епанчи, съ намѣреніемъ раздвинуть ихъ.

— Ничего... пустите! отвѣчалъ графъ : позвольте намъ продолжать свое путешествіе. Мнѣ нечего прятать : я человекъ бѣдный. Со мной нѣтъ ни шиллинга.

И говоря это, лордъ Гильдебрандъ отбивался отъ Гедеона и капрала, которые, одинъ справа, другой слѣва, старались распахнуть епанчу его. Вдругъ одна пола разорвалась отъ ветхости, и жадные республиканцы увидѣли маленькій чемоданъ, привязанный къ сѣдлу толстыми веревками. Капитанъ бросился отъвязывать, и лишь-только наложилъ руку на это сокровище, какъ въ немъ послышался звонъ золотыхъ и серебряныхъ де-

неть. Старикъ стало невозможно прикидываться; республиканцы закричали ура.

— Ботвелль! сказалъ Гедеонъ : держи крѣпче этого нехристя; пока я отвязываю поклажу.

Капранъ хотѣлъ схватить лорда за руки, но тотъ обнажилъ свою шпагу и, казалось, былъ готовъ защищаться. Отбросивши епанчу назадъ, онъ приподнялся на стременахъ, вонзилъ шпоры въ бока лошади, и заставилъ ее круто повернуться назадъ. Это смѣлое и неожиданное движеніе озадачило нападающихъ. Нѣсколько секундъ они не знали что дѣлать, но лордъ Кармартенъ самъ вывелъ ихъ изъ недоумѣнія, превративъ свои дѣйствія изъ оборонительныхъ въ наступательныя. Онъ наскочилъ съ обнаженной шпагой на мушкетеровъ и разогналъ ихъ въ разныя стороны, показавъ притомъ такую храбрость, что цирюльникъ вспомнилъ вдругъ всѣ повѣствованія его о походахъ въ Богемію. Скоро дорога была очищена и лордъ Кармартенъ гордо поѣхалъ далѣе, оглядываясь отъ времени до времени назадъ, не преслѣдуютъ ли его солдаты.

Между-тѣмъ Чинскеперъ, который во время этой непродолжительной схватки мужественно стоялъ поодаль отъ сражающихся, разсуждалъ самъ съ собою, захватитъ ли ему за графомъ или остаться съ мушкетерами. Умная Бидди рѣшила этотъ затруднительный вопросъ, пустившись за своимъ побѣдоноснымъ спутникомъ, который везъ графа, и такимъ образомъ Ровоамъ черезъ нѣсколько секундъ очутился возлѣ рочдельскаго помѣщика.

— А все лучше бы, если бы этого не случилось, сказалъ старикъ, приводя въ порядокъ свою одежду. Сначала я думалъ, что мнѣ не вырваться у мерзавцевъ, не потерявъ чемодана. Эти деньги не мои, Ровоамъ : онъ принадлежатъ одному человѣку, который имѣетъ въ нихъ большую надобность. Я долженъ сегодня же от-

дать ихъ : черезъ часъ у меня не останется ни одного пени. Но злодѣи не хотѣли вѣрить, что я бѣднѣйшій человекъ во всемъ графствѣ. Худо бы было намъ , если бы я не вспомнилъ своихъ молодыхъ годовъ и не вытащилъ шпаги изъ ноженъ.... Страшно подумать! Бѣднякъ Донель погибъ бы, а съ нимъ и другіе.... Но, слава Богу! все поправилось. Жаль только, что епанчу мою изорвали, да и полукафтаныю досталось : придется шить новое въ слѣдующемъ году.

При этомъ послѣднемъ словѣ раздался выстрѣлъ. Испуганная лошадь графа поднялась на дыбы; графъ упалъ на-земь. Цирюльникъ, думая, что причиною его паденія было движеніе лошади, спрыгнулъ съ сѣдла и хотѣлъ подать помощь графу, но голова старика была вся въ крови, которая свистала изъ широкой раны.

— Ахъ, Боже мой! вскричалъ Ровоамъ : вы проломилъ голову.

Старикъ горько улыбулся.

— Нѣтъ, сказалъ онъ прерывающимся голосомъ: это они. Я предчувствовалъ, что мнѣ умереть не своей смертью.... Но король! король!... нельзя терять ни минуты.... Боже мой! я задыхаюсь.... смерть!... Ровоамъ, возьми мой чемоданъ... Они сейчасъ прибѣгутъ... Возьми, садись на лошадь.... отвези его.... отдай....

Старикъ не могъ кончить : слова его превратились въ невнятный лепетъ. Кровь душила умирающаго : онъ обратилъ болѣзненный взглядъ на цирюльника, шевелилъ губами, но не былъ въ состояніи ничего выговорить, и умеръ, испустивъ слабый вздохъ.

На этотъ разъ, Чинскеперъ сохранилъ удивительное присутствіе духу : положивъ голову старика на траву, онъ проворно вскочилъ на лошадь и помчался съ такой скоростью, что когда мушкетеры прибѣжали на мѣсто происшествія, почтенный гриндфильскій брадобрѣй исчезъ уже въ отдаленномъ облакѣ пыли.

— Чтѣ жъ не стрѣляли въ этого богоотступника?

сказалъ капитанъ Гедеонъ. Я увѣренъ, что онъ завла-
дѣлъ чемоданомъ.

— Да, отвѣчалъ капралъ Ботвелль. Но вы велѣли
стрѣлять только въ старика.... Досадно! у него такіе
же сѣдые волосы, какъ у покойника отца моего.

— Что жъ дѣлать, любезный! возразилъ капитанъ,
выворачивая карманы лорда. Судьбъ было угодно,
чтобы онъ умеръ : не наша вина.... Ба! ба! ба! а это
что за вещица у него за поясомъ?.... Кожаный коше-
лекъ, и въ немъ звенятъ деньги!

— Покажите-ка! сказалъ Ботвелль, подбѣгая къ ка-
питану.

— Да, именно деньги! продолжалъ Гедеонъ : и еще
новешкія! такъ и свѣтятся!... Ну что, нечестивецъ?
неужели и теперь скажешь, что судьба слѣпа и что тебѣ
жаль этого идолопоклонника?

— Ну, теперь другое дѣло! отвѣчалъ капралъ. Да-
вайте же скорѣе дѣлиться.

— Нѣтъ, погоди. Прежде стацимъ въ кусты этотъ
трупъ и прикроемъ хворостомъ. На дѣлежку еще бу-
детъ время.

Мушкетеры повиновались приказанію своего коман-
диря.

XVI.

Между-тѣмъ почтенный боскобльскій судья, покру-
жившись часа четыре около мельницы Гумфри, въ на-
деждѣ открыть стадо зайцевъ, которыхъ тамъ никогда
не бывало, съ досадою возвратился домой и чувство-
валъ себя тѣмъ больше въ непріятномъ расположеніи,
что милая дочь его на этотъ разъ не улыбалась, какъ
она обыкновенно дѣлывала, видя отца своего разсер-
женнымъ какими-нибудь пустяками. Юднѣ молчаливо
прошла мимо сэръ Джона, влача за собой длинный

шлейфъ своей амазонки, и удалилась къ себѣ въ комнату, гдѣ все показывало щеголеватость избытка и изящный вкусъ образованной дѣвушки. Окна этой комнаты выходили въ садъ : въ нѣсколькихъ шагахъ была видна та каменная стѣна, на которой лѣсничій Пиндрель въ прошедшую ночь засталъ Камерона. Юдиень молча переодѣлась, сѣла въ широкія кресла, и погрузилась въ задумчивость. Больше часу она была въ этомъ положеніи, какъ вдругъ кто-то легонько постучался въ дверь. Она встала и отворила : вошелъ мельникъ Гумфри, держа въ рукѣ свою сѣрую шляпу и низко раскланиваясь.

— Ахъ, Гумфри!... Чтѣ ты?

Мельникъ боязливо осматривался кругомъ, переминался, покашливалъ, ломалъ свою шляпу; наконецъ, однако жъ, заговорилъ.

— Сударыня,..... миссъ,..... я пришелъ попросить васъ.... объ одномъ дѣльцѣ.

— Чтѣ такое? подхватила добрая дѣвушка: не случилось ли у тебя какого несчастія? не захворалъ ли кто изъ домашнихъ?

— Нѣтъ, слава Богу, сударыня, на мельницѣ все благополучно : правда, лошадка зашибла ногу, да это не большая бѣда. Я пришелъ не за тѣмъ.

— Чтѣ жъ такое, мой другъ? Или ты не имѣешь ко мнѣ довѣренности? Ты весь дрожишь.

— О нѣтъ, сударыня! какъ можно, не имѣю довѣренности? Если бъ я не имѣлъ къ вамъ довѣренности, такъ и не пришелъ бы. Мнѣ, сударыня,... изволите видѣть,... я пришелъ.... попросить у васъ немножко деньжонокъ.

— Только-то? сказала Юдиень, взявъ кошелекъ и вынямая нѣсколько золотыхъ монетъ. А много ли тебѣ надобно?

— Благодаримъ покорно, отвѣчалъ Гумфри. Но.... но этого мало, сударыня.

— Сколько же?

— Охъ!... да столько, сударыня, сколько я и съ-роду не видывалъ у себя въ домъ : тысячу фунтовъ.

— Тысячу фунтовъ! вскричала Юдишь съ удивленіемъ. Бѣдный Гумфри! я никогда не имѣла у себя такой большой суммы. Обратись къ папенькѣ.

— Жаль! сказалъ Гумфри печально. Видно, мнѣ итти назадъ съ чѣмъ пришелъ. Батюшка вашъ — судья : ему не понравится мое дѣло.

— Но развѣ ты задумалъ что дурное?

— Я задумалъ дурное?... Вы знаете, сударыня, что этого быть не можетъ. Но теперь и нѣкоторыя добрыя дѣла надобно дѣлать такъ, чтобы люди не знали.

— Я не понимаю тебя, Гумфри. Говори яснѣе.

— Съ вами можно все говорить, сударыня : вы барышня добрая. Здѣсь въ околоткѣ скрывается одинъ знатный господинъ. Я не могу сказать его имени, но ежели бы вы знали, кто это,... ахъ, сударыня! вы бы расплакались, что такой важный человекъ прячется между нами, бѣдными крестьянами. Мы хотѣли доставить ему случай пробраться до берега, чтобъ ухватить во Францію. Все готово : выхлопотали паспортъ на имя морскаго офицера и купили морской офицерской мундиръ ; но дѣло стало за деньгами. Просили у разныхъ кавалеровъ : гдѣ имъ! сами чуть живы, да и гдѣ почти никого : все побито, либо разбѣжалось въ чужія земли. Наконецъ догадались попросить у одного богатаго старика : обшчалъ, да не сдержалъ слова. Впрочемъ на него и нечего было надѣяться : такого сряги свѣтъ не производилъ. Что жъ теперь дѣлать? Мы собрали въ кучку все, что сами скопили : пустяки! Всего-на-все вышло три фунта мелкими деньгами. А между-тѣмъ нашему несчастному постояльцу надо непременно сегодня же пуститься въ дорогу. Вотъ я и побѣжалъ къ вамъ, сударыня : авось-де вы не поможете ли.

— Увы, бѣдный Гумфри! я не имѣю столько, сколько вамъ нужно.

— Въ такомъ случаѣ одна надежда на Бога! сказалъ Гумфри съ тяжелымъ вздохомъ. Многие станутъ оплакивать....

— Несчастный! вскричала Юдиѣ : можетъ-быть у него есть семейство, мать, отецъ....

— Семейство! перебилъ мельникъ. Не одно семейство, вся Англія....

— Англія?... Но что ты говоришь, Гумфри? кто этотъ человѣкъ?.... Это....

— Тсъ! я ужъ и то проговорился..... Ежели подслушаютъ!....

— О! такъ неужели нѣтъ ни какихъ средствъ? спросила Юдиѣ.

— Ни какихъ, сударыня, отвѣчалъ Гумфри. Жена Донеля, Джанна, отдала свой золотой крестикъ; Маргарита, жена Ричарда, пожертвовала серьгами, которыя надѣвала только по воскресеньямъ; моя жена положила обручальное кольцо; но когда я все это отнесъ къ старику Гокингу, онъ далъ мнѣ пол-гиней.

Юдиѣ ужъ не слушала: вѣзъ себя кинувшись къ шкафу, въ которомъ хранились ея драгоценности, она вынула оттуда свои браслеты, жемчужное ожерелье, головные уборы съ камнями, и отдала все это Гумфри.

— Больше у меня ничего нѣтъ, сказала она. Это вещи покойной маменьки. Отнеси ихъ въ городъ, продай: тебѣ дадутъ болѣе тысячи фунтовъ.... Прощай, Гумфри! не благодари меня.... Мнѣ не нужны наряды: они приличны только счастливымъ.... Ступай, мой другъ! Я стану молиться Богу, чтобы онъ помогъ тебѣ.

Гумфри схватилъ руку чувствительной дѣвушки. Губы его прильнули къ розовымъ пальцамъ, крупная слеза выкатилась изъ глазъ. Застыдившись своей недовко-

сти, онъ хотѣлъ скорѣй удалиться, но голосъ Юдиенъ остановилъ его на порогѣ.

— Послушай, Гумфри, сказала она съ замѣнательствомъ. Кажется,.... я хотѣла о чемъ-то спросить....

— Что вамъ угодно, сударыня?

— Если не ошибаюсь, болѣе мѣсяца прошло съ того времени, какъ ты привезъ печальное извѣстiе моей крестной маменькѣ?

— Шесть недѣль, сударыня.

— Мнѣ сказывали, что ты съ братьями похоронилъ тѣла Аррингтоновъ.

— Точно такъ, сударыня: мы пріѣхали ночью, украдкой положили тѣла на тельгу, и отвезли въ замокъ, гдѣ похоронили ихъ съ предками.

— Но, помнится, продолжала Юдиенъ дрожащимъ голосомъ и покраснѣвъ во всю щеку: помнится, ты говорилъ, что вмѣстѣ съ Аррингтонами убить одинъ молодой Шотландецъ, который долго защищалъ послѣднiго Аррингтона. Неужели вы оставили тѣло этого человека на полѣ сраженiя?

— Помилуй Богъ, сударыня! Мы не нашли его между убитыми, а сегодня.... какъ бы вы думали?.... сегодня я встрѣтилъ его живаго въ боскобльскомъ лѣсу.

Юдиенъ затрепетала и устремила на Гумфри взглядъ, въ которомъ выражалась борьба надежды съ сомнѣнiемъ.

— Вамъ это чудно? продолжалъ мельникъ. И я то же удивился, какъ увидѣлъ Олена. Но мы съ нимъ здоровались, говорили, и если это не бѣсъ какой-нибудь, такъ ужъ навѣрное живой человекъ. Жаль только, что вслѣдъ за тѣмъ, какъ вы съ нимъ сойдетесь, онъ, погода невпоjacko, и пропадетъ словно сквозь землю провалится. Я человекъ не суевѣрный: дѣдушка отъучилъ меня; однако жъ и мнѣ сдается, что чуть ли не надобно согласиться съ мнзвiемъ Трагморта.

Мнзвiе Трагморта было обстоятельство, менѣе все-

го интересовавшее миссъ Юдионъ въ эту минуту. Отъ избытка радости она упала на колѣни и, поднявъ руки къ небу, со слезами стала благодарить Всевышняго. Гумфри, въ изумленіи, стоялъ вытаращивъ глаза и разинувъ ротъ; наконецъ смѣкнулъ, что это до него не касается, и, отдавъ почтительный поклонъ миссъ Юдионъ, вышелъ.

Оставшись одна, Юдионъ не могла удержать своего восхищенія. Она плакала и смѣялась; имя Оллена, противъ ея воли, поминутно срывалось съ губъ дѣвушки; она прижимала руки къ сердцу, какъ-будто боясь, чтобы оно не выскочило изъ груди. Благоразумное намѣреніе не видѣться съ Олленомъ, которое высказала она ему при последнемъ свиданіи въ Лочіелъ, было совершенно забыто: молодая дѣвушка только и думала, какъ бы увидѣть его.... Увы! она не знала что съ нимъ случилось, полагала его въ безопасности, и, чувствуя себя счастливою, хотѣла видѣть такъ же счастливыми и всѣхъ ее окружающихъ. Вспомнивъ, какъ неласково обошлась она сегодня съ отцомъ своимъ, Юдионъ пожелала прежде всего развеселить добраго старика, вскочила и побѣжала къ двери, но на бѣгу ей случилось взглянуть въ зеркало, и она остановилась.

«Боже мой, какъ я одѣта! подумала она: платье темное, старушечье, кольретка измята..... О чемъ это думаетъ моя горничная?..... Варвара! Варвара! поиди сюда!

Молодая Ирландка Варвара прибѣжала на зовъ своей барышни.

— Я здѣсь, здѣсь! Не гнѣвайтесь. Что вамъ угодно?

— Помилуй, Варвара! зачѣмъ ты меня такъ одѣваешь? Дай мнѣ зеленое платье и фрезку, что папелъка привезъ изъ Лондона.

— Чего-съ?.... фрезку?.... зеленое платье? спрашивала Варвара съ удивленіемъ.

— Ну, да! Что жъ тутъ мудренаго?

— Ничего, сударыня. Вы приказали мнѣ запереть всѣ наряды; говорили, что ихъ никогда не надѣнете.

— Ты все врешь, Варвара!... Дай мнѣ чего я прошу. Почему не одѣваться сообразно съ лѣтами?

— Да, я и сама то же думаю, сударыня. Притомъ вы такія хорошенькія : нарядъ вамъ къ лицу ; а темное платье, прости Господи, носятъ однѣ пуританки : оно не прилично ни какой благочестивой женщинѣ.

— Хорошо, хорошо, Варвара! Одѣвай же меня.

Горничная принялась наряжать свою любезную барышню и не чувствовала себя отъ восторга, что вкусъ миссъ Юдиень такъ внезапно перемѣнился.

— Еретики другое дѣло, говорила она : имъ приста-
ло носить всегда то же черное платье и то же нахму-
ренное лицо, какъ эта старая миссъ Ольдгрити, сестра
ихъ такъ-называемаго учителя. Я иногда встрѣчаю ее
на улицѣ и всегда притворяюсь, будто не вижу, чтобы
не кланяться.

— Это очень дурно, Варвара, замѣтила Юдиень: миссъ
Ольдгрити пожилая женщина и имѣетъ право на ува-
женіе.

— Какъ бы не такъ! возразила горничная. Стану я ува-
жать этихъ отступниковъ, которые чествуютъ насъ Богъ-
знаетъ какими именами, и зачѣмъ? за то, что мы хотимъ
имѣть лучше золотое колечко на пальцѣ, чѣмъ нѣсколь-
ко ливинихъ шиллинговъ въ кошелекъ.... Охъ, ужъ
мнѣ эти притворщицы!

Кончивъ свой туалетъ, миссъ Рамсе отпустила гор-
ничную и пошла къ отцу. Веселый хохотъ сэръ Джона
далаи возвѣстилъ ей о счастливой перемѣнѣ, происшед-
шей въ расположеніи его духа. Юдиень отворила дверь
въ гостинную, и увидѣла отца своего сидящимъ у стола
имѣть съ какимъ-то дровосѣкомъ. Широкія поля шля-
пы не позволили ей рассмотретьъ лицо этого собесѣдни-
ка, но рюмка вина въ рукъ сэръ Джона показывала,
что старику нравится его общество.

— А! это ты, Юднень! вскричалъ сэръ Джонъ. Войди, моя милая. Здѣсь старый знакомый. Но.... Фу, ты пропасть! какая ты нарядная! Ты теперь похожа на свою мать, когда ей было семнадцать лѣтъ.

Увидѣвъ миссъ Рамсе, дровосѣкъ всталъ, снялъ шляпу, и раскланялся съ необыкновенною ловкостью. Юднень узнала Карла Стюарта.

— Это нашъ другъ Мекъ-Ферленъ, говорилъ между тѣмъ судья: балагуръ такой, что чуть не уморилъ меня со смѣху. Онъ вспомнилъ, какъ мы съ нимъ пили вино въ Лочіель, и, проѣзжая черезъ Боскобль, вздумалъ навѣдаться, есть ли у меня такое жъ бордо, какъ у этого медвѣдя, Мекъ-Коннуля.

Сэръ Джонъ посадилъ дочь возлѣ себя, и, нимало не подозрѣвая высокаго званія своего гостя, обратился къ нему безъ церемоній.

— Спасибо, дружище, спасибо, что не забылъ вернуться къ старому пріятелю!.... Чортъ возьми осторожность! Я не таковъ, чтобы, вслучаѣ опасности, отвернуться отъ человѣка, котораго зналъ съ хорошей стороны. Да притомъ двери заперты: никто не подслушаетъ. Если бы ты, Мекъ-Ферленъ, далъ мнѣ слово вести себя впередъ благоразумнѣе, жить смирно дома, и не мѣшаться въ политическія дѣла, то, можетъ-статься, я былъ бы тебѣ полезенъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? сказалъ Мекъ-Ферленъ, улыбаясь. Какимъ же образомъ?

— А вотъ видишь ли, мой другъ? Двѣ недѣли назадъ тому, я вздѣлъ въ Лондонъ, говорилъ съ самимъ Кромвеллемъ, и убѣдился, что во всѣхъ трехъ королевствахъ.... то есть, во всей республикѣ, нѣтъ другаго судьи, который бы крѣпче меня сидѣлъ на своемъ судейскомъ стулѣ. Отъ тебя зависитъ воспользоваться моимъ вліяніемъ. Понимаешь?

Минимый горецъ захохоталъ.

— А! вы смѣетесь, мистеръ Мекъ-Ферленъ? сказалъ

сэръ Джонъ : вы думаете , что я ничего не въ состоянн сдѣлать ?

— Напротивъ; я нисколько не сомнѣваюсь въ вашемъ могуществѣ, отвѣчалъ Мекъ-Ферленъ. Не если вы пользуетесь такимъ кредитомъ, то употребите его лучше въ пользу бѣдныхъ Кавалеровъ, которыхъ много въ Англии, а что касается до меня, то мое дѣло ужъ зашло такъ далеко, что я сомнѣваюсь, поможетъ ли мнѣ ваше влiянiе.

— Вотъ шотландская гордость! вскричалъ судья : вотъ ваша глупая несговорчивость!..... Но полно же, мой другъ! это вѣдь точно глупо. Надо покоряться обстоятельствамъ. Ты говоришь о своемъ дѣлѣ?.... Пустяки! Между нами сказать, правительство теперь не имѣетъ причины быть слишкомъ строгимъ, потому что..... я тебѣ говорю это по довѣренности : знай про себя!..... потому что Карла Стюарта нѣтъ въ Англии.

— Вы думаете? сказалъ Мекъ-Ферленъ, улыбаясь.

— Я навѣрное это знаю, отвѣчалъ сэръ Джонъ съ важностью политика, обладающаго великой государственной тайной.—Карлъ Стюартъ, десять дней назадъ тому, сѣлъ на корабль въ Кардиганъ и уѣхалъ во Францію, прибавилъ онъ, вѣря секретному извѣщенiю кардиганскаго начальства, обманутаго лордомъ Вильмотомъ, который уѣхалъ оттуда въ такомъ точно развопичьемъ платьѣ, въ какомъ Карлъ Стюартъ скитался по Англии въ первые дни послѣ ворстерскаго сраженiя.

— А я этого и не зналъ! сказалъ Карлъ простодушно.

— Вотъ то-то же, мой другъ! отвѣчалъ судья. Но станемъ продолжать нашъ разговоръ. Я говорю тебѣ дружески, что могу кое-что сдѣлать. Въ послѣднюю поездку свою въ Лондонъ, я представилъ государственному совѣту проектъ всеобщаго примиренiя, и это, надѣюсь, придастъ мнѣ со-временемъ значительный вѣсъ. Послѣ ужина я объясню тебѣ основную идею про-

екта, и въ то же время покажѣ трататъ, который я началъ еще при королѣ Іаковѣ, «Объ установленномъ порядкѣ правленія». Ты увидишь изъ этого трактата, какъ дважды-два-четыре, что самый лучший порядокъ тотъ, который существуетъ, «ибо, — говорю я, — все прочіе порядки не существуютъ и потому никуда не годятся».

— То есть, ежели порядокъ, нынче существующій въ Англии, завтра рухнетъ, въ такомъ случаѣ онъ....

— Будетъ дрянъ! подхватилъ сэръ Джонъ.

— А сегодня прелесть?

— Сегодня это установленный порядокъ, сударь, отчалъ судья съ важностью.

Во время этого разговора Юдиѣ нѣсколько разъ хотѣла просить у короля извиненія за отца своего или какъ-нибудь намѣкнуть сэръ Джону, чтобы онъ былъ учтивѣе съ гостемъ; но боязнь разрушить никогниго Карла остановила молодую дѣвушку, и она должна была молча слушать безконечныя, иногда очень странныя, шутки своего батюшки.

Наконецъ собесѣдники услышали, что кто-то тихонько стучится въ двери.

— Стучатся! сказала Юдиѣ, встревожившись.

— Кой чортъ! сказалъ судья. Если бы я не прогналъ отъ себя Патриксона, то побился бы объ закладъ, что это онъ скребется какъ кошка. Поди пожалуйста, Юдиѣ, объяви просителю, что я теперь не принимаю, занять дѣлами, прошу пожаловать завтра въ присутствіе.

— Будьте спокойны, отвѣчала Юдиѣ, взглянувъ на короля: никто не войдетъ въ эту комнату.

Она вышла; Карлъ и судья остались одни. Помолчавъ съ минуту, сэръ Джонъ началъ говорить съ грустнымъ выраженіемъ голоса.

— Этотъ Патриксонъ дурной человекъ. Онъ проводитъ жизнь свою какъ паукъ, который безпрестанно

плететь паутину, чтобъ ловить бѣдныхъ мухъ и высасывать изъ нихъ кровь. Несчастный вздумалъ-было и на меня строить козни; а я вскормилъ и вспоилъ его, я далъ ему пристанище и одежду, когда онъ, по смерти отца, остался безъ ничего и просилъ милостыню. Къ счастью, всѣ хитрости негодяя вылетѣли въ трубу: я умѣлъ оправдаться и пріобрѣлъ вѣсу еще больше прежняго. Теперь не боюсь его ябеды. Пусть воротится и затѣетъ опять какія-нибудь мерзости: не удадутся! Довольно и того, что онъ, въ мое отсутствіе, погубилъ многихъ бѣдняковъ Кавалеровъ, людей честныхъ, прекрасной нравственности, на которыхъ я, съ своей стороны, смотрѣлъ сквозь пальцы. Если бы дать ему волю, онъ надѣлалъ бы Богъ-знаетъ что, особливо теперь, когда правительство объявило ничтожными всѣ паспорта и виды, выданные отъ мѣстныхъ начальствъ кому бы то ни было.

— Какъ? въ самомъ дѣлѣ правительство уничтожило всѣ паспорта? спросилъ Карлъ съ безпокойствомъ.

— Да, мой другъ. Они теперь годятся только на пыжи, да на папильютки. Я сегодня по-утру получилъ предписаніе, и, сказать чистосердечно, не одобряю этой мѣры. Въ десятой главѣ моего трактата «Объ установленномъ порядкѣ» доказано положительно,....

Судья не успѣлъ окончить, потому что въ эту минуту раздался крикъ въ сосѣдственной комнатѣ, и вслѣдъ за тѣмъ фигура старика Трагмортонна явилась передъ собесѣдниками. Матіасъ былъ ужасно встревоженъ, одежда его растрепана, парикъ на боку.

— Чтò ты, Матіасъ? спросилъ сэръ Джонъ.

— Ахъ! отвѣчалъ Матіасъ: я вамъ давно говорилъ, что это змѣя, которую вы отогрѣли у своей груди!

— Да чтò такое?

— Патриксопъ.....

— Опять Патриксопъ?....

— Да. Вы здѣсь сидите спокойно, а онъ.... онъ....

Я видѣлъ, какъ солдаты схватили миссъ Юдиѣ, и Патриксонъ....

— Дочь мою?.... Патриксонъ съ солдатами арестовалъ дочь мою?....

— Да, да, сэръ Джонъ!.... О Господи, Господи!

Судья стоялъ какъ окаменѣлый.

— Какой я старый дуракъ! продолжалъ между-тѣмъ Трагмортонъ : ну, что бы мнѣ доколотить негодяя, когда онъ попался подъ мою палку!.... Бѣдная миссъ Юдиѣ! она и не пикнула,.... отдалась добровольно,.... видно боялась надѣлать тревоги....

Наконецъ сэръ Джонъ опомнился. Онъ не зналъ еще, что Кромвелль находится въ окрестностяхъ Боскобля, и терялся въ недоумѣніи.

— Куда они ее повели? спросилъ онъ у Матіаса.

— Не знаю, отвѣчалъ тотъ : они пошли по дорогѣ къ городу.

— Я побѣгу туда же. Если законы и правосудіе не возвратятъ мнѣ моей дочери, я вырву ее насильно.

Оставшись вдвоемъ, Карлъ и Матіасъ Трагмортонъ смотрѣли другъ на друга и не говорили ни слова. Последній изъ всей силы теръ себѣ лобъ и пыхтѣлъ.

— Фу ты пропасть! вскричалъ онъ : да зачѣмъ-бишь я шелъ сюда, какъ увидѣлъ этого бестію, Патриксона?

Онъ началъ тереть лобъ еще крѣпче, но въ то же время случайно обратилъ вниманіе на костюмъ Карла, и это напомнило ему позабытое.

— Ахъ! да, дровосѣкъ! сказалъ онъ. Я не знаю, любезнѣйшій, тотъ ли ты дровосѣкъ, о которомъ мнѣ говорили; но вотъ видишь ли?

Онъ подвинулся къ Карлу и шепнулъ ему на-ухо:— Бѣлый козленокъ запутался рогами въ кустарникъ. Неужели ты допустишь, чтобъ его съѣли волки?

— Какую новость ты мнѣ принесъ ? спросилъ Карлъ, испугавшись.

— Тебя зовутъ.

— Куда ?

— Въ хижину браконіера.

XVII.

Конвой, сопровождавшій миссъ Рамсе, остановился въ Боскоблѣ передъ домомъ довольно изрядной наружности. Патриксонъ провелъ пльвиницу черезъ дворъ, и вошелъ въ прихожую. Здѣсь было нѣсколько солдатъ, которые громко разговаривали между собою. Отставной секретарь обратился къ офицеру, напоминавшему своей толщиной одно изъ самыхъ забавныхъ лицъ, созданныхъ Шекспиромъ. Этотъ новый Фальстафъ пошелъ во внутреннія комнаты, и черезъ минуту воротился съ извѣстіемъ, что генералъ требуетъ Патриксона и миссъ Рамсе къ себѣ.

Генералъ этотъ былъ Кромвелль, ожидавшій здѣсь результата вѣсковъ, которые, по его приказанію, дѣлались въ окрестностяхъ Боскобля.

Когда Юдишъ вошла въ комнату страшнаго чедовѣка, онъ сидѣлъ у стола, покрытаго бумагами, распечатанными письмами и записками. Всторонѣ стояла скамейка; на ней было раскидано нѣсколько богословскихъ книгъ и тутъ же лежала шпага. Шляпа съ перчатками была брошена въ противоположномъ углу на полку, возлѣ несочныхъ часовъ. Въ каминѣ пылалъ огонь, но Кромвелль не подходилъ къ нему.

Увидѣвъ Патриксона, Кромвелль бросилъ неро и, не отвѣчая на низкій поклонъ приказанаго, сухо велѣлъ ему оставить стулъ для миссъ Рамсе. Молодая дѣвушка съ, и, съ благородною сиромностью и снѣжействіемъ, ожидала что будетъ далѣе. Генералъ хватался за все,

въ надеждѣ открыть мѣстопробываніе Карла Стюарта. Патриксонъ донесъ ему, что Юдиень должна знать эту тайну, и онъ, хотя не далъ ему положительнаго разрѣшенія арестовать дѣвушку, однако жъ намѣкнулъ капитану Осквебагу, что будетъ полезно отрядить нѣсколько человекъ солдатъ въ распоряженіе Патриксона, имѣющаго нѣкоторые секретныя политическія свѣдѣнія.

— Вы Юдиень Рамсе, дочь боскобльскаго судьи? сказалъ онъ, стараясь смягчить свой голосъ.

— Точно такъ, милордъ, отвѣчала Юдиень.

— Вы знаете, зачѣмъ привели васъ ко мнѣ?

— Нѣтъ, милордъ. Я ожидаю, что вы объявите мнѣ причину ареста.

Кромвелль взялъ перо и сдѣлалъ нѣсколько крючковъ на бумагѣ, которая передъ нимъ лежала.

— Вашъ батюшка мой истинный другъ, миссъ Юдиень, продолжалъ онъ ласково. Онъ совершенно преданъ правительству, и мнѣ было очень пріятно видѣть его въ виндзорскомъ дворцѣ. Я отъ всего сердца желаю добра какъ ему, такъ и всѣмъ его ближнимъ. Но, по несчастію, до меня дошли слухи, будто его прекрасная дочь не во всемъ слѣдуетъ примѣру своего почтеннаго родителя. Говорятъ, что она воспитана своей крестной матерью въ заблужденіяхъ папизма и ведетъ дружбу съ служителями Веліала.

— Это правда, милордъ; но я также считаю братьями своими и тѣхъ, которые подвергаютъ ихъ гоненію.

— Не въ томъ дѣло, миссъ Юдиень, возразилъ Кромвелль, замѣтивъ съ неудовольствіемъ, что онъ наткнулся на умъ твердый и озаренный просвѣщеніемъ. Люди, которымъ вы покровительствуете, имѣютъ еще другую, болѣе преступную, цѣль. Мнѣ донесено, что они замышляютъ зло противъ законовъ, противъ правительства, противъ меня самого. Правда ли это?

— Нѣтъ, милордъ, васъ обманули. Дай Богъ, чтобы

наше отечество никогда не имѣло гражданъ опаснѣе этихъ несчастныхъ.

— Такъ вы не одобряете поведенія тѣхъ, кто хочетъ возмутить спокойствіе Англіи?

— Не одобряю, милордъ, отвѣчала Юдионъ съ увѣренностью.

— Въ такомъ случаѣ, миссъ Юдионъ, подхватилъ Кромвелль : въ такомъ случаѣ докажите же мнѣ свою искренность. Я знаю, что бывшій король шотландскій скрывается между вашими единовѣрцами. Долгъ повѣлываетъ мнѣ открыть его для блага отчизны. Чтобы достигнуть этого, я буду принужденъ арестовать всѣхъ папистовъ, не разбирая ни полу ни возрасту, арестовать и женщинъ и дѣтей и стариковъ, всѣхъ, кто окажется подозрительнымъ. Вашъ батюшка самъ будетъ содѣйствовать мнѣ въ этой мѣрѣ на пользу государства. Но вы, миссъ Юдионъ, можете избавить его и меня отъ такого тяжкаго дѣла, спасая въ то же время и множество невинныхъ, которые могутъ по необходимости сдѣлаться жертвами общаго распоряженія. Укажите мнѣ настоящихъ виновниковъ.

— То есть, вамъ угодно, милордъ, чтобы я была предательницею людей, которыхъ вся вина, можетъ-статься, состоитъ въ томъ, что они дали пристанище злополучному изгнаннику?... Простите меня, милордъ : я не могу вамъ повиноваться.

— Миссъ Рамсе! вскричалъ разгнѣванный Кромвелль: вы должны знать законы. Есть законъ, который опредѣляетъ смерть Карлу Стюарту и всѣмъ его сообщникамъ.

— Эта угроза не испугаетъ меня, милордъ, отвѣчала Юдионъ съ благороднымъ простодушіемъ. Я знаю теперь, чего вы отъ меня хотите, и буду молчать. :

— Миссъ Рамсе! опять вскричалъ Кромвелль : ваше молчаніе не спасетъ ихъ. Я уже знаю преступниковъ: ихъ зовутъ Гинтрель.

— Пиндрель, ваше превосходительство, шепнул Патриксо́нъ съ подобострастіемъ.

— Пиндрель или Тинтрель, всё-равно : они не унутся отъ наказанія ! А что касается до васъ, мнесь Юди́нь, то ежели вы станете молчать, я найду объясненіе вашему упорству, и.... тогда страшитесь !

Но Юди́нь молчала.

Черезъ нѣсколько минутъ, въ продолженіи которыхъ генераль, не говоря ни слова, ходилъ по комнатѣ, Патриксо́нъ, стоявшій скорчившись у камина, поймалъ мгновеніе, въ которое Кромвелль приблизился въ его сторону, и шепнулъ ему нѣсколько словъ. Кромвелль остановился, посмотрѣлъ на Юди́нь, и спросилъ у нея, не была ли она въ Шотландіи, въ кланъ Камероновъ.

Юди́нь отвѣчала утвердительно.

— Такъ введи его ! сказалъ генераль, повернувшись къ отставному секретарю.

Патриксо́нъ вышелъ, и черезъ нѣсколько секундъ Олленъ Камеронъ, съ открытою головою и связанными руками, былъ введенъ въ комнату.

— Подойди ! сказалъ ему Кромвелль : взгляни на эту дѣвушку.

Молодые люди узнали другъ друга и вскрикнули отъ удивленія.

— Олленъ !....

— Юди́нь !....

— А ! мы находимся при иъжномъ свиданіи ! сказалъ Кромвелль. Это очень интересно.

Онъ сѣлъ по-прежнему у стола, и задумался. Нѣсколько секундъ въ комнатѣ была совершенная тишина. Кромвелль сидѣлъ, потупившись и нахмуривъ брови, потомъ вдругъ поднялъ глаза на Юди́нь и спросилъ грубо :

— Зачѣмъ вы были въ Шотландіи ?

— Вамъ должно быть извѣстно какъ мы туда попали, отвѣчала дѣвушка : насъ завезли обманомъ.

— Но если обманомъ, не добровольно, такъ для чего же вы прожили тамъ больше мѣсяца? какъ могъ судья на такое долгое время оставить свой постъ и жить между бунтовщиками?

— А зачѣмъ я теперь въ этой комнатѣ, милордъ? отвѣчала Юдиѣ.

— Вы здѣсь не подѣ арестомъ, возразилъ Кромвелль, съ двусмысленной учтивостью.

— И мой отецъ былъ такъ же не подѣ арестомъ, какъ я, сказала Юдиѣ, показавъ на солдата, который стоялъ у дверей.

— Непостижимо! вскричалъ Кромвелль: понять не могу, что за надобность была лочіельскому лерду держать у себя стараго птицебоя съ дочерью, если только онъ не ожидалъ за нихъ дорогаго выкупу.

— Сэръ Джонъ и дочь его отпущены безъ выкупу, перебилъ Олень. Ихъ держали у насъ насильно, и только братъ знаетъ зачѣмъ.

— Молчи! вскричалъ Кромвелль. Я тебя не спрашиваю. Ты не хотѣлъ говорить сегодня по-утру, когда слова твои могли быть полезны.

«Кажется, молодецъ-то дѣлается ручнѣе при этой дѣвчонкѣ, подумалъ онъ: надо воспользоваться.

— Послушайте, миссъ Юдиѣ: не случилось ли чего важнаго въ Лочіель, когда вы тамъ жили?

— Ничего, милордъ, отвѣчала дѣвушка.

— Нѣтъ, случилось! возразилъ молодой человекъ. Миссъ Рамсе забыла, что въ то время три десятка горцевъ, вѣрныхъ своему государю, обезоружили и прогнали пятисотенный отрядъ республиканской арміи.

— Молчи! повторилъ, нахмурившись, Кромвелль. Я не о томъ говорю.

— Впрочемъ, продолжалъ Олень насмѣшливо: тутъ, конечно, нѣтъ ничего удивительнаго.

При этихъ словахъ Патриксонъ взглянулъ на стоя-

шаго въ комнату толстаго офицера, и, мигнувъ ему на Оллена, провелъ себя пальцемъ по шеѣ.

— Вы слышали, что я вамъ говорилъ, миссъ Юдишь, сказалъ Кромвелль. Подумайте же объ этомъ.

— Чѣмъ больше я думаю, отвѣчала Юдишь : тѣмъ менѣе понимаю, къ чему вы спрашиваете меня о какихъ-то важныхъ происшествіяхъ, которыя случились будто бы въ Лочилъ. Разговоръ нашъ совсѣмъ отдалился отъ цѣли.

— Напротивъ, онъ теперь ближе къ ней, нежели какъ вы думаете.

— Не понимаю, сказала миссъ Рамсе. Батюшка ѣздилъ въ Лондонъ нарочно затѣмъ, чтобы объясниться о своемъ житіи у шотландскихъ горцевъ; объясненіе его было принято : чего же еще хотятъ теперь отъ меня? что я могу прибавить къ словамъ отца моего?

— Бездѣлку, миссъ Рамсе. Батюшка вашъ не сказалъ мнѣ, что онъ видѣлъ въ Лочилъ Карла Стюарта. Зачѣмъ онъ утаилъ это? Такое обстоятельство было бы для меня гораздо интереснѣе приключеній его съ контрабандистомъ.

Кромвелль ожидалъ, что этотъ вопросъ приведетъ къ важнымъ открытіямъ : молчаніе судьи о встрѣчѣ съ Карломъ, задержаніе Оллена неподалеку отъ сэръ Джонова жилища, и наконецъ признаки близкихъ отношеній между Олленомъ и Юдишою, все это заставляло его подозрѣвать комплотъ, который онъ надѣялся обнаружить своимъ вопросомъ. Но миссъ Рамсе отвѣчала съ совершеннымъ спокойствіемъ :

— Батюшка молчалъ потому что онъ не зналъ и досихъ-поръ не знаетъ короля Карла, который былъ въ Лочилъ переодѣтый горцемъ.

Кромвелль смутился. Спокойствіе молодой дѣвушки не позволяло ему сомнѣваться въ справедливости ея словъ. Напрасно Патриксонъ покачивалъ головой съ

видомъ недоувѣрчивости : долгая опытность научила Кромвелля отличать ложь отъ правды.

— А вы, миссъ Юдишь, узнали тогда Карла Стюарта? спросилъ онъ, подумавши.

— Узнала, милордъ.

— И, конечно вы говорили съ нимъ? конечно, вамъ известны его предположенія? можетъ-быть, вы даже способствовали ему пробраться въ Англію?

— Нѣтъ, милордъ : у него, вѣроятно, были совѣтники лучше какой-нибудь молодой дѣвочки.

— Однако жъ вы не запираетесь, что жили цѣлый мѣсяцъ въ Лочилѣ, что знаете Карла и видѣли его тамъ. Теперь скажите, не видали ли вы его также и въ замкѣ Бѣлыхъ Красавицъ, послѣ ворстерскаго сраженія?

— Видѣла, милордъ.

— Въ такомъ случаѣ дѣло ясно : вы должны знать, гдѣ онъ теперь.

— Нѣтъ, милордъ, возразила миссъ Рамсе. Все это стеченіе обстоятельствъ, которое кажется вамъ такъ подозрительнымъ, произошло случайно.

— Случайно!..... Случай играетъ престранную роль въ вашихъ приключеніяхъ. Что бы съ вами ни послѣдовало, гдѣ бы вы ни были, кого бы нивстрѣтили, все случай! Я увѣренъ, что вы припишете случаю и то, что этотъ молодой человѣкъ прогуливался по боскобльскому лѣсу въ одно время съ Карломъ Стюартомъ..... Будемъ чистосердечны, господинъ мнимый Галлянинъ! не для свиданія ли съ боскобльскимъ судьей ты забрелъ въ здѣшній округъ?

Мы знаемъ причину, которая завела Камерона въ Боскобль. Онъ не могъ открыть ее и молчалъ.

— А! ты молчишь! сказалъ Кромвелль. Хорошо! такъ я самъ растолкую загадку. Нельзя приписывать всего одному случаю : очевидно, что тутъ есть стачка. Ты пробрался въ Англію для той же причины, для кото-

рой миссъ Рамсе, — безъ вѣдома отца своего, какъ я надѣюсь, — путешествовала въ Шотландію. Вездѣ, гдѣ вы вѣствуете, тамъ и Стюартъ : здѣсь, въ Лочіелъ, и въ замкѣ Бѣлыхъ Красавицъ. Вы кружитесь около изгнанника, какъ бабочки около огня.... Берегитесь! обожжете крылья! Въ послѣдній разъ говорю вамъ, признавайтесь во всемъ. Если будете отравлены, я забуду прошедшее и отпущу васъ.

Оллену было не въ чемъ признаться, но онъ видѣлъ, что всѣ наружности противъ него, и не могъ выпутаться изъ этого лабиринта. Съ другой стороны, Юдиень находилась въ бѣдственномъ положеніи, которое не позволяло ей защищать себя : она встрѣтила Карла въ домѣ отца своего, знала отчасти гдѣ онъ скрывается, по-крайней-мѣрѣ знала тѣхъ, кто его укрываетъ, и, слѣдовательно, могла отдѣлываться не иначе какъ ложью и изворотами. Не любя такихъ средствъ, она рѣшилась лучше молчать.

— Мнѣ очень жаль, миссъ Юдиень, сказалъ Кромвелль, стараясь открыть чувствительнѣйшее мѣсто въ сердцѣ молодой дѣвушки. Я сначала подумалъ, что вы дѣвица благоразумная и добродѣтельная; я обманулся : жаль! Если бы вы любили отца своего, то не упрямилась бы сказать мнѣ тайну.... Вѣднѣй сэръ Джонъ! вы у него однѣ; онъ не имѣетъ другаго утѣшенія въ жизни, онъ говорилъ мнѣ, что любить васъ какъ Товій своего сына. Чѣмъ же вы ему платите? что вы готовите его старости? Я искренно уважаю этого почтеннаго человека и хотѣлъ бы оказать ему всякое снисхожденіе, но... что дѣлать! законъ выше меня : я не имѣю права отступать отъ принятыхъ правилъ, и все должно идти какъ предписано въ уложеніи. Несчастнѣйшій старикъ страдаетъ за вину своей дочери : кромѣ того что онъ лишится любимаго и единственнаго дѣтища, разореніе, нищета, можетъ-быть изгнаніе....

— Довольно, довольно! перебилъ Олленъ, съ омер-

звѣстѣ глядя на Кромвелля : вы отнимаете работу у палача. Я думалъ, что только палаче....

— Молчать, мальчишка! закричалъ Кромвелль. Ты истощилъ мое терпѣніе и наполнилъ мнѣ душу яростью.... Берегись поколебать полный сосудъ, чтобы не пролить того, что въ немъ содержится!..... Но такъ и быть! я еще протяну къ тебѣ руку, дамъ тебѣ средство выйти изъ бѣдны, въ которую ты уналъ: я оставлю тебя одного съ этой дѣвушкой. Подумайте вмѣстѣ : срокъ— пять минутъ!

Сказавъ это, генералъ всталъ и вмѣстѣ съ прочими вышелъ изъ комнаты. Молодые люди остались одни.

Нѣсколько времени они молча смотрѣли одинъ на другаго, и этотъ взглядъ высказалъ имъ, что они думаютъ. Неожиданная встрѣча ихъ произошла при такихъ грозныхъ обстоятельствахъ, что радости почти не было мѣста. Какъ въ лодчельскомъ дѣсу, они стояли другъ противъ друга, одни, безъ свидѣтелей, но... увы! съ того времени все измѣнилось! теперь каждая минута ихъ свиданія сочтена и каждая падающая песчинка въ часахъ приближаетъ ихъ къ вѣчной разлукѣ!

Уступая торжественности этой послѣдней бесѣды, Юднѣ навела свой слезящійся взглядъ на глаза молодого горца, и потомъ съ горестью посмотрѣла на веревки, которыми были связаны его руки. Камеронъ угадалъ ея мысль, поначалъ головой, и сказалъ тихо : — Теперь вы ихъ не развяжете.

При этой простой ораза Юднѣ не могла дольше владѣть собою : слезы прохвались изъ глазъ ея и потекли по лицу.

— О! не плачьте обо мнѣ, миссъ Рамсе! сказалъ молодой человекъ. Я васъ видѣлъ, и готовъ умереть сполна : только жаль, что не прощусь съ братомъ.

— Я вамъ говорила, Олленъ, что мы не созданы другъ для друга, отвѣчала Юднѣ. Время, люди, все насъ разлучаетъ. Мы встрѣтились потому, что

оба гонимы сильными; но мы не могли встрѣтиться иначе какъ древніе мученики, на мѣсть пытки и казни.

Молодой человѣкъ не подвергся заблужденію, въ какомъ находилась Юдиѣ : онъ былъ справедливо увѣренъ, что Кромвеллю хотѣлось только запугать дѣвушку, въ надеждѣ исторгнуть у нея тайну, и спокойный съ этой стороны, онъ безгранично предался удовольствію видѣть свою любезную, слышать ея голосъ, говорить съ нею, забывъ совершенно о своей собственной участи.

— О Боже мой! вскричалъ онъ : я не надѣялся никогда быть такимъ счастливецомъ... быть такъ близко отъ васъ, дышать однимъ съ вами воздухомъ! Послѣ ворстерскаго сраженія, я пошелъ—было въ свои горы. Мнѣ казалось, что у меня достанетъ твердости воротиться на родину, не думая о томъ мѣстѣ, гдѣ вы живете; но какая-то непреодолимая сила влекла меня въ этотъ край. Когда я разспрашивалъ о дорогѣ, которой мнѣ надобно было держаться, то имя Боскобля, противъ воли моей, срывалось съ губъ, и я, самъ не знаю какъ, очутился въ здѣшнихъ окрестностяхъ. Три дня я скрывался въ лѣсу и три ночи бродилъ вокругъ вашего дому, подстерегая, какъ тѣнь ваша отражалась на нѣсколько секундъ на бѣлой перкалевой занавѣсѣ, или угадывая мѣста, по которымъ вы могли проходить, и жалѣя, что я не принадлежу къ числу слугъ вашихъ, которые видятъ васъ и говорятъ съ вами.

— Олень! вскричала Юдиѣ въ замѣшательствѣ : я говорила, чтобъ вы меня позабыли.

Она закрыла руками лицо и нѣсколько секундъ оставалась въ этомъ положеніи.

— Простите меня, сказалъ молодой человѣкъ : ежели я оскорбилъ васъ своими словами! Я не хотѣлъ бы оставить вамъ непріятнаго воспоминанія.... Простите! я больше ничего не скажу. Вы меня чуждаетесь : пусть будетъ по-вашему! Вы совершенно исполнили свое сло-

во : забыли меня.... Вамъ было легко забыть бѣднаго горца , какъ-скоро вы перестали видѣть острые верхи родныхъ горъ его. Вамъ было не жалко, и если бы вы не встрѣтили его въ этомъ домѣ, то позабыли бы даже какъ и зовутъ несчастнаго,... Ахъ, миссъ Юдионъ! примолвилъ Камеронъ съ робостью : я теперь ясно вижу, что мнѣ было непрослительно думать о вашей любви : я ея не достоинъ!

— Кто?... вы? вскричала Юдионъ. О нѣтъ!.... Я не знаю, можно ли любить другаго, ежели знаешь васъ.

И прекрасная дѣвушка вдругъ замолчала, въ смущеніи и испугѣ отъ неумышленнаго признанія. Правда, это признаніе не угрожало теперь такими опасностями какъ въ то время, когда горецъ былъ на свободѣ и они видѣли передъ собой долгую будущность, но Юдионъ не хотѣлось бы въ эту минуту думать о чемъ нибудь, кромѣ высокихъ предметовъ, которые должны занимать набожную женщину при увѣренности въ близкой смерти. Поэтому Юдионъ начала трепещущимъ голосомъ :

— Не о земномъ, а о небесномъ надобно помышлять теперь, Олень. Скоро мы вмѣстѣ предстанемъ на судъ Всевышняго, который видитъ всѣ наши дѣла, слышитъ всѣ наши рѣчи, и знаетъ всѣ наши мысли. Должно отказаться отъ временнаго и преходящаго, возложить всю надежду на другую, лучшую жизнь. — Тамъ, продолжала Юдионъ, увлекаясь невольнo чувствомъ, съ которымъ хотѣла бороться : тамъ, можетъ-быть, мы опять встрѣтимся и между нами уже не будетъ препятствій, которыя разлучаютъ насъ на землѣ; тамъ мы, можетъ-быть, насладимся взаимной любовью, потому что—вы знаете, Олень,—мы любимъ другъ друга. Я напрасно старалась казаться вамъ веселою, убѣгала отъ васъ, какъ въ замкѣ Бѣлыхъ Красавицъ, и не отвѣчала на слова ваши : мнѣ хотѣлось всюду за вами слѣдовать, когда я отъ васъ удалялась, и держать васъ

подлѣ себя, когда я просила, чтобы вы меня оставили. Въ разлукѣ съ вами, я чувствовала, что мнѣ какъ-будто чего-то не достаетъ, какъ-будто не достаетъ воздуха для дыханія. Напрасно я хотѣла сама себя обмануть и скрыть отъ себя самой что происходитъ въ моемъ сердцѣ : ничто, даже молитва, не утѣшало меня; сердце мое безпрестанно горѣло, я безпрестанно объ васъ думала.

— Такъ вы меня любите? вскричалъ горецъ въ восторгъ.

Юдионъ задрожала. Бѣдненькая не чувствовала, какъ любовь увлекла ее, и теперь съ ужасомъ замѣтила, что, вмѣсто обращенія своихъ мыслей на вѣчность, она, съ нѣжностью слабой женщины, сосредоточила ихъ на печаляхъ своей несчастной любви. Стыдливость и раскаяніе побуждали ее скорѣе загладить эту ошибку, но молодой человекъ, съ усиленіемъ поднимая свои связанные руки, сказалъ умоляющимъ голосомъ :

— О нѣтъ,.... нѣтъ!.... не берите назадъ своихъ словъ!.... Вы меня любите.... Боже мой, какъ я счастливъ!.... Не отворачивайтесь отъ меня : пусть я прочту въ глазахъ вашихъ, что вы меня любите.... Любите!.... О! я счастливѣйшій человекъ на свѣтѣ!....

Въ это время послышались тяжелые шаги въ сосѣдственной комнатѣ. Два арестанта побѣднѣли и взглянули одинъ на другаго. Роковыя пять минутъ прошли, а они еще и не думали объ отвѣтѣ, какой дадутъ Кромвеллю. Между-тѣмъ дверь отворилась. Кромвелль вошелъ. Глаза его быстро окинули взглядомъ всю комнату, и мрачно остановились на молодыхъ людяхъ.

— Ну! сказалъ онъ : гдѣ Карлъ Стюартъ?

Юдионъ и Олленъ молчали.

— Вы не отвѣчаете? продолжалъ Кромвелль, обращаясь къ Юдионъ.

Она взглянула на горца и сказала дрожащимъ голо-

сомъ : — Милордъ , я прошу позволенія видѣться съ отцомъ своимъ .

— И потомъ будете отвѣчать ? подхватилъ Кромвелль , не умѣя скрыть своей радости .

— Нѣтъ , милордъ ! потомъ я умру .

Лобъ генерала нахмурился , глаза засверкали . Можно было подумать , что гнѣвъ его страшнымъ образомъ разразится надъ дѣвушкой , которая такъ дерзко ему сопротивлялась ; но онъ отвернулся къ Олену , и насмѣшливая улыбка мелькнула на его тонкихъ губахъ . Это было послѣднимъ движеніемъ его вспыльчивости : Кромвелль опять принялъ свой холодный и мрачный видъ , какъ глубокія воды , которыя начинаютъ струиться отъ камня , брошеннаго ребенкомъ , но черезъ нѣсколько секундъ снова являются въ страшной неподвижности .

— Теперь ты ! сказалъ онъ Камерону . Надвуюсь , ты ужь обдумалъ , на что рѣшиться .

Молодой человѣкъ прежде не дорожилъ своей жизнью , но съ того времени , какъ ему стало извѣстно , что мнѣсь Рамсе любитъ его , онъ хотя не боялся смерти , однакожь не могъ защитить себя отъ горькаго сожалѣнія , что ему приходится умереть въ такую минуту , когда передъ нимъ загорѣлась заря высочайшаго блаженства . Не менѣе того , благородный юноша не хотѣлъ и не былъ способенъ просить помилованія .

— Если вы обвиняете меня какъ человѣка , который сражался подъ Ворстеромъ , то мнѣ нечѣмъ оправдываться , сказалъ онъ : но если вы думаете , будто я принадлежу къ числу укрывателей несчастнаго государя , въ такомъ случаѣ , — увѣрю васъ честью , — вы казните во мнѣ невиннаго .

— Слѣдственно , если бъ ты зналъ мѣстопробываніе Карла , то указалъ бы его ? спросилъ Кромвелль .

При этомъ вопросѣ , надежда , которую молодой человѣкъ основывалъ на своемъ отвѣтѣ , мгновенно ру-

шлась. Онъ вздохнулъ и сказалъ : — Нѣтъ, я не хочу васъ обманывать : пусть это признаніе погубить меня, но я скажу, что остался бы вѣренъ своему государю во всякомъ случаѣ и при всѣхъ обстоятельствахъ.

— Такъ будь же по-тѣбему ! отвѣчалъ Кромвелль.

Онъ застучалъ по столу эфесомъ своей шпаги, и на этотъ зовъ вошелъ въ комнату толстый офицеръ съ нѣсколькими солдатами. Юдиѣ полагала, что приговоръ Кромвелля простирается и на нее, однако жъ сохранила наружное спокойствіе, и только стала снова просить, чтобы ей позволили проститься съ отцомъ.

— Садитесь, миссъ Рамсе, отвѣчалъ Кромвелль благосклоннѣе, нежели какъ можно было ожидать въ эту минуту. Вашъ часъ еще не насталъ ; вамъ, пока, еще нечего дѣлать, развѣ только молиться Богу за этого молодого человѣка.— Де-Профундись, примолвилъ онъ, обращаясь къ толстому поручику : возьми орленка и сверни ему шею. Онъ слишкомъ рано вылетѣлъ изъ гнѣзда.

Мистеръ Де-Профундись, у котораго это порученіе нѣсколько не отняло веселаго расположенія духа, спѣшилъ приступить къ дѣлу; но какъ онъ, по своей толщинѣ, распорядился довольно неповоротливо, то вдругъ пять костливыхъ и желтыхъ пальцевъ, составлявшихъ оконечность чрезмѣрно длинной руки, упали на плечо осужденнаго. То былъ Осквебагъ, который пришелъ за своей добычей. Онъ сердился на Оллена за нѣсколько оскорбительныхъ словъ, сказанныхъ ему горцемъ при послѣдней встрѣчѣ въ боскобльскомъ лѣсу, и какъ у него была похвальная привычка не довѣрять никому, даже лучшимъ друзьямъ своимъ, то онъ хотѣлъ непременно самъ совершить свое мщеніе надъ обидчикомъ. Оллена толкнули въ толпу мушкетеровъ, и повели вонъ изъ комнаты.

Тутъ только Юдиѣ догадалась, что смертный приговоръ, произнесенный генераломъ, касается до одного

Камерона, и эта мысль поразила ее гораздо сильнее, нежели вся Кромвеллевы угрозы. Тренещущая, почти безъ памяти, она съѣдала нѣсколько шаговъ къ двери, какъ-бы съ намѣреніемъ догнать своего любезнаго и вырвать его изъ рукъ палачей, но онъ уже былъ далеко, и несчастная дѣвушка только успѣла перехватить послѣдній прощальный взглядъ его. Колѣнки ея задрожали, въ глазахъ стало зелено, дыханіе остановилось. Она положила одну руку на грудь, другою машинально оперлась объ печку, и въ этомъ положеніи стояла неподвижная, безъ голоса, чуть живая.

Кромвелль былъ человѣкъ жестокой, неумолимый, все-же онъ былъ человѣкъ, и, можетъ-статься, иногда не могъ защитить себя отъ припадковъ чувствительности. Трудно рѣшить, что именно, состраданіе или политика, руководила имъ въ настоящемъ случаѣ, только онъ подошелъ къ Юдионъ, взялъ ее за руку и подвелъ къ окну.

— Миссъ Юдионъ, сказалъ онъ : вы видите, какъ солдаты ведутъ молодаго человѣка.

Бѣдная дѣвушка невольно взглянула въ окно, и заглянула вдали толпу мушкетеровъ, между которыми шелъ ея возлюбленный. Онъ оглядывался назадъ; капитанъ Осквебагъ все-еще держалъ руку на плечь его; вверху кружился надъ ними воронъ.

— Миссъ Юдионъ, продолжалъ Кромвелль : вы можете спасти его. Скажите одно слово, и я пошлю верховаго остановить казнь. Слышите? одно слово. Гдѣ Карлъ Стюартъ?

Глухой стонъ вырвался изъ груди Юдионъ.

— Гдѣ Карлъ Стюартъ? повторилъ Кромвелль. Говорите!.... Одна минута.... Сейчасъ все будетъ кончено!....

Онъ смотрѣлъ на дѣвушку пламенными глазами, крѣпко сжимая ея руку.

— Не знаю! закричала Юднѣ, и, вырвавшись у него, кинулась на другую сторону комнаты, чтобъ не видѣть Камерона, котораго все вели дальше и дальше. .

Въ это время раздался въ сосѣдственной комнатѣ крикъ челоуѣка, который хотѣлъ войти къ генералу, несмотря на запрещеніе часовыхъ. Кромвелль узнавъ его голосъ, отворилъ дверь, и сказалъ спокойно :

— Пропустите господина судью.

=

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ГАЛИЛЕЙ.

Галилей родился въ тотъ самый день, въ который умеръ Микель-Анджело. Смерть великаго художника была какъ бы предзнаменованіемъ, что искусства, прославившія Италію, должны теперь уступить свое мѣсто наукамъ. Знаменитые мастера, украсившіе собою вѣкъ Леона X, сами подготовили этотъ важный переворотъ тщательнымъ изученіемъ тайнъ природы, которая была ихъ руководительницей. Но переходъ не могъ совершиться вдругъ : пылкіе Италіянцы во всемъ видѣли чудеса, и первоначально въ самой наукѣ любили только ея поэтическую сторону. Пренебрегая строгую, простой истинною, они вездѣ искали ослѣпительнаго, часто обманчиваго блеску. За исключеніемъ Леонарда да Винчи, художника и мыслителя, обнимавшаго своимъ взглядомъ различныя вѣтви естественныхъ наукъ, всѣ, самыя знаменитые ученые шестнадцатаго столѣтія, кажется, старались болѣе угодить суевѣрной толпѣ или привлечь на себя ея вниманіе, нежели познать истину. Приведемъ въ примѣръ Тарталію и Кардана, которые такъ много содѣйствовали къ успѣхамъ алгебры : Тарталія возвыщалъ о своихъ открытіяхъ, ходя по улицамъ при звукѣ трубъ, и разсылалъ герольдовъ съ математическими задачами; у горячаго Кардана былъ домашній демонъ, который заставлялъ его все ставить вверхъ дномъ, и наконецъ принудилъ умереть

съ голоду, для исполненія одного изъ его фантастическихъ предсказаній. Въ Кеплеръ не знаешь чему болѣе удивляться: безсмертнымъ законамъ или жалкимъ заблужденіямъ, которыя изложены въ его сочиненіяхъ. Вообще нигдѣ и ни въ чемъ не было замѣтно методу: ошибки мѣшались съ истинами; правила, которымъ умъ долженъ слѣдовать при изученіи природы, были еще неизвѣстны; всякой гонялся за чудесами и удивлялся только чудесному. Послѣ уже замѣтили, что самыя необыкновенныя явленія природы происходятъ отъ тѣхъ же причинъ, которымъ одолжены своимъ происхожденіемъ и повседневыя ея отправленія; что для объясненія первыхъ, надобно впрочемъ изучить послѣднія. Допускали двѣ физики, одну *благородную* и *царскую*, по выраженію Порты, другую простонародную; думали, что рѣзкіе и поразительные феномены зависятъ отъ какихъ-то *особыхъ* причинъ, и что силы, дѣйствующія на нашу планету, не имѣютъ ничего общаго съ силами, одушевляющими другія свѣтила. Это отсутствіе связи, эти ложныя идеи, до невѣроятности увеличили число физическихъ законовъ и совершенно отдѣлили одни феномены отъ другихъ. Физика была загромождена таинственными толкованіями, а авторитетъ Аристотеля, поддерживаемый латинскимъ духовенствомъ, не позволялъ и думать о перемѣнахъ. Надо было побѣдить безчисленныя препятствія, чтобы измѣнить общій видъ человѣческихъ знаній.

Галилей совершилъ этотъ великій переворотъ. Потомство обязано его генію множествомъ важныхъ открытій, а болѣе всего тѣмъ, что онъ помогъ безсмертному Бекону создать философію науки. О Беконѣ и о его заслугахъ мы уже говорили: поговоримъ теперь о знаменитомъ его сотрудникѣ въ дѣлѣ возобновленія наукъ. Эти два генія, можетъ-статься, прекраснѣйшіе изъ всѣхъ, возникавшихъ когда-либо въ человѣческомъ родѣ, первые доказали человѣку, что нѣтъ другой книги безъ ошибокъ, кромѣ книги природы, и что вся философія написана въ ней математическими знаками: съ ихъ времени началась великая борьба ума противъ умничанья, схоластика была побѣждена, слѣпая вѣра въ авторитетъ упала, живая природа смѣнила мертвыя книги, наполненныя діалектическими бреднями.

Галилео Галилей родился въ Пизѣ, осемнадцатаго февраля 1564 года, отъ благородной флорентинской фамили, процвѣтавшей во время республики, но въ эту эпоху не обладавшей уже ни чѣмъ, кромѣ почтеннаго имени. Отецъ его, Винченціо Галилей, хорошо зналъ латинскую и греческую литературу, былъ отличнымъ музыкантомъ, и писалъ музыкальнныя сочиненія, которыя уважались современниками. Настоящимъ мѣстомъ пребыванія его была Флоренція : въ Пизу пріѣзжалъ онъ на короткое время, по службѣ или по торговымъ дѣламъ, какъ думаютъ нѣкоторые писатели. У него впоследствии было много другихъ дѣтей. Галилео воспитывался во Флоренціи. Съ самаго дѣтства замѣтили въ немъ большую склонность къ механикѣ : ребенокъ безпрестанно строилъ модели машинъ.

По волѣ отца, который впрочемъ готовилъ своего сына къ коммерціи, Галилей началъ учиться латинскому языку. Наставникъ его, Яковъ Боргини, былъ человекъ до крайности безтолковый; но это не помѣшало даровитому ученику дѣлать быстрые успѣхи. Изучивъ латинскихъ классиковъ, Галилей принялся за греческую словесность, и вскорѣ языкъ Аѳонъ сталъ ему такъ же понятенъ какъ языкъ Рима. Эти упражненія пригодились ему впоследствии : чтеніе древнихъ классиковъ содѣйствовало къ образованію его удивительнаго слѣга, которому великій математикъ отчасти одолженъ своею славою. Необыкновенная понятливость юноши, его быстрые успѣхи въ древнихъ языкахъ, въ логикѣ, живописи, механикѣ, музыкѣ, заставили Винченціо перемѣнить намѣреніе сдѣлать своего сына купцомъ, и онъ рѣшилъ, чтобы Галилей посвятилъ себя медицинѣ, единственной наукѣ, съ которой тогда можно было нажить состояніе. Нельзя не удивляться многостороннимъ дарованіямъ юноши, которому судьба назначила сдѣлать великій переворотъ въ наукѣ. Галилей былъ въ одно и то же время прекраснымъ живописцемъ, отличнымъ игрокомъ на лютнѣ, и самымъ тонкимъ диалектикомъ своего времени; обладая пронзательнымъ умомъ, способнымъ постигать возвышеннѣйшіе предметы натуральной философіи, онъ въ то же время былъ мастеромъ импровизировать комедіи. Такія разнообразныя способности внушаютъ мысль, что истинный гений можетъ приспособ-

собрать себя ко всему. Данте, Полицианъ, Леонардо да-Винчи, Галилей, Магалотти, Рели и другіе, доказываютъ собою, что высокій умъ, соединенный съ твердою волею, торжествуетъ надъ всеми препятствіями, и что люди съ такою счастливою организаціей могутъ одинаково прославиться на всѣхъ поприщахъ.

Семнадцати лѣтъ Галилей, по желанію отца, отправился въ пизскій университетъ для изученія медицины. Здѣсь онъ слушалъ сперва философскіе курсы, съ которыми въ то время соединены были метафизическія и математическія науки. Тогдашніе профессора были всѣ перипатетиками и объясняли Аристотеля : одинъ Яковъ Маццони излагалъ Платоновое ученіе, и онъ-то сдѣлался главнымъ руководителемъ Галилея. Отъ этого ученаго молодой студентъ узналъ современное состояніе физики; но сперва онъ занимался только общностями и приложеніями : въ рукахъ его еще не было драгоценнаго орудія, математики, которую впоследствии онъ постоянно прилагалъ къ изученію естественной философіи. Между-тѣмъ въ немъ уже обнаружился даръ наблюдательности : увидѣвъ однажды въ пизскомъ соборѣ лампу, которая качалась отъ вѣтру, студентъ медицины замѣтилъ, что ея движенія совершаются въ равныя промежутки времени, и это замѣчаніе, приложенное имъ сначала къ медицинѣ, особенно къ измѣренію скорости пульса, повело впоследствии къ чрезвычайно важнымъ открытіямъ.

Особенное обстоятельство заставило Галилея заняться математикой. Отецъ его былъ знакомъ съ аббатомъ Риччи; который училъ геометрію пажей великаго герцога, и зимою бывалъ съ ними въ Пизъ, когда пріѣзжалъ туда дворъ. При первомъ появленіи Риччи въ этомъ городѣ, Галилей поспѣшилъ засвидѣтельствовать ему почтеніе, но преподаватель былъ въ то время съ воспитанниками въ учебной залѣ, куда не могли входить посторонніе. Продолжая свои посѣщенія, Галилей часто останавливался у дверей залы и вслушивался въ слова наставника. Этимъ страннымъ способомъ онъ бралъ около двухъ мѣсяцовъ математическіе уроки, потомъ добылъ себѣ Эвклида, и однажды, пришедши къ Риччи посоветоваться о трудномъ мѣствѣ, рассказалъ ему, какимъ образомъ получилъ первоначальныя свѣдѣнія въ гео-

метріи. Гордясь такимъ ученикомъ, Риччи допустилъ его къ своимъ лекціямъ.

Галилею было тогда девятнадцать лѣтъ. Онъ исключительно занялся геометріей и бросилъ всѣ другіе предметы. Услышавъ о мнимой лѣности своего сына, Винченціо пріѣхалъ въ Пизу, и съ изумленіемъ увидѣлъ, что Галилей работаетъ несравненно прилежнѣе чѣмъ когда-либо. Послѣ бесполезныхъ возраженій, Галилею было позволено заниматься любимой наукой. Риччи подарилъ ему Архимеда, и чтеніе сочиненій сиракузскаго геометра дотога разгорячило воображеніе молодаго математика, что онъ съ этого времени не желалъ имѣть другихъ руководствъ, говоря: «Кто изучилъ Архимеда, тотъ можетъ смѣло гулять по землѣ и по небу.»

Успѣхи Галилея вполне соответствовали его неутомимой дѣятельности. Двадцати-одного году, онъ открылъ теорію центровъ тяжести твердыхъ тѣлъ, и молва объ его познаніяхъ распространилась далеко. Въ это время Винченціо, обремененный многочисленнымъ семействомъ, подалъ просьбу о принятіи сына на казенный счетъ. Ему отказали, и Галилей, доведенный до крайности, принужденъ былъ выйти изъ университета не получивъ ученой степени.

Между-тѣмъ имя Галилея получило громкую извѣстность. Двадцати-четырехъ лѣтъ, онъ переписывался съ астрономомъ Клавіусомъ, съ географомъ Ортеліусомъ и съ другими современными учеными. Но самымъ пылкимъ его почитателемъ и полезнѣйшимъ изъ друзей его, былъ искусный геометръ маркизъ дель-Монте, называвшій Галилея Архимедомъ своего времени, и говорившій, что послѣ смерти сицилійскаго математика, свѣтъ еще не видалъ такого-генія какъ Галилей. Сочиненія его ходили въ рукописяхъ, потому что авторъ, по бѣдности, не могъ ничего напечатать. Въ 1589 году, маркизъ дель-Монте и братъ его, кардиналъ, послѣ многихъ бесполезныхъ попытокъ, успѣли наконецъ хлопотать для Галилея кафедре математики въ пизскомъ университетѣ. Молодому профессору положили жалованья шестьдесятъ скудовъ, то есть, около рубля мѣдью въ день, тогда какъ преподаватели медицинскихъ наукъ получали по три тысячи рублей серебромъ въ годъ!

Хотя курсъ Галилея не былъ напечатанъ, однако жъ изъ нѣкоторыхъ дошедшихъ до насъ отрывковъ, извѣстно, что онъ, подобно Бекону, былъ открытымъ противникомъ Аристотеля. Еще Бенедетти, отличный венеціанскій ученый, доказывалъ теоретически, что всѣ тѣла съ однаковою высоты падаютъ въ равный промежутокъ времени. Галилей пошелъ дальше: подтвердивъ мнѣніе Бенедетти опытомъ, онъ доказалъ, что при паденіи тѣлъ скорость пропорціональна времени, и что пространства, пробѣгаемыя тѣлами, содержатся къ себѣ какъ квадраты скорости. Эти положенія составили основаніе динамич. науки, созданной Галилеемъ на двадцать-пятомъ году. Изслѣдованія свои Галилей основывалъ на опытахъ и разсудкѣ, бросая тѣла съ наклонившейся пизской башни, которая очень удобна для такихъ наблюденій. Слушатели молодого профессора были вовсе не приготовлены къ подобному ученію, и, при всей очевидности доказательствъ, смѣлый противникъ Аристотеля не разъ былъ осмѣянъ на университетской кафедрѣ. Замѣчательно, что описаніе этихъ открытій Галилей издалъ уже въ глубокой старости. Эта особенность не разъ встрѣчается въ его жизни, и какъ онъ очень охотно сообщалъ свои изслѣдованія, то недобросовѣстные люди часто употребляли во зло его довѣренность. Можетъ-статься, и всѣ его открытія сдѣлались бы добычею похитителей чужаго добра, если бы нѣкоторыя изъ нихъ не были такъ необыкновенны и новы, что самые дерзкіе воры сначала считали ихъ заблужденіями.

Галилей излагалъ свои открытія въ *Разговорахъ*, которые до-сихъ-поръ хранятся въ рукописи, во Флоренціи. Изъ этого сочиненія видно, что первоначальныя его изслѣдованія относились до качанія маятника, до паденія тѣлъ по вертикальному направленію и наклонной плоскости, и до законовъ движенія.

Въ то время съ профессорами, какъ въ средніе вѣки, заключали условія на извѣстный срокъ. Контрактъ Галилея продолжался только три года. Бѣдность должна была заставить его стараться о продолженіи срока, несмотря на скудное жалованье, по онъ, изъ любви къ истинѣ, пожертвовалъ своею будущностью. Іоаннъ Медичи, сынъ герцога Козмы,

почитавшій себя великимъ архитекторомъ, изобрѣлъ черпальную машину. Галилею поручили рассмотреть ее. Ученый математикъ откровенно высказалъ свое мнѣніе о недостаткахъ новаго изобрѣтенія, и его отзывъ задѣлъ честолюбіе изобрѣтателя. Іоаннъ жаловался герцогу. Тосканскіе перипатетики подтвердили справедливость жалобы, и нескромному критику отказали отъ мѣста. Галилей уѣхалъ во Флоренцію. Маркизь дель-Монте еще разъ вступился за друга, и, по его ходатайству, Галилей занялъ кѣсдру математики въ падуанскомъ университетѣ, послѣ смерти Моле-ти, извѣстнаго своими попытками сдѣлать нѣкоторыя улучшения въ механикѣ. Лѣтомъ 1592 года, Галилей выѣхалъ въ Падуу черезъ Венецію : чемоданъ, въ которомъ уложились всѣ его пожитки, не вѣсилъ и ста фунтовъ. Въ старости знаменитый астрономъ любилъ разсказывать объ этомъ путешествіи.

Пробывъ два или три дня въ Венеціи, Галилей отправился къ мѣсту. Всѣ современные писатели увѣряютъ, что его лекціи имѣли блестящій успѣхъ : слушателей, несмотря на трудность предмета, было такъ много, что число ихъ казалось необыкновеннымъ даже и въ падуанскомъ университетѣ, который тогда былъ въ большой славѣ и обладалъ множествомъ учащихся.

Въ первые годы профессорской службы, Галилей написалъ *Трактатъ объ укрѣпленіяхъ*, *Гномонику*, *Сокращенное руководство къ познанію сферы*, *Разсужденіе о механикѣ*. Но ни одно изъ этихъ сочиненій не было напечатано : авторъ только давалъ всѣмъ списывать свои манускрипты и постоянно излагалъ ихъ сущность на лекціяхъ. «Разсужденіе о механикѣ», вышло въ свѣтъ спустя уже около сорока лѣтъ во французскомъ переводѣ монаха Мерсенна; «Трактатъ объ укрѣпленіяхъ» напечатанъ въ наше время; «Гномоника» потеряна, а что касается до «Руководства къ познанію сферы», то сочиненіе объ этомъ предметѣ, изданное впоследствии подъ именемъ Галилеева, едва ли принадлежитъ ему : въ немъ попадаются мысли совершенно противоположныя ученію знаменитаго астронома, и самыя спосoby изложенія недостойны Галилея.

Вся біографы говорятъ, что Галилей изобрѣлъ инструментъ, принесшій столько пользы въ изслѣдованіи явленій физическихъ. Мы говоримъ о термометрѣ, который приписывается нѣсколькимъ лицамъ, въ томъ числѣ Бекону, но, по мнѣнію господина Либри, принадлежитъ именно Галилею.

До изобрѣтенія термометра, состояніе температуры измѣряли только тѣмъ впечатлѣніемъ, которое производитъ оно на наши чувства, говорили — «мнѣ жарко,» «мнѣ холодно», и не знали ни какого средства измѣрить, опредѣлить степень холоду или жару. Простое наблюденіе, что воздухъ расширяется отъ теплоты и по мѣрѣ охлажденія возвращается къ первоначальному своему объему, навело Галилея на мысль устроить орудіе, которое бы дѣлало видимую для глазъ всякую перемену въ температурѣ. Онъ взялъ стекляную трубочку съ отверстіемъ на одномъ концѣ и съ шарикомъ на другомъ, влилъ въ нее немного воды, и установилъ вертикально въ сосудъ, наполненномъ также водою. Давленіе вѣшняго воздуха удерживало воду въ трубочкѣ, и это было первымъ, Галилеевымъ, термометромъ. Въ самомъ дѣлѣ, ежели поднести горячее тѣло къ шарикѣ, то воздухъ внутри его начнетъ расширяться и вода уйдетъ въ трубочку; напротивъ, ежели шарикъ остынетъ, то вода станетъ опять выходить изъ нея. Для удобнѣйшихъ наблюденій, Галилей раздѣлилъ трубку на градусы. Но этотъ инструментъ, какъ говорятъ физики, не былъ *удобосравнимымъ*: масштабъ не имѣлъ постоянныхъ точекъ, и, слѣдственно, нельзя было сравнивать между собой наблюденій, сдѣланныхъ двумя такими снарядами. Правильнѣе, это былъ не термометръ, а термоскопъ, служившій въ то же время и барометромъ. Жидкость уходила въ трубочку или выходила назадъ сообразно съ измѣненіями въ тяжести атмосфернаго воздуха и по мѣрѣ испаренія, происходившаго во внутренности. Очевидно, что такой снарядъ былъ еще очень далекъ отъ нынѣшнихъ термометровъ, но тѣмъ не менѣе настоящая физика, физика мѣры и вѣсу, родилась въ день его изобрѣтенія.

До сихъ поръ не рѣшено, кому дѣйствительно принадлежитъ честь изобрѣтенія термометра, и можетъ-быть, нѣтъ другаго открытія, на которое было бы столько претендентовъ. Его приписываютъ Галилею, Бекону, Фледду (Fludd),

Дреббелю, Санкторіусу и Сарпи. Галилей выдумалъ свой термоскопъ, кажется до 1597 года, между-тѣмъ какъ Беконъ упомянулъ о своемъ въ первый разъ уже въ 1620; но это еще не значитъ, чтобы одинъ воспользовался открытіемъ другаго. Мы не будемъ разбирать спору, интереснаго только для самолюбія Италіянцевъ, Англичанъ и Голландцевъ.

Посвятивъ себя изученію физики и рациональной механики, Галилей занимался также и прикладною механикою. Въ 1594 году, онъ получилъ отъ венеціанскаго дожа двадцатилѣтнюю привиллегію на вновь-изобрѣтенную гидравлическую машину, а спустя немного выдумалъ пропорціональный циркуль, инструментъ чрезвычайно полезный для инженеровъ. Это послѣднее изобрѣтеніе имѣло необыкновенный успѣхъ, и Галилей многихъ училъ владѣть своимъ циркулемъ. Въ 1599 году онъ надѣлалъ значительное число этихъ инструментовъ, и разослалъ ихъ по всей Европѣ, а въ 1606, подробно описалъ свое изобрѣтеніе. Нашлись однако же люди, которые вздумали присвоить его себѣ. Изъ числа этихъ господъ особенно замѣчательнъ Балтасаръ Капра, Миланецъ, издавшій въ 1607 году описаніе инструмента, похожаго на Галилеевъ пропорціональный циркуль. Галилей, еще прежде спорившій съ Балтасаромъ по поводу одного астрономическаго вопроса, громко жаловался на это воровство. Нарядили комиссію изслѣдовать дѣло. Галилей побѣдоносно доказалъ, что брошюра ученаго вора, была ни что иное какъ копія его сочиненія, обезображеннаго во многихъ мѣстахъ самыми грубыми промахами. Въ этомъ спорѣ Галилей показалъ первый образчикъ той сильной и неодолимой діалектики, которую впоследствии употреблялъ онъ противъ перипатетиковъ. Слѣдуя примѣру Сократа, онъ поражалъ противника своего то рѣзкими ироніями, то учеными доказательствами, и совершенно сбилъ его съ толку.

Споръ этотъ напечатанъ: изъ него видно, что Балтасаръ Капра не былъ знакомъ даже съ первыми началами геометріи, и странно, какъ тосканскій философъ согласился вступить въ такую борьбу. Можно думать, что за Балтасаромъ скрывался другой, болѣе страшный соперникъ, котораго Галилей не называетъ. Впрочемъ, при тогдашнемъ своемъ положеніи, какъ противникъ Аристотеля, замышлявшій ко-

ренное преобразование, Галилей не долженъ былъ отказываться отъ ученаго спору съ кѣмъ бы то ни было, лишь бы доказать основательность новой системы.

По прошествіи первыхъ шести лѣтъ, Галилей оставили въ званіи профессора еще на такое же время съ прибавкою жалованья. Слава его возрастала такъ, что многочисленные слушатели его лекцій не могли умыщаться въ обширной университетской аудиторіи; между ними находились многіе чужестранцы, люди пріѣхавшіе изъ отдаленныхъ земель, особы высокаго происхожденія, напримѣръ, Густавъ, король шведскій. Нѣкоторые собирались даже къ столу Галилея, чтобы пользоваться его бесѣдою, и какъ у знаменитаго ученаго недоставало бѣлья, то онъ разлаивалъ своимъ гостямъ вмѣсто салфетокъ листы писчей бумаги. Особеннаго шуму и споровъ надѣлали его лекціи о новой звѣздѣ въ созвѣздіи Зміеносецъ. Наперекоръ ученію Аристотеля, тосканскіи философъ доказывалъ, что небо не изъято отъ поврежденій, потому что въ немъ случаются измѣненія. Звѣзда была видна только осемнадцать мѣсяцовъ и потомъ исчезла; одни почитали ее свѣтломъ, находящимся въ нижнихъ предѣлахъ неба, другіе старой звѣздою. Галилей доказалъ, что ее никогда прежде не видывали. Противъ него возстали отчаяннѣе перипатетичи Кременино и делье-Колombe. Лекціи о знаменитой звѣздѣ не были напечатаны: изъ нихъ остался только отрывокъ, въ отвѣтъ Галилея Балтасару о пропорціональномъ циркулѣ.

Съ первой молодости Галилей принялъ систему Филолая, и въ 1597 году писалъ объ этомъ къ Кеплеру, который въ отвѣтъ убѣждалъ его обнародовать свои наблюденія въ Германіи. Но Галилей не послушался, опасаясь быть осмѣяннымъ какъ Коперникъ: тогдашнія понятія о системѣ міра были такъ смѣшны, что безсмертнаго польскаго астронома въ Германіи выводили на сцену въ фарсахъ подъ видомъ шута. Скоро однако жъ новый инструментъ, котораго постройка была угадана Галилеемъ и который онъ первый обратилъ на небо, далъ бѣольшую степень вѣроятности смѣлой гипотезѣ о движеніи земли вокругъ солнца.

Послѣ обнародованія пропорціональнаго циркуля, Галилей, съ безпрестанно возрастающими успѣхами, продолжалъ

читать лекціи въ падуанскомъ университетѣ, не прерывая занятій своихъ физикою и механикою. Наденіе тѣль, равно-временность качаній маятника, теорія магнита, попеременно были предметомъ его изслѣдованій. Изданы два письма, въ которыхъ онъ описалъ чудныя свойства, открытыя имъ въ магнитѣ. Эти наблюденія, возбуждшія вниманіе Лейбница, стоятъ того, чтобы ихъ изучали и въ наше время: они представляютъ къ рѣшенію затруднительные вопросы. Въ 1609 году занятія Галилея вдругъ получили новое направленіе: въ началѣ этого года въ Венеціи пронеслась молва, что какой-то Голландецъ поднесъ Морицу, графу нассаускому, оптический инструментъ, который удивительно приближаетъ отдаленные предметы. О формѣ снаряда никто ничего не зналъ. Галилей услышалъ объ этой новости во время своей повѣздки въ Венецію, и вскорѣ письмо изъ Парижя убѣдило его въ дѣйствительности открытія. По возвращеніи въ Падуу, онъ думалъ о немъ цѣлую ночь, и на другой день былъ выдуманъ телескопъ со всеми принадлежностями. Вскорѣ изобрѣтатель усовершенствовалъ свой инструментъ, такъ, что онъ сталъ увеличивать въ тысячу разъ діаметръ предметовъ. Это изумило и привело въ восторгъ жителей Венеціи: сенатъ навсегда утвердилъ за Галилеемъ профессорскую кафедру, съ жалованьемъ по тысячѣ флориновъ; народъ толпами вѣшалъ на башни и колокольни, наводилъ телескопы на туманную даль, и съ восхищеніемъ любовался на корабли, плавающіе по Адриатическому Морю. Венеціанцы были увѣрены, что, съ помощію такого чуднаго инструмента, они всостояніи предупредить всякія покушенія непріятеля и наносить ему неожиданные удары.

Галилей самъ рассказываетъ исторію своего изобрѣтенія, и всѣ современныя извѣстія подтверждаютъ, что онъ дѣйствительно угадалъ и усовершенствовалъ устройство телескопа. Первый изобрѣтатель былъ позабытъ: желающіе записаться телескопомъ, со всѣхъ концовъ Европы, обращались за нимъ къ Галилею. Изъ подлинныхъ документовъ видно, что телескопъ, сдѣланный въ Голландіи, увеличивалъ діаметръ предметовъ только въ пять разъ. Въ Голландіи, даже въ 1637 году, еще не умѣли готовить хорошихъ стеколъ для наблюденія спутниковъ Юпитера, хотя

ихъ очень легко увидать, и это доказываетъ, что честь изобретения телескопа, по всѣмъ правамъ, должно приписать именно Галилею, безъ котораго онъ долго бы оставался безполезною вещью въ грубыхъ рукахъ какаго-нибудь ремесленника.

Венеціанскій сенатъ хлопоталъ о томъ, чтобы съ помощью телескопа забрать себѣ владычество на морь : Галилей хотѣлъ покорить имъ небо. Вслѣдствіе очень простой, но богатой послѣдствіями мысли, онъ первый обратилъ его къ звѣздамъ. До тѣхъ поръ думали, что небо имѣетъ свои, совершенно особенные, феномены, и что свѣтила небесныя, по своему устройству и отдаленію отъ земли, навсегда останутся недоступными для смертныхъ : мудрецъ доказалъ, что человѣкъ можетъ сократить это ужасное разстояніе.

Галилей сдѣлалъ первый телескопъ въ мавъ 1609 года. Нѣсколько времени онъ занимался усовершенствованіемъ инструмента, и, спустя не болѣе десяти мѣсяцовъ, издалъ ужъ книгу, наполненную важными астрономическими открытіями. Направивъ сначала свой телескопъ на луну, онъ увидѣлъ тамъ высокія горы, различилъ впадины и большіе бугры. Но астрономъ не остановился на этой аналогіи луннаго тѣла съ земнымъ шаромъ : какъ луна въ продолженіи пятнадцати дней освѣщается солнцемъ, и потомъ столько же времени остается во мракъ, то онъ вывелъ изъ этого заключеніе, что въ температурѣ ея должны происходить перемѣны, какихъ не всостояніи выдержать ни одно изъ органическихъ тѣлъ, существующихъ на землѣ. Эти первыя замѣчанія нашли сильныхъ противниковъ, особливо въ іезуитахъ. Опровергая ихъ возраженія, Галилей тридцать лѣтъ занимался изслѣдованіемъ луны, и сдѣлалъ многія открытія, изъ которыхъ особенно замѣчательно колебаніе, извѣстное у астрономовъ подъ названіемъ либраціи.

Издавъ отчетъ о первыхъ своихъ наблюденіяхъ надъ луною, Галилей присоединилъ къ нему описаніе другихъ важныхъ открытій. Онъ удостовѣрился, что млечный путь состоитъ изъ несмѣтнаго числа мелкихъ звѣздочекъ, и что стекла не увеличиваютъ неподвижныхъ звѣздъ; открылъ

седьмого января 1610 года трехъ спутниковъ Юпитера, черезъ шесть дней послѣ того увидѣлъ четвертаго, потомъ опредѣлилъ орбиты этихъ спутниковъ, исчислилъ время обращенія ихъ около своей планеты, и приспособилъ ихъ затмѣнія къ опредѣленію долготы : проблема чрезвычайно важная для мореплаванія, которую ученые давно старались рѣшить. Галилей назвалъ Юпитеровыхъ спутниковъ «звѣздами Медичи», въ честь фамиліи великаго герцога тосканскаго, хотя тотъ не сдѣлалъ ему до-сихъ-поръ ни какого добра.

Обнародовавъ свои наблюденія, Галилей занялся изслѣдованіемъ Сатурна ; но тогдашнее несовершенство телескопа еще не позволяло видѣть ясно колецъ этой планеты, и астрономъ, замѣтивъ двѣ части колецъ, казавшіяся ему отдѣльными выпуклостями на планетномъ ядрѣ, заключилъ, что Сатурнъ состоитъ изъ трехъ сросшихся тѣлъ. Это открытіе Галилей изложилъ въ видѣ анаграммы, которой никто не понялъ, такъ что онъ самъ долженъ былъ толковать ее императору Рудольфу II, который пожелалъ имѣть объясненіе. Ученые подвиги Галилея быстро слѣдовали одинъ за другимъ и возбуждали различныя чувства : друзья не могли надивиться гениальному астроному, враги безъ пощады порицали его. Великій герцогъ тосканскій осыпалъ его подарками, а французскій король просилъ назвать какую-нибудь звѣзду по его имени. Открытіе новыхъ планетъ вошло въ моду : всякой искалъ ихъ на небѣ, и, не находя, выдавалъ за свое открытіе какія-нибудь старыя, давно всѣмъ извѣстныя звѣзды. Труды Галилея были воспѣваемы стихотворцами ; Юпитеровыхъ спутниковъ представляли въ балетахъ и на маскарадахъ. Изъ этого видно, какое сильное впечатлѣніе произвелъ онъ на все сословія общества. Между-тѣмъ однако жъ, бѣшеные перипатетики упорно опровергали все, что онъ утверждалъ. Для убѣжденія въ истинѣ, имъ стоило только посмотреть въ телескопъ, но одни не хотѣли къ нему прикоснуться, а другіе просто увѣряли, что дьяволъ оболыщаетъ смертныхъ ложными признаками посредствомъ стеколъ поганнаго инструмента.

Получивъ блистательную извѣстность и наживъ порядочное состояніе, Галилей, казалось бы, могъ навсегда остать-

ся въ Падуу и жить тамъ подъ покровительствомъ венеціанскихъ законовъ. Никто не мѣшалъ ему излагать свои мнѣнія; у него было много сильныхъ и усердныхъ друзей, въ томъ числѣ Сагрето и Карпи. Поклонникъ великаго астронома, страстный любитель новой физики, Сагрето во всякое время готовъ былъ защищать Галилея всѣмъ авторитетомъ своего имени, всѣмъ вліяніемъ своей фамиліи. Карпи, пзвѣстный своей исторіей Тридентскаго Собора, также отъ души любилъ науки и успешно ими занимался; онъ имѣлъ обширныя свѣдѣнія въ астрономіи, алгебрѣ, физикѣ, анатоміи, и участвовалъ въ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ открытіяхъ своего времени. Какъ знаменитый богословъ и важный государственный человекъ, Карпи пользовался большимъ авторитетомъ въ Венеціи и побѣдоносно ограждалъ Галилея отъ нападений враговъ. Но при всѣхъ такихъ побужденіяхъ остаться въ Падуу, Галилею вздумалось переселиться въ Тоскану, и это было источникомъ несчастій великаго астронома. Трудно понять, что заставило его рѣшиться на перемѣну мѣста: вѣроятно, Галилей хотѣлъ освободить себя отъ хлопотливой профессорской должности, поглощавшей значительную часть его времени. Незвѣстно, съ чьей стороны были слышаны ему первыя предложенія. Въ ваканціальное время Галилей не-разъ вздѣлъ въ Тоскану, и всегда былъ принятъ ласково при дворѣ великаго герцога, даже давалъ уроки его сыновьямъ. Можетъ-быть, эти поѣздки пробудили въ немъ любовь къ родинѣ. Ктому же члены семейства Медичи желали переманить знаменитаго земляка: оставивъ его на произволъ судьбы во дни бѣдствія, они хотѣли раздѣлить его славу, когда онъ не нуждался болѣе въ ихъ покровительствѣ. Впрочемъ и на этотъ разъ Медичи не слишкомъ далеко простерли свою щедрость: послѣ длинныхъ переговоровъ и пустыхъ обѣщаній, великій Галилей, изумившій свѣтъ своими открытіями, десятаго іюля 1610 года былъ наименованъ *первымъ математикомъ и философомъ* великаго герцога тосканскаго; ему положили жалованья меньше нежели сколько онъ получалъ въ Падуу, да назначили сверхъ-того только стѣловыя деньги, которыми пользовались и многіе профессора пизскаго университета.

Отъездъ Галилея живо опечалилъ его венеціянскихъ друзей. Сагрето, который путешествовалъ тогда по Леванту, возвратившись, написалъ къ астроному трогательное письмо, въ которомъ старался доказать ему, какъ неблагоприятно онъ сдѣлалъ, промѣнявъ городъ, гдѣ правительство питало къ нему глубокое уваженіе, на страну, покоренную іезуитамъ. Сарпи сдѣлалъ болѣе: узнавъ, что Галилей собирается въ Римъ для ученаго спору съ своими противниками, онъ, какъ прозорливый политикъ, тотчасъ угадалъ, что изъ вопроса о движеніи земли завяжутъ религіозное дѣло, и *перваго математика* великаго герцога заставятъ отказаться отъ своихъ мыслей подъ опасеніемъ отлученія отъ церкви.

Галилей пріѣхалъ во Флоренцію въ половинѣ сентября 1610 года, и со всѣмъ жаромъ принялся за свои астрономическія изслѣдованія. Черезъ нѣсколько дней онъ открылъ фазы Венера, а потомъ измѣненія въ видимомъ діаметрѣ и свѣтъ Марса. Еще въ Падуѣ, Галилей замѣтилъ пятна на солнцѣ и показывалъ ихъ венеціянскимъ ученымъ. Въ Тосканѣ онъ продолжалъ эти наблюденія, и, въ бытность въ Римѣ, весною 1611 года, указывалъ на солнечныя пятна нѣкоторымъ кардиналамъ, съ жадностію смотрявшимъ на эти небесныя новости.

Общее изумленіе, произведенное Галилеевыми открытіями въ эпоху, когда свѣтила небесныя почитались такими, какими представляются они невооруженному глазу, и жестокіе споры, возникшіе по этому поводу о землѣ, которую до того времени признавали неподвижною, а Галилей смѣлся надъ этой системой, — все это наконецъ возбудило вниманіе нѣкоторыхъ сильныхъ сановниковъ изъ римскаго духовенства, полагавшихъ, что ученіе Галилея есть заблужденіе, несогласное съ догматами религіи. Кардиналъ Белларминъ обратился къ четверемъ іезуитамъ, въ томъ числѣ къ одному астроному, по имени Клавіусу, и спрашивалъ ихъ мнѣнія о новой системѣ. Судьба Галилея была въ крайней опасности, но на этотъ разъ отвѣтъ іезуитовъ не противурѣчилъ его наблюденіямъ, и великій астрономъ со славою возвратился въ Тоскану.

Въ Римѣ остались у него могущественные друзья, между которыми было цѣлое ученое общество, именно академія

Linsei, имѣвшая цѣлю содѣйствовать къ усовершенствованію всѣхъ отраслей человѣческихъ знаній; но, съ другой стороны, тамъ было у него и много враговъ, завистниковъ, готовыхъ при первомъ случаѣ вооружиться на Галилея: вообще всѣ представители римской церкви пытали къ нему мрачное недовѣріе, которое долженствовало со-временемъ превратиться въ открытое и жестокое гоненіе.

Вѣроятно, около этого времени, то есть, по возвращеніи изъ Рима, Галилей изобрѣлъ микроскопъ. Нѣкоторые позднѣйшіе писатели приписываютъ изобрѣтеніе его Захарію Янсу, изъ Миддльбурга; Дреббель, съ своей стороны, рассказываетъ, что онъ видѣлъ микроскопъ въ первый разъ, какъ вещь совершенно новую, въ Англии въ 1619 году; но, по другимъ извѣстіямъ, Галилей по-крайней-мѣрѣ за семь лѣтъ до того сдѣлалъ свой инструментъ: Вивіани пишетъ, что знаменитый астрономъ еще въ 1612 году послалъ одинъ микроскопъ въ подарокъ королю польскому, и изъ нѣкоторыхъ сочиненій, изданныхъ въ этомъ году, видно, что микроскопъ былъ уже извѣстенъ тогда въ Италиі. Впрочемъ надобно думать, что Галилей усовершенствовалъ этотъ инструментъ не ближе 1624 года.

При всемъ желаніи продолжать астрономическія наблюденія и окончить нѣкоторыя начатыя сочиненія, Галилей часто долженъ былъ отрываться отъ своихъ важныхъ трудовъ. Великій герцогъ, занимавшійся также науками, любилъ послушать ученыхъ и для того, по-временамъ, назначалъ ученыхъ собранія. Въ одномъ изъ такихъ собраній перипатетики утверждали, что фигура тѣла, опущеннаго въ воду, весьма много содѣйствуетъ къ тому, что тѣло всплываетъ наверхъ. Галилей, еще въ молодости изучавшій гидростатику, защищалъ противное мнѣніе, и этотъ споръ подалъ ему поводъ къ издавію книги, подъ заглавіемъ: *Разсужденіе о тѣлахъ, движущихся въ водѣ или плавающихъ по ея поверхности*. Въ этой книгѣ, подвергшейся самымъ горькимъ и несправедливымъ придиркамъ, Галилей показывалъ настоящую теорію равновѣсія плавающихъ тѣлъ, и, чтобы отвѣчать своимъ противникамъ, привелъ множество любопытныхъ фактовъ, объясняя ихъ истинными началами физики. Лагранжъ говорить, что въ ней изложены и

ОДЛЕНЪ КАМЕРОНЪ.

=

НЕИЗДАВАННЫЙ РОМАНЪ ВАЛЬТЕРА СКОТТА.

=

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

=

XVIII.

— А! вы говорите, что здѣсь стоитъ генераль! кричалъ сэръ Джонъ Рамсе, когда часовые не пропускали его. Да какая мнѣ надобность, что онъ генераль?.... Легко ли дѣло!.... Я хочу видѣть вашего генерала, сказать ему, какъ это гадко, неблагогородно, врываться въ домъ....

Но вдругъ языкъ сэръ Джона прильнулъ къ гортани, потому что судья увидѣлъ передъ собой суровое и безстрастное лицо Кромвелля.

— Ахъ!.... милордъ..... милордъ..... это вы!..... Я не зналъ, что ваше превосходительство въ Боскоблѣ.

— Это значить, что вы не обращаете должнаго вниманія на то, что дѣлается во ввѣренномъ вамъ округѣ, сказалъ Кромвелль холодно.

— Милордъ! вскричалъ сэръ Джонъ, котораго строптивый характеръ тотчасъ ошетинился при этомъ упре-

къ : я тридцать лѣтъ исправляю должность судьи ; я служилъ королю Іакову, королю Карлу. Мнѣ никогда не говаривали, что я не выполняю своихъ обязанностей, и какъ теперь представился случай, то я имѣю честь доложить вашему превосходительству, что въ царствованіе короля Карла и короля Іакова, я никогда не получалъ и конечно не получилъ бы такой обиды, какую нанесли мнѣ сегодня.... Нѣтъ, милордъ ! тогда не ворвались бы силой въ мое жилище и не похитили бы моей дочери.... Нѣтъ-съ ! тогда домъ каждаго гражданина почитался неприкосновеннымъ : довольно было одной собаки, чтобы беречь мирное убѣжище честнаго человѣка отъ всякаго оскорбленія. Нынче не такъ : нынче тѣ самые люди, которымъ слѣдовало бы предупредить всякіе беспорядки, разбойничаютъ хуже настоящихъ разбойниковъ ; солдатчина сдѣлалась единственной властью въ Англіи : она вертитъ всѣмъ, для нея нѣтъ законовъ.... Я человѣкъ кроткій, ваше превосходительство ; я мирный гражданинъ, статскій чиновникъ, уважаю установленный порядокъ ; но..... чортъ возьми ! пусть же этотъ порядокъ поступаетъ со мной порядочно ! пусть онъ будетъ справедливъ ! а не то.... Однимъ словомъ, милордъ, если мы ужъ встрѣтились, то я всепокорнѣйше прошу васъ сдѣлать распоряженіе объ отысканіи виновниковъ учиненнаго мнѣ насилія, преданіи ихъ суду, и возвращеніи моей дочери.

Быть-можетъ, сэръ Джонъ еще долго бы говорилъ въ этомъ тонѣ, потому что Кромвелль, кажется, не хотѣлъ прерывать его, но Юдиень, узнавъ голосъ отца, собрала послѣднія силы и вышла въ переднюю.

— Юдиень!.... дочь моя ! вскричалъ удивленный судья: ты здѣсь ! въ этой комнатѣ !.... Генераль, что это значитъ ?.... Бѣдненькая ! какъ она блѣдна ! Обоприся на меня, Юдиень ; возьми мою руку. Что съ тобой сдѣлали эти злодѣи ?

Юлиѣ сначала не могла выговорить ни слова, но, мало-по-малу прійдя въ себя, она подняла глаза на Кромвелля, задрожала, и, стиснувъ руку отца своего, произнесла задыхаясь : — Уйдемте, уйдемте отсюда, папенька !

— Растолкуете ли вы мнѣ эту загадку, ваше превосходительство ? говорилъ между-тѣмъ сэръ Джонъ. Какимъ образомъ дочь моя очутилась въ вашей квартирѣ ?.... Мнѣ сказали, будто она задержана по вашему приказанію. Я не вѣрю этому : не можетъ быть. Вы, генераль, человекъ умный, осторожный, и конечно вполне раздѣляете мое мнѣніе насчетъ всеобщаго примиренія, не захотите нарушить священныя права мои какъ судьи, отца, гражданина.

Кромвелль, молча, пожалъ плечами. Онъ не любилъ кидаться въ огонь, но всегда выжидалъ развязки, какъ опытный тактикъ, который, нарочно даетъ непріятелю время истощить свои силы, чтобы потомъ имѣть надъ нимъ преимущество.

— А, ваше превосходительство ! продолжалъ судья : вы молчите ! вы презираете справедливыя жалобы обиженнаго отца ! Такъ неужели эти жалобы справедливы ? неужели этотъ мошенникъ Патриксоъ правду говорилъ, что онъ дѣйствуетъ по вашему приказанію ?.... Въ такомъ случаѣ я готовъ : я пойду всюду ! дойду до парламента ! я добьюсь правосудія, если только въ Англіи еще есть законы ! И горе, горе установленному правительству !.... Прощайте, милордъ !

— Оставайтесь, сказалъ наконецъ Кромвелль, спокойно сядя въ кресла. Я накажу тѣхъ, кто, безъ моего позволенія, смѣлъ войти насильно въ вашъ домъ ; но что касается до миссъ Рамсе, то вы должны благодарить меня, что она жива. Въмѣсто того чтобы заниматься нелѣпыми идеями о всеобщемъ примиреніи....

— Милордъ ! вскричалъ сэръ Джонъ.

— Не перебивайте меня, сказалъ Кромвелль. Въмѣсто

того чтобы заниматься нелѣпыми идеями о какомъ-то всеобщемъ примиреніи, вамъ лучше бы прилежнѣе смотрѣть за своимъ домомъ и округомъ, который вамъ ввѣренъ.

— Какъ такъ? спросилъ, смутившись, сэръ Джонъ: что это значитъ? Я со временъ короля Іакова....

— Папенька! вскричала Юдиѣ, сжавъ его руку: не говорите!.... если вы меня любите, не говорите!

Юдиѣ поняла, какой опасности она подвергаетъ отца своего и до какой степени эта опасность можетъ увеличиться при неосторожности со стороны самого судьи. Но честный сэръ Джонъ смотрѣлъ на нее съ недоумѣніемъ.

— Карлъ Стюартъ больше недѣли скрывается въ здѣшнихъ окрестностяхъ, сказалъ Кромвелль.

— Король?.... въ здѣшнихъ окрестностяхъ? подхватилъ сэръ Джонъ съ насмѣшливымъ видомъ.

— Да, сударь, тотъ, кого вы называете королемъ, живетъ здѣсь, и вы одни въ цѣломъ Боскѣблѣ не знаете этого. Дочь ваша покровительствуетъ его сообщникамъ: она заодно съ Эдомитами.

— Ха-ха-ха-ха!.... Такъ поздравляю же васъ, милордъ! Бѣдный судья, который, по вашему мнѣнію, занимается нелѣпыми идеями, знаетъ побольше всемогущаго генерала!

— Что вы хотите сказать? съ нетерпѣніемъ спросилъ Кромвелль, озадаченный этою выходкой.

— А то, ваше превосходительство, что ваши шпионы худо вамъ служатъ. Они только пьютъ да безчинствуютъ по шинкамъ, употребляя въ дѣло больше языкъ свой, чѣмъ уши. Будь на ихъ мѣстѣ люди порядочные, такъ можетъ-быть и вы знали бы, что мнѣ известно изъ вѣрнаго источника.

— Что же? что же? спросилъ Кромвелль съ возрастающимъ нетерпѣніемъ.

— Ничего, бездѣлка : король еще въ концѣ сентября съѣлъ на корабль въ Кардигапъ и уѣхалъ во Францію.

«Вотъ человѣкъ! подумалъ про себя Кромвелль : если онъ не заодно съ моими врагами, то право стѣитъ того, чтобы засѣдать въ парламентъ, между добряками, которыхъ можно увѣрить во всемъ, въ чемъ угодно.»

— Да, ваше превосходительство, продолжалъ сэръ Джонъ : король уѣхалъ во Францію, и это прекрасно, какъ я доказываю въ своемъ трактатѣ объ установленномъ порядкѣ правленія; прекрасно, потому что теперь, у республики однимъ врагомъ меньше.

— Вы сошли съ ума! вскричалъ Кромвелль съ досадой. Я самъ его видѣлъ сегодня въ лѣсу, говорилъ съ нимъ : нѣсколько минутъ онъ былъ въ моей власти.

— Полноте! возразилъ простодушно сэръ Джонъ. Ну, повѣрю ли я, чтобы вы его не арестовали, если онъ былъ въ вашей власти?

— О! когда бы опять.... когда бы.... Но онъ былъ переодѣтъ : мнѣ и въ голову не пришло спачала, что это онъ.

— Удивляюсь, ваше превосходительство! сказалъ судья, который имѣлъ высокое мнѣнiе о своей пронципальности. Если бы я встрѣтилъ Карла Стюарта, если бъ я увидѣлъ его даже издали, за деревьями, за заборомъ,.... чортъ возьми! будь онъ переодѣтъ какъ хотите, а я не далъ бы промаху, не позволилъ бы провести себя за носъ. У меня есть описанiе его примѣтъ, а съ этимъ, отъ меня не увернулся еще ни одинъ подозрительный человѣкъ со времени короля Іакова.

— Можетъ-быть, можетъ-быть, отвѣчалъ Кромвелль: и однако жъ Молодой Человѣкъ скрывался у знакомыхъ вамъ дровосѣковъ, у братьевъ Пиндрелей.

— У братьевъ Пиндрелей!... Часъ отъ часу не легче!... Но вы хотите со мной пошутить. Позабавлю же и я добряка Донея, когда расскажу ему эту исторію.

— Какого Донея? чтѣ это за человѣкъ?

— Зять Пиндрелей, о которыхъ вы говорите, браконіеръ, добрый малой. Онъ охотится на моей землѣ, стрѣляетъ у меня дичь; но я не въ претензіи: славный малой! Вы можете видѣть отсюда его домикъ: вонъ, бѣленькій, на краю горизонта, недалеко отъ боскобльскаго лѣсу.

Кромвелль подошелъ къ окну и увидѣлъ небольшую хижину, на холмѣ, миляхъ въ двухъ отъ Боскобля, ту самую хижину, куда, часъ тому назадъ, Матіасъ послалъ Карла.

— Теперь недостаетъ только того, чтобы вы обвинили и этого бѣднаго Донея! продолжалъ судья съ громкимъ смѣхомъ.

«Странно! думалъ между-тѣмъ Кромвелль, не отводя глазъ отъ окошка: Патриксоу не говорилъ ничего объ этомъ человѣкѣ.... Или мерзавецъ беретъ деньги и съ той и съ другой стороны?»

Характеръ Патриксона уполномочивалъ Кромвелля на такое подозрѣніе, но истина состояла въ томъ, что отставной секретарь и самъ не зналъ о Донелевомъ участіи въ дѣлахъ Карла: браконіеръ велъ всегда безпечную, разгульную жизнь, и въ послѣднее время часто отлучался надолго изъ дому; даже и теперь почти еще никому не было извѣстно объ его возвращеніи изъ отлучки.

— Вы можете удалиться, сэръ Джонъ, сказалъ Кромвелль, закрывая окошко. Возьмите и дочь свою; только помните, что если бѣ она имѣла дѣло не съ такимъ человѣкомъ, какъ я, то вамъ бы не видать ее, прежде какъ на томъ свѣтѣ.

Развеселившись отъ мнимой ошибки Крѳмвелля и не зная притомъ, какія страданія перенесла Юдиѳъ на допросѣ у генерала, сэръ Джонъ поклонился и вышелъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ жалобъ на оказанное себѣ насиліе. Онъ проходилъ уже конецъ улицы и былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ своего дому, когда сучья кустарника, ростшаго у его крыльца, вдругъ раздвинулись, и изъ нихъ выскочилъ челоѳкъ, который бросился ему на встрѣчу. Это былъ Донель.

— А! здорово!..... Пойдемъ ко мнѣ. Я разскажу тебѣ такую забавную....

— Покорно благодарю, перебилъ Донель. Мнѣ некогда : я спѣшу, и только ждалъ васъ, чтобы поговорить объ одномъ дѣлѣ. — Помните ли вы эту вещицу? спросилъ браконіеръ, вынувъ изъ-за пояса свистокъ, который подарилъ ему сэръ Джонъ въ замкѣ Мекъ-Коннуля.

— Разумѣется, отвѣчалъ судья : и помню также и обѣщаніе, которое я тебѣ далъ, когда ты освободилъ насъ изъ медвѣжьей берлоги.

— Теперь пришло время выполнить это обѣщаніе, сказалъ Донель. Погода прекрасная. Поѳзжайте ужѳ кататься по большой дорогѣ, въ своей каретѣ съ гербами?

— Чтѳ это тебѣ вздумалось? Говори яснѣе.

— Яснѣе нельзя. Поѳзжайте кататься, и если вы дождетесь меня на перекресткѣ розвельской дорогѣ, то я отдамъ вамъ этотъ свистокъ.

Браконіеръ убѣжалъ вдоль улицы.

— Эй!..... ты!..... пріятель! кричалъ ему вслѣдъ сэръ Джонъ, но Донель и не оглянулся. — Такъ и быть! сказалъ тогда честный судья. Ужѳ вечеромъ, Юдиѳъ, мы съ тобой поѳдемъ кататься : благородный челоѳкъ не долженъ измѣнять своему обѣщанію.

Однако жъ читателю, вѣроятно, гораздо болѣе хочется знать, чтѳ сдѣлалось съ молодымъ Камерономъ,

котораго повели на казнь, нежели слушать дальнѣйшіе разговоры сэръ Джона.

Лишь-только капитанъ Осквебагъ и поручикъ Де-Профундисъ миновали послѣдніе боскобльскіе домики, между ними завязалась дружеская бесѣда. Надлежало рѣшить вопросъ, какъ понимать слова Кромвелля: «Сверни голову этому орленку.»

— Капитанъ, говорилъ Де-Профундисъ: вы по-живовски толкуете эту фразу. Вспомните: вы сами говорили мнѣ, что не всякое слово заключаетъ въ себя тотъ смыслъ, какой обыкновенно ему придается. Неужели генералъ хочетъ изъ васъ сдѣлать повара? Я, съ своей стороны, твердо стою на томъ, что гораздо лучше выстроить человѣкъ пятнадцать съ заряженными мушкетами, которые, всѣ, однимъ разомъ, бацнутъ въ грудь этому молодцу на разстояніи десяти шаговъ.

— Ну вотъ, Де-Профундисъ! возразилъ капитанъ: ты вѣчно переничииваешь и самовольно распространяешь смыслъ текстовъ. Неужели не понимаешь ты, вѣтреный и легкомысленный человѣкъ, что мнѣ и двухъ грошей не дадутъ за куртку преступника, если она будетъ вся продыравлена пулями?

— Милостивѣйшіе государи, сказалъ Патриксонъ, который также шелъ за Камерономъ, чтобы посмотреть, какъ его будутъ казнить: мнѣ кажется, что можно весьма легко согласить ваше разнорѣчіе. Изберите середину между двумя противоположными мнѣніями: надѣньте на шею этого молодого человѣка веревочный галстукъ и повѣсьте его на дерево? Я выберу для васъ очень крѣпкій сучокъ.

Друзья приняли это предложеніе, и, дойдя до одной уединенной площадки посреди лѣсу, остановились подъ дубомъ, котораго толстые сучья, казалось, вполне соответствовали ихъ намѣренію. Камеронъ былъ спокоенъ. Всю дорогу онъ не произнесъ ни одной жалобы,

только сперва часто оглядывался на домигъ, изъ котораго повели его, но когда домика стало невидно, онъ опустилъ голову и пошелъ твердымъ шагомъ, несмотря на своихъ безжалостныхъ спутниковъ и размышляя только о томъ, какъ бѣдная мать будетъ напрасно ждать его возвращенія.

Слово «стой,» произнесенное капитаномъ, разорвало цѣпь его мыслей.

— Ну, сказалъ Геденъ: какъ-то ты поймешь грамоту, которой я тебя теперь поучу!... Ботвелль! въ твоёмъ карманѣ, вѣрно, есть новыя веревки. Взлѣзь-ка на верхушку этого дерева, да смотри, распорядись хорошенько, не такъ, какъ въ послѣдній разъ, когда мы должны были три раза начинать изнова.

Капралъ успѣшилъ выполнить приказаніе. Между тѣмъ Де-Профундисъ рассказывалъ Патриксону интересное приключеніе, о которомъ намѣкнулъ капитанъ. Скоро все было готово. Олень стоялъ въ-сторонѣ на коленяхъ и молился.

— Ну, проклятый! вскричалъ Осквебагъ: что же ты тамъ копаешься?

— Я готовъ, отвѣчалъ Камеронъ, вставая. Богъ да проститъ ваше согрѣшеніе, какъ я васъ прощаю!

Въ этотъ разъ голосъ молодаго челоуѣка немножко дрожалъ. Всякой другой былъ бы тронуть его благородною наружностью, но капитанъ, поручикъ, отставной секретарь и мушкетеры стояли какъ истуканы. Несчастнй горецъ оглянулся кругомъ, и понялъ, что ему не отъ кого ждать участія. Однако жъ изъ толпы мушкетеровъ выступилъ одинъ молодой солдатъ, и, подавая Камерону свою походную фляжку, сказалъ по-шотландски: — Выпей, товарищъ: это вридасть тебѣ смѣлости шагнуть черезъ порогъ на ту сторону жизни.

— Спасибо, отвѣчалъ Олень. Я и такъ не боюсь смерти. Но скажи: ты Шотландецъ?

— Да, товарищъ. Судьба привела служить съ краснокафтанниками : убилъ невзначай какого-то двоюроднаго братишку ; а то, кто бы заставилъ разстаться съ родиной? И теперь еще часто приходитъ въ голову, что если тамъ когда-нибудь забудутъ мою продѣлку....

— Ты воротись въ Шотландію ! подхватилъ Олленъ. Знаешь ли ты кланъ Камероновъ ?

— Вотъ бы не знать ! Да кто жъ ихъ не знаетъ ? Я родился недалеко отъ замка лерда Мекъ-Коннуила, и у меня, я чай, по-сю-пору тамъ водятся родственники : тетка Алиса, вѣрно, еще жива..... Какъ мнѣ не знать Камероновъ !

На глазахъ Оллена навернулись слезы.

— Подойди по-ближе, сказалъ онъ : разстегни мою куртку. У меня руки связаны : я не могу самъ достать что у меня спрятано на груди.

Солдатъ запустилъ руку за-пазуху Оллена и вытащилъ кошелекъ, въ которомъ сквозь петли виднѣлось нѣсколько серебряныхъ денегъ.

— Нѣтъ, не то : ищи дальше, сказалъ Камеронъ. Вотъ такъ. Разорви же эту тесемку.

Шотландецъ сдѣлалъ что ему говорили и досталъ медальонъ, въ которомъ хранился локонъ волосъ.

— Бѣдняжка ! это, вѣрно, подарокъ какой-нибудь красоточки.

— Возьми себѣ кошелекъ, сказалъ Олленъ : а это.... если ты когда-нибудь воротись на нашу общую родину, то прійди въ кланъ Камероновъ, отъищи жену Ивена-Силача, и если еще застанешь ее въ живыхъ, такъ отдай ей этотъ медальонъ. Она мать моя. Скажи ей, что сынъ ея, Олленъ, прислалъ эти волосы для того, чтобы она положила ихъ вмѣстѣ съ тѣми, которые сръзала у него съ головы, когда ему было только семь мѣсяцовъ. Кланяйся также моему брату, скажи ему....

— Послушай! перебилъ капитанъ : твое завѣщаніе становится немножко продолговато. Или ты, какъ старая баба, хочешь выторговать у сатаны нѣсколько лишнихъ минутъ? Намъ ужъ наскучило.... Прочь отъ этого молокососа, Кольдокъ!... становись на-мѣсто, и подай мнѣ его проклятыя деньги!

— Не бойся, товарищъ, сказалъ молодой солдатъ, не обращая вниманія на слова капитана : у меня самъ дьяволъ не отниметъ твоего кошелька и этой игрушки. Деньги я пропью за твое здоровье на томъ свѣтѣ, а игрушку..... вотъ тебѣ мое слово, доставлю старухъ-матери!

Зная раздражительный нравъ Кольдока, капитанъ не почелъ за нужное настаивать на своемъ приказаніи, но зато обратилъ гнѣвъ свой на Олена.

— Ботвелль! сказалъ онъ : приступай къ дѣлу!.... Маршъ на дерево! Два человѣка поднимутъ къ тебѣ этого молодца; ты повяжешь ему послѣдній галстухъ; а мы посмотримъ, какъ онъ пропляшетъ послѣдній свой менюэтъ.

Олень не оказалъ ни малѣйшаго сопротивленія. Кивнувъ головой Шотландцу, онъ отдался въ руки двумъ здоровымъ мушкетерамъ, и не снускалъ съ него глазъ во все время, пока тѣ поднимали его къ суку, на которомъ была утверждена петля.

— Бѣдняга! сказалъ Шотландецъ, отирая слезу подкладкой мундира : я въ тысячу разъ больше его заслужилъ такую собачью смерть.

— Да-съ, очень любопытное зрѣлище, примолвилъ Патриксонъ, потчюя табакомъ капитана. Я думаю, многія боскобльскія барыни заплатили бы по гинеѣ, чтобъ быть на нашихъ мѣстахъ.

— Я уступилъ бы свое и за пару шилинговъ, сказалъ Де-Профундись. Если что часто видишь, такъ не доставляетъ ни какой пріятности.

— Ну, Ботвелль, что же ? вскричалъ капитанъ.

Но въ эту минуту Ботвелль вдругъ, съ пронзительнымъ крикомъ, свалился съ дерева.

XIX.

Листья на дубъ зашумѣли какъ-будто отъ вѣтру, и изъ густыхъ сучьевъ его спустился наземь огромный человекъ въ черномъ шотландскомъ плащѣ и въ шотландской шапкѣ съ вороньими перьями. Вооруженный толстой дубиной, онъ стремительно ринулся на солдатъ, и тѣ, въ ужасѣ отъ его внезапнаго появленія и странной наружности, бросились бѣжать куда кто попалъ.

— Ивень ! закричалъ осужденный.

Но Мекъ-Коннуиль, — это въ самомъ дѣлѣ былъ онъ, — не слушая брата, пустился въ погоню за мушкетерами, и скоро настигъ капитана, хотя чрезмѣрная длина ногъ этого чиновника должна была дать ему преимущество надъ Шотландцемъ. Между-тѣмъ солдаты улепетывали, не оглядываясь. Кольдокъ, при видѣ Мекъ-Коннуиля въ національной одеждѣ, почувствовалъ въ своихъ жилахъ шотландскую кровь, и ну подгонять товарищей, думая просебя, что если его потянуть за это къ суду, то онъ легко оправдается, сказавъ, будто хотѣлъ не прогнать, а остановить ихъ. Наконецъ однако же бѣглецы стали. Толстый поручикъ, съ-роду не дѣлавшій такой экзерциціи, не могъ бѣжать далѣе, и потому храбро рѣшился побѣдить или умереть. Остановившись на маленькомъ возвышеніи, онъ схватилъ себя за бока и началъ раздувать щеки почти точно такъ, какъ старый Гомеръ описываетъ Борея. Съ этого возвышенія Де-Профундису было видно мѣсто, гдѣ капитанъ дрался съ Мекъ-Коннуилемъ. Драка была непродолжительная : Мекъ-Коннуиль разомъ обезоружилъ

Осквебага, переломилъ его шпагу, сорвалъ съ него эполеты, и, схвативъ за волосы, потащилъ назадъ къ дубу. Нѣкоторые солдаты хотѣли вступить за своего предводителя.

— Стой! закричалъ имъ поручикъ.

— Да помилуйте, господинъ поручикъ! началъ-было капралъ.

— Называй меня впередъ капитаномъ, а не поручикомъ, перебилъ Де-Профундисъ.

Смѣтливый другъ Гедеона разсчелъ, что смерть капитана очиститъ ему вакансію, и остался равнодушнымъ къ участи Осквебага. Кольдокъ взялъ его сторону: онъ напомнилъ своимъ сослуживцамъ о разныхъ несправедливостяхъ командира, и тѣ согласились, что мистеръ Гедеонъ дѣйствительно не заслуживаетъ ни какого участія. Положено было сказать, что онъ погибъ въ схваткѣ съ толпою вооруженныхъ Шотландцевъ. Де-Профундисъ поставилъ команду въ строй и величественно повелъ ее по лѣсу, не забывъ пройти черезъ мѣсто, гдѣ валялись капитанскіе эполеты, чтобы подобрать ихъ въ свое владѣніе.

Но здѣсь намъ надобно объяснить читателю, откуда взялся грозный предводитель Камероновъ, съ которымъ мы такъ давно не встрѣчались. Объясненіе будетъ коротко. Разставшись съ королемъ въ замкѣ Бѣлыхъ Красавицъ, Мекъ-Коннуиль, почти безъ ума отъ потери нѣжно любимаго брата, пустился опять на ворсстерскую равнину, чтобы отыскать по-крайней-мѣрѣ хоть трупъ его. Къ величайшему своему удивленію, онъ не нашелъ трупа. Между-тѣмъ тѣла еще не были убраны. Чтò жъ это значитъ, что его нѣтъ? Въ душѣ Ивена зародилась надежда, что Олень не убитъ, а только раненъ. Но такимъ образомъ онъ долженъ былъ попасть въ плѣнъ. Мекъ-Коннуиль отправился въ городъ, гдѣ собирали военнопленныхъ и отпускали партіями на Антильскіе Острова. Онъ провожалъ каждую партію

вездѣ искалъ брата : его не было. Наконецъ, когда всѣ плѣнные были отправлены, онъ рѣшился итти на родину, въ надеждѣ, что, можетъ-быть, Олленъ нашелъ средство также туда пробраться. Дорога лежала черезъ Боскобль. Ивенъ шелъ только ночью, днемъ скрывался въ лѣсахъ, и такимъ образомъ судьба чуть не привела его быть свидѣтелемъ братниной казни.

Притащивъ Осквебага къ дубу, на которомъ хотѣли повѣсить Оллена, онъ освободилъ молодаго человѣка, смотрѣвшаго на него съ радостнымъ удивленіемъ. Мы не станемъ описывать этой сцены : ее описать не возможно.

— Теперь домой, на родину! сказалъ наконецъ Мекъ-Коннуиль. Только вотъ я шепну нѣсколько словъ этому длинному негодяю: у меня съ нимъ есть старые счеты.

Суровый горецъ подошелъ къ капитану, который опомнившись, приподнялъ голову и съ горестію увидѣлъ, что ему неотъ кого ожидать помощи. Это наполнило душу его отчаяніемъ. Рѣшившись умереть, онъ протянулъ руку къ лежащему близъ себя Ботвеллю, взялъ его флягу, и осушилъ ее однимъ разомъ.

— Коли, пожалуйста, прямо въ сердце, сказалъ онъ Мекъ-Коннуилю, и, зажмурившись, ожидалъ удара.

Ивенъ занесъ кинжалъ. Олленъ схватилъ его за руку.

— Что ты дѣлаешь, Ивенъ?... Онъ безъ оружія, безъ защиты!

— И подлинно, сказалъ Мекъ-Коннуиль : не надобно марать рукъ объэтого сквернавца.—Эй, ты! продолжалъ онъ, толкая ногою Ботвелля, который давно ужъ очнулся, но полагалъ, что съ его стороны будетъ благодарнѣе притворяться мертвымъ : вставай проворнѣе! полѣзай на дерево и повѣсь капитана!

Не видя для себя ни какой опасности въэтомъ порученіи, Ботвелль всталъ и началъ готовить Осквебага къ

той-церемоніи, которую совершалъ прежде надъ молодымъ Камерономъ.

— Сжался!.... о! сжался, братъ! говорилъ между-тѣмъ Олленъ умоляющимъ голосомъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Мекъ-Коннуиль : онъ не сжался надъ тобою.

И суровый Шотландецъ подошелъ къ Ботвеллю, который держалъ за ворота Осквебага.

— Я думаю, веревку-то надо бы привязать повыше, замѣтилъ капралъ : у него ноги такія длинныя, что упрутся на землю.

— Братъ, пощади! просилъ молодой человекъ : пощади его, ежели меня любишь!

Ивенъ грозно устремилъ глаза на блѣднаго Осквебага.

— Есть ли у тебя братъ? спросилъ онъ.

— Есть, отвѣчалъ дрожащимъ голосомъ капитанъ, насилу припомнивъ, что онъ былъ не одинъ у матери.

И счастье Осквебага, что память ему не измѣнила!

— Чортъ тебя побери! сказалъ Ивенъ. Дружны или не дружны вы съ братомъ, такъ и быть! Ты свободенъ. Только снимай свой мундиръ : онъ тебѣ широкъ. Надѣнь мое платье.

Гедеонъ не заставилъ просить себя. Между-тѣмъ Олленъ, угадавъ намѣреніе своего брата, помѣнялся одеждой съ Ботвеллемъ.

— Ну, теперь въ дорогу! сказалъ Мекъ-Коннуиль. Авось, мы будемъ счастливы въ нарядѣ этихъ бездѣльниковъ!

Черезъ нѣсколько минутъ, два Камерона исчезли въ глубинѣ лѣсу, и капитанъ съ капраломъ остались одни. Опомнившись отъ перваго замѣшательства, произведеннаго быстротой этой-сцены, мистеръ Гедеонъ взглянулъ на свой новый костюмъ и вздохнулъ изъ глубины сердца : шотландское платье сидѣло на немъ какъ на

коровъ сѣдло; тощее тѣло Осквебага совершенно терялось въ широкомъ полукафтанѣ дюжаго горца, исподни безпрестанно скользили внизъ. Послѣ бесполезныхъ усилій утвердить ихъ на носяхъ, онъ по-гамлетовски завернулся въ плащъ, и, скрестивши на груди руки, сказалъ Ботвеллю :

— Капралъ! говори откровенно: какъ ты меня находишь въ этой одеждѣ? можно ли мнѣ явиться въ ней къ Кромвеллю?

Ботвелль захохоталъ во все горло.

— Чтò жъ ты смѣешься, чортовъ сынъ? вскричалъ Осквебагъ : или ты забылъ, что я твой начальникъ?

Но капралъ продолжалъ хохотать еще нуше прежняго.

— Прійми же должное наказаніе! съ важностью произнесъ Гедеонъ, хватаясь за исподни, которыя путали ему ноги и мѣшали ходить.

— Э, полноте! возразилъ Ботвелль. Развѣ мы съ вами не старые сослуживцы? Вотъ ужъ десять лѣтъ, какъ вы каждое первое число выигрываете у меня въ карты почти все мое мѣсячное жалованье, а я вѣшаю всѣхъ, кого вы велите повѣсить.

— Да, можно въ нынѣшнемъ свѣтѣ полагаться на дружбу! сказалъ капитанъ, нахмурившись. Я видѣлъ, какъ Де-Профундись подобралъ мои энолеты, да и ты хорошъ : чуть-чуть не вздернулъ меня на дерево.

— Чтò жъ дѣлать, капитанъ!....

— То-то чтò жъ дѣлать! перебилъ Гедеонъ съ неудовольствіемъ. — Однако жъ, продолжалъ онъ, спустя секунду : надо подумать о томъ, какъ мы доберемся до Боскобля. Въ этомъ дурацкомъ платьѣ мнѣ рѣшительно не возможно итти. Проклятый горецъ жиренъ какъ откормленный буйволъ. Развѣ не дожидаться ли ночи? Тогда мы могли бы пройти въ Боскобль такъ, что никто бы не замѣтилъ капитана республиканскихъ мушкете-

ровъ въ шотландскомъ плащѣ и въ широкихъ исподнихъ, которыя похожи на чехлы съ пивныхъ бочекъ.

— Ну что жъ? И прекрасно! А какъ до ночи еще остается довольно времени, такъ знаете ли что, капитанъ?... сыграемте партію въ лансенетъ!

— Вотъ выдумалъ! Только-что избавились отъ когтей Люцифера....

— Да потому-то и надо повеселиться, что избавились! А карты у меня цѣлы. Я вынулъ ихъ изъ кармана, какъ отдавалъ свое платье этому горному сорванцу, да не забылъ и про кошелекъ, въ которомъ у меня есть десятка четыре шилинговъ.

— Право!....

И вдругъ капитанъ поблѣднѣлъ.

— О безумецъ! закричалъ онъ, ударивъ себя изъ всей силы по лбу: а я совсѣмъ позабылъ о своемъ кошелькѣ! Пропали и милыя денежки стараго графа!.... Зачѣмъ же мы его отправили на тотъ свѣтъ?

— Ну что жъ, играемъ? спросилъ капралъ, не обращая вниманія на послѣднія слова капитана.

— Такъ и быть, играемъ! отвѣчалъ капитанъ.

Они сѣли. Ботвелль сдалъ карты.

— Король бубенъ! сказалъ Осквебагъ, начиная игру. Да постой-ка однако жъ! можетъ-быть, въ карманъ моего полукафтаны остался кошелекъ горца.

— Недумаю, возразилъ капралъ. Вызнаете, шотландскіе горцы носятъ свои деньги просто въ карманахъ, а карманы ихъ по большой части съ прорѣхами.

По обыску оказалось, что въ карманъ Мекъ-Коннуля въ-самомъ-дѣлѣ нѣтъ ничего. Это еще болѣе заохотило Осквебага къ картамъ. Счастье ему везло. Игра пошла въ-гору. Капралъ горячился и проигралъ уже за три мѣсяца свое жалованье, какъ вдругъ игроки увидѣли въ недалекомъ разстояніи отъ себя отрядъ мушкетеровъ.

— Валеть пикъ! это, кажется, Де-Профундись, сказалъ Гедеонъ.

— Ваша.... дѣйствительно онъ, отвѣчалъ Ботвелль.

— Десятка пикъ!.... Зачѣмъ ихъ чортъ занесъ опять въ эту сторону?... Тыфу ты дьявольщина! у меня все черныя масти. Иной сказалъ бы, что не къ-добру..... Сдавай проворнѣе. Пусть ихъ подойдутъ къ намъ: я однимъ своимъ взглядомъ такъ озадачу этого мошенника Де-Профундиса, что у него душа уйдетъ въ пятки.

Между-тѣмъ мушкетеры подходили все ближе, и Кольдокъ думалъ просебя: «Вотъ дураки! чѣмъ-было улепетывать, благо удалось ускользнуть отъ казни, а они вздумали на томъ же мѣстѣ въ карты играть!»

Но Де-Профундись не раздѣлялъ Кольдкова заблужденія: онъ узналъ Гедеона и чувствовалъ себя весьма спокойнымъ. Арестантъ ушелъ, Гедеонъ ожилъ: надо будетъ разстаться съ капитанскими эполетами, а что еще хуже, дать отчетъ въ своемъ поведеніи: чего добраго? пожалуй, и разстрѣляютъ! Эта послѣдняя мысль сильно тревожила также всѣхъ мушкетеровъ, потому что они всѣ были виновны и въ упущеніи арестанта и въ выдачѣ своего начальника.

— А! вы теперь пришли, какъ мы овладѣли полемъ сраженія! сказалъ Гедеонъ, съ величавымъ гнѣвомъ взглянувъ на поручика и его команду. — Чѣмъ ты извинишь себя, Де-Профундись? что ты скажешь въ свое оправданіе?

Де-Профундись молчалъ.

— Отвѣчайте, сударь! продолжалъ капитанъ съ возрастающею величественностію: отвѣчай, о человѣкъ нечестивый! почто ты не подаль мнѣ руки помощи, когда я взывалъ къ тебѣ? почто ты не утѣшилъ меня въ годину печали? Я возлагалъ на тебя почестъ своей довѣренности, но ты измѣнилъ мнѣ, какъ невѣрный тростникъ, который сгибается подъ рукою, ищущаю опоры!

На этотъ разъ поручикъ собрался съ мыслями.

— Что говоритъ этотъ Шотландецъ? сказалъ онъ, притворяясь, будто не узнаётъ Осквебага.

— А?..... что? спросилъ Геденъ : что ты говоришь?

— Это, вѣрно, одинъ изъ тѣхъ негодяевъ, которые уцѣлѣли подъ Ворстеромъ, продолжалъ поручикъ : одинъ изъ сообщниковъ Карла.

— Я изъ сообщниковъ Карла? вскричалъ Геденъ. Всмотрись въ меня хорошенько!

— Боже мой! пробормоталъ Де-Профундись, отступая назадъ : это тотъ Моавитянинъ, что свалился давеча съ дерева и убилъ нашего добраго капитана... Ребята! маршь!

Ботвелль смѣкнулъ, что дѣла принимаютъ дурной оборотъ, и, оставивъ капитана, поспѣшилъ вмѣшаться въ толпу мушкетеровъ.

— Теперь ужъ не улизнешь! продолжалъ между-тѣмъ Де-Профундись. Мы сейчасъ съ тобою раздѣлаемся. Веревка еще виситъ на-мѣсть.

— Прелестно! прелестно! вскричалъ Осквебагъ, дѣлая такую гримасу, какъ-будто ему въ горло попала цѣлая раковая клѣвша : айда Де-Профундись! у него всегда есть въ запасъ шуточка!

— Гдѣ Ботвелль? спросилъ поручикъ.

Ботвелль былъ уже на деревѣ.

— Готово ли?

— Готово!

— Ну, чудо что это за забавникъ нашъ Де-Профундись! продолжалъ Геденъ, щелкая зубами.

— Возьмите его! командовалъ поручикъ.

Солдаты бросились.

— Стой! стой! закричалъ Осквебагъ : что вы, ребята? что вы?... съ ума сошли!

Онъ вскочилъ. Исподни его соскользнули къ ладьямъ; въ то же время капитанъ сбросилъ съ себя шот-

ландскую шапку, плащъ, и явился передъ мушкетерами безъ всякихъ сомнительныхъ признаковъ.

— Неужели вы не узнаете меня? спросилъ онъ.

Оглушительный хохотъ былъ отвѣтомъ со стороны солдатъ : Осквебагъ въ эту минуту походилъ на пугало, что ставятъ на огородахъ.

— Но, Боже мой! вскричалъ онъ : вѣдь нельзя же, чтобы вы меня не узнали!... Де-Профундись! Кольдокъ! Ботвелль!....

Однако жъ два мушкетера схватили его и понесли къ дереву. Петля была готова; ее накинули на шею Гедеона : оставалось только, чтобы поручикъ далъ знакъ.

— Де-Профундись! простоналъ Осквебагъ умирающимъ голосомъ.

— Пускайте! скомандовалъ Де-Профундись.

Гедеона предоставили собственной тяжести. Онъ закрутился; ноги его нѣсколько секундъ дрыгались и корчились; потомъ несчастный слѣзлся неподвиженъ и остановился въ отвѣсномъ положеніи, какъ часовой маятникъ. Въ это время Де-Профундись съ своей командой отошелъ уже десять шаговъ, приказавъ мушкетерамъ держаться боскобльской дороги.

XX.

Какъ добрый гражданинъ эдинбургскій, возвращаясь домой поздно за-полночь, съумиленіемъ видитъ издали свѣтъ въ своемъ мирномъ жилищѣ, гдѣ ожидаютъ его спокойный пріютъ и услужливая ключница, такъ и мы, любезный читатель, съ радостію перевели духъ, когда написали послѣднее слово предъидущей главы, которая задерживала насъ такъ долго въ обществѣ негодяевъ, тогда какъ намъ должно спѣшить въ хижину честнаго браконіера Донея.

Хижина браконіера стояла на склонѣ холма, въ небольшомъ разстояніи отъ Боскобля. Тѣнистыя вѣтви капитанника осыпали ея красную кровлю; огородъ съ разными овощами окружалъ ее со всѣхъ четырехъ сторонъ. Въ окнѣ, обращенномъ къ востоку, виднѣлась зеленая занавѣска: тамъ лучъ восходящаго солнышка будили охотника. Не-разъ усталый прохожій, сбившись съ дороги или попавъ подъ дождь, подъ грозу, съ завистью останавливался передъ миловиднымъ домикомъ браконіера: обростшія плющомъ стѣны и старая дубовая скамья у дверей показывали, что этотъ домикъ служилъ убѣжищемъ уже нѣсколькимъ поколѣніямъ, а гнѣзда ласточекъ, слѣпленные такъ низко, что ихъ можно было достать рукой, свидѣтельствовали о мирныхъ и кроткихъ нравахъ его нынѣшнихъ хозяевъ.

Къ хижинѣ не было большой проѣзжей дороги: только узенькая тропинка извивалась мимо ея дверей, однимъ концомъ упираясь въ мельницу Гумфри, а другимъ въ общее жилище дровосѣковъ и лѣсничаго. Впрочемъ, всѣ братья Пиндрели и зять ихъ Донель жили между собой такъ дружно, что эта тропинка никогда не заросла травой. Часто видали, какъ Джакъ провожалъ по ней огромный возъ хворосту или Гумфри, съ громкими пѣснями, погонялъ свою маленькую лошадку, навьюченную мучными мѣшками; Ричардъ почти всякое утро приходилъ повидаться съ женою мельника, и шутливый боскобльскій судья говаривалъ, будто молодой Пиндрель нарочно выбираетъ такое время, когда Гумфри нѣтъ дома.

Въ день, ознаменовавшійся приключеніями, которыя мы описывали выше, порядокъ жизни братьевъ Пиндрелей, разумѣется, былъ нарушенъ; однако жъ маленький Номъ, сынъ Донеля, пасъ свое стадо на обыкновенномъ мѣстѣ, у небольшого ручья, который пробирался по зеленому лугу и отъ малѣйшаго дожда высту-

палъ изъ своихъ низменныхъ береговъ. Ному до-смерти хотѣлось узнать причину особеннаго движенія, которое замѣтилъ онъ въ тотъ день между Пиндрелями, но не смѣя оставить стада, любопытный малютокъ ждалъ вечера. Наконецъ, желанный часъ наступилъ : Номъ загналъ барановъ въ овчарню, и, какъ стрѣла, влетѣлъ въ хижину, гдѣ молодая хозяйка готовила ужинъ.

— А! это ты, Номъ! сказала она, идя на полу передъ очагомъ, на которомъ, въ глиняномъ горшкѣ, варились свѣжія яйца.

— Я, маменька, отвѣчалъ Номъ, подбѣгая къ Джаннѣ, чтобъ поцѣловать ее.

— Чтò же такъ рано?

— Погода дурна, маменька.

— Какъ дурна?... Да я и не помню такого прекраснаго вечера.

— Нѣтъ, собака моя поминутно ворчала, а это ужъ вѣрно значить, что будетъ дождь.

И чтобы ускользнуть отъ дальнѣйшаго спору, лукавый Номъ запѣлъ пѣсенку, которой научилъ его дядя Гумфри.

Черезъ нѣсколько минутъ вышелъ изъ другой комнаты молодой человекъ въ морскомъ офицерскомъ мундирѣ, держа за руку Номову сестру, дѣвочку только нѣсколькими мѣсяцами по-старше своего брата. Онъ сѣлъ у окна и посадилъ ее къ себѣ на колѣни. Номъ вытарашилъ свои голубые глаза.

— Откуда вывзялись, баринъ? спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Молчи, шалунъ! сказала Джанна: ты любопытенъ какъ твой дядя Гумфри.... Маргарита! пошла долой!... Вотъ услася какъ-будто у дяди! Пошла, говорю тебѣ!

— Не гони отъ меня этихъ малютокъ, возразилъ Карлъ Стюартъ: мнѣ весело, что они меня не боятся. Ктò знаетъ, такъ ли бы обходились они со мной, если

бы были въ возрастѣ и знали кто я?.... Остаешься у меня; Маргарита! сиди, душенька! Пусть мнѣ покажется, будто я нянчу свою маленькую сестру. Бѣдненькая была очень несчастлива.

— Вѣрно, ея отецъ долго охотился? спросила Маргарита.

— Отецъ! сказалъ Карлъ, грустно приложивъ руку ко лбу. Нѣтъ, душенька, у нея ужъ давно нѣтъ отца.

— Куда жъ онъ дѣвался? опять спросила малютка.

— Да замолчишь ли ты? вскричала Джанна сердитымъ голосомъ.

Маленькій Номъ, у котораго было доброе сердце, замѣтилъ печальное расположеніе офицера и вздумалъ разгнать его.

— Не хотите ли, я спою вамъ пѣсню? сказалъ онъ, вспомнивъ, что такимъ образомъ ему не-разъ удавалось развеселить задумчивость мельника.

— Пѣсню? повторилъ Карлъ, улыбаясь.

— Да, я спою вамъ пѣсню про Робина Гуда и епископа герфордскаго.

— Спой, мой другъ, спой. Сегодня одна пѣсня ужъ избавила меня отъ смерти.

Карлъ Стюартъ вспомнилъ, что онъ еще не благодарилъ Бога за свое чудесное избавленіе, и душа его излилась въ безмолвной молитвѣ. Между-тѣмъ Джанна продолжала работать у очага, и сердилась на мужа.

— Что онъ нейдетъ? говорила она вполголоса: обещалъ воротиться прежде нежели солнышко сядетъ, а нѣтъ о-сю-пору. Жариде, того гляди, высохнетъ.... Вотъ, заботься о мужъ! думай ему понравиться!.... Какъ же! и знать не хотятъ. Прежде, бывало, какъ скажетъ, такъ можно было положиться: общаетъ прійти въ шесть часовъ, и въ шесть часовъ собака его лабаетъ у двери. А теперь....

— А теперь вы ужъ не до-прежнему ладите? спросилъ Карлъ.

— Нѣтъ, помилуй Господи! отвѣчала Джанна. Грѣхъ сказать, что Донель меня разлюбилъ, да только онъ нынче, какъ воротится домой, такъ ужь не спрашиваетъ, много ли молока я надояла, пресохло ли вымытое бѣлье, и размотались ли нитки, которая запутала Маргарита; нынче всё ходить повѣся голову, всё думаетъ, хлопочетъ, по цѣлымъ мѣсяцамъ не бываетъ дома.

— Не сердись, Джанна, сказалъ Карлъ Стюартъ, лаская головку дѣвочки, которая сидѣла у него на колыняхъ. Это я причиной, что Донель нынче немножко перемѣнился. Прости меня. Богъ-дасть, я уѣду во Францію, и тогда все у васъ пойдетъ хорошо.

— Ахъ, дай-то Богъ! сказала, вздохнувши, Джанна. Въ это время послышались голоса за дверьми.

— Вотъ Донель! вскричала Джанна. Но.... Боже мой! кто съ нимъ? ужь не попался ли онъ краснокафтанникамъ?... Спрячьтесь, спрячьтесь скорѣе!

Карлъ вздрогнулъ и вмѣстѣ съ дѣтьми бросился посмотреть въ окно: Донеля въ-самомъ-дѣлѣ сопровождали два человѣка въ алыхъ мундирахъ.

«Что это значитъ? подумалъ король: Донель съ республиканцами! Если бы я въ немъ не былъ уврѣненъ...»

Рука его неволью схватилась за эфесъ шпаги, но ту же минуту Карлъ отнялъ ее и сказалъ: — Нѣтъ! этого быть не можетъ.... Донель, ступай скорѣе! Жена сердится, что ты долго не возвращаешься, да и жаркое засохнетъ.

— Иду, иду! отвѣчалъ Донель.

И онъ вошелъ съ двумя спутниками, которые, какъ скоро увидѣли короля, тотчасъ преклонили колѣна.

Король отступилъ съ удивленіемъ.

— Какъ?... это ты, Мекъ-Коннуэль! ты, съ своимъ братомъ!... Откуда вы взяли?... Но встаньте же, друзья мои! я здѣсь не король, а такъ же какъ и вы, простой офицеръ англійской арміи.

Щотляндцы повинувались.

— Ваше величество !...

— Чтò съ тобой сдѣлалось, Мекъ-Коннумъ? продолжалъ Карлъ : ты весь дрожишь , блѣднѣешь какъ мертвый, едва выговариваешь слова.

— Ваше величество, я не могу видѣть, что вы скрываетесь въ такой хижинѣ.

— Только-то?... Э! полно, мой другъ! Въ этой хижинѣ мнѣ лучше чѣмъ во дворцѣ : здѣсь я не окруженъ лстивыми придворными; здѣсь со мной люди, которые душевно ко мнѣ привязаны, которые говорятъ мнѣ правду. Вотъ и недавно хозяйка бранила меня за то, что я разстраиваю ея житье.

Пока король такимъ образомъ разговаривалъ съ Каммеронами, Донель повѣсилъ на стѣнку свое ружье, и безъ труда помирился съ Джанной, обрадованной его возвращеніемъ. Хорошая поселанка, съ новымъ усердіемъ, принялась опять стряпать кушанье. Король сѣлъ къ столу и требовалъ, чтобы всѣ сдѣлали то же.

— Ну, чтò новаго, Донель?

— Слава Богу, все идетъ хорошо.

— Слава Богу, повторила и Джанна : жаркое еще не высохло.

— Давай же его сюда, сказалъ браконіеръ, улыбнувшись. Намъ некогда: скорѣе поужинать, да и въ дорогу! Осѣдланная лошади стоятъ у рѣвки. Мы въ пять минутъ догонимъ карету сэръ Джона. Я проведу васъ до розвелльскаго перекрестка и вернусь домой, прежде нежели Джанна погаситъ потыкъ.

— Карету сэръ Джона? спросилъ Карлъ Стюартъ, разрывая свою долю жарнаго.

— Да, ваше величество. Я растолкую вамъ это дорогою, а теперь скажу только, что вы изволите ѣхать до Бристоля въ прекрасной каретѣ, съ дворяниномъ старинной, потешной фамили, и съ двумя вершишками по-сторонамъ.

— Но смотри, Донель : эта проделка можетъ имѣть дурныя послѣдствія. Морскіе офицеры—шародъ небогатый, не путешествуютъ съ такой вышностью.

— Не безпокойтесь, ваше величество : боскобльскій судья извѣстенъ во всемъ околоткѣ.... Но что же это вы, мистеръ Олленъ, сидите какъ къ смерти приговоренные? что вы не пьете? Вино хорошо. Миссъ Юдионъ подарила его женѣ моей.

Молодой человекъ схватилъ свою рюмку и съ благоговѣніемъ осушилъ ее всю до дна. Рука его дрогнула : нѣсколько капель упало на землю, какъ-бы въ видѣ возліянія въ честь невидимой нимфы, отъ которой происходилъ драгоценный напитокъ. Между-тѣмъ Мекъ-Коннуиль, услышавъ, что говорятъ о сэрѣ Джонѣ, обратился къ Донелю.

— Но развѣ судья пріѣхалъ? спросилъ онъ. Выходя съ войсками изъ замка, я не велѣлъ его отпускать : какъ же онъ очутился здѣсь?

— Въ Шордемъ вы найдете одного почтеннаго человека, который вамъ все растолкуетъ, отвѣчалъ браконіеръ.

— Очень радъ, что найду въ Шордемъ какого-то почтеннаго человека, возразилъ неугомонный начальникъ клана : но мнѣ хотѣлось бы знать, кто осмѣлился нарушить мое приказаніе.

— Не сердитесь, мистеръ Мекъ-Коннуиль, сказалъ Донель : онъ освобожденъ Годдльстономъ.

При этомъ имени, горецъ смиренно наклонилъ голову и устремилъ все свое вниманіе на личицу, которую въ то время подавала Джанна.

— Такъ мы поѣдемъ съ сэрѣ Джономъ? сказалъ король. Чудесная выдумка ! Мнѣ смерть хочется посмотреть, какую гримасу сдѣлаетъ добрый судья, увидявъ подлѣ себя старшинаго своего пріятели Мекъ-Ферлея; вѣрно, опять станетъ предлагать мнѣ свое содѣяніе

къ прииренію меня съ установленнымъ правительствомъ.... Клянусь честью, я не буду съ нимъ спорить! Пусть говорить сколько хочетъ : услуга стѣитъ того, чтобы я заплатилъ за нее молчаніемъ. Но желалъ бы я знать, что онъ скажетъ, сойдясь лицомъ къ лицу съ своимъ лечельскимъ хозяиномъ?

— А что ему угодно! отвѣчалъ Донель. Мы не спрашиваемъ у виноградника, что онъ думаетъ о кистяхъ, которыя растутъ на его сучьяхъ. Сэръ Джонъ не въ первый разъ будетъ хлопотать въ пользу вашего величества, не зная самъ что онъ дѣлаетъ.

— Но какъ ты думаешь, Донель, спросилъ король: глядя на Джанну : долго ли намъ придется пребыть въ Шордѣмъ до отплытія корабля?

— Съ этой стороны нечего опасаться, ваше величество. Луна во второй четверти : нельзя ожидать крутой перемѣны погоды; ктому жъ Таттершаль такой просмоленный морякъ, что ему и противные вѣтры ничего не значатъ.

—Таттершаль! вскричалъ король : это тотъ шкиперъ, который завезъ сэръ Джона въ Шотландію?

— Онъ самый, ваше величество.

— Ну ! такъ намъ придется быть свидѣтелями жестокой бури, какъ они встрѣтятся.... Однако же постой, Донель! примолвилъ король, взглянувъ на Олена : ты еще не сказалъ ни слова о томъ, что насъ всего больше интересуетъ. Миссъ Юдиѣ будетъ ли съ своимъ папенькой ?

— Не знаю, ваше величество. Я ее сейчасъ видѣлъ. Она что-то печальна : вѣрно, случилось несчастье съ кѣмъ-нибудь изъ близкихъ людей.

— Миссъ Юдиѣ такая добрая, примолвила Джанна. Помнишь, Донель, какъ Маргарита была больна корью: она вслѣдой день къ намъ ходила, приводила лекаря, платила за лекарства.... Подлинно, предобрая ба-

Одиозъ съ жадностью ловилъ эти слова , но разговоръ прекратился : ужинъ былъ конченъ ; всѣ встали ; Дюэль сказалъ , что пора отправляться въ путь . Король подошелъ къ женѣ браконіера . То былъ уже не морской офицеръ , который , нѣсколько минутъ назадъ , казался такимъ беспечнымъ и простымъ въ обращеніи : то былъ уже дѣйствительно король Англии . Во всѣхъ его дѣйствіяхъ господствовала свободная ловкость рыцаря , который стоитъ передъ благородной дамой .

— Какую бы участь на готовило мнѣ Провидѣніе , сказалъ онъ , снимая шляпу : умру ли я на чужой сторонѣ , или вступлю на престолъ своихъ предковъ , я никогда не забуду тѣхъ дней , которые провелъ въ адъиныхъ окрестностяхъ . Дворянство не могло дать мнѣ убѣжища ; но подъ кровлею этой хижины я нашелъ все , что должно служить украшеніемъ благороднѣйшихъ душъ . Вы , Джанна , и всѣ ваши родственники , знали , что парламентъ обѣщалъ огромную награду за мою голову , знали , какимъ опасностямъ подвергаетъ васъ участіе въ моемъ дѣлѣ , и между-тѣмъ я могъ спать здѣсь спокойно . Цѣлую недѣлю вы кормили меня ; можетъ-быть , вы для меня разорились.... Это кажется вамъ бездѣлкою , но мое сердце умѣетъ цѣнить добро . Теперь , разставаясь съ вами , я желалъ бы оставить вамъ что-нибудь на память , но.... увы ! король трехъ королевствъ бѣднѣе послѣдняго нищаго !

— Ваше величество ! лепетала Джанна , растроганная словами Карла и приведенная въ смущеніе его необыкновенной учтивостью : ваше величество,... ничего,... намъ ничего не надобно .

— Понимаю , сказалъ Карлъ Стюартъ , взглянувъ на мучающую Джанну : вы имѣете все нужное для счастья въ адъиной жизни . Благодарю судьбу , которая была такъ добра , что не разстроила этого счастья моимъ присутствіемъ : присутствіе гонимаго часто бываетъ гибельно.... Но вотъ я наконецъ уѣзжаю , принимая

Карлъ, улыбаясь. Дѣла найдутъ опять такъ, какъ они шли прежде : Донель будетъ спрашивать, высохло ли болѣе, разлезались ли нитки ; будетъ возвращаться опять къ шести часамъ. Прощайте же, Джанна. Вымены не забудете. Я, съ своей стороны, стану вспоминать о васъ въ разговорахъ съ матушкой и сестрой.... Прощайте!

Сказавъ это, Карлъ прикоснулся губами къ раскраснѣвшейся щекѣ молодой крестьянки. Донель отеръ слезу.

— Пойдемте, сказалъ онъ : судья дожидается.

— Иду, отвѣчалъ Карлъ Стюартъ, цѣлуя маленькаго Нома.

Но въ это время дверь отворилась, и Гумфри, растрепанный, весь въ поту, вбѣжалъ въ комнату.

— Донель! гдѣ король? ушелъ ли?...

Всѣ посмотрѣли съ безпокойствомъ другъ на друга.

— Нѣтъ, король не ушелъ ! отвѣчалъ, выступивъ впередъ, Карлъ, который одинъ сохранилъ присутствіе духа.

— Боже мой!... ваше величество!... все пропало !

— Что ты хочешь сказать? Мы сейчасъ отправимся.

— О ! нѣтъ... Боже избави!... Солдаты по всему околотку : нельзя пройти.

— Только-то ! сказалъ Карлъ, какъ онъ обыкновенно говаривалъ при каждой опасности. Пойдемте, друзья !

— Нѣтъ ! говорю вамъ, нѣтъ ! вскричалъ мельникъ. Самъ Кромвелль идетъ сюда.... Его ведетъ Патриксонъ.... Патриксонъ знаетъ дорогу.... Они вышли изъ Боскобли въ одно время со мною и сейчасъ будутъ здѣсь.

— Такъ прощайте, друзья мои ! сказалъ король. Я иду: вы оставайтесь ! Мое присутствіе только погубитъ васъ : вы не можете ничего противъ силы.

Карлъ повернулся къ дверямъ. Донель заступилъ ему дорогу.

— Нѣтъ, государь! я васъ не пушу. Я здѣсь хозяинъ; а вы знаете : и угольщикъ—хозяинъ у себя въ домѣ!... Спрячьте свое оружіе , продолжалъ браконіеръ , обращаясь къ горцамъ : теперь силою ничего не возьмешь. Но дѣло еще не проиграно.... Ваше величество, уйдите вотъ въ эту комнату и позвольте мнѣ одному принять у себя генерала.

Карлъ, послѣ нѣкотораго сопротивленія, принужденъ былъ повиноваться. Горцы послѣдовали за нимъ. Браконіеръ остался съ Гумфри и Джанной, которая держала дѣтей.

— Что теперь съ нами будетъ, сказалъ мельникъ въ отчаяніи. Краснокофтанники ужъ подожгли мою мельницу; домъ брата Ричарда также горитъ : смотри , и тебѣ не миновать....

— Хорошо, хорошо, Гумфри! перебилъ Донель. Ступай въ ту комнату, къ королю, и не отходи отъ него. Помни : лошади приготовлены. Съ тобою ли деньги?... Съ тобою. Хорошо! ступай же.

Гумфри ушелъ, оставивъ Донеля одного съ семействомъ. Мужъ и жена стояли другъ противъ друга. Терзаемая жестокимъ предчувствіемъ, Джанна смотрѣла на браконіера и не смѣла заговорить.

— Джанна! выдь отсюда, моя милая!

— Почему ты не хочешь, чтобъ я осталась?

— Нѣтъ, моя милая Джанна! выдь, уведи съ собою дѣтей, и пока я буду одинъ въ этой комнатѣ, ты пой балладу про умирающаго лебедя, какъ-будто убаюкиваешь дѣтей.

— Хорошо, мой другъ, отвѣчала Джанна дрожащимъ и едва слышнымъ голосомъ : я едѣлаю что ты приказываешь, я буду пѣть.

— Теперь... поцѣлуй меня, добрая моя Джанна, сказалъ браконіеръ, удерживая ее за руку.

Молодая женщина повисла къ нему на шею и заплакала сама не зная о чемъ. Вдругъ послышался шумъ надъ хижины. Донель втокнулъ жену въ ту комнату, гдѣ былъ король, поцѣловалъ Маргариту, и затворилъ дверь, не примѣтивъ, что маленькій Номъ остался съ нимъ.

— Ты не поцѣловалъ меня, тятя! сказалъ малютка.

— О! несчастный! зачѣмъ ты не ушелъ съ матерью?

Но любопытный ребенокъ, вмѣсто отвѣту, вытаращилъ свои большіе голубые глаза на входящаго Кромвелля.

XXI.

Здѣсь мы должны дать благосклонному читателю нѣсколько поясненій.

Кромвелль въ эту эпоху стоялъ на высотѣ своего могущества. Раболѣпный парламентъ уполномочилъ его почти неограниченной властью, и приверженцы генерала поговаривали, что для счастья Англій надобно отдать судьбу ея въ твердыя руки, надо окружить избранника приличнымъ величіемъ, облечь его всеми вышними знаками высокаго сана. Трудно рѣшить, до какой степени Кромвелль раздѣлялъ это мнѣніе: въ настоящемъ положеніи обстоятельствъ, титулъ могъ казаться ему ненужнымъ. Но какъ бы то ни было, со времени ворстерскаго сраженія, онъ охотнѣе слушался честолюбія нежели умѣренности, и самые прозорливые люди не умѣли сказать, гдѣ онъ остановится: можетъ-быть, Кромвелль и самъ не рѣшилъ бы такого вопроса. Поесѣнный отъѣздъ его изъ великолѣпнаго вандзорскаго дворца въ бѣдный городишко Боскобль доказываетъ, какую важность онъ придавалъ арестованію злополучнаго Карла Стюарта. Карлъ былъ прерадою вѣсѣмъ его намѣреніямъ; но, по непонятной

странности человеческой природы, Кромвелль и жандарм и старался захватить его въ свои руки. Побѣдоносному генералу все маршировала кровавая сцена въ Вайтъ-Голль, гдѣ онъ игралъ такую страшную роль: онъ боялся возобновленія этихъ ужасовъ, и часто проводилъ цѣлыя ночи въ мучительной бессонницѣ.

Мрачно задумавшись, сидѣлъ онъ одинъ, послѣ свиданія своего съ сэръ Джономъ. Крупныя капли холоднаго поту висѣли на лбу; по-временамъ онъ начиналъ сердиться безъ всякой причины, по-временамъ опускалъ голову, и что-то грустное, что-то болѣзненное выражалось на суровомъ лицѣ его. Прибытіе Де-Профундуса, новаго капитана, воззвало Кромвелля отъ внутренней жизни къ внешней. Онъ всталъ, отворотомъ перчатки стеръ потъ съ своего лица, и явился опять спокойнымъ, какимъ казался обыкновенно.

— Ну что?

— Вся караулы исправны, сѣнщики на своихъ мѣстахъ, отвѣчалъ Де-Профундусъ. Дорогою, я зажечь по приказанію вашего превосходительства....

— Я ничего не приказывалъ, перебилъ Кромвелль.

— Точно такъ, продолжалъ Де-Профундусъ: дорогою, я почелъ нужнымъ зажечь мельницу Пиндреля и домъ его братьевъ. Дѣти и женщины убѣжали въ лѣсъ. Все обстоитъ благополучно. Въ Боскоблѣ всѣ дома опрокинуты вверхъ дномъ и обысканы съ чердака до подвала.

— Ничего не найдено?

— Ничего, ваше превосходительство. Но я слышалъ, будто бы Карлъ Стюартъ скрылся въ Марьинскій лѣсъ, который смеженъ съ боскобльскимъ, о чемъ и нѣтъ чести рапортовать вашему превосходительству.

— Хорошо. Мнѣ очень пріятно видѣть, что ты умнѣе своего предшественника.

Кромвелль надѣлъ португую и спросилъ у Де-Профундуса, хорошо ли онъ знаетъ дороги. При этомъ во-

прось, изъ-за толстой особы новаго капитана, показался услужливый Патриксонъ. Онъ съ самаго утра искалъ случая угодить чѣмъ-нибудь генералу, и теперь выступилъ впередъ, скорчившись въ-три-погибели.

— Имъю честь представить себя на благоусмотрѣніе вашего превосходительства, сказалъ онъ : я знаю дороги.

— Домъ браконіера Донеля не въ серединѣ ли между Марьинскимъ и боскобльскимъ лѣсомъ ?

— Точно такъ, ваше превосходительство : негодяй можетъ стрѣлять на двѣ стороны.

« Вотъ славная жизнь! подумалъ Кольдокъ, стоявшій на часахъ : если я выйду въ отставку, ничего бы такъ не желалъ, какъ жить между двумя кабаками. »

— Веди же меня въ домъ браконіера, продолжалъ Кромвелль : я намѣренъ тамъ ночевать.

И черезъ нѣсколько секундъ небольшой отрядъ мушкетеровъ, подъ предводительствомъ Кромвелля, выступилъ изъ Боскобля. Генералъ, по обыкновенію, шелъ впереди, заложивъ руки на спину. Скоро пришли къ хижинѣ браконіера. Кромвелль прежде всѣхъ вошелъ въ комнату : одна тонкая перегородка и неплотно притворенная дверь отдѣляли его въ это время отъ злополучнаго Карла.

Донель встрѣтилъ Кромвелля безъ всякаго примѣтнаго замѣшательства : со шляпой въ рукъ, онъ смотрѣлъ на него какъ обыкновенно смотритъ крестьянинъ на незнакомаго господина. Патриксонъ и Де-Профундисъ вошли за Кромвеллемъ ; прочіе расположились на дворѣ и въ сѣняхъ. Капралъ Ботвелль началъ говорить поученіе, и какъ по случаю безчисленныхъ кружекъ пива, выпитыхъ имъ при обыскѣ разныхъ домовъ, поученіе его было очень краснорѣчиво и занимательно, то солдаты слушали его съ величайшимъ благоговѣ-
мъ.

Окинувъ глазами небогатое убранство Донелера жилища, генералъ взялъ скамью, на которой за минуту передъ тѣмъ сидѣлъ Карлъ Стюартъ, выдвинулъ ее на середину комнаты, и усѣлся; потомъ снялъ съ себя португепю и положилъ ее вмѣстѣ со шпагою возлѣ себя; вынулъ изъ кармана книжку, переплетенную въ пергаментъ, раскрылъ на заложенномъ мѣстѣ, и подсунулъ подъ шпагу; наконецъ повернулся къ Донелю, стоявшему у дверей въ другую комнату, и устремилъ на него пронизательный взглядъ, какъ-бы желая отгадать, съ какимъ человѣкомъ имѣетъ онъ дѣло.

— Тебя зовутъ Донелемъ?

— Донелемъ, ваша милость, отвѣчалъ браконіеръ, смотря ему прямо въ глаза.

— Хорошо. Мнѣ надо съ тобою поговорить. Становится холодно. Разведи огня.

Донель положилъ нѣсколько полѣнъ на горящіе уголья. Они запылали, и въ комнату, освѣщавшейся до того времени только слабыми лучами угасавшей зари, разлился яркій свѣтъ.

— Возьми съ печки лампаду и поставь ее возлѣ меня на столъ, продолжалъ Кромвелль. Смотри, чтобы она прогорѣла до утра. Эта лачуга похожа на обиталище душъ, которыя со всѣхъ сторонъ окружены свѣтомъ истины, но сами пребываютъ во мракѣ. Только свѣтильникъ особенной благодати можетъ разогнать тьму, которая губитъ ихъ.

Кромвелль взялъ книгу и сталъ отыскивать тѣ слова, которыми онъ хотѣлъ начать чтеніе.

— Капитанъ Осквебагъ! сказалъ онъ: ты любишь чистую вѣру. Я прочту тебѣ страницу изъ уставовъ Кальвина. Это такая книга, которой нельзя давать всѣмъ безъ разбору; но умъ здравый подобенъ пчелѣ, которая и съ ядовитыхъ растений умѣетъ собирать медъ. Поди же сюда, Гедеонъ. Книга написана по-латынѣ, но я буду переводить тебѣ. Садись подлѣ меня.

— Ваше превосходительство, вполголоса сказалъ Де-Профундись : капитанъ Гедеонъ не можетъ васъ слышать.

— Ахъ, да! я забылъ, что онъ ужъ пошелъ отдать отчетъ въ своей жизни.... Онъ исполнилъ свое назначеніе; трудъ его конченъ : настало время расплаты.... Но ты, Де-Профундись, не такъ просвѣщенъ, чтобы могъ понимать слова мои. Ступай, смотри за отрядомъ.

Де-Профундись ушелъ, и Кромвелль принялся за чтеніе. Онъ читалъ просебя. Въ комнатѣ было тихо. Отставной секретарь, подвинувшись къ огню, рассчитывалъ мысленно, сколько ему заплатятъ за то, что онъ привелъ генерала въ хижину Донеля. Браконіеръ, съ своей стороны, казался совершенно спокойнымъ и какъ-будто равнодушно ждалъ, когда Кромвеллю будетъ угодно заговорить съ нимъ; но внутренно его терзали ужаснѣйшія мученія : Донель упрекалъ себя въ томъ, что онъ не позволилъ Карлу уйти; ему казалось, что молодой государь не выдержитъ своего положенія, что въ порывъ благородной храбрости онъ отважится на какой-нибудь смѣлый поступокъ и разрушитъ послѣднюю, слабую надежду, которая имъ оставалась.

По глубокому безмолвію, царствовавшему во всей хижинѣ, нельзя было угадать, что думаетъ и чувствуетъ каждый изъ находящихся въ ней людей. Мертвая тишина нарушалась только однообразнымъ чиканьемъ маятника и ушлымъ завываньемъ дечной трубы. Между-тѣмъ, подъ этою бѣдной кровлею помѣщались два человѣка, на которыхъ лежала судьба всей Англіе. Они были тамъ другъ подле друга. Самое ничтожно. обстоятельство могло заставить ихъ встрѣтиться, и тогда.... прощай спокойствіе, прощай мнимый порядокъ, заведенный въ трѣхъ королевствахъ! Личная храбрость послѣдняго потомка Стюартовъ могла дать всему другой видъ, или онъ сдѣлался бы жертвой ожесточен-

ной судьбы, которая гнала родъ его..... Да! это правдоподобіе. На его сторонѣ только право, на сторонѣ Кромвелля сила: гдѣ же праву бороться съ силою?.... Каждую минуту онъ можетъ погибнуть: участь его зависить отъ того, какъ съумѣетъ простой мужикъ сохранить присутствіе духа, обмануть зоркаго Кромвелля... Ктѣ бы подумалъ, что этотъ бѣднякъ, который съ такимъ смиреніемъ стоитъ у дверей передъ генераломъ, держитъ въ рукѣ свой ключъ къ великому, государственному событію? Ктѣ бы также подумалъ, что въ этомъ прилежномъ чтецѣ, который съ такимъ усиліемъ ловить буквы при мерцаніи тусклой лампы, скрывается могущественный протекторъ Англіи?... Но мистеръ Патриксонъ почувствовалъ, что у него какъ-будто морозъ пробѣгаетъ по кожѣ, когда онъ взглянулъ на огромную тѣнь, которую голова Кромвелля бросала отъ себя на стѣну.

Такимъ образомъ нѣсколько минутъ продолжалась совершенная тишина. Наконецъ въ сосѣдственной комнатѣ послышался голосъ: Джанна запѣла балладу объ умирающемъ лебедѣ. Трогательные и заунывные звуки пѣсни тотчасъ поразили слухъ Кромвелля: глаза его были еще устремлены на книгу, но они уже не двигались по строкамъ, а остановились на одной буквѣ. Джанна продолжала тихонько пѣть; Кромвелль сидѣлъ въ томъ же положеніи. Наконецъ онъ закрылъ книгу, взглянулъ на перегородку, потомъ на Донею.

— Развѣ тамъ ктѣ-нибудь есть? спросилъ онъ, вставая и подходя къ двери.

— Жена моя, отвѣчалъ браконіеръ. Она укачиваетъ дѣтей, и скоро сама ляжетъ спать.

— Гмъ! пускай спитъ, ежели можетъ.

Кромвелль сѣлъ на прежнее мѣсто, взялъ книгу, но, не начиная читать, снова оборотился къ Доней.

— Она родная сестра Пиндрелямъ? спросилъ онъ.

— Точно такъ , ваше превосходительство.

— Гмъ !....

Встревоженный браконіеръ , во время этого короткаго разговора , невзначай выпустилъ руку Нома , и , маляутка , освободившись , подбѣжалъ къ Патриксоу . Онъ безъ церемоніи вскарабкался на колѣни къ достойному законоискуснику , и завелъ съ нимъ дружескій разговоръ . Между-тѣмъ Джанна пѣла .

— Развѣ вы выздоровѣли ? спросилъ смѣлый мальчикъ . Говорять , вы сходили съ ума .

— А кто это говоритъ ?

— Одинъ человекъ , который васъ очень не любить.... Ха-ха-ха-ха ! какъ это смѣшно , что вы сходили съ ума ! Мнѣ бы до смерти хотѣлось посмотрѣть на это .

— Негодяй ! проворчалъ Патриксоу сквозь зубы . — Нѣтъ , мой дружокъ , продолжалъ онъ , заставляя себя улыбнуться : тебѣ неправду сказали . Не надобно вѣрить каждому слову : люди обыкновенно лгутъ или говорятъ глупости . Потолкуемъ-ко лучше о чемъ-нибудь поумнѣе . Напримѣръ , скажи мнѣ : дядя твой Джакъ былъ ли у васъ сегодня ?

— Дяденька Джакъ ? Нѣтъ , онъ ужъ три дня у насъ не былъ .

— Странно !.... А мнѣ показалось , что я встрѣтилъ его давеча шагахъ въ десяти отъ хижины .

— Нѣтъ , это не онъ . Вы , вѣрно встрѣтили того дровосѣка , что шелъ съ мистеръ Матіасомъ ?

— Ну , да . Развѣ это не Джакъ ?

Донель , испуганный такимъ оборотомъ разговора между болтливымъ ребенкомъ и лукавымъ секретаремъ , подошелъ къ Ному , и , сердито схвативъ его за руку , хотѣлъ увести .

— Тебѣ пора спать , баловень ! сказалъ онъ : завтра и пушкой тебя не разбудишь !

— Ахъ, погодите! я такъ люблю этихъ милыхъ малютокъ! возразилъ Патриксоу сладкимъ голосомъ, но между-тѣмъ вцѣпившись въ ребенка какъ кошка, которая оспариваетъ у своей хозяйки любимого ея чижика.

— Вы любите этихъ малютокъ, вы? сказалъ браконьеръ, съ презрѣніемъ взглянувъ на приказнаго. Не есть ли на свѣтѣ такая несчастная женщина, которая пойдетъ завася замужъ?... Пустите его, мистеръ Патриксоу! Я отецъ; я знаю что дѣлаю..... Пустите моего сына!

— Тише! строго произнесъ Кромвелль, закрывъ свою книгу. Что у васъ тамъ за споръ?.... Подведи ко мнѣ этого мальчика.

Донель далъ бы Богъ-знаетъ что, за возможность не повиноваться этому приказанію; но дѣлать было нечего: онъ подвелъ Ному къ суровому генералу, хотя малютка каждую минуту могъ выболтать, что въ другой комнатѣ сидитъ какой-то морской офицеръ.

— Уста певинныхъ дѣтей повѣдаютъ истину, сказалъ Кромвелль. Подойди ко мнѣ, миленькой! не бойся меня, подойди. Ты говоришь, что видѣлъ какого-то дровосѣка: что же это за дровосѣкъ? знаешь ли ты его?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Номъ: я его никогда не видывалъ.

— Стало-быть, это кто-нибудь посторонній, сказалъ генералъ, переглянувшись съ Патриксономъ.

Донель стоялъ какъ на угольяхъ. Ему хотѣлось унять болтливость своего сына, но маленькій Номъ, устремивъ все вниманіе на мундиръ генерала, не замѣчалъ знаковъ, котѣрые дѣлалъ ему отецъ.

— А куда дѣвался этотъ дровосѣкъ? продолжалъ Кромвелль, глядя по головкѣ своего болтливаго собесѣдника.

— Вошелъ къ намъ, отвѣчалъ малютка.

— Къ вамъ?.... сюда?....

— Да, въ нашъ домъ. Но я тогда пасъ барановъ, а какъ пришелъ домой, такъ его ужъ не было. Я не засталъ никого кромѣ....

— Что мнѣ за дѣло, кого ты засталъ, если не засталъ дровосѣка? съ досадою сказалъ Кромвелль. Пошелъ къ матери!

Онъ сердито оттолкнулъ Нома; но вѣроятно, обрадованный отецъ обнаружилъ слишкомъ много поспѣшности, уводя сына, потому что, не успѣлъ онъ дойти до дверей, какъ Кромвелль остановилъ его.

— Донель! сказалъ онъ: подведи опять ко мнѣ этого ребенка! — Я тебя огорчилъ, мой другъ, прибавилъ генералъ, обращаясь къ Ному. Ну, помиримся! Я виноватъ.

Малютка снова очутился во власти Кромвелля, и судьба Англiи въ другой разъ подверглась зависимости отъ безсмысленнаго ребенка, который едва умѣлъ пасти десятокъ барановъ.

«О Боже мой! думалъ про себя браконьеръ: зачѣмъ этотъ несчастный не ушелъ вмѣстѣ съ матерью?»

— Помиримся! повторилъ Кромвелль, кладя въ руку Нома золотую монету. Вотъ тебѣ на лакомство. Ты вѣдь не сердись на меня? Давай же, поговоримъ какъ старинные знакомые. Скажи мнѣ, кого ты засталъ, когда воротился домой?

Номъ былъ добрый, створчивый мальчикъ; но грубая выходка Кромвелля ему не понравилась, и прежде нежели онъ отвѣчалъ на вопросъ генерала, глазенки его обратились къ отцу. Браконьеръ стоялъ блѣдный, разстроенный: Номъ это замѣтилъ.

— Ну что же? кого ты засталъ, воротившись домой? повторилъ генералъ.

— Обыкновенно кого, отвѣчалъ малютка: маменьку,

которая готовила ужинъ, да сестру Маргариту, которая готовилась ѣсть его.

— Только? спросилъ Кромвелль сердито.

— Только, отвѣчалъ Номъ. Если вамъ мало этого, такъ пожалуй возьмите назадъ свои деньги.

— Нѣтъ, сказалъ Кромвелль: оставь ихъ себѣ, и если ты будешь уменъ, то я дамъ тебѣ вдвое больше: только расскажи мнѣ все, что дѣлалось сегодня около вашей хижины. Говори откровенно, какъ говоришь съ дядями. Часто ли у васъ бывають чужіе люди? Ты любопытенъ: вѣрно, подслушиваешь о чемъ здѣсь шепчутся. Ну, скажи же, что ты подслушалъ?

Вмѣсто отвѣту, маленькій Номъ запѣлъ:

Однажды гертфордскій прелатъ,
Который очень былъ богатъ,
Пустился спозаранку,
Надѣвши наизнанку.....

— Что за вздоръ? перебилъ Кромвелль съ удивленіемъ.

— Ничего, пѣсенка, отвѣчалъ Номъ простодушно. Вы велѣли сказать, что я подслушалъ: а я въ послѣдній разъ подслушалъ, какъ дядя Гумфри пѣлъ эту пѣсенку.

— Дуракъ!

Кромвелль нахмурился.

— А больше ты ничего не знаешь?

— Ничего.

— Посмотримъ. Скажи мнѣ, много ли васъ было сегодня за обѣдомъ?

Ребенокъ молчалъ.

— Ты не отвѣчаешь?

Ребенокъ все молчалъ.

— Смотри! вскричалъ Кромвелль: ты пускаешься на опасную шутку. Я кликну своихъ людей, и они заставятъ тебя говорить.

Но эта угроза не произвела ни малѣйшаго дѣйствія. Кромъ упрямства, свойственнаго возрасту Нома, малютка понялъ еще, что его болтливость не нравится отцу, а въ такомъ случаѣ ни какія человѣческія силы не могли заставить его говорить. Утомленный безполезнымъ и смѣшнымъ споромъ съ ребенкомъ, Кромвелль наконецъ оттолкнулъ его, такъ что бѣдный Номъ упалъ и стукнулся головою объ печку.

— Несчастный! прошепталъ Донель, поднимая своего сына : ты ушибся?

— Нѣтъ, тятенька, ничего !

— Выгони этого негодяя! закричалъ Кромвелль.

Браконіеръ поспѣшилъ отвести Нома къ матери и воротился къ генералу.

— Теперь я хочу имѣть дѣло съ тобой, сказалъ генералъ, вставъ со скамейки и устремивъ на Донея взглядъ, въ которомъ горѣло бѣшенство.

XXII.

— Теперь я хочу имѣть дѣло съ тобой! повторилъ Кромвелль. Я знаю, что ты за человѣкъ, знаю всѣ твои мысли : ты меня не обманешь. Братья жены твоей укрываютъ Карла Стюарта; ты ихъ сообщникъ : тебѣ известно, кто таковъ этотъ дровосѣкъ, что приходилъ сегодня въ твой домъ, и куда онъ дѣвался. Ты долженъ открыть мнѣ все. Я не могу терять время въ пустыхъ разговорахъ. Ежели тебѣ дорога твоя жизнь и жизнь жены и дѣтей твоихъ, говори : не то, клянусь Богомъ, въ эту же ночь здѣсь раздадутся плачь и скрежетъ зубовъ!

— Моя жена и дѣти не сдѣлали ни какого зла вашей милости, отвѣчалъ Донель : а я бѣднякъ, браконіеръ, не хочу ничего, только бы жить въ мирѣ со всеми.

— И для того-то, верно, ты нарушаешь парламентскія постановленія, сказалъ Кромвелль насмѣшливо : осмѣливаешься скрывать у себя преступниковъ, прячешь ихъ отъ меча закона!.... Смотри! сынъ Авинадава былъ пораженъ смертью за то, что вѣшивался въ дѣла, которыя до него не касались.

— Какъ угодно. Дѣлайте сомной что разсудите, только ради Бога..... ради Бога, пощадите моихъ дѣтей!

Эти слова были произнесены съ робостью и покорностью, которыя изумили Кромвелля. Онъ привыкъ видѣть приверженцевъ Карла гордыми : еще недавно молодой Камеронъ и Юднъ показали передъ нимъ непреодолимую твердость духа. Но браконіеръ, котораго онъ думалъ найти такимъ же упрямымъ, обнаружилъ сверхъ чаянія очевидную слабость въ опасеніи за свою семью. Это подало Кромвеллю надежду, что онъ, можетъ-быть, успѣетъ поработить Донеля, если будетъ растравлять чувствительнѣйшее мѣсто его сердца.

— Нѣтъ! сказалъ онъ : я не пощажу никого. Ты и всѣ твои родные должны непременно погибнуть : вы истощили мое терпѣніе. Сегодня сожжены дома братьевъ жены твоей; завтра повѣсятъ самихъ хозяевъ, и я прийму мѣры, чтобы объ нихъ некому было плакать : истреблю весь ихъ родъ!

— Бѣдные братья! произнесъ Донель: бѣдные братья! Недѣлю назадъ, мы были такъ счастливы! А теперь?... О Боже мой, Боже мой! наше житье сдѣлается хуже самаго аду : мы должны будемъ прятаться отъ людей, какъ преступники, дрожать безпрестанно, мучиться, каждую минуту видѣть ножъ надъ горломъ дѣтей своихъ!....

Кромвелль съ жадностью слушалъ эти слова, и, подвинувшись къ браконіеру, спросилъ вполголоса :

— Гдѣ дровосѣкъ?

— Ахъ! вскричалъ Донель.

— Гдѣ дровосѣкъ? повторилъ генералъ. Что тебѣ за надобность беречь этого человѣка? Ты не обязанъ ему ничѣмъ. Можно ли жертвовать для него своимъ семействомъ?

— Боже мой, Боже мой! вскричалъ опять Донель. Я зналъ, что такъ кончится; я предсказывалъ это братьямъ.... они не хотѣли вѣрить....

И опустивъ голову, закрывши лицо руками, браконіеръ стоялъ какъ несчастный, котораго безъ вины привели на казнь. Кромвелль съ нетерпѣніемъ дожидался, чѣмъ разрѣшится эта борьба въ душѣ крестьянина. Заложивъ руки на спину, онъ пожиралъ его своимъ пламеннымъ взглядомъ и чутко прислушивался къ каждому стону, который вырывался изъ груди Донеля.

Наконецъ браконіеръ поднялъ голову и, задыхаясь, шепнулъ:

— Ваше превосходительство, я хочу съ вами поговорить.

У Кромвелля затрепетало сердце.

— Говори, говори, мой другъ, сказалъ онъ, стараясь придать своему голосу выраженіе ласки. Я, право, совсѣмъ не такой злой человѣкъ, какимъ, можетъ-статься, кажусь.

— Ваше превосходительство, продолжалъ Донель: если вы обѣщаетесь пощадить моихъ братьевъ, забыть все прошедшее, оставить въ покоѣ мое семейство....

— Общаюсь!.... Говори, говори!

— Если вы сверхъ того устроите счастье дѣтей моихъ, дадите намъ деньги, которыя назначены отъ парламента,.... ахъ, ваше превосходительство! мы бѣдные люди, и ктому жъ.... вѣдь никто не узнаетъ, что это я, не правда ли?

— Никто, даю тебѣ слово! Это будетъ тайною между Небомъ и нами.... Говори же: гдѣ дровосѣкъ?

— Дровосѣкъ? Карлъ?... О! нѣтъ, нѣтъ! не могу!...

Это преступленіе,.... страшное преступленіе! Лучше убейте меня.

Кромвелль съ досадою увидѣлъ, что цѣль, которой онъ думалъ достигнуть, начинается опять отъ него удаляться.

— Глупецъ! сказалъ онъ : тебя увѣрили , будто это преступленіе, и ты дался въ грубый обманъ.

— Нѣтъ, не могу! повторилъ Донель. Лучше убейте.....

— А дѣти? сказалъ Кромвелль.

— Дѣти!.... О Боже мой! голова кружится; сердце, душа.... Что мнѣ дѣлать?

— Подумай хорошенько, сказалъ Кромвелль. Другой, на твоёмъ мѣстѣ, давно бы спасъ себя и дѣтей. И почему знать? Можетъ-быть, мнѣ приведутъ какого-нибудь крестьянина изъ окрестностей, который подмѣтилъ всѣ ваши козни и откроетъ ихъ за сумму, ассигнованную парламентомъ..... Патриксонъ! пошли сюда капитана.

Де-Профундисъ вошелъ въ комнату.

— Нѣтъ ли чего новаго? спросилъ Кромвелль.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство. Я сейчасъ смѣнилъ часовыхъ около этого дому. Все исправно. Только мнѣ донесли, что одна команда, посланная въ обходъ, встрѣтила на розвелльской дорогѣ боскобльскаго судью. Хотѣли-было его задержать, но онъ поднялъ такой крикъ, что принуждены были бросить.

— И хорошо сдѣлали. Ступай!

Де-Профундисъ вышелъ.

— Ну, надумался ли? спросилъ Кромвелль у браконіера.

Донель молчалъ.

— Хороше же! сказалъ протекторъ : ежели ты такъ глупъ, что не хочешь воспользоваться счастливыми обстоятельствами, то я насильно тебя осчастливлю.

Въ той комнатѣ слышенъ шорохъ : жена твоя еще не спитъ. Можетъ-статься, она будетъ умнѣе своего мужа.

И говоря это, Кромвелль подошелъ къ двери въ комнату, гдѣ скрывался король. Онъ взялся за ручку, сталъ растворять, самъ не сводилъ глазъ съ браконіера. Одна нога его была уже за порогомъ : еще шагъ, и....

— Двадцать-пять тысячъ ! вскричалъ въ эту минуту Донель : о Боже мой, двадцать-пять тысячъ !

Кромвелль остановился.

— Онъ здѣсь, со мной.... Хочешь ?

— Хочу ! отвѣчалъ браконіеръ, ударивши себя по лбу : и пусть невинная кровь падаетъ на голову преступника !

Кромвелль притворилъ дверь.

— Я предамъ вамъ того, кого вы ищете, продолжалъ Донель съ рѣшительнымъ видомъ, но стараясь говорить такъ, чтобы его не слышали изъ другой комнаты.

— Ты предашь ? повторилъ Кромвелль, едва удерживая свою радость.

— Да, милордъ, подтвердилъ браконіеръ.

— Гдѣ же ?

— Въ этой самой комнатѣ.

— А скоро ли ?

— Скоро. Прежде семи часовъ онъ будетъ въ вашихъ рукахъ.

— Следовательно, ты знаешь, гдѣ онъ теперь скрывается ?

— Нѣтъ. Но мы съ нимъ условились, что вечеромъ онъ прійдетъ сюда.

Браконіеръ, какъ читатель видитъ, вовсе не хотѣлъ предать Карла.

— Хорошо, я буду его дожидаться, сказалъ Кромвелль.

— По нашему уговору, я долженъ подать ему знакъ,

что здѣсь нѣтъ ни какой опасности, продолжалъ Дожель. Но я боюсь, ваши часовые.... ихъ видно издалека : онъ не пойдетъ, какъ замѣтить.

— Что же намъ дѣлать ?

— Снять часовыхъ,.... во-крайней-мѣрѣ съ той стороны, откуда онъ пойдетъ.

— Но стало-быть, ты знаешь, гдѣ онъ ?

— Нѣтъ, не знаю. Мызъ известно только, что онъ гдѣ-то въ розвелльскомъ лѣсу, но гдѣ именно, онъ не сказывалъ. Тамъ можно спрятаться отъ цѣлаго полка мушкетеровъ, и если онъ, увидѣвши, что сюда нельзя пройти, воротится снятъ въ лѣсъ, то мы его никогда не отыщемъ.

Кромвелль задумался.

— Я велю снять часовыхъ, сказалъ онъ. Ты головой отвѣчаешь мнѣ за удачу.

— Можете быть увѣрены. Я сейчасъ подамъ условленный знакъ.

Дожель вынулъ изъ кармана тростниковую дудочку, которую сдѣлалъ онъ въ Лочіель. Между-тѣмъ генералъ велѣлъ Патриксопу позвать Де-Профундиса.

— Боже мой! какое гнусное дѣло! сказалъ браконіеръ, едва переводя дыханіе : я, какъ Иуда, предаю своего владыку !.... Ваше превосходительство, вы помните, вы сдержите обѣщаніе? ни одинъ волосъ не упадетъ съ головы моей и моихъ ближнихъ ?

— Я тебя озолочу, сказалъ Кромвелль. — Наконецъ Стюартъ въ моей власти! прибавилъ онъ вполголоса.

«Слава Богу, король спасенъ! подумалъ про себя браконіеръ.

Въ это время вошелъ Де-Профундисъ.

Легко представить себѣ волненіе, въ какомъ между-тѣмъ находились всѣ лица, бывшія въ комнатѣ Джанны. Одинъ король казался спокойнымъ : ему было только досадно, что онъ принужденъ защищать жизнь

своею, не какъ левъ, который самъ бросается на охотника, а какъ лисица, которая прячется, чтобы ея не замѣтили. Мекъ-Коннуиль, съ обнаженною шпагою, стоялъ возлѣ своего государя; Джанна, болѣе мертвая чѣмъ живая, сидѣла скорчившись въ темномъ углу и держала на колыняхъ Маргариту; Гумфри схватилъ вошедшаго Нема, чтобы заставить его молчать; а Олень, по совѣту браконіера, стоялъ у перегородки и внимательно вслушивался, что происходитъ въ другой комнатѣ.

Вдругъ раздались звуки тростниковой дудочки.

— Пойдемте, прошепталъ молодой Камеронъ.

— Что ты? возразилъ Карлъ. Около хижины разставлены часовые.

— Знаю, отвѣчалъ Олень. Но Донель играетъ маршь камеронскаго клана: надо итти.

Мекъ-Коннуиль, который привыкъ ходить всегда прямо въ двери, взялся-было за дверную ручку. Братъ удержалъ его.

— Стой!.... стой!

— Но куда же итти?

— Въ окошко!

Олень отвернулъ занавѣску, и выглянулъ за окно.

— Боже мой! ни одного человѣка!

— Въ самомъ дѣлѣ часовыхъ нѣтъ, подтвердилъ король, осматривая окрестность изъ-за плеча Олена.

— Неужели? задыхаясь, произнесъ Гумфри: такъ намъ открыта дорога до самаго Розвелля!

— Видите ли, что надо итти? сказалъ Олень.

Онъ сталъ отдвигать задвижку: желѣзо заржавѣло и не трогалось съ-мѣста.

— Берегись! шепнулъ Гумфри: она заскрипитъ.

Но предостереженіе чьснаго мельника было уже бесполезно: задвижка срыпнула, рама растворилась со стукомъ.

— Скорѣй! скорѣй! сказалъ Олень, схвативъ за руку короля.

— Нѣтъ, возразилъ Карлъ : ты видишь, что на мнѣ мундиръ морскаго капитана; а капитанъ по закону, долженъ послѣдній сойти съ корабля.

Спорить было некогда. Мекъ-Коннуиль, Олень, Гумфри, одинъ за другимъ, выскочили въ окно; король за ними.

Между-тѣмъ скрипъ задвижки и стукъ рамы были услышаны въ сосѣдственной комнатѣ.

— Что это? спросилъ Кромвелль.

— Ничего, отвѣчалъ браконіеръ, стоя на стулѣ и глядя сквозь отдушину въ поле. Женщины — всегда женщины. Вѣрно, Джанна вздумала разбирать свои наряды и отпираетъ сундукъ.

— А Молодой Человѣкъ всё нейдетъ, сказалъ Кромвелль, не обращая больше вниманія на стукъ въ комнатѣ Джанны.

— Погодите, ваше превосходительство, отвѣчалъ Донель : розвелльскій лѣсъ не близко, а человѣкъ не пѣсня, не долетитъ по воздуху.

Кромвелль началъ ходить. Волненіе его было очевидно : онъ поминутно взглядывалъ на часы, бралъ и клалъ книгу, бранился съ солдатами.

— Что, еще ничего не видно? спросилъ онъ черезъ нѣсколько минутъ.

— Ничего, ваше превосходительство, отвѣчалъ Донель, провожая глазами Карла и его спутниковъ, которые терялись въ темной дали. Я вижу только первую вечернюю звѣздочку : это у насъ время молитвы.

Въ комнатѣ опять водворилось молчаніе. Всякой смотрѣлъ на дверь, ожидая появленія Карла Стюарта. На смуглыхъ лицахъ солдатъ выражалась боязнь, и самъ Кромвелль не могъ подавить въ себѣ чувства какого-то смущенія, ужасу.

— Черезъ нѣсколько минутъ , говорилъ онъ вслухъ самъ съ собою : черезъ нѣсколько минутъ онъ будетъ здѣсь.... да! здѣсь, въ этой самой комнатѣ , вмѣстѣ со мною; а черезъ недѣлю.... ужасно! Но какая мнѣ надобность? Я исполняю волю парламента , дѣйствую по закону. И притомъ , если Молодой Человѣкъ прійдетъ сюда , это будетъ значить , что само Небо его осудило. Ктѣ же осмѣлится обвинять меня? Я только орудіе высшей воли , мечъ , котораго рукоятъ держитъ другой. Если я поражаю , не должно требовать отъ меня отчету.... Нѣтъ! нѣтъ! пусть онъ прійдетъ : я умываю руки. Онъ слѣдуетъ своей участи , я своей.

Кромвелль тряхнулъ головой , какъ-будто хотѣлъ удалить отъ себя мрачныя мысли , и потомъ повернулся къ Донелю.

— Семь часовъ давно било ?

— Погодите еще немножко , отвѣчалъ браконіеръ. Кажется , вонъ онъ идетъ по берегу ручья.

«Экой счастливецъ!» подумалъ отставной секретарь , которому все мерещились двадцать-пять тысячъ фунтовъ : хотѣлось бы мнѣ быть въ шкурѣ этого мошенника!»

Патриксонъ , вѣрно , не имѣлъ бы такого желанія , если бы зналъ настоящее положеніе обстоятельствъ. Донель уже доигрывалъ свою роль , и награда , которая ожидала его , была не очень завидна. Онъ не могъ скрыть своего плутовства , и также не могъ надѣяться , чтобы Кромвелль , обманувшись въ своемъ ожиданіи , пощадилъ его. Притомъ тысяча обстоятельствъ могла обнаружить все дѣло. Донель заранѣе испытывалъ муки страшнаго наказанія , и пощелуи , которые далъ онъ въ этотъ вечеръ женѣ и малюткамъ , казались ему послѣдними.

Между-тѣмъ Кромвелль опоясался португеей : онъ былъ спокоенъ и холоденъ , какъ всегда , въ рѣшительныхъ случаяхъ своей жизни.

— Если бы мы знали получше придворный церемоніяль, то пошли бы сами навстрѣчу Карлу Стюарту, сказалъ онъ насмѣшливо.

— Помилуй васъ Богъ! милордъ, возразилъ Донель: въ такомъ случаѣ Карлъ уйдетъ опять въ лѣсъ, и мы его никогда не отыщемъ.

— Ты смѣтливый человекъ, сказалъ Кромвелль. Если всегда будешь поступать такимъ образомъ, то уйдешь далеко.... Эй! кто тамъ? Положите еще дровъ въ печку. Надо, чтобъ гость, котораго мы ожидаемъ, заранее зналъ, что здѣсь онъ найдетъ спокойный пріютъ. Я думаю, онъ ужъ недалеко, Донель?

Браконіеръ не слышалъ этого вопроса. Глаза его, подернутые слезами, были прикованы къ живописному мѣстоположенію, гдѣ онъ столько разъ встрѣчалъ восходящее солнце. Вѣтерокъ, поднявшійся къ вечеру, срывалъ желтые листья; небо было прозрачно; птицы дремали въ своихъ гнѣздахъ; въ долину царствовала глубокая тишина. Донель невольно заглядѣлся на эту картину и забылся въ воспоминаніяхъ.

— Какъ хорошъ вечеръ! говорилъ онъ печальнымъ голосомъ: роса ложится на землю.... съ горъ вѣетъ прохладою....

— Что онъ поетъ? сказалъ Кромвелль, посмотрѣвъ на него съ удивленіемъ.

— Восточная сторона неба темнѣетъ, продолжалъ браконіеръ: но вонъ, тамъ, еще видѣнъ холмъ, на которомъ Жанна, бывало, ждала моего возвращенія; вонъ и зеленый лугъ, гдѣ Номъ пасетъ свое стадо.

— Вѣрно, у него въ головѣ бурлитъ лишняя кружка пива, замѣтилъ Де-Профундись вполголоса, обращаясь къ Патриксону.

— Но скоро, скоро все скроется, продолжалъ опять Донель. Уже я съ трудомъ различаю тропинку, которая ведетъ къ мельницѣ Гумфри.... Завтра взойдетъ солнышко, долина наполнится шумомъ, лѣсъ оживетъ,

бекасы взовьются, увидѣвъ охотника.... одно мое ружье будетъ молчаливо висѣть на стѣнѣ, собаки напрасно стануть вызывать меня въ поле, и вечеромъ жена не пойдетъ встрѣчать меня....

Въ эту минуту вдругъ послышалось нѣсколько отдаленныхъ выстрѣловъ. Браконіеръ задрожалъ. Выстрѣлы раздались со стороны розвелльской дороги, но темнота препятствовала видѣть, что дѣлается вдали. Донель не зналъ чему приписать ихъ. Не сошелся ли король съ подвижнымъ отрядомъ республиканскихъ войскъ? чѣмъ кончилась встрѣча? не погибъ ли онъ? не попалъ ли въ плѣнъ? Голова Донеля закружилась; онъ поблѣднѣлъ, зашатался, и съ трудомъ устоялъ на скамьѣ.

— Что это значитъ? сказалъ Кромвелль, который также былъ очень встревоженъ этой печальностью. Де-Профундисъ! отвори дверь, посмотри, что тамъ такое.

Капитанъ исполнилъ приказаніе; но ночь была темна : ничего не видно.

— Вели бить тревогу! вскричалъ разгнѣванный генералъ. Тутъ что-то кроется. Если этотъ человекъ скажетъ правду, то Стюартъ долженъ бы быть ужъ здѣсь. Мы сейчасъ все узнаемъ. Пусть бьютъ тревогу, а ты, Кольдокъ, смотри за этимъ крестьянникомъ.

По звуку барабана, всѣ отряды, разставленные въ лѣсу и долинѣ, собрались къ хижинѣ; офицеры окружили генерала.

— Что это значитъ, господа? спросилъ Кромвелль; кто приказалъ вамъ стрѣлять?

Офицеры взглянули другъ на друга, и одинъ изъ нихъ отвѣчалъ:

— Я стоялъ у ручья, ваше превосходительство. Перестрѣлка была слышна съ той стороны. Вѣрно, это Блестонъ съ своимъ летучимъ эскадрономъ сдѣлалъ какое-нибудь открытіе, но какъ ваше превосходитель-

ство не приказали мнѣ сходить съ-мѣста, то я не могъ удостовѣриться въ справедливости своей догадки.

— Хорошо. Мы пойдемъ къ Блетсону. Но прежде скажите, господа : не замѣтилъ ли кто изъ васъ человѣка, который шелъ къ этой хижинѣ ?

Всѣ отвѣчали, что нѣтъ. Наконецъ одинъ старый драгунъ подошелъ къ Кромвеллю, и, приложивъ руку къ каскѣ, сказалъ ?

— Я стоялъ на-часахъ въ огородѣ, и не могу сказать, чтобы видѣлъ человѣка, который шелъ къ хижинѣ.

— Дуракъ! вскричалъ Кромвелль.

— Извините, ваше превосходительство, подхватилъ драгунъ : я не видалъ человѣка, который шелъ къ хижинѣ, но видѣлъ четырехъ человѣкъ, которые бѣжали отъ хижины.

— Отъ хижины?... Чтò онъ вретъ?... Отсюда никто не выходилъ. Этотъ человѣкъ потерялъ рассудокъ съ-перепую.

— Нѣтъ, ваше превосходительство, возразилъ драгунъ : я сегодня выпилъ только шесть кружекъ пива, да четыре рюмки водки, и могу васъ увѣрить, что точно видѣлъ четырехъ человѣкъ, которые выскочили въ окошко и побѣжали къ ручью.

Кромвелль закусилъ губы; лицо его побагровѣло; однако жъ онъ удержалъ порывъ гнѣва.

— Нечего дѣлать, господа! сказалъ онъ. Ступайте на розвелльскую дорогу. Я буду тотчасъ за вами. Авось Блетсонъ счастливе меня.

Офицеры удалились, и Кромвелль остался лицомъ къ лицу съ Донелемъ. Нѣсколько секундъ онъ смотрѣлъ на него, не говоря ни слова. Донель сошелъ со скамьи, и стоялъ передъ нимъ спокойно, какъ человѣкъ, для котораго уже нѣтъ ничего сомнительнаго въ ожидающей его участи.

«Какъ я могъ положиться на этого человѣка! подумалъ Кромвелль : развѣ онъ похожъ на измѣнника?»

— Де-Профундись! возьми его, и смотри: ты отвечаешь мнѣ головой, если онъ увернется, такъ же какъ горецъ!

Сказавъ это, Кромвелль вышелъ изъ хижины.

— Ботвелль! закричалъ Де-Профундись: ты слышалъ приказаніе?... Ну, такъ за работу! не дай промаху: три человѣка просятся на твое мѣсто.

— Полноте, капитанъ! Если бы я не умѣлъ затянуть мертвой петли, такъ иному-прочему не видать бы на себя и капитанскихъ эполетовъ.

— Ну, ну, безъ разговоровъ, Ботвелль! Въшей проворнѣе.

— Какъ бы не такъ! Или вы хотите, чтобъ еще какой-нибудь чортъ свалился съ дерева?

— И то правда. Такъ вели заряжать ружья.

— Ружья?... Это еще что за выдумки? да стоить ли онъ пороху и свинцу, который мы на него истратимъ?... Дайте мнѣ волю: я ужъ раздѣлаюсь!

Пока Де-Профундись съ Ботвеллемъ имѣли между собой этотъ назидательный разговоръ, Донель въ смущеніи поглядывалъ на комнату Джанны. Ему очень хотѣлось еще разъ увидѣть жену свою, прижать ее къ сердцу; но въ то же время онъ чрезвычайно боялся, чтобы она не вышла изъ своей комнаты и не сдѣлалась свидетельницей того, что должно было произойти. Къ умноженію его муки, онъ не былъ увѣренъ въ спасеніи Карла; наконецъ, его тревожила участь остающагося семейства. «Зима приближается, думалъ онъ: что будетъ съ Джанной. Братья лишились всего; имъ самимъ некуда приклонить голову.... Бѣдная Джанна! бѣдный Номъ! бѣдная Маргарита!

Въ это время передъ нимъ сверкнулъ кинжалъ Ботвелля, и браконіеръ понялъ, какой родъ смерти ему готовить.

— Друзья мои, сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ: не убивайте меня въ этой комнатѣ! выведите меня въ

лесь!... Не бойтесь: я не уйду. Вы можете связать меня. Опутайте мнѣ и руки и ноги: только ради Бога, не убивайте меня здѣсь!

Но всѣ его моленія были напрасны: капитанъ спѣшилъ.

— Посмотрите, капитанъ, какъ мастерски я его отправлю, сказалъ Ботвелль, замахаясь.

— Господи! прошепталъ Донель, поднявъ глаза къ небу: благослови жену и дѣтей моихъ!

— Видѣли? спросилъ Ботвелль, отирая кинжалъ, который онъ вытащилъ, весь въ крови, изъ груди браконьера.

Донель упалъ.

— Чиста работа! сказалъ, подойдя къ нему, Де-Профундисъ. Этотъ ужъ не воротится.

Капитанъ съ капраломъ ушли. Патриксонъ, следовавшій за ними, оглянулся на Донеля и подумалъ: «Нѣтъ, этотъ малый дѣйствительно былъ дуракъ. Вотъ какъ можно ошибиться въ человѣкѣ!»

Когда въ хижинѣ и около нея водворилось молчаніе, не стало слышно ни стуку оружія ни говору голосовъ, жена Донеля, сидѣвшая до тѣхъ поръ въ потемкахъ и не смѣвшая пошевелиться, встала и отворила немножко дверь. Ей показалось страннымъ, что въ комнатѣ не было свѣту. Невольный ужасъ обхватилъ несчастную женщину. Она начала кликать мужа.

— Донель! Донель!... гдѣ ты?

Отвѣту не было; но Джаннѣ показалось, что она слышала слабый вздохъ.

— Донель! повторила она трепещущимъ голосомъ: гдѣ ты?... Это я, Джанна, жена твоя. Слышишь?... Но его, вѣрно, нѣтъ.... Боже мой! я ошиблась: его нѣтъ; его увели солдаты.... Донель!

Протянувъ руки, она стала ощупью подвигаться впередъ, и вдругъ наткнулась на что-то лежащее на полу.

— Что они тутъ оставили? сказала несчастная женщина, и, подойдя, къ очагу, начала раздувать уголья. Номъ, подай мнѣ лампаду. Она тамъ, на столѣ.

Но малютка не двигался съ мѣста: при красноватомъ свѣтѣ отъ угольевъ, онъ узналъ лежащаго на полу отца.

— Маменька, посмотри-ка! Тятя спитъ.... Ахъ, Боже мой! какія у него холодныя руки!.... Тятя! тятя! вставай. Маменька боится, Маргарита плачетъ.

Между-тѣмъ Джанна успѣла вздуть огня на лучинѣ, и, блѣдная, дрожащая, съ блуждающими глазами, съ полу-раскрытымъ ртомъ, подошла къ тѣлу Донеля. Не мудрено было понять, что все кончено; однако жъ несчастная хотѣла заставить себя сомнѣваться.

— О нѣтъ! нѣтъ! говорила она: это не правда.... этого быть не можетъ..... Онъ лежитъ съ открытыми глазами, онъ смотритъ на меня, онъ хочетъ говорить... Донель! вотъ твои дѣти.

Силы оставили бѣдную женщину; глаза ея помутнились, губы побѣлѣли. Она хотѣла сдѣлать шагъ впередъ..... слабая рука выронила горящую лучину..... Джанна безъ чувствъ упала на тѣло убитаго мужа; Маргарита и Номъ испустили пронзительный крикъ. Но черезъ нѣсколько минутъ опять все утихло: несчастная вдова лежала безъ памяти, осиротѣлыя дѣти спали.

XXIII.

Въ маленькомъ портовомъ городкѣ Шордемъ нельзя было нигдѣ такъ хорошо поѣсть и попить, какъ въ трактиръ Трехъ-Шилинговъ. Зато мистрисъ Дебора Розвинтеръ славилась между всеми окрестными моряками и рыбаками какъ отличнѣйшая трактирщица, которая умѣла принять гостей. У очага ея, на сосновыхъ, ничѣмъ не обитыхъ, скамейкахъ, сиживали лю-

ди всякаго роду и возрасту. Мистрисъ Дебора Розвинтеръ принимала всѣхъ съ одинаковою любезностію, не разбирая того, кто пріѣхалъ въ телѣгъ, кто приплылъ на корабль, кто прискакалъ верхомъ, а кто припелся по образу пѣшаго хожденія. Красота ея уже отцвѣтала, но мистрисъ Дебора Розвинтеръ, у своихъ старыхъ знакомыхъ, слыла всё-еще красавицей, и сама раздѣляла ихъ пріятное заблужденіе. Къ чести ея должно сказать, что хотя она не ходила въ карманъ за словами и любила побалагурить съ мужчинами, однако жъ никто, даже ея несчастные обожатели, не говорили про нея дурно. Этому много способствовало стеченіе обстоятельствъ, состоящее въ томъ, что она была весьма неравнодушна къ одному удалому шкиперу, а шкиперъ не оказывалъ ей ни какого вниманія. Впрочемъ мистрисъ Дебора Розвинтеръ поклялась въ одинъ вечеръ, за чаемъ, при многочисленномъ обществѣ, что она не отдастъ руки своей никому, кромѣ человѣка, который можетъ усыплять ее разказами о своихъ отдаленныхъ странствованіяхъ, и не отчаявалась, рано или поздно, побѣдить своего жестокаго Энея, думая очень основательно, что ему когда-нибудь наскучитъ шататься по свѣту, и тогда онъ броситъ якорь въ ея гостепріимномъ трактирѣ, а изъ рупора съѣлаетъ вывѣску.

Въ одно утро трактиръ мистрисъ Деборы Розвинтеръ представлялъ необычайное зрѣлище. По всему дому была страшная бѣготня; хозяйка поднялась вмѣстѣ съ солнцемъ, и съ того времени, черезъ каждыя пять минутъ, подбѣгала къ окошку, чтобы посмотреть на пристань.

— Вонъ онъ! наконецъ вскричала мистрисъ Дебора, увидѣвъ вдали человѣка высокаго росту, который ужасно павлинился, идучи къ трактиру. Фу, чортъ возьми, что за походка! а какіе усы! а какой носъ! Право, онъ могъ бы быть превосходнымъ мужемъ, судя по носу; но я увѣрена, что неблагодарный не

чувствуетъ, съ какимъ нетерпѣніемъ я его дожидаясь. — Здравствуйте, мистеръ Таттершалъ! продолжала она, когда красавецъ вошелъ въ комнату. Хорошо ли вы провели ночь?... Охота же была ночевать въ этой орѣховой скорлупѣ, когда я вамъ приготовила свою лучшую комнату, ту самую, гдѣ ночуетъ обыкновенно сэръ Этельредъ Брандibroкъ.

— Я не люблю вашего Брандикока, отвѣчалъ Таттершалъ сердито.

«Ужъ не ревнуетъ ли онъ?» подумала мистрисъ Дебора съ радостію.

— Вашъ Предиблокъ всегда занимаетъ тотъ столъ, у котораго я имѣю привычку сидѣть, прибавилъ Таттершалъ къ великому неудовольствію трактирщицы. Но поговоримте лучше о дѣлѣ. Нѣтъ ли у васъ новыхъ путешественниковъ?

— Чтò вамъ за дѣло до путешественниковъ? возразила мистрисъ Дебора. Садитесь. Я велю подать вамъ кружку инбирнаго пива: это очень хорошо противъ дурнаго расположенія. Потомъ принесутъ цыпленка: я сама его для васъ приготовила.

— Хорошо, хорошо. Лучше бы копченой ветчины, а не цыпленка. Но скажите напередъ, гдѣ путешественники, которые у васъ остановились нынѣшней ночью?

— Я не знаю, о комъ вы говорите. Здѣсь остановилось семейство, человекъ пять, все такіе печальные...

— Чортъ возьми! вскричалъ Таттершалъ, съ досады топнувъ ногою: а мнѣ пора въ море!

— Ахъ, мистеръ Таттершалъ! вы опять въ море.... Вотъ ваша трубка и, турецкій табакъ.... На долго ли?

Таттершалъ, вмѣсто отвѣту, взявъ равнодушно набитую трубку, и съ ужаснымъ сопѣніемъ, началъ пропускать сквозь усы огромные облака дыму.

— Чтò вамъ дались какіе-то путешественники? спросила опять мистрисъ Дебора, желая приласкаться къ жестокому Таттершалу.

— Что дались! что дались! вскричалъ онъ. Вы черезъ-чуръ любопытны, сударыня. Я быюсь объзакладъ, что вы ужъ знаете всѣ домашнія дѣла того семейства, которое у васъ остановилось.

— Извините, мистеръ Таттершаль, возразила мистрисъ Розвинтеръ, обидѣвшись: я не сосѣдка Бетти Тоутонъ, которая подслушиваетъ у дверей своихъ постояльцевъ. Я только знаю, что тутъ есть одна молодая дѣвушка, которая безпрестанно плачетъ, оттого ли что женихъ ея умеръ, или что отецъ не хочетъ отдать ее за него.... Но вы, мужчины, вы не понимаете, какъ это чувствительно!

— Убирайтесь къ чорту съ своею чувствительностью, мистрисъ Розвинтеръ!

Хозяйка нахмурилась еще пуще прежняго.

— Впрочемъ, прибавилъ шкиперъ, одумавшись: впрочемъ, милая моя мистрисъ Розвинтеръ, скажите мнѣ, не слыхали ли вы еще чего въ комнатѣ этихъ путешественниковъ?

«Милая! подумала про себя Дебора: милая!....»

Сердце ея забило тревогу.

— Да что жъ вы глухи, что ли? сурово вскричалъ Таттершаль.

— Глуха? я глуха?... Нѣтъ, слава Богу, въ тридцать пять лѣтъ....

— Въ сорокъ, сударыня, въ сорокъ! Но говорите же: что вы еще слышали?

— Не знаю,.... я глуха,.... я ничего не слыхала, отвѣчала мистрисъ Розвинтеръ.

— Охъ ужъ мнѣ эти женщины!.... Полноте, моя несравненная Дебора. Сердитый видъ вамъ совсѣмъ не къ лицу. Вы мнѣ гораздо больше нравитесь, когда улыбаетесь и показываете свои прекрасные зубы.

«Онъ что хочетъ, то изъ меня и дѣлаетъ!» подумала мистрисъ Розвинтеръ, и приступила-было къ разсказу

О всемъ, что подслушала она въ комнатѣ путешественниковъ, какъ вдругъ необыкновенный шумъ на дворѣ остановилъ ее на самомъ началѣ. Куры мистрисъ Розвинтеръ подняли страшный гвалтъ, и, хлопая крыльями, разлетѣлись въ разныя стороны. Хозяйка подбѣжала къ окну. То была прекрасная лягавая собака, которая гонялась за скромными домашними птицами и конечно передушила бы нѣкоторыхъ изъ нихъ, если бы вдругъ не загремѣлъ повелительный голосъ человека, стоящаго на лѣстницѣ.

— Таттершаль! Таттершаль!

— Кто меня зоветъ? сказалъ шкиперъ, вставая.

— Таттершаль!.... негодай!.... разбойникъ!..... сюда!.....

Таттершаль побагровѣлъ отъ ярости. Мистрисъ Розвинтеръ напрасно сидѣла съ удержать его: онъ вырвался изъ ея рукъ и побѣжалъ въ двери, но тутъ съ нимъ встрѣтился нашъ почтенный сэръ Джонъ, который одной рукой тащилъ за шиворотъ свою собаку, а въ другой держалъ плеть.

— Какъ вы смѣете, сударь? вскричалъ шкиперъ.

— Не мѣшайте не въ свое дѣло, отвѣчалъ сэръ Джонъ, не обращая на него вниманія.

Таттершаль остолбенѣлъ.

— Кой чортъ?.... какъ не въ свое дѣло?....

Но сэръ Джонъ принялся хлестать плетью свою собаку и сопровождалъ это весьма назидательными нравоченіями, говоря, что если она не уймется отъ своихъ хищническихъ поступковъ, то кончитъ вѣкъ свой такимъ же образомъ, какъ тотъ человекъ, котораго имя она носитъ.

Шкиперъ понялъ, въ чемъ дѣло, и, разумѣется, былъ не очень доволенъ своимъ открытіемъ.

— Чортъ возьми! сказалъ онъ, между-тѣмъ какъ справедливо наказанная собака, смиренно поджавши хвостъ, спѣшила запрягаться въ темный уголъ: чортъ

возьми!.... этот господинъ называетъ мерзкаго пса моимъ именемъ.

Онъ по-наполеоновски сложилъ руки. Сэръ Джонъ сдѣлалъ то же. Два противника стояли нѣсколько секундъ другъ противъ друга и не говорили ни слова.

— Эге! сказалъ наконецъ Таттершаль: да вы никакъ мистеръ Рамсе, боскобльскій судья, котораго я, три мѣсяца назадъ,....

— Безчестно похитили, подхватилъ сэръ Джонъ: да, сударь! это я!.... А вы тотъ мошенникъ-шкиперъ, который чуть не отравилъ меня своимъ негоднымъ виномъ на своей мерзкой лодкѣ, нагруженной чортъ-знаетъ какими ворованными товарами.

— Какъ?.... какъ? вскричалъ Таттершаль, задрожавъ отъ ярости, мой брикъ — мерзкая лодка?.... брикъ «Стрѣла» — мерзкая лодка?.... брикъ, которымъ я команду, — мерзкая лодка?.....

Бѣшенство шкипера не знало границъ. Сэръ Джонъ былъ также не очень уступчивъ. Ссора могло бы кончиться весьма неприятнымъ образомъ, если бы на сцену не выступило новое лицо. То былъ Карлъ Стюартъ. Онъ вошелъ въ комнату въ своемъ вчерашнемъ костюмѣ; только шипель была накинута на плеча его, и въ лицѣ молодаго короля господствовало выраженіе печальной задумчивости, данъ грустной минутъ отъѣзду. Съ важностью остановился онъ передъ двумя противниками и взглянулъ на Таттершала.

— Спрячь свои пистолеты, сказалъ онъ: и ступай скорѣе на брикъ. Приливъ сейчасъ кончится. Я буду вслѣдъ за тобою.

Таттершаль повиновался; сэръ Джонъ не зналъ что думать о такой покорности со стороны контрабандиста.

— Сэръ Джонъ, сказалъ Карлъ: прошу васъ, позвольте Таттершалу идти. Онъ самъ былъ бы въ отчаяніи, если бы зналъ, что обидѣлъ въ васъ человѣка, которому я обязанъ спасеніемъ своей жизни и свободы.

Ласковый, дружескій тонъ, величественная осанка Карла, и ловкіе, благородные приемы его, совершенно сбили съ толку сэръ Джона.

— Полноте, Мекъ-Ферденъ, сказалъ онъ, не зная что отвѣчать. Вотъ ужъ вы въ другой разъ просите у меня прощенія этому человѣку.... Можетъ-быть, вы раскаетесь, что вырвали его изъ моихъ рукъ..... Вы хотите съ нимъ въхать : берегитесь! съ этимъ негодяемъ нельзя знать куда заѣдешь.

— Вы все думаете о Дембартонъ, сказалъ Карлъ съ улыбкой. Забудьте это неприятное приключеніе. Таттершалъ дастъ вамъ слово, что впередъ вы не будете имѣть причинъ на него жаловаться.

— Можно положиться на его слово! отвѣчалъ судья. Да скажите пожалуйста, почему и вамъ самимъ я долженъ дѣлать всякое удовольствіе? Что вы за человѣкъ? откуда?.... По вашей милости, я пробхалъ сегодня ночью цѣлыя сорокъ миль вмѣстѣ съ этимъ Оллею Камерономъ..... такъ что ли его называютъ?..... цѣлыя сорокъ миль вмѣстѣ, тогда какъ я хотѣлъ бы, чтобъ онъ былъ за тридевять земель отъ меня и отъ моей дочери!.... Конечно, я вижу, что всѣ, которые васъ знаютъ, снимаютъ передъ вами шляпы; мнѣ самому какъ-то... я самъ какъ-то люблю васъ. Но что жъ изъ этого? Я всё-таки не знаю, что вы за человѣкъ и почему я долженъ для васъ простить шкипера, котораго, напротивъ, слѣдуетъ представить къ суду... Нѣтъ, сударь, нѣтъ! не бывать такому неправосудію!

— Но я хочу, чтобъ такъ было! сказалъ Карлъ повелительнымъ голосомъ.

Сэръ Джонъ вытаращилъ глаза. Карлъ опомнился.

— Любезный сэръ Джонъ, примолвилъ онъ, дружески протянувъ къ нему руку : прошу, умоляю васъ, позвольте Таттершалю уѣхать, не задерживайте его.

— Помиримтесь, сэръ Джонъ, сказалъ Таттершалъ. Я

удостоверился, что вы человекъ храбрый, не издает дула заряженнаго пистолета. Помиритесь же.

Добрый судья невольно взялъ руку, которую Таттершаль ему подалъ.

— Богъ дастъ, продолжалъ шкиперъ: наступятъ лучшія времена, мы съ вами разопьемъ славнаго винца на шоемъ брикъ.

— Скажите лучше въ гостиницѣ Трехъ-Шилинговъ, подхватила мистрисъ Дебора.

— Ну, хорошо, хорошо. Надо имѣть терпѣніе, мистрисъ Розвинтеръ. Вамъ хочется замужъ? Пожалуй; только сперва дождемся, когда этотъ молодой офицеръ поселится въ виндзорскомъ дворцѣ.

Таттершаль кивнулъ головой всѣмъ присутствующимъ и вышелъ.

— Часъ-отъ-часу не легче! сказалъ добрый судья, покотившись со смѣху: Мекъ-Ферленъ въ виндзорскомъ дворцѣ!... Но куда жъ я попаду, въ такомъ случаѣ?... Послушайте, милордъ, князь, маркизь, графъ Мекъ-Ферленъ: когда ваше сіятельство, ваша свѣтлость, будете жить въ виндзорскомъ дворцѣ, то вспомните, сдѣлайте милость, о бѣдномъ сэрѣ Джонѣ Рамсе, судья боскобльскомъ, который имѣлъ честь принимать вашу свѣтлость, ваше сіятельство, у себя въ домѣ, и ѣхать съ вами въ одной каретѣ.

Карлъ Стюартъ не былъ расположенъ къ веселости.

— Сэръ Джонъ, сказалъ онъ печально: мнѣ говорили что отецъ мой, въ минуту смерти, наклонился къ уху священника и сказалъ: «Помни!» Это было его послѣднее слово, и я, во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, считаю за долгъ помнить всякое одолженіе, которое для меня кто-нибудь сдѣлалъ.

Сэръ Джонъ растрогался.

— Похвально, похвально, молодой человекъ! сказалъ онъ, сжимая руку Карла. Желаю отъ всего сердца,

чтобы ты впередъ не имѣлъ надобности ни въ чьихъ одолженіяхъ, и скорѣй воротился въ свое воронье гнѣздо, въ одно изъ тѣхъ гнѣздъ, которыя вы, Шотландцы, называете замками своихъ предковъ.

— Благодарю васъ, сэръ Джонъ; но теперь, покуда, я еще долженъ ѣхать на чужую сторону, и Богъ-знаетъ сколько времени тамъ проживу. Вы счастливые: вы поѣдете прямо домой, обрадуете домашнихъ своимъ возвращеніемъ, и, вѣрно, долго не покинете своего мирнаго убѣжища.

— Да, чортъ возьми! теперь ужъ не скоро меня выманять. Довольно я покатался. Сперва въ Ирландію,.... баць! очутился въ Шотландіи; вырвался на свободу, пріѣхалъ домой,.... баць! надобно ѣхать въ Лондонъ; воротился изъ Лондона, не успѣлъ отдохнуть,.... повезли меня, куда?... и самъ чортъ не знаетъ! да еще сверхъ-того я имѣлъ честь ѣхать съ тремя пріятелями, которые всѣ того-гляди попадутъ на висѣлицу.... Нѣтъ! слуга покорный! больше я не ѣздокъ. Пора схватиться за осторожность. Если бы я сидѣлъ дома, такъ кончилъ бы свой «Планъ всеобщаго примиренія», да и дочь моя была бы умпѣ.

— Но миссъ Юдионъ, кажется, и безъ того столько жъ умна; сколько прекрасна, замѣтилъ Карлъ.

— Что она прекрасна, объ этомъ ни слова, отвѣчалъ сэръ Джонъ: но красота не всегда странствуетъ вмѣстѣ съ умомъ, а умъ и любовь ужъ рѣшительно никогда не останавливаются въ одной гостинницѣ. Знаете ли, что она вздумала влюбиться въ этого молодого говорѣтца, который провожалъ насъ нынѣшней ночью? У меня. Мекъ-Ферленъ, нѣтъ другихъ дѣтей: Юдионъ-единственное дитя мое, она — мое сокровище, мое счастье; я люблю ее болѣе самого себя. Если бъ, для ея благополучія, мнѣ нужно было пожертвовать всѣмъ своимъ богатствомъ, я готовъ: я отдамъ все, все! Но выдать ее за врага установленнаго порядка правленія...

— Обстоятельства могут перемениться, сэръ Джонъ, сказалъ Карлъ. Между-тѣмъ Олленъ благородный и храбрый молодой человекъ, я самъ видѣлъ, какъ онъ дрался подь Ворстеромъ, и могу васъ увѣрить, что король его вспомнить. Притомъ Олленъ—дворянинъ стариннаго роду; онъ происходитъ отъ древней фамили, которая въ близкомъ родствѣ съ Мекъ-Каллеморами, родоначальниками дому графовъ Арджайлей.

— Очень радъ, очень радъ, и пусть онъ себѣ женится на самой знатной шотландской барынь, ежели хочеть: я не стану тому противиться; но свататься къ Юдиен.... нѣтъ, ужь мое почтеніе!

— Развѣ онъ сватался?

— Не дальше какъ полчаса назадъ. Я сидѣлъ въ своей комнатѣ. Вдругъ стучатся. «Милости просимъ. Ктѣ тамъ?» Входитъ Мекъ-Коннуиль. «Здравствуйте, сэръ Джонъ». — «Здравствуйте, мистеръ Мекъ.... Микъ....» Ну его къ чорту! — «Послушайте, сэръ Джонъ, говоритъ онъ мнѣ: у меня подь начальствомъ шесть тысячъ Камертоновъ, я владѣю пятнадцатью замками и беру подать со всѣхъ сосѣдей, какъ съ луговыхъ, такъ и съ горныхъ.» То есть, говоря просто, по-англійски, мистеръ Мекъ-чортъ-его-побери — родъ атамана разбойниковъ, который со всѣхъ деретъ кожу.... Прекрасная партія!

— Въ Шотландіи другіе нравы, сэръ Джонъ, сказалъ Карлъ. У меня самого есть тамъ родственники, которыхъ можно упрекнуть въ томъ же, въ чемъ вы упрекаете Ивена; однако жъ моя фамилія пользуется нѣкоторымъ уваженіемъ въ Англии.

— Пожалуй. Да мнѣ-то какая нужда?... Я спросилъ у Мекъ-Коннуиля, къ чему онъ ведетъ свое предисловіе. Мекъ-Коннуиль поклонился и отвѣчалъ: «Младшій братъ мой Олленъ будетъ наследникомъ всего моего богатства и моей власти. У васъ нѣтъ сыновей, у меня нѣтъ сестеръ. Мы можемъ другъ другу дать то, чего у

насъ нѣтъ. Обвѣнчаемте Оллена съ Юдиною.» — Помилуйте, вы съ ума сошли! вскричалъ я. Вотъ славная будетъ картина, какъ боскобльскій судья начнетъ танцовать на свадьбѣ съ врагами установленнаго порядка правленія!... Нѣтъ, мистеръ Мекъ-Коннуиль! я не могу забыть своихъ правилъ и выдать дочь свою за чело-вѣка, котораго мнѣ самому, можетъ-быть, придется осудить на висѣлицу. Вы не знаете, мистеръ Мекъ-Коннуиль, что я сочинилъ трактатъ о....

— Жаль! перебилъ Карлъ. При другихъ обстоятель-ствахъ я уничтожилъ бы всѣ препятствія, которыя вы находите въ этомъ дѣлѣ, но теперь мнѣ остается толь-ко сожалѣть о несчастіи храбраго Оллена и прекрасной Юдины.

Последнія слова обратили на себя вниманіе сэръ Джона.

— Такъ вы думаете, что они будутъ несчастливы? спросилъ онъ.

— Разумѣется: они такъ любятъ другъ друга! И если вы ихъ не соедините....

— Но онъ бунтовщикъ! возразилъ судья.

— Какъ знать? Можетъ-быть, завтра же это будетъ значить, что Олленъ вѣрнѣйшій подданный короля Англіи.

— Но онъ увезетъ дочь мою въ свои горы!

— А вы поѣдете туда стрѣлять дичь.

Сэръ Джонъ задумался.

— Нѣтъ! это не возможно! сказалъ онъ рѣшитель-нымъ голосомъ.

Въ это время послышался крикъ хозяйки трактира.

— Петерсъ! Петерсъ! вонъ скачетъ какой-то про-вѣзкій.... Бѣги! зови его къ намъ! Не то, остановится у сосѣдки Тоутонъ, у этой обманщицы, у отравитель-ницы....

Король свѣшилъ скрыться въ другую комнату, а сэръ Джонъ подошелъ къ окну, и, взглянувъ на про-

взгаго , который былъ еще довольно далеко , отступилъ съ удивленіемъ.

— Кой чортъ? Я гдѣ-то видалъ эту чучелу. Онъ сидитъ на лошади, какъ ученая обезьяна на собакъ. Неужли это.... Такъ!... такъ!... это онъ!

XXIV.

Судья не ошибся : когда Петерсъ подалъ руку подсакававшему всаднику , съ коня полѣзъ Патриксонъ. Прихрамывая , онъ доковылялъ до крыльца гостиницы , и , снявъ треугольную шляпу передъ хозяйкой , которая вышла къ нему навстрѣчу , спросилъ вкрадчивымъ и гнусливымъ голосомъ , съ кошачьей ужимкой , не остановились ли у нея сегодня поутру какіе-нибудь путешественники.

— У меня останавливается вся знать , отвѣчала мистрисъ Розвинтеръ. Моя гостиница не то что шинокъ Бетти Тоутонъ : можно имѣть что угодно.

— Вѣрю , сударыня , сказалъ отставной секретарь. Прикажете же отвести мнѣ комнату. Хотя со мной и не много поклажи , но я расплачусь хорошо.

— Такъ не прикажете ли подать бутылку портвейну?

— Нѣтъ , сударыня , покорно благодарю.

— А! вы любите больше бордоское?... Петерсъ! бутылку бордоскаго , съ зеленой печатью.

— Нѣтъ-съ , нѣтъ-съ! повремените немножко. Я охотнѣе выпилъ бы стаканъ легонькаго пивца : это такъ освѣжительно.

Мистеръ Розвинтеръ пожала плечами.

— Нацѣди ведро холодной воды , Петерсъ , сказала она : это будетъ еще освѣжительнѣе , да и дешевле.

«Экой скареда! думала про себя разсерженная хо-

зайка. А впрочемъ, и можно ли было ожидать чего добраго отъ такого урода?....

Между-тѣмъ Патриксонъ вошелъ въ комнату, и весело улыбнулся, увидѣвъ передъ собою сэръ Джона. Эта встрѣча обѣщала ему счастливые результаты. Патриксонъ узналъ, что какіе-то три офицера, послѣ перестрѣлки съ отрядомъ Блетсона, скрылись близъ Розвелля. Въ то же время ему сказали, что и боскоблѣскій судья съ своею дочерью ухалъ по розвелльской дорогѣ. Стеченіе этихъ обстоятельствъ показалось ему подозрительнымъ: онъ схватилъ лошадь и поскакалъ за судьей. У него было два намѣренія: во-первыхъ, онъ думалъ, что если судья дѣйствительно способствовалъ побѣгу трехъ офицеровъ и между ними находится Карлъ Стюартъ, то, можетъ-быть, онъ успѣетъ захватить Карла и получить парламентскую награду; во-вторыхъ, онъ хотѣлъ запугать судью и тѣмъ принудить его къ согласію на свой бракъ съ Юдиною.

— Имѣю честь свидѣтельствовать почтеніе, сэръ Джонъ, сказалъ отставной приказный, сгибаясь передъ бывшимъ своимъ начальникомъ. Хорошо ли изволили ѣхать?

Сэръ Джонъ, нахмурился, молчалъ.

— А я пріѣхалъ сюда для свиданія съ вами, продолжалъ секретарь: меня привели самыя благія намѣренія.

— Я не нуждаюсь въ твоихъ услугахъ, отвѣчалъ честный судья.

— Можетъ-статься, еще будетъ хуже, ежели вы ихъ отвергнете, возразилъ Патриксонъ. Поговоримъ тихо и скромно, не горячася. Я знаю, съ кѣмъ вы сюда пріѣхали.

— Ну, такъ ты счастливѣе меня, потому что я этого не знаю.

— Конечно, конечно, сэръ Джонъ. Мы съ вами люди приказные; намъ весьма хорошо извѣстно, что запира-

тельство въ такихъ дѣлахъ необходимо. Но изволите видѣть, я знаю, что морской офицеръ, съ которымъ вы ѣхали, находится здѣсь, и мнѣ только стоить сказать одно слово....

— Важную вещь ты сдѣлаешь, захвативши этого офицера!

— А-а! такъ онъ здѣсь?... Прекрасно! Знайте же, почтеннѣйшій мой сэръ Джонъ, что если вы будете вмѣстѣ задержаны, то все ваше имѣніе конфискуютъ, а самихъ васъ осудятъ военнымъ судомъ.

— А я тебѣ скажу, что если ты сейчасъ же не уберешься изъ этой гостинницы, такъ я раздѣлаюсь съ тобой такъ, что ты и въ вѣкъ не забудешь. Тебѣ случилось видѣть, какъ я распоряжаюсь съ своими собаками?

Патриксонъ уже приготовился къ дурному приему и потому сохранилъ все присутствіе духа. Надвѣвъ шляпу, онъ отвѣчалъ:

— Послушайте, сэръ Джонъ. Помните ли вы, что сдѣлали съ лордомъ Ботлеромъ?... А онъ былъ виновать менѣе васъ: онъ только далъ у себя пристанище нѣсколькимъ кавалерамъ. Подумайте же объ этомъ; подумайте говорю вамъ. Я предупреждаю васъ какъ человекъ, который вамъ искренно преданъ; я помню ваши благодѣянія, помню, что вы спасли меня отъ голодной смерти, вывели въ люди.... я помню это, сэръ Джонъ!

— Въ самомъ дѣлѣ? спросилъ добрый судья, обманутый словами и голосомъ Патриксона. Ну, такъ говори же, что у тебя на умѣ?... Только скорѣе!

— У меня на умѣ очень простая вещь, сэръ Джонъ. Одинъ я знаю, съ кѣмъ вы сюда пріѣхали, и ежели я не открою этого секрета, то все кончится благополучно: известная особа уѣдетъ изъ Англии, а мы съ вами позавтракаемъ, да отправимся по домамъ.

— Ты сдѣлаешь доброе дѣло, и въ такомъ случаѣ я, можетъ-статься, перемѣню свое мнѣніе о твоей нравственности.

— Какъ вамъ угодно, сэръ Джонъ; но я помню, что вы мой благодѣтель.... Конечно, если бы я донесъ, то мнѣ выдали бы награду, обѣщанную парламентомъ.... Я человѣкъ бѣдный: это дало бы мнѣ возможность спокойно дожить свой вѣкъ; но.... Да, сэръ Джонъ! я помню, что вы мой благодѣтель: я закрываю глаза, затыкаю уши, ничего не слышу, ничего не вижу, молчу.

— Ты честный человѣкъ, Патриксонъ! вскричалъ судья.

Патриксонъ раскрылъ табакерку, понюхалъ табаку, и, какъ-будто невзначай, взялъ платку изъ рукъ сэръ Джона.

— Теперь поговоримте же обстоятельнѣе, продолжалъ онъ. Я спасу васъ, вашу дочь, вашихъ друзей, ваше имѣніе. Это стѣитъ нѣкоторой награды, и мнѣ кажется, я не потребую лишняго, если.... если попрошу, что-бы вы.... отдали за меня миссъ Юдионъ.

— За тебя миссъ Юдионъ?....

Судья чуть не упалъ въ обморокъ.

— За тебя миссъ Юдионъ?.... дочь мою?.... Патриксонъ, висарь, сынъ цирюльника, хочетъ быть моимъ зятемъ!.... дочери моей выйти за Патриксона, называться мистрисъ Патриксонъ!....

— Не горячитесь, сказалъ отставной секретарь, найдя нужнымъ попятиться: вѣрно, здѣсь есть караулъ, и дѣла въ одну минуту могутъ совершенно....

Но Патриксонъ не успѣлъ договорить: въ лицѣ сэръ Джона выразилось такое бѣшенство, что онъ безъ дальнихъ околичностей, кинулся бѣжать вонъ, и, увидѣвъ вдали двухъ солдатъ, которые входили въ трактиръ Бетти Тоузонъ, думалъ про себя: «Ну, ладно! Не удалось одно, такъ удастся другое: я теперь на-

вѣрное знаю, что Стюартъ здѣсь, и чортъ меня побери, если онъ ускользнетъ отъ меня!»

Между-тѣмъ сэръ Джонъ, пыша гнѣвомъ, вошелъ въ особую комнату, гдѣ мистеръ Годдльстонъ, сидя возлѣ Юдиенъ, старался утѣшить плачущую дѣвушку, а Карлъ Стюартъ въ другомъ углу, успокаивалъ молодого Камерона.

— Мекъ-Ферленъ! вскричалъ сэръ Джонъ : вы можете сказать мистеръ Мекъ-Коннуилу, что я согласенъ на его предложеніе, только чтобъ свадьба была сейчасъ. Здѣсь есть священникъ, свидѣтели : и дѣло кончено!

Олленъ и Юдиенъ устремили глаза на сэръ Джона.

— Да, дочь моя! продолжалъ судья. Ты его любишь, онъ тебя любитъ : такъ и вѣнчайтесь! Не хочу, чтобы кто-нибудь сказалъ, будто я помѣшалъ твоему счастью.... Эхъ, Боже мой! да что же ты, молодой человекъ, плачешь словно ребенокъ? развѣ мое согласіе тебѣ не нравится?

— Ахъ, сэръ Джонъ!....

Олленъ упалъ къ ногамъ старика и обнялъ его колѣни.

— Ну, полно, вставай же! сказалъ судья, стараясь скрыть свое внутреннее волненіе : вставай, мой другъ!.... Я виноватъ передъ тобою.... я былъ несправедливъ.... Ты благородный, добрый молодой человекъ.

Юдиенъ, краснѣя какъ розанъ, приблизилась къ отцу и спрятала лицо свое на его груди.

— Папенька!....

— Полно.... полно, Юдиенъ!.... Не то, и я сдѣлаюсь такимъ же ребенкомъ, какъ вы.

Сэръ Джонъ былъ въ восхищеніи. Сладкая мысль, что онъ составляетъ счастье своей дочери, совсѣмъ изгнала изъ головы его память о Патриксонѣ. Черезъ нѣсколько минутъ, всѣ двери были заперты, женихъ съ

невѣстой стали рядомъ на колѣни, присутствующіе сняли шляпы, и мистеръ Годдльстонъ началъ совершать брачный обрядъ.

Между-тѣмъ Патриксонъ вбѣжалъ въ трактиръ Бетти Тоутонъ, и едва не вспрыгнулъ отъ радости, увидѣвъ тамъ въ-сборѣ всю мѣстную земскую стражу. Земледѣльцы-воины сидѣли вокругъ стола, и, подъ густыми облаками табачнаго дыму, горланили что есть силы пѣсню, такъ что стекла дребезжали въ окончинахъ. Патриксонъ не могъ отличить, кто изъ нихъ предводитель, и, обратившись къ пожилой женщинѣ, которая отличалась дородностью и мужиковатыми чертами лица, спросилъ у нея, гдѣ начальникъ этой храброй команды.

— Подъ столомъ, отвѣчала она.

— Подъ столомъ?....

— Да.... Вольно госпожѣ Деборъ рассказывать, будто я продаю только одно пиво! Пусть-ка она у себя пощетъ такого портеру, отъ котораго бы человекъ повалился съ ногъ на четвертой бутылкѣ!

— На третьей! перебилъ дюжій сержантъ : ты, старая колдунья, присчитываешь!

— Ну, ну! проворчала хозяйка : заплатишь и за четыре!

Патриксонъ не зналъ къ кому обратиться, и вздумалъ начать съ сержанта.

— Господинъ сержантъ! именемъ закона предлагаю вамъ слѣдовать за мной съ своими подчиненными.

— Что тутъ каркаетъ эта ворона? сказалъ сержантъ, стараясь установить на Патриксонъ свои помутившіеся глаза. А!... мое почтеніе!... Если вы знали нашего поручика, то прошу покорно садиться. Мы отправили его погребеніе, и плачемъ.... плачемъ..... Не мѣшайте намъ..... Развѣ хотите также плакать и заплатить за все пиво?....

Сержантъ подалъ бутылку приказанному: Патрикссону было не до того.

— Пожалуйста, господинъ сержантъ, сказалъ онъ : ступайте за мною. Я заплачу, если хотите, за цѣлую бочку пива : только ступайте.

— Право за бочку? спросилъ сержантъ.

— Увѣрю васъ.

— Иду!

Сержантъ подобралъ свою саблю, перчатки и шляпу; потомъ взялъ со стола бутылку, осушилъ ее за одинъ пріемъ, и хотѣлъ-было выйти изъ комнаты, но ноги его задрожали, тѣло стало качаться изъ стороны въ сторону : онъ не могъ сдвинуться съ-мѣста.

— Погодите! сказалъ онъ : по.... годите!.... Комната завертѣлась кругомъ.... Дайте ей остановиться....

— О! чортъ возьми! вскричалъ Патриксонъ. Вотъ какъ здѣсь смотрятъ за берегомъ!... Можно надѣяться на такую стражу!

— Чтò? чтò? подхватилъ одинъ молодой солдатъ, подбѣгая къ Патрикссону съ обнаженною саблей. Ты говоришь, что здѣсь худо смотрятъ за берегомъ?... Да кто ты таковъ?... Вотъ мы увидимъ, хорошо ли здѣсь смотрятъ.... Подайвай свой паспортъ!

Патриксонъ, въ-торопяхъ, забылъ-позаботиться о паспортѣ; но зато у него были деньги. Вынувъ изъ кармана нѣсколько шилинговъ, онъ успокоилъ исправнаго солдата, и видя, что наличная монета оказываетъ здѣсь свое обыкновенное дѣйствіе, рвнулся на чрезвычайную мѣру, — взмогнулся на стулъ и провозгласилъ громкимъ голосомъ :

— Кто хочетъ заработать пятьдесятъ фунтовъ?

— Пятьдесятъ фунтовъ!

Всѣ солдаты притихли, въ глазахъ ихъ блеснули лучи здраваго смысла. Патриксонъ замѣтилъ это и продолжалъ :

— Да! я выдамъ пятьдесятъ фунтовъ, наличною те-

дичею золотую монетою, тѣмъ, кто за мною послѣдуетъ.

— А куда идти? спросилъ одинъ голосъ.

— Задержать двухъ мужчинъ да женщину, отвѣчалъ Патриксошъ.

— Не ходите, ребята, сказала хозяйка: это, вѣрно, какой-нибудь ростовщикъ, хочетъ поймать своихъ должниковъ....

— Молчи, старая вѣдьма! закричалъ приказный: тутъ дѣло не о должникахъ, а объ важномъ государственномъ преступникѣ!

— Право?... Да гдѣ онъ?

— Въ гостиницѣ Трехъ-Шиллинговъ.

— Въ гостиницѣ Трехъ-Шиллинговъ? подхватила хозяйка. Ступайте, ребята! ступайте скорѣй!.... А, красавица! такъ вы вотъ какъ?.... Пстой же! мы съ вами раздѣлаемся: перестанешь говорить, что я продаю только пиво!.... Ну, что жъ вы, пьяницы?.... Въ походъ! маршъ!.... Если вы сейчасъ не пойдете и не обшарите всю харчевню Деборы, съ чердака до погреба, такъ я вамъ и капли въ долгъ не повѣрю!

Этотъ окончательный аргументъ произвелъ надлежащее дѣйствіе: всѣ, у кого ноги были покрѣпче, встали и, пошатываясь, выступили за Патриксошомъ. Бетти Тоутонъ шла возлѣ него и утѣшала себя пророчествомъ разныхъ несчастій, долженствовавшихъ пасть на голову ея соперницы.

Черезъ нѣсколько минутъ, которыя показали Патриксошу столѣтіями, грозный отрядъ земской стражи подошелъ къ гостиницѣ мистрисъ Дебары Розвинтеръ. Мистрисъ Дебара стояла въ дверяхъ, и, увидѣвъ этихъ богатырей, весело пошла жъ имъ навстрѣчу.

— Что прикажете, господа слушныя!

— Сію-минуту ведите насъ въ комнату, гдѣ у васъ востояльца! отвѣчалъ Патриксошъ. Ребята, впередъ!

— Петеръ! спокойно сказала мистрисъ Розвинтеръ:

принеси самого лучшаго пива этой почтенной компаніи. Я беру угощеніе на свой счетъ..... Милости просимъ! Здравствуй, Бобъ! Здравствуй, Тони! Здорова ли твоя жена, Христіанъ?

Солдаты побросали оружіе, и провозгласили ура въ честь гостепріимной мистрисъ Розвинтеръ. Напрасно Патриксонъ говорилъ имъ объ обыскѣ: никто не хотѣлъ его слушать. Всѣ сѣли вокругъ стола и принялись бражничать. Бѣдный секретарь принужденъ былъ уйти изъ комнаты отъ страшнаго крику.

— Чортъ возьми! сказалъ онъ: хороша выдумка — земская стража!.... Да послушай же ты, проклятая! прибавилъ онъ, въ ярости подбѣгая къ хозяйкѣ: скажи мнѣ по-крайней-мѣрѣ, гдѣ эти путешественники, которые остановились у тебя сегодня?

— Гдѣ эти путешественники? повторила мистрисъ Розвинтеръ съ дѣтскимъ равнодушіемъ.

— Ну, да!.... да!

Патриксонъ, не дождавшись отвѣту, кинулся бѣгать по комнатамъ.

— Ищи! пробормотала сквозь зубы хозяйка: соколы улетѣли, и слѣдъ простылъ!

XXV.

Бѣглецы въ самомъ дѣлѣ тогда уже подходили къ берегу, гдѣ ихъ ожидали два брика, одинъ отплывавшій во Францію, а другой въ Шотландію. Король шелъ впереди: онъ былъ задумчивъ, и въ молчаніи слушалъ донесенія Годдльстона. За ними слѣдовали сэръ Джонъ и Мекъ-Коннуль: почтенный боскобльскій судья задыхался отъ скорого шествія. Молодая чета составляла послѣднюю пару. Они пробирались по песчаной отмели, возлѣ самой воды: свѣтлыя волны съ шумомъ раздроблялись у ногъ ихъ. Вдали восходило солнце; небо

и море были подернуты розовыми отбѣнками; нѣсколь-
ко рыбацкихъ судовъ дремало у берега : оттуда нес-
лись голоса рыбаковъ , вверху раздавался печальный
крикъ чайкъ.

Берега Англiи представляютъ унылое зрѣлище. Пе-
ски и бѣлыя скалы, которыми окаймлена она , поселя-
ютъ въ душѣ грустное чувство и заставляютъ неволь-
но задумываться. Воспоминанiе о нихъ долго преслѣ-
дуетъ самыхъ грубыхъ матросовъ , а какъ-скоро чело-
вѣкъ, которому суждено испытать это чувство, одаренъ
душою воспрiимчивою и нѣжною, то впечатлѣнiе дѣ-
лается непреодолимымъ. Юдиѣ и Олень извѣдали его
на себѣ : ихъ разговоръ непримѣтнымъ образомъ оту-
манился грустью , которою часто сопровождается сча-
стiе.

— Дай мнѣ свою руку, Юдиѣ, говорилъ Олень.
Мнѣ надо увѣриться.... Боже мой ! неужели это прав-
да? неужели ты въ самомъ дѣлѣ жена моя?... Такъ!...
такъ ! это ты, точно ты.... ты жена моя!.... О ! какъ
ты прекрасна, Юдиѣ !

Молодая женщина краснѣла и отнимала свою руку,
колеблясь между супружескою любовью и дѣвичьею
стыдливостью.

Такимъ образомъ они пришли на высокiй мысъ, ко-
торый выдавался далеко въ море. Утомленный сэръ
Джонъ не могъ дойти до его оконечности, гдѣ ждали
двѣ шлюпки : онъ сѣлъ на камень и погрузился въ раз-
мышленiе о томъ, какъ ему согласить свой настоящiй
поступокъ съ идеями, изложенными въ его трактатѣ объ
установленномъ порядкѣ правленiя. Между-тѣмъ Карлъ
Стюартъ, стоя на возвышенной оконечности мыса, гля-
дѣлъ печально на горы, рисовавшiяся вдаль, на краю
горизонта : казалось, ему было тяжело оторваться отъ
береговъ Англiи. Друзья окружали несчастнаго госуда-
ря. Никто не смѣлъ говорить.

— Такъ все кончено? сказалъ наконецъ Карлъ : я

долженъ вкаты?... мнѣ не быть счастливиѣ отца... Но, Боже мой! самыя опасности имѣютъ здѣсь для меня прелесть невъяснимую, и кажется, я былъ бы доволенъ, если бы жилъ хоть въ рыбацкѣй хижинѣ, лишь бы на берегу Англии.... Воздухъ отчизны такъ сладокъ!

— Государь, сказалъ Ивенъ: если вашему величеству угодно отправиться въ Шотландію, то мы еще можемъ поднять всѣ западные кланы.

— Нѣтъ, Ивенъ, возразилъ Карлъ. Дѣло мое не можетъ скоро принять хорошаго оборота: преданность небольшого числа вѣрныхъ друзей, каковъ ты, не въ состояніи переменить направленія обстоятельствъ, и я лучше хочу быть изгнанникомъ, нежели видѣть подданныхъ своихъ въ распрѣ другъ съ другомъ.

Мекъ-Коннуилъ печально взглянулъ на свою клеймѣру.

— Прощайте, друзья мои! продолжалъ Карлъ послѣ нѣкотораго молчанія. Вернитесь съ миромъ въ свои родныя горы. Тамъ еще много сердець, которыя бьются для Карла. Скажите имъ о моихъ несчастіяхъ; скажите, что я уѣхалъ.... уѣхалъ, можетъ-быть, навсегда!

Король закрылъ лицо обѣими руками. Все плакали, и нѣсколько минутъ глубокая тишина, прерываемая только всхлипываніями друзей Карла, господствовала надъ сценой. Сэръ Джонъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что все провожающіе Мекъ-Ферлена стоятъ безъ шлепъ, и не зналъ, чему приписать это необыкновенное уваженіе, эту горесть, какъ вдругъ раздался крикъ Таттершаля.

— Пора, пора! кричалъ шкиперъ. Вѣтеръ дѣлается свѣжѣе: надо имъ воспользоваться!

Карлъ Стюартъ прощалъ глазами по всѣмъ присутствующимъ и оставилъ свой задумчивый взглядъ на Юдиенъ.

— Прощайте, сударыня, сказалъ онъ. Будьте счаст-

ливы. Я не знаю другой особы, которая бы заслуживала этого столько, какъ вы.

— Ваше величество, перебилъ Годдльстонъ : вы тратите время.... Пора!

— Да, пора! отвѣчалъ Карлъ, почти безъ памяти. Прощайте.... прощайте, друзья мои!

Мекъ-Копнуиль преклонилъ колѣно, и съ благоговѣніемъ поцѣловалъ руку Карла. Всѣ послѣдовали его примѣру. Тутъ только сэръ Джонъ догадался, кто таковъ этотъ таинственный Мекъ-Ферленъ. «Ахъ, Боже мой! думалъ онъ : что теперь скажетъ про меня установленное правительство?.... У меня въ карманѣ предписание арестовать Карла, а я принималъ его у себя, пилъ съ нимъ вино, провожалъ его въ своей каретѣ до Шордема.... Да я думаю, нѣтъ ни одного самаго отчаяннаго стюартиста, который бы перещеголялъ меня!»

Сэръ Джонъ всталъ и пошелъ къ оконечности мыса. Дурное расположеніе духа ясно отражалось въ его физиономіи. Пуще всего, онъ бѣсился на то, что теперь Патриксонъ конечно займетъ его мѣсто и еще, пожалуй, будетъ судьей своего начальника.

— Такъ нѣтъ же! нѣтъ! вскричалъ наконецъ сэръ Джонъ : не удастся ему!.... Въ чемъ состоитъ мое преступленіе? Въ томъ, что я проводилъ своего пріятеля до Шордема. Этотъ пріятель былъ Карлъ Стюартъ?.... А почему я знаю, что Карлъ?

Между-тѣмъ король, увидѣвъ сэръ Джона, пошелъ къ нему навстрѣчу. Судья надвинулъ шляпу на самыя брови и принялъ сердитый видъ. «Я не хочу его узнавать, думалъ онъ : я имѣю дѣло не съ Карломъ. Если бы мнѣ было извѣстно, что это онъ, то я.... Ахъ, чортъ возьми! что со мной дѣлается?.... Голова такъ и вертится, какъ колесо, чѣмъ ближе онъ ко мнѣ подходитъ!.... Ахъ, этотъ негодяй Патриксонъ! если бы онъ теперь мнѣ попался, я заставилъ бы его пропля-

сать!.... Гдѣ онъ съ своей земской стражей?.... Пусть сунется! ну, ну! пусть сунется!

Между-тѣмъ Карлъ приближался. Замѣтивъ выраженіе грусти на благородномъ и прекрасномъ лицѣ его, судья былъ растроганъ до глубины сердца. Напрасно онъ кусалъ губы, проклиналъ Патриксона, и въ отчаяніи взывалъ мысленно къ своимъ политическимъ мнѣніямъ, къ идеямъ, изложеннымъ въ знаменитомъ трактатѣ объ установленномъ порядкѣ правительства: ничто не помогало! Карлъ еще издали протянулъ къ нему руку.

«Вотъ! думалъ сэръ Джонъ: теперь онъ станетъ со мной говорить.... Тьфу, ты пропасть! я совсѣмъ растерялся... точно какъ въ тотъ день, когда меня представляли королю Іакову!»

— Я сейчасъ уѣзжаю, сказалъ Карлъ Стюартъ: и черезъ нѣсколько часовъ не буду болѣе видѣть береговъ Англіи. Вамъ обязанъ я печальнымъ удовольствіемъ благополучно добраться до здѣшняго мѣста. Пріймите мою признательность. Вы думали, что дѣлаете добро бѣдному шотландскому дворянину: васъ благодарить Карлъ Стюартъ.

При этомъ имени сэръ Джонъ невольно приподнялъ руку къ шляпѣ, но, вдругъ одумавшись, вмѣсто того чтобы снять ее, сильно ударилъ по верхушкѣ тульи и надвинулъ шляпу почти на носъ.

— Вашъ образъ мыслей не позволяетъ вамъ узнать меня, сказалъ Карлъ благосклонно. Но успокойтесь, сэръ Джонъ: передъ вами не король Англіи, а старый вашъ другъ Мекъ-Ферленъ. Неужели вы не пожмете руки Мекъ-Ферлену?

Эти слова совсѣмъ опрокинули вверхъ дномъ душу сэръ Джона. Онъ схватилъ руку Карла и остолбенѣлъ, не зная что дѣлать, не смѣя ни пожать ни пустить ее. Губы его тряслись, въ глазахъ были слезы; онъ что-то бормоталъ и не могъ ничего выговорить, наконецъ

поднесъ руку Карла къ губамъ, упалъ на колѣни и вскричалъ : — Ну къ чорту наше установленное правительство !

— Nonni soit qui mal y pense ! вполголоса произнесъ Карлъ, наклонясь къ сэръ Джону.

Черезъ нѣсколько минутъ, двѣ шлюпки отвалили отъ берега : на одной былъ Карлъ, на другой друзья его. Последнiе вѣхали молча. Олень, сидя возлѣ Юдиои, слѣдовалъ глазами за королемъ.

— Онъ уѣзжаетъ одинъ, безъ друзей, безъ подданныхъ, сказала Юдиоѣ, отирая слезы.

Олень вздрогнулъ. Собственное счастье не позволяло ему понимать несчастiя Карла : теперь онъ его понималъ.

— Мы всѣ бросили своего государя, шепнулъ онъ, пожимая руку Юдиои.

— А если бы онъ былъ въ другихъ обстоятельствахъ, сказала она : если бы онъ сидѣлъ на своемъ престолѣ, тогда мы всѣ толпились бы около Карла!.... Смотри, Олень : онъ намъ машетъ платкомъ.

— Боже мой! вскричалъ молодой человекъ : сердце мое разрывается, что при немъ нѣтъ ни одного вѣрнаго человека. Но брату непременно должно вѣхать въ Шотландiю : король далъ ему порученiе. Мистеръ Годдльстонъ также не можетъ провожать Карла : онъ послѣдняя надежда католиковъ въ нашихъ горахъ. Кто же.....

Олень задумался. Лицо его краснѣло и блѣднѣло попеременно ; глаза горѣли. Видно было, что молодой Камеронъ находится въ страшномъ душевномъ волненiи. Наконецъ онъ взялъ опять руку Юдиои и шепнулъ ей на ухо :

— Я долженъ вѣхать, Юдиоѣ : кромѣ меня, некому быть при Карлѣ.

— Вѣхать? вскричала испуганная женщина. О! нѣтъ....

нѣтъ! Разлучиться теперь? въ эту минуту?... Нѣтъ! это не возможно!

— Но безъ того, король будетъ одинъ на чужой сторонѣ. Мой долгъ требуетъ, чтобы я вѣчалъ.

— Такъ и я поѣду съ тобою, сказала Юдиень. Во Франціи, на краю свѣта.... гдѣ хочешь: лишь бы ты былъ возлѣ меня, мнѣ вездѣ отечество!.... Да, Олень! тебѣ надобно вѣхать, и мы поѣдемъ вмѣстѣ.

— Нѣтъ, Юдиень, отвѣчалъ молодой человекъ. Тебѣ нельзя за мной слѣдовать. Богъ-знаетъ что можетъ случиться. И притомъ, твое мѣсто возлѣ отца. Онъ теперь также изгнанникъ, ѣдетъ на чужую сторону, гдѣ у него нѣтъ ни старинныхъ друзей ни удобствъ, къ которымъ онъ привыкъ изстари. Ежели ты его бросишь, онъ умретъ съ горя.

Юдиень опустила глаза и не смѣла противурѣчить.

— Я не въ силахъ буду разстаться съ тобою, если ты станешь плакать, сказалъ ей Олень. Вспомни, милая, какъ ты освободила меня въ лочельскомъ лѣсу. Ты тогда сама посылала меня сражаться за Карла, а въ то время Карлъ имѣлъ еще и придворныхъ и генераловъ и армию. Теперь онъ одинъ, изгнанникъ, бѣглецъ.... и ты меня удерживаешь!

— Нѣтъ, Олень! сказала Юдиень, стараюсь возбудить въ себѣ твердость: я не буду тебя удерживать. Ты долженъ вѣхать съ королемъ: поѣзжай!

Въ это время шлюпка причалила къ брику. Всѣ пассажиры, кромѣ Оллена и Юдиени, взошли на бортъ. Это была минута прощанія. Молодые супруги глядѣли другъ на друга и не говорили ни слова.

— Дожидайся меня возлѣ моей доброй матери, наконецъ сказалъ Камеронъ. Можетъ-статься, я ворочусь скоро.... можетъ-быть!.... Вспоминай про меня въ разлукъ!

— Я не буду жить, пока ты не воротишься!

Юдиень упала на грудь своего мужа. Олень припод-

нялъ ея голову. Глаза молодой женщины были закрыты, лицо блѣдно какъ полотно. Несчастный мужъ посмотрѣлъ на нее съ глубокою горестью и поцѣловалъ въ блѣдныя губы. Это былъ первый ихъ поцѣлуй.

— Увѣжай! увѣжай! закричала Юдиноѣ, вырвавшись изъ его объятій. Если ты еще здѣсь останешься, я не отпущу тебя.... Прощай!

Она бросилась къ траппу и проворно взбѣжала на бортъ шотландскаго брика. Между-тѣмъ шлюпка понесла Оллена къ королевскому кораблю. Таттершалъ ужъ снимался съ якоря. Карлъ стоялъ на кормѣ и печально смотрѣлъ на берегъ. Олленъ присталъ съ другой стороны, и, чтобы король не видалъ его, тотчасъ скрылся подъ палубу. Подняли паруса : брикъ тронулся съ мѣста.

Въ это время Патриксонъ, задыхаясь отъ бѣшенства и усталости, прибѣжалъ къ берегу, въ сопровожденіи двухъ солдатъ, которые одни устояли на ногахъ изъ всей храброй команды. Онъ опоздалъ.

XXVI.

Мы не знали бы, гдѣ почерпнуть извѣстія о развязкѣ этой исторіи, если бы случай не свелъ насъ съ нынѣшнимъ владѣльцемъ зѣмка Бѣлыхъ-Красавицъ. Мы встрѣтились съ нимъ на батскихъ водахъ. Разумѣется, что исторія прежнихъ хозяевъ зѣмка была не послѣднимъ предметомъ нашихъ бесѣдованій. Спустя нѣсколько времени, онъ доставилъ намъ три слѣдующія письма, которыя были найдены имъ въ бумагахъ фамилии Аррингтоновъ.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Отъ саръ Джона Рамсе къ леди Аррингтонъ, жительствующей у мистера Матиаса Трагмортонъ, публичнаго маклера, въ Стаффордъ.

Монсieur, 15 мая 1660.

Милостивая государыня и любезнѣйшая моя пріятельница,

Съ большимъ удовольствіемъ усмотрѣлъ я изъ письма вашего, что дражайшій внукъ вашъ, Артуръ, кончилъ курсъ въ оксфордскомъ университетѣ. Спрашиваете вы моего мнѣнія, какую выбрать ему дорогу. Старый Матиасъ, говорите вы, совѣтуетъ ему вступить въ военную службу на твердой землѣ. Признаюсь, я не думалъ, чтобы чловѣкъ, занимающійся письменными дѣлами, сталъ подавать такіе совѣты, но съ другой стороны нахожу, что Матиасъ, пожертвовавшій цѣлою половиною своего капитала на то, чтобы дать Артуру приличное воспитаніе, говоритъ весьма дѣльно. Видно, старикъ всё-еще воображаетъ себя управителемъ въ замкѣ Бѣлыхъ-Красавицъ, и я увѣренъ, что когда Артуръ поѣдетъ во Францію, онъ препорядочно набьетъ ему кошелекъ, чтобы молодой графъ Аррингтонъ могъ явиться приличнымъ образомъ во дворецъ версальскомъ.

Желаю отъ всего сердца, чтобы отъездъ Артура состоялся какъ можно скорѣе, потому что вы не должны надѣяться владѣть опять своими помѣстьями, какъ я охотился на мельницъ Гумфри. Смерть Кромвелля, конечно, могла возбудить нѣкоторыя надежды, но послѣдняя неудачная попытка Кавалеровъ все испортила. Горячія головы смяются надъ парламентомъ, а члены парламента и знать этого не хотятъ. Слѣдственно, какъ ни плохо, а надобно жить при установленномъ порядкѣ правленія. Я всякой день твержу это мистеръ Мекъ-Коннуилу.

Скажите отъ меня графу Артуру, что когда онъ будетъ при французскомъ дворѣ, то пуще всего долженъ угождать старымъ барынямъ. Что касается до молодыхъ, это ужъ его дѣло; только пусть онъ помнитъ слова мистера Вилліама Шекспира: «Женщина въроломна какъ море». Въролят-

но, угривая бродить немного дружок между прилавочными, потому что онъ бабака; но это имать свою хорошую старину : забавить его отъ опасной саранчи, которую называютъ лстецами. Также совѣтую ему не подходить ближе къ зеленымъ столамъ; гдѣ играютъ въ фараонъ; если же онъ накупитъ деньжонокъ, тамъ пусть беретъ ихъ для бабушки, потому что бабушка, можетъ быть, станетъ нуждаться въ его помощи прежде нежели какъ она думаетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, мы съ вами ужъ не молодые люди, а Трагмортонъ и еще старше насъ : слѣдственно, не долго будетъ служить вамъ подпоркою. Чтò тогда, какъ его не станеть? Въ Шотландію вы не поѣдете, а пріѣхать къ вамъ я не могу. Наше житье здѣсь довольно пріятно, по-крайней-мѣрѣ спокойно. У насъ есть обширные огороды, стада, и множество дичи; только одного нѣтъ : денегъ; но это, кажется, вещь самая ненужная въ здѣшнихъ горахъ. Мекъ-Коннуэль имѣлъ прежде много и серебра и золота, да все ушло на кампанію 1652 года. Теперь онъ голъ какъ соколъ. Надати платять ему натурой, а денегъ ни гроша. И потому, когда мы съ нимъ засядемъ играть въ трикъ-тракъ, такъ знаете ли, чтò ставимъ на-конъ? Барана, козу. Выиграешь барановъ съ полдюжины, да и не знаешь, куда съ ними дѣваться. Пастбища, правда, славныя и не насмныя.

Пишите ко мнѣ почаще. Не получая объ васъ ни какого вѣстія, мы уже стали было беспокоиться, не растравила ли осень вашего ревматизма. Юдиень съ тоски пронадала, что не можетъ подать вамъ помощи. Добрая дѣвушка : когда у меня случится подагра и начну я капризничать, она подойдетъ, улыбнется, и.... какъ рукой сниметъ! Жаль только, что бадняжка совсѣмъ перемѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ вы ее видѣли; конечно, она по-прежнему хороша и кротка, и послушна и ласкова, но сердце ея крѣпко болитъ. Вотъ ужъ болѣе году не получаемъ писемъ отъ Оллена. Перехватываютъ ихъ, чтò ли, не знаю; а можетъ-статься, зятя моего и въ живыхъ нѣтъ. У насъ всѣ про себя такъ думаютъ, только никто говорить не смѣетъ.

Прощайте, моя дражайшая и любезнѣйшая пріятельница! Хотя Юдиень старается скрывать отъ меня свою грусть, однако жъ я часто вижу поутру, что она всю ночь не спала.

Я самъ нынче нерѣдко провожу ночи безъ сна. Куча работы: оканчиваю свой «Плачь всеобщаго примиренія». Хотѣлось бы напечатать, и я заранѣе прошу васъ благосклонно принять экземпляръ моей книги.

Не услышите ли Артуръ чего-нибудь объ Оленъ во Франціи? Прошу его тотчасъ меня извѣстить. Все наше семейство ужасно беспокоится.

Преданный вамъ другъ
Джонъ Рамсе.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Отъ того же къ той же.

Лодіель, 20 июня 1660.

Возможно ли, моя любезнѣйшая и добрѣйшая леди?... У меня голова совсѣмъ вскружилась отъ этой новости.... Карлъ Стюартъ въ Лондонъ! внукъ Іакова на престолѣ своихъ предковъ!.... Да полно, не сонъ ли это? точно ли правда, что войско, народъ и парламентъ приняли его съ распростертыми объятіями, какъ милаго сына, который, послѣ долгаго странствованія, возвратился въ нѣдра семейства?

Когда эта новость пришла къ намъ въ Шотландію, я печаталъ въ Глеско свои сочиненія, и мнѣ было очень досадно, что они печатались не въ Дувръ: въ такомъ случаѣ, при проздѣ короля черезъ этотъ городъ, я поднесъ бы его величеству экземпляръ своего «Трактата объ установленномъ порядкѣ правленія». Эта книга начата мною при королѣ Іаковѣ, и появленіе ея въ свѣтъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ очень эффектно.

Покорнѣйше благодарю за подробное описаніе счастливаго возвращенія короля въ столицу. Это событіе радуетъ меня не потому только, что я имѣлъ честь ѣздить въ придворныхъ каретахъ его величества, но, главное, потому, что я остался совершенно вѣренъ своимъ правиламъ, какъ это сегодня же очень ясно доказано мною мистеръ Мекъ-Коннуилю, который, по свойственной горцамъ простотѣ, никакъ не можетъ постигнуть моей системы.

Первое известіе о прибытіи короля въ Лондонъ принесъ сюда одинъ-негодяй, по имени Кольдокъ. Съ той минуты, у насъ вся словно съ ума сошла : плачутъ, хохочутъ, падаютъ, останавливаютъ проезжихъ на дорогъ, заводятъ ихъ въ замокъ, и тутъ, хоть бы имъ до-зарьзу было нужно скорѣе отправиться, не пускаютъ ихъ до тѣхъ воря, пока они не выпьютъ и не спокуютъ въ честь короля Карла Второго. Мекъ-Коннуиль велѣлъ собрать въ замокъ всѣхъ окрестныхъ вольничиковъ. Они съ утра до ночи надуваютъ свои вольнки, и у насъ идетъ такой гвалтъ, что трудно себя представить. Но горцы находятъ эту музыку очень пріятною, и, собравшись въ кружки, безъ разбору какая на комъ тартана, красная или черная или зеленая, скачутъ-себя до упаду. Смотря на нихъ, какъ они веселы и довольны другъ другомъ, мудроно повѣрить, что эти люди, въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ, живутъ между собою какъ кошки съ собаками и готовы всегда на ножи. Теперь ножи ихъ употребляются только на разрыванье баранины, которою угощаетъ ихъ предводитель камеронскаго клана : вотъ какъ все можетъ переѣниться !

Всякой день являются къ намъ новые выходцы изъ изгнанія, кто изъ Голландіи, кто изъ Испаніи, а больше изъ Франціи. По ихъ словамъ, въ Англіи также вся помѣшалась отъ радости, какъ у насъ. О несчастіяхъ своихъ они теперь ничего не рассказываютъ : все позабыли.

Каждый день ожидаемъ Олена. Богъ-знаетъ, что съ нимъ случилось : онъ къ намъ не писалъ. Со времени возвращенія государя, мы всякое утро ходимъ гулять на стирлингскую дорогу, но возвращаемся всё одни. Можете вообразить, какъ веселы мнѣ эти прогулки : я вожу подъ-руку старую мистрисъ Мекъ-Коннуиль ; она не говоритъ на другомъ языкъ, кромъ шотландскаго, а я по-шотландски ни слова не разумю.

Прощайте графиня. Богъ дастъ, скоро увидимся.

Вашего сіятельства
покорнѣйшій и почтительнѣйшій слуга
Джонъ Рамсе.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

Отъ того же къ той же.

Лондонъ, 17 августа 1860.

Милостивая государыня,

Не знаю, гдѣ васъ застанетъ это письмо; въ Стаффордъ или въ наследственномъ вашемъ замкѣ Блэйхъ-Красавицъ. Меня весьма беспокоитъ мысль; что послѣднія душевныя потрясенія могли имѣть вредное вліяніе на ваше здоровье. Я знаю по опыту, что сильная радость не очень здорова для человѣка нашихъ съ вами преклонныхъ лѣтъ. Намъ надобно жить спокойную, тихую, однообразную: Такъ именно и хочу я распорядиться собою на будущее время. Полно мнѣ плакать и хохотать: я, на своемъ вѣку, довольно похоталъ и поплакалъ. Впередъ у меня не будетъ ощущеній сильнѣе тѣхъ, какія испытываю я, играя въ трикъ-тракъ или пожимая руку добраго пріятеля за бутылкой стараго бордоскаго. Иначе, меня не достанетъ: куда мнѣ бороться съ такими сценами, какова была, напримеръ, вчерашняя! Но надобно, чтобы я вамъ рассказывалъ, что съ нами вчера случилось.

Вечеромъ, вернувшись съ прогулки, мы вѣсь принесли въ залу и были, по обыкновенію, гораздо печальнѣе нежели какъ при отъѣздѣ на прогулку. Юдиль потихоньку плакала; Мекъ-Коннуиль, не говорившій ни слова съ самаго утра, ходилъ въ глубокой задумчивости по комнатѣ. Вдругъ онъ остановился передъ Юдилью и говоритъ: — Ободритесь, сестрица. Я даю вамъ слово, что вы скоро получите вѣсти объ Олленъ. Мнѣ самому приходится не-въ-мочь жить въ такой неизвѣстности. Завтра, чѣмъ свѣтъ, всю ослалятъ коня и повѣду въ Лондонъ.

— Надѣюсь, что вы напередъ обрѣтетесь, сказалъ я ему.

Мистеръ Мекъ-Коннуиль не обратилъ на это вниманія. Юдиль поблагодарила его улыбкой, но я очень хорошо видѣлъ, что бѣдняжка не ожидаетъ многого отъ поѣздки Ивены! Какъ бы то ни было, мы принялись за свои обыкновенныя занятія, которыя помогали намъ убивать скучное время. Мистрисъ Мекъ-Коннуиль надѣла очки и, сѣвши за

самопранку, уснула; арестница ваша взяла работу, которая Богу-знаетъ когда начата и нисколько не подвигается; а мы съ Мекъ-Коннулемъ стали играть въ трикъ-тракъ. Эта игра составляетъ единственное мое развлеченіе. Съ нѣкотораго времени, я очень рѣдко хожу на охоту, во-первыхъ, потому что у меня нѣтъ товарища, а во-вторыхъ, ужъ и ноги становятся плохи.

Такимъ образомъ мы играли около часу съ Ивеномъ. Я выигралъ нѣсколько партій. При этомъ случаѣ, нужно сказать вамъ, почтеннѣйшая моя пріятельница, что мистеръ Мекъ-Коннуль очень пріятный игрокъ: онъ никогда не сердится, ежели его обыгрываютъ.

Наконецъ звуки вольнокъ и блянные барановъ подали вѣсть о возвращеніи стада. Юднѣе не усидѣла возлѣ окошка и подошла къ столу, гдѣ мы играли. — Вотъ еще день, а Олень не воротился! сказала она печально. Я старался развлечь ее, объясняя методу своей игры; но это не подѣйствовало. — Онъ не воротится! сказала Юднѣе, совсѣмъ не слушая моихъ объясненій.

Сказать вамъ по совѣсти, я самъ думалъ такъ же, но чтобы не огорчить бѣдной женщины, притворился сердитымъ и сталъ упрекать ее въ нетерпѣніи. Юднѣе опустила голову и не говорила ни слова. Я совсѣмъ позабылъ ходъ игры, надѣлалъ пропасть ошибокъ, и проигралъ. Въ досадѣ на этотъ непріятный случай, я повернулся къ Юднѣе, чтобы побранить ее за свой проигрышъ, какъ вдругъ вижу: она бѣдна, словно мертвая и готова лишиться чувствъ.

— Чтѣ съ тобой сдѣлалось? говорю я.

— Ничего, отвѣчаетъ она, сжавъ мою руку. Слышите?

Я прислушался: ничего нѣтъ; только ктѣ-то идетъ по льстинцѣ.

— Боже мой! закричала Юднѣе, вскочивъ съ мѣста: ктѣ это идетъ?

— Ну ктѣ!.... вѣроятно, ктѣ-нибудь изъ слугъ. Сиди, душенька.

Я старался ее усадить, но не тутъ-то было.

— Нѣтъ! нѣтъ! кричала она: я знаю эту походку. Сердце мое трепещетъ; я....

Мекъ-Коннуль тоже прислушивался, и улыбался какимъ-

то страннымъ образомъ. Между-тѣмъ шаги становились слышнѣе, слышнѣе, и наконецъ раздались возлѣ самыхъ дверей; только тутъ все затихло, какъ-будто неизвѣстный, шедшій по лѣстницѣ, боялся войти въ залу.

— Онъ! онъ! закричала Юдино, и кинулась къ дверямъ. Это Олень!

Дверь отворилась, и въ самомъ дѣлѣ явился Олень. Мужъ и жена, съ провзительнымъ крикомъ, упали другъ къ другу въ объятія. Ивенъ стоялъ какъ одеревенѣлый, не трогаясь съ мѣста, только вытаращилъ глаза на Олена. Наконецъ грудь его надулась, губы зашевелились; онъ хотѣлъ удержать свое волненіе: нѣтъ! слезы хлынули въ два ручья. Что касается до старушки, то она почивала.

Прошу извиненія, что я не очень подробно пишу вамъ эту странную сцену, въ которой я игралъ роль, не совсѣмъ приличную для философа. Перо мое, привыкшее начертывать важныя политическія идеи и судебныя приговоры, худо повинуется голосу нѣжныхъ страстей. Дѣло въ томъ, что Юдино, наплакавшись съ своимъ мужемъ, подбѣжала послѣ того ко мнѣ и чуть не задушила меня своими объятіями. Хотя она весьма добрая дочь, однако жъ я не припомню, чтобъ она когда-нибудь прежде обнимала меня такъ крѣпко. Слезы неволью покатились изъ глазъ моихъ.

Между-тѣмъ проснулась и мистрисъ Мекъ-Коннуиль.

— Ктѣ тутъ? спросила она, не поднимая головы.

— Матушка, отвѣчалъ Ивенъ: къ намъ пріѣхалъ одинъ молодой человекъ, который желаетъ поговорить съ вами.

— Что ему говорить со старухой? возразила мистрисъ Мекъ-Коннуиль, но потомъ какъ-будто одумалась и спросила: — Можетъ-быть, онъ изъ Англіи?

— Да, я изъ Англіи, отвѣчалъ Олень дрожащимъ голосомъ.

Старушка затрепетала.

— Изъ Англіи!.... Ахъ! скажите же мнѣ что-нибудь о моемъ сынѣ.... объ Олень!

— Вы скоро его увидите, отвѣчалъ мой зять.

— Боже мой! вскричала старушка, поднимаясь съ кресель: Боже мой! чей это голосъ?.... Олень! сынъ мой! ты ли это?....

Она схватила его за руки и старалась притянуть къ себѣ, чтобы рассмотреть въ лицо.

— Матушка! матушка! закричалъ онъ, и упалъ на колѣни : вы не обманываетесь ! это я, сынъ вашъ, Олень !

Старушка повалилась опять на кресла ; и между-тѣмъ какъ добрый сынъ цѣловалъ и обливалъ слезами ея сухія и желтыя руки , она завѣла прерывающимся голосомъ : «Нынѣ отпускаешь раба твоего, Владыко!» У меня до-сихъ-поръ выступаютъ слезы на глазахъ , лишь-только я вспомню объ этомъ ; но мнѣ еще надо сообщить вамъ еще одну, гораздо важнѣйшую, новость, которая, безъ-сомнѣннѣ, вѣдь очень обрадуетъ. Вообразите себѣ , что я имѣлъ счастье поднести сегодня поутру королю Карлу Второму экземпляръ на веленовой бумагѣ «Трактата объ установленномъ порядкѣ правленія».... Да, ваше сіятельство ! я имѣлъ это счастье. Его величество изволилъ пожаловать въ Лочіель. Олень пріѣхалъ вѣстникомъ объ его прибытіи , и, часть спустя , мы увидѣли королевскій повоздъ , сопровождаемый музыкою и факелами. Картина великолѣпная : я не видывалъ ничего подобнаго со временъ короля Іакова.

Въ числѣ молодыхъ дворянъ, сопровождающихъ нашего возлюбленнаго монарха, мнѣ было очень пріятно встрѣтить графа Артура Аррингтона. Это совершенный портретъ отца , какъ былъ покойный графъ двадцати лѣтъ , когда вышелъ изъ оксфордскаго университета.

Прощайте, ваше сіятельство. Спѣшу къ королю. Досадно, что мое парадное платье осталось въ Боскоблѣ. Вѣрно, мнѣ во всю жизнь не представится такого приличнаго случая употребить его въ дѣло , если только я не поѣду когда-нибудь въ Виндзорскій Дворецъ , чтобы заплатить Мекъ Ферлену визитъ , который онъ сдѣлалъ мнѣ въ тысяча-шесть-сотъ-пятьдесятъ-второмъ году.

Вашего сіятельства
всепокорнѣйшій и вѣрнѣйшій слуга
Джонъ Рамсе.

P. S. Письмо это было ужъ запечатано, какъ мнѣ подали ваше, отъ перваго минувшаго іюля. Признаюсь, я начиналъ беспокоиться, что вы такъ долго ко мнѣ не пишете. Теперь

все объяснилось : посланный, вместо того чтобы скорее доставить письмо, завязалъ въ каждый шинокъ и рассказывалъ вездѣ что дѣлается по ту сторону горъ.

Наконецъ вы вступили опять во владѣніе своимъ замкомъ. Жаль, что честный Матіасъ не перенесъ этой радости, и такъ проворно отправился на тотъ свѣтъ. Впрочемъ, если ужъ умирать, такъ лучше умирать отъ удовольствія. Вы очень похвально сдѣлали, что похоронили старика въ своемъ фамильномъ склепѣ : его мѣсто именно тамъ.

Гумфри и Ричардъ Пиндрели, которыхъ ваше сіятельство назначили преемниками Матіаса, будутъ вамъ служить верно. Король изволилъ пожаловать имъ и братьямъ ихъ пожизненный пенсіонъ ; но они люди трудолюбивые и не станутъ сидѣть сложа руки. Что касается до вдовы и дѣтей моего стараго друга Довеля, то съ той минуты, какъ Карлъ Стюартъ восшелъ на престолъ своихъ предковъ, я совершенно спокоенъ насчетъ ихъ будущности.

Потрудитесь сказать отъ меня доброму Гумфри, чтобы онъ не трогалъ Патриксона. Этотъ негодяй и безъ того понесетъ должное наказаніе за весь свои плутни, женивъ на дочери старика Гокинга, которая зла какъ чортъ. Ктому же надо сказать вамъ, моя поттеннѣйшая пріятельница, что я теперь ни на кого не имѣю неудовольствія. И въ прежнія времена, я не умѣлъ ненавидѣть, а теперь, когда судьба сдѣлала меня такимъ счастливымъ, мое единственное желаніе состоитъ въ томъ, чтобы все были счастливы такъ же, какъ я. Даже шкиперъ Таттершалъ ведетъ со мной переписку. Изъ послѣднихъ увѣдомленій его видно, что онъ наконецъ уступилъ агтакъ мистрису Розвинтеръ и повѣсилъ свой рупоръ надъ вивъской трактира Трехъ-Шиллинговъ.

главныя теоремы гидростатики, въ выводѣ ихъ изъ началъ виртуальной скорости, открытыхъ Галилеемъ.

Упорные перипатетики Грація, делье-Коломбе, Пальмерини, Корезіо, попеременно нападали на знаменитаго астронома, но онъ не отвѣчалъ имъ прямо. Ученикъ и другъ его, монахъ Кастелли, извѣстный своими сочиненіями о гидравликѣ, взялъ на себя издать отвѣтъ, написанный вѣроятно самимъ Галилеемъ, хотя онъ и не выставилъ на немъ своего имени. Эта полемика не мѣшала ему продолжать болѣе важныя занятія. Еще въ трактатѣ о плавающихъ тѣлахъ онъ упомянулъ о пятнахъ на солнцѣ, вывода изъ ихъ существованія, что солнце обращается вокругъ своей оси; но іезуитъ Шейнеръ вздумалъ присвоить себѣ открытіе солнечныхъ пятенъ и издалъ по этому случаю три письма, въ которыхъ описалъ этотъ феноменъ, какъ имъ первымъ замѣченный. Чтобы опровергнуть ложное показаніе Шейнера, Галилей послалъ въ академію *Lincei* «Исторію солнечныхъ пятенъ», которая была напечатана въ началѣ 1613 года. Академія прибавила къ ней свое предисловіе, гдѣ говорятъ, что Галилей многимъ указывалъ на солнечныя пятна въ послѣднюю бытность въ Римѣ. Эта «Исторія» заключаетъ въ себѣ подробное изложеніе Галилеевыхъ наблюденій и опроверженіе ошибочныхъ мнѣній Шейнера, который, принявъ школьную аксіому, будто бы солнце есть тѣло твердое и неизмѣняемое, почиталъ пятна особенными, вокругъ него обращающимися, свѣтилами. Съ тѣхъ поръ никто не сомнѣвался, что честь открытія принадлежитъ Галилею, да хотя бы и не онъ первый замѣтилъ пятна на солнцѣ, все однако же нельзя отвергать того, что онъ превзошелъ всѣхъ своихъ совмѣстниковъ важностью выводовъ касательно физическаго устройства солнца и обращенія его вокругъ своей оси. Галилей не дѣлалъ ни какихъ гипотезъ о причинѣ пятенъ; но кто хочетъ заняться объясненіемъ этихъ феноменовъ, тотъ непременно долженъ познаться съ «Исторіей» Галилея, такъ-какъ онъ, своими неоднократно повторенными наблюденіями, умѣлъ открыть главныя обстоятельства появленія и движенія пятенъ.

Быстрые успѣхи на поприщѣ истины подвергли астронома величайшимъ опасностямъ. Перепатетики, видя, что

имъ не переспорить его ученымъ образомъ, прибѣгая къ другому, болѣе страшному, средству, къ суеварію. Галилей уже давно думалъ, что земля не можетъ быть неподвижна, но еще не высказалъ публично своего мнѣнія, хотя безпрестанно твердилъ о немъ пріятелямъ и ученикамъ. Пока теорія не выходила изъ предѣловъ ученой гипотезы, духовныя власти не вмѣшивались въ дѣло: кардиналу Николаю де-Кузь было позволено доказывать движеніе земли, а Копернику напечатать свое сочиненіе объ этомъ предметѣ, и вана даже согласился, чтобы оно было посвящено его святѣйшеству. Публика, отвергая ученую теорію, по-прежнему вѣрила въ неподвижность земли, и невѣжество освистало Коперника. Страхъ испытать подобную участь долго останавливалъ и Галилея; но наконецъ любовь къ истинѣ взяла верхъ: философъ рѣшился презрѣть насмѣшки толпы и произвести переворотъ въ общемъ мнѣніи, опрокинувъ однимъ разомъ и философію Аристотеля и систему Птолемея. Съ этого времени онъ сдѣлался жертвою странныхъ преслѣдованій, какимъ тогда подвергались все желавшіе преобразовать старыя философскія идеи.

Еще въ Падую, Галилей вооружилъ противъ себя некоторыхъ профессоровъ и іезуитовъ; но тамъ правительство держало нейтралитетъ, а въ некоторыхъ случаяхъ даже защищало нововводителя. Не то было въ Тосканѣ: Медичи, покорные папѣ и духовенству, не-разъ жертвовали своими друзьями римской политикѣ. Козма II, безъ сомнѣнія, любилъ Галилея, но, какъ человекъ молодой и неопытный, онъ не могъ ему покровительствовать. Впрочемъ, при жизни этого государя, новое ученіе еще не испытало сильныхъ преслѣдованій: только-лишь послѣ его смерти, въ регентство Христіны лотарингской и въ царствованіе Фердинанда II, Галилей подвергся всемъ ужасамъ суеварнаго фанатизма. Іезуитамъ съ самаго начала не нравилось ученіе Галилея, но они, до некотораго времени, не смѣли открыто нападать на безсмертнаго ученаго, и даже подтверждали его открытія: мудро было привязаться къ чисто-математическому вопросу, и Римъ по-неволѣ смотрѣлъ сквозь пальцы на опасныя нововведенія. Но наконецъ заклятые поборники обветшалой философіи, которые въ то же время

Были и самыми лицемерными ханжами, поколебали нервительность Ватикана. Первые признаки страшнаго гоненія обнаружались въ Тосканѣ. Борьбу открыли архіепскопъ флорентинскій, епископъ фіезольскій и провизоръ низскаго университета. Правда, монахъ Фоскарини, Каstellани, и епископъ Чамполи приняли сторону Галилея, а кардиналъ Ковти былъ довольно равнодушенъ къ вопросу о землѣ, вертится она или не вертится; но скоро доминиканцы вооружились всей силой и увлекли за собой другихъ. Монахъ Каччини публично проповѣдывалъ во Флоренціи противъ Галилея, доказывая высокимъ слогомъ, что *геометрія есть дьявольское искусство*, и что математики, какъ *виновники всякихъ гресей*, подлежатъ изгнанію изъ благоустроеннаго государства. Текстомъ проповѣди его были слова изъ евангелія отъ Святаго Луки: *Viri Galilaei, quid statis adspicientes in coelum?* то есть, *Мужи галилейскіе, что стоите взирая на небо?* Личная ненависть воспользовалась случайнымъ сходствомъ смыслу и словъ. Большая часть преслѣдователей состояла изъ неучей, у которыхъ невежество равнялось фанатизму. Со всѣхъ сторонъ безотчетно повторяли слова изъ Священнаго Писанія «*terra in aeternum stat*,» или приводили то мѣсто, гдѣ сказано, что Иисусъ Навинъ велѣлъ солнцу остановиться. Умные отвѣты Галилея, въ которыхъ онъ предлагалъ самое простое средство согласить мнимое противурчіе своего ученія съ Священнымъ Писаніемъ, еще болѣе раздражили отчаянныхъ наувровъ: іезуиты строжайшимъ образомъ запретили письмо его къ великой герцогинѣ Христинѣ, въ которомъ онъ разбиралъ свое ученіе преимущественно съ богословской точки зрѣнія. Оно было напечатано спустя уже долгое время, и можетъ служить образцомъ діалектики.

Римскій дворъ никакъ не хотѣлъ, чтобы міряне объясняли Библию. Между-тѣмъ изъ числа духовныхъ, многіе были готовы согласиться съ теоріей Галилея. Какъ бы то ни было, кардиналъ Беллармини, іезуитъ, человекъ, пользовавшійся большимъ вліяніемъ, объявилъ, что даже Коперникова система противурчитъ догматамъ вѣры, и Галилей, опасаясь, чтобы не осудили его теоріи, отправился въ Римъ съ

рекомендательными письмами отъ тосканскаго великаго герцога.

Но суевѣріе уже слишкомъ далеко распространило свой ядъ, когда онъ пріѣхалъ въ столицу папы. Въ письмѣ къ секретарю великаго герцога, писанномъ въ началѣ 1616 года, астрономъ горько жаловался на клеветниковъ, чернившихъ его самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Онъ еще надѣялся посрамить ихъ, но этой надеждѣ не было суждено исполниться. Доминиканцы, нападавшіе на Галилея въ Тосканѣ, явились и въ Римъ, чтобы довершить свое дѣло. Монахъ Каччини, при свиданіи съ Галилеемъ, торжественно извинялся въ своихъ шарлатанскихъ выходкахъ, однако жъ неутомимо продолжалъ изподтишка свое преслѣдованіе. Поддерживаемый принцемъ Чезп, президентомъ академіи *Linsei*, Галилей доказывалъ изъ опыта и началъ разума справедливость Коперниковой системы; но его стремленіе къ утверженію истины обратилось въ собственный его вредъ. Одинъ только кардиналъ Орсини осмѣлился защищать передъ папой эту систему, и того приняли холодно, даже велѣли ему молчать. Наконецъ, пятаго марта 1616, ценсурная конгрегация запретила всѣ сочиненія, въ которыхъ доказывалось движеніе земли вокругъ солнца, а книгу Коперника положила не выпускать въ обращеніе, пока она не будетъ исправлена.

Этотъ приговоръ еще не могъ распространяться на Галилея, потому что онъ не издалъ ни одного сочиненія, въ которомъ бы утверждалось, что земля движется. Несмотря на то, пронесся слухъ, будто его подвергли какому-то наказанію и заставили отречься отъ своихъ мнѣній. Чтобы уничтожить непріятную молву, астрономъ выхлопоталъ себѣ свидѣтельство, въ которомъ было сказано, что онъ не признаетъ ни въ чемъ виновнымъ, но что ценсурная конгрегация объявила ему только декларацію папы, запрещающую доказывать движеніе земли.

Приговоръ, произнесенный людьми безъ всякихъ свидѣній въ астрономіи, привелъ въ отчаяніе Галилея. Папа такъ открыто объявилъ себя противъ тосканскаго философа, что Гвичардини, министръ великаго герцога при римскомъ дворѣ, счелъ нужнымъ извѣстить своего государя объ опасности покровительствовать Галилею. Письмо его заключаетъ

въ себя весьма любопытныя подробности. Разсказавъ обстоятельства дѣла, Гвичардини пишетъ, что римское небо очень опасно, особенно «при нынѣшнемъ папѣ, который ненавидитъ нововведенія и терпѣть не можетъ науки и ученыхъ людей.» «Въ этомъ отношеніи, продолжаетъ онъ : всѣ стараются подражать его святѣйшеству, и даже тѣ, которые что-нибудь смыслятъ, притворяются, будто они ровно ничего не знаютъ, изъ опасенія подать поводъ къ подозрѣніямъ и навлечь на себя гоненіе іезуитовъ.» Посланникъ прибавляетъ, что доминиканцы, отъявленные враги Галилея; что Галилей, проживая въ Римѣ, поставляетъ въ большое затрудненіе тосканское правительство, которое всегда отличалось своимъ расположеніемъ къ инквизиціи; что герцоговъ братъ, принцъ Карлъ, котораго папа произвелъ тогда въ кардиналы; подвергалъ себя великой опасности, задумавъ защищать Галилея; и что, для отвращенія какихъ-либо непріятностей, надобно посовѣтовать новому кардиналу, чтобы онъ избѣгалъ общества ученыхъ людей и притворялся невѣждой.

Папа, врагъ просвѣщенія, былъ Павелъ V, тотъ, при которомъ сикары, зарѣзавъ Сарпи въ Венеціи, нашли себя убѣжище въ Римѣ. Известно, что, поссорясь съ венеціанскимъ правительствомъ, онъ чуть не поставилъ вверхъ дномъ всей Италіи, и, по внушенію суевѣрнаго фанатизма, измѣннически погубилъ нѣсколько знаменитыхъ жертвъ, заманивъ ихъ въ свою столицу. Галилей, который послѣ приговора надъ Коперниковой системой, продолжалъ жить въ Римѣ и защищать движеніе земли, безъ сомнѣнія, подвергся бы той же участи, если бы великій герцогъ не поспѣшилъ избавить его отъ опасности : письмо герцогскаго секретаря заставило философа возвратиться въ Тоскану.

Около этого времени Галилей возобновилъ свое предложеніе испанскому королю объ опредѣленіи долготы на морѣ посредствомъ Юпитеровыхъ спутниковъ. Подобное предложеніе было имъ сдѣлано еще въ 1612 году, но, послѣ двадцати-лѣтнихъ переговоровъ, онъ былъ принужденъ убѣдиться, что въ Испаніи не понимали его метода, и мы увидимъ впоследствии, что не болѣе успѣху имѣлъ онъ и въ Голландіи. Приговоръ инквизиціи надъ Коперникомъ от-

былъ у него послѣднюю охоту печатать свои сочиненія : ученый астрономъ сообщалъ изслѣдованія свои изустно или посредствомъ писемъ, которыя расходились въ копіяхъ по цѣлой Европѣ. Появленіе въ 1618 году трехъ кометъ обѣщало богатый предметъ наблюдательному уму его, но Галилей былъ тогда боленъ и не могъ заниматься съ обыкновеннымъ своимъ усердіемъ : онъ ограничился тѣмъ, что передалъ свои мысли разнымъ лицамъ, въ томъ числѣ Марію Гвидуччи, консулу флорентинской академіи. Вслѣдствіе того Гвидуччи издалъ разсужденіе о кометахъ, и въ этомъ сочиненіи неосторожно задѣлъ сильнаго іезуита Грасси, который, въ своей брошюрѣ объ этомъ же предметѣ, говоря о новѣйшихъ астрономическихъ открытіяхъ, не сказалъ ни слова о Галилей. Эта выходка противъ іезуитовъ заставила трепетать всѣхъ друзей знаменитаго астронома. Въ отвѣтъ на разсужденіе Гвидуччи, Грасси искусно прицѣпился къ самому учителю, миновавъ ученика : Галилей вышелъ изъ терпѣнія, и, несмотря на боленъ, написалъ *Saggiatore*, весьма остроумное полемическое сочиненіе, которое потомъ академія *Lincei* напечатала въ Римѣ на свой счетъ. Грасси отвѣчалъ и на это; но не ему было бороться съ Галилеемъ, который едва ли имѣетъ равнаго въ ученой полемикѣ. Видя свое безсиліе, іезуитъ рѣшился дѣйствовать окольными путями, и накликалъ враговъ на Галилея со всѣхъ сторонъ.

Гвидуччи и Галилей опровергали старинныя мнѣнія о кометахъ, особенно Аристотелево. Они думали, что кометы скорѣе должны быть испаренія звѣздъ, разлитыя въ пространство и освѣщенныя солнцемъ; что разстоянія ихъ отъ земли нельзя опредѣлять посредствомъ параллакса; что для этого надобно доказать напередъ неоднородность кометъ съ такими явленіями, каковы напримѣръ радуга. Галилей не любилъ вдаваться въ предположенія, и ежели защищалъ эту гипотезу, то потому, что она казалась ему правдоподобнѣе прочихъ по свойству и количеству фактовъ, которые были тогда извѣстны. Фактовъ этихъ было еще очень немного; ктому жъ разстроенное здоровье не позволяло философу лично дѣлать наблюденія надъ кометами; а между-тѣмъ гипотеза, о которой мы говоримъ, пользовалась уже довѣренностью въ ученомъ мѣрѣ : она была пуше-

на въ ходъ пріятелемъ Тихона Браге, астрономомъ гессенъ-жессельскаго ландграфа Ротманномъ, и искуснымъ голландскимъ математикомъ Снелліусомъ, который прославилъ себя открытіемъ закона преломленія лучей; впоследствии ее также приняли знаменитый данцигскій астрономъ Гевеліусъ, и Кассини, но Кассини черезъ нѣсколько времени отказался отъ своихъ мыслей.

Изданіемъ *Saggiatore* Галилей взбѣсилъ всѣхъ іезуитовъ, и они вслѣдствіи старались запретить его, но напрасно. Это сочиненіе можетъ назваться образцомъ ученой полемики, и даже въ наши времена, когда уже утратило интересъ современности, читается съ особеннымъ удовольствіемъ: въ авторъ вездѣ виднѣнъ глубокій мыслитель, великій писатель и остроумный человекъ. Книга наполнена множествомъ чрезвычайнаго занимательныхъ физическихъ наблюденій; есть также мысли, приписанныя впоследствии Декарту, но которыя въ самомъ дѣлѣ принадлежатъ Галилею, напримѣръ, известное мнѣніе, что качества, подлежащія чувствамъ, заключаются не во внѣшнихъ предметахъ, но въ насъ самихъ.

По разнымъ обстоятельствамъ, *Saggiatore* долго не могъ быть изданъ въ свѣтъ и вышелъ уже въ 1623 году, когда папою былъ кардиналъ Барберини, принявшій имя Урбана VIII. Барберини всегда любилъ тосканскаго философа, и за три года передъ восшествіемъ своимъ на престолъ, написалъ въ честь его латинскую поэму. Пользуясь благопріятною переменною на папскомъ престолѣ, академія *Lincei* посвятила *Saggiatore* новому папѣ, а Галилей поспѣшилъ явиться въ Римъ для поздравленія первосвященника. Урбанъ VIII принялъ его ласково, осыпалъ подарками, и обѣщалъ его сыну пансіонъ, котораго впрочемъ Галилей долго дождался. Когда Галилей пріѣхалъ назадъ во Флоренцію, папа прислалъ къ великому герцогу письмо, въ которомъ до небесъ превозносилъ тосканскаго философа. Галилей ѣздилъ въ Римъ не для одного поздравленія. Несмотря на приговоръ римскаго духовенства противъ Коперниковой системы, онъ никогда не переставалъ защищать движеніе земли, и уже давно готовилъ сочиненіе объ этомъ предметѣ. Избраніе Барберини ободрило астронома: въ бытность въ Римѣ, онъ не-

однократно заводилъ рѣчь о Коперниковой теоріи и старался доказать, что она не заключаетъ въ себя никакой ереси. Но Галилею подали только надежду, и болѣе ничего. По возвращеніи во Флоренцію, онъ съ особенной ревностью занялся окончаніемъ своего сочиненія. Чтобы поддержать благосклонность папы и задобрить кардиналовъ, онъ еще два раза путешествовалъ въ Римъ, въ 1628 и 1630 годахъ. Въ послѣднюю поѣздку онъ представилъ конгрегаціи свой *Разговоръ о двухъ великихъ системахъ міра*: такъ онъ называлъ свое оконченное твореніе, которое, по обыкновенію, было бы напечатано академіею *Linsei*, если бы смерть принца Чези не разрушила этого общества. *Magister sacri palatii* и другіе члены нѣсколько разъ перечитывали рукопись Галилея и дѣлали въ ней поправки; говорятъ также, будто и самъ папа читалъ и исправлялъ ее. Наконецъ сочиненіе было одобрено къ печатанію; но, на бѣду Галилея, возникло новое препятствіе: въ Тосканъ открылась чума, и папа велѣлъ учредить карантинны на границахъ своихъ владѣній. Не имѣя возможности ѣхать въ Римъ, Галилей выхлопоталъ позволеніе печатать рукопись во Флоренціи, гдѣ снова читали и перечитывали ее члены конгрегаціи и главный флорентинскій инквизиторъ. Наконецъ книга вышла въ свѣтъ въ 1632 году. Съ этимъ сочиненіемъ случилась забавная исторія: люди, разсматривавшіе его, не понимали предмета и неумышленно пропустили книгу, которая должна была нанести роковой ударъ предрасудкамъ, состоявшимъ подъ ихъ защитой. Дѣйствующія лица въ «Разговорѣ» — два Галилеевы друга, Сагрето и Сальвиати, и перипатетикъ Симплицій (Простяковъ). Сагрето и Сальвиати защищаютъ, а Симплицій опровергаетъ движеніе земли; первые разсуждаютъ превосходно, послѣдній мелетъ чепуху безъ капли здраваго смысла, и однако жъ, подъ конецъ книги, умные уступаютъ глупцу, соглашаясь съ его мнѣніемъ. Проницательный читатель безъ труда угадаетъ настоящую мысль. Во всемъ этомъ много искусства и остроумія.

Главная цѣль «Разговора» — критическій разборъ системъ Птолемея и Коперника, но въ то же время авторъ излагаетъ основанія динамики и мимоходомъ говоритъ о многихъ се-

номенахъ, вновь имъ замѣченныхъ или давшихъ новыя слѣдствія. Легко понять, какой эффектъ должно было произвести подобное сочиненіе, и какъ должны были взбѣситься записные перипатетики. Знаменитѣйшіе современные ученые наперерывъ поздравляли великаго Галилея, столь блистательно одержавшаго верхъ надъ стариннымъ ученіемъ; толкамъ и похваламъ конца не было; но эти похвалы, эти толки, надумили римскій дворъ: онъ увидѣлъ опасность, угрожавшую старымъ мнѣніямъ. Благоразуміе требовало бы предоставить рѣшеніе вопроса астрономамъ, людямъ ученымъ, потому что одни они могли быть судьями въ такомъ дѣлѣ; напротивъ-того, латинское духовенство, попавъ на ошибочную дорогу, уже не хотѣло свернуть съ нея, и скоро споръ о движеніи земли сдѣлался уже не смѣшонъ, но страшень : римское правительство того времени, по проискамъ невѣжественныхъ фанатиковъ, заклеимило себя самымъ жалкимъ позоромъ.

Нарядили комиссію изслѣдовать дѣло. Всѣ судьи были закоренные перипатетики, въ томъ числѣ Кіарамонти, профессоръ пизскаго университета, давно писавшій противъ новой философіи. Папу успѣли увѣрить, будто Симплицій въ Галилеевомъ разговорѣ былъ онъ самъ, простодушный Урбанъ VIII. Какъ-скоро во Флоренціи узнали объ опасности, предстоящей астроному, Фердинандъ II, искренно любившій Галилея, тотчасъ приказалъ посланнику своему при римскомъ дворѣ, Николинни, всячески защищать великаго человѣка, и Николинни, должно отдать ему справедливость, дѣйствовалъ съ неутомимымъ усердіемъ и добросовѣстностію. Но къ-несчастью поклонны и просьбы его не могли имѣть ни какого успѣху : двадцати-двухъ-лѣтній герцогъ еще не пользовался уваженіемъ въ Ватиканѣ, и даже собственный министръ его, Чиоли, поступалъ вопреки желаніямъ своего государя. Дѣло съ самаго начала приняло дурной оборотъ. Напрасно великій герцогъ представлялъ папѣ, какъ безчеловѣчно мучить семидесяти-лѣтняго старика, котораго все преступленіе состоитъ въ томъ, что онъ издалъ книгу, одобренную инквизиціею. Папа остался непреклоннымъ, и настоятельно требовалъ, чтобы Галилей, несмотря на болѣзнь, засвидѣтельствованную медиками, ни на

моровую язву, свирьпствовавшую въ Тоскань, немедленно явился въ Римъ отдать отчетъ инквизиціи. Галилей прѣхалъ. Онъ остановился въ домѣ тосканскаго посланника; но черезъ два мѣсяца, именно въ половинѣ апрѣля 1633 года, его бросили въ тюрьму инквизиціи и тамъ проморили около двухъ недѣль, терзая допросами. Послѣ этого онъ былъ отправленъ назадъ въ домъ посольства, но двадцатаго іюня приведенъ опять въ инквизицію, гдѣ судьи прочли ему приговоръ о безсрочномъ заключеніи въ тюрьму, и велѣли отречься отъ своихъ мнѣній: маститый старецъ, стоя на коленяхъ, въ одной рубахѣ, принужденъ былъ дать клятву, что онъ никогда не будетъ ни говорить ни писать о движеніи земли, какъ о предположеніи ложномъ, нелпномъ, еретическомъ и протигурпчащемъ Священному Писанію.

Этотъ приговоръ былъ обнародованъ окружными посланіями епископовъ. Его публично прочли во Флоренціи, въ церкви Santa-Croce, въ присутствіи друзей и учениковъ Галилея, созванныхъ тамошнимъ инквизиторомъ, и потомъ разослали ко всемъ европейскимъ дворамъ и главнѣйшимъ ученымъ обществамъ. Янсеніусу, который вскорѣ былъ самъ осужденъ инквизиціей, пришлось сообщить объ немъ лувенскому университету.

Довнынъ не рѣшено, былъ ли Галилей подвергаемъ пытке. Нѣкоторые думаютъ, что нѣтъ, и въ самомъ дѣлѣ, позволеніе жить въ домѣ посланника, скорое освобожденіе изъ тюрьмы, и смягченіе наказанія, состоявшее въ томъ, что, вмѣсто безсрочнаго заключенія въ темницу, Галилея заперли сперва въ саду Trinita dei Monti, а потомъ отпустили въ Сиенну къ архіепископу Пикколомини, откуда онъ перѣхалъ въ загородной домъ близъ Флоренціи, — все это никакъ не допускаетъ той мысли, чтобы инквизиція подвергала варварскимъ истязаніямъ челоуька, пользовавшагося такою славой и покровительствомъ тосканскаго великаго герцога. Но другіе писатели, имѣвшіе случай читать незаданную переписку Галилея и видѣть подлинныя бумаги, утверждаютъ напротивъ, что онъ былъ пытанъ. Сенаторъ Нелли, написавшій о Галилеѣ большую книгу, рѣшительно соглашается съ этимъ мнѣніемъ, и авторитетъ его чрезвычайно важенъ. Нынче почти не возможно рѣшить этого

противурчія : оригинальныхъ бумагъ уцѣлѣло мало, да ктому же процессъ Галилея съ самаго начала покрытъ былъ непроницаемой тайной. Изъ писемъ Николини видно, что папа заставлялъ этого посланника собственноручно писать свои депеши, и строго запрещалъ ему открывать кому-нибудь, кромѣ герцога, обстоятельства Галилеева процесса. Николини также говоритъ, что Галилею вѣрно было молчать, и астрономъ дѣйствительно всегда избѣгалъ вспоминанія о своемъ процессѣ. Разъ, когда ему слишкомъ надоели вопросы, онъ вскричалъ : « Неужели хотять, чтобы я бросилъ философію и сдѣлался историкомъ инквизиціи ! » Наполеонъ велѣлъ привезти въ Парижъ подлинное дѣло о Галилеѣ и расплагалъ его напечатать ; но при новомъ правительствѣ не могли отыскать этихъ бумагъ, хранившихся въ кабинетѣ Бонапарта. Уцѣлѣло только извѣстіе Деламбра, который имѣлъ ихъ въ своихъ рукахъ и говоритъ, что онъ не заключаетъ въ себя всего процесса, что въ нихъ нѣтъ допросовъ, дѣланныхъ Галилею. Но кажется, впрочемъ, что и безъ этихъ документовъ, самый текстъ приговора уже доказываетъ, что Галилея пытали. Въ немъ между прочимъ написано : « И поелику намъ кажется, что ты не вполне объявилъ свое намъреніе, то мы сочли нужнымъ подвергнуть тебя *строгому испытанію*. » Во всѣхъ сочиненіяхъ объ инквизиціи, слова *строгое испытаніе* означаютъ именно пытку : она и не называлась иначе ; притомъ же инквизиторы, по самымъ правиламъ *santo-uffizio*, обязывались употреблять пытку, когда имъ еще не было совершенно извѣстно *намъреніе* подсудимаго. До насъ дошли подлинныя бумаги объ одномъ инквизиціонномъ процессѣ, происходившемъ въ Новарѣ, въ 1705 году, по поводу какой-то женщины, которая обвинчалась на другой женщину. Преступленіе было доказано, и обвиненная созналась во всемъ, но ее еще подвергли *строгому испытанію*, чтобы *точнѣе узнать, съ какимъ намъреніемъ она обвинчалась*. Тутъ рѣчь о пыткѣ совершенно ясна : инквизиторы потрудились даже записать крики и стоны пытанной женщины. Вотъ отъ слова до слова то мѣсто, гдѣ говорится объ ея страданіяхъ : « Тогда вышереченные господа (инквизиторы), повторивъ предъидущую протестацію, и на-

ставая на оной, приказали поднять подсудимую, и когда она была поднята и висѣла, то начала издавать вопли и произносить слова: *Ай! ай! Боже мой! ай!* Журналъ засѣданія оканчивается преспокойнымъ разсказомъ, что дѣлали съ подсудимую послѣ пытокъ: «И поелику изъ нея ничего болѣе вывѣдать было не можно, то вышереченные господа судьи повѣляли оную женщину спустить съ орудія допытанія, развязать веревки, вправить вывернутые суставы, одѣть, и препроводить обратно въ темницу.»

Вѣроятно, такой же разсказъ былъ и въ подлинныхъ бумагахъ Галилеева процесса. Santo-uffizio никого и ни въ какомъ случаѣ не освобождало отъ пытокъ. Между множествомъ жертвъ, довольно указать на Оливву, превосходнаго физика и члена знаменитой академii del Cimento. Спустя долгое время послѣ Галилея, Оливва былъ привезенъ въ Римъ, и инквизиторы подвергли его самымъ варварскимъ истязаніямъ. Чтобы прекратить эти муки, несчастный рѣшился лишиться себя жизни и бросился изъ окна. Повторяемъ: инквизиторы не могли, по своимъ правиламъ, не пытать Галилея, и они это объявляютъ сами, говоря, что подвергли его *строгому испытанію*.

Во все время гоненія, мужество ни на минуту не оставило великаго Галилея, и лишь-только онъ прибылъ въ Сіену, какъ снова принялся за свои занятія. Въ пяти-мѣсячное пребываніе въ этомъ городѣ, онъ изслѣдовалъ сопротивленіе твердыхъ тѣлъ, но его сочиненіе объ этомъ предметѣ затеряно. Къ концу года папа позволилъ ему перевъхать въ загородный домъ подъ Флоренціей. Думая, что враги его укротились, Галилей сталъ-было хлопотать, чтобъ ему дозволено было жить въ самой Флоренціи или по-крайней-мѣрѣ принимать у себя друзей; но ему отвѣчали совѣтомъ не беспокоить его святѣйшества своими просьбами, если не захочетъ опять сидѣть въ тюрьмѣ инквизиціи. Этотъ отвѣтъ принесли Галилею въ тотъ самый день, когда медики извѣстили его, что черезъ нѣсколько часовъ умретъ любимая дочь его, единственная отрада и опора злополучнаго старца. Легко представить глубокую печаль мученика, послѣ всѣхъ прежнихъ несчастій, и однако жъ онъ не пришелъ въ отчаяніе, но продолжалъ трудиться. Въ 1630 году онъ

потерялъ зрѣніе, постепенно слабѣвшее со времени процесса, но и въ этомъ жалкомъ состояніи, слѣпой, дряхлый старикъ не отсталъ отъ трудовъ : диктуя свои превосходныя сочиненія, онъ въ то же время прилежно преподавалъ уроки ученикамъ, и образовалъ двухъ знаменитыхъ астрономовъ, Торричелли и Вивіани, которые, по смерти наставника, со славой продолжали его открытія.

Мы уже говорили, что въ Испаніи не приняли Галилеева предложенія опредѣлять долготу на морѣ посредствомъ Юпитеровыхъ спутниковъ. Двадцать лѣтъ спустя, друзья астронома предложили это Голландцамъ. Генеральные штаты нарядили комиссію чтобы разсмотрѣть проектъ, но на томъ и остановилось дѣло: гоненія, перенесенныя Галилеемъ, и его слѣпота помѣшали исполненію гениальной мысли.

Судьба, казалось, обрекла Галилея на всѣ роды страданія. Единственный сынъ его, для котораго онъ сдѣлалъ огромныя пожертвованія, велъ развратную жизнь. Самъ старикъ отшельнически томился въ темницѣ, гдѣ по-временамъ только навѣщалъ его великій герцогъ, бесполезно ходатайствовавшій объ его освобожденіи. Доминиканцы, неутомимо преслѣдовавшіе Галилея, не позволяли нигдѣ печатать его твореній : куда ни посылалъ онъ свои рукописи, запѣчаткованія вездѣ умѣло остановить ихъ изданіе въ свѣтъ. Напрасно современныя знаменитости хлопотали за великаго челоука : притѣснители были сильны, и ни какой авторитетъ не могъ имъ противиться. Даже во Франціи было опасно защищать Галилея : Ришліё отвергъ теорію движенія земли и предписалъ сорбонской академіи осудить ее. Впрочемъ Гассенди не побоялся слѣдовать ученію флорентинскаго слѣпца, а Мерсеннъ перевелъ и напечаталъ его сочиненія. Каркави, впоследствии бібліотекаръ Людовика XIV, собирався также издать собраніе сочиненій Галилея. Адвокатъ Діодати, котораго часто смѣшиваютъ съ Іоанномъ Діодати, переводчикомъ Библіи, неустрашимо защищалъ тосканскаго философа. Графъ de Noailles взялся напечатать *Discorsi e dimostrazioni matematiche intorno a due nuove scienze*, *Математическія разсужденія и соображенія о двухъ новыхъ наукахъ* : такъ Галилей озаглавилъ безсмертную книгу, гдѣ въ первый разъ изложена истинная теорія

движенія. Инквизиторамъ сказали, будто рукопись украдена у автора : тамъ только и можно было спасти Галилея отъ опасности, которой подвергало его нападѣніе этого сочиненія. Усердіе и умъ всѣхъ дѣйствовалъ въ пользу великаго астронома другъ его Реигесъ. Этотъ дипломатъ, одушевленный любовью ко всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній, въ молодости путешествовалъ по Италіи и въ Падуѣ слушалъ астрономическія лекціи Галилея. Перенеска, которую онъ велъ, по возвращеніи во Флоренцію, со многими европейскими учеными, составляетъ одинъ изъ важнейшихъ литературныхъ памятниковъ семнадцатаго вѣка. Узнавъ о гоненіи противъ Галилея, Реигесъ обратился къ кардиналу Барберини и убедительно просилъ его защитить философа, которому наука обязана столь важными открытіями ; но всѣ хлопоты благороднаго дипломата, несмотря на то что онъ пользовался въ Римѣ именемъ чловека благочестиваго и отъ души преданнаго католицизму, не имѣли ни какого успѣху : его едва удостоили даже отвѣта. Напрасно онъ предсказывалъ, что несчастная судьба Галилея заклеймитъ вѣчные безславіемъ напство Урбана VIII, что потомство сравнитъ этотъ процессъ съ осужденіемъ Секрата : желѣзные сердца инквизиторовъ не тронулись, и престарѣлый слѣпецъ продолжалъ томиться въ одиночествѣ, безъ друзей, безъ утѣшеній, даже безъ возможности кому-либо сообщить свои открытія, подъ окованіемъ слова впасть въ когти *santo-offizio*. За всѣмъ тѣмъ, ни слабость, ни преклонность лѣтъ, ни безчеловѣчныя поступки инквизиторовъ, не могли погасить въ немъ любви къ истинѣ, которой онъ былъ мученикомъ : Галилей безпрестанно занимался глубокими соображеніями, и воодушевлялъ своихъ учениковъ къ изслѣдованію истины. Наконецъ, нѣкого мая 1642 года, великій старецъ сошелъ въ могилу; но слава уже оварела его лицомъ безсмертія. Если бы даже тѣло его свесли въ оврагъ, какъ хотѣли инквизиторы, если бы всѣ сочиненія его были сожжены, какъ добывалась перчаточка, — и тогда даже безсмертнаго генія не могло бы погибнуть : послѣ него осталась цвѣтущая школа, состоявшая изъ учениковъ, проникнутыхъ его правилами, благоговѣвшихъ къ памяти своего наставника, и которыхъ стѣло

только идти по его следамъ, чтобы сдѣлаться знаменитымъ. Изъ праха Галилея возникло то славное общество, которое сдѣлалось извѣстнымъ подъ именемъ академіи del Cimento.

Оцѣнить заслуги Галилея рѣшительно невозможно, тѣмъ болѣе, что сочиненія его дошли до насъ не вполне: главная часть ихъ потеряна. Мы видимъ, что сначала онъ самъ не заботился объ изданіи своихъ рукописей; потомъ возникло непреодолимое препятствіе со стороны инквизиціи. Когда Галилей скончался, ученики нашли въ его кабинетѣ нѣсколько оконченныхъ сочиненій, и письма, гдѣ онъ говоритъ о своихъ гениальныхъ открытіяхъ; но инквизиція подоспѣла и тутъ съ своими распоряженіями: по свидѣтельству Реніери, клеветы авто-оффио окружили одръ умирающаго и растащили его бумаги. Сверхъ-того Галилеевъ внукъ, постригшись въ монахи, разсудилъ заблаго смечь множество тетрадей своего дѣда, въ которыхъ безъ сомнѣнія были и собственныя Галилеевы сочиненія. Наконецъ Вивіани, втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, съ величайшимъ трудомъ собралъ нѣсколько Галилеевыхъ рукописей и хотѣлъ-было ихъ напечатать, какъ вдругъ розънскъ доминиканцевъ, которые при Козмѣ III имѣли большую силу въ Тосканѣ, заставилъ его отправить это сокровище не въ типографію, а зарыть въ землю. Тамъ оно хранилось до самой кончины Вивіани. Слуга его, нечаянно отыскавъ бумаги, продалъ большую часть ихъ колбаснику, а тотъ употреблялъ на обертку своихъ товаровъ. Однажды нѣсколько флорентинскихъ ученыхъ пошли обѣдать въ трактиръ. На дорогѣ имъ случилось идти мимо лавки этого колбасника, и они вошли въ нее купить колбасы. Сенаторъ Нелли, бывшій въ числѣ покупателей, съ изумленіемъ увидѣлъ, что колбасникъ завернулъ длинную кипку автографомъ одного изъ Галилеевыхъ писемъ. Онъ не сказалъ ничего; но за обѣдомъ, подъ какимъ-то предлогомъ, вышелъ изъ-за стола, побѣжалъ къ колбаснику, и перекупилъ всѣ бывшія у него бумаги, а потомъ добылъ и тѣ, которыя оставались въ ямѣ. Впослѣдствіи къ этой коллекціи Нелли присовокупилъ рукописи Вивіани и другихъ ученыхъ, найденныя въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ никто на нихъ не обращалъ вниманія. Эти документы,

особенно Галилеева переписка, послужили трудолюбивому Нелли источниками для большой биографии Галилея, напечатанной в двух томах in-quarto в 1793 году. Нелли хотѣлъ также издать переписку знаменитаго астронома и другія примѣчательныя бумаги; но смерть помѣшала его намеренію. Послѣ него кредиторы опечатали рукописи Галилея вмѣстѣ съ книгой Нелли, которая была еще въ листахъ, и уже черезъ двадцать лѣтъ, по снятіи запрещенія, сдѣлалась извѣстною публикѣ. Что касается до рукописей, то онѣ тогда же взяты въ одну библіотеку, гдѣ хранятся и до-сихъ-поръ: коллекція состоитъ изъ множества волюмовъ, болѣею частию неизданныхъ, и въ которыхъ, безъ сомнѣнія, много новыхъ идей Галилея, Торричелли и Вивіани.

Недавно господинъ Либри, членъ Французскаго Института, случайно имѣлъ удовольствіе найти Галилееву переписку, которая служила матеріаломъ сочиненію Нелли и считалась потерянною для публики. Она уцѣлѣла въ одной тосканской деревушкѣ. Господинъ Либри приобрѣлъ ее, и надѣется издать въ свѣтъ. Въ ней заключается больше тысячи писемъ знаменитѣйшихъ ученыхъ семнадцатаго столѣтія: изъ этого можетъ выйти родъ ученой исторіи того времени. Частная жизнь Галилея, его несчастія и труды, являются въ нихъ съ новыми любопытными подробностями. Такъ, напримѣръ, одинъ доминиканецъ, врагъ движенія земли, пишетъ къ Галилею, что мнѣніе *Иперника* (то есть Коперника) есть богопротивное и богомерзкое мнѣніе. Напротивъ-того Мараффи, настоятель одного изъ доминиканскихъ монастырей, узнавъ, что какой-то монахъ этого ордена публично проповѣдуетъ противъ Галилея, пишетъ къ тосканскому философу, что это обстоятельство его крайне огорчаетъ, но «кнесчастію, продолжаетъ Мараффи, я принужденъ участвовать во всѣхъ глупостяхъ, какихъ надѣлали и еще надѣлаютъ тридцать или сорокъ тысячъ монаховъ собратовъ.» Въ письмахъ самого Галилея есть множество совершенно неизвѣстныхъ фактовъ. Изъ нихъ узнаемъ мы, что любимая дочь знаменитаго астронома умерла съ печалю въ то самое время, какъ осудили отца ея. Галилей объявляетъ настоящую причину своихъ несчастій: онъ приписываетъ ихъ своему неумѣнью поладить съ доминиканцами, и

повторяетъ слова математика римскаго іезуитскаго коллегіума Грембергера: «Если бы Галилей успѣлъ сойтись съ этими господами, то никто бы и не думалъ нападать на него: съ нимъ не случилось бы ни какихъ несчастій, и онъ могъ бы писать о чемъ душѣ угодно, хоть о движеніи земли.»

Никто изъ современниковъ не написалъ полной и точной біографіи Галилея. Страхъ, наведенный инквизиціею, былъ такъ великъ, что друзья и ученики знаменитаго астронома не смѣли подумать о такой біографіи. Одинъ только Герардини, флорентинскій каноникъ, пользовавшійся особеннымъ довѣріемъ Галилея, передалъ нѣсколько справедливыхъ извѣстій о страдальческой жизни и трудахъ великаго челоуька. Но Герардини былъ челоуькъ неученый, и, записывая свои воспоминанія уже долго спустя послѣ смерти астронома, по необходимости сдѣлалъ нѣсколько промаховъ. Впрочемъ его записки, напечатанныя въ половинѣ прошлаго столѣтія, всё-таки важнѣе всѣхъ современныхъ сочиненій о жизни Галилея. Вивіани, составившій для принца Леопольда Медичи біографическія замѣчанія о тосканскомъ философѣ, долженъ былъ умолчать почти обо всѣхъ фактахъ, относящихся къ приговору инквизиціи. Разсуждая о движеніи земли, онъ говоритъ, что Галилей имѣлъ слабость защищать эту теорію потому, что заблужденія свойственны челоуьку. Вообще нельзя имѣть большаго довѣрія къ современнымъ сочиненіямъ о Галилеѣ, писаннымъ подъ вліяніемъ инквизиціи; что же касается до позднѣйшихъ его біографій, то онѣ болѣею частію только краткіе и неполные очерки. Въ нихъ почти нигдѣ не упоминается, что Галилей занимался всеми отраслями натуральной философіи, что онъ писалъ трактаты объ оптикѣ, о столкновеніи тѣлъ, о магнетизмѣ, о движеніи животныхъ. Эти произведенія великаго ученаго потеряны, но сущность ихъ видна изъ другихъ его сочиненій. Галилей также открылъ способъ *вычисленія недлиимыхъ количествъ*, которымъ впоследствии прославился Каваліери; онъ начиналъ заниматься и вычисленіемъ вѣроятностей. Прикладная математика и физика обогащены Галилеемъ весьма важными наблюденіями. Онъ опредѣлялъ вѣсъ воздуха; изслѣдовалъ лучистую теплоту, которая, думаетъ онъ, пробѣгая воздухъ, не нагреваетъ его; разсуж-

далъ о скорости свѣту, и не варилъ въ мгновенное его распространіе. Мнѣнія Галилея о сдѣвленіи тѣлъ, его идеи о земномъ магнетизмѣ, также о силѣ, посредствомъ которой тѣла дѣйствуютъ одно на другое, чрезвычайно замѣчательны. Открывъ важный фактъ, что звѣзды нашей планетной системы, кружатся въ томъ же направленіи, въ какомъ солнце обращается на оси своей, Галилей уподоблялъ движеніе земли съ ея спутникомъ вокругъ солнца тому движенію, какое бы послѣдовало въ маятникѣ, если бы онъ обращался вокругъ постояннаго центра, не будучи изменяемъ въ длину. Вотъ какія смѣлыя мысли приходили въ голову знаменитаго математика! Ктѣ знаетъ, до чего бы достигъ онъ, продолжая изслѣдывать строеніе міра, и всю отрасль физики и натуральной философіи, если бы не стѣснили полетъ его генія?

=

ВАЗАРИ.

БИОГРАФІЯ АНТОНІО АЛЛЕГРИ ДА-КОРРЕДЖІО.

Антоніо да-Корреджіо безъ всякаго пособія, единственно силою своего таланта, въ короткое время, сдѣлался удивительнымъ художникомъ. По извѣстіямъ Ланци, онъ родился въ 1494, умеръ въ 1534 году.

Корреджіо былъ очень робкаго характера. Какъ отецъ многочисленнаго семейства, онъ безпрестанно работалъ, не жалься здоровья, но при всемъ томъ былъ всегда бѣднякомъ, и это несчастіе тяжелымъ бременемъ лежало на душѣ великаго мастера. Постоянно мрачный и задумчивый, онъ сдѣлался работою своихъ занятій, и ни какія трудности не могли остановить его въ дѣлѣ искусства, какъ доказываются картинами, написанными имъ для пармской соборной церкви: нельзя безъ восхищенія смотреть на удивительныя рекурсы и перспективу въ этихъ произведеніяхъ.

Корреджіо ввелъ въ Ломбардію новый стиль, и, безспорно, сдѣлался бы опаснымъ соперникомъ всѣхъ современныхъ себя живописцевъ, не исключая самыхъ великихъ и знаменитѣйшихъ, если бы хоть разъ побывалъ въ Римѣ. Никогда не оставляя своей родины и не выдавъ ни какихъ, ни древнихъ ни новыхъ, отличныхъ произведеній искусства, онъ сдѣлалъ однако жъ высокіе образцы. Никто лучше его не умѣлъ выразить въ своихъ картинахъ полноту жизни; его фигуры чрезвычайно гибки и пріятны; вся его произведенія замечательны чуднымъ характеромъ красоты и изящества.

Для пармской соборной церкви Корреджіо написалъ между прочимъ двѣ большія картины, изъ которыхъ въ одной, заслужившей громкое одобреніе, представлена смерть Іисуса Христа. Въ другой пармской церкви онъ расписалъ фресками стѣны вокругъ амвона, изобразивъ на нихъ торжественное взятіе Богоматери на небо, въ сопровожденіи сонма святыхъ и ангеловъ. Почти не возможно понять, какимъ образомъ художникъ могъ выполнить съ такимъ совершенствомъ эту высокую идею. Выраженіе лицъ и драпировка удивительны. Сохранилось нѣсколько эскизовъ этой картины, сдѣланныхъ самимъ Корреджіо красными карандашомъ, и нѣсколько очерковъ древнихъ жертвоприношеній, также другихъ орнаментальныхъ сюжетовъ, въ которыхъ представлены играющія дѣти. Вся эти вещи обнаруживаютъ въ Корреджіо великаго рисовальщика, но какъ онъ ни прекрасны, творецъ ихъ еще не могъ бы прославиться до высокой степени, если бы не умѣлъ изображать своихъ превосходныхъ рисунковъ въ краскахъ. Можно быть отличнымъ рисовальщикомъ, но плохимъ колористомъ, и на-оборотъ: совокупленіе этихъ двухъ качествъ въ одномъ и томъ же человѣкѣ встрѣчается рѣдко. Но совершенный живописецъ долженъ быть и хорошимъ рисовальщикомъ. Въ Корреджіо вы видите и то и другое. Взгляните только на Благовѣщеніе, написанное имъ въ Пармѣ, для церкви францисканскаго монастыря. Умные отшельники знали всю цѣну этой фрески, и когда нужно было поправить церковное зданіе, они употребили все средства, чтобы не повредить ея. Такимъ образомъ картина сохранилась во всей цѣлости.

Есть еще фреска Корреджіо на пармскихъ городскихъ воротахъ: Богоматерь съ младенцемъ Іисусомъ. Кто не видалъ другихъ произведеній, знаменитаго мастера, тотъ не можетъ безъ удивленія смотреть на чудный колоритъ этой группы. Въ церкви святаго Антонія, Корреджіо изобразилъ Богородицу, Святую Марію-Магдалину, и при нихъ прелестнаго ребенка съ книгою въ рукахъ: улыбка на губахъ дитяти такъ естественна, что по-новолѣ улыбаешься и самъ, глядя на картину. Еще Антонію написалъ блаженнаго Іеронима, и колоритъ этой картины, изумляетъ всехъ

знатоков : самые выскательные художники соглашаются, что нельзя достигнуть большого совершенства.

Корреджіо написалъ множество картинъ для ломбардскихъ вельможъ, и между прочимъ двѣ для герцога Фридриха II, который хотѣлъ подарить ихъ императору. Джуліо-Романо, видѣвшій эти работы, говоритъ, что творецъ ихъ, какъ колористъ, превзошелъ всѣхъ своихъ современниковъ. Одна изъ нихъ представляетъ Леду, другая Венеру. Любуясь на эти произведенія, вы забываете, что смотрите на картину : передъ вами сама натура, во всей роскоши своихъ прелестей. Въ картинѣ, представляющей Венеру, изображенъ великолѣпный пейзажъ. Фигура самой Венеры неподражаема ; волосы ея изумляютъ тонкостію и совершенствомъ отдѣлки. Прекрасные амурь пробуютъ на камень свои стрѣлы. Свѣтлый ручей, протекающій между утесами и орошающій ноги богини, придаетъ ей удивительную прелесть.

Въ Моденѣ Корреджіо написалъ Богородицу, и знатоки увѣряютъ, что это лучшая картина въ городѣ. Въ Болоньѣ, по заказу тамошнихъ вельможъ, онъ изобразилъ явленіе Спасителя Маріи-Магдалинѣ въ саду. Въ Реджіо есть Корреджіева картина, Рождество Іисуса Христа. Лучезарный свѣтъ, исходящій отъ божественнаго младенца, озаряетъ окружающихъ пастырей. Женщина, пришедшая поклониться Богочеловѣку, не можетъ вынести яркаго сіянія, и закрываетъ лицо руками. Это прекрасно выраженное движеніе — чудо искусства. Надъ хижиною хоръ ангеловъ славословитъ божественнаго младенца. Вамъ кажется, что группа нисходитъ съ небесъ, и, въ безмолвномъ удивленіи, вы не вѣрите, чтобы это было созданіе руки человѣческой.

Въ томъ же городѣ есть еще небольшая картина, величавою съ футъ, безспорно, лучшее и драгоцѣннѣйшее Корреджіево произведеніе. Художникъ изобразилъ въ ней ночь, проведенную Спасителемъ въ Масличномъ Саду передъ началомъ страданій. Богочеловѣкъ озаренъ волнами свѣта, который исходитъ отъ явившагося ангела. Спаситель молится при подошвѣ горы ; апостолы не могли преодолѣть своей человѣческой слабости и заснули въ некоторомъ разстояніи отъ Іисуса : тѣнь, бросаема гору, сообщаетъ не-

обыкновенную красоту ихъ фигурамъ. Вдали начинаютъ показываться зрѣя; идутъ воины въ сопровожденіи Іуды. Моментъ торжественный, высокій, и художникъ какъ нельзя лучше выразилъ вся отбѣжки великой мысли.

Можно бы еще многое наговорить о пронаведеніяхъ Корреджіевой кисти; можно бы исчислить всѣ картины, которыя ему приписываются; но лучше остановиться на этой: превосходнѣе, возвышеннѣе, совершеннѣе, мы ничего не найдемъ; всѣ знатоки и художники съ благоговѣніемъ удивляются этому созданію генія.

Едва ли есть портретъ Корреджіо: самъ онъ никогда себя не писалъ, а другіе художники не могли этого сдѣлать, потому что Корреджіо жилъ очень уединенно, былъ почти затворникомъ въ своей мастерской. При скромной и простой жизни, онъ не зналъ своихъ дарованій и никогда не воображалъ дойти до совершенства въ трудномъ искусствѣ живописи.

Обремененный многочисленнымъ семействомъ, безпрестанно мучимый заботою сберечь копейку на черный день, онъ былъ чрезвычайно жалокъ. Рассказываютъ, что однажды въ Пармѣ заплатили ему за работу шестьдесятъ скудогъ мѣдными деньгами. День былъ жаркій, но Антонио не хотѣлъ нанять лошади, и, взваливъ тяжелый мѣшокъ на плеча, потащился въ свою деревню. Утомленный до крайности трудною ношей и солнечнымъ зноемъ, Корреджіо, по прибытіи домой, выпилъ стаканъ холодной воды и тотчасъ занемогъ сильною горячкой, отъ которой и умеръ. Ему было около сорока лѣтъ. Работать онъ началъ съ 1512 года.

Корреджіо обогатилъ живопись превосходствомъ своего колорита и пробудилъ дѣятельность ломбардскихъ художниковъ, которые послѣ его смерти написали много замѣчательныхъ картинъ. Съ особою ловкостію онъ умѣлъ рисовать волосы: въ этомъ отношеніи онъ побѣдилъ вся трудности искусства. Живописцы обязаны ему въ значную признательностію. Фабіо Сеньи сочинилъ въ честь Корреджіо латинскіе стихи слѣдующаго содержанія:

«Когда великій художникъ съ неподражаемымъ совершенствомъ изображалъ тела смертныхъ, Хариты пришли

къ Юпитеру съ просьбою : «Милосердый отецъ , повели этому художнику снять съ насъ портреты : никто лучше его не можетъ изобразить на холстахъ наши тѣла.» Правитель Олимпа уважилъ желаніе Грацій , и поднялъ юношу къ звѣздамъ : тамъ нашъ Корреджіо пишетъ съ натуры портреты богинь , смотря на безсмертныхъ.»

Корреджіо принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ людей , которые , несмотря на великія услуги , оказанныя ими потомству , жили въ неизвѣстности , забытые или неузнанные своими современниками. Такіе люди — настоящіе мученики ; только темная , неопредѣленная надежда на позднюю славу утѣшаетъ ихъ среди безпрестанныхъ сомнѣній и неудобствъ отвратительной нищеты. «И я живописецъ!» вскричалъ Корреджіо , увидѣвъ картину Рафаэля. Кто не замѣтитъ въ этомъ восклицаніи и жестокихъ страданій художника и сладостной надежды , которая внезапно озарила душу его? Эта надежда — отрадный свѣтильникъ для неузнаннаго генія : она освѣщаетъ мрачный путь его жизни , и даетъ ему силу идти впередъ , несмотря на равнодушіе современниковъ.

Но такіе геніи — подводный камень для человѣка , державшаго писать ихъ исторію. Въ глазахъ потомства они остаются какими-то загадочными явленіями , въ которыхъ нѣтъ ни какой возможности опредѣлить законы ихъ бытія. Вы смѣтрите на ихъ высокія произведенія , удивляетесь необъятной ихъ силѣ , но въ то же время по-неволѣ отказываетесь отъ всѣхъ полезныхъ уроковъ , которые могла бы сообщить жизнь подобныхъ людей , потому что время совершенно изгладило воспоминанія объ ихъ жизни. Напримеръ , какъ началъ и какъ продолжалъ свое поприще Корреджіо? какія трудности встрѣчалъ онъ на своемъ пути? какія употреблялъ средства , чтобы побѣдить эти трудности?... Все это тайна : мы ровно ничего не знаемъ , и никогда не можемъ узнать. Произведенія Корреджіо являются уже совершенными , и сколько ни изучайте ихъ , вы никогда не нападете на ту дорогу , по которой художникъ шелъ къ совершенству , никогда не замѣтите правилъ , которымъ онъ подчинялъ кисть свою. Можно подумать , что Корреджіо умышленно покрылъ мракомъ неизвѣстности свою исторію , чтобы геній его казался потомству еще удивительнѣе.

Полную, отчетливую биографію Корреджіо, написать очень трудно, тѣмъ болѣе, что и вся исторія ломбардской живописи вообще довольно темна, какъ свидѣтельствуєтъ ученый Ланци. Римъ, Флоренція, Венеція, и послѣ Болонья, воспользовались преданіями своихъ школъ и тщательно собрали факты, служащіе къ объясненію жизни ихъ великихъ художниковъ. Но Ломбардія, раздѣленная на множество мелкихъ владѣній, при Корреджіо, въ самую блистательную эпоху италіянскаго искусства, представляла мало занимательнаго для иностранцевъ, и путешественники почти вовсе не обращали на нее вниманія. Въ Мантуѣ, Падуѣ, Реджіо, Кремонѣ, Пармѣ, Моденѣ, словомъ, въ каждомъ ломбардскомъ городѣ, была своя особая школа. Труды и слава художника не могли итти далеко въ такомъ тѣсномъ кругу, и Вазари по-неволѣ долженъ былъ только мимоходомъ указать на это раздробленное искусство, да вѣроятно и не зналъ всѣхъ подробностей, касающихся до ломбардскихъ художниковъ.

Главныя обстоятельства Корреджіевой жизни описаны въ весьма многихъ сочиненіяхъ. Съ именемъ его вездѣ соединяютъ бѣдность, уединеніе, преждевременную и трогательную кончину. Это преданіе переходило изъ устъ въ уста со времени самой смерти Корреджіо. Уже спустя сто лѣтъ, начали критически изслѣдывать подробности его биографіи, но, за недостаткомъ положительныхъ свидѣтельствъ, снова обратились къ преданію.

Корреджіо, по своей первой манерѣ въ живописи, принадлежитъ къ древнему стилю: доказательство — его Святой Антоній, находящійся въ дрезденской галерей. Въ этой картинѣ выражена вполне сухая правильность католической кисти среднихъ вѣковъ, тогда какъ въ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ онъ дошелъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ преобразованнаго искусства. Какимъ же образомъ Антонио, посвятившій себя сперва мелочной, тѣсной практикѣ, могъ превратиться въ исполинскаго, смѣлаго мастера? Италіянскіе критики много трудились надъ рѣшеніемъ этого вопроса, но дѣло понять очень не мудро: превращеніе Корреджіо объясняется обыкновенными общностями искусства, безъ всякихъ темныхъ изслѣдованій, которыя только-что

запутываютъ вопросъ и увеличиваютъ трудности. По несчастію, многіе ученые не любятъ приниматься за дѣло просто, и прибѣгаютъ къ мистеріямъ, чтобы похвастаться открытіемъ какихъ-то великихъ тайнъ. Такъ и о Корреджіо они внапуски увѣряли, будто въ преображеніи его дарованія скрывается нѣкое дивное таинство, непостижимое для ума человѣческаго. По словамъ ихъ, Корреджіо, скромный деревенскій житель, никогда не покидавшій своей отчизны, былъ ни больше ни меньше какъ новый Аргонавтъ, странствовавшій по лѣсамъ и дебрямъ, для отысканія драгоценнаго талисмана, съ помощію котораго онъ впоследствии такъ превосходно изображалъ человѣческое тѣло и особенно волосы. Самые старинные изслѣдователи не считали однако жъ нужнымъ заводить его въ небывалыя страны. Они говорятъ, что Корреджіо могъ научиться живописи у Мантеньи, такъ-какъ Мантеньи былъ его современникомъ и даже жилъ недалеко. Но гипотеза эта слишкомъ смѣла и не подкрѣплена ни какими фактами. Гораздо основательнѣе предположить, что Корреджіо воспользовался только картинами Мантеньи, которыя онъ могъ видѣть въ Пармѣ или въ Моденѣ. Великіе люди умѣютъ извлекать пользу изъ всего, что имъ попадается. Во всякомъ случаѣ трудно повѣрить, чтобы Корреджіо былъ ученикомъ Мантеньи, тѣмъ болѣе, что ему считалось только двѣнадцать лѣтъ, когда тотъ умеръ. Сами изслѣдователи, о которыхъ мы говоримъ, смирились передъ этимъ возраженіемъ, но не желая совсѣмъ отстать отъ своей гипотезы, они вздумали утверждать, будто Корреджіо бралъ уроки у сына Мантеньи, Франческо. Это уже и не стѣнитъ опроверженія. Другіе думаютъ, что Корреджіо учился у Леонардо да-Винчи, когда тотъ основалъ свое мѣстопробываніе въ Миланѣ и сдѣлался главой школы. Можно ли, говорятъ они: чтобы Леонардо, такъ охотно помогавшій всякому даровитому художнику, бѣдному и богатому, выпустилъ изъ виду гениальнаго Корреджіо? Можно ли, чтобы этотъ другъ всего миланскаго юношества не замѣтилъ и не поощрилъ Антоніо, какъ онъ поощрилъ Саво и столько другихъ? Но это мнѣніе также не основано на положительныхъ фактахъ: притомъ не должно забывать, что Миланъ лежитъ не очень близко отъ мѣстечка,

гда почти безвыходно жилъ Корреджіо. Наконецъ есть еще одно мнѣніе: некоторые писатели, основываясь на сходствѣ Корреджіева «Вознесенія» съ «Страшнымъ Судомъ» Микель-Анджело, полагаютъ, что Корреджіо когда-то странствовалъ во Флоренцію и тамъ учился у Буонароти. Но дѣло въ томъ, что сходство между этими двумя фресками, если оно действительно существуетъ, что еще подлежитъ сомнѣнію, скорее могло произойти отъ поѣздки Микель-Анджело въ Парму, нежели отъ поѣздки Корреджіо во Флоренцію, потому что пармскій куполъ расписанъ гораздо прежде сикстинской капеллы.

Почему не допустить, что Корреджіо образовался самъ, имѣя передъ глазами высокіе примѣры искусства? Правда, отечество его не стояло въ первомъ ряду государствъ, славившихся изящными художествами, не было такъ богато превосходными образцами, какъ Римъ и Флоренція, великія метрополіи изящнаго; но все же и не въ варварской странѣ жилъ Корреджіо: Парма и Модена отнюдь не были чужды общему движенію искусства, прославившему Италію. Очень вѣроятно, что даровитый Корреджіо не разъ имѣлъ случай видѣть прекрасныя антики и высокія произведенія новѣйшихъ художниковъ. По-крайней-мѣрѣ не подлежитъ сомнѣнію, что онъ видѣлъ картину Рафаэля: преданіе говоритъ объ этомъ очень ясно. Сверхъ-того мы знаемъ, что пластика пользовалась большимъ уваженіемъ въ его отечествѣ. Это искусство, обыкновенно предшествующее скульптурѣ и прекрасно помогающее живописи, было въ то время отличительною принадлежностію Ломбардіи. Модена особенно славилась отличными мастерами въ этомъ родѣ. Вазари много говоритъ о Паганини, который пріѣзжалъ во Францію по вызову Карла VIII, и въ 1484 году былъ уже извѣстенъ какъ превосходный пластикъ. Лѣтописецъ Ланчлотто до небесъ превозноситъ Джіованни Абатти, удивляясь его гипсовымъ образамъ, бывшимъ тогда во всеобщемъ употребленіи въ Италіи. Великій Микель-Анджело, по словамъ Вазари, удивлялся таланту Бегарелли, и, смотря на глину, изъ которой онъ лепилъ, сказалъ: «Если бы эта глина могла превратиться въ мраморъ, тогда прощай древнія статуи!» Упражненіе въ пла-

стива, которое Корреджіо занимался съ самаго дѣтства, кажется, достаточно объявляетъ твердость и необыкновенную гибкость фигуръ на его картинахъ. Такимъ образомъ, разрѣшеніе загадки Корреджіева таланта надобно искать именно въ томъ тѣсномъ углу, гдѣ онъ родился, выросъ и умеръ. Притомъ не нужно забывать, что Корреджіо выступилъ на поприще искусства въ такое время, когда гений человека вездѣ сбрасывалъ съ себя кандалы безотчетнаго подражанія, когда вездѣ возникала новая жизнь, духъ преобразования господствовалъ надъ умами и подстрекалъ ихъ къ дѣятельности. Мудрено ли, что при такихъ обстоятельствахъ, люди съ высокимъ дарованіемъ изумили потомство своими превращеніями? И если Корреджіо сдѣлалъ больше другихъ, то это значитъ только, что онъ болѣе другихъ искалъ славы, и не падалъ своихъ силъ для ея пріобрѣтенія. Короче, неутомимая дѣятельность Корреджіо и, разумѣется, его необыкновенныя дарованія заключаютъ въ себя, по нашему мнѣнію, весь секретъ его чудеснаго превращенія. Эту мысль, какъ нельзя лучше, подтверждаетъ прекрасный, откровенный отзывъ Каррачіо о произведеніяхъ геніальнаго живописца. «Картины Корреджіо, пишетъ онъ: суть непосредственный плодъ его мысли: этотъ великій художникъ никому не обязанъ своимъ образованіемъ. Съ перваго взгляду на его произведенія видишь, что онъ все изобрѣлъ самъ, что все вышло изъ собственной его головы. Одинъ только Корреджіо воплотилъ оригинальный, самобытный мастеръ, тогда какъ прочіе живописцы, все безъ исключенія, имѣютъ что-нибудь такое, что не имъ принадлежитъ: тотъ беретъ въ образецъ модели, другой статуи, третій эстампы, и такъ далѣе. Наконецъ, произведенія каждаго художника представляются такъ, какъ они могутъ быть; но Корреджіевы картины представляются тѣмъ, что онъ дѣйствительно. Я не умю хорошо выразиться и не знаю, понятно ли говорю, но увѣренъ, что мнѣніе мое справедливо.»

Впрочемъ, превращеніе Корреджіева таланта совсѣмъ не такъ изумительно, какъ воображаютъ итальянскіе наслѣдыватели. Правда, между Святѣмъ Антоніемъ и Взятіемъ Бегородицы на небо нѣтъ почти ни какаго сходства; но не на-

добно забывать, что первая картина написана въ молодости, а последняя въ концѣ жизни художника: въ промежуткѣ этихъ двухъ эпохъ Корреджіо написалъ множество другихъ картинъ, и въ нихъ не трудно замѣтить постепенный переходъ его отъ старой манеры къ той степени совершенства, до которой достигъ онъ впоследствии.

Точно ли былъ бѣденъ Корреджіо? Преданіе говоритъ коротко и ясно, что онъ былъ мирный житель небольшого мѣстечка, трудами рукъ добывавшій очень скудное пропитаніе для многочисленнаго семейства и наконецъ умершій въ нищету. Прошло два вѣка послѣ трагической смерти художника, и потомство нисколько не сомнѣвалось въ этой печальной истинѣ. Но потомъ явились люди, которыхъ вздумалось доказывать, что Корреджіо былъ не плебей, а потомокъ богатой и знатной фамиліи; что мѣстечко, гдѣ жилъ онъ, было не деревня, а многолюдный городъ; что Антоніо принадлежалъ къ аристократамъ этого города, жилъ какъ аристократъ среди блистательныхъ почестей, среди утонченныхъ изобретеній роскоши, и умирая оставилъ богатое наследство своему сыну Помпонію. Такъ писалъ между прочимъ монахъ Орланди, и вслѣдъ за нимъ Манинъ вздумалъ увѣрять, что ему удалось отыскать гдѣ-то щитъ Корреджіева герба. Мы не станемъ опровергать этого ни на чемъ не основаннаго вздору: факты, въ подобныхъ случаяхъ, лучше всякихъ опроверженій. За гигантскую отдыжку пармскаго купола, Корреджіо получилъ плату, какую давали Рафаэлю за одну фигуру. Картину «Христосъ въ Масличномъ Саду», онъ отдалъ своему заимодавцу въ уплату долга, состоявшаго всего изъ четырехъ скудовъ. Наконецъ, несомнѣнные документы доказываютъ, что пармскіе монахи покупали его произведенія за мышокъ хлѣба или вязанку дровъ. Было же изъ чего накопить богатое наследство сыну Помпонію!

При жизни, Корреджіо не пользовался и тѣнью той славы, которая озаряетъ его въ потомствѣ. Однажды какой-то церковный староста, разсматривая рисунки художника, простодушно сказалъ: «Ужъ не хотите ли вы, мессеръ Антоніо, нарисовать здѣсь блюдо съ лягушками?» Оправдывая эту обиду, Ланци замѣчаетъ, что глупыя слова ста-

росты нельзя принимать за общее мнѣніе современниковъ. Это, конечно, правда; но справедливо также и то, что наглая выходка невѣжды часто разрушаетъ всю будущность скромнаго и незащитнаго художника. Притомъ, какимъ бы образомъ этотъ невѣжда осмѣлился обижать Корреджіо, если бы художникъ былъ въ славѣ?

Напротивъ-того, лишь только умеръ Корреджіо, какъ молва о его картинахъ быстро распространилась по всей Италіи, и молодые люди со всѣхъ сторонъ начали съезжаться въ Парму и Модену для изученія его великихъ произведеній. Аннибалъ Каррачіо писалъ къ своимъ братьямъ: «Надо усвоить себѣ манеру Корреджіо : это — великое дѣло!» Вездѣ говорили о подвигахъ и заслугахъ гениальнаго художника; вездѣ превозносили его таланты; вездѣ удивлялись его картинамъ : этотъ поистинѣ энтузіазмъ былъ должною данью безсмертному мастеру, который преобразовалъ италіянское искусство, находившееся въ упадкѣ.

=

СУЩЕСТВУЕТЪ ЛИ

ПРИРОДНЫЙ МЫШЬЯКЪ ВЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКОМЪ ТѢЛѢ ?

ДОКЛАДЪ НА СЪѢЗДѢ ПАРИЖСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Публика не забыла еще знаменитаго процесса Маріи Лафаржъ, которую одна изъ французскихъ уголовныхъ палатъ признала отравительницей, безъ достаточныхъ юридическихъ доказательствъ, основываясь единственно на пятнышкѣ съ металлическимъ отливомъ, которое, съ помощію Маршева прибора, получилъ докторъ Орфила на фарфоровомъ блюдечкѣ при перегонкѣ исплывшихъ внутренностей трупа. Несообразность этого приговора и вообще всего процесса, гдѣ наука смѣло играла роль свидѣтеля, позабывъ, что ей слѣдуетъ всегда первой сомнѣваться въ своей непогрѣшимости, побудила многихъ физиковъ глубже заняться вопросомъ. Удивительныя открытія давно уже приучили насъ ничему не удивляться : такимъ образомъ, несмотря на свою странность, почти не возбудило недоверчивости въ ученое свѣтъ и необычайное открытіе доктора Орфила, который будто-бы нашелъ, что въ костяхъ и въ мясѣ всякаго человѣка всегда находится болѣе или менѣе мышьяку, подобно тому какъ желѣзо находится въ крови, фосфоръ въ мозгу, и такъ далѣе. Свѣтъ долго еще вѣрилъ бы этому чуду, когда бы открытель не преувеличилъ своего искусства до крайней степени невѣроятности. Если въ тѣлѣ нашемъ природа сама помѣстила мышьякъ, то очевидно, что, при химической перегонкѣ исплывшихъ остатковъ человѣка, котораго вочитають за отравленнаго мышьякомъ, въ полученныхъ признакахъ этого яду нельзя было

бы различить принятаго мышьяку отъ природнаго. Докторъ Орелла, однако жъ, въ извѣстномъ процессѣ Марію Лаваржъ, съ несчастливою самоувѣренностью объявилъ, что мерцающее пятно, произведенное на фарфоръ посредствомъ Маршева прибора, происходитъ именно отъ принятаго мышьяку, а не отъ природнаго. Неученые судьи повѣрили ему на-слово; но ученые не могли не изумиться смѣлости такого парадокса. Она породила множество изысканій, книгъ, споровъ, такъ что наконецъ парижская академія наукъ приняла участіе въ этомъ преніи. Предстояло рѣшить: справедливо ли, что въ тѣлѣ и въ костяхъ всякаго здороваго человека находится природный мышьякъ, какъ это благополучно открылъ господинъ Орелла, посредствомъ Маршева прибора? и не обманчивъ ли этотъ приборъ, такъ что показанія его не могутъ и не должны имѣть вѣсу ни въ наукѣ, ни при разрѣшеніи вопросовъ объ отравленіяхъ.

Всѣмъ врачамъ и химикамъ извѣстенъ, замѣчательный во своей простотѣ, способъ, для открытія самыхъ малыхъ количествъ мышьяку, предложенный Джемсомъ Маршемъ, которому Лондонское Общество Искусствъ поднесло въ награду большую золотую медаль. Этотъ способъ былъ вскоре принятъ во Франціи, гдѣ судебную медицину изучаютъ очень тщательно, но гдѣ, къ несчастію, дають уже слишкомъ много вѣсу мнѣніямъ людей, занимающихся этою наукой, мнѣніямъ, очень часто основаннымъ на однихъ только предположеніяхъ. Въоладствіи Маршевъ аппаратъ введенъ былъ въ употребленіе и въ другихъ государствахъ твердой земли. Никто не сомнѣвался въ непогрешимости его указаній. Основываясь на нихъ, докторъ Орелла и другіе химики и медицинскіе легисты стали доказывать, что сама природа отравляетъ насъ мышьякомъ: его начали открывать въздѣ, въ мѣся животныхъ, въ костяхъ, въ прахѣ кладбищъ, и прочая, дотога, что господинъ Разраилъ вызвался отарыть этотъ ядъ въ шерстяныхъ занавѣскахъ судебной залы, въ которой Марію Лаваржъ признали отравленною.

Парижская академія назначила комиссію изъ господъ Thénard, Dumas и Wollasingault, людей, которыхъ авторитетъ въ подобныхъ обстоятельствахъ неоспоримъ, и пору-

чила имъ разсмотрѣть и рѣшить вопросы, возникшіе по поводу споровъ объ этомъ и о способахъ открывать мышьякъ. Передъ нами лежитъ замѣчательное донесеніе этой комиссіи, которая пригласила господина Орфла повторить передъ нею свои знаменитые опыты и открытія о существованіи природнаго мышьяку въ нашемъ тѣлѣ, и сама занялась самыми подробными изслѣдованіями такого рода. Это донесеніе — важная услуга, наукъ и правосудію. Съ тѣхъ поръ, какъ господинъ Орфла неоспоримо доказалъ, будто мышьякъ добровольно существуетъ, хоть и въ чрезвычайно маломъ количествѣ, въ мясистыхъ частяхъ, а въ ббльшей пропорціи въ костяхъ, составляя нечто въ родѣ природнаго мышьяку, и какъ его мнѣніе подтвердилось тѣмъ, что и въ землѣ на кладбищахъ открыто присутствіе этого металла, уже съ тѣхъ поръ въ уголовныхъ дѣлахъ объ отравленіяхъ мышьякомъ царствовала самая гибельная сбивчивость. Она еще болѣе увеличилась послѣ того какъ Danger и Flandin, въ послѣднее время, стали опровергать знаменитое открытіе господина Орфла и доказывать, что Маршевъ приборъ очень часто даетъ плутишки, совершенно похожія на мышьяковыя, тамъ, гдѣ не было ни одной пылинки мышьяку. Комиссія подтвердила оба эти важные пункта: она не нашла ни малѣйшаго следа природнаго мышьяку, ни въ костяхъ, ни въ мясѣ здороваго человека, ни въ мясномъ бульонѣ, ни въ хлебныхъ растеніяхъ, которыхъ зерна, передъ посѣвомъ, были вымачиваемы въ мышьяковой кислотѣ, а одинъ германскій химикъ удостоверялся очень недавно, что растенія даже и не развиваются въ землѣ, смѣшанной съ весьма незначительнымъ количествомъ этого яду. Господинъ Орфла, повторивъ передъ членами комиссіи свои опыты, которые вели его въ заблужденіе, принужденъ былъ сознаться, что онъ *ошибся*.

Теперь можно смѣло сказать, что Маршевъ приборъ, не только не составляетъ полезнаго приобрѣтенія для судебной медицины, но еще, по своей необыкновенной чувствительности, ставитъ ее въ чрезвычайно затруднительное положеніе. Онъ открываетъ даже такія неслыханныя количества мышьяку, которыми человекъ никакъ не можетъ отра-

вѣться, хотъ бы и проглотилъ ихъ. Въ самомъ дѣлѣ частички этого металла начинаютъ осѣдать на поверхность холоднаго тѣла, введеннаго въ пламя водорода, который освобождается изъ отравленной жидкости, когда въ ней находится не болѣе одной двухъ-миллионной части грамма мышьяку, хотя совершенно явственными становятся тогда только, когда жидкость заключаетъ въ себя одну миллионную часть грамма этого гибельнаго вещества. Надобно замѣтить, что приборъ Марша основанъ на чрезвычайно сильномъ средствѣ мышьяку съ водороднымъ газомъ: чтобъ получить мышьякъ, должно въ подозрѣваемой жидкости, посредствомъ цинку и сѣрной кислоты, произвести образование водороднаго газа, зажечь его при выходѣ изъ трубки, и въ пламя вложить какое-нибудь холоднае тѣло, напримеръ кусокъ фарфору: тогда мышьякъ въ видѣ металлической пыли садится на его поверхности, образуя темныя, мерцающія пятна. Приложение этого способу очень просто тамъ, гдѣ разлагаютъ чистыя минеральныя вещества; но гдѣ дѣло идетъ объ открытїи мышьяку, смѣшаннаго съ животными веществами, какъ это всегда бываетъ при отравленїяхъ, тамъ употребленїе Маршева аппарата становится невозможнымъ или, по-крайней-мѣрѣ, чрезвычайно труднымъ. При образованїи водороднаго газа, органическія вещества вѣнзятся: густая пѣна выходитъ изъ прибора и затрудняетъ дѣлопроизводство. Чобъ предотвратить это, нужно разрушить животную матерїю, не теряя нѣсколько мышьяковозой кислоты. Для этого господинъ Орфилъ предложилъ два способа. Онъ или смѣшиваетъ органическую матерїю съ селитрою и сжигаетъ ее, бросая небольшими количествами въ красно-каленый тигель; полученную такимъ образомъ золу высушиваетъ и разлагаетъ сѣрною кислотою, чтобъ отдѣлить угольную и селитристую кислоты; потомъ высушиваетъ остатокъ снова, и кладетъ его въ Маршевъ приборъ; или обугливаетъ органическую матерїю чистою селитряною кислотою: выпаренная до-суха и обращенная въ уголь смѣсь кипятится нѣсколько разъ въ дистиллированной водѣ, которая извлекаетъ весь мышьякъ, заключавшїйся въ органической матерїи. Въ томъ и другомъ случаѣ, мышьяковистая кислота превращается въ мышьяковую.

Хотя послѣдній способъ лучше перваго, однако жъ, какъ онъ требуетъ очень большаго количества селитряной кислоты, и при употребленіи его, въ концѣ операціи, очень часто происходятъ опасныя воспламененія газовъ, то коммиссія отдастъ преимущество способу, предложенному господинамъ Данжѣ и Фланденомъ. По ихъ методу, надобно смѣшать органическое вещество съ одною шестою частію, по весу, концентрированной сѣрной кислоты, и подогревать: органическое вещество сначала растворяется, а потомъ обугливается безъ пѣны. Смѣсь часто помывиваютъ и подгораиваютъ, пока она совершенно не высушится; потомъ къ ней прибавляютъ небольшое количество селитряной кислоты, или царской воды, чтобы превратить мышьякъ въ мышьяковую кислоту и сдѣлать его растворимымъ. Полученный уголь, вываренный въ кипящей водѣ, никогда не даетъ пѣны въ Маршевомъ приборѣ. Такимъ же образомъ можно обуглить и самыя органы, которые, какъ доказалъ несколько лѣтъ тому назадъ господинъ Мажанди опытами надъ всасываніемъ рвотнаго камня, могутъ втягивать въ себя и удерживать въ своей ткани большее и меньшее количество самыхъ ядкихъ и самыхъ раздражающихъ веществъ. Этотъ способъ возвратилъ бы Маршеву аппарату его пользу и важность къ судебной медицинѣ, если бы аппаратъ производилъ темныя, мерцающія пятна только съ однимъ мышьякомъ. Но всего хуже, всего опаснѣе и подозрительнѣе въ способъ Марша, то, что различныя и часто совсемъ новыя вещества, находящіяся въ смѣси съ органическою матеріей, образуютъ точно такія же пятна. Сурьма, напримеръ, въ Маршевомъ приборѣ, даетъ пятна съ металлическимъ отблескомъ, которыя очень легко принять за мышьяковыя; а сурьму очень часто употребляютъ какъ лекарство, когда хотятъ спасти отравленныхъ. Если тѣло, введенное въ пламя водорода, будетъ стекло или фаянсъ, покрытый глазуромъ, въ которомъ есть свинецъ, то пламя опять образуетъ на немъ такія же темныя пятна, именно металлическій свинецъ, возстановившійся изъ свинцоваго окисла, какъ это доказалъ господинъ Soulier. Отсюда слѣдуетъ, что должно употреблять настоящія фарфоровыя пластинки, покрытыя глазуромъ изъ чистаго фельдшпату, въ чемъ те-

же трудно быть совершенно увереннымъ. Наконецъ, если приборъ дѣйствуетъ сильно, и ничто не мешаетъ свободному отдаленію водороднаго газа, то газъ увлекаетъ съ собою капельки жидкости, а онѣ, высыхая, образуютъ на поверхности пластинки пятна сѣрнистаго цинку, употребленнаго въ операцин, которыя тоже чрезвычайно похожи на мышьяковыя. Кроме того, самъ господинъ Орфилъ замѣтилъ, что если, при предварительной обработкѣ органической матеріи, будетъ употреблено пламя слишкомъ сильное, то на поверхности пластинки появляются болѣе или менѣе темныя пятна, довольно большія, которыя онъ называетъ «пятнами грязи», taches de crasse. Господинъ Орфилъ нашелъ также, что если въ приборъ лежать мускулы, обугленные селитряною кислотою, то на поверхность вводимой въ пламя пластинки садятся пятна другого рода, иногда бѣлыя, матовыя, иногда желтыя, иногда свѣтло-бурыя, съ синеватымъ отливомъ: эти пятна тоже очень легко принять за мышьяковыя. Господа Данжé и Фланденъ удостовѣрились, что мясо, стертое съ равнымъ, по вѣсу, количествомъ селитряной кислоты, смѣшанное потомъ съ сѣрною кислотою, и накаленное до-красна, превращается въ вещество, которое въ Маршевомъ приборѣ, даетъ очень большія бурія пятна. Они открыли, что эти пятна — смѣсь сѣрнистаго и фосфористаго амміаку съ очень малымъ количествомъ органической матеріи. Искусственная смѣсь этихъ солей, введенная въ Маршевъ приборъ съ нѣсколькими каплями скипидару, дала совершенно такія же пятна. По замѣчанію господъ Данжé и Фландена, эти пятна походятъ на мышьякъ не только видомъ, но и другими химическими свойствами: такъ же пахнутъ чеснокомъ, такъ же растворяются въ селитряной кислотѣ, даютъ такой же желтый осадокъ въ сѣрнистомъ водородѣ, кирпичный въ растворѣ селитро-кислаго серебра, и такъ далѣе. Правда, эти пятна происходятъ только въ такомъ случаѣ, если обугливаніе не совершенно и окисляющаго дѣйствія селитряной кислоты не достаточно для обращенія въ сѣрную и фосфорную кислоты фосфористыхъ и селитристыхъ солей органической матеріи: обстоятельство это зависитъ отъ искусства химика, производящаго опытъ, но зато оно требуетъ чрезвычайной

опытности съ его стороны для точнаго рѣшенія, совершенно ли было обугленіе и достаточно ли было дѣйствіе соли-
 рной кислоты. Члены комиссіи убѣдились прямыми опы-
 тами, что, посредствомъ другихъ реактивовъ, очень не
 трудно отличить эти ложныя пятна отъ настоящихъ мышья-
 ковыхъ пятенъ.

Изъ всѣхъ этихъ замѣчаній очевидно слѣдуетъ, что, какъ
 бы ни былъ полезенъ приборъ Марша, въ рукахъ искус-
 наго химика, для открытія небольшихъ количествъ мышья-
 ку, никогда еще не должно выводить заключенія, будто
 этотъ металлъ находится въ данномъ веществѣ, основываясь
 только на однихъ пятнахъ. Приборъ Марша представ-
 ляетъ очень выгодное средство концентрировать металлъ
 для изученія его химическихъ свойствъ; но если пятна
 такъ малы, что нечувствительны для реактивовъ, то все
 показанія прибора должно считать сомнительными и даже
 ничтожными.

Коммиссары академіи полагаютъ, что самымъ удобнымъ
 приборомъ для открытія мышьяку, при судебно-медицин-
 скихъ слѣдствіяхъ, былъ бы нѣсколько измѣненный Мар-
 шевъ приборъ, какой предлагали Либихъ, Берзеліусъ, и не-
 давно еще кольмарскій химикъ Каппманнъ. Это—стеклянка,
 съ прямою шейкою, и широкимъ горлышкомъ, котораго
 отверстіе затыкается пробкою, имѣющею двѣ дыры. Въ одну
 дыру вставляется широкая стеклянная трубка, продолжаю-
 щаяся до дна сосуда; въ другую вставляется трубка по-тонь-
 ше, для выхода отдѣляющихся газовъ. Надъ выходомъ изъ
 сосуда, эта вторая трубка раздута въ шарикъ, для сгущенія
 жидкостей, потомъ сгибается коленнымъ, и проходитъ сквозь
 другую трубку, наполненную горнымъ льномъ, или аміан-
 томъ. Къ концу трубки съ горнымъ льномъ приделана
 третья трубка, обернутая фольгою: она проходитъ сквозь
 мѣдную подставку, и оканчивается острымъ концомъ. Ко-
 гда приборъ готовъ, въ стеклянку кладутъ цинкъ, воду и сѣр-
 ную кислоту, и отверстіе затыкаютъ пробкой. Потомъ раз-
 горячаютъ до-красна часть трубки, обернутую фольгою, и
 смотрятъ, не образовалось ли какихъ-нибудь пятенъ, за тѣмъ
 мѣстомъ, гдѣ трубка была раскалена. Когда этого нѣтъ, за-
 жигаютъ газъ въ тонкомъ концѣ третьей трубки, и произъ-

водить испытаніе холодильнигъ тѣломъ. Увѣрившись въ чистоту реактивовъ, подозрѣваемую жидкость, черезъ прямую трубку, вливаютъ въ стеклянку. Вслучае если операція замедлится, къ смѣси прибавляютъ новое количество сярной кислоты, черезъ прямую же трубку. Если въ газъ есть мышьякъ, то онъ садится въ трубкѣ, въ видѣ металлическаго кольца, по ту сторону, гдѣ происходитъ разгоряченіе. При выходѣ изъ трубки, газъ зажимаютъ и, если длинная часть трубки не была достаточно разгорячена или если діаметръ ея такъ великъ, что водородистый мышьякъ не могъ быть весь разложенъ, то на фарфоровыхъ пластинкахъ получаютъ пятнышки мышьяку. Для превращенія въ твердый видъ послѣднихъ частичекъ мышьяку, должно опустить конецъ трубки въ растворъ селитро-кислаго серебра. Этотъ послѣдній способъ кажется господину Lassaigue самымъ вѣрнымъ : водородисто-мышьяковій газъ, проходя сквозь растворъ селитро-кислаго серебра, разлагается; металлическое серебро осѣдаетъ, а мышьяковая кислота остается въ растворѣ. Однако жъ, изъ того что растворъ дѣлается жутнымъ, не должно заключать, чтобы въ проходящемъ сквозь него газъ дѣйствительно заключался мышьякъ : осадокъ чернаго цвѣту, сярнистое серебро, можетъ происходить оттого, что цинкъ содержитъ въ себѣ небольшое количество сьры. Если приборъ стоитъ на солнечномъ свѣтѣ, то углеродистые газы, и даже чистый водородъ, могутъ осаждаютъ металлическое серебро. Получивъ осадокъ, должно осадить оставшееся въ растворѣ серебро соляною кислотою; и потомъ до-суха выпарить жидкость : въ остаткѣ будетъ находиться только мышьяковая кислота, которую не трудно узнать, посредствомъ обыкновенныхъ реактивовъ. Это лучший способъ концентрировать мышьякъ : имъ можно открыть одну *пяти-милліонную* частичку грамма ядовитаго металла, хотя такая частичка, конечно, не можетъ служить доказательствомъ отравленія. Вмѣсто селитро-кислаго серебра, можно употребить растворъ хлорину или хлористаго потассія (калія).

Получивъ въ трубкѣ мышьякъ въ видѣ кольца или пятна на блюдечкѣ, должно убѣдиться въ его отличительныхъ свойствахъ, слѣдующимъ образомъ :

1. Въ его летучести. Мышьяковыя пятна, подверженные действию пламени чистаго водорода, тотчас испаряются. Пятна сурьмы расцвѣтаются, бѣлѣютъ и испаряются не ранѣе, какъ черезъ нѣсколько минутъ.

2. Если направить трубку, открывши оба ея конца, то мышьякъ превращается въ бѣлый летучій порошокъ, чистаго запаха.

3. Селитраная кислота или, лучше, царская вода, превращаютъ мышьяковыя пятна въ мышьяковую кислоту, которая очень сильно растворяется въ воду. Этотъ растворъ, выпаренный до-суха въ маленькомъ платиномъ тиглѣ, даетъ, съ нѣсколькими каплями раствора селитро-кислага серебра, кирпичнаго цвѣту осадокъ; пятна грязи, *taches de grasse*, въ этомъ случаѣ, даютъ осадокъ желтаго цвѣту, фосфорно-кислос серебро; остатокъ же сурьмы не изменяется.

4. Металлическій мышьякъ можно снова отдѣлать, прибавляя въ тигель немного чернаго плавня, высушивая матерію, и прокаливая ее до-красна въ маленькой трубчкѣ, съ запаяннымъ концомъ. Металлическое кольцо образуется въ узкой части трубки.

Только сумма всѣхъ этихъ качествъ можетъ химикъ, производящему слѣдствіе, дать право утвердительно сказать, что въ данной матеріи находится мышьякъ.

Коммиссія сама повторила всѣ опыты, дѣланные прежде съ Маршевымъ приборомъ, и разбираала всѣ вопросы, которые породили употребленіе этого способа. Подробный протоколъ всѣхъ дѣйствій коммиссіи составляетъ большую часть донесенія.

Коммиссары прежде всего занялись опредѣленіемъ крайнихъ степеней чувствительности Маршева прибора при открытій мышьяку. Они начали замечать на фарфоровой пластинкѣ, слабыя пятнышки, когда жидкость заключала въ себя три пяти-милліонныя части мышьяку; присутствіе аду рѣзко означалось, когда въ жидкости была только одна милліонная. Коммиссары убѣдились, что пятна образуются явственнѣе при малыхъ количествахъ жидкости, чѣмъ при большихъ, заключающихъ въ себя такое же количество аду, и что, следовательно, передъ употребленіемъ Маршева

прибора; подозриваемая жидкость должно стучать: отъ этого пятна становится рѣзче, хотя держатся не такъ долго.

Замѣникъ обыкновенный Маршевъ приборъ показалъ, комиссары увидѣли въ трубкѣ очень явственное мышьяковое кольцо, хотя въ жидкости заключалось не болѣе одной пяти-милліонной частички металла, между-тѣмъ какъ обыкновеннымъ способомъ нельзя было получить ни малѣйшаго замѣтнаго пятна.

Посредствомъ измѣненнаго прибора комиссары убѣдились также, что ни сѣрная кислота, ни цинкъ, употребленные ими, не заключали въ себѣ мышьяку; хотя опытъ былъ продолженъ до совершеннаго растворенія цинку.

Комиссары, иногда одни, иногда вмѣстѣ съ госпожиною Орфилъ, повторили всѣ опыты этого знаменитаго врача-лгиста. Они нашли, что внутренности животныхъ, отраженныхъ мышьякомъ или солями сурьмы, въ особенности же печень, сердце, легкія, будучи хорошо обуглены, всегда давали рѣзкія пятна или мышьяку или сурьмы. Для этого нужно было только, чтобъ животное прожило два или три часа послѣ отравленія.

Главное вниманіе комиссаровъ было обращено на тѣ опыты, которыми доказывается иныя существованіе природнаго мышьяку въ тѣлѣ человека. Они не добыли ни одного атома этого вещества изъ мясистыхъ частей, обугленныхъ или селитряною или сѣрною кислотою. Они не получили ни малѣйшаго пятнышка изъ костей, обращенныхъ въ уголь огнемъ. Предполагая, что мышьякъ могъ испариться во время накалыванія, они разрушили кости посредствомъ чистой соляной кислоты, известковую же соль разложили сѣрною кислотою, остатки высушили, потомъ варили въ кипящей водѣ, но не получили мышьяковыхъ нитей. Тѣ же отрицательные результаты дала студень костей, обугленная сѣрною кислотою. Человѣчскія кости, дистиллированныя по способу господъ Данжѣ и Фландена въ фарфоровой ретортѣ, раскаленной до-бѣла и снабженной трубками и вѣсешниками, для сохраненія всѣхъ произведеній, не дали ни малѣйшаго пятна въ Маршевомъ аппаратѣ, куда были влиты жидкости, образовавшіяся изъ кипяченія этихъ произведеній въ дистиллированной водѣ.

Такіе же явленія представляли говяжій бульонъ и хлѣбныя растенія, которыхъ зерна до посѣву были вымачиваемы въ мышьяковистой кислотѣ.

Вотъ, вкратцѣ, результаты трудовъ комиссін, назначенной парижскою академіею наукъ. Они даютъ право заключить, что способъ Марша, при употребленіи нынче усовершенствованнаго прибора и при соблюденіи всѣхъ предосторожностей, указанныхъ въ рапортѣ, можетъ быть употребляемъ съ пользою при судебно-медицинскихъ изслѣдованіяхъ, для открытія частичекъ мышьяку; но что нужно быть химикомъ первой руки, Берзеліусомъ или Дэви, чтобы не ошибиться въ свойствахъ пятенъ, полученныхъ посредствомъ этого прибора, и быть увѣреннымъ, что они действительно мышьяковыя пятна. Комиссары прибавляютъ, что, въ бѣдшей части отравленій, для хорошаго химика достаточно разложить вещества, извергнутыя рвотою, или тѣ, которыя остались въ пищеварительномъ каналѣ, чтобы убѣдиться въ присутствіи яду, и что онъ долженъ прибѣгнуть къ обугливанію органовъ только въ такомъ случаѣ, когда первые его опыты будутъ безуспѣшны или когда того потребуютъ обстоятельства, сопровождавшія отравленіе. Но господинъ Мажанди, присутствовавшій въ засѣданіяхъ, который прежде всѣхъ доказалъ своими опытами всасываніе ядовитыхъ веществъ въ органы отравленнаго животнаго, весьма справедливо замѣтилъ: «Когда дѣло идетъ объ отысканіи, посредствомъ чрезвычайно изысканныхъ способовъ и сложныхъ приборовъ, присутствія всасаннаго вещества въ ткани нашихъ органовъ, чтобы на этомъ основывать судебно-медицинское заключеніе, то такой родъ изслѣдованій, гдѣ люди самыя искусныя могутъ впасть въ заблужденіе, представляетъ, по моему мнѣнію, чрезвычайно важныя неудобства, и можетъ имѣть самое губительное вліяніе на приговоръ судей.»

ЗАКУЛИСНЫЙ МІРЪ

ДРЕВНИХЪ ГРЕКОВЪ и РИМЛЯНЪ.

Театръ сдѣлался для насъ составною частью жизни : его дѣянія, успѣхи, неудачи, тайны, его актеры, ихъ таланты и приключенія, занимаютъ насъ столько же, если не болѣе, какъ политическія событія и государственные люди. Поэтому не можетъ быть, чтобы нынѣшнему любителю театра, который знаетъ все, что дѣтается за нашими кулисами, и знаетъ, что драматическое искусство заняли мы у древнихъ Грековъ и Римлянъ, часто не приходила въ голову мысль о томъ, какъ пріятно было бы заглянуть за кулисы этихъ язычниковъ, чтобы удостовѣриться, какъ происходили у нихъ представленія, какое вліяніе имѣли актрисы на покойныхъ классиковъ, кто были ихъ актеры, и что они значили въ тогдашнемъ обществѣ и его нравахъ. Вся эти вопросы очень занимательны и совершенно свѣтски, но разрѣшеніе ихъ требуетъ необыкновенной учености. Дѣло важное. Раскрытіе такихъ великихъ тайнъ сопряжено съ безчисленными затрудненіями, и самымъ смѣтливѣйшимъ антикваріямъ нерѣдко случалось стать въ-тупикъ передъ ними. Постараемся однако жъ, хоть слегка, удовлетворить законное любопытство нашихъ читателей.

Когда вы теперь входите въ театръ, если піесу даютъ въ первый разъ, то вы непременно встрѣчаете здѣсь автора. Онъ озабоченъ : недовольство на лицѣ, нетерпѣніе во всѣхъ ужимкахъ. Если онъ вамъ знакомъ, вы начинаете разговоръ. Авторъ, или, какъ говорится, *поэтъ*, жалуется: это — по положенію. Онъ жалуется, что его піесу насилу прочитали въ театральномъ комитетѣ; что роли розданы не тѣмъ, кому бы онъ желалъ поручить ихъ; что актеры — въ ссорѣ между собою и играютъ одинъ на зло другому; что

актрисы заняты болѣе своими обожателями чѣмъ ученіемъ роли; что послѣдняя репетиція ужасно его измучила, и прочая. Искренно желая успѣху несчастному поэту, вы въ то же время говорите въ душѣ — бѣдные драматическіе писатели! — и спрашиваете самого себя, отчего у этихъ людей, со временъ Аріона, до настоящаго спектакля, такая тма заботъ, и почему, отъ изобрѣтенія театра до-сихъ-поръ, ихъ участь почти не улучшилась?

Вотъ поднимается занавѣсъ. Играютъ. Вашъ драматургъ осыпанъ румоплесканіями или освистанъ. Онъ торжествуетъ, дружески пожимаетъ руку всѣмъ, которые поздравляютъ его съ успѣхомъ, или бѣсится и уходитъ съ пріятелями залить неудачу шампанскимъ. Такъ ли бывало у древнихъ? Чтѣвъ такихъ случаяхъ дѣлали ихъ драматическіе писатели?... А вотъ увидимъ. Поставимъ въ параллель все, авторовъ и театральную цензуру, сцену и ложи, декорации и механизмъ, которымъ онъ приводятся въ движеніе, актеровъ и зрителей, актрисъ и директоровъ, оркестры и хоры, лампы и румяны. Сравненіе древняго міра съ новымъ, во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, не можетъ не быть важно для истиннаго философа.

Одинъ только бѣдный драматическій писатель, или, короче, *драматургъ*, знаетъ, сколько трудовъ, хлопотъ, неприятностей, стѣдитъ, въ наше время, постановка на сцену какой бы то ни было пьесы. Но онъ можетъ утѣшиться: человечество такъ ужъ создано; всѣ эти неприятности существовали и въ древнія времена.

Греческій или римскій авторъ сочинилъ комедію, трагедію, сатирическую драму, мимическое представленіе, или *ателлану*: положимъ, что пьеса была очень хороша; этимъ онъ еще далеко не достигалъ до торжества: онъ долженъ былъ много хлопотать, чтобы его сочиненіе приняли къ представленію.

Греческая комедія и трагедія родились на Бахусовыхъ праздникахъ: первые циклическіе поэты, Аріонъ, Дазъ Герміонскій, Эпигенъ, для каждаго такого праздника составляли, не только слова, но музыку и танцы, своего *дионрамба*, который потомъ представляли самъ же авторъ и нѣвѣстное число гражданъ, называемые въ такомъ случаѣ

хористами. Здѣсь должно припомнить то, что недавно было сказано и объяснено въ этомъ журналѣ: древніе метрическіе стихи ни сколько непоходили на наши; стихотворство было искусство сочинять изъ словъ настоящую музыку посредствомъ настоящаго музыкальнаго такту (метра) и мелодіи натуральнаго речитатива этихъ словъ (мелопеи). Повтомъ, слѣдовательно, могъ быть только музыкантъ, и музыкальное сочиненіе свое включалъ онъ прямо въ искусное расположеніе звуковъ своего стиха. Мелодія уже находилась въ самомъ стихѣ: инструменты могли только доставить простой акомпаниментъ этой естественной музыкѣ слова, и такой акомпаниментъ, обыкновенно унисонный, не трудно было сочинить поэту для своей піесы. По самому существу древняго стихотворства, одинъ только поэтъ и могъ быть сочинителемъ хорошаго акомпанимента къ своимъ стихамъ. Такимъ образомъ, поэтъ былъ вмѣстѣ писателемъ, композиторомъ и актеромъ. При представленіи бахическихъ диеирамбовъ, онъ завѣдывалъ всѣмъ: прочіе безпрекословно слѣдовали его распоряженіямъ. Вступать въ хоръ позволено было всякому. Награда за труды автору, и издержки, необходимыя во время составленія и дѣйствія бахическихъ хоровъ, возлагались на того, кто былъ богаче въ труппѣ. Это лицо называлось *хорегомъ*, хороводцемъ. Поэтъ носилъ имя *дидаскала*, учителя, наставника, репетитора. Подобныхъ труппъ, или хоровъ, по пятидесяти человекъ въ каждомъ, составлялось много къ одному празднику, и всѣмъ имъ вмѣстѣ дѣйствовать было невозможно: правительства положили отдавать право и честь исполненія этихъ священныхъ обрядовъ тѣмъ хорамъ, у которыхъ слова диеирамба были поумнѣе, стихи лучше въ музыкальномъ отношеніи, дѣйствующія лица по искуснѣе и хорегъ по-богаче. Избранные хоры получали вънокъ или треножникъ; поэтъ былъ награждаемъ особенно.

Хоры составлялись по *филамъ*, или поколѣніямъ, на которыя былъ раздѣленъ народъ. Когда Оесписъ и Фринихъ, изъ бахическихъ хоровъ, сдѣлали въ Аѣинахъ трагическіе, каждая фила старалась наперерывъ захватить въ свои руки право выбирать изъ своей среды труппу,

дѣйствующую на праздникахъ Бахуса и Минервы. Это понятно: Греки были очень набожные дѣлчаники, а подобныя представленія почитались религіознымъ дѣйствіемъ, пріятнымъ божеству. Каждое поколѣніе хотѣло поэтому отличиться, сперва передъ своими согражданами, потомъ передъ Олимпіемъ. Въ поколѣніяхъ, опять, происходили споры о томъ, кто будетъ дѣйствовать въ хорѣ, и такія же интриги происходили между аѳинскими честолюбцами, чтобы попасть въ хористы, какія бывають въ наше время во время благотворительныхъ концертовъ между маменьками поющихъ дочерей-невѣстъ, чтобы доставить имъ мѣсто въ терцетъ или въ *motseau d'ensemble*. Поэтъ прежде всего долженъ былъ съискать филу, которая бы согласилась разыграть его піесу. Филы, съ своей стороны, всѣми силами старались запастись отличнымъ и опытнымъ поэтомъ. Человѣку, который не успѣлъ пріобрѣсть извѣстности или имѣлъ неудачу въ первыхъ своихъ сценическихъ попыткахъ, нелегко было найти радушный пріемъ у поколѣній. Посредственные поэты съ большимъ трудомъ могли набрать себѣ хоръ, а иногда и всѣ хлопоты ихъ бывали бесполезны: ни одна фила не хотѣла принимать ихъ сочиненій къ представленію на будущемъ праздникѣ, какъ теперь случается, что ни одинъ театръ не хочетъ принять драмы иного писателя. Морсимъ и Меланей, надъ которыми смѣется Аристофанъ, принадлежали къ этой категоріи. Многимъ только одинъ разъ въ жизни удавалось быть дидаскаломъ. Хоры и хореги, для вѣрности успѣху, обращались прямо къ поэтамъ, уже извѣстнымъ народу. Любимые имъ поэты были предметомъ споровъ между филими; по словамъ Аристофана, всѣ Аѳины принимали участіе въ этихъ поэтическихъ выборахъ, и изъ-за хорошаго поэта происходили драки между поколѣніями.

Избранный народомъ почетный *архонтъ*, главный начальникъ бахическихъ игръ, или *архонтъ-царь*, который завѣдывалъ ленеѳскими играми, смотрѣли за тѣмъ, чтобы филы въ свое время выбирали хорега и поэта. Эти правительственные лица стали опредѣлять по жребію порядокъ, въ какомъ филы должны были выходить на состязаніе въ своемъ драматическомъ искусствѣ. Точно такимъ же образомъ вы-

бирались еще пятеро судей, которые должны были оценивать достоинство поэмы, смотреть заходомъ дѣла, и назначать награды. Послѣ, архонты сдѣлались необходимыми лицами при театрѣ по другимъ причинамъ. Расходы, необходимые во время праздниковъ на священныя представленія, брались казною изъ суммы, собственно предназначенной къ этой цѣли. Ею распоряжались архонты. Пока бахические хоры оставались въ первобытномъ видѣ, то есть, пока пьесы имѣли только одно дѣйствующее лицо, самого поэта, а прочіе актеры были простые хористы, избранные каждымъ поколѣніемъ изъ числа своихъ согражданъ, поэты очень малаго требовали отъ архонтовъ: хореги вознаграждали всѣхъ за все. Но когда Эсхилъ и Софоклъ, вмѣсто одного, вывели на сцену нѣсколько дѣйствующихъ лицъ, когда Эсхилъ измѣнилъ наружный видъ сцены, изобрѣлъ костюмы, маски, котурны, декорации, машины, и прочая, огромные расходы на все это превышали средства частнаго человека. Хореги, которые едва успѣвали удовлетворять изъ своего состоянія издержки на наборъ и устройство хоровъ, о пьесѣ и актерахъ совсѣмъ и не думали. Открылась необходимость обратиться къ священной казнѣ, которая въ прежнія времена, составлялась изъ доходовъ, приносимыхъ отдачею въ наемъ священныхъ земель, а при Периклѣ изъ суммъ, собираемыхъ съ союзниковъ на содержаніе флота и защиту отечества. Архонты, имѣвшіе въ своихъ рукахъ эти суммы, сдѣлались для авторовъ необходимыми лицами, безъ которыхъ они уже ничего не могли сдѣлать. Съ тѣхъ поръ, для трагедо-дидаскала и комедо-дидаскала, то есть, для автора, котораго трагедія или комедія назначалась къ представленію, еще прибавилось хлопотъ. Выборъ поэта филою и хорегомъ сталъ дѣломъ второстепеннымъ или, скорѣе, только половиною дѣла: утвержденіе архонта сдѣлалось существованіемъ всего; пришлось кланяться «правителю», ходатайствовать черезъ покровителей передъ человекомъ, который иногда важничалъ единственно для того, чтобы показать, что и онъ понимаетъ дѣло, или чтобы скрыть свое невѣжество. Поэтъ кричалъ, что архонтъ пристрастенъ и несправедливъ, когда онъ одинъ былъ недоволенъ пьесою, а хорегъ и фила одобрили ее. Но дѣло въ томъ, что ар-

хонтъ могъ своей властью отвергнуть выборъ, сдѣланный филою, и этимъ самымъ онъ прямо участвовалъ въ выборѣ поэтовъ.

О поэтѣ, котораго піеса была принята поколѣніемъ, филою, говорилось — *онъ получилъ хоръ*. Это выраженіе было совершенно ясно и точно, пока хоры составляли почти всю драму, но оно осталось навсегда : его употребляли и въ то время, когда хоры сдѣлались только придачною частью піесъ и когда правительство, въ качествѣ хорега, принимало на себя всѣ издержки сценическихъ представленій. Тогда уже все совершенно зависѣло отъ правителей, или архонтовъ : они стали единственными судьями достоинства театральныя сочиненій. Такое управленіе театровъ существовало у Дорійцевъ, и оно отчасти перешло въ Римъ. Когда Ливій Андроникъ впервые перенесъ греческую драму въ Римъ, аѳинскій театръ давно уже не имѣлъ хореговъ. Актеры и хористы, вмѣсто гражданъ, добровольно выступавшихъ изъ филъ на сцену, состояли тамъ уже изъ иностранцевъ, нанятыхъ распорядителями зрѣлищныхъ суммъ. Римъ подражалъ этой методѣ, и театральная организація, введенная въ столицу древняго міра вмѣстѣ съ «*новою комедіею*» и «*александрійскою трагедіею*», совершенно уже была лишена первобытнаго своего патріотическаго и религіознаго отпечатка. Римляне переняли слова *chorus* и *choragus*, но они не придали имъ у себя того значенія, какое имѣли эти слова на своей родинѣ въ лучшія времена греческаго театра. Римскій поэтъ, написавъ піесу для театра, не имѣлъ нужды искать хора : ему только необходима была сцена. Тамъ, народныя увеселенія производились по рѣшенію правителей (консуловъ) на счетъ государства, и если общины или частныя лица давали зрѣлища народу, то это дѣлалось не иначе, какъ съ дозволенія правительства.

Консулы и преторы присутствовали при всѣхъ зрѣлищахъ. Они занимали первыя мѣста на играхъ компитальскихъ, вѣковыхъ, аполлинарійскихъ, мегалезскихъ, словомъ, на всѣхъ празднествахъ, даваемыхъ за благоденствіе римскаго народа. Нужно замѣтить, что иное значило предсѣдательствовать на играхъ, а совсѣмъ иное давать ихъ отъ своего имени и на свой счетъ. Вообще, консулъ или преторъ

опредѣляли, съ согласія великаго жреца, торжественные дни подвижныхъ праздниковъ, и учреждали, съ дозволенія сената или по своей воли, праздники по обычу, или случайные, которые назывались непредвидимыми. Во время отсутствія консула или претора, а иногда и для большей торжественности, избирался диктаторъ, который долженъ былъ смотреть за отправленіемъ игръ.

Издержки на «римскія игры», или большія игры, въ первыя три столѣтія, были уплачиваемы государствомъ изъ суммъ, которыя составлялись изъ денежныхъ штрафовъ. Чего недоставало, эдилы обязаны были дополнить сами. Между-тѣмъ расходы постоянно увеличивались. Издержки дотога возрасли, что эти сановники уже не въ состояніи были брать ихъ на свой счетъ. Въ 389 году отъ основанія Рима, сенатъ прибавилъ къ большимъ играмъ четвертый день. Эдилы отказались отъ издержекъ. Молодые патриціи приняли ихъ на себя съ условіемъ, чтобы званіе эдильей присвоено было ихъ классу. Такимъ образомъ, въ добавокъ къ двумъ народнымъ, начали ставить еще двухъ *курульныхъ* эдильей, на которыхъ, въ частности, лежала обязанность платить издержки на большія игры, а послѣ на игры флоральскія и мегалезскія. Въ томъ же самомъ году сценическія представленія были присоединены къ большимъ играмъ и мало-по-малу къ другимъ; курульные эдилы должны были платить всѣ расходы на нихъ и смотреть за порядкомъ.

Ливій Друзъ, Клавдій Пульхеръ, Крассъ, Лукуллъ, Скауръ, Корнедій Лентулъ, Спинтеръ и другіе, не щадили ничего для этихъ зрѣлищъ: золото лилось рѣкою; издержки и требованія на сценическую роскошь возрастали. Расточительность дошла дотога, что и самыя богатые патриціи не могли всего уплачивать. Курульные эдилы нашлись въ необходимости придумывать средства къ облегченію себя отъ этого бремени. Въ провинціяхъ, гдѣ, на играхъ, проконсулы и пропреторы занимали первыя мѣста, издержки были покрываемы деньгами, собираемыми съ жителей: въ послѣдніе годы республики, проконсуламъ и пропреторамъ велено отсылать эти суммы въ Римъ, въ пособіе эдильямъ, для уплаты сценическихъ расходовъ въ столицѣ.

Во времена имперіи, императоры взяли на себя существенную часть должности эдилей, а имъ поставили только въ обязанность поддерживать театральныя зданія. Praetor urbanus и, позже, *городской префектъ* заведывали полицейскою частію и порядкомъ этихъ зрелищъ въ Римѣ. Императоры были единственными распорядителями, и сами присутствовали при представленіяхъ. Если, почему бы то ни было, не могли лично быть въ театрѣ, то права свои уступали они любимцамъ или кому-нибудь изъ высшихъ сановниковъ: такъ дѣлалъ Калигула. Издержки на театры и на представленія покрывались деньгами изъ «игрищныхъ суммъ», *rescipia ludaria*, которыя, по древнему обычаю, были собираемы въ жреческую казну. Сначала эти деньги происходили изъ доходовъ, приносимыхъ священными рощами, *ex lucis*: оттого-то и награды, раздаваемыя игравшимъ, назывались *lucra*. Александръ Северъ, для обогащенія этой священной казны, приказалъ всѣмъ придворнымъ дѣлать въ нее *добровольные взносы*, и театральная касса съ тѣхъ поръ сдѣлалась очень богатою.

Кромѣ игръ, отправляемыхъ на казенномъ иждивеніи, консулы, преторы, жрецы, квесторы, давали еще народу спектакли на свой собственный счетъ, при первомъ вступленіи въ должность. Въ городахъ, гдѣ не было важныхъ государственныхъ лицъ, новые мѣстные начальники, *децемвиры* и *декуріоны*, должны были разоряться на зрѣлища, которыя обычаемъ принуждалъ ихъ давать по случаю полученія мѣста. Зато, во время представленій, первое мѣсто было за ними, а послѣ спектакля они могли ограбить городъ *взятками*. Цехи, общины и даже войска получали также позволеніе забавлять народъ зрѣлищами. Подъ конецъ республики, ничего не было чаще этихъ частныхъ представленій, къ которымъ относились еще *игры по обѣту*, похоронныя зрѣлища, и прочая. Этотъ обычаемъ продолжался и во времена имперіи: только тогда нужно было получить разрѣшеніе отъ императора. Страсть давать представленія проникла даже въ низшій слой общества: ремесленники не хотѣли, въ этомъ отношеніи, отставать отъ важныхъ людей, и вы помните, какъ жестоко смѣется Марціалъ надъ болонскимъ башмачникомъ и надъ моденскимъ сукноваломъ. Получавшій

позволеніе открыть игры, долженъ былъ прежде всего пригласить на зрѣлище то лицо, которому правительство поручало власть во время представленій; самъ онъ былъ здѣсь лицо второстепенное: его дѣйствіе ограничивалось приготовленіемъ всего необходимаго къ спектаклю.

Такимъ образомъ, когда у римскаго поэта была готова новая драма, ему сперва надлежало или убѣдить правительство, чтобы оно взяло ее для публичныхъ игръ, или найти человека, который бы принялъ на себя издержки представленія, и выхлопотать у начальства позволеніе дать эту піесу на сценѣ. Нынче, принимаемая піеса сперва читается въ такъ-называемомъ *литературномъ комитетѣ* театра, потомъ отдается въ *театральную цензуру*. У древнихъ литературный комитетъ и цензура часто соединялись вмѣстѣ. Аѳинскія филы, по словамъ Платонова схолиаста, выбирали своихъ дидаскаловъ или по ихъ поэтической извѣстности, или по предварительному разбору ихъ піесъ. Для такого разбору, въ поколѣніи, назначались особыя собранія, гдѣ представленныя поэтами сочиненія были читаемы на открытомъ воздухѣ. Вся фила превращалась тогда въ литературный комитетъ: каждый изъ слушателей давалъ свое мнѣніе о достоинствѣ піесы. Апулей разсказываетъ, что однажды поэтъ Филимонъ написалъ комедію: назначили время для чтенія, но сильный дождь остановилъ дѣло: рѣшились кончить чтеніе на другой день. Наступилъ назначенный часъ, вся фила собралась въ театръ: нужно было поэту выходить съ своимъ сочиненіемъ, но онъ не являлся. Послали за нимъ на-домъ, но тамъ нашли его мертвымъ. Филимонъ, убитый замѣчаніями своихъ слушателей на-канунъ, лежалъ безъ дѣханія, стиснувъ свое несчастное сочиненіе въ окоченѣвшей рукѣ. Иныя піесы, послѣ чтенія, еще разыгрывались передъ филою для пробы. Зрители смѣло высказывали свое мнѣніе. Вниманіе было обращено, не только на ходъ дѣла, но и на мысли и выраженія. Авторы иногда жестоко обижались критикою своихъ предварительныхъ судей. Валерій Максимъ разсказываетъ объ Эврипидѣ, что онъ однажды разбранныхъ всю филу, которая избрала его въ свои *дидаскалы*, то есть, драматическіе *учители*. Разыгрывали для пробы одну изъ его трагедій.

Все шло хорошо. Вдруг слушателямъ не понравилась одна мысль. Со всѣхъ сторонъ называли ее богопротивною, и требовали, чтобы она была выброшена. Эврипидъ въ бѣшенствѣ выбѣжалъ на сцену и закричалъ: «Молчите, болваны! Не вамъ судить о томъ, что пріятно и что противно будетъ божеству въ моихъ стихахъ! Вы ничего не понимаете. Когда я вамъ даю разыгрывать свое произведеніе, то не вы меня, а я васъ долженъ *учить*.» Литературный комитетъ замолчалъ, и мысль, которую слушатели порицали, осталась въ піесѣ. Надобно однако жъ сказать, что на публичномъ представленіи, передъ всѣмъ аѳинскимъ народомъ, такая выходка дорого обошлась бы дерзкому поэту. Въ частномъ собраніи одной филы, которая хотѣла отличиться и піесой и игрой передъ аѳинянами, и пригласила его въ свои учителя, онъ могъ позволить себѣ эту антикритику. Какъ театральное представленіе было действительно роль священно-дѣйствія въ честь божеству праздника, и піесы древнихъ Грековъ имѣли религіозный и, часто, даже богословскій характеръ, и какъ притомъ трагедіи ихъ распѣвались съ музыкою и поэтъ долженъ былъ учить поколѣніе, не только какъ дѣйствовать на сценѣ, но и въ какомъ тонѣ пѣть въ хорахъ, то онъ, дѣйствительно, могъ иногда принимать строгій видъ учителя съ тѣми, которые безъ него не могли бѣ ничего сдѣлать. Но когда піеса представлялась публично передъ аѳинскимъ народомъ и его *гостями*, тутъ ужъ публика судила верховно, и поэтъ долженъ былъ молчать. Но и въ пробныхъ представленіяхъ, передъ філою, не всегда ему удавалось одержать побѣду надъ своими судьями. Однажды приготовлялась къ представленію другая трагедія Эврипида, «Меланиппъ». Лишь-только актеръ произнесъ первыя слова піесы, «Юпитеръ!... *кто бы ни былъ тотъ, кто носитъ это имя*, потому что я не знаю, какъ о тебѣ сказать», страшное неудовольствіе обнаружилось во всѣхъ зрителяхъ. Поднялся шумъ. Оправданій Эврипида не хотѣли и слушать. Общій голосъ требовалъ перемѣны стиха. Трагикъ принужденъ былъ уступить и, вмѣсто прежнихъ словъ, поставилъ: «Юпитеръ, такъ названный по всей справедливости....» Съ этимъ исправленнымъ началомъ «Меланиппъ» дошелъ и до насъ. Надобно тутъ же

замѣтить, что греческія піесы писались для одного только представлевія, и еще во время Эврипида почти никогда не повторяли на сценѣ однажды игранныхъ драмъ. Замѣчательно также, что Аристофанъ не зналъ случая, который мы сейчасъ рассказали объ Эврипидѣ: иначе, онъ не упустилъ бы кольнуть поэта за это обращеніе его къ Юпитеру, въ доказательство его нечестія: онъ вездѣ старался обвинять знаменитаго трагика, придираясь къ самымъ ничтожнымъ его выраженіямъ. Этотъ заклятый врагъ Сократова ученика приводитъ въ своихъ «Лягушкахъ» первые стихи «Меланиппа» по исправленному тексту.

Мѣстомъ пробныхъ представленій былъ Одеонъ, училище пѣнія, гдѣ дѣлались и репетиціи. Аристофанъ, который все осмѣивалъ, намѣкаетъ въ своихъ «Осахъ» на филы, которыя тамъ собираются разбирать предлагаемыя авторами сочиненія. Исчисливъ мѣста, гдѣ Аѳиняне судятъ и рѣшаютъ, онъ прибавляетъ: «Судимъ мы, съ позволенія сказать, и въ Одеонѣ!» Это значитъ, что литературные комитеты, принимавшіе піесы къ представленію, судили объ нихъ, по его мнѣнію, безтолково и принимали всякую дрянъ. Но часто также предварительныя чтенія піесъ, для которыхъ не нужно было особенной таинственности, производились въ театрахъ, при стеченіи народу.

Въ Римѣ, со времени Теренція, пробныя представленія происходили въ присутствіи эдилей. При императорахъ, эти пробы давались въ садахъ претора. Нѣсколько лицъ, извѣстныхъ своимъ умомъ и изящнымъ вкусомъ, составляли довѣренный литературный комитетъ, и подавали свое мнѣніе о піесѣ, какъ это дѣлается и теперь въ театрахъ во время перваго чтенія піесы и при послѣднихъ репетиціяхъ. Теренцій, въ прологѣ къ своему «Евнуху», горько жалуется на происки своего соперника и въ этомъ избранномъ кругу судей. Сами эдилы не всегда были въ состояніи судить о достоинствѣ предлагаемыхъ сочиненій. Если авторъ былъ мало извѣстенъ, то до пріобрѣтенія у него рукописи, обыкновенно отдавали ее прочитывать какому-нибудь знаменитому человеку. Светоній, по этому случаю, сохранилъ намъ характеристическое проишествіе, случившееся въ жизни одного изъ лучшихъ драматическихъ писателей Рима. Терен-

цій только-что вступалъ на поприще, на которомъ впоследствии онъ такъ прославился. Написавъ первую комедію, онъ явился къ эдиламъ и продалъ имъ свою рукопись. Они дали ему задатокъ, и обещали совсѣмъ купить сочиненіе, когда оно будетъ прочитано Цециліею и понравится ему. Поэтъ явился къ будущему судѣе своего таланта, но не впопадъ. Цецилій объедалъ. Теренція однако жъ приняла. Первый пріемъ былъ не совсѣмъ въ пользу поэта : молодой комикъ одѣтъ былъ очень бѣдно, и его едва удостоили простой скамейки у богатаго ложа, на которомъ Цецилій изволилъ кушать. Теренцій скромно началъ чтеніе своего сочиненія, между-тѣмъ какъ его литературный судья критически разбиралъ подаваемые блюда и углублялся въ достоинства произведеній своего повара. — «Прошу читать, сказалъ онъ : я буду ѣсть и слушать.» Теренцій читаетъ, Цецилій кушаетъ и говоритъ про себя : «Это холодно !... это безвкусно !... по моему мнѣнію, слѣдовало бы дать совершенно другой оборотъ....» — Этому стиху ? со страхомъ спрашиваетъ Теренцій. — «Нѣтъ, этому соусу, отвѣчаетъ Цецилій : извольте продолжать.» Теренцій продолжаетъ. Вдругъ, между двумя блюдами, нѣсколько прекрасныхъ стиховъ поражаютъ Цецилія своимъ изяществомъ и остроуміемъ. «Да это что-то очень хорошее ! вскрикиваетъ вельможа : бросьте рукопись ; будемте объедать вмѣстѣ.» Вместо прежней скамейки, Теренцію дали первое мѣсто послѣ хозяина. Послѣ объеда, пѣса была выслушана, и Цецилій пришелъ отъ нея въ восторгъ.

Немного позже, разборъ театральнаго пѣсь въ Римѣ сталъ дѣломъ лицъ, нарочно избранныхъ для этой цели. Ихъ занятія считались государственною службою. Ихъ рѣшеніе не подлежало аппелляціи. Даже мнѣніе людей, знаменитыхъ своими познаніями и талантами, не могло измѣнить ихъ опредѣленія. Вотъ случай : открывали Помпеевъ театръ ; къ торжеству было написано много пѣсь : Спурий Мецій Тарпа занимался оцѣнкою представленныхъ сочиненій. Цицеронъ, присутствовавшій на пробномъ представленіи, во многомъ не соглашался съ судьею, но не могъ ничего сдѣлать. Одобреніе Тарпы было для всѣхъ закономъ. Ораторъ долженъ былъ замолчать наравнѣ съ другими,

хоть и съ величайшимъ неудовольствіемъ, какъ самъ онъ говоритъ въ письмѣ къ Марку Марію. Этотъ патриархальный критикъ занималъ свою должность и въ царствованіе Августа, и Гораций, который часто упоминаетъ объ немъ, вѣроятно льстилъ ему изъ личныхъ видовъ, отдавая честь его вкусу. Тарпа былъ только однимъ изъ пяти членовъ комитета, назначеннаго для чтенія театральныхъ произведеній, но, видно, онъ водилъ за носъ всѣхъ своихъ собратьевъ и одинъ рѣшалъ судьбу поэтовъ. При той необыкновенной важности, какую древніе придавали театральнымъ представленіямъ, въ которыхъ иногда участвовали и сами императоры, эти люди, безъ-сомнѣнія, почитались одними изъ первыхъ сановниковъ въ государствѣ.

Странно однако жъ, что эти разборы и оцѣнки піесъ филлами, эдиллами, комитетами, не освобождали авторовъ отъ ответственности за ихъ содержаніе, когда сочиненіе было публично разыграно. Оцѣнка какъ-будто была чисто литературная: дерзости, личности, неблагопристойности, оставались ненарушимыми; онъ какъ-будто состояли подъ защитою страшнаго разврату и безстыдства нравовъ древняго общества. Мѣстомъ собранія, для произнесенія суда надъ беззащитными комедіями и трагедіями, былъ храмъ Аполлона или храмъ Музъ. Сходіасть Горация Акрою говоритъ, что ни одна піеса не могла явиться на сценѣ безъ одобренія этого комитета. Солонъ за это терять не могъ комедій Эсписа, и употреблялъ всю свою власть, чтобы не давать имъ мѣста на торжествахъ. Несмотря на предварительное одобреніе піесы Филою, Фринихъ былъ оштрафованъ за представленіе піесы «Взятіе Милета Даріемъ,» которой сюжетъ будто-бы оскорблялъ народную гордость Грековъ. Эсхиль, Аристофанъ и Эврипидъ часто принуждены были защищать предъ судомъ равныя мѣста изъ своихъ твореній, принятыхъ и обсуженныхъ отдѣльными поколѣніями. Но это можно объяснить особеннымъ положеніемъ древнихъ драматическихъ поэтовъ. Чтобы *получить хоръ*, поэту непременно нужно было привариться ко вкусу и понятіямъ богатаго хорега Филы, у которой онъ искалъ хора; нужно было единство съ ними въ мысляхъ религіозныхъ и политическихъ. Стоитъ только

припомнить слова, сказанныя хоромъ всадниковъ у Аристофана : «Если бы кто изъ древнихъ комедо-дидаскаловъ просилъ насъ явиться на театръ, то не такъ бы легко получилъ онъ у насъ хоръ для своей пьесы. Но авторъ этой комедіи стѣдитъ того, чтобы ему помочь. Онъ разделяетъ наши вражды, нашу ненависть ; онъ смѣло говоритъ, что считаетъ справедливымъ, и мужественно выходитъ противъ бури и непогоды». Такимъ образомъ, желаніе видѣть свою пьесу представленною принуждало авторовъ выражать не свои мысли, а мысли извѣстнаго отдѣленія народа. Оттого-то принятое хорегомъ и филою часто не нравилось всей остальной публикѣ и производило большіе споры, во время которыхъ, чтобы вымѣстить обиду на комъ-нибудь, естественно, отдавали подъ судъ беззащитнаго поэта.

Дѣло впрочемъ идетъ здѣсь о такъ-называемыхъ «приличіяхъ», а это вещь чрезвычайно условная и измѣнчивая. У насъ, новѣйшихъ, напримѣръ, одно изъ первыхъ правилъ устава литературныхъ приличій — почитай живыхъ, а объ умершихъ можешь говорить что угодно. У древнихъ это было на-оборотъ. Они говорили : — Неуваженіе къ умершимъ равно святотатству. *De mortuis, aut bene, aut nihil!* Зачѣмъ обижать покойниковъ, которые не могутъ защищаться? развѣ вамъ мало живыхъ, чтобы бранить и осмѣивать? Объ нихъ можете говорить всю правду и даже неправду : они въ состояніи отмстить за себя. — Если судить по всей строгости ; то это воззрѣніе на приличіе чуть ли не основательнѣе нѣкоторыхъ другихъ ; но правило Грековъ имѣетъ то важное неудобство, что покойники за правду не сердятся, а живые готовы всегда поднимать страшный шумъ противъ того, кто ее обнаруживаетъ. Не мудрено, послѣ этого, что древняя театральная цензура не обращала вниманія на то, что мы нынче называемъ непростительнымъ поправленіемъ приличій общечитія, и что поэты, послѣ всѣхъ предварительныхъ разборовъ ихъ произведеній, часто попадали въ просакъ. До временъ архонта Эвклида, греческій театръ пользовался совершенною свободою рѣчи. Ее прежде всего стѣснили опредѣленіемъ не говорить объ умершихъ ничего дурнаго. Зато греческіе поэты могли, безъ запинки и безъ всякой утай-

ки, вести рѣчь о своихъ живыхъ современникахъ. Различія состояній, въ этомъ случаѣ, не существовало. Съ семьдесятъ-осьмой до девяносто-четвертой олимпіады, съ малыми только промежутками, поэты выводили на сцену всѣхъ и каждаго, въ томъ самомъ видѣ, какъ кто былъ у себя дома, со всѣми его странностями, недостатками, семейными пороками, и прочая. Комедіи того времени были основаны единственно на домашнихъ происшествіяхъ людей, больше или меньше всѣмъ извѣстныхъ. Не довольствовались простымъ описаніемъ случая: человекъ, на котораго піеса была направлена, называли по имени, дѣлали маски, представляющія совершенное подобіе чертъ лица его, шили такой же костюмъ, въ какомъ онъ обыкновенно ходилъ, подражали его походкѣ, пріемамъ, голосу, живьемъ выставляли на посмѣяніе всего человекъ. Аѳиняне рукоплескали воспроизведенію на сценѣ своихъ знаменитѣйшихъ полководцевъ, ораторовъ, поэтовъ, философовъ, и другихъ. Можно представить себѣ, какъ многочисленны были жертвы комиковъ. Одинъ только санъ архонта, по законамъ, былъ неприкосновеннымъ для сценическихъ выходокъ. Но и архонтовъ комики безжалостно пародировали, только съ некоторыми предосторожностями. Аристофанъ преспокойно осмѣивалъ архонта Амниаса, измѣнивъ только одну букву въ его имени. Даже Августа жестоко оскорбляли на сценѣ, но тотъ скоро унялъ своевольство театровъ. Впрочемъ, еще до него, сцена вызвала противъ себя мѣры строгости въ Греціи. Въ первый годъ осемьдесятъ-пятой олимпіады, при архонтѣ Мерихидѣ, театръ былъ затворенъ. Комедія была совершенно запрещена. Но эта слишкомъ рѣшительная мѣра оскорбляла религіозные обряды и духъ народа, и черезъ три года, при архонтѣ Эвемениѣ, была отменена. Послѣ, когда Алкивиадъ ввелъ олигархію, Совѣтъ Четырехъ-сотъ ограничилъ театръ двумя постановленіями, объявленными при архонтѣ Калліасѣ. Первое, изданное по предложенію дидрамбическаго поэта Кинесіаса, запрещало *парабазы*, то есть, тѣ колкія выходки, гдѣ поэтъ, отъ лица хора, а иногда и прямо отъ себя, выражалъ свое мнѣніе о государственныхъ дѣлахъ настоящаго времени. Второе, состоявшееся по желанію Алкивиада, было исходатайствовано ор-

торомъ Сиракусіемъ, котораго Эвполисъ называлъ въ одной комедіи дряннымъ болтуномъ, а Аристофанъ сорокою: оно не позволяло выводить на сцену гражданъ подъ ихъ собственными именами.

Въ слѣдующемъ году, когда олигархія Четырехъ-сотъ превратилась въ правительство Пяти-тысячъ, театръ получилъ льготу. Начались прежнія вольности. Аристофанъ въ комедіи *Thesmophoriazousai* осмѣялъ таинства Цереры и женщинъ, которыя ихъ совершали. Его «Лисистрата» была играна въ томъ же году. «Лягушки» его произвели такой восторгъ, что политическая комедія Платона Комика, «Клеофонъ», была оставлена. Третій годъ девяностотретьей олимпіады былъ послѣднимъ въ этомъ періодѣ, который грамматикки называютъ періодомъ *древней комедии*.

Первую мысль о правильной ценсурѣ театральныхъ произведеній находимъ мы у Платона. Въ книгѣ о законахъ, онъ излагаетъ условія, подъ которыми правительства могутъ допускать шесы на сцену. «Не думайте, говоритъ онъ поэтамъ, чтобы мы позволили вамъ вратъ у насъ что ни вздумается, строить ваши театры, и выводить на сцену актеровъ съ хорошимъ голосомъ, которые станутъ разсуждать громче самихъ насъ. Мы не допустимъ, чтобы вы публично обращались съ рѣчью къ нашимъ дѣтямъ, женамъ, ко всему народу, и внушали имъ правила, почти противоположныя нашимъ. Со стороны нашего правительства было бы крайне неосторожно позволять игру вашихъ шесъ, прежде нежели оно разсмотритъ, все ли въ нихъ хорошо и прилично. Дерзкія дѣти сладострастныхъ музъ! покажите сперва свое *тыніе* (стихи) правительству, для того чтобы оно сравнило его содержаніе съ нашими положеніями: если оно разсудитъ, что вы говорите то же самое, или еще лучшее, то вамъ позволяютъ представлять свои сочиненія, если же нѣтъ, то, дорогіе друзья, мы васъ не допустимъ до соблазна.»

Впродолженіи шестидесяти лѣтъ послѣ завоеванія Аѳинъ, комедія, которую вообще называютъ *среднею*, испытала нѣсколько новыхъ ограниченій. Сначала Антимахъ выключилъ возстановленіе Кинесіасова закона о томъ, чтобы не называть живыхъ по имени на сценѣ. Антимахъ былъ плохой поэтъ и скупой хорегъ; комики безпрерывно задѣ-

вали его. По его предложенію позволено еще обиженнымъ искать удовлетворенія отъ поэта судебнымъ порядкомъ. Эти процессы обыкновенно оканчивались ничьимъ, потому что человекъ, осмѣянный на сценѣ, былъ уже смѣшонъ передъ судомъ, а поэты, принужденные умалчивать имена, не стали скромнѣе отъ этого: извѣстныхъ публикѣ людей они выводили въ подлинномъ ихъ костюмѣ и въ маскахъ, представлявшихъ въ точности всѣ черты ихъ лица. Маски эти дѣлались даже въ каррикатурномъ видѣ, такъ, что на сценѣ являлся уродливый портретъ того человека, на кого мѣтило злословіе поэта. Нравы наши далеки отъ тѣхъ временъ безстыдства, однако жъ, должно съ прискорбіемъ сознаться, что театръ и до-сихъ-поръ не исправился въ этомъ отношеніи, и нерѣдко общественная нравственность бываетъ оскорбляема подобными живыми портретами, подъ которыми и не нужно подписывать имени.

Новал комедія у Грековъ, во время македонскаго владычества, была почти то же, что древняя и средняя. Перемена, происшедшая на театрѣ въ это время, состоитъ въ томъ, что Менандръ, живыхъ людей древней и портреты средней комедіи, замѣнилъ общими, идеальными характерами, картинами страстей и смѣшныхъ сторонъ человека. Писатели новой эпохи старались быть вѣрными природѣ, избѣгая личностей; завязку пьесы и характеры брали они изъ жизни, но такъ, чтобы разсказъ не могъ быть приложенъ ни къ кому изъ извѣстныхъ людей. Для избѣжанія того, чтобы маска, случайно, не имѣла сходства съ чьимъ-нибудь лицомъ, — болѣе всего боялись сходства съ лицами македонскихъ царей, — начали дѣлать маски въ полномъ смыслѣ отвратительныя. Но, несмотря на всѣ эти предосторожности и преобразованія, сущность дѣла всё-таки мало измѣнилась. Отрывки *новой комедіи*, дошедшіе до насъ, всѣ рѣшительно наполнены колкостями, направленными прямо противъ извѣстныхъ людей. Самъ Менандръ не пропускалъ случая, подъ видомъ общаго смѣшнаго типа, намѣкать какъ-можно яснѣе на живыхъ или такъ вѣрно изображать пороки и поступки нѣкоторыхъ своихъ современниковъ, что зрители не могли не узнавать ихъ. Люди значительные, и даже власти, всё-таки жестоко страдали отъ

комедіи. Кажется, что самыя опасныя шутки отпускались молодыми поэтами: Греки сначала думали, что все пойдет хорошо, когда они позволяют шутить надъ собою однимъ только почтеннымъ, пожилымъ стихотворцамъ, и, на этомъ основаніи, комическимъ поэтамъ нельзя было до сорока лѣтъ отъ-роду давать своихъ піесъ на театрѣ. Для сочинителей трагедій, которые не употребляли во зло парабазовъ, возрастъ не былъ опредѣленъ. Если какому-нибудь молодому комику вздумалось поставить свое произведеніе на сцену, то онъ долженъ былъ найти человѣка съ почтеннымъ запахомъ лѣтъ и въ заглавіи своей комедіи выставить его имя. Два комическихъ актера, Филонидъ и Каллистратъ выставляли свои имена на первыхъ произведеніяхъ Аристофана, пока онъ не достигъ сценическаго совершеннolытія. Евполисъ, который въ ранней молодости началъ писать для театра, скрывался подъ именемъ Демострата.

Другой законъ, также состоявшійся еще во времена *древней комедіи*, запрещалъ членамъ ареопага представленіе піесъ, разумется, только политическихъ. Въ тѣ времена, вмѣстѣ съ государственными лицами, были выводимы на сцену и политическіе секреты. Демагоги пользовались вліяніемъ комическихъ поэтовъ на народъ, и, привлекая ихъ на свою сторону, заставляли чернь требовать всего, чего желали сами. Это послужило поводомъ ко многимъ безпорядкамъ.

Когда Римляне захватили Грецію въ свои руки, они сочли за лучшее совсѣмъ закрыть театръ. Но побѣдителямъ легче было бы перерѣзать Грековъ, чѣмъ лишить ихъ зрѣлищъ, которыя составляли необходимую потребность ихъ жизни общественной и религіозной. Кончилось тѣмъ, что римскій сенатъ, послѣ долгихъ споровъ, уступилъ прихоти побѣжденныхъ, но съ нѣкоторыми условіями. Прежняя свобода рѣчи и маски уничтожена. Агоноеты, которымъ препоручено смотрѣть за играми, разбирали піесы представляемыя къ поэтическимъ состязаніямъ, бывшимъ еще тогда во всей силѣ. Однако жъ, эта ценсура или не была повсемѣстна или плохо исполнялась агоноеетами, «предсѣдателями состязаній.» Аристидъ, во второмъ вѣкѣ, написалъ сочиненіе противъ комиковъ, которые пересмѣивали извѣст-

ныхъ и почтенныхъ людей. Этотъ старинный обычай господствовалъ въ Малой Азіи, особенно въ Смирнѣ. Театры египетскіе и сирійскіе пользовались также большою свободою: Кассій, со времени возстанія своего противъ Марка Аврелія, ничѣмъ лучше немогъ угодить Антіохіянамъ, какъ позволивъ представлять на театрѣ все, что имъ заблагоразсудится. Императоръ поспѣшилъ лишить ихъ этого преимущества строжайшимъ декретомъ.

Важный и, въ высочайшей степени, іерархическій образъ правленія Римлянъ, съ самаго начала сценическихъ представленій, никакъ немогъ допустить той свободы комкамъ, какою пользовались они у восточныхъ и у италійскихъ Грековъ, у которыхъ комедія часто была не только дерзкою, но и неблагопристойною. Уже въ числѣ постановленій, вырванныхъ на двѣнадцати доскахъ, одно повелѣвало съчъ розгами автора оскорбительныхъ стиховъ, направленныхъ противъ кого бы то ни было. Исполнители законовъ нерѣдко смягчали жестокость этой мѣры послабленіями, но никогда не уничтожали совершенно правила. Но странно, что это унижительное наказаніе не падало на сатприковъ: Луцилій, Варронъ, Горацій, Ювеналь, Персей, Марціалъ, могли смѣло говорить все, не опасаясь двѣнадцати досокъ; одни комики платили дань за свои острия словца. Около пятисотъ-девятнадцатаго года отъ основанія Рима, одинъ поэтъ, по имени Невій, родомъ изъ Кампаніи, воспитанный въ греческомъ духѣ, вздумалъ перенести въ Римъ аѳинскую *древнюю комедію*. Сначала она принялась. Кошакъ, на зло двѣнадцати доскамъ и новому закону, запрещавшему бранить или хвалить живыхъ людей на сценѣ, поддерживаемый трибунами и народомъ, вывелъ на сцену почтеннѣйшихъ отцовъ-сенаторовъ. Смѣлость его была удивительна. Въ своей *Тарентиллѣ*, изъ которой до насъ дошелъ одинъ отрывокъ, онъ говоритъ: «Да кто осмѣлится отвергать тѣ истины, которыя я опредѣлилъ въ театрѣ при рукоплесканіяхъ всѣхъ зрителей.» Однако жъ, наконецъ, его предали въ руки триумвирамъ. Невій былъ осужденъ и брошенъ въ темницу. Во время своего заключенія, онъ написалъ двѣ комедіи, которыя, по словамъ Макробія, купили всѣ грѣхи прежнихъ его произведеній. Вскорѣ по-

слѣ освобожденія, которое выхлопотали Невію трибуны, онъ, по словамъ Евсевія, былъ сосланъ въ Утику, и тамъ умеръ. Силла причислялъ къ оскорбленію величества всякія личности на сценѣ. Этотъ законъ, потерявшій вскорѣ свою силу, былъ восстановленъ Августомъ, усиленъ Тиберіемъ, и строго соблюдается нѣкоторыми изъ его преемниковъ. Между-тѣмъ римскій народъ принималъ съ энтузіазмомъ даже малые намѣки на государственныя дѣла. Во время представленій, данныхъ на аполлинарійскихъ играхъ въ шестьсотъ-девяносто-четвертомъ году, трагикъ Дифилъ выставилъ Помпея съ самой смѣшной стороны. Цицеронъ говоритъ, что зрители двадцать разъ заставили повторить слова : «Ты великъ только къ нашему несчастію.» Театръ задрожалъ отъ криковъ, когда было сказано : «Ты раскаешься за свое могущество!» Вся повторяли до конца отрывокъ, въ которомъ заключалась эта угроза, и изступленіе публики достигло высочайшей степени, при словахъ : «Не ты ли попираешь наши законы, наши обычаи?....» Но вообще должно замѣтить, что поэты еще не позволяли себѣ столько, сколько актёры : *гистріоны* не упустили ни одного повода къ злобной выходкѣ. Сципіоны, Силлы, Помпей, Метеллы для нихъ ничего не значили. Тацитъ говоритъ : «Гистріоны вполне постигли ненависть низшаго класса къ высшему. Чтобы угодить черни, они оскорбляли первыя лица въ республикѣ.» Нужно прочесть письмо Цицерона къ Аттису, чтобы понять, какъ аплодировалъ народъ Акціеву «Терею» въ тѣхъ мѣстахъ, которыя дышали республиканствомъ. Какой восторгъ вспыхнулъ между зрителями, когда послѣ изгнанія Цицерона, играли «Телемона изгнанника»! Все ясно видѣли, что дѣло идетъ о знаменитомъ ораторѣ. Эзопъ, другъ Цицерона, отличился своей игрою. Въ жару онъ прибавилъ нѣсколько стиховъ изъ «Андромахи» Эппія и сказалъ нѣсколько словъ, относившихся прямо къ Цицерону. Энтузіазмъ народа, какъ самъ изгнанникъ говоритъ, немѣлъ предѣловъ. Августъ удержалъ все это. Онъ прямо мстилъ за оскорбленіе своего величества, и предупредилъ личности учрежденіемъ литературнаго комитета, который, кромѣ достоинства пьесы, оцѣнивалъ въ ней всякое слово и въ отношенія къ приличіямъ. Тарпа, какъ мы уже сказали,

былъ при немъ цензоромъ драматическихъ произведеній и рѣшалъ дѣло не безъ участія преторовъ. Преторамъ было поручено смотрѣть за восторгами. Но кроткія и умныя мѣры Августа оказались недостаточными его преемникамъ. Одинъ трагикъ, по приказанію Тиберія, былъ брошенъ съ Тарпейской Скалы за нескромную тираду, обращенную къ Агамемнону въ такой піесѣ, которая была уже играна передъ Августомъ и имъ одобрена. Мамеркъ Эмилиій Скауръ былъ осужденъ на смерть за свою трагедію «Атрей», которая не понравилась Тиберію. Домиціанъ лишилъ жизни автора «Медей» и «Катона», и не позволилъ давать этихъ сочиненій. Неронъ изъ зависти къ поэту Лукану заперъ для него театръ и капитолію, и наконецъ принудилъ его отворить себѣ всѣ жилы. Калигула приказалъ сжечь среднаго театра бѣднаго сочинителя ателланъ за одинъ какой-то двусмысленный стихъ. То же самое несчастіе постигло и Гельвидія, сына : играли его «Парисъ и Эпопа»; Домиціанъ вообразилъ, что тутъ есть намѣкъ на его разводъ съ женою, и осудилъ поэта на ужасную смерть. Въ царствованіе Веспасіана, Тита и Марка-Аврелія, мимики и фигляръ, напротивъ, пользовались такою свободою, что шутки простирали иногда до величайшихъ дерзостей. Съ восторжествованіемъ христіанства, всѣ театры окончательно закрылись для древнихъ.

Не такъ-то и легко было у нихъ прослыть драматическимъ писателемъ. Кто хотѣлъ назваться дидаскаломъ, тому приходилось занимать вмѣстѣ должности поэта, актера, балетмейстера, музыканта, костюмера, декоратора, и даже архитектора. Онъ долженъ былъ коротко знать пять или шесть искусствъ. И удивительно : очень многіе изъ тѣхъ людей, которымъ театръ обязанъ въ Греціи своимъ происхожденіемъ, прекрасно выполняли свое дѣло по всѣмъ частямъ. Извѣстно, какой ужасъ произвелъ Эсхиллъ на сценѣ появленіемъ своихъ «Эменидъ», для которыхъ онъ изобрѣлъ и костюмы и маски. Объ Аристофанѣ и говорить не нужно : его изобрѣтательность на смѣшные виды, въ которые онъ облакалъ свои дѣйствующія лица, удачно переноса на сцену живыхъ существъ изъ всѣхъ царствъ природы, между которыми особенно прославились «Осы»,

«Птицы», «Лягушки», даютъ ему почетное мѣсто между самыми умными и самыми злыми каррикатуристами. Эсхилъ, Эесписъ, Пратинасъ и Фринихъ, безъ всякаго посторонняго содѣйствія, сами придумывали въ танцахъ новыя фигуры для своихъ хоровъ. Софокль, еще въ ранней молодости, сдѣлалъ въ этомъ искусствѣ блистательные успѣхи. Впоследствии онъ такъ хорошо изучилъ это дѣло, что даже сдѣлалъ много улучшеній. Тѣмъ же онъ былъ и для музыки. Первые трагическіе поэты и ихъ предшественники, киклюдидаскалы и диеврамбодидаскалы, сочиняли аккомпанементъ для речитатива, пѣсни для хоровъ, и сами учили хористовъ пѣть. Старинныя аріи Фриниха еще не были забыты во времена Аристофана. Тимахидасъ говоритъ, что Эсхилъ, за свои хоры, получалъ имя *исправителя*. Плутархъ говоритъ, что Фринихъ и Эсхилъ отвергли хроматизмъ и совсѣмъ изгнали его изъ трагедій. Софокль, по словамъ Аритоксена, ввелъ фригійскую мелопею. Римскіе драматическіе поэты сначала также были вмѣстѣ музыкантами и живописцами. Цицеронъ превозноситъ важную прелесть арій Ливія Андроника и Невія. Плиніи хвалитъ талантъ живописи въ Пакувіи.

Со-временемъ, когда искусства развились, поэты мало-по-малу отказались отъ тягостной обязанности брать на себя постановку пьесы во всѣхъ частяхъ. По мѣрѣ того какъ стихотворство клонилось къ упадку, музыкальная часть начала переходить въ руки капельмейстеровъ. Эти артисты, съ помощію звуковъ своей флейты, управляли всѣмъ оркестромъ. За хорошее исполненіе дѣла, награждали вѣнкомъ. Для изобрѣтенія танцевъ и управленія ими также сдѣлалось необходимымъ особенное лицо, *оркестродидаскаль*. Когда частыя обрушиванья сцены напугали зрителей и въ большихъ городахъ Греціи стали строить каменные и мраморные театры, то поэты перестали быть и архитекторами. Маски были уже изготовляемы особенными мастерами, которыхъ звали *лицедѣями*. Точно также и декораций. Эсхилъ могъ сравниться съ ловкостію Софокла въ этомъ отношеніи только при помощи кисти Агаеарха, по слѣдамъ котораго пошли Апатурій Алабандскій, Митродоръ, Филомузъ, и другіе. Наконецъ, изъ одной Аристо-

фановой комедіи видно, что аѳинскій театръ цмвалъ въ то время и особеннаго машиниста. Впрочемъ, въ лучшія времена театра, всѣ эти лица постоянно находились подъ распоряженіемъ поэта и занимались своимъ дѣломъ подъ его отвѣтственностью. Аристофанъ пересмѣиваетъ поэтовъ, своихъ современниковъ, которые, за бѣдностью воображенія и недостаткомъ во вкусъ, не могли ни устроить декораций, ни сочинять музыки, и упрекаетъ Эсхилла въ томъ, что онъ закутываетъ своихъ героевъ въ лохмотья. Спустя долго, уже около времени Демосѳена, поэты стали ограничиваться одною только поэзіею: стихотворство Грековъ, существенно основанное на законахъ музыки, потеряло свой прежній блескъ отъ этого раздѣленія искусствъ, и Аристотель уже говоритъ объ *искусствѣ постановки на сцену*, которому исключительно посвящали себя извѣстныя лица, но не поэты.

На древней сценѣ дѣйствовали *хоръ и актеры*. Назначенія ихъ были различны; предварительныя приготовленія совершались отдѣльно. Хористы разучивали свою роль въ домѣ поэта. Въ одной сценѣ Аристофановыхъ «*Фесмофористокъ*», трагическій поэтъ Агафоръ учитъ, съ помощію своей флейты, хоръ дѣвушекъ, которыя должны были танцевать въ его піесѣ. Позже мы видимъ, что хорегъ, за отсутствіемъ поэта, отводилъ въ своемъ домѣ особенную залу, гдѣ хоръ предварительно затверживалъ свою роль. Приготовленія эти оканчивались въ театрѣ, именно въ отдѣленіи *postscenium*.

Обычай и законъ ни подъ какимъ видомъ не позволяли человѣку, не принадлежащему къ хору, быть тутъ во время репетиціи. Нарушеніе этого правила подало поводъ къ пословицѣ: «Не суйся съ своими ногами въ чужіе танцы». Другой законъ, для предупрежденія безпорядковъ въ нравственномъ отношеніи, не позволялъ хору собираться ни до восходу ни послѣ заката солнца. Собирались утромъ: пивіе, въ это время, древніе считали полезнымъ для здоровья.

Во все время, пока продолжалось разучиваніе піесы, хорегъ, который долженъ былъ пивть не менѣе сорока лѣтъ, кормилъ и поилъ членовъ хора на свой счетъ. Пища дава-

лась самая пѣжная, для чистоты голоса. Съ этою же цѣлю принуждали ихъ употреблять какое-то гадкое питье.

Аѳины, какъ извѣстно, раздѣлялись на *поколыя*, *phylae*, которыя, по нашей правительственной терминологіи, можно было бы назвать *кварталами* или *округами*, и какъ сценическія представленія составляли важную часть религиозныхъ торжествъ, то граждане и гражданки состоящаго на очереди квартала назначались въ хористы по выборамъ всѣхъ его жителей, какъ у насъ назначаются засѣдатели и депутаты въ присутственные мѣста. То, что древніе называли *оркестромъ*, вовсе не походило на наши оркестры. Это слово, въ греческомъ языкѣ, происходитъ отъ глагола *орхесо*, «танцюю», и однимъ уже своимъ значеніемъ ясно показываетъ, что танцы составляли главное занятіе оркестра. Слѣдовательно, это былъ балетъ. Но греческій балетъ не былъ нѣмною пляскою, какою мы его полагали: онъ сопровождался пѣніемъ. Тальіоны, со всѣмъ своимъ волшебнымъ искусствомъ, не иначе успѣла бы въ Аѳинахъ, какъ присоединить къ ногамъ своимъ чудесное горло Пасты. Хористу надобно было пѣть и танцовать вмѣстѣ, потому что оркестръ составляли хористы. Изъ этого видно, что изъ жителей филы гораздо легче было выбрать двѣнадцать отличныхъ судей чѣмъ одного порядочнаго хориста. Если хористы, выбранные кварталомъ, поколыніемъ, филою, двигались неловко или недостаточно знали музыку, то на постъ, «учитель», *дидакаль*, лежала обязанность познакомить ихъ съ сущностью дѣла, по-крайней-мѣрѣ столько, сколько нужно, чтобы прилично дѣйствовать въ оркестрѣ. Но такіе случаи рѣдко встрѣчались: въ то время, каждый отецъ считалъ долгомъ научить своихъ дѣтей хотя первымъ основаніямъ музыки и танцевъ. «Прежде у насъ, говоритъ Аристофанъ: и не слышно было, чтобы мальчишки шумѣли и шатались безъ дѣла. Дѣти одного квартала молча отправлялись къ китаристу; проходили по улицамъ въ стройномъ порядкѣ, и то съ однихъ сорочкахъ, хотъ бы снѣгъ сыпалъ на голову какъ мука изъ рѣшета; сажались по мѣстамъ такъ, чтобы не касаться другъ друга, и начинали гимнъ *Грозная Паллада* или *Ужасный вопль*, соблюдая строгую гармонію древнихъ пѣснопѣній, которыя перешли къ намъ

отъ отцовъ и дѣдовъ. Если бы кто-нибудь изъ нихъ вздумалъ шалить, пѣть по-шутовски, съ раскатами да съ руладами, открытыми Фринихомъ, то его бы высѣкли, какъ богохульца, какъ врага Музъ». Изъ Плавта и Теренція мы видимъ, что въ Аѳинахъ и Киренаикъ были школы пѣнія, въ которыя приходили учиться дѣвочки. То же самое было въ Римъ : приключеніе съ Виргиніею можетъ служить доказательствомъ.

Но какъ хористы ни знали музыку и пѣніе, а поэту-дидакалу было тутъ много дѣла. У Оэсписа, Фриниха и Эсхилла въ хоръ бывало не болѣе пятидесяти человѣкъ. Впрочемъ, со времени Эсхилловыхъ «Эвменидъ» число это является непостояннымъ, и объ немъ много спорили критики, хотя дѣло рѣшается очень просто. Въ эту эпоху вошло въ моду представлять къ состязаніямъ, не прежнія простыя трагедіи, но *тетралогіи*, то есть, трагедіи, состоящія изъ четырехъ піесъ, связанныхъ между собою сюжетомъ. Разумѣется, что не возможно было одному хору выучить и разыграть всей тетралогіи отъ начала до конца, и какъ фила поставляла только пятьдесятъ пѣвцовъ-танцоровъ, то пришлось раздѣлять это число на два и на три хора. Возьмемъ Эсхиллову тетралогію: въ первой части ея, «Агамемнонъ», было двѣнадцать или пятнадцать человѣкъ хористовъ, во второй, «Коефоры», столько же, въ третьей, «Эвмениды», для бѣльшаго эффекта явились на сцену всѣ, въ «Протей» выступило около двадцати : въ сложности, всё тѣ же пятьдесятъ человѣкъ. Комики не представляли тетралогій, и позволеніе имѣть свои хоры получили довольно поздно. Правительство разрѣшило имъ набирать не болѣе двадцати четырехъ человѣкъ : вотъ почему у Аристофана и выведено на сцену только двадцать четыре рода птицъ. Бѣкъ полагаетъ, что тутъ было двадцать четыре пары, считая мужчину и женщину за одного хориста, но нужно замѣтить, что когда комическій хоръ состоялъ изъ мужчинъ и женщинъ, то хористовъ бывало тринадцать, а хористокъ одиннадцать.

Много сохранилось памятниковъ, показывающихъ, какъ древніе поэты учили своихъ хористокъ. Винкельманъ открылъ одинъ барельефъ, который превосходно опредѣляетъ

эти закулисные приготовления. Поэтъ сидитъ. Въ лѣвой рукѣ онъ держитъ женскую маску. На столѣ лежитъ множество другихъ масокъ, трагическихъ и сатирическихъ. Далѣе стоитъ женщина. Полу-открытыя губы, особенное выраженіе лица, благородная поза, показываютъ, что она поетъ или съ чувствомъ декламируетъ свою роль.

На сценѣ, во время игры, пять человекъ дирижировали хоромъ. *Корифей*, голова хора, родъ запѣвала, былъ его представителемъ и органомъ, когда хоръ принималъ участіе въ разговоръ дѣйствующихъ лицъ: онъ управлялъ распѣвной декламаціей стиховъ и пѣніемъ. Въ непрерывныхъ переходахъ хора съ одной стороны сцены на другую и въ танцахъ начальствовалъ балетмейстеръ, *хоростатисъ*. Чтобы во время переходовъ не было ошибки въ движеніяхъ, на правой сторонѣ стоялъ *дексіостатисъ*, на лѣвой *аристеростатисъ*, а въ серединѣ *лавростатисъ*. Пѣніе, танцы и всѣ эволюціи хора исполнялись подъ звуки флейты главнаго музыканта. Во время приготовительныхъ упражненій хористовъ и актеровъ, обыкновенно игралъ самъ поэтъ на лирѣ, чтобы пріучить ихъ къ строгому соблюденію такту въ произношеніи стиховъ. Греки вообще декламировали свои ямбы не иначе какъ съ акомпаниментомъ лиры, чтобы яснѣе означать метръ аккордами. Во время самой игры, поэтъ могъ еще давать нужныя наставленія, и оттого драматическихъ писателей называли тогда *хоро-китаристами*.

Отношенія поэта къ актерамъ были другаго рода. Здѣсь прежде всего надлежало раздать роли. Первые драматическіе поэты сами разыгрывали свои драмы. Тесписъ и его подражатели одни выступали на сцену, чтобы состязаться съ соперниками въ поэтическомъ и музыкальномъ достоинствѣ своихъ *эпизодовъ*, разыгрываемыхъ самимъ авторомъ при содѣйствіи хора. Отсюда они и получили имя *агонистовъ*, или состязателей. Немного послѣ, Фринихъ и Эхиллъ взяли къ себѣ другое дѣйствующее лицо, а потомъ и третье. Тогда они сами стали называться *протагонистами*, первосостязателями, или *actores primarium partium*, актерами главныхъ ролей, главныхъ партитуръ. Они были то же самое, что впослѣдствіи Шекспиръ, Молиеръ, Иф-

Фландъ, и другіе, то есть, , вмѣстѣ драматическими писателями, начальниками труппы и первыми актерами. Второй и третій актеры назывались *двѣрагонистами* и *тритагонистами*. Они втроемъ составляли всю труппу, или *сіазъ*. «Въ греческой драмѣ играютъ только три актера», говоритъ грамматикъ Діомедъ. Это не значитъ, чтобы въ драмѣ были только три дѣйствующія лица: Эсхиллъ выводитъ на сцену до шести лицъ, Софоклъ до осьми, Эврипидъ еще болѣе. Но дѣло въ томъ, что роли фигурантовъ, вѣстниковъ, стражей, кормилицъ, невольниковъ, не брались въ расчетъ: тѣ, которые ихъ представляли, не носили имени *актеровъ*. Эти лица, болѣею частію, ничего и не говорили на сценѣ. Главныхъ дѣйствующихъ лицъ было трое, и столько же настоящихъ актеровъ. Въ комедіи иное дѣло. Тамъ было много дѣйствующихъ лицъ, и Аристотель комическую труппу называетъ *кучею лицедѣевъ*. У Римлянъ бывало по четыре и по пяти актеровъ, смотря по содержанию піесы. Впрочемъ, хотя у Грековъ въ трагическихъ труппахъ были свои *utilités*, подъ именемъ *adjunctae personae*, и въ піесѣ часто случалось до осьми ролей, все онѣ однако жъ, по настоящему, могли быть разыгрываемы тремя актерами. Напримѣръ, у Эврипида нѣкоторыя лица выходятъ по одному разу на сцену, чтобы изложить сюжетъ піесы или сдѣлать развязку: въ остальное время они не появляются: актеръ могъ разыграть три и четыре такія роли, переодѣваясь и перемѣняя маску за сценою.

Изъ актеровъ, помощниковъ Эсхилла, Телестъ особенно прославился выразительностью и живостью своей пантомимы. Послѣ него сдѣлались извѣстными Клеандръ и Міонискъ. Софоклъ первый, по слабости своего голоса, сталъ поручать главныя роли другимъ, но не все: сдѣвецъ Тамирисъ и Навсикаа были любимыми его ролями. Въ то же время поэтъ Агаеонъ, въ комедіи, написанной для своего дебюта, самъ занималъ главную роль и получилъ вѣнокъ. Другіе трагическіе и комическіе писатели также предпочитали играть сами, еще долго спустя послѣ Софокла. Аристофанъ во «Всадникахъ» игралъ Клеона и тутъ же импровизовалъ свои парабазы, которыя дѣлали такъ много шума. При Димосеенѣ были поэты, которые сами играли свои

произведенія. Поэты-актеры встрѣчаются и позже. Они никогда не переводились на греческой сценѣ, но соединеніе двухъ званій въ одномъ лицѣ сдѣлалось наконецъ, не правиломъ, а исключеніемъ.

Поэты, отказавшіеся отъ игры на сценѣ, всё-таки оставались начальниками труппы. Когда изъ Пеллы пришло извѣстіе въ Аѣны о смерти Эврипида, Софокль приказалъ явиться на сцену своимъ актерамъ въ траурѣ, безъ выюковъ. Въ наше время критики часто упрекають драматическихъ авторовъ, что они сочиняють піесы нарочно для такого-то актера или актрисы; но то же самое дѣлали и древніе. Біографъ Софокла говоритъ, что этотъ великій поэтъ, при сочиненіи трагедій всегда принаровлялся къ способностямъ своихъ актеровъ, Калипида, Клидемида, Тлиполема и Загра. Эврипидъ, тоже управлявшій труппою, писалъ многія роли для Кефисофона, который лучше всѣхъ понималъ его. Въ числѣ его актеровъ были Эгесилогъ, Молонъ, надъ которымъ такъ жестоко подшучиваетъ Аристофанъ, и, кажется еще, Мнесилохъ, второй сынъ Эврипида. Съ именемъ Аристофана неразлучно соединены имена Филонида и Каллистрата, которые брали главныя роли во многихъ его комедіяхъ. Каллистратъ былъ первымъ дѣйствующимъ лицомъ въ «Ахарнеянахъ», «Птицахъ», «Лизистратъ», Филонидъ въ «Лягушкахъ», «Осахъ», и «Амфіарѣ».

Не извѣстно, кто первый изъ поэтовъ отказался отъ управленія труппами. Мы только видимъ, что Платонъ, въ своей молодости, сочиняетъ трагедіи и отдаетъ ихъ актерамъ, которые вовсе отъ него не зависятъ. Этотъ переворотъ, кажется, должно отнести къ несчастному окончанію пелопонезской войны: тогдашнія политическія дѣла измѣнили назначеніе хоровъ и вообще ввели на театръ много новаго. Къ нимъ присоединились другія обстоятельства: поэтический геній истощился послѣ столькихъ образцовыхъ произведеній, и, за отсутствіемъ новыхъ, блистательныхъ явленій, удивленіе къ тремъ аѣнскимъ трагикамъ начало возрастать съ невѣроятною быстротою. Дѣтямъ этихъ поэтовъ дано было право представлять къ состязаніямъ поэмртныя творенія своихъ отцовъ. Одинъ изъ сыновей Эхилла, Эвфоріонъ, отдалъ на сцену много трагедій, кото-

рыхъ его отецъ не хотѣлъ показывать публикѣ при своей жизни, и четыре раза получилъ награду. Можетъ-быть, во времяѣтихъ-то состязаній, онъ и одержалъ верхъ надъ Софокломъ и Эврипидомъ. Должно полагать, что и Филоклесъ, племянникъ Эсхилла, обязанъ своей побѣдой надъ Софокломъ и его «Царемъ Эдипомъ» тоже произведенію своего дяди. Эврипидъ, получившій четыре вѣнка при жизни, въ пятый разъ удостоился той же награды уже послѣ своей смерти: «Ионгенія въ Авлидѣ»; «Алкмеонъ» и «Вакхантки», были представлены его сыномъ и получили награду. Со-временемъ, когда исчерпались неизданныя сочиненія трехъ любимыхъ авторовъ, Греки такъ пристрастились къ твореніямъ Эсхилла, что они постоянно хотѣли видѣть ихъ на сценѣ. Было постановлено, чтобы не только наследники этого трагика и его труппа, называвшаяся *Эсхиловцами*, но всѣ дидаскалы или протагонисты собирали хоры и разыгрывали его произведенія. Той же самой чести вскоре удостоились Эврипидъ и Софоклъ.

Съ тѣхъ поръ началось царство актеровъ. Когда великіе поэты удалились со сцены, рукоплесканія, восторги и вѣнки стали наградою людей, которые разыгрывали творенія, признанныя образцовыми и неподражаемыми. Ихъ также называли «учителями», *дидаскалы*, а иногда «подъучителями», *иподидаскалы*. Прежде вѣнокъ давали поэту и хорегу, за сочиненіе, за игру, за прекрасное исполненіе цѣлаго, за издержки на обученіе хористовъ и на постановку пьесы. Теперь хористы не ждали уже почетнаго выбора со стороны своихъ согражданъ: это званіе сдѣлалось ремесломъ; поэтъ не соединялъ въ себѣ множества талантовъ, условіе, которое по необходимости предполагало въ немъ генія: онъ даже не являлся передъ зрителями, и его безсмертный вѣнокъ вручали тому, кто игрой представлялъ автора, иподидаскалу, главному актеру. Когда достоинство пьесы было оцѣнено однажды навсегда, дѣло шло объ одной игрѣ, одна она возбуждала въ зрителяхъ новыя ощущенія, новые восторги, и число хорошихъ актеровъ выросло со дня на-день: въ томъ же содержаніи поэты становились рѣже. Замѣчательно, что драматическая поэзія, которая съ тѣхъ поръ быстро пришла въ упадокъ, точно та-

кую же судьбу испытала и по возрожденіи искусствъ въ Европѣ. Новѣйшая эпоха имѣла только двухъ сценическихъ поэтовъ, истинно великихъ и достойныхъ сравненія съ древними, — Шекспира и Молиера : оба они были въ то же время актерами и начальниками труппы. И едва ли это не условіе *sine quo* поп для настоящаго драматическаго генія. Когда созданіе и исполненіе разъединяются, когда не одна и та же мысль связываетъ вдохновеніе поэта и вдохновеніе актера, разладица должна быть слѣдствіемъ этого дѣлажа великаго наслѣдства боговъ на землѣ, генія. Могущество эффекта также уменьшается до половины и болѣе: не знаешь, что здѣсь принадлежитъ поэту, а что актеру. Торжественный видъ полноты одного генія не потрясаетъ зрителя, который, видя передъ собою одного актера, не думаетъ о поэтѣ, и, зная, что не актеръ создалъ это, не уважаетъ его въ душѣ, смотритъ на него какъ на ремесленника, промышляющаго чужимъ умомъ. Въ самомъ дѣлѣ, уваженіе къ званію актера стало упадать съ тѣхъ поръ какъ на состязанія начали являться одни простые актеры, разучившіе чужую піесу. Многіе изъ нихъ прославились своей игрою въ трагедіяхъ и комедіяхъ. Моловъ, Архелай, Поль, Аристодемъ, Фессаль, изъ простыхъ протагонистовъ, сдѣлались начальниками труппъ подобно Эсхиллу, Софоклу, Эврипиду, Аристофану. Эти антрепренёры разъѣзжали по всемъ греческимъ городамъ и царствамъ, съ заученными произведеніями трехъ великихъ трагиковъ, и, одинъ предъ другимъ, старались получить первенство въ сценическихъ состязаніяхъ. Греція наводнилась кочующими труппами, которыя скоро сами стали вредить своей репутаціи. Протагонисты, чтобы легче отличиться предъ зрителями, обращали все свое вниманіе только на тѣ мѣста, въ которыхъ могли показать весь свой талантъ : другія были пропускаемы. Они даже осмѣлились передѣлывать по-своему трагедіи Эсхилла, Софокла и Эврипида. Эти геніальныя произведенія, въ ихъ рукахъ, потеряли все достоинство. Выпуски, сокращенія, распространенія и, что всего хуже, исправленія, подновы, совсѣмъ искажили древній текстъ. Дошло до того, что вѣрные списки этихъ знаменитыхъ трагедій стали рѣдкостью. Наконецъ аѳинское правительство вступило за беззащит-

ныя творенія : по предложенію оратора Ликурга, опредѣлено переписать трагедіи Эсхилла, Софокла и Эврипида на счетъ казны, и городской секретарь, по этимъ оффиціальнымъ спискамъ, долженъ былъ, до представленія, прочитатъ ихъ актерамъ, а тѣ, во время игры, никакъ не отступать отъ одобреннаго текста. Законъ Аѳинянъ не могъ имѣть одинаковой силы во всей Греціи, но онъ, по-крайней-мѣрѣ, спасъ для потомства драгоценныя творенія трехъ великихъ трагиковъ. Этотъ казенный экземпляръ трагедій Эсхилла, Софокла и Эврипида, по словамъ Галена, былъ приобрѣтенъ царемъ Филадельфомъ для александрійской бібліотеки, посредствомъ подмѣна. Для поощренія талантовъ къ актерскимъ состязаніямъ, тотъ же Ликургъ исходатайствовалъ постановленіе, по которому каждый протагонистъ, получившій вѣнокъ на большомъ народномъ праздникѣ, дѣлался аѳинскимъ гражданиномъ.

Такой переворотъ по-необходимости измѣнилъ и общественное положеніе хорега : это уже не былъ почетный, богатый и набожный гражданинъ, котораго избирали жители квартала представителемъ на торжествахъ, и который, для чести поколѣнія и изъ усердія къ божеству, разорялся на великолѣпную или, по-крайней-мѣрѣ, приличную постановку пьесы. Хореги стали нѣчто въ родѣ привилегированныхъ спекуляторовъ, которые брали на себя подряды на хористовъ, декораціи, музыку и прислугу, и съ которыми правительство договорилось о принятіи этой должности передъ наступленіемъ праздниковъ и, слѣдовательно, сценическихъ состязаній. Антрепренёры труппъ принуждены были просить у нихъ хоровъ со всеми принадлежностями. Хореги, съ своей стороны, вовсе не были такъ внимательны къ актерамъ, какъ нѣкогда къ поэтамъ. Плутархъ рассказываетъ, что какая-то труппа искала себѣ хорега. Одинъ изъ этихъ подрядчиковъ согласился доставить ей все нужное для трагедіи, но, по скупости или по недостаточности суммы, условленной съ правительствомъ, не далъ царицѣ, одному изъ главныхъ лицъ въ пьесѣ, приличной свиты при появленіи ея на сцену. Актеръ, представлявшій царицу, — актрисъ тогда еще не существовало въ труппахъ, — былъ до крайности взбѣ-

шенъ этимъ и, вышедши къ зрителямъ, вмѣсто исполненія своей роли, разсыпался въ брани на хорега за такое неуваженіе къ ея достоинству. Зрители, ожидавшіе со-всѣмъ другаго, сперва изумились, потомъ стали аплодировать нечаянной выходкѣ раздраженнаго актера. Архонтамъ также прибавилось заботъ. Начальники аѳинскихъ труппъ, которыя славились на всю Грецію, не упустили случая увѣзжать въ другіе города, когда тамъ наступали праздники. По разнымъ обстоятельствамъ, они въ состояніи были и не возвратиться къ аѳинскимъ праздникамъ, которые не могли обойтись безъ спетаклей. Для избѣжанія этого неудобства, архонты заключали съ начальниками труппъ договоры, которыми протагонисты обязывались явиться въ Аѳены ко всеаѳинскимъ и бахическимъ торжествамъ. За нарушеніе условія актеры платили штрафъ. Однажды трагикъ Аѳинодоръ былъ задержанъ при дворѣ Александра. Онъ не успѣлъ еще выѣхать оттуда, какъ получилъ извѣстіе, что на него наложили огромную пеню. Македонскій царь самъ выплатилъ ее за Аѳинодора. Въ другихъ городахъ принимали такія же предосторожности, чтобы во время праздниковъ не остаться безъ актеровъ, заранее приглашали къ себѣ извѣстныя труппы, и заключали условія съ антрепренѣрами. Актеръ Аристодемъ находился въ числѣ послѣднихъ, отправленныхъ къ Филиппу. Между-тѣмъ наступило время, когда ему слѣдовало, по условіямъ, явиться на сценѣ въ разныхъ мѣстахъ. Аѳиняне нарядили депутацію и отправили ее во всѣ города, гдѣ Аристодемъ долженъ былъ играть, съ тѣмъ, чтобы оправдать его отсутствіе передъ публикою и предупредить штрафъ за неустойку.

Актерскія общества, состоявшія подъ дирекціей протагониста, назывались по его имени *Тессаловцами*, *Аѳинодоровцами*, и такъ далѣе. Піесы, которыя они разыгрывали, не всегда брались изъ стариннаго репертуара. Несмотря на упадокъ поэтическаго генія, труппы отъ времени до времени давали новыя комедіи и трагедіи. Тогда поэтъ получалъ отъ архонта труппу актеровъ. Но какъ не всѣ труппы были равны по дарованіямъ, то архонты, для избѣжанія подозрѣній въ пристрастіи, назначали ихъ по жребію очереднымъ филамъ и соперничающимъ поэтамъ.

Поэтъ, получившій вънокъ, имѣлъ право, на слѣдующій годъ, самъ выбрать себя главныхъ трехъ актеровъ.

Титулъ «артистовъ», который даемъ мы нынче актерамъ, существовалъ уже въ древности: они и у Грековъ вообще назывались артистами, *technitae*, или, *Бахусовыми артистами*, *hoi peri ton Dionyson technitae*. Мимики, пантомимики, пѣвцы, китаристы, флейтисты, и прочіе, носили также это почетное имя. Вся они, вмѣстѣ, составляли одно братство, которое раздѣлялось на общества и имѣло свои законы. Начальниками общинъ были или протагонисты, или простые антрепренёры, которые, не будучи ни поэтами ни актерами, содержали цѣлыя труппы разнаго роду артистовъ и заставляли ихъ играть въ пьесахъ по своему выбору. Въ одной и той же труппѣ часто бывали и трагическіе и комическіе актеры. Общества Бахусовыхъ артистовъ въ Аѣнахъ и Фивахъ жили въ опредѣленныхъ мѣстахъ. Тутъ они имѣли свои дома или наемныя квартиры, въ которыхъ проводили время, остававшееся отъ разъѣздовъ. Въ братствѣ было поставлено правиломъ помогать и давать пріютъ другъ другу, гдѣ бы два артиста ни встрѣтились. При тогдашнихъ нравахъ, при этомъ странномъ, хоть и изящномъ развратѣ язычества, при этой жаднѣ наслажденій, которою оно отличалось, вліяніе актеровъ и вообще Бахусовыхъ артистовъ на общество было весьма велико: притомъ же ихъ сословіе, какъ и сословіе врачей, или Эскулаповичей, имѣло важный религіозный характеръ, носило титулъ *слугъ бога*, *theou douloi*, и почиталось, или по-крайней-мѣрѣ само себя почитало, священнымъ. Во время могущества Аѣинъ, говоритъ Атеней, жители острововъ должны были судиться въ этомъ городѣ. Эгемонъ Фасскій, комикъ и знаменитый пародистъ, былъ обвиненъ передъ судомъ и обязанъ явиться въ Аѣны. Взявъ съ собою цѣлый полкъ актеровъ и другихъ Бахусовыхъ артистовъ, онъ пришелъ къ Алкивіадѣ съ просьбою о покровительствѣ. Тотъ посоветывалъ ему отправиться съ ними въ Элевсипъ, и самъ обѣщалъ вскорѣ туда явиться. Въ Элевсипѣ Алкивіадъ, не развертывая свитка, сжегъ доносъ, поданный на Эгемона. Секретарь и архонтъ вскрикнули отъ ужаса, при видѣ такого попранія правилъ правосудія, но набожные почита-

тели Бахуса приняли сторону артистовъ и согласились съ Алкивиадомъ, что имъ должно оказать защиту : а кто притѣсняетъ «слугъ бога», тотъ врагъ ему, и гнѣвъ Бахуса да упадетъ на его голову !.... Въ то время софистъ Аѳиніонъ, личный другъ понтійскаго царя, прибылъ въ Аѳины : народъ, который надѣялся много выиграть отъ покровительства Митридата, принялъ его любимца съ большими почестями; актеры вышли къ нему на встрѣчу и просили его, какъ посланника новаго Бахуса, посвятить ихъ общее жилище и присутствовать при ихъ молитвахъ и торжествахъ. Въ священномъ лѣсу были принесены жертвы и сдѣланы возліянія со всею подобающею важностью. Въ Малой Азій, которая такъ благоговѣла передъ Бахусомъ, Лебедось, по словамъ Страбона, служилъ мѣстомъ пребыванія и главнымъ сборищемъ «Бахусовыхъ слугъ» всей Іоніи: у нихъ ежегодно бывали торжества и состязанія въ честь своего бога-покровителя. Они жили также въ Теосъ; но одно возмущеніе принудило ихъ перейти въ Эфесъ. Когда Атталъ поселилъ ихъ въ Міоннесъ, между Теосомъ и Лебедосомъ, Теосцы просили Римлянъ, чтобы они воспрепятствовали Міоннесу вредить безопасности ихъ города. Такъ пугала ихъ возрастающая сила Міоннеса по случаю прибытія туда этихъ новыхъ жителей. Въкомъ позже, Антоній назначилъ для этихъ актеровъ мѣстомъ жительства Пріены.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жили только извѣстные, менѣе почетные, роды актеровъ. Изъ Лаодикіи вывозили комедіанты, которые давали представленія на тельгахъ. Тиръ и Беритъ, нынѣшній Бейрутъ, столь извѣстный читателямъ газетъ по случаю прошлогоднихъ происшествій, славились мимиками, Кесарія пантомимиками, Иліополь хористами, Газа панкратіастами, Аскалонъ атлетами и борцами, Кастабала кулачными бойцами.

Въ аристократическомъ Римѣ совсѣмъ иначе смотрѣли на слугъ Бахуса : тамъ актеровъ набирали изъ людей, не имѣвшихъ правъ гражданства и не принадлежавшихъ ни къ какой трибъ, то есть, изъ иностранцевъ, рабовъ и вольноотпущенныхъ. Римскій гражданинъ, вступавшій на сцену, подвергался безчестію. Одни ателлансты не подлежали этому униженію, и то при республикѣ. Во время гражданскихъ войнъ, презрѣніе къ актерамъ существовало только

въ законъ, а не во мнѣніи народа : всадники и знатныя матроны не стыдились поступать въ оркестръ. Но Августъ возстановилъ древнее постановленіе, которое запрещало патриціямъ принимать роли. Трагическіе и комическіе поэты могли однако жъ сами разыгрывать на театрѣ свои произведенія, хоть бы и были рабами или вольноотпущенными. Въ это время и въ Италиі начали появляться протагонисты-антрепренёры, на примѣръ, Амбивій Турпіонъ, Рупилій, Росцій, Эзопъ. Несмотря на свои таланты, и на уваженіе къ нимъ знаменитѣйшихъ людей того времени, они, въ глазахъ публики, были только фиглярами. Многіе частныя спекуляторы набирали также ватаги вольноотпущенниковъ и невольниковъ, обучали ихъ театральному искусству, и брали себѣ вся выгоды, которыя приносила ихъ игра. Въ провинціяхъ труппы составлялись болѣею частью изъ греко-азійскихъ артистовъ. Ихъ общества сохранялись въ цѣлости очень долго, и, со временъ Адриана, особенно заботились о томъ, чтобы сохранить свой греческій духъ. Надпись, открытая у Віенна, по дорогѣ къ Ліону, доказываетъ, что одна такая труппа актеровъ нѣкогда жила около этого мѣста. Общества имѣли свои архивы и печати, на которыхъ вырѣзывались портреты покровителей труппы. Для производства дѣлъ они избирали людей, заслужившихъ довѣренность сословія : эти лица назывались *архонтами*. Встрѣчаются еще названія другихъ должностей, но эти чины имѣли силу только внутри самихъ обществъ : римскіе законы никогда не жаловали этому сословію ни какихъ гражданскихъ преимуществъ. Эдили въ Римѣ и въ главныхъ городахъ имперіи, подобно аѣнскимъ архонтамъ, всегда имѣли дѣло только съ повѣренными труппъ, не разбирая, были ль это поэты-актеры, какъ Ливій Андроникъ, Невій, Плаутъ, или протагонисты-антрепренёры, какъ Амбивій Турпіонъ, Рупилій, Эзопъ, Росцій, или простые антрепренёры, которыхъ называли *locatores scenicoꝝum*, а по-учтивѣе *impetratores histrici*. Граждане, дававшіе зрѣлища народу, ванимали ихъ на свой счетъ. Эдили отдавали этихъ антрепренёровъ съ ихъ труппами въ распоряженіе того поэта, чья пьеса имъ больше нравилась. Такъ были играны комедіи Цецилія и Теренція. Наконецъ эдилямъ наскучило разбирать пьесы, и выборъ сочиненій для спектаклей былъ пре-

доставленъ самимъ начальникамъ труппъ. Поэты, вместо того чтобы обращаться съ своими произведеніями къ эдильямъ, стали продавать ихъ антрепренёрамъ и откупщикамъ театровъ, *redemptores scenici*. Теренціева «Несуга» была самымъ авторомъ продана, сначала эдильямъ, потомъ наследникамъ Павла Эмилиа, наконецъ протагонисту-антрепренёру Амбивію Турпиону, который игралъ ее на свой счетъ и говаривалъ: «Я заплатилъ за нее свои собственныя денюжки!» *Pretio emptas meo*. Раздача ролей принадлежала однако жъ поэтамъ. Протагонистъ Амбивій говоритъ: «Если пьеса трудная, ее несутъ ко мнѣ; а если легкая, то отдаютъ другимъ.» И тотъ же Турпионъ продолжаетъ: «Не удивляйтесь, прошу, если роли юношей разыгрываются стариками: такъ распордился самъ поэтъ.»

Ne cui sit vestrum mirum, cur partes seni

Poëti dederit, quae sunt adolescentium.

По тогдашнимъ понятіямъ объ актерской чести, протагонистъ, первый актеръ, могъ играть третью роль, ничуть не унижая себя этимъ. Если три главные актера не хотѣли уступить первенства другъ другу, а поэту необходимо было дать третьему актеру первую роль, первому вторую, второму третью, онъ, какъ авторъ, имѣлъ полное право назначить порядокъ ролей по своему усмотрѣнію. Древніе поэты были въ этомъ отношеніи счастливѣе нынѣшнихъ!

Но выраженіе *раздача ролей*, въ отношеніи къ древнимъ, не совсемъ выражаетъ сущность дѣла. Со времени Солона, когда дионрамбическіе хоры начали измѣняться въ трагическіе, искусство писать, тогда еще новое, не было всеобщимъ. Обыкновенія списывать роли не существовало: слѣдовательно и раздачи ролей, въ томъ смыслѣ, какъ мы теперь принимаемъ, не было. Въмсто этого, поэтъ, учитель, дидакаль сочинялъ для актеровъ маски, и каждому выдавалъ ту, въ которой кто долженъ былъ играть. Маска опредѣляла роль: поэтому, намъ слѣдовало бы говорить — *раздача масокъ*, а не «раздача ролей». На одномъ камнѣ, открытомъ Фикорони, представленъ поэтъ: одною рукою онъ опирается на комическій жезлъ, въ другой держитъ женскую маску, которую готовится отдать актеру. На вазѣ, принадлежащей господину Гемильтону, нарисованъ поэтъ, подносящій маску поселаннина актеру, одѣтому въ неволь-

ничье платье. Но лучше всего представлена эта раздача масокъ на камнѣ, принадлежащемъ господину Штошу: поэтъ покоится на ложѣ, на которомъ видно три маски; прямо противъ него и по бокамъ стоятъ актеры, которые прилежно слушаютъ и какъ-будто стараются запомнить то, что каждый изъ нихъ долженъ говорить на сценѣ. Послѣ пелопонезской войны, актеры уже имѣли копистовъ и подкопистовъ, которые списывали для нихъ роли, однако жъ поэты продолжали раздавать имъ маски. Чтобы актеръ могъ лучше уразумѣть и выучить свою роль, авторы рисовали на досчечкахъ фигуру того лица, которое ему назначено было представлять. Многіе изъ древнихъ памятниковъ изображаютъ актеровъ въ ту минуту, когда они готовились играть. Въ одномъ мѣстѣ мы видимъ артиста глубоко что-то обдумывающаго передъ своею маскою; въ другомъ, онъ съ книгою или свиткомъ въ рукъ; въ третьемъ, онъ занятъ своимъ костюмомъ, въ которомъ подбираетъ складочки, одну къ другой, какъ онъ нарисованы на досчечкѣ поэта. На репетиціяхъ актеры окружали поэта: онъ декламировалъ или читалъ піесу. Каждый артистъ, въ свою очередь, повторялъ его слова и слѣдилъ за всеми измѣненіями въ голосѣ и движеніяхъ поэта-дидакала. Это упражненіе не прекращалось до тѣхъ поръ, пока поэтъ не былъ совершенно доволенъ актерами. Рабская точность, съ какою лица, занимавшія вторыя и третьи роли, старались копировать всѣ приемы поэта, вошла въ пословицу, и Демосѣенъ ничѣмъ столько не могъ кольнуть Эсхилла, какъ сказавъ: «Это настоящая трагическая обезьяна.» Когда уже все было готово по частямъ и актеры твердо знали свои роли, тогда только открывалась общая репетиція въ Одеонѣ, гдѣ поэтъ окончательно замѣчалъ и исправлялъ недостатки, и некоторыхъ присутствовали одни только друзья поэта. На одной изъ такихъ репетицій, именно, Еврипидова «Ореста», въ числѣ знаменитыхъ друзей автора, мы встрѣчаемъ и Сократа, который, по своей старинной привычкѣ возражать да спорить, заставляетъ поэта повторить три первые стиха своей трагедіи. Въ Помпѣяхъ открыто изображеніе послѣдней репетиціи. Сцена. На серединѣ ея играютъ два замаскированные актера: одинъ изъ нихъ самохваль-солдатъ, другой остро-словъ-невольникъ. На второмъ планѣ стоятъ три актера,

бѣтъ масокъ, выжидая минуты для своего выхода на сцену. Въ-сторонѣ сидятъ два человека, уже не молодые. У каждаго изъ нихъ въ рукахъ палка. Поэтъ, устремивъ глаза въ землю, внимательно слушаетъ актеровъ. *Designator scenarum*, режиссёръ, слѣдитъ за всѣмъ, что происходитъ на сценѣ.

Когда постановка пьесы была кончена, объявляли торжественно объ ея представленіи. Объявленія разставлялись на углахъ домовъ, перекресткахъ улицъ, на площадяхъ, и подъ портиками. Они были подробнѣе нашихъ театральныхъ афишъ. Мало того, что исчислялись имена автора пьесы, актеровъ, хористовъ, и такъ далѣе: обыкновенно еще излагаемъ былъ и ходъ пьесы. Живописцы схватывали лучшія сцены во время общей репетиціи и воспроизводили ихъ въ нѣсколькихъ картинахъ, которыя иногда развѣшивались подъ обыкновенныхъ объявленій. Шарлатанство одно изъ первыхъ изобрѣтеній человека: древніе авторы, актеры, антрепренёры, такъ же какъ и нынѣшніе, не пренебрегали ни какого средства, чтобы заманить публику въ театръ. А впрочемъ эти подробныя и живописныя афиши были въ некоторомъ образѣ необходимы: онѣ замѣняли наши печатныя *libretti*, снасительное пособіе для ума и для уха въ пьесахъ, распѣваемыхъ подъ музыку.

Наступалъ день представленія. Съ ранняго утра народъ уже толпился около театра. Для предупрежденія беспорядковъ при занятіи мѣстъ, которыя были нумерованы, классическое благоразуміе городскихъ начальствъ придумало разныя мѣры. У древнихъ было что-то въ родъ билетовъ. Раскапывая театръ въ Помпѣи, нашли множество металлическихъ досчечекъ, похожихъ на билеты царскосельской дороги, съ выбитыми надписями, въ которыхъ еще можно прочесть названіе одной изъ комедій Плутона. Нѣтъ сомнѣнія, что эти досчечки были побросаны во время представленія, печально прерваннаго гибелью города. Служители, указывавшіе зрителямъ мѣста, у Римлянъ назывались *designatores*. Греки и Римляне занимали мѣста въ театрѣ гораздо ранѣе, до представленія, нежели какъ это дѣлается у насъ. До начала игры, зрители долго и громко требовали открытія спектакля. Въ ожиданіи этой минуты, все говорило и шумѣло.

Чтобы представить себѣ видъ этого собранія, нужно знать устройство древнихъ театральныхъ зданій. Они, въ некоторыхъ отношеніяхъ, имѣли сходство съ нашими, но во многихъ значительно отступали. Для удобнѣйшаго понятія внутренности древнихъ театровъ, отдѣлите часть зданія, занимаемаго теперь сценою: останется полукругъ для зрителей: это греческій theatron, римская cavea. У насъ, по стѣнамъ этого полукруга, устроены ложи; у древнихъ, въ этомъ мѣстѣ, были для публики мраморныя скамьи, но не однѣ надъ другими, а въ видѣ уступовъ снизу вверхъ. Все это было раззолочено и расписано яркими красками въ родъ помпейской стѣнной живописи, которая теперь въ такой модѣ и въ Петербургѣ; потому что мнимая изящная простота древнихъ Грековъ существовала только въ недоразумѣніи новѣйшихъ критиковъ искусства: краски исчезли, и они, то-и-дѣло восхищаются строгостью древняго вкусу, а между-тѣмъ эти стѣны, статуи, бюсты, эти драгоценныя пентелическіе и карарскіе мраморы, были сплошь покрыты красками. Это фактъ, доказанный нынче положительно. На мраморныхъ скамьяхъ, по-крайней-мѣрѣ нижнихъ, вѣрно были еще ковры и подушки: они также исчезли. Наши ложи имѣютъ каждая свою дверь; раекъ имѣетъ до трехъ дверей. У древнихъ входили иначе. Всѣ входы, vomitoria, вели на площадки, которыя были втрое и вчетверо шире обыкновенныхъ скамейныхъ уступовъ, и опоясывали весь амфитеатръ, diazomata, praescinctions. По нимъ зрители проходили во всякое время, и съ нихъ можно было идти вверхъ и внизъ, по особеннымъ лѣстницамъ, между уступами, на которыхъ сидѣла публика. Эти лѣстницы спускались по прямымъ линіямъ въ видѣ радіусовъ, направленныхъ къ авансценѣ. Мѣста между ними назывались *клинтами*, *kekridēs*, *сипеі*. Позади самыхъ верхнихъ уступовъ, гдѣ оканчивались помѣщенія для публики, находился крытый портикъ. Внизу, на пространствѣ между стѣнами амфитеатра, гдѣ у насъ стоятъ кресла, помѣщался орхестръ, *orchestra*, *podium*.

Proscenium, или авансцена, и у древнихъ начиналась тамъ же, гдѣ и у насъ. Самое мѣсто, гдѣ играли актеры, было поднято, но не выше орхестра, и называлось *okribas*, *logion*, *pulpitum*. Proscenium заключалось высокою стѣною

известною подъ именемъ сцены. Она была вдвое выше театра и раздѣлялась на *episcenia*. Въ ней было трое дверей, которыя въ день представленія украшались гирляндами цвѣтовъ.

До спектакля занавѣсъ скрывалъ авансцену отъ зрителей.

Чтобы предохранить зрителей отъ солнечнаго зноя и непогоды, во время представленія, распускали надъ театромъ богатое покрывало. Если было слишкомъ жарко, воздухъ освѣжали вспрыскиваніемъ ароматной воды.

Греки, почти безъ чиновъ, занимали мѣста въ театрѣ. Въ Римѣ другое дѣло. Сначала и здѣсь одни только консулы, трибуны, преторы и жрецы имѣли опредѣленные помѣщенія. По предложенію Сципіона Африканскаго, сенаторамъ дали особенныя мѣста. Постановленіе, называемое *lex Roscia*, усвоило то же преимущество и всадникамъ. Они занимали четырнадцать уступовъ, или скамей, изъ которыхъ первая начиналась у оркестра, а послѣдняя была отдѣлена отъ всѣхъ прочихъ брустверомъ. Августъ опредѣлилъ еще болѣе точныя размѣщенія: здѣсь сидѣли только женатыя плебены; тамъ, вдали отъ народа, воины; тутъ недоросли, еще не получившіе *togam protextatam*; а на самомъ верху, въ послѣднихъ отдѣленіяхъ, чернь. Весталкамъ были отведены мѣста противъ претора. Сенаторы засѣдали въ самомъ оркестрѣ. Императоръ былъ тутъ же: но его сѣдалище устроилось выше другихъ.

Наконецъ поднимали занавѣсъ, и спектакль начинался.

Въ одномъ изъ домовъ, открытыхъ въ Помпеи, есть богато расписанная комната, которой одна стѣна сохранила намъ видъ театральной сцены, съ авансценою, *proscenium*, на которой разыгрывается главное дѣйствіе драмы «Ахиллъ въ Скиросѣ»: картина изображаетъ тотъ моментъ, когда Ахиллъ, одѣтый въ длинное женское платье, вспрыгиваетъ при первомъ звукѣ военной трубы и бѣжитъ впередъ съ оружіемъ въ рукахъ, найденнымъ между поднесенными подарками. Эта, единственная въ своемъ родѣ, картина представляетъ въ перспективѣ древнія кулисы или то, что служило вмѣсто кулисъ, и лучше всѣхъ описаній и диссертаций объясняетъ распределение сцены и образъ игры актеровъ.

ЗАПИСКИ ГЕНЦА,

О ПСТОЯЩИХЪ ПРИЧИНАХЪ И ВНУТРЕННЕМЪ ХОДѢ
ВОЙНЫ МЕЖДУ ПРУССІЕЮ И ФРАНЦІЕЮ ВЪ 1806 ГОДУ,

ВЕДЕННЫЯ ВЪ ГЛАВНОЙ КВАРТИРѢ ПРУССКОЙ АРМІИ.

=

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

=

Генцъ, австрійскій поданный, аулическій совѣтникъ, неутомимый публицистъ, котораго въ политическомъ мѣрѣ обыкновенно звали *le chevalier de Gentz*, славился въ началѣ нынѣшняго столѣтія своихъ остроуміемъ, діалектикою и, въ особенности, дипломатическимъ слогомъ, писалъ съ равною ловкостью на нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ, былъ употребляемъ разными державами для редакціи важныхъ бумагъ и газетныхъ статей, и отличался своимъ германскимъ патриотизмомъ въ продолжительной борьбѣ съ Наполеономъ. Эти обстоятельства доставили ему средства быть въ сношеніяхъ и подружиться почти со всеми государственными людьми того времени, многое видѣть, во многомъ лично участвовать. Въ Мангеймѣ издаются теперь его сочиненія, разбросанныя въ тогдашнихъ журналахъ, съ присовокупленіемъ записокъ и писемъ, найденныхъ въ его бумагахъ. Это изданіе, начатое въ 1838 году, подъ заглавіемъ «*Schriften von Gentz*,

Т. XLVIII. — Отд. III.

8

herausgegeben von G. Schlesier», достигло уже пятого тома, который состоитъ весь изъ сочиненій, писанныхъ на французскомъ языкѣ. Самую любопытную часть его составляетъ статья — *Journal de ce qui m'est arrivé de plus marquant dans le voyage que j'ai fait au quartier-général de l'armée prussienne le 2 octobre 1806 et les jours suivans.* Она превосходно объясняетъ самое загадочное событіе новейшей исторіи, которое до-сихъ-поръ никѣмъ не было растолковано удовлетворительно: могущественная монархія Фридриха Великаго, о военномъ искусствѣ которой Европа имѣла самое высокое понятіе, была побѣждена въ несколько недель Наполеономъ почти безъ труда. Французскіе писатели объясняютъ это политическое чудо геніальностью своего полководца, и все относятъ къ его необыкновенному уму; германскіе судьи приписывали это несчастье болѣею частью злоупотребленію тактическихъ формъ со стороны прусскихъ генераловъ, привыкшихъ къ теоретическимъ понятіямъ прошедшаго столѣтія. Генцъ, видѣвшій собственными глазами всѣ тайныя для публики дѣйствія распорядителей этой знаменитой кампаніи, представляетъ дѣло гораздо проще: читая его наблюденія, знакомящія насъ съ лицами, о способностяхъ которыхъ господствовали донинѣ совсѣмъ другія понятія, нельзя не согласиться, что предпріятіе должно было имѣть для Пруссіи самое печальное окончаніе, съ кѣмъ бы она ни боролась подъ руководствомъ такихъ людей. Онъ говоритъ объ нихъ откровенно, какъ о лицахъ давно уже не существующихъ для политическаго міра, забытыхъ и болѣею частью поконившихся въ могилѣ уже въ то время, какъ онъ занимался послѣднею редакціею своихъ записокъ. Графъ Гаухвицъ, о которомъ говоритъ онъ такъ много, былъ еще въ живыхъ: этотъ прославленный государственный человекъ, показавшійся столь мелкимъ Генцу, умеръ въ 1832 въ Венеціи, почти въ одно время со своимъ неумолимымъ судьей. Напомнимъ въкоторыя черты его жизни. Графъ Христіанъ Гаухвицъ (Haugwitz) родился въ Силезіи въ 1758 году, познакомился съ императоромъ Леопольдомъ Вторымъ въ Италіи, и былъ рекомендованъ имъ Фридриху-Вильгельму Второму, который, въ угожденіе этому государю, назначилъ

его посланникомъ своимъ при вѣнскомъ дворѣ. Услуги, оказанныя Гаухвицомъ въ примиреніи Австріи съ Пруссіей, спускали ему довѣренность Фридриха Второго и званіе министра иностранныхъ дѣлъ. При Фридрихѣ-Вильгельмѣ Третьемъ онъ вошелъ еще въ большую славу и сдѣлался первымъ кабинетнымъ министромъ, но вскорѣ его политика возбудила общес негодованіе, и Гаухвицъ былъ удаленъ отъ всѣхъ должностей. Мѣсто его занялъ Гарденбергъ. Однако жъ, спустя немного, Гаухвицъ, въ необыкновенные таланты котораго многіе тогда еще вѣрили, былъ опять отправленъ посланникомъ въ Вѣну, передъ самымъ аустерлицкимъ сраженіемъ: тамъ, онъ неожиданно заключилъ союзъ съ Наполеономъ, который предложилъ Пруссіи занять на себя Гаверъ, родовое состояніе англійскаго короля, члена германской имперіи. Этотъ поступкомъ Гаухвицъ вооружилъ противъ своей политики мнѣніе всей благомыслящей Европы, не оставилъ себѣ новое вліяніе на дѣла своего отечества, и возвратясь въ Берлинъ, снова сталъ главою прусскаго кабинета вмѣсто Гарденберга. Послѣ печальнаго окончанія своей системы *хитростей* съ Наполеономъ, онъ наконецъ подвергся рѣшительной немилости короля, и былъ совершенно устраненъ отъ дѣлъ, которыя Гарденбергъ опять взялъ въ свои руки. Эти подробности показались намъ необходимыми для уразумѣнія слѣдующихъ записокъ Генца.

«Я записывалъ каждый достопримѣчательный фактъ тотчасъ какъ узнавалъ о немъ, а разговоры набрасывалъ на бумагу въ самый день, часто въ самый часъ, когда они происходили, и потому могу вполне ручаться за совершенную точность всего, что содержится въ предлежащемъ журналѣ.

Выѣхавъ изъ Дрездена въ четвергъ, втораго октября 1806, я, на слѣдующій день, въ одиннадцатъ часовъ утра,

прибылъ въ главную квартиру, расположенную въ Наумбургъ. Въ городъ была тма народу. Тамъ находился король прусскій со всею своею свитой, королева съ гофмейстериней и двумя статсъ-дамами, множество принцовъ, генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, и чиновниковъ дипломатическаго корпуса. Изъ всѣхъ этихъ особъ я назыву только курфирста гессенскаго, прїѣхавшаго за сутки передо мною, герцога брауншвейгскаго, братьевъ короля, принца оранскаго, принца Павла Виртембергскаго, только-что поступившаго въ прусскую службу, фельдмаршала Меллендорфа, генерала Калькрёйта, кабинетныхъ министровъ графа Гаухвица и маркиза Люкезини, кабинетныхъ совѣтниковъ Ломбара и Бейма, посланниковъ: саксонскаго, графа Гёрца, гессенскаго, барона [?], прусскихъ, при кассельскомъ дворѣ, князя Витгенштейна, и, при мюнхенскомъ, господина фонъ-Шладена. Изъ войскъ, въ Наумбургъ стояли только первые два баталіона [?] гвардіи, между-тѣмъ какъ вся армія находилась [?] среди; главную квартиру на слѣдующій же день предполагалось перевести въ Эрфуртъ.

Лишь-только графъ Гаухвицъ извѣстился о моемъ прїездѣ, какъ пригласилъ меня къ себѣ; а должно замѣтить, что передъ этимъ въ послѣдній разъ мы видѣлись съ нимъ въ Вѣнѣ, шестаго октября 1805 года!

— Много утекло воды, съ тѣхъ поръ какъ мы съ вами разстались! сказалъ онъ мнѣ. Я знаю, что вы были не очень довольны мною; знаю также, что вамъ и нельзя было оставаться довольнымъ. Но когда вамъ объяснятъ въ чемъ дѣло, вы перемените свой образъ мыслей. Во всякомъ случаѣ, вы не будете жалѣть, что прїѣхали по моему приглашенію и при стеченіи такихъ занимательныхъ обстоятельствъ. Я намѣренъ высказать вамъ все и о многомъ посовѣтоваться; но не стану спрашивать ни о чемъ, до тѣхъ поръ пока вы не удостовѣритесь въ чистотѣ нашихъ видовъ и въ благоразуміи нашихъ поступковъ. Рѣшительная минута наступила. Война перьями началась; не замедлятъ и пушки, потому что Наполеонъ уже въ Вюрцбургъ. Теперь я иду къ его величеству, королю, присутствовать на совѣтъ, а вечеромъ надѣюсь поговорить съ вами обстоятельнѣе.

И въ самомъ дѣлѣ, черезъ минуту явился отъ короля за графомъ фельдъ-егерь : мы разстались. Во все остальное время этого дня, дипломаты, казалось, были очень заняты переговорами съ гессенскимъ курфирстомъ, который, будучи постоянно на сторонѣ Пруссіи, началъ-было, за нѣсколько передъ этимъ недѣль, оказывать къ ней болѣе хладнокровіе и договариваться о способахъ и образѣ принятія участія въ войнѣ. Въ ту пору я не былъ еще въ состояніи судить о настоящихъ отношеніяхъ между этимъ принцомъ и Пруссіей ; узналъ только, что ему предложили, и онъ принялъ, главное начальство надъ правымъ крыломъ прусской арміи, что въ ночь отправляется въ Кассель, и что имъ казались довольны.

Не въдавая, собственно, зачѣмъ пригласили, я счелъ за лучшее спокойно ожидать новаго свиданія съ графомъ Гаухвицомъ, и до того времени ни съ кѣмъ не видаться; но если бы зналъ, что герцогъ веймарскій занимаетъ домъ почти рядомъ съ моею квартирой, то непременно представился бы его высочеству : къ-сожалѣнію, я извѣстился объ этомъ уже послѣ его отъѣзду, и впоследствии не имѣлъ случая съ нимъ видѣться.

Въ десять часовъ вечера графъ Гаухвицъ прислалъ за мною перваго своего секретаря, тайнаго-совѣтника Леккока. Я нашелъ графа заваленнаго бумагами и въ большихъ попыткахъ. Онъ встрѣтилъ меня словами :

— Видите, сколько мнѣ дѣла! Придется работать до двухъ часовъ ночи! Но завтра мы отправляемся въ Эрфуртъ, гдѣ будетъ по-свободнѣе. Надѣюсь, вы не откажетесь ѣхать съ нами.

Правду сказать, я совсѣмъ не приготовился къ такому приглашенію, и, ожидая что меня продержатъ много-много дней или два, вовсе не былъ расположенъ продолжать путешествіе, а потому отвѣчалъ, что, если во мнѣ нѣтъ крайней надобности, то я бы, лучше, остался.

— Обстоятельство, по которому я желалъ васъ видѣть, съ жаромъ возразилъ графъ Гаухвицъ : такъ важно, какъ только вы себя представить можете. Нельзя же вамъ уѣхать,

не давь мнѣ и времени поговорить съ вами. Во всякомъ случаѣ, я отвѣчаю за все, и знаю, что въ Вьвѣ будутъ довольны тѣмъ, что вы здѣсь сдѣлаете. Теперешняя услуга будетъ важнѣйшею изъ услугъ, оказанныхъ вами общему дѣлу. Я беру на себя позаботиться о вашемъ экипажѣ, помыщеніи, обо всемъ. Если мы завтра не встрѣтимся въ Веймарѣ, гдѣ я не намѣренъ останавливаться, такъ увидимся послѣ-завтра въ Эрфуртѣ.

Эти слова заставили меня рѣшиться ѣхать.

Суббота, 4 октября.

Я выѣхалъ изъ Нюмбурга въ семь часовъ утра. Дорога отсюда до Ауэрштедта представляла одно изъ величественнѣйшихъ зрѣлищъ, какъ только я когда-нибудь видывалъ. Король и королева ѣхали въ каретѣ, за которою тянулись еще двадцать каретъ, со всѣхъ сторонъ окруженныхъ множествомъ войска, артиллеріи и походныхъ оуръ. Ненаглядно было смотреть, какъ весь этотъ кортежъ проѣзжалъ по Кёзенскому Мосту. Мысль, что монархи шли навстрѣчу битвы, которой успѣхъ могъ измѣнить лицо всей Европы, а неудача разрушить послѣднія надежды столькихъ владѣній, эта мысль придавала повзду видъ печальной торжественности. Король не останавливался въ Ауэрштедтѣ; но графъ Гаухвицъ пробылъ здѣсь съ часъ, и пригласилъ меня къ себѣ завтракать вмѣстѣ съ княземъ Витгенштейномъ и генераломъ Калькрёйтомъ. Въ Ауэрштедтѣ встрѣтился недостатокъ въ лошадахъ, и потому графъ Гаухвицъ увѣхалъ прежде, поручивъ меня генералу Калькрёйту: обстоятельство, о которомъ мнѣ не пришлось жалеть, потому что оно доставило мнѣ случай пробыть пять часовъ въ обществѣ одного изъ самыхъ замѣчательныхъ генераловъ прусской службы.

Здѣсь, думаю, мѣсто высказать мнѣніе, которое я оставилъ себѣ о предпріятіи Пруссіи, когда прибылъ въ главную квартиру. Я, какъ и все, былъ пораженъ внезапнымъ измѣненіемъ образа дѣйствій берлинскаго министерства, и какъ все, не довѣрялъ-было сначала искренности и дѣятельности этого измѣненія; но, еще за нѣсколько недѣль до

моего отъезду изъ Дрездена, ималъ рѣшительный поводъ откинуть на этотъ счетъ все сомнѣнія, и съ той поры неоднократно принимался обдумывать разсудительность плана, котораго исполненіе развивалось передъ моими глазами. Правда, я не ималъ еще въ виду всѣхъ данныхъ, необходимыхъ для составленія себѣ положительнаго сужденія о дѣлѣ, однако жъ, соображая все мнѣ извѣстное, скоро убѣдился, что мнѣнута, избранная для внезапнаго ополченія, вовсе не благоприятна и не удобна: Пруссія была въ войнѣ съ Англіей, въ войнѣ съ Швеціей, и должна была предвидѣть, что оставленная ею Австрія не станетъ подвергаться новымъ опасностямъ и навлекать на себя первые удары войны, загорѣвшейся такъ внезапно. Пруссія, существенно, могла надѣяться только на одну Россію, которой помощь, какъ ни была важна, очень ослаблялась близкимъ расположеніемъ французскихъ войскъ къ границамъ Пруссіи. Притомъ, не подумавъ заблаговременно о призваніи этой важной помощи, такъ, чтобы воспользоваться ею при самомъ открытіи кампаніи, Пруссія вступала въ борьбу безъ союзниковъ, — потому что я не считалъ за ея союзниковъ Гессенъ и Саксонію, которымъ приходилось защищать собственные владѣнія, — вступала одна на то поприще, на которомъ, прежде ея, уже многимъ не посчастливилось. Наконецъ, чтобы оправдать такую рѣшительность, Пруссія бы нужно имѣть причины болѣе сильныя, болѣе нетерпящія отсрочки, чѣмъ тѣ, которыя мнѣ были тогда извѣстны (а я воображалъ, что эти причины мнѣ извѣстны всѣ). Такова-то была точка зрѣнія, съ которой я смотрѣлъ на политическое достоинство предпріятія. Что касается до военныхъ соображеній, то мнѣ не было возможности опредѣлить того, до какой степени онѣ прикрывали основныя погрѣшности самаго плана. Впрочемъ, я раздѣлялъ въ этомъ случаѣ мнѣніе, вообще выгодное, которое имѣли люди, знающіе дѣло, о военныхъ способахъ Пруссіи. Видимое и слышанное мною на этотъ счетъ, въ Дрезденѣ, не смущало меня. Принцъ Людвигъ, принцъ Голенло, генералъ Граверъ, графъ Таувицъ, графъ Гёденъ, и множество военныхъ особъ высокаго личнаго достоинства, внушали мнѣ большое довѣріе. Судя о духѣ арміи по ихъ духу, я долженъ былъ полагать его въ самомъ

лучшемъ расположеніи. Но что касается до плана кампаніи и направленія операций, то никто не могъ мнѣ сообщить ничего положительнаго : въ этомъ-то отношеніи мнѣ, главное, и были нужны поясненія, а первыя, которыя собрались въ главной квартирѣ, были вовсе не такого рода чтобы меня успокоить.

Генералъ Калькрёйтъ, старшій чиномъ послѣ маршаловъ, получилъ начальство надъ второю линіей, или резервомъ центра, что обыкновенно называли «королевской арміей». Эта линія была почти вся составлена изъ отборныхъ полковъ. Извѣстность, еще прежде этого приобретенная генераломъ Калькрёйтомъ, быть-можетъ подавала ему надежды занять мѣсто болѣе значительное, и я скоро замѣтилъ, что неудовольствіе и досада, при умѣ отъ природы насмѣшливомъ и колкомъ, не остаются безъ вліянія на образъ его мнѣній, который тѣмъ не менѣе, казалось мнѣ, заслуживаетъ величайшаго вниманія.

Сначала мы говорили и разсуждали съ нимъ объ одномъ общемъ видѣ дѣла. Потомъ генералъ Калькрёйтъ, замѣтя, что мнѣ достаточно пзвѣстны многіе занимательныя обстоятельства, сталъ бесѣдовать со мною съ болѣею откровенностью, а наконецъ, увлеченный моимъ примѣромъ, высказалъ все, что думалъ. Онъ говорилъ, что никто больше его не желалъ войны съ Франціей, и не видѣлъ ея необходимости, но что въ теперешнее время никто больше его не желаетъ найти средства съ честью отъ нея уклониться.

— Въ настоящемъ положеніи дѣлъ, сказалъ онъ : война эта не можетъ быть удачною, и, безъ неслыханнаго счастья, поведетъ къ горестнѣйшимъ послѣдствіямъ. Но я бы не терялъ надежды, если бы король не оставилъ прежняго своего намѣренія лично командовать арміей, и только совѣтоваться съ генералами, наиболее уважаемыми войскомъ : это было бы лучше, да и того ожидали мы втеченіи долгаго времени. Король, до самаго осемнадцатаго числа сентября, положительно имѣлъ такое намѣреніе, и явно обнаружилъ его приглашеніемъ генерала Застрова, котораго располагался назначить начальникомъ своего главнаго штаба. Но, по прибытіи генерала въ Наумбургъ, внезапно все пришло

другой оборотъ : въ ту пору вдругъ обнаружались дѣйствія тайныхъ ходатайствъ герцога брауншвейгскаго, (оставшагося совершенно въ-сторонѣ во все время пока собиралась армія), и слѣпаго его приверженца полковника Клейста, перваго королевскаго флигель-адъютанта. Пользуясь добросовѣстною нерышительностью короля принять на одного себя всю ответственность, сопряженную съ званіемъ главнокомандующаго, Клейстъ возбудилъ въ его величествѣ мысль призвать герцога, несмотря на его мнимое нежеланіе вмѣшиваться въ дѣло. Потомъ сдѣлали такъ, что герцогу не только было ввѣрено верховное начальство надъ войсками, но еще и приняты всѣ условія, имъ предложенныя. Съ этой гибельной минуты, все пришло въ расстройство и беспорядокъ. Король удостоиваетъ герцога довѣренностью; тотъ не совѣтуется ни съ кѣмъ, и показываетъ видъ, будто полагается на одного маршала Меллендорфа, который ни что иное какъ его эхо. Нѣкоторое подобіе «канцеляріи главнаго-штаба», подъ управленіемъ полковника Шарнгорста, мучить армію несноснымъ образомъ : все исполняется по фантазіямъ этой канцеляріи, а людей опытныхъ считаютъ ни во что.

Вслѣдъ за этими словами, генералъ Калькрейтъ, видя мое изумленіе и отвѣчая на мои вопросы, объявилъ безъ дальнѣйшихъ околичностей, что герцогъ брауншвейгскій, по его мнѣнію, вовсе неспособенъ быть главнокомандующимъ, что онъ не имѣетъ ни тѣхъ обширныхъ видовъ, ни того твердаго характера, которые необходимы челоуѣку, занимающему столь важное мѣсто. •

— Его мелочность, продолжалъ генералъ Калькрейтъ : его нерышительность, скрытность, самолюбіе, въ состояніи испортить лучшее дѣло. Каковы бы ни были доброе положеніе войска и духъ офицеровъ, но эти выгоды уступаютъ великой невыгодѣ имѣть такого главнокомандующаго : армія вовсе не имѣетъ довѣрія къ герцогу, не можетъ и ни когда не будетъ имѣть его. Что касается до меня, то, готовый исполнять свою обязанность и пожертвовать послѣднею каплей крови, я всё-таки не могу скрывать отъ самого себя грозящей опасности, и, помяните мои

слова, если втеченіи *одной недѣли*, то есть, до начала военныхъ дѣйствій, не встрѣтится какого-нибудь счастливаго случая, который измѣнитъ настоящее положеніе дѣлъ, такъ кампанія кончится или отступленіемъ въ родъ отступленія 1792 года, или такою катастрофою, которая заставитъ забыть и объ аустерлицкомъ сраженіи.

Относительно къ плану войны, генераль Калькрейтъ сообщилъ мнѣ множество идей, которыя я считъ за весьма справедливыя.

— Несмотря на то, говорилъ онъ: что герцогъ брауншвейгскій и графъ Гаухвицъ не перестаютъ уже нѣсколько дней повторять, будто «необходимо принять наступательное положеніе, и ринуться на непріятеля», слова эти не имѣютъ въ ихъ устахъ ни какого значенія, потому что имъ не только не соотвѣтствуютъ принимаемыя мѣры, но и *самое время принятія наступательнаго положенія безвозвратно потеряно*, такъ, что если бы теперь вздумали наэто рѣшиться, то во всякомъ случаѣ встрѣтили бы непріятеля при выходѣ изъ ущелій Тюрингенскаго Лѣсу, и какъ бы ни выгодно имѣть, въ осьми или десяти миляхъ за собою, такую выгодную позицію, но величайшею несообразностью будетъ переступить за хребетъ горъ, которыя, въ случаѣ малѣйшей неудачи, помѣшаютъ даже отступленію и будутъ причиною общаго безпорядка. Поэтому, возможною остается одна только *будто бы оборонительная война*, совершенно ненужная, неудобная и опасная: такъ устроили совѣты людей, которыхъ печальная неосмотрительность заставила Пруссію неблагоприятно рѣшиться на кампанію, тогда какъ ей слѣдовало бы подождать весны, и ни подъ какимъ видомъ не приступать къ военнымъ дѣйствіямъ, не увѣрившись предварительно въ полномъ содѣйствіи Австріи, или не дождавшись въ подкрѣпленіе стотысячной русской арміи, которая, дефилируя въ Верхній-Палатинатъ черезъ Силезію и Лузацію, отвлекла бы на себя половину французскихъ силъ, тѣмъ временемъ какъ Пруссаки обратились бы къ Рейну.

Нашъ разговоръ прерванъ былъ обѣдомъ, за которымъ, кромѣ многихъ другихъ офицеровъ, находились пять адъ-

ютантовъ генерала Калькрёйта, всё люди съ умомъ и достоинствами. То были маіоръ графъ Калькрёйтъ, племянникъ генерала, маіоръ Цитенъ, маіоръ Лоссовъ, капитанъ Вотке и драгунскій поручикъ Арнимъ. Естественно, рѣчь за столомъ была гораздо менѣе откровенная, и однако же недоувѣріе и безпокойство выказывалось въ словахъ людей неподдѣльной храбрости. Этотъ первый урокъ уже открылъ мнѣ глаза насчетъ всѣхъ моихъ недоумній и сомнѣній. Не спору, что личное нерасположеніе генерала Калькрёйта, его старинныя неудовольствія и оскорбленное самолюбіе могли принимать значительное участіе въ томъ, что онъ говорилъ мнѣ; по тѣмъ не менѣе вѣрныя и существенныя доказательства, на которыхъ онъ опиралъ большую часть своихъ сужденій, сдѣлали на меня столь глубокое впечатлѣніе, что впоследствии уже ни что не могло его во мнѣ изгладить.

Я выѣхалъ изъ Ауэрштедта въ четыре часа, и, прибывъ очень поздно въ Веймаръ, принужденъ былъ тамъ ночевать. Великій-герцогъ повѣхалъ на ту пору въ Готу; вся заботливость великой-герцогини казалась сосредоточенною на ея младшемъ сынѣ, принцѣ Бернардѣ, который, будучи только шестнадцати лѣтъ и очень нѣжнаго сложенія, просилъ позволенія служить волонтеромъ въ корпусъ принца Гогенло. Я доложилъ объ этомъ ея высочеству, и получилъ отвѣтъ, обличавшій тотъ высокій характеръ, который высказался вполне по прошествіи нѣсколькихъ дней и при стеченіи самыхъ ужасныхъ обстоятельствъ.

Воскресенье, 5-го октября.

Отправившись изъ Веймара въ девять часовъ, я прибылъ въ Эрфуртъ въ полдень. Тамъ засталъ я всѣхъ тѣхъ особъ, которыя были въ Наумбургѣ, и, кромѣ того, всѣхъ начальниковъ и весь штабы войскъ, составлявшихъ центръ арміи. Число лицъ, находившихся при главной-квартирѣ, простиралось до двухъ тысячъ человекъ, не считая войскъ и вагенбургговъ, безпрестанно переходившихъ взадъ и впередъ.

Положеніе войскъ, пятого октября, было слѣдующее. Герцогъ брауншвейгскій — главнокомандующій; первая ли-

нія центра, подъ начальствомъ маршала Меллендорфа, занимала окрестности Эрфурта; вторая линія, или резервъ центра, подъ командою генерала Калькрёйта, расположилась между Ауэрштедта и Веймара. Центромъ войскъ маршала начальствовалъ генералъ-лейтенантъ графъ Вартенслебенъ; правымъ крыломъ, протянутымъ отъ Готы до Эйзенаха, принцъ оранскій; левымъ, занимающимъ пространство отъ Эрфурта до Бланкенгайна, генералъ-лейтенантъ графъ Шметтау; авангардомъ центра, занимавшимъ ущелія Тюрпигенскаго Лъсу, командовалъ великій-герцогъ веймарскій и герцогъ брауншвейгъ-эльскій. Большое правое крыло арміи, отданное (для проформы) подъ начальство курфюрста гессенскаго, состояло въ дѣйствительной командѣ генералъ-лейтенантовъ Рухеля и Блюхера: оно, уже нѣсколько дней, стояло на Веррѣ. Большимъ левымъ флангомъ начальствовалъ принцъ Гогенло; въ его авангардѣ былъ принцъ Людвигъ, на левомъ крылѣ генералъ графъ Тауэнцинь, а на правомъ генералъ-лейтенантъ Граверъ; главная-квартира принца Гогенло находилась еще въ Іэнъ; принцъ Людвигъ, съ семью тысячами войска, въ Рудольштадтѣ; графъ Тауэнцинь, съ шестью тысячами, въ Гофѣ. Во всей арміи вообще считалось отъ ста-пятидесяти до ста-семидесяти тысячъ человекъ, въ томъ числѣ до двадцатипяти тысячъ Саксонцевъ; но, придерживаясь свѣдѣній, полученныхъ мною отъ людей достовѣрныхъ, число это было преувеличено, и дѣйствительная сила арміи не превышала числа ста-тридцати тысячъ человекъ, къ которымъ надобно прибавить корпусъ генерала Леккока, заключавшій въ себѣ до осьми тысячъ и расположенный къ-сторонѣ Мюнстера, да резервный корпусъ принца Евгенія Виртембергскаго, въ которомъ полагалось отъ двѣнадцати до пятнадцати тысячъ, и которому только-что дано было повелѣніе идти форсированнымъ маршемъ на Галль.

Въ Эрфуртѣ мнѣ была приготовлена одна изъ самыхъ удобныхъ квартиръ, что, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, свидѣтельствовало о весьма лестномъ ко мнѣ вниманіи. Графъ Гаухвицъ пригласилъ меня къ обѣду. Здѣсь я встрѣтился съ маркизомъ Люкезини, который выѣхалъ изъ Наумбурга въ самый день моего туда пріѣзду: онъ принялъ

меня чрезвычайно приветливо. После обеда графъ Гаухвицъ пошелъ со мной въ кабинетъ, и мы проговорили съ нимъ ровно два часа съ половиною.

Изъ всего такъ-сказать «вступленія» къ этому разговору, я передамъ только нѣсколько наиболее любопытныхъ фразъ.

— Я вижу, сказалъ между прочимъ графъ Гаухвицъ : что вы удивляетесь своему здѣсь присутствію : мое приглашеніе изумило васъ. Дѣло въ томъ, что намъ нужно расположить ваше мнѣніе въ нашу пользу. Предметы, о которыхъ я буду говорить съ вами, какъ сами по себѣ ни важны, но останутся вещью второстепенною : главное, лишь бы вы подружился съ нами, и, я увѣренъ, вы подружитесь, когда все узнаете.

Послѣ этого онъ продолжалъ : — Вамъ извѣстны тѣ упреки, которыми съ нѣкотораго времени осыпаютъ насъ, по случаю мнимой двуличности нашего поведенія. Если мы и старались кого-нибудь обмануть, такъ развѣ только Францію : къ этому принуждала насъ необходимость; но мы желали постоянно блага прочимъ державамъ. Мы уже давно убѣдились, что *миръ* и *Наполеонъ*, такія слова, которыя не бѣгутся вмѣстѣ. Намъ оставалось поддерживать *одну тѣнь мира*. Такое принужденное и сомнительное положеніе дѣлъ продлилось по двумъ сильнымъ причинамъ : во-первыхъ, потому что король не любитъ войны и всячески желалъ бы избѣгнуть ея : годъ-отъ-году мы все надѣялись, что какой-нибудь счастливый случай ниспровергнетъ колоссальное могущество съ такою же быстротою, съ какою оно возникло, и избавитъ насъ отъ вступленія въ борьбу тяжкую и опасную; во-вторыхъ, потому что, при несчастіяхъ всѣхъ нашихъ друзей, намъ казалось необходимымъ сохранить, для пользы изнуренной Европы, послѣдній ея ресурсъ. И однако же, вы видѣли, что мы, еще въ прошломъ году, рѣшились-было на войну съ Франціей, и непременно бы объявили ее, если бъ насъ не остановило аустерлицкое сраженіе, а, главное, формальная воля Императора Всероссийскаго. Въ эту пору я находился въ Вѣнѣ, забытый, оставленный всѣми, и по-неволѣ принужденъ былъ подписать съ Наполеономъ конвенцію, по которой онъ дарилъ

Пруссія Ганноверъ, и которія, къ-несчастію, навлекла на меня ненависть многихъ. Но, по возвращеніи въ Берлинъ, вотъ что я сдѣлалъ, и это могутъ засвидѣтельствовать другіе: я просилъ, чтобы меня *оставили отъ службы, и не признавали бы подписанной мною конвенціи*. Опасеніе внезапнаго взрыву удержало кабинетъ отъ исполненія этой мѣры: его величество ратификовалъ конвенцію, но сдѣлалъ въ ней важныя измѣненія. Молчаніе французскаго правительства объ этихъ измѣненіяхъ не предвѣщало ничего добраго, и вотъ почему меня отправили въ Парижъ. Тамъ-то я наконецъ узналъ, каково подлинное къ намъ расположеніе Наполеона: узналъ, что намъ никогда не простятъ трактата третьяго ноября, а еще менѣе то, что у насъ есть армія, многочисленная и еще не разбитая; что Наполеонъ уже выжидаетъ минуты нахлынуть на насъ со всеми своими силами; и что одинъ только Таллеранъ, лично придерживающійся системы сохраненія согласія между Франціей и Пруссіей, удерживаетъ грозящую намъ руку. На первой же аудіенціи, Наполеонъ объявилъ мнѣ, что какъ берлинскій кабинетъ почелъ за нужное измѣнить нѣкоторыя статьи конвенціи, то онъ считаетъ ее вовсе несостоявшею и требуетъ новой. Вслѣдъ за тѣмъ, онъ сдѣлалъ мнѣ, черезъ Таллерана и Дюрока, такія сумасбродныя предложенія, что мнѣ совѣстно вамъ ихъ пересказывать. Едва-едва, и то съ большимъ трудомъ, успѣлъ я заключить трактатъ пятнадцатаго февраля. Когда маркизь Люкезини повезъ его въ Берлинъ, то мы съ нимъ согласились, что, если онъ застанетъ армію въ сборѣ, такъ упрости бы короля отвергнуть ратификацію этого трактата. Но армія уже была распущена, по причинамъ извѣстнымъ одному Гарденбергу. Надобно было уступить. Но съ той поры берлинскій кабинетъ увидѣлъ, что мы не выиграли ничего, кромѣ времени. Возвратясь въ Берлинъ, я откровенно объяснилъ, что мое путешествіе не принесло ни какой другой пользы, какъ только, въ послѣдній уже разъ, отсрочило войну; что ни миръ, ни парижскія конвенція не просуществуютъ и полу-году; что необходимо приготовляться къ войнѣ и воспользоваться первыимъ случаемъ къ разрыву съ нашей мнимой союзницею, у которой нѣтъ другихъ видовъ, кромѣ тѣхъ, чтобы насъ пово-

рять подъ свое иго и уничтожить. Кабинетъ совершенно со мною согласился, и, вслѣдствіе моихъ убѣжденій, несмотря на разныя затрудненія, возникшія со стороны гражданскаго и военнаго управленій, собрана и поставлена на военную ногу армія въ пятьдесятъ тысячъ человекъ. Съ самаго марта мѣсяца, мы, каждый Божій день, не перестаемъ ожидать вспышки. Когда Россія и Англія вступили въ переговоры о мирѣ съ Франціей, намъ должно было приостановиться; но, со всѣмъ тѣмъ, планъ нашъ рѣшительно и неизмѣнно былъ назначенъ къ исполненію, даже прежде чѣмъ получено извѣстіе о томъ, что Императоръ Всероссійскій не ратификовалъ трактата, подписаннаго господиномъ Убри. Въ это же время, маркизъ Люкезини, обнаруживая вполне коварство французскаго правительства, доставилъ намъ много разныхъ свѣдѣній: онъ самъ расскажетъ вамъ подробнѣе. Послѣдній отъ него курьеръ прибылъ въ Берлинъ седьмаго августа, и въ тотъ же день послѣдовалъ приказъ о немедленномъ сборѣ двухъ третей арміи. Тутъ нужны были глубокая тайна и величайшая тонкость. Сначала, наше намѣреніе было открыться одному только Россійскому Императору: король писалъ къ Его Величеству въ самый день седьмаго августа, и откровенно объяснялъ ему свое положеніе. Тутъ мы получили, съ одной стороны, увѣдомленіе объ отказѣ санктпетербургскаго кабинета утвердить трактатъ господина Убри, съ другой, извѣстіе о неудовольствіяхъ французскаго правительства противъ маркиза Люкезини, и формальное требованіе отозвать его изъ Парижа. Ни что не могло быть для насъ счастливѣе. Мы съ удовольствіемъ отозвали Люкезини, и, чтобы привести въ полное заблужденіе парижскій кабинетъ, назначили къ нему Кнобельсдорфа. Въ концѣ августа король получилъ какъ нельзя болѣе удовлетворительный отвѣтъ Всероссійскаго Императора. Графъ Гизенъ былъ отправленъ въ Дрезденъ, для переговоровъ съ курфюрстомъ саксонскимъ; что же касается до курфюрста гессенскаго, то мы уже давно были увѣрены въ его содѣйствіи. Наконецъ, въ первыхъ числахъ сентября, мы увидѣли себя въ возможности открыться и другимъ державамъ: сообщили наше намѣреніе вѣнскому кабинету, а скоро потомъ и лондонскому. Прибытіе въ Парижъ Кнобельсдорфа и результатъ пер-

выхъ ему данныхъ аудіенцій привели, наконецъ, къ совершенному разрыву. — Вотъ, прибавилъ графъ Гаухвицъ: настоящій ходъ дѣла. Въ бумагахъ, которыя отъ меня получите, вы найдете и доказательства и подробности всего сказаннаго.

Графъ отдалъ мнѣ трактаты вѣнскій и парижскій, донесеніе его королю, отъ мая мѣсяца, о сношеніяхъ своихъ съ Франціей, и ноту, которую подавалъ Кнобельсдорфъ въ видѣ ультиматума.

— Вы скоро увидите, примолвилъ кабинетный министръ: вещь, которая еще болѣе поразитъ васъ (онъ намѣкалъ на манифестъ), и послѣ всего этого скажете, имѣлъ ли я право полагать, что наша политика благоразумна и благонамѣренна, и что намъ *не отъ чего отрпкаться*.

Я выслушалъ всю эту рѣчь съ глубочайшимъ вниманіемъ. Теперь мнѣ предстояло отвѣчать. И я также позволилъ себѣ начать коротенькимъ вступленіемъ, въ которомъ сказалъ, что, по моей малозначительности въ свѣтъ, честь, мнѣ сдѣланная приглашеніемъ на совѣщаніе въ дѣлѣ столь важномъ, была для меня совершенною неожиданностью, а потому я и не нахожу другаго средства возблагодарить за нее, какъ высказавъ откровенно образъ моего мнѣнія, въ той увѣренности, что меня бы и не пригласили, если бъ не желали выслушать голой истины.

Графъ Гаухвицъ прервалъ меня увѣреніемъ, что онъ ожидаетъ отъ меня именно совершенной правды, и весьма будетъ недоволенъ, если я стану говорить ему не то, что думаю. Тогда я вкратцѣ изложилъ его сіятельству мои мысли о системѣ, принятой прусскимъ кабинетомъ со времени несчастнаго бальскаго трактата, и, доведя рѣчь до послѣднихъ происшествій, сказалъ ему самыми ясными словами:

— Объясняя множество прошлыхъ событій достохвальнымъ отвращеніемъ его величества отъ войны, я имѣю въ виду другія событія, которыхъ не могу понять. Король могъ имѣть весьма разсудительныя причины уклониться отъ войны, послѣ того какъ Россія и Австрія также отъ

нея уклонились : я всегда имѣлъ на этотъ счетъ мнѣніе, различное отъ общаго и гораздо болѣе выгодное для Пруссіи ; но дѣйствія берлинскаго кабинета съ конца прошлаго года крайне огорчали меня : трактатъ, и притомъ союзный трактатъ, съ общимъ и отъявленнымъ врагомъ всѣхъ монарховъ и независимости народовъ, заключенный въ самой столицѣ австрійскаго императора, который имѣлъ право считать Пруссію своей союзницей ; такой трактатъ, говорю я, былъ одинаково противенъ и моимъ правиламъ и моимъ чувствамъ. Чтò касается до парижскаго трактата, и до окончательнаго занятія ГанOVERA, то, смотря на это даже съ точки зрѣнія, сейчасъ мнѣ объясненной, смотря даже какъ на политическую уловку для выигрыша времени, я всё-таки никогда не одобрю такой мѣры : доведись до меня, я, станется, былъ бы плохой совѣтникъ и не совсѣмъ искусный министръ, но, если бъ не оставалось другаго выбора, кромѣ этихъ трактатовъ или войны, я умолялъ бы короля повелѣть приняться за оружіе.

На это графъ Гаухвицъ отвѣчалъ мнѣ съ большимъ спокойствіемъ и кротостью. Онъ сказалъ : — Мнѣнія о столь важныхъ и сложныхъ политическихъ задачахъ, по необходимости, не могутъ быть согласны. Я, конечно, не стану оспаривать вашего права имѣть собственное воззрѣніе на вещи, и благодарю васъ за искренность. Но, между-тѣмъ, я желалъ бы знать, — скажите, какъ вы думаете? — если я объяснюсь съ державами, которыхъ расположеніе нужно для Пруссіи, такъ откровенно какъ съ вами, а съ публикой какъ позволяютъ обстоятельства, то такой поступокъ будетъ ли въ состояніи искоренить въ общественномъ мнѣніи прежнія невыгодныя впечатлѣнія и заставить ли, даже тѣхъ, которые раздѣляютъ вашъ образъ мыслей, повѣрить, по-крайней-мѣрѣ, чистоту и правоту нашихъ намѣреній ?

— Чтò касается до державъ, возразилъ я, то мнѣ нѣтъ возможности предузнать ихъ рѣшеніе ; но въ отношеніи къ публикѣ, откровенно скажу вамъ, что будетъ чрезвычайно трудно уничтожить ея предубѣжденіе, и даже я не думаю, что-быэто было возможно. По-моему, нечего и приступать къ этому : положеніе дѣлъ находится въ такомъ видѣ, что никому

нать надобности рыться въ прошедшемъ. Австрія страдаетъ : тиранія , которая гнететъ ее , стала невыносима , и вся ненавидятъ тирана-похитителя. Какъ-только увидятъ , что вы подняли оружіе съ цѣлью положить конецъ столькимъ бѣдствіямъ , всѣ сердца обратятся къ вамъ. Вы сдѣлали мнѣ честь потребовать моего совѣта. Вотъ онъ : не говорите о прошломъ ; выставте настоящее въ такомъ видѣ , чтобы не оставить ни какого сомнѣнія о правотѣ вашего дѣла , твердости вашихъ намѣреній , благоразуміи вашихъ мѣръ ; представте будущее такъ , чтобы совершенно удалить отъ себя всякое нарѣканіе въ соблюденіи своихъ личныхъ выгодъ : тогда я осмѣлюсь ручаться , не только за общественное мнѣніе , но еще и за общую къ вамъ любовь и довѣренность.

Этотъ отвѣтъ , казалось , очень понравился графу , и онъ сказалъ : — Вы совершенно правы , и если бѣ ухали не сказавъ мнѣ ничего болѣе , такъ и то я радъ , что пригласилъ васъ. Мы поступимъ по вашему совѣту. Одно только измѣню я въ немъ : мы напомнимъ нашему врагу о прошломъ , а напомнить есть что. Съ друзьями и съ публикой , дѣйствительно , лучше молчать. Сначала поговоримъ о настоящемъ. Вы видите , что дѣлается. Наша армія готова. Мы еще много усилимъ ее. Всѣмъ полкамъ , до послѣдняго , велѣно выступить. Мы рѣшились вести войну сильную , и ужъ если начали , то ни первыя неудачи , ни даже потеря нѣсколькихъ сраженій , не заставятъ насъ перемѣнить намѣреніе. У насъ тоже *будутъ* союзники. Со стороны Россіи мы уже имѣемъ причины надѣяться на всякую помощь. Французы никогда не подозрѣвали нашихъ настоящихъ сношеній съ этою державой : эти сношенія таковы , что , если бы Россія и подписала уже какой договоръ съ Франціей , и мы были бы на два пальца отъ гибели , то все-таки Россія вступится за насъ всеми своими средствами. Сверхъ-того мы льстимъ себя надеждою скоро поладить и съ Англіей. Вы , можетъ-быть , удивитесь , когда я скажу , что , по письмамъ , полученнымъ изъ Гамбурга , сюда уже идетъ англійскій повѣренный. Что касается до Австріи , такъ мы еще не знаемъ на что именно она рѣшится , но , тѣмъ не менѣе , совершенно увѣрены въ ея добромъ расположеніи. Вамъ

Вѣна знакома лучше чѣмъ мнѣ, и если бѣ вы могли сообщить какія-нибудь извѣстія объ этомъ дѣлѣ, я былъ бы вамъ крайне обязанъ.

— Если вы подъ словомъ «Вѣна», отвѣчалъ я : разумете вѣнскій кабинетъ, то ошибаетесь, полагая, будто я знаю больше вашего, развѣ вы знаете менѣе нежели ничего. Я никогда не бывалъ посвященъ въ тайнства правительства, и если имѣлъ прежде какія-нибудь свѣдѣнія о дѣлахъ, то потерялъ ихъ слѣды по случаю долговременнаго отсутствія. Однако же, по простому расчету вѣроятностей, я полагаю, что императоръ одобритъ всякую честную мѣру для произведенія счастливаго переворота въ теперешнемъ положеніи Германіи и Европы, лишь бы только эта мѣра, въ случаѣ неудачи, не нанесла ему новыхъ непріятностей. Что же касается до рѣшимости, принятой или имѣющей быть принятою Пруссіей, то я даже и не подозреваю, что думаютъ объ этомъ въ Вѣнѣ. Впрочемъ, я такъ много увѣренъ въ благоразсудительности берлинскаго кабинета, что не могу нисколько сомнѣваться въ томъ, что онъ имѣетъ существенныя свѣдѣнія о главномъ дѣлѣ, отъ котораго непосредственно зависить успѣхъ.

Я замѣтилъ, что эти слова, больше всѣхъ прежнихъ моихъ возраженій, затруднили графа Гаухвица. Но онъ уже такъ ясно выразилъ свое несвѣдѣніе насчетъ «главнаго» дѣла, что ему невозможно было отговариваться; да и самая заботливость, съ какою спѣшилъ онъ вывѣдать отъ меня что-нибудь по этому предмету, обличала уже, до какой степени онъ пренебрегъ это прежде. И потому, вмѣсто положительнаго отвѣту, графъ удовольствовался повтореніемъ, въ довольно неопредѣлительныхъ выраженіяхъ, что онъ вполне надѣется на дружественное расположеніе вѣнскаго двора. — Вотъ ужъ двѣ недѣли, примолвилъ онъ : какъ занимаются проектомъ отправленія въ Вѣну кого-нибудь изъ заслуженныхъ военныхъ чиновниковъ : медлятъ только зѣтѣмъ, чтобы не компрометировать преждевременно австрійскаго правительства, такъ какъ война еще не объявлена, и планъ военныхъ дѣйствій еще не вполне утвержденъ; между-тѣмъ, приняты мѣры склонить императора Австрійцевъ

прислать и со своей стороны доверенное лицо, и дано почувствовать, что берлинскій кабинетъ былъ бы очень доволенъ, если бы выборъ палъ на генерала Стутергейма; лишь-только все это пойдетъ въ ходъ, мы откровенно выскажемъ вѣнскому двору наши виды въ настоящемъ и въ будущемъ, не сохранимъ ничего въ тайнѣ, и впоследствии не станемъ рѣшаться ни на что, безъ его формальнаго одобренія. Мнѣ кажется, всего нужнѣе приступить скорѣй къ совѣщанію о томъ, что надобно будетъ дѣлать въ случаѣ успѣха.

На эти послѣднія слова я отвѣчалъ, что совершенно раздѣляю образъ мнѣнія его сіятельства, и даже думалъ, что по этому предмету уже давно начаты переговоры. Я убѣжденъ, продолжалъ я: что, при полной увѣренности въ хо-рошемъ соображеніи Пруссіею плана военныхъ операцій, ничто австрійскому императору не внушитъ къ ней столько доверенности, какъ удовлетворительное объясненіе той цѣли, до которой она предположила себѣ достигнуть. По-иному, въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, самое главное то, чтобы въ точности знать, къ чему стремишься: такимъ образомъ Пруссія станетъ на твердомъ основаніи, и заставитъ другія державы имѣть къ себѣ доверіе.

— Объ этомъ-то я и хотѣлъ поговорить съ вами. Вы, вѣрно, имѣете на этотъ счетъ свой образъ мнѣнія. Сообщите его мнѣ, а потѣмъ я скажу вамъ свои мысли.

По этому вызову, я безбоязненно пустился въ предположительныя разсужденія. Я, въ самой вещи, уже много обдумывалъ, какіе могутъ быть политическіе результаты наступающей войны, предполагая впрочемъ, что война эта сдѣлается общею, потому что иначе я и не ожидалъ отъ нея ни малѣйшихъ счастливыхъ послѣдствій. Притомъ, надобно сказать, что я, еще въ бытность мою въ Наумбургѣ и въ ожиданіи приглашенія къ графу Гаухвицу, накидалъ на бумагу мои мысли о будущемъ устройствѣ Германіи, въ случаѣ если ей удастся избавиться отъ чуждаго ига, и потому не затруднялся отвѣтомъ.

Однако же, я, по многимъ причинамъ, считалъ за нужное

строго оставаться въ предѣлахъ вопроса, о чемъ сказалъ и графу, примолвивъ, что вразсужденіи ожиданія *въроятности успѣха*, я совершенно полагаюсь на него, въ томъ предположеніи, что онъ, вѣрно, не рѣшился бы на предпріятіе столь трудное и столь опасное, не разсчитавъ предварительно всѣхъ этихъ *въроятностей*. Затѣмъ я объяснилъ ему мой планъ, изъ котораго приведу здѣсь одну черту, болѣе другихъ рѣзкія. Откинуть Французовъ за Рейнъ: главный предметъ войны. Потомъ, разрушить чудовищную конфедерацію, составленную подъ вліяніемъ чуждой и самовольной власти. Разсмотрѣть, не будетъ ли лучше всего возстановить, съ нѣкоторыми измѣненіями, древнюю конституцію германской имперіи. Если это возстановленіе будетъ признано невозможнымъ, то раздѣлить Германію на двѣ большія конфедераціи, одну подъ покровительствомъ Австріи, другую подъ покровительствомъ Пруссіи, соединенныя вѣчнымъ союзомъ, такъ, чтобы владѣтельныя особы, сохраняя, каждая въ своей области, принадлежащую себѣ власть, были подчинены однообразной военной системѣ. Что касается до раздѣла завоеванныхъ земель, то, по невозможности допустить, чтобы которое-нибудь изъ германскихъ владѣній понесло потери, онъ должны пасть на одну Баварію, которая болѣе другихъ германскихъ областей, исключая курфюрста эрцъ-канцлера, участвовала въ настоящемъ положеніи земли нѣмецкой. Возстановить Баварію въ ея прежнихъ границахъ, и развѣ только оставить за нею Бамбергъ, въ видѣ вознагражденія за бергское герцогство, которое присоединить къ герцогству клевскому и отдать Пруссіи, чтобы избавиться отъ досады видѣть французскаго генерала засѣдающимъ между германскими владѣтельными лицами. Возвратить Австріи Тироль и Форарльбергъ. Подвинуть австрійскую границу, со стороны Италіи, до Минчьо, какъ необходимое условіе дѣйствительной безопасности всей Германіи.

Графъ Гаухвицъ кротко и снисходительно отвѣчалъ: — Вы говорите такъ, какъ-будто читаете въ моихъ мысляхъ, и даже какъ-будто читали въ моихъ бумагахъ; таковъ, или почти таковъ, планъ, составленный и мною. Если мы признали рейнскій союзъ, такъ это по тому, что въ ту пору

наши приготовления къ войнѣ, не были еще вполне приведены къ дѣйствию, и следовательно намъ нельзя было рѣшиться на разрывъ съ Франціей, а надлежало только убедить короля въ ея злонамѣренныхъ видахъ. Но мы признали этотъ союзъ подѣ условіемъ, чтобы не полагать ни какого препятствія къ составленію конфедераціи между северными германскими владѣніями. Это условіе никогда не было выполнено. Впрочемъ, признательно сказать, мысль объ этомъ северномъ союзѣ не имѣла въ моихъ глазахъ особенной важности, и была изъявлена только для того чтобы *эмигрировать время*. Прежде всего намъ нужно нѣсколько побѣдъ, и тогда, увѣряю, вы не услышите больше ни о рейнскомъ союзѣ, ни о примасѣ, ни о Мюратѣ. О раздѣленіи завоеванныхъ земель, я то же совершенно съ вами согласенъ: Баваріи придется заплатить за всѣхъ. Я думаю, что не хуже, не только отдать Пруссіи ея прежнія границы, но еще и распространить ихъ со стороны Франконіи, чтобы поставить ее въ возможность надежнѣе прикрывать правый флангъ австрійскихъ владѣній; а что касается до возвращенія Австріи Тироля и до расширенія ея предѣловъ въ Италію, то я считаю эти мѣры *важнѣе всѣхъ другихъ*, и Пруссія скорѣе согласится потерять нѣсколько собственныхъ областей, чѣмъ видѣть эти мѣры неисполненными.

Между-тѣмъ, разговоръ нашъ продолжался уже болѣе двухъ часовъ: графъ Гаухвицъ замѣтилъ это, потому что на дворѣ стало смеркаться. Тогда онъ сказалъ, что, послѣ этого общаго объясненія, имѣетъ сдѣлать мнѣ два важныя предложенія. Во-первыхъ, чтобы я взялся помогать ему втеченіи нѣсколькихъ дней совѣтами, а въ случаѣ нужды и перомъ; во-вторыхъ, чтобы я, собравъ всѣ свѣдѣнія, отправился въ Вѣну, — не для того, сказалъ онъ, чтобы исполнить какое-нибудь прямое порученіе, котораго мы и не имѣемъ права просить васъ принять на себя, а только затѣмъ чтобы рассказать тамъ, что вы здѣсь видѣли и слышали, и такимъ образомъ содѣйствовать къ искорененію остатка недовѣрчивости, если онъ еще существуетъ.

Что касается до вашего перваго предложенія, отвѣчаю я: то уже вѣрно я не откажусь отъ него, и готовъ сдѣлать

все что могу; но вразсужденіи поѣздки въ Вѣну, долженъ необходимо отъ нея отказаться, не имѣя ни какого права вѣшнваться въ дѣла столь важныя, не будучи къ тому призванъ прямымъ образомъ. Не знаю даже, какъ примутъ въ Вѣнѣ мою теперешнюю поѣздку сюда, на которую я рѣшился по собственному побужденію и на свой страхъ; но далѣе отваживаться не долженъ. Притомъ, надобно взять въ соображеніе, что я могу, и очень удобно, вмѣсто личнаго разсказа, послать письменный, и такимъ образомъ избѣжать разныхъ толковъ, къ которымъ бы непременно подало поводъ внезапное мое появленіе въ Вѣнѣ.

Послѣ этого, между нами уже не было рѣчи о предложенномъ путешествіи, и графъ Гаухвицъ ограничился своимъ первымъ предложеніемъ.

— Займитесь же прежде всего, сказалъ онъ, *просмотрп-
ніемъ манифеста*, составленнаго Ломбаромъ, и переводомъ его на нѣмецкій языкъ. Ломбаръ охотно приметъ все ваши замѣчанія, и, по вашимъ указаніямъ, измѣнитъ все, что вы найдете нужнымъ измѣнить. Потомъ, напишите пожалуйста статью, въ отвѣтъ на статьи, напечатанныя во французскихъ журналахъ и будто-бы доставленныя изъ Дрездена и Касселя, насчетъ отношеній тамошнихъ дворовъ къ Пруссіи.

Возвратясь домой, я написалъ черновыя замѣтки, изъ которыхъ выбралъ то, что здѣсь пересказано; прочиталъ бумаги, врученныя мнѣ графомъ Гаухвицомъ, и составилъ статью въ томъ видѣ, какъ она была напечатана въ «Эрфуртской Газетѣ» отъ седьмага октября.

Въ девять часовъ вечера пошелъ я къ маркизу Люкезини. Въ Эрфуртѣ всѣ ложились спать очень рано, и потому онъ, однажды на все время, предложилъ мнѣ проводить вечера вмѣстѣ и только вдвоемъ. Разумѣется, что я съ готовностью принялъ такое предложеніе. Я зналъ графа Гаухвица, и зналъ, каковъ вообще характеръ его рѣчей: онъ имѣлъ личную выгоду представлять мнѣ исторію прошедшихъ и настоящихъ событій въ видѣ какъ можно болѣе благопріятномъ и блестящемъ; все имъ сказанное, не только

не удовлетворяло меня, но еще заставляло желать большаго поясненія. Я зналъ, что поясненія Люкезини тоже не будутъ книга святой истины, но, среди двухъ невѣрныхъ толкованій, скорѣе можно вывести дѣло на чистую воду. Притомъ, я вѣдалъ и то, что Люкезини, въ глубинѣ души, никогда не былъ другомъ графа Гаухвица; я знавалъ его прежде, и могъ свободно выспрашивать. Чтò же касается до занимательнѣйшаго для меня пункта, то есть, до совершеннаго распознанія причинъ, побудившихъ Пруссію такъ внезапно ополчиться на своего союзника Наполеона, то я былъ увѣренъ, что, послѣ нѣсколькихъ вечеровъ, проведенныхъ съ маркизомъ, успѣю открыть всѣ подробности этого дѣла. И вотъ почему я считалъ бесѣды съ нимъ чрезвычайно для меня полезными.

=

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

и

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

КУРСЪ ОВЦЕВОДСТВА.

=

ЧТЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

=

XIII.

Стрижка, укладка, храненіе шерсти.

Смотря по мѣстности, породѣ содержимыхъ овецъ и требованіямъ промышленности, стрижка шерсти производится или одинъ разъ въ году, весною, или два раза, весною и осенью, хотя впрочемъ бывали примѣры, что, для вырощенія длинной шерсти, она оставалась на овцахъ по два, по три года, и болѣе.

Вообще говоря, одна стрижка въ годъ, именно весенняя, есть самая сообразная съ природой овецъ, потому что въ дикомъ состояніи и въ положеніи близкомъ къ дикому, онѣ ежегодно весною сбрасываютъ свою шубу. Но въ отношеніи къ породѣ тонкорунныхъ овецъ, образованной искусственно и содержимой въ состояніи весьма различномъ отъ естественнаго, это указаніе природы было бы недостаточно для склоненія овцеводовъ къ одной стрижкѣ въ годъ, если бы съ тѣмъ не соединились хозяйственныя и торговыя выгоды, требующія, чтобы овца въ холодную осень и зиму имѣла на себѣ шубу и чтобы шерсть, до стрижки, достигала длины, какая выше цѣнится въ торговлѣ. Соответственно этому ходу дѣла, всѣ вообще тонкорунныя стада стригутся только одинъ разъ въ годъ, весною, послѣ чего овцы къ осени обростають уже порядочною шубою, достаточною для защиты ихъ отъ вліянія холоду и ненастья. Ежели

сверх-того принять въ соображеніе, что тонкіе разборъ шерсти, по мелкоизвилистому устройству шерстинокъ, бываютъ вообще коротки, такъ что только втеченіи года вырастаютъ до длины, годной въ фабрикаціи, то естественно, что мериносовъ слѣдуетъ стричь не болѣе одного разу въ годъ, весною, какъ это принято во всѣхъ тонкорунныхъ стадахъ, начиная съ кочевыхъ испанскихъ до самыхъ изнѣженныхъ саксонскихъ, проводящихъ зиму въ теплыхъ овчарняхъ.

Другое дѣло, если шерсть такого длиннаго разбору, что втеченіи шести мѣсяцовъ или еще въ меньшій срокъ, она вырастаетъ на полтора вершка, какъ, напримѣръ, шерсть нашихъ русскихъ овецъ: тогда стрижка можетъ быть произведена два раза въ годъ, весною, съ наступленіемъ первыхъ теплыхъ дней, и осенью, въ концѣ августа или началѣ сентября, какъ она и дѣйствительно заведена. Первая, то есть весенняя, стрижка даетъ шерсть длиннѣе и въ болѣе шемъ количествѣ; напротивъ, осенняя шерсть, имѣющая для своего росту обыкновенно не болѣе четырехъ съ половиною мѣсяцовъ, хотя и лѣтнихъ, бываетъ короче, и потому не вѣситъ столько, сколько весенняя. Обычай стричь простыхъ овецъ два раза въ годъ завелся, безъ сомнѣнія, оттого, что шерсть ихъ въ пол-года пріобрѣтаетъ длину достаточную для обработки, а сверх-того извѣстно изъ опытовъ, что отъ двухъ стрижекъ въ годъ получается шерсти десятию процентами больше, чѣмъ отъ одной. Но для пріобрѣтенія этого излишка требуется, чтобы овцы получали также и болѣе количество корму; если же овцамъ, подвергаемымъ стрижкѣ два раза въ годъ, будетъ производиться корму не болѣе противъ тѣхъ, которыя стригутся только одинъ разъ, то количество шерсти, получаемой съ послѣднихъ, будетъ превышать вѣсомъ руно, снимаемое съ первыхъ въ двѣ стрижки. По этой причинѣ, и простыхъ овецъ, вопреки народному обыкновенію, должно стричь только разъ въ годъ, если производимый имъ кормъ не довольно хорошъ, въ чемъ легко убѣдиться изъ болѣе или меньшей пышности росту шерсти, которая измѣняется въ длину и толщину сообразно съ количествомъ и качествомъ корму.

Хотя меринсовая шерсть вообще требует годового роста для достиженія вершковой длины, и потому может быть стрижена только разъ въ годъ, однако жъ бываютъ случаи, въ которыхъ она достигаетъ этой длины скорѣе, и тогда господинъ Блокъ совѣтуетъ стричь тонкорунныхъ овецъ также два раза. Это обстоятельство можетъ встрѣтиться въ мѣстахъ, изобилующихъ хорошими пастбищами, и гдѣ овцы получаютъ и зимой особенно сытное содержаніе. Отъ такого избытка въ пищу, шерсть, какъ сказано было выше, отъ поколѣнія до поколѣнія дѣлается длиннѣе, и наконецъ, по совершенномъ расправленіи изгибовъ, превращается въ длинное гребенное руно. Для противудѣйствія этому измѣненію употребляютъ, обыкновенно, барановъ съ коротко-косичною шерстью, и дѣло совершается довольно удачно, но съ тѣмъ вмѣстѣ должно замѣтить, что пребываніе стада въ такой несоответственной мѣстности, поставяетъ овцевода въ необходимость поддерживать безпрерывную и утомительную борьбу съ природой, которая только при неусыпномъ вниманіи можетъ окончиться въ его пользу. Обыкновенно, однако жъ, руно дѣлается остро-косичнымъ и много теряетъ въ цѣнности, потому что шерсть, послѣ годового роста, для выдѣлыванія суконъ слишкомъ длинна, а между-тѣмъ не достигла еще длины, требуемой отъ хорошей гребенной шерсти. Чтобы избѣгнуть всѣхъ хлопотъ, и производить хорошую цѣнную шерсть, совѣтуютъ въ этомъ случаѣ и тонкорунныхъ меринсовъ стричь два раза въ годъ, отчего, по мнѣнію многихъ овцеводовъ, можетъ сохраниться извѣстное устройство шерстинокъ и шерсть каждой стрижки будетъ имѣть требуемую фабрикантами длину суконной шерсти. Не отвергая пользы такого распоряженія, нельзя однако жъ не согласиться, что въ изобилующихъ кормомъ мѣстностяхъ лучше вовсе не имѣть худыхъ тонкорунныхъ меринсовъ, а разводить просто длинно-шерстныхъ овецъ: мериносы, при всѣхъ усиліяхъ со стороны овцевода, произведутъ только среднюю шерсть; напротивъ того, длинно-шерстные овцы дадутъ руно удивительной доброты.

Тотъ же господинъ Блокъ совѣтуетъ, первыя поколѣнія шлёнокъ, происшедшихъ отъ смѣшенія простыхъ матокъ

съ мериносовыми баранами и одаренныхъ шерстью дурнаго качества, стричь два раза въ годъ, полагая, что отъ этого шерсть ихъ исправится и будетъ получаться въ большемъ количествѣ.

Хотя послѣ всего сказаннаго не подлежитъ сомнѣнiю, что одна стрижка тонкорунныхъ мериносовъ выгоднѣе чѣмъ двѣ, однако жъ были овцеводы, которые оставляли руно на мериносахъ гораздо дольше, два, три и большее число лѣтъ, съ цѣлю произвести длинную гребенную шерсть высокаго достоинства, требуемую и нынѣ фабрикантами. Такому многолѣтнему отращиванiю шерсти не были еще подвергаемы цѣлыя стада, но сдѣланные на небольшомъ числѣ овецъ опыты, доказали, что это дѣло возможное и, какъ увѣряетъ господинъ Клаусъ, значительно выгодное. Другiе, однако жъ, не согласны съ его мнѣнiемъ касательно выгоды, и напротивъ увѣряютъ, что чѣмъ дольше руно остается на тѣлѣ овцы, тѣмъ медленнѣе бываетъ ростъ его, такъ что многолѣтнее руно значительно легче, чѣмъ совокушный вѣсъ шерсти, которая во время его отращиванiя была бы снята съ того же животнаго при ежегодной стрижкѣ. Чтò же касается собственно до возможности отращивать руно нѣсколько лѣтъ сряду, то въ этомъ нѣтъ ни какого сомнѣнiя, какъ доказано многими опытами, въ которыхъ особенно замѣчательно десяти-лѣтнее отращиванiе руна на мериносахъ въ мнѣнiи Плесъ, въ верхней Силезiи: шерсть тамошнихъ мериносовъ достигла длины двенадцати дюймовъ или безъ малаго пол-аршина нашей мѣры.

Многолѣтнее отращиванiе руна причиняетъ много хлопотъ и сопряжено съ различными затрудненiями. Одно изъ важнѣйшихъ состоитъ въ томъ, что опредѣляемая къ тому животныя должны получать всегда однообразную и весьма обильную пищу. Отъ неровнаго кормленiя, то роскошному, то скуднаго, на шерстинкахъ образуются пороги, то есть шерсть дѣлается дву-рослою, три-рослою и даже много-рослою, теряя чрезъ это годность къ выдѣльванiю гладкихъ тканей и самую цѣнность; если же овцамъ случайно придется голодать нѣсколько дней, то все руно выльзетъ. Допустимъ, однако жъ, что содержанiе овецъ во все время отращиванiя руна было соотвѣтственно хорошее, и шерсть въ третьемъ,

четвертомъ году сдѣлалась очень роскошною и длинною : тогда несчастныя животныя такъ обременены своею шубой, что въ теплое время ихъ вовсе нельзя выпускать на пастбище безъ крайняго утомленія и вреда для здоровья, а слѣдуетъ содержать ихъ и лѣтомъ въ прохладной овчарнѣ. При многолѣтнемъ отращиваніи руна, животныя детого тяжеляютъ, что едва бываютъ въ состояніи двигаться съ мѣста. Сверхъ этого, ягнята такихъ обростшихъ овецъ съ трудомъ отыскиваютъ вымя у своихъ матокъ, и часто подвергаются голоду, а съ тѣмъ вмѣстѣ отстаютъ и въ своемъ развитіи.

Конечно, всѣ эти неудобства обнаруживаются и усиливаются по мѣрѣ теченія времени, въ продолженіи котораго отращивается руно. Сначала, напримѣръ во второмъ году, обремененіе овецъ бываетъ еще незначительно, и потому господинъ Клаусъ совѣтуетъ производить длинную гребенную шерсть высшей тонины посредствомъ двух-лѣтняго отращиванія. По его указанію, въ королевской саксонской овчарнѣ Штольпенѣ, былъ сдѣланъ опытъ надъ шестью валухами, нарочно выбранными изъ стада, чтобы удостовѣриться въ выгоды или невыгоды такого способа. Во время выбора шерсть этихъ валуховъ имѣла годовой ростъ, длиною отъ двухъ до трехъ дюймовъ. Животныя кормились весь второй годъ въ овчарнѣ хорошимъ изобильнымъ кормомъ, и по окончаніи срока получено съ нихъ отличной гребенной шерсти, мытой на тѣль, кругомъ, по шести фунтовъ съ каждаго, длиною отъ пяти до семи дюймовъ, или отъ трехъ съ половиною до четырехъ вершковъ. Какъ валухи эти первый годъ содержимы были на обыкновенныхъ пастбищахъ, а не въ загонъ, то господинъ Клаусъ полагаетъ, что отъ двух-лѣтняго содержанія на отборномъ, роскошномъ корму, въ овчарнѣ, прибавился бы еще одинъ дюймъ длины, и, слѣдовательно, двух-лѣтняя шерсть была бы въ три раза длиннѣе одно-лѣтней : обстоятельство весьма выгодное, тѣмъ болѣе, что за тонкую гребенную шерсть, во всякомъ случаѣ, платятъ сравнительно дороже чѣмъ за короткую. Но, съ другой стороны, надо имѣть въ виду, что на произведеніе длинной шерсти требуется гораздо большее количество корму, такъ, что выгоды хозяина отъ обонхъ

разборовъ будутъ приблизительно одинаковы. сверхъ-того, этотъ опытъ можетъ служить примѣромъ только для тѣхъ овцеводовъ, которые, по роскошнымъ пастбищамъ своимъ и изобилію въ зимнемъ кормѣ, могутъ находить выгоду въ производствѣ длинной двух-лѣтней шерсти, если есть на нее требованіе. Наконецъ, оставить шерсть на овцахъ дольше двухъ лѣтъ — значитъ слишкомъ два года не получать съ нихъ доходу, а это едва ли выгодно, не говоря уже о множествѣ неудобствъ, съ которыми сопряжена операція.

Какой бы длины ни была шерсть, сколько бы времени на росла она на животныхъ, надобно, чтобы передъ стрижкою она совершенно высохла, на всѣхъ частяхъ тѣла и до самой кожи. Нельзя съ точностью опредѣлить потребнаго на то времени, потому что процессъ просыханія шерсти бываетъ длиннѣе и короче, смотря по приѣмамъ, употребленнымъ при мытьѣ, по густотѣ руна, и, наконецъ, по погодѣ. Чѣмъ гуще руно, тѣмъ, разумѣется, оно долѣе просыхаетъ, но это однако жъ можетъ быть ускоряемо посредствомъ выжиманія воды изъ шерсти овецъ по выходѣ ихъ изъ послѣдняго купанья. Шерсть чисто вымытаго животного, отжатая до такой степени, что вода уже перестала течь съ нея, будетъ только сыра, и, несмотря на всякую густоту, просохнетъ при теплой погодѣ не болѣе какъ въ двое сутокъ. Если же случится, что, при стрижкѣ руна, оказалось оно на нѣкоторыхъ мѣстахъ сырымъ, то сырое руно по снятіи надобно непременно высушить, потому что въ противномъ случаѣ оно, будучи упаковано, испортится какъ на видѣ, такъ и во внутреннемъ достоинствѣ.

Если руно мыто на овцахъ, сортировки шерсти по испанскому способу дѣлать не нужно, потому что она доставляется фабриканту въ цѣльныхъ рунахъ, и онъ уже самъ, по своему усмотрѣнію, раздѣляетъ ее на столько разборовъ, сколько окажется ихъ по качеству шерсти, какъ въ отношеніи къ устройству и тонинѣ шерстинъ, такъ и относительно длины ихъ. Но, для облегченія его труда, должно однако жъ сортировать стадо передъ стрижкою, отдѣляя ягнятъ, съ которыхъ снимается первая шерсть съ жестковатыми и острыми концами, назначаемая совсѣмъ для особаго употребленія. Далѣе, можно стричь отдѣльно псмее-

ныхъ барановъ, если ихъ столько, что особенная продажа снятой съ нихъ шерсти, обыкновенно отличной, сдѣлаетъ значительную разницу въ доходъ, и наконецъ, можно также отдѣльно стричь племенныхъ матокъ, даже валуховъ, которыхъ шерсть бываетъ обыкновенно худшаго достоинства. Нѣкоторые еще совѣтуютъ, въ большихъ стадахъ, отдѣлять особо для стрижки старыхъ животныхъ, которыхъ руна уже подвержены порчѣ, и годовалыхъ, отличающихся шерстью чрезвычайно тонкою и мягкою. Впрочемъ, въ этомъ дѣлѣ должно преимущественно руководствоваться обычаемъ страны и требованіями покупателей, имѣя въ виду одно только правило, чтобы ягвячью шерсть, определяемую для особеннаго назначенія, всегда стричь особо; остальныхъ же животныхъ выгоднѣе всего разбить на нѣсколько сортовъ по тонинѣ шерсти, сообразно съ принятою въ торговлѣ классификаціею. Слѣдуя этому порядку, тульская овчарня моя раздѣлена на четыре разбора, которые стригутся каждый особо, и въ такомъ видѣ шерсть доставляется въ торговлю. Посмотрѣвъ одинъ мѣшокъ изъ каждаго сорта, покупатель имѣетъ ужъ вѣрное понятіе о достоинствѣ всего сорта и съ большою точностью можетъ опредѣлить ему цѣну. При смѣшеніи же между собою всѣхъ сортовъ, покупщики естественно цѣнятъ все количество шерсти по худшимъ рунамъ, потому что не зная сколько тутъ хорошей, и сколько худой, они, для избѣжанія ошибокъ, принимаютъ худшія руна за общее мѣрило достоинства всей шерсти, а лучшія только за исключеніе.

Гораздо строже должна быть сортировка въ стрижкѣ, если стадо состоитъ изъ шлёнокъ, которыя облагораживаются посредствомъ кровныхъ барановъ. Въ такихъ стадахъ естественно, бываетъ разность въ достоинствѣ руна, по степени благородства различныхъ поколѣній, и потому необходимо раздѣлять ихъ на нѣсколько разборовъ, изъ которыхъ въ худшемъ надобно помѣщать племенныхъ матокъ, а въ слѣдующихъ за тѣмъ улучшенные приплоды перваго, втораго и дальнѣйшихъ поколѣній. Такая сортировка, не затруднительная для хозяина, облегчаетъ покупателя въ обзорѣ и надлежащей оцѣнкѣ товара, что всегда соединено съ выгодой для производителя.

Если погода и мѣстность позволяютъ, то лучше всего производить стрижку подъ открытымъ небомъ, при чемъ однако жъ надо имѣть въ виду, чтобы, вслучаѣ внезапной переменны погоды, можно было безъ затрудненія стало и стригальщицъ пріютить подъ крышу. Какъ овчарни во время стрижки всегда наполнены навозомъ, то онъ не совсѣмъ удобенъ для помѣщенія чистыхъ овецъ и ихъ шерсти, находящіяся передъ ними выгоны, на которыхъ трава обыкновенно истоптана и покрыта пылью, не годятся для стрижки. По этой причинѣ, стрижка у насъ лучше всего производится на гумнахъ, которыя къ тому времени года всегда бываютъ покрыты чистымъ, крапкимъ, не пыльнымъ дерномъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ на случай надобности хорошій пріютъ въ молотильныхъ ригахъ. Тутъ изъ подвижныхъ загородекъ дѣлаются временные загоны, въ которыхъ овцы помѣщаются большими или меньшими отдѣленіями, сообразно съ числомъ стригальщицъ и такъ, чтобы животныя не оставались безъ корму болѣе шести часовъ сряду. Для порядка надобно загонять овецъ въ загонъ разомъ не болѣе того, сколько имѣющагося числа стригальщицъ можетъ остричь за одинъ присѣсть, напримѣръ, отъ завтрака до обѣда; остальное же стадо должно между-тѣмъ ходить на ближнихъ не пыльныхъ пастбищахъ. Кроме-того, слѣдуетъ имѣть въ готовности нужное число загородекъ въ ригахъ, чтобы вслучаѣ переменны погоды, загнать туда овецъ и помѣстить стригальщицъ въ выгодномъ положеніи, именно близъ воротъ, гдѣ работа можетъ быть достаточно освѣщена: обстоятельство, составляющее главную выгоду въ стрижкѣ руна подъ открытымъ небомъ. Если пріготовленія сдѣланы такимъ образомъ, то работа, и при внезапныхъ переменнахъ погоды, будетъ подвигаться впередъ безостановочно, а это очень важно, потому что при продолжительной стрижкѣ чистыя овцы могутъ опять перепачкаться.

Кромѣ гумна, которое въ нашихъ хозяйствахъ соединяетъ въ себѣ всѣ условія, требуемыя отъ годнаго для стрижки мѣста, ее можно производить и въ овчарняхъ, но съ тою предосторожностью, чтобы навозъ былъ совершенно закрытъ толстою подстилкою изъ чистой, сухой соломы. Равнымъ образомъ годятся для этого сѣнные сараи, особен-

но если хоть съ одной стороны примыкаетъ къ сараю сухой, дерномъ покрытый, не пыльный лугъ. Однако жъ, во всякомъ случаѣ гумно съ ригею—лучшее мѣсто для стрижки шерсти въ нашихъ хозяйствахъ.

Стрижка производится особаго устройства ножницами, которыхъ довольно широкия лезвья, съ узкими и тунными концами, соединены между собой широкою стальною дугою, которая раздвигаетъ лезвья, такъ что, для сжиманія ихъ при рязаніи шерсти, надобно преодолѣть силу этой дуги давленіемъ, а безъ того лезвья опять расходятся сами собою. Стригальщица беретъ ножницы въ правую руку, располагая кисть такимъ образомъ, что на одномъ лезвѣ лежитъ большой палецъ съ мясистою частью ладони, а на другомъ остальные четыре пальца. Какъ лезвья сами собою раздвигаются посредствомъ дуги, то работа значительно этимъ облегчается; однако жъ должно тщательно наблюдать, чтобы дуга не была слишкомъ крива и легко сжималась: въ противномъ случаѣ работа потребуетъ напряженія силъ, и, кромѣ-того что будетъ утомительна для работницъ, не можетъ быть производима съ должною точностью. Равномерно необходимо, чтобы лезвья были сдѣланы изъ хорошей, не хрупкой стали, которая легко оттачивается и не скоро тупится. Ножницы этого устройства у насъ во всеобщемъ употребленіи, и всѣ крестьянки умѣютъ обходиться съ ними; но какъ матеріалъ, изъ котораго дѣлаются крестьянскія ножницы, часто слишкомъ мягокъ, отчего онѣ дурно точатся и скоро тупятся, дуги же нерѣдко бываютъ слишкомъ хрупки и своимъ сопротивленіемъ утомляютъ работницъ, то хозяйну, для успѣшнѣйшей стрижки большаго стада, надобно имѣть собственныя ножницы хорошей работы и прочнаго матеріала, изготовляемья въ Туль. Это весьма споспѣшествуетъ работѣ и облегчаетъ ее.

Впрочемъ какъ бы ни была хороша сталь, изъ которой сдѣланы ножницы, онѣ всё-таки скоро тупятся, потому что вся стрижка производится только концами лезвей. Поэтому работа пойдетъ дурно, если ихъ не острить весьма часто, по-крайней-мѣрѣ послѣ снятія руна съ двухъ овецъ, а лучше ежели послѣ каждой. Для того необходимо, чтобы близъ стригальщицъ расположенъ былъ точильный камень, вер-

тящійся въ станкъ и на которомъ нарочно приставленный человекъ, приученный къ дѣлу, безпрестанно оттачивалъ бы подносимыя ему ножницы. Безъ точильни стрижка будетъ очень медленна и неисправна.

Женщины, которымъ у насъ исключительно предоставлена эта работа, приносятъ съ собой, кромѣ ножницъ, по кожаному ремню и рѣдницѣ такой величины, какой она обыкновенно бываетъ въ употребленіи въ крестьянскихъ хозяйствахъ. Онѣ располагаются на травѣ въ двѣ линіи, аршина на три одна отъ другой, такъ чтобы между ними оставались дорожки для свободнаго прохода надзирателя; но смотря по числу работницъ и мѣстности, можно располагать ихъ и въ четыре линіи. Только во всякомъ случаѣ надобно размѣщать ихъ въ порядкѣ, чтобы облегчить надзоръ за исправнымъ производствомъ работы и вмѣстѣ съ тѣмъ отклонить всякое покушеніе къ похищенію шерсти.

Разостлавъ рѣдницу, работница идетъ къ загону, изъ котораго приставленный овчаръ выдаетъ ей овцу. Притащивъ животное, съ помощью нарочно определенныхъ помощницъ, на свою рѣдницу, она связываетъ ему всѣ четыре ноги ремнемъ, и, поваливъ его на спину, садится сама на землю и начинаетъ стрижку, взваливая къ себѣ на колѣни по-очередно ту часть, съ которой снимаетъ шерсть. Сперва она стрижетъ ноги, брюхо и внутреннюю сторону лядвей; потомъ кладетъ овцу на одинъ бокъ и стрижетъ другой, отъ брюха до спины, снимая вмѣстѣ съ тѣмъ шерсть съ соответствующей стороны шеи, головы и съ оконока; наконецъ, переворачиваетъ овцу на остриженный бокъ, и тѣмъ же порядкомъ оканчиваетъ работу. Стрижка такимъ способомъ согласуется съ нашими народными обычаями, и потому идетъ очень успѣшно. Но въ некоторыхъ мѣстахъ предпочитаютъ производить ее на досчатыхъ помостахъ, устраиваемыхъ на вколоченныхъ въ землю столбикахъ. На эти помосты кладутъ овецъ, а стригальщицы садятся возлѣ нихъ на скамьяхъ или складныхъ стульяхъ, или же производятъ работу стоя. Такой способъ стрижки можетъ быть употребляемъ у насъ только тогда, когда очень дождливое время или вѣтреная погода, при пыльной и песчаной мѣстности, заставляютъ стричь овецъ въ овчарняхъ: въ этихъ случаяхъ

досчатая настилка предохранять шерсть отъ пачканья и примѣси соломинъ, которыя составляютъ особенно непріятную порчу, потому что ихъ въ послѣдствіи надобно выбирать изъ шерсти по-одиначкѣ. Но безъѣтихъ особыхъ причинъ, лучше производить стрижку на открытомъ воздухѣ, просто на разостланныхъ рѣдкихъ.

Надсмотрщикъ во время стрижки наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы ноги овецъ были опутываемы не слишкомъ крѣпко и непременно ремнями, а не веревками, потому что отъ веревокъ, при усиленіяхъ животнаго освободиться, ноги его легко могутъ быть повреждены. Далѣе, слѣдуетъ ему смотреть, чтобы шерсть срѣзывалась сколько возможно ближе къ кожѣ и не оставались бы длинныя корешки, отчего безъ всякой надобности происходитъ уменьшеніе въ всю шерсти. Если же, по небрежности или неумѣнью работницъ, случится, что будутъ оставлены длинныя корешки, въ такомъ случаѣ ихъ отнюдь не должно состригать въ другой разъ и мѣшать съ снятымъ руномъ, потому что эти коротенькіе концы ни къ чему не годятся. Такимъ же образомъ нужно наблюдать, чтобы шерсть стриглась по всему тѣлу на одинаковой высотѣ, а не оставались бы по-мѣстамъ возвышенныя полосы или гребни: отъ этого руно, кромѣ потери въ весь, принимаетъ дурной и неровный видъ. При томъ необходимо, чтобы каждое руно снималось съ овцы цѣльнымъ, какъ бы въ видѣ войлока, потому что это чрезвычайно облегчаетъ сортировку, тогда какъ разрываніе руна на части и клочья, которые смѣшиваются между собою, очень затрудняетъ ее. Оторванные клочки, особенно подбрюшной и ножной шерсти, валяющіеся на мѣстѣ стрижки, надобно сметать метлой и собирать въ одну кучу. Наконецъ, должно принять всѣ мѣры предосторожности, чтобы работницы какъ можно меньше ранили овецъ, потому что если рана, сдѣланная, на примѣръ, на складкѣ кожи, захватитъ коренья шерстипокъ и ихъ испортитъ, то вмѣсто шерсти, на рубцѣ выростутъ въ послѣдствіи прямыя волосы. Безпрерывный надзоръ, частыя напоминанія, вычетъ изъ жалованья и, наконецъ, устраненіе виноватой работницы составляютъ средства, которыя по большой частн бываютъ до-

статочны къ тому, чтобъ внушить стригальщицамъ надлежащую внимательность.

Нельзя съ точностью определить числа овецъ, которыхъ одна стригальщица можетъ остричь въ день : это зависитъ отъ привычки ея къ работѣ, отъ ея прилежанія, и наконецъ отъ доброты ножницъ. Обыкновенное число — пять или десять штукъ въ двѣнадцать часовъ. Чтобы ускорить работу, я положилъ тягловымъ женщинамъ, производящимъ стрижку въ рабочіе дни, какъ господскіе, такъ и свои, по пяти копѣекъ за овцу, съ условіемъ, чтобы стрижка была произведена тщательно, ровно и безъ раненія животнаго. Эта плата дѣйствительно ускоряетъ работу, но вмѣстѣ съ тѣмъ подаетъ поводъ къ торопливости и происходящей отъ того неровной стрижкѣ, почему ни въ какомъ случаѣ безъ хорошаго, дѣятельнаго присмотра обойтись нельзя. По снятіи каждаго руна, работница сдаетъ его пріемщику, который записываетъ номеръ овцы и выдаетъ стригальщицѣ ерлыкъ. Вечеромъ, по окончаніи работы, каждая женщина, по числу предъявляемыхъ ерлыковъ, получаетъ плату.

Какъ стрижка производится въ весьма теплое время, предшествующее самымъ сильнымъ жарамъ, то остриженныхъ животныхъ должно тщательно беречь нѣсколько времени отъ солнечнаго зноя и сухихъ, жаркихъ вѣтровъ. Въ нашихъ мѣстностяхъ, гдѣ по малоземельности, овцы ведутъ жизнь осѣдлую, легко предохранять ихъ отъ этихъ вредоносныхъ вліяній, если стадо выгонять въ поле только по утрамъ и по вечерамъ, а на полдень помѣщать въ овчарни, и продолжать такой способъ содержанія ихъ недѣли съ четыре, пока почти обнаженная, чувствительная кожа животныхъ привыкнетъ къ воздуху и немножко обростетъ шерстью. Безъ предосторожности же, кожа овецъ въ жаркое время начинаетъ болѣть и оставшіеся на тѣлѣ кончики шерстинъ нерѣдко засыхаютъ. Въ степныхъ мѣстахъ, гдѣ овцы въ продолженіи всего лѣта лишены пріютовъ и часто отгоняются на отдаленныя отъ жилищъ пастбища, и проводятъ тамъ ночь и день, подъ открытымъ, весьма жаркимъ небомъ, не худо слѣдовать способу испанскихъ овцеводовъ, которые тотчасъ послѣ стрижки обмазываютъ

овецъ жидко-разболтанною въ водѣ глиною, и подѣ этою штукатуркою, безъ вреда для шерсти, отпускаютъ ихъ въ отдаленное кочеваніе.

Снятая съ овецъ шерсть не просто укладывается въ мѣшки, что подало бы поводъ къ разрыванію цѣльныхъ руно и спутыванію ихъ между собою, а, слѣдовательно, и къ затрудненіямъ въ сортировкѣ шерсти, но съ предварительнымъ къ тому приуготовленіемъ, которое бываетъ различно, смотря по аккуратности хозяина и вниманію, съ какимъ онъ слѣдуетъ за улучшеніемъ своего стада. Близъ мѣста стрижки, подѣ крышею, въ ригѣ или въ сараѣ, ставятъ нѣсколько большихъ чистыхъ столовъ для раскладыванія на нихъ руна, и одинъ особенный столъ съ вѣсами, для взвѣшиванія, если хозяинъ желаетъ математически убѣдиться, въ какой степени усилилась густота руна на его стадѣ. Больше всего надо смотрѣть, чтобы мѣсто, назначенное для укладки, не было сырое или пыльное, гдѣ шерсть можетъ замараться: потому не должно класть руна на нечистый земляной полъ, а необходимо застлать его рѣднкою или хоть цыновкою. Книга для записыванія вѣсу руна, лоскуточки бумаги для означенія номеровъ овецъ, и нужное количество тонкой голландской бичевки для связыванія шерсти, дополняютъ приуготовленія: послѣ этого можно приступить къ самой укладкѣ.

Поставленный у стола приѣмщикъ, завѣдывающій укладкою, принимая отъ стригальщицы руно, записываетъ въ книгу номеръ овцы, съ которой оно снято, и, означивъ тотъ же номеръ на лоскуткѣ бумаги, вкладываетъ этотъ ерлычекъ въ принесенное руно; потомъ взвѣшиваетъ его на вѣсахъ, и отмѣтивъ какъ въ книгѣ, такъ и на ерлычкѣ, что оказалось по-вѣсу, передаетъ укладчику, котораго обязанность состоитъ въ свертываніи и связываніи каждаго руна порознь. Для этого онъ раскладываетъ полученное руно на столъ, какъ можно ровнѣе, рѣзанною поверхностью внизъ; тщательно ощупываетъ его, чтобы убѣдиться, довольно ли оно во всѣхъ мѣстахъ сухо; выбираетъ случайно попавшія въ него соломяны или щепочки; отдѣляетъ оказывающіеся подѣ брюхомъ и на ногахъ испорченные клочки, и бросаетъ ихъ въ особую кучу такъ-называемой клочко-

ватой шерсти. Если руно не совсем сухо, что может случиться при необыкновенной его густоте или отъ нечаянно набъжавшаго дожда, смочившаго овецъ во время стрижки, то укладчикъ отдаетъ его для просушиванія; потому что шерсть, свернутая и уложенная въ мѣшки въ сыромъ состояніи непременно испортится и даже сгніетъ. Если же по осмотру укладчика оказалось, что руно совершенно сухо, то онъ приступаетъ къ укладыванію: загибаетъ обѣ боковыя части его въ средину, такъ, чтобы онѣ сходились между собою краями, и потомъ скатываетъ руно отъ головы къ хвосту въ плотный свертокъ, болѣе или менѣе длинный и толстый, смотря по величинѣ и густотѣ руна; потомъ перевязываетъ этотъ свертокъ на-крестъ бичевкою, подкладываетъ подъ нее ерлычекъ съ означеніемъ вѣсу руна и номера овцы, и бросаетъ руно всторону на разостланную на полу рѣднину. Такимъ образомъ верхняя сторона руна будетъ внутри свертка, а нижняя, или рѣзанная, снаружи. Способъ этотъ особенно хорошъ для укладки тонкихъ и мягкихъ разборовъ шерсти, потому что каждое руно, будучи свернуто отдѣльно, не путается съ другимъ, и легко развертывается во всей своей цѣлости, что облегчаетъ его сортировку.

При дальнихъ отправленіяхъ надобно укладывать шерсть плотнѣе, и для того иногда свертываютъ вмѣстѣ по два руна, разстилая ихъ одно на другое, и потомъ скатывая какъ сказано выше, только чтобы рѣзанныя стороны не приходились одна къ другой, потому что изъ подстриженныхъ концовъ шерстинокъ впоследствии выступаетъ жиръ, который такъ крѣпко склѣиваетъ оба руна между собою, что ихъ трудно раздѣлить. Когда отправляютъ въ дальнюю дорогу низкіе разборы шерсти, то свертываютъ вмѣстѣ и по пяти или по шести руновъ. Но должно замѣтить, что свертки изъ полу-десятка руновъ, бывають довольно тяжелы и объемисты, а потому не худо, для удобнѣйшей переноски ихъ, оставлять концы бичевки такой длины, чтобы можно было связать ихъ въ большую петлю.

По мѣрѣ связыванія руна въ свертки, оно укладывается въ мѣшки, предохраняющіе его отъ пыли, сырости и раз-

рванія. Мѣшки эти шьются изъ простаго холста, аршина въ три длиною и въ полтора шириною; впрочемъ, смотря по величинѣ свертковъ, могутъ быть болѣе или менѣе. Необходимо, чтобы холстъ былъ крѣпкій, не гнилой, и чтобы мѣшки были сшиты прочно, хорошими, крѣпкими нитками, непременно краями швовъ внутрь. Последнее обстоятельство составляетъ мѣру предосторожности противъ похищенія, а именно: если во время перевозки или въ складѣ шовъ былъ распоротъ для вынутія шерсти и потомъ снова зашитъ, то это тотчасъ можетъ быть обнаружено, потому что на распоротомъ мѣстѣ края новаго шва будутъ торчать наружу. Заверотивъ края длиннаго мѣшка до дна, начинаютъ укладку свертковъ по-одиначкѣ, одного послѣ другаго, придавливая ихъ руками или легко притаптывая босыми ногами. Когда мѣшокъ наполнится аршина на полтора, то прислоняютъ его къ переносной лѣстницѣ, съ которой укладчикъ и продолжаетъ наполнять его до верху. Хотя этотъ простой способъ всегда достаточенъ, однако жъ нѣкоторые хозяева совѣтуютъ дѣлать для укладыванія шерсти особый станокъ, который бываетъ вышиною во всю длину мѣшка, и состоитъ изъ четырехъ столбовъ, нижними концами утвержденныхъ въ рамкѣ изъ четырехъ бревенъ и связанныхъ на верху перекладинами, между которыми укрѣпленъ крѣпкій деревянный или желѣзный обручъ, вооруженный наставленными по краю крючьями. Мѣшокъ, опущенный въ станокъ, прицѣпляется краями къ крючкамъ обруча, такъ, чтобы дномъ доставалъ до земли. Укладчику, находящемуся въ мѣшкѣ, передаютъ, по приставленной къ станку лѣстницѣ, свертки шерсти, и онъ, укладывая и притаптывая ногами, по мѣрѣ наполненія мѣшка поднимается вверхъ. Легко однако жъ понять, что овцеводъ можетъ обойтись и безъ этого снаряда, который нуженъ болѣе для людей, занимающихся заграничною торговлею, требующею весьма точной и плотной укладки товару. Наполненные мѣшки зашиваются бичевою, а концы ея припечатываются. Надобно однако жъ замѣтить, что при укладываніи, всѣ углы мѣшка слѣдуетъ набивать плотными комами, въ кулакъ величиною, и перетягивать ихъ туго бичевою, чтобы работники могли удобно захватывать ихъ при перевозкѣ.

мышковъ на воза и съ возовъ : безъ этихъ перевязанныхъ угловъ будетъ трудно таскать тяжелыя и неуклюжія массы.

Когда шерсть назначена для дальнихъ отправокъ и укладывается плотно , чтобы занимала меньше мѣста , то разумеется , что въ какихъ случаяхъ полезенъ станокъ. Ручная же укладка , меньше плотная , можетъ быть производима на каждомъ мѣстѣ безъ всякихъ снарядовъ ; только уложенная такимъ образомъ шерсть занимаетъ много мѣста , и потому не совсѣмъ удобна для дальнихъ отправокъ , особенно за море. Она очень облегчается , если мышки сдѣланы не длиннѣе двухъ съ половиной аршинъ , хотя бы и шире полутора аршина. Некоторые хозяева даютъ имъ форму чемодановъ , съ отверстіемъ на одномъ боку , стягиваемымъ снуровкою : эта форма , по малой вышнѣи мышка , облегчаетъ укладку.

Оборванные клочки испорченной шерсти , какъ собираемые на мѣстѣ стрижки , такъ и отдѣляемые при скатываніи руновъ , равнымъ образомъ тѣ клочки , которые весною снимаются съ руновъ большихъ животныхъ , не должно мѣшать съ цѣльными стриженными рунами , а слѣдуетъ укладывать особо. Не шерсть , слезающая въ большомъ количествѣ съ боковъ очень старыхъ или даже и большихъ животныхъ , если только въ ней не оказывается ни какой особенной порчи , по предварительномъ очищеніи мытьемъ и высушиваніи , присоединяется къ стриженнымъ рунамъ. Впрочемъ лучше , если и эту шерсть исключить изъ разбора стриженной , потому что , выросши подъ вліяніемъ неблагоприятныхъ условій , она обыкновенно не имѣетъ надлежащей крепости , мягкости и лоску.

По окончаніи набивки и зашиванія , мышковъ взвѣшивается , и вѣсъ означается на немъ масляною краскою , которою также выставляются и номеръ мышка. По этимъ номерамъ , мышки вносятся въ книгу , и въ ней противъ каждаго означается вѣсъ , стадо , съ котораго снята шерсть , ея достоинство , и наконецъ особенныя примѣчанія объ увеличеніи или уменьшеніи вѣсу шерсти въ сравненіи съ предшествующими годами , объ улучшеніи ея или увалкѣ , и о причинахъ , которыя могли произвести вся подобныя измѣненія.

Если обстоятельства и порядочныя дѣньи позволяютъ , то хозяину выгодное сбывать свою шерсть тотчасъ послѣ

стрижки, доставляя ее въ мѣсяцъ на мѣсто продажи. Такии образомъ, онъ, не только избегаетъ всякъ хлопотъ и затрудненій, соединенныхъ съ храненіемъ шерсти, требующимъ поддержекъ на способное къ тому помѣщеніе, но еще имѣетъ ту выгоду, что тотчасъ выручаетъ рассчитанный въ хозяйствѣ доходъ, между-тѣмъ какъ лежащій товаръ составляетъ мертвый капиталъ, на который, по-крайней-мѣрѣ, провадаютъ проценты. Кроме-того, при долговременной непродажѣ товара, почти неизбежна нѣкоторая потеря и въ его цѣнности, потому что онъ, отъ долгаго лежанія, даже въ самомъ лучшемъ помѣщеніи, утратитъ хоть немного своей мягкости и хорошаго наружнаго виду, следовательно будетъ, при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ, продаваться дешевле настоящей своей цѣны, исключая развѣ такого случая, что цѣны на шерсть вообще возвысятся. Упадокъ цѣнности будетъ еще замѣтнѣе, если шерсть залежится до слѣдующей стрижки и должна идти въ состязаніе съ свѣжими товарамъ, который обыкновенно бываетъ лучше на-видъ, чѣмъ лежалый.

Несмотря на то, случается, что по малымъ требованіямъ и очень низкимъ цѣнамъ, какъ это, на примѣръ, было въ прошедшемъ 1840 году, хозяинъ принужденъ держать шерсть до выгоднѣйшаго сбыту. Въ такомъ случаѣ надобно принимать мѣры для предохраненія ея отъ порчи, происходящей отъ несоответственныхъ помѣщеній, дурной укладки и насыкомыхъ.

Важнѣйшую и необходимѣйшую потребность для хорошаго сбереженія шерсти составляетъ соответственное помѣщеніе. Опредѣленный для складу ея магазинъ долженъ быть сухъ, прохладенъ и хорошо провѣтриваемъ. Впрочемъ, сухость помѣщенія не должна превосходить всякую мѣру, потому что въ слишкомъ сухомъ воздухѣ шерсть пересохнетъ и потеряетъ значительную часть своего вѣсу. Особенно же надо беречь руно отъ палящихъ лучей солнца, которые уничтожаютъ оставшееся въ немъ послѣ мытья небольшое количество жиру, лишаютъ товаръ мягкости и хорошаго наружнаго виду, дѣлаютъ его сухимъ и жесткимъ. Но за всѣмъ тѣмъ еще вреднѣе сырое помѣщеніе, въ которомъ самая сухая шерсть, по свойству своему впитываетъ во-

дяные пары изъ воздуха , весьма скоро дѣлается влажною. Поэтому не слѣдуетъ складывать ее въ подвалахъ и нижнихъ ярусахъ домовъ съ каменными сводами : въ такихъ мѣстахъ шерсть терлетъ свой лоскъ , принимаетъ мутный, нечистый цвѣтъ , лишается своей крѣпости , и при продолжительномъ лежаніи покрывается плѣсенью , загнивается и, наконецъ , вовсе разрушается. Напротивъ, верхніе ярусы домовъ , обращенные окнами на сѣверъ , прохладные, не подверженные дѣйствию солнечныхъ лучей и удобно провѣтриваемые , заключаютъ въ себя всѣ условія хорошихъ магазиновъ , въ которыхъ шерсть долгое время можетъ быть сохраняема безъ порчи. Надо однако жъ остерегаться складывать шерсть на чердакъ подъ крышею, гдѣ во время лѣтнихъ жаровъ воздухъ бываетъ слишкомъ сухой и знойный.

Какъ бы ни было хорошо помѣщеніе шерсти, оно однако жъ не предохранитъ ее отъ порчи и совершеннаго разрушенія, если шерсть сама по себѣ сыра. Естественно , что туго свернутое руно высыхаетъ очень медленно или даже вовсе не высыхаетъ, а потому въ сверткахъ заводится плѣсень и наконецъ гнилость , которая тѣмъ разрушительнѣе, что заражается внутри свертковъ и при поверхностномъ осмѣтрѣ вовсе незамѣтна, обнаруживаясь только тогда, когда изъ кучи или мѣшка вынете нѣсколько руновъ и осмотрите ихъ съ величайшимъ вниманіемъ , развернувши. По этой причинѣ, при складываніи шерсти въ магазинъ, необходимо удостовѣриться въ совершенной ея сухости, и отъ времени до времени пересматривать, что будетъ весьма легко, если руна разложены рядами, раздѣленными между собой жердями, съ промежутками для свободнаго проходу, и притомъ не у самой стѣны. Это послѣднее обстоятельство особенно важно, потому что сложенная плотно къ стѣнѣ шерсть почти всегда сырѣетъ, хотя бы строеніе было и сухо.

Самое тщательное вниманіе слѣдуетъ обращать на сбереженіе шерсти отъ моли, которая, ежели заведется въ складѣ, то дѣлаетъ въ немъ неизмовѣрную порчу. Моль эта та же самая, что заводится въ шубахъ и платьяхъ. Она бываетъ двухъ видовъ : платьная и шубная. Бабочки обоихъ видовъ сараго, серебрястаго цвѣту, летаютъ только ночью

и кладутъ яйца свои въ шерсти. Изъ этихъ яицъ выходятъ тонкіе, бѣлые, нитеобразныя червячки, которые устрояютъ себя изъ шерстиннокъ жилище, наподобіе маленькаго узелка или клубочка, и, высовывая оттуда головки, подаютъ вокругъ всю шерсть, служащую имъ единственной пищей. По совершенномъ развитіи, червячекъ превращается въ кокону, а изъ коконы выходятъ бабочка.

Присутствіе этихъ шерстоядовъ трудно замѣтить: надобно осматривать шерсть съ величайшимъ вниманіемъ. Конечно, летающія во множествѣ по магазину сѣрыя бабочки подають подозрѣніе, что въ немъ завелась моль, но какъ бабочки эти принадлежатъ къ ночнымъ и днемъ не являются, то ихъ не бываетъ видно во время обыкновенныхъ дневныхъ осмотровъ, и неопытному глазу магазинъ можетъ показаться свободнымъ отъ моли. Надобно тщательно осматривать полъ и нижніе мѣшки: тогда увидите, что они въ некоторыхъ мѣстахъ усыяны множествомъ мелкихъ, твердыхъ, сѣроватыхъ зернышекъ, похожихъ на засохшія сѣмена растений. Это изверженія червячковъ. При подробномъ послѣ того разсмотрѣніи шерсти, легко будетъ обнаружить самыя жилища ихъ, тонкія, цилиндрическія вѣтвища, длиною отъ четырехъ до пяти линій и толщиной въ пол-линніи, которыя бывають преимущественно на поверхности свертковъ.

Лучшее и почти единственное вѣрное средство противъ моли состоитъ въ частомъ провѣтриваніи шерсти. По этой причинѣ, втеченіи теплыхъ мѣсяцовъ, должно какъ можно чаще возобновлять и освяжать воздухъ въ магазинѣ, пропуская черезъ него сквозной вѣтеръ, или нѣсколько разъ въ лѣто выносить шерсть на воздухъ и провѣтривать ее какъ платья и шубы, сберегая однако жъ отъ солнечнаго зноя, который, какъ выше было показано, ей вреденъ. Съ такими предосторожностями, можно сохранить шерсть отъ моли нѣсколько лѣтъ. Если же устройство магазина и занимаемая имъ мѣстность не позволяютъ дѣлать такіа провѣтриванія, то должно прибѣгнуть къ другимъ средствамъ, которыя однако жъ не такъ дѣйствительны. Одно изъ этихъ средствъ состоитъ въ томъ, что вносятъ въ магазинъ ночью зажженную свѣчку: бабочки начинаютъ слетаться на огонь

и-есть для спорок, или могут быть пойманы. Советует также занушивать их дымом, поколотившим палочкою по мышкам как свертками шерсти, и потом летающих бабочек бить хлопотками. Но все это годится только тогда, когда моли развелась еще не въ большинство количества; если же ее много, въ чемъ можно удостовѣриться изъ того, что бабочки вездѣ летаютъ по магазину, въ такомъ случаѣ шерсть не можетъ быть очищена иначе; какъ провѣтриваніемъ. Нѣкоторые употребляютъ еще разныя сильно-пахучія вещества, которыхъ запахъ противенъ моли, какъ напримеръ камфору, скипидаръ, горное масло, нольны, хмель; деготь, и прочая. Дѣйствительнѣйшии изъ этого роду средствъ считаются сѣрные пары, которыми прокуриваютъ склады, чтобы задушить бабочекъ и умертвить червей, но сѣрная окурка плохо проникаетъ во внутренность свертокъ и потому недостаточна.

Добантонъ, въ своихъ «Правилахъ овцеводства», советуетъ держать шерсть въ бумажныхъ мышкахъ, сквозь которые бабочки не могутъ пробираться. Средство это, конечно, предохранило бы шерсть отъ моли, если бы бумага не рвалась такъ легко, что на ней неминуемо дѣлаются отверстия, дающія бабочкамъ свободный доступъ къ руно. Онъ же советуетъ еще, смядываемую въ магазинъ шерсть мочить въ водяномъ растворѣ изъ трехъ частей квасцовъ и одной части виннаго камня, потомъ полоскать въ водѣ и просушивать. Но такая операція, хотя бы она и дѣйствительно была достаточна для предохраненія шерсти отъ моли, во всякомъ случаѣ дорога и сопряжена съ хлопотами, которые не позволяютъ употребить ее; при томъ же мола всегда повреждаетъ шерсть.

Наконецъ, говоря о животныхъ, наносящихъ вредъ шерсти, нельзя не упомянуть о крысахъ и мышахъ, которые любятъ располагать въ ней своихъ дѣтенышей; портятъ ее своими изверженіями и разьѣдаютъ. Средства противъ этихъ враговъ хозяйства извѣстны.

БАРОНЪ О. В. УНГЕРНЪ-ШТЕРНБЕРГЪ.

V.

КРИТИКА.

1. ПЕРВЫЕ ЧЕТЫРЕ ВѢКА ХРИСТИАНСТВА. *Санктпетербургъ, 1841.*

2. ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ. *Второе изданіе. Санктпетербургъ, 1841.*

Нѣтъ предмета достойнѣе изученія для христіанскаго философа и величественнѣе для христіанскаго писателя, какъ картина этого возвышеннаго боренія небесной Истины съ заблужденіями земли, котораго слѣдствіемъ были для человечества блаженство на землѣ и спасеніе на небѣ, основаніе господства чистой нравственности на развалинахъ древняго разврата, и благодатное перерожденіе стараго міра въ новый. Знаменитый авторъ «Путешествія къ Святымъ Мѣстамъ» превосходно постигъ всю ея торжественность, и его живое, пламенное, одушевленное глубокимъ благочестіемъ перо было совершенно приспособлено къ тому чтобы удачно выразить главнѣйшіе ея эффекты и сильно поразить ими христіанскаго читателя. Въ новомъ своемъ твореніи, одномъ изъ прекраснѣйшихъ, какія были написаны по этой части, онъ имѣетъ цѣлю изобразить постепенное развитіе христіанства, отъ его основанія до пол-

Т. XLVIII. — Стл. V.

наго торжества надъ язычествомъ, совершившагося въ четвертомъ вѣкѣ. Авторъ не вдается въ умозрѣніе, не слѣдуетъ предвзятой системѣ : онъ понялъ , что тамъ, гдѣ видимо дѣйствуетъ персть Божій, человѣческія умствованія не ведутъ ни къ чему, и часто дѣлаются только кимваломъ *блещающимъ*, производящимъ ни какого впечатлѣнія на душу. Поэтому, онъ излагаетъ только то, о чемъ вѣщали первые ученики Христовы, что передали потомству мужи апостольскіе, святые пустыннопжители и Отцы Церкви. Сильныя простотою и увлекательныя описанія, языкъ ясный, краснорѣчивый и доступный для всѣхъ читателей, вотъ неоспоримыя достоинства этой книги, которая ставитъ автора въ ряду первыхъ нашихъ духовныхъ писателей.

Зародышъ христіанской религіи, по вознесеніи Спасителя, составляли не болѣе ста двадцати человѣкъ, со включеніемъ Апостоловъ и Матери Божіей. Исполненные даровъ Святаго Духа, Апостолы, по слову своего Божественнаго Учителя, отправились *проповѣдывать евангеліе всей твари*, и вскорѣ по всей землѣ распространились ихъ боговдохновенныя вѣщанія. Едва прошло два вѣка, и уже святая религія сдѣлалась повсемѣстною. Оригенъ говорилъ, что христіанство господствуетъ повсюду, а Тертуллианъ прямо объяснялъ, что въ его время вѣровали во Христа всѣ языки: Парѣяне, Мидяне и Эламиты, жители Месопотаміи, Арменіи, Понта и Малой Азіи, Египта, Африки и всего поморія, Римляне и ихъ колоніи, Иудеи іерусалимскіе, разноречивые Гетулы и дальніе Мавры, и всѣ предѣлы Испаніи, племена Галліи и Германіи, Сарматы, Скифы, и даже неприступныя Римлянамъ, но покорныя Христу Британцы. И это было въ третьемъ вѣкѣ, при императорахъ, до фанатизма преданныхъ язычеству, и употреблявшихъ всѣ усилія, чтобы остановить успѣхи новой религіи! Въ четвертомъ вѣкѣ, при Константинѣ, когда святая вѣра объявлена господствующею, быст-

рве молніи распространился свѣтъ евангельскаго ученія. Аванасій великій, александрійскій епископъ, принималъ тогда пространство Христовой церкви пространству всей земли, извѣстной въ его время, и одинъ изъ писателей этого вѣка, Юлій Маврикій, въ письмѣ къ императорамъ, между прочимъ говоритъ : «Гдѣ восходитъ и заходитъ солнце, гдѣ начинается сѣверъ и гдѣ кончается югъ, все исполнено славою имени Христа.»

Нѣтъ ни какой возможности объяснить естественнымъ образомъ такое, неимоверно быстрое, распространение божественнаго ученія : тутъ явно дѣйствовала рука Божія, вездѣ и во всемъ обнаруживалась всемогущая сила Живущаго Духа. Обстоятельства были самыя неблагопріятныя : святую вѣру преслѣдовали языческіе императоры, на нее всѣми силами нападали философы, и наконецъ въ самыхъ нѣдрахъ христіанской церкви являлись лжеучители, старавшіеся поколебать чистоту евангельскаго ученія.

Гоненія со стороны римскихъ императоровъ начались съ перваго вѣка, еще при жизни и подвигахъ апостоловъ. Христіане, не признавая кесаря Богомъ, не клянясь его именемъ, не участвуя въ общественныхъ забавахъ и имѣя свои тайныя собранія, казались врагами римскаго правительства и всего общества, тѣмъ опаснѣйшими, чѣмъ скорѣе они размножались. Политика Римлянъ не позволяла ни какихъ переменъ въ древней религіи, и жрецы, которыхъ выгоды тѣсно были связаны съ суевѣріемъ народа, взоидили самыя нелѣпыя клеветы на христіанъ, приписывая имъ небывалыя преступленія. Императоры принимали подозрѣнія за истину, и народъ римскій жаждалъ крови христіанской на своихъ зрѣлищахъ.

Первое гоненіе открылось при Неронѣ. Безумецъ зажегъ Римъ для собственной потѣхи, и обвинилъ въ

этомъ преступленіи христіанъ. Казни продолжались четыре года, до самой смерти Нерона, и хотя причина гоненія касалась одного Рима, но оно простерлось и на дальнія области. Это гоненіе украсилось мученическою смертію двухъ верховныхъ апостоловъ, Павла, который, какъ римскій гражданинъ, усъченъ былъ мечомъ, и Петра, распятаго на крестъ.

Съ бѣльшимъ или мѣньшимъ ожесточеніемъ гоненія продолжались сряду три вѣка. Ихъ насчитываютъ десять. Кромъ Нерона, они были при императорахъ Домиціанъ, Траянъ, Аврелим, при Септимъ Северъ, Максиминъ, Деціи, Валеріанъ, Аврелианъ и, наконецъ, при Діоклеціанъ и Максиміанъ. Нельзя безъ ужасу читать описаніе адскихъ казней, которыя выдумывали ожесточенные фанатики. Вотъ образецъ утонченной жестокости, представленный римскими правителями при Деціи: одного, измученнаго пыткой и раскаленнымъ желъзомъ, обмазали медомъ по язвамъ, и выставили на палящее солнце жертвою наскомыхъ. Но самое жестокое гоненіе было послѣднее, при императорахъ Діоклеціанъ и Максиміанъ, въ началъ четвертаго вѣка. Соправитель Діоклеціана, Галерій, совершенно овладѣвшій волею стараго императора, заставилъ его созвать совѣтъ и опредѣлилъ общее гоненіе на всѣхъ, кто станетъ чуждаться жертвоприношенія богамъ. Чтобы еще болѣе возбудить Діоклеціана, Галерій тайно приказалъ поджечь его дворецъ и обвинилъ въ зажигательствѣ христіанъ. Назначили день для ихъ истребленія, и казни начались въ Никомедіи, гдѣ за одинъ разъ погибло до двадцатитысячъ вѣрныхъ. Изъ Никомедіи гоненіе распространилось повсемѣстно: вся римская имперія, кромъ Галліи, сдѣлалась поприщемъ кровопролитій. «Никогда, никакою войною, говоритъ одинъ изъ лѣтописцевъ: не была такъ опустошаема земля, и мы никогда не нобъждали съ такимъ торжествомъ какъ въ настоящее время: до-

ражаемые десять лѣтъ, мы остались непобѣдимыми.» Съ такою же лютостію преслѣдовали христіанъ въ Палестинѣ и Египтѣ. По словамъ Евсевія, кесарійскаго епископа, очевидца этихъ казней, въ Египтѣ тупились мечи отъ множества отсѣченныхъ головъ, и ослабѣвали руки палачей.

«Одни умирали на крестахъ, другіе пригвожденные внизъ головою, кто въ огнь, кто подъ бичами, кто подъ строгаіемъ желѣзныхъ когтей; иныхъ расторгали на части напруженныя деревья; казни эти продолжались нѣсколько лѣтъ сряду, и каждый день падало по нѣскольку десятковъ жертвъ всякаго возрасту и полу: въ одинъ мѣсяць погубло тамъ до семнадцати тысячъ.

«Одинъ изъ этихъ мучениковъ, Филеасъ, епископъ Омуи, описывалъ не за долго до кончины другу своему, страданія христіанъ: «Насъ ни во что вминаятъ, какъ будто бы мы уже не существовали, хотя никто не въ силахъ исчислить всѣ подвиги нашей доблести; всякому позволено оскорблять насъ и мучить, удары сыплются на беззащитныхъ: иныхъ растягиваютъ на пальцахъ, раздирая все тѣло желѣзными когтями; другихъ привязываютъ лицомъ къ столбу, не давая касаться ногами земли, и непрестанно смѣняющіеся палачи стягиваютъ крѣпче и крѣпче узы, доколь не готова улетѣть душа: тогда бросаютъ изъязвленныхъ на стогнахъ, безъ всякой милости, или въ душную темницу; но несмотря на всѣ страданія, едва дышущіе предпочитаютъ еще смерть идольскимъ жертвамъ.»

«Въ Сиріи, Месопотаміи, Каппадокіи, Понтѣ, мученія разнствовали по обычаю мѣстъ. Въ первыхъ двухъ жгли исповѣдниковъ, малымъ огнемъ; въ Аравіи и Каппадокіи ломали имъ члены; въ Понтѣ забивали гвозди за ногти или обливали горячимъ оловомъ, иногда же изобрѣтались и такія позорныя муки, которыя не возможно описать. Во Фригіи нашелся цѣлый городокъ христіанскій, котораго всѣ власти отрелись отъ жертвъ идольскихъ: пришли войска и сожгли городъ со всеми жителями. Въ области галатійской особенно свирѣпствовалъ противъ христіанъ пра-

дѣлать, такъ, что никто не смѣлъ показываться на стѣнахъ, и вся скрывались по ущельямъ, питаясь травами какъ дикіе звѣри.»

Но именно то, что по обыкновеннымъ расчетамъ человеческого ума должно было остановить успѣхи христіанства, содѣйствовало напротивъ къ его утвержденію. Изумительны казни, изобрѣтаемыя язычниками, но еще болѣе поразительны необыкновенное мужество и твердость, съ какимъ подвижники Христовы переносили мученія. Они не только не избѣгали страданій за святую вѣру, но часто даже сами искали мученическаго вѣнца, и епископы неоднократно должны были останавливать излишнюю ревность. Въ то самое время, когда язычество думало торжествовать свою побѣду, когда римское правительство выбило даже монету въ память истребленія христіанъ, Провидѣніе приготовило окончательное торжество для святой религіи, даровавъ ей рѣшительное первенство надъ язычествомъ. Орудіемъ Промысла былъ императоръ Константинъ. Собравъ дружины противъ Максенція, онъ просилъ о помощи Бога христіанскаго :

«Идущему съ полками внезапно явилось, въ свѣтлый полдень, знаменіе креста на небесахъ, съ словами, горящими ярче солнца: «Симъ побѣждай». Пораженный видѣніемъ, размышлялъ онъ весь день о его тайномъ смыслѣ, и въ ночь явился спящему Господь Иисусъ Христосъ съ тѣмъ же знаменіемъ, повелѣвая носить оное передъ полками въ битвахъ. Константинъ водрузилъ крестъ на позлащенномъ копѣ, украсивъ его драгоценными камнями, съ изображеніемъ имени Христова, и сія новая хоругвь, названная лабарумъ, предшествовала орламъ римскимъ; крестомъ ограждался также шлемъ императора и прочіихъ его воиновъ. Дружина Максенція встрѣтила крестомное водство передъ стѣнами Рима и бѣжала отъ лица его хоругви; въ волнахъ Тибра потонулъ Максенцій; триумфальныя врата въ честь Константина, увѣковѣчили, въ древней столицѣ

міра; эту первую побѣду христіанства надъ язычествомъ. Немедленно была обнародована совершенная свобода исповѣданія для христіанъ и возвращеніе имъ всѣхъ храмовъ, правъ и преимуществъ, ради того видимаго покрову Божія, которое осѣнило ихъ покровителей.»

Менѣе опасную, но болѣе продолжительную и упорную борьбу христіанство выдержало съ языческой философіею. Съ появленіемъ евангельскаго ученія, мудрость или, правильнѣе, суемудріе эллинское уже отжило свой вѣкъ; производительный духъ греческихъ мыслителей уже окончился давно, и философскія школы, появившіяся въ первыхъ вѣкахъ христіанства, были болѣею частію или только истолкованіемъ старыхъ бредней или соединеніемъ ихъ между собою. Философы однако жъ неутомимо продолжали пересыпать изъ пустаго въ порожнее, и, противорѣча одинъ другому, всѣ вооружались противъ христіанства, которое несло роковой ударъ ихъ пустомыслию. Изъ числа этихъ крикуновъ, мечтавшихъ остановить успѣхи евангельскаго ученія, особенно замѣчательны Цельсъ, эпикуреецъ временъ Адріана, и Плотинъ, основатель неоплатонической школы. Тотъ и другой написали по ругательной книгѣ противъ христіанства, и оба побѣдносно были опровергнуты Оригеномъ. Весьма замѣчательно, что нѣкоторые вольнодумцы осемнадцатаго вѣка, заимствовали болѣею часть своихъ выходовъ противъ христіанства изъ книги Цельса, не заглянувъ въ современную книгу Оригена, который съ такою силою отвѣчалъ на то, что черезъ пятнадцать вѣковъ выдавали опять за новое.

Вмѣсто предполагаемаго вреда, борьба съ языческой философіею принесла христіанству существенную пользу. Блюстители церкви Христовой никогда не оставались безотвѣтными противъ безумія языческихъ мудрецовъ, и въ этой борьбѣ образовалось весьма много сильныхъ и краснорѣчивыхъ защитниковъ, оставившихъ

послѣ себя высокіе образцы духовнаго витійства. Въ самомъ гнѣздѣ софистовъ, въ Аѳинахъ, явилась первая христіанская апологія : ее подалъ императору Адриану епископъ Кодратъ, который въ юности своей видѣлъ еще нѣкоторыхъ современниковъ Спасителя. Вслѣдъ за Кодратомъ явился другой, болѣе знаменитый защитникъ христіанства, Іустинъ. До обращенія своего въ христіанство, Іустинъ, пламенный любитель истины, перепробовалъ почти всѣ современныя философскія системы. Онъ былъ попеременно стоикомъ, платоникомъ, перипатетикомъ, пифагорейцемъ, и наконецъ сдѣлался самымъ ревностнымъ христіаниномъ, запечатлѣвшимъ мученическою смертію святость божественнаго ученія. Гоненія, воздвигнутыя противъ христіанъ, внушили Іустину двѣ сильныя апологіи, которыя онъ не убоился представить императорамъ Антонину и его сыну.

«Васъ называютъ благочестивыми и любознательными, писалъ между прочимъ Іустинъ : философы же должны любить одну только истину, не увлекаясь обветшалыми мнѣніями или ложными толками. Вы властны лишать насъ жизни, но не въ силахъ вредить намъ : мы просимъ суда ; если же мы невинны, то казнь наша не болѣе ли дѣло страсти и неправды ? Вотъ излагаемъ и самое ученіе наше, дабы отнынѣ вы оставались безответны передъ Богомъ. Когда вамъ доносятъ, что мы ожидаемъ нѣкоего царства, оставьте подозрѣніе, будто бы царство сіе есть земное ; повѣрьте, что мы не стали бы для него жертвовать жизнію и лучше искали бы сохранить ее для наслажденій земныхъ. Никто болѣе насъ не желаетъ вамъ мира, ни съ кѣмъ не можетъ быть легче сохранять его, какъ съ нами, потому что мы боимся самого преступленія гораздо больше, нежели казни за преступленіе, зная, что всѣ грѣхи открыты Господу, праведному ихъ Судіи. Лучшимъ доказательствомъ служить можетъ сравненіе того, что мы были въ язычествѣ, съ тѣмъ, что мы теперь. Если, заключалъ Іустинъ : вы найдете уважительнымъ сказанное мною, уважьте ; если

нать, презрите; мы же объявляемъ вамъ судъ Божій за неправду: впрочемъ воля Господня да будетъ.»

Въ такомъ же духѣ написалъ свою апологію Аеннагоръ-пресвитеръ, знаменитый ученостію въ Аеннахъ и Александріи. Климентъ Александрійскій, учитель Оригена, побѣдоносно опровергалъ гностиковъ, мечтавшихъ соединить грезы языческихъ философовъ съ христіанскимъ ученіемъ.

Въ царствованіи Іуліана-Отступника, видимъ мы последнее выраженіе усилій языческаго суемудрія противъ могущественнаго слова Божія. Сынъ христіанскихъ родителей, Іуліанъ сначала самъ былъ христіаниномъ и даже занималъ должность клирика въ александрійской церкви; но простота евангельскаго ученія не нравилась его гордому сердцу, и онъ отрекся отъ святой вѣры. Сдѣлавшись повелителемъ Востока и Запада, Іуліанъ поставилъ себѣ главной цѣлю — возстановить упадающее язычество и унижить христіанскую религію. Но времена гоненій уже прошли. Безполезныя усилія Діоклеціана и Максиміана были еще въ свѣжей памяти, и отступникъ очень хорошо понималъ, что кровавыми мѣрами не сдѣлаешь ничего противъ подвижниковъ церкви Христовой. Іуліанъ прибѣгнулъ къ другимъ средствамъ. Философія, по его мнѣнію, самое надежное оружіе противъ святой вѣры, и вотъ, по восшествіи отступника на престолъ, Византія наполнилась софистами, епископы удаляются отъ двора, пышность и великолѣпіе уступаютъ мѣсто изысканной простотѣ. Но при всей ненависти къ христіанству, Іуліанъ по-неволѣ уважаетъ чистую нравственность послѣдователей святой вѣры, и старается подражать ей. Какъ верховный жрецъ, онъ издаетъ строгія правила жизни, налагаетъ обѣтъ воздержанія, требуетъ точнаго исполненія обрядовъ, заводитъ общества наподобіе монастырей, строитъ больницы и страннопріимныя дома, предписываетъ многократныя молитвы, пѣніе

гшиновъ въ честь боговъ, чтеніе и толкованіе книгъ таинственныхъ, даже запрещаетъ зрѣлища народнымъ. «Стыдно, говоритъ онъ: если Галилеяне — такъ называлъ онъ христіанъ — побѣдятъ насъ въ дѣлахъ милосердія.» Однимъ словомъ, Іуліанъ хотѣлъ свѣтлою оболочкою христіанства украсить и оживить давно истлѣвшій трупъ язычества. «Провидѣніе, говоритъ авторъ: дозволило ему это послѣднее безуміе, чтобы ясные показать міру, на какихъ основахъ утвердился вѣра, обновившая вселенную, и какъ мало Константъ и Іуліанъ могли сдѣлать сами собою для ея возвеличенія или униженія, потому что краеугольнымъ камнемъ ея былъ Тотъ, кого изначала отвергли низходящіе, и судьбы церкви Христовой зависятъ не отъ временныхъ, а отъ вѣчныхъ законовъ, направляемыхъ свыше.» Смерть отступника окончательно показала свѣту торжество истинной вѣры надъ суемудріемъ язычества: Іуліанъ, какъ извѣстно, погибъ въ войнѣ съ Персами. Ночью, наканунѣ послѣдняго дня, явился ему, какъ онъ рассказывалъ, геній имперіи, и навелъ на него ужасъ. По-утру римскіе легіоны окружены были Персами, и когда Іуліанъ хотѣлъ вооружиться, непріятельская стрѣла пронзила его насквозь. Чувствуя гибель, отступникъ брызнулъ горстью крови къ небу съ горькимъ воплемъ: «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!» и испустилъ духъ. Вслѣдъ за Іуліаномъ весь языческій міръ могъ бы повторить эти слова.

Успокоившись отъ внѣшнихъ волненій, одержавъ побѣду надъ фанатизмомъ гонителей и суемудріемъ языческихъ философовъ, христіанская церковь долго однако жъ не могла достигнуть внутренняго мира. Ей надлежало выдержать сильную, иногда кровавую борьбу съ еретиками, и эта борьба была тѣмъ опаснѣе, что лжеучители являлись въ недрахъ самой церкви, часто отличались мнимою святостію, и основывали свою ересь на превратномъ толкованіи Священнаго Писанія.

Первыя ереси относятся еще къ временамъ апостольскимъ. При жизни евангелиста Іоанна, нѣкто Ізидоръ не хотѣлъ признавать боговдохновенными Павловыхъ посланій, находя въ нихъ мнимыя противуречія съ ученіемъ апостола Петра. Евмонъ также имѣлъ дерзость отвергать божественность Іисуса Христа. Такое же богохульство разсказывалъ въ Малой Азій Керинъ, и вслѣдъ за нимъ такъ-называемые Николаиты, предавшіеся своимъ распутствомъ и которые, въ залогъ чувственнаго союза, почитали женъ своихъ общими между собою. Въ эти еретики нашли сильнаго обличителя въ апостолѣ Іоаннѣ, который, какъ думаютъ, преимущественно противъ нихъ написалъ свое евангеліе.

Во второмъ вѣкѣ, между прочими еретиками, особенно замѣчательнъ Монтанъ, родомъ Фригіецъ. Этому фанатику вспало на умъ, что онъ *параклитъ*, утѣшитель, котораго Спаситель обѣщаль послать въ міръ. Съ нимъ соединились двѣ развратныя женщины, Прискилла и Максимилла, выдававшія себя за пророчицъ. Монтанъ проповѣдывалъ, что только чрезъ сошествіе на него Духа вполне совершилось искупленіе челоуковъ; онъ запрещалъ второй бракъ, опредѣлялъ новые посты, отвергалъ покаяніе, и жестоко осуждалъ избѣгавшихъ мученичества. Монтанисты осуждены епископами Серапіономъ антиохійскимъ и Элеверіемъ римскимъ.

Еще затѣйливѣе была секта Манеса, распространявшаго свои заблужденія въ концѣ третьяго вѣка. Манесу тоже пригрезилось, что онъ *параклитъ*, и можетъ для собственной потѣхи творить чудеса на удивленіе міру. Чтобы показать образчикъ такихъ чудесъ, Манесъ ваялся исцѣлить сына персидскаго царя, и, отправивъ его на тотъ свѣтъ, улизнулъ въ Месопотамію, гдѣ скрылся въ небольшомъ замкѣ близъ города Као-

харь. Здѣсь онъ впервые изложилъ свою ересь, принявъ въ основаніе дуалистическую систему Зороастра, которую хотѣлъ согласить съ христіанскимъ ученіемъ о добрѣ и злѣ. Епископъ Архелай, въ изустномъ состязаніи, обличилъ безумца въ присутствіи языческихъ судей, и Манесъ, принужденный бѣжать изъ Касхарь, кончилъ жизнь мучительною казнію, попавшись въ руки царскихъ воиновъ, которые его преслѣдовали.

Но ни одна ересь не безпокоила столько Церковь, какъ секта Арія, александрійскаго пресвитера. Зависть къ Александру, своему сверстнику, сдѣлавшемуся епископомъ, была тайнымъ побужденіемъ, а споры съ этимъ же Александромъ о сущности Сына Божія — случаевъ къ тому, что Арій отступилъ отъ православнаго ученія и началъ распространять свои заблужденія. Ученіе его по большей части сокращаютъ такимъ образомъ: «Христосъ есть Богъ, но меньшій Отца по божеству, сущности, свойствамъ и славъ; имѣетъ начало бытія своего, хотя сотворенъ изъ ничего прежде всѣхъ вещей; совершенное имѣетъ сходство съ Отцемъ, который не по естеству, но по усыновленію и волю своей *сотворилъ* Его Богомъ, и который чрезъ Него, какъ орудіе, все создалъ; и потому Христосъ превыше всѣхъ тварей и даже ангеловъ; Духъ Святой не есть Богъ, но твореніе Сына Божія, содѣйствующее Ему въ твореніи прочихъ существъ.» Весьма многіе увлеклись этимъ лжеученіемъ: строгая жизнь еретика, его маститая старость и сильное краснорѣчіе, обольщали неопытныхъ. Епископъ Александръ сперва кротостію старался угасить расколъ, и на двухъ совѣщаніяхъ тщетно обличалъ Арія; но когда заблужденія быстро распространились изъ Александріи и по окрестнымъ мѣстамъ, Александръ торжественно отлучилъ еретика отъ церкви, и грамотами извѣстилъ о томъ епископовъ Востока. Осужденный въ Александріи, Арій удалился въ Палестину и просилъ защиты у Евсевія никомидійска-

го, имѣвшаго большое вліяніе при дворѣ. Принявъ сторону Арія, Евсевій увѣрялъ императора Константина, что одни только личныя отношенія Александра и Арія произвели всѣ эти несогласія, основанныя на тщетной игрѣ словъ. Императоръ написалъ къ противникамъ письмо, увѣщавая ихъ прекратить споры о недоступномъ предметѣ. Осій, епископъ кордубскій, пользовавшійся особенною довѣренностію Константина, былъ отправленъ въ Египетъ помирить враждующія партіи. Онъ принялъ сторону Александра, и на александрійскомъ соборѣ осудилъ Арія, но этимъ еще болѣе раздражилъ ересіарха и его послѣдователей. Внутреннія несогласія распространялись постепенно, спорамъ не было конца, возникали мятежи даже въ самомъ народѣ. Все это заставило принять рѣшительныя мѣры противъ опаснаго фанатика. «Тогда впервые родилась мысль вселенскаго собора, то есть, соединенія епископовъ всей просвѣщенной христіанствомъ земли, въ одинъ святительскій сонмъ. Епископы, окружавшіе императора, внушили ему эту благую мысль, и онъ, съ царскою щедротою, приступилъ къ ея исполненію, принявъ на себя всѣ издержки и назначивъ Никею, мѣстомъ собранія. Отсюду стали стекаться епископы, числомъ болѣе трехъ сотъ, и чудное по истинѣ представилось зрѣлище, какое впослѣдствіи никогда не могло повториться ни на одномъ вселенскомъ соборѣ, послѣдовавшемъ за Никейскимъ. Виновникъ собора, уже нѣсколько лѣтъ боровшійся съ ересью Арія, Александръ, папа александрійскій, въ числѣ первыхъ предсталъ на мѣсто разсужденія, гдѣ долженствовалъ быть увѣнчанъ общими хвалами за ревностный подвигъ. Онъ привелъ съ собою красу Египта, будущаго своего преемника, Аѳанасія, степенью еще діакона и юнаго годами, но уже славнаго въ состязаніяхъ съ аріанами, которыхъ суждено ему было одолѣть въ сорока-лѣтней борьбѣ, испытавъ однако же всѣ превратности жизни, тяжкое изгнаніе и трижды

сверженіе съ своей кафедры; на соборъ Никейскомъ, Аріи трепеталъ отъ его сильнаго и обличительнаго слова.»

Изъ восточныхъ епископовъ, присутствовавшихъ на этомъ соборъ, особенно замѣчательнъ чудотворецъ Николай Миръ Ликійскій. «Отъ дѣтства посвятивъ себя на служеніе Богу, и вступивъ на кафедру Миръ, святитель Николай мужественно прошелъ тяжкую годину гоненій языческихъ, защищая словомъ и дѣломъ паству свою; не уболея и при благочестивомъ Константинѣ быть ревнителемъ истины въ своей епархіи, освобождая неправедно осужденныхъ и заочно покровительствуя въ буряхъ пловцамъ, призывавшимъ на помощь имя своего пастыря. Пламенный заступникъ православія, онъ не могъ вынести хульныхъ словъ нечестиваго Арія и даже поразилъ его предъ сонмомъ епископовъ, къ минутному ихъ негодованію, которое однако обратилось въ общее изумленіе, когда покровительство Божіе видимо обнаружилось надъ ревностнымъ святителемъ. Девятнадцатаго іюля, 325 года, открылось торжественное дѣяніе перваго вселенскаго собора въ чертогахъ царскихъ. Созванные епископы въ безмолвіи сѣдѣли на скамьяхъ кругомъ всей палаты, ожидая прихода императора. Онъ вошелъ безъ стражи, только въ сопровожденіи немногихъ друзей, и то христіанъ, облеченный въ порфиру, величавый осапкою, но смирный видомъ, и скромно приблизился къ приготовленному для него мѣсту, въ углубленіи залы. Всѣ встали при его появленіи; онъ же, стоя у своего скромнаго сѣдалища, ожидалъ, чтобы пастыри Церкви благословили ему сѣсть среди ихъ, и всѣ возсѣли послѣ него. Старшій изъ епископовъ восточныхъ, Евстаѳій антиохійскій, сѣдѣвшій по правую руку государя, всталъ и обратясь къ нему воздалъ хвалу Богу за его благочестіе. Съ свѣтлымъ лицомъ отвѣтствовалъ ему великій Константинъ, изъявляя радость свою о собраніи столь-

кихъ пастырей и надежду на ихъ единодушіе, и предоставилъ полную свободу совѣщаться. Тогда Аріій дерзнулъ изложить хульное свое ученіе предъ лицомъ собора, и соумышленники Евсевія никоидійскаго громко его защищали; православные же епископы требовали отъ нихъ свидѣтельства изъ Священнаго Писанія, и лжеучители сами сбивали другъ друга и противурѣчили текстамъ. Нѣкоторые умолкли отъ стыда. Преніе было жаркое. Императоръ, съ большимъ вниманіемъ, спрашивалъ опроверженія православныхъ на каждое предложеніе аріанъ, и старался духомъ кротости успокоить состязавшихся. Аріане представили свое исповѣданіе вѣры, и оно было изорвано посреди собора за богохульство.»

Для предупрежденія всякихъ недоразумѣній въ дѣлѣ религіи, отцы церкви составили символъ вѣры, который и былъ подписанъ всеми православными епископами. Основной догматъ христіанства выраженъ ясно, правилавѣры получили характеръ опредѣленный, и породы къ несогласіямъ устранены.

Однако жъ Аріій не думалъ отстать отъ своихъ заблужденій. Секта его, безпрестанно приобрѣтавшая новыхъ послѣдователей, а въ послѣдствіи ересь другаго фанатика, Македонія, осужденнаго на второмъ вселенскомъ соборѣ, долго обуревали православную церковь. Нельзя отвергать, что безуміе еретиковъ, по крайней мѣрѣ сначала, губительно было для благоденствія вѣрующихъ; но несомнѣнно также, что эти заблужденія принесли весьма важную пользу. Чѣмъ сильнѣе обнаруживался фанатизмъ еретиковъ, тѣмъ пламеннѣе была ревность истинныхъ подвижниковъ святой вѣры. И четвертый вѣкъ особенно обилень такими подвижниками. Аѳапасій Великій, Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Амвросій, Августинъ, Іеронимъ, навсегда останутся драгоценнымъ украше-

ніемъ Церкви : они утвердили православіе на неподвижныхъ догматахъ, и оградилн святу ю вѣру отъ козней еретическихъ.

Говоря объ этихъ свѣтилахъ восточной и западной церкви, авторъ съ особенной подробностію описываетъ жизнь и подвиги Златоуста. Этотъ великій святитель первое воспитаніе получилъ подъ руководствомъ знаменитато ритора Ливанія, и сначала его готовили для поступленія на поприще гражданскаго краснорѣчія. Но характеръ его нимало не соответствовалъ этому званію : Іоаннъ любилъ уединенную жизнь, и еще въ юношескихъ лѣтахъ хотѣлъ сдѣлаться инокомъ. Престарѣлая мать отклонила его отъ этого намѣренія ; но, по смерти ея, юноша тотчасъ удалился въ антиохійскія горы, гдѣ предался всей строгости подвижнической жизни. Вскорѣ однако жъ Іоаннъ долженъ былъ оставить свое уединеніе : епископъ Мелетій вызвалъ его въ Антиохію, и посвятивъ въ діаконы, неотлучно держалъ при себѣ. Преемникъ Мелетія, Флавіанъ, рукоположилъ Іоанна пресвитеромъ и ввѣрилъ ему дѣло проповѣди въ соборной церкви. Новый проповѣдникъ изумлялъ всѣхъ своимъ краснорѣчіемъ.

«Съ жадностію стекался народъ слушать Іоанна, и едва развѣсившись вѣсть, что онъ будетъ говорить въ церкви, судьи оставляли суды свои, и купцы куплю, и ремесленники работы, почитая величайшею потерею лишиться себя сладкихъ речей его. Витія церковный, вначалѣ служенія, увлекался глубиною своихъ созерцаній, проповѣдывалъ не всѣмъ доступно, но простая жена изъ народа научила его бѣльшей простотѣ : «Златоустый Іоаннъ, воскликнула она изъ толпы, и оттолъ сохранилось ему это названіе: глубокъ кладязъ твоего ученія, а вервія ума нашего коротки и не достигаютъ до дна.» Съ тѣхъ поръ, соразмѣряя силы духа своего съ слабостію паствы, онъ изложилъ въ простыхъ, но вмѣстѣ возвышенныхъ бесѣдахъ, все Евангеліе отъ Маттея и отъ Іоанна, и Книгу Дѣяній, и посланія Павловы, соеди-

КУРСЪ ОВЦЕВОДСТВА.

=

ЧТЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

=

XIV.

Хозяйственное и племенное стадо. — Сортированіе и устройство стада. — Распознаваніе лютъ овецъ. — Тавро и нумерація.

Всякое хозяйство, какого бы оно роду ни было, степное ли съ многолѣтними залежами, или ограниченное только тремя полями и не имѣющее ни пастбищъ ни хорошихъ луговъ, не можетъ существовать безъ хорошаго, многочисленнаго скотоводства, или по-крайней-мѣрь будетъ, въ случаѣ недостатку въ скотъ, давать несравненно меньше доходу. Владѣльцу обширныхъ степей необходимы многочисленныя табуны лошадей, стада рогатаго скота и овецъ, чтобы пышныя пастбища его не оставались безъ пользы; а въ тѣсныхъ и многолюдныхъ мѣстахъ значительное скотоводство нужно по той причинѣ, что безъ него поля скоро истощатся и сдѣлаются неспособными производить потребное количество хлѣба. Поэтому-то большею частію сельскіе хозяева въ тѣсныхъ мѣстностяхъ и содержатъ овецъ, но съ тѣмъ имѣтъ они заботятся и о томъ, чтобы по-возможности имѣть такія породы, которыя и сами собою могутъ быть для нихъ прибыльны, не говоря уже объ уваживаніи полей. Прибыльное, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, стадо овецъ, служащее болѣе для удобренія земли, можно назвать собственно *хозяйственнымъ* стадомъ; такое же, котораго главное назначеніе состоитъ въ разведеніи или усовершенствованіи какой-либо овечьей породы, именуется *племеннымъ*. Впрочемъ расчетливый хозяинъ долженъ стараться,

чтобы и простое хозяйственное стадо было столь возможно улучшено, дабы, кроме удобрения, получать отъ него значительнѣйшія выгоды чрезъ продажу приплода и шерсти. Въ этомъ случаѣ, высшая степень прибылей, конечно, можетъ быть получена только отъ стада кровной породы; однако жъ и хорошія шлѣнки соединяютъ въ себѣ всѣ условія для образованія прибыльнаго хозяйственнаго стада, особенно если онѣ будутъ исподоволь улучшаемы. Поэтому, при составленіи такихъ стадъ, нѣтъ надобности быть слишкомъ разборчивымъ на животныхъ. Если доходъ получаемый отъ хозяйственнаго стада, кроме навозу, продажею шерсти и лишняго приплоду, покрываетъ издержки на его прокормленіе, то этого и довольно.

Напротивъ-того племенные стада, назначаемыя, какъ сказано выше, для разведенія или усовершенствованія какой-либо овечьей породы, съ цѣлю доставлять этихъ совершенныхъ животныхъ владѣльцамъ хозяйственныхъ стадъ для улучшенія водимыхъ ими простѣйшихъ породъ, должны быть составляемы съ крайнюю разборчивостью и осмотрительностью. Такія стада можно водить для каждой поледой породы овецъ, отъ тонкорунныхъ коротко-шерстныхъ меринесовъ до прѣстныхъ и тонкихъ длинно-шерстныхъ овецъ. Главное и необходимое условіе состоитъ въ томъ, чтобы разводивая въ племенномъ стадѣ порода, поддерживалась во всей чистотѣ, безъ примеси подтороженной крови, и чтобы обращено было особенное вниманіе на постоянное произведеніе каждой породой самыхъ совершенныхъ животныхъ, которые бы могли быть приравнены въ ней образцовымъ типическимъ и передовымъ особямъ качества потомству, даже при смѣшеніи съ низшими породами. Почаски произведенія лежворунныхъ меринесовъ, парныхъ и леманскихъ овчаринъ были королевскія сапожницкія стада, составляющая въ настоящее время скотскія меринесовы, которые постоянно размножаются во всей Англии; исключительнаго между собою, и взаимнаго сдѣлались разводиванія почти всѣхъ итальянскихъ германскихъ, русскихъ и другихъ весьма тонкорунныхъ овчаровъ. Хотя прежде считали необходимымъ усложнять и смешиваніе тонкорунной овчаринныя посредствомъ кровосмѣшенія съ

Испанскій, какъ равно и особенный, чрезвычайно складчатый, наружный видъ, свойственный тамошнимъ меринсамъ, однако жъ въ послѣдствіи, съ измѣненіемъ этой наружности и улучшеніемъ ихъ рунъ въ Германіи, названіе племенныхъ овчаренъ присвоено всѣмъ стадамъ чистой, совершенно самостоятельной, электоральной породы, размножаемымъ безъ примѣси отъ другихъ породъ, каково напри- мѣръ стадо господина Гадегаста въ Саксоніи. Если порода чиста и высокаго достоинства, то и нѣтъ ни малѣйшей нужды въ прямомъ и непосредственномъ происхожденіи ея изъ Испаніи.

Какъ вліяніе племенныхъ овчаренъ, — разсадниковъ чистыхъ, кровныхъ породъ, — весьма важно для цѣлой страны, то необходимо, чтобы выборъ животныхъ, назначаемыхъ для племеннаго стада, былъ сдѣланъ съ особеннымъ знаніемъ дѣла и величайшею осторожностью, непременно изъ такихъ овчаренъ, которыя извѣстны чистотой крови и высокимъ достоинствомъ рунъ. Вся для племенной овчарни выбираемыя животныя должны быть одной породы и размножаться исключительно между собою. Кроме того требуется, чтобы какъ мѣстность, такъ и содержаніе стада, согласовались съ цѣлію заведенія, то есть, чтобы животныя были тщательно ограждены отъ всякъ вредныхъ вліяній климата и кору, потому что это предохраняетъ породу отъ измѣненія и содѣйствуетъ къ произведенію возможно совершенныхъ животныхъ. Вся качества избранной вами породы овцевъ должны быть прочно присвоены вашему племенному стаду, чтобы она передавалась потомству постоянно въ томъ же совершенствѣ, въ какомъ обладаютъ ими родители. Удостоверитесь въ этой способности стада къ потомственной передачѣ своихъ родовыхъ совершенствъ можно не иначе, какъ посредствомъ точнаго освидѣтельствованія приплода, который, чрезъ нѣсколько поколѣній, долженъ быть односторонне связанъ съ своими родителями и имѣть такіе же рунъ. Надобно въпрочемъ замѣтить, что односторонне въ достоинствѣ рунъ можетъ выноситься только къ большинству пород овецъ въ стадѣ животныхъ; а отнюдь не къ каждому порознь, потому что ни въ какомъ, даже чистомъ, кровномъ стадѣ, не родятся и двухъ животныхъ, совершен-

но равныхъ между собою. Наконецъ, для всякаго племеннаго стада необходимо, чтобы въ немъ велась такъ-называемые племенные реестры, по которымъ бы можно было видѣть родословіе каждаго животнаго за нѣсколько поколѣній назадъ, и тѣмъ неоспоримо доказать его чистое, породистое происхожденіе, служащее покушнику ручательствомъ въ способности такого барана улучшить простое племя.

У насъ вообще мало обращаютъ вниманія на чистоту породъ въ скотоводствѣ, и это должно почесть главною, единственною причиною плохаго состоянія, какъ многихъ нашихъ конныхъ заводовъ, такъ и всѣхъ стадъ рогатаго скота. Чистокровность — обстоятельство чрезвычайно важное. Блестательнымъ доказательствомъ тому можетъ служить превосходный конскій заводъ графини Орловой. Между-тѣмъ нѣкоторые другіе заводы, а тѣмъ болѣе стада рогатаго скота, представляютъ у насъ самыя разнообразныя смѣшенія. Такъ, напримѣръ, у насъ каждая корова имѣетъ свой особенный складъ, отличный отъ статей другнхъ коровъ, и передаетъ своему потомству такую же смѣсь статей, указывающихъ на смѣшанное чрезъ многія поколѣнія происхожденіе обоихъ родителей. Въ подобномъ положеніи находится и наше тонкорунное овцеводство; хозяева тонкорунныхъ стадъ стараются улучшать ихъ баранами, привозимыми ежегодно во множествѣ на продажу изъ-за границы; но кто знаетъ происхожденіе этихъ барановъ? какимъ образомъ удостовѣриться въ кровности ихъ породы, отъ которой однако жъ зависить исключительно все ихъ достоинство? Одно уже то обстоятельство, что эти бараны обыкновенно пригоняются въ Россію изъ ближайшихъ сilesскихъ овчаренъ, составленныхъ вообще изъ смѣшанной крови, заставляеть сомнѣваться въ чистотѣ ихъ породы и, слѣдственно, наводитъ сомнѣніе на способность ихъ улучшать наши заводы шлёнокъ. Между-тѣмъ ежегодный значительный привозъ заграничныхъ барановъ доказываетъ, что животныя эти раскупаются овцеводами, которые пріобрѣтаютъ ихъ за настоящихъ кровныхъ, доверяя въ томъ продавцамъ. Это составляетъ главнѣйшую причину затрудненій и медленности въ улучшеніи нашихъ степныхъ стадъ, которыя, при постоянныхъ стараніяхъ и пожертвованіяхъ

Со стороны многихъ просвѣщенныхъ овцеводовъ, давно бы должны были находиться на высшей степени совершенства и доставлять превосходную шерсть, если бъ приводимыя къ намъ изъ-за границы бараны дѣйствительно были кровные. Чтобы избѣгнуть этого, хорошо бы каждому владельцу значительнаго стада плѣнокъ вѣсть хотя небольшую кровную овчарню для воспитанія нужныхъ ему племенныхъ барановъ: тогда онъ былъ бы увѣренъ въ ихъ настоящимъ достоинствѣ и не подвергался бы умышленнымъ и не умышленнымъ обманамъ, замедляющимъ улучшение нашего овцеводства.

Для постепеннаго усовершенствованія хозяйственныхъ и сохраненія во всей чистотѣ племенныхъ стадъ, кромѣ хорошаго, сообразнаго выбора животныхъ, необходимо, чтобы хозяинъ въ точности былъ знакомъ съ качествомъ шерсти каждаго животнаго порознь, а безъ того ему нельзя будетъ вести надлежащимъ образомъ размноженіе своего стада, потому что въ такомъ случаѣ онъ не будетъ знать, между какими животными можно допустить случку, и успѣхъ этого предоставится единственно волю судьбы. Подробное познаніе всѣхъ животныхъ своего стада, овцеводъ можетъ приобрести не иначе, какъ посредствомъ его сортировки, при которой всѣ племенные животныя, бараны и овцы, разсматриваются по-одиначкѣ, и, по опредѣленіи достоинства каждаго, раздѣляются на соответственные классы. Это подробное разсмотрѣніе покажетъ степень благородства, какой достигло стадо, откроетъ всѣ его недостатки, и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружитъ, находятся ли нужныя для ихъ исправленія средства въ самомъ стадѣ, или надобно прибѣгнуть къ племеннымъ животнымъ другихъ овчарень.

Какъ о достоинствѣ тонкорунныхъ овецъ можно основательно судить только тогда, когда ихъ шерсть въ полномъ годовомъ ростѣ, то стада сортируются обыкновенно весною передъ самую стрижкою, или немного пораньше, но не прежде какъ по достиженіи шерстью по-крайней-мѣрѣ осьмимѣсячнаго росту. Сортировка производится такъ, что каждое животное по-одиначкѣ ставятъ на низенькій столъ, скамью, или на какое-либо возвышенное мѣсто, хорошо освѣщенное, но недоступное яркимъ солнечнымъ лучамъ, и

определяютъ всѣ качества его руна, обращая особенное вниманіе на толщину, уровненіе, густоту, длину и характеръ шерсти. Находимыя при этомъ достоинства и недостатки означаются въ спискѣ короткими словами или особенною условною нумераціею. Многіе совѣтуютъ качества овецъ означать по торговой классификаціи шерсти, раздѣляя стадо на электы, приму, секунду, терцію и кварту, смотря по тому разбору, который наиболѣе преобладаетъ въ рунахъ. Въ такомъ случаѣ должно однако жъ быть весьма осмотрительнымъ при опредѣленіи достоинства руна на различныхъ частяхъ тела, строго сличая шерсть шейную, окорочную, крестцовую и брюшную съ лопаточною и боковою, чтобы съ точностью узнать, къ какому классу можно причислить все руно. Если шерсть отдаленныхъ отъ лопатокъ частей разнится отъ лопаточной двумя разборами, напримѣръ, если на лопаткахъ и бокахъ произрастаетъ электа, а на шее, крестцѣ и окорокахъ секунда, то овца не должна поступить въ классъ электы, но развѣ только въ классъ примы, да даже въ секунду, если на одномъ изъ этихъ мѣстъ есть въ которое количество шерсти, принадлежащей къ разбору терціи. Впрочемъ этотъ способъ классификаціи овецъ не удовлетворителенъ по своей односторонности: поставивъ ярломъ достоинства овцы только одну толщину шерсти, безъ вниманія къ ея густотѣ, длинѣ, уровненію и характеру, онъ не даетъ полнаго понятія о степени совершенства разныхъ качествъ, по которымъ должно назначать барана для случки. Поэтому гораздо лучше записывать отдѣльно степень развитія каждаго качества. Для этого можно употреблять цифры, принимая число 1 за высшее совершенство каждаго качества, а число 4 за низшее, послѣ котораго овца не должна уже оставаться въ стадѣ. Такимъ образомъ, если въ разграфленномъ спискѣ о сортировкѣ овецъ, противъ какого-либо номера, будетъ стоять, напримѣръ, «толщю шерсти 1, густотою 3, уровненіемъ 1, длиною 2, и характеромъ 1», то съ перваго взгляду окажется, что этой овцѣ недостаетъ густоты и длины, а сообразно съ тѣмъ, и при назначеніи ей барана, можно будетъ безъ затрудненія выбрать такое животное, какое именно нужно, то есть, густошерстное и длинношерстное. Въ примѣчаніяхъ могутъ

бать означены особенности устройства руна, на каждой овце, присутствие или отсутствие гундальных волосъ, и прочая. Такимъ способомъ вполне достигается цѣль сортировки.

При сортировке племенныхъ барановъ, надо быть строже чѣмъ при сортировке овецъ, потому что бараны имѣютъ главное вліяніе на качества рождаемаго потомства. Преимущественно должно обращать вниманіе на уровненіе ихъ руна: чѣмъ оно совершеннѣе, тѣмъ благороднѣе баранъ и тѣмъ дѣти его будутъ лучше.

Сверхъ того во время сортировки снимаются образцы шерсти со всѣхъ животныхъ. Образцы эти срываются съ шеи, лопатки, спины и окороковъ, и накладываются на бумагу или прикрѣпляются къ ней лентою. При каждомъ образцѣ пишется номеръ овцы, съ которой онъ снятъ и мѣсто тѣла, на которомъ онъ срванъ. Какъ сохраняемые на бумагѣ образчики скоро теряютъ свой жиръ, и шерсть отъ того лишается хорошаго виду, то некоторые овцеводы предпочитаютъ сохранять ихъ въ стеклянныхъ трубочкахъ, толщиною въ мизинецъ, затыкаемыхъ съ обѣихъ концовъ пробками, на которыхъ написанъ номеръ животного.

Какого бы достоинства не было стадо, в мало оно или велико, во всякомъ случаѣ надобно разбивать его на отдѣленія по возрасту и полу животныхъ, безъ чего какъ содержаніе, такъ и размноженіе стада, будетъ сопряжено со многими затрудненіями. Обыкновенно стадо разбивается на четыре отдѣленія: 1. матокъ, 2. дѣтятъ или молодыхъ животныхъ менѣе годоватаго возраста, 3. ярокъ, молодыхъ овецъ еще не бывшихъ въ случкѣ, отъ годоватаго до двухъ-лѣтняго возраста, и 4. валуховъ или скопцовъ, съ которыми въ малыхъ овчарняхъ, обыкновенно вмѣстѣ ходятъ и племенные бараны, если хозяинъ не предпочитаетъ присоединить ихъ къ дѣтятамъ, по крайней мѣрѣ на лѣто, для доставленія имъ хорошаго пастбища. Въ овчарняхъ, состоящихъ изъ большого числа животныхъ, какое можетъ быть прокормлено пастухами, а также и при неполномъ числѣ овецъ, если особенныя выгоды хозяина того требуютъ, учреждается еще пятое отдѣленіе, изъ животныхъ, бракуемыхъ ежегодно за старостью или слабостію, и поступающихъ въ прода-

жу или на откармливание. Сверхъ того, въ многочисленныхъ овчарняхъ, гдѣ, при такомъ раздѣленіи стада на четыре или на пять отдѣловъ, каждый отдѣлъ всё-еще можетъ быть слишкомъ великъ, отдѣленіе ягнятъ подразделяютъ на баранчиковъ и на ярочекъ, а отдѣленіе ярокъ на годовыхъ и двух-лѣтнихъ. Такимъ же образомъ составляется иногда особое стадо изъ племенныхъ барановъ, разво отъ валуховъ, а валухи раздѣляются по возрасту на ягнятъ, годовиковъ и много-лѣтнихъ. Эти дробныя подраздѣленія облегчаютъ присмотръ, кормленіе и вообще весь уходъ за овчарней, и на своемъ мѣстѣ, то есть, въ большихъ заведеніяхъ, необходимы; для малочисленныхъ же овчаренъ довольно и простаго раздѣленія на четыре или на пять отдѣловъ.

Во всѣхъ случаяхъ, лѣтомъ на пастбищахъ и зимою въ овчарнѣ, каждое отдѣленіе непременно должно быть содержимо особо. Для этого овчарня разгораживается подвижными перегородками. Перемѣщеніе животныхъ изъ одного отдѣленія въ другое производятъ весной, послѣ отлученія ягнятъ отъ матокъ. Тогда эти ягнята поступаютъ въ первое отдѣленіе, а прошлогодніе, которыя къ тому времени минетъ больше году, переводятся въ отдѣленіе ярокъ. Затѣмъ двух-лѣтнія ярки, если онѣ не были припущены на второмъ году, составляютъ особый отдѣлъ или, для избѣжанія слишкомъ многочисленныхъ раздѣленій, присоединяются къ племеннымъ маткамъ, съ которыми онѣ уже равняются въ силахъ; годовые же баранчики, которые еще осенью перваго года отдѣляются отъ ярочекъ и въ продолженіи зимы содержатся въ особой загородкѣ, весной поступаютъ къ валухамъ, съ которыми и пасутся лѣтомъ; а годовыхъ валуховъ всего лучше присоединять къ яркамъ. Что касается до бракуемыхъ застаростью животныхъ, то они или составляютъ, какъ сказано выше, особое стадо, если можно отвести имъ особое пастбище, или присоединяются къ одному изъ другихъ стадъ, впродъ до того времени, когда они должны поступить въ продажу или на особый кормъ для откармливанія.

Чтобы, при такомъ раздѣленіи стада, не смѣшать слишкомъ молодыхъ животныхъ со взрослыми и не оставить въ

овцаря старыхъ, которымъ должны уже наступить въ бракъ и продажу, надо умѣть узнавать лѣта овецъ, что дѣлается, какъ и у лошадей, по зубамъ. Овцы представляютъ собой ту особенность, что у нихъ въ верхней челюсти спереди совсѣмъ нѣтъ зубовъ, а только одна твердая и мозолистая десна; въ нижней же есть и передніе зубы, или, какъ ихъ называютъ, рѣзцы, числомъ восемь. Рѣзцы эти, а равно и двадцать коренныхъ зубовъ, ягненокъ приноситъ на свѣтъ при самомъ рожденіи; но въ первыхъ изъ нихъ, со второго по пятый годъ, происходитъ совершенная перемѣна: молочные рѣзцы, съ которыми ягненокъ родился, постепенно падаютъ, а вмѣсто ихъ вырастаютъ другіе, настоящіе. Разность между этими двумя родами переднихъ овечьихъ зубовъ состоитъ въ томъ, что молочные рѣзцы малы, тонки и кверху заострены, а настоящіе — толсты, длинны, и наверху не имѣютъ острой оконечности, но оканчиваются въ видѣ плоской лопатки, какъ у человека. Настоящіе передніе зубы у овецъ, съ семилѣтняго возраста, начинаютъ исподоволь портиться, притупляются, крошатся, и съ окончаніемъ десяти лѣтъ остаются отъ нихъ одни корешки. Исключенія изъ этого правила рѣдки.

Вырастаніе настоящихъ рѣзцовъ и порча ихъ совершаются періодически, всегда одинаковымъ образомъ. Въ первый годъ ягненокъ сохраняетъ все зубы, съ которыми онъ родился; но съ наступленіемъ второго года выпадаютъ два средніе рѣзца, и, вмѣсто ихъ, постепенно вырастаютъ другіе. Потомъ, съ наступленіемъ третьяго года, выпадаетъ съ каждой стороны этой средней пары еще по одному рѣзцу, которые также замѣняются новыми. Въ четвертомъ году происходитъ перемѣна третьей пары, а въ пятомъ перемѣна четвертой, и къ концу этаго пятаго года, овца напослѣдокъ имѣетъ все восемь рѣзцовъ новые, настоящіе. Такимъ образомъ первыя пять лѣтъ возрасту овцы могутъ быть опредѣлены со всею точностью и положительностью по числу молочныхъ и настоящихъ рѣзцовъ. Далѣе, шестой годъ возрасту узнается по тому, что въ этомъ году все зубы овцы находятся въ наилучшемъ своемъ состояніи: послѣдняя пара рѣзцовъ, въ продолженіи этого года, достигаетъ росту равнаго съ прочими; все зубы бываютъ одина-

перо бьют, бьют лица, и даже въ одностъ по сражаются и
 иная порча. Напротивъ того, съ наступленіемъ седьмого
 года, рожки начинаютъ измѣнять свой видъ: они становятся
 шире къ жеванью, и отъ осаданія десенъ они дѣлаются
 какъ бы длиннѣе. Главнѣйшій же признакъ наступившаго
 седьмого года состоитъ въ томъ, что средняя пара рожковъ,
 которая выросла первая, начинаетъ крошиться, такъ что,
 къ концу семи-лѣтняго возраста овцы, края обонхъ сред-
 нихъ рожковъ бываютъ изломаны. Съ наступленіемъ ос-
 мого года, порча этой пары увеличивается еще больше, и
 съ тѣмъ вместе обнаруживаются признаки такого же раз-
 рушенія на близлежащей парѣ, выросшей втеченіи третья-
 го года. На девятомъ году первая пара совсемъ выпадаетъ
 какъ отъ нея, такъ и отъ близлежащей второй пары,
 остаются одни корни, а въ то же время оказывается порча
 и въ двухъ крайнихъ паряхъ. Впродолженіи десятого года
 эти крайнія, послѣднія пары также выпадаютъ или совер-
 шенно ломаются, и съ окончаніемъ десяти-лѣтняго возра-
 сту, овца бываетъ вовсе лишена зубовъ, развѣ только тор-
 чить еще нѣсколько корешковъ.

Естественно, что, съ порчею зубовъ, овца становится
 трудно щипать траву, а еще труднѣе пережевывать наде-
 жащимъ образомъ сухой зимній кормъ, и потому-то старыя
 овцы вообще плохо ѣдятъ и худѣютъ, особенно зимой, ко-
 гда не получаютъ мягкой, легко пережевываемой травы.
 Впоследствии, съ выпаденіемъ всѣхъ зубовъ, животное да-
 же умираетъ отъ истощенія. По этой причинѣ, обыкновен-
 но, даже осьми-лѣтняго возраста, ни овцы ни бараны,
 для племени въ стада, не употребляютъ, но до наступленія
 совершенной дряхлости, откармливаютъ ихъ на-убой, такъ
 болѣе, что ослабѣвшія отъ порчи зубовъ матки плохо за-
 кармливаютъ своихъ агнать, если не поддерживать ихъ ко-
 рошми мягкой кормежъ, какъ-то картофелемъ и дружики
 кормоспособными растеніями и сытными мучными по-
 лемъ.

Какъ овцы не могутъ быть различимы между собой ни
 по какимъ естественнымъ наружнымъ признакамъ, пото-
 му-то у нихъ нѣтъ, то необходимо перемѣнить ихъ по-
 лическими знаками, какъ-то клеймомъ, или тифромъ и

тавро, и особенно для каждого животного, номеромъ, по которому бы оно могло быть узнаваемо какъ въ стадѣ, такъ и по конторскимъ бумагамъ. Безъ этихъ клеймъ и номеровъ, нельзя ни предохранить овецъ отъ подмѣны, ни вести аккуратныхъ списковъ о сортировкѣ и случкѣ, а следовательно, нельзя также управлять по своему произволу случкою и рационально улучшать свое стадо. Сверхъ того некоторые овцеводы означаютъ номерами и другими разными метками родословіе овецъ, годъ ихъ рожденія, и прочая. Въ эти знаки дѣлаются у овецъ на тѣлѣ, а у барановъ на рогахъ, просто посредствомъ красокъ или надрызгиваніемъ, выжиганіемъ, и такъ далѣе.

Въ испанскихъ стадахъ употребляютъ больше тавро, дѣлаемое смолистою краскою на рунѣ, гдѣ оно по-хуже. Основной составъ этой краски есть спускъ одной части смолы съ двумя частями говяжьего сала, или девяти частей сала съ одной частью дегтю. Впрочемъ объ эти смѣси удобно замѣняются варенымъ льнянымъ масломъ, употребляемымъ для приготовления лаку. Растопивъ подобную смѣсь, кладутъ въ нее нужное количество краски, соответственной избранному хозяйствомъ цвѣту, какъ-то сажн, охры, сурику, или чего другаго, и потомъ, обмакивая въ это кисть, пишутъ ею тавро и номеръ, на головѣ животного возлѣ носу или на крестцѣ. Знаки эти должны быть крупны, чтобы ихъ легко было видѣть въ некоторомъ разстояніи, но не слишкомъ велики, чтобы не портили шерсти, съ которой смолистый составъ смывается только посредствомъ горячей воды. Для лучшаго и скорѣйшаго производства дѣла, хорошо, вмѣсто кисти, употреблять деревянный или жѣлезный штампель, которымъ тавро можетъ печататься. По увѣренію господина Петри, знаки, дѣлаемые въ испанскихъ стадахъ смолистою краской, не сходятъ почти цѣлый годъ; но если бы они держались и не болѣе нѣсколькихъ мѣсяцовъ, то и этого уже было бы очень довольно, потому что ихъ можно возобновлять безъ всякаго мученія для животныхъ.

Болѣе прочныя знаки дѣлаются посредствомъ татуировки разными красками, на внутренней сторонѣ ушей или ладоней. По опытамъ оказалось, что на ладоняхъ эти знаки бы-

ваютъ прочнѣе чѣмъ на ухахъ, но зато на ухахъ они удобнѣе могутъ быть разсматриваемы. Татуировка, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, что, посредствомъ иглы или какого-нибудь другаго остроконечнаго инструмента, накалываютъ на кожу извѣстную фигуру, потомъ натираютъ это мѣсто краскою, и такимъ образомъ дѣлаютъ неизгладимый знакъ, потому что краска, проникнувъ въ ткань кожи, зарастаетъ въ ней и уже не можетъ быть смыта. Для татуированія овецъ употребляется особый снарядъ, состоящій изъ крѣпкихъ щипцовъ съ широкими плоскими губами, изъ которыхъ одна обложена гладкимъ деревомъ, а на другой сдѣланы по краямъ загибы, куда вдвигается деревянная пластинка съ желѣзными иглами, расположенными въ видѣ буквъ, цифръ, или другихъ какихъ-либо знаковъ. Иглы эти бывають толщиною въ обыкновенную толстую швейную иголку и торчатъ изъ дерева на нѣсколько линий. Приступая къ татуированію, прежде всего намазываютъ избранное мѣсто, внутреннюю сторону уха или лядви, но разумѣется такое, гдѣ нѣтъ волосъ, краскою изъ киновари, кубу, охры, или изъ пороху, разматаго на водкѣ въ видѣ теста; потомъ наставляютъ на это мѣсто игольчатый знакъ, и, сжимая щипцы, вдавливаютъ иглы въ кожу до крови. Каждая игла увлекаетъ въ произведенную собой ранку нѣкоторое количество краски, и эта краска остается тамъ навсегда. Надобно однако жъ остерегаться, чтобы не вдавить иглы слишкомъ глубоко, потому что въ такомъ случаѣ произойдетъ сильное кровотеченіе, которое смоешь краску, и наколотый знакъ впоследствии совсѣмъ зарстетъ и исчезнетъ. Чтобы краска лучше входила въ ранки, ее, по снятіи щипцовъ втираютъ, пальцами въ наколотое иглами мѣсто. Но вообще этотъ способъ клейменія сопряженъ съ хлопотами, а если не была при дѣлѣ соблюдена вся нужная точность, то и знаки черезъ нѣсколько времени изглаживаются.

Вмѣсто татуированія, Испанцы употребляютъ болѣе выжиганіе. Они выжигаютъ своимъ мериносамъ знаки на головѣ по-выше носу, посредствомъ раскаленнаго желѣзнаго штемпеля, точно такъ, какъ это дѣлается на нашихъ конскихъ заводахъ. Выжженный знакъ узнается впоследствии

по тому, что на немъ не растутъ волосы. Въ восточной Европѣ этотъ способъ клейменія овецъ не употребителенъ; бараны же и здѣсь все вообще клеймятся посредствомъ выжиганія знаковъ на рогахъ, пальца на четыре отъ лба.

Нѣкоторые овцеводы совѣтовали выжигать номера овецъ на копытахъ, но это не вринато, по той причинѣ, что такіе знаки, если они сдѣланы неглубоко, скоро заростають, а при глубокомъ прожиганіи копыта, легко повредить и самую ногу.

Въ германскихъ мериносовыхъ стадахъ употребительнѣйшій способъ нумерованія овецъ состоитъ въ дѣланіи насѣчекъ на краяхъ ушей и дирочекъ въ серединѣ ихъ. Эти дирочки и насѣчки имѣють тамъ особенное значеніе, смотря по тому, гдѣ онѣ сдѣланы, на правомъ ухѣ или на лѣвомъ, и на какомъ именно мѣстѣ: насѣчка, сдѣланная на лѣвомъ ухѣ, сверху, значитъ пять-сотъ, снизу — сто, а дирочка на серединѣ лѣваго уха — пятьдесятъ; насѣчка на правомъ ухѣ, сверху, означаетъ пять, снизу — одинъ, а дирочка на серединѣ — двадцать пять. Такими знаками можно выразить нумерацію отъ единицы до вѣсколькихъ тысячъ, но она причиняетъ боль довольно значительную. Если насѣчки имѣють достаточную величину, то онѣ очень прочны; но ежели онѣ малы, то случается, что и заростають. Впрочемъ принятіе этого способа нумераціи въ весьма многихъ овчарняхъ доказываетъ, что онъ удобнѣе и прочнѣе другихъ. Для показанія того, какъ выражаются разные номера посредствомъ дирочекъ и насѣчекъ, возьмемъ, напримѣръ, № 3381. Чтобы выразить этотъ номеръ, надобно сдѣлать:

На лѣвомъ ухѣ:

сверху,	насѣчекъ 6	=	3,000.
снизу,	3	=	300.
на серединѣ,	дирочку 1	=	50.

На правомъ ухѣ:

на серединѣ	1	=	25.
сверху,	насѣчку 1	=	5.
снизу	1	=	1.

Итого 3,381.

Нельзя можно вставлять просто ножомъ, но гораздо лучше выстать ихъ стальными инструментами; вставляя форму угла, накладывая ухо на деревянную колоду, устанавливая на него инструментъ, и потому ударил по инструменту молотомъ. Такимъ же образомъ можно пробивать и дырочки на серединѣ уха, употребляя къ тому круглый, трубообразный разецъ. Само собой разумеется, что чѣмъ острѣе употребляемые инструменты, тѣмъ меньше боли и муки животному.

Господинъ Петри, въ своемъ племенномъ стадѣ, заведъ особенную нумерацию; которою, кромѣ номеровъ, означаетъ и происхожденіе и лѣта животныхъ. Онъ пишетъ ее на маленькихъ овальныхъ деревянныхъ досчечкахъ, привѣшиваемыхъ на шею овцамъ, посредствомъ мягкой медной проволоки, которая обводится около шеи такъ плотно, чтобы овца не могла ее скинуть. Въ этой нумерации есть всѣ главныя, для овцевода необходимыя, указанія. Господинъ Петри принялъ за основную аксіому, что стадо втеченіи семи лѣтъ почти совершенно перерождается, потому что всѣ матки, въ продолженіи этого періода, должны выбѣть изъ стада, частью по случаю смерти, а частью въ бракъ. Затѣмъ онъ раздѣляетъ все время существованія своей овчарни, содержимой по правиламъ самолучшенія, на семи-лѣтніе періоды, и означаетъ ихъ римскими цифрами, а каждый годъ періода латинскою буквою, начиная съ *a* до *g* включительно. Названіе племеннаго стада, откуда первоначально приобрѣтена порода каждаго животного, выражена у него начальною буквою, которая постоянно передается всему потомству. Наконецъ каждое животное имѣетъ еще свой текуцій номеръ. Такъ-какъ стадо господина Петри заведено въ 1803 году, то первый періодъ продолжается у него по 1810 годъ, второй съ 1810 по 1817, третій съ 1817 по 1823, и такъ далѣе. Испанскія овчарни, съ которыхъ онъ приобрѣлъ своихъ племенныхъ овецъ, инфантадо, негретти и гваделупа, означаются буквами И, Н, Г. Вслѣдствіе того, первое поколѣніе его стада получило на одной сторонѣ досчечки римскую цифру I и подъ ней букву И, Н или Г, смотря во племенн; а на другой сторонѣ текучіе номера 1, 2, 3, и такъ далѣе, и подъ номерами букву *a*, *b*, *c*, что означаетъ

годъ этого періода. У слѣдующихъ поколѣній, принадлежащихъ къ другимъ періодамъ, перемѣняются только римскія цифры. Такимъ образомъ, для означенія, напримѣръ, что такая-то овца родилась въ 1822 году, отъ породы инфантадо, и состоитъ подъ № 35, господинъ Петри пишетъ на досечкѣ, съ одной стороны И/III, а съ другой 35//f. Само собой разумѣется, что каждый хозяинъ, желающій подражать этому способу, долженъ означать свои періоды съ того году, съ котораго начинается существованіе его стада. Способъ этотъ хорошъ особенно тѣмъ, что онъ не причиняетъ животнымъ ни какого терзанія, и, кромѣ номера, означаетъ возрастъ и происхожденіе каждой овцы. Но говорятъ, что деревянныя досечки; часто трескаются и ломаются, если дерево не совсемъ суков.

Въ книгахъ, опредѣленныхъ для записыванія приплода племенныхъ овчаренъ и служащихъ родословною каждому животному, противъ номера всякой овцы пишется, въ особые графы, номера ея отца и матери, потомъ качества кожи при ея рожденіи, то есть, гладкая она была или складчатая, съ шерстью или съ волосами, наконецъ достоинства этой овцы по первой сортировкѣ, и, въ особыхъ примѣчаніяхъ, куда она поступила. Такимъ же порядкомъ ведутся и книги о баранахъ, назначаемыхъ для племенн.

БАРОНЪ ОНДОРЪ УНГЕРНЪ-ШТЕРНБЕРГЪ.

=

НОВОЕ ЗЕМЛЕДѢЛЬЕ,

БЕЗЪ ЗАПАШКИ, БЕЗЪ УДОБРЕНІЯ, И ДАЖЕ БЕЗЪ ЗЕМЛИ.

Французскіе журналы съ восторгомъ говорятъ о новомъ земледѣльческомъ открытіи, которое называютъ они *самымъ чудеснымъ и самымъ необычайнымъ* въ мірѣ. Дѣло идетъ о «легкомъ, вѣрномъ и испытанномъ способѣ получать самыя богатыя жатвы хлѣба, безъ сохи, безъ бороны, безъ навозу, на самой негодной землѣ, не опасаясь ни засухи ни дождливой погоды». Процессъ не новъ и успѣхъ его, въ большомъ видѣ, очень сомнителенъ; однако жъ, для любопытства нашихъ сельскихъ хозяевъ, мы расскажемъ въ чемъ онъ состоитъ. Въ усовершенствованномъ сельскомъ хозяйствѣ можно было бы воспользоваться имъ въ извѣстныхъ случаяхъ и до извѣстной степени.

Господа Paillard и Bernard, изъ Бреста, будучи увѣрены, что земля, для жизни растеній, нужна только потому чтобы доставить имъ точку опоры, разсудили, что если бросить зерна на невспаханную землю, на голый песокъ, на камень, и потомъ покрыть ихъ слоемъ соломы, мху или болотной травы, толщиною въ одинъ дюймъ, то они должны произрастать такъ же хорошо какъ на самой отличной почвѣ. Они избрали два квадрата выпаханной и бесплодной земли, давно не получавшей навозу, каждый около ста квадратныхъ футовъ поверхности, одинъ изъ нихъ даже уколотили они какъ садовую дорожку, чтобы не было ни какого сомнѣнія, посѣяли прошедшею осенью на одномъ изъ нихъ рожь, а на другомъ пшеницу, и покрыли эти посѣвы слоемъ соломы. Чтобы еще лучше доказать бесполезность «земныхъ соковъ» для растеній, они возлѣ засѣяли рожью и

пшеницей оконныя стекла, положенныя на земля и также покрытыя соломою. Вскорь все это прекрасно зазеленло. Зимой, окрестная земля промерзла на четверть аршина послѣ проливныхъ дождей, и этотъ ледъ повредилъ сосѣдніе посѣвы, а зерна подъ соломою все уцѣляли. Весною и лѣтомъ, засуха довершила истребленіе обыкновенныхъ посѣвовъ, а подъ соломою во все время сохранялась благодатная сырость. Господа Paillard и Bernard собрали съ ней богатѣйшую жатву ржи и пшеницы : многія соломины достигли шести футовъ въ вышину ; въ колосьяхъ найдено по пятидесяти, шестидесяти, а въ нѣкоторыхъ до осьмидесяти, зернъ. Народъ стекался изъ всего околотка, чтобы любоваться на это великолѣпное зрѣлище. Особенно удивлялъ всѣхъ богатый видъ злаковъ, выросшихъ на стеклѣ, которымъ корни этихъ растеній были совершенно отдѣлены отъ земли, такъ, что здѣсь уже невозможно было предполагать со стороны почвы ни какого содѣйствія къ ихъ питанію.

Тысячу возраженій можно сказать въ одно мгновеніе противъ такого земледѣля, однако жъ, въ нашемъ вѣкѣ не должно пренебрегать ни какой новой мысли, представляющей полезное примѣненіе хоть къ нѣкоторымъ случаямъ. Много удивительнаго по своей простотѣ предоставлено еще открыть челоуѣку : способы отцовъ нашихъ далеко не такъ просты какъ кажется. Со времени всеобщаго потопа донинѣ, люди были увѣрены, что нельзя прясть иначе какъ съ помощію веретена или, всё-равно, шпули, которая при каждомъ своемъ поворотѣ, закручиваетъ нитку только одинъ разъ. Чтобы получить на ниткѣ много закрутовъ въ короткое время, люди нѣсколько тысячъ лѣтъ ухищрались на средства вертѣть веретена какъ-можно быстрее ; а между-тѣмъ мирный житель Петровскаго Острова, А. О. Графъ, доказалъ имъ, что веретено для пряжи не нужно, бесполезно и убыточно, и что можно гораздо проще, въ одинъ поворотъ рукоятки, закрутить нитку въ нѣсколько тысячъ разъ. Такое же чудо можетъ еще быть открыто и въ хлебопашествѣ. Что если съ помощію мху, болотной травы или тонкихъ пластинокъ торфу, которыми такъ щедро надѣлила природа наше отечество, можно будетъ сълѣать урожайными большія полосы нашихъ песковъ или замѣнить

хоть отчасти на выпаханныхъ земляхъ общій у насъ недостатокъ въ навозъ? Способъ, предлагаемый брестскими любителями сельскаго хозяйства, требуетъ и заслуживаетъ прилежныхъ опытовъ, и притомъ въ нихъ не должно ограничиваться первою неудачею. Если вѣрить теоріи господина Либиха, то, въ результатъ, удобреніе навозомъ содѣйствуетъ къ успешной жизни растеній только тѣмъ, что придаетъ почвѣ способность лучше сберегать въ себѣ влажность. Поэтому, мысль брестскихъ испытателей была бы совершенно согласною съ заключеніями химіи. Если успѣхъ жатвъ зависитъ не отъ разрыхленія унавоженной почвы, но просто отъ сбереженія въ ней влажности, такъ зачѣмъ же и пахать землю, зачѣмъ ее унавоживать, зачѣмъ стремиться окольными путями къ цѣли, которой можно достигнуть прямою дорогою? Лучше заняться изысканіемъ самыхъ простыхъ средствъ къ сохраненію влажности въ землѣ, а самое простое средство, безспорно, состоитъ въ прикрытіи ея чѣмъ-нибудь свободно пропускающимъ воздухъ. Пробуйте, пытайтесь!

=

няя всегда изъясненія догматовъ съ нравственнымъ увѣщаніемъ.»

Слухъ о проповѣдническихъ подвигахъ Іоанна вскорѣ дошелъ до Константинополя, и когда тамъ очистилась святительская кафедра, клиръ и народъ, вмѣстѣ съ императоромъ Аркадіемъ, единодушно предложили ее знаменитому антиохійскому пресвитеру. Но не легко было вызвать Іоанна изъ Антиохіи: народъ такъ привязанъ былъ къ любимому проповѣднику, что не безъ основанія опасались всеобщаго возстанія, если бы Златоустъ явно оставилъ городъ. Прибѣгли къ хитрости. Евтропій, царскій сановникъ, написалъ къ восточному епарху, чтобы онъ тайнѣ прислалъ Іоанна. Епархъ вызвалъ святителя въ предметіе города, насильно посадилъ на колесницу, и подъ стражею отправилъ въ Константинополь. Соборъ первостепенныхъ епископовъ, созванный Аркадіемъ, рукоположилъ Іоанна намѣсто Нектарія, прежняго царьградскаго архіепископа. Первая проповѣдь новаго святителя уже обратила на него всеобщее вниманіе. Поручая себя любви народной, Іоаннъ въ то же время загремѣлъ обличеніями противъ еретиковъ, еще сильныхъ тогда въ столицѣ. Указы императора въ пользу церкви и противъ ея отступниковъ, немедленно отзывались на рѣчь Златоуста.

Утвердившись на святительской кафедрѣ, Іоаннъ ревностно занялся исправленіемъ нравовъ собственнаго духовенства, обличеніемъ грубыхъ, чувственныхъ пороковъ, и корыстолюбія. Не щадилъ онъ и сильныхъ земли, утопавшихъ въ роскоши, и съ особенной силою возставалъ противъ народныхъ зрѣлищъ и ристалищъ. Рѣзкостью такихъ обличеній, Златоустъ возбудилъ противъ себя враговъ и въ духовенствѣ и въ мірянахъ. Особенно ненавидѣлъ его готскій вождь Ганнасъ, заступившій при дворѣ мѣсто Евтропія, и императрица Евдокія, зараженная аріанствомъ. Изъ духовен-

ства, въ челѣ недовольныхъ Иоанномъ, стоялъ Теофила, александрійскій епископъ, котораго Златоустъ возбудилъ противъ себя покровительствомъ особъ, подвергшихся несправедливому гнѣву Теофила. Ненависть враговъ вскорѣ обнаружилась нелѣпыми клеветами на Иоанна : его обвиняли въ гордости, въ жестокомъ обращеніи съ клириками, въ расхищеніи имуществъ, даже въ нечистой жизни, которая однако жъ вся протекла въ подвигахъ постническихъ, и наконецъ въ покушеніи возмутить пародъ. Оправдываясь въ этихъ клеветахъ, Иоаннъ между прочимъ говоритъ :

«Знаете ли, братія, за что хотятъ меня низвергнуть? За то, что неимѣю у себя нышнихъ тканей, не облакаюсь въ шелковыя ризы, и не даю пиршествъ. Порожденіе эхинино преобладаетъ; есть еще остатокъ племени Исавелина, и борется съ духомъ Или. Нынѣ время плача и безчинія : опять Иродіада бѣсится, опять она пляшетъ и требуетъ главы Иоанна!»

Враги Златоуста отнесли эти слова къ царицѣ и угрожали ея наказанъ возмутителя. Между-тѣмъ Теофила созвалъ въ Халкидонѣ соборъ, и тамъ, заочно, осудилъ Иоанна, когда тотъ не явился на зовъ неправедныхъ судей. Приговоръ поднесли императору, и Аркадій велѣлъ изгнать святителя изъ Константинополя. Но на этотъ разъ изгнаніе продолжалось только одинъ день. Страшное землетрясеніе, случившееся въ слѣдующую ночь, взволновало народъ, который видѣлъ въ этомъ явленіи гнѣвъ Божій за неправедное наказаніе праведника. Громко требовали возвращенія архипастыря, и сама царица написала къ Златоусту письмо, въ которомъ умоляла его поспѣшить въ столицу. Иоаннъ возвратился. Враги разсѣялись, но не надолго. Черезъ два мѣсяца начались новыя козни. Передъ храмомъ Святой Софїи поставили на мраморномъ пьедесталѣ серебряную статую императрицы. Увеселенія по поволу

открытія этого памятника, соединенныя съ пѣснями и плясками, нарушали порядокъ богослуженія внутри церкви, и ревностный пастырь, съ обыкновенною смѣлостію, обличилъ такое неумѣстное ликованіе. Раздраженная Евдокія опять вооружилась противъ святителя. Судъ продолжался около году, и Златоуста снова приговорили къ изгнанію. Сперва сослали его въ Кукузу, небольшой городъ въ Малой Арменіи, потомъ въ крѣпость Арабиссу, также въ малой Арменіи, и наконецъ въ пустынное мѣсто Пнеіонъ. Но архипастырь не дохалъ до мѣста изгнанія, и умеръ на дорогѣ.

Между-тѣмъ какъ угасалъ на востокъ этотъ великій свѣтильникъ церкви, на западѣ, послѣ Амвросія Медиоланскаго и Августина, явился еще знаменитый подвижникъ христіанства, блаженный Иеронимъ. Этотъ святитель родился въ Далмаціи, и первоначальное образованіе получилъ въ Римѣ. Въ юношескихъ лѣтахъ онъ отправился на востокъ и погрузился на-время въ пустыни сирійскія, уже наполненныя тогда отшельниками. Здѣсь особенно занялся онъ изученіемъ еврейскаго языка, съ котораго впоследствии перевелъ Библию на латинскій. Но, и при ученыхъ трудахъ, не легко было заглушить требованіе чувственной природы. Собственная исповѣдь Иеронима можетъ засвидѣтельствовать, какъ жестоко было для него отреченіе отъ свѣта.

«О, сколько разъ, скитаясь въ безпредѣльной пустынѣ, опаленный знойнымъ солнцемъ, я воображалъ себя наслажденія Рима! Одинокъ сидѣлъ я, исполненный горькихъ думъ; прахомъ обезображенъ былъ ликъ мой, зѣионскою чернотой покрылась кожа; роскошью была бы мнѣ прохладная струя. Когда же сонъ одолевалъ борящееся съ нимъ тѣло, одна кость со стукомъ ложилась на землю, и я, заключившись страха-ради геенны въ подобающую темницу, я, сожителемъ звѣрей и скорпіоновъ, еще могъ иногда перепосѣться мыслями въ хоромы дѣвъ; ликъ мой, умерщ-

вѣнныи постами, еще прежде смерти отжилъ, но въ хладномъ тѣлѣ кипѣли страстные порывы, ... Такъ, лишении всякой помощи, припадалъ я къ Спасителю; я проливалъ слезы, я рвалъ волосы, семидневнымъ голодомъ сокрушалъ свою плоть. Помню, какъ часто ночь заставляла меня, бѣжащаго себя въ перси, доколѣ не водворилось въ нихъ желанное спокойствіе; я даже страшился своей келліи, какъ свидѣтеля нечестивыхъ помысловъ, и въ брани самъ съ собою погружался въ пустыню. Во глубинѣ долинъ, на вершинѣ горъ, въ ущелии утесовъ, искалъ я мѣста молитвы, мѣста казни бдѣтельной моей плоти, и тамъ, сквозь пелену текущихъ слезъ, прищипнувъ взорами къ неподвижному небу, я мнилъ себя въ ликахъ ангельскихъ, и радостно раздѣлялъ ихъ дивныя гимны.»

Иеронимъ жилъ въ эпоху паденія римской имперіи. Вѣчный городъ колебался подъ ударами варваровъ, которые несмѣтными толпами нахлынули на рубежи римской имперіи. Изъ глубины вѣнлеемскаго вертепа, Иеронимъ съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ изобразилъ горькую картину своего вѣка.

«Не одни частныя бдѣствія занимаютъ меня: я обмываю несчастную судьбу всѣхъ людей. Сердце содрогается, когда посмотришь на гибельные слѣды разрушенія, постигшаго нашъ вѣкъ. Уже болѣе двадцати лѣтъ, каждый день льется римская кровь, между Константинополемъ и Альпами. Изъ Скиѣи, Фракіи и Македоніи, по Ахаіи, Эпиру и Далмаціи, по верхней и нижней Панноніи, и Готѣ и Сарматѣ, и Квадѣ и Аламанъ, и Гунны и Вандалы и Маркоманы производятъ опустошеніе, насліе, грабежъ. Сколько почтенныхъ женъ, сколько дѣвъ, посвятившихъ себя Богу, сколько чистыхъ и благородныхъ душъ обругано ими! Епископы увлечены въ позорный пленъ, пресвитеры преданы мечу, весь клиръ разсыянъ; храмы Божіи разрушены, алтари Христовы превращены въ стойла, останки мучениковъ выконаны изъ гробовъ. По всѣмъ странамъ раздаются вопли, повсюду слышны стenanія, вездѣ видѣтъ образъ смерти; держава римская колеблется, и только навѣсѣ гор-

дость заставляетъ насъ подымать главу на развалинахъ своей имперіи. Гдѣ теперь доблести Коринтецъ, Афинянь, Спартанцевъ и Аркадянъ? гдѣ слава цѣлой Греціи?... Все исчезло подъ ягомъ варваровъ!

«Но я упомянулъ еще о немногихъ городахъ, пользовавшихся некогда правомъ независимости. Казалось, одинъ Востокъ не чувствовалъ всеразрушающихъ ударовъ: его тревожили только одни слухи о распространяющихся ужасахъ. Но вотъ, въ протекшемъ году, съ дикихъ вершинъ Кавказа, устремились на насъ уже не аравійскіе, но свѣршныя волки, и пронеслись быстро по странамъ Востока. Сколько обитателей сдѣлалось ихъ добычею! сколько рѣкъ потекло кровію человѣческою! Антиохія уже въ осадѣ у нихъ; всѣмъ городамъ по Галису, Цинду, Оронту и Евфрату, угрожаетъ ихъ оружіе; народы толпами отводятся въ павнь; страхъ оковалъ Аравію, Финикію, Палестину и Египеть.... Нѣтъ! если бы я имѣлъ даже тысячу языковъ и тысячу устъ, если бы даже голосъ мой былъ звученъ, какъ труба, я и тогда не могъ бы возвѣстить о всѣхъ казняхъ карающаго Промысла; но я пишу не исторію и слегка коснулся только нашихъ бѣдствій, чтобы ихъ оплакать.

«И при всемъ томъ мы еще хотимъ жить; мы даже плачемъ, а не радуемся объ участи тѣхъ, копѣхъ взоръ закрытъ для этихъ плачевныхъ зрѣлищъ. Давно уже чувствуемъ надъ собою тяжесть гнѣва небснаго, и однако же не думаемъ преклонять на милость Бога. Чтѣ, если не наши преступленія, сдѣлало дерзостными варваровъ? за чтѣ, если не за наши беззаконія, поражается всюду римское воинство? А мы вездѣ мечтаемъ торжествовать своими силами, и вездѣ падаемъ..... Какой стыдъ! какое неимоверное омраченіе ума!

«Повѣствуютъ, что Ксерксъ, тогъ могущественный государь, который срывалъ горы съ основанія ихъ и пролагалъ пути черезъ моря, когда съ высокаго холма окинулъ взоромъ несмѣтные полки свои, — прослезился при одной мысли, что, по истеченіи ста лѣтъ, изъ всѣхъ тысячъ, собравныхъ предъ его лицомъ, никто не останется въ живыхъ. О, если бы и мы могли вознестись на такую высоту,

съ второй бы видѣть былъ весь шаръ земной! Я показала бы, какъ одни племена стираютъ другія съ лица земли, какъ царства рушатъ царства, какъ одни надыхаютъ среди мучительныхъ пытокъ, другіе падаютъ подъ ударами меча; тѣ погибаютъ въ волнахъ, другіе увлекаются въ тяжкую неволю; въ одномъ мѣстѣ раздаются брачныя пѣсни, въ другомъ плачевные вопли; одни радуются, другіе умираютъ; одни утопаютъ въ удовольствіяхъ, другіе томятся въ нищетѣ; наконецъ, ты вообразилъ бы себя, что не тмочисленные полчища Ксерксовы, а обитатели всего шара земнаго, которые живы въ настоящую минуту, въ скоромъ времени скроются съ лица земли. Но какъ изобразить эту страшную превратность вещей?... Слово мое безсильно!»

Вскорѣ отшельникъ получилъ страшную вѣсть, что Римъ, послѣ двукратной осады, палъ подъ ударами Аларика, предводителя Готтовъ. Тогда опять, горькимъ словомъ, разразилось сокрушенное сердце Иеронима:

«Нѣтъ ничего могущаго имѣть конецъ, что бы могло назваться долговѣчнымъ, и ничто для насъ все мимотекшее время, если мы не имѣемъ передъ собою цѣлую вѣчность. Весьма давняя истина: все, что родится, должно умереть, и что растеть—состариться, и нѣтъ такого дѣла рукъ человѣческихъ, которое бы въ свой урочный часъ не погибло рукою времени. Но ахъ! кто бы подумалъ, что и самый Римъ, возвеличившійся добычею вселенной, нѣкогда падеть, и бывъ матерію народовъ, сдѣлается ихъ гробомъ, и что поморія Африки и Востока исполнятся бѣгущими изъ развалинъ всемірной столицы, и что даже убогій пріютъ вилеємскій дастъ у себя пристанище богатѣйшимъ, именитѣйшимъ гражданамъ всея земли.... О суета суетъ и всяческая суета!»

Этотъ короткій очеркъ содержанія книги, состоящей почти изъ пяти сотъ страницъ, можетъ дать только слабое понятіе объ ея важности для христіанскаго читателя и объ ея литературныхъ достоинствахъ. Но предѣлы статьи не позволяютъ намъ входить въ боль-

нія подробности. По прочтеніи «Четырехъ первыхъ вѣковъ христіанства» всякой пожелаетъ, чтобы краснорѣчивый авторъ этого прекраснаго творенія захотѣлъ продолжать трудъ, начатый столь блистательно, и въ полной исторіи христіанской церкви доставилъ намъ достойное дополненіе къ ветхозавѣтной исторіи преосвященнаго Филарета.

«Исторія Россійской Церкви», того же писателя, которую мы теперь встрѣчаемъ во второмъ изданіи, уже давно извѣстна всѣмъ нашимъ читателямъ. Авторъ обогатилъ эту короткую, но превосходную книгу, двумя чрезвычайно любопытными «прибавленіями», изъ которыхъ одно носитъ заглавіе — «Пришествіе патріарха Ереміи въ Россію», а второе — «Пришествіе митрополита Діонисія». Объ эти статьи извлечены изъ современныхъ актовъ, хранящихся въ Патріаршей Библіотекѣ, и относятся къ учрежденію патріаршаго сана въ Россіи. Извѣстно, что автору «Исторіи Россійской Церкви» принадлежитъ возстановленіе, въ настоящемъ видѣ, этого важнаго историческаго факта, который многіе исказили произвольными предположеніями, и эти «прибавленія» служатъ официальнымъ подтвержденіемъ сказаннаго имъ прежде, что избраніе митрополита Іова въ патріархи было прямымъ слѣдствіемъ благочестивой мысли набожнаго царя Θεодора Іоанновича возвеличить санъ всероссійскихъ митрополитовъ, а не результатомъ какихъ-то политическихъ видовъ Бориса Годунова. Эта мысль родилась въ душѣ монарха, услаждавшаго душу великолѣпіемъ церковныхъ обрядовъ, еще въ 1585 году, по поводу пріѣзда въ Москву антиохійскаго патріарха Іоакима. Спустя два года, пришелъ въ Россію за милостынею другой восточный патріархъ, Іеремія константинопольскій, и царь пожелалъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы привести мысль свою въ исполненіе. Еремія написалъ къ нему граммату изъ Смоленска.

«Царь Феодоръ Юлидовичъ, получивъ вѣсть отъ воеводъ и грамату святительскую, немедленно отправилъ въ Смоленскъ, на встрѣчу патріарха, почтеннаго пристава Семѣя Пушечникова, съ указомъ къ воеводамъ, чтобы отпустили съ честію къ Москвѣ святѣйшаго Іеремію и пришедшихъ съ нимъ, и дали имъ въ дорогу почетный кормъ и подводы, и дѣтей боярскихъ изъ Смоленя для провожанія, а епископу Сильвестру указалъ принять патріарха въ соборъ пресвятыя Одигитріи Смоленскія, съ возможнымъ благопріемъ, какъ бываетъ при встрѣчѣ митрополитовъ всероссійскихъ; и чтобы въ церкви было людно и шардно; и отъ себя велѣлъ послать также почетный кормъ къ патріарху и къ митрополиту и къ архіепископу. Но, изъявивъ благочестіе свое, радушнымъ пріемомъ великаго святителя, не оставилъ прозорливый самодержецъ принять и нужныхъ мѣръ правительственной предосторожности. Въ граматѣ царской къ воеводамъ смоленскимъ изъявлено неудовольствіе за ихъ оплошность, ибо узнали они о приходѣ патріаршемъ тогда только, когда пришелъ уже въ ихъ пристань, а отъ рубежа литовскаго до семидесяти верстъ шелъ онъ какъ-бы чужою землею, нигдѣ не встрѣчая стражи, чего не бывало прежде; да и не спросили, какимъ обычаемъ проѣхалъ онъ чрезъ литовскую землю, и съ приговоромъ ли всѣхъ патріарховъ оставилъ Царьградъ, и о самой встрѣчѣ не извѣстили Государя. Разспрашивать же о томъ патріарха болѣе имъ не вѣльно, но только впредь быть осторожнѣе и прислать на казенный дворъ опись всего товару и имущества, которое съ нимъ и у людей его. И приставу дана отъ государя память, какъ привѣтствовать патріарха, и съ возможною бережностью и почестью ему сопутствовать; надорогъ же стараться вывѣдать тайно отъ старцевъ его и людей: съ чѣмъ идетъ къ Государю святѣйшій Іеремія? и имѣеть ли какое слово къ нему отъ прочихъ патріарховъ? и кто на его мѣсть сталъ въ Царьградъ? и гдѣ Феодосіосъ, который прежде него былъ патріархомъ? и кто изъ нихъ двухъ по возвращеніи его будетъ патріаршествовать? И о томъ вѣльно разспросить: послана ли куда рать турскаго салтана? есть ли война съ кизилбашскимъ шахомъ, и въ миру ли съ франскимъ и съ испанскимъ королемъ и съ це-

судить? А какъ шель патриархъ черезъ литовскую земля, выдалъ ли короля и кто тамъ нынѣ, и былъ ли у Пяновъ Ряды? и что выдаетъ вѣстей литовскихъ, и есть ли съ нимъ литовскихъ людей? Обо всемъ подробно должно быль онъ извѣстить Государя, съ пути отъ Можайска и еще съ послѣдняго стана подъ Москвою, гдѣ ждуть разрѣшенія о въѣздѣ.

«Послѣ десяти-дневнаго шествія (іюля 13), другой почетный приставъ, Григорій Нащокинъ, встрѣтилъ патриарха у самой столицы, на перевозѣ Дорогомиловскомъ черезъ Москву-Рѣку, и, спросивъ о здоровьи отъ лица Государева, равно митрополита и архіепископа, повелъ ихъ лучшими мѣстами, мимо дровянаго двора, черезъ слободы стрельцкія, подлѣ города въ Тверскія Ворота; съ Тверской же Улицы, житнымъ дворомъ мимо пушкарскаго двора на Рязанское Подворье. Тамъ велѣно устроить ихъ съ возможною почестью и до царскаго приѣма никого къ нимъ не допускать изъ Грековъ или прочихъ иноземцевъ, кромѣ посылаемыхъ отъ бояръ и властей духовныхъ съ кормами почетными; а всѣхъ людей волошскихъ и литовскихъ, съ ними пришедшихъ, отвести на Литовскій Гостиный Дворъ; приставамъ же вѣдаться только съ думою боярскою и ничего не предпринимать безъ посольскаго дьяка Андрея Щелкалова.

«Спусти неделю (іюля 21), въ день воскресный, велѣлъ Государь патриарху цареградскому быть у себя на дворѣ; и патриархъ съ торжествомъ въѣхалъ въ Кремль, на ослати, и слѣзъ на рундукъ у собора Благовѣщенія, а митрополитъ и архіепископъ сошли съ лошадей, не дозжая, въ сопровожденія своихъ приставовъ. Дѣти боярскіе и люди приказные, въ золотномъ платьѣ, стояли по ступенямъ высокаго крыльца, гдѣ ожидала первая встрѣча: думный дворянинъ Татищевъ съ дьякомъ дворцовымъ Тиуновымъ, и въ проходной палатѣ у средней лѣстницы, гдѣ второй разъ встрѣчали околичничій князь Петръ Лобановъ-Ростовскій и дьякъ разрядный Сапунъ Ивановъ. Въ красномъ углу златой подписной палаты, на драгоценномъ престолѣ, сидѣлъ самъ благовѣрный Государь, въ вѣнцѣ и царской одеждѣ,

* Та есть: госслодъ (членовъ) королевскаго совѣта.

съ богате повелѣнныя снитромъ въ рукахъ , шваъ водаъ себя алатую державу съ изображеніемъ всаъ вселенныа. При неаъ были всаъ его бояре, и кокольчичіи и дворяне, въ золотомъ пласть. Казначей Траханіотовъ явилъ ему пришествіе патріаршее, возгласивъ громко: «Святѣйшій Іеремія, патріархъ цареградскій, и митрополитъ монемвассійскій Іеросей, тебѣ Государю ударили челомъ.» Тогда Царь всталъ съ своего мѣста и за пол-сажени встрѣтилъ патріарха; святитель же сперва воздадъ чествованіе святой иконѣ Владычицы Небесной, которая сіяла блескомъ драгоценныхъ камней надъ самымъ престоломъ, изъ-подъ его богатой сѣни; потомъ же, поднявъ горь руки, вознесъ теплую молитву о здравіи, многолѣтн царскомъ, о прославленіи имени его на востокъ и западъ, о дарованіи ему благословенной отрасли, и осѣнилъ крестообразно преклоненную боговъчанную главу его.

«Въ свою чреду помолился царь о исполненіи надъ нимъ святительскихъ обѣтованій, и возблагодаривъ его, молвилъ: «Въ часъ добрый святыня твоя посѣтила наше царство при моей державѣ: какъ миловалъ тебѣ Господь на пути?» Патріархъ же отвѣтствовалъ: «Божіею милостью и твоимъ Государевымъ жалованьемъ, дошелъ до царствія твоего здорово, и всаъ труды мои позабылъ, когда увидѣлъ твои царскія очи.»

«Тогда поднесъ Государю дары свои, въ благословеніе, панагію златую съ частями животворящаго креста, ризы Господней и Богоматери внутри ея, и съ частью орудій Божественныхъ страстей копія, трости, гумы, терноваго вѣнца; также и святыя мощи въ серебряномъ кіотѣ: руку равноапостольнаго царя Константина, которую взялъ изъ сербскія земли салтанъ Солиманъ и даровалъ нѣкогда бывшему патріарху Іереміи въ соборный храмъ Богоматери, и руку Святаго Іакова, одного изъ числа сорока мучениковъ севастійскихъ. Другая златая панагія и мощи святыхъ мучениковъ Соломоніи и Марины Антиохійскія, назначены были въ благословеніе христіолюбивой царицѣ Иринѣ.

«Государь повелѣлъ принять священныя дары казначею Траханіотову, и, возсѣвъ на престолъ, указалъ патріарху сѣсть на скамью подъ себя съ правой руки, по-одалъ же

митрополиту и архіепископу; и казначей явилъ жалованію царское : патріарху двойной серебряный кубокъ и четыре портища разноцвѣтнаго рытаго бархату, камку и два-сорокъ соболей и деньгами триста рублей; а митрополиту отнесоли на подворье кубокъ серебряный, три портища бархату, камки и объари, сорокъ соболей и пятьдесятъ рублей деньгами; аlassонскому же архіепископу не дано жалованья отъ царя, ибо однажды онъ былъ уже въ Москвѣ и тогда дарована ему богатая милостыня отъ царя Іоанна Васильевича; но съ тѣхъ поръ, проживая въ землѣ литовской, не возвращался онъ въ свою церковную область.

«Тогда посольскій дьякъ Андрей Щелкаловъ говорилъ отъ имени царскаго, что по собственному желанію патріарха, вельно перемолвить съ нимъ ближнему боярину и конюшему, шурину государеву, намѣстнику казанскому, и астраханскому, Борису Феодоровичу Годунову, и что щедрый Государь посылаетъ ему на подворье со стола своего трапезу. А святѣйшій Іеремія, еще однажды благословивъ царя, вышелъ съ своими приставами и всеми сопутниками въ малую отвѣтную палату, куда послѣдовалъ за нимъ бояринъ Годуновъ съ двумя дьяками. Тамъ Щелкаловъ явилъ его патріарху, и Борисъ Феодоровичъ, принявъ благословеніе, спросилъ о здоровьи святительскомъ и внялъ отвѣту: «Милостію Божіею мы ѣхали здорово, но большее мое здоровье то, что видѣлъ святлыя царскія очи.»

«Оба съи, также и дьяки съ разрѣшенія патріаршаго, архіереевъ же и старцевъ его выслалъ бояринъ въ другую проходную палату и говорилъ ему, что по волю государя и собственному его желанію, изъявленному чрезъ приставовъ, посланъ онъ посовѣтовать съ нимъ о нѣкоторыхъ дѣлахъ, и просилъ извѣстить о винѣ своего пришествія и о томъ : кто въ Цареградѣ патріархъ въ его отсутствіе? также о странствіи своемъ черезъ литовскую землю и разговорахъ съ Панами Рады и канцлеромъ? Патріархъ отвѣтствовалъ :

«Былъ я на патріаршествѣ въ Царьградѣ, и по моимъ грѣхамъ и ради грѣха всего христіанства греческаго, возмущался салтанъ турскій на Церковь Божию. Виною же

всему Гречанинъ, бывшій у меня подъ началомъ, который бѣжалъ и обусурманился и сдѣлался кануджи у салтана; онъ началъ наносить ему многія ложныя слова на меня и возводить великія богатства и сокровища, и обличать великое украшеніе въ той церкви, гдѣ прежде меня жили патріархи, говоря, что утвари сей нѣтъ цѣны и числа. Къ тому же сталъ и Θεоплитосъ подкупать пашей, чтобы учинилъ его въ Царьградъ патріархомъ, а онъ будетъ давать салтану, сверхъ прежней дани, двѣ тысячи золотыхъ. Я же, въ старости моей, хотѣлъ уже оставить престолъ свой и избрать инаго на мое мѣсто, съ согласія всѣхъ патріарховъ, митрополитовъ и всего священнаго собора, по прежнему обычаю. Но турскій салтанъ нарушилъ грамматы прародительскія, кои даны были патріархамъ при взятіи Царьграда, чтобы въ духовныя чины ни въ чемъ не вступаться, и велѣлъ быть Θεоплитосу, безъ нашего собора, патріархомъ. Когда же я сталъ о томъ много и жестоко говорить пашамъ, чтобы не рушилъ грамматъ дѣдовскихъ, Муратъ салтанъ учинилъ волненіе на Церковь Божию, и на меня опалу возложилъ, сослалъ на Бѣлое Море, на островъ Родосъ, и тамъ сидѣлъ я въ опалѣ четыре года. А въ то время въ Царьградъ былъ патріархъ Θεоплитосъ: на пятый же годъ салтанъ его отставилъ и разграбилъ Церковь Божию и все церковное строеніе, учинивъ въ ней мечеть, а за мною прислалъ, чтобы мнѣ опять быть въ патріархахъ. Я пріѣхалъ въ Царьградъ, вижу Божія Церковь разорена и строить въ ней мечеть, все достояніе разграблено, келліи обвалились. Тогда сталъ присылать ко мнѣ салтанъ, чтобы мнѣ устроить патріаршескую церковь и келліи въ иномъ мѣстѣ въ Царьградѣ; а мнѣ строить нечѣмъ: что было казны, все расхищено, и я съ приговору соборнаго былъ челомъ салтану, чтобы мнѣ позволилъ итти, ради милостыни на церковное строеніе, въ христіанскія государства, и онъ меня отпустилъ. А я слышавъ про такого благочестиваго и христіолюбиваго государя вашего, пришелъ сюда видѣть его царскія очи и православную вѣру и для ради милостыни, чтобы государь пожаловалъ помочь намъ въ нашихъ скорбяхъ и утѣшеніи, и нынѣ нѣтъ въ Царьградѣ инаго патріарха. Шелъ же я на Литву, и какъ пришелъ во Львовъ, посѣ-

далъ къ канцлеру Яну Замойскому въ городъ Замойсьце, о пропускной грамотѣ, и канцлеръ велѣлъ мнѣ быть у себя, а въ ту пору былъ у него лучший бояринъ Максимилиана, князя австрійскаго, и говорилъ мнѣ канцлеръ въ разговоръ : какъ на избраніи были великіе послы государей, и паны польскіе избрали себя за короля свѣйскаго королевича Сигизмунда и короновали его; а нынѣ неизвѣстно кто у нихъ король : Жегимонтъ въ Краковѣ, а Паны Рады избрали себя другаго, Максимилиана Австрійскаго, и тотъ сидитъ въ городѣ Красномъ-Ставѣ, а по грѣхамъ ихъ нѣтъ между ними согласія о королѣ.»

Патріархъ еще говорилъ, что есть у него нѣкоторыя рѣчи тайныя, и бояринъ Годуновъ, выслушавъ ихъ вкратцѣ, обѣщавъ донести въ-слухъ царю, и отпустилъ патріарха съ честію на Подворье Рязанское; благочестивый же самодержецъ, помысливъ съ своею супругою, говорилъ съ боярами.

«Прежде сего приходилъ къ намъ, Великому Государю, изъ Антиохіи, святѣйшій Іоакимъ патріархъ, и мы тогда съ вами болре совѣтовали, чтобы намъ Господь Богъ свое милосердіе даровалъ и устроилъ въ государствѣ московскомъ патріарха; а святѣйшій Іоакимъ река о томъ посоветовать со всеми патріархами. Нынѣ же, по великой и неизреченной милости Божіей, пришелъ къ намъ самъ пресвятѣйшій Іеремія, патріархъ царьградскій и вселенскій, чего доселѣ при нашихъ прародителяхъ никогда не бывало, чтобы отъ такого великаго и начальнаго въ вѣрѣ христіанской мѣста, изъ православнаго Царьграда пришелъ патріархъ, и мы, прося у Бога милости, разсудили, чтобы патріарху царьградскому быть нашего государства въ начальномъ городѣ Володимирѣ». И велѣлъ Государь шурину своему посоветовать съ патріархомъ, возможно ли тому стать, чтобы ему быть въ російскомъ царствѣ въ первопрестольномъ Володимирѣ.

«А между-тѣмъ, во время царскаго совѣта, протекли многіе дни и недѣли, и святѣйшій Іеремія началъ уже просить объ отпускѣ въ Царьградъ, когда посѣтилъ его шуринъ Государевъ, и, принявъ благословеніе святительское, спра-

живалъ о здоровьи, отъ имени Царя и Царицы, и сказалъ ему тайную рѣчь :

«Государь нашъ благовѣрный и христомлюбивый велѣлъ тебѣ, святѣйшему патріарху, объявить свою царскую мысль. Приказывалъ онъ съ антиохійскими къ тебѣ и другимъ патріархамъ, чтобы всѣ вкупѣ мещь собою посовѣтовали, какъ бы устроить ко благочестію вѣры христіанскія въ россійскомъ царствіи патріарха; и нынѣ сказывалъ ты, что во грѣхамъ христіанскимъ, салтанъ турскій волненіе на Церковь Божию учинилъ и на тебя гоненіе, и патріаршество разграбилъ; благочестивый же самодержецъ молитъ святую твою остаться въ россійскомъ царствіи и патріаршествовать на престолѣ володимірскомъ и всея Великія Россіи, дабы такимъ обычаемъ правдиво именоваться тебѣ всеяскіимъ, и объящаетъ многое достояніе тебѣ и твоимъ.»

«Патріархъ же отвѣтствовалъ : «Царю и великому князю и его благовѣрной царицѣ многое благодареніе за ихъ великое ко мнѣ жалованье. Извѣщалъ смиреніе наше братъ нашъ антиохійскій о благочестивомъ желаніи самодержца, и мы соборно приговорили, что прилично во славу россійскаго царствія учредить патріаршество, и самъ я того не отищуся : только мнѣ во Володимірь стать невозможно, ибо патріархъ всегда бываетъ при царѣ : а что за патріаршество, когда жить вдали отъ своего Государя? Да и ко мнѣ слезно пишутъ епископы и пресвитеры и вся братія Константинопольской Церкви, чтобы къ нимъ возвратиться. Время итти мнѣ опять къ той Церкви, которую какъ мать воспріялъ, дабы хранить ее недугующую и старѣющую, и поддержать многихъ изъ чадъ, ее покидающихъ безъ всякаго утѣшенія, не разсуждая, что отъ нея воспріяли они всѣ свои блага.»

«Великій Государь, взявъ отзывъ патріаршій, огорчился и много разъ посылалъ къ нему шурина своего совѣщаться о томъ же, и не произволилъ святѣйшій Іеремія. Тогда созвалъ царь свою думу и говорилъ ей : «Помыслили мы всеяскому патріарху Іереміи быть у насъ на престолѣ володимірскомъ и всея Великія Россіи, а въ царствующемъ градѣ Москва быть по-прежнему отцу нашему и богомольцу

Юву митрополиту; и святѣйшій Іеремія сего не хочетъ, если мы не произволимъ ему быть на Москвѣ у Пречистыя Богородицы: мы же разсудили, какъ намъ такого сoproстолянина великихъ чудотворцевъ Петра, Алексія, Юны, мужа житія достохвальнаго, святаго и пренодобнаго, отъ Пречистыя Богородицы и великихъ чудотворцевъ изгнать и учинить греческаго патриарха? А отъ здышняго обычая и закона не знаемъ, и намъ съ нимъ ни о какихъ духовныхъ дѣлахъ безъ толмача бесѣдовать нельзя. И нынѣ еще бы намъ посоветовать, чтобы вселенскій Іеремія благословилъ и поставилъ на патриаршество владимірское мужа російскаго собора, отца нашего митрополита Юва, по тому же чину, какъ поставляютъ патриарховъ александрійскаго и іерусалимскаго, и чинъ поставленія у него бы взять, чтобы впредь патриархи поставлялись въ російскомъ царствѣ отъ своего собора, а для того учинить бы вновь митрополитовъ и прибавить архіепископовъ и епископовъ, въ которыхъ городахъ приличнѣе.»

«Бояринъ Борисъ Феодоровичъ, взявъ съ дьякомъ Андреемъ Щелкаловымъ (13 января), яздилъ опять на подворье къ вселенскому патриарху и сказывали ему царское слово, что «если святѣйшій Іеремія самъ уже не хочетъ быть на патриаршествѣ владимірскомъ и вся Россія, то хотя бы поставилъ вмѣсто себя изъ російскаго собора, кого Господь Богъ и Пречистая Богородица и великіе Чудотворцы Московскіе изберутъ: ибо означала благочестивые прародители наши царскіе приѣли крещеніе въ христіанскую вѣру, а пресвященные митрополиты кievскіе поставленіе свое отъ патриарховъ Константинопольскія Церкви, и вѣру сію содержать твердо. Ты же, святѣйшій Іеремія, по благодати Святаго Духа, то же апостольскаго престола преемникъ, дѣло сіе соверши.» И патриархъ, много о томъ совѣтовавъ съ бояриномъ, сказалъ: «Понстинъ въ благочестивомъ царѣ Духъ Святой пребываетъ, отъ Бога внушена ему мысль сія и право его начинаніе: поелику ветхій Римъ вагъ отъ ереси Аполлинаріевой, второй же Римъ, Константинополь, обладаемъ отъ безбожныхъ Турокъ внуками агарянскими; великое же Россійское царство благочестіемъ всахъ превзошло, собравшись во-едино, и одинъ христіан-

скій царь подъ небесаши, вангъ благоварный Государь шлюхуется во вселенной, то Промысломъ Божиимъ и Пречистая Богородица: молитвами, и ходатайствомъ великихъ Чудотверцевъ Петра, Алексія, Ионы, и съ совета царского, сіе великое дѣло да исполнится!» Тогда благословилъ избрать по вѣдъ Государевой, и чтобы впредь поставлялись патріархи въ россійскомъ государствѣ, отъ своихъ митрополитовъ, по чину церковному; себя же просилъ отнуставъ Царыградъ.»

Эта выписка даетъ достаточное понятіе о важности двухъ новыхъ прибавленій къ «Исторіи Россійской Церкви»: они чрезвычайно любопытны, не только какъ объясненіе настоящихъ причинъ возведенія митрополита Іова на россійское патріаршество, но и въ отношеніи къ обычаямъ вѣка, и придаютъ новую цѣну творенію, пользуящемуся уже у читающей публики столь заслуженнымъ уваженіемъ.

ЗАПИСКИ ОБЪ ОСТРОВАХЪ УВАЛАШКИНСКАГО ОУДАВА, со-
ставленныя И. Веніаминовымъ, издачныя иждивеніемъ Россійско-
Американской Компаніи. Санктпетербургъ, 1840—1841. Три части.

Мы имѣемъ передъ собою книгу, замѣчательную во
всѣхъ отношеніяхъ. Неговоря уже о новости ея пред-
мета, почти никому изъ насъ неизвѣстнаго, она столь-
ко же увлекательна своей формою совершенно ученаго
путешествія, сколько и самымъ званіемъ автора. Это
трудъ умнаго и тщательнаго наблюдателя, который
съ равнымъ искусствомъ владѣетъ перомъ географа,
этнографа, антикварія, статистика, геолога, естество-
испытателя, лингвиста и нравственнаго философа,
какъ и инструментами метеоролога; и этотъ наблюда-
тель не кто иной какъ русскій священникъ. Почтен-
ный отецъ Веніаминовъ, прожилъ десять лѣтъ въ на-
шихъ американскихъ владѣніяхъ, изучилъ эти страны
со вниманіемъ чловѣка, понимающаго всѣ многосто-
роннія потребности новѣйшей науки, и представляетъ
намъ правильную, ученую ихъ картину, въ которой
соединены всѣ роды изслѣдованій. Тонъ его описаній
нисколько не похожъ на тотъ насмѣшливый, сарка-
стическій способъ изображенія нравовъ полу-дикихъ
народовъ, къ которому прибѣгаютъ всѣ европейскіе
путешественники для показанія своего остроумія или
для развеселенія читателей забавными карриатурами.
Отецъ Веніаминовъ, напротивъ, изучаетъ эти народы
въ духъ истинно христіанскаго чловѣколюбія, съ кро-
тостью и спокойствіемъ философа, который вовсе не
увлекается предрасудками просвѣщенія. Онъ полю-
битъ Алеутовъ, съ удовольствіемъ открываетъ въ нихъ
хорошія качества души и сердца, дорожитъ ихъ ум-
ственными способностями, и, ревностно стараясь объ

утвержденіи ихъ въ правилахъ вѣры Христовой, для ихъ душевной пользы, тщательно берегають, для науки, ихъ прежнее языческое богословіе, ихъ религіозныя, историческія и философическія древности. Такая книга — благодѣяніе для ученаго читателя-философа.

До-сихъ-поръ не было настоящаго описанія Алеутскихъ Острововъ, лежащихъ на рубежъ Тихаго и Берингова Морей. Очерки господъ Сарычева, Лисянскаго, Коцебу, Литке и другихъ путешественниковъ, заключаютъ въ себѣ мало существеннаго: кратковременное пребываніе, незнаніе туземнаго языка и множество разнородныхъ занятій, не позволяли даже этимъ наблюдателямъ собрать подробныхъ свѣдѣній. Отецъ Веніаминовъ обладалъ совсѣмъ другими средствами къ короткому знакомству со страной и ея жителями: онъ снискалъ ихъ расположеніе и довѣренность, узналъ ихъ языкъ, характеръ, обычаи, весь бытъ, и, для изученія ихъ земли, пользовался уже наблюденіями господъ Постельса, Мартенса, Шамиссо, Кастальскаго, Литке и Воронковскаго.

Съверо-западная часть Америки, отъ Берингова Пролыва до меридіана Горы Святаго Іліи, или до 141° западной долготы отъ Гринвича, и всѣ острова, лежащіе возлѣ этого берегу, принадлежать Россіи. Эта обширная страна, граничащая къ востоку съ англійскими владѣніями, населена разноязычными народами. Число ея жителей обыкновенно полагають въ четыреста тысячъ душъ, но оно совершенно произвольно. Даже самыя названія народовъ, населяющихъ нашу Америку, не всѣ намъ извѣстны. Главнѣйшіе между ними суть — *Колоши* (5,000 душъ), обитающіе на островахъ и отчасти на материкѣ Америки; *Кускоквимцы* (7,000 душъ), живущіе по рѣкѣ Кускоквиму, впадающей въ Берингово море; *Алеуты*, или *Уналашкинцы* (1,500 душъ), на Лисьихъ Островахъ и отчасти на Аляксѣ;

Кенайцы (1,600 душъ), *Кадьякцы*, или *Копяги* (1,500 душъ), *Аляксинцы* (1,600 душъ), *Атхинцы* (750 душъ) и *Аглегмюты* (400 душъ). Между этими поколѣніями обитаетъ около 700 человекъ *Русскихъ* и до 1,300 человекъ *Креоловъ*, или дѣтей *Русскихъ*, рожденныхъ отъ *Американокъ*. Все извѣстное народонаселеніе нашей *Америки* отецъ *Веніаминовъ* полагаетъ не болѣе какъ въ сорокъ тысячъ душъ.

Русская Америка раздѣлена на пять главныхъ отдѣловъ, — *ситхинскій*, *кадьякскій*, *уналашкинскій*, *атхинскій* и *сѣверный*. Всѣ они состоятъ въ вѣдѣніи *Россійско-Американской Компаніи*, подъ главнымъ управленіемъ начальвика колоній, котораго *Компанія* избираетъ обыкновенно изъ *флотскихъ офицеровъ*. Въ четырехъ отдѣлахъ *Компанія* имѣетъ свои конторы, которыми завѣдуютъ правители. Прочіе, меньшіе отдѣлы, состоящіе подъ начальствомъ *байдарщиковъ* или *управляющихъ*, причислены каждый къ одному изъ главныхъ отдѣловъ.

Отецъ *Веніаминовъ* описываетъ только одинъ *уналашкинскій* отдѣлъ, или ту часть *Америки*, которая находится между 53° и 56° сѣверной долготы, и между 158° и 170° западной долготы отъ *Гринвича*, то есть, отъ острова *Амухты* до половины *Аляксы*. Этотъ край чрезвычайно гористъ: нѣтъ ни одного острова, который бы не имѣлъ горъ, или самъ не составлялъ горы. Всѣ эти горы оканчиваются кверху или кратеромъ, или конусомъ, или гребнемъ. Вершины ихъ всегда покрыты снѣгомъ. Настоящихъ *вулкановъ* считается десять: по одному на *Юнаскѣ*, на *Четырех-сопочныхъ*, на *Уналашкѣ*, *Акутанѣ*, *Аляксѣ* и *Акунѣ*, и три на *Уникамѣ*. Девять изъ этихъ *вулкановъ* только дымятся, и никогда не извергали пламени: по-крайней-мѣрѣ никто не помнитъ этого; десятый *шишалдинскій*, на островѣ *Уникамѣ*, выбрасываетъ пламя и еще недавно произвелъ сильное изверженіе. Равнинъ вовсе нѣтъ:

сѣверные берега Унимака и Аляксы нѣсколько походятъ на долины, но и эти мѣста довольно неровны, изрыты рѣчками и озерами. Возлѣ утесистыхъ береговъ часто возвышаются каменные столбы различной формы и высоты. Одинъ изъ нихъ чрезвычайно похожъ на колоссальнаго гиганта, сидящаго на камнѣ въ мохнатой шапкѣ и одѣтаго въ вывороченную парку. Землетрясенія прежде были довольно часты, не менѣе трехъ разъ въ годъ, но съ 1825 года, когда взорвало унимакскій хребетъ, эти терзанія почвы становятся не столь сильными. Островъ Уникакъ особенно страдалъ отъ опустошительныхъ дѣйствій землетрясенія : около 1795 года, вулканъ извергнулъ такое множество золы, или бѣлой сажи, что среди бѣлаго дня сдѣлалась на нѣсколько часовъ совершенная тьма на всемъ пространствѣ Аляксы и даже на Унгѣ; вѣчные льды, покрывавшіе вершину юго-западнаго хребта, скатились внизъ на обѣ стороны вмѣстѣ съ горькими камнями, которые видны еще и понынѣ. Замѣчаютъ, что послѣ этого переворота, хребетъ началъ въ одномъ мѣстѣ выпучиваться. Десятаго марта 1825, произошло изверженіе въ сѣверо-восточномъ хребтѣ Унимака : пламя было чрезвычайно сильное, и зола покрыла всю оконечность Аляксы на нѣсколько дюймовъ; льды и снѣга, лежавшіе на хребтѣ, растаяли, и въ продолженіи нѣсколькихъ дней текли страшную рѣкою, которая имѣла отъ пяти до десяти верстѣ въ ширину : вода излилась въ восточную сторону острова, въ такомъ количествѣ, что море около этого мѣста казалось мутнымъ до глубокой осени. Въ 1836 году, втораго апрѣля, раздалось землетрясеніе на островахъ Юнаскѣ и Умнакѣ : подземный гулъ катился подобно грому, и не было ни какой возможности стоять на ногахъ; на островѣ Георгія обвалились многіе береговые утесы, а на Островѣ Павла разрушилась казарма.

Весьма замѣчательно, что на всей Аляксѣ; несмотря

на прекрасную почву и довольно теплый климат, во-все нѣтъ ни какихъ деревьевъ, кромѣ ивы и ольховнику. Нѣкоторые объясняютъ это дѣйствіемъ сильныхъ и безпрестанныхъ вѣтровъ, которые не даютъ расти деревьямъ; но что вѣтры не могутъ быть причиною отсутствія лѣсу, доказательствомъ этого служитъ ельникъ, пересаженный сюда изъ Ситхи, который растетъ очень скоро, несмотря на вѣтры. Авторъ полагаетъ, напротивъ, что здѣшніе острова, какъ это видно и по пластамъ почвы, еще недавно начали одѣваться растеніями, и, по отдаленности отъ лѣсистыхъ мѣстъ, не успѣли принять нужныхъ сѣмянъ. По его мнѣнію, стоить только посѣять деревья, свойственныя климату, и острова, лѣтъ черезъ сорокъ или пятьдесятъ, покроются рощами.

Америка нужна намъ только для мѣховъ. Звѣриная ловля привела насъ туда, но, съ развитіемъ промыслу и увеличеніемъ народонаселенія, число звѣрей значительно уменьшилось. Во время прежнихъ частныхъ компаний, въ уналашкинскомъ отдѣлѣ промышляли до тысячи бобровъ: нынче ихъ ловится впятерѣ меньше, а въ 1826 поймали всего пятнадцать штукъ. Морскихъ котовъ, до соединенія частныхъ компаний въ одну общую, Россійско-Американскую, на Островъ Павла добывали въ годъ тысячъ до осьмидесяти, тогда какъ въ послѣдніе годы съ большимъ трудомъ можно было набрать двѣнадцать тысячъ. Оленей на Островъ Унгв промышляли прежде до двухъ сотъ штукъ, а теперь убиваютъ не больше десяти. Въ такой же пропорціи уменьшились лисицы, сивучи, нерпы, волки и другіе звѣри. Различныя породы рыбъ уменьшились также до невѣроятности: въ главномъ селеніи Уналашки, иной годъ, не попадетъ теперь ни одной трески, тогда какъ прежде каждый день можно было поймать на удочку нѣсколько сотъ штукъ. Уменьшеніе морской рыбы авторъ приписываетъ вліянію подземнаго огня: въ

1825 году, когда разорвало унимакскій хребетъ, на поверхности моря вдругъ появилось безчисленное множество дохлой трески.

Произведенія здѣшняго краю отецъ Веніаминовъ раздѣляетъ на два рода: однѣ служатъ только къ продовольствію, другія могутъ быть предметомъ внѣшней торговли. Ко второму разряду относятся шкуры бобровъ, котовъ, лисицъ и выдръ, моржевыи зубъ, китовые усы и жиръ морскихъ млекопитающихъ. Для бобровъ нѣтъ постоянного мѣста въ уналашкинскомъ отдѣлѣ. По замѣчанію автора, они при здѣшнихъ берегахъ стануть водиться въ изобиліи только въ то время, когда рѣшатся промыслять ихъ умеренно, въ весьма маломъ количествѣ; притомъ не надобно ловить ихъ каждый годъ въ одномъ и томъ же участкѣ, а должно посѣщать бобровыя мѣста черезъ два года или, по крайней-мѣрѣ, черезъ годъ: въ противномъ случаѣ порода можетъ совершенно уничтожиться, какъ это уже и случилось на Островахъ Прибылова. Гораздо выгоднѣе промыселъ лисьиими шкурами, хотя по цѣнѣ онъ несравненно ниже бобровыхъ. Эта статья звѣриной ловли не можетъ не быть занимательною для нашихъ читателей, потому что онѣ любятъ прекрасныя лисьи шубы. Слѣдовательно имъ пріятно будетъ узнать, что нѣтъ ни какой опасности, чтобы лисицы перевелись подобно бобрамъ, — лисица каждый годъ раждаетъ отъ трехъ до осьми щенятъ, которые на слѣдующій годъ сами уже даютъ такой же приплодъ, — и что сверхъ-того порода ихъ безпреставно улучшается, относительно къ цвѣту шерсти. Такъ на Уналашкѣ ловили прежде болѣе красныхъ лисицъ нежели сиво-душекъ, а нынче на-оборотъ. Авторъ думаетъ даже, что черезъ нѣсколько лѣтъ красныя лисицы совсѣмъ исчезнутъ.

Выдры водятся только около Шумагинскихъ Острововъ, и выгоды отъ нихъ незначительныя. Отъ моржей

тоже пустая прибыль : получаютъ только клыки , и то не болѣе полутора ста пудовъ въ годъ. Киты даютъ усы и жиръ : промышленники каждый годъ убиваютъ ихъ около пятидесяти штукъ ; но они ловятъ этихъ животныхъ не гарпунами , а стрѣлками , отъ которыхъ китъ умираетъ только черезъ двое сутокъ : въ это время раненный уродъ можетъ выйти изъ залива , и въ самомъ дѣлѣ часто уходитъ въ море. Китовый жиръ , по мнѣнію отца Вениаминова , никогда не можетъ сдѣлаться предметомъ постоянной торговли для Компаніи : онъ составляетъ существенную пищу жителей , которые потребляютъ почти все , что добудутъ въ продолженіи года.

О климатъ русской Америки вовсе нельзя судить по сравненію съ другими мѣстами , лежащими въ одинаковой широтѣ. Уналашка южнѣе Петербурга пятью градусами : при всемъ томъ средняя температура ея ($2^{\circ} 84 +$) нисколько не выше петербургской. Переходы температуры весьма часты и быстры : можно сказать , что здѣсь нѣтъ обыкновенныхъ временъ года , и что во многихъ мѣстахъ царствуетъ вѣчная осень. Часто одни только растенія напоминаютъ , что наступило лѣто или зима. Лѣтомъ температура возвышается иногда до двадцати градусовъ ; но , лишь-только подуетъ вѣтеръ съ моря , термометръ понижается и холодъ , особенно въ тѣни , становится ощутительнымъ. Такое же непостоянство и въ зимнее время : при дуновеніи восточныхъ вѣтровъ , среди самыхъ сильныхъ морозовъ , вдругъ дѣлается оттепель и термометръ поднимается на нѣсколько градусовъ ; случается иногда , что на низменностяхъ сходитъ снѣгъ , и даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ появляется зелень. Но если подуетъ западный или сѣверный вѣтеръ , то опять наступаетъ жестокая зима. Все здѣсь зависитъ отъ вѣтру. При теплыхъ вѣтрахъ , тепло во всякое время года ; при холодныхъ — большая стужа даже лѣтомъ , а зимою

такіе морозы, что птицы замерзаютъ на-лету. Совершенно безоблачныхъ дней бывало иногда въ цѣлый годъ не больше *четырехъ*. Причину столь страннаго климата авторъ полагаетъ въ положеніи уналашкинскаго отдѣла на рубежѣ двухъ великихъ морей, изъ которыхъ одно касается экватора, другое полюса: отъ противодѣйствія атмосферы одного моря на атмосферу другого происходятъ почти вѣчныя облака, которыя, заслоняя солнце, лишаютъ землю теплоты. Притомъ почти каждую зиму въ Беринговомъ Морѣ появляются льды, которые иногда приносятся къ здѣшнимъ берегамъ: присутствіе ихъ на-время разгоняетъ облака, охлаждаетъ воздухъ и увеличиваетъ стужу.

Съ перваго взгляду можно подумать, говоритъ отецъ Веніаминовъ, что острова русской Америки образовались отъ дѣйствія подземнаго огня: повсюду встрѣчаются обгорѣлыя мѣста и кампи; почти на всѣхъ береговыхъ горахъ нѣтъ камней первобытной породы, и на всѣхъ островахъ пластъ земли, состоящей изъ сгнившихъ растеній, не толстъ, а во многихъ мѣстахъ онъ только-что начинаетъ создаваться. Недавно даже явился изъ водъ новый островъ. Но на нѣкоторыхъ островахъ есть горы изъ чистаго граниту. Это заставляетъ автора признать вѣроятнѣйшимъ, что всѣ здѣшніе острова суть остатокъ прежняго материка и первоначально составляли одно цѣлое съ Камчаткою, Чукотскимъ Носомъ и Америкою.

Они открыты въ 1741 году, во второе путешествіе капитана Беринга, который, направляя путь отъ Камчатки къ востоку, увидѣлъ гряду Алеутскихъ Острововъ, подходилъ къ Шумагинскимъ, и стоялъ здѣсь на якорѣ. Но ближайшее знакомство съ этимъ краемъ сдѣлано Готовымъ, начальникомъ судна, принадлежавшаго московскому купцу Никифорову. Въ 1759 году, Готовъ присталъ къ Умнаку и пробылъ на этомъ островѣ болѣе двухъ лѣтъ. Онъ первый началъ крестить жите-

лей, и Алеуты очень хорошо помнятъ его какъ перваго посѣтителя.

Всѣхъ острововъ въ уналашкинскомъ отдѣлѣ считается до шестидесяти. Главнѣйшіе изъ нихъ — Унимакъ, Уналашка и Умнакъ.

Умнакъ — самый большой островъ изъ всего архипелага : въ длину онъ простирается до ста семидесяти, въ ширину до шестидесяти верстъ ; горы его — самыя высокія и очень замѣчательны волканическими явленіями. На сѣверо-восточной сторонѣ острова лежитъ гребнистый горный хребетъ, начавшій дымиться съ 1825 года. Къ западу отъ него, находятся двѣ очень высокія *сопки* конической фигуры : одна изъ нихъ, называемая Шипалинской, по измѣренію господина Литке, имѣетъ высоты осемь-тысячь-девять-сотъ-пятьдесятъ-три англійскихъ фута ; она съ незапамятныхъ временъ выбрасываетъ изъ своего жерла или пламя или дымъ. Видъ ея совершенно измѣнился въ концѣ 1830 года : въ ноябрь и декабрь на сѣверной ея сторонѣ образовались три довольно большія щели, похожія на раскаленное желѣзо ; изъ жерла выходило ужасное пламя и по-временамъ слышенъ былъ подземный громъ, сопровождаемый слабымъ землетрясеніемъ ; снѣга и льды, покрывавшіе вершину, стаяли совсѣмъ, и въ такомъ видѣ она пребыла до марта. Потомъ обѣ щели закрылись, осенью опять выпалъ снѣгъ, и съ тѣхъ поръ жерло издаетъ только дымъ.

На сѣверо-восточной сторонѣ острова, въ десяти верстахъ отъ моря, есть юртовище, нѣкогда построенное Американцами изъ большихъ китовыхъ ребръ и щекъ, вѣроятно для убѣжища отъ непріятелей. На восточной сторонѣ горъ, въ 1831 году, открыли сѣроватую глину, похожую на овсяную муку : во время голоду употребляли ее въ пищу, смѣшивая съ жиромъ. Унимакъ въ древности былъ многолуднѣйшій изъ всѣхъ острововъ архипелага. Еще въ концѣ прошлаго

столѣтія считалось здѣсь до двѣнадцати селеній; въ нѣкоторыхъ, какъ напримѣръ въ Погромскомъ, было столько жителей, чтоцѣлаго кита не доставало на всѣхъ по кусочку. Нынче на Унимакъ только одно селеніе, Шишалдинское, и жителей въ немъ всего — семьдесятъ душъ, мужескихъ и женскихъ: они живутъ въ величайшей бѣдности отъ скудости и малоцѣнности промысловъ.

Островъ Уналашка имѣетъ въ длину полтораста, въ ширину около пятидесяти верстъ. Горь довольно и здѣсь, но оконечность острова совершенно плоская и ровная. Въ время прибытія Русскихъ на Уналашку считалось двадцать четыре многолюдныя селенія; но теперь на этомъ островѣ только десять селеній и чetyреста-семьдесятъ человѣкъ жителей. Главное селеніе, Гаванское, по преданію, основано промышленникомъ Соловьевымъ, или, по-здѣшнему, Соловьемъ: въ немъ — деревянная церковь съ колокольнею, пять домовъ, и три магазина. Церковь, построенная въ 1825, украшена довольно хорошимъ иконостасомъ съ колоннами и рѣзными золочеными рамами работы самихъ Алеутовъ. Компанія имѣетъ здѣсь контору, состоящую подъ вѣдомствомъ правителя, при которомъ находятся конторщикъ, три прикащика и двадцать семь юртъ, принадлежащихъ креоламъ и Алеутамъ. Всѣхъ вообще жителей, Русскихъ и креоловъ, въ 1834 году, было до двухъ-сотъ-семидесяти-пяти душъ. Въ селеніи есть первоначальное училище, открытое 1825, больница на осемь человѣкъ, воспитательный домъ для сиротъ-дѣвушекъ. Тутъ же находится и главное скотоводство Компаніи. У служителей ея водятся коровы, свиньи, куры, утки, и почти у каждаго есть огородъ, засѣваемый рѣпсю и картофелемъ. До прибытія Русскихъ, здѣсь, какъ говорятъ, не было ни крысъ ни мышей. Крысы въ главномъ селеніи появились только въ 1828, и въ два года расплодились до

чрезвычайности. Эти европейцы перебрались вскоре въ Макушкинское селеніе, которое отстоитъ отъ Гаванскаго на пятьдесятъ верстѣ, — обстоятельство тѣмъ болѣе замѣчательное, что это разстояніе пересѣкается высокими горами и широкими рѣчками. Лисицъ на Уналашкѣ промышляютъ около пяти сотъ штукъ. Кроме того водятся бобры, нерпы, коты и сивучи.

Островъ Умнакъ простирается въ длину на сто двадцать, въ ширину на тридцать верстѣ. Онъ открытъ Русскими въ 1759 году. Тогда было здѣсь двадцать селеній, но нынче осталось только два, Рѣчное и Туглянское; въ обоихъ — жителей сто-девять душъ.

Полуостровъ Алякса есть часть сѣверо-западной Америки, простирающаяся къ юго-востоку по направленію главныхъ Уналашкинскихъ Острововъ. Въ длину Алякса имѣетъ семь-сотъ-пятьдесятъ верстѣ, въ ширину отъ пяти до полутора. Селеній здѣсь въ прежнее время было около десяти : нынче только три, Моржевское, Бѣльковское и Павловское, и жителей въ нихъ съ небольшимъ двѣсти душъ. Аляксинскіе Алеуты особенно мастера выдѣлывать вещи изъ кости, а женщины славятся шитьемъ камлей.

На южной сторонѣ Аляксы лежитъ группа Шумагинскихъ Острововъ, которыхъ считается двадцать два. Названіе Шумагинскихъ получили они оттого, что на одномъ изъ нихъ похороненъ матросъ Шумагинъ, изъ экипажа капитана Беринга. Всѣ эти острова покрыты травою, утесисты и особенно изобильны нерпами и птицами различныхъ породъ. Прежде считалось на нихъ до двадцати селеній, расположенныхъ на шести островахъ, но мало-по-малу эти селенія уничтожились, частію отъ междоусобій, частію отъ другихъ причинъ, а болѣе всего отъ Кадьякцевъ, злѣйшихъ непріятелей Алеутовъ.

Островами Прибылова называются два небольшіе острова въ Беринговомъ Морѣ, между 57° и 56° сѣвер-

ной широты. Первый изъ Русскихъ нашелъ ихъ штурманъ Гаврило Прибыловъ. Онъ былъ въ службѣ компаніи Лебедева-Ласточкина. Живя долгое время въ Америкѣ, онъ по собственнымъ соображеніямъ убѣдился въ существованіи этихъ острововъ. Тѣсныя обстоятельства компаніи заставили его отыскивать ихъ, около 1786 года. Не скоро однако жъ смѣтливый морякъ достигъ своей цѣли. Находясь вблизи одного изъ острововъ, названныхъ впоследствии по его имени, онъ, по причинѣ туману, болѣе трехъ недѣль не могъ усмотрѣть берегу. Наконецъ туманъ прочистился, и передъ глазами обрадованныхъ путешественниковъ показалась восточная часть острова, ближайшаго къ алеутскому архипелагу: его назвали, по имени судна, Островомъ Георгія. За неотысканіемъ гавани, судно отправилось зимовать на Андреяновскіе Острова, оставивъ на новооткрытой землѣ передовщика Ефима Попова со всеми промышленниками экипажа. На слѣдующій годъ эти промышленники, утромъ двадцать-девятого іюня, въ день апостоловъ Петра и Павла, увидѣли на сѣверѣ второй островъ, который тотчасъ же назвали они именемъ Петра и Павла; но послѣ осталось за нимъ только послѣднее имя. Оба эти острова безлѣсны, и, кромѣ мелкаго тальнику, не растутъ на нихъ ни какихъ деревьевъ: по увѣренію старожиловъ, на Островъ Георгія въ первое время не было даже и травы. Явныхъ вулканическихъ признаковъ почти незаметно на Островѣ Георгія; напротивъ, на Островѣ Павла есть остатокъ жерла огромнѣйшаго вулкана. Климатъ здѣшній гораздо суровѣе чѣмъ на Уналашкѣ: зима начинается съ ноября и продолжается иногда до половины мая. Во все это время по большей части дуютъ сѣверные вѣтры, и стужа бываетъ жестокая. Воздухъ всегда влажный и зловонный отъ особеннаго роду дровъ, употребляемыхъ жителями, которые за недостаткомъ въ дровахъ жгутъ жирные, гниющіе остатки морскихъ

животныхъ. Если бы не непрерывные вѣтры, то на Островъ Георгія нельзя было бы существовать. Жители — природные уналашкинскіе Алеуты, завезенные сюда Компаніею въ разныя времена : они дѣятельны, расторопны и несравненно богаче всѣхъ своихъ единоплеменниковъ. Замѣчательно также, что они очень усердны къ вѣрѣ : этимъ качествомъ особенно отличаются Алеуты, живущіе на островъ Павла.

По цѣнности котовыхъ и бобровыхъ шкуръ, говоритъ авторъ, Острова Прибылова можно назвать *золотыми*. Не считая песцовъ и морскихъ бобровъ, въ первые тридцать лѣтъ, то есть, до 1817 года, вывезено отсюда больше двухъ съ половиною милліоновъ котовыхъ шкуръ; съ 1817 по 1838 годъ получено до пяти-сотъ-осмидесяти-тысячъ шкуръ, то есть, болѣе нежели на семнадцать милліоновъ рублей. На Островъ Георгія множество морскихъ птицъ, аръ, говорушекъ, топорокъ, и прочая. Жители особенно любятъ ихъ яйца, которыя добываются тысячами, — промыселъ выгодный, но очень опасный, оттого что за яйцами нужно лазить по крутымъ утесамъ и спускаться на ремнѣ. Случалось, что яичные промышленники ломали себѣ шею, какъ-скоро перетирался ремень или обрушивался камень, на который нужно было становиться. Звѣрей различныхъ породъ, при первомъ открытіи острововъ, было несметное множество. Первая бухта на Островъ Георгія, названная Золотою, была усыяна бобрами. Туземцы досихъ-поръ рассказываютъ разные анекдоты о прежнемъ своемъ благополучіи, между прочимъ слѣдующій. Прежніе промышленники были на полушаяхъ; каждый изъ нихъ имѣлъ право пользоваться *мушнымъ товаромъ*, и то, что добывали они не во время общаго промысла, почиталось ихъ собственностію: Въ свободное время они могли ловить звѣрей на себя или заниматься чѣмъ угодно : болѣею частію они играли въ карты и кости на бобровъ и котовъ, живыхъ или битыхъ. Проиграв-

шій выходилъ изъ дому и долженъ былъ убить бобра, на котораго побѣдитель указывалъ ему изъ окошка. Но такое изобиліе бобровъ было весьма непродолжительно. Умныя животныя поняли опасность жить въ сосѣдствѣ картежниковъ, и лѣтъ черезъ шесть переселились неизвѣстно куда, такъ, что впослѣдствіи вовсе не стало ихъ на островѣ. Но морскіе коты терпѣливѣе и глупѣе бобровъ. Лѣтъ пятьдесятъ колотили ихъ безъ пощады, и однако жъ они не вздумали бѣжать отъ своихъ притѣснителей. Въ первые годы промышляли котовъ тысячъ до шестидесяти, и такія ужасныя побоища часто были безъ всякой нужды: шкуръ дѣвать было некуда, и не рѣдко ихъ жгли или бросали въ море. Безразсудное истребленіе этихъ животныхъ прекратилъ наконецъ господинъ Рязановъ, бывшій посланникомъ въ Японію.

Обитателями россійско-американскихъ острововъ, по мнѣнію отца Веніамина, всегда были Алеуты, и они поселились на нихъ не слишкомъ давно. Преданіе ихъ о мѣстныхъ переворотахъ касаются весьма немногихъ точекъ, между-тѣмъ какъ на каждомъ шагу видны признаки общихъ и довольно свѣжихъ измѣненій почвы. Слѣды ихъ древнихъ селеній еще не изглажены временемъ: вездѣ можно отыскать ямы или мѣста первоначальныхъ юртовъ, которыя едва начинаютъ зарастать вторичною травою. Но откуда же пришли сюда эти люди? По ихъ преданію, они первоначально жили гдѣ-то на *большой землѣ*, и авторъ думаетъ, что эта земля была Камчатка, Азія, откуда пробрались они черезъ Курильскіе Острова. Однако жъ между Алеутами и прибрежными обитателями Азіи нѣтъ ни какого сходства ни въ языкѣ, ни въ обычаяхъ, ни въ образѣ жизни. Напротивъ, Алеуты Лисьихъ Острововъ, наружностію и образомъ жизни ближе подходятъ къ сѣвернымъ Американцамъ, особенно къ Кадьякамъ, такъ, что языкъ алеутскій совершенно одного

образованія съ кадьякскимъ , которымъ говорятъ почти всѣ племена , населяющія берега сѣверной Америки. Но должно также замѣтить , что разительная черта сходства существуетъ между языками племени американскаго и монгольскаго : эти языки рѣшительно принадлежатъ къ одной системѣ , несмотря на всю ихъ лексикографическую разность. Самое поколѣніе Алеутовъ Блюменбахъ причислялъ къ монгольскому племени , хотя Форстеромъ отнесено оно къ эскимосскому , и отецъ Веніаминовъ находитъ , что Алеуты , въ самомъ дѣлѣ , съ-виду очень похожи на Якутовъ , которые вмѣстѣ съ Тунгусами принадлежатъ къ монгольскому племени.

Ростъ Алеутовъ вообще средній , отъ пяти до девяти вершковъ ; волосы черные и жестковатые ; глаза не большіе и не широкіе , но быстрые и зоркіе ; носъ сплюснутый , не короткій и не высокій ; зубы бѣлые , чистые , и всегда здоровые ; ноги кривые отъ привычки сидѣть на-корточкахъ . Лицомъ они сухошавы или поджаристы ; толсто-брюхихъ между ними нѣтъ , по-крайней-мѣрѣ между мужчинами . Въ работѣ Алеуты не знаютъ усталости . Широкоплечіе и сильные , они особенно удивляютъ своею неутомимостію въ байдарочной ѣздѣ . Автору случалось съ ними развѣзжать часовъ двадцать сряду , не приставая къ берегу , и во все это время они отдыхали не болѣе четверти часа . Зрѣніе у нихъ превосходно . Часто Русскій едва различаетъ предметъ на морѣ , а Алеутъ уже видитъ его очень хорошо , и ежели это байдарка , онъ скажетъ , кто на ней сидитъ . Причину этой зоркости , авторъ объясняетъ тѣмъ , что Алеуты не употребляютъ соли въ пищу . Но зато слухъ алеутскій хуже русскаго ; отецъ Веніаминовъ испыталъ это на себѣ : онъ часто слышалъ шумъ буруновъ и ревъ звѣрей , между-тѣмъ какъ бывшіе съ нимъ Алеуты ничего не слышали . Впрочемъ , для пѣнія и музыки ихъ слухъ

очень годится : дѣти ихъ находятся въ пѣвчихъ, и сами они играютъ на скрипкѣ и балалайкѣ.

Въ движеніяхъ своихъ Алеуты неповоротливы, тяжелы и мѣшковаты. Но ежели принудить Алеута дѣйствовать живѣе, то онъ будетъ совершенно на своемъ мѣстѣ и ни въ какомъ случаѣ не потеряется : это доказываетъ, что живость и расторопность ему не чужды, и только привычка дѣлаетъ его медленнымъ.

Алеуты очень понятливы. Отъ Русскихъ они въ самое короткое время переняли всѣ рукодѣлія, какія только видѣли. Между ними есть хорошіе столяры, плотники, купоры, слѣсары, кузнецы, сапожники. Нѣкоторые изъ нихъ отлично знаютъ мореходство. Устюговъ, природный Алеутъ, составилъ карту рѣки Нушегака, очень вѣрную, и лучше которой нѣтъ въ географіи. Еще не было случая испытать ихъ способностей къ живописи и рисованью, но есть причины думать, что они могутъ быть и хорошими художниками. Нѣкоторые мальчики самоучкой выучились рисовать, а одинъ креоль, Василій Крюковъ, самъ собою, безъ всякаго учителя, выучился писать образа, и впоследствии началъ дѣлать превосходные портреты водяными красками: два или три раза посмотрѣвъ на челоуѣка, онъ съ величайшею вѣрностью переносилъ на бумагу всевыраженіе его лица. Въ зрѣломъ возрастѣ Алеуты имѣютъ большую охоту учиться грамотѣ : это особенно показали они впоследствии времени, когда имъ дали книги на природномъ языкѣ. На островѣ Павла почти нѣтъ ни одного Алеута, который бы не умѣлъ читать, и всѣ вообще перенимаютъ грамоту очень скоро.

Въ характерѣ Алеутовъ нельзя не замѣтить той особенности, что всѣ они похожи другъ на друга какъ двѣ капли воды, всѣ какъ будто отлиты въ одну форму. Самая рѣзкая и сильная черта ихъ нрава—терпѣливость, совершенно стоическая, доходящая почти до безчувствія : нѣтъ трудности, способной поколебать Алеута

или заставить его роптать. Въ случаѣ надобности, онъ пробудетъ три четыре дня безъ всякой пищи, и ничѣмъ не дастъ знать, что проголодался,—даже умереть съ голоду, ежели не догадаетесь его попотчивать. Въ болѣзняхъ, при самыхъ жестокихъ страданіяхъ, не услышите отъ него ни стону, ни крику, ни малѣйшей жалобы. Случается, что Алеутъ, невзначай, попадаетъ на клещу, ловушку для лисицъ : въ этой бѣдѣ онъ спокойно и хладнокровно даетъ себѣ сдѣлать операцію, то есть, вынуть желѣзные зубья изъ своей ноги, а надобно знать, что этихъ зубьевъ нельзя вынуть тѣмъ же путемъ : при операціи обыкновенно раскалываютъ палку, въ которой утверждены зубья, и потомъ продвигаютъ ихъ сквозь кости ноги. Порой, несчастный самъ дѣлаетъ себѣ всю эту операцію. Алеутъ, когда его заставляютъ, готовъ работать, безъ ропоту, до тѣхъ поръ пока совершенно не выбьется изъ силъ ; готовъ, послѣ самыхъ тяжелыхъ трудовъ, почевать голодный подъ открытымъ небомъ, на мокромъ мѣстѣ. Отецъ Веніаминъ неоднократно былъ свидѣтелемъ ихъ спокойнаго терпѣнія въ такихъ случаяхъ.

«Въ одно время, говоритъ онъ, весною, ялучи въ западный край моей парохіи, я былъ задержанъ вѣтрами на пустомъ мѣстѣ, и такъ долго, что бывшіе со мною Алеуты, послѣдніе два дня, совершенно ничего не могли достать себѣ для пищи. Поэтому случаю я принужденъ былъ рѣшиться идти прыжкомъ въ ближайшее селеніе, до котораго, по малой мѣрѣ, было не менѣе двадцати-пяти верстъ; ктому же я долженъ былъ взять все вещи, нужныя для отправленія моей должности, которыя составляли несколько пудовъ, не менѣе пуда на каждаго человека. Въ этотъ-то день, я въ первый разъ, увидѣлъ и узналъ, какъ должно терпѣніе Алеутовъ. Дороги совсѣмъ не было; крутыя горы покрыты были полу-замерзшимъ снѣгомъ, по которому не было видно ни малѣйшаго слѣду; притомъ вдругъ случился противный вѣтръ, со снѣгомъ, и столь сильными шквалами, что почти останавливала человека. Тягость на плечахъ, тощій желу-

докъ и цѣлый день такого труднаго пути — вотъ обстоятельства, въ какихъ находились тогда Алеуты. Но несмотря на то, они такъ были спокойны, бодры и даже веселы, что эти трудности для нихъ какъ-будто ничего не значили, тогда, какъ для меня и двухъ бывшихъ со мною Русскихъ, разумеется сытыхъ и не обремененныхъ, онъ едва былъ выносимъ.

«Въ другое время, мы ѣхали въ байдаркахъ, и, на половинѣ пути, встрѣчены были противнымъ вѣтромъ и сильнымъ дождемъ. Не находя удобнымъ пристать у ближайшаго берега, мы должны были ѣхать до лучшей, известной пристани, и поэтому перевздъ нашъ продолжался сряду четырнадцать съ половиною часовъ. Одинъ, изъ бывшихъ со мною Алеутовъ, не имѣлъ съ собою совершенно ничего, кромѣ изношенной парки и такой же камлейки. Неожиданный нами дождь промочилъ его до костей; но, несмотря на то, по прибытїи нашемъ на-мѣсто, онъ, такъ какъ и всѣ прочіе, спокойно занялся устройствомъ палатки, собирающимъ дровъ и прочая, нисколько не заботясь о самомъ себѣ. Когда, по окончанїи дѣла, всѣ усались подлѣ огня, онъ былъ веселъ и шутилъ съ товарищами, слегка выжималъ бывшую на себя парку, мокрую какъ лужа, и такъ беззаботно, какъ-будто занимался дѣломъ, совсѣмъ до него не касающимся. Если бы ему товарищи не дали другой парки, то онъ также безропотно и спокойно легъ и почевалъ бы въ своей мокрой.

Эта необыкновенная терпѣливость объясняется воспитанїемъ Алеута: онъ рождается и вырастаетъ въ холодной юртѣ, въ дѣтствѣ всегда полу-нагой, полу-сытый. Когда ребенокъ проситъ вѣсть, мать въ утѣшенїе говоритъ ему—погоди, вотъ придетъ лайда, вотъ утихнетъ вѣтеръ, — и дитя должно дожидаться, пока придетъ лайда, пока утихнетъ вѣтеръ. Эта лайда, этотъ вѣтеръ, лучше всякаго нравоученїя, приучаютъ его къ перенесенїю страданїй.

Алеуты не обнаруживаютъ ни какой склонности къ воровству. У нихъ нѣтъ ни замковъ ни затворовъ; все лежитъ открыто, и только въ самой ужасной крайво-

сти Алеутъ возьметъ что-нибудь тайно изъ състныхъ припасовъ, но другихъ вещей онъ никогда не тронетъ. Радость и печаль онъ очень умѣетъ чувствовать, но встрѣчаетъ и переноситъ ихъ самымъ хладнокровнымъ образомъ. Потеря близкаго родственника или милаго, поразитъ его сильно, но ни что на свѣтъ не приведетъ его въ отчаяніе. Плакать, стонать и рыдать — дѣло неслыханное, даже между женщинами и дѣтьми. Точно также Алеутъ никогда не обрадуется чрезмерно, и ни отчего не придетъ въ восторгъ. Даже дитя, послѣ продолжительнаго голоду не схватитъ съ жадностью лакомаго куска, не покажетъ на лицѣ радости, свойственной этому возрасту. Зависти также Алеутъ не знаетъ, и превосходство собрата не отниметъ у него сна. Лучшее доказательство — ловля бобровъ: онъ очень доволенъ, если ему удастся попасть стрѣлкою уже въ подстрѣленнаго бобра, и готовъ гоняться за нимъ цѣлый день, хотя знаетъ, что добыча достанется не ему. Поймавъ нѣсколько бобровъ, онъ безъ всякаго возмездія отдаетъ ихъ больному старику или родственнику.

Алеуты не понимаютъ русской *строгости*. Скажите Алеуту, что начальникъ сердитъ на него, онъ оробѣетъ и сдѣлается унылымъ, хотя бы ни въ чемъ не былъ виноватъ. Разумѣется, ему страшнѣе не начальникъ, а наказанія, которыхъ онъ и въ дѣтствѣ отъ своихъ не видывалъ. Прежняя военная тактика Алеутовъ, нападать на непріятеля тайкомъ, изподтишка, показываетъ что они никогда не были героями; но нельзя сказать, чтобы они были трусы: при опасности на морѣ, даже вѣдичайшей, Алеутъ не оробѣетъ никогда, и до изнеможения силъ станетъ отважно и расчетливо бороться съ стихіями. Онъ не щедръ на обещанія; но, разъ обещавъ, непременно сдержитъ слово. Ежели ему вздумается сдѣлать подарокъ, то онъ даритъ безъ всякихъ расчетовъ: отдарятъ ему, скажетъ спасибо; не отдарятъ, онъ доволенъ и тѣмъ, что взял его пода-

речь, и нисколько не огорчится, если даже не скажутъ спасибо. Привѣтливымъ онъ быть не умѣетъ, и отъ него никогда не дождетесь лестнаго слова: неселый взглядъ, усердныя, живыя услуги, вотъ чѣмъ онъ свидѣтельствуетъ свое расположеніе къ другимъ. Онъ вообще неразговорчивъ: если нѣтъ ничего особеннаго, онъ просидитъ съ вами хоть двадцать сутокъ и не скажетъ ни одного слова. Тѣмъ менѣе онъ охотникъ до споровъ, особенно съ Русскими, хотя бы Русскій несъ чепуху, а онъ говорилъ неоспоримую истину. На всѣ вопросы у него одинъ отвѣтъ: « Не знаю; ты больше знаешь: ты Русской». Лгать и распускать ложныя слухи — также не въ характеръ Алеутовъ. Вѣрною тайнъ они не измѣняютъ никогда и не станутъ богатѣе отъ томъ, что считаютъ тайнымъ. Оттого чрезвычайно трудно узнать отъ Алеута прежніе обряды и суевѣрія его народа. Теперь они не мстительны, тогда какъ прежде, за сдѣланное оскорбленіе, мстили изъ роду въ родъ. Легко угадать причину такой перемѣны: законъ Библейскій и страхъ наказанія сковываетъ ихъ руки.

Эти люди, по описанію отца Веніамина, были бы образцами нравственнаго совершенства, если бы лѣнь и неопрятность нѣсколько не затмѣвали блистательной картины ихъ сердца. Не пошлите Алеута за водой, онъ не тронется съ мѣста, хоть бы умиралъ отъ жажды. Всякій соръ, всякая нечистота, выбрасывается подлѣ самаго входу въ юрту. Пищу готовятъ они очень небрежно, и домашней посуды почти не имеютъ. Дѣти ихъ грязны, запачканы, съ включенными волосами; матери почти не лучше дѣтей. Тѣ, которые живутъ между Русскими, большіе притомъ охотники до вина, и всѣ безъ исключенія чрезвычайно любятъ табакъ: безъ табаку Алеуты унылы, скучены и вовсе медвятели.

Отецъ Веніаминъ прожилъ на Уналашкѣ десять лѣтъ, и во все это время не случилось, не только убій-

ства, ни даже драки или значительной ссоры : явленіе неслыханное въ нравственно-гражданскомъ быту людей, знающихъ уже грамоту. Европейцы въ этомъ отношеніи—дикари поодвѣ Алеутовъ. Въ первый рядъ годовъ перводного урокованаго преступленія между шестидесятью тысячами человекъ ! Самыя дѣти, поссорившись, только упоріуютъ другъ друга недостатками своихъ родителей : — твоя мать не умѣетъ шить, — а твоя кривая, — отецъ твой непроторный, — а твой отецъ хромоногой, итакъ далѣе. Въ алеутскомъ языкѣ нѣтъ даже и ругательныхъ словъ, которыми такъ богаты нѣкоторыя другіе. Гостепримство въ большой чести у этого народа. Гости встрѣчаютъ Алеуты на пристани и наперерывъ угощаютъ, чѣмъ Богъ послалъ. Живи онъ сколько захочетъ, его будутъ угощать безъ платы и на дорогу снабжать всѣмъ нужнымъ.

Алеуты склонны къ сластолюбію. До введенія христіанства, страсть эта была у нихъ во всей силѣ, и только ближайшее кровное родство нѣсколько ее обуздывало. У богатыхъ было по нѣскольку женъ и наложницъ, которыхъ они часто перемѣняли подъ разными предлогами. Пріѣзжій гость могъ, по словамъ старежидовъ, участвовать въ бракѣ хозяина. Но по принятіи Алеутами христіанства, многоженство и анакреонтическія угощенія прекратились, хотя самая склонность осталась почти въ прежней же силѣ. До 1827 года сифилитическая болѣзнь, подарочекъ Европейцевъ, свирѣпствовала въ такой степени, что изъ одиннадцати молодыхъ женщинъ рождала только одна. Во всемъ отдѣлѣ число новорожденныхъ не превышало пятидесяти пяти человекъ. Къ-счастью, въ послѣднее время сладострастіе примѣтно ослабло : матери стали дорожить честью дочерей, и *zurphilis* почти совсѣмъ истребилась.

«Нельзя не отдать, говоритъ авторъ, должной справедливости добрымъ свойствамъ Алеутовъ ; но съ другой стороны нельзя не пожалѣть, что, отъ обращенія съ европей-

скою образованностью, некоторыя черты ихъ характера дѣлаются черныя; напимѣрь: примѣтно отступленіе отъ прежнихъ обычаевъ, какъ то, дѣлаться въ случаѣ нужды, быть довольнымъ своимъ состояніемъ, и прочая; видно, что и въ ихъ сердце, закрытое толстою корою характера, прокрадывается личная притязательность и какое-то чувствованіе несправедливости; ктому же и природная неопредѣленная лѣнь, отъ обращенія съ лѣнтями изъ Русскихъ, усиливается и дѣлается опредѣленною, чистою лѣнью, сопряженною съ нераченіемъ, небрежностью, лукавствомъ и обманомъ, видимыми въ отпращиваніи компанейскихъ обязанностей. Но впрочемъ это отступленіе замѣтно еще только въ главномъ селеніи и, болѣе, не въ природныхъ Алеутахъ, а въ креолахъ или полу-креолахъ.»

Обычаи Алеутовъ — смѣсь старыхъ обыкновеній съ новыми, перенятыми отъ Русскихъ. Роженица до сорока дней считается нечистою: она должна избѣгать встрѣчи съ мужчинами и не касаться до съѣстнаго. Если она долго не разрѣшается отъ бремени, это ясный признакъ ея невѣрности, и бѣда, когда, въ такомъ случаѣ, новорожденный не похожъ на отца. Давать младенцу имя, всегда по отцу или матери, предоставлялось дѣдушкѣ съ отцовской или материнской стороны; а ежели дѣдушка умеръ, то мѣсто его занималъ дядя или кто-нибудь изъ родственниковъ. Обрядъ нареченія младенца совершался черезъ сорокъ дней послѣ его рожденія. Дѣдушка выходилъ на середину юрты и садился на полъ, — знакъ, что онъ хочетъ говорить публично, — и, послѣ небольшого предисловія, начиналъ рассказывать исторію своего роду, потомъ собственные подвиги, наконецъ объявлялъ, что новорожденный, въ память такого-то подвига, нарѣчется тако, напимѣрь, *обезсиллъ звѣря, побѣдилъ врага*, и прочая.

Воспитаніе дѣтей было обязанностью дяди съ материнской стороны. Мальчиковъ приучалъ онъ къ терпѣнію во всемъ, и обращалъ особенное вниманіе, чтобы они были искусны въ байдарочной ѣздѣ. Прежде купали

дѣтей въ холодной водѣ, во всякое время года. Дѣвочекъ учили вышивать узоры шерстью и волосомъ, плести ковры и корзинки, чистить рыбу и стряпать. Заподлинное не извѣстно, какихъ лѣтъ вступали въ бракъ: говорятъ однако жъ, что мужчина долженъ былъ дожидаться бороды, а дѣвушкѣ надлежало сперва выучиться хозяйству. Для совершенія брака необходимо было согласіе родителей и дядей: кто нарушалъ это условіе, тотъ подвергался ненависти родственниковъ. Случалось, что родители сватали молодыхъ людей безъ ихъ вѣдома, и только въ день брака объявляли имъ свою волю: женихъ не смѣлъ противурѣчить, но желаніе невѣсты очень часто перемѣняло рѣшеніе родителей; выборъ жениха почти всегда предоставлялся дѣвушкѣ, но ей внушали, чтобъ она не посрамила своего роду выборомъ дурнаго мужа. Какъ скоро всѣ изъявили согласіе на бракъ, женихъ долженъ былъ годъ или два промышлять звѣрей для невѣстныхъ родственниковъ, а если не хотѣлъ или не могъ, то замѣнялъ ловлю богатыми подарками возлюбленной и ея родственникамъ. Только на родной сестрѣ нельзя было жениться. Многоженство господствовало повсюду, но рѣдкій бралъ больше шести женъ, потому что дѣвушки обходились дорого. За разные проступки мужъ могъ прогнать свою супругу. Женщинъ, однако жъ, какъ и въ Тибетѣ, позволялось имѣть двухъ мужей: одинъ былъ главнымъ, другой только помощникомъ, или, какъ говорятъ русскіе Американцы, его *половинщикомъ*. Этотъ половинщикъ, пользуясь правами и преимуществами мужа, долженъ былъ, заодно съ начальникомъ супружеской компаніи, стараться о содержаніи жены и семейства. Половинщикъ могъ отдѣлиться когда хотѣлъ, и въ такомъ случаѣ бралъ часть всего, что было въ домѣ, но дѣти оставались благопріобрѣтеннымъ капиталомъ матери или вручались дядѣ.

Умершаго Алеуты оплакивали тоже сорокъ дней, и

трупъ его выносили изъ дому не раньше какъ черезъ два недѣли; тогда они бальзамировали тѣло, то есть, вынимали внутренности, клали вмѣсто ихъ сухую траву и зашивали брюхо: такимъ образомъ бальзамировали и древніе Мексиканцы. Послѣ бальзамировки, одѣвали покойника въ лучшее его платьѣ, пеленали какъ ребенка, скорѣе, какъ египетскую мумію, клали въ зыбку, раму, обтянутую кожей, и держали въ домѣ еще пятнадцать дней. Впродолженіи этого времени, родственники, поутру и вечеромъ, собирались оплакивать умершаго: они исчисляли его подвиги, хвалили образъ жизни. Арабскіе бедуины дѣлаютъ то же самое. На шестнадцатый день, выносили покойника на кладбище, и ежели онъ былъ *тознъ*, то есть, старѣйшина, всѣ жители селенія провожали его. Тѣло вѣшали въ той же зыбкѣ среди гроба, или *памятника*: у богатыхъ этотъ гробъ имѣлъ фигуру четырехугольнаго ящика, покрытаго сверху досками и разрисованнаго разными красками; бѣдныхъ клали въ простую бараборку, обставленную досками и заваленную землею. Гробы строились всегда на возвышенномъ мѣстѣ, указанномъ въ завѣщаніи умершаго. Вмѣстѣ съ трупомъ хоронили разныя его вещи, смотря по состоянію покойника и по любви къ нему наследниковъ. Потомъ на нѣсколько времени налагали трауръ, то есть, не веселились и не дѣлали того, чего не любилъ покойникъ. Трауръ жены сопровождался бѣльшими причудами. Черезъ недѣлю по смерти мужа, женѣ перевязывали суставы рукъ и ногъ, запирали ее въ особую бараборку и не выпускали ее оттуда ни на шагъ. Во все это время бѣдная вдова считалась нечистою: она ни къ чему не могла прикоснуться и самой пищи не смѣла брать голыми руками. Обрядъ оканчивался омовеніемъ. Такой же трауръ соблюдалъ и мужъ по своей женѣ. Нерѣдко на могилѣ покойника зарывали *калгъ*, или рабовъ. Этотъ кровавый обрядъ, распространявшійся нѣкогда на всю северную Европу,

Азію и Америку, общій дредникъ Сикомъ, Гетамъ и нашимъ Руссамъ, совершался у Алеутовъ одеть черезъ сорокъ дней. Случалось, что вдругъ закалывали целую семью рабовъ, мужа, жену и дѣтей, но большую частью только одного калгу, или, чаще, мужа и жену. Обрядъ закланія или былъ предварительно назначенъ самимъ покойникомъ, или родственники, изъ любви къ нему, кололи и душили калгъ сколько хотѣли. Но случалось также, что умирающіе завѣщавали отпустить своихъ рабовъ на волю, снабдивъ ихъ байдарками и всемъ нужнымъ для разживы.

Праздники или игры Алеутовъ, состояли въ сценическихъ представленіяхъ, какъ у древнихъ Грековъ, и всегда происходили зимою, какъ у Скандинавовъ. Эти представленія называли *укамакъ* : шаманства на нихъ не было, а дѣйствительно представлялось въ лицахъ какое-нибудь историческое событіе, напримѣръ, сраженіе съ неприятелями, борьба со звѣрьми, мировая сдѣлка между поколѣніями, и прочая. Нерѣдко алеутскіе поэты сочиняли эти сцены. Во всякомъ представленіи выступали два лица или, правильнѣе, два огромные чучела изъ травы, одѣтые въ лучшее платье : посерединѣ ихъ дѣйствовалъ человекъ. Одно изъ этихъ лицъ, называемое *игадагакъ*, «страшилище», представляло великана съ страшнымъ лицомъ и длинною бородою; другое, *кугалитѣликъ*, было что-то въ родѣ дьявольщины : оно тоже имѣло страшную харю и было еще огромнѣе перваго чучела. Актеры, дѣйствующие на сценѣ, всегда оказывали почтеніе и повиновеніе этимъ болванамъ : но ни отъ кого нельзя добиться, что именно выражалось ими. Въ день представленія, тоанъ посылалъ своего сына или племянника просить гостей къ общественной барабору, куда они должны были входить по затѣйливой лѣстницѣ изъ надутыхъ пузырярей и звѣриныхъ чучелъ, съ опасностію сломить шею. Гости сажались на приготовленные мѣста и начинали

угощать. Потомъ начинались игры. Среди представле- ній, тожь и нѣсколько почетныхъ Алеутовъ выходили на сцену безъ маски въ нарядномъ платьѣ, увѣшанномъ трофеями предковъ, — волосами, зубами, оружіями, отнятыми у непріателей, или звѣриными костями и доскутьями шкуръ, — выходили не плясать, а засви- дѣтельствовать передъ публикой свои подвиги. Но ак- теры, подобно греческимъ, всегда были въ маскахъ, и представляли какой-нибудь сюжетъ, — извѣстное сра- женіе, знаменитую побѣду, миръ, достопамятную охо- ту за звѣрями, и такъ далѣе. Во все время бубны и пѣсни не умолкали. Представленія продолжались по нѣскольку дней сряду, пока не разыграютъ всѣхъ при- готовленныхъ піесъ. За каждымъ спектаклемъ слѣдо- вали угощенія, а въ-заключеніе, гостей дарили своими произведеніями. Эти драматическія игры можно на- звать драгоценнымъ обломкомъ древнѣйшихъ общихъ обычаевъ челоувѣчества, случайно уцѣлѣвшимъ на от- даленныхъ островахъ между Азіей и Америкою. Для удобнѣйшей оцѣнки читателями ихъ археологической достопримѣчательности, мы сочли нужнымъ помѣстить въ этой же книжкѣ журнала статью «Закулисный міръ древнихъ Грековъ и Римлянъ». Тѣ, котóрые прочтуть ее, будутъ поражены сходствомъ алеутской драматур- гіи съ циклическими и диэпрамбными представленіями первобытной Греціи.

Войны или, справедливѣе, грабежи, въ прежнее вре- мя были очень часты у Алеутовъ. Они обыкновенно воевали съ Аглегмютами и Кадьякцами : случались и междоусобныя брани. Были также примѣры мор- скихъ сраженій, почти всегда при нечаянной встрѣчѣ съ враждебнымъ поколѣніемъ. Но, не отличаясь воин- скою храбростію, Алеуты, при малѣйшей опасности быть побѣжденными, заключали мирные договоры или перемирія. Предводителями ихъ всегда были тоэны, имѣвшіе власть почти неограниченную.

«Оружіе Алеутовъ состояло изъ двухъ родовъ стрѣлъ, кидаемыхъ съ досчечки, извѣстнаго лука со стрѣлами, и двухъ родовъ ножей, или кинжаловъ; для защищенія же себя Алеуты употребляли щитъ и латы.

«Одна стрѣлы, изъ кидаемыхъ съ досчечки, были тѣ же самыя, которыя употребляются нынѣ для промысла сиу-чей, называемыя игыканъ (дротики), съ однимъ наконечникомъ изъ кости; другія стрѣлы были по-длиннѣе, съ нѣсколькими наконечниками, которые дѣлались изъ крѣпкаго дерева, и въ каждой изъ нихъ вставлялись каменные носки изъ обсидіана, иногда налитанныя ядомъ, который былъ извѣстенъ весьма немногимъ. Стрѣла, брошенная въ человека, не входила въ него вся, но одинъ только наконечникъ съ носкомъ; наконечникъ при усилии могъ быть вынуть изъ человека, но носокъ всегда оставался въ немъ, и, следовательно, всегда наносилъ хотя не скорую, но вѣрную смерть. Употребленіе лука и стрѣлъ извѣстно; стрѣлы также были напильываемы ядомъ. Воинскіе ножи, или кинжалы, употреблялись вмѣсто холоднаго оружія; они были обыкновенно каменные; одинъ съ обѣихъ сторонъ имѣлъ острія, длина его была около шести вершковъ; а другой, называемый камлитукъ, былъ почти такой же величины, какъ и первый, только остріе у него было съ одной стороны и на обухъ нѣсколько изогнуто. Латы ихъ дѣлались изъ кругло выстроганныхъ палочекъ, длиною около пяти четвертей, которыя плотно одна съ другой были переплетены жилковыми нитками; ихъ носили подъ верхнимъ платьемъ, навязывая вокругъ туловища, кромѣ рукъ и ногъ, и говорятъ, что такія латы, по-видимому не очень надежныя, весьма рѣдко пробивала стрѣла. Щитъ ихъ дѣлался просто изъ двухъ складныхъ досокъ, длиною въ пять четвертей, а шириною каждая по двѣ четверти; имъ обороняли свою голову отъ летающихъ стрѣлъ, держа лѣвою рукою за сдланную по-серединѣ душку. Щитъ употребляли только при открытомъ сраженіи или при взятіи укрѣпленнаго мѣста приступомъ.»

Въ торговлѣ у Алеутовъ весьма замѣчательна та особенность, что они никогда не торгуются лично, съ глазу на глазъ. Желающій продать вещь посылаетъ ее,

черезъ прикащика, въ какую-нибудь барабору, съ порученіемъ просить, да нее табаку или что дадутъ. Пришедши къ покупщику, прикащики говорятъ — «Вотъ эта вещь продается», — но никогда не оспариваютъ, кромѣ именно. Купецъ осматриваетъ товаръ, спрашиваетъ о цѣнѣ; почему, оставляя вещь у себя, посылаетъ хоскину съ тѣмъ же прикащикомъ столько табаку или чего-нибудь другаго, сколько полагаетъ нужнымъ дать на первый запросъ. Ежели продающій не доволенъ этой платой, онъ ее возвращаетъ. Покупщикъ надбавляетъ. Сколько бы времени ни продолжалась эта мѣновая переторжка, владѣлецъ товару и покупатель ея не видятся никогда. Этотъ образъ торговли нимаго не измѣнился донынѣ. Онъ весьма древній между Алеутами, которыхъ по всему, право, можно почесть этнографическою Помоеей, первобытнымъ народомъ сѣвера, нечаянно открытымъ въ землѣ превосходно сохранившіея среди общаго истлѣнія старины. Не любопытно ли, что, по свидѣтельству арабскихъ писателей, точно такой же образъ торговли существовалъ у нашей Веси на Бело-озерѣ?

Алеуты никогда не раскрашивали себѣ лица; но у нихъ были украшенія другаго роду: мужчины пронизывали нижнюю губу, носовой хрящъ и уши, и вставляли въ губу двѣ косточки съ загнутыми концами. Такія же косточки, или сукки, вставлялись въ носовой хрящъ. Въ ушахъ носили они серьги, то есть, кусочки горнаго хрусталу, подвѣшенные на жальныхъ иголочкахъ. Женщины также пронизывали ноздри, уши и нижнюю губу. Въ ноздри онъ вставляли разныя подвѣски на-подобіе серегъ; въ ушахъ носили серьги, такія же какъ у мужчинъ; къ нижней губѣ привѣшивали пару суклей изъ горнаго хрусталу; на шеѣ, на рукахъ и даже на ногахъ, носили разныя ожерелья изъ разноцвѣтныхъ камней и косточекъ. Всѣ эти наряды, особенно шейные, у некоторыхъ были очень высокой

цены. Русскіе весьма удачно воспользовались алеутской модой: за нѣсколько штукъ кроликовъ или нѣтъ бусъ, они получали десятки драгоценныхъ шкуръ. Нередко молодые удалцы, изъ угожденія своимъ возлюбленнымъ, предпринимали далекія путешествія единственно для того чтобы достать сукли. Ибнъ-Фодланъ, если вы помните, рассказываетъ, какъ наши Русскіе разорялись на бусовыя ожерелья для своихъ супруговъ. Изъ военной добычи такія украшения ставились у Алеутовъ выше всего и раздавались храбрѣйшимъ.

Вѣра этого племени была отраслью шаманской, господствующей донинѣ въ нашей Азии и нѣкогда общей на всемъ европейскомъ сѣверѣ до введенія многобожья, новой религіозной системы, пришедшей съ юга. Алеуты вѣрили въ бытіе Творца, создавшаго все видимое и невидимое. Властителями и управителями природы они признавали двухъ духовъ, которые имѣли вліяніе на всѣ дѣйствія человѣческія. Но никто изъ Алеутовъ не могъ сказать автору, какъ далеко простиралась власть этихъ невидимыхъ управителей, и въ какомъ отношеніи находятся они къ Богу. Есть признаки почитанія небесныхъ свѣтилъ и даже стихій. Старики учили, что солнце не даетъ видѣть свѣту тому, кто осмѣлится говорить худо объ этомъ свѣтилѣ. Луна, по словамъ ихъ, убиваетъ камнемъ своихъ хулителей: это что-то похоже на знаменитую теорію нѣкоторыхъ нашихъ физиковъ о происхожденіи воздушныхъ камней изъ жерлъ лунныхъ вулкановъ?..... Но алеутская теорія душевныхъ болѣзней безспорно, основательнѣе всѣхъ, какія придумало нѣмецкое умозрѣніе: кто худо толкуетъ про звезды, того онъ принудятъ сосчитать себя, и, считая, онъ непременно сойдетъ съ ума.

Идоловъ и храмовъ Алеуты не имѣли; но у нихъ были священныя или заповѣдныя мѣста; были также жертвоприношенія невидимымъ духамъ. Священныя

мѣста находились при каждомъ селеніи. Это былъ бугоръ, утѣсь. Ходить сюда строго запрещалось всѣмъ женщинамъ и молодымъ мужчинамъ. Кто нарушалъ этотъ законъ, того неминуемо постигала страшная болѣзнь или скорая смерть: и хорошо еще, если такой богохульникъ сходилъ только съ ума. Но старики и взрослые мужчины безпрепятственно могли посѣщать священные мѣста. Шаманы, предводители жертвоприношеній, рассказывали о себѣ чудесныя вещи: когда будущему шаману исполнялось пятнадцать лѣтъ, дьяволъ начиналъ его испытывать мечтами и привидѣніями: повѣдетъ юноша на море, передъ нимъ вдругъ является неприступный островъ, ужасная скала, или изъ моря выходятъ страшныя чудовища; пойдетъ ли онъ пѣшкомъ, разныя привидѣнія не даютъ ему покою. Не видя конца этимъ наважденіямъ, молодой человекъ принужденъ просить помощи и пощады у невидимаго существа, которое такъ немилосердно его мочить. Злой духъ только этого и ждалъ: онъ вступаетъ въ переговоры, предлагаетъ условія, посвящаетъ въ свои жрецы, и требуетъ страшной клятвы. Въ чемъ именно состояла эта клятва, шаманы не сказывали никому.

Алеуты вѣрили въ будущую жизнь и безсмертіе души. Изъ этого-то источника происходилъ ихъ обычай рѣзать калгъ: они думали, что калга на томъ свѣтѣ будетъ прислуживать своему господину. Суевѣрія ихъ очень грубы, но поразительны по своей затѣйливости. Особенно замѣчательны ихъ примѣты при ловлѣ китовъ. Они намазывали стрѣлы жиромъ или кровью человека, иногда привязывали къ нимъ кусокъ человѣческаго мяса, доскутокъ платя вдовы, которая еще не кончила траура, или что-нибудь изъ ядовитыхъ корней и травъ. Всѣмъ этимъ веществамъ приписывалось особенное дѣйствіе, и китоловы всегда имѣли ихъ въ байдаркахъ. Бросивъ въ кита стрѣлу, начиненную такими снадобьями, промышленникъ дышалъ на

свои руки, и преспокойно уходилъ домой, запирался на три дня въ шалашъ, ничего не ѣлъ, не пилъ, не пускалъ къ себѣ никого, особенно женщинъ. Впродолженіи затворничества онъ поминутно вздыхалъ какъ китъ, подстрѣленный и уже издыхающій. Вся церемонія дѣлалась для того, чтобы китъ не отплывалъ отъ берегу, а изволилъ умирать по этому образцу. На четвертый день промышленникъ выходилъ изъ своей темницы, купался, кричалъ дикимъ голосомъ, хлопалъ руками по водѣ, потомъ бралъ съ собой товарищей и ѣхалъ на мѣсто ловли: если китъ издохъ, колдовство, значитъ, подѣйствовало; а ежели нѣтъ, промышленникъ возвращался домой и опять начиналъ мучить себя. Замѣчательно, что, при употребленіи талисмановъ, наговоровъ и примѣтъ, Алеуты особеннымъ правиломъ поставляли не прикасаться къ женщинамъ: нарушители его должны были ожидать величайшаго и внезапнаго несчастія. Нынче Алеуты — примѣрные христіане. Какъ-скоро озарилъ ихъ свѣтъ Евангельскаго ученія, они оставили всѣ причуды шаманства, даже пѣсни, напоминавшія о прежней религіи. Все это сдѣлали они безъ всякаго принужденія. Первый миссіонеръ Алеутовъ, монахъ Макарій, пріѣхавшій къ нимъ въ 1795 году, не думалъ употреблять насильственныхъ мѣръ для обращенія ихъ въ христіанство: они крестились добровольно, по собственному убѣжденію, и стали отъ души преданными новой вѣрѣ. Теперь уже имѣютъ они на своемъ языкѣ краткій катихизисъ, напечатанный въ 1831; кромѣ-того перевели для нихъ Евангеліе отъ Матѳея, дозволенное Синодомъ къ употребленію въ рукописи, и составили алеутское поученіе о сущности христіанской религіи, подъ заглавіемъ: «Краткое показаніе пути къ царствію небесному.»

Въ политическомъ отношеніи, Алеуты пользуются нынче покровительствомъ законовъ наравнѣ съ крестьянскимъ сословіемъ: они освобождены отъ всѣхъ повин-

ностей и податей, но зато обязаны служить Компаніи отъ пятнадцати до пятидесяти лѣтъ возрасту. Всѣ свои промыслы должны они продавать Компаніи за плату, утвержденную правительствомъ. Народонаселеніе ихъ уменьшилось особенно отъ тѣхъ насилій и притѣсненій, какія первоначально они терпѣли. Соловьевъ, прибывшій на Уналашку изъ Камчатки, поступалъ съ жителями безчеловѣчно. Берхъ, въ исторіи открытія Лисьевскихъ Острововъ, старается уменьшить число Алеутовъ, истребленныхъ этимъ жестокосердымъ человѣкомъ, но и онъ сознается, что Соловьевъ разъ убилъ сто человѣкъ Алеутовъ, нападавшихъ на жилища Русскихъ, другой разъ поднялъ на воздухъ до двухъ сотъ. Прошло почти столѣтіе съ этого несчастнаго времени, говоритъ почтенный отецъ Веніаминъ, и теперь никому нѣтъ надобности скрывать того, какъ Русскіе первоначально поступали съ бѣдными жителями неизвѣстныхъ острововъ; говорятъ даже, и къ-несчастью говорятъ правду, что многихъ Алеутовъ перестрѣляли они единственно такъ, для потѣхи. Эта звѣрская мысль пришла однажды въ голову Соловьеву: ему вздумалось испытать, сколько человѣкъ можетъ пройти пуля и въ которомъ человѣкъ она остановится. Для этого Соловьевъ велѣлъ связать двѣнадцать Алеутовъ вмѣстѣ и выстрѣлилъ въ первое изъ нихъ изъ винтовки: оказалось, что пуля остановилась въ девятомъ. Натрубинъ, товарищъ и достойный клеветъ Соловьева, губилъ Алеутовъ на Аватанакѣ, безоружныхъ и совершенно невинныхъ. Также очень много, и почти въ одно время, истребили островитянъ какія-то два русскія судна, одно въ Иссанахъ, другое у Макушъ.

«Русскіе, бывшіе на первомъ суднѣ, или изъ подозрѣнія, или также изъ отищенія за кровь убитыхъ въ Иссанахъ Русскихъ, истребили четыре большія селенія на Унимакѣ, оставляя изъ каждаго только молодыхъ женщинъ и нѣсколько молодыхъ мужчинъ для прислуги. Русскіе, подъ

предводительствомъ передовщика своего, имѣвшаго при себѣ какую-то дѣвку, оставя на своемъ суднѣ нѣсколько чело-вѣкъ, отправились на Уникакъ именно съ тѣмъ намѣре-ніемъ, чтобъ истребить Уникакцевъ, какъ самыхъ безпо-койныхъ. Подойдя къ первому селенію тайкоблѣ, они, прежде всего, обобрали стрѣлки съ байдарокъ, и изломали; а потомъ вдругъ напали на беззащитныхъ Алеутовъ, въ ихъ жилищахъ, и били безъ пощады тѣхъ, которые успѣвали высканывать, а остальныхъ губили, или зажигая юрту со всехъ сторонъ, или обрушивая. Такимъ образомъ имъ удалось истребить три первыхъ селенія отъ иссанахскаго пролива. Подходя къ четвертому селенію, находившемуся на подножіи Шидцалдинской сопки, они встрѣтили сильный вѣтръ съ дождемъ, и, не имѣя камней, перамокли до костей и озябли чрезвычайно. Жители, увидя ихъ издалека, узнали что это Русскіе, но не знали, что предпринять. Зака-щикъ, или старшій по тознѣ, предлагалъ не допускать ихъ до селенія и убить, говоря: «Они не даромъ идутъ къ намъ.» Но добрый тознѣ отвергнувъ его предложеніе: островитяне приняли Русскихъ ласково, отогрѣли, и тѣмъ могли уго-стили. И надобно замѣтить, что Русскіе, до того перезябли, что не имѣли силъ сами себѣ спускаться въ юрту по лѣст-вицѣ, и Алеуты спускали ихъ по-одиночкѣ, и потомъ ото-грѣвали ихъ на жарникахъ. И бѣднѣе Алеуты не знали, кого отогревали! Русскіе, лишь-только отогрѣлись и под-крѣпивъ свои силы, тотчасъ начали свое дѣло: всѣхъ Алеу-товъ, по ихъ приказанію собравшихся въ юрту, они начали стрѣлять, а прочихъ задавили юртою. Кончивъ это, они отправились далѣе съ тѣмъ же намѣреніемъ; но жители слѣдующаго селенія, вѣроятно, узнавъ отъ спасшихся Алеу-товъ, что эти гости идутъ къ нимъ совсѣмъ не въ гости, не допустили ихъ до своего селенія, и, сдѣлавъ нечаянное нападеніе, убили ихъ передовщика съ дѣвкою, нѣсколькихъ ранили, а остальныхъ обратили въ бѣгство и заставили воротиться на судно. Селеніе это называлось *Погромскимъ*, или *Погромнымъ*, вѣроятно по тому случаю, что жители его задали вогрома Русскимъ. Не известно точно, на ка-комъ суднѣ были эти Русскіе. Уникакскіе Алеуты гово-рятъ, что они были съ Протасовскаго судна; но едва ли

эти удалцы были не изъ числа экипажа Бечевинскаго судна.»

Давыдовъ, въ своемъ путешествіи, полагаетъ число Алеутовъ, истребленныхъ однимъ Соловьевымъ, до трехъ тысячъ. Но по словамъ Сарычева, этотъ извергъ отправилъ на тотъ свѣтъ до пяти тысячъ, и отецъ Веніаминовичъ думаетъ, чтобы извѣстіе Сарычева было преувеличено. Переселенія были второю причиною уменьшенія числа коренныхъ жителей. Меркульевъ увезъ за одинъ разъ на Острова Прибылова до осмнадцати семействъ. Барановъ, нуждавшійся въ людяхъ при занятіи Ситхи, вдругъ вывелъ туда сто байдарочныхъ эскадръ съ семействами, которыхъ и третьей доли не возвратилось. Наконецъ голодъ, моровыя повѣтрія и сифилитическая болѣзнь довершили опустошеніе острововъ.

Для приобрѣтенія денегъ, у Алеутовъ два средства, — работа для Компаніи и звѣрная ловля. Работники получаютъ отъ Компаніи пищу и отъ сотни до двухъ сотъ рублей жалованья въ годъ. За все, что работникъ упрямываетъ во время службы для Компаніи, особенной платы ему не даютъ, кромѣ временныхъ наградъ по усмотрѣнію начальства. Прочіе, не состоящіе въ службѣ Компаніи, продаютъ звѣрей по таксъ, утверждаемой правительствомъ. Сверхъ-того за каждый день случайной работы получаютъ они по пятидесяти копѣекъ. Богатѣйшіе между Алеутами тѣ, которые живутъ на Островахъ Прибылова. Они также исполняютъ требованія Компаніи, но не считаются ея работниками. Компанія платитъ имъ за всякаго звѣря по таксъ, и общую сумму, вырученную за промыслы, раздаетъ промышленникамъ, смотря по ихъ способности и усердію: лучшіе промышленники получаютъ до двухъ-сотъ-пятидесяти рублей въ годъ. Сверхъ-того жители Острововъ Прибылова могутъ запасаться, кишками, горлами и лафтами: всѣ эти вещи нужны для байдарокъ, и Алеуты прочихъ острововъ ихъ не имѣютъ. Богачи на

Островахъ Прибылова скопляютъ денегъ до тысячи рублей.

Всѣ алеутскія издѣлія, говоритъ авторъ, доведены, въ своемъ родѣ, до возможнаго совершенства. Промысловыя орудія, байдарки, національный костюмъ, — все показываетъ, что каждая вещь на своемъ мѣстѣ, обдуманна, и совершенно приспособлена къ употребленію. Терпѣніе работающихъ изумительно до высочайшей степени: часто Алеутъ мѣсяць или два выдѣлываетъ простымъ ножомъ коробочку изъ кости или друкую какую-нибудь бездѣлку, и потомъ промѣниваетъ ее за папушу табаку; въ другой разъ онъ цѣлые полгода вышиваетъ что-нибудь, и отдаетъ свою работу за платокъ или, много, за рубашку.

Алеутскіе врачи въ прежнее время очень славились своимъ искусствомъ. Главное леченіе болѣзней было совершенно иппократическое и состояло въ спокойствіи, терпѣніи и строжайшей діетѣ. Но въ опасныхъ случаяхъ, кромѣ лекарствъ и полосканья рта, больному давали не болѣе двухъ ложекъ воды въ цѣлыя сутки. Раненыхъ лечили совершеннымъ постомъ, то есть, отъ двухъ до четырехъ сутокъ сряду не давали имъ ничего, даже капли воды: алеутскіе доктора медицины и хирургіи думали, что, какъ-скоро раненый напьется воды, въ ранѣ тотчасъ появляется жидкость, дѣлается воспаленіе, и больной умираетъ. Такой способъ леченія и нынче многихъ спасаетъ отъ смерти. Больнаго горячкой пользовали отварами горькихъ травъ, оберегая отъ вѣшняго воздуха. Противъ чахотки употребляли разныя травы: если кровохарканіе усиливалось, пациента кололи съ обоихъ боковъ каменными ланцетами, чтобы выпустить изъ него дуриую кровь. Та же метода служила и въ обыкновенной коликѣ, и притомъ, говоритъ авторъ, съ величайшимъ успѣхомъ: случилось, что по-утру больной умиралъ, а къ-вечеру, послѣ операціи, дѣлался здоровымъ. Впрочемъ, этотъ способъ

леченія, совершенно динамико-симметрической или антагонисто-динамической, употребляется почти во всехъ болѣзняхъ, при отчаянномъ положеніи пациента, и нѣтъ на тѣлѣ ни одного мѣста, кромѣ глазнаго зрачка, которое бы алеутскіе иннократы отважно не брались колоть въ случай надобности. Отецъ Веніаминовъ зналъ одного Алеута, котораго мѣстные операторы кололи динамико-симметрически болѣе сорока разъ въ различныхъ мѣстахъ, но на этотъ разъ онъ не присовокупляетъ — съ величайшимъ устыхомъ. Есть еще способъ леченія, присвоенный исключительно старухамъ, и который называется *держатъ брюхо*. Это средство прописываютъ противъ внутреннихъ болѣзней. Какъ-скоро больной чувствуетъ грызеніе или щемленіе въ животъ, его кладутъ на спину, и лекарка обѣими руками *держитъ* его брюхо, перебирая пальцами внутреннія части, чтобы, какъ говоритъ она, уложить все по мѣстамъ. Многіе одобряютъ и этотъ способъ.

То, что почтенный отецъ Веніаминовъ говоритъ объ алеутскомъ языкѣ, чрезвычайно любопытно, и сравнительная филологія никогда не забудетъ великой услуги, которую нашъ авторъ оказалъ ей собраніемъ и разборомъ столькихъ текстовъ одного изъ любопытнѣйшихъ языковъ той части свѣта. Но изъ грамматической системы этого языка мы замѣчаемъ, что онъ вполне принадлежитъ къ новѣйшимъ американскимъ. Далѣе, авторъ подробно разсматриваетъ преданія, пѣсни и сказки Алеутовъ. Во всемъ этомъ, особенно въ сказкахъ, довольно много поэзіи, и поэзіи очень оригинальной. Оба первые тома заключаются многочисленными таблицами метеорологическихъ наблюденій, статистическихъ данныхъ, извлеченіями изъ метрическихъ книгъ о родившихся и умершихъ въ умаланинскомъ отдѣлѣ съ 1822 по 1837 годъ, и такъ далѣе.

Въ третьей части почтенный отецъ Веніаминовъ помѣстилъ свои изслѣдованія объ атхинскихъ Алеутахъ

и Колошахъ. Здѣсь, какъ и вездѣ, читатели найдутъ богатый кладъ новыхъ, точныхъ, и всегда любопытныхъ подробностей, но мы, по недостатку мѣста, остановимся только на весьма не многихъ.

Подъ именемъ *Колошъ* или *Коллюжей* извѣстны народы, населяющіе сѣверо-западный берегъ Америки, отъ рѣки Колумбіи до Горы Святаго Иліи, и преимущественно тѣ, которые живутъ по архипелагу принца валлійскаго и короля Георга III, то есть, по островамъ, прилегающимъ къ материку Америки. Наружный видъ Колошъ, особенно ихъ умственные способности и характеръ, показываютъ, что они совсѣмъ другаго происхожденія. Отецъ Веліаминновъ думаетъ, что, по своимъ способностямъ, Колоши сдѣлаются со-временемъ господствующимъ народомъ въ Сѣверной Америкѣ отъ Берингова Пролива до Калифорнскаго Залива. Склонность къ торговлѣ, необыкновенная дѣятельность и смѣтливость, даже теперъ, ставятъ Колошъ на первую степень между окружающими ихъ племенами. Съ Алеутами, въ этомъ отношеніи, нельзя ихъ и сравнивать. Алеуты не любостяжательны, почти *безсеребренники*, какъ выражается авторъ; напротивъ, Колоши имѣютъ большую склонность къ приобрѣтенію богатствъ, и нужды ихъ далеко простираются за предѣлы удовлетворенія первыхъ потребностей. Есть Колоши, у которыхъ цѣлые сундуки, нерѣдко *кантонскіе*, набиты разными дорогими вещами: а кантонскій сундукъ русскіе купцы въ Ситхѣ цѣнятъ въ семьдесятъ рублей. Колошу стонтъ такой сундукъ не менѣе шести или семи бобровъ. Ихъ издѣлія приводятъ въ удивленіе Европейцевъ чистотою, тонкостью и вкусомъ своей отдѣлки. Особенно замѣчательны ихъ *плащи*, или одѣяла изъ пряденаго козьяго пуху, съ прочными красками и весьма правильными фигурами.

«Чтобы довести эти ремесла до такого совершенства, въ какомъ мы находимъ ихъ нынѣ, и притомъ безъ всякаго

пособія со стороны другихъ народовъ, нужна болѣе нежели обыкновенная смѣтливость. Правда, нужда и опытъ — великіе учителя, могущіе умудрить и самаго несмысла. Но чтобы умѣть научиться изъ опытовъ, и только одними опытами дойти до совершенства или до возможнаго улучшения, особенно въ такихъ вещахъ, безъ которыхъ можно обойтись или которыя можно замѣнить другими, напримѣръ, одяло звѣриною шкурою, нуженъ умъ.

«Нельзя упустить изъ виду и того, что у Колошъ на всякое явленіе въ природѣ есть свои причины, свои легенды и басни, конечно весьма не замысловатыя, но вся онѣ одна другой различнѣе или, по-крайней-мѣрѣ, одна на другую не совсѣмъ похожи. Правда, эти бредни нисколько не доказываютъ глубокомыслія или свѣтлаго ума, но они обнаруживаютъ, что люди эти по-крайней-мѣрѣ *размышляютъ*, и, въ этомъ отношеніи, они несравненно выше калифорнскихъ Индѣйцевъ, которые едва ли умѣютъ объяснить себѣ что-нибудь. Признаками размышленія или, такъ-сказать, броженія и проявленія ума Колошъ, могутъ служить вопросы, которые они мнѣ дѣлали при посѣщеніяхъ и бесѣдѣ моеи съ ними.

«Но вразсужденіи дѣятельности, склонности къ торговлѣ, смѣтливости и даже, можно сказать, въ искусствѣ торговыхъ оборотовъ, Колоши, безъ всякаго сравненія, выше всѣхъ своихъ сосѣдей, и, въ этомъ отношеніи, особливо въ торговлѣ, они едва ли уступятъ даже полу-образованнымъ народамъ. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ тоэнскихъ дѣтей, начавъ торговлю отъ нѣсколькихъ бобровъ, втеченіи трехъ или четырехъ лѣтъ приобрѣлъ себѣ осемь калгъ, отличный батъ, жену, нѣсколько ружей и множество разныхъ вещей, словомъ сказать, сдѣлался богачемъ.»

Мы съ сожалѣніемъ расстаемся съ этою книгою, и советуемъ нашимъ читателямъ ближе познакомиться съ нею.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЬТОПИСЬ.

АВГУСТЪ, 1841.

НОВЫЯ КНИГИ.

РАТНВОРЪ ХОЛМОГРАДСКІЙ. *Сочиненіе Александра Вельмана. Москва, въ тип. Степанова, 1841, въ-8., стр. 231.*

Былъ некогда на свѣтъ презлой, — хуже того, прескучный, — человекъ, котораго имя за давностью забыто людьми, но который хотѣлъ непременно повѣсить бѣдную Литературную Лѣтопись за то, что она всё смѣется. — Возстаньте, народы! вопилъ онъ въ книжной пустынь: возстаньте, авторы и книги, и общими силами уничтожьте дерзкую нарушительницу вашей блаженной скуки, убейте эту зловредную Лѣтопись, которая.... о ужась!.... о горе!.... о святопреставленіе!... смѣется да и только, смѣется даже и тогда, какъ вы пресеріозно пишете и печатаете самыя неистовыя умозрѣнія, самую высокопарную дичь. — Смѣлость Лѣтописи, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, была дѣйствительно неслыханная, и она, изъ уваженія къ умозрительнымъ авторамъ и высокопарнымъ книгамъ, нѣсколько разъ давала себѣ слово

уняться и замѣнить свой беззаботный смѣхъ свинцовою важною : но что же прикажете ей дѣлать, когда авторы и книги, какъ на зло, непрерывно заставляютъ ее нарушать свои торжественныя обѣты? Покорнѣйше прошу удержать свою важность, не улыбнуться, не помирать со смѣху, не хохотать до слезъ, когда Каломерось пускается въ корнесловіе, а Ратяборъ начинаетъ писать стихи! Клянусь вамъ это свыше силъ человѣческихъ. Попробуйте не смѣяться при видѣ того, какъ господинъ Вельманъ, всенародно женивъ Наполеона въ Москвѣ на русской барышнѣ, сочиняетъ «сочиненіе», раздѣленное на *части* подъ названіемъ «драматическихъ картинъ», со «Взглядомъ на осьмое столѣтіе», и заставляетъ «дѣйствующихъ лицъ», во все время этой драмы, разсуждать въ *спнлхъ*. Развѣ можно сохранить серьезный видъ, слушая какъ онъ говоритъ: зачѣмъ намъ *сцены*, когда у насъ есть *спни*? когда и по-санскритски *спнь* называется *сагу*?.. Да это такъ весело, что, я увѣренъ, онъ самъ хохоталъ отъ души, написавъ столь ученое примѣчаніе. *Сцена*, какъ вамъ извѣстно, происходитъ отъ греческаго слова *скене*, что значитъ «шатеръ», «навѣсъ», «балаганъ», одинъ изъ тѣхъ балагановъ, подъ которыми древніе мимы давали свои представленія : но онъ, для потѣхи своихъ читателей, дѣлаетъ маленькое предположеніе, будто бы *сцены* названы Французами *scènes*, *спнь*, отъ того, что встарину, когда еще не было декораций, эти господа *оспнлм* театръ спереди вътвлями : следовательно, французское *сцене* явственно взято изъ славянскаго *спнь*, то есть, *твнь*, потому что, надобно знать, — это также очень весело! — по теоріи господина Вельмана, всѣ люди — Славяне, за исключеніемъ Нѣмцевъ, которые, если угодно, тоже Славяне, только неудавшіеся, изгнанные изъ славянскаго общества за свою хитрость и выдумавшіе себя, изъ исковерканныхъ славянскихъ словъ, особенный языкъ, чтобы удобнѣе морочить Славянъ. Вся западная Европа, утверждаетъ онъ, была еще недавно населена Славянами, которыхъ коварные Нѣмцы истребили тамъ совершенно своими нѣмецкими шутками. Знаменитая Франкская династія Меровинговъ, очевидно, была славянская: это доказывается самымъ названіемъ короля *Mérovée*, то есть, *Мировоя*,

названнаго такъ, потому что, въ числѣ своихъ странностей, онъ, вѣроятно, любилъ воевать съ миромъ. У Меровинговъ былъ всегда одинъ бояринъ въ родѣ Бориса Годунова, который управлялъ государствомъ; его звали великимъ конюшимъ: и представьте только себѣ, какъ Нѣмцы надули этихъ честныхъ Славянъ Меровинговъ!..... коверкая всѣ славянскія слова, они изъ конюшій сдѣлали конюжій, потомъ конунжъ, наконецъ конунгъ, konung, такъ, что наконецъ изъ простаго славянскаго конюшаго вышелъ ихъ Kōnig, король. Такой-то хитростью наследники Карла Мартеля попали во французскіе короли! Этого мало: до своего производства въ конюшіе, Карлъ Мартель ковалъ лошадей у Славянъ Меровинговъ; martel, или marteau, значитъ, какъ вы знаете, молотъ, орудіе кузнеца; и вотъ откуда произошелъ его титулъ le grand maréchal, который собственно значитъ, совсѣмъ не то что вы думаете, не великій маршалъ, а великій кузнецъ: это видно даже изъ того, что въ рукахъ его была казнь, то есть, кузнь, и прочая.

Умора, да и только! Этакія вещи въ состояніи заставить человека хохотать круглый годъ. Но что же вы не смѣетесь вмѣстѣ со мною?

«Что жъ, батюшки, здумались?
Туманомъ обдало?... О-о-о!»

(свѣтъ первая.)

Согласенъ, что оно имѣетъ также и свою печальную сторону. Нельзя не видѣть, что авторъ «Ратибора», послѣ неудачной свадьбы Наполеона въ Москвѣ, находится теперь въ самомъ плачевной пароксизмъ славяноманіи. Но, какъ бы то ни было, я еще тутъ не вижу недостаточной причины къ тому чтобы не смѣяться, когда смѣшно! Такъ станемъ же смѣяться всѣ хоромъ:

Вотъ проза господина Вельтмана.

«Все слажено! Вдругъ нѣсколько ударовъ въ сердце!.... что жъ дѣлать! само Провидѣнье попутало ихъ въ собственныхъ сѣтяхъ и средство дало намъ избавить короля.» (стр. 103).

«Что ж будешь дѣлать, Вонифатій, когда народу больше по душѣ союзъ съ Ломбардами, чѣмъ съ Римомъ? Вся римскія нововведенія, pontaticum, gotaticum и pulveraticum, тяжелое вооруженіе, легіоны, не только Галламъ всѣмъ, но и Франкамъ, не по праву.» (стр. 59).

«Его величество велѣлъ тебя поздравить, герцогъ, съ счастливымъ совершеннымъ бракъ, и приказалъ напомнить объ обѣтѣ, который на гробахъ угодинокъ Святыхъ Мартина, Рустика, Дениса, Елевтера, со всеми альдами Баваріи, ты далъ въ неварушимой вѣрности королю Франковъ.» (стр. 130).

О-охъ! или правильнѣе, *а-ахъ!* я ошибся. Подумайте только : на-видъ, это проза, и даже плохая проза : а въ *спялхъ* господина Вельтмана это стихи! Вотъ, какъ тамъ напечатаны эти строчки :

«Все слажено!

Вдругъ нѣсколько ударовъ въ сердце!

Что ж дѣлать! само Провидѣнье

Попутало ихъ въ собственныхъ стѣяхъ.»

«Что ж будешь дѣлать, Вонифатій,

Когда народу больше по душѣ

Союзъ съ Ломбардами чѣмъ съ Римомъ?

Вся римскія нововведенія,

Pontaticum, gotaticum, и pulveraticum,

Тяжелое вооруженіе, легіоны,

Не только Галламъ всѣмъ, но и Франкамъ не по праву.»

«Его величество велѣлъ тебя поздравить, герцогъ,

Съ счастливымъ совершеннымъ бракъ,

И приказалъ напомнить объ обѣтѣ,

Который на гробахъ угодинокъ святыхъ,

Мартина, Рустика, Дениса, Елевтера,

Со всеми альдами Баваріи, ты далъ

Въ неварушимой вѣрности королю Франковъ.»

Ясно, что это стихи, а не проза! Я обознался. Ну, такъ

теперь возьмемъ изъ *спячей* господина Вельтмана такіе стихи, которыѣ никакъ нельзя было бы смѣшать съ прозою; чистые ямбы; настоящіе стихи :

• А вскорѣ Альбинъ, великій атаманъ,
Главой Италіи и королемъ былъ признанъ,
И вначалѣ былъ вѣнцомъ желѣзнымъ,
Искованнымъ изъ крестнаго гвоздя.

—

• Теперь рѣшительныя вужы мѣры :
Собраніе перовъ и запросъ,
Что значать явные союзы противъ папы ?
Не патриарха ли призвать отцомъ духовнымъ,
И католичество смѣнить иконоборствомъ ?

—

• Не въ храмъ ес женихъ приводитъ, а въ могилу !....
Я повошеніе семьи похороно !....
И если встрѣтитъ кто живое существо
Похожее на Гейзу.....
Тотъ воздухомъ мовхъ владѣній не дыши :
И прахъ его себѣ могилы не найдетъ !....

О-охъ! а-ахъ! э-эхъ! я опять ошибся. Меня рѣшительно — туманомъ обдало: теперь я, наоборотъ, принялъ за стихи прозу господина Вельтмана! На-видь, это суціе стихи, совершенные ямбы, какъ всѣ русскіе ямбы; я присягнулъ бы въ томъ, что это стихи; самъ даже Славянинъ Горячій, знаменитый римскій поэтъ, неправильно называемый *Горациемъ*, принялъ бы ихъ за стихи: а между-тѣмъ, въ *спячахъ* «драматическихъ картинъ» господина Вельтмана, это — проза! Тамъ вотъ какъ напечатано:

• А вскорѣ Альбинъ, великій атаманъ, главой Италіи и королемъ былъ признанъ, и вначалѣ былъ вѣнцомъ желѣзнымъ, искованнымъ изъ крестнаго гвоздя. (стр. 33).

—

• Теперь рѣшительныя вужы мѣры: собраніе перовъ и запросъ, что значать явные союзы противъ папы. Не патриарха ли призвать отцомъ духовнымъ и католичество смѣнить иконоборствомъ? (стр. 67).

« Не въ храмъ ее женихъ приводить, а въ могилу!.... Я повешеніе семь похорошо!.... и если встрѣтитъ кто живое существо.....
 тотъ воздухомъ моихъ владѣній не дыши: и прахъ его себѣ могилы не найдетъ!» (стр. 80).

Проза! чистая проза!.... и даже плохая проза: а между тѣмъ несомнѣнные ямбы, какъ всѣ русскіе ямбы!... Но я уже дважды попалъ въ просакъ, и ни за что въ міръ не стану далѣе разбирать книги, въ которой прозы не отличишь отъ стиховъ, стиховъ отъ прозы. Господинъ Вельтманъ очевидно хотѣлъ меня мистифривать: клянусь, онъ нарочно противъ меня написалъ эту западню! Но, вѣтъ, я не дуракъ: напрасно влюбленная Эрменгарда говоритъ Ратибору Холмоградскому коротенькою строчкою «въ *умиленномъ безуміи*»:

«Ахъ, это ты! ты, ты, тья друга!»

напрасно авторъ, чтобы опять поймать меня, придаетъ этой коротенькой строчкѣ чудную звуко-подражательную гармонию, *то ты ты ты ть*, которая такъ вѣрно и такъ поэтически выражаетъ *умиленное безуміе*: я уже не скажу моего мнѣнія, стихъ ли это, или проза. *То ты ты ты ть*, можетъ-быть, и стихъ. *То ты ты ты ть*, а можетъ, и проза.

Что касается до содержанія этихъ драматическихъ *спней*, то ты ты ты ть оно такъ совершенно сходно съ содержаніемъ нижеслѣдующаго романа «Упырь», что когда я вамъ расскажу его, то ты ты ты ть вы будете имѣть совершенно ясное понятіе о занимательности обоихъ твореній.

УПЫРЬ. Сочиненіе Краснорогскаго. *СП.-бургъ*, въ тип. Фишера, 1841, въ-8, стр. 177.

Въ Москвѣ балъ, на балъ много народу, въ томъ числѣ старушка, бригадирша Сугробина, и старикъ, статскій совѣтникъ Теляевъ. Тутъ же обрѣтается и нѣкто господинъ Руневскій, которому «бросается въ глаза челоуѣкъ, по-видимому еще молодой, но блѣдный и почти совершенно съдой», словомъ, нѣкто господинъ Рыбаренко. Мосье Руневскій спрашиваетъ у него, знаетъ ли онъ, кто эта бригадир-

ша и кто этотъ статскій совѣтникъ. — Это упыри, хладнокровно отвѣчаетъ мосьё Рыбаренко. — Упыри!... какъ упыри? — Такъ, упыри да и только.

А какъ вамъ извѣстно и вѣдомо, упырь то же что вампиръ.

Мосьё Рыбаренко прибавляетъ, что нѣкогда самъ онъ присутствовалъ на похоронахъ Сугробиной, а Теляевъ-де умеръ двумя недѣлями прежде нея.

Мосьё Руневскій танцуетъ съ внучкой бригадирши, Дашей, и, несмотря что Даша — внучка упыря, влюбляется въ эту дѣвушку. Онъ знакомится и съ ея страшной бабушкой, покойной мадамъ Сугробиной, и узнаетъ отъ нея, что самъ Рыбаренко, уже три года, не то чтобъ умеръ, а находится въ страшномъ *то ты ты ты ть*, то есть, умиленномъ безуміи. Это—самая понятная вещь во всей книгѣ, но на-бѣду господинъ Руневскій ея-то и непонялъ. Пойми онъ это, не объ чемъ было бы писать книги: вся эта исторія о Дашѣ, у которой есть тетка, Зорина, и о теткѣ, у которой есть дочь, Софья, уничтожилась бы сама собою.

Досель, въ сочиненіи господина Краснорогскаго, все обстояло довольно благополучно; но съѣтихъ поръ дѣло—*то ты ты ты ть!*.... начинается страшно запутываться. Читатель оппадаетъ въ лабиринтъ самыхъ безсвязныхъ и непонятныхъ происшествій. Зорина, опекунша Дашин, живетъ въ Москвѣ, а бригадирша-упырь живетъ въ своей подмосковной. Она беретъ туда гостить внучку Дашу. Туда же ѣдетъ и господинъ Руневскій.

Въ подмосковной, у покойной бригадирши, собралось общество; въ числѣ присутствующихъ находится и статскій совѣтникъ, упырь Теляевъ. Руневскій — въ кругу молодыхъ дамъ и дѣвушекъ. Даша предлагаетъ гадать по книгѣ. Берутъ *какую-то* книгу, раскрываютъ, читаютъ. Дашѣ вышло:

• Пусть бабушка внучкину высосетъ кровь. •

По поводу такого ужаснаго стиха, молодыя дамы и дѣвушки пожелали прочесть всю піесу. Она, какъ кажется, сочинена самимъ господиномъ Краснорогскимъ, но въ то время находилась еще въ рукописи.

«Какъ филинъ поймавъ летучую мышь,
 Когтями сжалъ ея когти,
 Какъ рыцарь Амросій, съ толпой удалцовъ,
 Къ сосѣду собирается въ гости.
 Хоть много цѣпей и замковъ у воротъ,
 Ворота хозяйка гостямъ отпорѣтъ.

Что жъ, Марса, веди насъ, гдѣ спитъ твой старикъ?
 Зачѣмъ ты такъ поблѣдилъ?
 Подъ замкомъ кипитъ и клубится Дунай,
 Ночь скроетъ кровавое дѣло.
 Не бойся, изъ гроба мертвецъ не встанетъ,
 Что будетъ, то будетъ, — веди насъ впередъ!

Подъ замкомъ бѣжить и клубится Дунай,
 Вьгуть облака полосомою;
 Ужъ коачево дѣло, зарызанъ старикъ,
 Амросій пируетъ съ толпою.
 Въ кровавыя воды глядится луна,
 Съ Амросьемъ пируетъ злодѣйка жена.

Подъ замкомъ бѣжить и клубится Дунай,
 Надъ замкомъ пламя пожара.
 Амросій своимъ удалцамъ говорить:
 Всѣхъ рѣзать отъ мала до стара!
 Не стуй, хозяйка, и будь веселѣй,
 Сама жъ ты впустила веселыхъ гостей!

Сверкая, клубясь, отражаетъ Дунай
 Весь замокъ, пожаромъ объятый;
 Амросій своимъ удалцамъ говорить:
 Пора ужъ домой намъ, ребята!
 Не стуй, хозяйка, и будь веселѣй,
 Сама жъ ты впустила веселыхъ гостей!

Надъ Марсой проклятіе мужа гремить,
 Онъ проклялъ ее умирая:
 «Чтобъ згинула ты и чтобъ згинула твой родъ,
 «Сто разъ я тебя проклинаю!
 «Пусть вѣчно изслѣкнетъ межъ вами любовь,
 «Пусть бабушка внучкинѣ высосетъ кровь!

- *И родъ твой проклятыя мѣда не пьетъ,*
- *И мьста ему да не станеть,*
- *Дотоль, пока замужь портретъ не поидеть,*
- *Невѣста изъ гроба не встанеть,*
- *И черель разбивши, не ляжетъ въ крови*
- *Послѣдняя жертва преступной любви!*

Какъ филинъ поймалъ летучую мышь,
 Когтями сжалъ ея кости,
 Какъ рыцарь Амбросій, съ толпой удалцовъ,
 Къ сосѣдѣ нахлынули въ гости.
 Не стуй, хозяйки, и будь веселѣй,
 Сама жъ ты впустила веселыхъ гостей!

Отъ этой ужасной балады, господинъ Руневскій, какъ и следовало ожидать, задремалъ; послѣ чего онъ отправляется спать въ *зеленыя* комнаты, которыя отвели ему. Эти зеленныя комнаты — нѣчто въ родѣ подземелій Мадонны, таинствъ Удольфской Башни, и *спней* Ратибора Холмоградскаго. Больше ничего не могу сказать вамъ объ этихъ комнатахъ. Но, если угодно, можно разспросить объ нихъ Клеопатру Платоновну. Клеопатра Платоновна живетъ въ домѣ бригадирши: она, кажется, ея ключница, и знаетъ всю подноготную своей барыни.

Въ зеленыхъ комнатахъ, необитаемыхъ съ давняго времени, есть каминъ, кровать подъ штофными занавѣсками, и портретъ Прасковьи Андреевны, которая «была *сестрица теперешней генеральши*»: какой генеральши, объ этомъ знаетъ одинъ только сочинитель. Этотъ портретъ чрезвычайно похожъ на Дашу, и, если бы не старинный костюмъ дамы, господинъ Руневскій присягнулъ бы въ томъ, что это черты, «*такъ глубоко врѣзавшіяся въ его сердце*». Въ каминъ разведенъ огонь; на кровати подъ штофными занавѣсками никого нѣтъ; покойница Прасковья Андреевна выходитъ изъ рамъ своего портрета, и говоритъ удивительныя вещи, — между прочимъ:

• — Руневскій, окажите мнѣ услугу. Въ углу, волея дивана, на этажеркѣ есть коробочка, въ ней вы выйдете золотое кольцо: возьмите его, и зытра обручитесь съ моимъ портретомъ.

Господинъ Руневскій вскричалъ — Даша! Даша! — и сжалъ руку привидѣнію : это были холодныя кости скелета..... Тутъ постучался въ дверь его слуга. Не могу объяснить вамъ хорошенько, какимъ образомъ господинъ и слуга приняли кисть колокольчика за руку скелета и перевешенную черезъ стулъ *ливрею* за молодую и прекрасную даму съ розовымъ букетомъ на груди и опахаломъ въ рукѣ : они и сами не понимаютъ этого. Дѣло въ томъ , что на слѣдующій же день господинъ Руневскій принялся свататься къ Дашѣ, и что госпожа Сугробина отослала его заотвѣтомъ къ Зориной.

Господинъ Руневскій возвращается въ Москву. «*Пользуясь* лунной ночью», онъ идетъ гулять въ Кремлевскій Садъ и встрѣчается съ Рыбаренко. Они садятся на скамью, и мосьб Рыбаренко, въ подтвержденіе того, что Сугробина и Теляевъ дѣйствительно упыри , рассказываетъ ему такія происшествія , будто-бы случившіяся съ нимъ въ Италіи , что, будь у господина Руневскаго хоть капля здраваго смысла, онъ тотчасъ бы догадался , что все это не что иное какъ *то ты ты ты ть*.

Воспользовавшись такъ умно лунною ночью , господинъ Руневскій идетъ къ Зориной и, предлагаетъ себя въ женихи ея племянницѣ, Дашѣ. Зорина, Богъ-вѣсть съ какой стати, воображала, будто онъ долженъ жениться, не на племянницѣ ея Дашѣ, а на дочери Софьѣ, и ужасно на него разсердилась. Является, не извѣстно откуда, братецъ Софіи Владиміръ, вызываетъ Руневскаго на дуэль, и , ни съ того ни съ другаго , прострѣливаетъ ему грудь. Раненаго переносятъ въ подмосковный домъ бригадирши, близъ котораго произошла дуэль. Руневскій былъ боленъ, въ бреду.

«Въ одну ночь, когда сильный жаръ никакъ не давалъ ему заснуть, страшный шумъ раздался близъ него. Онъ сталъ прислушиваться и ему показалось, что шумъ этотъ происходитъ въ покояхъ смежныхъ съ его комнатою. Вскорѣ онъ началъ различать голоса бригадирши и Клеопатры Платоновны.

«— Подождите хоть одинъ день, Марѳа Сергѣевна, говорила Клеопатра Платоновна; подождите хоть до утра!

«— Не могу, мать моя, отвѣчала Сугробина. Да и ожидать то къ чему? Немного равьше, немного позже, а все тѣмъ же кончится. А

ты, сударыня, ужь всегда разкнымаешься как дѣвочка какая. И въ тотъ разъ та же была исторія, какъ до Дашинной-то матери дѣло дошло. Какая бы и н бригадирша-то была, если бъ крови-то видѣть не могла?

«— Вы не хотите? вскричала Клеопатра Платоновна: вы не хотите одинъ разъ отъязаться отъ....»

«— Рыцарь Амвросій! закричала Сугробина.

«Руневскій не могъ удержаться, чтобы при этихъ словахъ не пристать и не приложить глаза къ ключевой дырѣ.

«Среди комнаты стоялъ Семень Семеновичъ Теляевъ, одѣтый съ ногъ до головы въ желѣзные латы. Передъ нимъ на полу лежалъ какой-то предметъ, закрытый краснымъ сукномъ.

«— Чего тебѣ надобно, Марѳа? спросилъ онъ грубымъ голосомъ.,

«— Пора, мой батюшка! пропентала старуха.

«Тутъ Руневскій замѣтилъ, что на бригадиршѣ было платье яркаго краснаго цвѣта, съ вышптою на груди большого черною летучею мышью. На латахъ Теляева изображенъ былъ филинъ и на шлемѣ его торчали филиновы крылья.

«Клеопатра Платоновна, коей черты обнаруживали ужасное внутреннее бореніе, полошла къ стѣнѣ, и сорвавъ съ нея небольшую доску съ странными, непонятными знаками, бросила ее на полъ и разбила въ дребезги.

«Внезапно обои раздвинулись, и изъ потаенной двери вошелъ въ комнату высокій человекъ въ черномъ домино и въ маскѣ, при видѣ коего Руневскій тотчасъ догадался, что это тотъ самый, котораго видѣлъ Антонію въ виллѣ Дюпъ Пьетро д'Урджина.

«Сугробина и Теляевъ обмерли отъ страха, когда онъ вошелъ.

«— Ты ужь здѣсь? сказала дрожа бригадирша.

«— Пора! отвѣчалъ незнакомецъ.

«Подожди хоть одинъ день, подожди хоть до утра! Отецъ ты мой, кормилецъ, голубчикъ мой, благодѣтель!

«Старуха упала на колѣни; лицо ея стало страшнымъ образомъ кривляться.

«— Не хочу ждать! отвѣчалъ незнакомецъ.

«— Еще хоть часочикъ! простонала бригадирша. Она ужь не говорила ни слова, но губы еще судорожно шевелились.

«— Три минуты! отвѣчалъ тотъ. Воспользуйся ими, если можешь, старая вѣдьма!

«Онъ подавъ знакъ Теляеву. Семень Семеновичъ нагнулся, поднялъ съ полу красное сукно, и Руневскій увидѣлъ Дѣшу, лежащую безъ чувствъ, съ связанными руками. Онъ громко вскрикнувъ и рванулся

сбросить съ дивана, но на него сверкнули маленькіе блыме глаза чернаго домино и пригвоздили его на мѣстѣ. Онъ ничего болѣе не видалъ; въ ухахъ его страшно шумѣло; онъ не могъ сдѣлать ни одного движенія. Вдругъ холодная рука провела по его лицу, и оцѣпененіе исчезло. За нимъ стояло привидѣніе Прасковьи Андреевны и обмахивало себя опахаломъ.

«— Хотите жениться на моемъ портретѣ? сказала оно. Я вамъ дамъ свое кольцо, и вы завтра его надѣнете моему портрету на палецъ. Не правда ли, вы это сдѣлаете для меня?»

«Прасковья Андреевна обхватила его костяными руками, и отъ упала на подушки, лишенный чувствъ.»

Наконецъ, господинъ Руневскій въздоровѣлъ, и всё-таки не сталъ умнѣе и догадливѣе прежняго. Онъ узналъ, что Сугробина между-тѣмъ умерла, женился на Дашѣ, но ни подѣ какимъ видомъ не велитъ пускать въ свой домъ статскаго совѣтника Теллева. Мосѣ Рыбаренко между-тѣмъ спрыгнулъ съ Ивановской колокольни и расшибся въ дребезги. Конецъ обомъ «сочиненіямъ»!

ДОСУГИ УДИНЕНІЯ. В. А. Москва, въ тип. Семена, 1841, въ-8, стр. 89, 103 и 26.

Вотъ тутъ по-крайней-мѣрѣ есть талантъ, есть мысль, есть сердце, огонь, слезы, чувство, — столько чувства, что это, очевидно, трудъ женщины, и притомъ молодой женщины. Я всегда говорилъ, что въ нашихъ русскихъ женщинахъ гораздо болѣе матеріалу для литературнаго художества чѣмъ въ насъ, русскихъ мужчинахъ: и, посмотрите, только онъ и пишутъ у насъ теперь для души и сердца! Удивительно: подѣ этимъ сѣрымъ и холоднымъ небомъ, солнце искусства и сіяетъ и грѣетъ въ ихъ душахъ! Однѣ онъ и чувствуютъ живо между нами прекрасное. По-крайней-мѣрѣ у нихъ столько вкуса, что ужъ ни одна изъ нихъ не напишетъ «Ратибора Холмоградскаго». И если бы надъ ихъ литературнымъ образованіемъ трудились столько, сколько трудятся надъ вашимъ, не прослыть бы намъ, господа, великими людьми подѣ русскихъ женщинъ. У нихъ, конечно, нѣтъ той тщательной художественной отдѣлки, которая бываетъ только слѣдствіемъ долговременнаго ученія и наставленій опыт-

ныхъ руководителей; но все, что составляетъ основаніе и сущность искусства, вся та часть его, которая зависитъ отъ души и сердца, это развито въ нихъ несравненно болѣе нежели въ вашихъ высокоблагородіяхъ, — при нынѣшнемъ состояніи нашего художественнаго развитія. Что у васъ мы находимъ? — Кудри, кудри, и кудри! Я не знаю, о чемъ другомъ пишете вы, кромѣ кудрей. Я вездѣ вижу только однѣ кудри, всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ и сортовъ: вашъ Парнасъ сдѣлался настоящей парикмахерской лавкой. Прежде были у васъ въ модѣ бокаль и «искристая влага», и словесность ваша походила на ренсковой погребъ; потомъ было въ модѣ кладбище, потомъ ножка, теперь наконецъ — кудри. А когда вы хотите необыкновенно глубоко заглянуть въ человѣческую природу, то воспѣваете цыганку, и сладострастіе. Какъ будто-бы сладострастіе—изящное! Но... даже и тутъ безъ кудрей у васъ не рѣшится дѣло. На нихъ вы и остановились: творческая изобрѣтательность ваша не придумаетъ ничего болѣе удивительнаго; въ женщинѣ, вѣчномъ источникѣ прекраснаго и лучшей человѣческой поэзіи, вы не видите ничего кромѣ этого пучка волосъ, купленныхъ у парикмахера за семь цѣлковыхъ. Кто изъ васъ заставилъ когда-нибудь говорить женщину такъ истинно по-женски и такъ поэтически, какъ эта молодая дѣвушка, которая въ собраніи первыхъ своихъ опытовъ помѣстила слѣдующій отрывокъ изъ начатой трагедіи «Петръ Первый»? Екатерина говоритъ царицѣ Евдокин :

• Позволь мнѣ отвѣчать!

Любовью я его вознесена!
 Меня называлъ онъ съвера Царицей,
 Помазана его избраніемъ я!
 И если бь міръ возсталъ противъ меня,
 Нѣтъ дѣла мнѣ!... съ нимъ объ руку, я сѣло
 Дернула бь стать въ лицо вселенной цмою!
 Любимой имъ, мнѣ слава, а не стыдъ,
 И міръ меня, какъ онъ, благословить!
 Иль мысль во мнѣ, иль память сохранилась
 О дняхъ, какъ онъ незасмымъ мнѣ былъ?...
 Не въ тотъ ли мигъ и къ жизни я родилась,

Когда меня оиъ взоромъ сотворилъ?
 Когда его блеснуло въ сердце око,
 Когда я нмъ для жизни воззвана?

 Да! оиъ одинъ мнѣ далъ существованье.
 Почти во мнѣ созданіе его!
 Въ устѣ моихъ не жди проклятій слова:
 Должна смолкать гроза на вышнихъ.
 Я счастлива!.... я все прощать готова!
 Или думаешь, есть ненависть во мнѣ?

Это настоящая поэзія.

Но возьмемъ еще два отрывка, въ которыхъ сочинительница говоритъ о себѣ:

«Ты слышалъ, демонъ?.... Что жъ волнуешь
 Мою измученную грудь?
 Хоть искру творчества ты вдуешь,
 Жены ничтожень, тѣсень путь!
 О Боже! Боже!.... дни и лѣта
 Ему на жертву я неслалъ;
 Ввиду терновому поэту
 Чело отъ дѣтства обрелъ!
 Цвѣты любви, привѣты свѣта,
 Отринувъ, вдалѣ вѣтти одной;
 За часть высокую поэту
 Вступить съ существенностью въ бой!
 Мнѣ обезличено созданье.
 Обломить жизнь меня одну:
 По дряхлѣ боремій, по скитаньяхъ,
 На чьемъ я сердцѣ отдохну?
 И что жъ женѣ въ объѣмѣ тѣснонь?....
 Ты слышалъ, демонъ?... слышалъ ты?
 Родится ль въ бытѣ невѣдомомъ
 Творенье вѣчной красоты:
 Не ей прозрѣть въ міръ далеко,
 Не ей увлечь плечень потокъ:
 Въ ней мысль недужна, слабо око....
 Куда жъ, о демонъ, ты увлечь?
 Меня обрекъ ты пытокъ вѣчныхъ,
 Замкрылъ житейскаго приютъ,
 И, за удѣлъ жены безпечной,
 Ты въ безнадежный вкинулъ трудъ!»

Но что? онъ крылья отряхаетъ,
 Со мною мнитъся къ вышннмъ,
 И въ тв онъ сферы увлекаетъ,
 Гдѣ гласъ земли не слышенъ мнѣ!

• Когда меня прельщаетъ геній,
 Когда я жажду звучныхъ сновъ, —
 Земныхъ не надо мнѣ видннй:
 Я рвуся вдале, до облаковъ.
 Волнуетъ творческая сила
 Мою встревоженную грудь,
 И въ сводѣ небесъ уносятся крыла....
 О, дайте путь! о, дайте путь!
 Мнѣ взоръ, слова людей, какъ грани
 Волнамъ воздвигнутый оплотъ:
 Я ихъ пожгу огнемъ желаній;
 Всѣ грани сломишь мой полѣтъ....
 Бѣгите! сжальтесь!.... страсть и геній
 Грозой мою волнуютъ грудь.
 Не къ вамъ, туда я, къ райской сннн....
 О, дайте путь! о, дайте путь!
 Земное счастье передъ вами,
 А свой я знаю приговоръ;
 Но, вдале влекомая мечтами,
 Я рвуся выше, на просторъ.
 Меня моя задушить сила!....
 Вамъ миръ, вамъ въ розахъ отдохнуть:
 Моя — тамъ, въ пропасти, могила....
 О, дайте путь! о, дайте путь!

Это уже совсѣмъ не кудри, а глубокой, трогательный, раздирающій душу стонъ пылкаго и чувствительнаго сердца, цвѣтъ и языкъ истинной поэзш. Нельзя не пожелать успѣха такому дарованію; и оно несомнѣнно достигнетъ самаго блестящаго успѣха, какъ-скоро постарается соединить съ этими счастливыми порывами свѣтлой мысли и теплаго чувства, строгую художественную обдѣлку стиха. Эта важная, но совершенно механическая, часть искусства требуетъ боль-

шаго терпѣнія : его такъ много у женщинъ!.... а пріемамъ ея можно выучиться у кудре-поэтовъ.

Главную часть книги составляютъ двѣ драмы въ стихахъ, «Францискъ Фоскари» и «Генрихъ». Первая основана на историческомъ извѣстіи о венеціанскомъ дожѣ Франческо Фоскари, который, лишась трехъ сыновей, имѣлъ несчастье видѣть четвертаго сына своего обвиненнымъ въ изменѣ и, послѣ долгаго княженія, былъ отрѣшенъ отъ власти и умеръ въ минуту избранія своего преемника, Паскале Малипьера. Дѣйствіе второе драмы — въ Англии : увлеченная примѣромъ Шекспира, прекрасная сочинительница старалась въ этомъ твореніи соединить существенное съ фантастическимъ. Принимая въ соображеніе неопытность автора и неизбежное вліяніе воспоминаній, остающихся въ молодомъ умѣ отъ чтенія великихъ образцовъ, нельзя не отдать справедливости несомнѣнному дарованію, которое блеститъ въ обоихъ этихъ драмахъ : многія страницы въ нихъ отличаются превосходнымъ чувствомъ и той нѣжною, тонкою живописью сердца, которая составляетъ особенное и неподражаемое искусство женщинъ ; иныя обнаруживаютъ значительную силу мысли и выраженія ; въ другихъ примѣтно смѣлое и счастливое воображеніе. Особеннаго рода занимательность одушевляетъ оба разсказа, и, если бы съ нею соединилась еще повсемѣстно надлежащая выправка слогу, если бы юная писательница менѣе увлеклась способностью своей легко писать стихи, двѣ эти драмы были бы еще болѣе поразительны своими поэтическими достоинствами. Кстати о Шекспирѣ :

ШЕКСПИРЪ. *Переводъ съ англійскаго Н. Кетчера. Москва, 1841, въ тип. Степанова, въ-12. Два первые выпуска, стр. 229.*

Господинъ Кетчеръ имѣетъ благое намѣреніе издать въ русскомъ переводѣ, прозою, всѣ драматическія сочиненія Шекспира. Изданіе будетъ состоять изъ тридцати семи или тридцати-девяти выпусковъ, по одной пьесѣ въ каждомъ, и кто-то, на оберткѣ первыхъ двухъ выпусковъ, обѣщаетъ кончить его въ три года, заключивъ книгу біографіей Шекспира и объясненіемъ его женскихъ характеровъ, составленнымъ мистрисъ Джемисонъ.

Почитатели великаго англійскаго поэта не должны, въ этомъ переводѣ, искать поэтическихъ красотъ подлинника; со всѣмъ тѣмъ, господинъ Кетчеръ оказываетъ примѣчательную услугу русской публикѣ, жаждущей знакомства по крайней-мѣрѣ съ содержаніемъ твореній величайшаго поэта новѣйшихъ временъ, и особенную услугу молодымъ людямъ, занимающимся англійскою литературою: для нихъ переводъ его будетъ весьма полезнымъ пособіемъ въ борьбѣ съ трудностями шекспировскаго языка. До-сихъ-поръ вышло два выпуска, въ которыхъ заключаются драмы «Король Іоаннъ» и «Ричардъ Второй». Слогъ перевода вообще простъ, ясенъ и правиленъ. Господинъ Кетчеръ не характеризуетъ дѣйствующихъ лицъ самымъ тономъ ихъ рѣчей: соль, тонкости Шекспира, исчезаютъ въ его *преложении*; но преложеніе это буквально вѣрно съ оригиналомъ, и довольно исправно передаетъ его внѣшній смыслъ. Разумѣется, что буквальная вѣрность иногда вводитъ переводчика въ маленькія невѣрности. Такъ, напримѣръ, первый монологъ въ драмѣ «Король Іоаннъ»: слова «Now, say, Chatillon, what would France with us?» господинъ Кетчеръ переводитъ «*Теперь говори, Шатильонъ*», тогда какъ по въ этомъ случаѣ значить совсѣмъ не *теперь*, а *ну*. Далѣе, есть выраженія не вполне русскія, иногда довольно темныя: напримѣръ, «глубоко укоренившаяся злоба дѣлаетъ слишкомъ глубокія *наспѣчки*» (?); — «раны, *вспаханныя* родственными мечами»; — «ей въ свою очередь *ничего не достаетъ*, если и *назвать недостаткомъ*, когда это совсѣмъ не недостатокъ, что она не онъ», и такъ далѣе. Вся подобныя темноты происходятъ, безъ-сомнѣнія, оттого что господинъ Кетчеръ хотѣлъ какъ-можно ближе держаться подлинника. Но какая причина заставляетъ переводчика передѣлывать англійскія собственныя имена въ татарскія, этого никакъ угадать не возможно. *Кобхэмъ, Уерхэмъ, и Мэлоне* съ товарищи, должны быть казанскіе муллы, а не англійскіе люди. *Sobham, Warham, Malone*, произносятся очень чисто — *Кобэмъ, Уорэмъ, Мэлонъ*. Зачѣмъ же ихъ наряжали такими шутами? Этотъ безчеловѣчный способъ уродовать великобританскія фамиліи, въ перепискѣ ихъ на русскую грамоту, мы уже прежде замѣтили въ трудахъ некоторыхъ московскихъ литераторовъ:

онъ долженъ быть слѣдствіемъ какой-то мудреной системы, основанной, вѣроятно, на кабалистическомъ значеніи буквъ русскаго алфавита. Съ желаніемъ приблизиться къ подлинному выговору Англичанъ, онъ, очевидно, не имѣетъ ни какой связи.

ДВѢНАДЦАТЬ СОБСТВЕННОРУЧНЫХЪ ПИСЕМЪ адмирала Александра Семеновича Шишкова, скончавшагося девятаго, а погребеннаго пятнадцатаго прошедшаго апрѣля, въ кладбищенской церкви Святаго Лазаря при Александровской Лаврѣ. Оглавленіи писемъ и прибавленія къ нимъ на оборотѣ. СП.-бургъ, въ тип. министерства Внутреннихъ Дѣлъ, 1841, въ-12., стр. 86. — А на оборотѣ книжки сказано: *Благородная дама, по самому происхожденію своему Англичанка, желаетъ принять подъ непосредственный надзоръ свой не больше трехъ малолѣтнихъ дѣтей. Объ условіяхъ узнать въ Галерной Улицѣ, и прочая.* — Въ той же квартирѣ мужемъ и греко-восточнымъ единовѣрцемъ помѣнкой дамы принимается подписка на первую часть «Опроверженія злоумышленныхъ толковъ». Особы, желающія своею подпискою содѣйствовать къ скорѣйшему напечатанію двухъ первыхъ книгъ «Опроверженія», подобно тому какъ его сіятельство Николай Семеновичъ благоволилъ подпискою своею облегчить печатаніе этой брошюрки, получаютъ экземпляръ съ собственноручною надписью благодарнаго издателя. Онъ осмѣливается предварительно симъ удостовѣрить ихъ сіятельства, высокопревосходительства, превосходительства, высокородія, и всѣхъ, кто внесетъ за эту брошюрку по пяти рублей серебромъ и не потребуетъ своего экземпляра, что экземпляры ихъ будутъ отосланы, не къ нимъ, а въ училища, въ подарокъ благонаправнѣйшимъ ученикамъ, и прочая.

Надобно непременно прочесть со вниманіемъ все это заглавіе и его оборотъ, чтобы имѣть понятіе о необычайности содержанія самой книжки. Переписка съ покойнымъ предводителемъ русскаго корнесловія, А. С. Шишковымъ, составляетъ самую малую часть ея. Авторъ, старинный литераторъ, процвѣтавшій, какъ кажется, въ Москвѣ въ началѣ девятнадцатаго столѣтія, перевелъ нѣкогда, во время оно,

еще около 1808 года, Лагарпово сочиненіе подъ заглавіемъ «Опроверженіе злоумышленныхъ толковъ, распространенныхъ философами осемнадцатаго вѣка», и, по патриархальнымъ обычаямъ времени, все первое изданіе отправилъ къ покойному оберъ-камергеру графу Шереметеву. Исторія судьбы этого перевода занимаетъ почти двѣ трети книжки: тутъ есть письмо къ сыну покойнаго оберъ-камергера графа Шереметева, съ непостижимымъ заглавіемъ — *Взываніе къ Богу*; есть другое *Взываніе къ Богу*, въ стихахъ; есть *Выписка изъ рукописи, одобренной 22 числа минувшаго іюня ценсурнымъ комитетомъ*; потомъ, *Другая выписка изъ той же рукописи*; наконецъ, благодарственныя письма нѣсколькихъ лицъ, которымъ авторъ посылалъ экземпляры своего перевода Лагарпова «Опроверженія злоумышленныхъ толковъ». Книжка заключается письмомъ одного маститаго и почтеннаго вельможи, съ препровожденіемъ къ автору двадцати рублей серебромъ за двадцать экземпляровъ издаваемыхъ имъ «Двѣнадцати собственноручныхъ писемъ адмирала Шишкова», съ которымъ авторъ, Яковъ Іевлевичъ, состоялъ въ перепискѣ по дѣламъ корнесловнымъ и другимъ. Содержаніе почти всѣхъ этихъ писемъ заключается въ извиненіяхъ покойнаго А. С. Шишкова въ томъ, что онъ, за недосугомъ, давно уже не отвѣчалъ на посланія автора, и въ горькихъ жалобахъ на критиковъ того времени, которые подшучивали надъ корнесловіемъ. Прежде всего достается здѣсь Каченовскому, который не понималъ, какимъ образомъ слово *широко* произошло отъ *ширь-око*, а *высоко* отъ *высь-око*. Для покойнаго Шишкова, напротивъ, это было ясно какъ солнце. Тогдашняя критика, какъ кажется, часто мѣшала ему *толковать слова*. Но онъ имѣлъ на этотъ счетъ свои особенныя понятія. «Въ вашей «московской словесности, писалъ онъ въ 1815 году, такъ же какъ и въ здѣшней, часто встрѣчаю самолюбіе и невѣжество *реблтъ*, которыхъ *не худо было бы, для ихъ же добра, «высечь розгами*. На этихъ дняхъ попался мнѣ журналъ, въ «которомъ какой-то студентъ судитъ и бранитъ безъ милости «Хераскова. Вотъ нравы, которымъ паучаютьюношей! Въмѣсто чтобъ скромными сочиненіями стараться напередъ *снискать себѣ имя*, онъ съ такою же дерзостью, съ какимъ и невѣ-

«жествомъ, ругаетъ мертваго старика, со всѣхъ сторонъ нечтеннаго; хочетъ показать свой умъ и свои знанія, но вмѣсто сего показываетъ свою глупость и худой нравъ. Признаюсь, что я не могу ничего подобнаго прочесть безъ крайняго сожалѣнія о худомъ воспитаніи молодыхъ нынѣшнихъ людей. Кажется, какъ-будто всѣ училища превратились въ школы развратовъ, и кто оттуда ни выйдетъ, тотчасъ покажется, что онъ совращенъ съ истиннаго пути и голова у него набита пустотою, а сердце самолюбіемъ, первымъ врагомъ благоразумію.» Въ 1811 году Александръ Семеновичъ считалъ себя даже жертвою какого-то заговора: «Вы писали ко мнѣ о разсужденіи, читанномъ мною въ Россійской Академіи, которое давно уже напечатано: я тогда не успѣлъ къ вамъ послать, но думаю, что вы давно уже его имѣете, и за тѣмъ не посылаю. Если же, паче чаянія, у васъ онаго нѣтъ, то уведомяте только, я тотчасъ пришлю. Оно, какъ сказываютъ, родило противъ меня новыя бражни, называемыя критиками; но я ихъ не читалъ, не для того чтобъ не любилъ читать возраженій себѣ: напротивъ, я ихъ очень люблю; но для того, что рѣдкое изъ сихъ возраженій могъ дочитать до половины: такъ онъ не колки, не досадны, а жалки. Онъ столько ниже всякаго достоинства, что не могутъ никакъ оскорблять самолюбіе, не только представляютъ въ себѣ непріятное напоминаніе о паденіи ума и сердца человѣческаго. Ничего нѣтъ смѣшнѣе, какъ видѣть въ бугомарателяхъ какой-то скопъ и заговоръ подъ нѣкоторымъ скрывающимся отъ стыда, однако же очевиднымъ, предводительствомъ и покровомъ.» Шишковъ былъ непримиримый врагъ французскаго языка, и его вліянію въ особенноти приписывалъ нерасположеніе Русскихъ къ толкованію словъ для уразумѣнія настоящаго духа своего языка. Это толкованіе словъ, по его мнѣнію, должно было привести насъ къ яснѣмъ и философическимъ понятіямъ о вещахъ. Онъ добродушно вѣрилъ, что прежде на Руси не было геніевъ, но все знали свой языкъ, а теперь есть геніи, да языка никто не знаетъ, и именно потому что не толкуютъ словъ. Его приводили въ негодованіе тогдашнія похвалы критики дарованіямъ и вкусу Карамзина, о которомъ говорили, что онъ «сдѣлалъ новую эпоху» въ язы-

къ. «Есть чѣмъ хвастоватъ! восклицаетъ онъ. *Что значить сдѣлать новую эпоху въ языкъ? Уклонитесь отъ прежняго.*» Уклонитесь отъ прежняго! Вотъ что его чрезвычайно огорчало. А между-тѣмъ уклоненіе отъ прежняго, ошибочнаго, зараженнаго ложнымъ вкусомъ и превратными понятіями о прекрасномъ — единственный путь ко всемъ усовершенствованіямъ. Риторы всегда были чумой для языковъ, отвлекая ихъ отъ естественности и обременяя поддѣльными украшеніями. Побѣда, даже частная побѣда, надъ этимъ безвкуснымъ племенемъ, вездѣ и во все времена составляла славу и заслугу великихъ писателей. Почтенный корнесловъ вовсе не догадывался, что кто заставляетъ языкъ сдѣлать новый шагъ къ естественности, тотъ дѣлаетъ — новую эпоху въ языкъ. Онъ видѣлъ въ невзбѣжныхъ успѣхахъ у насъ вкусу и понятій объ изящномъ подъ руководствомъ такихъ людей какъ Карамзинъ и Жуковский одно только слѣдствіе галломаніи и, послѣ нашествія Французовъ, даже несчастія 1812 года приписывалъ пристрастію нашему къ образцамъ французскаго слогу, которыхъ вліяніе между-тѣмъ и самъ онъ невольно испытывалъ. «Посмотрите на Европу, писалъ онъ въ 1813 году изъ-за границы: во всѣхъ державахъ ея весь тотъ кругъ людей, которой отличается отъ простаго народа, сдѣлался, подъ видомъ воспитанія и просвѣщенія, больше или меньше нравственнымъ рабомъ Франціи. Какимъ языкомъ говоритъ Парижъ, такимъ и всѣ другія державы дворы и дворянство. Какъ остригутся, одѣнутся въ Парижъ, такъ точно и черезъ короткое время увидишь и другія остриженными и одѣтыми. Особливо, по несчастію, мы больше всѣхъ прочихъ народовъ приимаемъ въ себя страсть къ сему подражанію. Когда мы наружностію своею столько стараемся быть на нихъ похожими, то можетъ ли внутренность наша остаться неповрежденною? Когда ихъ ленточки, косыночки, пряжечки, завязочки, такъ много дѣйствуютъ надъ глазами нашими, то что же дѣлаютъ ихъ языкъ, ихъ книги, ихъ театръ, ихъ учителя, ихъ дядьки, надъ умами и сердцами молодыхъ людей?... Постарайтесь, съ изображеніемъ претерпѣнныхъ нами золъ, изображать и то, что это не послѣднія бѣды, какъ скоро мы не перестанемъ любить языкъ

«ихъ, сей бичъ, убивающій народную нашу гордость, и «сей ключъ, отверзающій сердца и умы наши къ принятію «въ нихъ яда злочестія и худой нравственности. Мы до того дошли, что говорить объ этомъ иначе несмысли какъ «съ великою скромностью. Я почти первый въ 1804 году сталъ «о семъ говорить смѣло: и вы помните, какъ господа *Вьстаники* и *Меркуріи* противъ меня возстали. По сочиненіямъ «ихъ, я былъ такой преступникъ, котораго надлежало запретить и взять съ меня отвѣтъ: какимъ образомъ дерзнулъ «я говорить, что Русскому надобно русское воспитаніе? Они «упрекали меня, что я хочу ниспровергнуть просвѣщеніе и «всѣхъ обратить въ невежество; но я иду противъ Петра, «Екатерины, Александра, и прочая; тогда могли они такъ «вопить, надѣясь на великое число зараженныхъ симъ духомъ, и тогда долженъ я былъ по неволѣ воздерживаться: «но теперъ *я бы ткнулъ ихъ носомъ въ пепелъ Москвы*, и «громко имъ сказалъ: — Вотъ чего вы хотѣли! Богъ не наказалъ насъ, но послалъ милость свою къ намъ, ежели «сожженные города наши сдѣлаютъ насъ русскимъ.»

Наконецъ, эстетика, по его мнѣнію, «такъ-называемая *эстетика* есть наука вранья». Противъ этого — ни слова: эстетика, оружье риторовъ, именно учить бездарность врать болѣе или менѣе ловко о прекрасномъ, не чувствуя его ни въ природѣ ни въ произведеніяхъ искусства; это — ея назначеніе и главная польза. Но эстетика не имѣетъ ничего общаго съ языкомъ, и не понятно, какимъ образомъ покойный президентъ Россійской Академіи хотѣлъ ее замѣнить наукою философическаго словотолкованія.

записки русскихъ людей. *Событія времяя Петра Великаго. Сп.-бургъ, 1841, въ тип. Сахарова, въ-8, стр. 94, 128, 116 и 126.*

Несмотря что въ заглавіи этой книги не выставлено имени издателя, по одной уже затѣйливости ея названія, «Записки русскихъ людей», не мудрено узнать господина Сахарова, издавашаго некогда книгу «Сказанія русскаго народа». Господинъ Сахаровъ принадлежитъ къ числу тѣхъ смѣтливыхъ людей, которые, обладая высокимъ искусствомъ заглавіи, умѣютъ быть авторами не издерживая своего ума,

литераторами без непосредственного участія въ литературу, и ученые безъ дальнихъ аргументовъ. Въ нынѣшнемъ своемъ сборникѣ онъ помѣстивъ записки четырехъ современниковъ Петра Перваго, именно, графа Андрея Артамоновича Матвѣева, новгородскаго дворянина Крекшина, монаха Медвѣева, и окольного Желябужскаго. О запискахъ Желябужскаго мы уже говорили въ сентябрьской книжкѣ прошедшаго года, по случаю изданія ихъ отдельной книгой Д. И. Языковымъ. Поговоримъ о прочихъ.

Графъ Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ былъ сынъ известнаго боярина Артамона Сергѣевича, у котораго царь Алексѣй Михайловичъ впервые увидѣлъ дѣвицу Нарышкину, впоследствии вторую свою супругу, царицу Наталію Кирилловну. Самъ по себѣ, графъ Матвѣевъ остался въ народной памяти только вслѣдствіе разсказаннаго Голиковымъ анекдота, какъ императоръ Петръ женилъ на его дочери любимаго своего Александра Ивановича Румянцова, отца Румянцова-Задунайскаго. Lancelville, посолъ при русскомъ дворѣ, писалъ объ немъ: «Артамонычъ человекъ умный, говоритъ по-латыни и любитъ читать книги;» но между тѣмъ графъ Матвѣевъ не прославилъ себя ни какимъ особеннымъ подвигомъ, хотя впрочемъ былъ въ знатныхъ чинахъ и ѣздивъ посломъ въ Голландію, Австрію и Англію, гдѣ его посадили за долги въ тюрьму, а потомъ извинились. После Андрея Артамоновича остались переводы нѣкоторыхъ сочиненій Бароніуса, хранящіеся въ Румянцовскомъ Музеумѣ за скрѣпою его *вѣстной* руки.

Крекшинъ, Петръ Никифоровичъ, былъ «комиссаръ капитанскаго чина», служилъ при Петрѣ Великомъ и пользовался нѣкоторою его довѣренностью. По кончинѣ государя, вышедши въ отставку, Крекшинъ началъ собирать свѣдѣнія о всѣхъ дѣяніяхъ великаго императора и накопилъ цѣлые фоліанты записокъ. Эти записки въ 1791 году были куплены известнымъ библіоманомъ Сопиковымъ на толкучемъ рынкѣ, и проданы графу Мусину-Пушкину. Куда перешли они отъ него, не известно. Знаемъ только, что Екатерина Вторая брала ихъ у графа Пушкина и отдѣлила нѣкоторыя изъ нихъ для эрмитажной библіотеки. Впрочемъ,

Фоліанты Крекшина заключали въ себя, какъ кажется, только матеріалы, изъ которыхъ онъ хотѣлъ построить другое, болѣе систематическое, зданіе. Трудлюбивый старикъ уже и положилъ было фундаментъ, написалъ первый томъ, и поднесъ его императрицѣ Елисаветѣ. Этотъ-то первый томъ изданъ господиномъ Сахаровымъ. Петръ Накинороичъ очень любилъ рассказывать о Петрѣ Великомъ. Умирая, онъ говорилъ: «Хоть бы годокъ еще довелось пожить: съездилъ бы въ Москву и рассказалъ бы тамъ всемъ, что дѣлалъ для насъ отецъ Петръ Великій.»

Медвѣдевъ, Сильверстъ, курскій уроженецъ, служилъ сначала подъячимъ въ губной избѣ, потомъ переехалъ въ Москву, постригся въ монахи, и былъ настоятелемъ Законоспаскаго Монастыря, при которомъ впоследствии учреждена духовная (славяно-греко-россійская) академія. Дружба съ белорусскими учеными, которые во множествѣ, вслѣдъ за Симеономъ Полоцкимъ, стекались въ то время въ Москву, поколебала Медвѣдева въ догматахъ греческаго исповѣданія. Подражая наставнику своему Симеону, онъ писалъ сочиненія на разныя происшествія, и, по кончаніи его, въ правленіе Софіи, поднесъ ей сочиненный Полоцкимъ академическій уставъ, съ присовокупленіемъ собственной своей *эпистолии*, которая напечатана въ «Древней Россійской Вивліюнкѣ». Но братья Лихуды, прибывъ изъ Гродна для занятія первыхъ учительскихъ мѣстъ въ новоучрежденной академіи, обнаружили ересь Медвѣдева. Онъ завелъ съ ними споръ. Сочиненіе его подъ названіемъ «Манна», написанное противъ Лихудовъ, надѣлало много тревоги. Напрасно патріархъ Іоакимъ уговаривалъ Медвѣдева отступить отъ своихъ мнѣній: онъ отвѣчалъ ему возраженіями. Наконецъ святѣйшій предалъ его проклятію и хотѣлъ заточить. Узнавъ объ этомъ, Медвѣдевъ рѣшился бѣжать въ Польшу: въ 1689 году онъ действительно ушелъ изъ Москвы, но въ смоленской губерніи былъ задержанъ вмѣстѣ съ измѣнниками стрѣльцами. Тогда его лишили монашества, заперли въ Троицкой Лаврѣ, и потомъ отдали подъ судъ уже какъ преступника изъ свѣтскаго званія. Въ 1690 году, послѣ втораго стрѣлецкаго бунта, онъ казнень вмѣстѣ съ Щекловитымъ.

Главный предметъ всѣхъ этихъ записокъ — стрѣльцкіе бунты. Матвѣевъ и Медвѣдевъ, кажется, только тѣмъ и хотѣли ограничить свои сказанія; что касается до Крекшина, то онъ и имѣлъ въ виду составить полную исторію царствованія Петра, однако жъ, въ первомъ томѣ, ему удалось пройти не много далѣе бунтовъ. Записки Медвѣдева заключаютъ въ себя описаніе происшествій отъ кончины царя Феодора Алексѣевича до распоряженій, сдѣланныхъ по безвѣстному доносу о новомъ заговорѣ стрѣльцовъ, подкинутому царю въ Коломенскомъ. Записки Матвѣева начинаются также смертью царя Феодора и оканчиваются усмирениемъ послѣдняго московскаго мятежа, казнію Соковнина, Циклера, Милославскаго. Наконецъ Крекшинъ рассказываетъ обо всемъ, что случилось или чему онъ вѣрилъ какъ случившемуся, начиная съ чудесныхъ астрологическихъ предсказаній Симеона Полоцкаго о рожденіи Петра Великаго, до закладки первыхъ судовъ на Воронежъ въ 1697 году.

Во всемъ этомъ, разумѣется, нѣтъ ничего неизвѣстнаго: записки, изданныя теперь господиномъ Сахаровымъ, отнюдь не составляли тайны архивовъ; онѣ давно были знакомы любителямъ русской исторіи: еще Сумароковъ, Щербатовъ, и, послѣ нихъ, кievскій митрополитъ Евгений, Каплицевъ, Берхъ, пользовались ими или ссылались на нихъ въ своихъ сочиненіяхъ. Сверхъ-того труды Матвѣева, Крекшина и Медвѣдева были уже напечатаны подлиннымъ текстомъ, частію въ разныхъ сборникахъ, напримѣръ у Туманскаго, частію отдѣльно. Поэтому, нѣтъ ни какой нужды излагать подробно ихъ содержаніе. Довольно замѣтить, что происшествія, въ нихъ описанныя, живо напоминаютъ времена янычарства, и что способъ изложенія Матвѣева, Крекшина и Медвѣдева совершенно согласенъ съ степенью просвѣщенія, на которой находилась тогда Россія. Авторы ихъ писали сплошь все, что видѣли или слышали, не разбирая достовѣрности разсказовъ и не оцѣнивая событій. Событія у нихъ похожи на метеоры, которыхъ причины не извѣстны. Простодушные и легковѣрные, они записывали народную *молеу* по хронологическому порядку, вдаваясь иногда въ самыя мелочныя подробности. Ими-то въ особенности отличается Крекшинъ. Мало того,

что онъ вѣрилъ въсьмъ баснямъ, выдуманнѣмъ о нѣкото-
рыхъ обстоятельствахъ жизни Петра Великаго; мало того,
что онъ выдаетъ эти басни за истину: описывая кончину
Царя Алексѣя, онъ еще, съ удивительнѣмъ добросердечіемъ,
думаетъ, будто-бы Царь и всѣ присутствующіе дѣйстви-
тельно произносили при этомъ случаѣ тѣ витіеватыя и ри-
мованныя «глаголы», которые изобрѣла хитрая риторика
Симеона Полоцкаго въ сочиненіи «Плачь о кончинѣ царя
Алексѣя Михайловича». При описаніи первыхъ уроковъ
Петра Великаго, къ которому въ учителя взяли «мужа крот-
каго и смиреннаго, всякихъ добродѣтелей исполненнаго,
въ грамотѣ и писаніи искусстваго, изъ приказныхъ Никиту
Моисеева Зотова», Крекшинъ считаетъ за нужное расска-
зать во всей подробности, какъ Зотовъ былъ потребованъ
во дворецъ; какъ онъ вошелъ въ переднюю; какъ дворцо-
вый служитель, вышедши изъ внутреннихъ комнатъ, спра-
шивалъ, кто здѣсь Никита Зотовъ, и прочая, и прочая. По-
вѣствуя о важнѣхъ событіяхъ, которыя должны были при-
ковывать къ себѣ все вниманіе повѣствователя, Крекшинъ
ни сколько не затрудняется разрывать цѣпь разсказу при
наступленіи каждаго новаго года, и, какъ-скоро подходитъ
первое число сентября, онъ пишетъ вездѣ одними и тѣми
же словами, что «по Рождествѣ Христовѣ въ такой-то
годъ, противъ перваго числа, съ вечера, по всѣмъ церквамъ
было всенощное бдѣніе;» а «въ первый день сентября, то
есть новѣй годъ, по божественной литургіи пѣто благодар-
ное молебное пѣніе и многолѣтіе Великимъ Государямъ;» а
«Царскія Величества отъ лика святѣйшаго и отъ всего
синклита и воинства и народа поздравлены съ новѣмъ го-
домъ;» а «той день со многимъ торжествомъ и народною
радостію и многою пушечною пальбою препровожденъ;» а
«въ ночи горѣли увеселительныя огни, дома были украше-
ны отъ дровъ илюменаціями и горѣли свѣчи.» Эти слова
въ запискахъ Крекшина повторяются разъ десятокъ. Впро-
чемъ, между такими подробностями, есть и любопытныя.
Таково, напримѣръ, извѣстіе, что Зотовъ держалъ у царя
экзаменъ въ грамотѣ и только тогда былъ допущенъ къ
преподаванію уроковъ, когда Симеонъ Полоцкій, испытавъ
его въ чтеніи и письмѣ, объявилъ, «яко право того писа-

нѣ и глаголю чтенія.» Другой анекдотъ, впрочемъ весьма сомнительный, который мы выпишемъ словами Крекшина, хорошо изображаетъ характеръ времени.

• Того жъ марта 23 числа (1694) изволилъ Великій Государь честь исторію Августа Тауера, которую новопереведенную исторію у рѣченнаго боярина Федора Алексѣева сына Головина изволилъ взять для чтенія. И въ ней обрѣте написанное : «Въ лѣто 1533 по Рождествѣ Христовѣ, въ Любекѣ, общимъ всѣхъ поморскихъ народовъ согласіемъ установлено, дабы навигаціи въ Нарвѣ и Иванѣ не было, а кто бы дерзнулъ туда вздѣть, тотъ у всѣхъ былъ безчестенъ, что Россія, самую большую стѣвера частию владѣющая, если себѣ флотъ построить и при Нарвѣ гавань и магазейны оружейные сдѣлаетъ, то не токмо Ливонію, но и во всю Германію съ войсками своими пройдетъ, подобно какъ Турокъ отъ пловѣрцевъ, прибыл купеческой имущій, навигаціи обучался, флотъ построить, Геллеспонтъ прошесть, взяша и Македонію и Иллирію и всю поморію плѣниша.»

Дѣло идетъ здѣсь о трактатѣ, заключенномъ между Польшею, Даніею и ганзейскими городами : издатель нашелъ бы его въ *Extraits et mémoires des manuscrits de la Bibliothèque du Roi, tome VIII*, и если бы онъ издавалъ не множо тщательнѣе, то конечно позаботился бы приложить этотъ совершенно макіавеллческій, но чрезвычайно любопытный, трактатъ къ разсказу своего автора : тамъ, между прочимъ, договаривающіяся державы взаимно обязуются не продавать Русскимъ огнестрѣльнаго оружія, не учить ихъ искусству дѣлать порохъ, и прочая, *ибо Москвитяне суть опаснѣйшіе и лютейшіе враги христіанства.*

• И призва Великій Государь рѣченнаго боярина Федора Алексѣева сына Головина, глаголю : что та за причина и какую имать флотъ силу? Головинъ говорилъ : «Какъ человекъ съ одной рукой мало успѣваетъ, противъ имущаго двѣ руки, тако и царство, имущее едино воинство земное, венмущее войска морскаго и флота, подобно человеку, имущему руку едину, малъ успѣхъ творить, противъ имущаго флота, флотъ имущему дальнія страны близъ есть, а венмущему и ближнія далеки есть.» Великій Государь тотчасъ сталъ въ великомъ сомнѣніи. Послалъ онаго жъ Головина съ прошеніемъ до святѣйшаго патріарха да приидеть. Егда прииде святѣйшій патріархъ, Великій Государь объяви исторію. Патріархъ прочеть, учини отвѣтъ : «Недоумѣваю, кая сила и что флотъ пользуется государству, удаленному

отъ моря. Великій Государь говорилъ : «Удобно мнѣ не быти на мѣрѣ, нежели ездети на моряхъ, не имѣти и нытъ у Архангельска и на великомъ океанѣ не быти.» Всемъ главу святѣйшаго патріарха цѣловать, съ любовію молити, да благословитъ путь къ Архангельскому, и советъ дать брату его, Великому Государю Царю Іоанну Алексѣевичу и царицамъ и царевнамъ, да не препятствуютъ отъѣзду его.

О слоgъ Крекиншиа читатели могутъ судити по этому отрывку. Языкъ Медвѣдева немногимъ отличается отъ крекинскаго. Напротивъ Матвѣевъ, видно, былъ изъ людей благовоспитанныхъ по-тогдашнему и хотѣлъ блеснуть своими познаніями : онъ безпрестанно употребляетъ иностранныя слова. Вотъ нѣсколько мѣстъ изъ его предисловія :

«Ни какаѧ у живущихъ сего свѣта въ центрѣ челоуѣкъ мудрость и польза ко испытанію совершеннаго искусства и благополучія и ко утверженію истиннаго любомудрія не бываетъ, какъ остроумная рѣсность благовѣрныхъ и любопытныхъ мужей, ею же свискиваютъ отъ самаго начала вѣковъ зримаго отъ всѣхъ мірозданнаго глобуса и всегда предъ очами своими тщатся имѣти достовѣрное пзвѣстіе о прошедшихъ временахъ и лѣтахъ. Прилежнымъ чтеніемъ и вниманіемъ древнія дѣла мудрыхъ историковъ въ приснопамятное объявленіе всякаго приводить, яко отъ безсмертной намяти умствуютъ то очевидно, какъ бы на прежнихъ оныхъ театрахъ бывшая то предъ собою ясно видѣть..... Еще въ свѣжей памяти нашей и предъ очами не забыто явствуетъ экземпль или прикладъ не отъ многихъ лѣтъ жестокае оныхъ возсвирѣпывшійся, въ самой столицѣ въ Москвѣ бунтъ Московскихъ же стрѣльцовъ, присвопомпвемой и зѣло ужасной трагедіи Кремлевской..... Отъ самаго начала видимаго свѣта, по памятной всегда бытейскихъ книгъ Авелевой трагедіи съ братомъ его Кавномъ, братонепавистная и венскоревѣнная неавистъ въ челоуѣческой родѣ уже виддрилась, паче же великое свое преимущество при самыхъ пресвѣтлѣйшихъ монархіяхъ такъ твердо укоренила, что ни божественныя, ни естественныя законы, ни государственныя и всеардлныя права, отнюдь такую вредную и зѣло пагубную язву изпроверзши не возмогутъ чрезъ безчисленные уже лѣтъ вѣки. Ибо та зѣло сомнительная стѣль невидимо въ сильныхъ и крѣпкихъ высочайхъ державъ гвардіи коварно, метаморфозомъ или преобращеніемъ обхода, въ Хамелеоповы многоцвѣтныя воображашся подобія, хитрыми пронырствами дворскими вкрадывается и внутрь скоростельшно проникаетъ, явшедше себѣ великій секретъ изъ древняго и самаго пераго яравоученія злокозвенной зми Еванной. Тая же злодѣйственная неавистъ обмыла тщательно всегда, для дѣйствительнаго изслѣдованія

эпохотренныхъ и велики скрытныхъ вымысловъ своихъ, безмѣрно въ себя и многовидное имѣть сокровище; во время жъ удобное великую и многотысячную въ невидимомъ своемъ образѣ содержать аммуницію въ различныхъ композиціяхъ или составахъ, по сущему подобію главнаго артиллернаго снаряда величій и свирѣпыхъ бомбъ, жъ внутрь себя подобіемъ тѣмъ глобусомъ невидимо всегда тамъ прикрывается.»

Достоинъ замѣчанія, что въ то самое время какъ Матвѣевъ выражался этимъ дикимъ глаголомъ, и гораздо ранѣе нежели Крекшинъ написалъ свою исторію языкомъ четьминенъ, дядька Петра Великаго, Зотовъ изъяснялъ свои мысли такъ, какъ ихъ изъясняютъ простые русскіе люди нашего времени.

«Рѣка Шалонъ болѣе гожа, течетъ въ Ильмень-озеро, и насупротиву ея въ то жъ озеро по кавалу отъ Волочка вся груда изъ Сибири доставляться могутъ.»

«Рѣка Великая болѣе водана, бѣжитъ въ Чудское озеро, а вершина ея близъ болотъ и озеръ, что у рѣчекъ Лавницы и Дриссы подъ Себежомъ. Рѣку Великую съ рѣкою Шалонью сдѣлать ниже города Порхова можно.»

«Рѣкою Великою, идя вверхъ, можно будетъ въ рѣчки Лавницу и Дриссу до Двныи, а тамъ по Деснѣ къ околотку къ Свенціанамъ. Тутъ небольшіе кавальцы до рѣки Вильи, мимо многихъ городовъ до самого Нѣмана, потомъ чрезъ прокопъ у города Гродна въ рѣку Бобръ, да и спустился въ рѣку Нарову, а тамъ уже въ рѣку Вислу, куда поволить, въ Варшаву ли, въ Данцигъ ли, какъ то за лучше разсудится.»

Отчего же происходитъ такая ужасная разница между слогомъ Зотова и его современниковъ, понять очень не трудно. Матвѣевъ, Медвѣдевъ и Крекшинъ слѣдовали правиламъ книжнаго языка, а Зотовъ, какъ человекъ умный, писалъ живымъ языкомъ изустной рѣчи, писалъ просто и удобопонятно.

Теперь нѣсколько словъ о самомъ изданіи. Оно небрежно, и, должно сказать по совѣсти, носитъ на себя печать, скорѣе спекуляціи на выгодный сбытъ типографской бумаги подъ сънью затѣйливаго заглавія, чѣмъ изданія, предпринятаго для пользы исторіи. Текстъ могъ бы быть разобранны критически и объясненъ дѣльными учеными примѣчаніями:

этого не сделано ; читатели только-что видѣли одинъ примѣръ подобнаго равнодушія къ ученому достоинству книги въ забвеніи о любопытномъ трактатѣ , которыймъ сейчасъ можно было, и слѣдовало, пояснить разсказъ Крекшина. Въмѣсто такого комментарія, который, правда, требуетъ изысканій, но зато придаетъ книгѣ характеръ важнаго, ученаго изданія, господинъ Сахаровъ набросалъ только отъ руки кое-какія примѣчанія, бѣльшею частію ничего не поясняющія, даже совершенно бесполезныя для самаго обыкновеннаго читателя исторіи. Опечатокъ тма : нѣтъ страницъ безъ неисправностей. Далѣе, издатель поправлялъ орфографію рукописей : это, по законамъ критики, едва-ли позволительно съ историческими документами. Кто поручится, что онъ не измѣнилъ смыслу текста своими поправками ? Исправленіе орфографіи, произвольное употребленіе знаковъ препинанія, могутъ придать совершенно другое значеніе рѣчи. Господину Сахарову вѣроятно извѣстна старая шутка о пламенномъ любовномъ письмѣ , которое престаива перестановка знаковъ препинанія превратила въ ругательную записку :

«Любить тебя я поклялся. Напрасно другія меня прельщаютъ : вѣрности я не знаю нарушить. Клятвъ своихъ не стыжусь. Всякая другая женщина, какова бы она ни была, прекраснѣе тебя быть не можетъ : хуже тебя всѣ на свѣтѣ. Тебя не любятъ одни злые люди, уважаютъ добрые. Тѣ отъ тебя бѣгаютъ, а эти ищутъ твоего вниманія, потому что ты имъ подобна.»

Прочтите то же самое посланіе съ другими знаками препинанія :

«Любить тебя я поклялся напрасно : другія меня прельщаютъ. Вѣрности я не знаю, нарушить клятвъ своихъ не стыжусь. Всякая другая женщина, какова бы она ни была, прекраснѣе тебя. Быть не можетъ хуже тебя. Всѣ на свѣтѣ тебя не любятъ ; одни злые люди уважаютъ. Добрые, тѣ отъ тебя бѣгаютъ, а эти ищутъ твоего вниманія, потому что ты имъ подобна.»

Едва-ли подобныхъ превращеній смыслу нѣтъ и въ изданіи «Записокъ русскихъ людей». Наконецъ, надобно замѣтить, что господинъ Сахаровъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, нападаетъ на трудолюбиваго изыскателя русской

старинны, покойнаго Берха : эти нападки тѣмъ неумѣстнѣе, что они болѣею частію несправедливы или ничѣмъ не доказаны, а между-тѣмъ и само изданіе господина Сахарова — совершенно unwissenschaftlich.

Книга напечатана сплошь *прописными буквами*. Это опять одна изъ тѣхъ странныхъ затѣйливостей, которыми господинъ Сахаровъ старается, не извѣстно длячего, отличать въ своихъ изданіяхъ. Мы, кажется, уже видѣли одно изъ его изданій напечатанное сплошь *капителью*.

ДРЕВНИЕ И НЫНѢШНИЕ БОЛГАРЕ, въ политическомъ, народописномъ, историческомъ и религіозномъ ихъ отношеніи къ Россіанамъ. Историческо-критическія изысканія Юрія Венелина. Томъ второй. Москва, 1841, въ тип. университетской, въ-8, стр. 241.

Молодой болгарскій уроженецъ Венелинъ обучался въ Москвѣ медицинѣ. Онъ чувствовалъ въ себѣ природное призваніе залечивать Славянъ вездѣ, гдѣ они ни попадутся. Господинъ Погодинъ совратилъ его съ иппократическаго пути, и бросилъ на противоположную дорогу — повсѣмѣстно воскрешать Славянъ. Онъ «убѣдилъ Венелина посвятить себя исторіи и сообщить *ученому свѣту* свои отважныя и оригинальныя ипотезы о Славянахъ.» Кажется, что ученый московскій профессоръ, который какъ-будто хвалится этимъ подвигомъ, поступилъ очень неосторожно : изъ будущаго порядочнаго медика, онъ сдѣлалъ плохаго историческаго критика, который своей славяноманіей отвлекъ множество молодыхъ и немолодыхъ людей отъ хорошихъ занятій къ отчаяннымъ ипотезамъ, и наконецъ погибъ въ этихъ пустыхъ усиліяхъ недопеченой учености. Если бы Венелинъ былъ причиной только того, что господинъ Вельтманъ, предавшись его фантастическимъ системамъ, написалъ «Ратибора Холмоградскаго», то за одно уже это русская словесность, принужденная послѣ такой книги оплакивать потерю одного изъ хорошихъ своихъ писателей, должна была бы его ненавидѣть. Ученый свѣтъ не нуждался въ «смѣлыхъ и оригинальныхъ» ипотезахъ студента медицины : ему, и безъ-того, некуда дѣваться отъ ипотезъ докторовъ философіи. Венелинъ, которому принадлежитъ

честь изобрѣтенія *Мировоя* и *комунжа*, преувеличивая мечтанія Шафаржика и его школы, вездѣ видѣлъ Славянъ: Франки, Германцы, Сарматы и, кажется, даже Гунны, были по его мнѣнію Славяне. Въ 1829 году господинъ Погодинъ издалъ его первый томъ «Древнихъ и нынѣшнихъ Болгаровъ». Эта книга была наполнена самыми дикими предположеніями, и не понятно, какъ ученый московскій профессоръ рѣшился сдѣлать ей столь великую честь, являясь ея издателемъ. Въ последнее время Венедиктъ отправился въ Булгарію продолжать свои *исследования*, и тамъ умеръ несчастнымъ образомъ. Соотечественники его, Булгары, убѣдили господина Погодина издать этотъ второй томъ, «по нестройной и ископченной рукописи», найденной въ его бумагахъ, — «что теперь мною и исполняется», присовокупляетъ издатель. Читая этотъ томъ, нельзя не пожалѣть, что столько труда, столько хорошихъ свѣдѣній, и даже самая жизнь, легкомысленно были принесены въ жертву одной изъ самыхъ странныхъ системъ, какія когда-либо овладѣвали умомъ человѣческимъ.

лекціи статистики, читанныя въ императорскомъ харьковскомъ университетѣ адъюнктомъ Александромъ Рославскимъ. Харьковъ, въ тип. университетской, 1841, въ-8, стр. 143.

Подивитесь великимъ результатамъ умозрительной мудрости: при сужденіи о статистикѣ, даже и не должно имѣть въ виду практической цѣли!.... Въ наше время, когда положительныя знанія начинаютъ брать верхъ надъ всеми другими, когда политика народовъ основывается, не на мечтахъ объ Утопіи, но на матеріальныхъ данныхъ, нѣтъ, и не можетъ быть, знанія болѣе практическаго чѣмъ статистика. Но, для извѣстнаго рода «ученыхъ», такое назначеніе статистики очень обидно: имъ нужна, не *практика*, а *наука*, вещь совершенно противоположная практикѣ. Да и какіе они были бы «ученые», если бы ихъ знаніе было къ чему-либо полезно? Настоящая наука, чтобъ быть наукой, должна, по ихъ понятіямъ, быть недоступною и бесполезною для всѣхъ, кто не принадлежитъ къ ихъ сословію!

СЕНТЯБРЬ, 1841.

=

НОВЫЯ КНИГИ.

=

1. ЛАСТОВКА. *Сочиненія на малороссійскомъ языкѣ, Гг. Л. Боровиковскаго, Е. Гребенки, Грицька Основьяненка, В. Забѣлы, И. Котляревскаго, Кореницкаго, П. Кулеша, Мартавицкаго, П. Писаревскаго, А. Чужбинскаго, Т. Шевченка, С. Шерепери и другихъ. Повѣсти и рассказы, нѣкоторыя народныя малороссійскія пѣсни, поговорки, пословицы, стихотворенія и сказки. Собралъ Е. Гребенка. СП.-бургъ, въ тип. И. Россійской Академіи, 1841, въ-16, стр. 382.*

2. СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ОСНОВЬЯНЕНКА. *Жизнь и похождения Петра Столбикова, помѣщика въ трехъ на-мѣстничествахъ. Рукопись XVIII вѣка. СП.-бургъ, въ тип. Фишера, 1841, въ-8. Части I и II.*

Оба эти сочиненія, творенія, созданія, или собранія созданий, писаны на малороссійскомъ языкѣ, или малороссійскихъ языкахъ, которые, какъ извѣстно, такъ не похожи на русскій! Надобно обладать рѣдкою проницательностью, необыкновеннымъ геніемъ лингвистики, совершенно магическою способностью открывать прекрасное даже тамъ, гдѣ его нѣтъ, чтобы понимать эти сверхвозможные языки и чувствовать красоты этихъ сверхъестественныхъ книгъ.

«Отъ и попарувалысь двѣчата у хрещика; отъ и грѣбы стали..... да й чкурауды.... *фить-фить!*»

Т. XLVIII. — Отд. VI.

8

«Поблизить же Оксана, такъ на удивовыжу! Выжить, вывече муха летыть, до земли не доторкается, тильки, звай, пизьками дробенько перебира, а рученьками не мота, а тильки — будишь и протягне, щобъ-то пиддатися, та тильки що пидпустыть до себе блызенько... *дрыбъ — дрыбъ — дрыбъ.*»

Это малороссійская проза. А вотъ малороссійскіе стихи:

«Ухъ! ухъ!

Соломьяный духъ, духъ!

.....

Гай обызався; галась, зыкъ;

Литать до дуба... *чикчирикъ!.....*»

Во всемъ этомъ я понималъ очень не многое, почти ничего — *фить, фить!* — *дрыбъ, дрыбъ, дрыбъ!* — *ухъ, ухъ!* — *духъ, духъ!* — *чикчирикъ!* — вотъ все, что я здѣсь понималъ. Конечно, то, что я понималъ, удивительно до невозможности, и, навѣрное, то, что я не понималъ, въ той же степени заслуживаетъ удивленія. Не могу однако жъ не сказать по совѣсти, что, по моему разумѣнію, малороссійскія музы, и въ стихахъ и въ прозѣ, говорятъ престраннымъ языкомъ, языкомъ не похожимъ ни на одинъ изъ человѣческихъ!

Это замѣчаніе еще болѣе примѣняется ко второму изъ двухъ собраній, къ твореніямъ знаменитаго малороссійскаго романиста, господина Основьяненко, — я полагаю, что въ Малороссіи онъ почитается знаменитымъ писателемъ, — къ этому желтому роману, который лежитъ предо мною; къ «Жизни и похождениямъ Петра Степанова сына Столбикова», или какъ-бышь его. Такого языка нѣтъ и у Балуби, въ его атласъ всѣхъ возможныхъ человѣческихъ языковъ. Онъ не похожъ даже и на малороссійскій языкъ, самый непохожій на русскій изъ всѣхъ языковъ, ни на что не похожихъ. Говорятъ, будто въ Малороссіи, его называютъ нашимъ языкомъ, *рускимъ*. Мы торжественно отъ него отрѣкаемся! Мы вовсе не понимаемъ этого гибриднаго языка! У насъ, напротивъ, онъ почитается чистымъ *малороссійскимъ*. О первой части «Жизни и походовъ Столбикова,» писанныхъ на этомъ языкѣ, было упомянуто въ июльской книжкѣ. Вотъ вторая. Конца еще нѣтъ, и не видно. Люди, получившіе отъ природы трансценденталь-

ный даръ языкознанія, которые превосходно понимаютъ все языки и нѣсколько этого, замѣчаютъ однако жъ, — сколько образованнымъ людямъ дано читать подобныя книги, — что эти похождения не что иное, какъ тяжелое подражаніе тяжелымъ романамъ покойной школы Жиль-Блаза. По ихъ наблюденіямъ, есть даже мѣста, безъ церемоніи выписанныя изъ Лесажа, мѣста, въ которыхъ все заимствовано у этого писателя, исключая главнаго, что составляетъ романъ, то есть, исключая слогу. Это само собою разумется. Какой можетъ быть слогъ въ книгѣ, писанной на неизвѣстномъ языкѣ, котораго ни одинъ народъ не признаетъ своимъ?... Таковы, напримѣръ, приключенія Жиль-Блаза съ Камиллой или мосьё Столбикова, въ Москвѣ, съ какимъ-то мошеникомъ и съ одной... какъ бы назвать ее по-русски?... съ одною мамзель-дѣвицей, которая выдаетъ себя за его сестрицу. Съ этой сестрицей свелъ его также какой-то негодяй: у малороссійскаго романиста нѣтъ другихъ дѣйствующихъ лицъ кромѣ дураковъ и негодяевъ. Они пришли въ большой домъ, гдѣ, въ разныхъ комнатахъ, за разными столиками, обѣдаютъ и закусываютъ разнаго роду люди. Товарищъ мосьё Столбикова, говоритъ ему, что мамзель-дѣвица — въ гостиномъ дворѣ, и увъзжаетъ за нею. Черезъ нѣсколько минутъ она является; съ ней привъзжаетъ еще офицеръ; сядутъ сцена родственнаго свиданія; потомъ мамзель-дѣвица проситъ мосьё Столбикова, чтобы онъ былъ какъ дома и распорядился обѣдомъ. Я приведу, для вашего любопытства, коротенькій отрывокъ подлинника, — если вы понимаете тотъ языкъ, который въ Малороссіи называютъ русскимъ, а въ Россіи малороссійскимъ.

«Отдавъ приказаніе въ буфетъ и возвращаясь изъ столовую, я зашелъ туда, что офицеръ въ вольностицѣ целовалъ мою сестрицу. Я пошелъ на обѣду, а на сестрицу взглянулъ въ упреки. Сестрица улыбалась, офицеръ зѣвалъ широко. Въ другой разъ, къ концу обѣды, когда уже порядочно выпито (сестрица служила прихвромъ), я увидѣлъ между ними еще большую вольность... родственная кровь во мнѣ закипѣла, я не выдержалъ и, подойдя къ сестрицѣ, шепнулъ ей: «Вспомни, сестрица, о своей чести!» Милая сестрица такъ и покатилась со сѣбу, а офицеръ выпрыснулъ туда же покаль шампанскаго, только что влитаго въ ротъ. Я словесу-

зился, как говорить дядюшка Лаурентій Степановичъ, и подумалъ: «Это видно московское обращеніе!» и ничего-себѣ.

«Послѣ обѣда милая сестрица, принявъ благодаренія за прекрасный и роскошный обѣдъ, сказала, что идетъ въ гостинной дворъ окончить покупки, а меня просила подождать здѣсь, заказать къ ея приходу мороженое.

«Проводивъ ее, до свиданія, я пришелъ въ буфетъ и требовалъ мороженого. Дворецкій приказалъ, и тутъ же описавъ на листъ бумаги, подаль мнѣ ее.... Чтò же я увидѣлъ? «Счетъ изъ Петровскаго Трактира!» Тутъ было поставлено все, чѣмъ насъ угощала сестрица, и за все это требовали съ меня 120 руб. 38 коп.... О ужасъ!»

Не понимая неизвѣстныхъ языковъ, я передаю все это на ваше благоусмотрѣніе. Можетъ-быть, при вашей врожденной проницательности, выоткроете здѣсь рѣдкія красоты изобрѣтенія, остроумія, искусства, слогу. Это было бы важнымъ приобрѣтеніемъ для словесности.

пятнадцать дней блаженства, или *Дядушкины вечера*. Сочиненіе Стефана де-ла-Маделейна. Переводъ съ французскаго. Москва, 1841, въ тип. Кирилова, въ-12, стр. 250.

Опять книга, достойная всякаго удивленія!.... Сочиненіе, переводъ, изданіе, все здѣсь удивительно. Переводчикъ такъ слился умомъ и искусствомъ съ своимъ авторомъ, что никакъ нельзя разобрать, кто изъ нихъ говоритъ. Въ предисловіи изъясняютъ они, что кто-то изъ нихъ, авторъ или переводчикъ, «имѣетъ лѣнивое воображеніе» и потому не сочиняетъ повѣстей, но «слушаетъ ихъ у каминна, осведомляется о достовѣрности происшествій, и, узнавши справедливость, помѣщаетъ въ книгахъ. Вотъ вся моя тайна!» восклицаетъ авторъ, или переводчикъ: «я почитаю рассказчиковъ искренними моими друзьями, уважаю ихъ, и часто досаждаю имъ различными возраженіями или ретурнелями.» По словамъ автора или переводчика, въ числѣ этихъ рассказчиковъ, которымъ они досаждаютъ ретурнелями, былъ одинъ старичокъ, дядюшка, *господинъ Дюпейре*. Прошлаго года, лѣтомъ, этотъ *господинъ Дюпейре* участвовалъ въ бесѣдахъ автора, или переводчика, и тутъ же были три

воспитанника изъ школы. Дѣдушка разсказывалъ, школьники слушали, и все шло такъ хорошо, что молодые люди назвали время, проведенное въ слушаніи дѣдушкиныхъ разсказовъ, *пятнадцатю днями блаженства*. Отсюда — заглавіе творенія. «*Такъ какъ память о добромъ старикѣ живетъ еще подъ листьями деревь, укрывавшихъ его отъ непогоды*», то авторъ, или переводчикъ, призналъ за нужное «сохранить часть его разговоровъ и не перемѣнять ни формы его повѣстей, ни ихъ раздѣленія на вечера, ни, въ особенности, заглавія, которое такъ удачно приискали къ нимъ школьники.» За тѣмъ, въ предисловіи, слѣдуютъ слова, напечатанныя посередницъ строки прописными литерами — «школьная дорога»; но что они значатъ, это ужъ я рѣшительно понимаю еще меньше чѣмъ малороссійскій языкъ — *фить, фить!* — *дрыбъ, дрыбъ, дрыбъ!* — *ухъ, ухъ!* — *чикчирикъ!* или чѣмъ *выпрыснулъ назадъ* — *ничего-себѣ* — *просила подождать заказавъ* — *проводивъ до свиданія* — *вписавъ на листъ бумаги*, и тому подобныя изыщества неизвѣстнаго языка господина Основьяненка. Въ самой книгѣ, немилосердно скучной по милости автора, или переводчика, или того и другаго вмѣстѣ, какой-то москѣ Сегласъ именуетъ себя «помощникомъ начальника конторы въ одномъ отдѣленіи министерства финансовъ», картины дамъ-артистокъ «получаютъ заслуженные успѣхи на каждой выставкѣ», три «искусныя рукодѣльницы трудятся надъ заказанными платками», четыре «проворныя руки дѣйствуютъ безпрѣстанно по двумъ угламъ платка», и прочая, и прочая.

ДЕНЬ ПАДЕНІЯ ВОДЕВИЛИСТА-АФЕРИСТА, или *За чѣмъ пойдешь, то и найдешь*. Комедія-водевиль въ двухъ картинахъ. Сочиненіе фонъ-деръ-Беренко. Москва, въ тип. Семена, 1841, въ-12., стр. 92.

Нѣтъ, сегодня, какъ видно, чудесамъ не будетъ конца. Опять удивительное твореніе!.... По языку, слогу и остроумію, оно можетъ быть поставлено рядомъ съ изящными созданіями господина Основьяненка на неизвѣстномъ языкѣ; по формѣ и содержанію, оно можетъ сравниться съ однимъ только «Ратиборомъ» господина Вельмана: то же

раздѣленіе на картины и на сцѣны, тотъ же энергическій патосъ, и то же таинственное направленіе, которое можетъ быть постигнуто однимъ только авторами этихъ твореній, да еще ихъ переводчиками. Для всѣхъ прочихъ читателей, это — закрытыя книги.

Въ первой «картинѣ» удивительнаго произведенія господина фонъ-деръ-Беренко выведенъ на сцену какой-то Николай Силачъ Коловъ, сидящій у себя въ комнатѣ, гдѣ «мебель и все въ ней находящееся доказываетъ бѣдность и недостатки хозяина» Этотъ москѣ Коловъ, герой пьесы, котораго всѣ колотятъ палками, всѣ надвѣляютъ пощечинами, или «подщечинами», всѣ чествуютъ мерзавцемъ и негодлемъ, промышляетъ сочиненіемъ водевилей и получаетъ за нихъ по двадцати-пяти рублей за штуку. Но у него есть еще другіе источники доходовъ: онъ описываетъ въ своихъ водевиляхъ *известныя въ городѣ лица*, но, прежде чѣмъ отдастъ твореніе въ театръ, посылаетъ пріятеля своего Бьявкина, значащагося въ подлежащихъ картинахъ тоже *мерзавцемъ, негодлемъ* и сверхъ-того *русскимъ евреемъ*, къ лицамъ, описаннымъ въ водевиляхъ, сдѣлать съ ними маленькую *аферу*: предъупредить ихъ по секрету объ этой непріятной оказіи и взять съ нихъ другіе двадцать-пять рублей за то, чтобы они не были выводимы на сцену. Такимъ образомъ Николай Силачъ рѣшительно удваиваетъ доходъ отъ драматургій. При всемъ томъ, онъ давно уже не объдалъ и, въ первой картинѣ, дотого голоденъ, что хочетъ броситься въ рѣку. Главное дѣйствующее лицо въ этой картинѣ — Философъ Фадзевичъ Сатировъ, который философію и сатиру понимаетъ положительно, и ходитъ всегда съ поднятою палкою, готовою, при первомъ философо-сатирическомъ вдохновеніи, съ громомъ обрушиться на спину его *сюжетовъ*. Этотъ Философъ Фадзевичъ Сатировъ, доказавъ Николаю Силачу Колову, что онъ — *мерзавецъ и негодля*, колотитъ его толстою палкою.

КОЛОВЪ.

«Подобное оскорбленіе я еще не заслужилъ... я не написалъ еще на весь пасадцль... ни... да, вы будете мнѣ за это отвѣчать!...»

Я подамъ на васъ прошенье...
Вы-сь... позорите меня!...
И потомъ, за оскорбленье,
Описать васъ къ правъ я!...

САТИРОВЪ.

На подобномъ твореньи
Я отвѣтъ не приношу....
А тебя за сочиненье
Я по-свойски распишу!....

КОЛОВЪ.

Помилуйте, Философъ Фаддеевичъ, вы забываете, что я принадлежу къ классу писателей!.... что я водевиллисть.... что!....

САТИРОВЪ.

Что ты дуралей и мерзавецъ, которому «въ дистанция огромнаго размавра», не сыщется подобнаго!

КОЛОВЪ. (*не слушая Сатинова*).

Что я нахожусь на своей квартирѣ и что я.... я.... въ привѣ вамъ сказать-сь, чтобы вы-сь... навѣдши выйти отсюда вонъ!....

САТИРОВЪ.

Что?.. что такое?.... Ахъ!.... ты, мальчишка!.... ты еще вздумалъ храбриться!.... Вотъ я тебя!....

(*Замахивается на него тростью.*)

КОЛОВЪ.

Это денной грабежъ!.... Да какъ вы смѣете?....

САТИРОВЪ (*наступая на Колова съ подпалкою*).

А какъ смѣю, я по мѣрѣ
Тебя это докажу....
Съ твоей собственной квартиры,
Сейчасъ палкой провою!....
И забудешь водевилл
И все пасквили писать....
Дѣтей розгами учили:
Тебя жъ палкою начать!...

(*Блѣжитъ за Коловымъ; она отъ него черезъ сцену и потомъ въ дверь.*)

КОЛОВЪ.

Ай!.... ай!.... ай!.... помогите!.... заступитесь!...

САТИРОВЪ (слѣдуя за ними.)

Нѣтъ! не уйдешь!... воронье пугало... въ гороховомъ цвѣтѣ!...
(Уходитъ).

коловь (одинъ; выглядываетъ сначала изъ-за двери, потомъ входитъ; волосы растрепаны; сюртукъ и жезель растегнуты, лицо красное.)

Что?... пѣтъ никого?... Слава Богу!... Уфъ!... какое сильное волненіе въ крови!... Какъ ломить руки!... Это вѣрно отъ ревматизма!... А какъ больно въ голову... Впрочемъ это все отъ занятія водевилями!... Вотъ навязался злодѣй!... охъ!... на силу отдѣлался отъ него... и то благодаря хозяйкѣ: она заступилась и спрятала меня въ чуланъ... Вотъ тебѣ и водевили!... Вотъ тебѣ и Сатировъ!... Нѣтъ! слуга покорный на подобныхъ людей!... Это левъ африканскій!... Это лядоудъ!... Это... да просто сказать, это вампиръ! Хорошо еще, если охъ промолчитъ и все это останется между нами... Да, пѣтъ... охъ человекъ демакратный, не то что Белякинъ, и притомъ умный малой!... человекъ, такъ сказать, рѣдкительно воспитанный, аккуратный!... Боже мой! какая нервическая слабость... впрочемъ и не мудрено: я еще не объедалъ... куска еще не было, а моціонъ былъ таки порядочный!... Пойти... (береть фуражку) у кого-нибудь перекусить, потомъ подышать воздухомъ въ Кремлевскомъ саду, и къ вечеру отпрзвиться къ Слободкину. Надо по-вѣрнѣ схватить всѣ поговорки этого купца и подмѣтить ихъ домашніе характеры для водевиля... Что-то будетъ, а водевили мнѣ дорого обходятся!... Уфъ!... какъ дорого! Впрочемъ не дешево и платять.

Какъ сказать, за водевили
Мало, худо платять мнѣ?...
Надъ мнѣмъ бы пошутили:
Мнѣ жъ уплата на спинѣ!...
Послѣ этой адской муки,
Мнѣ ли жизнь ужъ не горька?...
Охъ!... болятъ спина и руки,
И пѣтъ хлѣба ли куска!....»

(Уходитъ, вздыхая и пожимая плечами.)

Конецъ первой картины, списанной, по увѣренію господина фонъ-деръ-Бренко, съ дагерротипною точностью съ природы. Картина вторая: домъ купца Слободкина, *благодѣтеля* Колова. Слободкинъ, его жена, ихъ дочь Параша и сынъ Несторъ, собираются, во-первыхъ, *кушать* чай въ саду,

во-вторыхъ, вѣхать на балъ къ Пудвиковымъ, гдѣ будетъ вся знать, — *господа почетные граждане!*.... Философъ Оадъевичъ Сатировъ, какъ домашній другъ, съ печальнымъ лицомъ предупреждаетъ это почтенное семейство, что Николай Силичъ Коловъ, котораго онъ только-что отодралъ палкою за себя, за свою личную обиду, сочиняетъ теперь водевилъ на Слободкина, его жену, Парашу и Нестора; что этотъ *мерзавецъ, негодяй*, непременно хочетъ вывести на сцену своихъ *благодѣтелей*, которые дали ему *синенькую на праздникъ*. Вся ругаютъ Колова, какъ вдругъ является Бьявкинъ, съ тѣмъ чтобы по-секрету предъупредить Слободкинскихъ о собирающейся на нихъ драматической грозѣ и сдѣлать съ ними *аферу*. Сатировъ поднимаетъ палку, Слободкинъ выгоняетъ Бьявкина изъ дому, и всѣ уходятъ *кушать чай въ саду*. Въ это время приходитъ Николай Силичъ. Онъ сперва клянется въ любви горничной Наташѣ, потомъ хочетъ дать ей любовную записочку къ барышнѣ, наконецъ остается одинъ въ комнатѣ.

Бьявкинъ (*смотря въ окно съ улицы, тихо Колову*).

«Николай! ты здѣсь одинъ?»

Коловъ.

Одинъ.. Чтò же ты пойдешь въ домъ?...

Бьявкинъ.

Нѣтъ, благодарю покорно... я здѣсь путешествую инкогнито... Ты скоро выйдешь отсюда?

Коловъ.

Я думаю, скоро.

Бьявкинъ.

Дай-то Богъ благополучно!... я уже подожду тебя у П...

Коловъ.

Т-съ!... идуть!»

Это Параша, одѣтая въ бальномъ платьѣ. Бьявкинъ прячется подъ окномъ съ улицы и по-временамъ выглядываетъ. Коловъ уверяетъ Парашу, что въ этомъ прелестномъ нарядѣ она необыкновенно мила, бросается на колѣни, клянется ей въ любви, и лично отдаетъ свою записку. Параша,

въ отвѣтъ, даетъ ему подщечину. Въ эту минуту приходятъ изъ сада Слободкинъ, его жена, Несторъ, и Философъ Овдеевичъ Сатировъ съ поднятою палкою: они, торжественно, выгоняютъ водевильста изъ дому и, не дожидаясь его уходу, сами уезжаютъ на балъ къ Пудяжковымъ.

КОЛОВЪ. (одинъ; стоитъ задумавшись).

— Паль я съ высоты своего величія и славы!... Уничтоженъ я совершенно толпою, которая не поняла *geniä!*... (Воспламьлся) Да будетъ проклятъ тотъ часъ, въ который пришла мнѣ мысль сдѣлаться водевильстомъ!... Но... что я говорю?... возможно ль не писать?... Нѣтъ! мнѣ теперь всѣ враги!... весь міръ мой врагъ!... Я долженъ написать *Всемирный водевиль*, не на однихъ куццовъ, а на весь родъ человеческій!... (Утихил) Ну!... напѣли же они мнѣ!... да этихъ поръ звянуть въ ушахъ!... А что? они вѣдь правы!... я въ обществѣ нуль!... ни имени!... ни чина!... просто вольно-практикующійся водевильстъ!... А есть люди которыхъ я.... »

Монологъ Колова прерванъ неожиданнымъ появленіемъ лакея Слободкиныхъ, Гаврила, который въбѣгаетъ въ комнату полу-пьяный и, не замѣчая водевильста, кличетъ горничную.

— Наташа!... Наташа!... гдѣ ты?... хозяева уехали совсѣмъ!... вина-то я досталъ!

КОЛОВЪ.

Что ты орѣшь? Здѣсь я одинъ!...

ГАВРИЛА.

Виновать-съ!... А я, сударь, думалъ.... что вы-съ ужъ ушли!... Ахъ! ты Богъ мой!... и забылъ-съ: вѣдь, Полнварпъ Игнатъевичъ велѣлъ васъ отсюда выпроводить.... то есть.... сударь... не во гнѣвъ вамъ будь сказано-съ.... онъ сказалъ-съ....

КОЛОВЪ.

Что онъ сказалъ?

ГАВРИЛА.

Ну, вотъ онъ.... то есть, и сказалъ!... выпроводи изъ дому господина Колова.... а Философъ Овдеевичъ прикомандировалъ.... ей Богу-съ онъ прикомандировалъ.... вотъ такъ-съ.... (указываетъ на аккомпаниатора) на пражъ!... А ужъ не знаю-съ, за что-съ!...

КОЛОВЪ.

Модчи, Гаврилушка!... никому этого не говори!...

ГАВРИЛА.

И, что вы сударь!... я на языкъ-то кривошека.... (всторону) когда же шаяль!... (Къ нему) Вотъ сударь, какъ я услышалъ, и думаю: за что же?... Николая Силича?... выпроводить по пражкѣ?... Что онъ сдѣлалъ?... Вѣдь онъ ничего у насъ не укралъ!... Какъ я сказалъ слово-то *укралъ* и вспомнилъ.... не въ обиду вамъ скажу.... я знаю сударь, что вы человекъ честный.... вотъ, сударь мой, я и вспоминалъ, и думаю: Ахти, Боже мой!... вѣдь у насъ на прошедшей недѣлѣ пропалъ сюртукъ, а въ этотъ день-то вы, сударь мой, Николай Силичъ, были у насъ!... ужъ не думаютъ ли они, что такъ, вы, сударь, сюртукъ-то.... Пожалуйста, выходите поскорѣе вонъ изъ дому.... а то бѣда мнѣ, если кто застанетъ васъ здѣсь!..

Есть же на свѣтѣ такая натура!... и такія картины, *списанныя съ натуры!*....

РУКОВОДСТВО КЪ ПОЗНАНІЮ СРЕДНЕЙ ИСТОРИИ для среднихъ учебныхъ заведеній, сочиненное С. Смарагдовымъ, учителемъ исторіи и географіи при сиротскомъ институтѣ И. гатчинскаго воспитательнаго дома. Напечатано издѣвеніемъ Императорскаго Санктпетербургскаго Воспитательнаго Дома. Сп.-бургъ, въ тип. штаба военно-учебныхъ заведеній, 1841, въ-8., стр. 408 съ XI таблицами.

Собственно, это второй томъ всеобщей исторіи, составляемой господиномъ Смарагдовымъ. Если справедливо, что всякая новая исторія не что иное какъ новая компиляція, то нельзя не отдать подобающей чести компиляторскому искусству господина Смарагдова: онъ продолжаетъ дѣло добросовѣстно и со вкусомъ. Книга его обѣщаетъ быть лучшимъ историческимъ учебнымъ руководствомъ на русскомъ языкѣ для воспитанниковъ среднихъ заведеній. Нѣкоторыя части развиты очень хорошо, даже занимательно: таковы, напримѣръ, почти весь періодъ крестовыхъ походовъ. Слогъ вообще довольно хорошъ: небольшіе промахи противъ грамматики и хорошаго вкуса не стѣбуютъ того чтобы ихъ замѣчать возлѣ столькихъ достоинствъ. Изданіе опрятное, но не совсѣмъ исправное. Кромѣ опечатокъ, показанныхъ въ

конецъ книги, множество этого рода погрѣшностей остались въ ней неисправленными : между ними есть довольно важныя; напримѣръ, въ періодъ крестовыхъ походовъ, между источниками, показана *Histoire des croisades par Michelet*, и въ скобкахъ сказано, что эта книга переведена на русскій языкъ. Мишлѣ никогда не издавалъ исторіи крестовыхъ походовъ, и въ русскомъ переводѣ имѣемъ мы объ этой эпохѣ книгу Michaud, а не Michelet.

ЮРИДИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ, издаваемыя Петромъ Рѣдкимымъ, докторомъ правъ и ординарнымъ профессоромъ И. Московскаго Университета. Москва, въ тип. университетской, 1841, въ 8. Томъ первый, стр. IV и 464.

Подъ одною изъ тѣхъ пестрыхъ, фантастическихъ, краснорѣчивыхъ обертокъ, разрисованныхъ любовью и расписанныхъ надеждою, подъ однимъ изъ тѣхъ таинственныхъ типографскихъ покрововъ, подъ которыми читатель привыкъ всегда находить Дѣву, Луну, Мечту, Кладбище и Поэта, нахожу я — о боги! о поспраніе розовыхъ, голубыхъ и коричневыхъ красокъ! о вопіющее злоупотребленіе обертокъ рококо! — нахожу я, вмѣсто изліяній души, разсужденіе о литовскомъ статутѣ, вмѣсто стоновъ нѣжнаго сердца, диссертацию «о казенныхъ подрядахъ до ихъ преобразованія!» Но таковъ, видно, духъ времени : положительное вторгается подъ самыя поэтическія обертки. Нѣтъ ничего менѣе юридическаго, какъ этотъ лазуревый щитъ, на которомъ красуется подпись бѣлыми какъ снѣгъ буквами — *Юридическія записки, издаваемыя П. Рѣдкинымъ*, и ничего менѣе поэтическаго какъ содержаніе книги, прикрывающей этимъ живописнымъ щитомъ. Между-тѣмъ, сколько мнѣ извѣстно, со времени изобрѣтенія обертокъ рококо, не было ни одной болѣе утѣшительной. Лазуревый щитъ съ бѣлоснѣжными буквами въ сторону, — скажите, не бьется ли радостно сердце ваше при этихъ словахъ — *Юридическія записки*? Это значитъ, что грубое подъячество уже замѣняется правильною и ученою юриспруденціей. Это значитъ, что составляется у насъ сословіе образованныхъ законовѣдцевъ, имѣющихъ нужду въ такихъ книгахъ, стремящихся къ распространенію основательныхъ понятій о

великомъ дѣлѣ общественнаго правосудія, съ любовью занимающихся своимъ благороднымъ предметомъ. Это значитъ, что, благодаря усиліямъ просвѣщеннаго и попечительнаго правительства, вскорѣ судилища наши наполнятся людьми, правильно приготовленнымъ къ своему званію, и самое это званіе окружится всѣмъ тѣмъ блескомъ, какой свойственъ ученому судейскому сословію, вполне проникнутому чувствомъ своего достоинства и благоговѣющему передъ важностью своихъ обязанностей. «Юридическія Записки» господина Рѣдкина обнаруживаютъ прекрасное направленіе и самую похвальную дѣятельность въ нашихъ ученыхъ законовѣдцахъ, теперь еще не очень многочисленныхъ. Они искусно обдѣлываютъ разныя статьи отечественной юриспруденціи и не упускаютъ изъ виду современныхъ вопросовъ европейскаго законодательства. Многіе изъ нихъ даже пишутъ примѣчательно хорошо по-русски. Изъ числа семи разсужденій, вошедшихъ въ составъ перваго тома «Записокъ», два принадлежатъ самому издателю, — «О казенныхъ подрядахъ и поставкахъ въ Россіи, до перваго ихъ преобразованія», и «О гейдельбергскомъ юридическомъ факультетѣ»; три писаны профессорами Даниловичемъ, Баршовымъ и Лешковымъ, а два кандидатами правъ Калачовымъ и Кавелинымъ. Томъ заключается знаменитымъ процессомъ Маріи Лафаржъ, переведеннымъ съ французскаго. Самыя занимательныя статьи этого собранія — «Взглядъ на литовское законодательство», господина профессора Даниловича, разсужденіе «О судебникѣ царя Іоанна Васильевича», господина Калачова, и «Состояніе вопроса о смертной казни въ наше время въ Европѣ и Америкѣ», господина профессора Баршова. Самая скучная — «О литературной собственности, разсматриваемой съ точки зрѣнія народнаго права» господиномъ адъюнктъ-профессоромъ Лешковымъ. Замѣчанія господина профессора Рѣдкина о гейдельбергскомъ юридическомъ факультетѣ очень любопытны.

Господинъ Рѣдкинъ обѣщаетъ продолженіе своего полезнаго изданія.

Овція начала теоріи и законодательствъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ. *Въ двухъ раздѣлахъ. Со-*

читаніе ординарнаго профессора при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, доктора правъ, Сергія Баршова. Москва, въ тип. университетской, 1841, 62—8 стр. III, 107 и 250.

Вотъ и второе сочиненіе, доказывающее ту ученую юридическую дѣятельность, о которой мы сейчасъ говорили. Книга очень важная и полезная, и жаль, что сочинитель счелъ за нужное испортить ее коротенькимъ полемическимъ «предисловіемъ», чтобы отмстить въ немъ какому-то своему рецензенту, который нѣкогда «осыпалъ его бранью и ругательствами». Такія предисловія тѣмъ неумѣстны въ ученыхъ сочиненіяхъ; что они никогда не достигаютъ предполагаемой цѣли: авторъ хочетъ торжественно показать свое презрѣніе къ критикамъ, которыя почитаетъ онъ за слишкомъ грубыя или слишкомъ несправедливыя, а показываетъ одно только раздражительное самолюбіе, неумѣющее забыть ни какой неспрїятности, даже грубой и несправедливой критики, первой изъ вещей забываемыхъ читателями и публикою. Безъ этого предисловія, мы бы даже и не знали или, по-крайней-мѣрѣ, не вспоминали о существованіи критики, которою авторъ огорченъ такъ глубоко.

Господинъ Баршовъ требуетъ рецензій, которая была бы, во-первыхъ, *благонамѣренна*, во-вторыхъ, *поучительна для него и для другихъ*. Въ неблагонамѣренности онъ не имѣетъ права обвинять никого: это значило бы дѣлаться судьей чужой совѣсти, отъискивать въ ней тайныя намѣренія по правиламъ испанской инквизиціи, которыхъ господинъ Баршовъ, какъ просвѣщенный законовѣдецъ, конечно, не одобряетъ. Что касается до поучительности рецензій, то я не думаю, чтобы авторы *handbuch'овъ*, учебныхъ *руководствъ*, были совершенно въ правѣ требовать такихъ рецензій отъ своихъ литературныхъ судей. Если ли есть на свѣтѣ книги, менѣе заслуживающія названія «сочиненій» чѣмъ подобныя руководства. Это всегда не что иное какъ болѣе или менѣе сокращенный текстъ того, о чемъ профессоръ намѣренъ подробно говорить на лекціи, болѣе или менѣе правильныи рядъ вышкковъ на пространныя вустныя разсужденія, приходо-расходная книжка пре-

подателя и его слушателей, которой итоги сводятся между ними домашнимъ образомъ во время годичныхъ испытаній. Чтобы основательно судить о такой книгѣ, надобно, глядя въ нее, выслушать полный курсъ чтеній ея автора. Учебныя руководства пишутся профессорами исключительно для себя и для своихъ слушателей: это книги — совершенно личныя; онѣ вовсе не для публики, не для читателей, даже и не для другихъ профессоровъ, преподающихъ тотъ же предметъ. Это, напримѣръ, руководство къ теоріи законодательства о преступленіяхъ и наказаніяхъ можетъ превосходно соответствовать своему назначенію въ той аудиторіи, гдѣ ученый московскій профессоръ развиваетъ и наполняетъ его содержаніе изустными разсужденіями, и быть книгою, полезною для читателей. Какъ книга для публики, оно не представляетъ ничего полнаго, ничего подробнаго, ничего занимательнаго: оно состоитъ изъ общихъ всѣмъ извѣстныхъ положеній науки, расположенной по историко-догматической методѣ, но неразвитыхъ ни исторически ни догматически, не подкрѣпленныхъ фактами, не возведенныхъ изслѣдованіями на степень любопытнаго ученія. Возьмемъ въ примѣръ одно или два обстоятельства. Говоря о гиліотинѣ, авторъ довольствуется слѣдующею ея исторіей: «Мы ошиблись бы впрочемъ, если бы стали считать время ея происхожденія съ новѣйшаго употребленія во Франціи. Уже задолго прежде, и именно въ шестнадцатомъ столѣтѣ, *видимъ мы слѣды ея употребленія въ Италиі, Голландіи, Англии и Шотландіи. Даже и въ самой Франціи она была въ употребленіи еще прежде, нежели докторъ Игнатій Юсифъ Гильетинъ (Гиліотень) осмѣлился (?) въ 1789 году сдѣлать предложеніе о возстановленіи ея*. Читатель ровно ничего не видитъ изъ такой исторіи; но авторъ, безсомнѣнія, подробно излагаетъ ее своимъ слушателямъ: онъ, вѣроятно, говоритъ имъ, при какихъ случаяхъ *видимъ мы слѣды употребленія этой машины въ Италиі и Англии въ шестнадцатомъ столѣтѣ, и во Франціи до возстановленія ея въ 1789 году по представленію доктора Гиліотена (это число не вѣрно)*; онъ объясняетъ имъ, по крайней мѣрѣ, что гиліотина некогда называлась въ Англии *the maiden*, что во Франціи первое названіе ея было *la loui-*

сол, отъ имени известнаго хирурга Louis, секретаря парижскаго коллегіума, который, въ мартъ 1792, улучшилъ устройство старинной машины и присоветовалъ ввести ее въ употребленіе, и что одно только странное стеченіе обстоятельствъ сопрягло съ нею впоследствии имя доктора Гилютена, который жилъ въ Парижъ еще во время возстановленія Бурбоновъ, пользовался обширною практикою, и очень сердился за незаслуженную честь, которой удостоили его въ этомъ случаѣ. Примѣръ этотъ самъ по себѣ не важенъ, но онъ хорошо знаменуетъ родъ изложенія, принятаго авторомъ : такъ писано все его руководство, и такъ пишутся всѣ нѣмецкія гандбухи, которыхъ тяжелой и сухой формѣ господинъ Баршовъ подражаетъ съ плачевною точностью, избравъ образцомъ себѣ преимущественно гандбухъ Henke. Другіе случаи гораздо важнѣе. Въ теоріи наказаній, напримѣръ, ничего нѣтъ любопытнѣе для читателя какъ историческое и критическое разсмотрѣніе начала, ходу, устройства, относительной пользы и конечныхъ послѣдствій такъ называемыхъ наказательныхъ колоній, colonies pénales, и исправительныхъ тюремъ, systèmes pénitenciers. Множество весьма умныхъ сочиненій объ этихъ важныхъ предметахъ заняло въ последнее время вниманіе европейской публики. Я воображаю, сколько фактовъ, сколько наблюденій, сколько занимательныхъ подробностей, долженъ въ этомъ мѣстѣ рассказывать ученый профессоръ своимъ внимательнымъ слушателямъ; но въ книгѣ его не нахожу ничего кромѣ блѣдыхъ намѣсковъ, и общихъ мѣствъ.

Что касается до желанія господина Баршова видѣть на свою книгу рецензію, «поучительныя для себя и другихъ», то мы уже сказали, что простой нѣмецкій гандбухъ, по нашему мнѣнію, не имѣетъ на это права. Можно, и весьма похвально, писать вещи поучительныя, только не по поводу такихъ книгъ. Если угодно, мы готовы войти въ ближайшее разсмотрѣніе, напримѣръ, важнаго вопроса о наказательныхъ поселеніяхъ и исправительныхъ тюрьмахъ, чтобы удостовѣрить и автора и другихъ, въ томъ, сколько любопытнаго и занимательнаго можно было сказать объ этомъ предметѣ; но это будетъ въ другомъ мѣстѣ и въ другое время.

Слогъ и языкъ книги господина Баршова, которой боль-

Какъ ни смѣшны эти понятія, а они действительно существуютъ во многихъ преподающихъ сословіяхъ, и принесены въ послѣднее время къ намъ изъ германскихъ университетовъ, гдѣ ученые, совершенно отдѣленные отъ свѣта, презираютъ его, воображаютъ себя воплощеніемъ науки, и живутъ въ непроницаемой сферѣ своихъ академическихъ умозрѣній, въ которой витаютъ только *профаны* и *невежество*. Знаніе, по ихъ мнѣнію, это—система, идея. Статистика не есть знаніе. Она разсматриваетъ землю, народъ, правленіе, законы, промышленность, образованность. Все это предметы различные, совершенно отдѣльные одинъ отъ другаго. Надо соединить ихъ въ одно. Но какъ подчинить одной идеѣ и представить въ видѣ одной науки, системы, когда каждая изъ составныхъ частей статистики имѣетъ свою особенную науку, — земля географію, народъ этнографію, законы юриспруденцію, промышленность политическую экономію, и такъ далѣе? Надо, или уничтожить статистику какъ науку, и признать ее простымъ сборникомъ свѣдѣній о настоящемъ положеніи государства, имѣющихъ свою важность на практикѣ, но несоставляющихъ самобытной системы; или, уничтожить тѣ науки, которыя входятъ въ статистику, и оставить одну ее. Такой казусъ приводитъ въ отчаяніе всѣхъ умозрителей. Съ самаго рожденія статистики при Франческо Сансовино въ 1567 году, въ нее входили одни и тѣ же предметы: перемены въ методахъ показываютъ, что она имѣла свое развитіе, но сущность дѣла остается всё та же. Ну, такъ пусть ее остается, когда статистика въ этомъ видѣ была полезна людямъ! Учитесь, собирайте вѣрные факты, и учитесь. Но «ученые» никакъ не согласны на это: для личной ихъ важности, имъ нужна наука, которую бы они представляли въ своемъ лицѣ передъ ученымъ свѣтомъ. Отсюда странныя усилія Конринга, Ахенвалля, Нимана, Шлёцера, Пелица, Шуберта, превратить статистику въ науку, которой науки всё-таки нѣтъ какъ нѣтъ. Это ужасно огорчаетъ и господина Рославскаго въ Харьковѣ.

Самъ онъ сознается, что до-сихъ-поръ статистика была сводомъ разнородныхъ извѣстій, представляемыхъ въ большемъ или меньшемъ объемѣ, сообразно со взглядомъ

каждого писателя. Чтобы съ своей стороны помочь горю, онъ написалъ книжку, раздѣленную на двѣ части : въ первой онъ рѣшаетъ вопросъ, наука ли статистика, и что за наука; во второй излагаетъ ея систему.

Охотясь за идеей, которая могла бы придать статистику наукообразность, онъ тоже находитъ, что для этой отрасли человѣческихъ свѣдѣній мало одной практической цѣли, и что такой цѣли даже не слѣдуетъ имѣть въ виду при сужденіи о статистикѣ. Но какъ же уничтожить эту полезную цѣль, когда она дѣйствительно и явственно въ ней существуетъ. Очень простымъ образомъ : составить статистику à priori, придумать такую статистику, которой цифры предлагались бы ко всемъ государствамъ земнаго шара, существовать замѣнить умозрѣніемъ : тогда статистика потеряетъ всю свою пользу и сдѣлается настоящею наукою! Идея не новая, и господинъ Рославскій не знаетъ того, что она даже давнымъ-давно осуществлена : Республика Платона и Утопія Мура, это — статистики à priori! Предлагая сдѣлать изъ статистики мыльный пузырь, господинъ Рославскій подкрѣпляетъ свое ученіе удивительными аргументами. Онъ говоритъ, что практическая цѣль недостаточна въ статистикѣ : 1., потому что статистическія цифры безпрестанно измѣняются и бывають невѣрны; 2., потому что ихъ даже трудно собирать; 3., потому что не довольно знать одни факты, но надобно знать и то, *что они выражаютъ*. Все это господинъ Рославлевъ говоритъ очень серьезно. Онъ не хочетъ понять, что въ природѣ вещей есть двѣ исторіи, — исторія поступковъ и дѣйствій какого-нибудь народа, и исторія его земли, его имущества; что какъ бытописаніе есть нравственная исторія государства, такъ статистика есть вещественная его исторія. Велика была, что статистическія данныя народа непрерывно измѣняются! Развѣ не точно такъ же измѣняются его историческія дѣйствія, его политическіе поступки? Ежели статистическія данныя ежедневно измѣняются, то ихъ надобно ежедневно собирать и записывать, какъ вы ежедневно собираете и записываете политическія дѣйствія народа. А что касается до трудности собиранія этихъ данныхъ, то ужъ объ этомъ не извольте бездокопаться : на то есть ста-

статистическія бюро, настоящія обсерваторіи для наблюденія земли. Звѣзды на небѣ также безпрестанно измѣняются, однѣ гаснутъ, другія вновь возникаютъ. Лагранже уподоблялъ небо огромному лѣсу, въ которомъ поминутно старыя листья валятся съ деревьевъ и новыя распускаются на вѣтвяхъ, и ни одинъ астрономъ еще не предлагалъ составить каталогъ звѣздамъ à priori, для того чтобы онъ могъ служить неизмѣнно до скончанія вѣку: всѣ терпѣливо занимаются тщательными описями разныхъ частей неба такъ, какъ онъ виденъ сегодня. Если завтра звѣзды переищуются, то будутъ новыя описи, и дѣло пойдетъ своимъ порядкомъ. Въ этой прекрасной наукѣ, называемой астрономіей, которая, право, ничѣмъ не хуже статистики, есть разныя созвѣздія, есть быки, бараны, верблюды, лошади, точно какъ въ статистикѣ: это — астрономическіе факты; а между тѣмъ она и не думаетъ добиваться до того, *что такое выражаютъ эти факты*. Она только ихъ записываетъ. Какая же нужда статистикѣ знать, *что такое выражаютъ ея факты?* О томъ будутъ знать другія науки, географія, статистика, законовѣдѣніе, политическая экономія. Не смѣшывайте науки! Зачѣмъ, при взглядѣ на какой-нибудь предметъ, захватывать въ одну кучу все относящееся къ этому предмету? Объ отливкѣ стекла будетъ говорить технологія, о свойствахъ его въ отношеніи къ свѣту оптика. А вы извольте сказать намъ, сколько бутылокъ, стакановъ, и рюмокъ выдѣлывается круглымъ числомъ каждый годъ: тамъ ужъ мы посоветуемся съ нравственной философіей и рѣшимъ безъ васъ, достаточно или нѣтъ этого количества для счастья народа.

Доказавъ неопровержимо, что, если уничтожить полезную цѣль статистики, то она можетъ сдѣлаться прекрасною наукою, господинъ Рославлевъ исчисляетъ тѣ условія, какія она обязана исполнить для поддержанія своего новаго званія. Онъ велитъ ей заниматься «*изслѣдованіемъ законовъ государственной жизни и ея элементовъ.*» Я осмѣливаюсь смиренно думать, что, говоря это, онъ такъ же мало понимаетъ самъ себя, какъ мало я его понимаю. *Государственная жизнь! Законы государственной жизни! Элементы государственной жизни!* Сознайтесь, по совѣсти, что на одно

изъ этихъ выраженій пастишнаго языка германоманіи не имѣеть, ни въ природѣ, ни въ нашемъ умѣ, яснаго и опредѣленнаго значенія! Второе условіе: «Такъ-какъ *элементы государственной жизни* существовали и существуютъ вездѣ, гдѣ только люди образуютъ благоустроенное общество, то, следовательно, несправедливо было бы ограничить кругъ статистики опредѣленнымъ числомъ народовъ, почему-нибудь болѣе интересующихъ насъ или болѣе намъ извѣстныхъ.» Третье условіе: «Почерпая свои выводы изъ области опыта и *возводя наблюденія на степень идей*, статистика очевидно должна простираться не только на настоящее, но и на прошлое, однимъ словомъ, обнимать *всѣ факты государственнаго бытія*» (?). Четвертое условіе: она должна «вникать, почему что есть въ *организации государства* и почему вся эта организація такова какъ есть, а не иная.»

Полно! будетъ съ васъ этихъ тумановъ, въ которыхъ, нѣтъ ни одного здраваго понятія о дѣлѣ. Вся книга написана такимъ же языкомъ и въ такомъ же странномъ направленіи идей. Я увѣренъ, что вы совсѣмъ не любопытны видѣть, какъ статистика распространяется на *время и на мѣсто*, и какъ авторъ даетъ сіи шесть противурѣчащихъ опредѣленій, изъ которыхъ ни одно ничего ясно не опредѣляетъ. Прискорбно то, что это уже не первое разсужденіе о статистикѣ, изданное у насъ въ послѣднее время, которое отпускаетъ такія дикія умозрѣнія. Должно замѣтить, что даже всѣ они говорятъ почти одними и тѣми же выраженіями и какъ-будто принадлежать къ одной школѣ. И какъ мало имъ самимъ понятенъ этотъ напыщенный глаголъ, который они употребляютъ, какая пустота мысли скрывается подъ этими туманными фразами, ясное доказательство того имѣемъ мы во второй части предлежащаго сочиненія. Въ своей «Системѣ статистики», господинъ Росславскій дѣлаетъ опытъ примѣненія своей теоріи къ пяти главнымъ европейскимъ державамъ, Россіи, Франціи, Британіи, Австріи и Пруссіи. Опытъ этотъ не представляетъ ничего новаго: высокопарная теорія осталась въ первой части, а практика совершенно сходна съ прежнимъ способомъ обработыванія статистики у другихъ писателей, и не

отличается ни какимъ достоинствомъ, кромѣ особенной методы, такъ, что изъ «изслѣдованія законовъ и элементовъ государственной жизни» вышла очень обыкновенная вещь, известная всякому, кто занимается политическими науками. Впрочемъ авторъ говоритъ, что онъ хотѣлъ представить только образчикъ статистики, а настоящая статистика еще впереди.

1. ПОЛНОЕ СВѢДѢНІЕ О ПОЛЬЗОВАНІИ ХОЛОДНОЮ ВОДОЮ, или Ясное изложеніе правилъ, какъ самымъ вѣрнымъ образомъ, помощію холодной воды, скоро и вѣрно излечивать многія опаснѣйшія человѣческія болѣзни. Издано для образованныхъ сословій докторомъ Фабриціусомъ. Переведено съ нѣмецкаго докторомъ Михайломъ Ламовскимъ. Изданіе второе. Сп.-бургъ, въ тип. И. Россійской Академіи, 1841, въ-8. Двѣ части въ одной книгѣ, стр. 980—101.

2. ЛЕЧЕНІЕ ВОДОЮ ПО МЕТОДУ ПРИСНИЦА ВЪ ГРЕФЕНБЕРГѢ, съ подробнымъ описаніемъ самого Грефенберга, правилъ, тамъ наблюдаемыхъ, чудесныхъ исцѣленій, производимыхъ Присницемъ, и всего, что относится къ леченію водою, особенно по методу Присница. Сочиненіе доктора Вишела. Переводъ съ французскаго. Москва, въ тип. Стешнова, 1841, въ-8, стр. 300 и IV.

3. ДРУГЪ ЗДРАВІЯ, или Практическое объясненіе употребленія и дѣйствій холодной воды, какъ лучшаго дѣтскаго и врачебнаго средства. Въ двухъ отдѣленіяхъ: 1. для здоровыхъ; 2. для больныхъ. Составлено гидропатическимъ обществомъ и издано для блага человечества и больныхъ докторами Киришаеромъ, Эртелемъ и Шлеммеромъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Сп.-бургъ, въ тип. Югансона, 1841, въ-12, стр. 84.

Съ тѣхъ поръ какъ люди существуютъ, нѣтъ ни одной вещи подъ солнцемъ, твердой или жидкой, которою бы не лечили ихъ когда-нибудь съ удивительнымъ успѣхомъ, и которая бы послѣ не оказалась, если не вредною, то по крайней-мѣрѣ бесполезною для здоровья. Триста различныхъ и часто противоположныхъ методовъ леченія, одна послѣ дру-

гои, были въ славѣ со времени Иппократа, всѣ безъ-изъятія производили чудесныя исцѣленія, и потому признаны были гибельными или противными здравому смыслу. Какъ же это случилось? Неужели люди ошибались? Неужели приверженцы той или другой методы леченія, того или другаго лекарства, такъ искусно обманывали людей, что больные умирали, а зрители думали, будто они встаютъ здоровыми съ постели? Неужели многіе знаменитые шарлатаны, которымъ города и государства воздавали торжественныя почести, достигли своей необыкновенной славы не выеживъ ни одного больваго? Этого никакъ достигнуть не возможно! Тысячи свидѣтелей готовы были утвердить присягою противное. Съ другой стороны, между изобрѣтателями и последователями методъ, признанныхъ теперь за вредныя или недействительныя, были, безспорно многіе врачи, добросовѣстные и ученые, которые отъ всей души сами вѣрили въ непогрѣшимость своихъ способствъ и своихъ любимыхъ лекарствъ и видѣли несомнѣнные примѣры ихъ чудесныхъ дѣйствій. Объясните эту загадку!.... Она кажется необъяснимою. А между-тѣмъ дѣло очень просто. Я докажу цифрами, что можно сдѣлаться знаменитымъ врачомъ, вовсе не зная медицины и прописывая на-угадъ первое, болѣе или менѣе безвредное, лекарство, какое вамъ прійдетъ въ голову.

Возьмемъ общество, на примѣръ, въ пять тысячъ душъ, которое ѣсть плотно, пьетъ на-славу, танцуетъ, гуляетъ, потѣветъ, простуживается. Положимъ, что въ этомъ почтенномъ обществѣ, вы одинъ — врачъ. Старайтесь лечить всѣхъ его членовъ, лишь-только кто-нибудь изъ нихъ хоть немножко захвораетъ, — но непременно всѣхъ: въ этомъ сила, — пользуя ихъ діетой и какимъ-нибудь однимъ лекарствомъ, гомеопатическими пилюлями, воздухомъ, холодною водою или, пожалуй, русскимъ квасомъ. Чтò выйдесть? Выйдесть то, чтò вы приобретете славу перваго врача въ мірѣ. Натъ человека, который бы не былъ чѣмъ-нибудь болѣе, по-крайней мѣрѣ одинъ разъ въ годъ, на худой конецъ хоть желудкомъ, кашлемъ или насморкомъ. Какими бы ни были эти мимолетныя страданія, всё же они — болѣзни, и пренебрегать ихъ не нужно: лечите ихъ всѣ безъ исключе-

шія своиѣ всеобщимъ лекарствомъ! Такимъ образомъ, въ обществѣ, состоящемъ изъ пяти тысячъ душъ, вы будете имѣть въ годъ навѣрное 5,000 болѣзней. Сколько изъ нихъ будетъ смертельныхъ?... Это напередъ извѣстно: изъ 100 человекъ, лечимыхъ или оставленныхъ безъ всякаго лекарства, — это всё равно, — среднимъ числомъ въ годъ всегда умираетъ 3; этихъ трехъ человекъ ужъ не спасете ни какою медициною, какъ бы она была чудесна; они непременно умрутъ. Следовательно, изъ 5000 болѣзней только 150 будутъ смертельныя, а 4850 болѣзней вы несомнѣнно вылечите своимъ лекарствомъ. Подумайте, какая пропорція несомнѣнныхъ врачевныхъ успѣховъ къ неудачамъ!... 4850 исцѣленій противъ 150 смертей, которыхъ по-крайней-мѣрѣ дѣтъ трети произойдутъ отъ невзлечимыхъ болѣзней, старости, чахотки, простуженной скарлатины, и за которыя никто и не подумаетъ съ васъ взыскивать. Это значитъ, что, въ природѣ, для врача, ни болѣе ни менѣе какъ 100 счастливыхъ шансовъ противъ 1 несчастнаго. Следовательно, нѣтъ возможности врачу и лекарству, каковы бы они ни были, не прославиться между людьми, какъ-скоро есть возможность или особенный даръ лечить встречнаго и поперечнаго, лечить безпрестанно. О! какъ мудро все устроено въ природѣ! Не будь этой удивительной пропорціи 100 къ 1, медицина не просуществовала бы на землѣ и трехъ недѣль послѣ своего изобрѣтенія Эскулапомъ. Благодаря ей, этой пропорціи, чѣмъ больше болѣзней около врача, тѣмъ больше людей онъ вылечиваетъ и тѣмъ знаменитѣе становится его метода или его всеобщее лекарство. Это фактъ. Ему нечего бояться того, что своимъ лекарствомъ онъ много и безвинно отправитъ къ праотцамъ: это несчастіе, въ другомъ мѣстѣ, онъ вознаградитъ діетой, которая порой спасаетъ людей уже на краю могилы; а иному, обреченному судьбою къ смерти, иногда возможно и то же самое лекарство совершенно противъ докторскаго чаянія: люди часто Богъ-знаетъ отъ чего выдобриваютъ! Словомъ, средній годичный итогъ смертностей всегда будетъ одинъ и тотъ же, и слава врача ничего не потеряетъ въ общей сложности. Напротивъ. Въ человѣческой природѣ есть столько удивительнаго, столько непонятнаго для нашего ума! Бываютъ случаи, что жестокая болѣзнь,

которая мучила васъ долгое время, вдругъ прекращается сама собою или отъ самыхъ ничтожныхъ причинъ. Вся подобныя случаи будутъ, по-необходимости, отвесены къ искусству врача или къ могуществу его лекарства, и названы чудесными излеченіями; общество наградитъ его своимъ удивленіемъ, а чувствительныя семейства повѣсятъ у себя его портретъ и торжественно нарекутъ его своимъ благодѣтелемъ.

На томъ же великомъ патологическомъ фактѣ основано и заговариваніе зубовъ. Въ большей части случаевъ, зубная боль усмирится вдругъ отъ невѣстной причины, и потому не возвращается втеченіи долгаго времени: стоитъ только терпѣливо дожидаться минуты этого чуда. Колдунъ это знаетъ: онъ произноситъ свои таинственныя слова, и говоритъ: «Будьте спокойны; черезъ три дня боль совершенно пройдетъ.» И очень часто боль дѣйствительно проходитъ. Счастливые случаи такого *пользованія* возбуждаютъ удивленіе и прославляются людьми, склонными къ сверхъестественному. Оставшіеся въ дуракахъ, со стыда, молчатъ о своей неудачѣ. При моихъ глазахъ колдунъ заговорилъ зубы одному очень ученому врачу, который надъ нимъ смѣялся.

Теперь всякому понятна настоящая причина удивительныхъ успѣховъ водолеченія и другихъ подобныхъ методовъ.

НОВЫЯ БРОШЮРЫ.

КРАТКОЕ ОПИСАНІЕ МЕДИЦИНСКАГО ВѢСУ. *Сочиненіе* Ѳ. Петрушевскаго. Сп.-бургъ, въ тип. Плюшара, 1841, въ-8, стр. 23. — Чтеніе, очень интересное для больныхъ.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ И ВЫВОДЫ, для руководства прикащику мызы. Сп.-бургъ, 1841, въ тип. Праца, въ-4, стр. 47. — Эта брошюра, собственно, заключаетъ въ себя описаніе хозяйственнаго порядку, введеннаго въ одномъ изъ имѣній, находящихся близъ Петербурга. Пра-

шила, въ ней изложенныя, конечно, не могутъ быть при-
мѣнены ко всякой мѣстности и ко всякому сельскому хозяй-
ству, однако жъ, каждый хозяинъ, устроивающій свое имѣ-
ніе на основаніяхъ рациональнаго хозяйства, найдетъ для
себя въ этихъ «Запискахъ и выводахъ» очень много полез-
наго и любопытнаго. Разсужденія автора опираются вездѣ
на строгій расчетъ и на основательныя соображенія съ
обстоятельствами.

=

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

=

— Литература наша непрерывно поноситъ новыя потери,
которыя не вознаграждаются новыми пріобрѣтеніями. Одни
сходятъ съ поприща, ища отдыху послѣ трудовъ, другіе
умираютъ. Кончина Лермонтова, на кавказскихъ водахъ,
Лермонтова, который подавалъ столь блистательныя наде-
жды, должна огорчить всѣхъ любителей русской словесности.
При нынѣшнемъ чрезвычайно ограниченномъ числѣ талан-
товъ, которые еще пишутъ, вся словесность наша по-необ-
ходимости заключилась въ журналахъ. Это явленіе не у
насъ однихъ поражаетъ наблюдателя: въ Англии и во Фран-
ціи мы видимъ то же самое: все, что выходитъ хорошаго,
по крайней-мѣрѣ сноснаго, по части повѣстей и романовъ,
печатается сперва, во Франціи, въ газетахъ, въ Англии, въ
мѣсячныхъ *магазинахъ*. Всѣ знаменитѣйшіе писатели туда
отдаютъ свои творенія, и нерѣдко одинъ романъ тянется
въ англійскихъ журналахъ два года, чего прежде никогда
не бывало. Это характеръ нашей эпохи: книги пустуютъ,
журналы наполняются, обогащаясь ихъ достоинствомъ.

— Съ удовольствіемъ узнаемъ мы, что испанская литера-
тура начинаетъ находить у насъ любителей, которые гото-
вы посвятить ей свое трудолюбіе и желаютъ доставить

намъ ближайшее знакомство съ нею посредствомъ переводовъ. Одинъ изъ нихъ перевелъ на русскій языкъ двѣ пьесы Сервантеса изъ его *Novelas ejemplares*, писанно *La Gitanilla* и *Rinconete y contadillo*, и трагикомедію Кальдерона. *Al secreto agravió secreta venganza*. — Переведены также *Памела*, комедія Гольдони, и двѣ трагедіи Манцони, *Il Conte di Carmagnola* и *Adelchi*. Мы надеемся скоро увидѣть ихъ въ печати.

— Занимающіеся врачебною литературою должны обратить вниманіе на вышедшій въ Берлинѣ *Всеобщій терминологическо-медицинскій лексиконъ на латинскомъ, немецкомъ и русскомъ языкахъ*, въ двухъ томахъ (1839 — 1841, 8vo.). Авторъ этого совѣстливаго и полезнаго труда — инспекторъ харьковской врачебной управы, докторъ Гриненбергъ.

=

VII.

ОМЪСЪ.

**ЖЕЛЁ, БУЛІОНЪ, И ВСЯ ПОДОВНЫЯ ЭКСТРАКТЫ, ВО-
ВСЕ НЕ ПИТАТЕЛЬНЫ.** *Репортъ комиссіи, наряжен-
ной парижскою академіей наукъ.* Какъ мы еще мало знаемъ
процессъ питанія нашего тѣла! Какія ложныя понятія го-
сподствуютъ въ нашей «раціональной» медицинѣ о томъ,
что полезно и что вредно здоровью, что подкрѣпляетъ и
и что ослабляетъ силы больного! Напримѣръ, медицина
увѣрена, что нѣтъ ничего питательнѣе въ свѣтъ какъ желё,
или студень, и ежедневно предписываетъ она выздоравли-
вающимъ это *подкрѣпляющее* блюдо. Всѣ убѣждены, и
это, кажется, совсѣмъ естественно, что когда мясо такъ пи-
тательно для нашего желудка, то, вываривъ изъ него всю
сущность, сдѣлавъ изъ него экстрактъ, буліонъ, мы не
только доставимъ желудку то же самое удовольствіе, какое
испыталъ бы онъ отъ мяса, но еще облегчимъ ему пище-
вареніе : на этомъ началъ основаны наши супы, соусы, кон-
соммё, сухіе буліоны, которые въ сущности не что иное
какъ тотъ же студень, желё, желатина, окрѣпшій отваръ
мяса. Между-тѣмъ всѣ эти вещества не доставляютъ тѣлу
нашему ни малѣйшей пищи, и мы совершенно бесполезно
принимаемъ ихъ въ нашъ желудокъ.

Медицина такъ твердо была увѣрена въ великой пита-
тельности желё и буліону, что около 1830 года одинъ уче-
ный филантропъ, желая облегчить содержаніе гошпиталей
и столовъ для бѣдныхъ, предложить французскому прави-
тельству поставитъ за весьма дешевую цѣну отличное же-

лѣ, приготовляемое изъ костей. Врачи были въ пользу этой мѣры, но правительство не рѣшилось, не подвергнувъ дѣла разсмотрѣнію академіи наукъ, потому что въ то же самое время появилось нѣсколько статей, въ которыхъ доказывали, будто желѣ не даетъ тѣлу никакой пищи. Этого мнѣнія были въ особенности господа *Donné, Milne Edwards* и *Cannal*. Въ 1831 году наряжена была коммиссія, состоявшая изъ господъ *Thénard, Dumas, Magendie, Flourens, Breschet* и *Serges*. Десять лѣтъ посвятила она изслѣдованію вопроса, произвела множество опытовъ, уморила ими около пяти сотъ собакъ, и наконецъ, въ прошедшемъ іюль мѣсяцѣ, представила академіи первую часть своего рапорта. Эта первая часть составляетъ цѣлый томъ: мы не можемъ войти здѣсь въ любопытныя и разнообразныя подробности, которыми она изобилуетъ; по необыкновенной важности предмета мы въ другой разъ сообщимъ описаніе нѣсколькихъ занимательнѣйшихъ опытовъ коммиссіи: теперь представимъ только ихъ результатъ и общіе выводы рапорта.

1. Собаки, кормленные вволю исключительно однимъ только желѣ, добываемымъ изъ костей, изъ рыбьяго клею, и прочая, умираютъ втеченіи двадцати дней *со всеми признаками голодной смерти*. Эта пища, послѣ нѣкотораго времени, дотого разстраиваетъ ихъ соки, что становится для нихъ отвратительною. Наконецъ они совершенно отказываются отъ нея и предпочитаютъ издохнуть отъ голоду.

2. Буліонъ, жидкій и сухой, оказываетъ тѣ же самыя дѣйствія.

3. Бѣлокъ, бѣлковина, почитаемая питательнымъ веществомъ, равнымъ образомъ не доставляетъ тѣлу ни какого питанія. Животныя еще скорѣе умираютъ отъ нея голодною смертію.

3. Фибрина тоже. Но всего удивительнѣе то, что эта пища не только не увеличиваетъ количества фибрины въ крови, какъ слѣдовало бы предполагать логически, а еще уменьшаетъ его, и кровь наконецъ совершенно *пропадаетъ* въ жилахъ животныхъ, кормленныхъ однимъ этимъ веществомъ. Послѣ этого... что значать наши медицинскія уче-

нія о дѣйствиі разныхъ лекарственныхъ веществъ на кровь?

4. Если соединять желатину, бѣлковину и фибрину вмѣстѣ, въ различныхъ пропорціяхъ, даже и въ такой пропорціи, въ какой онѣ находятся въ живомъ мясѣ, то эта смѣсь поддерживаетъ жизнь животныхъ нѣсколько долѣе каждаго изъ трехъ веществъ порознь, однако жъ и отъ нея они наконецъ умираютъ съ признаками голодной смерти.

5. Напротивъ, собаки, кормленныя исключительно однимъ только мясомъ въ естественномъ его видѣ, живутъ славно при самомъ умеренномъ количествѣ этой пищи, наслаждаются совершеннымъ здоровьемъ и умираютъ въ глубокой старости. Между-тѣмъ, мясо состоитъ изъ желатины, бѣлковины и фибрины! Но тамъ онѣ смѣшаны органически, рукою самой природы, и притомъ соединены съ фиброю, жиромъ, разными солями, и прочая. Вѣроятно въ этомъ-то и заключается причина, почему мясо такъ благотельно для питанія, и почему каждая изъ составныхъ его частей, взятая отдѣльно, такъ вредна для жизни.

6. Сырыя кости, для собакъ, почти такъ же хороши какъ и мясо, но костей надобно имъ давать гораздо въ большемъ количествѣ нежели мяса.

7. Жиръ, отдѣльно взятый, довольно долго поддерживаетъ жизнь въ животномъ, но разстраиваетъ его здоровье, засоряетъ сосуды и накопляется въ тканяхъ въ видѣ стearина и олеина.

8. Крохмалъ, и всѣ кислоты, такъ же не годны къ питанію какъ желѣ и буліонъ; но очень странно, что gluten ровно столько же хорошъ для собакъ какъ и самое мясо. Gluten, какъ извѣстно, есть тягучее вещество, которое получается изъ муки, пуская на сдѣланное изъ нея тѣсто струю воды.

8. Съ нынѣшними средствами, поварскими и химическими, нѣтъ ни какой возможности сдѣлать изъ костей желѣ, которое заключало бы въ себѣ хоть нѣсколько питательности. Всѣ извѣстные способы оказались равно недостаточными.

СОВРЕМЕННОСТЬ ПАДУЧИХЪ ЗВѢЗДЪ И СЪВЕРНЫХЪ СІЯНІЙ. Когда, лѣтъ осемь тому назадъ, заговорили о періо-

дическомъ появленіи падающихъ звездъ въ извѣстные дни года, эта была большая новость. Потому вдругъ оказалось, что и сѣверныя сіянія имѣютъ такое же періодическое возвращеніе, а еще прежде было замѣчено, что они вспыхиваютъ въ одно и то же время на сѣверномъ и на южномъ полушаріяхъ. Теперь господа Wartmann, Quetelet и Colla стараются доказать, что появленіе падающихъ звездъ и сѣверныхъ сіяній совершается всегда современно, и что эти два феномена состоятъ въ тѣсной связи между собою и зависятъ одинъ отъ другаго. Первое изъясненіе этой мысли принадлежитъ господину Вартману : господа Кетлѣ и Колла только подбираютъ къ ней доказательства. Но сѣверныя сіянія положительно происходятъ, не за предѣлами земной атмосферы, а въ нашемъ воздухѣ, иногда даже подъ облаками, и часто очень близко къ землѣ, такъ, что ихъ видѣли между кораблемъ и морскимъ берегомъ : какъ связать это явленіе съ предполагаемыми массами невидимыхъ планетонидовъ, съ этими чудными кольцами солнца, изъ которыхъ будто-бы сыплются падающія звезды въ нашъ воздухъ?..... Новое затрудненіе! Но оно со-временемъ объяснится новымъ предположеніемъ. На то наука! Наука состоитъ изъ нѣсколькихъ фактовъ и неопредѣленнаго множества гипотезъ. Наука была бы самая скучная вещь въ мірѣ, и человекъ — самое несчастное существо, если бы у нихъ отнять право дѣлать гипотезы, предполагать, догадываться.

Періодическое возвращеніе сѣверныхъ сіяній въ октябрѣ мѣсяцѣ есть фактъ, не подверженный сомнѣнію. Господинъ Колла показываетъ, что, съ 1801 года понынѣ, втеченіи сорока лѣтъ тридцать разъ примѣчены были сѣверныя сіянія въ октябрѣ : вѣроятно недостоящія десять происходили днемъ. И за этими октябрскими сіяніями тотчасъ слѣдуютъ ноябрскія паденія звездъ. Господинъ Bravais, офицеръ французскаго флота, состоявшій при ученой экспедиціи, отправленной въ сѣверныя моря, уведомилъ господина Кетлѣ, въ началѣ нынѣшняго года, что экспедиція дѣйствительно примѣтила, въ 1838 и 1839, неоднократно появленіе сіяній и падающихъ звездъ въ одну и ту же ночь, такъ, что современность этихъ феноменовъ и зависимость ихъ

одного отъ другаго, не могутъ, кажется, быть оспариваемы.

При этомъ случаѣ нельзя умолчать, что прежде, пока наука не вмѣшалась въ дѣло съ своими гипотезами о за-воздушномъ отечествѣ падучихъ звѣздъ и сѣверныхъ сіяній, общее мнѣніе людей утверждало то же самое: сельскіе метеорологи обыкновенно полагали, что эти звѣзды и сіянія раждаются одни изъ другихъ или появляются современно. Два физика прошедшаго столѣтія, Bertholon и l'abbé Nevieu, внесли даже это простонародное наблюденіе въ свои трактаты объ электричествѣ. Бертолонъ, въ *Electricité des météores* (II, 15), положительно утверждалъ, что *падучія звѣзды очень обыкновенны въ тѣ дни, въ которые бываютъ сѣвернымъ сіяніемъ*, а Nevieu говоритъ: «Почти всѣ сѣверныя сіянія даютъ начало падучимъ звѣздамъ..... эти огни суть принадлежность сѣвернаго сіянія, и явственно проистекаютъ отъ той же самой причины, именно, отъ электрической жидкости.» (*Essai sur l'électricité atmosphérique*, pp. 108, 127.)

НОВЫЙ СПОСОБЪ ЗОЛОТИТЬ И СЕРЕВРИТЬ ВСѢ МЕТАЛЛЫ ПОСРЕДСТВОМЪ ГАЛЬВАНИЗМА. Читателямъ нашимъ уже извѣстенъ способъ господина Деларива, который распускалъ золото въ царской водкѣ. Тѣмъ которые находятъ удовольствіе золотить свои вещи сами дешево и безъ большаго труда, считаемъ нужнымъ сообщить, что пѣкто господинъ Ruolz (Рюль) чрезвычайно усовершенствовалъ способъ знаменитаго женеваго физика: всѣ металлы очень легко и прекрасно золотятся и серебрятся, разлагая, при помощи сильнаго гальваническаго столба съ постояннымъ токомъ, какъ и въ способъ господина Деларива, синялистое золото или серебро, растворенное въ синялистомъ потассіи.

ВОЗРОЖДЕНІЕ ЛОНИНГЪ. *Разсказъ одного баварскаго офицера.* Какой-то Баварецъ, служащій или служившій въ войскахъ короля Оттона, описываетъ въ нѣмецкихъ журналахъ послѣднее странствованіе свое по Греціи.

Мы считаемъ нужнымъ сообщить изъ его записокъ нѣсколько новыхъ свѣдѣній о состояніи Аѳинъ.

«Шестаго сентября 1833 года, говоритъ путешественникъ, я въ первый разъ проѣхалъ по элевсинской дорогѣ и увидѣлъ передъ собой поля Аттики. Аѳины представляли тогда печальное зрѣлище. Изувѣченный и обезображенный городъ Минервы лежалъ грустною развалиной вокругъ жертвенника своей богини. Время было на разсвѣтъ: груды обломковъ, наваленныя вѣками, выходила постепенно изъ сумрака; вѣжный свѣтъ рождающагося утра озарялъ когдѣ прекрасныя формы іонійской архитектуры.

Въ эту печальную эпоху лошади оглашали своимъ ржаніемъ храмъ Тезея: древнее святилище было превращено въ конюшню; дикіе албанскіе ратники укрывались подъ его сводами и хижины ихъ пристроены были къ стѣнамъ. На колоннѣ, которая стоитъ посрединѣ площади, *агора*, молодыя Гречанки развѣшивали сушить свои рубашки; въ Башнѣ Вѣтровъ пріютилась семья цыганъ; пропиленіи служили пороховымъ магазиномъ; на мозаическомъ полу въ храмѣ Юпитера Олимпійскаго молотили хлѣбъ; мечеть возвышалась посреди стѣнъ храма Минервы, и совы, напуганныя приближеніемъ дня, возвращались съ похоронными криками въ жилище древней своей покровительницы. Но, несмотря на все поруганіе, которому подвергла Аѳины людская безпечность за-одно съ разрушительной силой времени; несмотря на Лисандра, который нанесъ первый ударъ этому изящному городу, несмотря на Македонянь, на Римлянъ, на Готовъ, на Оттомановъ, и на лорда Эльгина, который обобралъ самыя развалины, эта груда обломковъ Тезеева города всё-еще обнаруживала много признаковъ древняго величія, тогда какъ отъ города цезарей, отъ великолѣпной столицы римской имперіи, не сохранилось въ цѣлости ничего кромѣ однихъ воротъ.

Двѣнадцатаго апрѣля 1833 года, турецкій начальникъ Османъ-Эфенди сдалъ Аѳины баварскимъ войскамъ, и флагъ Эллиновъ развернулся на вершинѣ Эрехтеона. Тогда во всемъ городѣ нашли не болѣе двадцати домовъ, которые годились для житья. Пространства между древними и новыми развалинами были покрыты хижинами Албанцевъ.

Кое-гдѣ видѣлись грязныя кофейни и лавки съ оборышами товаровъ изъ марсельскихъ и триестинскихъ магазиновъ. Вечеромъ не слышно было ничего кромѣ лаю безчисленной стаи собакъ да крику ословъ, которые цѣлыми стадами скитались между волчкомъ, растущимъ на неособозримое пространство по сожженной равнинѣ: иногда только раздавалось гнусливое пѣніе странствующаго музыканта, который, расхаживая по узкимъ и загроможденнымъ обломками улицамъ, аккомпанировалъ себя на двуструнной балалайкѣ, царапая перомъ по струнамъ.

Во всемъ городѣ была одна locanda, или гостинница. Ее содержалъ Италіанецъ Кассали, женатый на Нѣмкѣ изъ Вѣны. Чета была довольно оригинальная: оба супруга были кривые, такъ, что у двоихъ въ наличности имѣлась только одна пара глазъ. Но это не мѣшало имъ зорко смотрѣть за своими выгодами: они брали непомерную цѣну за козлинное мясо, подаваемое во всѣхъ возможныхъ видахъ; плохое триестинское вино носило у нихъ громкое имя бургонскаго; за четыре стѣны съ желѣзной кроватью, столикомъ и стуломъ, платили имъ по пяти рублей въ сутки. Въ заключеніе, два одинокія дерева, платанъ и пальма, составляли единственную зелень, не только во всемъ городѣ, но и на три версты въ окружности.

Такъ воображалъ я себя Аѳины и въ нынѣшнемъ 1841 году, когда отправлялся изъ Эгинскаго Залива въ Пирей на «Фениксъ». Вѣтеръ дулъ противный: мы лавировали почти цѣлую ночь. Мѣсяцъ освѣщалъ вершины Гимета; берегъ былъ убѣленъ яркимъ луннымъ сіяніемъ и покрытъ широкими полосами черной тѣни. Наконецъ я различилъ вдали длинный рядъ домовъ, расположенныхъ полукружіемъ. Спрашиваю, что это такое, и узнаю къ крайнему моему удивленію, что это Пирей. Тамъ, гдѣ, не болѣе осьми лѣтъ назадъ, я видѣлъ только три жалкія мазанки, теперь возвышается городъ, въ которомъ слишкомъ полторы тысячи домовъ.

Весь остатокъ ночи провелъ я на палубѣ. Вотъ утро. Небо покрылось розовыми отливами; вскорѣ солнце выкатилось изъ-за горъ; подулъ свѣжій вѣтеръ, и «Фениксъ» величественно вошелъ въ гавань.

Удивленія моего при видѣ новаго Пирея не возможно выразить: сколько народу! какое движеніе! сколько экипажей и лодокъ, разъѣзжающихъ въ разныя стороны! Верховыя лошаки и кабриолеты стоятъ у пристани, въ ожиданіи путешественниковъ. Въ столицу, отъ гавани, ведетъ прекрасное шоссе. Извозчики возятъ скоро и берутъ дешево. Мы поскакали, и на полъ-пути остановились въ оливковой рощѣ, гдѣ продаютъ прохладительныя. За два стакана вина рознато и за сигару я заплатилъ только десятокъ *лентъ* (около гривны мѣдою). Послѣ короткаго отдыха, проѣзжіе, обыкновенно, пускаются снова въ дорогу. Черезъ нѣсколько минутъ становятся видными верхи Акрѡполя. Окраинной Пникса, мѣста, гдѣ въ древнѣхъ времена бывали народныя собранія, вась взвозятъ на гору, и вотъ Аѣнны. Вы въѣзжаете въ новую Гермесову улицу: вдали виднѣтъ строющійся дворецъ короля Оттона.

Нынѣшній городъ простирается къ сѣверо-западу на двадцать четыре сажени далѣе древнихъ стѣнъ. Онъ будетъ составлять полукружіе около Пникса и Акрѡполя, оканчивающееся храмомъ Юпитера Олимпійскаго, съ храмомъ Тезея въ центрѣ. Гермесова улица разделяетъ Аѣнны на двѣ части, идя въ прямомъ направленіи отъ востока къ западу; она имѣетъ пять сотъ шестьдесятъ сажень въ длину и девять въ ширину. Ее пересѣкаютъ, въ направленіи съ юга на сѣверъ, двѣ главныя улицы, Эолова, начинающаяся отъ Башни Вѣтровъ, и Минервина, отъ портика Адриана. Пространство между храмомъ Тезея и Башнею Вѣтровъ исчерчено неправильными переулками, въ которыхъ нѣтъ ничего замѣчательнаго. Самая красивая часть города лежитъ между Башнею Вѣтровъ и гробницею Лисикрата.

Домы частныхъ людей не могутъ похвалиться архитектурою: мѣстами есть, правда, стренія довольно большія, но не изящныя и не прочныя. Дворецъ поспѣетъ не ранѣе четырехъ или пяти лѣтъ. Наружность его будетъ проста, но изящна и не безъ величія. Думаютъ, что королю можно черезъ годъ въ него перейти со всемъ своимъ домогъ. Нынѣшнее мѣстобреживание королевской фамиліи состоитъ изъ двухъ наемныхъ домовъ, соединенныхъ галерею, за

которые платятъ по двадцати тысячъ драхмъ или франковъ въ годъ. Въ числѣ публичныхъ зданій, примѣчательныя прочихъ театръ, на которомъ даютъ италіянскія оперы, госпиталь, двѣ казармы, гостинница, литографія, рынокъ, мошетный дворъ, церковь Святой Ирины, коллегіумъ и университетъ. Для снабженія жителей водою возобновлены два древніе акведука. Внутри города и въ окрестностяхъ много садовъ. Въ улицахъ сдѣланы канавы для стоку нечистоты.

Акрѡполь расчищается, и при работѣ нашли нѣсколько древностей. Парѡенонъ уже освобожденъ отъ безобразныхъ построекъ, колонны и ступеньки очищены, но внутри всё-еще остается мечеть. Эрехтеонъ ресторированъ, и статуя, похищенная лордомъ Эльгинномъ, будетъ замѣнена другою, сдѣланною по образцу памятниковъ древности. Храмъ Минервы также появляется изъ развалинъ, подъ которыми погребено семейство измѣнника Кураса, когда это зданіе было разрушено въ послѣднюю войну бомбой. Акрѡполь охраняется инвалидами. Съдобородый Суліотъ, бывшій моймъ чичероне, привелъ меня къ обломку одной пелазгійской стѣны, и, объясняя великолѣпную панораму, которая разстилалась у насъ подъ ногами, сказалъ: «Вотъ нашъ городъ! Благодаря Бога, я дожилъ до его возрожденія и не напрасно дрался съ Турками!»

Когда я шелъ изъ Акрѡполя, на рынокъ зажигали фонтари; городъ болѣе и болѣе оживлялся; безмолвный день уступалъ мѣсто свое шумной ночи: жители, скрывавшіеся до-сихъ-поръ отъ жару въ домахъ своихъ, начинали кочевать изъ улицы въ улицу. Здѣсь живутъ точно какъ на Востокъ, только съ нѣкоторою примѣсью германизма. Дневныя занятія распределены такимъ образомъ, что обѣдъ приходится въ полдень, какъ это заведено въ коренныхъ нѣмецкихъ земляхъ. Несмотря на ненависть Грековъ ко всему иностранному, присутствіе Нѣмцевъ имѣло вліяніе на нравы жителей. Браки ихъ съ Гречанками часты, но обрядъ совершается секретно, потому что синодъ запретилъ благословлять союзы Гречанокъ съ неправославными. Напротивъ, Греки очень рѣдко женятся, не только на иностранкахъ, но и на своихъ, по недостатку въ невѣстахъ. Сильны дѣвы вѣкъ

европейскихъ государствъ могли бы сдѣлать превосходную спекуляцію, повхавъ въ Аѳины: требованія на невольствѣ тамъ очень значительны. Также нуждаются въ насшей прислугѣ: лакею платятъ около тридцати рублей въ мѣсяцъ, что для здѣшнихъ кармановъ довольно чувствительно. Ремесленники, особливо изъ Нѣмцевъ, ведутъ отлично свои дѣла: всякая работа цѣнится вдвое противъ матеріалу. Локандъ очень много, но мало хорошихъ: одною изъ лучшихъ можно назвать трактиръ Нѣмца Пульмана. Любители восточной кухни останавливаются въ греческихъ гостиницахъ, которыя содержатъ Мальтійцы. Тамъ можно найти всѣ національныя кушанья, — колоквинты съ фаршемъ, кебабъ изъ ягнятины, баміе, и прочая. Винные торговцы нанимаютъ иногда часть лавки у какого-нибудь ремесленника, и нерѣдко портной, сапожникъ, часовщикъ, ткачъ, работаютъ всѣ подъ одною кровлею, другъ подле друга. Кофейни въ большой модѣ: самыя великолѣпныя, напримѣръ кофейня одного Швейцарца, Роберта, находятся въ Золовой улицѣ. Этотъ родъ промышленности даетъ огромные барыши, потому что въ кофейняхъ сидитъ съ утра до глубокой ночи множество посѣтителей: играютъ въ домино и на билліардѣ, читаютъ газеты, говорятъ о политикѣ. Политика, какъ и въ древнія времена, составляетъ любимый предметъ занятій Аѳинянъ: вмѣстѣ съ независимостью, воскресли агорскіе пустомели; всякой оборванный столяръ почитаетъ долгомъ своего званія произносить свое мнѣніе о дѣлахъ; газеты поддерживаютъ страсть къ политическимъ толкамъ, и волнуютъ всѣ головы.

По мѣрѣ того какъ новое государство приходитъ во всѣхъ частяхъ въ порядокъ, право собственности болѣе и болѣе обезпечивается, торговля дѣлаетъ значительные успѣхи. Всякой день прибываетъ множество путешественниковъ. Англійскіе туристы, съ книгами и планами, разгуливаютъ подъ древними колоннадами и съ величайшимъ вниманіемъ осматриваютъ каждый памятникъ. Въ то же время воскресаетъ любовь къ искусствамъ: италіанская опера въ большой модѣ; во всѣхъ достаточныхъ семействахъ занимаются музыкой. По воскресеньямъ гарнизонные музыканты

выходятъ за городъ, играютъ увертюры, каватинны, и привлекаютъ толпы слушателей.»

ЩЕКИ РИТОРИКИ ВЪ ГОЛЛАНДИИ. Это заглавіе, конечно, удивить многихъ читателей; но дѣло въ томъ, что голландскій гражданинъ тогда только можетъ понять поэзію, когда ему растолкуютъ, къ какой гильдіи она приписана. Онъ допускаетъ поэзію въ свое общество точно какъ какую-нибудь даму, съ которой имѣетъ денежные счеты. Въ самомъ дѣлѣ, было время, когда въ Голландіи риторикѣ и поэзію называли — мадамъ, или мѣфрой. Горда наполнены были камерами или, если угодно, *цехами риторики и поэзіи*. Общества, посвящавшія себя этимъ двумъ дамамъ, были цѣлю содѣйствовать къ успѣхамъ народнаго языка и къ усовершенствованію поэзіи. Копсъ, написавшій исторію риторическихъ обществъ, возводитъ ихъ существованіе до весьма древнихъ временъ. По его словамъ, одинъ изъ такихъ цеховъ существовалъ въ Лейденѣ еще до 1200 года, а другою появился въ то самое время, какъ основана была древнѣйшая европейская академія, Jeux floquaux, въ Тулузѣ. Лейденское общество назвалось *камерою риторики*: прочіи послѣдовали его примѣру. Слово «риторика» отнюдь не было для нихъ отвлеченнымъ выраженіемъ: оно изображало прекрасную и могущественную *царицу*, во владѣніяхъ которой жили именитые князья, Демосѣенъ, Цицеронъ, Гомеръ, Виргилій. Въ службу къ этой царицѣ нельзя было вступить безъ некоторыхъ предварительныхъ условій: по-крайней-мѣрѣ въ разрядъ первыхъ ся сановниковъ попадали не иначе какъ за блистательную, чрезвычайную услугу. Но зато какая великолѣпная перспектива открывалась взорамъ вѣрно-подданныхъ Госпожи Риторики! Сперва каждому посвященному давали чинъ *трувера*, то есть, сѣнщика новыхъ словъ, изобрѣтателя новыхъ сюжетовъ. Потомъ повышали его въ званіи старшины, уже имѣвшего судебную власть надъ молодыми служителями музъ. За тѣмъ слѣдовалъ чинъ фактора, котораго обязанностью было сочинять оффиціальныя піесы на торжественные случаи, готовить программы праздниковъ и важныхъ собраній. Послѣ факторства, оставался одинъ шагъ до титула князя. «Посвященному удава-

лось съ-вечера написать одну или балладу съ звонкими римами, и на утро онъ просыпался Демоосеюмъ или Виргилиемъ, что, разумется, очень лестно; а если ему случалось стяжать еще новыи успѣхъ, то достопочтенное общество, безъ дальнихъ околичностей, производило его въ званіе царя Риторики. Впрочемъ исторія не говоритъ, сколько поэтовъ достигло такой высокой почести и за какія творенія.

Кромѣ ученыхъ чиновниковъ, въ каждомъ цехѣ риторики находился хорунжій, который былъ долженъ держать знамя въ торжественныхъ собраніяхъ, и протоколдствъ, записывавшій дѣянія и подвиги своего цеха. Каждое общество имѣло символическое имя, гербъ непременно индивидуальскій, и девизъ самый нравственный или религіозный. На томъ гербѣ была оливковая вѣтвь, на другомъ роза съ шипами; одно общество имѣло девизомъ «Esse gratia», а другое выбрало для себя девизъ нравственно важнѣйшій, который гласилъ, напримѣръ: «Мы процвѣтаемъ любовію», и такъ далѣе. Было общество, которое называлось «Купина Моисея», иное носило имя «Долина радости», а нѣкоторые сочли за благо заимствовать себѣ названія отъ цвѣтовъ или отъ буквъ. Такъ общество въ Иурѣ называлось «Альфа и Омега», въ Лихтервельдѣ — «Мирные путешественники». Нѣкоторые цехи поручали себя покровительству извѣстныхъ святыхъ, другіе напротивъ нисходили до предметовъ обыкновенной, будничной жизни: одинъ, въ Левенѣ, назвался «Трава Петрушка», другой еще смиреннѣе, «Колбаса». Девизъ почитался всегда дѣломъ великой важности, и для рѣшенія споровъ по этому предмету иногда былъ нуженъ deus ex machina. Такъ, когда бригаей цехъ долго не могъ выбрать себѣ девиза, потому что названіе, которое онъ носилъ, дѣлало это обстоятельство чрезвычайно щекотливѣйшымъ, общее недоумѣвіе было рѣшено наконецъ голубемъ, который влетѣлъ въ окошко, держа въ клювъ бумажку съ надписью: «Mijn werk es hemmelich, *Дѣло мое небесное.*» Голуби и въ наше время играютъ важную роль въ большихъ голландскихъ городахъ; но теперь они только разносятъ вѣсти о биржевомъ курсѣ.

Вся цехи пользовались значительными привилегіями, и не

только почетнѣйшіе изъ гражданъ считали за честь служить Господу Риторикъ, но даже владѣтельные князья оказывали ей особенное уваженіе: Іоаннъ, герцогъ брабантскій, былъ записанъ въ члены брюссельскаго цеха; Карлъ Пятый самъ назначилъ гербъ для цеха амстердамскаго, а Вильгельмъ Оранскій былъ членомъ такого же общества въ Антверпенѣ. Отъ всѣхъ поступавшихъ требовались извѣстныя условія. Некоторые цехи, напримѣръ, требовали отъ своихъ кандидатовъ, чтобъ они были женаты по-крайней-мѣрѣ годъ и одинъ день условіе *à la quo non* избираемости въ тѣ времена цѣломудренныхъ нравовъ.

Официальною цѣлью голландскихъ и фламандскихъ цеховъ риторики, какъ мы сказали, было содѣйствовать къ успѣхамъ отечественнаго языка и поэзій: но они имѣли болѣе нравственное чѣмъ ученое направленіе. Большею частію въ этихъ обществахъ предлагались для рѣшенія вопросы чисто-религіозные, которыми занимаются теперь въ богословскихъ факультетахъ. Въ нихъ часто представлялись библейскія драмы и мистеріи. Увѣнчанный поэтъ получалъ въ награду серебряный или оловянный кубокъ, смотря по состоянію общественной казны. Впрочемъ иногда занимались и изслѣдованіемъ предметовъ древней міеологіи, причемъ, къ великому соблазну всѣхъ членовъ, на сцену выходили языческіе боги и герои. Въ 1519 году, гентская камера представила драму подъ заглавіемъ «Похищеніе Прозерпины Плутономъ». Піесъ предшествуетъ длинный прологъ со множествомъ очень пошлыхъ, но весьма назидательныхъ, сентенцій. Потомъ выходитъ на сцену какой-то человекъ, и воспѣваетъ красоту Весны и Авроры. Другое дѣйствующее лицо поетъ гимнъ въ честь Наслажденію. Первый упрекаетъ этого нечестивца за такое вольнодумство и наконецъ приглашаетъ его выслушать драму, которую стануть играть для его назиданія. Тѣмъ оканчивается первый актъ: актеры уходятъ; публикѣ даютъ время собраться съ духомъ. Черезъ нѣсколько минутъ являются Юпитеръ съ громами въ рукъ, и Нептунъ съ трезубцемъ, и оба, длинными стихами, описываютъ прелести своего владычества. Вдругъ, откуда ни возмись, выскакиваетъ Плутонъ, съ черной рожей, съ черными руками, и въ самомъ непріятномъ расположеніи: онъ прерываетъ диалогъ.

рамбическій разговоръ своихъ братьевъ, кривляется, кричить, жалуется, что они отняли у него лучшую часть отцовскаго наслѣдства, и грозитъ поставить вверхъ-двонъ небо и океанъ, ежели съ нимъ не раздѣлаются по-добру по-здорову. — «Чего жъ тебѣ надобно?» спрашиваетъ Нептунъ, вѣроятно раскаявшійся, что произнесъ страшное *quos ego*. — «Жену дайте мнѣ! жену!» кричитъ раздраженный владыка ада. — «Изволь, любезный братъ, отвѣчайте ему волокита Юпитеръ: только тебѣ не худо бы быть немножко побольше для такого случая.» Это колкое замѣчаніе любовника Леды приводитъ Плутона въ новое бѣшенство, и два брата, испугавшись адской грозы, общаются помочь ему въ похищеніи Прозерпины. Они призываютъ на помощь Феба, Пана, Аврору, Зефира, Цибелу, Венеру. Влюбленный Плутонъ слѣдуетъ за ними къ желѣзной башнѣ, гдѣ заключена Прозерпина. Венера идетъ впередъ по весеннимъ цвѣтамъ, которые называются—Желаніе, Наслажденіе, Дьявольское навожденіе, и прочая. Коварная богиня обольщаетъ невзвѣдную затворницу своими пѣснями, и та, не примѣчая разставленныхъ сѣтей, переступаетъ черезъ порогъ своего убижища. Въ эту минуту Плутонъ бросается на Прозерпину и кричитъ ей страшнымъ голосомъ: «Проклятіе тебѣ, негодная лицемерка, грѣшница содомская! отрываю тебя отъ пустыхъ удовольствій и запираю съ собой въ аду!» Игра оканчивается, и на сцену выходитъ нравственный истолкователь драмы, который съ подобающею важною объясняетъ смыслъ пьесы, состоящій въ томъ, что ежели осторожная мать запретъ свою дочку въ желѣзную Башню Воздержанія, то молодая дѣвушка ни подъ какими видами не должна слушать соблазнительныхъ рѣчей, которыя ей напѣваютъ; нето злой духъ какъ-разъ занесетъ ее въ тѣмную промѣшную.

Порой одинъ цехъ сносился съ такими же обществами въ другихъ городахъ, требуя рѣшенія на какой-нибудь вопросъ, и вызывая другъ друга на поэтическую схватку: это были голландскія олимпіады, торжественныя собранія, празднества, которыя записывались въ туземныхъ летописяхъ. Объ одномъ изъ такихъ собраній старшій нидерландскій историкъ Эммануэль Меттеренъ сообщаетъ довольно

любопытныя подробности. «Лѣта тысяща пять сотъ шестьдесятъ втораго, Антверпенская камера, получивъ главную премію въ Гентъ, послала гонцовъ во всю окрестные города, приглашая явиться въ городъ Антверпенъ къ первому числу мѣсяца августа, для рѣшенія вопроса: *что наибаче влечетъ человѣческой умъ къ искусствамъ и наукамъ?* Преміи назначены были не только тѣмъ камерамъ, кои представляютъ наиболѣе довѣлительное рѣшеніе на сей мудрый вопросъ, но и тѣмъ, кои съ вящшимъ великолѣпіемъ, торжественностью и многочисленностью придутъ въ собраніе; во вторыхъ, тѣмъ, кои лучше другихъ представляютъ, или фигурально изобразятъ, или какъ-либо иначе покажутъ, каковымъ именно образомъ подобаешь собираться дружелюбно и расходиться по любовно. Въ третьихъ, имѣлъ право на премію тотъ, кто прензятно и замысловато представитъ свой девизъ; въ четвертыхъ, кто учинитъ пристойнѣйшее и торжественнѣйшее вшествіе въ собраніе; въ пятыхъ, кто выдумаетъ великолѣпнѣйшій фейерверкъ, на водѣ на лодкахъ, или на землѣ сухопутно; кто съ особеннымъ искусствомъ спалитъ смоляныя бочки, пуститъ ракеты, зажжетъ римскія свѣчки, сдѣлаетъ фонари, и прочая; въ шестыхъ, кто лучше другихъ сыиграетъ свою комедію; въ седьмыхъ, кто въ прологахъ своей игры шавлучшимъ образомъ выскажетъ, сколь полезны для людей добросовѣстные купцы; и, наконецъ, въ осьмыхъ, кто сочинитъ замысловатѣйшую и увеселительнѣйшую шутку, остроуту или смѣхотворное слово, безъ обиды и нареканія ближняго. На каковой конецъ были предложены къ сочиненію разныя вещи отиънно тонкія, глубокомысленныя и прензятныя. вельми ученыя, пренсполненныя разума и книжной премудрости, а равно и таковыя же награды.

«По сему востребованію съѣхались въ Антверпенъ изъ разныхъ городовъ четырнадцать камеръ ученыхъ мужей. Бриссельская камера получила самую важную премію за свою торжественную и превеликолѣпнѣйшую процессію: всѣхъ членовъ оказалось до ста сорока человекъ, и они въѣхали въ городъ на лошадяхъ, одѣтые въ платья бархатныя и шелковыя кармазиннаго цвѣту, въ длинныхъ польскихъ кунтушахъ съ серебряными галунами, въ красныхъ шляпахъ на подобіе древнихъ шлемовъ, а жупаны, перья и наколки

ники были бѣлыя, поясы же изъ серебряной ткани, прехитро вышитыя четырьмя цвѣтами, желтымъ, краснымъ, голубымъ и бѣлымъ. У нихъ было семь колесницъ безподобно убранныхъ, а на тѣхъ колесницахъ вѣхало великое множество разныхъ особъ въ богатыхъ одеждахъ. И сверхъ сего, было еще семьдесятъ осемь колесницъ простыхъ съ факелами, обитыхъ краснымъ сукномъ съ бѣлыми вышивками, на которыхъ колесницахъ, управляемыхъ возничими въ красныхъ кафтанахъ, были расположены разные фигуры, явственно изображающія, какъ подобаетъ собираться дружелюбно и расходиться полюбовно. Изъ Мѣхельна прибыла камера, нарицаемая Піонъ. Оной камеры ученые сановники, числомъ до трехъ сотъ двадцати человекъ, въѣзжали верхомъ на лошадяхъ, въ епанчахъ изъ тонкаго алаго стамеду съ золотыми галунами, и въ красныхъ шляпахъ; камзолы же, исподни и плюмажи ихъ были цвѣту желтаго, перевязи золотыя, а наколѣнники черные. Сія камера имѣла семь парадныхъ колесницъ, на подобіе древнихъ, вельми богатыхъ и украшенныхъ разными статуями, и кромѣ того еще шестнадцать другихъ четырехугольныхъ колесницъ, обитыхъ краснымъ сукномъ и украшенныхъ каждая осью гербами, на каковыхъ колесницахъ сидѣло на каждой по два члена съ факелами. Подобно сему въѣхали и другія камеры, но съ меньшимъ великолѣпіемъ и не въ большемъ числѣ ученыхъ чиновниковъ. Празднества продолжались нѣсколько дней сряду: давали фейерверки, играли комедіи, представляли разные смѣхотворныя вещи, и веселились до тѣхъ поръ, пока всѣ премія не были розданы.»

Консь упоминаетъ также объ этомъ собраніи: онъ говоритъ, что депутаты прибыли изъ одиннадцати городовъ, и что около полуторы тысячи членовъ различныхъ цеховъ риторики въѣхали въ Антверпенъ на лошадяхъ. Свиту берхемской камеры сопровождала прекрасная молодая дѣвушка, представлявшая Риторику: она съ важностью выступала подъ балдахиномъ, который несли четверо мужчинъ.

Цехи риторики распространились во всей Голландіи и Бельгіи. Даже въ селахъ заводили впослѣдствіи по одному

цеху, а въ городахъ было ихъ по нѣсколькѣ : въ Амстердамѣ три, въ Антверпенѣ четыре, въ Гагъ и Гарлемъ по три, въ Гентъ четыре, въ Лёвенъ шесть. Всѣхъ цеховъ риторики, въ половинѣ шестнадцатаго столѣтія, въ Нидерландахъ расплодилось до двухъ сотъ. Каждое общество отличалось своимъ девизомъ, своимъ гербомъ, своими поэтами. Старшіе цехи присвоили себѣ право давать постановленія и привилегіи младшимъ. Въ 1493 году, эрцгерцогъ Филиппъ, отецъ Карла Пятаго, основалъ въ Гентѣ верховную камеру риторики, и подчинилъ ее вѣдомству своего камерлана.

Жестокія войны шестнадцатаго вѣка нанесли роковой ударъ камерамъ риторики. Въ Бельгіи, герцогъ Альба, видѣвшій въ нихъ зародышъ протестантизма, раздавилъ ихъ своей желѣзной рукою. Въ Голландіи, весь народъ, вооружившійся для собственной защиты, не могъ болѣе думать о сохраненіи этихъ идеалическихъ обществъ. Нѣкоторые просто сдѣлались почетными приходскими братствами, и только удержали право первенства въ публичныхъ процессіяхъ и на церковныхъ праздникахъ; другіе послужили началомъ новыхъ, болѣе важныхъ и полезныхъ, обществъ. Такъ между прочимъ въ 1766 году было основано «Нидерландское общество литературы», существующее и до-сихъ-поръ подъ этимъ именемъ. Наконецъ многіе цехи превратились въ клубы и простыя общества любителей чтенія. Члены ихъ, каждый вечеръ, съ голландскою аккуратностью собираются въ залу, наполненную журналами.

ОЧЕРКИ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ВЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТАХЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКЕ. *The Clockmaker*, сочиненіе господина Гелибертона. Не любопытная ли вещь — хорошая книга, написанная, напечатанная, изданная въ одномъ изъ самыхъ неизвѣстныхъ городовъ на лицѣ земли, между мысомъ Бретонъ и Апалашами, на берегу Атлантическаго Океана? Скажите, кто подозрѣваетъ существованіе столичнаго города, домовъ вѣтрята, въ которомъ имѣетъ свое мѣсто пребыванія сэръ Джоржъ Кемблъ, губернаторъ Новой-Шотландіи!... Этотъ столичный городъ называется Гелифексъ. Тамъ-то вышла книга господина Гелибертона, подъ заглаві-

есть «Часовыхъ дѣлъ мастеръ». Она удовлетворитъ тѣхъ, которые захотятъ окинуть однимъ взглядомъ англо-американскіе нравы и нарѣчія. Не ищите въ ней романа, исторіи, драмы, философическаго трактата, путешествія, разсказа, ораторскихъ движеній : это простонародная картина, написанная однимъ изъ жителей Геліфокса и вся наполнена сказками, анекдотами, поговорками по образцу поговорокъ Санчо-Пансы; это, просто, любопытнѣйшее изъ всѣхъ литературныхъ произведеній послѣдняго пяти-лѣтія. Она поясняетъ, и степень просвѣщенія Соединенныхъ Штатовъ, и состояніе образованности въ Канадѣ. Она входитъ въ тайныя подробности частныхъ нравовъ, и обнаруживаетъ то, что путешественники оставляютъ въ тѣни.

Со времени Вальтера Скотта, великаго фабриканта дѣйствующихъ лицъ, не было лица лучше выдуманнаго какъ Самуилъ Сликъ. Этотъ коннектикетскій часовыхъ дѣлъ мастеръ—превосходное и умное созданіе, умное ненашимъ устарѣлымъ умомъ, а свѣжимъ и природнымъ, который брызжетъ изъ опыту какъ искра изъ кремня; умомъ живымъ, быстрымъ, пронизательнымъ, разсуждающимъ не заботясь о выраженіяхъ. Самуилъ Сликъ — единственный здравомыслящій наблюдатель американскихъ нравовъ.

Онъ, какъ настоящій Улиссъ изъ Американцевъ, расхаживаетъ вдоль и поперекъ по Соединеннымъ Штатамъ, и вездѣ, по пути, сбываетъ деревянные стѣнные часы своего изобрѣтенія. Носъ его остръ, лобъ высокъ, станъ прямъ и легкокъ, фізіономія лукавая, цвѣтъ лица загорѣлый, глаза блестятъ пронизательностью и тицеславіемъ. Онъ соединяетъ въ себѣ достоинства купца, путешественника, дипломата, царедворца и дикаря. Онъ никому не поддается, ни въ комъ не имѣетъ нужды. Онъ знаетъ, что въ государствѣ, которое не можетъ процвѣтать и возвыситься иначе какъ посредствомъ постоянныхъ усилій на поприщѣ промышленности, земледѣлія и торговли, всякому необходимо, для собственной пользы, не нарушать законовъ кредита, и потому-то онъ честенъ, аккуратенъ и точенъ какъ купецъ. Онъ никого не надуваетъ, а только поддѣваетъ (*takes them in*). Все его блаженство состоитъ въ томъ, чтобы посредствомъ своей смѣтливости заставить другихъ надуть самихъ себя; у него

есть различныя капканы для жадности ближнихъ: онъ приходитъ въ восторгъ, когда поупщикъ, намъреваясь обмануть его, самъ попадаетъ въ просакъ. Онъ превосходно постигъ мудреную науку выставлать приманку спекулативному духу своихъ согражданъ, возбуждать ихъ желанія, разгорячать воображеніе, отдернуть па-минуту удочку, снова закинуть и, наконецъ, дать схватить добычу, которой они сами становятся жертвами.

Самуилъ Сликъ не женатъ: онъ говоритъ, что женитьба — спекуляція невѣрная, а онъ, дискатъ, не бьетъ не на вършую. Сликъ не то чтобы равнодушенъ къ прелестямъ прелестнаго пола, но онъ умъренно предается влеченіямъ сердца, владѣетъ своими страстями и прихотями, пользуется жизнью какъ пользуются Американцы, то есть, не рискуя своимъ капиталомъ. Эту часть своего практическаго, экспериментальнаго ума, по которой онъ походитъ на Санчо, Самуилъ наострилъ занятіями по торговлѣ. Онъ любитъ своего коня, но безъ слабости; приволакивается за встрѣчными красными дѣвцами, но не отдаетъ имъ въ полонъ своего сердца; прикушиваетъ грогъ и мятную водку, но никогда — избави Богъ! — не напивается до-пьяна. Самуилъ Сликъ — мудрецъ. Жаль, что онъ немножко плутовать, и даже нѣсколько коваренъ. Чтѣ жъ дѣлать!... онъ смотритъ на торговлю какъ на искусство, а не какъ на ремесло, и уважаетъ ея философическую сторону болѣе чѣмъ ея выгоды. Онъ презираетъ людей, потому что часто поддѣвалъ ихъ, и это самое возвышаетъ его въ собственныхъ глазахъ. Онъ искренно любитъ свое отечество; но патріотизмъ ни сколько не ослѣпляетъ его. Ультра-американецъ, онъ, презирая другіе народы, убѣжденъ въ превосходствѣ Соединенныхъ Штатовъ, но тѣмъ не менѣе смотритъ во всѣ глаза на злоупотребленія, ошибки, опасности и бѣдствія своего отечества. Онъ разсуждаетъ объ нихъ, какъ и обо всемъ прочемъ, очень умно, хладнокровно, просто, безъ вычуръ, безъ риторики, толкуетъ о сущности, принимая дѣло за дѣло, а слова за слова. Когда у Слика не хватить на разсужденія, онъ пускается въ анекдоты. За анекдотами идетъ у него тма пословиць. Когда Сликъ не занятъ торговлей, то онъ занимается разсказами, трубкой, аздой трускомъ на своемъ

верховой крысы; чванится удачей своихъ хитростей, радуется своими штуками, смеется надъ тѣми, кого поддѣлъ, и читаетъ уроки одному Англичанину, съ которымъ путешествуетъ вмѣстѣ, толкуя ему про свои теоріи, воспоминанія, плутни, надежды, про состояніе государства, про Американцевъ, Канадцевъ, Нью-Браунсвейгцевъ, и *Синеносовъ*: такъ называетъ онъ жителей Новой-Шотландіи, земли очень мало извѣстной, отечества автора этой прекрасной книги.

— Англичанинъ и Самуилъ Сликъ ѣдутъ вдоль береговъ Атлантики, и, посѣтивъ Новую-Шотландію, вступаютъ въ Менъ, одну изъ областей Соединенныхъ-Штатовъ. Путемъ дорожною, всякой, кто имъ ни встрѣтится, каждый анекдотъ, припоминаемый часовыхъ дѣлъ мастеромъ на мѣсть происшествія, все это подаетъ ему поводъ объяснять нравственное состояніе британскихъ владѣній и владѣній разныхъ штатовъ, ихъ прошедшее, будущность и успѣхи. Онъ никогда не полагается на теоріи, а основывается на фактахъ. Тутъ выводятся на сцену двадцать чловѣкъ, взятыхъ не изъ пустынь романа, но изъ среды дѣйствительнаго общества, начинающаго собираться въ сѣмь построенныхъ городахъ и въ фермахъ, лежащихъ еще одна отъ другой на дальнихъ разстояніяхъ.

Эти дѣйствующія лица, надобно Самуилу, употребляютъ въ разговоръ нарѣчіе высшихъ классовъ американскаго общества. Нарѣчіе это, приспособленное къ расчету, осторожности, корысти, торговымъ спекуляціямъ и хитрости, чрезвычайно любопытно. Изучая его, можно постигнуть, какимъ образомъ выраженія страстей человѣческихъ вносятся въ словарь народовъ, и съ помощью какихъ непримѣтныхъ средствъ измѣняется форма языка подъ вліяніемъ новыхъ нравовъ. Самуилъ Сликъ никогда не отвѣчаетъ положительно на вопросы.

— Откуда и куда вы? спрашиваетъ его одинъ старикъ Англичанинъ по ремеслу гувернёръ, занимающійся «употребленіемъ хмѣльнаго» въ одной изъ прибрежныхъ харчевенъ: мнѣ сдается, какъ-будто я васъ гдѣ-то видѣлъ!

— Предполагаемъ, сударь мой, отвѣчаетъ Сликъ, что вы,

и въ самой вещи могли меня гдѣ-нибудь видѣть; но, по моему исчисленію не могу сказать, гдѣ именно.

— И я тоже. Что, вы не изъ Люненбурга ли?

— Нельзя сказать утвердительно, чтобы я не бывалъ въ Люненбургъ.

— Прекрасное мѣстечко!.... да въ немъ все говорятъ по-голландски; терпѣть не могу голландскаго языка. То ли дѣло англійскій! На немъ бы только и должны объясняться люди.... Ну, такъ вы говорите, что вы ѣдете изъ.... откуда, бишь, вы сказали, что ѣдете?.... Я ужъ и позабылъ.

— По счету, кажется, я не сказалъ вамъ откуда именно ѣду.

— Ну, за ваше здоровье; я вижу, вы Англичанинъ. Да здравствуетъ старая наша Англія!

— По моему исчисленію, я, помнится, не говорилъ вамъ, будто я Англичанинъ.

— Тѣмъ хуже для васъ. Да, ну, къ чорту, откуда же вы?

— Говоря вообще, примѣрно полагается, что я изъ Соединенныхъ-Штатовъ.

— Мнѣ бы и слѣдовало угадать это по вашимъ «полагается», по этимъ «считамъ», «разсчитамъ», «исчисленіямъ», и по всѣмъ вашимъ жалкимъ уверткамъ.

Но лишь дѣло дошло до Соединенныхъ-Штатовъ, образъ Самуиловой рѣчи, вѣчно торгующейся съ мыслию, и его отвѣты, которые скрадываютъ половину смыслу у словъ, тотчасъ переходитъ въ другой тонъ и уступаютъ мѣсто самой положительной хвастливости, самому забавному смѣшенію выраженій простыхъ, лавочныхъ, съ высокопарными, заимствованными въ училищѣ.

— Ахъ, почтеннѣйшій господинъ гувёрнёръ, извольте хорошенько вычислить: рѣшено и извѣстно, что, въ графѣ народовъ, мы занимаемъ теперь пумерь I, тюкъ подъ литерою А, безъ всякаго недомѣру и недомѣсу, безъ скидки и учету, безмытно и безпошлинно. По моему исчисленію, тѣ, которые съ этимъ не согласны, не понимаютъ даже первыхъ правилъ аримететики. Ясно, что мы пользуемся самымъ блестящимъ *угодьемъ*, какое есть между двумя полюсами: это всѣ знаютъ. Нѣтъ сомнѣнія, что величайшій человекъ настоящаго времени — генераль Джек-

сонъ : онъ на цѣлый номеръ стоитъ выше Наполеона Бонапартѣ. Ужъ я и не говорю о ванъ-Буренъ, Даниль Вебстеръ, Амось Киндль, и оцѣломъ паровозъ людей государственныхъ, которые бьютъ на все и ко всему способны.

Самуилъ Сликъ повторяетъ эти послѣднія слова при концѣ всѣхъ своихъ разглагольствій : онъ его любимая поговорка.

— А знаете ли, говоритъ часовыхъ дѣлъ мастеръ своему путевому товарищу Англичанину : отчего Ново-Шотландцы, *Синіе носы*, ни въ чемъ не успѣваютъ, тогда какъ намъ все удается? Оттого, что они только безпрестанно толкуютъ, а мы безпрестанно дѣйствуемъ. Это фактъ. Занедабятся намъ слова, такъ мы ихъ, пожалуй, доставемъ за деньги. Мы платимъ адвокатамъ и ораторамъ, и они идутъ вратъ да спорить съ судьями и съ конгрессомъ, и чертовски ловко дѣлаютъ свое дѣло. Это фактъ. *Синій носъ* говоритъ : «Надобно вѣхать на западъ; вотъ я подумаю объѣздомъ.» Нашъ *Янки* скажетъ только : «На западъ!» — и маршъ! — идетъ себѣ прямо и скоро, какъ молнія. У насъ, если кто вздумаетъ сидѣть сложа ручки, мы встанемъ съ нимъ шутить, а какъ-разъ прихлопнемъ. Вѣдь мы повѣсили же пятерыхъ виксбургскихъ игроковъ ! Добрые граждане могутъ, правда, затѣять между собою крохотную драку, да всё-таки, по моему исчисленію, не бьютъ другъ друга на смерть. Поэтому-то я и считаю, что наши граждане, — самые просвѣщенные, самые честные и самые умные люди на всемъ земномъ шарѣ.

— Да! возражаетъ Англичанинъ : и притомъ самые скромные.

— Это фактъ ! отвѣчаетъ Самуилъ, ни чуть не смущаясь. Ужъ наше дѣло — ладное дѣло. Мы идемъ носомъ, а сосѣди кормой. Мы ѣдимъ скоро, ходимъ скоро, строимся скоро, живемъ скоро. У насъ столько работы! Изъ молодыхъ да ранній будетъ тотъ, кто насъ перещеголяетъ. Это фактъ.

— И прекрасно ! вы довольны настоящимъ, увѣрены въ будущемъ ; и ваша увѣренность мнѣ по сердцу. Ожиданіе бѣды, любезнѣйшій Сликъ, хуже самой бѣды!

— Конечно ! возражаетъ часовъ мастеръ (это было послѣ ужина, въ небольшомъ трактирѣ, на берегу раки Филиппъ

на, гдѣ Сликъ проглотилъ уже нѣсколько дюжинъ шайтандскихъ устриць): конечно, по моему исчисленію, не вся вещь на Бломъ свѣтъ идуть какъ надобно, сказать по чвстой совѣсти, безъзапросу и безъ торгу. Соединенные Штаты, — лучшая земля на землѣ, но тоже не безъ горя. Во-первыхъ, у насъ есть *Черные* и *Бѣлые*, двѣ партіи, которыя ворчатъ и огрызаются. Протестанты и католики насто-роживаютъ уши, поднимаютъ хвосты, и готовы лягнуть. *Аболиціонисты* и *Сахарники* не дурно походятъ на двухъ воловъ, которые пасутся въ одномъ полѣ. Есть и другія двѣ вещи, не менѣе опасныя, *мятежъ* и *вистълица*: и берегитесь того, кто выйдетъ сухъ изъ перваго, или сорвется со второй! *Нуллификація* и *тарифъ* горятъ внутри, какъ ямы, въ которыхъ жгутъ уголь: только дымокъ идетъ. Приверженцы правленія *центрального* и партизаны правленія *провинціального*, время отъ времени пощипываютъ другъ друга, а какъ дойдетъ у нихъ до серьезнаго, такъ будетъ на что посмотреть.... *Остатки отъ приходовъ*, примолвилъ онъ покачиваясь на стулѣ и закуривая сигару, тоже порядочная косточка на обглодки.

— Ваша картина не совсѣмъ привлекательная, сказалъ Англичанинъ: но, я думаю, она не очень вѣрная. Если бѣ оно было такъ, какъ вы говорите, то по какому же бы случаю Соединенные-Штаты могли имѣть такое сильное вліяніе на соседственныя области?

— Пресильное вліяніе! воскликнулъ часовыхъ дѣлъ мастеръ, ударивъ кулакомъ по столу: да! пресильное вліяніе, говорятъ вамъ! Это ужъ какъ извѣстныя рѣки: влекутъ къ себѣ вся окрестныя воды, всасываютъ ихъ, и поглощаютъ. Если въ насъ есть вся семена безпорядковъ, зато есть и вся элементы силы. Это фактъ!

И, пофилософствовавъ такимъ образомъ, Самуилъ опять принялся за сигару.

— Но, любезный Сликъ, замѣтилъ ему собесѣдникъ: свидѣтельства всѣхъ путешественниковъ вопіютъ противъ васъ.

Самуилъ махнулъ рукой въ знакъ совершеннаго презрѣнія.

— *Путешественники!* путешествующіе Англичане! Вотъ

ужь, по моему исчисленію, славные-то молодцы! Всѣ поручики въ отставку, либо странствующія актрисы, которыя облетятъ вамъ въ пять недель пять тысячъ миль, да и привезутъ домой цѣлый коробъ анекдотовъ съ мизинецъ, и объясняютъ передъ святомъ истинный характеръ Сѣверныхъ Американцевъ! — Пусть ихъ вопіють! продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія: это ни сколько не мѣшаетъ намъ быть первымъ народомъ въ мірѣ. По моему исчисленію, чѣмъ болѣе огня подъ паровой машиной, тѣмъ машина идетъ скорѣе, а котель, считаю, можетъ лопнуть. Вотъ такъ-то и мы. Идемъ скоро, племъ хорошо, да ужь и топлива сыплемъ чертѣву бездну. Англичане бьютъ, то Французовъ, то Испанцевъ, то Нѣмцевъ, а мы бьемъ Англичанъ! Мы все приводимъ къ совершенству: мы усовершенствовали даже человѣческую натуру. Въ Американцѣ Соединенныхъ Штатовъ есть толкъ: онъ проворенъ какъ лисица, гибокъ какъ угорь, хитеръ какъ ласточка. Мнѣ бы, конечно, не слѣдъ говорить этого; да оно дѣло извѣстное.

Такимъ-то образомъ новый философъ, онъ же и часовыхъ дѣлъ мастеръ, взлагаетъ свои мнѣнія о разныхъ предметахъ: «Мои правила, говоритъ онъ, не многочисленны, но вѣрны; они ведутъ прямо къ цѣли, это фактъ. Все на свѣтѣ можно выкладывать насчетъ: это моя первая аксіома. Нѣтъ на свѣтѣ ни мужчины ни женщины, которыхъ бы не соблазнилъ золотой порошокъ: это вторая аксіома; наконецъ, аксіома третія, великая и неоспоримая, это — *А мнѣ какое дѣло?*... Вотъ, по моему исчисленію, три правила, съ которыми можно обойти кругомъ весь свѣтъ, и ни разу не сбиться съ дороги.»

Въ числѣ тѣхъ новыхъ городовъ, что будто чудомъ выросли изъ земли, и въ которыхъ больше улицъ чѣмъ домовъ, а домовъ больше чѣмъ жителей, есть городъ, по имени Алабама. Въ немъ, какъ вообще въ Соединенныхъ Штатахъ, духовенство совершенно зависитъ отъ милости прихожанъ. Если прихожане оставляютъ своего пастыря, то погостъ пустуетъ, молитвенный домъ превращается въ магазинъ, и дѣло кончено: это называется «произвольная система». Однажды, когда Самуилъ Сликъ, распродавъ свои стѣнные часы, выходилъ изъ этого новостроющагося го-

рода, ему вздумалось остановиться передъ красивымъ выстроеннымъ домомъ, съ зелеными жалузи, отделаннымъ въ послѣднемъ американскомъ вкусѣ. Два ряда бѣлыхъ тополей вели къ его крыльцу, а справа и слева, посреди прекрасно разбитыхъ цвѣтниковъ, стояли на пьедесталахъ двѣ статуи, одна праматери Еввы, другая праотца Адама, оба живо расписанныя подъ естественный цвѣтъ кожи.

— А что? спросилъ Сликъ у прохожаго: по вашему исчисленію, чей бы этотъ неподобный домикъ?

— Я вижу, что вы не здѣшній, отвѣчалъ прохожій.

— Такъ и предполагается, что я не здѣшній, возразилъ Сликъ. А какой же чортъ живетъ въ этомъ домѣ?

— Надо быть Ахавъ Мельдромъ, алабамскій пасторъ, по-крайней-мѣрѣ я такъ рассчитываю.

— Возможно ли? Ахавъ, самый негодный изъ всѣхъ учениковъ нашей школы? По моему исчисленію, ему бы скорѣе следовало быть членомъ братства арестантовъ чѣмъ начальникомъ духовнаго братства. Пойти посмотреть, что у него дѣлается.

Сликъ стукнулъ мѣднымъ молоткомъ, украшающимъ дверь, и къ нему вышелъ хорошо одѣтый и хорошо обутый маленькій негръ. Онъ ввелъ его въ пріемную комнату, наполненную множествомъ бесполезныхъ вещей, отъ которыхъ Американцы такъ же безъ ума, какъ какія-нибудь наши аристократки. Часовыхъ дѣлъ мастеръ едва осмѣливался шевелиться: такъ вся мебель была изящна и начисто отполирована. Свѣтъ дневной, проникая сквозь длинныя шелковыя занавѣски, слабо освѣщала эту комнату: въ ней съ трудомъ могъ глазъ различать предметы, и каждому легко было скорѣе принять ее за будуаръ кокетки чѣмъ за пріемную алабамскаго пастора. Наконецъ, Ахавъ Мельдромъ вошелъ тихими, неслышными шагами; въ рукахъ его была Библия въ великольномъ переплетѣ.

— Съ кѣмъ имѣю честь говорить? спросилъ онъ Слика.

— Потрудитесь отдернуть одну изъ этихъ великольных занавѣсокъ, отвѣчалъ Самуэль, то какъ-разъ узнаете. Что касается до меня, то я ужъ вѣрно не ошибаюсь въ томъ, что слышу Ахава Мельдромъ, хоть вы и стараетесь смѣ-

чать свой голосокъ. Я Самуэль Сликъ, вашъ школьный товарищъ.

— Ахъ, другъ Самуэль!.... я право, очень радъ, что вижу тебя.... и прочая, и прочая.

Пасторъ началъ длинное исчисленіе радостей печальнаго свиданія, удовольствій дѣтства, воспоминаній о первыхъ годахъ юности, о старинныхъ друзьяхъ, и тому подобныхъ элегическихъ предметахъ, что походило, отчасти на проповѣдь, отчасти на романъ.

— Слушай-ка, Ахавъ, прервалъ наконецъ Сликъ: по счету выходитъ, ты сдѣлалъ большіе успѣхи въ искусствѣ надвигать на глаза твоихъ слушателей бумажный колпакъ твоего краснорѣчія; но, вселюбезнѣйшій другъ, меня-то не поддѣвешь. Не помнишь ли, такъ сказать, одной бѣдной дѣвушки, которой было въ ту пору двадцать лѣтъ, и которую звали Полли Беконъ? Ей теперь двадцать семь, а сыну ея семь: премиленкій мальчикъ, и тебя, я чай, хочется порасспросить объ немъ.

— Тсъ, тсъ! сказалъ испуганный Ахавъ своему прежнему соученику.

Потомъ онъ повелъ его въ потаенную комнату, на концѣ длиннаго корридора, въ самомъ углу дому, въ которой не было ни ковровъ, ни роскоши, ни позолоты; въ комнату, служащую мѣстомъ любимаго проведенія времени у Американцевъ, то есть, мѣстомъ куренія табаку. Оба пріятеля закурили по трубкѣ, и пасторъ началъ вою исповѣдь.

— Знаешь ли, сказалъ Сликъ, что, по моему исчисленію, ты поймалъ чорта за хвостъ? Домъ хоть куда!.... и твои годовые доходы, вѣрно, въ прямомъ содержаніи съ твоимъ домомъ.

— Три тысячи долларовъ въ годъ.

— Славная вещь! славная спекуляція! Не зналъ я, что отъ правоученій столько доходу: я принялся бы за нихъ.

— Слушай, Самуэль! молчи, такъ я поразкажу тебя кое-что на этотъ счетъ.

— Не выжмутъ ни слова, какъ изъ могилы.

— Ну, такъ знай же, мой милый, что тутъ нужно одно только новое граматическое правило; вотъ оно: женскій родъ благороднѣе мужскаго, а мужской благороднѣе средня-

го. Я льщу женщинамъ, онѣ предають мнѣ мужчинъ. Вообще, льстить мужчинамъ не такъ-то удобно, особенно въ этой землѣ торгашей. Но мужъ жены, которой подлашь ея маму, сейчасъ будетъ въ твоихъ рукахъ. Жена — переднее колесо; повернется : заднее за нимъ. Вчера довелось мнѣ говорить рѣчь, по случаю похоронъ ребенка, сына одной вдовы, и я представилъ картину столь трогательную, столь нѣжную, столь плачевную материнской любви и женскихъ добродѣтелей, женской снисходительности, женскаго забвѣнія обидъ.... а замѣть, въ скобкахъ, что однѣ только женщины и никогда не прощаютъ.... вкленгъ въ мое заключеніе столько ангеловъ, слезъ, добродѣтелей и нѣжностей, все въ женскомъ родѣ; привелъ столько прекрасныхъ стиховъ изъ Скотта и Бирона, что успѣхъ мой былъ полный, овершенный. — «Ахъ Боже мой! сказала мнѣ одна дама : съ тѣхъ поръ какъ вы заняли здѣшнее *уго-дье*, вы еще ни разу не говорили такъ хорошо». — Это оттого, отвѣчалъ я, пожимая ей руку, что списывалъ съ природы. — «Ахъ, Господи! сказала другая, какъ вы были краснорѣчивы!» — Это оттого, отвѣчалъ я, что смотрѣлъ на васъ. — Всѣ дамы были въ восторгъ, и сегодня я получилъ сто долларовъ деньгами, да долларовъ на полтора ста натурою. Вотъ, другъ Самуилъ, какъ въ Америкѣ читають правоченія! Вотъ результаты «произвольной системы». Неужели ты думаешь, что наши алабамскія женщины до того просты, что станутъ платить своими денежками челоуьку, который началъ бы распѣвать про ихъ злость, и доказывать, что плоть немощна, и женщины тоже. Говори я этакъ, то пришлось бы вопіять въ пустынь. Я, видишь, остаюсь холостымъ, и, по моему исчисленію, это единственный способъ сохранить общее благорасположеніе: всѣ здѣшнія дѣвушки мѣтятъ за меня замужъ, а ихъ матушки превозносятъ меня до небесъ.

— Ну, товарищъ Ахавъ, сказалъ Сликъ : какъ я прійду на родину, такъ ужъ расскажу же нашему старому учителю, какой ты вышелъ плутъ и удивительный негодяй!

— Чтѣ жъ ты винишь меня, Самуилъ? Виноватъ не я, а «произвольная система». Я чтѣ-ли ее выдумалъ?

— Такъ-ли слякъ-ли, только ты, Ахавъ, право негодяй.

Но, по моему исчисленію, я не скажу объ этомъ ни слова, если ты согласишься дать Полли такую сумму денегъ, съ которой бы она могла получать по пятидесяти долларовъ въ годъ. Такъ и быть!... отсчитай-ка денежки.

Ахавъ Мельдромъ призадумался, почесалъ голову, и отдалъ, сколько было надобно.

Черезъ годъ послѣ того, Сликъ и его дорожный товарищъ Англичанинъ, пришли въ Оивы, не въ греческія, не въ египетскія, а въ американскую деревеньку, заключающую въ себя до шести дереваннскихъ набушекъ, которыхъ жители дали это великозвучное названіе. Двери всѣхъ набушекъ были заперты; на улицѣ ни души. Послѣ долговременныхъ поисковъ, Сликъ посчастливилось наконецъ отыскать гостиницу, а въ гостиницѣ, состоящей всего-навсѣ изъ одной комнаты, открыть хозяина, бесѣдующаго съ своей трубкой.

— По моему исчисленію, вы здѣсь не одни? сказалъ Самуилъ, переступая за порогъ : вы не одни живете на этомъ угольцѣ?

— Не одинъ, и по моему счету, отвѣчалъ хозяинъ : да они всѣ пошли въ лѣсъ, слушать проповѣдника новокоркорнантовъ.

— Въ итогъ выходитъ, что я еще не слыхивалъ о такихъ людяхъ. Что такое коркорнантъ?

— А спросите у нихъ: я почему знаю? Знаю только, что сегодня день *большой религіозной пчелы* (religious bee), который зовутъ также днемъ сборища или «набожнаго волненія» (stir). У Китайцевъ есть опиумъ, у Голландцевъ водка, у Англичанъ джинъ, у Ирландцевъ виски : у нашей братьи, Американцевъ, которые перегнали всѣ эти народы, пивются табакъ, ромъ, зеленый чай, политика и набожныя волненія. У насъ, всякая новая секта «волнуеть». Изъ четырехъ моихъ сыновей одинъ иксандъ, другой университетарій, третій социалистъ, четвертый квакеръ, и, по моему исчисленію, если Богъ пошлетъ мнѣ пятаго, такъ пятый будетъ коркорнантъ.

— Любопытно бы взглянуть на это собраніе, сказалъ Сликъ, и пошелъ вмѣстѣ съ товарищемъ, по дорогѣ, указанной хозяиномъ гостиницы.

Близъ мосту, перекинутого черезъ рѣку, у опушки въковаго лѣсу, на поля, еще не воздѣланномъ, было разбито десятка два палатокъ, похожихъ на индѣйскіе вигвамы: въ нихъ продавались разные напитки, табакъ и пирожки, словно на ярмаркѣ. Вскрѣднѣ этихъ палатокъ находилось строеніе, въ родѣ сарая, сколоченное изъ досокъ: оно служило храмомъ предводителю «набожнаго волненія»; его громкій голосъ будилъ эхо горъ, береговъ и лѣсу; нѣсколько сотъ мужчинъ, сидя на пняхъ старыхъ, срубленныхъ деревьевъ, разсуждали о религіи и политикѣ, прихлебывая, кто грогъ, кто мятную водку, и ожидая возвращенія своихъ женъ и дочерей, которыми сарай былъ набитъ биткомъ. Сликъ и Англичанинъ нашли средство пробраться въ строеніе, и сѣли на скамью, въ ту самую минуту какъ новый учитель секты взлѣзалъ на столъ, служащій кафедрою. То былъ человекъ блѣднолицый, сухощавый, изнуренный, со впалыми глазами, съ видомъ дотога печальнымъ, что его можно было счесть за какого-нибудь преступника, осужденнаго на казнь. При его появленіи на столѣ, во всемъ собраніи воцарилось глубочайшее безмолвіе; онъ началъ рѣчь объ адскомъ мученіи грѣшниковъ, и говорилъ съ такимъ жаромъ, съ такимъ огнемъ, что потъ текъ съ него градомъ: учитель былъ принужденъ скинуть свое верхнее платье, но продолжалъ слово, дотога исполненное отвратительныхъ картинъ, что Сликъ и его товарищъ ушли изъ сарая, между-тѣмъ какъ напуганныя женщины, рыдая бросались другъ другу на шею и впадали въ истерику.

— По моему исчисленію, сказалъ Сликъ выходя, я гдѣ-то видалъ этого сокола. Говорятъ, будто его зовутъ Конкордъ Фишеръ; но это должно быть вздоръ.

Сликъ не ошибался.

На другой день, въ чуланъ, занятый Самуиломъ въ гостиницѣ, вошелъ вчерашній грозный учитель новой секты, и сказалъ:

— Самуилъ, я еще вчера узналъ тебя, и ни съ кѣмъ такъ не радъ встрѣтиться, какъ съ тобою. Я Ахавъ Мельдромъ. Вотъ, любезнѣйшій другъ, мы здѣсь научаемъ воздержанію, затѣмъ что въ здѣшнемъ *угоды* одно только воздержаніе въ ходу; но объ этой добродѣтели гораздо легче го-

ворить чьмъ исполнять ее. Сдѣлай милость, вели мнѣ не-
дать рюмку водки.

— По моему исчисленію, ты ужасный лицензѣрь! Кой
чортъ, зачѣмъ ты не пьешь водки какъ цѣлый свѣтъ, при
всѣхъ, за стойкой, на всемъ на виду? Мнѣ, правду сказать,
не нравятся твои продѣлки.

Однако жъ, часовыхъ дѣлъ мастеръ велѣлъ падать водки
своему старому школьному товарищу, и, когда тотъ выпилъ,
Славя продолжалъ :

— Скажи, на-милость, какая нелегкая занесла тебя въ эту
сторону? Въ послѣдній разъ, какъ я съ тобой видѣлся, у
тебя было такое славное, теплое мѣстечко, и ты такъ дов-
ко пользовался приложеніемъ новаго граматическаго прави-
ла о родахъ женскомъ и мужскомъ.... Ну, Ахавъ, полно же
плакать: вѣдь слезами горю не пособишь! Выпей-ка еще
водки, и поразкажи мнѣ исторію твоего новаго граматиче-
скаго правила, и его послѣдствія.

— Увы! отвѣчалъ Ахавъ, вздыхая: конецъ былъ не
совсѣмъ благополучный. Отцы и матери стали поговари-
вать о томъ, что ихъ дочки начали часто ходить ко мнѣ
на совѣщанія по дѣламъ совѣсти, и, по методъ нашего аме-
риканскаго судопроизводства, чуть-чуть не повѣсили меня
сами на крыльцѣ моего дому: къ счастью, я узналъ объ этомъ
еще въ-время, и успѣлъ дать тягу. Съ тѣхъ поръ я при-
сталъ къ новококорнантамъ. Успѣхи мои удивительны. Да
ужъ такая жизнь, что чортъ ихъ возьми! Надсадаюсь отъ
крику, пью только воду да разыгрываю мелодраму. Думаю,
не перейти ли къ социалистамъ? Они держатся не такихъ
строгихъ правилъ, и ихъ правила мнѣ бы по плечу: вся си-
ла въ томъ, чтобы дѣлать все, что хочешь. Какъ ты посу-
дишь объ этомъ, Самуилъ! Статочное ли дѣло? выгодная
ли спекуляція? Ужъ когда я пускаюсь въ спекуляціи, то
хочу, чтобы всѣ вѣроятности удачи были въ мою пользу.

— Ахавъ! вскричалъ Самуилъ: мнѣ страшно за тебя.
Ты сталъ совершеннымъ демономъ. Сдѣлайся фермаромъ,
или пустишься въ торговлю, но кинь свои проповѣди.

— Я? завопилъ полу-пьяный Ахавъ: чтобы я пустился
въ какое-нибудь простонародное ремесло?... Никогда! Иду
въ социалисты! Оно и не хитро, и въ модѣ....

И Ахавъ свалился подъ столъ.

Выставляя такіе-то примѣры, болѣею частью еще оригинальнѣе приведеннаго здѣсь, и всѣ взятыя изъ дѣйствительной жизни, Самуилъ Сликъ объясняетъ читателямъ нравы въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Но что же слѣдуетъ заключить изъ его наблюденій, самыхъ вѣрныхъ, самыхъ наивныхъ, какія когда-нибудь были сдѣланы надъ этою новою частью свѣта?.... То, что въ ней ничего не кончено; что устройство Сѣверной Америки, которая идетъ исполнскими шагами нмѣя передъ собою много времени и пространства, не совершило еще и половины пути, а умственность еще и не тронулась съ мѣста. Американцы имѣютъ за собою и передъ собою лѣса и океанъ: оттого-то ихъ физическая, торговая и промышленная дѣятельность не знаетъ границъ, тогда какъ въ дѣлѣ умственнаго образованія они не могутъ сдѣлать ни шагу впередъ. Книга господина Гелибертона—настоящее зеркало, въ которомъ видны и это изумительное движеніе, и эта совершенная нравственная ничтожность.

СТРАСТЬ СТРОГАТЬ, и особенный способъ торговаться, у Сѣверныхъ Американцевъ. Этотъ часовой мастеръ, его поговорки и ухватки, чрезвычайно напоминаютъ два анекдота о Сѣверныхъ Американцахъ, рассказываемые въ «Diary in America» капитана Марриета. «Когда Янки ничѣмъ не занятъ, то онъ, вслѣдствіе врожденнаго своего безпокойства, начинаетъ усердно качаться на заднихъ ножкахъ своего стула или вынимаетъ изъ кармана перочинный ножикъ и начинаетъ строгать свою палку или вырѣзывать буквы на какомъ-нибудь бревнѣ. Въ восточныхъ штатахъ строгапіе сдѣлалось общимъ средствомъ приданія себѣ contentance и превратилось въ настоящую страсть, въ страсть гибельную для мебели: тамъ джентльменъ, если у него нѣтъ палки или другаго куска дерева, тотчасъ начинаетъ рѣзать столъ, у котораго онъ сидитъ, или спинку своихъ креселъ. Въ судахъ, адвокаты рѣжутъ перила, отдѣляющіе ихъ отъ присутственнаго стола, судьи рѣжутъ свой столъ, слушатели рѣжутъ скамейки. Одинъ джентльменъ, пришедшій слишкомъ рано съ визитомъ къ молодой дамѣ, которая заставила его

ожидать себя въ гостинной около часу, изрѣзалъ ей всю этажерку въ мелкія стружки. Во многихъ трактирахъ, для спасенія мебели, возлѣ приборовъ кладутъ порядочныя полѣна дровъ, ради забавы господъ объѣдающихъ. Въ некоторыхъ судейскихъ, такія же полѣна прилагаются къ дѣлу, и вмѣстѣ съ бумагами помѣщаются на столѣ передъ записными строгальщиками. Бывшій президентъ, генералъ Джексонъ, славился первымъ строгальщикомъ Соединенныхъ Штатовъ. Когда два Янки торгуются о чемъ-нибудь, то, чтобы придать себѣ видъ равнодушія и не смотреть другъ другу въ глаза, которые могли бы измѣнить ихъ тайнымъ желаніямъ, они тотчасъ принимаются строгать. Я былъ свидѣтелемъ того, какъ два очень порядочные джентльмена торговались о покупкѣ усадьбы другъ у друга. Они сѣли верхомъ на бревно, одинъ лицомъ къ востоку, другой лицомъ къ западу, и вынули изъ кармановъ перочинные ножики. Одинъ поймалъ въ руки липовое полѣнцо, другой взялъ лежавшую на землѣ ветку и началъ обдѣлывать ее въ палку.

— Здравствуйте, почтеннѣйшій. Что жъ, какова усадьба? — Не знаю, что вы за нее спросите? — А что вы дадете?

Молчаніе. Строгаютъ.

— Двѣ тысячи долларовъ было бы слишкомъ дорого: по моему вычисленію, это куча денегъ! — А я такъ не предполагаю, чтобы вы могли купить ее дешевле трехъ тысячъ. — А вонъ тамъ, за горою, на сѣверной сторонѣ, отдають чудесную усадьбу за половину этой цѣны. — На сѣверной сторонѣ хлѣбъ не созреваетъ, солнца нѣтъ. — По моему разсчету, солнце есть вездѣ. — Но не вездѣ одинаково свѣтитъ. — Какъ такъ? — Да такъ!.... если мой разсчетъ веренъ, то сквозь гору оно плохо просвѣчиваетъ. Одинъ отличный хозяинъ давалъ мнѣ три тысячи, если я не ошибаюсь. — Теперь деньги стали дороже. — По моему вычисленію, это будетъ прекрасная лонатка!

Молчаніе. Горячо строгаютъ.

— Я такъ предполагаю, что изъ этой ветки выйдетъ удивительная палка.... такая палка, какой здѣсь еще не видали! — Конечно, не что, тысячи двѣ съ половиной, съ ушла-

тою въ известный срокъ. — За эту цѣну, мнѣ нельзя было бы ждать денегъ больше шести мѣсяцевъ.

Пауза. Стреганіе.

— Хорошо, я согласенъ. — Такъ какъ же быть? — Предположимъ, что оно такъ и будетъ. — (*Вскакивая съ брезна и бросая палку.*) Ну, такъ дѣло рѣшено: пойдемъ выпьемъ по рюмкѣ ликеру.»

Въ другой разъ почтенный капитанъ ѣхалъ въ длижащсѣ съ двумя молодыми и прекрасными дамами, и былъ свидѣтелемъ, до какой степени духъ барышничества овладевалъ тамъ даже прекраснымъ поломъ. Обѣ онѣ были щегольски одѣты, но незнакомы между собою. У одной на головѣ была розовая плюшевая шляпка, у другой очень милая атласная. Сидя одна насупротивъ другой, онѣ долго, въ молчаніи, разсматривали свои туалеты; наконецъ, со скуки, начали торговать шляпки другъ у друга на головѣ. — Ваша шляпка довольно мила, равнодушно сказала Атласная. — Такъ! по моему расчету очень обыкновенная! отвѣчала Плюшевая. — Послѣ некотораго молчанія и новаго, болѣе тщательнаго, обзору: — Не хотите ли уступить мнѣ ее, если это не противно вашимъ правиламъ? спросила Атласная. — Не думаю: по моему исчисленію, я носила ее всего только три дня, сказала Плюшевая. — Oh, ту! воскликнула Атласная: я такъ предполагаю, что вы носили ее гораздо болѣе. Можете-быть, вы хотите сказать, что она была на дождѣ всего только три дня? — Мнѣ не известно, чтобы она когда-нибудь была на дождѣ. У меня, извините, не одна эта шляпка. — Ну, такъ помнѣемся: я доплачу *балансъ*. — Какъ это можно! Вы мнѣ предлагаете такую ужасъ, что я, право, не знаю..... — Не знаете, сколько запросить съ нея? весело подхватила Атласная. Ну, церемоніи всторону: сколько хотите придачи? — Я не знаю, сколько вы навѣрны дать? сказала Плюшевая. — По моему расчету, вамъ лучше известна цѣна вашей шляпки. — Сказать откровенно, мнѣ нельзя взять меньше пяти долларовъ (25 руб. асс.). — Пять долларовъ и мою атласную шляпку! По моему вычисленію, она вся не стѣитъ двухъ долларовъ. — Позвольте же мнѣ знать лучше цѣну моей шляпки! — Ну, такъ нечего и говорить объ этомъ. Извиняте! — Ничего! спросъ не

грахъ. — Молчаніе. Мужчина началъ бы тутъ строгать. Атласная, какъ благовоспитанная дама, напротивъ, поворотилась къ окну кареты и начала пристально смотреть въ поле; спустя минуту, она сказала какъ-будто про себя: — Четыре доллера..... я бы дала..... но ни гроша болѣе..... и то единственно потому что фасонъ мнѣ нравится. — После того, она медленно отодвинула голову отъ окна и села прямо. Услышавъ это, Плюшева бросилась къ окну и спустя нѣсколько секундъ сказала деревьямъ, мимо которыхъ мы провѣзжали: — А впрочемъ..... за четыре..... я могла бы уступить..... хоть и съ убыткомъ. — После того она медленно отодвинула голову отъ окна и села прямо. — Ну, что жъ вы думаете? сказала Атласная: не возьмете ли четыре доллера? — Извольте, отвѣчала равнодушно Плюшева. Для меня всё-равно. У меня пропасть шляпокъ, дома. Я хочу сдѣлать вамъ удовольствіе. — Атласная быстро вынула изъ ретикюла ассигнацію въ четыре доллера и дамы поменялись шляпками.

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. La Prétendante, историческая комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ прозѣ; господъ Евгенія *Sue* и *Dinaux*.

Самая скучная изъ пошлостей, называемыхъ историческими комедіями, несмотря что надъ составленіемъ ея работали два человека съ дарованіемъ. Кто можетъ интересоваться любовью двухъ дѣтей? Такая любовь отвратительна! Слѣдственно, комедія господъ Сю и Дино — безъ героевъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Англіи. На престолѣ Яковъ Первый. Гретна-гринскій кузнецъ, который, какъ вы знаете, куетъ подковы и супружескія цѣпи на одной наковальнѣ, пріѣзжаетъ въ Лондонъ, посмотреть, каковъ-то Яковъ Первый, настоящій ли онъ Шотландецъ, и позволить ли онъ ему женить молодыхъ людей въ своей кузницѣ. Поговоривъ съ первымъ камердинеромъ короля объ этомъ дѣлѣ, онъ остается очень доволенъ Яковомъ Первымъ и уходитъ. Является Яковъ и приказываетъ позвать къ себѣ своихъ любимцевъ, дѣвочку миссъ Арабеллу, и мальчика, сэръ Вилліама, которые долго проживали въ Лондонской Башнѣ, гдѣ Яковъ познакомился и подружился съ ними, и

которые теперь играют съ нимъ каждый вечеръ въ шарды и въ жмурки. Арабелла и Вилліамъ приходятъ. Вы ожидаете, что тутъ по-крайней-мѣрѣ начнется игра въ жмурки? Ничего не бывало. Яковъ пускается въ разсужденіе о томъ, какъ онъ нѣжно любитъ этихъ дѣтей. Вотъ, кажется, и весь первый актъ.

Актъ второй. Дѣти, съ которыми Яковъ первый играетъ въ шарды и въ жмурки, проживая въ Башнѣ, влюбились другъ въ друга и, какъ настоящіе дѣти, желали бы тотчасъ и жениться. Но это не возможно, потому что Яковъ Первый съ своимъ ужаснымъ министромъ Сисилемъ рѣшили, что миссъ Арабелла должна на вѣчныя времена потомственно и падственно остаться дѣвою. На то есть свои причины: миссъ Арабелла, будучи собственно племянницей Якова и дочерью втораго сына графини Ленноксъ, имѣетъ кое-какія права на престолъ Великобританіи. Не знаю отчего и на какой конецъ, но могу положительно увѣрить, что сверхъ-того еще и ужасный министръ Сисиль влюбленъ въ этого ребенка. По всемъ такимъ уваженіямъ, ради спокойствія государственнаго, ему воспрещается выходить замужъ, — я говорю о ребенкѣ, а не о Сисилѣ, — а между-тѣмъ ему очень хочется выйти за другаго ребенка, для увѣковѣченія ребяческаго племени на землѣ. Какъ же быть? Вы помните, что въ первомъ актѣ, — теперь мы уже въ четвертомъ, — пріѣхалъ гретна-гринскій кузнецъ. Дѣти посылаютъ за нимъ, а между-тѣмъ они сочиняютъ, и миссъ Арабелла подписываетъ, прокламацію, которою она отказывается отъ всѣхъ правъ своихъ на престолъ въ пользу любезнѣйшаго дядюшки своего Якова Перваго. Брачный договоръ ихъ также изготовленъ. Кузнецъ является. — Что прикажете? — Говорятъ, ты прекрасно женишь людей безъ пастора. — Помаленьку-съ! — Такъ жени и насъ. — Какъ? здѣсь? въ Лондонѣ? въ королевскомъ дворцѣ? безъ моего молота? безъ наковальни? безъ кожанаго передника?— Этого не нужно, мы не взыскательны: жени насъ!... вотъ нашъ брачный договоръ; мы подписываемъ: жени! — Немножко грѣшно, говоритъ кузнецъ, почесывая голову: это мнѣ сходитъ съ рукъ только въ Шотландіи; да ужъ нечего дѣлать, извольте.— Но едва дѣти, по благословенію кузнеца,

стали законными сунругами, какъ приходитъ Яковъ играть съ ними въ шарady, хотя ему скорѣе слѣдовало бы въ этотъ вечеръ учиться читать рѣчь, которую долженъ онъ произнести завтра при открытіи парламента. Дѣти предлагаютъ ему такую, или почти такую, шараду: мое первое боченокъ, мое второе порохъ, мое третье парламентъ, мое все — боченокъ съ порохомъ въ парламентъ. Яковъ вскакиваетъ съ кресель и посылаетъ за своимъ ужаснымъ министромъ Сислемъ. Идутъ, осматриваютъ весь уголь парламентскаго дому, обыскиваютъ чердаки и погреба: *мореховой заговоръ* открытъ! Ловятъ, обыскиваютъ, сажаютъ въ тюрьмы, ставятъ эшафоты и, къ довершенію всѣхъ ужасовъ, въ одно и то же время доходитъ до свидѣнія и Якова и Сисля, что гретна-гринскій кузнецъ женилъ Вилліама на Арабелль. Свирѣпый и ревнивый Сисль хочетъ прежде всего повѣсить кузнеца; сэръ Вилліама, который узналъ и предостерегъ о заговорѣ, судить какъ заговорщика, а миссъ Арабеллу безъ суда и слѣдствія посадить въ Лондонскую Банню, но король, который нѣжно любитъ этихъ дѣтей и овладѣлъ ихъ бумагами, обезоруживаетъ мстительнаго министра показавъ ему драгоцѣнную прокламацію, которою Арабелла отказалась отъ всѣхъ правъ своихъ на престолъ. Сисль уходитъ, а король, оставшись съ своими любезными дѣтьми, даетъ имъ строгій выговоръ за такое преждевременное и не позволительное расположеніе ихъ къ браку, и возвращаетъ сэръ Вилліаму ихъ брачный договоръ, для надлежащаго въ потребномъ случаѣ исполненія.

Во всемъ этомъ нѣтъ ни исторіи, ни комедіи, ни нитересу, ни смѣху, ни даже остроумія, самой обыкновенной и самой легкой вещи на свѣтѣ.

2. *Les Trois étoiles*, *Три звездочки*, водевилъ въ трехъ дѣйствіяхъ, господъ Леона *Halevy* и *Jaimés*.

Очень милый водевилъ, но вы знаете его содержаніе: оно взято, отъ слова до слова, изъ повѣсти господина Бернара, «Сороко-лѣтняя женщина».

3. *Mademoiselle Sallé*. — 4. *Adrienne, ou Le Théâtre et la famille*. — 5. *Le Balai d'or*. — 6. *Manche à manche*. — 7. *Les Bains à quatre sous*. — 8. *Un Tas de bêtises*, водевилли.

Собраніе невзрачныхъ нелѣпостей, настоящія піесы для *лѣтней публики*. И вотъ все, что произвелъ театръ въ Парижѣ, гдѣ самымъ лучшимъ драматическимъ твореніемъ слыветъ въ эту минуту балетъ *Giselle*, сочиненіе Сень-Жоржа, музыка Адама. Лѣто, у книгопродавцевъ и театральныхъ директоровъ, называется *глухое время*, *porte-saison*: умъ человѣческій тогда ничего не производитъ, глазъ ничего не читаетъ, ухо не слушаетъ, вкусъ не чувствуетъ, карманъ не покупаетъ. Оттого въ лѣтнее время не бываетъ ни какихъ литературныхъ новостій. Быть-можетъ, по-случаю нынѣшняго экстраординарнаго собранія парламента, въ англійской литературѣ произойдетъ какое-нибудь движеніе и мы вскорѣ получимъ нѣсколько новостей изъ Лондона.

НОВЫЯ КНИГИ.

ПОЛУЧЕННЫЯ ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ ГРЕФА,
(на углу Невскаго Проспекта и Адмиралтейской Площади).

=

Французскія.

Изящная словесность.

(Цѣны на серебро.)

- ARLINCOURT.** *Ida et Nathalie.* Bruxelles, 1841, 2 vol. in-18. 1 rb. 70 cop.
- BEAUME.** *L'Algérie.* Paris, 1841, 2 vol., in-8. 5 rb. Le même, Bruxelles, 1841, 2 vol. in-18. 1 rb. 70 cop.
- BLONDEL.** *Deux ans en Syrie et en Palestine.* Paris, 1841, in-8. 1 rb. 30 cop.
- MON GENIE (Le),** petit journal de l'enfance, présentant pour chaque jour de l'année une lecture religieuse, morale, historique, familière, instructive, amusante. Bruxelles, 1841, in-8. 1 rb.
- FRANÇAIS (Les).** Costumes des principales provinces de la France, dessinés d'après nature par *Gavarni, Monnier, Lamy, Loubon, Geniolo, Emy*; lithographiés par *Paiquet et Coindre*; coloriés à l'a-

- quaselle avec le plus grand soin ; avec le texte en quatre langues. Paris, 1841, in-4 ; livrais. 1 et 2, contenant 4 gravures. 3 rb. 15 c.
- FRANÇAIS (Les) peints par eux-mêmes. Tome IV.** Paris, 1841, gr. in-8, colorié 7 rb. 15 cop., noir 5 rb.
- JOANNE.** Itinéraire de la Suisse etc. Paris, 1841, in-12. 3 rb.
- MOLIÈRE.** Oeuvres, avec des notes de tous les commentateurs. Tome I, orné d'un portrait. Paris, 1841, in-12. 1 rb.
- RAYMOND.** Maria. Bruxelles, 1841, 2 vol. in-18. 1 rb. 70 cop.
- SAINTE-HILAIRE.** Les aides-de-camp de l'empereur ; souvenirs du temps de l'empire. Bruxelles, 1841, 2 vol. in-18. 1 rb. 70 cop.
- SAND.** Un hiver au midi de l'Europe. Bruxelles, 1841, in-18. 85 cop.
- SOUVESTRE.** Une colonie. Bruxelles, 1841, in-18. 85 cop.
- TÉLÉMAQUE,** aventures, suivies du recueil de fables. Paris, 1841, in-12. 1 rb.
- VALERY.** Italie confortable ; manuel du touriste, appendice aux voyages historiques, artistiques et littéraires. Paris, 1841, in-12. 1 rb. 20 cop.
- VICTOR-ADAM.** Loisirs, 3 cahiers, folio, coloriés, contenant 18 planches. Paris, 1841. 14 rb.

Медицина, естественная исторія, физика.

- BAYLE.** Atlas d'anatomie descriptive. Paris, 1841, folio colorié et cartonné. 17 rb.
- DICTIONNAIRE DES DICTIONNAIRES DE MÉDECINE ;** sous la direction du *Dr. Fabre*, par une société de médecins. Paris, 1841, in-8, livrais. 16 et 17. 1 rb. 40 cop. L'ouvrage sera complet en 19 livrais. ou 6 vol.
- GILBERT et MARTIN.** Précis d'histoire naturelle. Paris, 1841, 2 vol. in-8. 4 rb.
- HENRY et GUIBOURT.** Pharmacopée raisonnée. Paris, 1841, in-8. 3 rb. 50 cop.
- LEMONNIER.** Programme de l'enseignement de l'histoire naturelle dans les collèges, disposé en 49 tableaux méthodiques. Troisième édition. Paris, 1841, folio, colorié et cartonné.
- LAMARCK.** Histoire naturelle des animaux sans vertèbres. Troisième édition. Bruxelles, 1841, 3 vol. in-8 12 rb.
- NECKER.** Etudes géologiques dans les Alpes. Tome I. Paris, 1841, in-8. 3 rb. 40 cop.
- PERSON.** Elements de physique. Paris, 1841, in-8. Tome troisième, gratis aux souscripteurs à l'ouvrage. Tomes 1 à 3 — 3 rb. 40 cop.
- RAYER.** Traité des maladies des reins et de la vessie. Tome 3. Paris, 1841, in-8. 2 rb. 60 cop.
- RIBES.** Mémoires et observations d'anatomie, de physiologie, de pathologie et de chirurgie. Paris, 1841, 2 vol., in-8. avec 9 planches. 4 rb.

Прочія науки.

- ALTREYER.** Cours de philosophie de l'histoire. Bruxelles, 1841, in-8. 2 rb. 30 cop.
- BULLETIN SCIENTIFIQUE**, publié par l'académie impériale des sciences de St. Pétersbourg. Tome 8. 1811, in-4. 1 rb. 50 cop.
- COMTE.** Cours de philosophie positive. Tome V. in-8, gratis aux souscripteurs à l'ouvrage.
- CONNAISSANCES DES TEMPS** pour 1843, avec additions. Paris, in-8. 3 rb.
- DEGERANDO.** Des progrès de l'industrie, considérés dans leurs rapports avec la moralité de la classe ouvrière. Paris, 1841, in 8. 75 cop.
- DICTIONNAIRE DE L'INDUSTRIE** manufacturière, commerciale et agricole; ouvrage accompagné d'un grand nombre de figures. Bruxelles, 1841, in-8, livrais. 14. 1 rb.
- DUGALD-STEWART.** Esquisses de philosophie morale; traduit de l'anglais par *Jouffroy*. Paris, 1841, in-8. 2 rb. 30 cop.
- DUPUIS.** Introduction au plan de Jérusalem. Paris, 1841, in-8, plan folio. 9 rb.
- FLOURENS.** Analyse raisonnée des travaux de Georges Cuvier. Paris, 1841, in-12. 1 rb.
- FLEMMING et TIBBENS.** Royal dictionary of the english and french, and french and english languages. Paris, 1841, in-4. Premier volume, «english and french», livrais 1 à 4, 60 cop.; second volume est complet en 50 livrais. 7 rb. 50 cop.
- MAYER et CHOQUET.** Traité élémentaire d'algèbre. Troisième édition.
- MERLE D'AUBIGNÉ.** Histoire de la réformation au 16 siècle. Tome III. Paris, 1841, in-8. 2 rb. 60 cop.
- MORALE (La)** en action. Paris, 1841, in-12. 60 cop.
- MICHELET.** Oeuvres. Tome III. Bruxelles, 1841, in-8. 3 rb. 40 cop.
- MICHELET.** Histoire de France. Tome I. Bruxelles, 1841, in-8. 4 rb.
- MÉMOIRES MILITAIRES**, relatifs à la succession d'Espagne sous Louis XIV, extraits par *de Vault*, revues par *Péllé*. Paris, 1841, 4 vol., in-4. 16 rb.
- TOMMASCO.** Nuovo dizionario de' sinonimi della lingua italiana. Firenze, 1841, 2 vol., in-8. 10 rb.

Нѣмецкія.

- BAUMGARTEN.** Das Schielen und dessen operative Behandlung, gr. 8. Leipzig, 1841. geh. 90 Cop.
- BAUER.** Der praktische Landwirth in 3 Bänden. 1-r Feldbau, 2-r Obst-Küchengarten- und Weinbau, 3-r Thierzucht, kl. 8. Carlsruhe. 1841. geh. 2 Rh. 25 Cop.

- BERRER.** Anthropotomie, oder Lehre von dem Baue des menschlichen Körpers, 2-r Band, gr. 8. Wien, 1841. 4 Rb. 90 Cop.
- DIEFFENDACH.** Heilung des Stotterns, mit 4 lith. Tafeln, gr. 8. Berlin, 1841. geh. 1 Rb. 5 Cop.
- DOLLMAGR.** Die Natur, Leiterin der physischen Kindererziehung, mit 1 Kupfertafel, kl. 8. Wien, 1841. geh. 1 Rb.
- ENCYCLOPÄDIE DER ANATOMIE.** 1-te — 9-te Lief., mit 36 Kupfern, in-4. Leipzig, 1-41. Schwarz 2 Rb. 70 Cop., colorirt 5 Rb. 40 Cop.
Das Ganze wird aus 39 Lieferungen bestehen.
- ENKE.** Berliner astronomisches Jahrbuch für 1843, gr. 8. Berlin, 1841. 3 Rb. 20 Cop.
- ERNST.** Die Visitation der Apotheken, oder Anleitung zur gründlichen Untersuchung sämmtlicher bis jetzt bekannter Arzneimittel, gr. 8. Ulm, 1840. 1 Rb. 80 Cop.
- GEIER.** Statistische Uebersicht bemerkenswerther Holzverbindungen Deutschlands, 1-s und 2 s Hest, gr. quer folio. Mainz, 1841. geh. 2 Rb. 70 Cop.
- GLOZER.** Gemeinnütziges Hand- und Hilfsbuch der Naturgeschichte, 1-s — 4 s Hest. gr. 8. Breslau, 1841. geh. 1 Rb. 35 Cop.
Das Ganze wird aus 14 Heften bestehen.
- GOBÉE.** Die sogenannte ägyptische contagiöse Augenentzündung, mit besonderer Hinweisung auf ein neues Curverfahren, gr. 8. Leipzig, 1841. geh. 60 Cop.
- GOEPPERT.** Die Gattungen der fossilen Pflanzen, verglichen mit denen der Jetztwelt und durch Abbildungen erläutert. Lief. I, II, quer 4. Bonn, 1841. geh. 3 Rb. 15 Cop.
- GRABNER.** Grundzüge der Forstwirtschaftslehre, 1 r Band, gr. 8. Wien, 1841. geh. 2 Rb. 25 Cop.
- GRABNER.** Tafeln zur Bestimmung des kubischen Inhaltes cylindrischer und kegelförmiger Nutz- und Bauholzstücke, gr. 8. Wien, 1840. geh. 1-Rb. 80 Cop.
- HAEBERL.** System einer vollständigen Lusterneuerung in Kranken- und Versorgungshäusern, Irrenanstalten u. s. w., für den Sommer und Winter, gr. 8. München, 1840. geh. 1 Rb. 35 Cop.
- HEINICHEN.** Handbuch gemeinnütziger Kenntnisse für alle Stände, eine Sammlung von 5000 der neuesten und weniger bekannten Entdeckungen, u. s. w., mit Kupfern, 1-r Band, 1-s — 6 s Hest, kl. 8. Dresden, 1840. geh. 1 Rb. 35 Cop.
- HLUBEK.** Der Verkehr zwischen Triest und der Monarchie, und die Wien-Triester-Eisenbahn, in-4. Wien, 1841. geh. 90 Cop.
- HOLE.** Architektonische Details in den gebräuchlichsten Bau Stylen, für Baumeister, Lehrer an Gewerbschulen und als Vorlegeblätter für Handwerker, als Zimmerleute, Maurer, Tischler u. A. zu benutzen. 1-s Hest, enthaltend 36 Beispiele von Haupt- und innern Thüren, in 12 Tafeln, gr. fol. Berlin, 1841. geh. 4 Rb. 5 Cop.
- JAGD KALENDER,** nebst einem Anhang über die Sprache der Jäger, für Freunde der Jagd, in-4. Nördlingen, 1841. geh. 30 Cop.
- LAMONT.** Jahrbuch der königlichen Sternwarte bei München, 1840, 1841, 2 Bde. München. kl. 8. geh. 2 Rb. 40 Cop.

- LILIENTHAL.** Predigten, in der Synagoge zu Riga gehalten, gr. 8. Riga^t 1841. geh. 1 Rb.
- MAYER.** Panorama der Donau, von Ulm bis Pressburg, in gr. 4., cart. mit begleitendem Texte, kl. 8. Pforzheim, 1841. geh. 2 Rb. 85 Cop.
- MOST.** Ueber alte und neue medicinische Lehrsysteme im allgemeinen und über Dr Schönleins neuestes natürliches System der Medicin ins besondere, gr. 8. Leipzig, 1841. geh. 2 Rb. 90 Cop.
- MURPHY.** Medicinische Fragmente, betreffend eine allgemeine Lehre des Seebadens und der Seebäder, und die Identitätsfrage der Kuh- und Menschenpocken, kl. 8. Hannover, 1841. geh. 1 Rb. 5 Cop.
- NATURGESCHICHTE** (die) in getreuen Abbildungen und mit ausführlicher Beschreibung derselben. *Wümm.* 1-s und 2-s Heft. Lex. 8. Leipzig, 1841. geh. 1 Rb. 36 Cop.
- ORBIS PICTUS**, neuester, für die Jugend, oder lehrreiche und unterhaltende Bilderschaue von Gegenständen aus der Natur, der Kunst und dem Menschenleben, mit beigefügter Erklärung in deutscher, französischer, italienischer und englischer Sprache. 24 fein ausgestaltete Folio Tafeln mit entsprechenden Randverzierungen von Geissler, in-fol. Nürnberg, 1841. gebd. 3 Rb. 40 Cop.
- POMPPER.** Die Säugethiere, Vögel und Amphibien nach ihrer geographischen Verbreitung tabellarisch zusammengestellt, gr. 4. Leipzig, 1841. geh. 1 Rb. 90 Cop.
- QUARSIUS.** Theorie und Praxis der pharmaceutisch-chemischen Arbeiten, 3 Bde, gr. 8. Leipzig, 1841. 6 Rb. 90 Cop.
- QUENSTEDT.** Methode der Krystallographie, ein Lehrbuch für Anfänger und Geübte; mit 7 Kupfertafeln, gr. 8. Tübingen, 1841. 3 Rb.
- REINELT.** Reise nach dem Orient, zur Erhebung merkantiler Notizen für Oestreichs Industrie, gr. 8. Wien, 1840. geh. 1 Rb. 80 Cop.
- ROTHE.** Handbuch für den angehenden Landwirth, gr. 8. Berlin, 1844. geh. 2 Rb. 40 Cop.
- RÜPRTI.** Handbuch der römischen Alterthümer. 1-r Bd. gr. 8. Hannover, 1841. 4 Rb.
- SÄSSENG.** Anfangsgründe der Chemie. Leitfaden für den Unterricht an Gymnasien und Realschulen, kl. 8. Breslau, 1841. geh. 80 Cop.
- SCHEIN.** Abbildungen aus der Naturgeschichte, für den Schul- und Privat Unterricht, fein colorirte Ausgabe, 4 Abtheilungen, in 8 Heften, in fol. Zürich, 1840. 17 Rb. 76 Cop.
- SCHNEIDERMAN.** Terminologisches Wörterbuch der medicinischen Wissenschaften, 1-s Heft, gr. 8. Dresden. 1841. geh. 1 Rb. 90 Cop.
- SIEBOLD.** Lehrbuch der Geburtshülfe, gr. 8. Berlin, 1841. 3 Rb. 60 Cop.
- SOEMMERING.** Hirn- und Nervenlehre, umgearbeitet von Valentin, mit 1 Kupfertafel, gr. 8. Leipzig, 1841. 4 Rb. 50 Cop.
- STRUBANG.** Ueber die Schönheit und Kunst, gr. 8. Berlin, 1841. 5 Rb. 90 Cop.
- VISKAU.** Abhandlungen über eine Anzahl der in neuerer Zeit wichtigsten, das Studium und die Thätigkeit des Militärs vorzugsweise in Anspruch nehmenden Gegenstände des Artillerie-Wesens, gr. 8. Mainz, 1841. geh. 1 Rb.

- WALTHER. Die Lehre vom schwarzen Star und seiner Heilart, gr. 8. Berlin, 1841. 1 Rb. 40 Cop.
- WANDNER. Lehrbuch der technischen Mechanik, zum Gebrauche an Gewerbschulen und beim Selbstunterricht, mit 9 Figurentafeln, gr. 8. Regensburg, 1841. 1 Rb. 35 Cop.
- WASSER (das kalte), als einzige Universal-Medizin unserer Zeit, oder allgemeiner Seg der Heilkunst mit kaltem Wasser, gr. 8. Hamburg, 1841. geh. 40 Cop.
- WEILAND. Karten Vademecum der Erde und des Himmels, mit 34 Karten, in gr. quer 8. Weimar, 1841. gebd. 1 Rb. 35 Cop.
- WISGRILL. Elemente der Physik, für Studierende der Chirurgie, gr. 8., mit 4 Kupfertafeln. Wien, 1841. 2 Rb. 40 Cop.
- WOLTERSDORF. Der Lebenspunkt oder Grund und Ursache aller Krankheiten und Mittel zur gründlichen Heilung derselben, gr. 8. Berlin, 1841. geh. 1 Rb. 20 Cop.
- WANN. Die schönsten Ornamente und merkwürdigsten Gemälde aus Pompeji, Perikolum und Stabiae. II-te Folge, 1-s Heft, gr. fol. Berlin, 1841. 8 Rb. 10 Cop.

М О Д Ы.

— Въ это время, какъ извѣстно, ничего не носятъ, а только донашиваютъ. Въ области модъ — такая пустота, что, вотъ уже три мѣсяца, какъ не представляется ничего стоящаго быть срисованнымъ. Станемъ надѣяться, что сентябрь мѣсяцъ принесетъ намъ что-нибудь любопытное. До-сихъ-поръ у насъ всё еще лѣто.

— Между-тѣмъ можно замѣтить нѣсколько нововведеній. На сельскихъ балахъ большею частью видны высокіе корсажи и гладкіе длинныя рукава: плечи и груди почти изгнаны. Платья на этихъ балахъ обыкновенно — бѣлыя или черныя. На головныхъ уборкахъ и чепчикахъ нѣтъ лентъ: онѣ замѣнены крепомъ и аграмантвыми украшеніями. Тюлерья барбы у чепчиковъ бывають такъ длинны, что иногда доходятъ до коленъ. *Н-а Р^{***}.*

ДАЛЬТОНИЗМЪ. Странно, что до-сихъ-поръ наука не обратила своего вниманія на одну любопытную органическую болѣзнь глаза, и еще страннѣе то, что теперь дали ей названіе отъ имени знаменитаго Дальтона, которое годилось бы къ гораздо лучшему употребленію. Многимъ изъ читателей нашихъ конечно извѣстно, что есть люди съ прекрасными глазами и сильнымъ зрѣніемъ, которые однако жъ не видятъ одного, двухъ, а иногда и болѣе цвѣтовъ. Ученый лозанскій профессоръ, господинъ Вартманнъ, придумалъ прозвать ихъ *дальтонистами*, потому что Дальтонъ первый подробно описалъ этотъ родъ глазъ и самъ имѣлъ такіе же. Это напоминаетъ игру контрастныхъ или, такъ-называемыхъ, *дополнительныхъ* цвѣтовъ. Когда глазъ долго смотритъ на какой-нибудь сильно освѣщенный предметъ, напримѣръ красный, и послѣ того вдругъ будетъ погруженъ въ темноту, то зрѣнію представитъ тотъ же самый предметъ зеленымъ, то есть, глазъ испытаетъ какъ-будто дополнительное ощущеніе къ первому, ощущеніе контрастнаго цвѣту. Многіе сравнивали эти дополнительные цвѣтотыя ощущенія съ гармоническими тонами, сопровождающими основную ноту въ музыкѣ. Какъ бы то ни было, но изъ этого видно, что зеленый цвѣтъ, въ природѣ, служитъ дополнительнымъ красному, и если кому кажется красный цвѣтъ зеленымъ, то это значитъ, что онъ не видитъ настоящаго цвѣту, а видитъ только его дополнительный. Такъ случаи довольно обыкновенны. Знаменитѣйшій изъ физиковъ нашего вѣка, Дальтонъ, не находилъ ни какого различія въ цвѣтъ между алымъ мундиромъ англійскихъ офицеровъ и листьями березы. Онъ не видѣлъ также и розоваго цвѣту, который казался его глазу совершенно сходнымъ съ синевою неба. Профессоръ Вивель (Whewell), лично знавшій Дальтона, приводитъ еще примѣръ одной

англійской дамы, которая, относительно къ цвѣтамъ предметовъ, не примѣчаетъ ни малѣйшей разницы между блестящею стороною лавроваго листка и краснымъ сургучомъ. Примѣчательнѣе всего то, что нерѣдко этотъ порокъ зрѣнія дѣлается наследственнымъ въ семействахъ: по словамъ профессора Вивеля, въ родѣ знаменитаго Troughton'a онъ свойственъ всемъ мужчинамъ, тогда какъ женщины отъ него свободны, — случай весьма непріятный для господъ Траутоновъ, которые, слѣдовательно, принуждены всегда жениться на блѣдныхъ невестахъ, потому что розовыя должны казаться имъ голубыми. Господинъ Вартманъ, авторъ обширнаго разсужденія объ этомъ особенномъ устройствѣ глаза, которое называетъ онъ *дальтонизмомъ*, раздѣляетъ дальтонистовъ на два разряда: къ первому причисляетъ онъ зрѣнія *двуцвѣтныея*, то есть, такія, которыя различаютъ только два цвѣта въ природѣ, бѣлый и черный; ко второму, зрѣнія *многоцвѣтныея*. Число цвѣтовъ, неопредѣлительныхъ для дальтонистовъ втораго разряда, непостоянно: одни не видятъ трехъ цвѣтовъ радуги, другіе четырехъ, въ томъ числѣ болѣею частью — краснаго и голубаго. Зато, многіе изъ нихъ лучше насъ различаютъ контрастные, или дополнительные, цвѣта: часто двѣ смежныя краски кажутся намъ слитыми въ одинъ неопредѣленный отливъ, между-тѣмъ какъ они видятъ ихъ въ контрастѣ. (*Eleventh meeting of the British Association for advancement of science.*)

Въ *American philosophical journal* докторъ Науз описываетъ особенный видъ дальтонизма, открытый у одного пациента: этотъ человекъ различалъ только одинъ цвѣтъ, именно, желтый, въ разныхъ его отътенкахъ. Докторъ знаетъ другихъ людей въ Филадельфій, которые различаютъ два цвѣта, желтый и синій: такіе дальтонисты никогда не видятъ зеленаго, потому что этотъ цвѣтъ состоитъ изъ сліянія желтаго съ синимъ.

НОВѢЙШАЯ МЕТЕОРОЛОГІЯ. *Движенія магнитныхъ стрѣлокъ. Дожди кровавые, электрическіе, бумажные. Красные снѣгъ. Огненные шары. Грозы, жары 1841 года, и прочая.* Постоянный читатель ученыхъ журналовъ

можетъ съ ужасомъ поразиться невольною мыслію, что на землѣ и на небѣ происходитъ какой-то важный переверотъ: съ нѣкотораго времени, въ неслыханной пропорціи, умножаются въ воздухѣ и на небѣ необычайныя явленія; каждый номеръ журнала сообщаетъ ему какое-нибудь страшное или странное событіе. Звѣзды поминутно пропадаютъ на небѣ, свѣрныя сіянія стали ни по чемъ, небесныя огни градомъ сыплются на землю, дожди идутъ безъ тучъ, здѣсь на голову валятся семіяна, тамъ съ воздуха падаютъ бумажки. Откуда такія явленія? Прежде ихъ не бывало! Неужели въ самомъ дѣлѣ, во вселенной что-нибудь измѣнилось?... Въ минуту разсѣянности это можетъ прійти въ голову самому неустрашиму ю любителю подобнаго чтенія. Но, если сообразить обстоятельства дѣла, то оно объяснится очень просто. Во вселенной ничего не перемѣнилось; все идетъ старымъ чередомъ: но въ Европѣ создается новая наука, метеорологія, которая начинаетъ серьезно занимать многихъ умныхъ людей и даже обѣщаетъ привести насъ къ весьма полезнымъ результатамъ. Препрежне презрѣніе къ ней ученыхъ превратилось въ самыя пламенныя надежды и важныя ожиданія. Перемѣны въ состояніи атмосферы, почитавшіяся игрою мѣстныхъ случаевъ, связываются въ одно правильное и удивительное цѣлое. Ремесло предсказателей погоды, представленное доселѣ темнымъ сочинителямъ хозяйскихъ календарей, можетъ вскорѣ сдѣлаться ремесломъ Гумбольдтовъ, Гаусіовъ, Кетлѣ, Дове, Купферовъ. Тысячи глазъ отвсюду устремлены въ воздухъ: всякое явленіе примѣчается, записывается, повторяется. Дошло до того, что ни одна звѣздочка, ни одинъ камешекъ, ни одна жаба, не могутъ спокойно упасть съ неба, чтобы поклонники новой науки не описали ихъ на всѣхъ языкахъ. Случай, на которые, въ золотыя дни былаго, никто не обращалъ вниманія, теперь возбуждаютъ общую тревогу въ ученое мѣръ: лбы дымятся гипотезами, для объясненія малѣйшаго вѣтерка, малѣйшаго облачка, самаго ничтожнаго движенія магнитной стрѣлки. Вотъ причина этого страшнаго умноженія необычайныхъ феноменовъ.

Однимъ изъ первыхъ и самыхъ любопытныхъ плодовъ новаго направленія умовъ должно почестъ открытіе повсе-

мѣстнаго согласія въ движеніяхъ магнитныхъ стрѣлокъ. Съ тѣхъ поръ какъ во всѣхъ частяхъ свѣта учреждены нарочныя обсерваторіи для частаго и современнаго наблюденія магнитныхъ стрѣлокъ, повышенныхъ такъ чтобы они могли двигаться совершенно свободно и внѣ всякаго посторонняго вліянія, удивительная истина открылась взору чловѣка: эти стрѣлки движутся согласно по всей землѣ! Какъ пошевелилась стрѣлка на сѣверномъ полушаріи, такъ точно, и въ то же самое мгновеніе, шевелится она и на южномъ. Самая строгая современность господствуетъ въ этихъ движеніяхъ, совершающихся въ Петербургѣ, Казани, Берлинѣ, Брюсселѣ, Прагѣ, Вѣнѣ, Парижѣ, Миланѣ, Лондонѣ, Дублинѣ, Торонто, Филадельфій, на Святой Еленѣ, Мысѣ Доброй Надежды, и въ Ванъ-Дименовой Землѣ. Повсюду перемены въ положеніи магнитныхъ стрѣлокъ подчинены одному и тому же закону, и кривыя линіи, изображающія ихъ волненія, вообще сходны между собою до малѣйшихъ изгибовъ. Эта современность особенно относится къ важнымъ измѣненіямъ горизонтальнаго напряженія стрѣлокъ, и разница здѣсь между очень отдаленными мѣстами заключается только въ величинѣ движеній, между-тѣмъ какъ, въ ихъ послѣдовательности, мелкія перемены представляютъ еще разительнѣйшее сходство нежели большія. Кажется, какъ-будто это пульсаціи земнаго шара, раздающіяся въ одно и то же время по всему его тѣлу и зависящія отъ бѣненія одного общаго сердца. Этотъ шаръ, который почитали скопленіемъ мертвой матеріи, какимъ-то пережженнымъ горшкомъ, имѣетъ собственную свою жизнь: онъ, такъ-сказать, правильно дышетъ; въ немъ и на немъ, какъ и въ бытіи живаго существа, все совершается въ опредѣленномъ порядкѣ, съ соблюденіемъ той же строгой постепенности однихъ явленій, и того же періодическаго возвращенія другихъ. Случайнаго и произвольнаго на землѣ нѣтъ ничего.

Съ движеніями магнитныхъ стрѣлокъ имѣютъ тѣсную связь сѣверныя сіянія. Какъ эти движенія современны на обохъ полушаріяхъ, то и современность сѣверныхъ сіяній на сѣверъ и югъ не представляетъ отнынѣ ничего удивительнаго. Періодическое ихъ возвращеніе, о которомъ на-

чинают поговаривать, должно также быть следствием того же правильного, какъ-бы органическаго, устройства планеты, которое отражается въ повсемъстномъ согласіи движенія магнитныхъ стрѣлокъ. Новыя наблюденія надъ стрѣлками еще слишкомъ кратковременны; но когда столь же усердно будутъ заниматься ими достаточное число годовъ, то, конечно, окажется, что и въ главныхъ движеніяхъ стрѣлокъ есть періодическіе возвраты и опредѣленные циклы.

Вскоръ, чтобы постигнуть періодическое возвращеніе падающихъ звѣздъ, не пужно будетъ искать спасенія въ отчаянныхъ гипотезахъ о существованіи пояса или кольца какихъ-то невидимыхъ тѣлъ около солнца. Падающія звѣзды состоятъ въ явной связи съ сѣверными сіяніями и въ правильномъ устройствѣ внутренней планетной жизни: возвратъ одинаковыхъ явленій въ одинаковыя времена не представляетъ ничего непостижимаго.

Вѣтры, дожди, грады, грозы, бури, могутъ ли быть, при этомъ устройствѣ, случаями произвольными, не повинными опредѣленнымъ законамъ? Конечно, вѣтъ. Уже въ вѣтрахъ начинаютъ примѣчать въкоторую послѣдовательность и періодическія возвращенія. Уже замѣчательна современная противоположность между, такъ-называемыми, «непостоянными» вѣтрами сѣвернаго и южнаго полушарія. Открывается явная связь между ними и температурою мѣсяцовъ и временъ года. Отъ нихъ зависятъ дожди, грозы, бури. Если вѣтры сохраняютъ между собою какой-нибудь правильный порядокъ, если они обходятъ полный кругъ дѣйствія въ известное число годовъ, то и всѣ перемѣны воздуха, даже всѣ атмосферныя явленія, должны повторяться въ той же послѣдовательности: надобно только уловить этотъ таинственный кругъ, и тогда предсказываніе перемѣнъ въ воздухѣ сдѣлается самою простою вещью въ мірѣ. До этого блаженства новѣйшая метеорологія надеется непременно достигнуть; но она еще очень далека отъ него. Относительно къ вѣроятной причинѣ вѣтровъ она еще ничего не знаетъ и, покаместъ, держится смѣшной теоріи, въ которой самый сильный аргументъ открытая вихрю форточка: какъ-будто въ атмосферѣ есть форточки!

Что касается до образа движения порядка вѣтровъ, то эта статья тогда только будетъ определена съ нѣкоторою достоверностью, когда вѣтряныя обсерваторіи учредятся очень близко другъ отъ друга на обширномъ пространствѣ земли. Теперь уже извѣстно, что бури, то есть, очень сильныя непостоянныя вѣтры, имѣютъ, не одно только прямолинейное, но и круговое движеніе, расширяющееся по мѣрѣ удаленія отъ точки выхода; что это просто — большіе вихри. Всѣ непостоянныя вѣтры должны имѣть такое же начало и такое же кругообразное расширение: эти случайныя стремленія воздуха въ различныхъ направленіяхъ на ограниченномъ пространствѣ, кажуціяся намъ прямолинейными, вѣроятпо не что иное, какъ обломки или сегменты большихъ вихревыхъ круговъ. Образование вѣтру, дождя, граду, для насъ еще — закрытая книга.

Въ *American philosophical journal*, господа Hare и Walker описываютъ грозу, которая въ прошломъ году вырвала на желѣзной дорогѣ дымовую трубу изъ паровоза и унесла ее вверхъ. Господа Walker и Hare относятъ этотъ случай къ дѣйствию сильнаго электрическаго тока, стремившагося отъ земли къ тучѣ.

Господинъ Peltier сообщаетъ парижской академіи наукъ наблюденія свои надъ *электрическимъ дождемъ*, шедшимъ 18 іюля (новаго стиля): электричество было въ немъ такъ обильно, что на электрометръ золотой листокъ разорвало въ куски и разметало ихъ во всѣ стороны. Во время этой грозы, электрическому напряженію дождя соответствовало усиленіе вѣтру. Съ уменьшеніемъ этого напряженія, ослабѣлъ и вѣтеръ.

Семнадцатаго февраля, въ Пиренеяхъ и въ Генуѣ, шелъ красный дождь: кровавыя капли его состояли изъ воды, смѣшанной съ красною пылью. Въ *Bibliothèque Universelle* находится извлеченіе изъ одной пиемонтской газеты, въ которой профессоръ Лавини описываетъ *красный снѣгъ*, выпавшій въ то же самое время въ области Оссоля и котораго цвѣтъ происходилъ, не отъ красныхъ микроскопическихъ грибковъ, иногда примѣчаемыхъ на свѣжихъ снѣгахъ, но также отъ пыли, очевидно имѣвшей одно происхожденіе съ пылью генуэзскаго дождя. Эта пыль, похожая на ржавчину,

горѣла на огонь синеватымъ пламенемъ и издавала неприятный запахъ; подверженная краснокаленію въ стеклянной трубкѣ, она дала капельки воды и сильныя аммоніакальныя пары, которые доказываютъ присутствіе жирной органической матеріи. При химическомъ разборѣ, господинъ Лавини нашелъ въ этой пыли очень много кремнезему, немного окисленнаго желѣза, глинезему и магнезій. Этотъ результатъ позволяетъ думать, что красная воздушная пыль состояла изъ инфузорій.

Въ Ирландіи шелъ обильный *бумажный дождь*: это еще удивительнѣе. Вся поля были покрыты лоскутками бѣлой метеорической бумаги. Отсюда не далеко уже до дождя стиховъ *Къ не:* и до всеобщаго потопа отъ гекзаметровъ.

Съ 16 по 18 іюля (новаго стіля), въ Неаполѣ, господствовалъ такой жаръ, какого незапомнятъ старожилы; онъ принесенъ былъ знойнымъ вѣтромъ *сирокко*: 17 числа, во второмъ часу по полудни, термометръ Реомюра показывалъ въ тѣни со стороны сѣвера 31 градусъ тепла, а на солнцѣ до 40°. Господинъ Пилла, въ письмѣ къ господину де-Бомону, присовокупляетъ, что въ Палермо зной былъ еще сильнѣе и доходилъ въ тѣни до 35°. Эти наблюденія весьма точныхъ физиковъ могутъ быть полезны для тѣхъ, которые видѣли 40° и 50° въ Малороссіи, тоже въ тѣни.

Въ Анжерѣ и Тулузѣ видѣли, вечеромъ 9 іюня, большой огненный шаръ, пронесшійся съ необычайною быстротою. Господинъ Petit, директоръ тулузской обсерваторіи, старался опредѣлить его параллаксъ. Кромѣ кажущагося движенія, этотъ шаръ имѣлъ еще другое параллельное съ движеніемъ земнаго шара; ближайшее разстояніе его отъ земли было 197,556 метровъ, или *двѣсти верстъ*, то есть, несравненно болѣе предполагаемыхъ предѣловъ атмосферы. Вѣроятно въ этомъ измѣреніи, какъ и во всѣхъ подобныхъ, было нѣсколько оптического обману.

Вотъ мы уже и за предѣлами атмосферы. Оставимъ метеорологію, ея воздушныя камни, сѣверныя сіянія, падающія звѣзды и падающія жабы, всѣ дивныя явленія, которыми отличился 1841 годъ, и перенесемъ на небо. Тамъ тоже происходятъ измѣненія. Ученый дерптскій астрономъ, господинъ Медлеръ, пишетъ, что, въ созвѣздіи Медвѣди-

цы, прекрасная звезда *zeta* совершенно испортилась и, изъ двойной, сдѣлалась одинакою. Господинъ Медлеръ зачитлъ въ ней то же самое явленіе въ 1834 году, и думаетъ, что сестрица *zeta* должна быть изъ числа переменчивыхъ звездъ, подобно Альголю.

Американскіе наблюдатели, господа Smith и Mason, желая повѣрить прежніе каталоги и рисунки небесныхъ облачностей съ нынѣшнимъ ихъ состояніемъ, нашли въ нихъ большія перемѣны, происшедшія со времени Гершеля, отца. Такъ, между прочимъ, извѣстная тройственная облачность, *nebula trifida*, совершенно измѣнилась и триея звезды занимаютъ совсѣмъ другое положеніе. Маленькая звезда, лежащая отъ нихъ въ разстояніи полуградуса къ сѣверу, окружилась облачностью. Двѣ большія облачности, *h. 2093* и *2094*, еще такъ недавно вновь описанныя и срисованныя Гершелемъ, сыномъ, соединились между собою, хотя разстояніе между ними доходило до двухъ третей градуса, и образовали прекрасную, длинную облачность, одну изъ великолѣпнѣйшихъ, какія есть на небѣ, послѣ большихъ облачностей Оріона и Андромеды.

КОЛИЧЕСТВО УГОЛЬНОЙ КИСЛОТЫ ВЪ ВОЗДУХѢ БОЛЬШИХЪ ГОРОДОВЪ. *Опыты господина Бусенгд.* Господинъ Boussingault, желая удостовѣриться, имѣетъ ли большое народонаселеніе ощутительное вліяніе на количество угольной кислоты въ его атмосферѣ, дѣлалъ, втеченіи пятнадцати мѣсяцовъ, опыты надъ парижскимъ воздухомъ по способу, предложенному Брюннеромъ. Разсчитывая приблизительно, люди, лошади, дрова, свѣчи и ламповое масло, каждыя сутки производятъ въ Парижѣ до трехъ милліоновъ кубическихъ метровъ угольной кислоты. Разлагая химически воздухъ этого города каждый мѣсяць, господинъ Бусенгд находилъ въ атмосферѣ его отъ 3,5 до 4,3 частей угольной кислоты на 10,000 частей воздуха; среднимъ числомъ, 3,97. Господинъ Тенаръ извлекъ некогда ровно 4. Почти то же самое количество, и даже нѣсколько значительнѣйшее, найдено было въ воздухѣ маленькихъ городовъ Швейцаріи и Германіи Теодоромъ Сосюромъ и Верверомъ,

и весьма примѣчательно, что господишъ Буссенгб открываетъ несколько болѣе угольной кислоты въ чистомъ загородномъ воздухѣ, взятомъ въ полѣ, далеко отъ Парижа, нежели въ испорченномъ парижскомъ; именно, 4; 14.

ЮЖНАЯ ГРѢНЛАНДИЯ. Южный магнитный полюсъ.
 Французская экспедиція къ южному полюсу, состоявшая изъ кораблей l'Astrolabe и la Zélée, подъ начальствомъ капитана Дюмонъ-Дюрвиля, открыла, какъ извѣстно, въ южномъ океанѣ землю, которую южный капитанъ, въ честь своей супруги, назвалъ *Аделей*. Это смѣшное названіе не останется въ географіи, тѣмъ болѣе что открытіе капитана Дюрвиля слишкомъ неопредѣленное и недостаточное. Англійская экспедиція, вышедшая въ море почти въ то же самое время подъ начальствомъ капитановъ Ross и Crozier, открыла гораздо болѣе и лучше. Корабли ихъ, Erebus и Terror совершили благополучно путь среди южныхъ льдовъ, съ которыми французская экспедиція боролась такъ неуспѣшно, и 14 апрѣля прибыли къ Ванъ-Димеповой Землѣ, проникнувъ къ югу на одиннадцать градусовъ широты далѣе Дюрвиля и на четыре градуса далѣе всѣхъ другихъ мореходовъ. Англійская экспедиція также успѣла съ точностью опредѣлить положеніе южнаго магнитнаго полюса, который находится во стѣ морскихъ миль отъ крайняго предѣла ея плаванія. Erebus и Terror вступили въ льды пятого прошедшаго января подъ 66° 45' южной широты и 174° 13' восточной долготы отъ Гринвича. Черезъ пять дней, англійскіе мореплаватели увидѣли землю подъ 71° широты и 171° долготы. Двѣнадцатаго января они сошли на нее и впоследствии удостовѣрились, что она простирается до 79° широты. Эта огромная земля такъ хорошо соответствуетъ Грѣнландіи, что даже имѣетъ свой *волканы*, извергающій облака чернаго дыму: онъ лежитъ подъ 79° 31' южной широты и 167° 30' восточной долготы. Второго февраля англійскіе корабли достигли самой южной точки своего сѣлаго пути. Находясь не далѣе какъ въ тысячѣ двухъ-стахъ-пятидесяти верстахъ отъ южнаго полюса (78° 4' и 173° 12'), они были удержаны высокими ледяными горами и необозримымъ полемъ льду, которое, простираясь на триста морскихъ миль

во все стороны, решительно преграждает дальнейшее плавание.

СВЯТОПИСНЫЕ КАРТИНКИ СЪ ПРИРОДНЫМЪ КОЛОРИТОМЪ. *Опыты Гро и сэръ Джона Гершеля.* Въ парижскую академію наукъ поступило весьма недавно письмо съ уведомленіемъ, что нѣкто Гроз, часовой мастеръ въ Л'Иль, открылъ способъ удерживать на Дагерровыхъ доскахъ натуральные цвѣта предметовъ и, вмѣсто сырыхъ рисунковъ, производить картинки съ живописнымъ колоритомъ. Это письмо сочтено было за мистификацію. Нынче, Гроз извѣщаетъ самъ академію о дѣйствительности изобрѣтенія, прибавляя: «Мой способъ не дороже другихъ, но въ немъ немножко труднѣе наводить доски іодомъ. Въ картинкѣ видны все цвѣта предметовъ, однако жъ какъ-будто-бы въ тьмѣ. Окраска домовъ, рудый и синеватый отливы горъ, и неба, очень хорошо выходятъ.» Ну, это еще не много.

Для тѣхъ, которые еще забавляются дагерротипомъ, мы присовокупимъ одно важное замѣчаніе: открыто, что если слой іоду слишкомъ тонокъ, то солнечный свѣтъ или вовсе на него не дѣйствуетъ, или дѣйствуетъ очень слабо; то же самое бываетъ, если слой слишкомъ толстъ. Отсюда большая часть безчисленныхъ неудачъ съ дагерротипомъ. Слѣдовательно, главная тайна успѣха съ этимъ инструментомъ состоитъ въ искусствѣ придавать іодовой копоти нужную степень толщины. Возвратимся къ картинкамъ съ колоритомъ.

Въ то же самое время сэръ Джонъ Гершель пишетъ къ председателю нынѣшняго плаймоутскаго съезда общества англійскихъ ученыхъ:

«Позвольте просить васъ о благосклонномъ представленіи Обществу, святописныхъ колоритныхъ оттисковъ (числомъ пятнадцать), снятыхъ съ гравюръ и медядзо-тинто. При изготовленіи ихъ не употреблено ни какихъ металлическихъ веществъ: все цвѣта произведены различными препаратами растительнаго происхожденія. Принимая въ соображеніе значительное число красокъ и отливовъ, выражаемыхъ этою новою отраслю святописнаго искусства, можно

по справедливости надѣяться на скорое рѣшеніе вопроса о сохраненіи натурального колорита въ картинкахъ, снимаемыхъ посредствомъ солнечнаго луча на Тальботову бумагу. Имѣю честь быть,» и прочая.

ВЫСНИЖИВАНІЕ ЯИЦЪ ЗМѢЯМИ. Это совершенно новый фактъ для зоологовъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, извѣстіе этого рода, сообщенное однимъ наблюдателемъ парижской академіи наукъ, было въ ней встрѣчено громкимъ смѣхомъ, а между-тѣмъ оно совершенно справедливо. Такъ-называемыя *холоднокровныя* животныя, по общему мнѣнію натуралистовъ, не имѣютъ ни какой собственной теплоты; кровь въ ихъ жилахъ, какъ вода въ стаканъ, принимаетъ всегда ту степень температуры, какою обладаетъ окружающій воздухъ: когда въ воздухъ жарко, кровь ихъ горяча; когда холодно, когда на дворѣ морозъ, кровь ихъ простываетъ, можетъ даже замерзнуть въ трубкахъ: жизнь ихъ тогда останавливается, тѣло впадаетъ въ усыпленіе или омертвѣніе: оно ломается какъ щепка, что неоднократно видѣли на лягушкахъ; но если его согрѣть, то, какъ-скоро оледенѣлая кровь растаетъ, она снова приходитъ въ движеніе, и животное возвращается къ жизни. Басня о мерзлой змѣе, которая ожила за пазухой у мужика и ужалила своего спасителя, со времени Эзопа служитъ урокомъ о неблагодарности всего, что можетъ быть названо змѣею. Въ такомъ положеніи дѣла, когда эти животныя лишены собственной теплоты, сидѣнье на яицахъ было бы, съ ихъ стороны, безъ всякой цѣли: воздухъ столько же согрѣетъ ихъ яица, сколько согрѣли бы они сами. Между-тѣмъ въ Азіи всѣ знаютъ, что змѣи сидятъ на яицахъ подобно птицамъ, и, въ арабскихъ «Тысячъ Одной Ночи», Синдбадъ-Мореходъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ: «Тутъ я посмотрѣлъ въ пещеру и увидѣлъ огромную змѣю, спящую на своихъ яицахъ.» Господинъ Valenciennes, не будучи мореходомъ, увидѣлъ то же самое нынѣшнимъ лѣтомъ въ парижскомъ ботаническомъ саду, гдѣ содержатся двѣ змѣи изъ рода пиеоновъ, самка длиною въ четыре съ половиною аршина, и самецъ по-короче ся аршиномъ. Самка снесла весной пятнадцать прекрасныхъ бѣлыхъ яицъ, очень похожихъ на

гусиный, — самая большія почти въ два вершка длиною, — и въ мая мѣсяцъ легла на нихъ, свернувшись въ видѣ конуса, на верхушкѣ котораго торчала голова ея. Такъ пролежала она пятьдесятъ-шесть дней, не трогаясь съ мѣста и не принимая ни какой пищи. Во все это время, термометръ, введенный между ея колѣнами, показывалъ отъ 12° до 14° градусовъ тепла болѣе противъ температуры комнаты, гдѣ стояла ея кѣвка. Смотритель, видя ее однажды очень безпокойною, поднесъ ей воды въ чашку: она выпила съ жадностью около двухъ стакановъ, — фактъ весьма примѣчательный, какъ доказательство, что холоднокровныя животныя, не только имѣютъ свою собственную теплоту, но и ощущаютъ иногда лихорадочный жаръ въ тѣлѣ. По мнѣнію Азіятцевъ, самецъ въ такомъ случаѣ приноситъ самкѣ воды во рту, и пьетъ ее. Съ тѣхъ поръ, змѣя давала пить раза четыре втеченіи іюня. Третьяго іюля она обнаружила первые признаки аппетита, проглотила съ удовольствіемъ шесть фунтовъ говядины, и вскорѣ сошла съ яицъ: въ тотъ же день начали выклеиваться изъ нихъ юные пнеончики. Первороденный имѣлъ около трехъ четвертей аршина длины при выходѣ изъ скорлупы. Выклеиваніе прочихъ продолжалось нѣсколько дней, но изъ пятнадцати яицъ, семь оказались безплодными. Молодые пнеоны весело ползали въ кѣвкѣ, купались и глотали воробьевъ. Каждый изъ нихъ на десятый день послѣ своего рожденія, скинулъ съ себя кожу, и явился въ новомъ нарядѣ. Мать не показывала ни какой заботливости о своемъ потомствѣ: кажется, что материнская любовь—чувство незнакомое змѣиному сердцу.

Въ Аравіи, Индіи, Китаѣ, на Явѣ и Суматрѣ, многія породы змѣй, по сказанію жителей, сидятъ на яйцахъ какъ птицы. Это обыкновеніе принято ли у нашихъ северныхъ змѣй? Нельзя сказать ничего достовернаго. Есть наблюденія, показывающія противное, но, можетъ-быть, они были одѣланы въ особенныхъ обстоятельствахъ, составляющихъ изъятіа изъ правила.

ПАТТИГОРСКЪ И КАВКАЗСКІЯ МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ
 въ іюль 1841. Пустыня отдѣляетъ Россію отъ этихъ на-

лебныхъ источниковъ Пятигорска. Нужны очень сильный ревматизмъ и большой запасъ терпѣнія, чтобы рѣшиться на проѣздъ Земли Донскаго Войска и Кавказской Области. Вдохновеніе не живетъ на станціяхъ за Дономъ, и мечтъ проѣзжаго тамъ рѣшительно негдѣ упріютиться, а между-тѣмъ докучливыя мухи изъ казачьихъ куреней провожаютъ васъ отъ Дона почти до Пятигорска.

Наконецъ однако жъ, преодолевъ всѣ затрудненія, вы приближаетесь къ пяти исполинскимъ горамъ Кавказа, за которыми, въ видѣ облака, рисуется снѣжное чело Эльбруса. Здѣсь русскій путешественникъ, для котораго высокая гора составляетъ такое чудо, что онъ, въ душѣ, не вѣритъ ему, пока не увидитъ его собственными глазами, забываетъ болѣзнь свою и всѣ трудности пути, чтобы восхищаться соединеніемъ красотъ грозныхъ и дикихъ съ миловидными и пастушескими. Собственно говоря, это дѣлается, не по доброй волѣ, но единственно въ угожденіе поэтамъ, которые, на русскихъ равнинахъ, дотога преувеличили высоту «горныхъ высей» и ихъ прелести, что Бештау рѣшительно краснѣетъ отъ стыда при видѣ путешественниковъ, подъѣзжающихъ къ нему со стороны старой Россіи.

Нездоровый воздухъ Георгіевска, источникъ многихъ болѣзней, былъ причиною переселенія большей части жителей его въ новый городъ, который отъ этихъ пяти горъ получилъ названіе Пятигорска. Онъ расположенъ по лѣвому берегу рѣки Подкумы, въ долину, закрытой горами, изъ которыхъ струятся знаменитыя цѣлебныя воды. Это убѣжище, съ перваго взгляду, обѣщаетъ тихій пріютъ страдалицу, ищущему утопить свой недугъ на днѣ врачующей воды; оно украшено пзвѣстнымъ числомъ строеній хорошей архитектуры, изъ прочнаго камня, между которыми первое мѣсто занимаетъ зданіе, назначенное для гостиницы, съ фасадомъ обращеннымъ на югъ; большая лѣстница, съ фронтономъ на шести колоннахъ іоническаго ордена, изсѣченныхъ изъ известковаго камня, ведетъ въ главную залу; зала въ два этажа, съ хорами для музыкантовъ; Офицерскій и Орловскій Дома для немущихъ принадлежатъ къ числу лучшихъ строеній. Но Скука имѣетъ обыкновеніе воздвигать храмы свои возлѣ всякихъ минераль-

ныхъ водъ, а въ ея всемірной эпархіи пятигорскій храмъ Скуки, считается, кажется, главнымъ.

Кавказскіе минеральныя источники были описываемы въ разныхъ сочиненіяхъ. Главный сѣрный источникъ, упрочившій славу этихъ водъ и названный «Александровскимъ» въ недавнемъ времени исчезъ; но еще есть возможность наполнить изъ трещины ванну. Нельзя не сожалѣть о потерѣ этого источника; но больные узъзаютъ отсюда съ пріятною надеждою, что со-временемъ онъ возвратится на-мѣсто. Источники Александро-Николаевскій, Константиновскій, Варвакѣевскій, Михайловскій, Сабанъевскій, Елисаветинскій, Ермоловскій, Николаевскій, оказали существенную пользу во многихъ болѣзняхъ: разумется, оказали ее пока-мѣсть, — пока не рѣшится въ медицинѣ вопросъ, оказываютъ ли вообще минеральныя источники существенную пользу или нѣтъ. Если впоследствии дѣло будетъ рѣшено отрицательно, то оказанная ими теперь существенная польза зачтется обстоятельствамъ, сопровождающимъ путешествіе и особенный родъ жизни. Всѣ-таки она не будетъ потеряна. Между-тѣмъ, я могу сказать что-нибудь болѣе или менѣе интересное объ Елисаветинскихъ и Сабанъевскихъ ваннахъ, къ которымъ прибѣгаетъ большее число посѣтителей и посѣтительницъ Кавказа.

Елисаветинскій источникъ обложенъ камнемъ: около него поставлено нѣсколько каменныхъ урнъ, въ которыя, для соблюденія чистоты, выливается остающаяся въ стаканѣ вода, откуда она протекаетъ въ землю, черезъ отверстіе, сдѣланное на днѣ урны. Для прогулки, во время питья воды, и для защиты отъ вліянія непогоды устроена галерея. Елисаветинская вода, имѣющая температуру отъ двадцати-двухъ до двадцати-четыре-хъ градусовъ теплоты по Реомюру, удобно выносіма, даже для особъ, подверженныхъ излишней чувствительности желудка. Поэтому посѣтелямъ преимущественно назначается внутреннее употребленіе этой воды. Она имѣетъ довольно пріятный вкусъ, несмотря на большое количество углекислаго газа. Приемы воды, по мѣрѣ надобности, восходятъ отъ двухъ до двѣнадцати и даже двадцати стакановъ въ день. Температура воды Сабанъевскаго источника показываетъ 32 градуса тепло-

ты, но въ ваннѣ не превышаетъ 31 градуса. Зданіе Сабанъевскихъ ваннъ раздѣлено на двѣ половины : въ каждой находятся комнаты съ ваннами , и комнаты для раздѣванія и отдохновенія , снабженныя приличною мебелью. Проведенныя изъ резервоара въ каждую ванну двѣ трубы изливаютъ двумя кранами теплую и охлажденную воду. Купальня, устроенная генеральшею Раевскою, примыкаетъ къ Сабанъевскому источнику : чистота , удобство, защита отъ наружнаго воздуха, составляютъ первыя принадлежности этого зданія , котораго красота дѣлаетъ цѣлое еще болѣе совершеннымъ. Ванны Сабанъевского источника — самыя пріятныя и наименѣ раздражительны. Большое количество угольной кислоты въ этой водѣ , въ соединеніи съ веществомъ мыловатымъ, возбуждаетъ пріятное ощущеніе въ тѣлѣ, а сѣрно-водородный газъ дѣйствуетъ какъ растворяющее, возбуждающее и потогонное средство. Сабанъевскій источникъ даетъ триста-шестьдесятъ всадеръ въ часъ.

Больные, совершивъ курсъ въ Пятигорскѣ , часто переезжаютъ оттуда къ желѣзнымъ источникамъ и къ кислымъ водамъ Нарзана. Военный конвой сопровождаетъ туда самыя упрямые ревматизмы и невралгін , для безопасности ихъ отъ горцевъ. Вода Нарзанъ весьма примѣчательна : она очень холодна , проникаетъ все тѣло и придаетъ ему бодрость и свѣжесть, *если только употребляется надлежащимъ образомъ*, — въ этомъ вся сила; при предполагаемомъ крѣпительномъ свойствѣ, она имѣетъ ничто разрушающее. Но дѣйствіе минеральныхъ водъ, вообще, очень похоже на политику Турковъ : когда они выиграютъ сраженіе, то приписываютъ это своей храбрости; когда ихъ разобьютъ, то храбрость ихъ нисколько не страдаетъ оттого , что они побѣжали при первомъ выстрѣлѣ : великій муфтіи издаетъ фетву, въ которой объясняется народу, что несчастіе случилось , не отъ недостатку въ доказанной необходимости войскъ султана, а оттого что солдаты несправно молились по пяти разъ въ сутки , неправильно дѣлали умовенія, плохо постились въ рамазанъ. Какъ бы то ни было, на кислыхъ водахъ берутся цѣльныя ванны, то есть , холодныя, и подогрѣтыя, соблюдая постепенный переходъ къ холоднымъ отъ горячихъ.

Въ Москвѣ поддѣлываютъ кислую воду Нарзанъ и кислосърную Елисаветинскаго источника; также купаются въ поддѣланной водѣ Александровскаго. Ручательство и одобреніе нѣкоторыхъ знаменитыхъ врачей, господъ Крейсига, Фогеля и другихъ, сначала внушили-было неограниченную довѣренность къ водамъ, приготовляемымъ по способу доктора Струве: но выпустить даже изъ виду товліаніе, какое необходимо должны оказывать на больного путешествіе, другою воздухъ и совершенная перемяна въ обычномъ образѣ жизни, нельзя однако жъ, при всей самонадѣянности нынѣшней химіи, забыть умаго изреченія Воклена: «*Quand on entend dire que l'art est l'émule de la nature, on est tenté de rire de pitié.*» Притомъ, въ составъ кавказскихъ минеральныхъ водъ, заключается нѣчто неудобное доннынъ для химіи.

Лучшими врачами славятся здѣсь Конради, Роджеръ, Барклай-де-Толли. Нынѣшній курсъ былъ не самый блистательный и многочисленный, но за всѣмъ тѣмъ число посѣтителей простиралось до пяти-сотъ; между ними было около трехъ-сотъ человекъ военныхъ, раненныхъ отчасти въ дѣлахъ съ горами.

Приличное распределеніе времени, діета, прогулки, досугъ, все это невольно настраиваетъ духъ и тѣло къ успешному исходу леченія. На прекрасномъ бульварѣ, при большомъ числѣ гуляющихъ, звуки музыки каждый вечеръ оглашаютъ сладкій воздухъ. Нерѣдко удалой наездникъ, продавецъ своего степовика, несется какъ стрѣла вдоль этого бульвара. Иногда бываютъ коискія скачки около ярмарки, расположенной не вдалекѣ отъ Пятигорска. По воскреснымъ днямъ, въ домѣ гостиницы бываютъ собранія, въ которыхъ томныя спазмы очень пріятно танцуютъ съ упрямыми ревматизмами. Но это не шумные балы, а скромныя увеселенія страждущихъ: каждый съѣздить на отдыхъ, чтобы утромъ вочернить въ различныхъ источникахъ воды горькой, соленой, кислой. Эти утреннія прогулки очень замѣательны, несмотря на патологическій тонъ разговоровъ, который въ нихъ господствуетъ. Съ павильона, названнаго Золотой Арфою, отарывается панорама горъ, лѣсовъ, кратеровъ, ауловъ, раздѣленныхъ ручьями; вдали простираетс

ся безконечная цѣпь горъ, покрытыхъ снѣгами, надъ которыми сгибается новый Атлантъ, Эльбрусъ. Эти снѣжныя горы являются во всемъ блескъ утромъ на безоблачномъ небѣ; къ полудню часто затягиваетъ ихъ тучами. Иногда вершина Эльбруса рисуется снѣговою тучею на небѣ лазореваго цвѣту. Къ оживленію цѣлаго недостаетъ только моря. Хосревъ-Мирза, бывъ въ 1829 году въ Пятигорскѣ, всходилъ двѣнадцатаго іюня на вершину горы Машуки вмѣстѣ съ генераломъ Эмануэлемъ, который, въ воспоминаніе этого посѣщенія, приказалъ поставить на Машукѣ монументъ. Хосревъ-Мирза написалъ здѣсь свое имя и нѣсколько персидскихъ стиховъ, въ которыхъ, по странному случаю, заключалось предсказаніе будущей судьбы этого принца. «Добрая слава, оставленная по себѣ человекомъ, лучше золотыхъ палатъ. Любезный братъ! міръ здѣшній не остается ни для кого; *не полагайся на царства земныя и на бранный міръ; онъ многихъ, подобныхъ тебѣ, воспиталъ и уничтожилъ*: поэтому, старайся дѣлать только доброе.» Эти стихи красиво вырѣзаны на доскѣ монумента. Отъ подножья его еще лучше видна живописная вершина Эльбруса, гдѣ недавно одинъ почтенный антикварій нашелъ два гвоздя, которыми былъ прикованъ къ ней Прометей. На этой прославленной горѣ, въ 1829 году, генералъ Эмануэль, академики Купферъ, Ленцъ, Менетриэ, Мейеръ, чиновникъ горнаго корпуса Вансовичъ и пятигорскій архитекторъ Бернардацци, стояли лагеремъ на высотѣ осьми тысячъ футовъ надъ поверхностью моря; ученые академики и Бернардацци, оставивъ лагерь, поднялись 10 іюля на Эльбрусъ до пятнадцатн-тысячъ-семи-сотъ футовъ, но вершины (16,330 футовъ, или 2,333 сажень) достигъ только Кабардинецъ Хиларъ. Скромная доска, вылитая въ Луганскомъ Заводѣ, передаетъ потомству память этого восхожденія на Эльбрусъ, почитавшійся неприступнымъ.

Говоря вообще, трудно гдѣ-либо при водахъ встрѣтить лучшее устройство какъ на Кавказѣ. Я посѣтилъ въ прошломъ году Карльсбадъ и Теплицъ, и нахожу, что строительная комиссія кавказскихъ заведеній, относительно къ красотѣ и соответственному расположенію частей, поставила эти строенія при минеральныхъ источникахъ на ряду

съ извѣстнѣйшими въ Европѣ. Погода нынѣшнимъ лѣтомъ въ Пятигорскѣ стояла довольно хорошая : сильныя жары прохладжались порывами вѣтру; маленькіе дожди перепали изрядка. Но 15 іюля, около пяти часовъ вечера, разразилась ужасная буря съ молніею и громомъ : въ это самое время, между горами Моллукомъ и Бештау, скончался Дермонтовъ. Съ сокрушеніемъ смотрѣлъ я на привезенное оттуда бездыханное тѣло поэта..... *Аркадій Андреевскій.*

МАНЦОНИ. Въ прошломъ мѣсяцѣ извѣстили мы о переводѣ, на русскій языкъ, двухъ прекраснѣйшихъ произведеній Манцони, но, если не ошибаемся, этотъ знаменитый современный поэтъ, италіанскій Гёте, едва ли извѣстенъ у насъ болѣе какъ по одному имени. Въ такомъ случаѣ, не бесполезно будетъ сообщить объ немъ нѣсколько подробностей : съ великимъ человекомъ читателю всегда очень пріятно вѣсть хоть бѣглое знакомство.

Графъ Alessandro Манцони живетъ въ Миланѣ, въ тихой и шумной улицѣ del Morone. Онъ здѣсь и родился. Ему теперь пятьдесятъ-семь лѣтъ. Манцони, принадлежа къ одной изъ лучшихъ семействъ той страны, получилъ блестящее свѣтское воспитаніе : онъ говоритъ и пишетъ по-французски такъ же хорошо, какъ по-италіански, а по-италіански никто лучше его не писалъ и не пишетъ. Къ этому преимуществу онъ присоединилъ еще тщательное классическое образованіе. Онъ обучался въ своемъ родномъ городѣ и занимаетъ весьма почетное мѣсто между миланскими учеными. Его домъ простъ, но удобенъ и устроенъ со вкусомъ. Онъ — врагъ роскоши и праздниковъ, на которыхъ толпится весь міръ. Манцони искренно скромный человекъ, отъ души любитъ семейныя удовольствія и общество, въ которомъ говорятъ вмѣстѣ и умъ и сердце. Его страсть — уединенныя размышленія и занятія, которымъ всегда преданы великіе люди и въ которыхъ созрѣвали прекрасныя произведенія ума человѣческаго, возбуждающія удивленіе во все времена. Войдите къ нему въ кабинетъ : вездѣ стоятъ однѣ только старыя и новыя книги. Манцони работаетъ тихо, съ терпѣніемъ трудолюбиваго человека, но зато и увѣренъ въ результатахъ своихъ произведеній. Онъ не

о томъ хлопочеть, чтобы написать по-больше, но о томъ, чтобы его произведенія были прекрасны, полезны и внушали любовь къ добру.

Morte, tu mi darai fama et riposo, «Смерть! ты доставишь мнѣ славу и покой», сказалъ Фосколо. Эту славу, которой пѣвецъ dei Sepolcri ожидалъ себя отъ потомства, Манцони уже снискалъ у своихъ современниковъ, безъ интригъ, безъ хвастовства, однимъ только достоинствомъ своихъ сочиненій и своего характера. Во всей Италіи любить и уважають его безъ мѣры. Если какой-нибудь критикъ вздумаетъ нарушить его спокойствіе, то великій поэтъ не пьетъ нужды самъ лично защищать свое произведеніе: оскорбленіе, нанесенное ему, становится всеобщимъ, какъ будто бы въ его лицѣ была унижена вся нація. Усердные почитатели его таланта преслѣдуютъ дерзкаго, который не раздѣляетъ ихъ убѣжденія. Манцони простосердечно сказалъ о себѣ, что «онъ самъ не увѣренъ въ своихъ дарованіяхъ и желаетъ свидѣтельства другихъ, которые подтвердили бы, что въ немъ дѣйствительно есть тѣ силы, которыя онъ въ себѣ подозреваетъ.» Но иногда онъ и самъ отвѣчалъ своимъ критикамъ. Шиллеръ писалъ двѣнадцать писемъ въ защиту своего «Донъ Карлоса»: Манцони, напечатавъ «Il Conte di Carmagnola», первую свою драму, которая переведена теперь на русскій языкъ вмѣстѣ съ другимъ его твореніемъ «Adelchi», написалъ одно только письмо и доказалъ Франціи, гдѣ тогда находился, что онъ знаетъ все необходимое для составленія совершенной драмы. Это огромное и прекрасное письмо, *Lettre sur l'unité de temps et de lieu dans la tragédie*, «О единствѣ времени и мѣста въ трагедіи», заключаетъ въ себѣ множество изслѣдованій и наполнено основательными и остроумными взглядами на предметъ. Оно издано Форіелемъ, къ которому было писано. Самъ Гёте, несмотря на свои семьдесятъ лѣтъ, съ жаромъ защищалъ италіянскаго поэта противъ нападковъ, которые сдѣланы были на него въ Италіи и Англии. Англійскій критикъ говоритъ, что *Il Conte di Carmagnola* — драма слабая. Судя по воодушевленію, съ какимъ германскій ученый возставалъ противъ дурныхъ отзывовъ объ этомъ сочиненіи, думали, что онъ тѣмъ унижитъ себя въ глазахъ

всего свѣта. Но этого еще мало : Гёте написалъ разборъ всей драмы *Il Conte di Carmagnola*, и въ-заключеніе сказалъ : «По самомъ строгомъ изслѣдованіи дѣла, мы убѣдились, что поэтъ, какъ нельзя лучше и вѣрнѣе, достигъ предположенной цѣли.»

Ходитъ нѣсколько литографированныхъ портретовъ Манцони, но они не даютъ ни какого понятія объ его лицѣ. Онъ совсѣмъ не такая сухая фигура, какую представляется на бумагѣ. Здѣсь только можно видѣть крупныя римскія черты его, но нельзя найти ни той доброты, ни той граціи, ни того ума, ни той непринужденности, ни той милой скромности, ни того избытку душевныхъ силъ, которыми отличается фizioномія живаго Манцони. Его глаза пронзительны и пріятны, улыбка искренна. Онъ говоритъ обо всемъ легко и занимательно, потому что знаетъ многое, и знаетъ хорошо. Если что-нибудь его увлекаетъ, онъ предается этому предмету вполне; шутки его остры, забавны и замысловаты; благородство его пріемовъ очаровательно. Онъ, по временамъ, подобно Торквато, замкается, и это отчасти стѣсняетъ его мысли. Впрочемъ органъ Манцони очень пріятенъ. Есть камей, представляющій голову Манцони и вырѣзанный съ природы; есть также и нѣсколько сходныхъ портретовъ; но всѣ они въ Италіи и составляютъ неотъемлемую собственность задушевныхъ его друзей. Ростомъ онъ не высокъ; талія его, съ годами, сдѣлалась тоньше.

Ни какія отличія не соблазняютъ Манцони : онъ удаляется отъ службы и отъ всего, что можетъ доставить ему власть въ государствѣ. Одни его сочиненія будутъ свидѣтельствовать, что онъ желалъ людямъ добра. Его высокое уваженіе къ жизни человѣческой можно видѣть въ книгѣ его *Sulla morale cattolica* : «крови одного челоука, пролитой рукою ближняго, слишкомъ много для всѣхъ столѣтій и всей земли.» И еще, въ томъ же самомъ твореніи, на вопросъ, что болѣе всего нужно для того, чтобы сохранить съ людьми миръ, онъ отвѣчаетъ : «Любить ихъ и умирать.» *Amare li e morire.*

Манцони любитъ особенно деревню и сельское хозяйство. Лишь-только наступятъ жаркіе дни, онъ оставляетъ свой

домъ, свой миланскій садикъ, и перевзжаетъ версть за шесть отъ города, на дачу свою Брузулю, чтобъ жить только съ природой. Утромъ, отворяя окно, онъ любитъ на свои поля и людей, которые считаютъ за счастье находиться подъ его властью и припѣваючи работаютъ подъ радушнымъ взоромъ добраго господина. Съ своими садовниками онъ обходится за-просто. Вся аллея, которая состоитъ изъ италіянскихъ и иноземныхъ деревьевъ, и въ которыхъ его дѣти бѣгаютъ взапуски и забавляются, насажены его собственными руками.

Манцони никогда не говоритъ о себѣ въ своихъ сочиненіяхъ: въ стихахъ его нѣтъ ни одного воспоминанія, ни одной черты изъ собственной его жизни. Благородная мать Манцони, Джулія Беккарія, гордившаяся своимъ знаменитымъ отцомъ и еще знаменитѣйшимъ сыномъ, жила вмѣстѣ съ нимъ и только еще недавно скончалась. Манцони женатъ теперь въ другой разъ, на графиню Стампа. Первая жена его, Генриетта-Луиза Блондель, поселившая въ сердца Манцони религіозность, которой въ немъ не было, умерла назадъ тому нѣсколько лѣтъ. Эта очаровательная и непорочная женщина, которую онъ любитъ и за гробомъ, одна изъ всей фамиліи удостоилась мѣста въ твореніяхъ своего мужа. Поэтъ посвятилъ ея добродѣтелямъ цѣлую драму *Adelchi*. Для старшей своей дочери, Джуліи, которая умерла тотчасъ по выходѣ замужъ, не написалъ онъ ни одного стиха.

Элегія на смерть Карла Имбонати была, кажется, самымъ первымъ произведеніемъ Манцони. Carlo Imbonati былъ другъ Джуліи Беккарія. Манцони воспѣлъ его въ такія лѣта, когда смерть дѣлаетъ живое впечатлѣніе на душу. Но онъ, вмѣсто того чтобы послушаться этого впечатлѣнія и остаться вѣрнымъ самому себѣ, скопировалъ Данте. Элегія его обличаетъ большую неопытность въ дѣлѣ поэзіи. Маленькая поэма *Уранія* есть подражаніе произведеніямъ осьмнадцатаго столѣтія въ этомъ родѣ. Послѣ того, молодой поэтъ сбросилъ съ себя цѣпи, которыя его связывали, и выступилъ на дорогу, указанную ему собственнымъ своимъ гениемъ.

Чѣмъ глубже вникаете въ произведенія Манцони, тѣмъ

больше открываете въ нихъ слѣды ума сильнаго, желающаго обхватить весь предметъ. Онъ изучилъ творенія величайшихъ писателей и сдѣлался ихъ соперникомъ въ силѣ мысли, въ выразительности и простотѣ формы, въ изяществѣ выраженія. Онъ сдѣлалъ эпоху въ языкъ италіанскомъ : отвергъ старинный риторическій періодъ и его ложныя украшенія, очистилъ слогъ отъ смѣшныхъ доскутковъ старины, которыми его увѣшивали *ради вымысленна* и мнимаго изящества, упростилъ его пути и придвинулъ его къ естественности. Языкъ Манцони, то есть, языкъ такой, каковъ существуетъ въ природѣ, есть великое пожалованіе генія сынамъ и внукамъ Италіи.

Объ его лирической поэзіи нельзя говорить хладнокровно. Это по истинѣ вдохновеніе, и вдохновеніе въ полномъ разрывѣ. Звонкія и свободныя рѣзмы. движеніе въ слогѣ, богатство чувствъ, образовъ, сильныя и величественныя эффекты, картины иногда грустныя, возбуждающія задумчивость, иногда свѣжія, красивыя, восхитительныя, все это такъ трогаетъ душу, такъ гармонируетъ съ ея завѣтными чувствами, страданіями, восторгамъ, воспоминаніями, что, читая Манцони, какъ-будто переживаешь изнова всю свою жизнь. Нѣкоторые критики удивляются простотѣ и несложности средствъ, которыми авторъ достигаетъ этого; но въ этомъ-то и состоитъ его главное средство.

Должно сказать, что независимое положеніе Манцони много содѣйствовало къ успѣхамъ его на литературномъ поприщѣ. Ни что не стѣсняло и не останавливало полнаго развитія его дарованій. Онъ имѣлъ все необходимое для того чтобы сдѣлаться замѣчательнымъ человекомъ и заниматься по своему произволу : выгоды знатнаго происхожденія, богатство, возможность располагать своимъ временемъ, словомъ, все, что подготавливаетъ успѣхъ. Отецъ его былъ образованный человекъ и пользовался большимъ уваженіемъ. Его мать была дочь того самаго Беккарини, который, своими сочиненіями, заставилъ уничтожить пытку въ Италіи и тѣмъ сдѣлался незабвеннымъ для человечества. Кромѣ-того, Манцони, подобно Эсхиллу и Шекспиру, родился въ такое время, когда одинъ періодъ искусства оканчивался и начинался новый.

Манцони не искалъ себѣ покровителей, не льстилъ публикѣ. Онъ писалъ свои драмы, не стѣсняясь ни чѣмъ, независимо отъ всѣхъ постороннихъ требованій, потому что не назначалъ ихъ для сцены. «Публика платитъ намъ деньги, говаривалъ Лопе де-Вега : такъ самый долгъ справедливости требуетъ чтобы мы писали глупости, которыя ей нравятся.» Онъ же сказалъ въ другомъ мѣстѣ : «Бѣдность и я учредили вдвоёмъ компанію для сбыту стиховъ.» Испанскій поэтъ смастерилъ до полутора ста пьесъ, прежде нежели сдѣлался самостоятельнымъ. То же мытарство прошелъ и Шекспиръ. Прихотямъ сильныхъ людей и дурному вкусу невѣждъ онъ долженъ былъ жертвовать лучшими мѣстами въ своихъ произведеніяхъ. Высокіе покровители требовали на сценѣ того языка, который они любили и употребляли между собою за-просто. Принуждая поэта уродовать здравый смыслъ, они думали, что этимъ обезпечиваютъ успѣхъ его произведеній. Всѣ вдохновенія его должны были принимать формы тогдашняго условнаго языка. Петръ Корнель терпѣлъ такую же участь. Сочиняя свои пьесы, онъ безпрестанно спрашивалъ у себя, понравится ли это его эминенціи кардиналу-герцогу, потомъ Скюдери, потомъ французской академіи, и наконецъ уже публикѣ. Не онъ ли написалъ въ одномъ изъ посвященій кардиналу Ришліё-эту презрѣнную фразу : «Вы облагородили цѣль искусства : вмѣсто того, чтобы нравиться народу, какъ учили насъ наши наставники, вы требуете, чтобы мы *правились вамъ и забавляли васъ.*» Манцони, напротивъ, дѣйствовалъ свободно, какъ Альфіері.

Первымъ его блистательнымъ подвигомъ было то, что онъ освободилъ себя отъ цѣпей единства времени, котораго такъ строго держались въ Италіи. «Природа, для своихъ дѣйствій, беретъ всегда столько времени, сколько ей нужно, болѣе или менѣе, смотря по надобности.» Единство мѣста также подверглось у Манцони гоненію : онъ не принялъ излишествъ, какія позволялъ себѣ Лопе, но не менѣе того поставилъ себя въ должной независимости. Наконецъ его здравый смыслъ согналъ со сцены *наперсниковъ* классической трагедіи, жалкихъ самоубійцъ, умерщвляющихъ себя деревянными кинжалами, и картонныхъ змѣй. Если что-

нибудь затрудняло Манцони на его литературномъ поприщѣ, такъ это именно его строгій и изысканный вкусъ, его высокое чувство справедливости, желаніе достигать всего нравственными средствами, производить только одни нравственные эффекты, и не возмущать никогда совѣсти другихъ зрѣлищами неистовыми или отвратительными, которыя новѣйшая французская школа находить очень поэтическими. Оставаясь всегда вѣрнымъ природѣ, онъ не имѣетъ нужды насиловать свое воображеніе для выдумыванія странныхъ и неслыханныхъ положеній.

Прежде твореній, составляющихъ славу Манцони, онъ написалъ *Inni sacri*, «Священные гимны»: *Il Nome di Maria*, *Il Natale*, *La Resurrezione*, *La Passione*, и, потомъ, *La Pentecoste*. Эти гимны прелестны, полны красотъ, кипятъ юностью и жизнью. Каждый изъ нихъ имѣетъ свою особенную поэтическую форму. Религіозное сочиненіе *Sulla morale cattolica* послѣдовало за первыми его пѣснями въ 1819 году. Манцони было тридцать шесть лѣтъ, когда онъ издалъ *Il Conte di Carmagnola*, годъ спустя послѣ появленія *Francesca da Rimini* Сильвіо Пелико, въ 1820 году.

Карманьола, предводитель шайки *condotticri*, съ самаго начала драмы обнаруживаетъ въ себѣ высокій характеръ. Онъ говоритъ въ венеціанскомъ сенатѣ рѣчь, которая дышетъ правдолюбіемъ и пламеннымъ чувствомъ чести. Эта рѣчь превосходна: самъ Титъ-Ливій не заставилъ бы своихъ древнихъ Римлянъ говорить лучше Карманьола. Сцена, гдѣ начальники непріятельской арміи ссорятся между собою, обрисована удивительно; дѣйствующія лица до малѣйшихъ подробностей вѣрны самимъ себѣ: ихъ фizioноміи грубы, слова необузданны, подозрительность, оправдываемая обстоятельствами, видна въ каждомъ поступкѣ. Эти люди сегодня сражаются вѣсть, но завтра они продадутъ себя другому начальнику, который дастъ больше денегъ. У нихъ нѣтъ отечества. Всякое благоразумное слово возбуждаетъ въ нихъ недоувѣрчивость къ тому, кто сказалъ его: онъ становится въ глазахъ другихъ трусомъ или измѣнникомъ. Пергола и Торелло, боясь попасть въ западню къ Карманьола, не хотятъ рѣшительнаго сраженія. Раздаются крики неудовольствія, возбужденные со стороны Форте-

браччо, Малатести и грубаго мужика Франческа Сфорцы, который долженъ потопить все войско въ рѣкѣ, и проложить своему сыну, такому же невѣждѣ, какъ и онъ самъ, дорогу къ миланской герцогской коронѣ, послѣ угасшей династїи Висконти. Пергола снова наставляетъ, чтобы не давать сраженїя : его не слушаютъ. Карманьола готовится къ побѣдѣ. Радость его не имѣетъ границъ : онъ напоминаетъ тотъ день, когда ему, отринутому и осмѣянному всѣми, пришлось бѣжать изъ Милана, и съ восхищенїемъ помышляетъ о томъ, что теперь онъ отмститъ за обиду, которую нанесъ ему Филиппо-Марїа Висконти. Сраженїе выиграно, побѣда одержана. Хоръ плачетъ надъ Италїянцемъ, зарѣзаннымъ Италїянцемъ же. Слова, которыя вложены въ уста хору, дышатъ необыкновенною прелестью. Карманьола возвращается въ Венецію. Его принимаютъ съ недоверчивостью : сенатъ ужъ заранѣе произнесъ надъ нимъ приговоръ, положилъ-предать его смерти. Въ письмѣ Манцони приведены ясныя доказательства, что венеціанскїй сенатъ велѣлъ умертвить Карманьолу, не потому чтобъ боялся его, но потому что его слава, его генїй, его успѣхи потемняли славу республики. Между-тѣмъ полководецъ, ничего не подозревая, является ночью въ Совѣтъ Десяти. Сцена гдѣ Карманьола стоитъ передъ своими неумолимыми судьями, отличается поразительными красотами, которыхъ авторъ достигъ силою своего таланта и рѣдкимъ умѣньемъ быть вѣрнымъ истинѣ. Манцони оканчиваетъ драму свою въ то мгновенїе, когда стража приходитъ за Карманьолой, чтобъ вести его на мѣсто казни. О пытку, которую вытерпѣлъ этотъ воинъ, нѣтъ ни слова.

Въ слѣдующемъ 1821 году умеръ Наполеонъ. Впечатленїе, произведенное его безславной кончиной на Манцони, внушило поэту прекрасное стихотворенїе *In morte di Napoleone; il cinque maggio*. Имя Наполеона, выставленное въ заглавіи, ни разу не встрѣчается въ самой піесѣ. Томмасео называетъ эту поэму *единственною* и предсказываетъ ей *безсмертіе*.

Въ 1822 году Манцони издалъ *Adelchi*. Сюжетъ этой драмы — завоеванїе Ломбардіи Карломъ-Великимъ; дѣйствїе въ осьмомъ столѣтїи; но кромѣ однихъ проишествїй, ни что

не напоминаетъ о тѣхъ временахъ : мысли и языкъ рѣшительно нынѣшніе. Возьмемъ для примѣру стараго короля Девиеріо : похожъ ли онъ на древняго Ломбардца , потомка сподвижниковъ Албуина ? Въ его словахъ и поступкахъ совсѣмъ не видно буйныхъ, суровыхъ страстей : то и другое носитъ на себѣ отпечатокъ высокой поэзіи , разборчивости и изяснаго вкуса, которые свойственны только нашему времени. Адельки, сынъ его, также совсѣмъ не Ломбардецъ; но этотъ по-крайней-мѣрѣ такъ милъ, такъ прекрасенъ, что можетъ-статься и не захотятъ видѣть настоящаго Адельки, когда имѣли случай полюбоваться на прелестную ложь поэта. Въ одномъ письмѣ Виктора Кузена, о свиданіи его съ Гёте въ 1827 году, сказано, что дряхлый корифей германскихъ стихотворцевъ, утратившій уже всѣ силы жизни и возненавидѣвшій всякое душевное потрясеніе, ожилъ и помолодѣлъ, когда говорилъ о Манцони и объ его Adelchi. «Манцони, говорилъ онъ : не удаляется отъ исторіи и беретъ лица въ томъ видѣ, въ каксмъ она ихъ представляетъ. Но, продолжалъ Гёте съ улыбкой : итальянскій поэтъ дѣлаетъ ихъ нашими современниками, придаетъ имъ наши характеры, наши чувства. И онъ правъ : мы можемъ интересоваться только тѣмъ, въ чемъ видимъ сходство съ собою, а не Ломбардами и Лонгобардами, которые были страшные невѣжды.» Кузенъ сказалъ наэто, что чувства умирающаго Адельки принадлежатъ самому Манцони; что Манцони, какъ поэтъ лирическій, увлекся своимъ лиризмомъ и выразилъ самаго себя въ героѣ трагедіи. — «Да, отвѣчалъ Гёте : это правда. Я давно знаю душу и чувства Манцони по его *Inni sacri* : онъ добродѣтельный и простодушный католикъ.»

Но читатели наши скоро будутъ имѣть русской переводъ какъ Adelchi, такъ и первой драмы Манцони *Il Conte di Carmagnola* : слѣдственно, было бы бесполезно говорить подробно о содержаніи этихъ піесъ.

Разсужденіе о нѣкоторыхъ вопросахъ по части исторіи Ломбардовъ въ Италіи, вышедшее въ свѣтъ въ одно время съ Adelchi, заключаетъ въ себѣ много изысканій, остроумныхъ догадокъ, и отличается здоровою критикою. Книга *Sulla morale cattolica* есть собственно опроверженіе сто-

двадцать-седьмой главы извѣстнаго сочиненія Сисмонди *l'Histoire des republicques d'Italie*. Нельзя ничего вообразить себѣ лучше и возвышеннѣе одной странички изъ этой книги, на которой Манцони говоритъ о любви къ ближнему. Авторъ требуетъ, чтобы бѣдныхъ питали не только насущнымъ хлѣбомъ, но чтобы подавали имъ и пищу духовную, питали бы ихъ сердца. Это сочиненіе еще не кончено.

Знаменитый романъ *I promessi sposi*, въ русскомъ переводѣ «Обрученныя», есть слѣдствіе того, что Манцони находилъ очень пріятнымъ выдумывать происшествія и создавать характеры. Не менѣе того онъ доказываетъ, что авторъ его глубоко изучилъ челоуька, проникъ во всѣ тайники его сердца, подмѣтилъ сокровеннѣйшія движенія души его, узналъ его добрую и дурную сторону. Дѣйствующія лица романа взяты съ разныхъ ступеней общества: между ними найдете людей всякаго роду, отъ простаго крестьянина до представителя короля Испаніи и Индіи; отъ bravo, который рѣжетъ кого ему ни укажутъ, до такого челоуька, котораго жизнь представляетъ одну безконечную цѣпь пожертвованій, и до злодѣя, котораго дерзость ругается надъ всеми законами. *I promessi sposi* явились въ свѣтъ въ 1825 году. После этого романа, которому отъ души удивлялся Вальтеръ Скоттъ, Манцони, въ продолженіи пятнадцати лѣтъ, не издалъ ни одного сочиненія; однако жъ извѣстно, что, несмотря на свое болѣзненное состояніе, онъ не перестаетъ еще заниматься. Его *La storia della Colonna infame* уже готова. Вся Италія съ востерпнѣемъ ждетъ появленія этой книги. Сверхъ того Манцони долженъ еще напечатать сочиненіе объ италіанскомъ языкѣ.

ГРѢЗЪ. ЕГО ДВА ИДЕАЛА. ИСТОРИЯ ЗНАМЕНИТОЙ ДѢВУШКИ СЪ РАЗБИТЫМЪ КУВШИННОМЪ. Кому не извѣстны чудесныя дѣтскія и женскія головки этого прелестнаго живописца? Ктѣ не знаетъ его миленькой дѣвушки, печально сидящей надъ разбитымъ кувшиномъ, изъ котораго лется вода? Происхожденіе многихъ изъ этихъ головокъ и исторія этой дѣвушки очень занимательны. *Jean Baptiste Greuze* родился въ августѣ 1725, близъ Бюсси, на берегахъ Соны. Отецъ его былъ архитекторомъ въ Турнюсь, въ той же

странъ. Архитекторъ не любилъ живописи и желалъ, чтобы сынъ его ставилъ колонны и укрѣплялъ балки : сынъ, напротивъ, не показывалъ ни какого расположенія къ архитектурѣ и обнаруживалъ не только большую склонность, но и большое дарованіе къ живописи. Это бѣсило отца. Маленькому Грѣзу было тринадцать лѣтъ. Однажды вечеромъ, дрянной живописецъ Грондонъ, проѣзжая черезъ Турнюкъ, остановился у архитектора съ цѣлымъ коробомъ картинъ.

— Не хотите ли картинъ, мосье Грѣзь? У меня есть всякаго сорту, въ какую угодно цѣну.

— Картинъ! вскричалъ архитекторъ. Не нуженъ ли живописецъ? Я вамъ отдамъ его даромъ.

Послѣ ужина, Грондонъ былъ свидѣтелемъ чрезвычайно живописной сцены между отцомъ и сыномъ. Маленькій Грѣзь, вышедши прежде другихъ изъ-за стола, нарисовалъ углемъ на полу двѣ фигуры : отца и Грондона немного подъ-хмѣлькомъ. Узнавши себя, отецъ хотѣлъ выдрать сына за уши, но Грондонъ успокоилъ его, изъявивъ, что беретъ маленькаго бунтовщика къ себѣ на фабрику. И действительно, у Грондона была настоящая фабрика картинъ, портретовъ, вывѣсокъ; онъ работалъ и для замковъ и для кабаковъ. Въ мастерской его находилось съ пол-дюжины маленькихъ маляровъ; каждый въ недѣлю приготавливалъ по картинѣ. Грѣзь, чтобы отличиться передъ товарищами, сталъ писать по картинѣ въ день. Такая сверхъестественная дѣятельность скоро истощила бы талантъ обыкновенный, но Грѣзь, какъ онъ самъ говаривалъ, рубилъ картины съ-плеча. Для него, написать картину было игрушкой.

Выработавши денжонокъ, Грѣзь, который былъ мальчикъ очень не дурной собою, подобно всемъ гениальнымъ живописцамъ захотѣлъ побывать въ Италіи. Онъ не искалъ вдохновенія, углубляясь въ созерцаніе великихъ образцовъ искусства въ картинахъ великихъ художниковъ, не тратилъ времени на изученіе генія Рафаэля: его удивляли женскіе этюды этого царя живописцевъ, а еще болѣе, одна прелестная Римляночка, истинное чудо красоты. Онъ привезъ съ собою въ Римъ нѣсколько рекомендательныхъ писемъ. Одно изъ нихъ ему пригодилося. Отпраздновавши, съ

своими академическими пріятелями, день своего пріѣзду въ столицу искусствъ, Грѣзь отправился прямо во дворецъ герцога del Ogr*** Герцогъ принялъ его чрезвычайно милостиво, какъ челоуѣка, въ которомъ онъ предчувствовалъ гениа. Грѣзь прибылъ очень кстатн : обожаемая дочь герцога бредила живописью; ей надобенъ былъ учитель; выборъ палъ на Грѣза. Увидѣвши въ первый разъ герцогскую дочь, Грѣзь потерялъ голову. Завтра — новый урокъ. «Геній живетъ въ сердцѣ», думалъ Грѣзь, и кисть его надѣлала чудеса. Грѣзь полюбилъ Летицію, какъ обыкновенно любить въ его лѣта, — съ энтузіазмомъ. Онъ былъ любимъ взаимно : души любовниковъ, учителя и ученицы, развернулись въ одно время. Ихъ любовь не была любовь чувственная : это было то невыразимое чувство, которое, подобно эмиіаму, каждый день возлетаетъ къ небу изъ нашей земной юдоли. Грѣзь былъ счастливъ своею любовью, еще болѣе любовью Летиціи. Но... увы! блаженство его прошло очень скоро, какъ проходитъ все блаженное въ этомъ мірѣ : оно заключалось во взглядъ, улыбку, слезу, ни въ чемъ болѣе : но развѣ все это — не радость, не счастье, не блаженство? Грѣзь предчувствовалъ, что любовь его должна погибнуть подъ ударами строгаго разсудка : бѣдняку, ничтожному живописцу, если бы даже онъ былъ столько же великъ какъ Рафаэль, обожать герцогиню Летицію, значило по-пусту терять время. Грѣзь разсудилъ, что ему всего лучше уйти изъ палаца Ogr***, чтобъ скрыть отъ Летиціи свою любовь, свои горести и свои слезы. Грѣзь разсказалъ все своему другу Фрагонару, который расхохотался надъ этими чувствами. Фрагонаръ учился любви въ другихъ школахъ : онъ рисовалъ портреты съ актрисъ. Можно представить себѣ, каковы были эпиграммы, которыми этотъ другъ и товарищъ осыпалъ бѣдняжку Грѣза. Грѣзь удалился отъ свѣта, взявъ въ подруги своей жизни меланхолію, и хотѣлъ изгнать изъ своего сердца воспоминаніе объ очаровательной Летиціи. Но напрасно : куда бы онъ не обращалъ свои взоры, всегда онъ встрѣчалъ образъ этой волшебницы; брался ли онъ за кисть, на полотнѣ, какъ-будто волшебствомъ, являлись черты обожаемой женщины.

Чажды, когда онъ, въ церкви Святаго Петра, снималъ

очеркъ съ какой-то картины, къ нему подошелъ герцогъ Отг...

— Что это значитъ, Грѣзь? почему вы не бываете у насъ? Съ тѣхъ поръ, какъ васъ нѣтъ, дочь моя совсѣмъ перестала заниматься живописью. Приходите, любезный другъ! А я между-тѣмъ купилъ двѣ тиціановскія головки. Старикъ, дядя мой, хочетъ чтобъ Летиція сдѣлала для него съ нихъ копіи. Приходите, помогите ей.

На-завтра, Грѣзь явился въ палаццо, блѣдный и трепещущій при одной мысли увидѣть вновь обожаемую Летицію. Но онъ не выдалъ ея. Со вчерашняго дня Летиція лежала больная въ своей комнатѣ, больная оттого что давно не видала Грѣза. Онъ одинъ началъ копію съ Тиціана. На другой день, въ то время, какъ онъ, въ грустной задумчивости, стоялъ передъ картиною великаго художника, къ нему съ таинственнымъ видомъ подошла горничная Летиціи. — Подите за мной, сказала она ему.

Грѣзь взглянулъ на дѣвушку, какъ-будто не понимая ее. — Идите за мной, повторила она.

Грѣзь повиновался. Его ввели въ комнату, слабо освѣщенную солнцемъ, котораго лучи съ трудомъ проникали сквозь шелковыя занавѣски. Въ тѣни, на широкихъ креслахъ, покоилась томная Летиція. Лице ее, покрытое смертельною блѣдностію, вспыхнуло, когда она увидѣла передъ собой Грѣза. Въ безмолвіи, она подала ему свою руку; Грѣзь упалъ на колѣни, и поцѣловалъ эту прелестную бѣленькую ручку. Бѣдная герцогиня вспыхнула отъ радости; она подняла голову, и бросила на Грѣза свой очаровательный взглядъ.

— Вы меня не любите больше, Грѣзь? Не смотрите на меня, какъ на вѣтреницу..... Ахъ! я васъ люблю, Грѣзь,.... буду любить всегда.... Но вы?

Она склонила головку, какъ-будто ожидая отвѣта. Грѣзь не находилъ что отвѣчать. Онъ снова поцѣловалъ руку Летиціи.

— Да, Грѣзь.... зачѣмъ скрываться?.... я люблю васъ! А вы?

Грѣзь молчалъ. Онъ плавалъ въ невыразимомъ восторгѣ.

Летиція приняла это молчаніе въ другую сторону, отдернула руку, и зарыдала.

Грёзь наконецъ опомнился.

— Люблю ли я васъ! вскричалъ онъ, обливаясь слезами. Люблю ли я васъ, Летиція!.... Я сошелъ съ ума, съ той минуты какъ васъ увидалъ.

Она упала къ нему въ объятія. Втеченіи нѣсколькихъ секундъ, ихъ существа слились въ одно сердце, въ одинъ вздохъ, въ одну душу. Грёзь первый вспомнилъ объ опасности.

— Боже мой, какія мыдѣти! сказалъ онъ. Летиція, вспомните только, что вы дочь герцога Огг^{***}; а я.... я бѣдный, ничтожный, безславный живописецъ. Любовь жестоко играетъ нами.

— Ты не знаешь самъ что говоришь, милый, шептала Летиція. Ну такъ что жъ?... Живописецъ?... Что жъ мнѣ за дѣло! Слава?... она будетъ, если у тебя есть сердце для любви. Состояніе?... да развѣ деньги дѣлаютъ насъ счастливыми?... О нѣтъ, саго Grese! я знаю немножко, что счастье зависитъ не отъ богатства. Не ужели ты думаешь что у меня не достанетъ духу быть твоей женой, и раздѣлять твою участь?

— Другъ мой! мой ангелъ!.... Но отецъ твой....

— Отецъ, отецъ!.... Да, я знаю: онъ думаетъ, что я отдамъ свою руку этому гадкому, этому несносному графу Ралл^{***}; но нѣтъ, я никогда не выйду за него.... никогда! Я богата наслѣдствомъ матери: тебѣ. Грёзь, я отдаю мое сердце, мою душу, все что у меня есть. Поведемъ, поселимся въ какомъ-нибудь уголкѣ Франціи. Бѣдная хижина будетъ казаться дворцомъ супругъ новаго Тиціана. Но ты молчишь, Грёзь?... Такъ-то ты меня любишь?

Грёзь былъ увлеченъ чувствомъ. Онъ забылъ своеположеніе, онъ осмѣлился мечтать о счастья соединиться съ этою очаровательною женщиною, которую любилъ больше жизни, славы, искусства. Поцѣлуй Летиціи вывелъ его изъ себя. Это былъ небесный восторгъ, неземное упоеніе. Однако жъ надобно было разстаться. Грёзь вышелъ радостный, счастливый, восхищенный. Онъ далъ себѣ слово прійти на другой день.

Но за порогомъ палатца, Грѣзь почувствовалъ все свое ничтожество. Прости упоеніе! прощай счастье! Грѣзь снова сталъ благоразумнымъ. «Нѣтъ, говорилъ онъ самъ себя: нѣтъ! я не хочу, я не долженъ быть причиной отчаянія герцога Огг^{***}. Летиція ослѣплена: мой долгъ остановитъ се, потому что ея любовь дороже для меня, чѣмъ собственное мое счастье.

На-завтра, когда Грѣзь пришелъ къ Летиціи, онъ былъ блѣденъ и въ отчаяніи: побѣда, одержанная надъ сердцемъ, стояла ему горькихъ слезъ.

— Чтò съ тобой, милый? ты печаленъ? сказала Летиція, бросаясь ему на шею.

— Да, мнѣ грустно, Летиція. Я люблю тебя.... много, много! но чувствую, что долженъ отъ тебя отказаться.

— Ты съумасшедшій, Грѣзь. Такъ ты только игралъ мою привязанностью? Вчера ты говорилъ совсѣмъ иначе. Все готово. Видишь, какъ много я люблю тебя?

— Вчера мы оба были въ заблужденіи; вчера я слушался только своего сердца. Сегодня....

— Такъ ты это говоришь не шутя? вскричала Летиція, почти въ гнѣвъ. Ты меня уже не любишь, Грѣзь? Ты притворялся, ты хотѣлъ растерзать мнѣ сердце..... Ступай! ступай! оставь меня! продолжала она упавая въ кресла. Ты убиваешь меня; ты поразилъ мое сердце..... жестокий! Я буду страдать одна; я никогда больше не увижу тебя.

И, трепетной рукой, она указала Грѣзу на дверь. Какъ и вчера, Грѣзь не имѣлъ силы удержать порыву своей страсти: онъ упалъ къ ногамъ Летиціи, осушилъ своими устами прелестные глаза Италіянки, молилъ ее о прощеніи, клялся въ вѣчной любви.

— Хорошо! сказала она рѣшительно. Вдемъ же сейчасъ. Луція поѣдетъ съ нами. Батюшки нѣтъ въ Римъ: онъ у графа Pall^{***}. Когда онъ воротится, мы будемъ уже далеко. Пойдемъ черезъ садъ: насъ ждетъ карета.

Она съ Грѣзомъ была уже близъ двери.

— Не забыла ли я чего? сказала она, возвращаясь, и побѣднѣла.

Грѣзь замѣтилъ, что она шатается.

— Летиція, чтò съ тобою?.... Поспѣшимъ, пора!

— Взгляни, Грёзь, взгляни, сказала Летиція, поблѣднѣвъ ешеболе.

И, туманный взоръ ея былъ устремленъ на портретъ, который висѣлъ посреднѣвъ комнаты. Это былъ портретъ отца ея, работы Грёза : какъ во всѣхъ головахъ Грёза, въ этой головѣ было столько нѣжности, что на нее нельзя было смотрѣть безъ глубокаго участія. Благородное, значительное лицо имѣло какое-то меланхолическое выраженіе, которое говорило прямо сердцу. Казалось, герцогъ съ печальнымъ упрекомъ смотрѣлъ на бѣгство своей дочери. Этотъ нѣжный взоръ, который она привыкла видѣть каждую минуту, который встрѣчала она пробуждаясь, принявъ въ эту минуту такое печальное, скорбное выраженіе, какого она никогда еще въ немъ не замѣчала.

— Батюшка! сказала она.

И въ сердцахъ ея въ это мгновеніе происходила борьба между долгомъ и любовью, между отцомъ и другомъ сердца. Грёзь молчалъ : голосъ замеръ въ его груди.

— У меня нѣтъ силъ итти далѣе, сказала она Грёзу. Поддержи меня, уведи меня.

Грёзь тоже глядѣлъ на портретъ : ему казалось, что передъ нимъ стоитъ герцогъ, безмолвный и печальный.

— Я тоже не могу итти далѣе. Останемся, Летиція. Это предвѣстіе Неба.... О Боже мой! Боже мой! сжался надо мною. Послѣдній поцѣлуй, Летиція, и.... простимся навѣки!

Летиція не отвѣчала.

— Если нужна жертва, продолжалъ Грёзь : принесемъ ее твоему отцу. Не пойдѣмъ далѣе.

Летиція зарыдала, протянула къ Грёзу руку, и, задыхаясь, сказала : — Благодарю васъ, Грёзь.

Грёзь ушелъ, въ полной рѣшимости не возвращаться. Горничная, которая его провожала, сказала ему : — До свиданія, синьоръ Грёзь. Надобно признаться, вы плохой атогосо. Другой, на вашемъ мѣстѣ, не пропустилъ бы случая.

Черезъ пять недѣль послѣ этого, въ мастерскую къ Грёзу вошелъ герцогъ Огг***.

— Любезный Грѣзь, дочь моя непременно хочетъ имѣть портретъ вашей работы. Нельзя ли вамъ принести завтра?

— Буду, отвѣчалъ Грѣзь.

На другой день, бѣдный художникъ былъ въ палатѣ Отта. Графъ Рапп сидѣлъ на софѣ, подлѣ Летиціи. Увидѣвъ Грѣза, она покраснѣла и вздохнула.

— Моя дочь замужемъ: неужели я забылъ уведомить васъ объ этомъ? сказалъ герцогъ, подводя Грѣза къ своему зятю.

Грѣзь поклонился, не говоря ни слова.

Нокуда Грѣзь работалъ, Летиція два раза оставалась съ нимъ наединѣ: въ первый, ему дали локонъ волосъ; въ послѣдній, онъ просилъ прощальнаго поцѣлуя: ему дали только слезу.

Окончивъ портретъ, Грѣзь унесъ его въ свою мастерскую, подлѣ предлогомъ, что нужно кончить платье и другія принадлежности; но на другой день его уже не было въ Римѣ: онъ ухалъ и увезъ съ собою это мастерское произведение искусства и любви.

Воротаясь во Францію, онъ написалъ pendant къ этому портрету. Летиція была не первая женщина, которую онъ любилъ: онъ некогда любилъ другую женщину, Элеонору, благородную супругу чудака Грондона. Онъ нарисовалъ портретъ Элеоноры на-память. Сходство этого портрета такъ же поразительно какъ и перваго. Послѣ, одинъ принцъ, путешествуя инкогнито, увидѣлъ въ мастерской живописца эти двѣ очаровательныя головки, и предлагалъ за нихъ Грѣзу двадцать тысячъ франковъ. — Я не возьму за нихъ всѣхъ сокровищъ этого міра, отвѣчалъ художникъ.

Грѣзь часто писалъ въ своихъ картинахъ лица двухъ милыхъ женщинъ, которыхъ любилъ онъ такъ нежно и пламенно.

Черезъ осемь лѣтъ, по возвращеніи во Францію, Грѣзь получилъ отъ Летиціи письмо, котораго отрывки начертаны госпожею Валори. «Да, любезный Грѣзь, ваша старая учительница — теперь мать семейства: у меня четверо очаровательныхъ дѣтей, которыхъ я обожаю. Старшая дочь

моя могла бы служить образцомъ для вашей волшебной кисти. Она прекрасна, какъ ангелъ : спросите у князя д'Эсть. Я счастлива какъ нельзя болѣе. Мужъ заставляетъ меня думать , что я все такъ же молода и мила какъ была : столько онъ меня любитъ ! Какъ я вамъ говорила , мое счастье есть ваше твореніе; уваженіемъ, которымъ меня окружаютъ, я обязана вамъ. Каждый день, я съ улыбкою благодарности воспоминаю, что ваше великодушіе не допустило меня растерзать сердце отца моего. Онъ любитъ васъ по-прежнему. Когда молва о вашей славѣ дошла до насъ, онъ былъ въ восторгѣ, а я благодарила Бога, и не могла побѣдить въ себѣ маленькаго тщеславія, при мысли, что и я способствовала нѣсколько вашей знаменитости.»

Исторія Элеопоры, первой любви Грѣза, тоже чрезвычайно занимательна. Онъ никому въ своей жизни не повѣрялъ ея, кромѣ двухъ лицъ, — Гретри и Флоріана. Мы передадимъ ее по указаніямъ Флоріана. Грѣзъ вздѣлъ съ Флоріаномъ, который въ то время былъ драгунскимъ капитаномъ, въ знаменитый замокъ d'Апет, списывать копію съ древняго портрета Діаны Поатіерской. Однажды вечеромъ, прогуливаясь вдвоемъ, они остановились въ одномъ изъ боскетовъ, окружающихъ ключъ Діаны :

— Отдохнемъ здѣсь, сказалъ, Грѣзъ. Я вспомнилъ объ одномъ происшествіи въ моей молодости. Воспоминаніе это такъ меня поразило, что я едва держусь на ногахъ.... Ахъ! юность, любовь.... романы жизни!

Грѣзъ сѣлъ на дерновую скамью.

— Вамъ я могу вѣрить это, мосьё Флоріанъ, несмотря что вы служите въ драгунахъ. Вы поймете меня, потому что вы сами поэтъ. Мнѣ было двадцать лѣтъ; я былъ въ лучшемъ возрастѣ моей жизни; я съ наслаженіемъ рисовалъ женскія головки и любилъ какъ съумасшедшій.... Увы! кого, думаете вы, любилъ я такъ пламенно?... Жену моего учителя. Это было прелестное созданіе, которое онъ отыскалъ въ окрестности Воклюзскаго источника, страши любви и красоты. Въ первый разъ, когда она вошла въ нашу мастерскую, кисть выпала у меня изъ рукъ; во второй, сердце мое сильно забилося; наконецъ, эта роковая любовь совсѣмъ овладѣла мною. Я годился писать только выѣски:

любовь открыла мнѣ тайну граціи и гармоніи. Прошло нѣсколько недѣль, я не осмѣливался сказать ей о любви моей, и безъ фіолетовой туфли, Богъ выдаетъ, узнала ли бы она чтѣ-нибудь. Однажды утромъ я рисовалъ маленькаго Савояра, для дрянной картинной галереи какого-то стараго маркиза. Вдругъ въ нашу мастерскую, которая находилась невдалекѣ отсюда, входитъ она, въ простомъ, прелестномъ бѣломъ утреннемъ платьѣ. Ея густые черныя волосы вырывались изъ-подъ маленькаго чепца; ея едва обрисованный станъ невольно привлекалъ взоры. Она была въ прехорошенькихъ фіолетовыхъ туфляхъ, слишкомъ широкихъ для ея маленькой ножки. Рисуя своего Савояра, я поглядывалъ на нее искоса, но во взорѣ моемъ была вся моя душа. Она подошла ко мнѣ, стала за моимъ стуломъ. — «Хорошенькой Савояръ», сказала она, взглянувъ на картину. Ея плечо касалось моего плеча; ея дыханіе волновало мои волосы. Я готовъ былъ потерять голову, какъ-вдругъ раздался голосъ моего хозяина. Элеонора выпорхнула и исчезла, какъ птичка, но одна изъ ея туфель осталась на дорогѣ. Какъ сумасшедшій, бросился я на эту туфлю, цѣловалъ, прижималъ къ сердцу. Я такъ былъ увлеченъ страстью, что не замѣтилъ, какъ ко мнѣ подошла малютка Жаннета, та самая Жаннета, которая теперь мадамъ Гретри. Удивленная тѣмъ, что я съ такимъ восторгомъ цѣлую туфлю матери, она побѣжала рассказывать это отцу: она первая открыла Элеонорѣ любовь мою. — «Какой ребенокъ!» сказала та, испукавшись. — «Ребенокъ, у котораго есть однако жъ глаза», пробормоталъ Грондонъ, улыбаясь, чтобъ скрыть свою ревность. Завтракъ прошелъ въ молчаніи. Послѣ обѣда, Жаннета, по приказанію матери, пришла просить у меня фіолетовую туфлю. Я отвѣчалъ, что не видалъ ни какой туфли. На другой день, боясь объиску, я взялъ туфлю, пришелъ въ этотъ садъ, гдѣ я любилъ мечтать на-просто-рѣ, и спряталъ ее въ этомъ боскетѣ. Цѣлый мѣсяць, я каждый вечеръ приходилъ въ боскетъ. Меня никто не тревожилъ, исключая стараго садовника, который увѣрялъ меня, что его натуральныя розы гораздо лучше тѣхъ, которыя я рисую... Счастливое время! Дни проходили какъ часы, часы — какъ золотые сны! Сердцу моему нужно было

немножко уединенія, немножко тѣни, и.... фиолетовая туфля! Что вы на это скажете, любезный поэтъ пастушечь? Между-тѣмъ пропавшая туфля очень беспокоила Элеонору. Однажды, будучи въ мастерской въ то время, какъ Грондонъ провожалъ какого-то почитателя, она почти съ строгостию сказала мнѣ: «Что жъ моя туфля, Грѣзь? гдѣ она?»— Въ саду, отвѣчалъ я съ трепетомъ. Приидите взять ее тамъ, въ боскетъ. — «Вы съ ума сошли, Грѣзь.» Въ эту минуту вошелъ Грондонъ, и она запѣла ангельскимъ голоскомъ: *Entendez-vous la cognemise?* — Черезъ нѣсколько дней, Грондонъ уѣхалъ куда-то, гдѣ ему нужно было подновить старую картину. Онъ хотѣлъ-было взять меня съ собою, но на это потребовалось бы лишнихъ франковъ двадцать. — «Это больше чѣмъ ты самъ стоишь», сказалъ онъ. Скупость взяла верхъ надъ ревностью: онъ уѣхалъ одинъ; а я, чаще чѣмъ прежде, сталъ бродить около этого боскета. Элеонора происходила по прямой линіи отъ нашей общей матери: она была любопытна какъ Ева, и пришла къ запрещенному древу. Въ одинъ вечеръ, такой же прекрасный вечеръ, какъ сегодня, я сидѣлъ здѣсь и вздыхалъ, волнуемый радостью и любовью. Вдругъ слышу звонкій голосокъ маленькой Жаннеты. Я посмотрѣлъ сквозь листья, и увидѣлъ въ аллеѣ мадамъ Грондонъ съ дочерью. Дочь прыгала, мать была печальна и задумчива.... Ахъ, какъ она была хороша, освѣщенная слабымъ свѣтомъ вечера! Сколько граціи было въ ея меланхоліи, сколько кротости въ ея задумчивости! Она шла въ мою сторону. Садовникъ, проходя мимо ея, и думая, что она ищетъ меня, сказалъ ей, что я въ боскетъ. Она не отвѣчала ни слова. Добрый старикъ остановилъ Жаннету и сорвалъ для нея нѣсколько розъ. Жаннета, радуясь, что у нея будутъ цвѣты, отстала отъ матери, и побѣжала за садовникомъ. Я скрывался въ боскетъ какъ змѣя: каждый шагъ Элеоноры отражался въ моемъ сердцѣ. Она была уже близко: я схватилъ туфлю и началъ цѣловать ее съ новымъ восторгомъ. Въ этомъ движеніи было, можетъ-статься, немножко шарлатанства, потому что Элеонора могла уже меня видѣть. Но развѣ любовь, самая благородная, не есть то же шарлатанство? Мадамъ Грондонъ замѣтила меня въ ту минуту, какъ я цѣло-

Валъ ея туюлю. Ей хотѣлось расхохотаться, но эта романтическая привязанность, тронула ее: она печально улыбнулась. — Сударыня, вотъ ваша туюлю, сказалъ я, бросаюсь къ ногамъ ея. — Она вздохнула. «Какое ребячество! прошептала она. Встаньте же, и перестанемъ говорить объ этомъ.» И говоря это, она прелестными пальчиками расправляла мнѣ волосы: въ двадцать лѣтъ у меня волосы были чудесные. Я всталъ и поцѣловалъ ея руку. Она чувствовала, что съ этимъ поцѣлуемъ, на руку ея упали горячія слезы, и, увлеченная моею любовью, она склонила свою головку ко мнѣ на плечо. «Грѣзь, сказала задыхающимся голосомъ: ради Бога, перестаньте любить меня. Это погубитъ насъ обоихъ. Я не могу любить васъ..... нѣтъ, я не могу любить васъ: сердце опасный врагъ.» — Вы правы, отвѣчалъ я: точно, сердце опасный врагъ. Я не долженъ ничего ждать отъ васъ. Но зачѣмъ же хотите вы погасить мое чувство? Это — единственное мое благо; оно ни кому не мѣшаетъ, даже вамъ, сударыня. — Элеонора, со вздохомъ, покачала головой. Нѣсколько секундъ мы молчали, прислушивались къ вѣтру, который шевелилъ листья, внимали жужжанью пчелы, пѣнію соловья, но больше всего біенію нашихъ сердець. Я теперь старъ, но отдалъ бы много дней изъ моей жизни за такое мгновеніе. Элеонора трепетала отъ любви, а я едва осмѣлился прикоснуться губами къ волосамъ ея. Наконецъ она подняла голову, взглянула на меня съ неизъяснимою пѣжностью, хотѣла сказать мнѣ что-то, но мои губы похитили ея слово. Это было слишкомъ много, и слишкомъ мало: этимъ все кончилось. Она хотѣла вырваться изъ моихъ объятій; я удержалъ ее. «Зачѣмъ скрывать, что вы меня любите?» сказалъ я страстно. Въ эту минуту, дочь ея пронзительно вскрикнула, приближаясь къ намъ. «Зачѣмъ скрывать? произнесла она: зачѣмъ?... Вотъ отвѣтъ, который Небо мнѣ посылаетъ.» И она указала пальцемъ на Жаннету. Мы вышли изъ боскета. Солнце, начинавшее скрываться за тучи, бросило на лицо ея магическій лучъ, который ослѣпилъ меня, Небо явилось къ намъ на помощь: материнская любовь одержала побѣду. До этого времени я любилъ съ преступными надеждами: съ этой минуты, уста мои закрылись для

Ропотъ, душа моя возвысилась до обожанія. Въ глазахъ моихъ Элеонора не была уже женщиной : это былъ идеальный образъ, на который иногда дозволяется взглянуть поэту, лучъ неземной красоты, который порой озаряетъ беднаго живописца здышняго міра. Я часто хотѣлъ изобразить эту картину, которая до-сихъ-поръ сохранилась въ душѣ моей, но мнѣ никогда это не удавалось : рука моя трепетала, сердце туманило взоръ ; я не могъ написать ничего порядочнаго.

Флоріанъ отвѣчалъ : — Разсказъ вашъ меня тронулъ. Это самая благородная, прекрасная повѣсть.

— Я вручаю ее вамъ, сказалъ Грѣзь.

— А я сохранию ее въ глубинѣ моего сердца, до лучшаго времени. Но, вотъ, кстати, и наша Агнеса идетъ къ ключу съ своимъ кувшиномъ. Вы мнѣ обѣщали картину : ну, мосьё Грѣзь, за работу ! Агнеса — миленькая поселянка, пейзажъ веселый, ключъ живописенъ.

— Но ваша Агнеса вовсе не думаетъ идти къ ключу, возразилъ Грѣзь.

— Чортъ возьми ! куда жъ это идетъ она ? вскричалъ Флоріанъ. Что бы это значило ?... она поставила кувшинъ на траву и идетъ по дорожкѣ въ паркъ. Тутъ вѣрно кроется какая-нибудь любовишка.... А ! понимаю : его высочество герцогъ пантievрскій пригласилъ къ себѣ въ замокъ молодого скульптора, который покуда изволитъ нѣжинчать съ Агнесою. Теперь четыре часа : въ это время онъ обыкновенно прогуливается въ паркъ ; Агнесъ хочется съ нимъ встрѣтиться.... Съ Богомъ !

— Да кто жъ она такая, эта хорошенькая Агнеса ?

— Дочь здышняго садовника.

— Клянусь честью, это самая свѣженькая роза во всемъ саду.

— Въ прошломъ году, его высочество изволилъ сказать ей, что она очень мила : комплиментъ принца вскружилъ женскую голову. Если отецъ не присмотритъ за ней, она пойдетъ далеко.

— Для хорошенькой дѣвочки это дорога нетрудная, но она скользкая.

— Посмотрите-ка, вонъ она возвращается.... какая печальная!

— Вижу. Повѣса-скульпторъ, вѣрно сорвалъ у ней нѣсколько поцѣлуевъ за этими деревьями.

— Ничего! Они оба молоды. Въ девятнадцать лѣтъ любовь — упоеніе.

— Вотъ она подняла кувшинъ и идетъ.... Какъ бы мнѣ хотѣлось нарисовать ее въ этомъ видѣ!

— Но въ вашей картинѣ всё-еще не доставало бы чего-то.

— Чего же, вы думаете?

— Поцѣлуя, сорванного скульпторомъ.

— У живописи есть для этого свои средства. Мнѣ очень легко изобразить поцѣлуй аллегорически: стоитъ только дать ей въ руки разбитый кувшинъ.

— Этимъ вы выскажете уже слишкомъ много: она не разбила еще своего кувшина. Однако жъ идея ваша очень остроумна. Впрочемъ дѣлайте, какъ хотите.... За работу, любезный Грѣзь! Картина ваша будетъ называться *Разбитый кувшинъ*.

— А вы, покуда я буду писать эту картину, напишете исторію, которую я рассказалъ вамъ, и назовите ее *Фиолетовая туфля*. Но.... что я говорю? это не исторія: это исповѣдь. Не оскверните ее въ книгѣ.

Грѣзь написалъ свой «Разбитый кувшинъ». Всѣмъ вамъ извѣстно это прелестное личико, которому столь многіе старались подражать, и въ которомъ живописецъ умѣлъ соединить улыбку невинности со взглядомъ, выражающимъ грусть.

Написавши множество картинъ, разсѣянныхъ нынче по разнымъ галереямъ Европы, картинъ, за которыя любители платятъ огромныя суммы, Грѣзь умеръ въ 1805 году, въ совершенной нищетѣ. Франція никогда не умѣла оцѣнить его таланта.

Благодаря.... Богъ знаетъ кого, Грѣзь занималъ маленькой уголокъ въ Луврѣ. Сосѣдство Тюильрійскаго Дворца каждое утро заставляло его говорить своей дочери: «Милая Каролина, кто у насъ сегодня король?» Грѣзь до конца жизни сохранилъ свою меланхолическую веселость: его

печалила только мысль, что онъ оставляетъ дочь безъ состоянія и безъ покровителей. Предчувствуя приближеніе смерти, онъ взялся за кисть : это былъ послѣдній проблескъ его генія. «Нѣтъ, говорилъ онъ : я не хочу умереть, не оставивъ чего-нибудь моей бѣдной Каролинѣ.» Послѣднимъ произведеніемъ его былъ портретъ съ самого себя и портретъ дочери. Его портретъ былъ лучшій на выставкѣ 1805 года. Вся удивлялись бойкой кисти осьмидесяти-лѣтняго живописца : въ этомъ портретѣ мы находимъ то же чувство, которое одушевляетъ всю головы Грѣза. Чтò жъ сдѣлала Каролина съ портретомъ своего отца? «Продай его : тебѣ дадутъ за него сто лудоровъ,» говорилъ онъ. Каролина сохранила отцовскій портретъ и продала свой.

Между-тѣмъ Грѣзъ уже нѣсколько дней не вставалъ съ постели. Для него все было кончено : онъ не имѣлъ силъ бороться со смертію. Одинъ только Бартеlemi пришелъ проститься съ нимъ.

— Ну чтò, Грѣзъ?

— Чтò? Учусь умирать. Если когда-нибудь вздумаешь изобразить смерть, представь себя, что это дурная мать, которая усыпляетъ дѣтей своихъ, чтобъ поскорѣе отъ нихъ отдѣлаться. Я ужъ забываю чтò говорю, скоро вовсе не буду говорить.

— Полно, полно, Грѣзъ! Люди не умираютъ въ первый день весны.

— Боже мой! съ вашею глупою революціею, забудешь право и времена года. Чтò у насъ теперь, *ventôse* или *germinal*?

— Не всё ли равно? Посмотри, какая чудесная погода.

— Очень радъ. Для моего путешествія это кстати. Прощай, Бартеlemi! Жду тебя къ себѣ на похороны : ты будешь идти одинъ, какъ собака за гробомъ бѣдняка. Прощай, другъ мой! Ступай съ Богомъ. У меня едва остается времени помолиться за себя и за дочь. Правда и то, будетъ время молиться тамъ.

Кончина Грѣза удивила весь Парижъ : полагали, что онъ давно уже умеръ.

— Какъ! такъ Грѣзъ былъ еще живъ?

Онъ умеръ въ ливнегъ, оставленный вдовамъ.
 Что жь онъ мелчалъ? сказать Нанолсонъ.
 Со юномъ тмъ, Нанолсонъ ничего не оладъ для его
 дщери. Блнная Каролнна нгмоу и кнстю' должна была
 заработать наущный хлбъ свой. Ей никто не по-
 талъ, исключая мамъ де-Валоръ.

ТРИ ДОЧЕРИ ГРЕТРИ. Какъ мы вась говорили о
 Грѣзѣ, те ужъ нельзя не присовоудить нѣсколькихъ словъ
 и объ другъ его Гретри, который былъ женатъ на дочери
 Элеоноры. Самъ Грѣзъ познакомилъ его съ Грндонами.
 Гретри былъ моложе его шестнадцатю годами, и родомъ
 Бельгидецъ, какъ это ужъ заведено въ музыкѣ съ нѣкото-
 рого времени. Онъ родился въ 1741 году, въ Литтикѣ, отъ
 небогатыхъ родителей, тамошнихъ граждавъ, а умеръ въ
 1813, близъ Парижа. Гретри, основатель той музыки, кото-
 рая теперь называется *французскою*, былъ, какъ компози-
 торъ, въ тысячу разъ ниже Грѣза, какъ живописца; одна-
 ко жь умеръ богатымъ и славнымъ. Притомъ онъ былъ
 очень счастливъ въ супружествѣ съ прелестною дочерью
 Элеоноры, тогда какъ Грѣзъ женился на кокеткѣ, которая
 его разорвала и огорчала безпрерывно. Не знаю почему, но
 біографіи музыкантовъ вообще очень незанимательны. Въ
 жизни Гретри тоже очень мало интереснаго, хотя онъ былъ,
 вслѣдствіе великаго изъятія изъ правила, человекъ ум-
 ный, образованный и даже философъ. Самъ онъ написалъ
 подробныя записки о своей жизни, извѣстныя всѣмъ люби-
 телямъ музыкальной литературы, но эту жизнь, со всѣми
 ея результатами въ отношеніи къ искусству, можно расска-
 зать въ нѣсколькихъ словахъ. Въ молодости своей, онъ изъ
 Литтиха ходилъ пшкомъ въ Римъ, въ общество стараго
 контрабандиста, который доставлялъ Римлянкамъ брюссель-
 скія кружева. Въ столицѣ изящныхъ художествъ, Гретри
 одѣвался аббатомъ, занимался церковною музыкою, и напе-
 нецъ написалъ партитуру одной оперы. Оттуда онъ отпра-
 вился въ Женеву и сочинилъ тамъ, для тувендцевъ, оперу
Gertrude; которая очень имъ понравилась. Вольтеръ при-
 совѣтовалъ ему искать, въ этомъ родѣ, славы и счастья въ
 Парижѣ. Гретри послушался первейшаго оракуна и при-

Бывъ туда, послѣ нѣсколькихъ сомнительныхъ опытовъ, вдругъ произвелъ необыкновенное впечатлѣніе музыкою Шармонтаевой оперы *le Huron*. Съ того времени онъ написалъ тридцать девять оперъ, изъ которыхъ, болѣе всѣхъ прочихъ, прославились *le Tableau parlant*, *Azor et Zémire*, *Richard Cœur-de-Lion*, *Colinette à la cour*, *la Caravane*. Дѣтъ сорокъ или пятьдесятъ раздавались онѣ на всѣхъ театрахъ и на всѣхъ клавикордахъ. Роль *Philidor* оу, *Rassembleau*, *Moignou*, былъ оставленъ: музыка Гретри сдѣлалась народною во Франціи. Композиторъ при дворѣ и въ обществѣ пользовался радушнымъ приѣмомъ и уваженіемъ. Королева очень любила его умъ и его красивое лицо, которое, по словамъ Вернета, было живою портретъ Перголезе. *Maria-Antoinette* была даже крестною матерью одной изъ трехъ дочерей его.

Исторія этихъ дочерей—самая трогательная часть жизни и записокъ Гретри. Давно замѣчено, что плоды любви людей гениальныхъ, или, всё равно, проданныхъ умственнымъ занятіямъ, требующимъ сильнаго напряженія мысли, или не созрѣваютъ или всю жизнь бываютъ хилы и тупы. Гретри, во время пребыванія своего въ Римѣ, любилъ обдумывать свои церковныя мелодіи въ одномъ монастырскомъ саду, почти совершенно оустыломъ. Однажды онъ увидѣлъ въ бесѣдкѣ стараго монаха, почтенной наружности, который вынималъ изъ какого-то растенія зерна, и, разсмотрѣвъ ихъ въ микроскопъ, раскладывалъ по различнымъ кучкамъ. Занятый своими мыслями, музыкантъ приближается къ нему въ молчаніи. — «Любите ли вы цвѣты?» спросилъ монахъ. — Очень. — «Но въ ваши дѣта срываютъ цвѣты жизни, а эти могутъ занимать только того, кто растался съ своими земными радостями. Тогда, цвѣтокъ напоминаетъ вамъ вашу родину, отеческій садъ, и еще что-нибудь.... вы должны знать это лучше меня, который забылъ всѣ свѣтскія блага!» — Я не могу понять, зачѣмъ вы сортируете эти зерна: онѣ мнѣ кажутся совершенно одинаковы? — «Посмотрите на нихъ въ микроскопъ: замѣчаете вы черную точку на тѣхъ, которыя я откладываю? Но нѣтъ, я хочу дать вамъ урокъ въ цвѣтоводствѣ.» — Онъ взялъ горшокъ, сдѣлалъ шесть ямокъ, и посадилъ три зер-

на хорошихъ и три зерна съ пятнами. — «Помните: испорченные зерна я посадилъ тутъ. Когда вы опять прійдете гулять сюда, не забудьте обратить вниманіе на стебли, которые изъ нихъ выйдутъ.»

Какое-то очарованіе влекло Гретри въ монастырскій садъ. Каждый разъ онъ приходилъ взглянуть на старыи горшокъ. Сначала, всѣ шесть стеблей вышли вмѣстѣ и вмѣстѣ покрылись листьями; вскорѣ однако жъ, зерна съ пятнышками стали расти сильнѣе, зелень ихъ становилась красивѣе: онъ начиналъ уже думать, что старыи монахъ обманулъ; но каково же было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ, что любимые его листочки стали мало-по-малу увядать? Съ каждымъ закатомъ солнца, опадалъ новый листъ, между тѣмъ какъ листочки другихъ стебельковъ, съ каждымъ днемъ, съ каждою росой, разрастались болѣе и болѣе. Гретри съ грустною душою приходилъ мечтать надъ своими милыми стебельками: вскорѣ засохъ и послѣдній листокъ. Въ этотъ же день другіе стебли покрылись цвѣтомъ.

Такая игра природы была для него горестнымъ предзнаменованіемъ: черезъ тридцать лѣтъ послѣ того, въ глазахъ Грётри, увяли и исчезли три другіе цвѣтка. Онъ забылъ названіе цвѣтовъ монастырскихъ, но пмена этихъ цвѣтовъ твердилъ въ минуту смерти. То были три его дочери, Женни, Люцилла, Антоанетта. «Увы! говоритъ бѣдный Гретри, описывая кончину своихъ дочерей: я попиралъ законы природы, стремясь за геніемъ; я орошалъ своей кровью самую ничтожную изъ моихъ оперъ; я достигъ извѣстности, истощивъ свою душу и тѣло; и вотъ, природа жестоко отместила мнѣ за это на моихъ дѣтяхъ.... Бѣдныя дочери! я заранее убилъ васъ.»

Всѣ три дочери Гретри умерли шестнадцати лѣтъ. Въ ихъ жизни и въ ихъ смерти есть что-то неизъяснимо чудное. Мщеніе природы, о которомъ пишетъ Гретри, является здѣсь со всеми увлекательными принадлежностями романа.

У Женни было милое, блѣдное лицо. Глядя на нее, Грѣзъ однажды сказалъ: «Если мнѣ случится когда-нибудь писать непорочность, то я нарисую Женни.» — Не упускайте же

времени, прошепталъ Гретри, мучимый уже печальнымъ предчувствіемъ. — «А развѣ она выходитъ замужъ?» спросилъ Грѣзъ. Гретри сначала не отвѣчалъ, но, вскорѣ, желая забыться, продолжалъ: — Она будетъ опорой моей дряхлости: какъ Антигона, она будетъ выводить меня погрѣться на солнцѣ, когда я состарюсь.

На другой день онъ нашелъ Женни гораздо блѣднѣе и слабѣе. Тихо и медленно играла она на клавикордахъ арію изъ *la Rosière de Salency*. Къ ней вошла одна изъ подругъ. «Ну, что жъ, Женни, ѣдешь ты сегодня на балъ?» — Да, ѣду, отвѣчала несчастная дѣвушка, взглянувъ на небо; но вдругъ прибавила: — Нѣтъ, я не поѣду: мои танцы кончились. — Подруга ушла. Гретри прижалъ дочь къ сердцу. «Ты нездорова, Женни?»

— Все кончено, отвѣчала она, склонила голову на грудь отца, и примолкла. Гретри подумалъ, что она спитъ: она скончалась.

Люцилла составляла совершенный контрастъ съ Женни. Веселая, пылкая, рѣзвая, со всеми прихотями подобныхъ организацій, она была настоящій портретъ отца: у ней было то же сердце, та же душа, тотъ же умъ. — «Кто знаетъ? говаривалъ Гретри: быть-можетъ, веселость спасетъ ее.» — Но Люцилла, по-несчастью, принадлежала къ числу тѣхъ преждевременно развивающихся геніевъ, которые пожираютъ свою юность: тринадцати лѣтъ, она уже сочинила оперу, которую часто играли въ Парижѣ, *Mariage d'Antonio*. Одинъ изъ друзей Гретри, выдавшій ее за арфой въ такое время, когда она думала быть одна, говоритъ, что Люцилла въ эти минуты приходила въ какое-то самозабвеніе, въ гнѣвъ, борясь съ своимъ непокорнымъ вдохновеніемъ. «Она плакала, пѣла, съ необыкновенною силою рвала струны арфы, и не замѣчала меня или не обращала на меня вниманія, между-тѣмъ какъ я трепеталъ отъ восторгу и удивленія, смотря на этого ребенка, увлеченнаго такою сильною страстью и такимъ энтузіазмомъ къ музыкѣ.» Люцилла выучилась разбирать ноты прежде азбуки: еще въ колыбели, ее усыпляли аріи Гретри, такъ что, будучи въ томъ возрастѣ, когда другія дѣвочки играютъ въ куклы, она уже отыскивала

въ душѣ своей столько мелодій, что могла сочинить премиленькую оперу : это было просто чудо. Но вѣтъ подлюмилась къ то самое мгновеніе, какъ птичка начала пѣть.

По увѣщаніямъ друзей, Гретри выдала Люциллу замужъ. — «Найдите ей мужа! найдите ей мужа!» говорили ему безпрерывно. Если любовь предупредитъ смерть, то она спасена.» Между-тѣмъ Люцилла предчувствовала, что замужство ея непротянется долго. Она вышла за одного изъ тѣхъ французскихъ артистовъ, у которыхъ нѣтъ ни религіи, ни генія, ни сердца. Бѣдная Люцилла видѣла пустыню, въ которую выгнали ее родители; она нашла утѣшеніе въ своей арфѣ и клавинорахъ. Мерзавецъ-мужъ находилъ удовольствіе мучить ее. Подобно Женни, она умерла бы, можетъ-быть, на груди своего отца, если бы осталась въ семействѣ: по милости этого негодяя, она скончалась, всѣми оставленная. При последнемъ часѣ, она поднялась на подушкахъ и просила, чтобъ ей подали арфу. «Докторъ запретилъ,» отвѣчалъ мужъ. Она бросила на него умоляющій взглядъ. «Но если это послѣднее мое желаніе? сказала она. — «Ты можешь умереть и безъ этого.» Люцилла упала на подушки : — Бѣдный батюшка! прошептала она : мнѣ такъ хотѣлось бы сказать тебѣ послѣднее *прости* этой мелодіей. Она протянула руки, едва внятнѣмъ голосомъ произнесла имя Женни, и уснула навѣки.

Антоанетта было шестнадцать лѣтъ : она была прекрасна и блистательна, какъ заря. Отецъ молился и плакалъ, замѣняя появленіе роковой блѣдности, но смерть не останавливаетъ шаговъ своихъ. Гретри однако жъ надеялся. «Богъ скажется надъ моими слезами, говорилъ онъ : я ихъ проливаю уже въ третій разъ.» Онъ почти вовсе пересталъ заниматься музыкой : все время свое посвящалъ онъ Антоанеттѣ, старался предупредить ея малѣйшія прихоти, дарилъ ей наряды, книги, устраивалъ для нея прогулки, Антоанетта пользовалась, сколько хотѣла, всѣми удовольствіями здѣшняго міра. При каждой новой игрушкѣ, она улыбалась небесною улыбкою. Гретри несколько успокоился, какъ вдругъ слова Антоанетты, сказанныя случайно, открыли ему все его несчастіе. «Моя крестная матушка умерла ужасною смертію, сказала она : это дурной знакъ, Женни

сбычталась шестнадцати лѣтъ, Люцилла тоже; а вотъ теперь и мнѣ шестнадцать лѣтъ!» Крестная мать Антоанетты была несчастная королева Марія-Антоанетта.

Однажды, стоя у окна, Антоанетта гадала на жребіи ромашки, вырывая по-одному его лепестки. Гретри воображала, что бѣдная дѣвушка гадаетъ о любви: она гадала о смерти. Она прислушивается; Антоанетта шепчетъ: «Я умру весной, лѣтомъ, осенью, зимой....» Слово *зима* пришлось на послѣдній лепестокъ. «Досадно! сказала она: ужъ лучше бы этою осенью.» — Что ты говоришь, мой ангелъ? спросилъ отецъ, прижимая ее къ сердцу. — «Ничего; я играю со смертью. Зачѣмъ ты не хочешь чтобъ дѣти играли?»

Гретри думала, что путешествіе на ютъ принесетъ ей пользу, и повезъ дочь въ Ліонъ, гдѣ у нея было много пріятельницъ. Втеченіи некотораго времени, она стала веселее, беззаботнѣе. Гретри принялся за работу и кончилъ оперу «Вильгельмъ Тель». Каждое утро онъ приходилъ въ комнату дочери искать вдохновенія. Однажды, проснувшись, она сказала отцу: «Въ твоей музыкѣ всегда отзывается текстъ, на который она написана: эта будетъ напоминать запахъ богородициной травы.» Къ-осени, Антоанетта опять стала грустна и печальна. Гретри отвелъ жену свою въ сторону: — «Видишь ты свою дочь?» сказалъ онъ, и оба горько заплакали. Въ тотъ же день рѣшено было воротиться въ Парижъ. «Мы идемъ въ Парижъ?» вскричала Антоанетта. Это прекрасно! Я соединюсь тамъ съ теми, кого люблю.» Она думала объ сестрахъ. Воротившись въ Парижъ, бѣдная дѣвушка всячески старалась скрывать больную свою отъ отца и матери. Въ душѣ она была печальна, но улыбалась; до послѣдней минуты: она хотѣла обманывать отца. Однажды замѣтивъ, что онъ вѣжко плачетъ, она сказала ему съ веселою улыбкою: «Завтра балъ. Я хочу быть наряжена лучше всѣхъ. Мнѣ надобно жемчужное ожерелье. Подарите мнѣ еще завтра, когда я проснусь.» Она была на балу. Когда она увидѣла туда съ матерью, знаменитой музыкантъ *Roquet Dalida*, бывший въ это время въ залѣ, сказала: «Ахъ Гретри! какой же счастливчикъ! Какая у васъ прелезная дочь! Что за изысканность! что за

грація!» — Да, отвѣчалъ Гретри шопотомъ: она прекрасна, мила; она ѣдетъ на балъ; но черезъ нѣсколько недѣль мы повеземъ ее на кладбище.—«Что за мысль!»—Мысль справедливая. У меня было три дочери; теперь осталась одна; но и ту я могу ужъ оплакивать.

Черезъ нѣсколько дней послѣ бала, Антоанетта слегла въ постель. Въ бреду ей казалось; будто она видитъ сестеръ своихъ, гуляетъ съ ними объ-руку, танцуетъ въ одной кадрили, ѣдетъ вмѣстѣ въ театръ, рассказываетъ имъ про свою любовь.... Какое ужасное зрѣлище для отца! «За нѣсколько минутъ до смерти, она пришла въ себя, пишетъ онъ въ своихъ запискахъ: взяла меня за руку, и сказала съ ангельской улыбкой: Я вижу, что мнѣ должно разстаться съ вами. Я не боюсь смерти, но вы.... что съ вами будетъ? — Говоря это, она приподняла голову, потомъ легла, закрыла глаза, и соединилась съ сестрами.»

Горестъ Гретри чрезвычайно краснорѣчива: въ этомъ мѣстѣ его записокъ, есть крики отчаянія, которые идутъ прямо отъ сердца. «Друзья мои! пишетъ онъ: слезу, одну слезу на могилу трехъ моихъ прелестныхъ цвѣтковъ, обрѣченныхъ смерти, какъ цвѣтнн добраго италіянскаго монаха!»

ОБЩЕСТВО ДРАМАТИЧЕСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ ВО ФРАНЦІИ. *Обществомъ* и называть его бы не следовало, потому что это — дѣло торговое, такая же *компанія*, какъ компанія для выдѣлки порошку, уничтожающаго зловоніе. Общество драматическихъ писателей, Association des auteurs dramatiques, учрежденіе, достойное понятій Эскимосцевъ объ искусствѣ, есть компанія, состоящая изъ пятидесяти или шестидесяти поэтовъ и прозаиковъ всякаго разбору, которые заключили между собою союзъ въ томъ, чтобы никто, кромѣ ихъ, не имѣлъ прочнаго успѣху на сценѣ, и чтобы театры исправно платили имъ по таксъ за каждый золотникъ ума, отпускаемаго этимъ заведеніемъ на одинъ вечеръ. Когда литература прибѣгаетъ къ такимъ мѣрамъ или, точнѣе, когда публика терпитъ такое насиліе со стороны литературы, то искусство должно быть уже въ послѣдней степени упадку, а театръ уже не возбуждать ни

какого участія въ народѣ. Многія причины содѣйствовали во Франціи къ такому плачевному положенію драматическихъ дѣлъ, которыми нѣкогда съ важностію занимались ея величайшіе монархи, дворъ, столица, публика, все государство. Потерю своего прежняго могущества, французскій театръ обязанъ соперничеству, ужасной роскоши костюмовъ и декорацій, необычайно огромному жалованью, которое получаютъ самые посредственные таланты, но въѣвшимъ и въ высочайшей степени нелѣпымъ теоріямъ искусства, мнѣнію о моральномъ превосходствѣ актеровъ и актрисъ, газетамъ, послѣ которыхъ нечего говорить поэту, журналамъ, которые поглощаютъ все, политическимъ смутамъ, романамъ, наполненнымъ самыми неистовыми ощущеніями, отцеубійствами, разбои, адскими разоблаченіями таинствъ человѣческой души, и ужасной газетъ, именуемой «Gazette des Tribunaux,» которая ежедневно, съ такою веселостію и такъ забавно, рассказываетъ вамъ различныя приключенія въ судѣ исправительной полиціи, и ежемѣсячно потчуетъ васъ уголовными трагедіями и драмами, гдѣ дѣйствующія лица — воры и отравительницы; однимъ словомъ, французскій театръ обязанъ своимъ упадкомъ всѣмъ возможнымъ причинамъ, заключающимся въ человѣческой безнравственности, въ гнусныхъ страстяхъ, въ постыдныхъ привычкахъ, и въ самомъ глубокомъ, омерзительномъ развратѣ. Прибавьте къ тому, что, втеченіи пятнадцати лѣтъ, въ Парижѣ не явился ни одинъ молодой человѣкъ, который бы былъ въ состояніи написать сцену для комедіи или умѣлъ расположить порядочно пять дѣйствій какой-нибудь мелодрамы; втеченіи пятнадцати лѣтъ, театръ существуетъ на счетъ воображенія, болѣе или менѣе поэтическаго, трехъ или четырехъ смѣтливыхъ писателей, которые всё-еще господствуютъ на сценѣ и до-сихъ-поръ не имѣютъ соперниковъ. Публика, которой опротивѣла посредственность, снисходительно слушаетъ комедіи и трагедіи только этихъ привилегированныхъ драматурговъ. Одинъ изъ нихъ, мосьё Скрибъ, разыгрываетъ роль Лопе де-Веги; другой, Александръ Дюма, безъ зазрѣнія совѣсти обворовываетъ поэтовъ, беретъ свое добро всюду, гдѣ только его находятъ, какъ онъ самъ говоритъ, и даетъ одно за другимъ

столько сраженій, что наконецъ ему нельзя же многихъ изъ нихъ не проигрывать; наконецъ третій, Викторъ Гюго, — человекъ съ жельзнымъ талантомъ, который не уважаетъ ничего и никого, когда дѣло идетъ о томъ, чтобъ смистерить драму, и выдаетъ удивленной толпѣ за чистую монету свои парадоксы, свои капризы, свои ненависти, ни на чемъ не основанныя, и свои привязанности, которыхъ никто не раздѣляетъ. Въ-заключеніе сюда можно отнести еще одного, четвертаго, писателя, живущаго только подражаніями: это Делавинъ. Такіе люди, обладай они хоть геніемъ, скоро истощили бы драматическое искусство, которое первоклассные французскіе писатели такъ уважали и передали намъ величественнымъ, нравственнымъ, исполненнымъ самыхъ непорочныхъ восторговъ, самыхъ благородныхъ страстей. Вотъ каковы однако жъ корифеи нынѣшняго театра во Франціи! Кругомъ этихъ главныхъ лицъ, которыя, несмотря на свои таланты, не въ состояніи его продовольствовать, тѣснятся двѣнадцать или пятнадцать другихъ мастеровъ втораго разряда, а за ними слѣдуютъ человекъ пятидесять ихъ холопей или застрѣльщиковъ. Это гончія собачки водевиля, трагедіи, комедіи. Они развѣдываютъ идеи и загоняютъ ихъ къ своимъ господамъ, которые, выходя дичь на поляны, стрѣляютъ въ нее, бьютъ, ранятъ или даютъ промахъ, всё равно. Ежели дичь убита, охотникъ дѣлится ею съ собакой. И все это производится въ должномъ порядкѣ, міромъ, компаніей, на основаніи формальнаго контракта, записаннаго у маклерскихъ дѣлъ и хранимаго свято и ненарушимо. Нѣтъ фабрики, лучше устроенной, лучше управляемой, — какъ фабрика театралныхъ чиндѣй. Въ Парижѣ, драматическій мастеръ сидитъ дома; къ нему являются рабочіе; онъ задаетъ имъ работу, сообразно съ способностями каждаго: у одного просматриваетъ планъ нѣсы, другому пишетъ оцену, этому общаетъ дюжину куплетовъ, тому десятокъ остротъ. Вамъ угодно водевиля? Извольте. Драму? Къ вашимъ услугамъ. Комедію? Сойчасъ; только придумаетъ имена да напечатаетъ шесто-дѣйствія. У насъ дѣлаются, если прикажете, и билеты, оперы, комическія оперы, мелодрамы. Безъ насъ, Франція не могла бы чудесныхъ музыхальныхъ произведеній для своихъ

празднествъ, танцевъ для своихъ вальсёровъ, маршей для своихъ армій, фантазій для своего влюбленного юношества. Ясно, что фабрикація драматическихъ издѣлій есть самая лучшая и самая полезная вещь въ мирѣ. Только барыши мистера Гонта, дѣлателя чудесной ваксы, да Рамбюра, производителя фосфорическихъ спичекъ, могутъ стать на ряду съ доходами нѣкоторыхъ изъ этихъ откупщиковъ театральнаго ума. Разумѣется, конечно, что въ томъ и въ другомъ случаѣ, доходы собираются помелочи; но предположите, что всякой зритель извѣстной пьесы *Gamin de Paris* даетъ автору ея только денежку, и сосчитайте: каковъ будетъ капиталъ, собранный по денежкамъ съ двухъ или трехъ милліоновъ любителей, разсыянныхъ по всему пространству Франціи? Вотъ отчего драматическій авторъ держитъ въ рукахъ своихъ судьбу всѣхъ этихъ мелочныхъ лавочекъ, гдѣ ежедневно, но вечерамъ, продается умъ, поэзія, улыбки и скорби, а этихъ лавочекъ въ Парижѣ соперничество расплодило безконечное множество: каждый кварталъ имѣетъ теперь свою булочную и свой театръ. Театры всюду, театры здѣсь и тамъ, театры для всего на свете, театры, гдѣ говорятъ и гдѣ молчатъ, театръ, гдѣ пляшутъ на канатѣ, и театръ, гдѣ главную роль играетъ вода, *théâtre nautique*, театръ-кофейня и кофейня въ родъ театральнаго зрѣлища, *café-spectacle* и *spectacle-café*, наконецъ театръ ученыхъ собакъ, театръ ученыхъ дѣтей, театръ маріонетокъ, театръ любителей, театръ для гуляющихъ, театры открытые одиннадцать мѣсяцовъ въ году, и театры одиннадцать мѣсяцовъ закрытые: гибель для драматическаго искусства!.... потому что, при такомъ множествѣ сценъ, какая сила можетъ вѣять на себя защиту языка, вкусу, здраваго смысла, общественной нравственности? Нынче въ Парижѣ, когда человекъ совершенно разорился, когда у него въ карманѣ нѣтъ мѣднаго гроша и здравой мысли въ носу, когда онъ не знаетъ, куда приклонить свою голову, послѣдняя мысль, которая ему приходитъ въ голову, это завести новый театръ, если впрочемъ ему не вздумается прежде основать новый журналъ.

Соединенные такимъ образомъ для общей цѣли, взаимно ответственныя члены общества, гдѣ каждый повинутся

закону, установленному для всѣхъ, богатые общими силами, владѣтели огромныхъ капиталовъ въ прозѣ и стихахъ, надъ которыми въ Парижѣ и въ провинціяхъ надзираютъ особенные агенты, драматическіе писатели нашего времени—настоящіе поэты-купцы, когда нѣтъ больше поэзии. Президенты у нихъ — члены палаты депутатовъ, палаты перовъ, государственные совѣтники. Какой молодой человекъ, въ тѣ лѣта, когда дѣлаютъ столько глупостей, не написалъ по-крайнѣй-мѣрѣ одного водевиля? Водевиль, четверть водевиля : этого довольно, чтобъ быть членомъ драматическаго общества, которому только того и нужно, чтобъ у него было больше членовъ. Зато, будьте вы хоть самъ Шекспиръ, всё равно, еще хуже : ваша душа и тѣло должны сгибаться подъ уставами общества. Сила этихъ уставовъ всемогуща, неотразима. Когда уставъ приказываетъ, вы должны повиноваться безотговорочно. Общество вправе наложить запрещеніе на всякій непокорный театръ : самъ Софоклъ, если бы обществу вздумалось наканунѣ представленія запретить лучшую изъ его трагедій, нашелся бы вынужденнымъ взять ее у актеровъ, подъ опасеніемъ, что, въ противномъ случаѣ, и они и онъ будутъ нещадно разорены. Эта опала, налагаемая обществомъ на нѣкоторые піесы, похожа на карантинное оцѣпление : попали вы въ цѣпь, покоряйтесь карантиннымъ уставамъ или умирайте. Исключая Театръ-Французскій, Théâtre Français, который никогда не хотѣлъ признать надъ собой деспотической власти общества драматическихъ писателей, и сохранилъ право разыгрывать образцовыя піесы стариннаго репертуара, всякій другой театръ, какой бы онъ ни былъ, большой или маленький, находится въ зависимости отъ этого могущественнаго общества. Какъ хочешь, а должно принять условія, которыя оно предлагаетъ: не то, вы, антрепренёръ, не будете имѣть ни новой комедіи, ни новой драмы, ни даже мелодрамы, поговорки для дѣтей, куплета.... словомъ, ничего! Нѣкоторые театры вздумали-было сопротивляться и призвать къ себѣ на помощь поэтовъ, непринадлежащихъ къ обществу ; но ни одинъ изъ этихъ поэтовъ не зналъ чрезвычайно сложнаго ремесла, которое изучается только при помощи сотрудничества, а если въ немъ обнаруживался талантъ писать одному, то об-

щество тотчасъ его поглощало. Были случаи, что нѣкоторые изъ самихъ членовъ общества драматическихъ писателей хотѣли выйти изъ-подъ общаго закона, и кричали : «Реформы! реформы!» Чтò жъ съ ними сдѣлали? Имъ сказали : «Ступайте», и даже очень добродушно отсчитали имъ слѣдующую часть изъ денегъ, выработанныхъ общими силами, но, съ этой минуты, они лишились средствъ и возможности получать свою часть театральныхъ сборовъ во всей Франціи. Ихъ піесъ никто не защищалъ, ихъ авторское право сдѣлалось мечтою; ихъ разыгрывали даромъ во всѣхъ осьмидесяти-шести департаментахъ; словомъ, ихъ разорили въ-конецъ. Тогда, видя себя оставленными, жалкіе драматурги протянули умоляющія руки къ своимъ прежнимъ собратамъ, и стали просить у ихъ милости и прощенія.

Вотъ примѣръ. Одинъ изъ самыхъ вѣдомыхъ драматическихъ писателей нашего времени, старая лисица подъ волчьей кожей, Cuilbert de Pixégécourt, попробовавъ сначала произвести возмущеніе, которое могло быть очень полезно для драматическихъ предпріятій, вынужденъ былъ признать эту власть, и пристать къ своимъ старымъ товарищамъ. Уменьшите число театровъ до половины, общество останется то же. Умножьте число ихъ до безконечности, оно не измѣнится пзсколько. Вся разница будетъ въ томъ, что какъ цѣнность произведеній увеличивается въ прямомъ содержаніи съ потребленіемъ, то и здѣсь, чѣмъ больше заведете вы театровъ, тѣмъ болѣе товаръ, драма, комедія, водевиль, будетъ становиться дороже, а внутреннее его достоинство прійдетъ еще въ болѣшій упадокъ. Драматическія произведенія, сдѣлавшись столь же рѣдки и дороги какъ слитки золота, стали столько же и растяжимы, какъ золото : искусные мастера, для каждой новой піески, имѣютъ особую мѣрку ума, воображенія и таланта, изъ которой они ни зачтò на свѣтъ не выйдутъ. Прибавьте ко всему этому безконечныя, нестерпимыя требованія привилегированныхъ фабрикантовъ радостей и горестей публики. Но вы скажете, можетъ-быть, что соперничество есть душа всякаго усовершенствованія. Конечно... въ торговлѣ и въ ремеслахъ; но, для изящныхъ искусствъ, оно—пагуба Соперничество продаетъ вамъ дешевле египетскіе ножи, но оно про-

изводить негодныя статуи, посредственныя картины, гадкія зданія, безголосыхъ пѣвцовъ и беззубыхъ актрисъ. Соперничество понижаетъ цѣну на хлѣбъ, вино, сѣно, колониальныя товары, бумажные колпаки : это правда; но оно поднимаетъ до певъротности цѣну на пируэты, рудныя, театральныя прыжки и звонкіе голоса. Во всемъ, что касается до матеріальной жизни, до одежды, жилища, благоеостоянія націи, можно допустить соперничество, и даже соперничество въ широкомъ размѣрѣ, но въ произведеніяхъ мысли и воображенія довольствуйтесь *соревнованіемъ* : соперничество наводитъ вашу литературу плохими стихами, отвратительными романами, дрянными статуэтками, злословіемъ, статейчиками, жалкими книжонками, самою скверною прозою. Оно-то наполняетъ каждый годъ луврскія галереи полотнами безъ красокъ; оно-то изрыгаетъ на публику вонючіе и скверно напечатанныя листы бумаги, которые каждое утро проповѣдуютъ самыя нелѣпыя, самыя оскорбительныя, самыя грубыя теоріи, самыя жестокія клеветы противъ всего, что носитъ на себѣ печать таланта, генія, превосходства; оно-то отнимаетъ у мастерской ремесленника, у прачешной, у бѣлошвейни, и у другихъ мѣстъ, гдѣ трудолюбивыи молодой челоувѣкъ и скромная дѣвушка могли бы честнымъ образомъ выработать кусокъ хлѣба, цѣлыя арміи несчастныхъ мучениковъ искусства, котораго они никогда не узнаютъ и первой буквы ... Бѣдные! они думаютъ, что если они вступятъ на театральныя подмостки, такъ жизнь ихъ будетъ веселая, ясная, счастливая. Напротивъ. Разочарованіе стоитъ на порогѣ театра; только ужъ тутъ поздно разочаровываться: никто не обращаетъ вниманія на ихъ безконечныя, неблагодарныя труды, никто не поддерживаетъ и не воощряетъ тягостныхъ усилій, которыя они дѣлаютъ, стремясь замечтою, безпрестанно отъ нихъ ускользящею. Они ненавидятъ другъ друга и гибнутъ отъ зависти. За кулисами, обремененными позолотою и розовыми гирляндами, скрываются раздоры, вражда, злоба, отвратительное убожество. Судьба этихъ несчастныхъ зависитъ отъ прихоти перваго празднаго зѣваки и отъ степенія обстоятельствъ самыхъ незначительныхъ. Смѣхъ въ ложѣ, маленькое движеніе въ

партеръ, одно лишнее слово въ роли, и они страдаютъ, мучатся, не знаютъ покою ни ночью ни днемъ. А все это — слѣдствіе соперничества, которымъ такъ заражены нынѣшніе Французы въ драматическомъ искусствѣ. Вывозразите: «Но у Грековъ тоже было соперничество, а искусство всё-таки процвѣтало.» Совершенная правда. Да чѣмъ это кончилось? Кончилось тѣмъ, что искусство напоследокъ упало до крайней степени униженія, какъ теперь во Франціи. Не говорите мнѣ о Софоклѣ и Эврипидѣ: аѳинскій народъ рѣдко имѣлъ удовольствіе видѣть ихъ безсмертныя, почти религіозныя, произведенія; они являлись на сценѣ пзъ годовъ въ годъ, въ извѣстные дни, при торжественныхъ случаяхъ, и не иначе какъ бывъ прежде рассмотрѣны и обсужены народными сановниками, верховными рѣшителями всѣхъ споровъ между соперничающими поэтами. Воображали ли Аѳиняне, что черезъ три тысячи лѣтъ явятся на западѣ новыя Аѳины, гдѣ театральныя представленія будутъ даваться чуть не на каждомъ перекресткѣ, всякой день и едва не всякой часъ? Притомъ замѣьте, что ни Софоклѣ ни Эврипидѣ не были членами какого-нибудь общества драматическихъ писателей, которое продаетъ поэзію на-вѣсь, и фабрика театральныя піесы въ своемъ кругу, не допускаетъ ни подъ какимъ видомъ, чтобы возвысился талантъ посторонній. Это общество убило драматическое искусство во Франціи, уничтожая соревнованіе между писателями, и поощряя соперничество между театрами.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ

СОЧИНЕНІЯ.

=

Для оркестра.

(Цѣны на серебро.)

- BERLIOZ.** Ouverture de *Benvenuto Cellini*, opéra série en deux actes.
(8 rb. 75 cop.).
- La même, en partition. (10 rb. 29 cop.).
- DONIZETTI.** Ouverture de l'opéra *la Favorite* (4 rb. 29 cop.).
- La même, en partition (5 rb. 29 cop.).
- HALÉVY.** Ouverture du *Guittarero* (4 rb. 29 cop.).
- La même, en partition (5 rb. 29 cop.).
- MUSSARD.** Trois quadrilles de l'opéra *la Juive*, suivi de valse, numéros 1 à 3 (6 rb. 43 cop.).

Для арфы.

- БОЧСА.** La Cachucha, suivie d'une marche de Bellini. Oeuvre 329
(1 rb. 71 cop.).
- Galop favori sur les couplets militaires de Ludovic de Halévy
(1 rb. 43 cop.).
- Grande polonaise brillante (2 rb. 14 cop.).
- Une matinée d'inspiration, variations brillantes et polonaise sur une cavatine de Bellini (1 rb. 71 cop.).
- Rondo à la valse sur la romance favorite *la Folle* (1 rb. 43 cop.).
- *Il faut chercher à plaire à tous*, ballade de Donizetti, et marche favorite de Bellini, tirées de l'opéra: *J Capuletti e Montechi* (1 rb. 71 cop.).

- La Sicilienne de *Robert-le-Diable* (1 rb. 43 cop.).
 - Fantaisie brillante sur la dernière pensée de Weber (1 rb. 71 cop.).
 - Mélodies favorites de *Robert-le-Diable* de Meyer Beer (1 rb. 43 cop.).
- BOCHSA et HERZ. Fantaisie pour harpe et piano sur une marche favorite. Oeuvre 72 (3 rb. 29 cop.).

Для разныхъ инструментовъ.

- ERNST. Deux morceaux de Salon pour le violon, avec accompagnement de piano. Oeuvre 13. Adagio sentimental (1 rb. 71 cop.). Rondino gracioso (1 rb. 71 cop.).
- GHYS. Sixième air varié pour le violon, avec accompagnement de piano. Oeuvre 96 (2 rb. 14 cop.).
- LOUIS. Trois récréations pour le violon, avec accompagnement de piano sur des motifs de *Robert-le-Diable* de Meyer Beer. Oeuvre 88. Livres 1 à 3 (à 1 rb. 71 cop.).
- Trois divertissements pour le violon, avec accompagnement de piano, sur des motifs des *Huguenots* de Meyer Beer. Oeuvre 88. Livres 4 à 6 (à 1 rb. 71 cop.).
 - Trois amusements pour le violon, avec accompagnement de piano, sur des motifs de *la Juive*. Oeuvre 88. Livres 7 à 9 (à 1 rb. 71 cop.).
 - Trois fantaisies pour le violon, avec accompagnement de piano, sur des motifs de *Guido et Ginévera* de Halévy. Oeuvre 88. Livres 10 à 12 (à 1 rb. 71 cop.).
- SCHUBERTH, Charles. Six Caprices de concert pour le violoncelle solo, avec accompagnement de piano. Oeuvre 4 (1 rb. 86 cop.).
- Grand concert pour violoncelle, avec accompagnement d'orchestre. Oeuvre 5, dédié à M. le comte Wilhorski (5 rb. 14 cop.). Le même avec piano (2 rb.).
- SOUSSMANN, Henri. Etudes journalières pour la flûte, contenant 24 exercices dans tous les modes. Oeuvre 53 (3 rb. 71 cop.).

Для фортепиано.

FLEURS DE SALON.

Collection de morceaux agréables, contenant:

- MUENTEN.** Quatre rondinos. Oeuvre 119. a) *La Nina Gondoliera* de Donizetti, b) Chœur des moissonneurs de *l'Elisir d'amore*, c) Cavatine de la symphonie de Clapisson, d) Melodie suisse (en 3 cahiers à 71 cop.).
- Trois melodies celestes variées. Oeuvre 113. a) Melodie de Donizetti, b) Melodie de Vaccay, c) Melodie de Proch (en 3 cahiers à 71 cop.).
- DREYSCHOCK.** La Campanella, impromptu brillant. Oeuvre 10 (86 cop.).
- DOEHLE.** Nocturne. Oeuvre 24 (57 cop.).
- DUVERNOY.** Cavatine de Donizetti tirée de *Roberto Devereux* variée. Oeuvre-94 (86 cop.).
- Quatre petits rondeaux sur des motifs de Rossini, Meyer Beer, Weber et Bellini. Oeuvre 100. Liv. 1, 2 (à 71 cop.).
- BURGMUELLER.** Trois divertissements sur des motifs favoris de *Lucia di Lamermoor* de Donizetti. Oeuvre 54. a, b, c (à 86 cop.).
- KALKBRENNER.** L'ange déchu. Fantaisie. Oeuvre 144 (1 rb. 14 cop.).
- HELLER.** L'Art de phraser, 24 études, oeuvre 16, en 2 livraisons (6 rb. 85 cop.).
- Quinze *Lieder* (mélodies de Fr. Schubert, transcrites: 1. Adieu. 2. Les Astres. 3. La Berceuse. 4. La Jeune fille et la mort. 5. La Jeune mère. 6. La Rosemonde. 7. La Sérénade (à 86 cop.). 8. Ave Maria. 9. La Barcarolle. 10. La Cloche des agonisants. 11. Eloge des carnes. 12. La Jeune religieuse. 13. Marguerite. 14. La Poste. 15. Le Roi des aulnes (à 1 rb. 14 cop.).
- ROBENHAIN.** La Campanella, étude concertante. Oeuvre 41 (1 rb. 71 cop.).
- WOLFF, Edw.** Vingt-quatre études en forme de préludes dans tous les tons majeurs et mineurs. Oeuvre 20 (6 rb. 86 cop.).

Для пѣнія.

- ГЛЕНКА.** Пѣсьи Ильиницы изъ драмы *Князь Холмскій* (40 сор.).
- Сонъ Рахили, романсъ изъ той же драмы (80 сор.).

Танцы.

- AUBEL *Aux yeux noirs*. Contredance française avec vignette (75 cop.).
 — Trois nouvelles mazoures (43 cop.).
 FUCHS. Les Élégantes, quatre masurques (57 cop.).
 ALBRECHT. Erster-Preis, Galop zum Pferderennen in Zarskoe Selo (57 cop.).
 STRAUSS. Cäcilien-Walzer. Oeuvre 120 (86 cop.).
 — Elektrische Funken. Oeuvre 125 (86 cop.).
 LAMMER. Soldatentänze. Oeuvre 173 (86 cop.).

(Всѣ эти оочиненія находятся въ музыкальныхъ магазинахъ «Одесса», на углу Большой Морской и Герцовой, въ домѣ Штрауса, №. 114, и на Невскомъ Промонтоарѣ, у Казанскаго Моста, въ домѣ Витгенберга, № 47.)

=

М О Д Ы.

=====

— До-сихъ-поръ не появляется ничего характеристическаго, ни для осени, ни для зимы. Всѣ фасоны остаются тѣ же, и платья разнятся между собою одними только оборками, которыя разнообразны до безконечности: нѣтъ ни одной изъ нихъ, болѣе употребительной нежели другія. Въ этомъ отношеніи, древній деспотизмъ моды совсѣмъ потерялъ свою силу; насталъ вѣкъ совершенной свободы вкусовъ, и каждая женщина можетъ по своему разумнѣю выдумывать и изобрѣтать эти украшенія таліи, рукавовъ и юбки. Между замѣчательнѣйшими этого роду фантазіями можно назвать:

Платья изъ пу-де-соа, съ двумя *biâis* по сторонамъ, въ видѣ передника, обшитыми валансіенскимъ кружевомъ и украшенными рядомъ пуговокъ.

Платья изъ пу-де-соа, съ тремя фалборками внизу, между которыми бывають вышиты гирлянды разноцвѣтными шелками.

Платья изъ двуличневаго полосатаго гроденаплю, съ рюшами въ видѣ передника.

Платья моарè, съ двумя biais и двумя рядами аграмантовъ.

Платья изъ гладкихъ шерстяныхъ кисей, съ тремя широкими biais и съ фалборками внизу юбки.

Нужно было бы составить цѣлый словарь юбокъ, если бы пришлось исчислять всевозможные ихъ виды и видоизмѣненія. Во всехъ платьяхъ, оборка юбки обыкновенно повторяется на талии и на рукавахъ. Нѣкоторыя щеголихи придерживаются еще полу-широкихъ рукавовъ.

— Шляпки будутъ, если возможно, еще меньше нынѣшнихъ, нѣсколько по-выше вверху, нѣсколько по-короче внизу подъ щеками. Въ числѣ немногихъ шляпокъ, уже изготовленныхъ для зимы, особенною красотою отличается одна розовая, атласная, составленная изъ biais, расположенныхъ одно надъ другимъ; съ-боку букетъ изъ перьевъ розовыхъ съ бѣлымъ; поля внутри украшены коками изъ розоваго атласу, перемѣшаннаго съ шелковымъ кружевомъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СОРОКЪ-ОСЬМАГО ТОМА.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Молитва. <i>В. А.....вой.....</i>	5.
Поэтъ. <i>Е. М.....вой.....</i>	6.
Могилы любви. <i>Бенедиктова.....</i>	7.
Братья близнецы. <i>Н. Третьякова.....</i>	9.
Я люблю. <i>С.....</i>	11.
Женщина. <i>Н. Грекова.....</i>	81.
Море и Земля. <i>С.....</i>	83.
Музы. <i>Крюкова.....</i>	84.
Несчастье. <i>Н. Третьякова.....</i>	85.
Призывъ. <i>С.....</i>	86.
Грустная минута. <i>Крюкова.....</i>	86.
Изъ Горация. <i>А.....</i>	87.

ПРОЗА.

Эвелина де-Вальероль. Романъ <i>Н. В. Кукольника.</i>	
VII. Ретирада.....	13. L
— VIII. Разъездъ.....	89.
Ошибка. Повесть <i>М. Жуковой.....</i>	169. L

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Олень Камеронъ. Неизданный романъ Вальтера Скотта. Часть вторая.....	1.
— Часть третья и послѣдняя.....	87.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Галилей.....	1.
Вазари. Антонио Аллегри да-Корреджіо.....	35.
Существуетъ ли природный мышьякъ въ человѣчскомъ тѣлѣ?.....	46.
Закулисный міръ древнихъ Грековъ и Римлянъ.....	57.
Записки Генца, о настоящихъ причинахъ и внутреннемъ ходѣ войны между Пруссіею и Франціею въ 1806 году, веденныя въ главной квартирѣ прусской арміи. Статья первая.....	97.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Курсъ овцеводства. <i>Барона Ф. Б. Унгернъ-Штернберга</i> . Чтеніе девятое. — XIII. Стрижка, укладка, храненіе шерсти.....	1.
— Чтеніе десятое. — XIV. Хозяйственное и племенное стадо. — Сортированіе и устройство стада. — Распознаваніе лътъ овецъ. — Тавро и нумерація.....	21.
Новое земледѣлье, безъ запашки, безъ удобренія, и даже безъ земли.....	36.

V.

КРИТИКА.

1. Первые четыре вѣка христіанства. — 2. Исторія россійской церкви, второе изданіе.....	1.
Записки объ островахъ уналашскаго отдѣла, составленныя И. Веніаміновымъ.....	33.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Августъ, 1841. Новыя книги.....	1.
— — Разныя извѣстія.....	41.
Сентябрь, 1841. Новыя книги.....	43.
— — Разныя извѣстія	59.

VII.

СМѢСЬ.

СЕНТЯБРЬ.

Желѣ, буліонъ, и всѣ подобныя экстракты, вовсе не питательны. Репортъ комиссіи, наряженной парижскою академіей наукъ	1.
Современность падающихъ звѣздъ и сѣверныхъ сіяній..	3.
Новый способъ золотить и серебрить всѣ металлы посредствомъ гальванизма.....	5.
Возрожденіе Аенгъ. Разсказъ одного баварскаго офицера.....	5.
Цехи риторики въ Голландіи	11.
Очерки частной жизни въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. The Clockmaker, сочиненіе Г. Гелибертона	17.
Страсть строгать, и особенный способъ торговаться, у Сѣверныхъ Американцевъ.....	31.
Французскій театръ въ Парижѣ : 1. La Prétendante, историческая комедія. 2. Les Trois étoiles, водевиль. 3. Mademoiselle Sallé. 4. Adrienne, ou Le Théâtre et la famille. 5. Le Balai d'or. 6. Manche à manche. 7. Les Bains à quatre sous. 8. Un Tas de bêtises, водевилъ.....	34.
Новыя книги. Французскія и Нѣмецкія.....	37.
Моды	42.

Дальтонизмъ	43.
Новѣйшая метеорологія. Движенія магнитныхъ стрѣлокъ. Дожди кровавые, электрическіе, бумажные. Красные снѣга. Огненные шары. Грозы, жары 1841 года, и прочая.....	44.
Количество угольной кислоты въ воздухѣ большихъ городовъ. Опыты господина Бусенго.....	50.
Южная Грѣнландія. Южный магнитный полюсъ.....	51.
Свѣтописныя картинки съ природнымъ колоритомъ. Опыты Гро и сэръ Джона Гершеля.....	52.
Высѣживаніе яицъ змѣямъ	53.
Пятигорскъ и кавказскія минеральныя воды въ іюль 1841	54.
Манцони	60.
Грѣзь. Его два идеала. Исторія знаменитой дѣвушки съ разбитымъ кувшиномъ.....	69.
Три дочери Гретри	84.
Общество драматическихъ писателей во Франціи.....	90.
Новыя музыкальныя сочиненія.....	73.
Моды	92.

=

OCT 16 1905

